ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ II.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

a) МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССІИ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ.
b) МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1910.

DK
265

Международное положеніе Россіи передъ революціей.

Оглавленіе.

т. II. ч. I.

стр.

Отъ редакціи.

I. Международное положеніе Россіи передъ революціей.

М. ПАВЛОВИЧЪ. Внѣшняя политика и русско-японская война. . . . 1

II. Массовое движеніе съ 1904 по 1907 гг.

ЕВГ. МАЕВСКІЙ. Общая картина движенія.

1. Вліяніе войны на настроеніе общества. Правительственная „весны“ и эпоха банкетовъ 34
2. Гапонъ и „Общество русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“. Январьская стачка въ Петербургѣ 9 января. Правительственная политика послѣ „9 января“. 40
3. Послѣ „9 января“. На окраинахъ и во внутреннихъ губерніяхъ. Январьская саратовская забастовка и февральское стачечное движеніе на желѣзныхъ дорогахъ. Капиталистическая оппозиція послѣ января. 18 февраля. . . . 50
4. Оживленіе земской и городской оппозиціи. Движеніе разночинной интеллигенціи. Профессіонально - политическіе союзы. Весеннее движеніе крестьянъ. Крестьянскій съѣздъ и союзъ. Оживленіе въ революціонномъ подпольѣ. Первомайскія удачи и неудачи. Лодзинское возстаніе 57
5. Броненосецъ „Потемкинъ“ и потемкинскіе дни: одесская стачка; возстаніе „Потемкина“. Краткая хроника іюнь-августовскихъ событій. 65
6. Высшія учебныя заведенія осенью 1905 года. Сентябрьское движеніе московскихъ рабочихъ. Учебная автономія и революціонное движеніе. Октябрьская забастовка. Отношеніе различныхъ слоевъ общества къ октябрьской забастовкѣ. Московская гор. дума. Возникновеніе Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Настроеніе властей 72
7. Манифестъ 17 октября и первыя впечатлѣнія. Лозунгъ амнистіи и движеніе къ тюрьмамъ. Октябрьскіе погромы. Манифестъ и настроеніе различныхъ общественныхъ группъ. 91
8. Борьба за провозглашенныя свободы. Борьба рабочихъ съ хозяевами. 8-часовой рабочій день. Ноябрьская заба-

стр.

стовка въ Петербургѣ. Мобилизація революціонныхъ силъ и начало изоляціи рабочаго класса. Совѣты рабочихъ депутатовъ—въ провинціи. Ростъ вліятельности и организованности пролетаріата 107

9. Деревня въ ноябрѣ во внутреннихъ губерніяхъ. Деревня на окраинахъ. Крестьянскій съѣздъ. Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Правительство Витте и общество. Ноябрьскія военныя волненія. 118

10. Начало реакціи. „Финансовый манифестъ“ и арестъ Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Декабрьская политическая забастовка: въ Петербургѣ, Москвѣ и въ городахъ внутренней Россіи 131

11. Московское возстаніе. Осада „Акваріума“. Разгромъ дома Фидлера. Первыя баррикады у Страстной. Бомбардировка Москвы и обстрѣлъ домовъ. Городская дума. Пресня . . 141

12. Декабрьскія вооруженныя столкновенія, сопротивленія и захваты городовъ во внутренней Россіи. Новороссійскъ. Николаевъ. Минеральныя воды. 2-й Урупскій полкъ. Донецкій бассейнъ и Екатеринославская губ. Ростовъ-на-Дону, Вятка и др. 148

13. Ноябрь-декабрьское движеніе на окраинахъ: на Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ Краѣ и Сибири 158

14. Реакціонный поворотъ. Усмиренія и „Карательныя экспедиціи“. Репрессіи. Распыленіе революціи 174

Д. КОЛЬЦОВЪ. Рабочіе въ 1905—1907 гг. 185

I. 1905 годъ.

1. „Собраніе русскихъ рабочихъ“ и девятое января 185
2. Послѣ девятаго января 191
3. Рабочій вопросъ въ комиссіяхъ 195
4. Вступленіе въ движеніе новыхъ пролетарскихъ группъ . . 200
5. Съ середины февраля до середины мая 206
6. Съ середины мая до сентября 216
7. Рабочее движеніе въ Баку. Стачечное движеніе въ сентябрѣ. Ростъ соц.-демократической партіи и первые шаги профессіональныхъ союзовъ 226
8. Октябрь 1905 г. С.-Петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ. 232
9. Декабрь 1905 г. 240
10. Профессіональные союзы въ „дни свободы“. Стачки и ихъ результаты. Рабочая пресса 248
11. Рабочіе окраинъ въ концѣ 1905 года 256

II. 1906 и 1907 гг.

1. Рабочіе до и во время первой думы 264
2. Черная сотня. Движеніе безработныхъ. 272
3. Новая стачечная волна 277
4. Профессіональные союзы до роспуска первой думы 282
5. Идейныя теченія и пресса. 288
6. Рабочіе послѣ роспуска первой государственной думы. . . 292
7. Новые выборы и періодъ второй думы 314

Отъ редакціи.

Въ видахъ ускоренія выпуска 2-го тома, которымъ мы начинаемъ описаніе общественнаго движенія 1904—1907 гг., мы сочли цѣлесообразнымъ раздѣлить томъ на двѣ части. Въ первую часть вошли: «Общая картина движенія» и статья, посвященная движенію рабочаго класса. Кромѣ того, къ ней мы отнесли и очеркъ М. Павловича «Внѣшняя политика и русско-японская война», по случайнымъ обстоятельствамъ не вошедшій въ первый томъ.

Вторая часть тома будетъ заключать въ себѣ статьи, дающія характеристику движенія другихъ общественныхъ классовъ и группъ, какъ-то—крестьянства, интеллигенціи, крупной буржуазіи и землевладѣльцевъ, а также движеній національныхъ.

М. ПАВЛОВИЧЪ.

Внѣшняя политика и русско-японская война.

Агрессивная внѣшняя политика, захватъ все новыхъ и новыхъ областей, непрерывное расширеніе «естественныхъ» границъ государства съ давнихъ поръ составляло основную задачу русскаго правительства, какъ впрочемъ и правительства всякой первоклассной державы. Но въ то время, какъ въ теченіе послѣднихъ столѣтій почти всѣ могучія военныя государства, Швеція, Турція, Испанія, Португалія, Голландія, отчасти Франція, нѣкогда властительница Канады, Флориды, Индостана и т. д.—одно за другимъ теряли свою былую гегемонію и, потерпѣвъ пораженіе въ той или другой авантюрѣ, отходили на задворки «всемірной» исторіи, Россія ни на минуту не останавливалась въ своемъ поступательномъ движеніи, превратившись постепенно въ гигантскую имперію, занимающую по своимъ размѣрамъ болѣе $^1/_7$ части всей поверхности суши. «Каждый шагъ Россіи обозначалъ побѣду и каждое объявленіе войны было для русскаго правительства предвѣстіемъ славнаго и выгоднаго міра» [1]). Впрочемъ, даже самыя тяжкія неудачи русской арміи на полѣ битвы не могли сломить завоевательной мощи русскаго государства и помѣшать непрерывному территоріальному росту великой сѣверной державы. Только одна Англія успѣшно становилась порой поперекъ наступательному движенію Россіи, но проходило нѣсколько лѣтъ, въ крайнемъ случаѣ нѣсколько десятилѣтій, и послѣдняя неудержимо и безбоязненно переходила грань, начертанную ей правительствомъ Великобританіи.

Эта завоевательная политика была главной основой могущества и незыблемости стараго порядка въ Россіи. Во-первыхъ потому, что непрерывныя, связанныя съ колоссальными непроизводительными расходами, военныя экспедиціи и захваты новыхъ и новыхъ территорій, задерживая ростъ производительныхъ силъ страны и обостряя ея тяжелое экономическое положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшали естественному развитію тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя рано или поздно должны были придти въ столкновеніе съ старой политической сис-

[1]) Karl Marx. The Eastern Question, стр. 594, изъ статьи, напечатанной въ „New-Iork Tribune“ отъ 10 ноября 1855 г.

темой, съ старымъ государственнымъ правопорядкомъ Россіи. Во-вторыхъ потому, что непрерывные успѣхи русскаго оружія и русской дипломатіи въ дѣлѣ расширенія границъ государства питали въ населеніи идеи о безграничномъ могуществѣ и божественномъ происхожденіи власти. Только самое сильное въ мірѣ правительство, только власть, являющаяся на землѣ воплощеніемъ всемогущества божія, могла создать великое безграничное государство, покорившее подъ свои нози всякаго врага и супостата.

Недавняя русско-японская война явилась логическимъ послѣдствіемъ всей внутренней политики русскаго правительства и связаннаго съ этой политикой поступательнаго движенія Россіи на азіатскомъ континентѣ. Это движеніе получило особенно широкій размахъ въ царствованіе послѣднихъ трехъ государей. Крымская кампанія, надломивъ русское вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ и временно воздвигнувъ непреодолимый барьеръ движенію Россіи на «ближній Востокъ», заставила Россію обратить свое вниманіе въ иную сторону. Въ 1856—64 гг. покоренъ окончательно Кавказъ, въ 1864—66 г. присоединяется Ташкентъ, въ 1866 г. образовано Туркестанское генералъ-губернаторство, въ 1868 г.—Самаркандъ и образованъ Заровшанскій округъ, въ 1870 г.—занятъ Мангышлакъ вопреки протесту со стороны Англіи, въ 1873 г. присоединяется правый берегъ Аму-Дарьи и прилегающія къ нему хивинскія земли; въ 1876 г.—все кокандское ханство подъ именемъ Ферганской области.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ залечиваются раны, нанесенныя военному могуществу Россіи крымской кампаніей, правительство начинаетъ снова политику авантюръ на Балканскомъ полуостровѣ. Ростъ революціоннаго движенія въ Россіи, внутреннія неурядицы заставляютъ правительство отважиться на серьезный шагъ. Стремясь всѣми мѣрами заглушить оппозиціонное настроеніе общества и ослабить внутреннія политическія осложненія, правительство рѣшаетъ прекратить на время мелкія, не производящія никакого впечатлѣнія на страну, военныя экспедиціи противъ плохо-вооруженныхъ туркменовъ, киргизовъ и прочихъ полудикихъ кочевниковъ и начать войну съ болѣе серьезнымъ противникомъ, чтобы такимъ образомъ блескомъ внѣшнихъ успѣховъ отвлечь вниманіе общества отъ вопросовъ внутренней политики. Выступая въ роли традиціоннаго защитника турецкихъ славянъ противъ мусульманскаго гнета, русское правительство, пользуясь внутренними усобицами на Балканскомъ полуостровѣ, герцеговинскимъ возстаніемъ и сербо-турецкой войной, вызванными русскими же агентами и на русскія деньги, въ апрѣлѣ 1877 г., немедленно послѣ разрыва дипломатическихъ отношеній безъ объявленія войны, отдаетъ приказъ войскамъ перейти румынскую границу и двинуться въ походъ противъ Турціи. Событіе крайней важности заставляетъ Россію торопиться съ войной противъ Турціи.

Русское правительство съ давнихъ поръ имѣло роковое вліяніе на внутреннее развитіе Турціи и всѣми силами препятствовало введенію европейскихъ порядковъ въ Оттоманской имперіи. Султанъ Абдулъ Азисъ (1830—1876) находился подъ сильнымъ вліяніемъ агентовъ русскаго правительства и, сопротивляясь введенію конституціи въ Турціи, открыто называлъ своимъ единственнымъ и истиннымъ другомъ русскаго посла Игнатьева, ибо послѣдній поддерживалъ султана въ его нежеланіи послѣдовать совѣтамъ Фуадъ-паши и Митхадъ-паши

относительно введенія реформъ въ Турціи [1]). Между тѣмъ, весь турецкій народъ и даже значительная часть высшихъ сановниковъ имперіи считали введеніе конституціи единственной мѣрой, которая могла бы спасти государство отъ полнаго разложенія и подчиненія сосѣдней имперіи. Какъ телеграфировалъ англійскій посланникъ Henry Elliot своему правительству въ нотѣ отъ 25 мая 1876 г., слово «конституція» у всѣхъ на устахъ. «Софты, представляющіе собой умственную силу націи, поддерживаемые всей массой населенія, христіанскаго и мусульманскаго, не успокоятся, пока не добьются своей цѣли. Если султанъ откажется дать конституцію, онъ будетъ низложенъ... Всѣ классы общества, начиная отъ высшихъ сановниковъ и кончая простыми лодочниками, волнуются. Всѣ открыто высказываютъ свое мнѣніе». 31 мая, черезъ недѣлю послѣ отправки этой телеграммы, Митхадъ-паша, при содѣйствіи военнаго министра Гуссейнъ-паши, морскаго министра Ахмедъ-паши, маршала Сулеймана, дѣйствуя съ одобренія высшаго духовнаго сановника имперіи, шейх-уль-ислама Гассана Айрулая, заставили султана Абдулъ-Азиса отречься отъ престола. Въ то самое время, какъ Сулейманъ-паша читалъ султану священную резолюцію шейх-уль-ислама, санкціонирующую низложеніе неспособнаго и опаснаго для государства и націи султана, броненосная эскадра, стоявшая неподалеку отъ дворца, давала одинъ залпъ за другимъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ въ знакъ того, что армія и флотъ готовы силой оружія отстоять волю націи. Абдулъ-Азису пришлось подчиниться и на престолъ былъ возведенъ Мурадъ V. Но послѣ того какъ послѣдній, потрясенный роковыми событіями, разыгравшимися въ дворцовыхъ сферахъ, самоубійствомъ Абдулъ-Азиса 23 мая и страшной рѣзней, учиненной 30 іюня въ конакѣ бывшимъ адъютантомъ покойнаго султана черкесомъ Ассаномъ, мстившимъ за смерть своего государя, сталъ обнаруживать признаки неизлечимаго психическаго разстройства и былъ, въ свою очередь, низложенъ, на престолъ былъ возведенъ Абдулъ-Гамидъ. До вступленія на престолъ Абдулъ-Гамидъ разыгрывалъ изъ себя человѣка съ очень либеральными взглядами и даже находилъ выработанную Митхадомъ-пашей конституцію не достаточно демократической, обѣщая расширить ее.

Между тѣмъ, какъ только русское правительство увидѣло, что турки въ серьезъ стремятся къ обновленію своей страны, къ преобразованію государства на европейскій ладъ, оно рѣшило всѣми силами помѣшать осуществленію этихъ плановъ, которые могли бы спасти Турцію отъ разложенія и отнять у сосѣднихъ государствъ удобный поводъ къ постояннымъ вмѣшательствамъ во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи. Въ Бухарестѣ и Кишиневѣ были сформированы банды, состоявшія въ значительной степени изъ уголовныхъ преступниковъ,

---

[1]) Между прочимъ, когда Митхадъ-паша, желая содѣйствовать сближенію турецкихъ христіанъ съ мусульманами, создалъ въ болгарскомъ вилайетѣ „смѣшанныя школы",—гдѣ обучались совмѣстно дѣти христіанъ и мусульманъ, получая вполнѣ европейское образованіе—и послалъ раппортъ въ Константинополь о результатахъ своего опыта, настаивая на необходимости введенія такого рода школъ во всей Имперіи, Игнатьевъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы побудить султана отвергнуть этотъ опасный проектъ, осуществленіе котораго, по словамъ русскаго посланника, могло бы повлечь за собой полную гибель Турціи.

бѣжавшихъ изъ турецкихъ провинцій, и двинуты на турецкую границу. Что это не были дружины безкорыстныхъ, искреннихъ патріотовъ, стремившихся къ освобожденію славянскихъ народностей отъ турецкаго гнета, видно изъ того, что, перейдя границу, они прежде всего начали безпощадно убивать мирныхъ турецкихъ крестьянъ, не щадя ни дѣтей, ни стариковъ, насиловали женщинъ и вырѣзывали цѣлыя деревни, совершая при этомъ невѣроятныя звѣрства и занимаясь грабежомъ. Невѣжественное мусульманское населеніе, фанатизированное, возбужденное всѣми этими ужасами, съ своей стороны прибѣгло къ самымъ возмутительнымъ репрессіямъ надъ мирными христіанами. Тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстностяхъ отношеніе между христіанами и турками было настолько дружелюбное, что Митхадъ-паша, бывшій въ то время губернаторомъ болгарскаго вилайета, образовалъ мѣстную милицію изъ 40.000 человѣкъ, куда входили какъ христіане, такъ и мусульмане, для охраны внутренняго порядка и спокойствія въ странѣ. Но, къ несчастью для Турціи, государственныхъ дѣятелей, подобныхъ Митхаду, въ Оттоманской имперіи было, конечно, очень мало, и многіе турецкіе чиновники своимъ недовѣріемъ къ христіанскому населенію и противодѣйствіемъ новымъ реформамъ играли лишь на руку Россіи и отчасти Австро-Венгріи. Весной 1875 г. по сигналу, данному изъ Петербурга и Вѣны, вспыхнули одновременно возстанія въ Черногоріи, Болгаріи, Сербіи, Герцеговинѣ и Босніи. Русскіе агенты сновали по всей странѣ, ведя энергично агитацію, раздавали деньги направо и налѣво и сулили повстанцамъ скорую помощь и вооруженное вмѣшательство со стороны Россіи. Такимъ образомъ, Турція все время находилась въ состояніи полной анархіи, и каждый разъ то тамъ, то здѣсь вспыхивали новыя и новыя волненія. Въ то же время Россія постепенно усиливала свою армію на турецкой границѣ. 1 мая 1877 г. англійскій министръ лордъ Дерби въ нотѣ, обращенной къ русскому правительству, указывалъ, что постоянное присутствіе на турецкой границѣ громадной русской арміи, угрожающей безопасности Турціи, все время мѣшаетъ частичному разоруженію турецкихъ войскъ и, возбуждая чувство страха и фанатизма въ мусульманскомъ населеніи, составляетъ важнѣйшее препятствіе для проведенія внутреннихъ реформъ въ Турціи [1]). Понятно, эта нота не могла помѣшать войнѣ между Россіей и Турціей. Чрезвычайныя обстоятельства заставляютъ Россію не откладывать дѣла въ долгій ящикъ.

Въ декабрѣ 1876 г. турецкій султанъ Абдулъ-Гамидъ, дѣйствуя согласно формальному обѣщанію, данному имъ Митхаду-пашѣ и подчиняясь властнымъ

---

[1]) „Midhat-pacha“ par Ali Midhat pacha, см. page 127. Кромѣ того по вопросу о русско-турецкихъ отношеніяхъ см.: „La Grande Encyclopédie“ Paris. vol. 31, pages 520—532; „The Death of Abdul Asiz and of Turkisch Reform“ by Sir Elliot, Nineteenth Century № 132; A. Engelgardt, „La Turquie et le Tanzimat“ Paris 1882—1884. 2 vol. E. Driault, „La question d'Orient“ Paris 1904. Victor Berard, „Le Sultan, l'Islam et les puissances“ 1907. Политикусъ, „Изъ исторіи внѣшней политики самодержавія“. Образованіе 1907 № 1, и въ особенности цѣнные документы въ англійской Blue Book, Turkey 1876 и 1877 гг. Изъ новѣйшихъ книгъ по исторіи Турціи см. René Pinon, „L'Europe et l'Empire Ottoman“, 1908; „L'Histoire de la Turquie“ par Youssouf Tehmi 1908.

требованіямъ всего общественнаго мнѣнія Турціи, видѣвшей въ уничтоженіи стараго режима единственное средство спасти государство отъ разложенія и отнять у христіанскихъ правительствъ поводъ къ постояннымъ интригамъ на Балканскомъ полуостровѣ, объявляетъ торжественно конституцію и отдаетъ распоряженіе о назначеніи выборовъ въ турецкій парламентъ. Турецкая конституція провозглашаетъ гражданское и политическое равенство всѣхъ подданныхъ Турціи безъ различія вѣроисповѣданія, отвѣтственность министерства, право парламентскаго контроля, полную независимость судебныхъ учрежденій и т. д. Провозглашеніе конституціи встрѣчается съ восторгомъ всѣмъ населеніемъ Турціи. Христіанскія церкви, мусульманскія мечети, еврейскія синагоги торжественно иллюминуются, повсюду устраиваются радостныя манифестаціи, со всѣхъ провинцій имперіи приходятъ въ Константинополь привѣтственныя телеграммы, населеніе охвачено невыразимымъ энтузіазмомъ. Передъ Турціей какъ будто открывается новая эра, 4 марта султанъ торжественно открываетъ засѣданія турецкаго парламента. Этотъ рѣшительный шагъ оттоманскаго правительства производитъ сильное впечатлѣніе въ правящихъ кругахъ Россіи.

По совѣтамъ Каткова и Побѣдоносцева, указывавшихъ на тѣ роковыя послѣдствія, какими грозитъ самодержавной Россіи введеніе и упроченіе въ Турціи конституціоннаго режима, императоръ Александръ II рѣшаетъ начать войну съ Турціей. Эта война стоила Россіи 200.000 жизней и 2 милліарда рублей, она оставила надолго свой тяжелый слѣдъ на нашемъ финансовомъ хозяйствѣ, на экономической жизни Россіи, но зато она имѣла конечнымъ результатомъ дальнѣйшее территоріальное расчлененіе Оттоманской имперіи и отмѣну турецкой конституціи. Этотъ актъ вполнѣ соотвѣтствовалъ традиціоннымъ принципамъ русской политики по отношенію къ Турціи. Ибо эта политика заключалась не только въ постоянномъ отторженіи отъ Оттоманской имперіи одной части ея территоріи за другой, но и въ охранѣ всѣми зависящими отъ русскаго правительства средствами стараго турецкаго режима, основаннаго на деспотизмѣ власти, полномъ безправіи всего населенія Турціи и на рѣзкой, искусственно разжигаемой, національной и религіозной войнѣ между различными народностями, входящими въ составъ имперіи.

Еще въ 1830—33 гг., когда египетскій намѣстникъ Мехмедъ-Али поднялъ возстаніе противъ турецкаго султана и главнокомандующій египетскими войсками Ибрагимъ-паша нанесъ цѣлый рядъ пораженій арміямъ султана, Николай I, опасаясь, что Турція при новой династіи быстро двинется по пути европеизаціи, поспѣшилъ на помощь турецкому султану, забывъ, такимъ образомъ, вѣковую вражду Россіи къ «наслѣдственному» недругу, и остановилъ побѣдоносное движеніе Ибрагима-паши, мечтавшаго уже о захватѣ Константинополя и провозглашеніи новой династіи въ Турціи. По замѣчанію Драгоманова, Николай I спасалъ Турцію отъ египетскаго возстанія для того, чтобы «превратныя французскія идеи не свили себѣ гнѣзда въ Каирѣ» [1]). Дальнѣйшее движеніе Турціи по пути реформъ, начатыхъ еще при Махмудѣ, провозглашеніе въ 1839 г. султаномъ Абдулъ-Меджидомъ знаменитаго Hatticherif'a (рескрипта о реформахъ),

[1]) Драгомановъ, Турки внутренніе и внѣшніе, стр. 26, 1876 г.

цѣлый рядъ другихъ либеральныхъ мѣръ, все это заставляетъ Николая I подумать о необходимости рѣшительныхъ мѣръ, и въ 1844 г. онъ предлагаетъ англійскому правительству обсудить вопросъ объ окончательномъ раздѣлѣ Турціи, но не встрѣчаетъ сочувствія со стороны Англіи. Дѣйствуя въ томъ же направленіи, русское правительство возстаетъ впослѣдствіи противъ уравненія правъ и обязанностей между различными національностями Турціи и требуетъ «la séparation des interêts des Chretiens de ceux des Musulmans» [1]). И то обстоятельство, что Крымская кампанія вспыхнула изъ-за пустого вопроса о томъ, кому должны принадлежать ключи Гроба Господня, подчеркиваетъ лишь, какое важное значеніе придавала русская дипломатія религіозному мотиву, какъ могучему элементу разжиганія постоянной междоусобной войны въ Турціи и поддержанія сосѣдняго государства въ состояніи вѣчной анархіи.

Послѣ того, какъ Россія благодаря поддержкѣ со стороны Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и, въ особенности, Румыніи, сломила сопротивленіе турецкихъ войскъ и по Берлинскому трактату, значительно урѣзавшему условія Санъ-Стефанскаго договора, получила довольно важныя прирѣзки къ своимъ кавказскимъ владѣніямъ, а присоединеніемъ Бессарабіи придвинула россійскія границы до самыхъ береговъ Дуная, русскому правительству пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ плановъ на ближнемъ востокѣ. Уже немедленно послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора 3 марта 1878 г., правительство Великобританіи дало понять, что оно не признаетъ условій этого договора, что оно требуетъ немедленнаго созыва международнаго конгресса для обсужденія невыносимыхъ условій, навязанныхъ Россіей Турціи, что въ случаѣ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Россіи по отношенію къ Оттоманской Имперіи, англійское правительство не остановится передъ самыми рѣшительными мѣрами. И, дѣйствительно, Великобританское правительство, руководимое Биконсфильдомъ, объявляетъ мобилизацію флота и резервныхъ войскъ, готовится къ отправкѣ сильной эскадры въ Черное море и бомбардировкѣ нашего южнаго побережья. Вмѣшательство честнаго маклера Бисмарка предотвращаетъ конфликтъ. На Берлинскомъ конгрессѣ стремленіе Россіи захватить значительную часть Турціи встрѣчаетъ сопротивленіе помимо Англіи и со стороны остальныхъ европейскихъ государствъ и русскіе дипломаты оставляютъ конгрессъ [2]), разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, получивъ, между прочимъ, интимный совѣтъ отъ Бисмарка предоставить своей судьбѣ Турцію и Балканскій полуостровъ и перенести свою цивилизаторскую, культурную дѣятельность въ Азію, гдѣ открыто такое обширное поле дѣйствія для великой исторической миссіи, выпавшей на долю

---

[1]) См. memorandum князя Горчакова отъ 7 янв. 1855 г. и затѣмъ отъ марта 1867 г. „Tolérance musulmane“ par Ahmed Riza p. 32, 33. Paris.

[2]) О Берлинскомъ конгрессѣ см. Bismarck „Pensées et souvenirs“ vol II. Max Choublier, „La question d'Orient depuis le traité de Berlin“. G. Wyroubof, „La question d'Orient et le traitè de Berlin“ и въ особенности Gabriel Hanotaux, „Histoire de la France contemporaine“ vol. IV, глава V, стр. 293—392. Ганото пользовался для своей работы, главнымъ образомъ, неизданными записками графа П. Шувалова, „Souvenirs inédits“ du comte P. Schouvaloff, полученными Ганото отъ извѣстнаго Артура Раффаловича.

Россіи[1]). «Россіи нечего дѣлать на Западѣ», говорилъ неоднократно Бисмаркъ своимъ петербургскимъ друзьямъ; «Западъ дастъ Россіи только нигилизмъ и другія болѣзни; ея настоящая миссія въ Азіи, гдѣ Россія является представителемъ цивилизаціи» [2]).

Русско-турецкая война имѣла громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ внѣшней политики Россіи. Берлинскій конгрессъ, о которомъ Горчаковъ выражался, какъ о самой темной страницѣ своей жизни, уничтожилъ русско-прусскую дружбу, ибо онъ обнаружилъ враждебное отношеніе Германіи и Австро-Венгріи къ завоевательнымъ планамъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Стало очевидно, что тройственный союзъ императоровъ (Dreikaiserbund), заключенный 2 сент. 1872 на свиданіи въ Берлинѣ, давно превратился въ союзъ двухъ императоровъ противъ третьяго [3]). Россія оказалась столь же изолированной на Востокѣ, какъ Франція на Западѣ. Съ этого момента оффиціальная Россія начинаетъ обнаруживать тяготѣніе къ сближенію съ Франціей.

Оправившись нѣсколько отъ результатовъ турецкой кампаніи, русское правительство снова начинаетъ наступательное движеніе въ Азіи. При этомъ для того, чтобы «сбить спесь» съ Англіи, русское правительство, дѣйствуя по плану, развитому, между прочимъ, въ запискахъ Скобелева, начинаетъ усиленное движеніе именно по направленію къ индійской границѣ, этой ахиллесовой пятѣ въ могучемъ военномъ организмѣ Великобританской имперіи. Это былъ моментъ, когда «афганскій вопросъ» и «походъ на Индію» считались модными проблемами въ нашей реакціонной печати и въ военныхъ кругахъ. Въ 1881 г., послѣ взятія Геокъ-Тепе, Денгли-Тепе и Асхабада, завоевывается ахалъ-текинскій оазисъ и образуется Закаспійская область. Въ 1884 г. Комаровъ присоединяетъ къ Россіи обширный Мервскій оазисъ; въ 85 г. онъ переходитъ афганскую границу и послѣ кушкинскаго боя захватываетъ Пенде, который онъ присоединяетъ къ Россіи вопреки протестамъ афганскаго эмира и Англіи. Въ этотъ моментъ ставится вопросъ о русско-афганской границѣ и англо-русскій конфликтъ входитъ въ острую фазу. Англія мобилизуетъ свою индійскую

---

[1]) Еще на знаменитомъ рейхштадтскомъ свиданіи 8 іюля 1876 г. между императорами Александромъ II и Францомъ Іосифомъ было условлено, что Россія въ случаѣ войны съ Турціей не будетъ искать для себя никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ Австрія же въ вознагражденіе за свой нейтралитетъ получитъ право на оккупацію Босніи и Герцеговины. См. Hanotaux vol. IV p. 314—315 и 364 (Souvenirs inédits de Caratheodory pacha).

[2]) A. Rambaud. Histoire de Russie p. 814. Hachette, Paris 1900.

[3]) Если наши дипломаты, во главѣ съ Горчаковымъ, такъ охотно бросились въ объятія Бисмарка, то это ослѣпленіе объясняется нежеланіемъ русскаго правительства идти на какія бы то ни было уступки въ польскомъ вопросѣ и увѣренностью, что только союзъ съ государствами, участвовавшими въ раздѣлѣ Польши, можетъ обезпечить господство русскихъ штыковъ въ Варшавѣ. Въ своей внѣшней политикѣ Горчаковъ слѣдовалъ лишь завѣтамъ Нессельроде, который слѣдующимъ образомъ формулировалъ свое profession de foi, настаивая на необходимости союза Россіи съ Пруссіей: „При какихъ бы то ни было обстоятельствахъ наша политика должна въ будущемъ оставаться такой, какой она была въ прошломъ, т. е. монархической и антипольской". Hanotaux, vol. IV p. 53.

армію, могучая британская эскадра готовится къ отплытію въ Балтійское море Дыханіе войны проносится надъ всей Европой. Договоръ 10 сентября 1885 г. устраняетъ опасность грознаго конфликта. Съ 1891 по 1895 г. регулируется памирская граница между Англіей и Россіей; въ это же время, по взаимному соглашенію, регулируется граница между Белуджистаномъ и Афганистаномъ. Затѣмъ, съ помощью своей закаспійской желѣзной дороги и ея развѣтвленій русскіе доходятъ до воротъ Герата подобно тому, какъ Англія доходитъ до воротъ Кандагара [1]).

Въ то же самое время русскій двухглавый орелъ параллельно съ своими захватами въ Средней Азіи по направленію къ областямъ, прилегающимъ къ Персидскому заливу, Индійской границѣ и Западному Китаю, начинаетъ парить, описывая гигантскіе круги въ совершенно другомъ концѣ азіатскаго континента, захватываетъ въ 1858 г. по айгунскому трактату весь лѣвый берегъ Амура, а въ 1860 г. весь Уссурійскій край, и, такимъ образомъ, охватываетъ гигантскимъ размахомъ своихъ крыльевъ всю Китайскую имперію, отъ побережья Тихаго Океана до западной границы, т. е. до границъ Русскаго Туркестана, Семирѣченской, Семипалатинской и Ферганской области. Не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, онъ взвивается надъ Тихимъ Океаномъ и, окончательно овладѣвъ Сахалиномъ въ 1875 г., угрожаетъ, такимъ образомъ, «Странѣ Восходящаго Солнца». Договоръ, по которому Японія, поставленная передъ дилеммой войны или мира, уступила Россіи весь Сахалинъ съ его богатыми каменноугольными копями, неисчерпаемыми нефтяными источниками, рыбными промыслами, столь важными для японскаго народа, вызвалъ взрывъ общественнаго негодованія въ Японіи и послужилъ одной изъ причинъ знаменитаго Сатцумскаго возстанія, возникшаго отчасти на почвѣ недовольства народа правительствомъ, неспособнымъ отстоять независимость страны противъ иноземнаго врага. Японскій народъ въ лицѣ его передовыхъ слоевъ съ давнихъ поръ относился съ крайней подозрительностью къ Россіи, видя въ ней непримиримаго врага, угрожающаго національной независимости японскаго государства. Знаменитые японскіе писатели и общественные дѣятели Schihei Hayiaschi, Toko Foudjitu, Сакума Дродзанъ и др. неустанно призывали японское правительство и народъ вступить на путь реформъ, объединиться, чтобы отстоять родину противъ натиска со стороны сѣвернаго врага. И, дѣйствительно, вся политика русскаго правительства по отношенію къ Японіи складывалась такимъ образомъ, что она могла лишь съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе укрѣплять въ японскомъ народѣ сознаніе того, что Россія готовитъ Японіи ту же участь, какая выпала на долю Хивы, Бухары, Туркестана, Китая и т. д., т. е. или полное покореніе и присоединеніе къ Россійской имперіи въ теченіе короткаго времени, или медленное, но постепенное территоріальное раздробленіе съ тѣмъ же результатомъ въ конечномъ исходѣ—полнымъ уничтоженіемъ независимости и свободы Ниппона. Послѣ экспедиціи Рязанова въ 1804 г., занятія сѣверной

---

[1]) См. „Central Asia and the anglo-russian frontier question“ by Vambery, London, 1874. Notovitch. La Russie et l'alliance anglaise. Paris. Dr. Rouère. „La rivalité anglo-russe au XIX siecle en Asie“. Paris 1908.

части Сахалина въ 1806 г., грабежей и насилій, произведенныхъ русскими на островѣ Іессо въ 1807 г., наконецъ, экспедиціи Головина въ 1810 г., трудно было уже разубѣдить даже наиболѣе мирно настроенныхъ японцевъ въ намѣреніи Россіи посягнуть на независимость страны. Захватъ острова Цусимы въ 1861 г. командиромъ Берилевымъ, присоединеніе къ Россіи Сахалина въ 1875 г., попытка захвата Іессо и т. д.—все это обостряетъ въ крайней степени тревожное настроеніе въ Японіи. Послѣдняя начинаетъ готовиться къ кровавой развязкѣ и усиленно вооружаться.

Къ этому времени былъ заключенъ франко-русскій союзъ. Долгое время отношеніе французскаго правительства къ русскимъ революціонерамъ дѣлало заключеніе такого союза невозможнымъ. Отказъ въ выдачѣ Гартмана, затѣмъ помилованіе Кропоткина возбудило сильное негодованіе въ правящихъ кругахъ Россіи по отношенію къ Франціи. Русское правительство оффиціально протестовало противъ помилованія Кропоткина и затѣмъ отозвало изъ Франціи своего посланника Моренгейма [1]). Между тѣмъ осложненія на Балканскомъ полуостровѣ, антирусская политика Болгаріи, опирающейся на поддержку Австріи и Германіи, необычайныя финансовыя затрудненія, обостряемыя нашей зависимостью отъ берлинской биржи: все это фатально толкаетъ монархическую Россію къ сближенію съ республиканской Франціей. Въ 1886 г. Катковъ начинаетъ кампанію противъ «союза трехъ императоровъ». Съ этого же момента пресловутый Ціонъ начинаетъ свою дѣятельность въ пользу освобожденія Россіи отъ экономическаго и финансоваго подчиненія Германіи и настаиваетъ на необходимости и возможности завоевать для русскихъ займовъ французскій рынокъ [2]). Въ 1888 г. заключается на парижской биржѣ первый русскій заемъ въ 500 милл. фр., въ 1889—2-ой и 3-ій заемъ въ 700 и 1.200 милл. фр., въ 1890 г.—въ 360 м., 300 м. и 41 милл. фр., въ 1891 г.—въ 320 и 500 милл. фр. [3]). Такимъ образомъ, Франція ссужаетъ русскому правительству колоссальныя суммы и, скупая въ то же время на берлинской биржѣ русскія цѣнности, тѣмъ самымъ подымаетъ нашъ финансовый кредитъ во всей Европѣ [4]). А когда въ 1890 г. французскій министръ Констанъ арестовываетъ группу русскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ, скомпрометтированныхъ благодаря агенту-провокатору Ландезену въ подготовленіи покушенія противъ царской фамиліи, русское правительство окончательно примиряется съ республиканскимъ режимомъ во Франціи [5]). 22 авг. 1891 г. под-

---

[1]) „L'alliance russe“ par André Mater, см. p. 7. Paris. 1906.

[2]) См. конфиденціальный докладъ Ціона императору Александру III. „L'alliance russe“ par André Mater, p. 9—10.

[3]) André Tardieu. La France et les alliances“, см. p. 11. Paris. 1909.

[4]) О финансовой борьбѣ между Берлиномъ и Парижемъ изъ за русскихъ займовъ, см. Ernest Daudet. Histoire diplomatique de l'alliance franco-russe 1873—1893. Paris. 1894. Гл. VI, p. 245—249.

[5]) Ernest Daudet, p. 292—297. Кромѣ того по вопросу о франко-русскомъ союзѣ см. Dernières années de l'ambassade en Allemagne de M-r de Gontaut-Biron par André Dreux, Paris 1907; Jules Hannsen, L'ambassade à Paris du baron de Morenheim; Hanotaux, Histoire de la France contemporaine vol. III. Emile Bourgeois, Au seuil de l'alliance, d'après des documents inédits, La Revue du mois 1906. № 1—2.

писывается союзный договоръ между Россіей и Франціей, дополненный военной конвенціей въ іюнѣ 1892 г. Опираясь на финансовую поддержку со стороны Франціи, Россія начинаетъ съ удвоенной энергіей осуществлять свои завоевательные планы на Дальнемъ Востокѣ. Въ скоромъ времени Россія вынуждаетъ Францію оказать своему союзнику и военную поддержку въ дальневосточномъ вопросѣ.

Въ 1894 г. вспыхнула японско-китайская война, которую многіе разсматриваютъ, какъ пробный камень, оселокъ, на которомъ Японія должна была обнаружить степень своей военной подготовки. Китай потерпѣлъ цѣлый рядъ пораженій и вынужденъ былъ подписать Симоносекскій договоръ 17 апрѣля, по которому Китай признавалъ независимость Кореи и уступалъ побѣдителю Ляодунскій полуостровъ до 4-ой параллели вмѣстѣ съ Портъ-Артуромъ и Дальнимъ. Русское правительство предложило французскому и нѣмецкому правительствамъ произвести совмѣстное давленіе на Японію, чтобы заставить послѣднюю отказаться отъ плодовъ ея побѣдъ. 23 апрѣля Франція [1]), Германія и Россія предъявили Японіи ультиматумъ. Чувствуя себя безсильной, Японія согласилась очистить Ляодунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ и Дальнимъ и прекратить военныя дѣйствія противъ Китая.

Эта уступчивость Японіи пришлась далеко не по вкусу представителю Россіи адмиралу Тыртову, разсчитывавшему, что японское правительство, ослѣпленное своими побѣдами надъ Китаемъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ возбужденнаго общественнаго настроенія, не согласится на предъявленный ему ультиматумъ и вступитъ въ конфликтъ съ союзными державами. Разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ, адмиралъ Тыртовъ рѣшилъ тѣмъ не менѣе провоцировать войну и заявилъ начальнику французской эскадры, что онъ, Тыртовъ, на свой страхъ начнетъ военныя дѣйствія противъ Японіи. Представителямъ Франціи Бомону и Арману лишь съ большимъ трудомъ удалось въ этотъ моментъ помѣшать внезапному нападенію русской эскадры на японскій флотъ и войнѣ между обѣими странами [2]).

Такимъ образомъ, на другой день послѣ того, какъ у Японіи отняли всѣ

---

[1]) Французское правительство съ крайней неохотой присоединилось къ предложенію Россіи и участіе Франціи въ давленіи на Японію вызвало взрывъ негодованія въ значительной части французской печати (см. Волонтеръ „Русско-японская война“, стр. 46–47, СПБ. 1905 г.), за то германское правительство, наоборотъ, слѣдуя традиціонной своей политикѣ, съ величайшей готовностью оказало поддержку Россіи, стремясь всѣми силами создать послѣдней осложненія на Дальнемъ Востокѣ и ослабить ея военную силу на европейской границѣ.

[2]) Объ этомъ инцидентѣ, равно какъ объ исторіи столѣтнихъ отношеній Россіи къ Японіи см. Волонтеръ „Русско-японская война“ стр. 22—60. Упомянутый инцидентъ описывается также въ недавно вышедшей книгѣ французскаго военнаго атташе въ Японіи „Les simples souvenirs“ par comte de Pimodan. Paris, 1908. См. также „Origines et résultats de la guerre russo-japonaise“ par René Pinon, Paris 1906, pages 7 и 159. Тѣмъ не менѣе, хотя Франція въ данномъ, исключительномъ случаѣ и умѣрила воинственные планы Россіи, въ общемъ двойственный союзъ былъ несчастіемъ для обѣихъ странъ. „Манчжурія—съ одной стороны, Марокко—съ другой, таковъ итогъ союза“, проговаривается нечаянно одинъ изъ ярыхъ защитниковъ послѣдняго. См. André Tardieu „La France et les alliances“ p. 20.

плоды ея побѣдъ, и она согласилась исполнить всѣ требованія, изложенныя въ ультиматумѣ, Россія все-таки собиралась безъ всякаго видимаго повода напасть на Японію съ очевидной цѣлью отхватить у послѣдней какую нибудь новую часть территоріи. Удивительно ли, что агрессивная политика Россіи вызвала сильную тревогу въ японскомъ обществѣ, обострила шовинистическое настроеніе въ народныхъ массахъ Японіи и дала возможность правительству микадо, опираясь на сочувствіе всего населенія, увеличить боевыя силы страны съ такой лихорадочной быстротой, которая по мощному размаху не имѣетъ себѣ равной въ военной исторіи другихъ странъ? [1]).

Въ ноябрѣ 1897 г. на совѣтѣ министровъ, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Государя, рѣшается вопросъ о занятіи Портъ-Артура. Министръ иностранныхъ дѣлъ Муравьевъ, поддерживаемый военнымъ министромъ Ванновскимъ, настаиваетъ на необходимости занятія Портъ-Артура, какъ важнаго опорнаго пункта русскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Соглашаясь съ мыслью о необходимости для Россіи завладѣть какой нибудь сильной стратегической позиціей на берегахъ Тихаго Океана, морской министръ предлагаетъ вмѣсто Портъ-Артура занять Мазампо, находя послѣдній болѣе удобнымъ съ технической стороны. Одинъ Витте подаетъ голосъ противъ этихъ проектовъ. Государь присоединяется къ мнѣнію Муравьева. Въ своихъ планахъ относительно Портъ-Артура русское правительство встрѣчаетъ горячую поддержку со стороны Германіи [2]).

И вотъ Россія рѣшаетъ послать эскадру въ Портъ-Артуръ какъ бы для того, чтобы въ случаѣ необходимости быть въ состояніи оказать дружескую помощь Китаю противъ враговъ послѣдняго. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ведутся по этому поводу безуспѣшные переговоры между русскимъ правительствомъ и китайскимъ, умоляющимъ Россію не проявлять своей дружбы въ такой необычной формѣ [3]). Наконецъ, въ началѣ 1898 г. изъ Владивостока отправляется

---

[1]) Не ограничиваясь крайне агрессивной политикой противъ Японіи, правительство подготовляетъ себѣ почву для новыхъ захватовъ и завоеваній въ цѣломъ рядѣ другихъ странъ и областей. Малая Азія, Персія, Афганистанъ, Памиръ, Китайскій Туркестанъ, Тибетъ, Манджурія, Корея, Абиссинія, Красное, Желтое и Японское море, всюду ведутся интриги, всюду тратятся бѣшеныя деньги на подкупы, на банки, на никому ненужныя концессіи, всюду строятся или проектируются желѣзныя дороги и другіе пути сообщенія.

[2]) Тайные замыслы Германіи скоро становятся ясны наиболѣе проницательнымъ представителямъ французскаго правительства и французской печати. И консервативный французскій писатель André Cheradam вѣрно выражаетъ мысли правящихъ круговъ Франціи, когда въ сентябрѣ 1902 г. пишетъ: „Германія имѣетъ очевидный интересъ заставить Россію израсходовать на безграничныхъ территоріяхъ Дальняго Востока грандіозную силу, представляемую милліардами французскихъ займовъ. Результатъ былъ бы совсѣмъ иной, если бы Россія использовала милліоны, брошенные ею въ малолюдной Сибири, на поднятіе экономическаго благосостоянія 125 милліоннаго населенія Европейской Россіи". Тотъ же писатель высказывался въ 1901 г.: „Дальній Востокъ можетъ сдѣлаться источникомъ прогрессивнаго военнаго ослабленія Россіи въ томъ случаѣ, если Германіи и Англіи удастся толкнуть Россію на войну съ Японіей изъ за Кореи". André Cheradam „Le monde et la guerre russo-japonaise", Paris 1906, см. предисловіе.

[3]) Origines exactes de la guerre russo-japonaise par XXX. Revue de Paris, 15 Juillet 1905.

эскадра, которая и высаживаетъ русскія войска въ Портъ-Артурѣ. 15 (28) марта этотъ актъ былъ оформленъ по договору, заключенному съ Лихунчаномъ, возвращавшимся изъ Англіи съ празднованія пятидесятилѣтія Викторіи.

Захватъ Портъ-Артура и Таліенвана доводитъ общественное негодованіе въ Японіи до пароксизма. Итакъ, наше правительство заставило Японію обратно уступить Портъ-Артуръ и Дальній Китаю только для того, чтобы затѣмъ самому завладѣть этими завоеванными японской кровью областями. Скоро Россія снова обнаруживаетъ свои дружескія чувства по отношенію къ Китаю. Захватъ Портъ-Артура и Таліенвана русскими, Кіао-Чау нѣмцами, Вейхавея англичанами, надвигающійся раздѣлъ китайской имперіи пробуждаетъ чувство національнаго самосознанія въ широкихъ слояхъ китайскаго населенія. Многіе интеллигентные китайцы приходятъ къ мысли о необходимости немедленнаго введенія къ Китайской имперіи европейскихъ порядковъ и конституціи, для спасенія государства отъ окончательнаго разложенія и подчиненія иностраннымъ державамъ [1]). Во главѣ партіи реформъ становится молодой императоръ Куанъ-Су, руководимый просвѣщеннымъ Канъ-ю-Вейемъ. Лѣтомъ 1898 г. императоръ издаетъ декреты, которые знаменуютъ начало новой эры въ Китаѣ. Въ то время, какъ правительства Японіи и Англіи оказываютъ тайную поддержку партіи реформъ, Россія, вѣрная своимъ традиціямъ, рѣшительно становится на сторону китайскихъ реакціонеровъ и обѣщаетъ свою помощь представительницѣ послѣднихъ, вдовствующей императрицѣ. Опираясь на сочувствіе русскаго правительства, императрица совершаетъ государственный переворотъ 2 сент. 1898 г., объявляетъ императора неспособнымъ къ управленію государствомъ, подвергаетъ смертной казни его ближайшихъ друзей и совѣтниковъ и беретъ бразды управленія въ свои руки. Всѣ реформы, провозглашенныя молодымъ императоромъ, отмѣняются. Послѣ этихъ событій вліяніе Россіи въ правящихъ кругахъ Китая возрастаетъ въ необычайной степени въ ущербъ вліянію Японіи и Англіи, начинающему клониться къ полному упадку.

Замышляя воинственные планы, Россія въ циркулярѣ отъ 30 дек. 1898 г. и нотѣ отъ 12 авг. того же года обращается ко всѣмъ государствамъ съ знаменитымъ предложеніемъ о разоруженіи, вѣрнѣе сказать о прекращеніи дальнѣйшихъ вооруженій. Эта нота была не болѣе какъ попыткой русскаго правительства довести боевую силу, военную мощь государства до небывалой степени. То былъ единственный моментъ въ военной исторіи Россіи, когда вооруженіе ея арміи, благодаря союзу съ Франціей, подарившей намъ 500.000 ружей самой послѣдней конструкціи и давшей намъ возможность съ помощью своихъ капиталовъ и военныхъ заводовъ пріобрѣсти громадное количество пушекъ новѣйшей системы—мало чѣмъ уступало вооруженію западно-европейскихъ госу-

---

[1]) По исторіи Китая вообще и русско-китайскихъ отношеній см. изъ новѣйшихъ книгъ: „La Chine, qui s'ouvre“ par René Pinon et Jean de Mareillac, quatrième édition. Paris; Victor Berard, L'Asie en révolte. Paris 1904; Leroy Beaulieu, La Renovation de l'Asie. Georges Lynch, The Path of Empire, и въ особенности документальный трудъ M. Henri Cordier „Histoire des rélations de la Chine avec les puissances occidentales“, 1861—1902. 3 vol. Paris, Alcan, а также только что вышедшее сочиненіе: La politique chinoise par Albert Maybon, Paris 1908.

дарствъ [1]). Чтобы закрѣпить навсегда это выгодное положеніе вещей, которое въ силу временныхъ условій сложилось для Россіи, понадобилось то средство, какимъ явилась извѣстная нота [2]). Почти одновременно съ опубликованіемъ этой ноты русское правительство ассигнуетъ 90 милліоновъ рублей на военный флотъ, предназначенный исключительно для дальняго Востока.

Въ 1899 г. Россія начинаетъ строить съ помощью французскихъ милліоновъ подъ охраной русскихъ войскъ роковую манчжурскую дорогу. Въ 1900 г. въ Китаѣ вспыхиваетъ боксерское возстаніе. Послѣ подавленія этого возстанія европейскими войсками Россія оставляетъ въ Манчжуріи многочисленную армію какъ бы для предотвращенія безпорядковъ и охраны своей дороги въ этой части срединной имперіи. Въ теченіе $1^1/_2$ лѣтъ китайское правительство ведетъ переговоры объ эвакуаціи Манчжуріи, въ 1902 г. Россія обязуется постепенно вывести свои войска изъ Манчжуріи и назначаетъ крайнимъ срокомъ для окончанія этой операціи 27 сент., но Россія не выполняетъ этого обязательства и, наоборотъ, какъ бы желая показать, что ей мало одной Манчжуріи, накладываетъ свою руку на Корею.

Въ промежуткѣ съ осени 1902 до весны 1903 г. оборудывается знаменитое предпріятіе на Ялу въ сѣверной Кореѣ [3]). Такимъ образомъ, Россія открыто врывается въ область, которую Японія считаетъ находящейся въ сферѣ своего вліянія. Толкая Россію на этотъ шагъ, главный иниціаторъ лѣсной экспедиціи

---

[1]) Начиная съ 1890 г. между русскимъ и французскимъ военными министерствами установилась самая тѣсная связь. Русскія ружья стали приготовляться на французскомъ военномъ заводѣ въ Chatellerault, гдѣ до этого никогда не принимались заказы для какого бы то ни было иностраннаго государства. По приглашенію русскаго правительства французскіе военные инженеры отправились въ Россію, чтобы организовать здѣсь на тѣхъ же основаніяхъ, что и во Франціи, производство военныхъ снарядовъ. Кромѣ того французское военное министерство ознакомило наше съ современными методами мобилизаціи арміи, перевозки войскъ и ихъ снабженія провіантомъ, см. Ernest Daudet „Histoire diplomatique de l'alliance franco-russe", p. 284—289.

[2]) Волонтеръ „Русско-японская война" стр. 61—66. Вообще періодъ, начиная съ знаменитой „ноты о разоруженіи" былъ для Россіи періодомъ небывалаго роста милитаризма. Въ 1899 г. призывалось новобранцевъ 291.000 чел., въ 1900 г.—297.000, въ 1903 г.—320.000, въ 1904 г.—въ первый годъ войны—447.000, а въ 1907 г., черезъ 2 года по окончаніи войны, уже 463.000; такимъ образомъ, всего за 8 лѣтъ, протекшихъ со времени мирной ноты, численность арміи увеличилась на 60%; не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что за послѣдніе годы было построено много стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ: военныя вѣтви въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, Новоселскія вѣтви юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, Уссурійская, Средне-Азіатская, Кіево-Ковельская, Витебско-Жлобинская, Оренбурго-Ташкентская, Бологое-Сѣдлецкая вѣтви, Китайско-восточная и многіе желѣзнодорожные пути, не имѣвшіе никакого экономическаго значенія и выстроенные исключительно по указанію военнаго министерства.

[3]) См. Торгашевъ. Авантюра на Дальнемъ Востокѣ. Москва, 1907 г стр. 215—224. Ф. А. Львовъ. Приходѣи бюрократическаго самовластія, какъ непосредственные виновники первой русско-японской войны. СПБ. Oscar von Schwartz. Zehn Monate als Kriegskorrespondent, стр. 41, 42 etc. Mc. Cormick. The tragedy of Russia in pacific Asia. New-Iork 1907. vol. I стр. 78, 79. The Royal Timber Company. Mc. Clure's Magasine 1908, September стр. 497—500.

на Ялу, статсъ-секретарь Безобразовъ ничуть не закрываетъ глазъ на неизбѣжность войны съ Японіей въ результатѣ такой политики. Наоборотъ, онъ предлагаетъ военному министру Куропаткину на разсмотрѣніе планъ немедленной мобилизаціи 70-ти тысячной арміи въ Южной Манчжуріи [1]). 5 (18) апрѣля 1903 г. Витте, Куропаткинъ и Ламсдорфъ собираются вмѣстѣ для совѣщанія о принятіи мѣръ къ предотвращенію опасности, грозящей Россіи въ результатѣ экспедиціи на Ялу. Министры единогласно приходятъ къ заключенію о необходимости эвакуировать Манчжурію и положить предѣлъ дѣятельности Безобразова на Ялу. (Мемуары Куропаткина. Mc. Clure's Magazine, sept. стр. 489). Государь присоединяется къ мысли о необходимости предотвратить войну съ Японіей, но находитъ лишнимъ распустить товарищество на Ялу, подчеркивая все-таки, что предпріятіе на Ялу должно носить исключительно коммерческій характеръ. Такимъ образомъ, Безобразовъ, Абаза, Алексѣевъ продолжаютъ свою дѣятельность. Между тѣмъ Куропаткинъ, отправленный въ Японію для ознакомленія съ страной, телеграфируетъ о неизбѣжности войны въ случаѣ, если авантюрѣ Безобразова и К° не будетъ положенъ предѣлъ. Скоро послѣ этого неожиданно для Куропаткина учреждается дальне-восточное намѣстничество (30 іюля 1905 г.), и, такимъ образомъ, судьба нашей окраины, а вмѣстѣ съ ней и всей Россіи, передается въ руки ставленника корейскихъ авантюристовъ, адмирала Алексѣева. 2 (15) августа Куропаткинъ подаетъ прошеніе объ отставкѣ. Оставшись на своемъ посту, Куропаткинъ 15 (28) октября подаетъ спеціальный докладъ императору, гдѣ предусматриваетъ возможность войны съ Японіей и осложненій съ Китаемъ. Куропаткинъ доказываетъ, что «экономическіе интересы Россіи на Дальнемъ Востокѣ крайне ничтожны» [2]), что Японія можетъ выставить на театръ войны до 1.000.000 солдатъ, что уже по одному этому и въ виду отдаленности окраины отъ центра имперіи эта война можетъ явиться національной катастрофой для Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Куропаткинъ подчеркиваетъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ тяжелое внутреннее положеніе имперіи, указываетъ на непрерывный ростъ волненій и безпорядковъ и съ ужасомъ констатируетъ тотъ фактъ, что «внутренніе враги, стремящіеся къ разрушенію самыхъ

[1]) The military and political memoirs of General Kouropatkin. Translated by George Kennan. Mc. Clure's Magazine, september 1908, стр. 488. Четырехъ-томный отчетъ Куропаткина о русско-японской войнѣ былъ напечатанъ въ свое время въ Россіи, но конфискованъ до выхода въ свѣтъ. Нѣсколько десятковъ экземпляровъ отчета выдано было лишь комиссіи по составленію исторіи русско-японской войны, съ членовъ которой была взята подписка, что они никому не будутъ передавать ихъ для прочтенія. Переводъ нѣкоторыхъ частей 4 тома „The secret History of the Russian-Japanese War" печатается нынѣ въ „Mc. Clure's Magasin" 1908, августъ, сентябрь, октябрь, декабрь. Въ свое время выдержки изъ 4-хъ томнаго сочиненія Куропаткина были напечатаны въ „The Daily Telegraph" и „The Times", затѣмъ во многихъ русскихъ газетахъ, см. „Рѣчь" (В. Новицкій. „Разоблаченные секреты" „Кто виноватъ въ Мукденскомъ погромѣ"; Свѣтицкій. „Kouropatkin bleibt") „Русь" (Е. И. Мартыновъ. „Исторія ген. Куропаткина"; „Изъ книги ген. Куропаткина"), „Новое Время" (Варягъ. „Историческіе труды ген. Куропаткина"; Суходревъ. „Отчетъ ген. Куропаткина и бесѣда съ нимъ"), „Слово" („Полководецъ, котораго не поняли и не оцѣнили") и т. д.

[2]) Mc. Clure's Magazine. 1908, september, стр. 494—496.

священныхъ и дорогихъ основъ русскаго государственнаго строя, проникли даже въ ряды арміи» [1]). Мнѣніе Куропаткина раздѣляется и поддерживается Витте и Ламсдорфомъ.

Противъ мнѣнія Куропаткина, Ламсдорфа, Витте, вооружился министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве [2]), поддерживаемый въ данномъ вопросѣ контръ-адмираломъ Абазой и статсъ-секретаремъ Безобразовымъ, этими государственными дѣятелями, не занимавшими никакого высокаго поста, но въ сущности управлявшими въ данный моментъ всей внѣшней политикой Россіи и ея государственными судьбами. Ибо теперь всѣмъ извѣстно, что въ моментъ, предшествующій русско-японской войнѣ, у насъ было двѣ дипломатіи, два министерства иностранныхъ дѣлъ, одно оффиціальное—Ламсдорфа, другое тайное—Абазы, Безобразова и К°. Дѣло доходило до того, что Абаза тайкомъ отъ оффиціальнаго русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ вступалъ въ переговоры съ иностранными правительствами, давалъ совершенно неизвѣстныя Ламсдорфу политическія указанія намѣстнику Алексѣеву, посылалъ тайныя инструкціи русскимъ посланникамъ въ Пекинѣ, Токіо, Сеулѣ и распоряжался, какъ единственный и главный руководитель русской внѣшней политики. «Явленіе, рѣдко встрѣчающееся въ лѣтописяхъ исторіи—говоритъ Ламсдорфъ въ своей конфиденціальной запискѣ [2]), комментируя документы подъ №№ 27, 28, 29 и 31, напечатанные въ знаменитой «Малиновой книгѣ» [3]), — чтобы лицо, совершенно безотвѣтственное

---

[1]) M. C. Clure's Magazine 1908, september, стр. 494.

[2]) Тайные замыслы Плеве вполнѣ высказалъ Меньшиковъ, который еще до начала военныхъ дѣйствій рисовалъ намъ войну, какъ единственное въ своемъ родѣ средство для отведенія буйныхъ „горьковскихъ“ элементовъ въ лоно патріотическаго героизма. „За 2 года“ стр. 640. По словамъ бывшаго бессарабскаго губернатора кн. Урусова на аудіенціи въ Петербургѣ, состоявшейся тотчасъ же послѣ нападенія Японіи на русскую эскадру въ Портъ-Артурѣ, новому губернатору было разъяснено, что „война вызоветъ подъемъ патріотическаго чувства, благодаря чему ослабнетъ противоправительственная агитація и, слѣдовательно, мѣстнымъ властямъ будетъ легче охранять порядокъ и тишину“. Кн. С. Д. Урусовъ. Записки губернатора 1903—1904 г., Berlin 1908, см. стр. 239—240.

[3]) Записка по поводу изданнаго особымъ комитетомъ Дальняго Востока „Сборника документовъ по переговорамъ съ Японіей 1903—1904 г.“

[4]) „Малиновая книга“ представляетъ собой сборникъ тайныхъ документовъ, записокъ и телеграммъ по дѣламъ о захватѣ Дальняго Востока. Совершенно неправильно графъ Ламсдорфъ, а за нимъ редакція „Вѣстника Европы“ приписываютъ вину опубликованія этихъ документовъ, хранившихся въ канцеляріи упраздненнаго въ іюнѣ 1905 г. особаго комитета Дальняго Востока, самому контръ-адмиралу Абазѣ. Наоборотъ, эти документы, крайне компрометирующіе Абазу, были опубликованы его помощникомъ, тайнымъ совѣтникомъ Матюнинымъ, послѣ того какъ послѣдній разсорился съ своимъ шефомъ. Сборникъ былъ отпечатанъ въ видѣ книги въ количествѣ 400 экземпляровъ и разосланъ важнѣйшимъ представителямъ нашей бюрократіи. Этотъ сборникъ былъ вскорѣ отобранъ и изъятъ изъ обращенія, но содержаніе его сдѣлалось, понятно, извѣстнымъ многимъ лицамъ въ Россіи и заграницей. Многіе документы, опубликованные въ сборникѣ, были перепечатаны, не говоря уже объ иностранной прессѣ, въ „Политической Энциклопедіи“ Слонимскаго I и II выпуски, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1907 г. № 4, стр. 816—825, въ „Рѣчи“ 1908 г. № 49.

въ дѣлахъ внѣшней политики, могло бы вступать помимо и безъ вѣдома министра иностранныхъ дѣлъ въ тайные переговоры съ иностраннымъ представителемъ и на основаніи сего принимать чрезвычайной важности политическія рѣшенія. (Какъ это явствуетъ изъ документовъ № 1, 5, 25 и т. д.—безъ вѣдома министра иностранныхъ дѣлъ, министра военнаго, намѣстника и русскаго посланника въ Японіи, черезъ посредство Абазы ведутся переговоры съ правительствомъ микадо, даются тѣ или другія важныя обязательства (док. № 5), безъ вѣдома министра иностранныхъ дѣлъ посылаются намѣстнику руководящія указанія по важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики (№ 1), такимъ же образомъ (№ 25) посылаются весьма конфиденціальныя телеграммы генер.-адъютанту Алексѣеву относительно образа дѣйствій по отношенію къ Японіи). И это происходитъ въ то время, когда русское министерство иностранныхъ дѣлъ черезъ посредство графа Бенкендорфа въ Лондонѣ или нашего посланника въ Токіо ведетъ дѣятельные переговоры съ Японіей и даетъ отъ имени своего правительства тѣ или другія формальныя обѣщанія. Въ книгѣ японскаго государственнаго дѣятеля Суематзу [1]) заключается много интересныхъ фактовъ, указывающихъ на рѣзкое, порой ничѣмъ совершенно необъяснимое, противорѣчіе между тѣми или другими формальными обѣщаніями, данными Англіи и Японіи русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и шагами, которые, какъ бы въ явное нарушеніе данныхъ обязательствъ, предпринимались Россіей чуть ли не на другой день. Суть въ томъ, что министерству иностранныхъ дѣлъ и его оффиціальному руководителю и представителю Ламсдорфу было предоставлено право подписывать послѣ высочайшаго на то разрѣшенія соотвѣтствующіе трактаты и договоры съ иностранными государствами, но въ то же время Безобразову и К° было предоставлено право руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ той точкой зрѣнія, по которой «договоры и трактаты не должны быть для насъ препятствіемъ для выполненія нами нашей исторической миссіи на Дальномъ Востокѣ», согласно формулѣ самого Безобразова.

Въ настоящій моментъ послѣ опубликованія записокъ Куропаткина, Малиновой книги, упомянутой записки Ламсдорфа и многихъ другихъ документовъ, появившихся въ Россіи и за границей, не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что не одинъ разъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ узнавало о какихъ нибудь важныхъ фактахъ нашей внѣшней политики только на другой день послѣ того, какъ эти факты по волѣ Абазы или Безобразова становились уже, неожиданно для министерства, достояніемъ неизгладимаго и непоправимаго прошлаго.

Но таково было гражданское малодушіе, своекорыстіе, безпредѣльный эгоизмъ Куропаткина, Ламсдорфа, Витте и К°, что, понимая всю опасность дальневосточной авантюры, они готовы были пожертвовать самыми насущными интересами Россіи, лишь бы только не повредить своей личной карьерѣ. Поэтому, если порой эти дѣятели составляли тайные доклады, гдѣ подчеркивалось все безуміе, вся опасность дальневосточной политики, зато, съ другой стороны, никѣмъ изъ нихъ не было сдѣлано ни одного рѣшительнаго шага, который могъ

[1]) La Russie et le Japon" par baron Suyematzu, Paris.

бы оказать хоть какое-нибудь серьезное противодѣйствіе воинственнымъ планамъ Абазы, Безобразова, Алексѣева и пр. Наоборотъ, и Витте, и Куропаткинъ, и Ламсдорфъ, видя неизбѣжное приближеніе катастрофы, всю серьезность которой они понимали лучше, чѣмъ кто либо другой, тѣмъ не менѣе имѣли въ виду лишь одно—удержаться на своемъ посту, сохранить свое вліяніе и свои доходы. Увидя, что руководители и иниціаторы дальневосточной авантюры пользуются преобладающимъ вліяніемъ, они сочли болѣе удобнымъ для себя поплыть по теченію.

Политика Россіи по отношенію къ Китаю, постепенное усиленіе войскъ, находящихся въ Манчжуріи, усиливало недовѣріе къ русской политикѣ въ правящихъ кругахъ не только Японіи, но также Англіи, Соединенныхъ Штатовъ. Всѣ эти государства, и въ томъ числѣ Германія [1]), настаивали передъ китайскимъ правительствомъ на томъ, чтобы послѣднее не вступало ни въ какія сепаратныя соглашенія съ Россіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, недопущеніе Россіей открытія иностранныхъ торговыхъ консульствъ въ Манчжуріи и настойчивое стремленіе Россіи добиться сохраненія этого ограниченія и въ будущемъ, послѣ эвакуаціи Манчжуріи, вызывали сильную тревогу и озлобленіе въ торгово-промышленныхъ классахъ Англіи и Америки, давали обильный матеріалъ органамъ буржуазной прессы обѣихъ странъ для разоблаченія «воинственныхъ плановъ», «агрессивной политики», «эгоизма» Россіи.

Въ ноябрѣ 1903 г. англійскій министръ Ландсоунъ обратилъ вниманіе русскаго посланника Бенкендорфа на положеніе дѣлъ въ Манчжуріи, указалъ на отвратительное впечатлѣніе (l'effet déplorable), какое производитъ повсюду нежеланіе Россіи соблюдать данныя ею обязательства, и выразилъ надежду, что русскія войска очистятъ, наконецъ, Манчжурію. Съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе очевидно, что Англія и Соед. Штаты не желаютъ примириться съ завоевательными планами Россіи на Дальнемъ Востокѣ и готовы будутъ въ случаѣ необходимости всѣми силами поддержать Японію въ надвигающемся конфликтѣ [2]).

15 (28) іюля 1903 года Японія обратилась къ русскому правительству съ предложеніемъ вступить въ переговоры для дружескаго соглашенія по вопросу о разграниченіи сферъ вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Продолжительное и пренебрежительное молчаніе русской дипломатіи, не спѣшившей съ отвѣтомъ [3]), усиленныя военныя приготовленія и вызывающія демонстраціи, мобилизація

---

[1]) Извѣстно, что въ октябрѣ 1900 г. былъ заключенъ англо-германскій договоръ, гарантировавшій независимость Китая и направленный противъ Россіи. Впрочемъ, какъ выяснилось изъ послѣдующихъ событій, Германія, заключая этотъ договоръ, въ сущности руководилась лишь желаніемъ обострить отношенія между Россіей и Англіей.

[2]) Еще въ сентябрѣ 1903 г. правительства Японіи, Англіи и Америки одновременно обратились къ китайскому правительству съ нотой, указывая на необходимость отвергнуть русскія притязанія.

[3]) На первое предложеніе Японіи отъ 12 августа 1903 г. Россія отвѣтила 30 октября, т. е. черезъ пятьдесятъ два дня; на 2-ое предложеніе, формулированное 30 октября, Россія отвѣтила 11 декабря, т. е. черезъ сорокъ два дня. На третью ноту Японіи отъ 18 декабря 1903 г. Россія отвѣтила 6 января 1904 г., черезъ 19 дней. На 4-ую ноту отъ 13 января русское правительство не торопилось

русскихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ—все это возбуждало въ Японіи тревожное настроеніе. Наконецъ, петербургское правительство послѣ долгихъ проволочекъ отвѣтило Японіи, что оно поручило веденіе переговоровъ съ послѣдней намѣстнику Алексѣеву, какъ бы желая показать этимъ, что оно считаетъ унизительнымъ для себя непосредственное веденіе переговоровъ съ какой-то Японіей, которую у насъ въ высшихъ кругахъ пренебрежительно называли «страной макаковъ». Японское правительство увидѣло въ этомъ актѣ оскорбленіе національнаго достоинства Японіи [1]). Тѣмъ не менѣе, правительство микадо согласилось вступить въ переговоры съ Алексѣевымъ. Отвѣтъ, полученный отъ послѣдняго, былъ прямымъ отказомъ удовлетворить какимъ бы то ни было предложеніямъ Японіи. Это обстоятельство въ чрезвычайной мѣрѣ усилило возбужденіе въ Японіи. Именно тогда японскій парламентъ потребовалъ немедленнаго объявленія войны и только осторожность японскаго правительства помѣшала въ тотъ моментъ разразиться кровавому конфликту. Парламентъ былъ распущенъ и этимъ путемъ пріобрѣтена отсрочка для возобновленія переговоровъ. Японія обратилась къ Россіи съ нотой, просила обсудить вопросы, затронутые въ 1-ой нотѣ, не найдетъ ли Россія возможнымъ указать путь для примиренія обоюдныхъ интересовъ и правъ. Послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ получить какой-нибудь отвѣтъ на послѣднюю ноту, японское правительство рѣшило начать войну съ Россіей.

26—27 янв. (8 февр.) японское правительство, желая сразу обезпечить своему флоту господство на морѣ, столь важное для успѣшнаго веденія дальнѣйшихъ военныхъ операцій, внезапно, безъ всякаго формальнаго объявленія, начало военныя дѣйствія противъ Россіи. Небольшой отрядъ японскихъ миноносцевъ, пользуясь безпечностью Алексѣева, который, какъ библейскій Сарданапалъ, устраивалъ въ своей столицѣ лишь веселія и пиршества, не заботясь серьезно о чемъ либо другомъ, и полной анархіей, господствовавшей въ Портъ-Артурѣ, безъ труда проникъ внутрь нашего первокласснаго порта, «неприступной русской твердыни», находившейся въ данный моментъ на военномъ положеніи, и атаковалъ многочисленную и прекрасно-вооруженную русскую эскадру, состоявшую изъ 30 большихъ и малыхъ судовъ. Въ результатѣ три лучшихъ судна нашей тихо-океанской эскадры, броненосцы Цесаревичъ и Ретвизанъ и крейсеръ Паллада были выведены изъ строя. Такимъ образомъ, начался непрерывный рядъ морскихъ катастрофъ, который долженъ былъ закончиться полнымъ уничтоженіемъ русскаго флота при Цусимѣ.

Это былъ первый грозный ударъ, нанесенный Японіей Россіи, вѣрнѣе сказать, старому русскому режиму, ударъ, который ясно показалъ всю гниль, все внутреннее безсиліе якобы несокрушимаго военнаго могущества Россіи [2]).

отвѣтить, несмотря на всѣ настоянія Японіи, и поэтому правительство микадо 5 февраля дало приказъ японскому посланнику въ Петербургѣ прервать дипломатическіе переговоры съ Россіей и оставить столицу послѣдней.

[1]) См. „La Russie et le Japon“ par Suyematzu, стр. 27.

[2]) Какъ явствуетъ изъ „Записокъ губернатора“, въ высшихъ правительственныхъ кругахъ нападеніе Японіи и аттака 26—27 января разсматривались попросту какъ „укусъ блохи“. Князь С. Д. Урусовъ. Записки губернатора, стр. 239. Берлинъ 1908 г.

Тѣмъ не менѣе, у насъ въ Россіи, да и въ остальной Европѣ было очень мало людей, которые предвидѣли дѣйствительный исходъ начавшагося поединка. Россія января 1904 г.—это 130 милл. жителей, 2 милліарда бюджета, 1.600 батальоновъ, 5.300 полевыхъ орудій, 23 эскадренныхъ броненосца. Японія—45 милл. жителей ($^1/_3$), 600 милл. бюджета (въ $3^1/_2$ раза меньше), 156 батальоновъ (больше чѣмъ въ 10 разъ меньше), 6 броненосцевъ (въ четыре раза меньше). Болѣе того, къ концу 1903 г. золотая наличность нашего государственнаго банка достигала колоссальной суммы въ 1.058 милліоновъ рублей, увеличившись за одинъ только истекшій годъ на $130^1/_2$ милліоновъ. Такимъ образомъ, и деньги—этотъ жизненный нервъ войны—имѣлись какъ будто болѣе чѣмъ въ достаточномъ количествѣ для веденія войны съ какой нибудь Японіей. Сомнѣнія въ побѣдѣ Россіи, казалось, не могло быть. Не только вся наша консервативная печать, но даже и оппозиціонная высказывала убѣжденіе, что Россія въ конечномъ счетѣ побѣдитъ. «Всякій непредубѣжденный прекрасно знаетъ, писалъ Изгоевъ въ «Южномъ Обозрѣніи», что побѣдившей стороной въ конечномъ счетѣ не можетъ не быть Россія». Иностранный обозрѣватель «Вѣстника Европы» усердно развивалъ ту мысль, что наша война только колоніальная и что Японія это только маленькій мопсъ, укусившій въ ногу огромнаго сенъ-бернарда, а талантливый военный сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей» С. К. даже черезъ 3 мѣсяца послѣ начала военныхъ дѣйствій предусматривалъ возможность побѣдоноснаго для Россіи окончанія войны въ декабрѣ того же года [1]). Болѣе того, порой—правда очень рѣдко и притомъ лишь въ самомъ началѣ войны—мнѣніе о несомнѣнной побѣдѣ Россіи надъ Японіей встрѣчается также въ листкахъ и органахъ нашей крайней революціонной печати. Такъ въ прокламаціи СПБ. комитета Р. С. Д. Р. П. за февраль 1904 г. подъ заглавіемъ «Наши неудачи на Дальнемъ Востокѣ» мы читаемъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что мы въ концѣ концовъ возьмемъ количествомъ своихъ войскъ... Погибнетъ корпусъ за корпусомъ, составятся громадныя горы труповъ и на этихъ горахъ мы водрузимъ знамя славы и побѣды. Такъ было послѣ русско-турецкой войны». Но отбросивъ въ сторону эти рѣдкія исключенія, приходится признать, что все-таки только наша революціонная печать сумѣла заранѣе предугадать дѣйствительный исходъ войны.

Послѣ столь роковой для нашего флота атаки 26—27 янв., цѣлый рядъ катастрофъ обрушился на русскую эскадру и русскую армію, которыя въ теченіе 12-ти мѣсяцевъ войны не сумѣли нанести ни одного пораженія побѣдоносному врагу. 31 марта (13 апрѣля) во время выхода эскадры Макарова изъ Портъ-Артурской гавани, на выручку миноносца «Страшнаго», окруженнаго 4 японскими миноносцами и затѣмъ затопленнаго ими, адмиральское судно наткнулось на мину, поставленную, по мнѣнію однихъ, японцами, по мнѣнію другихъ, самими русскими, и взлетѣло на воздухъ, затонувъ черезъ 2 минуты вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ и почти всѣмъ экипажемъ броненосца «Петропавловскъ».

[1]) См. „Русскія Вѣдомости“ 28 марта 1904 г. С. К. „Возможенъ ли скорый конецъ войны?“—Болѣе подробно о взглядѣ нашей печати на исходъ войны, см. Волонтеръ „Русско-японская война“, стр. 67—69 и сборникъ „За 2 года“ т. I, стр. 642—647.

Послѣ этой катастрофы остальныя русскія суда въ безпорядкѣ отступили обратно, при чемъ броненосецъ «Побѣда» также наткнулся на мину и получилъ пробоину.

Въ концѣ этого же мѣсяца—18 апрѣля—генералъ Куроки во главѣ 42.000 арміи аттакуетъ 17-ти-тысячную русскую армію, укрѣпившуюся на Ялу подъ командой Засулича. Такъ какъ русскіе занимали сильныя позиціи на берегу рѣки, у многихъ была крѣпка увѣренность, что русскія войска отбросятъ армію Куроки или во всякомъ случаѣ задержатъ на долгое время наступающаго врага. Предполагалось, что наша армія по крайней мѣрѣ сумѣетъ нанести японцамъ такіе же удары, какіе Османъ-паша нанесъ Криденеру, Шильдеръ-Шульдеру и Скобелеву. Но на Ялу повторилась не исторія геройской обороны Плевны, а исторія неудачной защиты Дуная турками въ 1877 г. 18 апрѣля, въ 7 час. утра японская пѣхота двинулась въ атаку противъ русскихъ позицій, а уже въ 2 часа дня началось поспѣшное отступленіе нашихъ войскъ, превратившееся въ паническое бѣгство нѣкоторыхъ частей (22-й полкъ). Наша армія потеряла 2.395 человѣкъ ранеными и убитыми. Въ качествѣ военной добычи японцамъ достались 30 орудій и около 600 плѣнныхъ. Въ одномъ только первомъ сраженіи русскіе потеряли не меньшее количество орудій, чѣмъ отдали въ руки буровъ англійскія войска въ результатѣ всей южно-африканской кампаніи, состоявшей изъ цѣлаго ряда крупныхъ и малыхъ неудачъ. Японцы начали побѣдоносно и сухопутную кампанію, въ которой, по завѣреніямъ русскихъ генераловъ и въ томъ числѣ Драгомирова, японцамъ угрожало неминуемое пораженіе при первомъ столкновеніи.

Пораженіе русскихъ войскъ на Ялу произвело громовое впечатлѣніе на европейское и русское общественное мнѣніе. Европейская печать усиленно комментировала моральное, политическое и стратегическое значеніе этого событія. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти неудачи поколебали увѣренность и многихъ русскихъ гражданъ въ благополучномъ исходѣ войны и заставили многихъ задуматься надъ вопросомъ о нашихъ внутреннихъ непорядкахъ. Раздутый нашимъ же правительствомъ патріотическій интересъ къ войнѣ, подогрѣтый реакціонной печатью и тысячью патріотическихъ листковъ, началъ захватывать все болѣе и болѣе широкіе слои населенія, а наши военныя неудачи, столь оскорбительныя для національнаго самолюбія, стали фатально приковывать вниманіе даже индифферентныхъ къ общественнымъ вопросамъ людей къ бьющимъ въ глаза темнымъ сторонамъ нашего государственнаго строя.

15 (28) мая 40-тысячная японская армія подъ командой Оку аттакуетъ «неприступныя» позиціи на Кинчоу, чрезвычайно важный стратегическій пунктъ, заграждающій подступъ къ Дальнему и Портъ-Артуру. Послѣ упорнаго боя, японская армія, потерявъ 4.613 человѣкъ убитыми и ранеными, беретъ приступомъ Кинчоу, захвативъ при этомъ 72 орудія. Русскія войска отступаютъ, потерявъ 700 чел. ранеными и убитыми. Становится очевиднымъ, что прославленные своей храбростью русскіе солдаты, сражаясь за чуждое и не понятное имъ дѣло, не въ состояніи проявить той стойкости, какую обнаруживаютъ японскіе солдаты, одушевленные горячимъ патріотизмомъ и самоотверженно рвущіеся въ бой подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ противъ неприступ-

ныхъ позицій. Вмѣстѣ съ тѣмъ ярко обнаруживается въ глазахъ всей Европы и передовыхъ слоевъ русскаго общества вся лживость нашихъ оффиціальныхъ и офиціозныхъ сообщеній, весь нашъ дальневосточный «bluff». Только въ апрѣлѣ наше правительство черезъ посредство русскихъ и заграничныхъ рептильныхъ органовъ печати заявляло urbi et orbi о томъ, что численность дальневосточной арміи превышаетъ 300.000 [1]) чел., и однако при Кинчоу, какъ и на Ялу, оно не въ состояніи противоставить Японіи болѣе или менѣе равносильную по численности армію. Отбросивъ русскія войска отъ Кинчоу, японская армія изолируетъ Портъ-Артуръ и, укрѣпившись на перешейкѣ, отрѣзываетъ Ляодунскій полуостровъ отъ остальной Россіи. Такимъ образомъ, уже на 4-ый мѣсяцъ войны Корея и Ляодунскій полуостровъ—конечная цѣль начатой Японіей войны—оказываются уже отдѣленными отъ русской арміи барьеромъ японскихъ войскъ.

Взятіе Кинчоу вызвало сильную панику въ нашихъ правящихъ кругахъ. Усиливавшееся со дня на день народное броженіе, ростъ недовольства и революціоннаго движенія въ странѣ вызывалъ съ точки зрѣнія правительства настоятельную необходимость въ какой-нибудь немедленной военной побѣдѣ, которая возстановила бы честь русскаго оружія и подняла бы начинающій уже падать престижъ режима въ глазахъ народныхъ массъ. По наущенію Алексѣева и К°, желавшихъ во что бы то ни стало спасти Портъ-Артуръ, и въ силу указанныхъ выше соображеній внутренней политики, военный совѣтъ, состоявшійся по слухамъ въ пятницу 22 мая въ Царскомъ Селѣ, постановилъ дать приказъ Куропаткину идти на выручку Портъ-Артура. Такимъ образомъ, хотя въ самомъ началѣ войны правительство призывало общество терпѣливо выжидать грядущихъ событій, но очевидно, что подъ вліяніемъ внутреннихъ неурядицъ въ странѣ правительство само начало прежде другихъ терять самообладаніе и терпѣніе. Въ результатѣ послѣдовало безсмысленное движеніе Штакельберга на югъ и бой на Вафангоу. 35-ти-тысячная русская армія была разбита на голову и отступила въ полномъ безпорядкѣ, потерявъ массу убитыхъ и раненыхъ и 17 орудій. Въ этомъ сраженіи японцы не имѣли на своей сторонѣ численнаго превосходства. Они побѣдили, главнымъ образомъ, благодаря поразительной мѣткости своей артиллерійской стрѣльбы, изумившей своей точностью французскихъ и нѣмецкихъ военныхъ аташе, слѣдившихъ за ходомъ сраженія [2]). Съ другой стороны, русскіе редуты при Вафангоу были устроены по устарѣлой системѣ такъ что они совершенно не защищали ни отъ шрапнелей, ни отъ разрывныхъ гранатъ и вообще представляли собой, по насмѣшливому отзыву Куроки, дѣтскія игрушечныя укрѣпленія. Удивительно ли, что по прошествіи 15 минутъ послѣ того, какъ японцы открыли огонь, ни одно изъ 64 орудій, имѣвшихся въ распоряженіи Штакельберга, уже не стрѣляло, сотни артиллеристовъ были убиты и почти всѣ орудія подбиты [3]).

---

[1]) La guerre russo-japonaise par le colonel breveté E. Bujac. Paris см. стр. 148. Mc. Cormick. The Tragedy of Russia vol. I p. 121.

[2]) Mc. Cormick. The Tragedy of Russia vol. 1 стр. 128.

[3]) Волонтеръ. Русско-японская война, стр 165.

Движеніе къ Портъ-Артуру Штакельберга,—когда съ фланга ему угрожала готовая броситься, какъ хищный звѣрь на давно подстерегаемую добычу, сильная и готовая къ бою японская армія и когда въ случаѣ весьма проблематической побѣды предстояло еще прорваться сквозь заново укрѣпленный и занятый побѣдоносными японскими войсками грозный Кинчоускій перешеекъ,—представляло собой безсмыслицу съ стратегической точки зрѣнія, ибо такую задачу могла бы взять на себя съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ лишь втрое или вчетверо сильнѣйшая армія. Это движеніе, на всю опасность и нелѣпость котораго указывала своевременно вся дружественная Россіи европейская печать, навязывалось исключительно политическими соображеніями. Поразительна аналогія между мотивами, побудившими какъ Наполеона III, такъ и русское правительство, перейти въ наступленіе, когда послѣднее являлось съ военной точки зрѣнія простымъ самоубійствомъ. Послѣ того, какъ Базенъ былъ отброшенъ къ Метцу, какъ Стессель отъ Кинчоу къ Портъ-Артуру—Наполеонъ III въ виду численнаго превосходства на сторонѣ нѣмецкой арміи долженъ былъ отступить къ Парижу, какъ Штакельбергъ къ Ляояну—чтобы собраться съ новыми силами, но императрица и министерство Паликао, замѣнившее павшее министерство Оливье, сообщили императору, что дальнѣйшее отступленіе можетъ вызвать революцію и заставили французскую армію двинуться впередъ, что и привело къ Седанской катастрофѣ.

Послѣ пораженія при Вафангоу слѣдуютъ неудачи при Мотіенъ-Лингѣ 4 іюля, когда русская армія по приказу Куропаткина, желавшаго отпраздновать годовщину взятія Шипки, пытается взять приступомъ занятый горстью японцевъ горный перевалъ и послѣ цѣлаго ряда безуспѣшныхъ атакъ, разбиваетъ себѣ «лобъ»,—какъ армія Сулеймана паши подъ Шипкой—объ японскія позиціи, затѣмъ пораженія при Тачикао, Юшулингѣ и, наконецъ, Янг-цу-лингѣ, гдѣ наши войска отступаютъ, потерявъ нѣсколько тысячъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ генерала Келлера (17—18 іюля).

28 іюля (10 августа) Портъ-Артурская эскадра по приказу изъ Петербурга [1]) прорваться во что бы то ни стало къ Владивостоку дѣлаетъ заранѣе обреченную на неудачу попытку вырваться изъ западни, куда она сама себя заперла, не рѣшившись въ началѣ войны выйти въ море и дать сраженіе японскому флоту внѣ района крѣпости. Въ результатѣ этой неудачной попытки часть русской эскадры разсѣялась въ различныя стороны, убѣгая отъ японцевъ, остальная—въ составѣ 5 броненосцевъ послѣ смерти адмирала Витгефта отступила по приказу растерявшагося Ухтомскаго въ Портъ-Артуръ, обрекая себя такимъ образомъ на вѣрную гибель. Сильная русская эскадра, состоявшая изъ 6 броненосцевъ, 4 крейсеровъ и другихъ судовъ снова потерпѣла страшное пораженіе, потерявъ до девяти судовъ и не причинивъ, съ своей стороны, никакихъ потерь противнику.

---

[1]) „Выходъ эскадры 28 іюля с. г. для прорыва во Владивостокъ—писалъ командующій портъ-артурскимъ флотомъ Стесселю въ отвѣтъ на придирки послѣдняго—былъ предпринятъ по Высочайшему повелѣнію, переданному телеграммой Намѣстника, хотя большинство адмираловъ и командировъ было того мнѣнія, что прорывъ невозможенъ", см. отвѣтъ на отношеніе Стесселя за № 2241. Саперъ „Генералъ Стессель въ Портъ-Артурѣ", Спб. 1906 г.

1 (14) августа происходитъ морское сраженіе между Владивостокской эскадрой и флотомъ Камимуры, въ результатѣ гибель крейсера «Рюрикъ» и сильныя поврежденія на «Громобоѣ» и «Россіи».

Этотъ непрерывный рядъ неудачъ дѣйствуетъ обезкураживающимъ образомъ на наше правительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ результаты войны начинаютъ все рѣзче сказываться на экономической жизни страны. Прежде всего вліяніе войны даетъ себя чувствовать въ Сибири. Благодаря отказу Сибирской желѣзной дороги принимать частные грузы, весь торгово-промышленный оборотъ этой окраины оказывается подорваннымъ въ корнѣ. Кромѣ того, призывъ подъ оружіе громаднаго большинства мужского населенія Сибири и конская мобилизація ставятъ крестьянское хозяйство Сибири въ весьма критическое положеніе. Благосостояніе края подрывается надолго. Экономическій кризисъ, вызванный войной, не ограничивается, понятно, одной Сибирью. Въ началѣ бѣдствіе, вызванное войной, съ особой силой проявляется въ Царствѣ Польскомъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Заграничные банки при первомъ же извѣстіи о войнѣ закрываютъ кредитъ, которымъ до сихъ поръ въ широкой мѣрѣ пользовались польскія фирмы. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается застой въ фабричной и заводской дѣятельности.

Рѣзкіе признаки бѣдствія, вызваннаго войной, начинаютъ проявляться и въ деревнѣ. Общее сокращеніе издержекъ, вызванное военными расходами, отражается и на продовольственномъ дѣлѣ. Крестьянское раззореніе, народная нужда усиливаются въ необычайной степени и во многихъ мѣстностяхъ бѣдствіе населенія доходитъ до небывалыхъ размѣровъ.

Усиленію торгово-промышленнаго кризиса въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ обезцѣненіе русскихъ бумагъ и паденіе курса русскаго рубля. Передъ войной курсъ русскихъ 4 процентныхъ бумагъ доходилъ на лондонской биржѣ до 101. Съ началомъ войны этотъ курсъ началъ медленно, но непрерывно падать. Гибель Петропавловска въ морскомъ сраженіи 31 марта (13) и разгромъ русской арміи на Ялу вызвали панику на биржѣ и курсъ упалъ до 87. Затѣмъ подъ вліяніемъ слуха о гибели японскихъ судовъ при бомбардировкѣ Портъ-Артура курсъ русскихъ фондовъ нѣсколько поднялся и они стали котироваться на лондонской биржѣ по 90—91. Взятіе Кинчоускаго перешейка и отступленіе русскихъ войскъ къ Портъ-Артуру вызвали новое паденіе русскихъ бумагъ.— Обезцѣненію русскаго рубля на внутреннемъ рынкѣ содѣйствовалъ усиленный выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, вызванный войной. Послѣ того какъ свободная наличность государственнаго казначейства, оставшаяся къ началу 1904 г. (321 милл. р.), затѣмъ средства, получившіяся отъ сокращенія смѣтныхъ ассигнованій (134,4 мил. р.) и нѣкоторыя другія суммы (40 мил. р.), наконецъ, сумма, получившаяся отъ краткосрочнаго внѣшняго займа (300 мил. р.), заключеннаго въ апрѣлѣ, были израсходованы [1]), финансовому вѣдомству пришлось изыскивать новые источники средствъ. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе простой, былъ найденъ въ выпускѣ новыхъ кредитныхъ билетовъ. Отъ начала войны по августъ правительство выпустило кредитныхъ билетовъ на 170 мил. р., а такъ какъ въ началѣ 1904 г. число выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ равнялось

[1]) Въ общемъ всѣ перечисленные доходы дали сумму, превысившую 600 мил. р.

630 мил. р., за краткій 7 мѣсячный промежутокъ сумма кредитныхъ билетовъ увеличилась въ необычайной пропорціи на 26%; это въ связи съ торгово-промышленнымъ кризисомъ, обрушившимся на страну, должно было рѣзко отозваться на устойчивости нашей валюты и повесть за собой сильное вздорожаніе всѣхъ жизненныхъ продуктовъ. Съ другой стороны, высочайшимъ указомъ 30 іюля 1904 г. былъ выпущенъ, «для покрытія предстоящихъ чрезвычайныхъ расходовъ, вызываемыхъ войной», внутренній заемъ на сумму 150 мил. р. Этотъ внутренній заемъ на военныя нужды, извлекши значительные капиталы изъ народнаго обращенія, оказалъ въ свою очередь неблагопріятное вліяніе на внутренній денежный рынокъ, и безъ того находившійся въ крайне угнетенномъ состояніи [1]).

Желая предотвратить надвигающійся революціонный взрывъ и ослабить общее недовольство, растущее параллельно съ нашими новыми неудачами на Дальнемъ Востокѣ и обостреніемъ кризиса внутри страны, правительство идетъ на «уступки» духу времени. 11 авг. 1904 г. объявляется высочайшій манифестъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ деревнѣ и въ войскахъ и сложеніи недоимокъ выкупныхъ платежей съ крестьянскаго населенія на сумму 127 милл. рублей. Одновременно съ высочайшимъ манифестомъ 11 авг. состоялся еще именной высочайшій указъ правительствующему сенату «впредь до общаго пересмотра законодательства о евреяхъ», вводящій «нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствующія постановленія о правахъ ихъ жительства въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи» и дающій нѣкоторыя, правда, очень ничтожныя льготы еврейскому населенію Россіи. 13 (26) авг. опубликовывается высочайшій манифестъ объ открытіи сейма въ Гельсингфорсѣ.

Между тѣмъ военныя дѣйствія идутъ своимъ порядкомъ. 11 августа японцы подступаютъ къ Ляояну, который Куропаткинъ укрѣплялъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ, истративъ на одни фортификаціонныя укрѣпленія до 5 милл. руб.; городъ защищается громадной арміей, по численности превосходящей армію противника, и прекрасной артиллеріей, состоящей изъ орудій новѣйшихъ системъ [2]). Вся русская печать съ нетерпѣніемъ ждетъ сраженія, увѣренная, что Куропаткинъ, опираясь на сильныя позиціи и громадную армію, отброситъ непріятеля и нанесетъ ему страшное пораженіе [3]). Подступивъ къ Ляояну, японцы начинаютъ его бомбардировку, причемъ пускаютъ въ ходъ захваченныя въ предшествующихъ сраженіяхъ русскія орудія и снаряды [4]), стрѣляя при этомъ съ поразительной силой и мѣткостью, и послѣ цѣлаго ряда

---

[1]) Обостренію кризиса въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ и крайне невыгодный торговый договоръ съ Германіей, обезцѣнившій самую важную часть русскаго экспорта—хлѣбъ. Русское правительство вынуждено было подписать этотъ договоръ подъ вліяніемъ давленія со стороны Германіи и въ видѣ благодарности за нейтралитетъ послѣдней въ нашей войнѣ съ Японіей. Этотъ договоръ былъ до того невыгоденъ для Россіи, что нѣкоторые публицисты называли его нашимъ „экономическимъ Седаномъ".

[2]) Von Tettau. Achtzehn Monate mit Russlands Heeren in der Mandschurei Mittler) Berlin 1905.

[3]) О предсказаніяхъ русской печати насчетъ исхода Ляоанскаго сраженія см. Волонтеръ. „Русско-японская война" стр. 91, 92, 129, 130.

[4]) Mc. Cormick. The Tragedy of Russia vol I стр. 187.

аттакъ и обходнаго движенія заставляютъ русскихъ отступить, оставивъ побѣдителямъ въ качествѣ цѣннаго трофея самый главный городъ Манчжуріи, представлявшій крайне важную стратегическую базу и центральный складочный пунктъ съ громаднымъ числомъ провіантскихъ магазиновъ и обильнымъ запасомъ военной амуниціи, брошенныхъ теперь въ жертву—частью огню, частью побѣдителю. Куропаткинъ отступаетъ съ такой поспѣшностью, что не успѣваетъ даже разрушить за собой громаднаго желѣзнодорожнаго моста въ 195 саженъ длины, который находился къ сѣверу отъ Ляояна, такъ что японцы по пятамъ русской арміи переходятъ по этому мосту длиной почти въ ½ версты. Въ результатѣ этого сраженія японская армія теряетъ убитыми и ранеными 23.615 чел., русская же около 13.000.

Чѣмъ болѣе оптимистически смотрѣло заранѣе русское общество на исходъ Ляоянскаго сраженія, тѣмъ сильнѣе оказалось оно разочарованнымъ въ своихъ ожиданіяхъ. Нареканія по адресу неспособнаго правительства слышались все чаще, общественное недовольство росло. Неудачный ходъ операцій на Дальнемъ Востокѣ, отступленіе Куропаткина отъ Ляояна заставили правительство пойти дальше по пути «реформъ» и «уступокъ» общественнымъ требованіямъ. 26-го августа черезъ 6 недѣль послѣ убійства Плеве послѣдовалъ высочайшій указъ по военному вѣдомству такого содержанія: «Числящійся по генеральному штабу виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ, ген.-адъютантъ, ген.-лейтенантъ, князь Святополкъ-Мирскій назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ съ оставленіемъ въ званіи ген.-адъютанта». Начиналась «новая эра» въ исторіи Россіи.

Но склонность правительства идти по пути довѣрія къ обществу и дѣйствовать по программѣ «диктатуры сердца» продолжалась недолго. 19 сент. Куропаткинъ обращается къ войскамъ съ торжественнымъ приказомъ о наступленіи, и по странному совпаденію одновременно наше правительство—очевидно не сомнѣваясь въ близкой побѣдѣ надъ внѣшнимъ врагомъ и учитывая заранѣе всѣ результаты ея—бьетъ отбой и отказывается отъ дальнѣйшаго попустительства либеральнымъ мечтаніямъ.

«Экспериментъ довѣрія»—писали Московскія Вѣдомости—доведенъ до конца и обнаружилъ полную свою несостоятельность. Министръ внутреннихъ дѣлъ позволилъ печати свободно высказываться, а печать немедленно самымъ безцеремоннымъ образомъ злоупотребила этой свободой и вынудила министра прибѣгнуть къ цѣлому ряду репрессивныхъ, болѣе чѣмъ заслуженныхъ мѣръ. Правительству «слѣдуетъ сказать» громко и твердо свое слово, которое бы помѣшало русскому народу подумать, будто самозванные преобразователи пользуются правительственнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ». И, дѣйствительно, правительство, надѣясь на близкій военный реваншъ на поляхъ Манчжуріи, рѣшило принять надлежащія мѣры для прекращенія, какъ выразились Московскія Вѣдомости—дальнѣйшей «болтовни либераловъ» и для укрощенія крамолы.

Собравъ подъ своей командой громадную армію и имѣя значительный численный перевѣсъ и въ людяхъ и въ артиллеріи, Куропаткинъ отдаетъ свой знаменитый приказъ по войскамъ о немедленномъ наступленіи противъ японцевъ и, такимъ образомъ, предупреждаетъ послѣднихъ о готовящемся на нихъ

нападеніи. «Болѣе семи мѣсяцевъ тому назадъ»—писалъ Куропаткинъ въ своемъ приказѣ отъ 19 сент.—«врагъ вѣроломно напалъ на насъ ранѣе объявленія войны. Съ тѣхъ поръ много подвиговъ сдѣлано русскими войсками на морѣ и на сушѣ, которыми справедливо можетъ гордиться наша родина, но врагъ не только не поверженъ въ прахъ, но въ гордынѣ своей еще продолжаетъ помышлять о полной побѣдѣ надъ нами... До сихъ поръ противникъ нашъ, пользуясь большей численностью и охватывающимъ насъ расположеніемъ своихъ силъ, дѣйствовалъ по своей волѣ, выбирая удобное для себя время для нападенія на насъ. Но теперь уже настало желанное и давно ожидаемое всей арміей время идти самимъ впередъ навстрѣчу врагу. Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы манджурской арміи стали достаточны для наступленія». Черезъ нѣсколько дней послѣ своего напыщеннаго манифеста Куропаткинъ перешелъ въ наступленіе и разбитый на голову отступилъ, потерявъ около 50.000 убитыми и ранеными и 43 пушки. Японцы съ своей стороны теряютъ 20.000 убит. и ран. и 16 пушекъ, захваченныхъ нашими войсками при аттакѣ Путиловской сопки.

Это наступленіе Куропаткина было столь же безсмысленно съ стратегической точки зрѣнія, какъ и движеніе Штакельберга на выручку Портъ-Артура въ іюнѣ. Мы говоримъ, безсмысленное движеніе Куропаткина, потому что иначе нельзя назвать это движеніе русскихъ войскъ, расположенныхъ на правомъ и лѣвомъ берегу Шао, развернутой линіей въ 50 верстъ, въ то время, какъ японцы, сконцентрированные при Іентаѣ, могли легко бросить во флангъ русскимъ войскамъ всѣ имѣвшіяся у нихъ подъ рукой силы, въ особенности, когда Ояма, господствуя надъ желѣзной дорогой и держа въ своихъ рукахъ прекрасный «мандаринскій» шоссейный путь отъ Мукдена на Ляоянъ, не могъ не воспользоваться своимъ удобнымъ положеніемъ, чтобы не сдѣлать попытку отрѣзать русской арміи путь отступленія въ ея слабомъ пунктѣ по линіи сообщенія между Шао и Мукденомъ, къ востоку отъ желѣзнодорожнаго пути и манджурской дороги. Проученный всѣмъ опытомъ семимѣсячной кампаніи, всѣми предшествующими неудачами, имѣвшій возможность оцѣнить всю грозную силу японской арміи, нашъ Фабій Кунктаторъ, еще на поляхъ битвъ подъ Плевной изучившій значеніе современныхъ полевыхъ укрѣпленій, не могъ не понимать, что, наступая на Іентай, онъ могъ надѣяться на успѣхъ, только имѣя на своей сторонѣ вдвое или даже втрое болѣе многочисленное войско, чѣмъ было у японцевъ, и если тѣмъ не менѣе при перевѣсѣ всего въ 50—60 тысячъ человѣкъ онъ сдѣлалъ попытку выбить побѣдоносную и воодушевленную цѣлымъ рядомъ военныхъ успѣховъ армію изъ сильныхъ и вооруженныхъ по послѣднему слову науки полевыхъ укрѣпленій, понятно, онъ дѣйствовалъ скорѣе по политическимъ, чѣмъ по какимъ-либо стратегическимъ соображеніямъ. Экстраординарное наступленіе Куропаткина вызывалось не столько положеніемъ вещей на театрѣ внѣшней войны, сколько мотивами внутренней политики государства, гражданской войной, раздиравшей Россію, необходимостью во что бы то ни стало спасти «честь» имперіи и поднять падающій престижъ власти.

Въ теченіе всего этого періода происходятъ сраженія подъ стѣнами Портъ-Артура, но несмотря на изумительную, геройскую оборону гарнизона, стойко

защищавшаго свои позиціи, первоклассная крѣпость, «самая неприступная крѣпость въ мірѣ», имѣвшая 40.000 гарнизона, вооруженная сотнями могучихъ осадныхъ и морскихъ—снятыхъ съ военныхъ судовъ—пушекъ послѣдней конструкціи, защищенная болѣе чѣмъ ста фортами, долговременными и недолговременными, высѣченная вся въ гранитѣ—сдается на капитуляцію сравнительно немногочисленной для взятой на себя задачи японской арміи, вооруженной притомъ не особенно многочисленной артиллеріей, значительно уступающей въ общемъ по своимъ качествамъ нашимъ орудіямъ [1]). Побѣдителямъ въ качествѣ трофея достались 546 орудій, 35.282 ружья, болѣе 2.000.000 патроновъ, 82.670 снарядовъ, 4 броненосца, 2 крейсера, 14 миноносцевъ и контръ-миноносцевъ, 50 небольшихъ паровыхъ судовъ и т. д. Осада Портъ-Артура обошлась японцамъ въ 51.780 чел. убит. и ранен. [2]).

Паденіе Портъ-Артура произвело огромное впечатлѣніе на русское общество. Благодаря возмутительнымъ и наглымъ по своей лживости и рекламному характеру телеграммамъ Стесселя о фантастическихъ потеряхъ [3]) и небывалыхъ пораженіяхъ японцевъ при аттакахъ на Портъ-Артуръ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ японская армія, несмотря на всѣ потери, съ каждымъ днемъ все ближе и ближе придвигалась къ центру крѣпости, захватывая одну стратегическую позицію за другой—русское общество, не имѣвшее возможности въ силу условій русской цензуры своевременно ознакомиться съ истиннымъ положеніемъ вещей на театрѣ войны, было захвачено врасплохъ извѣстіемъ о капитуляціи Портъ-Артура, этой «грозной, неприступной крѣпости для всѣхъ враговъ, сколько бы ихъ ни было и откуда бы они ни пришли».

Событіе 9-го января въ Петербургѣ, явившееся первымъ откликомъ населенія на сдачу Портъ-Артура, послужило сигналомъ къ рабочимъ волненіямъ почти во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ Россіи.

11 (24) янв. генералъ Гриппенбергъ, дѣйствуя словно помѣшанный, въ снѣжную мятель и лютый морозъ, при которомъ раненые въ страшныхъ мукахъ умирали на полѣ сраженія прежде, чѣмъ имъ можно было оказать помощь, аттакуетъ японцевъ при Сандепу и, несмотря на громадный численный перевѣсъ, терпитъ пораженіе, потерявъ только по русскимъ оффиціальнымъ донесеніямъ 13 тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. У японцевъ выбываетъ изъ строя 8.900 человѣкъ.

---

[1]) La guerre russo-japonaise par le colonel breveté E. Bujac du 144-e d'infanterie см. стр. 393. Paris, Lavauzelle.

[2]) Объ осадѣ Портъ-Артура, см. Иностранцевъ. Осада Портъ-Артура (сост. главн. герм. генер. штабомъ) Спб. 1908 г. Эллисъ Бартеллетъ. Портъ-Артуръ, осада и капитуляція. Вѣстникъ В. Ин. Литературы, 1907 г. № 1, 2, 3. Портъ-артурскій процессъ (стенографическій отчетъ). Подъ редакціей Ксидо и М. Соколовскаго. Спб. 1908 г.

[3]) Стесселевскія телеграммы о битвахъ подъ Портъ-Артуромъ напоминаютъ тѣ знаменитыя русскія реляціи о сраженіяхъ, по поводу которыхъ одинъ изъ парижскихъ юмористическихъ журналовъ помѣстилъ во время русско-турецкой войны 1877 г. слѣдующую телеграмму: „Состоялось большое сраженіе; турки потеряли 10,000 человѣкъ. У насъ родился маленькій казакъ“.

14 февр. фельдмаршалъ Ойяма, узнавъ, благодаря болтливости Гриппенберга, точный численный составъ русской арміи и расположеніе ея силъ[1]), аттаковалъ внезапно войска Куропаткина. Завязался страшный, безпримѣрный въ военной исторіи бой подъ Мукденомъ. Въ теченіе 15 сутокъ днемъ и ночью русскія войска, защищая каждую пядь земли, стойко отражали натискъ японскихъ батальоновъ, пока, наконецъ, рядомъ искусныхъ маневровъ японскому главнокомандующему не удалось выбить нашу армію изъ ея позицій. Тогда началось страшное отступленіе русскихъ войскъ, отступленіе, при которомъ нашимъ солдатамъ пришлось проходить «сквозь строй» непріятельскихъ армій, ставшихъ шпалерами по обѣ стороны нашего отступленія. Горящіе провіантскіе магазины, подожженные по распоряженію Куропаткина съ цѣлью отнять у японцевъ возможность захватить лишнюю добычу, освѣщали гигантскимъ пламенемъ на далекое разстояніе путь отступленія нашихъ многострадальныхъ войскъ и облегчили разгромъ нашей арміи. Въ эти кровавые дни болѣе 40 тысячъ нашихъ солдатъ полегли костями на чужедальной манчжурской сторонушкѣ и вообще выбыло изъ строя болѣе 100 тысячъ человѣкъ. Отступивъ отъ Мукдена и оставивъ японцамъ священную столицу Манчжуріи, русская армія потеряла важную стратегическую базу, укрѣплявшуюся въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ. Побѣдителямъ, кромѣ громаднаго числа плѣнныхъ, достались въ качествѣ военной добычи цѣлый рядъ рельсовыхъ путей, громадные продовольственные магазины, склады аммуниціи и другихъ интендантскихъ запасовъ, скопленныхъ въ Мукденѣ за годъ войны. На 6-ые сутки послѣ взятія Мукдена японцы, обнаруживъ поразительную неутомимость, внезапно атаковали, несмотря на предшествующій 15-ти дневный бой при Мукденѣ, наши позиціи у Телина и послѣ короткаго боя взяли послѣдній. Войска наши отступили, не успѣвъ вывезти интендантскихъ запасовъ, и предали огню провіантскіе склады [2]), но и здѣсь, несмотря на это, японцамъ досталась громадная добыча.

Страшный 15-ти дневный бой у Мукдена былъ тѣмъ событіемъ, которое открыло глаза самымъ недальновиднымъ и даже совершенно слѣпымъ до той поры людямъ. Стало очевидно, что сухопутная кампанія проиграна, ибо послѣ того, какъ наша полумилліонная армія, вооруженная сотнями грозныхъ, усовершенствованныхъ пушекъ [3]) и ружей послѣдней системы, потеряла позиціи, которыя укрѣплялись болѣе 6 мѣсяцевъ подъ присмотромъ лучшихъ русскихъ инженеровъ, не могло быть уже никакой надежды на возможность побѣды на сушѣ. Съ этого момента въ русской печати начинается усиленная кампанія въ пользу немедленнаго заключенія мира. 12 марта въ зданіи московской биржи состоялось частное совѣщаніе представителей нефтяной и горной промышленности, при чемъ по иниціативѣ и предложенію извѣстнаго керосино-заводчика Нобеля былъ поставленъ на обсужденіе вопросъ о возбужденіи ходатайства о скорѣйшемъ пре-

---

[1]) Волонтеръ. Русско-японская война, стр. 186.

[2]) Иностранная печать, какъ и русская, отмѣтила тотъ фактъ, что наши интенданты, съ особымъ рвеніемъ жгли провіантскіе склады или бросали ихъ на произволъ судьбы, въ руки непріятеля съ очевидной цѣлью прикрыть свои грѣшки по части „отчетности".

[3]) Около 1500 орудій, въ томъ числѣ до 300 тяжелыхъ.

кращеніи войны, хотя бы съ потерей Сахалина и Владивостока. Это былъ очень серьезный симптомъ крайняго утомленія нашей буржуазіи затянувшейся войной. Многія важныя обстоятельства заставляли и консервативную часть нашего общества сознавать необходимость мира во что бы то ни стало. Князь Мещерскій въ «Гражданинѣ» отъ 3 марта доказывалъ,—выдвинувъ пароль «миръ и порядокъ»,—необходимость во что бы то ни стало кончить войну и въ тяжеломъ мирѣ найти энергію къ спасенію отечества отъ «внутренней погибели».

Періодъ отъ сухопутной катастрофы при Мукденѣ до катастрофы морской при Цусимѣ былъ заполненъ во внутренней исторіи Россіи цѣлымъ рядомъ важнѣйшихъ событій. Этотъ періодъ, наряду съ страшными бюрократическими репрессіями, ознаменовался высочайшимъ рескриптомъ 18 февраля,—въ которомъ большинство газетъ увидѣло «поворотный пунктъ въ русской исторіи» (Право), «начало новой эры въ нашей государственной жизни» (Русск. Вѣдомости), «радостную зарю политическаго обновленія» и т. д., равно какъ цѣлымъ рядомъ другихъ актовъ бюрократическаго реформизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ періодъ былъ отмѣченъ небывалымъ подъемомъ общественнаго настроенія, рабочаго и, наконецъ, аграрнаго движенія, охватившаго всю Россію и съ необычайной силой и энергіей проявившагося въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ (Воронежской, Курской, Орловской), а въ особенности и при томъ въ своеобразной формѣ въ Грузіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого момента та незначительная по численности часть русскаго общества, которая не желала и слышать о заключеніи мира и требовала продолженія войны «до послѣдней капли крови» [1]), считая побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ необходимой для подавленія внутренней крамолы и возстановленія чести русскаго оружія, стала возлагать всѣ свои надежды на такъ называемую Балтійскую эскадру. Цѣлый рядъ газетныхъ борзописцевъ реакціоннаго лагеря заранѣе учитывалъ результаты великой морской побѣды, которую суждено было одержать Рождественскому, заранѣе «въ кредитъ» объявленному геніальнымъ флотоводцемъ, подобно тому какъ въ началѣ войны и на тѣхъ же основаніяхъ былъ объявленъ геніальнымъ полководцемъ Куропаткинъ, котораго преждевременно провожали на войну такъ, какъ только встрѣчаютъ побѣдителя. Реакціонная печать, поддерживая нелѣпыя иллюзіи въ невѣжественной части нашего общества, рисовала уже картины тяжелаго положенія

---

[1]) Нѣсколько московскихъ дворянъ подали Государю записку, въ которой они, высказываясь рѣшительно противъ конституціи и какихъ бы то ни было реформъ, писали слѣдующее: „Именно наши военныя неудачи дали имъ („сторонникамъ представительныхъ учрежденій“ М. П.) рѣшимость выступить со своими заявленіями и создали благопріятную почву для ихъ агитаціи. Не безъ основанія можно утверждать, что рѣшительный успѣхъ русскаго оружія на Дальнемъ Востокѣ заставилъ бы умолкнуть многіе изъ голосовъ, которые такъ смѣло и настойчиво обращаются къ власти со своими требованіями“. Такимъ образомъ эскадра Рождественскаго шла въ бой въ сущности не противъ японцевъ, а прежде всего противъ „сторонниковъ представительныхъ учрежденій“, по откровенному признанію Ф. Самарина, кн. В. А. Голицына, гр. Ѳедора Уварова и еще нѣсколькихъ лицъ, подписавшихъ упомянутую записку.

арміи Ойямы, отрѣзанной отъ родныхъ береговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ картины страшнаго бѣдствія, обрушившагося на населеніе наказанной по заслугамъ Японіи, отрѣзанной отъ всего міра побѣдоносной армадой Рождественскаго и вынужденной, такимъ образомъ, подписать позорный миръ на условіяхъ, продиктованныхъ Россіей. И всѣ эти пророчества казались настолько осуществимыми, что даже присяжный политикъ «Русскаго Богатства» Южаковъ предусматривалъ возможность уклоненія Того отъ столь опасной для него битвы съ страшной русской эскадрой [1]). Но вотъ 14 мая—въ годовщину знаменитой ходынской катастрофы—соединенная русская эскадра Рождественнаго и Небогатова была неожиданно атакована въ бурную погоду эскадрой Того. Завязалась страшная, безпримѣрная въ морской исторіи битва, которая закончилась невиданной катастрофой при Цусимѣ, катастрофой, передъ которой блѣднѣютъ даже такія историческія событія, какъ пораженія при Трафальгарѣ и Лепанто. Японцы потопили 7 броненосцевъ 1-го ранга, 5 броненосныхъ и бронепалубныхъ судовъ, 1 вспомогательный крейсеръ, 4 контръ-миноносца и захватили въ плѣнъ 4 броненосца и 2 контръ-миноносца. Русская эскадра погибла, не успѣвъ нанести никакого вреда японцамъ. Отъ грозной армады Рожественскаго остались только жалкіе обломки [2]). Такимъ образомъ, громадный флотъ, стоившій болѣе 150 мил. рубл., былъ частью уничтоженъ, частью захваченъ врагами. Погибшій до того Портъ-Артурскій флотъ стоилъ еще дороже. Японскій флотъ, стоившій въ нѣсколько разъ меньше, вышелъ изъ борьбы, не только ничего не потерявъ, но и усилившись вдвое насчетъ захваченныхъ имъ русскихъ судовъ. Страшная Цусимская катастрофа была какъ бы послѣдней каплей, переполнившей чашу. Недовѣріе къ старому режиму, вовлекшему страну въ безумную и позорную авантюру, проявилось вдругъ и въ тѣхъ слояхъ общества, которые до сихъ поръ оставались глухими ко всѣмъ требованіямъ новой жизни. Такъ, напримѣръ, въ Новочеркаскѣ «Областное чрезвычайное собраніе дворянъ» (т. е. офицеровъ донскаго казачьяго полка) постановило просить государя о скорѣйшемъ созывѣ народнаго представительства, какъ единственнаго источника, способнаго возстановить внѣшнее могущество и внутреннее спокойствіе. Основные принципы предстоящихъ реформъ рѣшено послать въ совѣтъ министровъ [3]). Равнымъ образомъ, послѣ гибели эскадры Рождественскаго земства и думы снова обращаются къ царю съ заявленіемъ о необходимости созыва земскаго собора. 26 мая въ Москвѣ собираются земскіе и думскіе представители для совмѣстнаго предъявленія царю своихъ требованій. Въ то же время революціонное движеніе пролетарскихъ массъ продолжаетъ разрастаться. Въ Варшавѣ, Лодзи, Ригѣ, Либавѣ, Ревелѣ и др. мѣстахъ забастовки и волненія не прекращаются. Вспыхиваютъ колоссальныя стачки въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, Шуѣ, на екатеринославскихъ рудникахъ, на уральскихъ заводахъ и т. д. Крестьянское движеніе разростается съ необычайной силой и, несмотря на небывалыя репрессіи, принимаетъ грандіозные размѣры, захватывая все новыя мѣстности и принимая порой крайне

---

[1]) Р. Богатство 1905 г. № 5, стр. 245.

[2]) Блестящее и правдивое описаніе Цусимскаго боя, см. В. Л. Семеновъ. „Бой при Цусимѣ", Спб. 1906 г.

[3]) „Новое Время" № 10516.

острыя формы. Во многихъ мѣстахъ крестьяне и рабочіе дѣйствуютъ параллельно и нерѣдко совмѣстно. Весь Кавказъ охваченъ пламенемъ крестьянскаго и рабочаго движенія.

Въ виду такого внутренняго положенія страны безумный планъ нѣкоторыхъ представителей правительства, затянуть войну на десятилѣтіе, «воевать до тѣхъ поръ пока одинъ народъ не будетъ уничтоженъ другимъ»—становится невозможнымъ. Такимъ образомъ, послѣ Цусимской катастрофы война фактически была окончена.

11 авг., благодаря энергическому вмѣшательству и настойчивости президента Рузвельта, угадавшаго тайныя желанія обоихъ правительствъ, въ Портсмутѣ открылись переговоры о мирѣ. Не трудно было предвидѣть, каковы будутъ результаты переговоровъ о мирѣ и войнѣ, почему многіе представители нашей военной партіи считали своимъ долгомъ настаивать на продолженіи войны. Новый главнокомандующій манчжурской арміи Линевичъ посылалъ въ Петербургъ телеграммы и заявленія, убѣждая не заключать мира, но онъ ни разу не послалъ, какъ остроумно замѣтило «Новое Время», армію противъ японцевъ, чтобы такимъ образомъ постараться, если дѣйствительно была какая нибудь надежда на побѣду, измѣнить предстоящія тяжкія условія мирнаго договора. И это было лучшимъ доказательствомъ лживости всѣхъ увѣреній нашей реакціонной печати и, между прочимъ, самого «Новаго Времени» о возможности нашей побѣды надъ арміей Ойямы. Наоборотъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что русской арміи въ случаѣ новаго наступленія противъ японцевъ угрожало небывалое пораженіе. «Мукденъ былъ русскимъ Метцомъ, но въ случаѣ сраженія подъ командой Линевича русскіе имѣли бы свое Ватерлоо» [1]).

Наконецъ, миръ былъ заключенъ. «Развитію Россіи на Дальнемъ Востокѣ нанесенъ ужасный ударъ; наша политическая роль на востокѣ Азіи сведена почти къ небытію»—писало «Новое Время», оцѣнивая значеніе Портсмутскаго договора [2]). «Дипломатія сказала свое слово—писали въ такомъ же родѣ «Московскія Вѣдомости» [3])—и судьбы Россіи рѣшились на Дальнемъ Востокѣ. Портъ-Артуръ, Дальній, Инкоу, Ляоянъ, Мукденъ—отданы торжествующей Японіи. Наши корабли, крѣпости, порты, доки, желѣзныя дороги,—все у нихъ». И условія Портсмутскаго договора были, дѣйствительно, крайне тяжелы [4]), въ особенности по сравненію съ тѣми скромными требованіями, которыя предъявляла Японія передъ войной и которыя не были удовлетворены по винѣ Безобразовыхъ, Алексѣевыхъ и tutti quanti. Признаніе преобладающаго вліянія Японіи на Ко-

---

[1]) Mc Cormick. The Tragedy of Russia in pacific Asia vol II, стр. 228.

[2]) „Новое Время“ 25 авг. 1905 г.

[3]) „Московскія Вѣдомости“ 25 авг. 1905 г.

[4]) Крайне тяжкія условія, предложенныя вначалѣ Японіей и включавшія требованія уплаты громадной военной контрибуціи, уступки всего Сахалина и т. д. были смягчены побѣдителями благодаря энергичному давленію и скрытымъ угрозамъ со стороны правительства Соединенныхъ Штатовъ (см. Волонтеръ. „Русско-японская война“ стр. 11—12).. Въ вознагражденіе за эти услуги русское правительство понизило нѣкоторыя пошлины на американскіе товары. М. М. Ковалевскій. „Портсмутъ“ В. Европы 1908 г. № 6.

рею, открытіе Манчжуріи для торговли—вотъ все, чего добивалась Японія 19 мѣсяцевъ тому назадъ. Теперь же Россіи пришлось не только признать японскій протекторатъ надъ Кореей, но кромѣ того уступить Японіи Портъ-Артуръ и Дальній вмѣстѣ съ Ляодунскимъ полуостровомъ, южную половину Сахалина, 1.200 километровъ построенной на русскія деньги восточно азіатской желѣзной дороги, отказаться отъ Манчжуріи и отрѣшиться отъ своихъ видовъ на Тихій океанъ.

Портсмутскій миръ, подписанный 23 авг. и ратифицированный 1 (14) окт., былъ откровеннымъ признаніемъ стараго режима въ своемъ военномъ безсиліи противъ внѣшняго врага и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ актомъ его ликвидаціи. За нимъ послѣдовалъ знаменитый манифестъ 17 окт., завоеванный грандіозной, безпримѣрной по своимъ размѣрамъ, всероссійской забастовкой, въ которой кромѣ пролетаріата всей Россіи приняли участіе представители независимыхъ профессій (адвокаты, инженеры, врачи и т. д.), затѣмъ служащіе въ частныхъ и казенныхъ учрежденіяхъ, мировые судьи, Окружной Судъ, Судебная Палата и т. д. 22 окт. былъ подписанъ манифестъ финскому народу и указъ о созывѣ Сейма.

Русско-японская война дорого обошлась русскому народу. Уже по однимъ оффиціальнымъ даннымъ, общая сумма расходовъ, вызванныхъ русско-японской войной, за 1904 и 1905 гг. равняется двумъ милліардамъ рубл. Но если мы примемъ во вниманіе стоимость безвозвратно потерянной для насъ манчжурской дороги (400 милл. р.), Портъ-Артура, Дальняго, потопленныхъ на сотни милліоновъ р. судовъ, расходы по содержанію военнопленныхъ въ Японіи (около 200 милл. р.), далѣе по перевозкѣ ихъ и вообще всей манчжурской арміи въ Россію и т. [1])—общая сумма расходовъ, связанныхъ съ нашей манчжурской авантюрой и пресловутой концессіей на Ялу опредѣлится minimum въ пять милліардовъ рублей. Что же касается убитыхъ, раненыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти въ арміи и флотѣ во время войны, число ихъ по самому строгому подсчету доходитъ до 400.000 [2]). Таковы роковыя матеріальныя послѣдствія, тяжелое наслѣдіе, оставленное намъ минувшей войной. Къ счастью, болѣе благопріятнымъ, какъ мы видѣли, оказалось для Россіи общественное значеніе этой войны.

М. Павловичъ.

---

[1]) Французская печать высчитывала, что Россіи нужно затратить по меньшей мѣрѣ 3 милліарда фр. (т. е. болѣе милліарда рубл.) только для того, чтобы возмѣстить понесенную во время войны потерю въ ружьяхъ, пушкахъ, военныхъ снарядахъ, провіантскихъ запасахъ, вагонахъ, конскомъ составѣ и возстановить матеріальную часть сухопутной русской арміи въ такомъ видѣ, въ какомъ она была до войны.

[2]) Наши оффиціальныя данныя о потеряхъ русской арміи на войнѣ невѣрны. По японскимъ оффиціальнымъ даннымъ армія микадо потеряла въ войнѣ съ Россіей 80.378 чел. убитыми. Число же раненыхъ и заболѣвшихъ на войнѣ опредѣлялось главнымъ врачебнымъ инспекторомъ Коїке въ 457.035 чел. Процентъ раненыхъ въ японской арміи былъ значительно выше чѣмъ въ русской, но благодаря образцовой организаціи японской военно-санитарной части Японія въ этомъ отношеніи отдѣлалась гораздо легче, чѣмъ Россія. Какъ бы то ни было, и японскія потери оказались очень серьезными.

Массовое движеніе

съ 1904 по 1907 г.

ЕВГ. МАЕВСКІЙ.

Общая картина движенія.

I.

Вліяніе войны на настроеніе общества. Правительственныя «весна» и эпоха банкетовъ.

Началомъ періода наивысшаго развитія общественнаго движенія послѣднихъ лѣтъ или собственно началомъ его революціоннаго періода слѣдуетъ считать, безъ сомнѣнія, русско-японскую войну. Больше того: эта война знаменуетъ собой начало новаго періода въ русской исторіи, грань, которая отдѣлила эпоху предреволюціонную отъ собственно русской революціи. И именно съ нея,—съ этой войны—начинается та самоновѣйшая исторія русской общественности, которая до сей поры не сказала еще своего послѣдняго слова.

Война съ самаго начала была непопулярной и мало-понятной народу. Поэтому неудивительно, что разбудить шовинистическія настроенія въ массахъ, къ чему очень стремилась бюрократія, такъ и не удалось, несмотря на неоднократныя попытки. «Патріотическія» манифестаціи, организованныя правительственными агентами, проходили вяло, безъ должнаго подъема, и ужъ никакъ не могли выдержать сравненія съ воодушевленіемъ революціонныхъ демонстрацій.

Но если кого и удалось, хоть на время, но смутить «патріотическими» выкриками, такъ это неустойчивую, постоянно колеблющуюся, либеральную оппозицію. Земскій и иной либерализмъ не могъ устоять на первыхъ порахъ и качнулся въ сторону Плеве.

Передъ внѣшней опасностью, «угрожавшей странѣ», въ его сознаніи ступевалась несравненно бо́льшая внутренняя опасность, угрожавшая просыпавшемуся народу—и тѣмъ-же земцамъ—со стороны возможнаго усиленія самодержавной бюрократіи. Все было забыто, даже недавній ударъ, нанесенный Плеве тверскому земству.—Въ минуту внѣшней опасности оппозиція снималась съ очереди, объявлялась «несвоевременной»!

Правительство стало получать сотни патріотическихъ адресовъ. И только два изъ всѣхъ этихъ адресовъ—отъ тамбовскаго дворянства и тамбовскаго земства—осмѣливались робко напомнить о «самодѣятельности народныхъ силъ» и

о томъ, что послѣ пушечнаго грома необходимо, пожалуй, «вступить въ новый періодъ государственной жизни».

По словамъ адреса Совѣта Московскаго Университета русское правительство (т. е. правительство Плеве) «въ своей внѣшней политикѣ неуклонно стремится къ осуществленію нравственныхъ идеаловъ», а Совѣтъ Кіевскаго Университета, говоря о войнѣ, объяснялъ ее—какъ христіанскую миссію противъ «дерзкихъ монголовъ»!

«Городскія думы, вѣчно плачущія о недостаткѣ средствъ, и земскія собранія, постоянно кричащія о бѣдственномъ положеніи сельскихъ хозяевъ, съ какою-то бѣшеной щедростью жертвуютъ сотни тысячъ рублей на нужды арміи, на усиленіе флота, на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ» [1])... Съ начала войны и только до 11 марта 15-ю губернскими земствами было ассигновано на военныя нужды 4.710.000 р., изъ коихъ лишь 1.325.000 р. предназначены были на обезпеченіе семействъ запасныхъ.

Умѣренное «Освобожденіе» и то было сильно обезкуражено поведеніемъ земской оппозиціи.

«Я ждалъ, съ напряженіемъ ждалъ, что вотъ-вотъ раздадутся въ земскихъ собраніяхъ смѣлые голоса...—писалъ къ «Освоб.» земскій гласный Т.

— ... И вдругъ «предательская» брешь въ бортахъ «Ретвизана» и «Цесаревича» и такая-же брешь въ кораблѣ моихъ надеждъ. Вмѣсто открытаго заявленія: «да здравствуетъ свобода! да сгинетъ самовластіе!»—открытое припаданіе... И при томъ припаданіе, такъ сказать, повальное, общее, безъ единаго исключенія, безъ малѣйшаго признака колебаній и сомнѣній»...

Самъ Петръ Струве въ № 6 своей газеты писалъ съ огорченіемъ по этому поводу:

... «Въ «патріотическомъ» подъемѣ по случаю японской войны обнаружилось ужасно мало самоуваженія, спокойствія и мужества»...

Но пока либеральная оппозиція раболѣпно «припадала», сознаніе народныхъ массъ медленно, но неуклонно, какъ тяжелый жерновъ, двигаясь гдѣ-то въ невидимой глубинѣ, впитывало и перерабатывало каждое извѣстіе, всякій слухъ, приходившій съ манджурскихъ полей. Народная масса все внимательнѣй начинала прислушиваться къ тѣмъ призывамъ революціонно-соціалистическихъ партій, которыя еще недавно были совершенно чужды ей или проходили мимо ея вниманія. На ряду съ лозунгомъ «долой войну»—уже скоро сдѣлавшимся близкимъ и понятнымъ народу, *широкіе* слои народа, быть можетъ, впервые со вниманіемъ остановились на вопросѣ о «самодержавіи», «учредительномъ собраніи», даже—«республикѣ».

Революціонныя партіи не заблуждались ни минуты на счетъ значенія войны для русскаго правительства. Она—эта война—должна была совершить переворотъ въ народномъ сознаніи и она уже совершала этотъ переворотъ каждодневно и ежечасно...

Еще совсѣмъ недавно изъ иной тысячи распространенныхъ соціалистическими партіями прокламацій можно было ожидать, что до народа дойдутъ и бу-

[1]) *За два года.* Стр. 485.

дутъ имъ прочтены сотня-другая, не болѣе. Теперь десятки тысячъ революціонныхъ листковъ поглощались безъ остатка, при чемъ навѣрное $^{9}/_{10}$ изъ нихъ не только прочитывались, но и зачитывались до дыръ. Газета, которая недавно считалась въ широкихъ народныхъ массахъ—и особенно въ крестьянствѣ—дѣломъ «барскимъ» и, случайно попадавшая подъ руку, въ лучшемъ случаѣ употреблялась «на цыгарки», теперь—бережно, даже любовно расправлялась, разглаживалась, передавалась грамотѣю, и толпа, затаивъ дыханіе, жадно слушала «что̀ пишутъ о войнѣ»... Не только солдатскіе эшелоны, двигавшіеся по всѣмъ линіямъ жел. дорогъ, чуть не дрались изъ-за газеты или иного печатнаго листка, брошеннаго изъ оконъ встрѣчнаго поѣзда, но и крестьяне деревень, близкихъ къ жел. дорогамъ, съ тѣхъ поръ—и еще нѣсколько лѣтъ послѣ войны—продолжали выпрашивать у проѣзжающихъ «газетку»...

Война однимъ взмахомъ на десятки лѣтъ пододвинула деревню къ городу и его жизни... Но это былъ внутренній, скрытый процессъ, чаще всего невидимый для глаза. *Внѣшнее, видимое* и стремительное до тѣхъ поръ развитіе революціонныхъ событій, наоборотъ, какъ будто замерло, остановилось на одномъ мѣстѣ. Народныя массы, пріостановившись, казалось, глубоко задумались, и сначала съ недоумѣніемъ, а потомъ съ затаенной враждебностью жадно вглядывались на далекій востокъ, гдѣ развертывалась кровавая драма. Вотъ почему почти весь 1904 годъ, или по крайней мѣрѣ первое полугодіе,—русская общественно-политическая жизнь не отмѣчена была никакимъ крупнымъ народнымъ движеніемъ. Но эта тишина была похожа на тишину передъ бурей. Ясно было, что рано или поздно, народъ, разглядѣвшій то, что совершалось на Д. Востокѣ, долженъ былъ обернуться посмотрѣть вокругъ себя, отыскивая виновника, и задать себѣ неизбѣжный въ этомъ случаѣ вопросъ: «неужели такъ надо»?

Между тѣмъ, хотя первыя неудачи русскаго правительства на Дальн. Востокѣ лишь подогрѣвали патріотическій пылъ либеральнаго общества, однако, такое «подогрѣваніе» все же не могло продолжаться безконечно. Пораженіе, одно позорнѣе другого, слѣдовало за пораженіемъ, отступленіе за отступленіемъ и имъ—что скоро сдѣлалось яснымъ—не предвидѣлось конца. Это было слишкомъ даже для терпѣливой земской оппозиціи! Патріотическій жаръ ея быстро охладѣвалъ... Но неизвѣстно, какъ и когда *либеральная* Россія осмѣлѣла бы настолько, чтобы рѣшительно повернуться къ Плеве спиной, если-бъ не подвернулся неожиданный случай...—15 іюля Плеве былъ убитъ бомбой, брошенной Сазоновымъ подъ его карету.

Съ этого времени и особенно съ назначеніемъ кн. Святоп.-Мирскаго министромъ вн. дѣлъ началась такъ называемая эпоха «весны», выросшая и распустившаяся на почвѣ правительственнаго «довѣрія». Послѣдняя карта Плеве была бита: война оказалась неудачной, «патріотизмъ»—мертворожденнымъ. Бюрократія, загнанная въ тупой уголъ, окруженная со всѣхъ сторонъ ненавистью и недовольствомъ, принуждена была искать опоры—въ «довѣріи»... Тяжелый прессъ прежняго режима былъ для этого нѣсколько приподнятъ и освобожденнымъ такимъ образомъ верхнимъ слоямъ русскаго общества предложено было на свободѣ—«оправдать довѣріе». Этого оказалось достаточно, чтобы, съ одной стороны, часть оппозиціи, умиленная «довѣріемъ», стала бряцать мечомъ по адресу не только

внѣшняго, но и «внутренняго врага», а съ другой стороны—устами А. А. Стаховича и др. умолять этого «внутренняго врага»—не спугнуть какимъ-нибудь неосторожнымъ революціоннымъ дѣйствіемъ «новый курсъ» и не толкнуть правительство снова въ объятія реакціи! Но приподнять прессъ, сдавливавшій всю страну, означало открыть путь къ выходу не только умѣренно-либеральной Россіи, но и всѣмъ прочимъ. Поэтому все ожило и зашумѣло. На ряду съ умѣренно-либеральными элементами сдвинулась съ мѣста и болѣе рѣшительная демократическая оппозиція.

6—9 Ноября, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Шипова, состоялся оффиціально неразрѣшенный земскій съѣздъ. На немъ подавляющимъ большинствомъ была принята резолюція о созывѣ народныхъ представителей.

Какъ ни была туманна и умѣренна эта резолюція, замалчивавшая не только вопросъ о войнѣ, но и объ избирательномъ правѣ, все же это былъ первый серьезный и дѣйствительно конституціонный шагъ русской земской оппозиціи. Въ то же время это былъ первый случай, когда либеральное общество изъ сферы обычной пассивной оппозиціи посредствомъ «недовѣрія» вступало на путь активнаго политическаго дѣйствія.

Съѣздъ на все русское общество произвелъ огромное впечатлѣніе. А что всего важнѣе,—онъ разрубилъ тотъ гордіевъ узелъ бюрократическихъ запрещеній и недозволеній, который до тѣхъ поръ связывалъ и парализовывалъ всякую самодѣятельность русскаго обывателя. Вѣдь, съѣздъ былъ запрещенъ, однако, онъ состоялся на глазахъ правительства, вынесъ конституціонныя резолюціи,—и никто не былъ ни арестованъ, ни сосланъ, ни побитъ... Оппозиціонный обыватель осмѣлѣлъ и рѣшилъ: что не все то, что запрещено, дѣйствительно неосуществимо.

На предстоящихъ земскихъ собраніяхъ рѣшено было во что бы то ни стало поднять, обсуждать и проводить рѣшенія ноябрьскаго съѣзда. Нѣкоторыя изъ городскихъ думъ заговорили также болѣе смѣлымъ языкомъ. Отовсюду, изъ разныхъ мѣстъ, собирались подавать конституціонные адреса и петиціи. Печать, задавленная цензурой, осмѣлѣла. Народились новыя газеты («Наша Жизнь», «Сынъ Отечества»), проникнутыя демократическимъ духомъ и впервые заговорившія такимъ языкомъ, какого еще Россія никогда не слыхала со страницъ легальной прессы.

Тактика «захватнаго права», примѣнявшаяся до сихъ поръ лишь революціонными партіями (демонстраціи, стачки и. т. п.), примѣнена была теперь представителями «общества» въ дѣлѣ устройства политическихъ банкетовъ и собраній. Оппозиціонная бодрость передалась даже въ такую среду, отъ которой очень трудно было ожидать чего-либо подобнаго. Такъ, напр., въ Петербургѣ на банкетѣ инженеровъ, состоявшемся 5 декабря въ ресторанѣ «Контанъ» и принявшемъ довольно рѣшительную резолюцію о свободахъ, присутствовало много владѣльцевъ и директоровъ заводовъ и до 15 инженерныхъ генераловъ.

Въ цѣломъ рядѣ городовъ, кромѣ обѣихъ столицъ, были устроены такіе-же банкеты. Мѣстныя власти, подражая центральному правительству въ Петербургѣ, смотрѣли на эти собранія, обычно, сквозь пальцы. Но такая свобода была допущена властями только для такъ наз. «общества». Собранія же рабочихъ и городской демократіи могли устраиваться по старому,—лишь тайно, подъ угрозой

ареста или жестокаго избіенія. Естественно, что городская демократія и передовые рабочіе массой устремились въ эти единственно существующіе оазисы свободнаго слова. Но «общественные дѣятели», изъ опасенія потерять свою привилегію на свободу, за рѣдкими исключеніями, дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы такъ или иначе преградить входъ въ эти собранія рабочимъ и демократіи. Сдѣлать это было нетрудно,—при томъ подъ весьма благовиднымъ предлогомъ,—стоило лишь сослаться на слишкомъ тѣсное помѣщеніе или поднять входную плату до такой цифры, какая была бъ непосильной для демократіи. Рабочіе и демократическая молодежь нерѣдко вынуждены были цѣлыми часами дежурить у входовъ собраній и выпрашивать у представителей «общества» позволенія на пропускъ. Но даже тогда, когда часть жаждущихъ и попадала, наконецъ, на собраніе, чаще всего они оказывались тамъ въ неравноправномъ положеніи—въ качествѣ публики, но не участниковъ собранія.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что на этой почвѣ первая же встрѣча на открытой общественно-политической аренѣ рабочей демократіи и либеральнаго «общества» приняла форму рѣзкихъ и враждебныхъ столкновеній. Оскорбленные рабочіе и другіе «лишенные правъ», разумѣется, нарушали порядокъ и «благопристойность» собраній, постоянно и настойчиво вмѣшиваясь съ требованіемъ равноправія. Начинался шумъ, безпорядокъ, нерѣдко переходившіе и въ прямой скандалъ. Надо сказать, что и революціонныя организаціи сами не всегда проявляли достаточно такта, но первопричина лежала не столько въ нихъ и въ ихъ требовательности (вполнѣ понятной), сколько въ тѣхъ, кто стремился монополизировать то, что не подлежало никакой монополизаціи.

Впрочемъ, несмотря на всѣ преграды, устраиваемыя какъ правительствомъ, такъ и «общественными дѣятелями», демократія въ большей части городовъ, гдѣ происходили «банкеты», прорывала всякія загражденія и шагъ за шагомъ заполняла тѣ самыя собранія, которыя, по «довѣрію», были предназначены лишь для умѣренной оппозиціи...

Революціонные ораторы, до сихъ поръ пользовавшіеся успѣхомъ лишь въ конспиративныхъ собраніяхъ (которые, кстати сказать, какъ разъ въ это время стремительно разрастались и на Кавказѣ выросли до 3 тысячныхъ ночныхъ собраній), теперь и на открытыхъ банкетахъ, устраиваемыхъ представителями либерализма, стали завоевывать съ каждымъ днемъ все большее сочувствіе. На цѣломъ рядѣ такихъ банкетовъ вмѣсто умѣренныхъ резолюцій земскаго съѣзда огромнымъ большинствомъ стали проходить резолюціи, главнымъ пунктомъ въ которыхъ стояло требованіе учредительнаго собранія по четырехчленной формулѣ. Больше того, банкеты все чаще обращались въ митинги, заканчивались революціонной пѣснью и провозглашеніемъ революціонныхъ лозунговъ.

«Свобода», которую правительство имѣло въ виду дать тѣмъ, отъ кого оно надѣялось получить поддержку, на его глазахъ, такимъ образомъ, стремительно превращалась въ свободу тѣхъ, отъ кого оно могло получить лишь непримиримую вражду.

Политика «довѣрія» такъ же банкротилась, какъ и политика ежевыхъ рукавицъ!

12 декабря появился Высочайшій указъ, говорившій объ «устроеніи кре-

стьянской жизни» и указывавшій на предстоящія въ ближайшемъ будущемъ «крупныя внутреннія преобразованія»... Но тотчасъ же за этимъ на чрезвычайно скромномъ ходатайствѣ черниговскаго земства была положена извѣстная резолюція—о дерзости и безтактности... 14 декабря опубликовано было правительственное сообщеніе, угрожающее земствамъ карами за поднятіе вопросовъ, не подлежащихъ ихъ компетенціи...

Такъ кончилась правительственная «весна». Но на ея смѣну уже двигалась полоса бурныхъ потрясеній.

13 декабря въ Баку вспыхнула 22-хъ дневная всеобщая стачка, живо напоминавшая собой южную стачечную бурю 1903 года.

«Стачка вспыхнула 13 декабря, на другой день послѣ того, какъ былъ подписанъ «указъ» о незыблемости самодержавія. Она вспыхнула словно нарочно для того, чтобы показать абсолютизму и его либеральному противнику, что ведущійся между ними поединокъ совершается на почвѣ, которую въ каждый мигъ могутъ потрясти вулканическія силы борьбы пролетаріата» [1]).

II.

Гапонъ и «Общество русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ». Январьская стачка въ Петербургѣ 9 января. Правительственная политика послѣ «9 января».

Январьское движеніе 1905 г. въ Петербургѣ тѣсно связано съ именемъ священника Георгія Гапона.

Общественно-политическая дѣятельность Гапона началась съ его участія въ «зубатовскихъ» рабочихъ организаціяхъ, устроенныхъ въ СПБ. въ 1903 г. и имѣвшихъ цѣлью,—по словамъ правительственнаго сообщенія,—«удовлетвореніе ихъ (рабочихъ) духовныхъ и умственныхъ интересовъ и отвлеченіе рабочихъ отъ преступной пропаганды». Въ октябрѣ этого года Гапонъ былъ утвержденъ «предсѣдателемъ только-что основаннаго передъ этимъ «Общества русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ» и почти до конца поддерживалъ сношенія съ охраннымъ отдѣленіемъ» [2]).

Въ теченіе 1904 г. въ разныхъ частяхъ города стали открываться «отдѣлы» этого общества. Въ «отдѣлахъ» рабочіе вели бесѣды о своихъ нуждахъ, о взаимопомощи; устраивали библіотеки, а временами—танцовальные и музыкальные вечера, что привлекало и женщинъ, и дѣтей. Всякіе разговоры на политическія темы, по возможности, избѣгались.

Вполнѣ понятно, что революціонные рабочіе и интеллигенція отнеслись къ этимъ начинаніямъ, большею частью, съ величайшимъ недовѣріемъ... Да и сами руководители «Общества» вначалѣ дѣлали все возможное, чтобы ни демократическая интеллигенція, ни революціонно-настроенные рабочіе, которые могли-бы внести въ «Общество» «политику», не проникали въ «отдѣлы».—«Говорили все больше о нуждахъ и интересахъ народа—разсказываетъ рабочій, одинъ изъ участниковъ январьскаго движенія—еще говорили и о *политиче-*

[1]) „За два года", стр. 223.

[2]) *Л. Гуревичъ.* „Былое" Январь. 1906 г.

ской сторонѣ, какъ образованіе (курс. мой. Е. М.) и пр., но очень мало. Ежели же находились люди, которые, не вытерпѣвъ, начинали говорить все поголовно, такихъ людей—черезъ два дня забирали и сажали въ казематку» [1]).

Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло шло до половины 1904 г., т. е. до смерти Плеве и перемѣны курса правительственной политики.

Если судить по словамъ нѣкоторыхъ бывшихъ сотрудниковъ Гапона (какъ, напр., г. Павлова—въ «Минувш. Годахъ») или собиравшихъ матерьялъ по исторіи этого движенія (какъ г-жи Л. Гуревичъ), то можно предположить, пожалуй, что Гапонъ съ самаго начала своей общественной дѣятельности уже имѣлъ въ головѣ какой-то готовый *планъ*, который—въ сотрудничествѣ съ кружкомъ подобранныхъ имъ лицъ — онъ и провелъ шагъ за шагомъ вплоть до 9 января. Однако, всѣ подобныя разсужденія являются, въ большинствѣ случаевъ, разсужденіями, не основанными на фактахъ, или же факты, приводимые въ подтвержденіе этого, не внушаютъ довѣрія, нося явную печать субъективной окраски.

Наоборотъ. Все—и особенно печальная судьба Гапона—говоритъ за то, что, вступая предсѣдателемъ въ зубатовское «Общество» рабочихъ, онъ не имѣлъ въ то время еще никакого опредѣленнаго плана и никакихъ заранѣе поставленныхъ цѣлей,—кромѣ весьма неопредѣленнаго желанія *выдвинуться*, играть какую-либо роль, въ данномъ случаѣ, разумѣется, на службѣ у правительства, а не революціи.

Смерть Плеве и правительственная «весна», по всѣмъ видимостямъ, являются поворотнымъ моментомъ въ дѣятельности Гапона и «Общества русск. ф.-з. рабочихъ». Съ началомъ «весны», когда всѣ общественные элементы пришли въ движеніе, а бюрократія, разбитая на манджурскихъ поляхъ, нѣсколько поддалась, Гапонъ не могъ не почувствовать всю шаткость своего положенія въ роли правительственнаго агента. Не рѣшаясь разорвать съ правительственными властями, онъ пробуетъ нащупать почву и тамъ, куда подулъ вѣтеръ. Пользуясь поддержкой и покровительствомъ полиціи въ дѣлахъ своего «Общества», онъ въ то же время старается завести нѣкоторыя сношенія и съ общественными дѣятелями.

Общественное оживленіе подымаетъ настроеніе и той рабочей аудиторіи, которая, постепенно вырастая, въ концѣ 1904 г. быстро заполняетъ «отдѣлы». Либерализмъ правительственной «весны» даетъ возможность и Гапону, не подрывая къ себѣ довѣрія властей, пойти навстрѣчу этому оживленію. Онъ шагъ за шагомъ расширяетъ программу занятій и бесѣдъ въ рабочихъ «отдѣлахъ». Все это вмѣстѣ къ началу 1905 г. возбуждаетъ широкое довѣріе среди рабочихъ къ «Обществу», и въ конецъ подрываетъ то болѣе или менѣе значительное сопротивленіе, какое удавалось до тѣхъ поръ тайнымъ соціалистическимъ организаціямъ оказывать Гапону и его предпріятію. Да и самая дѣятельность Гапона и его «Общества» такъ сильно измѣняется въ сравненіи съ прежней, что передъ революціонными организаціями встаетъ вопросъ уже не о сопротивленіи или бойкотѣ этого движенія, а скорѣе—объ овладѣніи и использованіи его въ интересахъ революціи.

---

[1]) Тамъ-же.

Въ то же самое время и самъ Гапонъ, перемѣнивъ свой «курсъ», начинаетъ заговаривать, по крайней мѣрѣ, со своими ближайшими сотрудниками уже инымъ языкомъ. Съ его стороны все чаще раздаются намеки о томъ, что и онъ тоже не чуждъ сочувствія освободительнымъ идеямъ и даже—революціонерамъ, а всѣ свои закулисныя сношенія съ правительственной властью онъ старается при этомъ окутать туманомъ какой-то таинственной *идейности*. Очень вѣроятно, даже навѣрное, здѣсь и лежитъ источникъ всѣхъ тѣхъ догадокъ о грандіозномъ «планѣ», который Гапонъ будто-бы лелѣялъ въ своей душѣ съ первыхъ-же дней появленія своего въ «Обществѣ».

Съ сентября мѣсяца 1904 г., послѣ многолюднаго общаго собранія, «отдѣлы стали расти, какъ грибы, и съ середины сентября по конецъ декабря, т. е. за три съ половиной мѣсяца, «Собраніе» имѣло уже 11 отдѣловъ»... [1]) почти во всѣхъ частяхъ города. «Весь Петербургъ былъ оцѣпленъ тѣсно связанными между собой рабочими организаціями» [2]), насчитывающими до 8.000 рабочихъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно широкій успѣхъ «Общества» начался только вмѣстѣ съ общественнымъ подъемомъ и съ расширеніемъ рамокъ его дѣятельности до предѣловъ, значительно превзошедшихъ въ этомъ отношеніи всѣ до того времени допускавшіеся правительствомъ опыты «зубатовскихъ» организацій.

Разумѣется, по сравненію съ этой массовой, легально-существующей организаціей, сила тайныхъ революціонныхъ организацій (главнымъ образомъ, соц.-дем-ъ, дѣйствовавшихъ тогда въ Петербургѣ), казалась почти ничтожной. Жажда самодѣятельности, быстро растущая въ рабочихъ массахъ, не могла влиться или уложиться въ узкія рамки конспиративныхъ организацій. Потребности революціоннаго движенія давно переросли эти ограниченныя рамки и настоятельно требовали для руководства движеніемъ—широкой, открыто-существующей рабочей организаціи...

Въ концѣ декабря администраціей Путиловскаго завода было уволено четверо рабочихъ, главнымъ образомъ, по причинѣ ихъ принадлежности къ «Обществу». Съ этого началось. Гапону необходимо было показать передъ рабочими, что онъ не на словахъ только отстаиваетъ ихъ интересы, а передъ общественнымъ мнѣніемъ—демонстрировать свой либерализмъ. 28 декабря въ «отдѣлѣ»—на Вас. Островѣ—состоялось собраніе представителей отъ всѣхъ 11 отдѣловъ. (Какъ передаютъ, были приглашены и с.-д., и с.-р. рабочіе). Собраніемъ были выработаны нѣкоторые тезисы требованій [3]) (увольненіе мастера, обратный пріемъ уволенныхъ рабочихъ...) и съ ними разосланы депутаціи къ директору завода, къ фабричному инспектору и къ градоначальнику—съ жалобой. Требованія эти, однако, не были удовлетворены и съ 3 января заводъ прекратилъ работы. Выставлено было отъ 14 до 18 пунктовъ уже детально разработанныхъ требованій, между которыми было и требованіе 8 час. раб. дня.

Но что можетъ выйти изъ начавшагося движенія, никто еще не предчувствовалъ,—ни власти, все еще мягко расположенныя къ «Собранію»—этому

---

[1]) *И. Павловъ.* Воспоминанія. „Мин. Г." Мартъ—Апрѣль 1908 г.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тезисы эти подробно приведены въ „Рев. Россіи". № 60.

дѣтищу Плеве, ни самъ Гапонъ. На вопросъ, заданный въ этомъ смыслѣ Гапону 31 декабря, онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

— «Что выйдетъ?—а, ей Богу, не знаю. Должно быть, что-нибудь здоровое (крупное), но что именно—не могу сказать. А, можетъ быть, и ничего не выйдетъ—кто это теперь разберетъ!..» [1])

Еще передъ забастовкой Путиловскаго завода были устроены собранія по всѣмъ «Отдѣламъ», и забастовочное настроеніе охватило не только путиловцевъ, но и рабочихъ другихъ заводовъ.—«Движеніе въ пользу всеобщей забастовки быстро разливалось по всѣмъ главнымъ заводамъ и фабрикамъ С.-Петербурга. 4-го января было экстренное собраніе за Невской заставой и постановлено было бастовать. Однимъ изъ первыхъ сталъ Семянниковскій заводъ, имѣвшій наибольшее количество членовъ среди «Собранія», за нимъ стали другіе. Группы наиболѣе энергичныхъ рабочихъ ходили по заводамъ и мастерскимъ, безъ труда снимая мастеровыхъ съ работы. Движеніе распространялось со стихійной быстротой и въ три дня захватило до 140.000 рабочихъ... [2])

Впервые *весь* рабочій Петербургъ сдвинулся съ мѣста. Воодушевленіе рабочихъ росло съ каждой минутой и атмосфера становилась все болѣе напряженной и тревожной. Уже чувствовалось приближеніе событій. Однако, движеніе все еще не принимало опредѣленно-политической окраски. Нѣкоторые рабочіе говорили: «намъ обѣщали не трогать насъ, если мы будемъ бороться только съ нашими хозяевами»...

Съ 4—5 января «отдѣлы» «Общества» превращаются въ центры, къ которымъ неудержно стягиваются тысячи, а потомъ и десятки тысячъ рабочихъ. Внутри «Отдѣловъ» непрерывно идутъ собранія, главными ораторами которыхъ былъ Гапонъ и его сотрудники.

Отношеніе хозяевъ — представителей промышленности — къ требованіямъ, выставленнымъ рабочими забастовавшихъ фабрикъ, дѣйствовавшее опредѣленнымъ образомъ и на правительство, было—упрямо неуступчивымъ. Совѣщаніемъ хозяевъ промышленныхъ заведеній, охваченныхъ стачкой, было заявлено впослѣдствіи, что — «удовлетвореніе нѣкоторыхъ домогательствъ рабочихъ должно повлечь за собою полное паденіе русской промышленности». Другія требованія могутъ быть удовлетворены лишь законодательнымъ путемъ, т. е. при распространеніи на всѣ конкурирующія отрасли равномѣрно; третьи — могли бы быть удовлетворены до извѣстной степени, но фабриканты отказались «вести о нихъ переговоры съ организаціей стачечниковъ во всей совокупности»... [3])

Это упорство и др. подобныя обстоятельства наталкиваютъ какъ Гапона, такъ и рабочихъ на мысль объ обращеніи къ самому царю. Уже 4 января, на многолюдномъ собраніи, — по свидѣтельству И. Павлова — Гапонъ бросилъ въ массы рабочихъ мысль идти къ самому царю—искать правды въ русской землѣ... Вѣрилъ-ли Гапонъ въ успѣхъ такого обращенія, или онъ съ самого начала имѣлъ въ виду агитаціонное его значеніе, трудно судить... Но скорѣе всего слѣдуетъ предположить, что онъ и самъ надѣялся на успѣхъ, и не смотря на то, что

[1]) *И. Павловъ.* „Мин. Г.“ Апр. 1908 г.

[2]) *Л. Гуревичъ.* „Былое“ Янв. 1906 г.

[3]) „Рус. Богатство“, янв. 1905 г.

увѣрялъ въ обратномъ особенно своихъ радикально-настроившихся сотрудниковъ, въ душѣ мечталъ сыграть роль объединителя царя съ народомъ. Въ это время онъ былъ азартнымъ игрокомъ, и понималъ: если затѣя его, далекая отъ настроенія революціонныхъ круговъ, не выгоритъ и онъ сломитъ себѣ голову какъ правительственный агентъ, тогда въ глазахъ общества онъ выиграетъ, какъ революціонеръ. Иного пути не было и онъ ставилъ рискованную карту...

Между тѣмъ собранія въ «отдѣлахъ» съ каждымъ днемъ становятся все болѣе многолюдными и воодушевленными. Гапонъ ѣздитъ изъ одного «отдѣла» въ другой, произноситъ рѣчи, разсказываетъ о своихъ обращеніяхъ къ высшимъ властямъ и формулируетъ общія требованія. Гапона смѣняютъ его помощники—рабочіе. Къ помѣщеніямъ «отдѣловъ» приливаютъ все новыя толпы. Собранія идутъ съ ранняго утра до поздней ночи. Цѣлыми днями возлѣ «отдѣловъ» толпится народъ и ждетъ своей очереди попасть на собраніе. Власти и полиція смотрятъ на эти сборища сквозь пальцы, иногда даже съ одобреніемъ, все еще будучи не въ состояніи разобраться въ характерѣ движенія.

Революціонеры, однако,—главн. образомъ,—с.-д., поглощенные массовымъ движеніемъ, съ самого начала кое-гдѣ, по одиночкѣ, пробуютъ вмѣшаться, но въ большинствѣ случаевъ встрѣчаютъ враждебное отношеніе. Только въ Невскомъ районѣ с.-д. пользуются нѣкоторымъ успѣхомъ уже съ 4 января. Зато въ Нарвскомъ районѣ, откуда пошло движеніе, еще 8 января, когда опредѣленно-политическіе пункты Гапоновской петиціи принимались рабочими съ энтузіазмомъ, на попытку одного с.-д. произнести политическую рѣчь, толпа рабочихъ кричала: «долой, вонъ его!»

Къ 7-му января уже весь рабочій Петербургъ бастуетъ. Собранія въ «отдѣлахъ» кипятъ. Атмосфера становиться явно-революціонной. Гапонъ быстро эволюціонируетъ влѣво и теперь уже жадно ищетъ сочувствія и поддержки въ оппозиціонной и революціонной средѣ. Правительственныя власти охвачены тревогой. Въ Гапонѣ они начинаютъ прозрѣвать уже не своего сотрудника, а опаснаго революціонера.

Въ это время взоры сотенъ тысячъ народа, какъ завороженные, приковываются къ необычайной, фантастической фигурѣ священника-вождя. Гапонъ обращается въ диктатора, каждое самое простое слово котораго дѣлается въ глазахъ народа закономъ, непреложной истиной. Этотъ необыкновенный энтузіазмъ рабочихъ массъ причудливо сплетается и выростаетъ изъ первыхъ ростковъ сознанія, разбуженнаго революціонной агитаціей съ одной стороны и религіознаго возбужденія, поднятаго въ нихъ священникомъ, ставшимъ во главѣ ихъ движенія съ другой стороны. Это уже не стачечное и не политическое движеніе,—это крестовый походъ къ царю, выставившій на своемъ знамени: «правды!»

Гапонъ, вскинутый и закруженный колоссальнымъ движеніемъ, вошелъ, наконецъ, и въ непосредственныя сношенія съ оппозиціонными и революціонными кругами и шагъ за шагомъ, на ряду съ экономическими требованіями, передавалъ рабочимъ массамъ и рядъ политическихъ, которыя въ общемъ и цѣломъ и составили извѣстную петицію. Начиная съ 7 янв., въ своихъ выступленіяхъ Гапонъ начинаетъ все чаще предупреждать о томъ, что быть можетъ

народъ не будетъ принятъ и не будетъ выслушанъ и оканчиваетъ свою рѣчь, обычно, слѣдующими словами: «и тогда нѣтъ у насъ ....»... «и тогда нѣтъ у насъ ....»,—какъ эхо откликалась толпа. «Всѣ умремъ. Клянемся стоять всѣ до одного. Батюшка, благословляемъ тебя на подвигъ, веди насъ»... «Всѣ были въ восторженномъ состояніи—разсказываютъ свидѣтели. Многіе плакали, топали ногами, стучали стульями, колотили кулаками въ стѣны и, поднимая руки вверхъ, клялись стоять до конца» [1]).

Вѣра въ царя среди рабочихъ массъ достигла въ это время наивысшаго напряженія.— «Всѣ говорили: пойдемъ къ отцу и скажемъ ему, какъ мучаютъ насъ наши обдиралы,—описывалъ позже это настроеніе одинъ рабочій.— Скажемъ ему: отецъ, прими насъ, мы пришли къ тебѣ, помоги намъ, т. е. дѣтямъ твоимъ; мы знаемъ, ты радъ жизнь отдать за насъ и только живешь для насъ, но ты ничего не знаешь, какъ бьютъ и мучаютъ насъ, какъ мы голодаемъ, какъ всегда измучены и при томъ невѣжественны, подобны скотамъ, почти что всѣ неграмотны»... [2]).

По мѣрѣ того, какъ подымалось настроеніе массъ, а Гапонъ лѣвѣлъ, измѣнялось и отношеніе рабочихъ къ революціоннымъ партіямъ. То, что говорилъ теперь Гапонъ, и тѣ требованія, которыя рабочіе принимали отъ него, все ближе походили на тѣ рѣчи и требованія, которыя они слышали отъ соц.-демократовъ. Въ Невскомъ отдѣленіи, поэтому, даже предсѣдателемъ собраній былъ избранъ рабочій с.-д.

Петиція, вначалѣ самостоятельно составленная Гапономъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ его сношеній съ представителями оппозиціи и революціи, за эти дни значительно была измѣнена имъ самимъ и составлена въ болѣе радикальномъ духѣ. Наканунѣ 9-го января Гапонъ послалъ Министру Вн. Дѣлъ копію этой петиціи въ сопровожденіи слѣдующаго чрезвычайно интереснаго и характернаго письма:

«Ваше Высокопревосходительство!

«Рабочіе и жители г. С.-Петербурга различныхъ сословій желаютъ и должны видѣть царя 9-го января, въ 2 часа дня, на Дворцовой площади, чтобы выразить ему непосредственныя свои нужды, нужды всего русскаго народа.

«Царю нечего бояться. Я, какъ представитель собранія русскихъ ф.-з. рабочихъ, мои сотрудники и товарищи-рабочіе, даже всѣ, т. наз. революціонныя, группы разныхъ направленій гарантируютъ неприкосновенность его личности, пусть онъ выйдетъ, какъ истинный царь, съ мужественнымъ сердцемъ къ своему народу и приметъ изъ рукъ въ руки нашу петицію. Этого требуетъ благо его, благо обывателей Петербурга, благо нашей родины: иначе можетъ произойти конецъ той нравственной связи, которая до сихъ поръ еще существуетъ между русскимъ царемъ и русскимъ народомъ.

«Вашъ долгъ, великій и нравственный, долгъ передъ царемъ и всѣмъ русскимъ народомъ немедленно, сегодня-же довести до свѣдѣнія Его Имп. Величества какъ все вышесказанное, такъ и прилагаемую здѣсь нашу петицію.

---

[1]) Л. Гуревичъ. „Былое“, янв. 1906 г.

[2]) Тамъ же.

«Скажите царю, что я, рабочіе и многія тысячи мирно и съ вѣрою въ него безповоротно рѣшили идти къ Зимнему дворцу.

«Пусть и онъ съ довѣріемъ отнесется на дѣлѣ, а не въ манифестѣ, къ намъ.

«Копія съ сего, какъ оправдательный документъ нравственнаго протеста, снята и будетъ доведена до свѣдѣнія всего русскаго народа».

Петербургъ 8 янв. 1905 г.

Священникъ Георгій Гапонъ
11 депутатовъ отъ рабочихъ.

Каждый пунктъ петиціи, которую мы опускаемъ здѣсь въ виду ея широкой извѣстности [1]), прочитывался въ собраніяхъ отдѣльно и принимался народомъ съ энтузіазмомъ, хотя, нѣтъ сомнѣнія, большинство этихъ пунктовъ были малоусвоены и еще далеки отъ сознанія массъ. Народъ просто готовъ былъ принимать отъ Гапона все, что онъ предлагалъ, идти всюду, куда онъ звалъ, но лишь впослѣдствіи и, быть можетъ, значительно позже рокового «Воскресенія», онъ началъ сознавать все значеніе подписанныхъ имъ требованій.

8-го января, наканунѣ рѣшительнаго дня, возбужденіе рабочихъ достигаетъ наивысшаго предѣла, превращаясь въ своего рода религіозный экстазъ. Не только помѣщенія «отдѣловъ», но и ближайшія улицы возлѣ нихъ заполняются тысячами, даже десятками тысячъ народа.

Повсюду рѣшено было идти къ дворцу мирно, и ни въ коемъ случаѣ не допускать ни красныхъ флаговъ, ни малѣйшаго безпорядка.

Между тѣмъ власти, до того съ растерянным изумленіемъ разглядывавшія закипавшее движеніе, видимо пришли въ себя, и рѣшили дѣйствовать. Если кое-гдѣ на верхахъ и происходило еще нѣкоторое колебаніе, за то военное вѣдомство получило рѣшительный приказъ—дѣйствовать безпощадно.

Неоффиціально весь городъ былъ поставленъ на военное положеніе: раздѣленъ на части, въ каждой части учрежденъ свой штабъ и т. д. Все было на походную ногу. Право стрѣлять дано было на усмотрѣніе отдѣльныхъ офицеровъ. Во главѣ всей этой мобилизаціи стоялъ командиръ гвардейскаго корпуса кн. С. И. Васильчиковъ. Атмосфера становилась въ высшей степени тревожной и жуткой.

Какъ разъ въ этотъ день (8-го) взволнованные представители либеральной и радикальной интеллигенціи (преимущественно писатели), прослышавъ о подготовлявшемся разстрѣлѣ, собрались въ редакціи газ. «Наши дни» и рѣшили немедленно отправить депутацію къ кн. Святоп.-Мирскому и къ Витте. М-ра вн. дѣлъ имъ не удалось увидѣть, а товарищъ его ген. Рыдзевскій заявилъ имъ слѣдующее: если депутація дѣйствительно желаетъ предупредить кровопролитіе, то онъ совѣтуетъ ей отправиться къ рабочимъ и отговорить ихъ отъ ихъ затѣи. Витте принялъ депутацію любезно, но на всѣ ея доводы только разводилъ руками, никакихъ обѣщаній не могъ дать и лишь усиленно жаловался ей на свое безсиліе. Послѣ 9-го января почти всѣ участники этой депутаціи,—благодаря оставленнымъ у Рыдзевскаго карточкамъ—были арестованы—и къ нимъ было

---

[1]) См. книгу Симбирскаго о Гапонѣ, кн. „Борьба общественныхъ силъ“ ст. Череванина и др.

предъявлено обвиненіе въ попыткѣ образовать временное революціонное правительство!

Шествіе должно было открыться изъ всѣхъ 11 «отдѣловъ», и такъ, чтобы въ 2 часа дня всѣмъ быть на площади передъ Зимнимъ дворцомъ. Съ утра 9-го около всѣхъ «отдѣловъ» закипѣли сплошныя, чорныя массы народа. Тутъ былъ не только рабочій людъ, но и студенты и представители соціалистическихъ партій, которы, хотя и не вѣрили въ успѣхъ шествія, но рѣшили не покидать народъ и быть съ нимъ повсюду, до конца.

И вотъ двинулись... Со всѣхъ концовъ города, тихо, торжественно, въ религіозномъ настроеніи, съ горящими глазами и пылающими лицами...

Военныя власти, въ распоряженіе которыхъ въ этотъ день перешелъ Петербургъ, рѣшили во что бы то ни стало не допустить рабочихъ изъ предмѣстій въ городъ и ко дворцу, хотя государь и находился въ это время въ Царскомъ Селѣ. Гражданскія власти, особенно полиція, очевидно, не были ознакомлены съ планами дѣйствій войскъ, и потому, въ большинствѣ случаевъ, были пассивными зрителями событій, а низшіе полицейскіе чины нерѣдко даже выказывали сочувствіе и одобреніе рабочимъ.

Рядовая рабочая масса до самаго конца глубоко вѣровала въ то, что не только никто не станетъ стрѣлять въ ихъ мирную безоружную процессію, но что никто *не посмѣетъ* и помѣшать шествію, направляющемуся къ *самому* Царю. Носились слухи даже, что въ Зимнемъ дворцѣ для депутатовъ отъ рабочихъ будетъ приготовлено угощеніе...

Дѣйствительно. Возможность разстрѣла такъ была невѣроятна, что даже крайній реакціонеръ и членъ «Русск. Собранія», нѣкій д-ръ Дьячковъ, писалъ въ своемъ показаніи слѣдующее:

«Картина была такова, что у меня, какъ у человѣка православнаго, преданнаго Самодержавному Государю, любящаго родную исторію и преданія старины о единеніи Самодержавнаго Царя съ преданнымъ ему народомъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что стрѣлять не будутъ, стрѣлять не посмѣютъ» [1]).

Но... извѣстно, какъ въ дѣйствительности разыгрались событія въ день 9-го января. (См. ст. Л. Гуревичъ «Былое», янв. 1906 г., «Міръ Божій», янв. 1906 г.).

«Всякій, для кого названіе петербургскихъ площадей и улицъ не простой отвлеченный терминъ—писалъ позже В. Г. Короленко—представитъ себѣ это кольцо, въ которое стекались огромныя, безоружныя рабочія массы, направлявшіяся отъ окраинъ къ центру. Не трудно также представить въ воображеніи это море людей, двигавшихся нерѣдко съ женщинами и дѣтьми... Мѣстами впереди несли иконы и хоругви. И въ заключеніе ко всему этому кольцу въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули огни ружейныхъ залповъ, и мостовая обагрилась родною кровью» [2]).

Наиболѣе жестокій разстрѣлъ и сопровождавшія его полныя драматизма

---

[1]) *Л. Гуревичъ.* „Былое".

[2]) *„Рус. Богатство"*, янв. 1906 г.

сцены имѣли мѣсто, какъ извѣстно, главнымъ образомъ на площади возлѣ Зимняго дворца и у Нарвскихъ воротъ, гдѣ въ процессіи участвовалъ, оставшійся невредимымъ, и самъ Гапонъ.

Но нигдѣ, кромѣ Васильевскаго острова, возбужденныя толпы народа не сдѣлали попытокъ къ активному сопротивленію. Только здѣсь толпа, когда ее не пропустили ко дворцу и когда до нея донеслись слухи о разстрѣлахъ, подъ вліяніемъ студенчества и соціалдемократіи, разобрала мастерскую холоднаго оружія, повалила телеграфные и телефонные столбы и построила нѣсколько баррикадъ. Въ то же время этой толпой была захвачена одна типографія, въ которой собирались было печатать воззваніе, но прибывшія войска помѣшали. На одной изъ баррикадъ—по 4-ой линіи—здѣсь впервые за всѣ январьскіе дни въ Петербургѣ—былъ поднятъ и развѣвался красный флагъ, пока залпомъ не былъ сброшенъ сод.-демократъ-знаменосецъ и не убитъ ораторъ, обратившійся съ баррикады съ рѣчью къ солдатамъ. Непрочныя, наскоро-построенныя загражденія скоро были захвачены пѣхотой и разобраны.

Къ ночи Невскій, лишенный, вслѣдствіе забастовки, электрическаго свѣта и газовыхъ фонарей, разбитыхъ народомъ, кое-гдѣ освѣтился подожженными кѣмъ-то кіосками, а во дворцѣ вел. кн. Сергѣя Александровича были разбиты почти всѣ стекла. Военные разъѣзды гонялись за кучками людей, и безпощадно избивали всякаго, кто попадался подъ руку. Пользуясь темнотой, хулиганы разгромили нѣсколько магазиновъ. «Весь Петербургъ представлялъ изъ себя одинъ громадный военный лагерь... На всѣхъ перекресткахъ разложены были костры... На каждомъ шагу грубый окрикъ: «куда идешь? Здѣсь не пропускаютъ!» [1]).

Впродолженіи трехъ-четырехъ дней то здѣсь, то тамъ озлобленіе народа прорывается въ крикахъ и насмѣшкахъ по адресу войскъ. Въ отвѣтъ солдаты и офицеры устраиваютъ жестокія расправы надъ отдѣльными лицами. Послѣ 9-го января рабочая забастовка продолжалась еще нѣсколько дней.

Сколько было убитыхъ за этотъ страшный день, трудно, почти невозможно установить. Трупы прятались, хоронились тайкомъ, неузнанные, цѣлыми грудами въ общихъ могилахъ. Изъ одной Обуховской больницы, напр., только *съ 11 по 12 янв.* было похоронено 54 трупа. Но это было въ центрѣ города, что было по окраинамъ, этого никому не узнать. Во всякомъ случаѣ число жертвъ было не менѣе нѣсколькихъ сотенъ, а нѣкоторые утверждаютъ, что больше тысячи!

Вмѣстѣ съ 9 января и роль Гапона, которую предоставила ему сыграть исторія, была окончена. Единственное изъ его выступленій послѣ 9 января, имѣвшее еще большое революціонное значеніе—этотъ послѣдній штрихъ, заканчивавшій грандіозную историческую картину—была его прокламація къ рабочимъ, начинавшаяся знаменитой фразой: «родные, кровью спаянные братья»! Съ каждымъ-же слѣдующимъ выступленіемъ, уже заграницей, вліяніе Гапона падаетъ вплоть до того момента, когда онъ изъ бывшаго вождя рабочаго Петербурга

---

[1]) „*Впередъ*“ 1905 г.

превращается—на глазахъ у всѣхъ—въ простого политическаго авантюриста, и почти всѣми забытый погибаетъ, запутавшись въ своихъ собственныхъ авантюрахъ.

Впечатлѣніе, какое произвело на Россію 9 января, нельзя иначе назвать, какъ потрясающимъ.

Что-же сдѣлало правительство, оказавшееся въ такомъ болѣе, чѣмъ затруднительномъ, положеніи?

— Сравнительно мягкій кн. Святополкъ-Мирскій былъ замѣненъ гофмейстеромъ Булыгинымъ. Въ Петербургѣ былъ учрежденъ новый постъ генералъ-губернатора и на него назначенъ хорошо извѣстный населенію Дмитрій Треповъ. Въ объявленіи, выпущенномъ отъ имени министра финансовъ Коковцева и ген.-губ. Трепова рабочимъ было обѣщано «приступить къ разработкѣ вопросовъ о страхованіи»..., а пока что, разъяснивъ, что требованія 9 января были предъявлены «злонамѣренными лицами» и ничего общаго съ ихъ нуждами не имѣли, рабочимъ предлагали возвратиться къ ихъ обычному труду и не обрекать «на нищету самихъ себя, своихъ женъ и дѣтей». Наконецъ, 19 января организованная администраціей депутація «отъ рабочихъ Петербурга» была отвезена въ Царское Село и представлена Государю. Но почти въ то самое время когда Государь самолично выражалъ свое довѣріе рабочимъ, Синодъ въ своемъ посланіи распространялъ извѣстіе о какихъ-то англо-японскихъ деньгахъ, которыми были, будто-бы, подкуплены не только революціонеры и либералы, но и тѣ самые рабочіе, которыхъ должна была представлять собой депутація, принятая въ Царскомъ Селѣ!

Къ концу января была учреждена извѣстная комиссія Шидловскаго—«для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ г. Петербурга и его пригородовъ и выясненія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ». Это была послѣдняя попытка правительства съ одной стороны «удовлетворить» петербургскихъ рабочихъ—обычнымъ бюрократическимъ путемъ, съ другой—демонстрировать передъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи и Запада свою заботливость о рабочемъ классѣ. Но петербургскіе рабочіе въ корнѣ разрушили и эту попытку, превративъ ее въ новую демонстрацію требованій «9 января», и тѣмъ самымъ уничтожили заявленіе Коковцева и Трепова, только что утверждавшихъ что именемъ рабочихъ заявлены были требованія, «ничего общаго съ ихъ нуждами неимѣющія». Больше того, до 9 января рабочіе лишь соглашались *подписывать* эти требованія, теперь, мѣсяцъ спустя, они уже сами *написали* ихъ для своихъ выборщиковъ въ комиссію! Не успѣвшая открыться, комиссія была отмѣнена за ненадобностью; переговоры прерваны. Отвѣтъ рабочаго Петербурга былъ ясенъ. Не менѣе ясенъ былъ отвѣтъ и рабочей Россіи, въ которой событія «9 января» широко по всѣмъ направленіямъ раскидали горящія искры...

III.

Послѣ «девятаго января». На окраинахъ и во внутреннихъ губерніяхъ. Январьская саратовская забастовка и февральское стачечное движеніе на жел. дорогахъ. Капиталистическая оппозиція послѣ января. 18 февраля.

Всѣ болѣе или менѣе живые общественные элементы по всей Россіи—немедленно, такъ или иначе, но выразили свое отношеніе къ «9-му января».

Революціонныя организаціи отвѣтили сотнями тысячъ прокламацій, листковъ, собраній, въ которыхъ и на которыхъ освѣщались и комментировались эти событія и связывались съ агитаціей за немедленное прекращеніе войны и созывъ учредительнаго собранія. Подготовка къ «всенародному возстанію» дѣлалась лозунгомъ дня.

Учащаяся молодежь протестовала пріостановкой занятій почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Адвокаты, присяжные засѣдатели и др. общественные дѣятели при полученіи извѣстія о девятомъ январѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ демонстративно пріостанавливали свои работы... Земства (и даже нѣкоторыя городскія думы), которыя всего мѣсяцъ тому назадъ не рѣшались на такое средство протеста, какъ забастовка, послѣ 9-го января, увлечены были забастовочнымъ потокомъ. Цѣлый рядъ губернскихъ собраній, а также нѣкоторыя гор. думы, признали невозможнымъ продолжать работу при создавшемся положеніи дѣлъ. Инженеры и даже московскіе и иные крупные фабриканты подавали правительству «записки» о положеніи русской промышленности, гдѣ, указывая на январьскія событія какъ на грозное предостереженіе старому режиму, предъявляли требованія немедленнаго проведенія въ жизнь началъ общегражданской политической свободы. Впрочемъ, болѣе опредѣленно капиталистическій классъ высказался позже, когда уже вся Россія была охвачена стачечнымъ движеніемъ...

Но особенно дружнымъ и серьезнымъ отвѣтомъ на событія «девятаго января» былъ отвѣтъ рабочей Россіи. Въ сравненіи съ нимъ, всѣ прочіе протесты какъ-то стушевываются и занимаютъ подчиненное мѣсто.

Два мѣсяца — январь и февраль — Россія, отъ одного конца до другого была наполнена непрерывнымъ шумомъ борьбы рабочаго класса.

По характеру движеніе это можно раздѣлить на двѣ части: на движеніе по окраинамъ (гдѣ масса рабочихъ нерусская: поляки, латыши, евреи, кавказцы и т. п.) и на движеніе въ собственно-внутренней Россіи (гдѣ главный контингентъ рабочихъ—русскіе). На окраинахъ—въ Польшѣ, въ Прибалтійскомъ, въ сѣверо-западномъ краѣ и на Кавказѣ—*январь* представлялъ собой *прямой отвѣтъ* на петербургскія событія и носилъ характеръ демонстративныхъ стачекъ и бурнаго уличнаго движенія, которое къ февралю смѣнилось рядомъ упорныхъ профессіональныхъ стачекъ Во внутренней Россіи, въ большинствѣ случаевъ, политическаго характера движеніе не носило. Январь начался многочисленными, но еще мало организованными профессіональными стачками, которыя къ февралю окрѣпли и обратились въ настоящую стачечную эпидемію.

На окраинахъ въ большинствѣ случаевъ движеніе вспыхивало тотчасъ-же

вслѣдъ за полученіемъ извѣстій изъ Петербурга или по призыву организацій, при чемъ вначалѣ чаще всего рабочіе не выставляли никакихъ профессіональныхъ требованій, слѣдуя за политическими лозунгами революціонныхъ партій. Лозунги—прекращеніе войны и созывъ учредительнаго собранія здѣсь уже сознательно и съ одушевленіемъ подхватывались рабочей массой, при чемъ все шире и глубже въ рабочую среду проникала идея «насильственнаго ниспроверженія существующаго государственнаго строя».

Особенно бурный и революціонный характеръ движеніе приняло въ *Варшавѣ*.

На «9 января» *Варшава* отвѣтила необыкновенно дружной всеобщей забастовкой (бастовали—трамвай, извощики и т. п.), продолжавшейся съ 14 по 20 января. Съ самого-же начала это движеніе приняло такія формы, что скорѣе походило на возстаніе. Городъ былъ переполненъ войсками, улицы обращены въ сплошной военный лагерь. И не смотря на это,—то здѣсь, то тамъ рабочіе пытаются устраивать уличные митинги. По ночамъ городъ утопаетъ во тьмѣ. Народъ громитъ казенныя винныя лавки и уничтожаетъ водку. Пользуясь безпорядкомъ и темнотой, хулиганы пытаются грабить, но каждый разъ получаютъ суровый отпоръ отъ забастовщиковъ. Въ разныхъ концахъ города трещитъ перестрѣлка. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ ожесточеннѣе стрѣльба. Вечеромъ 15 января на углу Гржибовской и Вороньей ул. рабочими была построена баррикада. Въ другомъ мѣстѣ—захвачены и разобраны двѣ оружейныя лавки.

16 января былъ самымъ ужаснымъ днемъ для Варшавы. На этотъ день [1]) всѣми соціалистическими организаціями города («П. П. С.», «П. С. Д.», «Бундъ», «Пр-тъ») была назначена демонстрація въ память казни «пролетаріатцевъ». Войскамъ данъ былъ приказъ безпощадно разстрѣливать всякую толпу, какая покажется на улицѣ. И, дѣйствительно, войсками въ этотъ день, какъ передавали, израсходовано было до 60.000 патроновъ! За три дня (14, 15, 16-е) только по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ было убито 64 чел., ранено 69, изъ которыхъ 29 чел. вскорѣ же умерло. Съ 17 января Варшава, гдѣ была усиленная охрана, фактически оказалась въ осадномъ положеніи—съ уличными обысками, арестами и т. п.

Кромѣ Варшавы, движеніе прокатилось почти по всей Польшѣ. *Лодзь* пережила также бурные дни (15-го янв.). Затѣмъ движеніе перекинулось въ въ *Радомскій* и *Домбровскій* округа и постепенно захватило всѣ, даже малопромышленныя мѣстности. Здѣсь почти повсюду забастовка служила лишь фономъ для уличныхъ демонстративныхъ выступленій, которыми рабочіе протестовали противъ событій 9 января, противъ войны и, вообще, «противъ существующаго государственнаго порядка». И почти во всѣхъ этихъ мѣстахъ Царства Польскаго земля была полита кровью рабочихъ.

Въ *Прибалтійскомъ Краѣ* движеніе рабочихъ охватило всѣ значительные города—*Ригу*, *Ревель*, *Либаву*, *Митаву*, *Виндаву*, *Перновъ* и нѣк. др. Характеръ событій былъ тотъ же, что и въ Польшѣ, хотя движеніе и не достигало такого революціоннаго напряженія, какъ въ Варшавѣ.

---

[1]) День казни членовъ партіи „Пролетаріатъ". въ 1886 г.

Центромъ событій была *Рига*, гдѣ движеніе достигло наибольшей силы и 13 января закончилось кровавой драмой, напоминавшей въ миніатюрѣ петербургское девятое января.—Въ этотъ день все остановилось: бастовало до 60.000 рабочихъ, не предъявивъ никакихъ профессіональныхъ требованій. Въ разныхъ мѣстахъ города высыпали на улицу толпы народа съ возгласами противъ режима и требованіями учредительнаго собранія и республики! Какъ и въ Польшѣ, здѣсь демонстрировали не отдѣльныя толпы передъ массой, какъ это было въ 901—904 г.г., а уже сама народная масса. При столкновеніи—по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ—было убито 22 чел. и 60 ранено!

Въ отвѣтъ на эту кровавую расправу, потрясенная и раздраженная рабочая масса отвѣтила еще болѣе дружной и крѣпкой забастовкой. Черезъ день состоялись грандіозныя похороны одного изъ убитыхъ, въ которыхъ участвовало отъ 30 до 40 тысячъ народа. Правительственныя власти не рѣшились воспрепятствовать этому шествію и оно прошло въ полномъ порядкѣ. 18—19 января, по постановленію (с. д.) организацій, забастовка-демонстрація прекратилась.

Въ *Ревелѣ*, въ *Либавѣ* и *Митавѣ* всеобщая забастовка сопровождалась (особенно въ Либавѣ) цѣлымъ рядомъ уличныхъ демонстрацій. Въ *Либавѣ* и *Перновѣ*, при этомъ были разбиты, а въ послѣднемъ и сожжены, публичные дома.

На *Кавказѣ* забастовочная волна прокатилась, главнымъ образомъ, въ 20 числахъ января (хотя въ Тифлисѣ началось еще 13-го). Забастовка была *политической, всеобщей* и являлась непосредственнымъ отвѣтомъ на «9-е января». Профессіональныя требованія чаще всего совсѣмъ не выставлялись, или предъявлялись лишь въ концѣ забастовки. Особенно дружно движеніе прошло, кромѣ *Тифлиса*, въ *Батумѣ*, *Кутаисѣ*, *Поти* и въ нѣкоторыхъ др. мѣстахъ. Къ забастовкѣ примкнули и учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній. Движеніе и здѣсь вылилось въ форму уличныхъ демонстрацій, въ которыхъ, кромѣ рабочихъ и городскихъ жителей, участвовало кое-гдѣ, какъ, напр., въ Самтреди, и крестьянское населеніе. Дѣлались попытки остановить и жел.-дор. движеніе, посредствомъ снятія рельсъ.

Январьское движеніе въ *Западномъ краѣ*, въ сущности было такимъ-же, какъ и въ другихъ окраинныхъ мѣстностяхъ, но такъ какъ здѣсь крупная промышленность развита сравнительно незначительно, то и массы, участвовавшія въ движеніи, были невелики и самое движеніе не принимало такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ мѣстностяхъ съ высоко-развитой промышленностью. Главнымъ участникомъ движенія здѣсь былъ еврейскій ремесленный пролетаріатъ,—приказчики, булочники и т. п. Не смотря на отсутствіе сконцентрированныхъ массъ пролетаріата, «Бунду»—этой наиболѣе старой и опытной с.-д. организаціи—все же удалось связать во-едино разрозненные элементы и, подчинивъ ихъ своему руководству, придать движенію сравнительно очень организованный характеръ.

Какъ только получились извѣстія изъ Петербурга, тотчасъ-же въ большинствѣ городовъ края составились коалиціи всѣхъ революціонныхъ партій во главѣ съ «Бундомъ». Рабочимъ данъ былъ лозунгъ къ забастовкѣ, а для об-

хода промышленныхъ заведеній были разосланы отряды организованныхъ рабочихъ. Городъ *Вильна* былъ центромъ движенія. Стачка здѣсь прошла совершенно мирно и организованно, началась по призыву организацій 12-го и кончилась по постановленію тѣхъ-же организацій 17 января. Кромѣ рабочихъ промышленныхъ заведеній въ ней участвовало до 4000 приказчиковъ. Въ виду сравнительно небольшой массы забастовщиковъ и очень большой охраны, отъ уличныхъ выступленій организаціи рѣшили отказаться.

Впрочемъ, не вездѣ въ краѣ забастовка проходила такъ-же мирно, кое-гдѣ были устроены и уличныя демонстраціи, не обошедшіяся безъ человѣческихъ жертвъ. Въ м. *Горы-Горки*, напр., малочисленная полиція не посмѣла прямо напасть на демонстративное шествіе, а открыла стрѣльбу въ тылъ демонстрантамъ, при чемъ убито было двое (ученики) и ранено четверо. М. *Крынки* на одинъ день, пока не подошли солдаты, были даже совсѣмъ захвачены народомъ въ свои руки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраивались демонстративные митинги, посвященные «9-му январю», при чемъ очень часто для этой цѣли—захватнымъ путемъ—пользовались помѣщеніями синагогъ.

Русское рабочее населеніе, значительно болѣе отсталое чѣмъ еврейское, въ большинствѣ случаевъ, не поддержало этой забастовки. Погромная и антисемитская агитація,—этотъ обычный контрреволюціонный маневръ—въ это время особенно усилилась въ Зап. Краѣ, и часть русскихъ рабочихъ, безъ сомнѣнія, поддалась ея вліянію. Еврейскіе обыватели нѣкоторыхъ мѣстечекъ были уже охвачены паникой. Но не смотря на такія серьезныя затрудненія, движеніе все же охватило цѣлый рядъ болѣе или менѣе крупныхъ городовъ, какъ *Вильна*, *Минскъ*, *Гомель*, *Ковно*, *Витебскъ*, *Могилевъ* и т. д. и цѣлый рядъ небольшихъ и даже глухихъ еврейскихъ мѣстечекъ, гдѣ до тѣхъ поръ—были «тишь да гладь»...

Нѣсколько иную картину представляла въ январѣ внутренняя Россія. Движеніе здѣсь почти всюду (за исключеніемъ Саратова) не носило опредѣленно-политическаго характера. «Девятое января» послужило лишь толчкомъ, разбудившимъ классовую солидарность и кинувшимъ рабочія массы къ упорной «экономической» борьбѣ.

Москва, напр., которая, казалось, ближе и больше др. городовъ связана была съ Петербургомъ, отвѣтила на «9 января» лишь рядомъ профессіональныхъ стачекъ, правда принявшихъ скоро размѣры почти всеобщей забастовки. Съ 10 по 14 января здѣсь бастовало до 118 промышленныхъ заведеній съ 42674 рабочими. Однако настроеніе далеко не было боевымъ и уже къ 13-му обнаружилось явное паденіе движенія, а къ 20-му массовая стачка прекратилась совершенно, смѣнившись затѣмъ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ профессіональныхъ забастовокъ, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ уѣздѣ.

Почти тоже самое можно было наблюдать и въ десяткахъ другихъ русскихъ городовъ. Соціалистическія организаціи во внутренней Россіи далеко не имѣли того вліянія, какимъ онѣ уже обладали въ окраинныхъ мѣстностяхъ.

Въ *Харьковѣ*, напр., стачка вспыхнула 16 янв. совершенно самопроиз-

вольно и по частному поводу. Сами рабочіе, безъ участія интеллигенціи, собирались и читали петицію Гапона. Нѣкоторое вліяніе на движеніе оказывало легальное и далекое отъ всякой политики «общество взаимопомощи ремесленнаго труда».

Въ глухомъ, каменноугольномъ *Донецкомъ районѣ* съ января тоже начался цѣлый рядъ стачекъ. Нѣкоторыя изъ нихъ отличались необыкновеннымъ упорствомъ и длились, какъ, напр., въ *Бахмутѣ*, болѣе двухъ недѣль.

Въ *Одессѣ*, *Ростовѣ-на-Дону*, *Николаевѣ* и нѣкоторыхъ др. городахъ рабочая масса пришла въ движеніе лишь къ февралю мѣсяцу. Въ *Екатеринославѣ* январьская стачка представляла собой слабую копію лѣтней забастовки 1903 г., за то это движеніе не спало разомъ, какъ это было тогда, а превратилось въ упорную борьбу съ хозяевами, длившуюся январь, февраль и часть марта.

— «Городъ теперь находится въ періодѣ безконечныхъ стачекъ,—писали изъ Екатеринослава отъ 2-го марта,—прямо эпидемія, не успѣваетъ затихнуть въ одномъ мѣстѣ, какъ загорается въ другомъ»...

Такъ было и по всей Россіи, а въ февралѣ къ этому «экономическому» движенію присоединились и окраины, только что пережившія взрывъ революціонныхъ событій. Цѣлыя сотни городовъ и мѣстечекъ были охвачены этой стачечной лихорадкой. Одно перечисленіе названій такихъ мѣстъ, гдѣ были стачки въ февралѣ, мартѣ и позже, заняло-бы, навѣрное, не одну печатную страницу!

Нѣсколько особо отъ всѣхъ прочихъ январьскихъ забастовокъ внутренней Россіи слѣдуетъ разсматривать *саратовскую* забастовку, которой, въ сущности, положено было начало движенію на русскихъ жел. дорогахъ. Въ февралѣ ж.-д. забастовки охватили уже цѣлую сѣть дорогъ. Въ январѣ-же замѣчались только первые признаки этого движенія,—выразившіеся въ непродолжительной пріостановкѣ движенія на Привислинскихъ дорогахъ, да въ забастовкѣ служащихъ управленія рязанско-уральской ж.-д. въ Саратовѣ. Всеобщую январьскую забастовку въ Саратовѣ, начавшуюся съ 12 янв., можно считать наиболѣе сильной и организованной стачкой изъ всѣхъ бывшихъ въ январѣ во внутренней Россіи. Вначалѣ это была забастовка-демонстрація, какъ и на окраинахъ. Бастовали не только всѣ рабочіе, но также приказчики, служащіе земскихъ управъ и учащіеся. Къ нимъ присоединились и служащіе ж.-д. управленія. Послѣ 17 янв. забастовка, какъ политическій протестъ, объявлена была прекратившейся, а ея мѣсто заступилъ рядъ отдѣльныхъ профессіональныхъ забастовокъ. Такую частную забастовку продолжало и управленіе ряз.-урал. ж. д. Кстати сказать: для руководства общей забастовкой здѣсь впервые былъ созданъ—изъ выборныхъ отъ всѣхъ бастовавшихъ учрежденій—стачечный комитетъ. Къ 19 января саратовскіе желѣзно-дорожники, поддержанные кое-гдѣ служащими на линіи, добились значительныхъ уступокъ. Вѣсть о побѣдѣ этой первой въ Россіи забастовки ж.-д. служащихъ произвела на персоналъ другихъ дорогъ необыкновенно сильное впечатлѣніе. Ж.-д. рабочіе, находившіеся и раньше въ переднихъ рядахъ движенія, впервые получали теперь такую поддержку, которая кореннымъ образомъ измѣняла весь характеръ ихъ прежнихъ забасто-

вокъ, обращая ихъ—съ присоединеніемъ служащихъ, особенно линейныхъ—въ орудіе *остановки* ж.-д. движенія.

Подъ вліяніемъ саратовской побѣды въ февралѣ волненія ж.-д. служащихъ можно было наблюдать уже въ самыхъ разныхъ мѣстахъ. 4 февраля вспыхнула забастовка по линіи Москва—Виндава, за которой одновременно забастовало въ Воронежѣ управленіе юго-восточныхъ дорогъ, поддержанное рабочими мастерскихъ и депо и отчасти станціонными агентами.

Правительство чрезвычайно было встревожено этимъ движеніемъ, и въ данномъ случаѣ вопреки своему обычаю, поспѣшило умиротворить ж.-д. рабочихъ, которые въ его глазахъ были главными зачинщиками,—нѣкоторой уступкой. Телеграммой отъ министра путей сообщенія было объявлено о *временномъ* введеніи 9 часового раб. дня во всѣхъ ж.-д. мастерскихъ. Эта необычайная *поспѣшность* въ уступчивости и вмѣстѣ ея *временный* характеръ произвели самое непріятное—для правительства — зажигательное дѣйствіе на рабочихъ и служащихъ. Странная поспѣшность, лишній разъ подчеркивала страхъ бюрократіи передъ движеніемъ а временный характеръ уступокъ—ея неискренность и непрочность уступленнаго!.

И движеніе продолжалось съ еще большей энергіей, чѣмъ прежде.—8-го февраля забастовала московско-брянская линія... 9-го—варшаво-вѣнская дорога... 11-го февраля прекратилось движеніе на участкахъ Саратовъ—Козловъ ряз.-ур. ж. д.; Самара—Уфа сам.-зл. ж. д.; на линіяхъ риго-орл. ж. д. (вблизи Риги), на привислянскихъ дорогахъ; на линіи Москва—Рязань моск.-каз. ж. д. Въ Кіевѣ забастовало управленіе юго.-зап. дор., и др.

Растерявшаяся бюрократія стала тогда нервничать и переходить отъ уступокъ къ репрессіямъ и обратно. Но такое ея поведеніе, разумѣется, не оказывало иного дѣйствія, кромѣ раздраженія и только разжигало борьбу.

Цылый рядъ линій и управленій, такъ или иначе, но добились значительныхъ «экономическихъ» уступокъ. Особеннымъ упорствомъ и рѣшимостью отличалась борьба служащихъ на казанской дор. (Москва—Рязань). Къ 1-му февралю служащими былъ выработанъ и предъявленъ рядъ требованій, съ 10-го—объявлена забастовка, и лишь по полученіи уступокъ, къ 19-му февраля возстановилось пассажирское движеніе, къ 21-му—товарное, а къ 23-му прекратили забастовку и рабочіе въ мастерскихъ.

Разсматривая движеніе желѣзнодорожниковъ, необходимо принять во вниманіе, что для кого другого, а для ж.-д. служащихъ, особенно для линейныхъ, разсѣянныхъ иногда на десятки и сотни верстъ другъ отъ друга, подготовка коллективныхъ дѣйствій и выступленій требовала исключительной энергіи и рѣшимости. Естественно, поэтому, что съ первыхъ же моментовъ движенія, забастовщики—служащіе, инстинктивно чувствуя, что ихъ былое безсиліе заключалось не столько въ малой сознательности, сколько въ разъединенности, жадно нащупываютъ почву для созданія организацій... Въ управленіяхъ, которыя всегда находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ линіями, созывались съ этой цѣлью самочинныя собранія или «делегатскіе съѣзды», съ которыми администраціи, частью и самой «тронутой» въ эпоху правительственной «весны», волей-неволей приходилось мириться. И здѣсь дѣйствовало и проводилось въ

жизнь то самое «захватное право», на основаніи котораго осуществлялись банкетныя собранія въ концѣ прошлаго (1904 г.) и въ началѣ текущаго года.

Такъ, напр., на привислянскихъ дорогахъ съ 11 февраля въ управленіи было открыто засѣданіе делегатовъ, пріѣхавшихъ съ линіи, и въ то же время для поддержанія требованій, вырабатываемыхъ этимъ съѣздомъ, на линіяхъ началась забастовка. Въ большинствѣ случаевъ при этомъ служащіе организовывали особыя *бюро выборныхъ*, которыя должны были быть ихъ представителями при разрѣшеніи недоразумѣній, а при случаѣ—и органами, направляющими движеніе. Требованіе легализаціи такихъ «бюро», обратившихся по мѣрѣ развитія движенія, въ забастовочные комитеты, и являлось однимъ изъ главныхъ требованій февральскаго движенія на жел. дорогахъ.

Весь этотъ огромный и сложный клубокъ событій, развернувшійся съ «9 января», и въ своемъ развертываніи захватившій сотни тысячъ пролетаріата и десятки городовъ, пріостановившій функціонированіе высшихъ (и частью среднихъ) учебныхъ заведеній, угрожавшій, а частью и пріостановившій движеніе на жел. дорогахъ—да еще во время войны, когда правительство напрягло всѣ свои провозныя и иныя силы—все это, разумѣется, не могло не производить и производило огромное впечатлѣніе, какъ на населеніе, такъ и на правительственныя власти. А тутъ, еще больше увеличивая этотъ революціонный хаосъ, то здѣсь, то тамъ раздавались выстрѣлы покушеній, одинъ за другимъ падали представители администраціи и полиціи, пока, наконецъ, бомбой, брошенной террористомъ Ив. Каляевымъ не былъ убитъ (4 февраля) дядя государя, великій князь Сергій Александровичъ.

Ни мѣры устрашенія, доходившія даже иной разъ до безсмысленнаго избіенія малолѣтнихъ учащихся (въ Курскѣ и др.), ни контръ-революціонныя попытки, выразившіяся въ разжиганіи національной вражды и въ февралѣ (6—9) вылившіяся, наконецъ, въ дикую и страшную армяно-татарскую рѣзню въ Баку, уже ничто не только не могло остановить развивающагося движенія, но лишь ухудшало положеніе бюрократіи, отталкивая отъ нея послѣдніе близкіе къ ней элементы. Подъ давленіемъ паденія Портъ-Артура, затѣмъ—Мукденскаго разгрома, даже реакціонные землевладѣльческіе круги не всегда рѣшались оказывать прямую и открытую поддержку дискредитировавшему себя правительству. Всѣ старались держаться подальше отъ него и не связывать свою судьбу съ его судьбою. Это былъ моментъ, когда бюрократія была такъ одинока и изолирована, какъ, быть можетъ, никогда—ни раньше, ни позже этого...

Въ то же время съ развитіемъ январьско-февральскихъ событій—и столь ярко выступившей слабостью правительства, и капиталистическая оппозиція проявляется значительно ярче и опредѣленнѣе. Вслѣдъ за московскими фабрикантами, раньше прочихъ высказавшимися противъ существующаго режима, въ томъ же смыслѣ выступилъ цѣлый рядъ представительствъ крупнаго капитала въ Петербургѣ, Варшавѣ, Центральномъ районѣ, на Уралѣ и др.

18 февраля, наканунѣ закрытія комиссіи Шидловскаго, было издано разомъ три правительственныхъ акта: Высочайшій манифестъ, рескриптъ и указъ сенату.

Манифестъ призывалъ населеніе къ борьбѣ съ «крамолой». Нѣчто иное говорилось въ рескриптѣ и указѣ. Высочайшій рескриптъ объявлялъ, что правительство вознамѣрилось «привлекать достойнѣйшихъ довѣріемъ народа облеченныхъ избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній». А указъ сенату возлагалъ на совѣтъ министровъ разсмотрѣніе поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій заявленій и ходатайствъ, «касающихся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія благосостоянія»...

Такимъ образомъ, подъ давленіемъ колоссальныхъ январьско-февральскихъ событій, главной силой которыхъ являлся пролетаріатъ, русское правительство впервые въ Россіи вынуждено было произнести слова хотя бы и о законосовѣщательномъ, но все же о *народномъ представительствѣ*, слова, которыя еще недавно въ устахъ частныхъ лицъ и учрежденій—на бюрократическомъ языкѣ,—именовались, по меньшей мѣрѣ, дерзостью.

IV.

Оживленіе земской и городской оппозиціи. Движеніе разночинной интеллигенціи: профессіонально-политическіе союзы. Весеннее движеніе крестьянъ. Крестьянскій съѣздъ и союзъ. Оживленіе въ революціонномъ подпольѣ. Первомайскія удачи и неудачи. Лодзинское возстаніе.

Указъ 18 февраля такъ же, какъ «довѣріе» въ эпоху правительственной «весны» создавалъ для общественнаго движенія нѣкоторые опорные пункты. Этимъ не преминули воспользоваться, разумѣется, всѣ живые общественные элементы.

Цѣлый рядъ земскихъ собраній, многія изъ городскихъ думъ, а также кое-гдѣ образовавшіяся къ этому времени (иныя еще съ эпохи «довѣрія») и вновь организующіяся профессіональныя группы—инженеры, адвокаты и т. п., наконецъ, даже группы просто обывателей начинаютъ на-перебой выносить резолюціи политическаго характера, подавать петиціи, адреса, протесты, отъ самыхъ скромныхъ по содержанію и кончая ярко-радикальными, повторявшими цѣликомъ всѣ тѣ политическія требованія, какія были выставлены рабочими 9 января.

Главной темой сужденія на собраніяхъ, или такъ сказать, исходнымъ пунктомъ резолюцій и петицій этого времени служилъ указъ о привлеченіи выборныхъ людей къ законодательной дѣятельности и вопросъ объ отношеніи къ «особому совѣщанію», учрежденному подъ предсѣдательствомъ мин-ра вн. дѣлъ для обсужденія путей къ осуществленію правительственныхъ намѣреній и прозванному на простомъ не-оффиціальномъ языкѣ—«комиссіей Булыгина».

Земскіе либеральные круги, на которые правительство, очевидно, главнымъ образомъ разсчитывало, издавая указъ 18 февраля, проявляли въ это время чрезвычайную дѣятельность и за періодъ весны и лѣта успѣли организовать четыре общихъ не-оффиціальныхъ съѣзда земскихъ и земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Февральское совѣщаніе земской оппозиціи уже не удовольствовалось дипло-

матическимъ умолчаніемъ насчетъ избирательной системы, а значительнымъ большинствомъ и совершенно опредѣленно высказалось за организацію народнаго представительства на началахъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права, правда, при двухпалатной системѣ. Къ «комиссіи Булыгина» съѣздъ отнесся отрицательно, рѣшивъ, однако, просить о допущеніи въ нее выборныхъ отъ существующихъ общественныхъ учрежденій. Кромѣ того на этомъ совѣщаніи, подъ вліяніемъ начавшихся крестьянскихъ безпорядковъ, былъ впервые выдвинутъ, и съ тѣхъ поръ уже не сходилъ съ обсужденія на земскихъ съѣздахъ—аграрный, крестьянскій вопросъ. На этотъ разъ большинство пришло къ рѣшенію о необходимости урегулированія арендныхъ отношеній, но серьезная аграрная реформа признана была неосуществимой—безъ проведенія политическихъ реформъ.

Съѣздъ въ апрѣлѣ (уже выборный) нѣсколько развилъ и закрѣпилъ положенія, разработанныя и установленныя февральскимъ совѣщаніемъ.

Майскій съѣздъ, происходившій уже подъ впечатлѣніемъ грандіознаго цусимскаго разгрома, закончился выработкой конституціоннаго адреса и избраніемъ депутаціи для представленія этого адреса Государю. Правительство, оказавшееся въ это время въ такомъ трудномъ, почти безвыходномъ положеніи, вынуждено было согласиться на пріемъ депутаціи, не смотря на то, что въ нее входили такіе завѣдомо«неблагонадежные» элементы, какъ Ѳ. Родичевъ и И. Петрункевичъ. Это было формальное и публичное отступленіе стараго порядка.

Этотъ моментъ, когда растерянность бюрократіи достигла наивысшаго предѣла, въ то же время являлся и моментомъ наивысшихъ торжествъ и надеждъ либерализма, какихъ никогда еще—по крайней мѣрѣ до октябрьскихъ дней—не приходилось переживать земской и иной оппозиціи. Казалось, что положеніе правительства было столь невозможно-труднымъ, что ему не оставалось ничего иного, какъ призвать умѣренно-либеральную оппозицію и опереться на нее.

Но это былъ лишь всего одинъ короткій моментъ.

Реакціонные дворянскіе круги, встревоженные изданіемъ указа 18 февраля и уже тогда въ лицѣ совѣщанія губернскихъ предводителей дворянства протестовавшіе противъ «сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія», теперь—передъ ставшей во весь ростъ либеральной опасностью—естественно напрягли всѣ свои силы въ другую сторону, и добились, чего хотѣли... Черезъ двѣ недѣли послѣ пріема представителей оппозиціи, 21-го іюня Государемъ была милостиво принята депутація «русскихъ людей» отъ «всѣхъ званій и состояній», во главѣ съ представителями консервативнаго дворянства, гр. А. Бобринскимъ, Шереметевымъ, А. Нарышкинымъ и др.

Радужныя мечты либерализма были разбиты. Передъ съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, собравшемся въ началѣ іюля, рѣзко всталъ, поставленный самой жизнью вопросъ: куда идти? Снова ли, надѣясь на благоразуміе правительственныхъ верховъ и оставаясь *между* народомъ и властью, *просить* и *ждать*, или же повернуться лицомъ къ тѣмъ народнымъ массамъ, подъ давленіемъ силы которыхъ бюрократія только и способна была сдвинуться съ мѣста?

Громъ стремительно развившагося народнаго движенія и грозныя событія лѣта

(«Потемкинъ» и др.) продиктовали земцамъ отвѣтъ и дали имъ—какъ говорила въ то время «Искра»—«мужество разорвать съ традиціями дворянской пореформенной оппозиціи и попытаться играть политическую роль на *европейско*-буржуазный ладъ» [1]). Выразивъ совершенно отрицательное отношеніе—къ сдѣлавшемуся уже извѣстнымъ къ этому времени—проекту «Булыгинской думы», іюльскій съѣздъ призналъ «неотложной задачей... войти въ ближайшее общеніе съ широкими массами населенія для совмѣстнаго съ народомъ обсужденія предстоящей политической реформы, для завоеванія необходимыхъ для ея проведенія свободъ и для подготовленія къ выборамъ». Больше того: съѣздъ составилъ и выпустилъ отъ своего имени обращеніе къ народу, своего рода—прокламацію, въ которой народныя массы призывались къ объединенію для борьбы за истинное народное представительство на основѣ всеобщей подачи голосовъ.

...«Надо спокойно и открыто собираться, обсуждать свои нужды и высказывать свои желанія—говорилось въ этой прокламаціи,—не опасаясь того, что кто нибудь станетъ препятствовать этому»...

Но тотъ же громъ событій, который вдохнулъ такую рѣшительность въ лѣвую часть земской оппозиціи, еще дальше оттолкнулъ отъ нея ея *правую* часть, съ которой лѣвые земцы, по крайней мѣрѣ, до іюльскаго съѣзда,—кое-какъ еще ладили путемъ обоюдныхъ и многочисленныхъ компромиссовъ.

На ряду съ оживленіемъ въ рядахъ земскаго либерализма, въ то же самое время началось еще болѣе энергичное движеніе среди, главнымъ образомъ, городской «разночинной интеллигенціи», а также среди «третьяго элемента», до тѣхъ поръ вездѣ болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ земской оппозиціей. Это движеніе вначалѣ (конецъ февраля и мартъ) выражавшееся въ сотняхъ разнообразныхъ совѣщаній, собраній, съѣздовъ, устраиваемыхъ городской интеллигенціей, скоро перешло въ энергичное, даже лихорадочно-спѣшное организаціонное строительство. Не обращая вниманія на правительственные запреты, всѣ какъ бы торопились, позабывъ о всякой опасности,—сойтись, сговориться, связать себя другъ съ другомъ—и такъ или иначе—и съ своей стороны нанести ударъ разлагающемуся режиму.

Практика «захватнаго права», привитая общественному движенію банкетной эпохой, сослужила особенно хорошую службу въ этотъ періодъ общаго сдвига и правительственной растерянности. Не желая идти по опасному пути Плеве и, пріоткрывъ, поэтому, маленькій клапанъ для общественной самодѣятельности, бюрократія, на минуту опустившая руки, съ безсильнымъ недоумѣніемъ принуждена была смотрѣть на то, какъ эта маленькая щель на ея глазахъ обращалась въ широко-распахнутыя ворота, черезъ которыя хлынула сдавленная до тѣхъ поръ общественная энергія. И съ каждой минутой сила общественнаго потока въ своемъ стремленіи впередъ дѣлала этотъ выходъ все шире...

Начало организаціи союзовъ (союзы профессоровъ-инженеровъ) было положено еще на декабрьскихъ банкетахъ 1904 года.

8—9 мая въ Москвѣ состоялся съѣздъ 60 делегатовъ отъ 14 уже всерос-

---

[1]) За два года стр. 588.

сійскихъ союзовъ (составившихся изъ отдѣленій въ различныхъ городахъ), на которомъ было положено основаніе «Союзу союзовъ», объединившему всѣ эти организаціи. Среди чрезвычайно разнохарактерныхъ элементовъ, изъ которыхъ составился «Союзъ союзовъ», почти съ самаго начала демократическая интеллигенція получила преобладаніе, почему общей,—своего рода политической, платформой этой организаціи сдѣлалось требованіе учредительнаго собранія по 4-хъ членной формулѣ. Съ каждымъ новымъ съѣздомъ настроеніе «Союза-союзовъ» дѣлалось все болѣе радикальнымъ. Уже на 2-мъ майскомъ съѣздѣ рѣшено было явочнымъ путемъ осуществлять организацію союзовъ, собраній, свободу слова и печати; вести устную и письменную пропаганду; на жандармскихъ допросахъ, въ случаѣ арестовъ, отказываться отъ показаній,—наконецъ, даже устраивать демонстраціи. Это были почти тѣ же самыя позиціи, какія на практикѣ до сей поры занимали лишь соціалистическія партіи. 3-й съѣздъ—въ началѣ іюля,—въ своихъ рѣшеніяхъ еще ближе пододвинулся къ революціонно-соціалистическимъ партіямъ. Въ то-же время это были первые, шаги не-соціалистическихъ элементовъ (хотя въ союзахъ были и соціалисты) на такой аренѣ, гдѣ до сихъ поръ можно было видѣть только соціалистовъ. Вскорѣ именно на этой почвѣ возникла и разгорѣлась борьба за вліяніе между соціалистической и несоціалистической демократіей, принявшая особенно острыя формы въ организаціяхъ, по составу своему близкихъ къ пролетаріату (Жел.-дор. союзъ, и т. п.).

Нѣчто совсѣмъ особое отъ этихъ союзовъ представлялъ собой «Крестьянскій Союзъ», который впослѣдствіи также примкнулъ къ общей организаціи «Союза союзовъ». Но прежде чѣмъ сказать объ этомъ союзѣ, необходимо упомянуть о крестьянскомъ движеніи весны 1905 г., которое и послужило непосредственнымъ толчкомъ къ этой попыткѣ крестьянской организаціи.

Война и рабочее движеніе въ городахъ не могли не отразиться и на настроеніи деревни. Движеніе, начавшееся здѣсь съ отдѣльныхъ вспышекъ—потравъ, порубокъ и проч., въ февралѣ-мартѣ превратилось въ массовое, охвативъ громадный районъ и при томъ сразу съ различныхъ концовъ: въ центральной Россіи, въ Польшѣ, въ Западномъ, Прибалтійскомъ Краѣ и на Кавказѣ. Во внутренней Россіи—въ Курской, Орловской, Черниговской губ.—по характеру своему движеніе это мало чѣмъ отличалось отъ крестьянскихъ безпорядковъ 1902 г. и выражалось въ разгромахъ и расхищеніи имѣній. «На вопросы, которые потомъ задавали крестьянамъ власти о томъ, чего они хотѣли, былъ одинъ отвѣтъ: «Мы хотѣли и хотимъ ѣсть» [1]). Почти такой же стихійно-бунтарскій характеръ носило движеніе и въ Виленской губ.

Движеніе крестьянъ Царства Польскаго, частью Подольской губ. и Прибалтійскаго Края было собственно движеніемъ полукрестьянскимъ, полупролетарскимъ и приняло потому значительно болѣе сознательныя, цѣлесообразныя формы, главнымъ образомъ,—форму крестьянскихъ и батрацкихъ стачекъ. Въ Польшѣ, напр., «въ имѣнье являлась толпа крестьянъ и сельскихъ рабочихъ и предъявляла владѣльцу извѣстныя требованія объ улучшеніи положенія его служащихъ, а до выполненія этихъ требованій,—останавливали сел.-хоз. работы... Толпа вела

[1]) *П. Масловъ.* Агр. Вопр., т. II.

себя въ большинствѣ случаевъ мирно, имущества помѣщика не грабила, инвентаря не забирала, поджоговъ не учиняла, а ограничивалась лишь тѣмъ, что требовала отъ помѣщика или продовольствія по числу явившихся въ имѣнье «натурой» или же по 10 к. на каждаго на харчъ» [1]).

Своеобразный и безусловно революціонный характеръ имѣло движеніе гурійскихъ крестьянъ на Кавказѣ, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ кавказской соц.-демократіи.

При оффиціальномъ объѣздѣ Султанъ Крымъ-Гиреемъ Озургетскаго у.— съ цѣлью ознакомленія съ крестьянскими нуждами—гурійское крестьянство показало себя настроеннымъ въ высшей степени революціонно. — Въ сел. *Бахви* наприм., на вопросъ, предложенный Гиреемъ, «не пожелаютъ-ли поселяне удалить непріятныхъ имъ лицъ», при чемъ подъ «непріятными» лицами подразумѣвались агитаторы, крестьянскій сходъ въ 2000 чел. далъ такой отвѣтъ: «мы требуемъ удаленія всѣхъ священниковъ, писарей и старшинъ»... Затѣмъ рядъ крестьянскихъ ораторовъ выяснивъ правительственному посланнику мѣстныя нужды, предъявили ему требованія с.-д. программы вплоть до немедленнаго созыва учред. с-нія и замѣны самодержавія республикой. Почти то же самое можно было наблюдать въ Горійскомъ у. и др. мѣстахъ.

Всюду шли митинги и устраивались многолюдныя и совершенно такія же, какъ въ городахъ, демонстраціи—съ красными знаменами и т. п., [2]) часто кончавшіяся столкновеніями съ войсками. Одной изъ главныхъ цѣлей движенія было стремленіе къ революціонному преобразованію сельскаго управленія и замѣнѣ сельскихъ властей выбранными демократическимъ путемъ. Сопротивлялись отбыванію воинской повинности. Только за мартъ мѣсяцъ цѣлыя десятки сельскихъ канцелярій были сожжены крестьянами вмѣстѣ со всѣми дѣлами... Это была уже сама революція, на которую правительство отвѣтило посылкой въ Гурію извѣстнаго Алиханова и карательнымъ разгромомъ.

Собственно во *внутренней* Россіи весной и лѣтомъ 1905 г. крестьянскимъ движеніемъ было охвачено—по вычисленіямъ Н. Саворенскаго [3]) 62 уѣзда, т. е. 14% всей Россіи (безъ окраинъ, Донской обл. Астрах., Вятской и Пензенской губ.), при чемъ больше половины уѣздовъ приходилось на западный край. Поэтому въ 55% этихъ уѣздовъ преобладала стачечная форма движенія. Порубки занимали 26%, погромы 14%, а въ остальныхъ 5% движеніе было смѣшаннымъ.

Движеніе крестьянства центральной части Россіи, т. е. движеніе какъ разъ той многомилліонной великорусской массы, что составляетъ, т. сказ., фундаментъ страны, оказалось, так. образ., наиболѣе стихійнымъ и наименѣе цѣлесообразнымъ. Поэтому, естественно, что сельскія и иныя интеллигентныя силы—и прежде всего учителя школъ, задѣтыя городскимъ движеніемъ, при первомъ же сдвигѣ деревни должны были задуматься надъ внесеніемъ организаціи въ крестьянскую смуту.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ Душетскомъ у. правительственная комиссія съ д. с. с. Вейденбаумомъ во главѣ имѣла случай наблюдать такую демонстрацію, въ которой участвовало 1000 вооруженныхъ крестьянъ изъ 14 деревень.

[3]) *Борьба общественныхъ силъ*. Экономич. движеніе крестьянства въ Россіи.

Первые зачатки болѣе или менѣе замѣтной крестьянской организаціи появились въ Московской губ. Дѣлу помогла дворянская реакція, попробовавшая было использовать крестьянскую темноту въ своихъ видахъ и попытавшаяся толкнуть крестьянъ на подачу патріотическо-политическихъ адресовъ... Скоро изъ Донской обл. и др. мѣстъ стали приходить извѣстія объ успѣхахъ организаціонной работы среди крестьянства. 31 іюля—1 августа въ Москвѣ состоялся тайный учредительный съѣздъ Всероссійскаго крестьянскаго союза, на который прибыло больше 100 крестьянъ и до 25 интеллигентовъ—отъ 25 русскихъ губерній (окраины не были представлены).

И этотъ съѣздъ, какъ и многіе иные съѣзды въ это время, *единогласно* высказался за созывъ учредительнаго собранія на основѣ 4-хъ членной формулы. Разумѣется, если, разсматривая рѣшенія и сужденія этого съѣзда, задать себѣ вопросъ: слышенъ ли былъ въ этихъ рѣшеніяхъ голосъ крестьянской массы, той самой массы, которая составляетъ основу деревенской Россіи, то на этотъ вопросъ слѣдовало бы дать отрицательный отвѣтъ. Крестьянскія организаціи, пославшія своихъ депутатовъ на съѣздъ, въ лучшемъ случаѣ, представляли собой чрезвычайно узкія полоски крестьянства, которое только-что перешагнуло черезъ традиціонное недовѣріе къ интеллигенту—«барину» и пока еще *слѣпо* двинулось за нимъ. Политическая часть съѣздовской программы, въ сущности, мало интересовала и этихъ сто крестьянъ, прибывшихъ на съѣздъ, почему такъ быстро и единогласно и было принято съѣздомъ учред. с-ніе. Черезъ мало-интересную «политику» хотѣлось поскорѣе перешагнуть и приступить «къ дѣлу»—*къ «землѣ»*, по вопросу о которой было рѣшено,—что у частныхъ владѣльцевъ земля должна быть «отобрана частью за вознагражденіе (ибо народъ «стремится не обидѣть»), частью же безъ вознагражденія».

Послѣ этого съѣзда, агитація въ крестьянствѣ значительно усиливается. Раньше еще рѣдкіе крестьянскіе приговоры, особенно съ политической окраской, стали теперь явленіемъ обычнымъ. Только въ одной Донской Области, вскорѣ послѣ съѣзда, было составлено 19 приговоровъ съ 2508 подписями.

И все же вся эта агитаціонная дѣятельность, уже не говоря объ организаціонной, если принять во вниманіе стомилліонную крестьянскую массу,—была лишь каплей въ морѣ. Правда, русская деревня была до самой глубины своей взбаломучена войной, но, однако, все еще продолжала жить, въ сущности, *внѣ общественно-политической жизни.*

Съ каждымъ днемъ общественная атмосфера дѣлалась все болѣе повышенной. Многочисленныя событія, революціоннаго и иного общественнаго характера, теперь уже не оставались, какъ раньше, полускрытыми или совершенно скрытыми отъ наблюденія широкихъ слоевъ, по крайней мѣрѣ, грамотнаго населенія. Періодическая и иная печать, вырвавшись въ концѣ 1904 г. изъ обычнаго до того времени узкого русла, такъ уже болѣе въ него и не была снова втиснута, надолго распрощавшись съ безгласностью плевевскаго и до-плевевскаго режима. Разумѣется, положеніе печати этого времени было еще безконечно далеко отъ положенія свободной печати. Но, не получивъ еще правъ свободнаго и полнаго освѣ-

щенія общественныхъ событій, печать захватила, однако, неоцѣнимое для того времени право фактическаго освѣдомленія почти о всемъ томъ, что прежде находилось подъ строжайшимъ запретомъ. Событія-же 1905 г., даже въ самой сухой, протокольной передачѣ, слишкомъ краснорѣчиво говорили сами за себя. Революціонное подполье, скрытое до тѣхъ поръ отъ взоровъ широкихъ массъ, стало, такимъ образомъ, показываться на свѣтъ божій не только путемъ, такъ сказать, уличнаго оказательства, но и черезъ ежедневную и не-ежедневную прессу, быстро и со всѣхъ сторонъ пріобрѣтая симпатіи.

Вліяніе революціонныхъ идей, особенно на рабочія массы,—быстро возрастало. Прежнія узкія, конспиративныя собранія, такъ сильно суживавшія размахъ агитаціонной пропаганды, начинали почти всюду смѣняться болѣе или менѣе широкими «массовками», происходившими уже наполовину открыто и привлекавшими къ себѣ усердныхъ посѣтителей изъ самыхъ отсталыхъ слоевъ населенія. Чаще всего такія собранія устраивались за городомъ, на вольномъ воздухѣ, а слѣдовательно лѣтомъ, и особенно широко передъ 1-мъ мая. Ораторы с.-д. или с.-р. партіи выступали на нихъ съ рѣчами—или о войнѣ, или о январьскихъ событіяхъ, или объ учред. с-ніи и т. п. Иногда принимались рѣзкія резолюціи противъ существующаго режима и уже нерѣдко на такихъ собраніяхъ, пріютившихся гдѣ-нибудь подъ сѣнью лѣса, свободно развѣвались красныя знамена и пѣлись «свободныя» пѣсни.

Нелегальная подпольная работа, несмотря на тысячи опасностей, уже смѣло пробивалась наружу и, быть можетъ, впервые за многіе годы дѣйствительно начинала нѣсколько сближать тайныя организаціи не только съ отдѣльными группами, но и съ самой массой. Тактика захватнаго права, развернутая въ эпоху «довѣрія» городской оппозиціей, теперь—подъ прикрытіемъ лишь одной смѣлости,—стала широко примѣняться и къ устройству рабочихъ митинговъ.

Но еще, быть можетъ, больше чѣмъ устная агитація, развивалось въ это время нелегальное печатное слово. Изданіе прокламацій, начавшись въ періодѣ 1901—902 г.г. въ большинствѣ нелегальныхъ организацій съ выпуска по нѣсколько сотенъ плохо отгектографированныхъ (или мимеографированныхъ) листковъ, приблизительно къ половинѣ 1905 г. достигло во многихъ организаціяхъ громадной цифры—въ 10, даже 15 тысячъ прекрасно отпечатанныхъ экземпляровъ на одно названіе. Къ этому времени по всей Россіи дѣйствовали десятки, если не сотни, тайныхъ типографій и печатныхъ станковъ.

Тифлисскій комитетъ р. с. д. р. п. съ 9 марта по 18 мая 1905 г. издалъ, напр., на русскомъ и грузинскомъ языкахъ около 96.000 экз. различныхъ изданій. Московскій комитетъ партіи с.-р. въ теченіе мая, іюня и іюля выпустилъ 87.110 экз. Тверская группа той-же партіи лѣтомъ 1905 г. печатала разомъ по 20 и 30 тысячъ экз. революціонныхъ брошюръ. С.-д. Крымскимъ союзомъ за январь—февраль—мартъ издано было 15 листковъ въ количествѣ 163.000 экз. и т. д. На ряду съ революціонными газетами, выходившими за границей, къ этому времени стали появляться и внутри Россіи, кромѣ листковъ, нелегальныя періодическія изданія (газетки, летучіе листки).

Чтобы выпускать такое количество изданій и поддерживать хорошо-оборудованныя типографіи, само собой разумѣется, требовались не малыя средства.

И надо признать, что революціонныя организаціи того времени, сравнительно мало терпѣли нужду, щедро поддерживаемыя сначала сочувствующимъ «обществомъ», а впослѣдствіе кое-гдѣ и самой рабочей массой. Вѣдь не отъ русскихъ либеральныхъ дѣятелей, а именно отъ этихъ тайныхъ организацій широкіе слои городского населенія впервые услышали недоступное имъ до тѣхъ поръ свободное и смѣлое слово! Естественно, что населеніе платило имъ за это моральной и матеріальной поддержкой.

Бюджетъ революціонныхъ организацій, состоявшій въ 1901—1902 г.г. изъ какихъ-нибудь сотенъ рублей, къ половинѣ 1905 г. возросъ въ иныхъ мѣстахъ до десятковъ тысячъ рублей въ годъ.

Приходъ, напр., Одесской группы р. с. д. р. п. (т. е. организаціи, принадлежавшей только одной изъ с. д. фракцій въ этомъ городѣ) за май и іюнь этого года достигалъ 4.702 руб. 25 коп. Приходъ Саратовскаго комитета партіи с.-р. за мартъ, апрѣль, май равенъ былъ—1209 руб. 75 коп., Приходъ Батумскаго с.-д. комитета за ноябрь 1904 г. равнялся—1.949 руб. 57 коп., за декабрь—2.693 руб. 71 коп. и за январь 1905 г.—1634 руб. 45 коп. Спб. комитетъ партіи с.-р. съ 10 апр. по 10 мая имѣлъ въ кассѣ—11.630 руб. Приходъ Сибирскаго с.-д. союза съ 1 февраля по 1-е іюня равнялся 7.475 руб.! И т. д. и т. п., не говоря уже о бюджетѣ центральныхъ учрежденій, равнявшемся десяткамъ тысячъ рублей...

Такъ возникла и укрѣпилась та «монополія» революціоннаго слова, на которую въ эпоху «весны» такъ неубѣдительно и болѣе чѣмъ странно жаловался въ «Правѣ» либеральный профессоръ князь Е. Трубецкой!

Но этому росту идейнаго вліянія на массы все больше и все рѣзче не соотвѣтствовало—что уже было отмѣчено еще для 1903 г.—непосредственно-организующее вліяніе революціонныхъ партій. Казалось, вмѣстѣ съ ростомъ вліятельности и популярности революціонно-соціалистическихъ идей въ массахъ, тайныя революціонныя организаціи становились все менѣе способными и все болѣе безсильными въ дѣлѣ руководства движеніемъ этихъ массъ. «*Организаціонное* вліяніе партіи на массы безконечно отстало отъ ея *идейнаго* вліянія...—писала «Искра» по этому поводу...—Массы учатся у партіи *думать*, но онѣ не довѣряютъ ея указаніямъ, какъ имъ дѣйствовать»...

Эта особенность русскаго революціоннаго движенія съ разительной яркостью сказалась въ попыткѣ первомайскаго празднованія въ 1905 г. Именно въ этомъ бурномъ году можно было ожидать, и всѣ ожидали, къ 1 маю особенно внушительныхъ выступленій. Каково же было изумленіе и разочарованіе, когда, несмотря на дѣятельную подготовку, въ большинствѣ *крупныхъ русскихъ* городовъ и особенно въ Петербургѣ, на призывъ соціалистическихъ партій отозвались лишь незначительныя кучки организованныхъ рабочихъ. Рабочая масса все еще и всецѣло была занята продолженіемъ упорной «экономической» войны...

Иное дѣло на окраинахъ, гдѣ рабочая масса, охваченная неутихающимъ революціоннымъ броженіемъ, все же, быть можетъ, стояла ближе къ своимъ руководящимъ организаціямъ...—Польша и Зап. Край въ цѣломъ рядѣ городовъ отмѣтили майскіе дни этого года всеобщими забастовками. Въ *Варшавѣ* рабочее населеніе не ограничилось стачкой, остановившей, кстати сказать, буквально вся-

кую городскую жизнь, но устроили, кромѣ того, цѣлый рядъ уличныхъ демонстрацій. Военныя власти отвѣтили на это страшнымъ разстрѣломъ, произведеннымъ въ разныхъ пунктахъ города, при чемъ, по сообщенію оффиціальнаго «Варшавскаго Дневника», ранено и убито было до 150 чел.! Повторилось, какъ разсказывали очевидцы, нѣчто подобное ужасамъ январьскихъ дней. Озлобленіе противъ русскихъ войскъ, охватившее населеніе, вылилось въ тотъ же и слѣдующій день въ террористическихъ покушеніяхъ на казаковъ и оберъ-полицмейстера. 20 апрѣля (3 мая) вся Варшава вновь забастовала: это была грандіозная и торжественно-печальная демонстрація въ знакъ траура по погибшимъ жертвамъ. Кровавыя столкновенія произошли, кромѣ Варшавы, также въ *Лодзи* и *Калишѣ*.

Но даже такія крутыя мѣры подавленія здѣсь уже не способны были остановить стремительное развитіе революціонныхъ событій. Едва прошелъ мѣсяцъ послѣ 1 мая, какъ г. *Лодзь* вновь былъ охваченъ движеніемъ, скоро обратившимся почти въ форменное возстаніе. 5 іюня устроенная лодзинскими рабочими политическая демонстрація была разстрѣляна войсками. 7-го и 8-го народомъ были устроены похороны подъ красными и черными знаменами, въ которыхъ (8-го) участвовало не менѣе 50 тыс. чел. И здѣсь при возвращеніи народа снова произошелъ разстрѣлъ и снова было убито 13 чел. 9 іюня все остановилось. Была объявлена всеобщая забастовка. Начались партизанскія нападенія на казаковъ и полицію. Ночью было выстроено до десятка наскоро-сложенныхъ баррикадъ. Скоро рабочіе были выбиты изъ-за этихъ загражденій. Тогда они засѣли на крышахъ домовъ, на чердакахъ, въ окнахъ и оттуда продолжали свой неравный, но упорный бой. Въ этотъ день, 10-го, на улицахъ Лодзи происходило буквально то же самое, что было въ Варшавѣ въ январскіе дни. Также улицы были пусты, также горѣли винныя лавки, также обозленные солдаты стрѣляли куда попало и разстрѣливали всякаго, кто попадалъ на глаза. Мирный обыватель тысячами бѣжалъ изъ города. Только 12-го—какъ передавали газеты—изъ Лодзи выѣхало 20.000 евреевъ. За 8, 9 и 10-е—по первоначальнымъ полицейскимъ свѣдѣніямъ—убитыхъ насчитывалось уже 93 чел., по частнымъ извѣстіямъ—пострадавшихъ было до 400. Изъ 54 имѣвшихся въ городѣ казенныхъ винныхъ лавокъ народомъ было уничтожено 35! 13-го г. Лодзь былъ объявленъ на военномъ положеніи.

Варшава, Ченстоховъ, Сосновицы и др. промышленные города Царства Польскаго поддержали лодзинское возстаніе бурными всеобщими забастовками [1]). Это крупнѣйшее событіе прошло въ то время сравнительно мало отмѣченнымъ, но только потому, что какъ разъ въ это самое время, заслоняя все собою, во внутренней Россіи произошли событія, еще болѣе крупныя и еще болѣе поразительныя..

V.

Броненосецъ «Потемкинъ» и потемкинскіе дни: одесская стачка; возстаніе «Потемкина». Краткая хроника іюнь-августовскихъ (до 6 августа) событій.

Какъ и многіе другіе русскіе города, Одесса, послѣ января, переживала періодъ хроническихъ стачекъ. Онѣ вспыхивали то по одиночкѣ, то по нѣ-

[1]) См. очеркъ *Д. Кольцова*: „Рабочіе въ 1905—1907 г.г.“.

скольку разомъ, а въ началѣ іюня стачечное возбужденіе дошло до такой силы, что многіе со дня на день ожидали уже всеобщей забастовки...

11 іюня полиція арестовала рабочихъ—«уполномоченныхъ», выбранныхъ мѣстными фабриками и заводами для руководства стачечнымъ движеніемъ. Возбужденная и возмущенная этимъ толпа рабочихъ осадила полицейскій участокъ, гдѣ были заключены арестованные, и принудила захваченную врасплохъ полицію освободить товарищей. Но 12 іюня «уполномоченные» были снова арестованы. Это окончательно раздражило рабочую массу, и 13 и 14-го іюня улицы Одессы были переполнены толпами бурно-настроенныхъ рабочихъ. Эти толпы кидались отъ одного завода къ другому и всюду останавливали работы. Стачка быстро разросталась во всеобщую. Все чаще происходили столкновенія съ полиціей и войсками. Кое-гдѣ по толпѣ уже производились залпы. Но вѣсть объ убитыхъ и раненыхъ еще больше возбуждала рабочія массы. На улицахъ устраивались импровизированные митинги. Атмосфера съ каждой минутой накалялась все болѣе.

14-го городъ принялъ уже совсѣмъ необычно-тревожный видъ: закрылись магазины, банки и др. учрежденія. Кое-гдѣ при столкновеніяхъ рабочіе пытались строить баррикады, сваливая на рельсы вагоны городской дороги и натаскивая другія тяжелыя вещи. Народъ, разсѣеваемый конницей и тотчасъ-же вновь собиравшійся, вслухъ толковалъ объ оружіи. Вечеромъ въ полицейскій нарядъ была брошена бомба, которой былъ убитъ полицейскій и бомбометатель. Наступила тревожная ночь. На слѣдующій день всѣ ожидали рѣшительныхъ и, какъ всегда, кровавыхъ событій...

Но въ эту ночь—съ 14 на 15-е іюня—произошло событіе, поразившее своей необычайностью не только Россію, но и весь міръ, и радикально измѣнившее теченіе одесскихъ событій послѣдующихъ дней.

— На одесскій рейдъ пришелъ возставшій броненосецъ «Потемкинъ Таврическій».

Произошло-же это такъ. Настроеніе матросской массы было къ этому времени очень возбужденнымъ главнымъ образомъ по случаю военныхъ неудачъ и особенно послѣ полученія извѣстія о Цусимскомъ пораженіи. С.-д. агитація среди матросовъ черноморскаго экипажа какъ разъ въ это время пользовалась особеннымъ успѣхомъ. И вотъ 14 іюня на броненосцѣ «Потемкинъ Таврическій», который вышелъ къ Очакову для практическихъ занятій, неожиданно вспыхнулъ бунтъ. Поводомъ послужила плохая пища. Взбунтовавшаяся команда арестовала всѣхъ офицеровъ (причемъ командиръ и шесть офицеровъ погибли: частью были убиты, частью утонули), завладѣла судномъ, избрала изъ своей среды особый «Комитетъ», и узнавъ о происходившихъ событіяхъ въ Одессѣ и обсудивъ положеніе, двинула броненосецъ къ этому городу съ довольно опредѣленной цѣлью—поддержать борьбу за свободу и получить отъ народа поддержку своему дѣлу.

Въ Одессѣ по рѣшенію «Комитета» съ броненосца на берегъ былъ свезенъ трупъ убитаго во время бунта однимъ изъ офицеровъ матроса Вакулинчука для похоронъ и положенъ подъ палаткой, сдѣланной изъ парусовъ. Около палатки былъ поставленъ караулъ изъ матросовъ, а на груди убитаго лежала такая записка:

«Господа Одесситы! Передъ вами лежитъ тѣло ... матроса Григорія Вакулинчука, убитаго старшимъ офицеромъ эскадреннаго броненосца «Князь Потемкинъ Таврическій» за то, что В-къ заявилъ, что борщъ не хорошъ. Осѣнимъ себя крестнымъ знаменіемъ и скажемъ: «миръ праху его» Отомстимъ» и т. д. «Да здравствуетъ свобода! Команда эскадреннаго броненосца Кн. Пот-ъ Тав-ій» «Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного»!

Громадная толпа, окружившая палатку съ трупомъ, слушала разсказы матросовъ, выслушивала ораторовъ революціонныхъ партій, и одни плакали, другіе крестились, иные цѣловали руку убитаго, и надъ всѣмъ этимъ проносился ураганъ криковъ: «умремъ за свободу»!.. и т. п. Кромѣ того матросскимъ «Комитетомъ» было составлено еще особое письмо къ жителямъ и администраціи города, адресованное на имя французскаго консула, который, какъ представитель свободной республиканской страны, по наивному предположенію этой «броненосной республики» долженъ былъ съ особенной симпатіей отнестись къ ихъ дѣлу и оказать имъ всяческое содѣйствіе. Въ этомъ обращеніи команда броненосца выставляла такія требованія: «1) не дѣлать препятствій въ погребеніи матроса съ корабля; 2) учредить общее со стороны публики наблюденіе за правилами; 3) требовать отъ полиціи, а также и казаковъ прекратить свои напрасные набѣги, потому что это все безполезно; 4) не противодѣйствовать доставленію необходимыхъ продуктовъ для команды броненосца рабочей партіей»... Затѣмъ, бросивъ угрозу о стрѣльбѣ по городу, матросы заканчивали свое посланіе слѣдующимъ образомъ. ...«Кромѣ того, намъ ожидается помощь изъ Севастополя для этой цѣли—нѣсколько броненосцевъ, и тогда будетъ хуже».

Одесская администрація совершенно растерялась и чувствовала себя безсильной. Были моменты, когда городъ былъ почти во власти народа. Для того чтобы продержаться возможно дольше, броненосцу необходимо было сдѣлать запасы угля, воды и проч., что отчасти—хотя и въ далеко недостаточномъ количествѣ—ему удалось добыть въ Одессѣ при дѣятельной помощи рабочихъ. Но завязать постоянныя и тѣсныя сношенія съ городской рабочей массой и объединить свои силы съ силой движенія на берегу ни потемкинскіе матросы, ни руководящія организаціи въ Одессѣ сдѣлать не смогли. Всѣ событія проходили поэтому полустихійно. Да вскорѣ и само движеніе одесскихъ рабочихъ было подорвано въ самомъ корнѣ вспыхнувшимъ грандіознымъ пожаромъ въ Порту и сопровождавшими его хулиганскими грабежами и разбоями (15-го).

На другой день послѣ пожара, почти уничтожившаго портъ, 16-го іюля одесскія власти подъ угрозой броненосца вынуждены были, однако, разрѣшить публичныя похороны Вакулинчука. Позволено было при этомъ прислать съ броненосца 12 чел. почетнаго караула, но безъ оружія, и имъ обѣщана была безопасность. Вся Одесса въ этотъ день, послѣ вчерашнихъ событій, представляла сплошной военный лагерь. На улицахъ разбиты были палатки, дымились походныя кухни и т. д. Кое-гдѣ раздавалась еще стрѣльба и были жертвы.

Но вотъ часамъ къ 3-мъ на берегъ прибылъ съ броненосца почетный караулъ... Однако, пусть разскажетъ объ этомъ тотъ, кто ближе другихъ стоялъ ко всей этой черноморской трагедіи...

«Вотъ подняли носилки и двинулись въ городъ...—описывалъ это событіе

Аф. Матюшенко [1]). Не могу я описать этой божественно-чудной картины! Слава одесситамъ! Слава одесскимъ товарищамъ, которые такъ близко приняли къ сердцу нашу общую скорбь и печаль о товарищѣ! Ни по какомъ, я думаю, въ мірѣ царѣ, ни королѣ не лилось столько слезъ, какъ по этомъ, дотолѣ безвѣстномъ матросѣ... Народъ шелъ сплошной стѣной по улицѣ. Впереди шли казаки и очищали дорогу. Прахъ несли большей частью студенты и молодыя барышни. Можно сказать, что за народомъ домовъ почти не видно было: въ каждомъ окошкѣ, на каждомъ балконѣ, у подъѣздовъ стояли люди, при проходѣ процессіи падали на колѣни, поднимали руки къ небу и кричали: . . . . . ! По пути мы встрѣчали много военныхъ патрулей, которые выстраивались во фронтъ и отдавали тѣлу честь по военному»...

Какъ разъ именно въ эти часы, когда команда на броненосцѣ, долго прождавъ возвращенія своихъ депутатовъ и узнавъ что въ городѣ все таки была стрѣльба, обезпокоилась за судьбу своихъ товарищей, броненосецъ въ первый и въ послѣдній разъ прибѣгъ къ обѣщанной мѣрѣ устрашенія. Послѣ предупредительныхъ холостыхъ выстрѣловъ, въ городъ пущено было нѣсколько гранатъ, направленныхъ въ зданіе театра, гдѣ предполагалось засѣданіе военнаго совѣта, но получился перелетъ (кстати сказать, непринесшій вреда),—и это такъ взволновало матросовъ, что послѣ 2—3 выстрѣловъ, они совершенно отказались отъ этого рѣшительнаго средства воздѣйствія.

На суднѣ къ этому времени, было уже не совсѣмъ ладно. Въ сѣрой рядовой матросской массѣ, увлеченной было первымъ бунтовскимъ порывомъ, начиналось недовольство и страхъ передъ ежечасно ожидавшейся эскадрой. Но появленіе эскадры и то, что потомъ произошло при встрѣчѣ съ ней, еще разъ на короткое время высоко подняло совсѣмъ было уже упавшее настроеніе потемкинской команды. 17 іюня эскадра показалась, наконецъ, на горизонтѣ; она вела себя нѣкоторое время чрезвычайно нерѣшительно. На это были вѣскія причины— настроеніе матросовъ на судахъ было далеко неспокойное, о чемъ потемкинскіе матросы, однако, не имѣли точныхъ свѣдѣній.

Наконецъ, встрѣча эскадры, состоявшей изъ 5 броненосцевъ, крейсера и 6 контръ-миноносцевъ съ возставшимъ кораблемъ, произошла, и произошла въ виду Одессы, при чемъ «Потемкинъ» самъ первый вышелъ ей навстрѣчу. Такое рѣшительное поведеніе возставшихъ произвело на матросовъ эскадры то самое дѣйствіе, на какое надѣялся революціонный комитетъ «Потемкина». Когда суда сошлись бортъ-о-бортъ, часть матросскихъ командъ эскадры высыпала на палубы и привѣтствовала «Потемкина» криками «ура». При второй такой-же встрѣчѣ, послѣ которой эскадра вынуждена была поспѣшно скрыться, одинъ изъ ея броненосцевъ—подъ вліяніемъ части матросовъ—отсталъ и вскорѣ присоединился къ «Потемкину». Это былъ моментъ наивысшаго торжества возставшихъ. Но это торжество было весьма кратковременнымъ. На суднѣ, присоединившемся къ возставшимъ, настроеніе большинства матросовъ было очень нерѣшительнымъ и уже черезъ нѣсколько часовъ—подъ вліяніемъ старшихъ матросовъ—(офицеры

---

[1]) Аф. Матюшенко вернулся въ Россію въ 1907 г., былъ арестованъ, судимъ военнымъ судомъ и казненъ.

были свезены на берегъ) этотъ новый союзникъ, чтобы избавить себя отъ вліянія потемкинцевъ, неожиданно выбросился въ бухту на мель.

Послѣ этого эпизода начинается, въ сущности, уже трагедія черноморской революціи. Отпаденіе «Георгія Побѣдоносца» (такъ назывался присоединившійся броненосецъ) сильно деморализовало и матросскую массу на «Потемкинѣ». Настаетъ періодъ тяжелой внутренней борьбы руководящихъ элементовъ (между ними были двое с.-д., пріѣхавшихъ на судно изъ Одессы) съ разложеніемъ и паденіемъ настроенія въ сѣрой массѣ.

И вотъ «Потемкинъ» начинаетъ свои блужданія отъ одного берега Чернаго Моря къ другому, съ каждымъ днемъ все болѣе вынуждаемый думать не столько уже о борьбѣ за свободу, сколько о своемъ собственномъ спасеніи. Уголь и иные запасы быстро истощались, а новыхъ запасовъ сдѣлать было негдѣ: Румынскія власти отказали въ этомъ, въ Ѳеодосіи-же попытка нагрузить уголь и проч., не смотря на полное сочувствіе со стороны населенія, не удалась, при чемъ матросы были встрѣчены залпами стоявшихъ тамъ войскъ [1]).

25 іюня къ ночи «Потемкинъ» вторично пришелъ въ «Констанцу» (Румынія). И здѣсь послѣ 11 дней революціонной жизни эта «плавучая республика» вынуждена была сдаться румынскимъ властямъ, а матросская команда, выговоривъ себѣ неприкосновенность, высадилась и разсѣялась по Зап. Европѣ.

Нужно-ли говорить, что черноморское возстаніе произвело огромное впечатлѣніе и на властей и на освободительное движеніе, вскрывъ передъ всѣми шаткость и ненадежность арміи... И это тѣмъ болѣе, что Потемкинскій «бунтъ» почти тотчасъ-же получилъ откликъ въ другихъ мѣстахъ, въ броженіи среди кронштадтскихъ матросовъ и въ болѣе серьезныхъ безпорядкахъ въ Либавскомъ порту.

Въ это время Россія уже со всѣхъ сторонъ вспыхивала революціонными огнями. Въ томъ вихрѣ событій лѣта 1905 г., центромъ которыхъ одно время какъ бы сдѣлался возставшій броненосецъ, скоро уже трудно было различать отдѣльные эпизоды. Событія стремительно слѣдовали одно за другимъ, иногда, словно, нагромождаясь другъ на друга, и утомленный глазъ и вниманіе невольно терялись среди этого грохота надвигающейся революціи.

Вотъ, напр., краткій и далеко неполный перечень наиболѣе выдающихся и имѣвшихъ общественно-революціонное значеніе событій этого (іюнь-августъ) времени:

Иваново-Вознесенскъ. 72-хъ-дневная, отличавшаяся необыкновеннымъ упорствомъ, стачка 40 или 50 тыс. рабочихъ, сопровождавшаяся цѣлымъ рядомъ открытыхъ народныхъ собраній (на р. Талкѣ) и выставившая на своемъ знамени не только «экономическія», но и политическія требованія. Сначала—невмѣшательство администраціи, потомъ запрещеніе собраній, наконецъ, избіенія и стрѣльба. Озлобленные и голодные рабочіе громятъ городскія лавки и поджигаютъ дачи фабрикантовъ [2])... *Ставрополь*. При усмиреніи столкновенія между

---

[1]) Одинъ изъ с.-д., бывшихъ на судѣ—Фридманъ былъ при этомъ раненъ и арестованъ.

[2]) *Н. Воробьевъ*. Изъ жизни ив.-вознесенскихъ рабочихъ. „Образованіе“ № 3 1906 г.

сектантами и православными, войсками убито 15 чел., ранено 50. *Екатеринославъ.* Во второй половинѣ іюня бастуютъ екатеринославскій, амурскій и нижнеднѣпровскій районы. Пріостановлено движеніе поѣздовъ. Затушены паровозы. 21—22 іюня столкновеніе съ войсками. Залпы. *Вильна.* 21—22 іюня попытки демонстрацій. 28-го демонстрація съ участіемъ 6.000 чел. Солдаты. Залпъ. *Тифлисъ* [1]). Рядъ убійствъ и покушеній на черносотенныхъ «русскихъ» рабочихъ. Съ 20-го іюня—всеобщая забастовка. 23—24-го въ казаковъ брошены бомбы. 27-го объявлено военное положеніе. *Минскъ* и *Харьковъ.* Въ концѣ іюня общія забастовки. *9 іюля.* Въ полугодовщину «9-го января» въ разныхъ городахъ—забастовки и манифестаціи. Въ *Нижнемъ-Новгородѣ* 9 іюля демонстративная забастовка *сормовскихъ* и др. заводовъ. Погромъ интеллигенціи и сознательныхъ рабочихъ темной спровоцированной толпой. 10, 11 и 12 іюля убито при этомъ 14 чел. и 25 тяжело ранено. 15-го похороны двухъ сормовскихъ рабочихъ, въ которыхъ участвуетъ до 15 тыс. чел. *Мотовилиха* (Уралъ). Столкновеніе рабочихъ съ войсками. Перестрѣлка. Съ 10 іюля (съ 12—13 по 22-е) бастуетъ вся *Владикавказская* дорога съ вѣтвями на Ростовъ-на-Дону (12 іюля), на Царицынъ, Ставрополь, Новороссійскъ (16 іюля) и Петровскъ [2]). *Ростовъ-на-Дону.* 15 іюля столкновеніе рабочихъ съ войсками около вокзала. *Новороссійскъ.* 15 іюля забастовка ж.-д. рабочихъ. Съ 16 по 19-е рабочіе занимаютъ ж.-д. путь и препятствуютъ отходу поѣздовъ. 19-го войска стрѣляютъ въ толпу: убито 13 и 22 ранено. *Рига.* Къ концу іюля бастуетъ до 15.000 рабочихъ. Демонстраціи и столкновенія. Сильное массовое движеніе въ *Курляндской губ.*, выражающееся—по словамъ сообщенія д-та полиціи [3])—въ цѣломъ рядѣ революціонныхъ демонстрацій и рѣчей въ лютеранскихъ церквахъ во время богослуженія и послѣ него, вслѣдствіе чего десятки церквей пришлось закрыть. Происходятъ захваты волостныхъ правленій и уничтоженіе царскихъ портретовъ. Устраиваются поджоги, покушенія, убійства владѣльцевъ имѣній и ихъ администраціи. 6-го августа губернія объявлена на военномъ положеніи. *Ревель.* 24 іюля демонстрація нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ въ память полугодовщины январьскаго разстрѣла мѣстныхъ рабочихъ. *Ковна.* Всеобщая забастовка, какъ протестъ противъ убійства 2-хъ рабочихъ. На улицахъ митинги. Похоронная процессія въ 10 тыс. чел. *Бѣлостокъ.* 30 іюля. Необыкновенный—даже по тогдашнимъ временамъ—военный разстрѣлъ городскихъ жителей. Убито и ранено не менѣе 100 чел. 30 іюля была устроена общая «биржа» [4]), которую разогнали, причемъ одинъ былъ убитъ. Черезъ нѣкоторое время въ патруль была брошена бомба, которой былъ раненъ одинъ солдатъ и убито трое революціонеровъ, оказавшихся случайно вблизи (одинъ—членъ «Бунда»). Послѣ этого войсками была открыта безпорядочная стрѣльба по всѣмъ направленіямъ, длившаяся *нѣсколько часовъ*. Озлобленіе солдатъ было таково, что докалывали и добивали даже раненыхъ. До 5.000 чел. въ паникѣ бѣжало изъ города. 1 ав-

[1]) См. ниже очеркъ *Д. Кольцова*: „Рабочіе въ 1905—907 гг.“.

[2]) С. *Прокоповичъ*. Октябрьская забастовка. „Безъ заглавія“ № 1-й.

[3]) „*Право*“ № 33, 1905 г.

[4]) Уличное собраніе рабочихъ подъ видомъ гуляющихъ. Форма легализаціи собраній или, вѣрнѣе, встрѣчъ, практиковавшаяся, главн. образ., въ Зап. Краѣ „Бундомъ“.

густа соціалистическими партіями по этому случаю была объявлена и началась всеобщая забастовка. Состоялись похороны съ 35-ю гробами, на которыхъ участвовало, несмотря на панику, до 15 тыс. народу. *Варшава*, *Радомъ*, *Минскъ* и др. города на западѣ Россіи протестовали противъ этого разстрѣла всеобщими забастовками [1])... Причемъ *Варшава* въ 4-й разъ—за этотъ годъ—объявляла всеобщую забастовку!..

Такова эта хроника. Но если-бъ прибавить къ этому и сообщенія объ отдѣльныхъ бомбахъ и о сотняхъ одиночныхъ покушеній, изъ которыхъ наиболѣе крупнымъ было убійство московскаго градоначальника, если указать на факты вновь разгоравшихся крестьянскихъ безпорядковъ и т. п., то и тогда эта революціонная хроника едва ли могла бы претендовать на полноту. Укажемъ здѣсь, однако, что только *за апрѣль и май* этого года—по исчисленію «Биржевыхъ Вѣдомостей»—было совершено 116 покушеній на различныхъ представителей власти; причемъ изъ нихъ 42 чел. было убито, а 62 ранено; въ томъ числѣ убитъ—1 губернаторъ, ранено 4 полицмейстера или ихъ помощника, 1 убитъ и 1 раненъ—начальники охраннаго отд., 2 убито и 9 ранено приставовъ и ихъ помощниковъ; 4 убито и 11 ранено околодочныхъ и полицейскихъ чиновниковъ; 6 убито и 2 ранено сыщиковъ и жандармовъ; городовыхъ убито 10 и 11 ранено, и т. д. [2]). Въ русской заграничной прессѣ буквально не хватало ни мѣста, ни времени для помѣщенія всѣхъ подобнаго рода извѣстій, относящихся къ этому времени.

Въ серединѣ августа (16-го) въ Портсмутѣ былъ заключенъ миръ. Наканунѣ заключенія этого мира, который, не смотря на большую дипломатическую ловкость, выказанную Витте, все же оказывался для россійской бюрократіи весьма «обиднымъ», правительство рѣшило, наконецъ, оффиціально опубликовать то, что предусмотрительно было припасено къ этому случаю и что неоффиціально уже не составляло секрета для бо́льшей части общества.

6-го августа, т. е. за 2 недѣли до заключенія мира, объявлены были—«Учрежденіе Государственной Думы» и «Положеніе о выборахъ» въ нее, выработанныя булыгинской комиссіей

Это было для такъ наз. «общества» въ его цѣломъ. А 27 августа, уже послѣ заключенія мира, спеціально для вліятельнаго профессорскаго либерализма, Указомъ была установлена автономія во всѣхъ университетахъ и др. высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которой въ совѣтахъ профессоровъ вводилось выборное начало и на эти совѣты возлагались «заботы о поддержкѣ правильнаго хода учебной жизни».

Но что касается широкихъ массъ народа, особенно рабочаго класса, то тутъ продолжала попрежнему господствовать, только съ каждымъ днемъ все болѣе расширявшаяся и ожесточавшаяся, старая политика репрессій. Тюрьмы были переполнены. Тысячами людей заселялись отдаленныя и не столь отдаленныя мѣста. Военно-полевые и просто военные суды все чаще выносили смерт-

---

[1]) Всѣ эти сообщенія составлены нами, кромѣ указанныхъ въ ссылкахъ источниковъ, по №№ „Искры“, „Рев. Россіи“ и „Послѣднихъ Извѣстій“.

[2]) „Право“ № 35, 1905 г.

ные приговоры. Смертная казнь, столь рѣдкая въ Россіи даже въ самыя мрачныя эпохи ея жизни, становилась явленіемъ обычнымъ [1]).

29 августа, т. е. въ тотъ же самый мѣсяцъ, когда опубликована была и эта булыгинская «конституція», въ Тифлисѣ—въ зданіи гор. думы—былъ произведенъ страшный разстрѣлъ мирно собравшихся тамъ рабочихъ, въ результатѣ котораго оказалось до 100 чел. раненыхъ и убитыхъ!..

VI.

Высшія учебныя заведенія осенью 1905 г. Сентябрьское движеніе московскихъ рабочихъ. Учебная автономія и революціонное движеніе. Октябрьская забастовка. Отношеніе различныхъ слоевъ общества къ октябрьской забастовкѣ. Московская гор. дума. Возникновеніе Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Настроеніе властей.

Наступила осень. Въ столичные и провинціальные университетскіе города начинала съѣзжаться до сихъ поръ бастовавшая молодежь. Температура общественной жизни, послѣ необычайно-бурнаго лѣта, и безъ того нервная и напряженная—съ прибытіемъ сотенъ и тысячъ демократически-настроенной молодежи, еще болѣе повысилась. Передъ массой учащихся, находившейся вотъ уже цѣлые полгода внѣ учебныхъ заведеній, остро вставалъ вопросъ: что дѣлать дальше? Приступать-ли къ занятіямъ? Продолжать-ли забастовку?

Почти каждый чувствовалъ, что дальнѣйшая забастовка, въ сущности, уничтожавшая студенчество, какъ коллективную силу, едва-ли можетъ служить въ данное время дѣйствительнымъ орудіемъ борьбы. Съ другой стороны, причины, вызвавшія студенческую забастовку въ январѣ, не только не исчезли, но, наоборотъ, съ каждымъ днемъ нагромождались все болѣе.

«Конституція» 6-го августа никого не удовлетворила. Всѣ, начиная съ соціалистическихъ партій и кончая либеральной оппозиціей, отнеслись къ ней совершенно отрицательно. Правда, подъ вліяніемъ различныхъ революціонныхъ и иныхъ событій послѣдняго времени, ряды либерализма кое-гдѣ дрогнули: бакинскіе либеральные нефтепромышленники, напр., обратились за полицейской помощью противъ «неблагонадежныхъ» элементовъ, а университетскіе профессора, получивъ «автономію», заговорили со студентами языкомъ умѣреннаго «благоразумія».

Въ общемъ, однако, сентябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ либеральныхъ дѣятелей еще разъ подтвердилъ отношеніе оппозиціи къ «Булыгинской Думѣ». При этомъ вопросъ объ участіи въ выборахъ, оставленный открытымъ на іюльскомъ съѣздѣ, теперь былъ рѣшенъ утвердительно, но такъ, чтобы, войдя въ Думу, образовать тамъ сплоченную группу для борьбы за гарантіи личной и общественной свободы.

Приблизительно тоже самое рѣшено было и на IV съѣздѣ «Союза Осво-

---

[1]) До августа 1905 г. было казнено уже 17 чел., между тѣмъ какъ съ 1865 по 1881 годъ въ Россіи насчитывалось всего 28 случаевъ казней.

божденія»—этого постояннаго тайнаго вдохновителя и руководителя земскихъ съѣздовъ,—только формулировка «освобожденцевъ» отличалась бо́льшей рѣзкостью и опредѣленностью.

Демократія и революціонно-соціалистическія партіи относились къ законосовѣщательному представительству, конечно, съ еще большей рѣзкостью и нетерпимостью. Если у «Союза Союзовъ» вопросъ стоялъ въ нѣсколько неопредѣленной формѣ—о «массовыхъ протестахъ», то у соціалистическихъ партій, несмотря на разногласія въ вопросѣ о бойкотѣ, на очередь опредѣленно поставленъ былъ вопросъ—о народномъ возстаніи.

Передъ съѣзжавшимся студенчествомъ, въ массѣ своей слѣдовавшимъ за соціалистическими партіями, вставалъ въ сущности тотъ же самый вопросъ—о бойкотѣ или не-бойкотѣ, который такъ страстно дебатировался въ это время и на собраніяхъ и въ прессѣ, только здѣсь, на мѣсто Думы, оказывалась университетская автономія. Продолжать-ли забастовку—тотъ-же бойкотъ учебныхъ заведеній, несмотря на автономію, или постараться «*использовать*» ее, какая бы она ни была, въ цѣляхъ развитія движенія? [1]) И въ то время, какъ бойкотистская тактика по отношенію къ Думѣ привлекла къ себѣ большинство соціалистовъ и демократіи, студенческая стачка-бойкотъ, не разъ уже испытанная жизнью и явно обанкротившаяся, какъ орудіе борьбы, была отвергнута значительнымъ большинствомъ.

Въ рядѣ резолюцій, вынесенныхъ въ сентябрѣ, студенчество, прекращая забастовку, объявляло о томъ, что, считая «необходимымъ слить свои силы съ пролетаріатомъ», оно открываетъ двери учебныхъ заведеній для устройства народныхъ митинговъ, или какъ выражалась резолюція Спб. Технологическаго Института—«для кафедръ политическихъ ученій и народныхъ собраній».

И дѣйствительно. Вскорѣ-же по открытіи, многія учебныя заведенія быстро стали обращаться на фонѣ общаго безправія въ какіе-то странные оазисы, въ которыхъ стало процвѣтать и свободное слово, и свобода собраній.—На ряду со студенческими куртками въ аудиторіяхъ все чаще стали мелькать партикулярное и особенно рабочее платье. Собранія революціонныхъ партій, прежде, подъ страхомъ ареста ютившіяся небольшими группами гдѣ-нибудь въ тѣсной квартирѣ, или устраиваемыя далеко за городомъ, теперь получили свободный и привольный пріютъ. Въ то время, когда въ сосѣднихъ аудиторіяхъ шли обычныя академическія занятія, въ свободныхъ помѣщеніяхъ велись дѣловыя соціал.-демократическія или соц.-рев-ыя засѣданія, по величинѣ достигавшія иногда солидныхъ размѣровъ. Аудиторіи высшихъ учебныхъ заведеній превратились, такимъ образомъ, въ своего рода убѣжища и въ чрезвычайно важные опорные и почти легальные пункты для дѣятельности революціонныхъ партій. Само собой разумѣется, что партіи широко воспользовались этой «конституціей» въ не-конституціонномъ государствѣ.

Между тѣмъ, все шибче закипавшая политическая жизнь въ «стѣнахъ» автономіи скоро незамѣтными ручьями стала переливаться въ городъ, въ особенности на окраины, въ фабрично-заводскіе районы, а изъ этихъ районовъ

---

[1]) Что съ самаго начала рекомендовала одна (меньшевистская) фракція с.-д-іи.

обратно—въ учебныя заведенія, подъ охрану университетской автономіи. И эта связь съ каждымъ днемъ крѣпла и расширялась.

Вслѣдъ за революціонными партіями подъ охрану студенческой «конституціи» въ скоромъ времени потянулись и просто рабочіе, стремившіеся къ профессіональному объединенію, ж.-д. служащіе, приказчики и вообще всѣ, кто нуждался въ свободѣ собраній.

Бюрократія, имѣвшая цѣлью удовлетворить автономіей вліятельный профессорскій либерализмъ, не рѣшилась, только-что провозгласивъ, напасть и разорить эту «конституцію», но стороной, конечно, не отказывалась по этому поводу оказывать давленіе и даже устрашать профессорскія коллегіи. Кромѣ того профессорскій либерализмъ никакъ не могъ сразу уразумѣть всей важности политическаго момента. Многіе профессора, хорошо понимая, что нельзя насадить «конституцію» въ одной области, для одной группы гражданъ, не давъ ее для всѣхъ прочихъ, все же долго противились, стараясь, конечно, помимо своего сознанія, помѣшать задыхавшейся подъ бюрократическимъ прессомъ общественной жизни вырваться наружу хотя бы и черезъ эту, такъ сказ., университетскую отдушину... Послѣ того, какъ 21 сентября въ Московскомъ Университетѣ состоялось большое политическое собраніе изъ 3.000 человѣкъ студентовъ и постороннихъ, профессорская комиссія нашла необходимымъ временно закрыть университетъ. Ректоръ университета кн. С. Трубецкой объяснилъ это закрытіе несоблюденіемъ правилъ, выразившимся въ допущеніи студентами политическихъ митинговъ и постороннихъ лицъ. «Университетъ—сказалъ онъ при этомъ—не есть мѣсто для политическихъ собраній». Это было такъ, но эта истина *въ то время*, чтобы не оказаться противодѣйствіемъ общественному движенію, не могла быть сказана безъ существенныхъ ограниченій. И дѣйствительно, уже черезъ десять дней послѣ этого, жизнь заставила профессоровъ—устами другихъ представителей ученаго міра—взять свой приговоръ обратно.—1 октября петербургское отдѣленіе академическаго союза вынесло резолюцію, въ которой заявлялось, «что при наличныхъ условіяхъ политической жизни нельзя противодѣйствовать устройству митинговъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній»...

Начиная съ январьскихъ событій и кончая октябремъ—собственно открытое массовое движеніе наименѣе ярко проявлялось въ столицахъ. Окраины, какъ это уже описывалось, прямо рвались въ бой, но всякій разъ вынуждены были отступать съ громаднымъ урономъ, и при полномъ или почти полномъ спокойствіи въ столицахъ, а также отчасти въ центральной Россіи. Шагъ за шагомъ, однако, и собственно русская провинція или центръ втягивались въ движеніе, а къ лѣту уже вспыхивали то здѣсь, то тамъ огнемъ народнаго движенія. Сравнительно спокойными, по крайней мѣрѣ послѣ января,—оставались, такимъ образомъ, однѣ столицы.

Такъ было, несмотря на то, что главной силой массового движенія былъ почти всюду пролетаріатъ, который въ столицахъ—по сравненію особенно съ *русской* провинціей—и численно и въ культурномъ отношеніи, и прежде всего въ Петербургѣ, былъ значительнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ прочихъ мѣстахъ.

Причиною этой какъ бы «отсталости», надо полагать, были: значительно-бо́льшая въ столицахъ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, военно-полицейская охрана, во-первыхъ, и значительно-бо́льшая требовательность къ движенію и его формамъ со стороны культурныхъ столичныхъ рабочихъ, во-вторыхъ.

Учебная «конституція», отданная студенчествомъ на использованіе революціоннымъ партіямъ, быть можетъ, впервые содѣйствовала нѣкоторому *смягченію* [1]) той отдаленности и отчужденности рабочихъ массъ отъ соціалистическихъ партій, какая, обычно, наблюдалась до того времени. Передъ болѣе или менѣе широкими кругами рабочихъ въ первый разъ—подъ охраной университетской автономіи—выдвинулись на дневной свѣтъ изъ мрака подполья тѣ самыя организаціи, эти таинственные и чуждые имъ «комитеты», которые не разъ говорили изъ своего подполья, такъ и о томъ, какъ и что было болѣе всего ближе интересамъ народныхъ массъ.

При такомъ положеніи вещей въ сентябрѣ мѣсяцѣ началось сильное оживленіе среди московскихъ рабочихъ. Надо замѣтить, что подъ вліяніемъ союзнаго движенія разночинной интеллигенціи и среди наемныхъ рабочихъ, особенно близко соприкасавшихся съ этими элементами, проявлялось сильное стремленіе къ профессіональной организаціи. Такъ, въ Москвѣ и др. городахъ организовался союзъ приказчиковъ, наблюдалось стремленіе къ объединенію даже среди офиціантовъ, а московскіе типографщики имѣли уже болѣе или менѣе прочный нелегальный «Союзъ московскихъ типографскихъ и литографскихъ рабочихъ для борьбы за улучшеніе условій труда».

Броженіе среди московскихъ рабочихъ вылилось скоро во всеобщую забастовку типографщиковъ, предъявившихъ хозяевамъ рядъ экономическихъ требованій. Союзъ при этомъ игралъ руководящую роль. Почти одновременно съ типографщиками заволновались городскіе рабочіе и служащіе, при чемъ техники и инженеры демонстративно заявили городскому управленію о своемъ сочувствіи и солидарности съ низшимъ персоналомъ. Вскорѣ вспыхнулъ цѣлый рядъ забастовокъ и въ фабрично-заводскихъ районахъ.

На ряду съ забастовками начали устраиваться и многолюдныя рабочія собранія, сначала въ университетѣ, а послѣ его закрытія,—по мѣрѣ роста движенія—даже и прямо на улицахъ. Уличные, обычно, летучіе митинги, обращались, нерѣдко, въ бурные демонстративные обходы-«съемки» и оканчивались обыкновенно столкновеніями съ полиціей.

Къ вечеру 24-го сентября въ Москвѣ—по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ—бастовало уже 50 типографій съ 5.900 рабочими. Съ 22 сентября вплоть до 5 октября прекратился выходъ московскихъ газетъ. Для обсужденія своихъ дѣлъ тысячи забастовщиковъ, не имѣя возможности собираться легально, волей-неволей стремились устраивать собранія хотя бы на улицѣ. Въ различныхъ мѣстахъ города полиція и войска разгоняли толпы, но онѣ тотчасъ-же собирались въ другомъ мѣстѣ. 24 сентября возлѣ дома градоначальника раздалась первая стрѣльба по толпѣ. Атмосфера въ городѣ съ каждымъ часомъ дѣлалась все болѣе приподнятой. Скоро московская администрація, видимо, сама поняла, что данное

[1]) Но ни въ какомъ случаѣ—не уничтоженію.

движеніе не похоже на прежнія: въ немъ чувствовалась необычайная стремительность, упорство и сила. Нервное безпокойство, охватившее всю рабочую Москву, заставило, наконецъ, даже бюрократическихъ представителей перейти отъ излюбленныхъ крутыхъ мѣръ къ иного рода тактикѣ. 24 сентября градоначальникъ, уступая напору движенія, разрѣшилъ на 25 и 26 числа типографскимъ рабочимъ устройство въ закрытомъ помѣщеніи собранія для обсужденія своихъ дѣлъ. Движеніе между тѣмъ неудержимо развивалось. 25 сентября—вдругъ неожиданно вспыхнула бурная забастовка въ пекарняхъ. Возлѣ булочной Филиппова на Тверской забастовщики столкнулись съ войсками. Оттѣсненные, они бросились внутрь громаднаго филипповскаго дома, взобрались на чердакъ, и тамъ—подъ выстрѣлами отряда казаковъ,—выдержали довольно длительную осаду, отвѣчая на залпы камнями и единичными револьверными выстрѣлами.

Этотъ эпизодъ движенія самъ-по-себѣ на фонѣ громадной массы событій этого года уже не столь значительный, для тихой до тѣхъ поръ, придавленной охраной Москвы, однако, былъ чѣмъ-то совершенно необыкновеннымъ, встряхнувшимъ до самой глубины рабочее и демократическое населеніе города. Это былъ знаменательный симптомъ пробужденія патріархальной Москвы, этого сердца наиболѣе отсталой, но и наиболѣе обширной части страны—Великороссіи. Такъ онъ былъ принятъ и по всей Россіи.

25 сентября состоялось первое легальное собраніе типографскихъ рабочихъ на которомъ былъ выработанъ рядъ требованій и образованъ «Совѣтъ депутатовъ отъ типографій» [1]). Но градоначальникъ, сильно обезпокоенный стремительнымъ развитіемъ событій, повидимому, уже раскаявался въ томъ, что покинулъ старую испытанную дорогу крутыхъ мѣръ и запрещеній. Собраніе, назначенное на 26-е сентября, внезапно было запрещено за то, что предыдущее—какъ объясняло правительственное сообщеніе—«выработало въ видѣ резолюцій такую общую и детальную программу экономической борьбы... и вмѣстѣ такую дисциплинарную зависимость отдѣльныхъ рабочихъ отъ произвола «постояннаго совѣта депутатовъ отъ типографій», что слѣдующее собраніе... было запрещено московскимъ градоначальникомъ».

Но движеніе уже прорвалось. И ни мягкостью, ни твердостью остановить его было невозможно. Забастовочная волна быстро заливала фабрично-заводскіе районы Москвы. Стачка слѣдовала за стачкой: когда одна прекращалась, добившись уступокъ, другія только начинались... Съ 27 сентября заволновались и рабочіе въ мастерскихъ Брестской ж. д., при чемъ до тысячи человѣкъ забастовало...

Вспышка московскаго рабочаго движенія немедленно отразилась и на Петербургѣ. Прежде всего на стачку московскихъ типографщиковъ отозвались ихъ петербургскіе товарищи, устроивъ съ 3-го октября, для выраженія солидарности, трехдневную демонстративную забастовку. Три дня петербургскія газеты не вы-

---

[1]) Характерно, что эти типографщики, наиболѣе передовые изъ московскихъ рабочихъ, имѣвшіе свой нелегальный органъ, опредѣленно проникнутый соціалистическими тенденціями, не пожелали, однако, прямо встать подъ руководство существующихъ соціалистическихъ организацій, а тотчасъ-же, какъ только создались подходящія условія, проявили твердое намѣреніе—создать свою самостоятельную и широкую рабочую организацію.

ходили. 4 октября вспыхнули волненія рабочихъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, и въ тотъ-же день совсѣмъ въ другомъ концѣ Петербурга—за Невской заставой—на Невскомъ судостроительномъ и сосѣднихъ съ нимъ заводахъ. Въ обоихъ случаяхъ произошли столкновенія съ военной силой, при чемъ до десятка человѣкъ оказалось раненыхъ...

Эти неожиданныя событія въ обѣихъ столицахъ сдѣлали то, что вся городская Россія, и безъ того уже нервно настроенная, стала съ напряженнымъ ожиданіемъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ *этихъ* центрахъ. Всеобщее вниманіе и ожиданіе, такимъ образомъ, сосредоточились на столицахъ.

Между тѣмъ, и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ-же событій, наплывъ народа подъ охрану университетской автономіи съ каждымъ днемъ становился значительнѣе. Наряду съ собраніями забастовавшихъ рабочихъ или служащихъ, устраиваемыми ими для обсужденія ихъ «экономическихъ» нуждъ, революціонныя партіи скоро уже приступили къ устройству массовыхъ политическихъ митинговъ, на которыхъ обсуждалось настоящее политическое положеніе, вопросъ о бойкотѣ или не-бойкотѣ «Булыгинской думы», раздавались призывы къ возстанію и все чаще подымался вопросъ о всеобщей политической забастовкѣ. Скоро всѣ свободныя помѣщенія въ громадныхъ учебныхъ зданіяхъ едва вмѣщали желающихъ присутствовать на томъ или иномъ собраніи.

Въ провинціальныхъ городахъ—главнымъ образомъ въ университетскихъ,—жадно слѣдившихъ за жизнью въ столицахъ, повторялось тоже самое, только въ меньшемъ масштабѣ, что происходило въ Петербургѣ и Москвѣ.

На ряду съ этой своеобразной свободой слова и собраній, и печать съ каждымъ днемъ стала заговаривать все болѣе смѣлымъ языкомъ, ежедневно разнося по всѣмъ угламъ Россіи подымающія извѣстія о ростѣ и проявленіяхъ общественнаго движенія. Книжный рынокъ, пользуясь ослабленіемъ цензурныхъ заграждений, лихорадочно заполнялся тысячами и сотнями тысячъ тѣхъ самыхъ брошюръ, которыя еще недавно могли печататься только заграницей и за которыя какихъ-нибудь полгода назадъ еще ссылали въ Сибирь или приговаривали къ тюремному заключенію. Едва-ли можно ошибиться, если сказать, что 90% этихъ новыхъ изданій составляла соціалистическая литература.

Казалось, старая заржавѣлая машина государственнаго управленія отказывалась служить въ рукахъ мятущейся бюрократіи. Даже всегда смирное и послушное русское чиновничество осмѣливалось либеральничать и кой-кто изъ видныхъ представителей бюрократіи явно поддался въ сторону освободительныхъ идей. Серьезныя колебанія и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ все болѣе охватывали правительственные верхи...

Какъ разъ къ этому времени, среди разноцвѣтнаго калейдоскопа собраній, стачекъ, резолюцій, съѣздовъ, уличныхъ столкновеній, митинговъ, заполнявшихъ своимъ шумомъ столицы, особенное вниманіе вдругъ обратилъ на себя собравшійся 20 сентября въ Петербургѣ съѣздъ ж.-д. служащихъ, носившій скромное названіе—«совѣщанія по пересмотру устава пенсіонныхъ кассъ»... Этотъ съѣздъ, созванный правительствомъ съ цѣлью незначительной уступкой затушить опасное броженіе на ж. д., былъ составленъ на-половину изъ выборныхъ отъ служащихъ, на-половину изъ не-выборныхъ—завѣдующихъ кассами

и проч. Окружающая атмосфера такъ наэлектризовала настроеніе собравшихся, что съ первыхъ-же дней съѣзда толкнула ихъ на весьма рѣшительный шагъ. Самочиннымъ путемъ это скромное совѣщаніе внезапно было превращено въ «первый делегатскій съѣздъ представителей жел. дорогъ», посредствомъ предоставленія рѣшающаго голоса только выборнымъ членамъ, при чемъ вмѣсто предсѣдателя, назначеннаго правительствомъ, на этотъ постъ былъ выбранъ Орѣховъ—представитель ряз.-ур. жел. дороги.

Невинное совѣщаніе о пенсіонныхъ кассахъ на глазахъ правительственныхъ властей вдругъ обратилось, такимъ образомъ, въ своего рода революціонное представительство, вѣрнѣе—въ революціонный комитетъ, связавшій болѣе или менѣе воедино разъединенныя до этого времени 750 тыс. ж.-д. служащихъ, въ рукахъ которыхъ какъ-никакъ находилась вся россійская ж.-д. сѣть. Градъ привѣтственныхъ телеграммъ, по случаю этого революціоннаго преображенія полученныхъ съѣздомъ, тотчасъ-же подтвердилъ, что по крайней мѣрѣ значительная часть этихъ сотенъ тысячъ, стоятъ на-сторожѣ, готовыя, быть можетъ, въ случаѣ надобности, поддержать своихъ делегатовъ даже дѣйствіемъ. Это была уже сила, съ которой шутить было опасно! Поэтому засѣданія съѣзда благополучно продолжались. Впрочемъ, съѣздъ, далеко еще неувѣренный въ готовности ж.-д. арміи къ какимъ-либо активнымъ дѣйствіямъ, самъ, пока что, не выказывалъ слишкомъ большой воинственности. Но бюрократія не могла не видѣть быстро выростающей угрозы и ни на минуту не переставала—хотя осторожно, съ опаской, но обхаживать кругомъ да около съѣзда, отыскивая слабое мѣсто и удобный моментъ, чтобы схватить и уничтожить врага.

Между тѣмъ жел.-дор. міръ, сосредоточивъ все вниманіе на своемъ съѣздѣ, быстро приходилъ въ движеніе и съ каждымъ днемъ все больше волновался за судьбу своихъ смѣлыхъ делегатовъ. 6—7 октября въ Москвѣ, а позже — въ Харьковѣ и др. мѣстахъ—вдругъ разнесся слухъ о томъ, что делегаты арестованы. Этого толчка оказалось уже вполнѣ достаточно. И несмотря на опроверженія, исходившія отъ самихъ делегатовъ, несмотря на то, что съѣздъ считалъ стачку преждевременной, 6 октября, вечеромъ въ *Москвѣ* на московско-казанской дор. уже бастовали машинисты. Товарное движеніе пріостановилось. 7-го въ домѣ управленія дороги на состоявшейся сходкѣ рѣшено было вспыхнувшую забастовку поддержать. Москва вдругъ встревоженно зашумѣла, какъ никогда ранѣе. Начались лихорадочно-торопливые и бурные обходы-«съемки».—Присоединили служащихъ управленія, остановили ж. д. телеграфъ. Съ 2-хъ-час. присоединились рабочіе мастерскихъ. Машинисты выпустили пары изъ паровозовъ. Пассажирскіе поѣзда остановились. Наконецъ, движеніе совершенно прекратилось.

Въ слѣдующіе дни на другихъ дорогахъ московскаго узла произошло почти тоже самое. Большія толпы забастовщиковъ обходили службы, снимали съ работъ, останавливали паровозы, даже цѣлые поѣзда, а кое-гдѣ перерывали телефонные и телеграфные проводы. Обходамъ старались ни въ коемъ случаѣ не придавать вида революціонныхъ демонстрацій, но столкновеній съ войсками все же избѣжать не удавалось. Необычайное возбужденіе, какъ огонь сухіе листья, охватило тысячи ж.-д. служащихъ. Собранія превращались въ бурные

митинги. По линіямъ захватнымъ путемъ разсылались депеши съ извѣстіемъ и съ призывомъ къ забастовкѣ. Какъ въ началѣ движенія, такъ и позже ж.-д. телеграфъ въ рукахъ забастовщиковъ игралъ громадную роль. Ни полиція, ни военная сила не въ состояніи были угоняться за появлявшимися то здѣсь, то тамъ, словно изъ земли выраставшами, отрядами забастовщиковъ. Забастовка двигалась, какъ лавина, со стихійной силой и быстротою.

8 октября частью сократилось, а частью вовсе прекратилось движеніе поѣздовъ на Ярославской, на Московско-Курской, на Нижегородско-Муромской и Рязанско-Уральской дорогахъ. 9-го забастовала Московско-Кіево-Воронежская дорога. Поѣзда, идущіе на Москву, уже не доходили до города, боясь забастовщиковъ, и высаживали пассажировъ на пригородныхъ станціяхъ. Нѣкоторые вокзалы были закрыты и заполнены военной охраной.

10 октября, послѣ бурнаго пятитысячнаго собранія во дворѣ управленія курской дор., толпы забастовщиковъ съ трехъ сторонъ предприняли правильное военное наступленіе на наиболѣе важную и сильнѣе прочихъ охранявшуюся Николаевскую дорогу. Ворвавшись на вокзалъ, забастовщики выпустили пары изъ всѣхъ паровозовъ: и почтовый поѣздъ, стоявшій наготовѣ, уже не могъ отойти! Тысячная масса бросилась по линіямъ... И когда она, отхлынувъ, исчезла вдали, телеграфные и телефонные провода висѣли оборванными, а линейные служащіе—всѣ, до послѣдняго стрѣлочника—были поглощены и унесены этимъ человѣческимъ потокомъ... Съ 4-хъ час. дня движеніе и здѣсь остановилось [1]). Вокзалъ былъ наводненъ войсками и закрытъ для публики.

Въ тотъ-же день было прекращено движеніе на Московско-Брестской и Московско-Виндавской дорогахъ.

11-го произошла энергичная попытка забастовщиковъ остановить городской почтамтъ и телеграфъ. Толпа ворвалась во дворъ почтамта и въ телеграфную контору, но была оттѣснена и разогнана войсками. Однако моральное дѣйствіе было такъ велико, что работа, еще кое-какъ продолжавшаяся нѣкоторое время подъ охраной войскъ, къ 12-му октября окончательно была прекращена.

Не смотря на то, что сентябрьская стачечная волна, охватившая было фабрично-заводскіе районы, казалось, совсѣмъ уже ослабѣвала, а стачка типографщиковъ почти вовсе прекратилась, необычайное движеніе на ж.-д. снова всколыхнуло всю рабочую Москву. Съ 11 октября къ ж.-д. забастовкѣ стремительно стали примыкать одна за другой фабрики и заводы. 12-го забастовали городскіе рабочіе: центральная электрическая станція, за ней сталъ трамвай.

Скоро призывъ къ общей забастовкѣ сдѣлался популярнымъ буквально во всѣхъ и всяческихъ слояхъ наемнаго люда. Забастовали фармацевты, бросили работу служащіе земской управы, банковые служащіе и т. п. На громадныхъ митингахъ въ университетѣ и др. мѣстахъ соціалистическія партіи, призывая ко всеобщей забастовкѣ, выставляли лозунгомъ непризнаніе булыгинской думы, и на мѣсто нея, созывъ учредительнаго собранія. Съ каждымъ днемъ все болѣе ярко выступавшій политическій характеръ забастовочнаго дви-

---

[1]) 12-го—на Ник. дор. былъ поставленъ ж.-д. батальонъ, съ помощью котораго между Петербургомъ и Москвой удавалось пускать единичные поѣзда.

женія, наконецъ, побудилъ присоединиться къ забастовкѣ даже адвокатовъ, учащихся среднихъ школъ и др.

Забастовка тѣмъ временемъ по линіямъ ж. д., какъ вода по каналамъ, быстро разливалась изъ Москвы по всѣмъ направленіямъ, шагъ за шагомъ охватывая какъ наиболѣе крупные и близкіе, такъ и самые отдаленные и глухіе города Россіи.

Уже къ 9 октября телеграфъ сообщилъ о ж.-д. забастовкахъ въ Тулѣ, Нижн.-Новгородѣ, Калугѣ... Съ 10-го числа стали получаться извѣстія о прекращеніи движенія—изъ Курска, Симбирска, Харькова, Саратова, Полтавы, Екатеринослава, Кіева и нѣкоторыхъ др. городовъ. 12-го началась забастовка Петербургскаго ж.-д. узла; пришли извѣстія о забастовкѣ Варшавскаго узла и о прекращеніи движенія на Полѣсскихъ дорогахъ. 13-го—ж.-д. забастовка разбѣгалась уже бурными скачками по всѣмъ, самымъ противоположнымъ направленіямъ: телеграфъ извѣщалъ о забастовкѣ на Либаво-Роменской дор., и въ то же время о забастовкѣ—въ Севастополѣ, Симферополѣ и Челябинскѣ. 14-го—пришли такія же извѣстія изъ Тифлиса, изъ Прибалтійскаго Края, съ Оренбургъ-Ташкентской дор., изъ Златоуста (Уралъ) и изъ Красноярска на Сибир. д. 15-го стало извѣстно о забастовкѣ всѣхъ Средне-Азіатскихъ ж.-д., а 16-го о забастовкахъ на Закавказской и Владикавказской ж.-д.

Вся громадная сѣть русскихъ ж. д., длиною въ 40 тыс. километровъ, въ нѣсколько дней перестала функціонировать... Связанная стальной цѣпью дорогъ и телеграфа огромная страна вдругъ какъ бы распалась на отдѣльныя части. И то, что дѣлалось въ одной изъ частей, не зналъ центръ и другія части и то, что было въ центрѣ или въ центральномъ правительствѣ, о томъ не знали мѣстныя власти...

И тамъ, куда докатывалась волна ж.-д. забастовки, иной разъ сразу перебрасывающаяся черезъ тысячи верстъ, прежде всего рабочая масса (если таковая имѣлась), за ней служащіе, учащіеся, торговля, банки и всякія иныя учрежденія, казалось, стараясь обогнать другъ друга, нерѣдко съ поразительнымъ единодушіемъ, пріостанавливали всякую дѣятельность и всякую дѣловую жизнь. Обрывались не только телеграфныя или телефонныя сношенія, но замолкала и вся печать.

Въ *Петербургѣ*, еще раньше, чѣмъ до него докатилась московская забастовка, помѣщенія всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній обратились уже въ одинъ сплошной и почти непрерывный митингъ. Представители революціонно-соціалистическихъ партій къ этому времени по сравненію съ прочими элементами стали хозяевами положенія. Весь городъ, какъ огромный улей, загудѣлъ и устремился въ гостепріимно открытыя двери учебныхъ заведеній для того, чтобъ послушать неслыханныхъ въ Россіи свободныхъ рѣчей. Вслѣдъ за толпами рабочихъ и интеллигенціи, видя нерѣшительноеть и какъ бы попущеніе властей, туда же потянулся всякій мирный—и до сихъ поръ безконечно-далекій отъ политики—обыватель: мелкій чиновникъ, лавочникъ, прислуга и т. п. И тяжелый, какъ камень, заросшій обывательскимъ мусоромъ мозгъ, растревоженный, вдругъ зашевелился...

Съ 12 октября петербургскіе вокзалы, какъ и московскіе, были заняты

войсками, а на дверяхъ закрытыхъ входовъ забѣлѣли объявленія о пріостановкѣ движенія по «независящимъ обстоятельствамъ». Всегда людныя и шумныя вокзальныя площади запустѣли. Въ этотъ же день по заводамъ пронеслась буря митинговъ съ призывами къ забастовкѣ, и къ вечеру уже вспыхнули первыя забастовки за Невской заставой. На слѣдующій день (13-го) быстро стали присоединяться и рабочіе всѣхъ прочихъ фабр.-зав. районовъ. Забастовали также рабочіе электрической станціи, служащіе банковъ, конторъ и вслѣдъ за адвокатами даже служащіе окружнаго суда. Стали прекращаться занятія и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обычная нормальная жизнь и въ другой россійской столицѣ пріостановилась, смѣнившись какой-то новой, лихорадочно-возбужденной и такой безудержно-стремительной, что въ тогдашній день смѣло можно было бы уложить иные годы!

Провинціальные—особенно университетскіе города—почти во всемъ копировали столицы. Въ университетскихъ городахъ—центромъ движенія, какъ и тамъ, сдѣлались высшія учебныя заведенія. Но въ городахъ не-университетскихъ, гдѣ сдвинувшаяся забастовавшая масса, однако, такъ же, какъ въ столицахъ, прежде всего чувствовала потребность въ «правѣ собраній», движеніе жадно и бурливо отыскивало для себя какіе либо иные центры, вокругъ которыхъ и за которые можно было бы зацѣпиться. Дѣлались и попытки, какъ это наблюдалось во многихъ мѣстахъ, завладѣть для этого улицей. Въ такихъ городахъ движеніе принимало форму шумныхъ уличныхъ демонстрацій, которыя во многихъ случаяхъ кончались кровавыми столкновеніями. Въ общемъ, однако, картина первыхъ дней октябрьской забастовки была въ большинствѣ городовъ болѣе или менѣе схожей. Особенно бурной формой и нѣкоторымъ своеобразіемъ движеніе отличалось развѣ только въ Екатеринославѣ и Харьковѣ...

Уже 11 октября, на второй день забастовки, въ *Екатеринославѣ* произошло серьезное столкновеніе съ войсками. Общій митингъ, устроенный на Брянской площади, былъ разсѣянъ залпами казаковъ, причемъ 10 чел. было убито. Но дѣйствіе этихъ залповъ было таково, что этотъ, уже чисто-русскій городъ превратился въ нѣчто вродѣ Варшавы послѣ январьскихъ дней. Забастовка еще болѣе окрѣпла.—Все замерло, электричество погасло. Кое-гдѣ продолжались столкновенія. И то здѣсь, то тамъ, въ мракѣ трещали выстрѣлы. Такъ было цѣлыя сутки! Въ рабочихъ кварталахъ было построено 6 баррикадъ и проволочныя загражденія... Когда войска атаковали первую баррикаду, съ крыши ближайшаго дома была брошена бомба. И когда войска въ паникѣ бросились въ другую сторону, брошенная съ этой стороны вторая бомба разорвалась съ оглушительнымъ грохотомъ, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ раненыхъ и убитыхъ. Войска въ страшномъ безпорядкѣ отхлынули отъ баррикадъ. Началась долгая безостановочная стрѣльба залпами въ разныя стороны. Только къ вечеру военныя силы рѣшились приблизиться и завладѣть баррикадами, которыя уже давно были покинуты ихъ защитниками. И потомъ,—старая, столь обычная для Россіи 904—905 гг. картина: девять гробовъ, потомъ еще двѣнадцать, многотысячная (почти полгорода) траурная процессія, смущенное невмѣшательство властей, вѣнки съ красными лентами и революціонныя рѣчи на могилахъ!

Въ *Харьковѣ* уже съ 10 октября движеніе приняло нѣсколько бурныя формы. Обходы и «съемки» сопровождались громадными уличными митингами.— Дорогой къ вокзалу толпа захватила оружейный магазинъ и разобрала оружіе, при чемъ не обошлось безъ столкновенія съ войсками. Подъ вліяніемъ этихъ столкновеній, нѣсколько сотъ частью вооруженныхъ студентовъ и рабочихъ 11 октября забаррикадировались въ университетѣ и надъ университетскимъ зданіемъ выкинуты были красные флаги. Скоро университетъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ войсками. По городу распространялись страшные слухи, а осажденные стали готовиться къ смерти. Образовавшійся къ этому времени при медицинскомъ обществѣ такъ называемый «комитетъ общественной безопасности», составившійся изъ различныхъ общественныхъ представителей, рѣшилъ взять на себя посредничество между осажденными и властями. Результатомъ переговоровъ было нашумѣвшее воззваніе, выпущенное этимъ комитетомъ къ гражданамъ, въ которомъ объявлялось,—что «безсильныя охранять порядокъ власти передаютъ охрану города народу. Если народъ окажется достойнымъ довѣрія, войска совсѣмъ будутъ выведены изъ города». Очевидно, какія-то обѣщанія губернатора дали поводъ для выпуска такого воззванія. Но уже на слѣдующій день оказалось, что столь не-«твердый» харьковскій губернаторъ не является болѣе хозяиномъ города. Власть оказалась въ рукахъ начальника харьковскаго гарнизона—ген. Мау. Имъ—послѣ нѣкоторыхъ колебаній—была предложена лишь одна уступка: свободный и почетный пропускъ осажденныхъ, при условіи сдачи оружія. Ген. Мау со своей стороны обязался безпощадно разстрѣливать всякую черносотенную банду, которая вздумала-бы покуситься на обезоруженныхъ. Осажденнымъ пришлось согласиться. И вотъ изъ-за баррикадъ выступили 700 чел. рабочихъ и студентовъ. На слѣдующій день (13 окт.), когда Харьковъ былъ объявленъ уже на военномъ положеніи, митинги и собранія продолжались, а на засѣданіи гор. думы, состоявшемся въ этотъ день совмѣстно съ представителями отъ рабочихъ и союзовъ, гласно обсуждался вопросъ объ организаціи милиціи и охранѣ похоронной процессіи, назначенной на завтра. 14 октября уже подъ охраной военнаго положенія и еще при старомъ режимѣ, по городу—при полномъ отсутствіи полиціи, войскъ и духовенства—съ 14 гробами въ рукахъ прошла грандіозная революціонная процессія.

Движеніе на окраинахъ теперь уже не разнилось такъ сильно отъ движенія въ центрѣ, какъ это бывало до сихъ поръ. *Польша*, надо полагать, сильно утомленная годомъ необыкновенно-напряженной и кровавой борьбы, въ октябрьскіе дни не выдвинулась особенно впередъ по сравненію съ другими мѣстностями имперіи. *Сѣверо-Западный край*, въ которомъ пролетаріатъ представлялъ собой сравнительно малую величину, несмотря на большую организованность, въ общей картинѣ движенія занималъ уже—по своему значенію—значительно меньшее мѣсто, чѣмъ это было прежде. Движеніе на *Кавказѣ* и *Прибалтійскомъ краѣ*, оставалось попрежнему сильнымъ, но въ октябрѣ еще не занимало главнаго мѣста.

Въ октябрьскомъ движеніи *Прибалтійскаго края* сильна была *Рига*, и особенно *Ревель*. Въ этомъ послѣднемъ городѣ забастовка рабочихъ съ перваго дня приняла опредѣленно и ярко-сознательный политическій характеръ. Здѣсь

не было вовсе слышно, какъ бывало нерѣдко, особенно въ началѣ стачки во многихъ городахъ,—требованій профессіональнаго характера. Въ первый-же день забастовки (14-го) потухло электричество и городъ погрузился въ мракъ. Толпы забастовщиковъ, наполнявшія улицы, разбили оружейный магазинъ и разобрали оружіе. Уничтожено было, какъ это въ Западной Россіи случалось теперь при каждомъ народномъ подъемѣ, нѣсколько казенныхъ винныхъ лавокъ. Къ вечеру уже послышалась стрѣльба и начались столкновенія съ войсками. Городская дума поспѣшила войти въ переговоры съ забастовщиками. Требованія рабочихъ немедленно освободить арестованныхъ политическихъ и удалить съ улицъ войска были поддержаны и городскимъ управленіемъ. Извѣстный Лопухинъ (передъ этимъ д-ръ д-та полиціи), бывшій тогда эстляндскимъ губернаторомъ, принужденъ былъ согласиться на это. 15 октября, за два дня до манифеста, арестованные были освобождены. Впрочемъ, уже на слѣдующій день снова начались разстрѣлы и перестрѣлки, отъ которыхъ, какъ говорятъ, погибло до 60 человѣкъ. Нужно еще отмѣтить, что городская управа рѣшила въ это время выдавать рабочимъ по 750 руб. ежедневно для организаціи охраны и поддержанія порядка...

И такъ забастовочнымъ движеніемъ, наряду съ ж.-д. сѣтью, были охвачены сотни, если не тысячи, крупныхъ и мелкихъ городовъ.

Подъемъ воодушевленія былъ такъ великъ въ эти первые дни, что увлекалъ не только взрослыхъ, но и дѣтей. 14 октября въ *Одессѣ*, напр., произошла поразительная демонстрація учащихся малышей. Власти города и въ этомъ случаѣ для усмиренія не постѣснились примѣнить жестокое полицейское избіеніе. Это повело, однако, лишь къ тому, что возбужденная до крайности и экзальтированная тысячная толпа дѣтей устремилась въ университетъ и тамъ устроила небывалый, навѣрное, нигдѣ въ мірѣ дѣтскій политическій митингъ, на которомъ 14-лѣтнія дѣти произносили политическія, революціонныя рѣчи. Впрочемъ, такіе и подобные факты въ эпоху октябрьскихъ дней были совсѣмъ не-единичными!

Сотни тысячъ рабочихъ, являвшихся, такъ сказать, скелетомъ и мускулатурой этой всероссійской забастовки, въ большинствѣ своемъ, однако, едва-ли уже были проникнуты яснымъ *сознаніемъ политическаго* значенія этого движенія, за то съ самаго-же начала, безъ сомнѣнія, опредѣленно *чувствовали*, что данное движеніе есть нѣчто особенное, совсѣмъ не то, что раньше, что это дѣло уже не есть дѣло отдѣльныхъ группъ, даже областей, а дѣло всей Россіи. Вначалѣ нерѣдко забастовывали просто потому, что забастовывали другіе, но уже очень скоро общее настроеніе сдвинувшихся *массъ* приняло опредѣленное антиправительственное направленіе. Всякія частныя «экономическія» требованія въ огромномъ большинствѣ случаевъ были временно отодвинуты назадъ. Революціонно-политическія рѣчи уже нигдѣ не встрѣчали со стороны рабочихъ массъ ни малѣйшаго протеста. Революціонные лозунги принимались рабочими съ энтузіазмомъ...

Вслѣдъ за ж.-д. служащими и пролетаріатомъ—и особенно послѣ того, какъ забастовочное движеніе приняло серьезные размѣры,—немедленно стали

оживать и сдвинулись съ мѣста не только революціонно-настроенныя, но и всѣ, хотя сколько-нибудь оппозиціонныя, группы населенія.

Прежде всего, отозвались, конечно, различные союзы разночинной интеллигенціи, вынесшіе цѣлый рядъ сочувственныхъ резолюцій и рѣшившіе такъ или иначе оказывать активное содѣйствіе движенію. Отъ нихъ приходила матеріальная помощь, и благодаря ихъ дѣятельной агитаціи забастовочное движеніе проникло въ такіе круги, которые, казалось, способны были лишь на молчаливое исполненіе приказаній. 14 октября, напр., въ петербургскомъ университетѣ—подъ охраной студенческой «конституціи»—состоялся многолюдный митингъ (800 ч.) *служащихъ въ государственныхъ учрежденіяхъ*, вынесшій резолюцію о «полноправномъ представительномъ собраніи на началахъ всеобщаго, равнаго прямого и тайнаго голосованія» и т. д.

Капиталистическая буржуазія передъ лицомъ разыгравшейся политической революціи оказалась въ нѣсколько двойственномъ положеніи. Съ одной стороны всеобщая забастовка не могла не отражаться на ея дѣлахъ, требующихъ спокойнаго теченія жизни, съ другой стороны данное движеніе рабочихъ массъ въ сущности не было направлено противъ нея, а противъ приказнаго режима, который и ей успѣлъ-таки достаточно насолить и намозолить глаза. Наиболѣе интеллигентные представители капиталистическаго класса, не выражая прямого сочувствія революціонному движенію, оказались, однако, въ оппозиціи, въ виду создавшагося затруднительнаго положенія промышленности и торговли, возлагая всю вину за это прежде всего на бюрократію... Такъ поступили, напр., уже въ первые дни забастовки нѣкоторыя биржевыя общества.

Отъ московскихъ фабрикантовъ ген.-губернатору было подано въ высшей степени интересное и характерное заявленіе.—Въ немъ указывалось, что настоящее движеніе носитъ характеръ «соціально-революціонный» и такъ какъ движеніе это возникло и поддерживается на почвѣ гораздо болѣе политической, чѣмъ экономической, то фабриканты совершенно безсильны бороться противъ него. Что касается употребленія насилія, то они рекомендовали-бы его правительству только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, напр., въ случаяхъ насильственнаго пріостановленія работъ, особенно гдѣ это касается интересовъ всего населенія (въ виду имѣлся—водопроводъ, бойни, канализація, освѣщеніе и проч.). Введеніе военнаго положенія въ Москвѣ, о чемъ тогда носились слухи, по мнѣнію фабрикантовъ только могло бы озлобить населеніе и тѣмъ ухудшить положеніе... Въ случаяхъ, гдѣ скопленіе народа носило бы «исключительно характеръ совѣщанія», авторы заявленія считали положительно необходимымъ не прибѣгать къ употребленію оружія. Въ заключеніе записка говорила,—что никакое примѣненіе силы ни къ чему не приведетъ, если *вмѣстѣ съ тѣмъ* «не будутъ удовлетворены стремленія подавляющаго большинства общества къ устроенію нашей жизни на началахъ, вполнѣ ограждающихъ насъ отъ возможности возврата къ старымъ формамъ, приведшимъ Россію на край гибели»... Необходимо—при сохраненіи нераздѣльности и цѣлостности государства—расширить права Гос. Думы до правъ законодательнаго органа; расширить избирательныя права такъ, чтобы фабричное населеніе не было совершенно устранено, какъ теперь, отъ участія въ выборахъ... Однако,—тотчасъ же прибавляла записка—

«мы высказываемся рѣшительно противъ введенія нынѣ же выборовъ на основѣ всеобщей, тайной и прямой подачи голосовъ, признавая, что такая форма можетъ быть допустима лишь въ политически-зрѣломъ государствѣ, а не въ Россіи, съ ея подавляющимъ процентомъ безграмотнаго и совершенно чуждаго политической жизни населенія».

Такъ опредѣленно успѣли высказаться, впрочемъ, только представители крупной столичной промышленности. Головокружительное развитіе событій еще не позволило въ эти дни значительному большинству средней и крупной буржуазіи, особенно провинціальной, ориентироваться въ создавшемся положеніи и занять въ немъ какую-либо опредѣленную позицію. На первыхъ порахъ въ этихъ кругахъ наблюдалась лишь полнѣйшая растерянность и испугъ передъ невѣдомымъ грядущимъ.

Эта растерянность замѣтна была даже въ *Петербургѣ*. Всеобщая забастовка, отрѣзавшая города другъ отъ друга, тотчасъ же отразилась на цѣнахъ различныхъ припасовъ. Хлѣбъ, мясо и прочіе продукты первой необходимости быстро дорожали. И хотя это прежде и тяжелѣе всего должно было отразиться на томъ же рабочемъ классѣ, но въ ужасъ отъ этого приходила больше всего торговая и иная буржуазія. На засѣданіе петербургской думы 12 октября былъ приглашенъ предсѣдатель мясной биржи для выясненія положенія.—«Мы теперь, какъ въ Портъ-Артурѣ—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—ужасный призракъ голода встаетъ передъ населеніемъ Петербурга... Мы обратились въ министерство путей сообщенія... Но тамъ отвѣтили: ничего не можемъ сдѣлать, потому что бѣдствіе стихійное и *не въ нашихъ силахъ прекратить его*... Всѣ предыдущія событія—продолжалъ докладчикъ—блѣднѣютъ передъ надвигающимся. Рабочіе являются въ мясные ряды и говорятъ: продавайте мясо намъ дешево, по прежней цѣнѣ, а то, вѣдь, все равно—завтра сами возьмемъ... И возьмутъ!..» [1]).

Дума выслушала этотъ испуганный вопль, экстренно послала депутацію къ министру вн. дѣлъ, и, наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшилась принять резолюцію такого рода:

«Гор. дума считаетъ своею обязанностью въ настоящій тяжелый моментъ, переживаемый столицей, вмѣстѣ со всей страной указать на необходимость принятія со стороны правительства безотлагательныхъ мѣръ для удовлетворенія назрѣвшихъ экономическихъ и политическихъ требованій населенія».

Наиболѣе интересные моменты пришлось пережить—еще *до 17 октября*—московскому городскому управленію. Его дѣятельность послужила—особенно нѣсколько позже—даже образцомъ для поведенія многихъ изъ оппозиціонно-настроенныхъ муниципалитетовъ.

Въ *Москвѣ* скоро образовались два центра, которые привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе: 1) университетъ и техническое училище, служившіе мѣстомъ главнаго штаба для всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ революціонныхъ организацій, для стачечнаго комитета и для рабочихъ митинговъ, и 2) гор. дума, которая съ 14 окт., въ виду чрезвычайныхъ событій объявила свои засѣданія непрерыв

[1]) „Сынъ Отеч." № 209, 1905 г.

ными. Въ началѣ стачки московскихъ гласныхъ волновали тѣ же вопросы, что и ихъ петербургскихъ коллегъ. Между городскимъ самоуправленіемъ и городскими рабочими на этой почвѣ происходилъ рѣзкій конфликтъ, грозившій пріостановкой всѣхъ городскихъ предпріятій и особенно водопровода. На ряду съ обычными профессіональными требованіями, рабочими было выставлено требованіе удаленія войскъ съ водопроводной станціи и передачи водопровода въ полное распоряженіе забастовочнаго комитета, который будетъ пользоваться имъ такъ,— говорилось въ резолюціи—какъ того «требуетъ польза освободительнаго движенія». Однако въ скоромъ времени вопросъ о черносотенной опасности, выражавшейся въ откровенной погромной агитаціи духовенства и во все учащающихся случаяхъ избіенія представителей интеллигенціи, заставилъ гор. думу свою борьбу съ рабочими нѣсколько отодвинуть на задній планъ.

И дѣйствительно. Реакціонная агитація становилась прямо угрожающей. Особенную энергію проявило въ этомъ отношеніи высшее духовенство, воспользовавшееся для своихъ цѣлей церковной кафедрой и своей властью надъ низшимъ духовенствомъ. 16-го октября въ московскихъ церквахъ читалась проповѣдь по поводу забастовки, наполненная грубой, демагогической ложью и почти прямо призывавшая къ избіенію и погромамъ... См. №№ «Моск. Вѣд.» за эти дни.

Чрезвычайныя событія, черносотенныя угрозы и все это вмѣстѣ взятое такъ сильно повліяло на московскихъ гласныхъ, что, по крайней мѣрѣ, первое время большинство думы склонно было слѣдовать за призывами либеральной ея части, представленной въ лицѣ гг. Кишкина, Муромцева, Н. Н. Щепкина и др. Рѣзкія же контрреволюціонныя выступленія А. И. Гучкова въ это время особеннаго успѣха не имѣли и онъ постоянно оказывался въ меньшинствѣ.

По предложенію Муромцева (будущаго предсѣдателя 1-й Гос. Думы), дума рѣшила созвать на 15 октября всѣ имѣющіяся въ Москвѣ общественныя организаціи и политическія партіи и совмѣстно съ ними обсудить мѣры борьбы противъ черносотенной опасности. А. И. Гучковъ протестовалъ противъ этого, обозвавъ движеніе «анархистскимъ», и предлагалъ лучше обсудить мѣры—какъ *заставить* рабочихъ стать на работу. Однако подъ давленіемъ необычайныхъ событій оппозиція побѣдила, и совмѣстное засѣданіе было назначено на 15 октября.

На это замѣчательное совѣщаніе явились представители всѣхъ 14 имѣвшихся въ Москвѣ интеллигентскихъ союзовъ, представители комитета союза-союзовъ, представители пироговскаго общества, общества сел. хоз., педагогическаго о-ва, корпораціи земскихъ служащихъ, корпораціи городскихъ служащихъ и рабочихъ, представители университетской центральной организаціи и, наконецъ, представители политическихъ и революціонныхъ партій.

Засѣданіе было чрезвычайно бурнымъ. Мнѣнія рѣзко раздѣлились. Либеральныя и радикально-демократическія группы сошлись на томъ, чтобы немедленно организовать комитетъ общественной обороны съ представителями отъ всѣхъ организацій и поручить ему образовать городскую милицію. Соціалистическія же партіи и представители отъ рабочихъ организацій предъявили къ городскому управленію требованіе отказаться отъ своихъ полномочій и передать все городское хозяйство со всѣмъ городскимъ капиталомъ дѣйствительному хо-

зяину—революціонному народу. Одновременно съ этимъ многотысячный рабочій митингъ, происходившій въ зданіи техническаго училища, вынесъ такую же резолюцію...

Между тѣмъ черносотенная опасность ежеминутно увеличивалась. Возлѣ университета все чаще происходили столкновенія студентовъ съ черносотенцами, которыхъ нерѣдко поддерживала военная сила, и, наконецъ, зданіе университета оказалось какъ бы блокированнымъ многочисленными черносотенными бандами. Народу (до 1500 ч.), собравшемуся на митингъ, пришлось поступить такъ, какъ недавно передъ этимъ было сдѣлано въ Харьковѣ,—забаррикадироваться, организовать дружины и поставить стражу. Такъ же, какъ въ Харьковѣ, университетъ былъ окруженъ войсками, и осада длилась до тѣхъ поръ (съ утра до вечера слѣд. дня), пока осажденнымъ не была гарантирована неприкосновенность и свободный проходъ.

Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ событій въ гор. думѣ всю ночь на 16-е происходило непрерывное и небывалое засѣданіе представителей города, посвященное обсужденію предложеній, поступившихъ отъ совѣщанія общественныхъ организацій. Но передъ этимъ рѣшительнымъ вопросомъ думскіе гласные уже не могли устоять. Дума—по словамъ предсѣдателя—не нашла возможнымъ принять въ полномъ объемѣ ни одного изъ проектовъ... Когда въ маломъ думскомъ залѣ за отсутствіемъ электричества освѣщенномъ одной лампой, предсѣдатель думы вышелъ и объявилъ это рѣшеніе нетерпѣливо ожидавшимъ представителямъ организацій, изъ толпы, скрытой полутьмой, раздался единодушный крикъ негодованія [1]).

Въ слѣдующіе дни этотъ въ сущности еще нерѣшенный вопросъ объ организаціи комитета безопасности и милиціи такъ же, какъ это было впослѣдствіи, со многими и многими городскими управленіями, былъ окончательно затушеванъ и старательно похороненъ *Думою*.

Нѣчто подобное, какъ было уже указано, имѣло мѣсто и въ *Харьковѣ*. Такая же попытка до 18 октября, только еще въ болѣе слабой степени, была сдѣлана и въ одесской думѣ. 16 октября *одесская дума* постановила: для живой связи съ населеніемъ «образовать при городскомъ головѣ совѣщательный комитетъ изъ гласныхъ гор. думы, представителей союзныхъ организацій и представителей рабочихъ организацій». Это и былъ тотъ знаменитый «комитетъ общественной безопасности», о которомъ такъ много прокричала впослѣдствіи реакціонная пресса! Въ дѣйствительности, это было очень невинное учрежденіе, вся «революціонная» дѣятельность котораго выразилась развѣ въ томъ, что проф. Щепкинъ, просившій у Нейдгардта разрѣшенія на организацію милиціи, послѣ отказа въ этомъ позволилъ себѣ замѣтить, что въ такомъ случаѣ милиція, навѣрное, будетъ организована явочнымъ путемъ... Впослѣдствіи и одесская дума такъ же крѣпко постаралась замять и забыть этотъ свой «грѣхъ», какъ это сдѣлало московское и другія—вначалѣ увлекшіяся было—городскія управленія.

Были, впрочемъ, и такія думы, которыхъ въ самомъ началѣ вовсе не затронули октябрьскія увлеченія. Въ *Нижн.-Новгородѣ*, напр., когда либеральный

---

1) „Русское Слово“, окт. 1905 г.

всесословный клубъ предложилъ гор. головѣ сдѣлать то же, что московская дума, т. е. созвать представителей всѣхъ организацій, мэръ города категорически отказалъ.

— Вѣдь, это будетъ все равно, воскликнулъ онъ, какъ если бы мы выкинули революціонный флагъ!

Всероссійская забастовка дезорганизовала правительственную власть, но въ то же время она съ каждымъ днемъ подрывала и силы пролетаріата. Силы уходили, а завоеванныя позиціи были еще не закрѣплены за народомъ. Положеніе вещей властно требовало организаціи. Между тѣмъ, тайныя революціонныя партіи, выкинутыя теперь изъ подполья на поверхность жизни, не только не окрѣпли и не утвердились, но, казалось, потеряли и свою прежнюю хоть какую-нибудь, но все-же организованность, окончательно распылившись въ этомъ внезапно-раскрывшемся просторѣ. Но на ряду съ этимъ, какъ и раньше, идейное вліяніе соціалистическихъ партій продолжало расти буквально не по днямъ, а по часамъ. Давнее противорѣчіе, нароставшее между старыми методами дѣйствія узкихъ конспиративныхъ кружковъ и растущей потребностью въ широкой, опирающейся на народныя массы, организаціи, казалось, достигло именно въ эти дни наивысшаго своего развитія.

Однако требованія самого движенія сдѣлались скоро столь сильными и столь ощутительно-ясными, что, наконецъ, и въ этой интеллигентской консервативности была пробита нѣкоторая брешь [1])... Въ разгарѣ движенія, когда Петербургъ былъ переполненъ митинговымъ шумомъ, а существующая власть, казалось, перестала существовать, часть соц.-демократіи (петерб. «Группа») нашла этотъ моментъ подходящимъ для того, чтобы бросить въ взбудораженную народную массу идею—посредствомъ самочинныхъ выборовъ создать, какъ это уже наблюдалось, напр., среди гурійскаго крестьянства, революціонное самоуправленіе. Раньше, до октября, для этого предполагалось воспользоваться тѣмъ возбужденіемъ, какое должны были вызвать выборы въ «Булыгинскую думу», теперь рѣшено было использовать въ этомъ смыслѣ возбужденіе, охватившее массы по случаю всеобщей стачки.

Призывъ къ выборамъ не потребовалось много разъ повторять. Уже на второй день послѣ начала забастовки въ Петербургѣ (13), въ Технологическомъ институтѣ собрались рабочіе-представители отъ 40 фабрикъ и заводовъ. Въ слѣдующіе дни отъ имени этого собранія выпущено было воззваніе ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ, опредѣлившее задачи образовавшейся рабочей организаціи.

Такъ возникъ «Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ», тотъ центръ, вокругъ котораго стремительно стали стягиваться всѣ наиболѣе активныя силы столицы. Послѣ долгихъ родовыхъ потугъ на свѣтъ явилась, наконецъ, та форма орга-

---

[1]) Впрочемъ, и въ этомъ „переворотѣ“ иниціатива принадлежала все той же интеллигенціи; поэтому, и послѣ него, специфически-интеллигентскія вліянія и уклоны въ движеніи далеко не потеряли своей силы.

низаціи, къ которой уже давно, хотя очень робко, подходили рабочія массы—въ Одессѣ въ іюлѣ 1905 г. въ видѣ «собранія уполномоченныхъ», въ Саратовѣ,—во время январьской забастовки въ формѣ стачечнаго комитета, въ Москвѣ—въ видѣ «совѣта депутатовъ типо-литографскихъ рабочихъ»... Съ появленіемъ Совѣта, рабочіе почувствовали твердую почву подъ ногами.

Совѣтъ быстро пополнялся рабочими депутатами. На третьемъ засѣданіи присутствовало уже 226 депутатовъ отъ 96 предпріятій и отъ 5 профессіональныхъ союзовъ. 17 октября вышелъ первый номеръ «Извѣстій совѣта рабочихъ депутатовъ»—періодическаго листка, печатавшагося полулегальнымъ или захватнымъ путемъ.

Какъ въ Москвѣ и многихъ другихъ городахъ, такъ и въ Петербургѣ, вниманіе революціонныхъ партій и народа прежде всего обратилось на городское управленіе, въ рукахъ котораго находился весь громадный и богатый механизмъ городского хозяйства. Побудить эту вліятельную, привилегированную организацію, такъ или иначе, встать на сторону народныхъ стремленій, даже просто выяснить ея отношеніе къ совершающимся событіямъ,—представлялось во всѣхъ смыслахъ чрезвычайно важнымъ. Всякому было понятно, что надежда на осуществленіе дѣйствительнаго революціоннаго самоуправленія, безъ перехода ко всему народу хозяйственнаго механизма города, являлась по меньшей мѣрѣ утопіей. Поэтому и первое публичное политическое выступленіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ было сдѣлано именно въ этомъ направленіи.

14 октября Совѣтомъ было рѣшено предъявить гор. управленію требованія: о мѣрахъ для регулированія продовольствія рабочей массы; объ отводѣ помѣщеній для митинговъ; о прекращеніи выдачи довольствія на полицію и жандармерію; объ удаленіи войскъ съ городского водопровода и т. д. А главное—о выдачѣ изъ городскихъ средствъ денегъ Совѣту Раб. Деп. для вооруженія пролетаріата.

Для предъявленія требованій городскому управленію Совѣтъ избралъ депутацію изъ 14 человѣкъ. Позже къ ней присоединились депутаты Союза Союзовъ и депутація отъ студентовъ и профессоровъ Технологическаго института (по поводу оцѣпленія и военной осады института). Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій и приключеній полицейскаго и иного характера, испытанныхъ депутатами, растерянные, колеблющіеся представители городского управленія рѣшились, наконецъ, 16-го принять и выслушать эту революціонную депутацію.

— «Я предупреждаю васъ, господа,—сказалъ при этомъ депутатамъ предсѣдатель думы,—чтобы вы соблюдали уваженіе къ законамъ и существующимъ властямъ. Въ противномъ случаѣ вы будете удалены»...

На требованія, предъявленныя депутаціей, гласные не рѣшились отвѣтить ни «да», ни «нѣтъ», а постарались оттянуть свой отвѣть и отмолчаться. И только энергичный протестъ представителей Совѣта противъ поведенія полиціи, чуть было не арестовавшей депутацію въ думской передней, заставилъ думу по этому поводу сдѣлать такое оппозиціонное постановленіе:

— «Въ случаѣ ареста рабочихъ депутатовъ командировать къ градоначальнику предсѣдателя думы г. Красовскаго и городского голову г. Рѣзцова съ заявленіемъ, что гласные будутъ считать арестъ депутатовъ оскорбленіемъ думы».

А такъ какъ полиція, обѣщавшая гласнымъ неприкосновенность депутаціи въ зданіи думы, высказывала явное желаніе поступить совсѣмъ иначе, какъ только депутаты окажутся за думскими дверями, то гласнымъ волей-неволей пришлось еще нѣсколько продолжить свой либерализмъ, и, окруживъ рабочую депутацію кольцомъ изъ думскихъ представителей, подъ этимъ почетнымъ конвоемъ проводить ее на разстояніи квартала въ безопасное отъ полиціи мѣсто.

На этомъ въ сущности и закончился весь либерализмъ петербургскаго городского управленія. Вопросъ о защитѣ народа отъ черносотенства и т. п. не только посредствомъ ассигнованія на его вооруженіе, но и въ видѣ организаціи гражданской милиціи, былъ впослѣдствіи совершенно замятъ и старательно забытъ Думою.

Такимъ образомъ съ первыхъ же дней своего существованія, какъ показываетъ и данный случай, новая организація рабочихъ со всѣхъ сторонъ окружена была серьезными опасностями. Растерянность и полная дезорганизація правительственной власти давала ей—пока что—возможность быстро выростать и укрѣпляться. Но положеніе мѣнялось съ каждымъ днемъ, вѣрнѣе—съ каждымъ часомъ.

На почвѣ разстройства бюрократическаго механизма, произведеннаго общественнымъ напоромъ, на верхахъ шла въ то время ожесточенная, смертоносная борьба, въ которой главнымъ оружіемъ служила интрига. Между Петербургомъ и Петергофомъ,—такъ какъ царскосельская ж. д. была также парализована стачкой—безостановочно метались небольшіе пароходы, то увозя, то привозя министровъ и сановниковъ. Группы, тянувшія въ сторону крупной буржуазіи—въ лицѣ Витте—вели ожесточенную войну съ старо-дворянской бюрократіей, яснымъ представителемъ которой, по крайней мѣрѣ, какъ говорили въ то время, былъ петербургскій ген.-губернаторъ Треповъ. Стрѣлка вѣсовъ, показывавшая настроенія правительственныхъ верховъ подъ напоромъ революціи сдѣлалась необыкновенно чувствительной. Сегодня она глубоко склонялась въ сторону Витте, завтра стремительно падала въ противоположную сторону. Малѣйшее дуновеніе или ослабленіе движенія радикально мѣняло положеніе вещей. То, что часъ тому назадъ представлялось совершенно невѣроятнымъ, даже дерзкимъ, теперь сочувственно выслушивалось. А все новыя и все болѣе грозныя извѣстія о забастовкѣ и иныхъ событіяхъ со всѣхъ сторонъ непрестанно бомбардировали цитадель стараго порядка. Бездѣйствіе телеграфа и отсутствіе газетъ, перекидывая эти извѣстія изъ устъ въ уста, выращивало и обращало ихъ въ чудовищные фантастическіе слухи.

Къ 15 октября, однако, на верху получило, повидимому, преобладаніе направленіе, желавшее путемъ крутыхъ мѣръ задушить революцію. Въ этотъ день за подписью Дм. Трепова была расклеена знаменитая прокламація, рекомендующая войскамъ: «патроновъ не жалѣть», и подъ этой угрозой воспрещены были всѣ митинги, шедшіе въ учебныхъ заведеніяхъ. Ударъ былъ направленъ въ самое сердце движенія. Изгнаніе народа изъ стѣнъ учебныхъ заведеній должно было разрушить главные опорные пункты—эти народные клубы, которые до сихъ поръ служили очагами движенія. Правда, то, что должны были сдѣлать эти

«клубы», до извѣстной степени было уже сдѣлано: въ нихъ родился Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, эта первая ячейка революціоннаго самоуправленія. Впрочемъ, одной угрозы Трепова было уже недостаточно. Двери всѣхъ учебныхъ заведеній и 15 октября оставались широко открытыми для народа. Въ этотъ день подъ угрозой разстрѣла состоялись самыя блестящія и самые многолюдные народныя собранія. Съ ранняго утра и до поздней ночи, безъ перерыва, черезъ двери учебныхъ заведеній двигались широкія ленты народа: въ то время, какъ одинъ конецъ этой живой ленты втягивался во внутрь, другой безпрерывно выходилъ наружу... Какъ много народа перебывало въ этотъ день на собраніяхъ, невозможно опредѣлить, но не будетъ большого преувеличенія, если сказать, что были: **сотни тысячъ.** •

На слѣдующій день всѣ учебныя заведенія оказались оцѣпленными войсками и во внутрь уже никого не допускали. Съ Технологическимъ институтомъ, гдѣ 70 чел. студентовъ съ послѣдняго митинга остались на всю ночь для охраны института отъ вторженія полиціи, произошло нѣчто похожее на то, что было съ Московскимъ и Харьковскимъ университетами. Осада института кончилась залпомъ по окнамъ зданія, къ счастію, не затронувшимъ никого. Осажденнымъ пришлось открыть двери и, послѣ составленія протокола, очистить институтъ.

Эта «оккупація» учебныхъ заведеній, безъ сомнѣнія, произвела, хотя и временный, но нѣкоторый безпорядокъ и разстройство въ рядахъ партій, руководившихъ движеніемъ.

Правительство, однако, не могло уже воспользоваться результатомъ этого своего удара. Рука, наносившая ударъ, запоздала...

VII.

Манифестъ 17 октября и первыя впечатлѣнія. Лозунгъ амнистіи и движеніе къ тюрьмамъ. Октябрьскіе погромы. Манифестъ и настроеніе различныхъ общественныхъ группъ.

15 октября на улицахъ Петербурга еще можно было видѣть на заборахъ треповскій приказъ: «патроновъ не жалѣть».

16—17-го входъ во всѣ учебныя заведенія былъ закрытъ и зданія окружены войсками. Осажденный Технологическій Институтъ обстрѣливали боевыми залпами.

Въ рабочихъ кварталахъ все чаще происходили столкновенія. Черная сотня смѣлѣла и поднимала голову. Темныя тучи реакціи съ каждой минутой все гуще заволакивали политическій горизонтъ.

И вдругъ... Стрѣлка политическихъ вѣсовъ заколебалась, и стремительно упала въ противоположную сторону. Къ вечеру 17-го въ Петербургъ прибылъ гр. Витте и привезъ съ собой манифестъ, объявлявшій конституцію.

Незначительная часть населенія столицы узнала объ этомъ еще въ тотъ же день. Къ ночи кое-гдѣ на Невскомъ толпы народа кричали «ура» и слу-

шали рѣчи ораторовъ. Масса-же населенія—и въ томъ числѣ рабочіе *окраинъ*—увидали и прочитали его лишь на слѣдующее утро,—за отсутствіемъ газетъ—въ объявленіяхъ, расклеенныхъ на стѣнахъ и заборахъ, тамъ, гдѣ только что висѣлъ треповскій указъ.

Тысячи телеграммъ, больше частныхъ, чѣмъ оффиціальныхъ, разнесли извѣстіе объ этомъ по всей городской Россіи. Впрочемъ, нѣкоторые города, въ виду бездѣйствія телеграфа, узнали объ этомъ лишь черезъ день, и даже позже, не говоря уже о сельскихъ мѣстностяхъ, которыя, случалось, не знали о манифестѣ и мѣсяцъ спустя.

Въ г. *Иркутскѣ*, напр. первая вѣсть о манифестѣ пришла 21 октября. Но въ этотъ-же день по улицамъ города было расклеено слѣдующее объявленіе ген.-губернатора Кутаисова: «По городу распространяются слухи о полученіи какого-то манифеста. Считаю долгомъ извѣстить населеніе, что лично я ничего подобнаго не получалъ по самой простой причинѣ, что телеграфное сообщеніе между Спб. и Иркутскомъ не возстановлено. Прошу жителей города не вѣрить никакимъ слухамъ, исходящимъ не изъ оффиціальнаго источника» [1]). Только 22-го ген.-губ. получилъ, наконецъ, манифестъ и оффиціально опубликовалъ его.

Огонь движенія въ иныхъ мѣстахъ, казалось, уже угасавшій, вдругъ вспыхнулъ вновь яркимъ и радостнымъ пламенемъ. Словно, на горячіе угли подуло вѣтромъ... Извѣстіе о манифестѣ закинуло стачечное движеніе и въ послѣдніе, еще нетронутые уголки... Правда, это была уже не суровая стачка борьбы, а, такъ сказать, демонстрація радости.

Манифестъ упалъ, какъ съ неба. Для большинства населенія онъ былъ полнѣйшей неожиданностью. Революціонно и оппозиціонно-настроенная часть народа ожидала еще долгой и упорной борьбы. Люди, близко стоявшіе къ народной массѣ, наблюдали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже явную усталость движенія. Въ *Екатеринославѣ*, напр., послѣ бурно-проведенной недѣли, стачка ослабѣла, и вслѣдъ за открывшейся торговлей, начали становиться на работу и заводскіе рабочіе. 17-го октября совѣщаніе делегатовъ-рабочихъ всѣхъ екатеринославскихъ промышленныхъ заведеній, формально рѣшили считать *политическую* забастовку законченной и приступить къ работамъ всюду, гдѣ *экономическія* условія не потребуютъ продолженія борьбы... Появленіе манифеста разомъ измѣнило настроеніе.

— «Побѣда!»—«Конституція!» такова была первая бурно-радостная мысль, охватывавшая всякаго, прочитавшаго манифестъ.

Картина этого дня (вѣрнѣе—дня полученія манифеста) была почти всюду одинаковой. Громадныя толпы народа запруживали центральныя части города, нерѣдко пріостанавливая всякое движеніе. Мгновенно образовывался митингъ, а въ большихъ городахъ по нѣсколько митинговъ разомъ. Надъ тысячными толпами свободно развѣвались красныя знамена съ революціонными надписями и вмѣсто стрѣльбы или обычной, въ этихъ случаяхъ, кавалерійской аттаки—по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ—растерявшіеся полицейскіе чины, исполняя требованія народа, смущенно отдавали честь или снимали шапки передъ про-

[1]) *Сибирскіе Вопросы* №№ 20—28, 1907 г. „Красные дни въ Иркутскѣ".

цессіями и флагами. Всюду восторженно принимаемые народомъ, открыто выступали ораторами представители тѣхъ революціонно-соціалистическихъ партій, за принадлежность къ которымъ еще наканунѣ хватали и сажали въ тюрьмы. Тѣ лозунги, о которыхъ говорили тайныя отпечатанныя прокламаціи—вплоть до требованія республики—теперь открыто высказывались и подхватывались на улицахъ городовъ. Впрочемъ, лозунги эти, дружно подхватываемые народомъ,—по крайней мѣрѣ, въ первые моменты—далеко не были кликами борьбы, а выражали въ большинствѣ случаевъ лишь восторженное и часто безпорядочное ликованіе народа.

Представители революціонныхъ партій признавали манифестъ безспорной побѣдой народа. Но правительственныя обѣщанія, говорили они, даны подъ давленіемъ силы. Ослабнетъ сила и обѣщанія будутъ отобраны назадъ, какъ это уже не разъ бывало въ другихъ странахъ. Надо продолжать борьбу, не прекращать ее ни на минуту, пока свободы, написанныя на бумагѣ, не обратятся въ дѣйствительный фактъ жизни. Пока вмѣсто думы не будетъ созвано учредительное собраніе на основѣ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ...

Радостно-настроенныя толпы народа выслушивали эти рѣчи, и согласны были подхватывать всякій лозунгъ, но ихъ праздничное настроеніе было такъ же далеко отъ готовности къ продолженію суровой борьбы, какъ идеи политическаго освобожденія, даже въ головѣ рабочихъ массъ, далеки были еще отъ республиканскихъ идей. Безконечныя манифестаціи съ красными флагами, нерѣдко съ оркестромъ музыки, и всегда съ пѣніемъ рабочей марсельезы, заполнившія городскія улицы, несмотря на призывныя рѣчи, чаще всего совсѣмъ не носили воинственнаго или наступательнаго характера, а въ настроеніи толпы чувствовалось, что она считаетъ свое дѣло уже *сдѣланнымъ*. Радовались не только побѣдѣ, но и тому, что эта тяжелая, затянувшаяся борьба, казалось, близка была къ окончанію. Сравнительно болѣе воинственными оказывались тѣ мѣстности, которыя октябрьскимъ движеніемъ были захвачены сравнительно позже, и не успѣли еще истратить всего запаса энергіи. Кромѣ того, политическая стачка и ея побѣда пробудили въ рабочемъ классѣ необыкновенную жажду борьбы за улучшеніе своего экономическаго положенія, и онъ желалъ поскорѣе кончить съ политикой, чтобы взяться за это новое и еще болѣе близкое и понятное ему дѣло.

Первая мысль, которая охватывала повсюду народныя массы, какъ только онѣ нѣсколько приходили въ себя, была мысль о заключенныхъ...—«Къ тюрьмѣ!»—«Амнистія!»—Въ дни 18, 19, даже 20 октября этотъ лозунгъ, безъ всякаго соглашенія, сдѣлался общимъ для населенія сотенъ городовъ, получившихъ извѣстіе о манифестѣ.

Народъ, огромными массами, съ пѣснями и красными знаменами двинулся въ иныхъ мѣстахъ прямо къ тюрьмамъ, а въ иныхъ къ губернатору или иной высшей администраціи съ требованіемъ немедленнаго освобожденія политическихъ заключенныхъ. Такъ было въ столицахъ, такъ было и въ цѣломъ рядѣ крупныхъ и даже самыхъ мелкихъ и глухихъ провинціальныхъ городовъ.

Москва [1]). Еще утромъ 18 октября «Стачечнымъ Комитетомъ» и др.

[1]) См. „Русское Слово“ и др. газ.

организаціями рѣшено было потребовать отъ ген.-губернатора освобожденія всѣхъ политическихъ заключенныхъ. Послана была особая делегація. П. П. Дурново (бывшій тогда моск. ген.-губ.) согласился освободить всѣхъ арестованныхъ въ порядкѣ охраны, о находящихся-же подъ судомъ заявилъ, что они не въ его власти. Тогда делегація отправилась къ прокурору.

Въ это время улицы Москвы были уже заполнены народомъ, который съ пѣніемъ и красными флагами, сначала съ театральной площади подошелъ къ ген.-губернаторскому дому, а затѣмъ, узнавъ отвѣтъ, который получила делегація, направился къ тюрьмамъ.

Незначительное обстоятельство,—а именно появленіе вблизи охраннаго отдѣленія кареты, въ которой возятъ обычно арестованныхъ,—послужило причиной перваго столкновенія народа съ полиціей и войсками. При этомъ былъ убитъ городовой и одна женщина изъ толпы. Другое столкновеніе произошло у Тріумфальныхъ воротъ...

Къ началу вечера обѣ тюрьмы—Бутырская и Таганская—были окружены массами народа. Тюрьмы охранялись военной силой. Народъ отправляетъ депутатовъ сначала къ тюремному начальству, потомъ къ ген.-губернатору, требуя освобожденія... Къ 6 час. вечера делегаты «Стачечнаго Комитета» получаютъ, наконецъ, списокъ тѣхъ, которыхъ власти соглашаются освободить, и съ нимъ являются въ тюрьму. Проходитъ нѣкоторое время, и у воротъ показываются заключенные, которыхъ разомъ окружаютъ и охватываютъ восторженныя толпы народа и уносятъ съ собой.

Это была, безъ сомнѣнія, уже реальная побѣда народа, но, однако, далеко неполная. Въ тюрьмахъ остались еще всѣ тѣ, кто обвинялся въ политическихъ покушеніяхъ, вооруженныхъ сопротивленіяхъ и т. п. Кромѣ того, тюремныя двери такъ и не рѣшились раскрыть передъ недавно еще столь страшными черноморскими матросами. Были и такіе города, гдѣ администрація, до оффиціальнаго объявленія указа объ амнистіи, рѣшалась выпустить только тѣхъ, кто былъ арестованъ за нарушеніе обязательныхъ постановленій.

Въ этотъ-же день только что освобожденный народомъ соц.-демократъ Бауманъ былъ убитъ черносотенцемъ, который впослѣдствіи былъ освобожденъ отъ всякаго наказанія.

Петербургъ [1]). Съ утра 18 октября народъ заполнилъ Невскій и др. улицы. Въ университетѣ, на Казанской площади, возлѣ Гор. Думы и въ рабочихъ предмѣстьяхъ шли огромные уличные митинги. Все то, что до 16-го числа скрывалось за стѣнами учебной автономіи, теперь неудержимо и бурно выливалось на улицу. Многотысячная процессія съ десятками красныхъ флаговъ вышла изъ университета и прошла вдоль всего Невскаго по направленію къ заставѣ. Среди демонстрантовъ замѣтно было присутствіе офицеровъ. «Патріоты» пробовали было кое-гдѣ подымать голову, но не находили никакой поддержки.

Къ 3—4 часамъ дня по городу разнеслись извѣстія о первомъ столкновеніи народа съ войсками возлѣ Гороховой.

Только въ 6 часовъ вечера, какъ было назначено еще 15 октября, Совѣтъ

---

[1]) См. „Начало“, „Исторію Сов. Раб. Деп.“ и др.

Рабочихъ Депутатовъ собрался, наконецъ, въ помѣщеніи рождественскихъ курсовъ. Здѣсь послѣ краткаго, но энергичнаго засѣданія рѣшено было немедленно вести народъ къ тюрьмѣ и требовать освобожденія политическихъ. Къ этому времени возлѣ зданія курсовъ скопились уже массы народа. Чтобы собрать еще больше народу, рѣшили пройти весь Невскій къ университету и академіи наукъ, гдѣ шелъ митингъ, и послѣ этого уже идти къ дому предварительнаго заключенія.

И вотъ черныя массы народа, вскорѣ построившіяся въ ряды, и выкинувшія сотни красныхъ флаговъ, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ двинулись по столицѣ. Петербургъ ни раньше, ни позже никогда уже не видалъ такой демонстраціи. Было не менѣе 50 тыс. народу. При тускломъ свѣтѣ газовыхъ фонарей (электричество не горѣло) этотъ людской потокъ черной лавой вливался изъ улицы въ улицу, заполняя ее всю, пріостанавливалъ всякое движеніе и растягивался на нѣсколько кварталовъ. Соблюдался полнѣйшій порядокъ: рабочіе успокаивали торговцевъ, пугливо закрывавшихъ свои лавки. Грохотъ десятковъ тысячъ ногъ покрывался тысячными хорами, пѣвшими рабочую марсельезу. Такъ, съ остановками и рѣчами прошли съ Песковъ, черезъ Невскій, на Васильевскій Островъ къ университету; отъ университета къ флотскимъ казармамъ и мимо Маріинскаго театра, черезъ всю Садовую снова на Невскій къ Литейному, по которому и двинулись къ тюрьмѣ. Пройдя чуть не десятокъ верстъ по грязи и въ полутьмѣ народъ замѣтно усталъ и сначала огромныя толпы, по мѣрѣ приближенія къ тюрьмѣ, быстро таяли. Толпа все сильнѣй охватывалась тревогой. Вечерняя темнота способствовала этому въ огромной степени.

На разстояніи одного квартала отъ тюрьмы нѣсколько членовъ Союза-Союзовъ принесли извѣстіе, что Витте завтра же обѣщалъ освободить всѣхъ заключенныхъ. Этого было достаточно, чтобы настроеніе теперь уже немногочисленной толпы совершенно упало. Послѣ небольшого совѣщанія, рѣшено было демонстрацію распустить.

Рига [1]). Нѣсколько дней, начиная съ 18 октября, здѣсь царили порядки, напоминавшіе Зап. Европу. 18 октября делегаты всѣхъ с.-д. организацій были приняты лифляндскимъ губернаторомъ. Такъ какъ въ городѣ не оказалось подходящаго по величинѣ помѣщенія, имъ разрѣшено было устраивать митинги за городомъ. И вотъ 19 октября на Лагерномъ полѣ состоялся необыкновенный для Россіи, да, пожалуй, несовсѣмъ обычный и для Зап. Европы, 50—60 тысячный митингъ, на которомъ съ 16 трибунъ говорились рѣчи на различныхъ языкахъ. Здѣсь были знамена и представители всѣхъ народностей Прибалтійскаго Края, за исключеніемъ нѣмцевъ, находящихся подъ сильнымъ вліяніемъ бароновъ, всегдашнихъ активныхъ реакціонеровъ. Порядокъ былъ полнѣйшій. То тамъ, то здѣсь, среди густой черной толпы, мелькали распорядители (преимущественно соціалисты) съ красными повязками на рукавахъ. Митингъ избралъ 26 делегатовъ для представленія губернатору ряда требованій. На первомъ мѣстѣ стояло требованіе освобожденія политическихъ. 20 октября состоялся второй всенародный митингъ, на которомъ присутствовало болѣе 100 тысячъ

[1]) „Рижскія Вѣд.“ 1905 г.

человѣкъ. Опять та-же картина: десятки трибунъ, знамена, революціонныя рѣчи на разныхъ языкахъ... У особаго столика, гдѣ былъ поставленъ бѣлый флагъ, принималась запись въ соц.-дем. партію, которая съ этого дня объявляла себя открыто существующей. 21—опять митингъ. Музыка. Рѣчи о милиціи, и т. д.

Такія же или подобныя сцены встрѣчи манифеста, только развѣ въ меньшемъ масштабѣ, можно было наблюдать во всѣхъ крупныхъ и не-крупныхъ городахъ—и на Кавказѣ, и въ Польшѣ (въ Варшавѣ были устроены соціалистами и націоналистами манифестаціи, въ которыхъ участвовали *сотни тысячъ* народа), и въ Западномъ Краѣ, и въ Сибири. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., въ Вильнѣ, когда былъ полученъ манифестъ, населеніе жило еще подъ впечатлѣніемъ стрѣльбы по народу. 16-го октября тамъ было убито нѣсколько человѣкъ, а 17-го населеніемъ были устроены грандіозныя демонстративныя похороны. 18-го—полученъ манифестъ, а 21-го—уже снова раздавалась стрѣльба и было убито 7 чел. и около 20 тяжело ранено.

Но все-же первые моменты радости, проявленной населеніемъ, были почти всюду одинаковы. Съ одной стороны, со стороны народа, преимущественно рабочихъ, учащихся и интеллигенціи—чаще всего безпорядочное уличное ликованіе, съ другой стороны, со стороны мѣстныхъ властей—растерянность, дезорганизація, полная неувѣренность въ томъ, какъ держать себя, а въ иныхъ мѣстахъ (Пермь) даже робкое заигрываніе съ революціей.

Но эти первые моменты были только моментами... Уже скоро опять заработавшій телеграфъ принесъ администраціи должныя инструкціи. Въ нѣкоторыхъ городахъ реакція выступила ужъ въ тотъ же день, нерѣдко черезъ нѣсколько часовъ по полученіи манифеста—въ видѣ ли черной сотни, поддерживаемой бездѣйствіемъ войскъ, или же—по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ—въ видѣ голой военной силы. Были и такіе города (какъ Тверь, Челябинскъ) гдѣ контръ-революція даже предшествовала манифесту.

Если до сихъ поръ революціонное движеніе втягивало въ политическую жизнь сотни тысячъ народа, то октябрьскіе дни съ ихъ всеобщей политической забастовкой однимъ широкимъ взмахомъ растревожили всю городскую Россію. Не осталось ни одного слоя, ни одной группы населенія, которая такъ или иначе не была бы задѣта забастовкой.

Мелкая и средняя буржуазія, изъ которой въ значительной степени, за исключеніемъ нѣкоторыхъ крупныхъ промышленныхъ центровъ, состояло и состоитъ населеніе русскихъ городовъ, были впервые вырваны забастовкой изъ своего покоя, оторваны отъ своихъ лавокъ, лотковъ и дворовъ. Революціонная стачка въ значительной мѣрѣ разбила политическій индифферентизмъ этихъ классовъ населенія, прежде всего задѣвъ ихъ въ ихъ матеріальныхъ интересахъ: закрывая, часто насильственно, лавки, уводя рабочихъ, прекращая жел.-дор. сообщеніе, сокращая торговлю... На ряду съ ущербомъ матеріальнымъ, вокругъ—на глазахъ этого мѣщанства—разрушалось все то старое, къ чему оно привыкло, съ чѣмъ сжилось, и созидалось новое, еще непонятное ему, чужое и раздражающее его. Такимъ образомъ первые зачатки политической активности, смѣнявшей собою былой индифферентизмъ, на первыхъ порахъ превращали зна-

чительную часть этихъ среднихъ слоевъ въ массу, враждебную революціи. Создавалась богатѣйшая, небывалая до сихъ поръ по удобству почва для самыхъ смѣлыхъ реакціонныхъ экспериментовъ.

Надо сказать, что весь 1905 г. невидимая рука здѣсь и тамъ старательно трудилась надъ организаціей реакціонныхъ силъ и направляла ихъ противъ освободительнаго движенія. Часть дворянства, особенно напуганная революціей и крестьянскимъ движеніемъ, хотя и не выставлялась, разумѣется, на видъ, но играла въ этомъ дѣлѣ, наиболѣе значительную роль. Но всѣ попытки въ этомъ духѣ давали довольно таки жалкіе результаты. И только октябрьскіе дни, разбудившіе средніе слои зажиточнаго мѣщанства, значительно облегчили это дѣло. Черносотенные кадры быстро пополнялись. Озлобленіе этихъ классовъ направлялось теперь не столько даже на евреевъ, сколько на интеллигенцію... И не надо было тѣмъ, кому это было на-руку, ни особеннаго ума, ни слишкомъ большой ловкости, чтобы использовать такое положеніе въ своихъ интересахъ.

Дѣйствительно ли существовала всероссійская погромная организація въ эти дни, или—какъ это утверждаетъ одно оффиціальное лицо, близко изучившее предметъ—разговоры о всероссійской организаціи были лишь неосновательной и фантастической легендой, объ этомъ, разумѣется, пока что можно лишь гадать. Неоспоримо лишь то, что въ бюрократическихъ верхахъ существовало явное сочувствіе этого рода дѣламъ, а на мѣстахъ изощрившаяся въ чуткомъ послушаніи администрація хорошо была освѣдомлена о такомъ настроеніи «сферъ»... Неудивительно, поэтому, что октябрьскіе погромы поражаютъ стороннято наблюдателя необыкновеннымъ *единообразіемъ* общей картины.

Погромы произошли въ сотняхъ городовъ и почти по всей странѣ, за исключеніемъ тѣхъ окраинъ (Прибалтійскій край [1]), Польша, отчасти Сѣверо-Западный край), гдѣ главную массу населенія составляютъ—не-русскіе. Во всемъ этомъ угарномъ погромномъ хаосѣ, смѣнившемъ собою краткіе моменты ликованія, можно, однако, различить приблизительно четыре типа погромовъ: 1) погромъ, въ которомъ активнымъ и почти единственнымъ участникомъ оказывалась военная сила; 2) интеллигентскій, направленный противъ учащихся, служащихъ, «студентовъ», земцевъ и т. п.; 3) смѣшанный еврейско-интеллигентскій и, наконецъ, 4) чисто инородческій, направленный противъ евреевъ, а на Кавказѣ противъ армянъ.

Военные разстрѣлы-погромы, происшедшіе тотчасъ же вслѣдъ за манифестомъ, имѣли мѣсто, напримѣръ, въ *Севастополѣ* (18-го) возлѣ тюрьмы, въ *Бѣлостокѣ* (18-го) и особенно въ *Минскѣ* (18-го), гдѣ необычайно жестокій—даже по тогдашнимъ временамъ—разстрѣлъ не былъ вызванъ въ сущности ничѣмъ серьезнымъ и произошелъ тогда, когда народъ, устроившій обычную въ эти дни демонстрацію и митингъ, расходился уже по домамъ. Стрѣльба по безоружному народу продолжалась *около 8 минутъ* и уже къ 2 ч. дня въ еврейской больницѣ было 49 убитыхъ и 64 раненыхъ. Съ утра 19-го соціалистическими орга-

[1]) Хотя въ Ригѣ, спустя нѣсколько дней послѣ манифеста, въ еврейскихъ кварталахъ былъ таки сравнительно небольшой погромъ.

низаціями г. Минска была объявлена съ цѣлью протеста всеобщая забастовка. Въ *Тифлисѣ* 21 октября т. е. тогда, когда нѣсколько стихли первые порывы народнаго ликованія, была организована «патріотическая» манифестація, въ которой главнымъ образомъ демонстрировали войска и юнкера. Скоро, столкнувшись съ несочувственнымъ настроеніемъ населенія, манифестація перешла въ полувоенный, въ полу-хулиганскій разгромъ, отъ котораго особенно пострадало зданіе гимназіи и учащіеся (8 гимназистовъ было убито, при чемъ одинъ—8-лѣтній), а также редакціи двухъ прогрессивныхъ газетъ и нѣсколько частныхъ домовъ, подвергшихся обстрѣлу.

Къ числу погромовъ, направленныхъ по преимуществу противъ интеллигенціи слѣдуетъ отнести, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ раннихъ октябрьскихъ погромовъ, разразившійся еще 17 октября—въ *Твери*. Зданіе тверской губернской земской управы, гдѣ въ этотъ день земская интеллигенція и служащіе устроили собраніе, было окружено толпой разнаго темнаго люда и, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ ворваться внутрь, осаждено и подожжено со всѣхъ сторонъ. Несмотря на неоднократныя просьбы у губернатора Слѣпцова о помощи, военная сила и полиція не оказали никакой защиты, и осажденные, поневолѣ вынужденные покинуть горѣвшее зданіе, при выходѣ, были жестоко избиты черносотенно-настроенной толпой. Зданіе управы выгорѣло. Судебное разбирательство, происходившее въ 1908 г. подтвердило, что полиція и сыщики наканунѣ погрома подговаривали и даже подкупомъ натравливали разныхъ темныхъ людей на «земцевъ» и иную интеллигенцію. На скамьѣ подсудимыхъ оказались—«мелкіе хозяйчики, ремесленники, торговцы, лошадиный барышникъ, два бывшихъ городовыхъ и сыщикъ» (№№ «Рѣчи» за окт. 1908 г.). Такого рода погромы или избіенія интеллигенціи—только въ разныхъ варіаціяхъ—произошли въ десяткахъ городовъ, но главнымъ образомъ въ городахъ центральной части Россіи, т. е тамъ, гдѣ еврейскій элементъ составляетъ ничтожную часть населенія. Объектомъ нападеній черной сотни здѣсь служили главнымъ образомъ—земская интеллигенція и учащіеся. Въ первый день по полученіи манифеста, и здѣсь, какъ вездѣ, устраивались обычныя демонстраціи съ красными флагами и проч., а уже на слѣдующіе дни и чаще всего послѣ оффиціально-устроеннаго молебна и «патріотическаго» шествія съ портретомъ царя, начинались избіенія и разгромы. Такъ, напримѣръ, 19 октября въ *Костромѣ* произошло избіеніе учащихся. Въ немъ кромѣ мелкихъ лавочниковъ, хулигановъ и т. п. участвовали и крестьяне, пріѣхавшіе на базаръ. Почти то же самое имѣло мѣсто въ *Калугѣ* (23 окт.), въ *Курскѣ*, во *Владимірѣ* (18-го), *Тулѣ* (20—21), *Ярославлѣ* (18—20), *Новгородѣ* (21—23), *Архангельскѣ* (18-го), *Великомъ Устюгѣ* (24-го), *Дмитровѣ* и многихъ др. городахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ полиція и военныя части не только бездѣйствовали или относились безучастно къ происходившему, но кое-гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Калугѣ или Владимірѣ, появленіе на улицахъ представителей высшей административной власти не только не успокаивало безчинствующія толпы, но еще болѣе ихъ возбуждало.

Особенно яркую картину въ эти дни, когда революція въ одномъ спутанномъ клубкѣ событій рождала изъ себя контръ-революцію, представлялъ собой—

гор. *Казань* [1]). 17-го октября при выходѣ изъ университета съ митинга на расходившуюся публику напали казаки. Въ отвѣтъ брошено было нѣсколько бомбъ. Тогда казачій отрядъ началъ безпорядочную стрѣльбу по всѣмъ направленіямъ. Происходилъ долгій, ожесточенный разстрѣлъ семинаріи и пассажа, куда укрылась публика. Стрѣльба продолжалась всю ночь... Сильное возбужденіе охватило весь городъ. На утро 18-го—въ день полученія манифеста—толпы народа спѣшатъ къ гор. думѣ. Въ думѣ требуютъ разоруженія полиціи и немедленнаго образованія милиціи. Но на засѣданіе думы большинство гласныхъ не рѣшилось явиться. Послѣ совѣщанія въ думѣ, массы народа тысячъ въ 20 съ нѣсколькими гласными и съ представителями соціалистическихъ партій во главѣ, обходятъ городъ, всюду конфискуютъ у постовой полиціи оружіе, забираютъ оружіе въ участкахъ, сваливаютъ его на возъ, и позже—на митингѣ возлѣ университета—этимъ оружіемъ снабжаются охранныя дружины. Гор. голова, прокуроръ окр. суда, даже приставъ, явились въ университетъ и просили представителей соціалистическихъ партій, въ виду разоруженія полиціи, взять охрану города на ночь въ свои руки. Къ ночи отряды народной милиціи занимаютъ городскіе посты. 20-го губернаторъ болѣе или менѣе формально вынужденъ былъ признать существованіе милиціи. 19-го и 20-го въ гор. думѣ засѣдаетъ своего рода коммуна, образованная, главнымъ образомъ, соціалистическими партіями. Кругомъ идутъ многочисленные митинги. Въ думѣ, черезъ нее или помимо ея, администраціи предъявляется требованіе за требованіемъ: удалить войска; устроить выборы новой думы по 4-хъ-членной формулѣ; распустить запасныхъ и т. д. Къ вечеру 20-го происходятъ грандіозныя похороны убитыхъ 17 октября. Но уже послѣ этихъ похоронъ начинаютъ наблюдаться одиночныя нападенія черносотенцевъ на милиціонеровъ. Разносятся слухи, что губернаторъ получилъ строгую инструкцію изъ Петербурга—«возстановить порядокъ». Черносотенная агитація усиливается. 21-го по улицамъ проходитъ уже патріотическая манифестація тысячи въ 2 человѣкъ, въ которой участвуютъ (по газетнымъ извѣстіямъ)—босяки, мясники, лавочники... Черносотенцы окружаютъ думу, гдѣ засѣдаетъ милиція. Противъ вооруженной дружины, они безсильны... Кругомъ по улицамъ въ это время уже идутъ жестокія избіенія интеллигенціи,—вспарываютъ животы убитымъ. Скоро на помощь патріотамъ прибываютъ солдаты и открываютъ по думѣ огонь залпами. Милиціи послѣ переговоровъ съ губернаторомъ по телефону приходится согласиться на сдачу и выдать оружіе. 130 чел. арестовано. Семь человѣкъ убито возлѣ думы. 22-го происходитъ уже обычный разгромъ нѣкоторыхъ городскихъ магазиновъ...

Одинъ изъ самыхъ страшныхъ октябрьскихъ погромовъ—и по числу жертвъ, и по жестокости—погромъ въ *Томскѣ* [2]) можно назвать типомъ смѣшаннаго *интеллигентски-еврейскаго* погрома. Начавшись съ избіенія учащихся и нападеніемъ,—совсѣмъ какъ въ Твери,—на ту часть интеллигенціи, которая обывательскому сознанію представлялась какъ центръ революціоннаго движенія, погромъ этотъ закончился затѣмъ уничтоженіемъ еврейскихъ магазиновъ и жилищъ. На этомъ погромѣ нельзя не остановиться нѣсколько подробнѣе. Надо сказать, что

[1]) „Новая Жизнь" 1905 г и др.

[2]) „Начало", „Сиб. Вѣстникъ" и др.

въ началѣ—до 20-го октября—городъ зажилъ необыкновенно интенсивной жизнью. Рабочихъ въ Томскѣ очень мало, поэтому главную роль въ движеніи играла служилая интеллигенція, и особенно ж.-д. служащіе, въ большомъ количествѣ сосредоточенные въ главномъ управленіи сиб. жел. дор. Послѣ ряда митинговъ, такихъ же какъ и въ др. городахъ, по иниціативѣ с.-д., здѣсь были устроены революціонные перевыборы въ городскую думу, въ которыхъ участвовало нѣсколько тысячъ человѣкъ, при чемъ въ новую думу были избраны 20 чел.—всѣ с.-д. Впрочемъ, эти выборы оказались простой демонстраціей и не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Между тѣмъ, полиція, пользуясь недовольствомъ и враждебностью нѣкоторыхъ слоевъ населенія (главнымъ образомъ, торговцевъ) къ забастовщикамъ, подготовляла,—какъ передавали потомъ многочисленные свидѣтели,—кадры темныхъ личностей. Революціонныя демонстраціи смѣнились патріотическими. 20 октября толпа черносотенцевъ (весьма незначительная) съ царскимъ портретомъ и національными флагами осадила громадное зданіе ж.-д. управленія, куда скрылась вооруженная самооборона (ей потомъ удалось спастись). Такъ же, какъ и въ Твери, зданіе было подожжено. Такъ же, какъ тамъ, пожарная команда не смѣла тушить. Толпы громилъ оказались окруженными цѣпью бездѣйствующихъ войскъ, а за этой цѣпью, охваченная ужасомъ, безсильно стояла народная масса. Всѣ, кто осмѣливался выходить изъ горѣвшаго зданія, тутъ же убивался. Больше того: убійцы надругивались надъ трупами. Войска не только оставались пассивными зрителями при всемъ этомъ, но—какъ разсказываютъ очевидцы—принимали активное участіе, пристрѣливая тѣхъ, кто показывался въ окнахъ или пытался спастись на крышу, На глазахъ властей и военнаго начальства происходили душу-потрясающія сцены. Все огромное зданіе выгорѣло вмѣстѣ съ рядомъ стоящимъ театромъ, въ которомъ происходили митинги. Подъ развалинами зданія и въ огнѣ погибло не менѣе 60 чел., среди которыхъ было значительное количество служащихъ, явившихся (20-го) за полученіемъ жалованья. Домъ губернатора Азанчевскаго находился въ какой-нибудь сотнѣ саженъ отъ горящаго зданія. Архіерей, къ которому обращались за помощью, категорически отказалъ въ этомъ. Дня два послѣ этого продолжался разгромъ еврейскихъ жилищъ и магазиновъ. Какъ на вдохновителей погрома, указывали, кромѣ полиціи, на нѣкоторыхъ крупныхъ томскихъ купцовъ... Этотъ погромъ задушилъ въ городѣ всякую общественную жизнь,—интеллигенція бѣжала и жизнь надолго и окончательно замерла...

Почти то же самое, только въ меньшихъ размѣрахъ съ 19 на 20-е октября произошло въ др. концѣ Россіи,—въ *Ѳеодосіи*, гдѣ была сожжена городская управа. Такимъ же, еврейско-интеллигентскимъ былъ еще, пожалуй, погромъ въ Саратовѣ.

Но, самымъ обычнымъ и наиболѣе распространеннымъ видомъ октябрьскаго погрома были южные погромы, охватившіе громадный районъ юго-западной Россіи и имѣвшіе мѣсто не только въ крупныхъ городахъ, но и въ самыхъ мелкихъ мѣстечкахъ. Это были погромы стараго, т. сказ. кишиневскаго типа, преимущественно направленные противъ еврейскаго населенія и, обычно, соединенные съ грабежомъ. Первое мѣсто среди этихъ погромовъ—и по проявленному звѣрству и по числу жертвъ—занимаетъ, разумѣется, погромъ

Одесскій. Затѣмъ слѣдуютъ погромы—въ *Екатеринославѣ*, *Ростовѣ-на-Дону*, *Кіевѣ*, *Симферополѣ*, *Кишиневѣ*, *Гомелѣ* и въ цѣломъ рядѣ др. городовъ и мѣстечекъ.

Вмѣстѣ съ полученіемъ извѣстій о манифестѣ, здѣсь, обычно, начинали усиленно циркулировать слухи о погромѣ. Революціонныя демонстраціи давали этому богатую пищу. Десятки темныхъ личностей, получавшія отъ кого слѣдуетъ инструкцію, усердно распространяли среди невѣжественной русской массы разсказы о томъ, что евреи на митингахъ разрываютъ царскіе портреты, что евреи хотятъ поставить, вмѣсто русскаго, своего царя и т. п. При этомъ дѣлались намеки или прямыя увѣренія въ томъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ, обычно 3-хъ дней, можно безнаказанно убивать евреевъ и грабить ихъ имущество. Такимъ образомъ если призывы къ избіенію евреевъ могли привлечь развѣ только кучки хулигановъ, то намеки на разрѣшенный грабежъ разжигали жажду легкой наживы въ цѣлыхъ группахъ темнаго населенія. Во всякомъ случаѣ поводы къ погромамъ могли быть какіе угодно, но только не «національное чувство» русскаго народа, оскорбленное будто бы, евреями, какъ это представляютъ себѣ нѣкоторые оффиціальные лица и органы. Надо полагать, бывали факты, правда, чрезвычайно рѣдкіе—факты уничтоженія демонстрантами царскихъ портретовъ, но это относилось столько же къ русскимъ, какъ и къ евреямъ. Еврейская же *масса*, напуганная слухами о погромѣ, чаще всего держала себя въ высшей степени осторожно и даже болѣе, чѣмъ скромно.

Въ большинствѣ случаевъ погрому предшествовала патріотическая манифестація, устраиваемая какъ контръ-демонстрація противъ революціонеровъ. Это оффиціальное торжество, въ которомъ въ началѣ участвовали представители власти, позже обращалось весьма часто въ погромъ. Бывали случаи, какъ, напр. въ *Симферополѣ*, гдѣ еврейскій погромъ являлся прямымъ продолженіемъ военнаго разстрѣла толпы, въ данномъ случаѣ окружившей тюрьму. Обыкновенно случалось такъ, что въ патріотическую манифестацію откуда-то раздавался провокаторскій выстрѣлъ, послѣ чего и начинался погромъ: сначала избіенія и убійства, а затѣмъ грабежъ...

Одесса [1]). 16-го октября университетъ былъ закрытъ. Движеніе переходитъ на улицу. Въ этотъ день происходитъ разгромъ оружейнаго магазина и дѣлается попытка построить баррикады. При этомъ было убито 9 челов. и ранено 80. Вечеромъ этого же дня былъ организованъ совѣщательный комитетъ при городскомъ головѣ (см. выше). 17-го противъ университета и еврейскаго населенія начинается усиленная погромная агитація. Градоначальникъ Нейдгардтъ опубликовываетъ возбуждающее воззваніе противъ университета, будто бы исходящее отъ лица 30 тыс. мѣщанъ. На 18 октября назначены похороны жертвъ, павшихъ 16-го. Спѣшно организуется студенческая милиція. Городская дума въ полномъ составѣ рѣшаетъ принять участіе въ похоронной процессіи. Нейдгардтъ, по настоянію думы и др. организацій, снимаетъ полицейскіе посты. Главнокомандующій 18-го убираетъ войска съ улицъ. Однако, въ виду угрожающаго погромнаго настроенія въ средѣ черни, похороны откладываются самими иниціаторами. Но

[1]) „Одесскія Новости“ 1905 г. „Коммерческая Россія“ 1905 г. и др.

уже вечеромъ 18-го, послѣ нѣкоторыхъ столкновеній съ черносотенцами, разражается новая вспышка погрома. 19-го—устраивается патріотическая манифестація, переходящая скоро уже въ грандіозный погромъ и грабежъ...

Ужасы одесскаго погрома почти не поддаются описанію. Убивали десятками, сотнями... Уродовали, вспарывали животы... Дѣтей выбрасывали изъ оконъ съ высоты нѣсколькихъ этажей... Награбленное уносили и продавали на глазахъ полиціи... А въ полицейскихъ участкахъ арестованныхъ, пробовавшихъ сопротивляться громиламъ, били смертнымъ боемъ... Войска проходили по улицамъ, разгоняли и разстрѣливали милицію и самооборону, и выходило такъ, какъ будто они расчищали дорогу громиламъ.

Толпы хулигановъ восторженно встрѣчали Нейдгардта. Онъ раскланивался съ ними и говорилъ имъ: «спасибо, братцы». На просьбы же перепуганныхъ жителей возстановить полицейскую охрану, Нейдгардтъ отвѣтилъ: «я ничего не могу сдѣлать, вы хотѣли свободы, вотъ вамъ жидовская свобода». Командующій войсками бар. Каульбарсъ въ рѣчи своей къ полицейскимъ чинамъ сказалъ, между прочимъ: «Будемъ называть вещи ихъ настоящими именами. Нужно признаться, что всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ этому погрому», но... мы должны помнить свой долгъ и т. д.

Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ всѣ усилія самообороны или милиціи, а тѣмъ болѣе нѣсколько бомбъ, брошенныхъ на улицахъ, не только не могли остановить погрома, но, наоборотъ, только усиливали и расширяли его. Въ лучшемъ случаѣ, милиціонерамъ удавалось лишь захватывать отдѣльныхъ погромщиковъ и отнимать у нихъ награбленные вещи. Погромъ продолжался съ 18-го по 22-е октября. По свѣдѣніямъ только полиціи, число убитыхъ превышало 500 чел. Разгромлено было 1.632 еврейскихъ помѣщенія, при чемъ убытковъ заявлено было на 3.668.824 руб. Со стороны же войскъ и полиціи былъ убитъ 1 городовой и 2 нижнихъ чина...

Погромы въ *Кіевѣ*, *Екатеринославѣ* и проч. мѣстахъ въ сущности представляли собой ту или иную варіацію одесскихъ событій. Здѣсь то же, что и тамъ: фигурируютъ тѣ же разорванные или прострѣленные царскіе портреты, тѣ же провокаторскіе выстрѣлы, и производится такой же разстрѣлъ домовъ и грабежъ имущества...

Въ *Новозыбковѣ*, въ *Стародубѣ* и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ въ еврейскихъ погромахъ дѣятельное участіе принимали съѣхавшіеся къ городу посадскіе крестьяне. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Дону и въ Екатеринославской губ.—въ *каменноугольномъ районѣ* (Александровскъ-Грушевскій, Кривой Рогъ и др.) погромы вначалѣ принимали видъ фабричныхъ безпорядковъ и въ нихъ участвовала часть наиболѣе отсталыхъ рабочихъ. На *Кавказѣ* мѣсто еврейскаго погрома заняла татаро-армянская рѣзня, разразившаяся въ Баку, Шушѣ и др. въ 20-хъ числахъ октября, въ отвѣтъ на революціонныя демонстраціи по случаю манифеста. Въ *Баку* были разгромлены десятки армянскихъ магазиновъ и сожжено 13 домовъ вблизи ген.-губернаторскаго дома. 29-го октября бакинскій погромъ повторился, но уже при открытомъ участіи солдатъ, при чемъ домъ Сагетеляна былъ разгромленъ артиллеріей.

Необходимо упомянуть еще объ одномъ погромѣ, стоявшемъ какъ-то совсѣмъ

особнякомъ... Это погромъ въ *Иваново-Вознесенскѣ* [1]). И здѣсь сначала, такъ же какъ и въ прочихъ мѣстахъ, «дни свободы» начались, было, революціонными демонстраціями и митингами. Но уже скоро патріотически-черносотенное движеніе стало принимать угрожающіе размѣры. 22 окт. произошло избіеніе передовыхъ рабочихъ и демонстрантовъ на р. Талкѣ. Участвовали казаки и черносотѣнцы. Всю ночь послѣ этого продолжался еврейскій погромъ. 23-го устраивается черносотенно-патріотическое собраніе на площади. Войска и полиція бездѣйствуютъ, а нѣкоторые фабриканты втихомолку дѣлаютъ все возможное, чтобы возбудить темную рабочую массу противъ рабочихъ-«агитаторовъ». Рабочихъ спаиваютъ водкой, на три дня прекращаютъ работы, обѣщая платить, если только—подсказывали стороной—будутъ изгнаны неблагонадежные элементы. И вотъ 24-го окт. толпа «патріотовъ» производитъ обходъ отъ фабрики къ фабрикѣ. Врываются въ фабричныя зданія, отыскиваютъ наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ, особенно тѣхъ депутатовъ, которые представляли рабочую массу во время знаменитой лѣтней забастовки. Хватаютъ ихъ, убиваютъ, калѣчатъ, выбрасываютъ съ верхнихъ этажей... бросаютъ въ котлы... Въ этомъ кровавомъ дѣлѣ принимаетъ участіе и часть рабочихъ. Темная рабочая масса пассивна, и не рѣшается вступиться за своихъ выборныхъ. Подъ вліяніемъ такого террора передовые и организованные рабочіе разбѣгаются по деревнямъ. Только 25-го къ вечеру разгромъ стихаетъ. Всякая общественно-политическая жизнь въ городѣ съ этого момента прекращается. Воцаряется терроръ казачьихъ отрядовъ и черной сотни, поддерживаемой фабрикантами. Всякія свободы, которыя такъ или иначе, но переживали въ это время большинство русскихъ городовъ, для Ив.-Вознесенска съ этого момента не существуютъ вовсе. Ив.-Вознесенскій с.-д. комитетъ выпустилъ въ это время необыкновенно характерное воззваніе, ярко опредѣляющее создавшееся положеніе. «Жизнь въ нашемъ городѣ—говорилось въ этой прокламаціи—становится все болѣе невозможной. Грабежи и насилія надъ личностью со стороны черной сотни становятся чуть не ежедневнымъ явленіемъ... Насъ преднамѣренно смѣшиваютъ съ хулиганами и насильниками»... Затѣмъ листокъ *угрожаетъ терроромъ*, если насилія будутъ продолжаться и с.-д. не дадутъ открыто собираться, какъ это разрѣшается въ др. мѣстахъ!.. Вся прокламація похожа на сплошной вопль отчаянія... Общая подавленность была такъ велика, что даже въ ноябрѣ, когда повсюду происходила почт.-телегр. забастовка, терроризованные Ив.-Вознесенскіе чиновники не рѣшились присоединиться!..

Октябрьская черносотенная контръ-революція захватила, такимъ образомъ, сотни городовъ и мѣстечекъ въ самыхъ различныхъ концахъ Россіи. «Болѣе чѣмъ въ ста городахъ, и при томъ на протяженіи всего двухъ-трехъ недѣль, разыгрались однородныя и по программѣ и по преступности сцены дикой расправы съ мирными жителями,—говоритъ В. Обнинскій—менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ было *убито отъ трехъ съ половиной до четырехъ тысячъ человѣкъ, а ранено и изувѣчено болѣе десяти тысячъ*» [3]). Матеріальные убытки слѣдуетъ

[1]) „Начало“ 1905 г. „Нов. Жизнь“ 1905 г.

[2]) „Нов. Жизнь“ 1905 г. „Сѣв. Край“ 1905 г.

[3]) „*Полгода русской революціи*“. Стр. 42. Нужно замѣтить, что „Лѣтопись“ В. Обнинскаго, изд. въ 1906 г., какъ намъ удалось удостовѣриться, грѣшитъ, да и не могла

считать десятками милліоновъ. Наибольшее количество погромовъ (быть можетъ больше половины) приходится на югъ и юго-западъ Россіи. Въ центральной, сѣверной и восточной Россіи въ общемъ погромы были сравнительно рѣже и слабѣе. Въ Польшѣ, частью въ Прибалтійскомъ краѣ и даже—за исключеніемъ военнаго погрома въ Минскѣ, и немногихъ др. случаевъ—въ Западномъ Краѣ, т. е. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ масса населенія нерусская,—погромовъ почти вовсе не было. Если въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ городахъ погромной полосы, несмотря на обычную погромную агитацію, октябрь сравнительно прошелъ счастливо, это объясняется или особо-проявленной энергіей общественной самодѣятельности (Смоленскъ, Вологда), или относительно строгимъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей мѣстной администраціей (Астрахань, Таганрогъ и т. п.).

Конституція, объявленная 17 октября, такимъ образомъ, съ перваго же дня своего существованія получила кровавое крещеніе.

Наиболѣе рѣшительно настроенные элементы, какъ указывалось, уже съ самаго начала отнеслись къ этому акту съ бо́льшимъ недовѣріемъ. И тотчасъ-же сотни телеграммъ, посыпавшіяся со всѣхъ сторонъ о разстрѣлахъ и погромахъ, подтвердили передъ читающей публикой основательность такого недовѣрія...

Уже на засѣданіи 18 октября Пет. Совѣтъ Рабочихъ Деп. принялъ резолюцію, въ которой говорилось, что пролетаріатъ «не можетъ сложить оружія» вплоть до установленія республики. Въ той же резолюціи выставлялся рядъ ближайшихъ требованій: устраненіе полиціи, удаленіе войскъ изъ города, выдача оружія и учрежденіе народной милиціи, полная амнистія, отмѣна исключительныхъ положеній, созывъ Учредит. Собранія и т. д. Для дальнѣйшей борьбы за эти требованія, Совѣтъ постановилъ «продолжать всеобщую забастовку».

А въ передовицѣ № 3-го «Извѣстій Сов. Раб. Деп.», вышедшихъ 20 октября, говорилось:

«... И вотъ конституція дана.

«Дана свобода собраній, но собранія оцѣпляются войсками.

«Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной.

«Дана свобода науки, но университеты заняты войсками.

«Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными.

«Данъ Витте, но оставленъ Треповъ.

«Дана конституція, но оставлено самодержавіе.

«Все дано и не дано ничего»...

Таково было настроеніе руководящихъ революціонныхъ круговъ не только въ Петербургѣ, но и вездѣ, гдѣ центральную и руководящую роль, какъ въ Петербургѣ, занимали соціалисты, точнѣе: соціалъ-демократы.

Москва, вошедшая въ движеніе раньше Петербурга, но неуспѣвшая еще

не грѣшить, большими неточностями. Основанная, главнымъ образомъ, на первыхъ телеграфныхъ извѣстіяхъ, она—съ одной стороны сильно преувеличиваетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ различныя цифры, съ другой стороны—упускаетъ цѣлый рядъ фактовъ, вслѣдствіе забастовки не переданныхъ телеграфомъ. Однако, именно поэтому—общая, предположительная цифра жертвъ октябрьскихъ погромовъ оказывается у Обнинскаго все же близкой къ истинной...

создать такого «рабочаго парламента», какой имѣлся уже въ Петербургѣ, выказывала нѣсколько меньшую рѣшительность и большую осторожность. Впрочемъ, это происходило, быть можетъ, потому, что въ средѣ «Стачечнаго К-та», руководившаго здѣсь движеніемъ, пользовались значительнымъ вліяніемъ болѣе умѣренные несоціалистическіе элементы, которые склонны были отнестись съ меньшимъ недовѣріемъ къ объявленнымъ свободамъ. Въ результатѣ борьбы между либерально-радикальными руководителями, представленными главнымъ образомъ *служащими* (ж.-д. и гор. управленія) и соціалистическими, представляющими *рабочихъ*, Московскій Стачечный Комитетъ, соглашаясь, что вопросъ о забастовкѣ въ конечномъ счетѣ долженъ быть рѣшенъ *всѣми* рабочими, со своей стороны принялъ компромисное рѣшеніе—рекомендовать рабочимъ временно пріостановить забастовку, но готовиться къ новой, планомѣрно подготовленной.

Это постановленіе Московской руководящей организаціи вмѣстѣ съ фактическимъ прекращеніемъ забастовки во многихъ мѣстахъ, особенно на ж.-д., и та усталость, которая опредѣленно чувствовалась уже въ массахъ пролетаріата, заставили въ скоромъ времени и Пет. Совѣтъ измѣнить старое и вынести новое подобное же рѣшеніе. 19 октября Совѣтъ заявилъ:

«Считаясь съ необходимостью для рабочаго класса, опираясь на достигнутыя побѣды, организоваться наилучшимъ образомъ и вооружиться для окончательной борьбы... С. Р. Д. постановляетъ прекратить 21 октября въ 12 ч. дня всеобщую политическую забастовку съ тѣмъ, чтобы, смотря по ходу событій, по первому же призыву Совѣта, возобновить ее для дальнѣйшей борьбы такъ же дружно, какъ и до сихъ поръ, за наши требованія».

Рѣшенія, принятыя въ столицахъ, послужили сигналомъ для прекращенія забастовки въ большинствѣ другихъ городовъ, гдѣ движеніе еще не затихло. Въ періодъ, приблизительно отъ 21 по 25 окт., *политическая* забастовка, какъ на ж.-д., такъ и въ городахъ, почти всюду пріостанавливается.

Пролетаріатъ, эта главная пружина октябрьской революціи, пролетаріатъ-побѣдитель, въ это время, безъ сомнѣнія, занимаетъ въ глазахъ почти всей буржуазной оппозиціи такое высокое мѣсто, какое ему не отводили ни раньше, ни тѣмъ болѣе позже. Даже городскія управленія, о чемъ уже указывалось выше, правда, немногія и при томъ очень робко, такъ или иначе подались въ его сторону на первыхъ порахъ, оглушенныя грандіозностью движенія.

Въ торжественномъ открытомъ засѣданіи Московской Думы 18 октября, городскимъ головой былъ прочитанъ манифестъ и предложено чѣмъ-либо увѣковѣчить память этого дня.—За подписью 64 гласныхъ С. А. Муромцевъ подалъ заявленіе, въ которомъ Думѣ предлагалось, выслушавъ высочайшій манифестъ, этотъ актъ «проявленія высокой государственной мудрости»:

«1) почтить вставаніемъ память всѣхъ положившихъ свою жизнь на дѣло русскаго освобожденія (весь залъ подымается, исключая бр. Гучковыхъ, Казначеева и Шмакова); 2) признать безусловную необходимость полной амнистіи и отмѣны исключительныхъ положеній; 3) ознаменовать день мѣропріятіемъ широкаго свободнаго просвѣщенія народнаго и ассигновать суммы на помощь семьямъ бастовавшихъ рабочихъ».

Впечатлѣніе отъ побѣды народнаго движенія было такъ велико въ тотъ

моментъ, что противъ послѣднихъ двухъ пунктовъ—со стороны московскихъ гласныхъ, вовсе не отличавшихся либерализмомъ, почти не было возраженій. Первый же пунктъ, противъ котораго высказались лишь бр. Гучковы и еще трое, былъ принятъ 66 голосами противъ 20!

Нѣчто подобное можно было наблюдать и въ нѣкоторыхъ другихъ городскихъ управленіяхъ.—*Екатеринославская* Дума отслужила, напр., панихиду по русскимъ и евреямъ, павшимъ 11 окт. на баррикадахъ. *Нижегородская* Дума въ память 17 окт. ассигновала 100.000 р. на учрежденіе Народнаго Университета, предоставила народный домъ для митинговъ и потребовала удаленія казаковъ изъ города. Въ *Николаевѣ* депутаты отъ Гор. Думы вмѣстѣ съ народомъ требуютъ у градоначальника освобожденія политическихъ. 19 октября *Севастопольская* Дума на совмѣстномъ засѣданіи съ депутатами отъ народа постановляетъ требовать удаленія полицеймейстера, снятія военнаго положенія, освобожденія политическихъ, помилованія «потемкинцевъ» и проч...

Настроеніе радикальной интеллигенціи подъ вліяніемъ движенія достигаетъ къ этому времени наивысшей точки. Политически далеко обогнавшая массы того класса, который она должна была бы представлять и на который должна была бы опираться, она не представляетъ собой серьезной и самостоятельной силы и потому волей-неволей жмется къ пролетаріату, по необходимости, сообразуя всѣ свои дѣйствія съ дѣйствіями такихъ организацій, какъ с. д-скія или С. Р. Д., все же имѣвшія опору въ народныхъ массахъ.

Резолюція, вынесенная Центр. Бюро «Союза союзовъ» (въ Петербургѣ) еще въ ночь съ 17-го на 18 окт. не представляла собой какого-нибудь опредѣленнаго практическаго рѣшенія, а была скорѣе выраженіемъ лишь принципіальнаго отношенія къ манифесту.

— «Манифестъ 17 окт., давъ нѣкоторыя уступки народному движенію,—говорилось въ этой резолюціи,—не удовлетворяетъ указанныхъ (учред. с-нія по 4-хъ чл. формулѣ и т. д.) требованій»... Поэтому Союзъ союзовъ заявляетъ, «что онъ продолжаетъ оставаться на своемъ посту въ борьбѣ за демократическую платформу и будетъ считать свою миссію законченной лишь съ момента начала работъ правильно избраннаго учред. собранія».

Нѣкоторая часть интеллигенціи еще болѣе демократическаго состава, нежели Центр. Бюро «С. с.», была поднята въ это время до такого воодушевленія, что заговорила языкомъ, какимъ до тѣхъ поръ говорили только революціонно-соціалистическія партіи. Напр. собраніе педагоговъ московскихъ среднихъ школъ формулировало свое отношеніе къ манифесту резолюціей, въ которой признавалось, какъ средство борьбы за Учр. Собр., вооруженное возстаніе.

Учред. собраніе (въ большинствѣ случаевъ по 4-хъ чл. формулѣ), нѣтъ сомнѣнія, въ это время сдѣлалось общепризнаннымъ лозунгомъ для всей интеллигенціи. Даже учредительный съѣздъ конст.-дем. партіи, происходившій въ Москвѣ какъ разъ въ моментъ наивысшаго развитія движенія, опредѣляя свое отношеніе къ манифесту, заявлялъ, что единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія онъ считаетъ:

... «Немедленное осуществленіе обѣщанныхъ манифестомъ основныхъ правъ немедленную же отмѣну основныхъ законовъ.

«Немедленное введеніе избирательнаго закона на основаніи всеобщаго голосованія для непосредственнаго созыва, вмѣсто Гос. Думы по закону 6-го августа, *Учредительнаго Собранія* для составленія основного закона»... И т. д.

А—пока что—конст.-дем. оппозиція, эта правая часть демократической интеллигенціи, и примыкающая къ ней часть представителей земскаго либерализма—рѣшили *фактически* осуществлять всѣ обѣщанныя манифестомъ свободы.

Правда, хотя 4-хъ-членная формула здѣсь такъ и не была развернута, зато учред. с-ніе было названо уже своимъ собственнымъ именемъ. Поразительная картина движенія рабочаго класса, въ прошлыя времена никогда не вызывавшаго особенно горячаго признанія, въ данный моментъ и на эту среду не могла не оказать своего дѣйствія.

... «Въ эту великую историческую минуту—говорилъ на к.-д. съѣздѣ адвокатъ Мандельштамъ—поклянемся никогда не забывать той громадной роли, которую сыгралъ рабочій въ нашемъ общемъ дѣлѣ политическаго освобожденія. Будемъ помнить, что тамъ, гдѣ наше дѣло кончается,—дѣло пролетаріата только начинается»... И такъ или подобно этому говорилъ не одинъ только Мандельштамъ.

VIII.

Борьба за провозглашенныя свободы. Борьба рабочихъ съ хозяевами... 8-часовый рабочій день. Ноябрьская забастовка въ Петербургѣ. Мобилизація революціонныхъ силъ и начало изоляціи рабочаго класса. Совѣты Рабочихъ Депутатовъ—въ провинціи. Рость вліятельности и организованности пролетаріата.

Волна контрреволюціонныхъ погромовъ, прокатившаяся по Россіи, однако, почти нигдѣ, за немногими исключеніями, не остановила роста общественнаго движенія. Какъ только миновали первые моменты ужаса и растерянности, сначала въ рабочихъ массахъ, затѣмъ и въ другихъ слояхъ городского населенія, все снова ожило и зашевелилось. Первыми проявленіями этой жизни былъ цѣлый рядъ демонстрацій, происшедшихъ въ десяткахъ городовъ по случаю похоронъ жертвъ, павшихъ во время октябрьскихъ разстрѣловъ и погромовъ. Особенной грандіозностью и торжественностью отличались похороны с.-д. Баумана въ Москвѣ (20 окт.). Сколько десятковъ тысячъ народа участвовало въ этихъ похоронахъ, трудно сказать. Достаточно отмѣтить, что на демонстраціи было больше 150 вѣнковъ и болѣе 300 флаговъ и знаменъ. «Какъ велика была процессія можно было—писалъ корреспондентъ «Рус. Слова»—видѣть изъ того, что, чтобы пропустить ее отъ головы до конца, нужно было два часа времени»...

Кровавыя событія, происшедшія тотчасъ послѣ манифеста, сдѣлали яснымъ для всякаго, что хотя актъ 17 октября и объявлялъ свободы и реформы, но что эти провозглашенныя права надо было еще завоевать и закрѣпить за собой упорной борьбой. И эта борьба началась всюду и почти тотчасъ послѣ 17 октября. Всеобщая политическая стачка, объединившая всѣхъ на одной цѣли, прекратилась, но на мѣсто нея немедленно-же выступилъ цѣлый рядъ частныхъ стачекъ—за частные групповые интересы, борьба вокругъ которыхъ необходимо

должна была теперь сплетаться съ борьбой за осуществленіе объявленныхъ свободъ. Нападеніе на политическую власть, произведенное октябрьской забастовкой, осложнялось и отягчалось, так. образ., быть можетъ, еще болѣе тяжелой и упорной борьбой рабочихъ массъ за улучшеніе своего экономическаго положенія. На ряду и въ связи съ этимъ, практика захватнаго права снова и еще разъ была примѣнена, и примѣнена съ особенной энергіей и широтой. Формально опираясь на пункты манифеста и не дожидаясь законодательной санкціи ихъ, всюду самочинно стали осуществлять объявленныя свободы. Явочнымъ путемъ, безъ всякаго сношенія съ властями, устраивались сотни политическихъ собраній и митинговъ. Соціалистическія партіи выступили изъ подполья и стали дѣйствовать почти совершенно открыто. Основывались новыя партіи, организовывались и открывались политическіе клубы... Кипучая жизнь, выбитая изъ зданій учебныхъ заведеній, все еще закрытыхъ и охраняемыхъ, теперь больше не нуждалась въ нихъ, такъ какъ обходилась уже безъ прикрытія учебной «конституціей». Свобода печати—по крайней мѣрѣ въ столицахъ—подкрѣпленная постановленіемъ Совѣта Р. Д. и подъ давленіемъ союза рабочихъ печатнаго дѣла, сначала газетами, потомъ и книгоиздательствами, стала осуществляться такимъ-же явочнымъ порядкомъ.

— «Совѣтъ Раб. Д. постановляетъ, — говорилось въ резолюціи Совѣта, принятой по этому поводу 17 октября, - что только тѣ газеты могутъ выходить въ свѣтъ, редакторы которыхъ игнорируютъ цензурный комитетъ, не посылаютъ своихъ номеровъ въ цензуру, вообще поступаютъ такъ, какъ Сов. Деп. при изданіи своей газеты. Поэтому наборщики,... участвующіе въ выпускѣ газетъ, приступаютъ къ своей работѣ лишь при заявленіи и проведеніи редакторами свободы печати...» [1]). Подъ вліяніемъ народной побѣды и подъ такимъ давленіемъ С. Р. Д. и рабочихъ печатнаго дѣла, «Союзъ для защиты свободы печати», куда вошли даже «Нов. Время» и «Свѣтъ», вынесъ и осуществилъ рѣшеніе—выпускать всѣ газеты помимо цензуры. Такое-же рѣшеніе было принято 17 окт. и представителями московскихъ издательствъ. 22 октября петербургскія газеты вышли уже безъ цензуры.

Вся періодическая пресса заговорила сильнымъ открытымъ языкомъ, какимъ говорила до того лишь нелегальная печать.

Радикальная народническая газета «Сынъ Отечества» превратилась въ органъ партіи с.-р. 27 октября появился первый нумеръ с.-д. газеты «Новая Жизнь». Съ 13 ноября стала выходить газета «Начало», замѣнившая собою прекратившіеся заграницей «Искру» и «Соц.-демократа». Копѣечная «Русская Газета» сдѣлалась популярной с.-д. газетой для рабочихъ. Так. образомъ только въ одномъ Петербургѣ, въ теченіе какого-нибудь мѣсяца народилось *четыре* соціалистическихъ газеты, изъ которыхъ нѣкоторыя, не смотря на то, что распространеніе въ провинціи было парализовано непрекращавшимися ж.-д. стачками и препятствіями, чинимыми провинціальной администраціей, имѣли тиражъ въ 50 тысячъ и болѣе. Въ Москвѣ съ

---

[1]) „*Исторія Сов. Раб. Деп.*“ А. Симановскій. „Пролетаріатъ и борьба за свободу печати“.

ноября стали выходить также двѣ соц.-дем. газеты: «Борьба» и «Московская Газета».

Въ провинціи дѣло захвата свободы печати первоначально нѣсколько задерживалось сопротивленіемъ провинціальныхъ властей, иногда пользовавшихся для этого даже неутихшей еще погромной паникой. Одесскимъ газетамъ, напр., пришлось поневолѣ отказаться отъ полнаго и всесторонняго освѣщенія погрома. Газета «Южная Россія», издававшаяся въ Николаевѣ, заявляла о томъ же относительно николаевскаго погрома. Въ Бѣлостокѣ, пользуясь военнымъ положеніемъ, цензуровались даже агентскія телеграммы, и т. д. Однимъ словомъ, въ провинціи на первыхъ порахъ приходилось пользоваться полу-свободой и только мечтать о такой свободѣ, какой уже пользовались въ столицахъ. Только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ городахъ, напр., въ Самарѣ, гдѣ «Самарская Газета»— тотчасъ-же послѣ 17 октября преобразовалась въ органъ с.-д., цензурныя путы скидывались одновременно со столичной прессой. Позже, впрочемъ, примѣръ свободной печати въ столицахъ ослабилъ сопротивленіе мѣстныхъ властей и провинціальная пресса заговорила смѣлѣе. Однако, окончательно освободиться отъ цензуры многимъ провинціальнымъ городамъ удалось только почти въ самомъ концѣ «дней свободы», послѣ 24 ноября, т. е. послѣ опубликованія временныхъ правилъ о печати, какъ-бы то ни было, но уже формально отмѣняющихъ прежнюю цензуру...

Такъ еще въ тяжелой послѣпогромной атмосферѣ, но подъ напоромъ забившей ключемъ общественной и политической жизни—старой власти, какъ она ни добивалась этого, все же не удалось ограничиться лишь простыми бумажными обѣщаніями. Приходилось шагъ за шагомъ, но отступать. Правда, она отступала, упорно сопротивляясь, ограничивая, оговаривая и урѣзая все то, что только можно было урѣзать и ограничить. «Прямоты и искренности» въ утвержденіи реформъ и гарантій свободъ,—о чемъ такъ убѣдительно говорилось во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Витте,—разумѣется, не было и слѣда. Въ бюрократическихъ верхахъ, какъ все свидѣтельствовало о томъ, продолжали по старому господствовать два правительства: одно—тянулось къ реформамъ, другое—изо всѣхъ силъ отбивалось отъ нихъ. Въ результатѣ—вся правительственная политика «дней свободы» отмѣчена крайней шаткостью, неровностью, насквозь проникнута двойственностью, и производитъ впечатлѣніе сплошного расхожденія слова и дѣла.

Подъ напоромъ народныхъ требованій отъ 21 октября былъ объявленъ указъ объ амнистіи. Но даже это основное требованіе народа, быть можетъ, скорѣе всего прочаго способное успокоить страну, было осуществлено лишь наполовину. Указъ обошелъ амнистіей цѣлыя и довольно-широкія категоріи политическихъ заключенныхъ...

Между тѣмъ стачечная борьба безостановочно расширялась, охватывая одну отрасль труда за другой и скоро (въ ноябрѣ) превратилось въ такую-же забастовочную эпидемію, какъ это было и въ февралѣ-мартѣ этого года. Послѣ октябрьской побѣды, увѣренность въ своихъ силахъ возросла у рабочихъ, и каждая профессія стремилась воспользоваться «свободами» и вырвать у хозяина максимумъ уступокъ. Но октябрьско-ноябрьскія забастовки уже не были февральскими,

въ большинствѣ случаевъ еще стихійными забастовками. Почти всякой забастовкѣ теперь предшествовалъ рядъ предварительныхъ собраній; образовывались временные стачечные комитеты или кассы, а въ Петербургѣ, гдѣ уже имѣлся Раб. Совѣтъ (и тамъ, гдѣ впослѣдствіи образовались такіе Совѣты) стачками руководила, черезъ депутатовъ той или иной забастовавшей фабрики, эта общая рабочая организація. Въ стачкахъ участвовали теперь не только фабр.-зав. рабочіе, не только разнаго рода служащіе, но—и оффиціанты, и полотеры, и баньщики (Москва), и дворники, и ремесленники, и въ массѣ—учащіеся среднихъ школъ... Все шире развивалась при этомъ своеобразная форма борьбы—бойкотъ, до сихъ поръ, сравнительно, рѣдко практикуемая. Какъ необходимая часть того-же движенія, всюду и безпрерывно шли профессіонально-политическіе митинги, вплоть до митинговъ женской прислуги (Москва, Одесса и др.) и разросталась лихорадочно-спѣшная работа по организаціи профессіональныхъ союзовъ.

Общее стремленіе къ сокращенію рабочаго дня, скоро приняло конкретную форму борьбы за 8 час. раб. день. Рабочіе наиболѣе передовыхъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ (позже также частью въ Самарѣ, въ Сибири и др.) стали тѣмъ-же популярнымъ въ эти дни революціоннымъ путемъ вводить 8 час. рабочій день. Петерб. Сов. Р. Д. былъ скоро увлеченъ этимъ движеніемъ и 29 октября декретировалъ его, постановивши: «...всѣмъ оставшимся заводамъ и фабрикамъ съ 31 октября примкнуть къ борьбѣ за 8 час. раб. день, вводя его... революціоннымъ путемъ...» Послѣ такого рѣшенія къ началу ноября движеніе это охватило почти всѣ петербургскіе фабрики и заводы.

Такимъ образомъ была объявлена война и начались ожесточенныя схватки между рабочимъ классомъ и классомъ капиталистовъ въ то время, когда, какъ никакъ, до побѣды народа надъ полицейскимъ режимомъ было еще очень далеко.

А жизнь, между тѣмъ, не стояла на одномъ мѣстѣ, и положеніе было таково, что каждый день могъ явиться именно тѣмъ днемъ, который съ желѣзной необходимостью долженъ былъ бросить пролетаріатъ въ новую схватку со старымъ порядкомъ. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Не успѣла еще такъ или иначе окончиться борьба за 8 ч. раб. день, какъ внезапно разыгравшіяся событія въ Кронштадтѣ острымъ клиномъ врѣзались въ эту борьбу.

Въ *Кронштадтѣ*-же дѣло было такъ [1]). Вѣсть о манифестѣ, видимо, произвела возбуждающее дѣйствіе на войска, расположенныя въ этой крѣпости. 23 октября возлѣ манежа устроенъ былъ большой митингъ, въ которомъ участвовало до 1000 нижнихъ чиновъ, учащіеся и много всякой иной публики. 26 окт. подъ вліяніемъ тѣхъ-же слуховъ о свободѣ,—команда 2-го крѣпостного батальона устроила сходку, а затѣмъ стала демонстративно, какъ это дѣлали рабочіе при своихъ «съемкахъ», обходить сосѣднія казармы. При этомъ кричали: «ура, свобода!», «братцы, идите за нами»! и т. п. Часамъ къ 4-мъ виновники этого были арестованы, но при посадкѣ ихъ въ вагонъ для отправленія въ тюрьму, толпой нижнихъ чиновъ вмѣстѣ съ *частными лицами, сдѣлана была попытка отбить ихъ*, причемъ двоимъ изъ арестованныхъ уда-

[1]) Составлено по „Новой Жизни", № 5 1905 г., и „Праву, №№ 4 и 5-й 1906 г.

лось бѣжать. Конвоемъ произведено было по толпѣ три залпа, и были убитые и раненые. Эта стрѣльба послужила сигналомъ къ общимъ безпорядкамъ. Одна команда за другой быстро стали присоединяться къ возмущенію: самовольно покидали казармы, нерѣдко захватывая съ собой и оружіе. Участіе приняли и матросы и др. военныя части (преимущественно,—артиллеристы). Растерявшееся начальство побоялось выставить противъ взбунтовавшихся пѣхотныя части, такъ какъ и тамъ чувствовалось безпокойство. Безпорядки продолжались весь день и всю ночь и скоро приняли форму дикаго и пьянаго бунта. Сначала были разгромлены казенныя зданія и прежде всего Морское Собраніе. Потомъ солдаты и матросы, разгромивъ казенныя винныя лавки, перепились и, перепутавшись съ хулиганами, приступили къ разгрому и частныхъ зданій. Тѣ, кто былъ вооруженъ безпорядочно палили въ воздухъ. Позже—произведены были поджоги и начался пожаръ. Утромъ 27 октября, съ прибытіемъ войскъ изъ Петербурга бунтъ прекратился. Нѣсколько сотъ солдатъ и матросовъ было арестовано и, какъ утверждали газеты, преданы военно-полевому суду. Надъ этими сотнями, частью темныхъ, а большей частью совершенно случайно-захваченныхъ людей, вдругъ повисла смертная казнь.

На ряду съ этимъ событіемъ, 29 октября, въ отвѣтъ на такой-же, въ сущности, общественный подъемъ, какой наблюдался и во внутренней Россіи, вся Польша была объявлена на военномъ положеніи. Главной и дѣйствительной причиной этого правительственнаго акта послужило сильное движеніе польскаго народа къ завоеванію автономіи, что, однако, всѣми оффиціозными органами правительства было представлено тогда, какъ «посягательство на цѣлость государства». Польша, только-что прекратившая октябрьскую забастовку, вновь поднялась и протестовала новой всеобщей забастовкой.

1-го ноября состоялось собраніе Пет. С. Р. Д. Делегатами, пріѣхавшими изъ Польши, были разъяснены цѣли и характеръ борьбы польскаго народа. Кронштадтскій матросъ разсказалъ о событіяхъ въ Кронштадтѣ. Послѣ продолжительнаго обсужденія, и, принимая во вниманіе чрезвычайно боевое настроеніе рабочихъ, С. Р. Д. принялъ резолюцію о новой политической забастовкѣ, какъ протестѣ противъ преданія кронштадтскихъ матросовъ военно-полевому суду и противъ введенія въ Польшѣ военнаго положенія.

Согласно этому постановленію, съ 12 ч. дня въ Петербургѣ остановились всѣ крупные заводы и многія фабрики. За ними скоро стали и мелкіе. Въ тотъ же день прекратилось движеніе на Варшавской и Балтійской ж.-д. 4-го ноября—на Николаевской, Финляндской и Московско-Виндаво-Рыбинской. 6-го—на Сестрорѣцкой [1]). Забастовка сдѣлалась всеобщей и была даже болѣе дружной въ Петербургѣ, чѣмъ октябрьская. Къ 7 ноября—въ день ея прекращенія—по свѣдѣніямъ фабричной инспекціи—еще бастовало 104.597 чел. въ 452 заведеніяхъ [2]).

Такъ была объявлена, такъ наз., *вторая* общеполитическая забастовка. Это была, какъ показывалъ и самый текстъ резолюціи С. Р. Д., забастовка-демонстрація собственно лишь города Петербурга, но, разумѣется, надѣялись, что къ ней, быть можетъ, присоединятся и др. города и еще болѣе усилятъ ея

[1]) *С. Прокоповичъ.* Декабрьское возстаніе. „Безъ заглавія“ № 2, 1906 г.

[2]) 74 заведенія съ 14635 рабочими уже приступили къ работѣ („С. От.“).

значеніе. Этого, однако, не случилось, но не столько потому, что такой забастовкѣ не сочувствовали рабочіе др. мѣстъ, сколько потому, что она вспыхнула и прошла какъ-то очень внезапно. Что касается Польши, то она какъ разъ къ началу петербургской забастовки заканчивала свою собственную и, разумѣется, утомленные рабочіе не въ состояніи были начать ее (уже въ третій разъ) снова. Только рабочіе Ревеля да Рыбинска, успѣли присоединиться къ петербургской забастовкѣ, при чемъ рыбинскіе рабочіе, забастовавъ, 4 ноября послали Пет. С. Р. Д. телеграмму: «ждемъ указаній», а 7-го, по телеграммѣ-же отъ С. Р. Д., прекратили забастовку.

Въ не-рабочихъ кругахъ ноябрьская забастовка, въ большинствѣ случаевъ, не встрѣтила сочувствія. Представители промышленности, раздраженные борьбой за 8 ч. раб. день, заняли ко времени ноябрьскаго выступленія уже ярко-враждебную позицію. Не сочувствовала забастовкѣ въ значительной своей части и либерально-радикальная интеллигенція, для которой борьба, въ такихъ рѣшительныхъ формахъ, какъ въ октябрѣ, казалась теперь уже излишней, и центръ ея вниманія, если и не былъ еще передвинутъ, то уже передвигался на предстоящіе выборы въ Гос. Думу, хотя самое существованіе Думы было, пока что, при тогдашнемъ неустойчивомъ положеніи, весьма проблематичнымъ.

Когда Петерб. бюро «Союза Союзовъ» собралось, ему пришлось считаться уже съ совершившимся фактомъ—съ призывомъ къ забастовкѣ, даннымъ С. Р. Д. На этомъ засѣданіи (2 ноября) представители всѣхъ союзовъ, кромѣ одного, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, высказались, однако же, за забастовку. Но въ общемъ рѣшеніе это, особенно въ отдѣльныхъ союзахъ, прошло очень слабо. 4 ноября митингъ учителей среднихъ школъ «по педагогическимъ соображеніямъ» высказался противъ забастовки, рѣшивъ ограничиться выраженіемъ сочувствія и передачей въ пользу забастовщиковъ трехдневной заработной платы. У адвокатовъ вопросъ о забастовкѣ обсуждался цѣлыхъ два раза, пока не оказалось, что рѣшать его уже поздно... и т. п. Крѣпче другихъ бастовали наиболѣе демократическіе союзы (фармацевты, напр.,)

Правительство въ лицѣ Витте попыталось было обратиться къ рабочимъ съ воззваніемъ, начинавшимся такими словами: «Братцы-рабочіе! Станьте на работу, бросьте смуту, пожалѣйте вашихъ женъ и дѣтей. Не слушайте дурныхъ совѣтовъ»... и т. д. На это увѣщаніе С. Р. Д. отвѣтилъ резолюціей:... «пролетаріи ни въ какомъ родствѣ съ гр. Витте не состоятъ»... И кратко разобравъ правительственную политику, заявлялъ, что главнымъ требованіемъ рабочихъ остается «народное правительство, на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія [1])»...

Съ 4 ноября среди забастовщиковъ стала обнаруживаться уже нѣкоторая усталость. 5 ноября была опубликована правительственная телеграмма, которой объявлялось, что кронштадтскіе матросы предаются не военно-полевому суду, а военно-окружному. Въ тотъ-же день С. Р. Д. принялъ резолюцію, въ которой говорилось между прочимъ:

«...С. Р. Д., считая необходимымъ беречь силы рабочихъ для рѣшитель-

[1]) „Изв. С. Р. Д." № 6.

наго сраженія, постановляетъ: прекратить стачечную манифестацію въ понедѣльникъ 7-го ноября въ 12 ч. дня»...

Забастовка прекратилась. И хотя эта ноябрьская демонстрація ограничилась однимъ Петербургомъ, но она все же отчасти достигла той цѣли, къ которой, объявляя ее, стремился Совѣтъ... Это скоро подтвердили событія.

Но борьба петербургскихъ рабочихъ на этомъ не кончилась. Политическую забастовку тотчасъ-же смѣнила незаконченная кампанія за захватное введеніе 8 ч. раб. дня. Однако, передъ рабочимъ классомъ теперь уже стоялъ не прежній капиталистъ, занимавшій до того, въ нѣкоторомъ родѣ, дружественный нейтралитетъ или—какъ это было въ октябрѣ—даже подбодрявшій забастовщиковъ осторожными намеками, что забастовочные дни будутъ оплачены и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствительно оплатившій эти дни въ той или иной мѣрѣ. Противъ рабочаго стоялъ теперь раздраженный, озлобленный собственникъ, затронутый за наиболѣе чувствительное мѣсто и увидѣвшій вдругъ въ рабочемъ своего самаго опаснаго врага. На борьбу за 8 ч. раб. день петербургскіе капиталисты, безъ колебаній, отвѣтили организаціей союза для борьбы съ рабочими и массовымъ разсчетомъ. Бюрократія, чутко слѣдившая въ это время за измѣняющимся положеніемъ вещей, въ такомъ боевомъ настроеніи представителей промышленности тотчасъ же учуяла нарожденіе важнаго и полезнаго для нея факта, и первая открыла походъ, объявивъ казенные заводы закрытыми. Десятки фабрикъ были закрыты, десятки тысячъ петербургскихъ рабочихъ оказались выброшенными на улицу. Узелъ борьбы затягивался все туже. Недавно еще тянувшіяся за рабочимъ классомъ группы населенія начинали сторониться его, а новые союзники, особенно крестьянскія массы, на которыхъ по мѣрѣ постепеннаго изолированія пролетаріата, все больше сосредоточивались надежды революціонной интеллигенціи, хотя, какъ будто, и подвигались въ его сторону, но подвигались уже какъ-то очень медленно...

12 ноября, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, С. Р. Д. вынужденъ былъ принять слѣдующую резолюцію:

«Рѣшеніе С. Р. Д. ввести 8 ч. раб. день революціоннымъ путемъ встрѣтило упорное сопротивленіе объединенныхъ капиталистовъ»... Правительство же Витте, вступивъ на защиту капитала, обратило этотъ вопросъ въ вопросъ общегосударственный. Поэтому «петербургскіе рабочіе отдѣльно отъ рабочихъ всей страны не могутъ сейчасъ осуществить рѣшеніе совѣта. *Посему С. Р. Д. считаетъ необходимымъ временно пріостановить немедленное и повсемѣстное захватное введеніе 8 ч. раб. дня*»... Для... «рѣшенія этой задачи необходима всероссійская организація пролетаріата»... [1]).

Завязавшаяся и все расширяющаяся борьба на два фронта острѣе прежняго поставила вопросъ объ организаціи и уже объ организаціи всероссійскаго Сов. Раб. Деп., для чего думали воспользоваться предполагавшимся въ ближайшемъ будущемъ въ Москвѣ полу-профессіональнымъ съѣздомъ рабочихъ организацій. Кромѣ того, Исполнительный Комитетъ Совѣта командировалъ по провинціальнымъ городамъ двоихъ изъ своей среды для пропаганды за повсемѣст-

[1]) „*Исторія С. Р. Д.*“. Очеркъ Хрусталева, стр. 134.

ную организацію такихъ же совѣтовъ, какъ въ Петербургѣ. Одновременно съ этимъ, Петерб. Совѣтъ, обращавшійся, так. образомъ, въ центральную организацію рабочаго класса, не переставая пополнялся делегатами другихъ, примыкающихъ къ нему, организацій. Къ нему примкнулъ,—и прислалъ своихъ делегатовъ—жел.-дор. союзъ, сначала ближе стоявшій къ Союзу Союзовъ. Послѣ ноябрьской забастовки и делегаты «Союза союзовъ» вступили въ него съ совѣщательнымъ голосомъ. Крестьянскій союзъ (черезъ пріѣзжавшихъ делегатовъ) завязалъ съ нимъ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія. Но въ то же время правый флангъ демократіи—особенно начинающія какъ разъ въ то время складываться организаціи конституціоналистовъ-демократовъ—отходилъ отъ него все дальше и особенно въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ уже вступалъ въ прямую борьбу съ его вліяніемъ.

15 ноября—какъ разъ въ разгаръ солдатскихъ движеній—вспыхнула громадная и замѣчательная по единодушію всероссійская почтово-телеграфная забастовка. Ожидалась она еще со времени манифеста. Основной причиной движенія было тяжкое экономическое положеніе служащихъ и особо тяжелое правовое положеніе ихъ, какъ правительственныхъ чиновниковъ. 15-го, въ тотъ же день—въ Москвѣ открылся «первый всероссійскій делегатскій съѣздъ почт.-тел. работниковъ». Главнымъ поводомъ объявленія забастовки послужили циркуляры Севастьянова и Дурново, воспрещавшіе почт.-тел. служащимъ, какъ чиновникамъ, какую-либо организацію, и начавшіеся въ это время аресты и увольненія. Стачка началась раньше, чѣмъ съѣздъ успѣлъ принять какое-либо рѣшеніе, вспыхнувъ въ Иркутскѣ и Томскѣ изъ-за ареста делегатовъ. Тогда съѣздъ немедленно объявилъ всеобщую забастовку. И желѣзная проволока, соединявшая десятки тысячъ почт.-тел. служащихъ въ одно живое тѣло, мгновенно,—въ тотъ же день оповѣстила объ этомъ рѣшеніи сотни городовъ и мѣстечекъ на тысячи верстъ кругомъ. Значительная часть почт.-тел. учрежденій перестала функціонировать въ тотъ же день. Другія примкнули 16—17 ноября. Забастовка эта, вызвавшая къ себѣ всеобщее сочувствіе и помощь, была тѣмъ болѣе удивительной, что пробужденіе сознанія, цѣлое перерожденіе въ средѣ почт.-тел. арміи служащихъ, не смѣвшихъ мѣсяца два тому назадъ произнести слова, произошло буквально на глазахъ у всѣхъ—уже послѣ 17 октября. Съѣздъ, продолжавшій засѣдать, въ своей резолюціи отъ 22 ноября подчеркнулъ, что требованія, выставленныя имъ, «общія съ требованіями всего борющагося раб. класса въ Россіи», что почт.-тел. работники «лишь часть рабочаго класса страны» и потому постановлялъ: «примкнуть къ общерусской организаціи трудящагося класса, объединеннаго въ настоящее время въ Пет. С. Р. Д. и въ его мѣстные отдѣлы»... [1]).

Такъ С. Р. Д., отталкиваясь все дальше отъ буржуазіи и правыхъ фланговъ демократіи, все ближе притягивалъ ея лѣвые фланги и вслѣдъ за жел.-дор. линіями начиналъ овладѣвать линіями телеграфа и почтой.

Въ это же самое время, во всемъ присматриваясь къ Пет. Сов. Р. Д. и подражая его дѣятельности, стали выростать такіе же совѣты и въ друг. городахъ.

---

[1]) „Начало“ № 9, 1905.

Сначала, въ октябрьскіе дни, какъ уже отмѣчалось, революція направляла всѣ свои усилія на городскія самоуправленія. Сознательно или безсознательно пролетаріатъ и радикально-настроенная часть городскаго населенія, сосредоточивъ кампанію вокругъ городскихъ управленій, стремились увлечь буржуазію (или ея часть) на путь самочинныхъ захватовъ или на путь муниципальной революціи. Но сдѣлать это, въ большинствѣ случаевъ, не удалось. Буржуазія оказывалась политически слишкомъ отсталой и малосильной и отваживалась только, да и то не вездѣ, на посылку правительству оппозиціонныхъ телеграммъ и резолюцій. Злободневный вопросъ того времени, вопросъ о милиціи, во многихъ городахъ въ первые дни поставленный-было гор. думами на очередь, вскорѣ былъ или отложенъ или намѣренно забытъ, или превращался въ вопросъ—о ночныхъ сторожахъ и даже въ вопросъ объ усиленіи полиціи (Екатеринославъ, Кострома и друг.). Только въ рѣдкихъ городахъ были образованы и кое-какъ еще функціонировали такъ-наз. «Комитеты общественной безопасности» (Самара, Харьковъ, Одесса и друг.; въ Иркутскѣ—«Торгово-промышленный союзъ»), которые иногда—вольно и невольно, но оказывали революціи нѣкоторыя услуги. Роль же милиціи чаще всего пришлось брать на себя, конечно, плохо-вооруженнымъ отрядамъ рабочихъ, или «самооборонамъ» и «боевымъ дружинамъ», организованнымъ соціалистическими партіями и учащейся молодежью. Гор. управленія—и то очень рѣдкія—осмѣливались оказывать имъ развѣ только нѣкоторую матеріальную помощь.

Цѣль обратить городскіе муниципалитеты въ опорные пункты для революціоннаго самоуправленія, такимъ образомъ, не была достигнута. И движеніе пошло по другому пути—въ сторону организаціи самостоятельныхъ пролетарскихъ самоуправленій. Но какъ только такія организаціи укрѣплялись, передъ ними тотчасъ же и вновь выростала та же самая задача—задача завладѣнія городскимъ управленіемъ. Поэтому не только октябрь, но ноябрь и декабрь отмѣчены попытками народнаго движенія въ самыхъ различныхъ мѣстахъ и при каждой вспышкѣ, такъ или иначе, но совершить эту муниципальную революцію. Впрочемъ, рабочіе совѣты, если не считать Петербурга, въ это время только еще начинаютъ складываться. Въ провинціи, въ большинствѣ случаевъ, они складывались по петербургскому-же типу...

Въ *Москвѣ* велась ожесточенная борьба между с.-д. и радикально-либеральными элементами изъ ж.-д. союза, господствовавшими въ то время въ московскомъ Стачечномъ Комитетѣ. Скоро с.-д. потребовали роспуска этого комитета, такъ какъ въ немъ было урѣзано представительство пролетаріата, и подняли агитацію за организацію такого же совѣта, какъ въ Петербургѣ (2 ноября). Въ зародышѣ совѣтская организація здѣсь существовала уже съ октября мѣсяца. Поэтому, подъ вліяніемъ петербургскаго примѣра, работа быстро пошла впередъ. Но организація общаго совѣта происходила здѣсь въ обратномъ порядкѣ по сравненію съ Петербургомъ: сначала организовались порайонные отдѣлы, а затѣмъ уже общій совѣтъ. 22 ноября состоялось первое собраніе С. Р. Д., на которомъ присутствовало 180 депутатовъ, представлявшихъ 80.000 рабочихъ [1]). Въ *Ро-*

[1]) „Русское Слово", „Московская Газета" 1905 г.

стовѣ-на-Дону С. Р. Д. организуется въ началѣ ноября. Удачно проведенная имъ общая двухдневная забастовка (9—10 ноября) въ защиту избитыхъ казаками работницъ,—сразу же укрѣпляетъ его положеніе и дѣлаетъ популярнымъ [1]). Въ *Кіевѣ* первое засѣданіе С. Р. Д. происходитъ 6 ноября. На собраніи присутствуютъ делегаты отъ 10 заводовъ и партійные (с.-д.) работники. 24 ноября происходитъ организаціонное совѣщаніе *Одесскаго* С. Р. Д. Дѣлаетъ докладъ пріѣхавшій представитель Пет. С. Р. Д. 28 ноября устраивается учредительное собраніе совѣта. Присутствуетъ до 2.000 чел. [2]). Въ серединѣ ноября организуется С. Р. Д. въ *Костромѣ*. 20 ноября вырабатывается уставъ. Присутствуютъ 150 представителей отъ фабрикъ и профессіональныхъ союзовъ. Къ 27 ноября С. Р. Д. г. Костромы объединяетъ уже всѣ фабрики [3]). Въ *Николаевѣ* С. Р. Д. организуется также въ концѣ ноября. Начинаетъ свои дѣйствія кампаніей вокругъ вопроса о муниципальной помощи безработнымъ. Главная революціонная его дѣятельность относится къ декабрю. Въ концѣ же ноября образовался *Самарскій* С. Р. Д. На собраніи 4 декабря присутствовали 41 представитель.

Кромѣ указанныхъ выше, можно перечислить еще слѣдующія мѣстности, гдѣ были образованы такіе же совѣты: въ *Ревелѣ*, въ *Баку* (дек.), въ *Сормовѣ* (возлѣ Нижняго), на *Воткинскомъ* заводѣ (Пермь), въ *Новороссійскѣ* (дек.), въ *Екатеринославѣ* (въ окт.—делегатское собраніе, въ дек.—«боевой статечный комитетъ»), въ *Саратовѣ* (дек.), въ *Смоленскѣ* (?), въ *Кременчугѣ* (дек.), въ *Бѣлостокѣ* (дек.), *Таганрогѣ* (дек.), *Юзовкѣ*, *Маріуполѣ*, *Твери* и др.

Въ иныхъ мѣстахъ такія же организаціи дѣйствовали, или подъ другими названіями, или, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, принимали нѣсколько своеобразныя формы. Такъ, напр., въ *Красноярскѣ* въ декабрѣ, подъ вліяніемъ сильнаго солдатскаго движенія, образованъ былъ «Объединенный совѣтъ депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ». Въ *Читѣ*—«Совѣтъ солдатскихъ и казацкихъ депутатовъ Р. С. Д. Р. П.» (22 ноября). Въ *Иркутскѣ* въ началѣ декабря дѣйствуетъ «Сов. депутатовъ рабочихъ и служащихъ управленія, депо и ст. «Иркутскъ» Забайк. ж. д.». Въ друг. мѣстахъ роль совѣтовъ выполняли «Стачечные комитеты», «Делегатскія собранія» и т. п. На *Кавказѣ* и *Польшѣ* совѣты замѣняли соціалистическими организаціями (на Кавказѣ исключительно с.-д.). Въ *Западномъ Краѣ*, вмѣсто совѣтовъ, съ успѣхомъ дѣйствовали «объединенныя» организаціи с.-д.

Къ этому же времени—т. е. ко второй половинѣ ноября—относятся и нѣкоторые крупные факты движенія, характеризующіе значительный ростъ организованности и вліянія рабочаго класса.

Въ концѣ ноября весь Кавказъ снова былъ охваченъ тревогой надвигающейся татаро-армянской рѣзни. Началось съ *Елисаветполя*, гдѣ съ 18 ноября нѣсколько дней безъ перерыва, продолжался чрезвычайно ожесточенный междоусобный погромъ (до сотни жертвъ). Если бы не усилія рабочихъ, организовав-

---

[1]) „Донская Рѣчь" ноябрь, 1905 г. „Отклики Современника" № 3, В. С. „Декабрьскіе дни въ Ростовѣ".

[2]) „Одесскія Новости", 1905 г. „Коммерческая Россія", 1905 г.

[3]) „Сѣверный Край" (Ярославль), 1905 г.

шихъ дружину, какъ передавали, рѣзня была бы еще страшнѣе. Вліяніе елисаветпольскихъ событій прежде всего отразилось на *Тифлисѣ* [1]). Тамъ усиленно стали циркулировать провокаціонные слухи, и страсти разгорались. 22 ноября вспыхнула, наконецъ, первая перестрѣлка между армянами и татарами. На слѣдующій день рабочіе, подъ руководствомъ с.-д. организаціи, въ количествѣ тысячъ до 20 съ цѣлью умиротворенія устроили грандіозное шествіе по городу съ бѣлыми флагами. Однако, и послѣ этого, столкновенія продолжались. Изъ окрестностей толпами приходили въ городъ татары. Въ такомъ критическомъ положеніи и, подъ давленіемъ взволнованнаго общественнаго мнѣнія, тифлисская администрація вынуждена была обратиться за содѣйствіемъ къ наиболѣе авторитетной среди населенія с.-д. организаціи. Намѣстникъ пригласилъ къ себѣ популярнаго въ Тифлисѣ с.-д. *И. Рамишвили* («Старика», какъ его называли рабочіе), будущаго члена 1-й Г. Думы, и, послѣ переговоровъ, согласился выдать, подъ его слово, въ распоряженіе с.-д. организаціи 2.000 берданокъ и боевые патроны. Это распоряженіе, однако, чрезвычайно оскорбило и возмутило тифлисское офицерство. Тотчасъ же началась черносотенная контрагитація (даже прокламаціи къ солдатамъ) [2]) и въ результатѣ с.-д. удалось получить только 500 ружей и то плохихъ. Съ 25 по 29-е городъ охраняется вооруженными патрулями рабочихъ. Скоро, однако, враждебное настроеніе и враждебныя дѣйствія войскъ и всяческое вмѣшательство и провокація со стороны недовольныхъ, заставили с.-д. не желавшихъ брать на себя отвѣтственность, отказаться отъ охраны и, согласно данному слову, 29 ноября сдать оружіе обратно. А уже на слѣдующій день—30 ноября—снова горѣли подожженныя армянскія зданія.

Въ *Баку* 26 ноября раздались первыя провокаторскіе выстрѣлы. 27-го всѣ съ трепетомъ ожидали начала рѣзни. Но по примѣру Тифлиса, Объединенный Исполнительный Комитетъ бакинскаго к-та с.-д. р.-п. и союза бакинскихъ рабочихъ на этотъ разъ рѣшилъ активно вмѣшаться въ татарско-армянскую распрю. И вотъ, 27 ноября на улицахъ города появилась десятитысячная процессія рабочихъ съ бѣлыми флагами. Рабочіе обошли мусульманскую и армянскую части города, говорили рѣчи и вездѣ раздавали успокоительныя воззванія на обоихъ языкахъ. Это вмѣшательство рабочаго класса произвело огромное впечатлѣніе на населеніе. Оно предупредило уже назрѣвавшій погромъ и въ то же время послужило могучимъ толчкомъ для сближенія различныхъ національностей и для политическаго просвѣщенія мусульманъ. Въ тотъ же самый день на митингѣ, устроенномъ татарской буржуазіей, была вынесена политическая резолюція, въ которой, послѣ ряда политическихъ требованій (всеобщ. изб. право и т. п.), говорилось, между прочимъ:

«Узнавъ, что р. с. д. р. п. идетъ шествіемъ въ городъ съ бѣлыми знаменами съ цѣлью примиренія армянъ и мусульманъ»..., собраніе постановляетъ «единогласно провозгласить»: «да здравствуетъ рабочая организація»; встрѣтить аплодисментами появленіе рабочихъ въ мусульманской части; избрать особую

---

[1]) „Возрожденіе", 1905 г., „Тифлисскій Раб. Листокъ", 1905 г., „Новое Обозрѣніе" и др.

[2]) См. ст. *К. Пономарева* „Кавказскій пролетаріатъ и армяно-татарская рѣзня", „Образ." № 3, 1906 г.

депутацію съ цѣлью привѣтствія рабочихъ и предложить с. д. п. взять на себя миссію не только примирителей, но и безпристрастныхъ судей по поводу случившагося 26 ноября [1]).

IX.

Деревня въ ноябрѣ во внутреннихъ (русскихъ) губерніяхъ. Деревня на окраинахъ. Крестьянскій съѣздъ. Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Правительство Витте и общество. Ноябрьскія военныя волненія.

Къ ноябрю мѣсяцу всѣ газеты заполнились сообщеніями объ аграрныхъ безпорядкахъ. Къ осени, особенно благодаря неурожаю въ 25 губерніяхъ, уже заранѣе ждали возобновленія такихъ-же безпорядковъ, какіе происходили весной и лѣтомъ этого года. Главной причиной и этихъ безпорядковъ, являлись, так. образ., малоземелье и «недородъ», какъ писали, превосходившій мѣстами по своей жестокости неурожай 1891—92 г.г. Возымѣли свое дѣйствіе, разумѣется, и тѣ слухи, какіе проникали въ деревню о городскомъ движеніи и о манифестѣ. Особенно ж.-д. забастовка производила на крестьянъ сильное впечатлѣніе. Но хотя городъ и занималъ теперь въ движеніи деревни значительно большее мѣсто, чѣмъ раньше, но все-же аграрные безпорядки конца 1905 г. *качественно* не отличались отъ весеннихъ безпорядковъ этого года.

Волненія среди крестьянъ начались, приблизительно, съ середины октября и безпорядки сразу-же вспыхнули въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Въ ноябрѣ они обратились уже въ массовое движеніе, «охватившее больше 160 уѣздовъ Европ. Россіи, не считая Кавказа, Прибалтійскихъ губ. и Польши» [2]). Повторилась, въ сущности, старая картина, которая наблюдалась не разъ и до того, но только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ.

Крестьяне толпами подступали къ помѣщичьимъ экономіямъ, разбирали, увозили хлѣбъ и проч., а постройки нерѣдко сжигали. Вреда личности почти никогда не наносили, ибо не столько питали вражду къ отдѣльнымъ лицамъ, сколько стремились лишь во что бы-то ни стало *выжить* помѣщиковъ [3]). Испуганные помѣщики побросали свои гнѣзда и сотнями, въ паникѣ, бѣжали въ городъ, откуда безъ устали бомбардировали центральную власть просьбами— о принятіи крутыхъ мѣръ.

«За короткое время было сожжено и «разобрано» и вообще уничтожено свыше 2.000 усадебъ, при чемъ убытки помѣщиковъ только по десяти наиболѣе затронутымъ губерніямъ опредѣляются, по официальнымъ даннымъ въ *29 милліоновъ рублей*» [4]).

Районъ этого осенняго крестьянскаго движенія былъ въ три раза болѣе района весенняго движенія.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) *П. Масловъ* Агр. вопросъ, т. II, стр. 233.

[3]) См. ст. *Коновалова* „Совр. міръ“ февр. 1909 г. „Въ деревнѣ“ (изъ Саратовской губ.).

[4]) *П. Масловъ*. Агр. вопр., т. II, стр. 254.

Какого-либо политическаго цѣлесообразнаго характера движеніе это—*въ общемъ* и *цѣломъ*—не имѣло, какъ и раньше. Крестьянская *масса*, хотя уже съ большимъ вниманіемъ прислушивалась къ шуму города, но какъ и прежде, всецѣло занята была своей земельной нуждой, плохо еще связывая ее съ политическими вопросами.

П. Масловъ отмѣчаетъ въ своей книгѣ цѣлый рядъ мѣстностей (Херсонская губ., Нижегородская, Московская, Ярославская, Костромская, Петербургская, Саратовская, Смоленская и др., особенно-же Донская Область), гдѣ велась политическая пропаганда и гдѣ устраивались даже митинги. Но насколько широко и глубоко прививалась въ *массахъ* крестьянства—крестьянства *русскихъ губерній*—политическая сторона агитаціи, это, конечно, большой вопросъ. Въ той-же книгѣ П. Масловъ разсказываетъ, напр., о томъ, какъ свобода въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ толковалась крестьянами, какъ «свобода» въ теченіе извѣстнаго времени громить помѣщиковъ. Еврейскіе безпорядки въ городахъ и слухи о нихъ, безъ сомнѣнія, нерѣдко служили для деревни толчкомъ къ разгрому помѣщичьихъ имѣній. «Погромная форма—«разборка» помѣщичьихъ экономій—пишетъ С. Прокоповичъ въ общемъ очеркѣ о *центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ* [1])—находится въ несомнѣнной связи съ погромами послѣ 17 октября; связь эту констатируютъ корреспонденты Рыльскаго, Суджанскаго, Кромского и Кирсановскаго уѣзд.». Въ Псковской губ. манифестъ о свободахъ произвелъ, напр., на крестьянъ въ первое время даже непріятное впечатлѣніе...—«Все про свободы какія-то, говорили разочарованно крестьяне, чтобы, значитъ, жидъ, или тамъ татаринъ могъ молиться свободно... Мы думали намъ земли прибавятъ, а тутъ на поди!» Правда, крестьянскія массы уже съ большей охотой посѣщаютъ митинги, и жадно слушаютъ революціонныхъ ораторовъ... С.-д. и с.-р. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Сарат. губ., Малороссія и т. п. [2])—особенно нѣсколько позже—начинаютъ пользоваться большой популярностью. Крестьянская бѣднота и молодежь, которая, главнымъ образомъ, участвуетъ въ движеніи, въ массѣ тянется за ними. Но это тяготѣніе къ революціоннымъ партіямъ никакъ еще нельзя назвать сознательнымъ и тѣмъ болѣе устойчивымъ и нигдѣ оно не выливается въ прочныя организаціонныя формы. Во многихъ мѣстностяхъ, между прочимъ, наблюдался фактъ сильнаго вліянія на движеніе манджурскихъ солдатъ, возвратившихся къ этому времени на родину. Движеніе сопровождалось во многихъ случаяхъ усиленной смѣной неугодныхъ крестьянамъ сельскихъ властей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разгромомъ казенныхъ винныхъ лавокъ и отказами отъ уплаты повинностей.

Правительство отвѣтило на этотъ крестьянскій бунтъ командировкой въ Саратовскую, Тамбовскую и Черниговскую губ. трехъ генералъ-адъютантовъ съ чрезвычайными полномочіями. Съ этого момента, поддерживаемая и поощряемая крѣпнущей реакціей въ средѣ землевладѣльцевъ, начинается жестокая расправа надъ повинными и неповинными крестьянами. Порка до полусмерти и до смерти—и послѣ манифеста 17 окт.—дѣлается наиболѣе распространенною формой

---

[1]) *Труды Вольно-экономическаго общества* № 3 за 1908 г. стр. 48.

[2]) Мы пока оставляемъ въ сторонѣ окраины.

крестьянскаго усмиренія. Крестьяне, разумѣется, оказываются безсильны предпринять какое-либо коллективное сопротивленіе этимъ репрессіямъ. За нихъ отвѣчаетъ партія с.-р. и убиваетъ одного изъ ген.-адъютантовъ, Сахарова.

О крестьянскомъ движеніи на Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ и Польшѣ приходится говорить совершенно особо. Въ зависимости отъ особеннаго положенія крестьянства въ этихъ мѣстностяхъ и движеніе здѣсь принимаетъ совершенно иной характеръ. Во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ движеніе крестьянъ хотя и развивалось *на ряду* съ городскимъ, но въ сущности (исключая пригородныя деревни) непосредственно слабо было связано съ городомъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ и на Кавказѣ (въ Польшѣ—слабѣе) оно было тѣснѣйшимъ образомъ сплетено съ движеніемъ городского пролетаріата. Въ Прибалтійскомъ краѣ, при этомъ, сельское движеніе было преимущественно батрацкимъ, т. е. движеніемъ собственно сельскохозяйственнаго пролетаріата. Поэтому формы такъ наз. аграрнаго движенія здѣсь неизмѣримо выше тѣхъ формъ, въ какія выливалось крестьянское движеніе во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ.

Тотъ почти всеобщій порывъ къ завладѣнію городскимъ самоуправленіемъ, который можно было наблюдать въ разгаръ октябрьскаго движенія въ десяткахъ городовъ, на Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ и частью въ Польшѣ обнаружился въ болѣе или менѣе однородной формѣ и въ сельскихъ мѣстностяхъ. Правда, и въ русской деревнѣ кое-гдѣ какъ будто начиналось нѣчто подобное въ видѣ переизбранія сельскихъ властей, но здѣсь это совсѣмъ не имѣло того характера, какъ на окраинахъ, и, главное, не связывалось съ общероссійскимъ освободительнымъ движеніемъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ пригородныхъ селахъ (напр. вблизи Самары, возлѣ Саратова) можно было наблюдать отдѣльныя попытки того-же, что сдѣлалось въ это время *общимъ* явленіемъ на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ «Самарской газетѣ», напр. (за ноябрь), приведенъ любопытнѣйшій и детально разработанный уставъ своего рода деревенской «республики» въ с. «Старомъ Буянѣ». Впрочемъ, для внутренней сельской Россіи такіе случаи были исключеніемъ. Иное дѣло на окраинахъ...

Съ 15-го октября Гурія, напр., была совершенно оторвана отъ всего міра. «Мосты взорваны. Телеграфные столбы срѣзаны. Рельсы сняты. Что дѣлалось въ сердцѣ революціоннаго движенія Зап. Кавказа—никому не было извѣстно» [1]). Происходили постоянныя столкновенія вооруженныхъ крестьянъ съ казаками. Крестьяне отражали нападенія войскъ, сами нападали на военные посты, отбирали у солдатъ оружіе, захватывали плѣнныхъ. 19 октября въ мѣст. *Наскирали* гурійцы устроили засаду на сотню пластуновъ, выступившихъ изъ Озургетъ для усмиренія. Больше десяти пластуновъ было убито, шесть чел. уведено въ плѣнъ, остальные бѣжали обратно въ Озургеты. Въ то же время повсюду въ сельскихъ мѣстечкахъ и въ нѣкоторыхъ городахъ всѣмъ властямъ и правительственнымъ учрежденіямъ объявлялся бойкотъ и производились революціонные выборы новыхъ властей. Обезпокоенныя власти Кавказа послали въ Озургеты либеральнаго кутаисскаго вице-губернатора. Чтобы попасть ему въ Гурію, пришлось отдаться подъ охрану революціонныхъ дружинъ, которыя разрѣшили дать

---

[1]) *Шахназарянъ*. Крестьянское движеніе въ Грузіи. Стр. 102.

ему поѣздъ и все время охраняли неприкосновенность правительственнаго посланника. Представители гурійцевъ (с.-д.) заявили въ отвѣтъ на переданныя имъ вице-губернаторомъ требованія слѣдующее:—что явятся на жеребьевку въ томъ случаѣ, если составъ мѣстной полиціи къ этому времени будетъ удаленъ; что народъ готовъ снять бойкотъ съ полицейскихъ и судебныхъ учрежденій, но въ такомъ смыслѣ, что всякій желающій, если захочетъ, *можетъ* обращаться къ нимъ; народъ оставляетъ выборныхъ сельскихъ старшинъ и сельскихъ судей, но предоставляетъ право каждому желающему обращаться и къ правительственнымъ судьямъ; на счетъ дезертировъ ничего не могутъ сказать и т. д. Кромѣ того, требуютъ немедленнаго вывода пластуновъ.

Это движеніе къ революціонному захвату власти безостановочно расширяется. 17 ноября въ *Сухумѣ*, напр., происходитъ *дѣловая* забастовка: народъ ловитъ воровъ! Судъ составлялся изъ выборныхъ гражданъ. Въ м. *Гудаутахъ* администрація фактически перестаетъ существовать. Народъ выбираетъ для завѣдыванія текущими дѣлами сотскихъ и десятскихъ. Всѣми дѣлами завѣдуетъ избранная населеніемъ комиссія; судебныя функціи въ ея же рукахъ. Ею ведется обычное слѣдствіе, а резолюція утверждается народнымъ собраніемъ на открытомъ воздухѣ.

Это движеніе особенно усиливается къ концу ноября и въ декабрѣ.

— «Въ концѣ ноября было рѣшено провести начала самоуправленія и въ мѣстномъ административномъ центрѣ, г. Озургетахъ. Небольшой гарнизонъ, оставленный тамъ властями послѣ отозванія пластуновъ, и мѣстная полиція не имѣли для гурійцевъ никакого значенія. И вотъ въ одинъ прекрасный день въ городъ прибыла масса крестьянъ и рабочихъ изъ окружающихъ селеній. Въ центрѣ города, на Майданѣ, жители его вмѣстѣ съ пришедшими устроили громадное собраніе, на которомъ, послѣ обсужденія, было рѣшено смѣстить служащихъ по городскому управленію и избрать новыхъ лицъ. Правомъ голосованія пользовались всѣ присутствовавшіе взрослые граждане, безъ различія пола, религіи и національности; голосовали даже тѣ, кто прибылъ въ Озургеты всего лишь нѣсколько дней тому назадъ. Выбраннымъ лицамъ даны были надлежащія указанія или инструкціи по разнымъ отраслямъ городскаго хозяйства, и собраніе съ пѣніемъ пѣсенъ мирно разошлось. Этимъ было закончено демократическое устройство мѣстнаго самоуправленія Гуріи» [1]).

Въ сельскихъ мѣстностяхъ *Прибалтійскаго края* движеніе, послѣ 17 октября, носитъ почти совершенно такой-же характеръ, какъ и въ городахъ. Надо имѣть въ виду, что т. наз. крестьянское движеніе въ этомъ краѣ централизовалось, главнымъ образомъ, вокругъ небольшихъ уѣздныхъ городовъ (Тукумъ, Газенпотъ, Гольдингенъ и др.) или же въ самихъ этихъ городкахъ. Окружные крестьяне находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ этими центрами и съ революціонными организаціями (исключительно, какъ и на Кавказѣ, с.-д.), находившимися тамъ. Послѣ объявленія манифеста, въ цѣломъ рядѣ сельскихъ мѣстечекъ и уѣздныхъ городовъ произошли обычныя революціонныя демонстра-

---

[1]) *П. Масловъ.* Агр. вопр. т. II, стр. 440.

ціи и митинги, привлекшіе массы окрестныхъ крестьянъ, съ флагами, пѣніемъ и даже съ музыкой.

20 октября крестьянскій митингъ въ м. *Натауренъ* вынесъ слѣдующую резолюцію: 1) отказаться отъ содержанія и исправленія шоссейныхъ и др. дорогъ, пока дорожная повинность не будетъ распространена также на помѣщиковъ; 2) отказаться отъ уплаты аренды помѣщикамъ; 3) воспрепятствовать дальнѣйшей рубкѣ помѣщичьихъ лѣсовъ до окончательнаго рѣшенія вопроса о передачѣ ихъ волостнымъ обществамъ; 4) съ 23 октября закрыть въ краѣ всѣ корчмы и казенныя винныя лавки до передачи права содержанія ихъ волостнымъ обществамъ; 5) объявить бойкотъ современнымъ судамъ въ краѣ; 6) не допускать преподаванія въ школахъ на русскомъ языкѣ; 7) объявить бойкотъ всѣмъ сельскимъ пасторамъ; 8) считать всякаго нарушившаго эти постановленія врагомъ народа [1]).

3 ноября въ *Ригѣ* состоялось собраніе волостныхъ старшинъ, ихъ помощниковъ и писарей Рижскаго у., созванное губернаторомъ. Это собраніе пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: немедленно переизбрать всѣхъ должностныхъ лицъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права; вступать въ должность, не дожидаясь утвержденія, всѣ дѣла вести на латышскомъ яз.; уничтожить мѣстную полицію и патронатъ; ввести на латышскомъ яз. преподаваніе; подати налагать по доходамъ (и съ владѣтелей имѣній); отмѣнить паспортную систему; всѣ винныя лавки закрыть; отмѣнить всѣ церковныя повинности; снять военное положеніе и усиленныя охраны; ввести широкое самоуправленіе, а до реформы, немедленно созвать учр. собраніе по 4-хъ чл. формулѣ.

Но наибольшее вліяніе на движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ оказали два съѣзда, состоявшіеся въ это время въ Ригѣ: съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ (19 ноября) и съѣздъ народныхъ учителей (10 ноября).

На учительскій съѣздъ съѣхалось со всего края больше 1000 народныхъ учителей. При обсужденіи политической программы, всѣ противъ 7 голосовъ, высказались за с.-д. программу. На съѣздѣ было рѣшено преобразовать современную школу въ свободное, демократическое учрежденіе. Разъѣхавшіеся со съѣзда по всему краю народные учителя разумѣется широко разнесли среди крестьянъ демократическія и с.-д. идеи. Другому съѣзду—представителей отъ волостей или съѣзду крестьянскихъ депутатовъ—пришлось претерпѣть много затрудненій, пока, наконецъ, удалось собраться—но не во дворцѣ, какъ предложилъ имъ губернаторъ, желавшій сдѣлать съѣздъ оффиціальнымъ, а въ латышскомъ общественномъ собраніи. На этомъ съѣздѣ было рѣшено: немедленно приступить къ революціонному переустройству крестьянскаго самоуправленія. Въ избирательныхъ волостныхъ сходахъ постановлено участвовать всѣмъ совершеннолѣтнимъ (20 л.), какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Должны были быть выбраны распорядительные волостные комитеты, которымъ поручалось: уволить и выслать всѣхъ пасторовъ; принять отъ старыхъ волостныхъ правленій общественныя суммы и имущество; ввести прогрессивный подоходный налогъ; во-

---

[1]) *П. Масловъ.* Агр. вопр. т. II, приложеніе стр. 60.

лостные комитеты не должны были имѣть никакихъ сношеній съ правительственными властями, не исполнять ихъ распоряженій, и т. д. [1]).

«Въ болѣе чѣмъ 200 волостяхъ были смѣщены старыя власти и выбраны распорядительные комитеты, уволены пасторы, урядники, уѣздные начальники... Были во многихъ мѣстахъ также конфискованы помѣщичьи имѣнья, образованы правильные отряды, правда, весьма плохо вооруженной милиціи, въ школахъ введены новыя программы преподаванія. Во многихъ мѣстахъ новый порядокъ продержался около 2-хъ мѣсяцевъ, мѣстами же всего не болѣе одного». «Суды были переизбраны на демократическихъ началахъ... Самыя важныя дѣла рѣшались общими собраніями... Въ имѣньяхъ, покинутыхъ владѣльцами-баронами, общія волостныя собранія выбирали особыхъ управляющихъ, наблюдавшихъ за раціональнымъ веденіемъ хозяйства и исправной уплатой жалованья батракамъ и служащимъ»... Позже, въ виду реакціонности дворянства, народъ сталъ конфисковать и продавать съ аукціона имѣнья [2]).

Одновременно съ этимъ и въ Ригѣ—въ этомъ центрѣ края—подготовлялось въ сущности такое же самое движеніе, только направленное на городское самоуправленіе. Еще въ началѣ ноября рижскіе купцы, домовладѣльцы, представители кредитныхъ учрежденій и т. п. (преимущественно латыши) протестовали въ телеграмѣ къ Витте противъ гор. самоуправленія, заполненнаго нѣмецкими реакціонерами, и требовали «замѣны... городской думы и гор. управы *другими*, выбранными на основѣ всеобщаго избир. права» [3]). Съ каждымъ днемъ все ожесточеннѣе разгоралась вражда между революціонно-настроенными латышскими массами и консервативнымъ, тянущимся за баронами нѣмецкимъ населеніемъ края.

Вскорѣ, какъ это было и на Кавказѣ—на почвѣ движенія къ революціонному захвату самоуправленія—въ различныхъ мѣстахъ начались столкновенія съ войсками. Уже 4 ноября въ *Ленневарденъ* (Лифляндія) произошло серьезное дѣло съ драгунами. Сотни вооруженныхъ крестьянъ окружили скрывшійся въ усадьбѣ драгунскій отрядъ, арестовавшій нѣсколькихъ членовъ волостного комитета и, послѣ перестрѣлки, заставили освободить всѣхъ арестованныхъ. 14 ноября произошла перестрѣлка съ казаками вблизи Риги. 16 ноября то же самое въ *Тужумѣ*. 18 ноября замокъ братьевъ Адеркасъ, служившихъ казачьими офицерами, былъ окруженъ вооруженными крестьянами, причемъ при перестрѣлкѣ оба брата были убиты, а замокъ сожженъ. 18-го въ *Шрунденѣ* драгуны отступили подъ сильнымъ огнемъ революціонеровъ. 19-го—перестрѣлка у *Нейгофскаго* волостного правленія. 20 ноября—произошла извѣстная въ краѣ «Газенпотская мобилизація». Полицеймейстеръ г. *Газенпота* (вблизи Либавы) вознамѣрился выслать изъ города нѣсколькихъ «неблагонадежныхъ» лицъ. С.-д. организація призвала, по этому поводу, окрестное населеніе къ протесту. «Со всѣхъ сторонъ къ городу стали стекаться толпы вооруженныхъ крестьянъ... Большія продолговатыя крестьянскія телѣги были биткомъ набиты вооружен-

---

[1]) *П. Масловъ*. Агр. вопр. т. II Приложеніе. „Рижск. Вѣд.“ за ноябрь 1905 г.

[2]) Тамъ же стр., 67.

[3]) „Рижскія Вѣд.“ *ноябрь* 1905 г.

ными людьми. Всю ночь по дорогамъ, ведущимъ къ городу, тянулись непрерывныя вереницы подводъ, изъ которыхъ торчали блестящіе стволы ружей и раздавались революціонныя пѣсни... Тянулись толпы пѣшеходовъ, вооруженныхъ чѣмъ попало... На другое утро городъ оказался занятымъ 30.000 вооруженнымъ отрядомъ крестьянъ» [1]) и оказался, такимъ образомъ, въ рукахъ народа. И только послѣ того, какъ полицмейстеръ согласился на всѣ народныя требованія, ополченіе было распущено.

Въ то самое время, какъ въ городахъ происходила усиленная мобилизація пролетаріата, а крестьянство внутреннихъ русскихъ губерній бунтовало, окраины же охвачены были уже самымъ подлиннымъ революціоннымъ движеніемъ, во многомъ напоминавшемъ движеніе Франціи 1789 г., въ это время въ центрѣ Россіи—въ Москвѣ—общее вниманіе привлечено было двумя съѣздами: *съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей* и *съѣздомъ Всероссійскаго крестьянскаго союза*. Оба съѣзда открылись въ одинъ и тотъ же день: 6 ноября.

Правительство Витте, все ожесточеннѣе осаждаемое поднимающей голову дворянской реакціей, усиленно, даже лихорадочно начинаетъ какъ-разъ въ это время искать поддержки въ общественныхъ классахъ. Почти всѣ министры стараго режима были замѣнены уже новыми, но изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей въ новый кабинетъ никто не вступилъ. Между тѣмъ, Витте не разъ обращался къ нѣкоторымъ либеральнымъ представителямъ (Д. Н. Шипову, кн. Трубецкому и др.) съ предложеніемъ министерскихъ портфелей, но подъ вліяніемъ ли высоко-взмывшаго движенія, или подъ вліяніемъ неувѣренности въ прочность самого Витте, вынужденнаго, поэтому, постоянно вести двойственную политическую игру, никто изъ нихъ не рѣшался принять его приглашенія. Классъ промышленной буржуазіи, въ которомъ Витте, разумѣется, очень хотѣлъ бы найти необходимую для себя опору, представлялъ собою въ то время, какъ мы уже говорили, еще столь мало развитый политически классъ, что не могъ стать этой опорой и даже не имѣлъ своей собственной интеллигенціи.

При такихъ условіяхъ, естественно, правительству Витте не оставалось ничего иного, какъ искать себѣ поддержки въ средѣ той земской и городской интеллигенціи, (хотя эта среда въ сущности не опиралась еще ни на одинъ изъ основныхъ классовъ общества), которую въ общемъ представлялъ собой съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей. Это положеніе правительства и непосредственное обращеніе Витте къ съѣзду и опредѣлило, главнымъ образомъ, содержаніе дебатовъ. Центромъ обсужденія на съѣздѣ сдѣлался поэтому вопросъ—объ отношеніи къ существующему правительству: оказать или не оказать поддержку правительству Витте?

И, казалось бы, почва для такого соглашенія, была хорошо подготовлена. Страхъ передъ революціей и особенно передъ все растущими крестьянскими безпорядками сказался въ настроеніи этого съѣзда уже съ чрезвычайной рельефностью, Въ рѣчахъ нѣкоторыхъ земскихъ представителей на тему—о грядущей пугачев-

---

[1]) *П. Масловъ*, т. II. Приложеніе, стр. 67.

шинѣ, о революціи, переходящей въ анархію, объ отмежеваніи отъ крайнихъ партій, явно чувствовалось уже, что традиціонный земскій либерализмъ получилъ гдѣ-то—среди шума революціи—еще мало замѣтную, но глубокую и непоправимую трещину. Требованіе учредительнаго собранія, являвшееся, т. сказ. всеобщимъ лозунгомъ въ періодъ октябрьскаго движенія, теперь было отвергнуто большинствомъ съѣзда, и вмѣсто него провозглашено народное представительство съ учредительными функціями, «для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи россійской имперіи». Но несмотря на такое настроеніе большинства, сила и вліяніе революціи, дискредитировавшей старое правительство, было все-же еще такъ велико, что вопреки многочисленнымъ и авторитетнымъ голосамъ за поддержку (кн. Е. Трубецкой, А. Стаховичъ, М. Стаховичъ, Кузьминъ-Караваевъ кн. П. Долгоруковъ и др.), съѣздъ не рѣшился связать себя съ правительствомъ Витте. Принята была *условная* резолюція, проектъ которой прочитанъ былъ П. Милюковымъ и въ которой говорилось, между прочимъ,—что «министерство можетъ разсчитывать на содѣйствіе и поддержку широкихъ слоевъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, *поскольку* оно будетъ проводить конституціонныя начала манифеста правильно и послѣдовательно».

На ряду съ земскимъ съѣздомъ, засѣдалъ и крестьянскій съѣздъ (6—10 ноября), отъ котораго уже революціонная Россія ожидала узнать, что представляетъ собой это все растущее аграрное движеніе, чего желаетъ, къ чему стремится и что *можетъ* многомилліонное русское крестьянство,—не говоря—ожидала узнать то, отъ чего, въ сущности, зависѣла вся судьба революціи. И этотъ «съѣздъ всероссійскаго крестьянскаго союза», послѣ долгихъ, бурныхъ обсужденій, дѣйствительно, вынесъ рядъ рѣшительно-демократическихъ и ярко-революціонныхъ резолюцій [1]).

Судя по этимъ резолюціямъ, можно было подумать, что русская деревня, до сихъ поръ такъ или иначе служившая опорой старому порядку и источникомъ его физической силы, наконецъ, окажется въ единодушномъ согласіи съ городомъ, по крайней мѣрѣ, подобно тому, какъ это уже было на окраинахъ. Дѣйствительность, однако, далеко была не такова. Ноябрьскій съѣздъ въ общемъ мало чѣмъ отличался отъ іюль-августовскаго учредительнаго съѣзда. Да и за два мѣсяца съ тѣхъ поръ, не смотря на разгорѣвшееся аграрное движеніе и на городскую революцію, крестьянская масса, хотя и подвинулась впередъ, но, разумѣется, не могла переродиться. Впереди всего и заслоняя все собой передъ этой массой вставала *земля* и только въ небольшихъ группахъ крестьянства она начинала связываться съ *волей*. 150 делегатовъ съѣзда, частью интеллигентовъ, изъ 23 губерній [2]) (въ авг.—изъ 22-хъ губ.), разумѣется, представляли собой, какъ и въ августѣ, настроеніе лишь незначительной части крестьянства. «Всероссійскій крестьянскій съѣздъ,—писалъ В. Громанъ [3]),—представляетъ изъ себя *зародышъ организаціи революціоннаго крестьянства*». Но именно—только зародышъ. Вотъ почему вліяніе этого союза на крестьянское движеніе русскихъ губерній имѣло совсѣмъ ничтожные результаты. Бунтарское аграрное движеніе

[1]) См. ст. *Горна* о крестьянскомъ движеніи.

[2]) *„Матеріалы по крестьянскому вопросу“*. 1905 г.

[3]) Тамъ же.

продолжало идти своимъ особымъ русломъ, *несвязанное* съ городскимъ, и далеко было отъ тѣхъ дѣйствительно революціонныхъ формъ, какія это движеніе приняло на Кавказѣ и Прибалтійскомъ краѣ.

Но какъ бы то ни было, на-ряду съ движеніемъ города и это аграрное движеніе,—въ какихъ формахъ, все равно,—являлось серьезной опасностью для стараго порядка, особенно, если принять во вниманіе, что, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ, оно, безъ сомнѣнія, могло сыграть значительную роль въ дѣлѣ дезорганизаціи послѣдняго и важнѣйшаго устоя стараго порядка—арміи. А эта дезорганизація и какъ-разъ въ это время шла быстрымъ шагомъ впередъ.

Послѣ 17 октября въ свободныхъ газетахъ все чаще стали появляться письма отъ нижнихъ чиновъ, а иногда и отъ офицеровъ, излагающія разныя солдатскія нужды и даже задѣвающія иногда вопросы объ отношеніи арміи къ политикѣ. Военное начальство было сильно обезпокоено этимъ. Во многихъ мѣстахъ появились приказы, запрещавшіе или указывавшіе на недопустимость обращеній чиновъ арміи къ свободной прессѣ. Но письма продолжали сыпаться. Въ то же время на митингахъ во многихъ случаяхъ и все чаще стали появляться нижніе чины. Армія подъ вліяніемъ только-что перенесенной неудачной войны и подъ вліяніемъ развертывающагося народнаго движенія,шагъ за шагомъ начинала острѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовать тягость своего положенія, и въ желѣзной военной дисциплинѣ то здѣсь, то тамъ появлялись надломы...

Ноябрьскій протестъ рабочаго Петербурга упалъ, поэтому, на чрезвычайно благодарную почву. Именно въ ноябрѣ, и надо полагать, въ значительной степени благодаря этому протесту, движеніе въ воинскихъ частяхъ приняло широкіе размѣры. Этотъ моментъ—приблизительно середина ноября,—быть можетъ, былъ самымъ опаснымъ моментомъ для старой власти за все время русской революціи!

Какъ на одно изъ первыхъ и непосредственныхъ откликовъ на демонстративное выступленіе петербургскихъ рабочихъ можно указать на волненіе электротехнической роты въ Петербургѣ. 14 ноября рота и нестроевая команда самовольно собрались въ ротномъ помѣщеніи, пригласили начальника и предъявили ему 31 пунктъ требованій. Требованія эти очень характерны и фигурируютъ почти всюду, гдѣ позже происходятъ движенія нижнихъ чиновъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ требованій: человѣческое обращеніе на «вы»; *сокращеніе срока службы*; свободное увольненіе со двора; свободный допускъ книгъ въ казармы; допускъ въ библіотеки общественныя и частныя; *немедленное увольненіе въ запасъ всѣхъ выслужившихъ установленный срокъ*; *улучшеніе пищи;* уничтоженіе обысковъ; удаленіе работъ для полицейскихъ надобностей; свобода собраній въ казармахъ; веденіе ротнаго хозяйства самой ротой, и т. д. (подчеркнутые пункты особенно часто встрѣчались).

Въ Петербургѣ, гдѣ всѣ остальныя войска были сравнительно спокойны, съ электротехниками поступили быстро, рѣшительно и круто: 144 нижнихъ чина были арестованы и заключены въ Петропавловскую крѣпость.

Но къ этому времени уже со всѣхъ концовъ Россіи начинаютъ приходить

извѣстія о военныхъ безпорядкахъ такого же или иного рода. Къ 14—15 ноября развертываются грандіозныя событія въ *Севастополѣ*, которыя на нѣкоторое время сосредоточиваютъ вокругъ себя всеобщее вниманіе.

Среди севастопольскихъ матросовъ имѣлась старая революціонная (с.-д.) организація, и среди матроскихъ массъ не забылись еще знаменитые «потемкинскіе дни», о которыхъ, кромѣ того, каждодневно напоминали не-освобожденные и послѣ манифеста «потемкинцы», заключенные на «Прутѣ». «Дни свободы» въ Севастополѣ, гдѣ городъ нѣкоторое время находился въ рукахъ «народныхъ депутатовъ», или милиціи [1]), произвели на матросскую массу большое впечатлѣніе. Съ начала ноября матросы самовольно начинаютъ посѣщать запретные для нихъ народные митинги. Съ 9—10 ноября—подъ вліяніемъ с.-д. агитаціи—среди нихъ образуется *совѣтъ выборныхъ депутатовъ*, составленный изъ выборныхъ отъ ротъ. 10 и 11 ноября передъ экипажемъ уже идутъ громадные митинги. 11-го происходитъ событіе, которое ставитъ все движеніе уже на опредѣленно-революціонный путь. При посѣщеніи адмираломъ Писаревскимъ и кап. Штейномъ боевой роты и послѣ отданнаго имъ приказа въ случаѣ чего стрѣлять по ослушавшимся матросамъ—матросъ Петровъ (с.-д.) выстрѣломъ изъ винтовки убиваетъ обоихъ офицеровъ. Сначала его арестуютъ, но, подъ вліяніемъ серьезнаго движенія среди матросовъ, принуждены освободить, послѣ чего онъ превращается въ революціоннаго командира боевой роты.

12 ноября на собраніе ротныхъ депутатовъ является депутація отъ портовыхъ рабочихъ и заявляетъ, что рабочіе, выражая солидарность, забастовали. Скоро останавливается движеніе и на ж. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поврежденъ путь. Для распоряженія всѣми дѣлами образуется комиссія изъ матросовъ, изъ депутатовъ крѣпостной артиллеріи, депутатовъ изъ нѣкоторыхъ ротъ Брестскаго полка, изъ депутатовъ портовыхъ рабочихъ и изъ нѣсколькихъ с.-д. Вся власть надъ городомъ переходитъ въ руки этой комиссіи. Въ то же время ведутся постоянныя сношенія съ пѣхотой и артиллеріей, которыхъ стараются склонить къ присоединенію. Многія пѣхотныя части даютъ обѣщаніе «не стрѣлять» и т. п., но открыто перейти на сторону матросовъ колеблются. Комиссіей на всякій случай рѣшено было отобрать ото всѣхъ орудій, какъ на береговыхъ батареяхъ, такъ и на судахъ, ударники и замки. Были разосланы для этого особые отряды, но сдѣлать это далеко не вездѣ удалось. Какъ говорили впослѣдствіи, это обстоятельство имѣло большое вліяніе на исходъ событій. Въ тотъ же день состоялся огромный митингъ (изъ матросовъ, солдатъ и публики), на который явился комендантъ крѣпости Неплюевъ и сталъ угрожать пулеметами. Въ отвѣтъ на эти угрозы, солдаты и матросы окружили коляску коменданта, объявили его арестованнымъ и отправили (вмѣстѣ съ сопровождавшимъ офицеромъ) въ флотскій экипажъ, гдѣ засѣдала комиссія. Но этотъ фактъ оказался пробнымъ камнемъ для настроенія пѣхотныхъ частей. Онъ обнаружилъ, что пѣхота оставалась еще вѣрна дисциплинѣ. Подъ вліяніемъ, надо полагать, увѣщеваній офицеровъ, среди солдатъ изъ-за этого ареста вспыхнуло замѣтное недовольство и возбужденіе. Въ

---

[1]) См. любопытныя воспоминанія кн. С. Д. Урусова „Вѣстникъ Европы“, № 2, 1909 г.

комиссію скоро явилась депутація отъ войсковыхъ частей и потребовала освобожденія коменданта. Матросамъ пришлось уступить.

Съ 13-го въ городѣ была уже всеобщая забастовка. Матросы въ «Комиссіи» настаиваютъ, по возможности, на мирныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что боевыхъ снарядовъ у возставшихъ почти не имѣлось. Въ этотъ день на судахъ были обезоружены и удалены офицеры и къ возстанію присоединились саперы, захватившіе съ собой оружіе. Но зато солдаты Брестскаго полка, пришедшіе было въ экипажъ, въ этотъ же день тайкомъ убѣжали оттуда. Цѣль «Комиссіи» заключалась въ томъ, чтобы присоединить флотъ и армію къ политической забастовкѣ рабочихъ и образовать революціонное самоуправленіе. Однако, и въ матросскихъ массахъ, какъ въ экипажѣ, такъ и на судахъ настроеніе далеко нельзя было назвать очень рѣшительнымъ. Ихъ дѣло—матросское дѣло—не сливалось у нихъ въ сознаніи съ общеполитическимъ движеніемъ. Поэтому къ «вольнымъ» они относились недовѣрчиво, ораторовъ принимали неохотно. Это особенно ярко выразилось въ томъ, какъ подъ вліяніемъ черносотенной агитаціи, съ «Потемкина» («Пантелеймонъ»), напр., являлась въ делегатскую комиссію депутація и заявляла, что матросы «Потемкина» со всѣми требованіями согласны, но «наша военная честь возмущается, что нами верховодятъ жидовки» (намекъ на женщинъ с.-д., входившихъ въ «Комиссію»). Требованія же, выработанныя «Комиссіей», были не только экономическія, но и политическія, какъ-то: амнистія, отмѣна смертной казни, снятіе военнаго положенія, созывъ учр. собр. и т. п. Принимая во вниманіе такое настроеніе матросовъ, часть с.-д., поэтому, удалилась изъ комиссіи. Можно судить, поэтому, какое огромное значеніе для возставшихъ имѣло (или могло имѣть) появленіе на митингахъ какъ-разъ въ этотъ день лейтенанта Шмидта, только что два дня тому назадъ освобожденнаго изъ тюрьмы («Три Святителя»). По характеру своему это былъ романтикъ-революціонеръ, какъ говорили нѣкоторые, даже не совсѣмъ психически-нормальный, но обладавшій большой рѣшимостью и энергіей. Арестованъ онъ былъ еще послѣ 20 октября, когда на похоронахъ жертвъ, павшихъ 18 октября, онъ сказалъ блестящую, воодушевленную рѣчь, которой и положилъ начало своей популярности. Въ лейт. Шмидтѣ матросы сразу почувствовали своего человѣка, признаннаго начальника. 13-го онъ вступилъ въ делегатскую комиссію, а съ утра 14-го принялся уже за энергичную дѣятельность, отправившись на суда.

15-го на «Очаковѣ», куда переѣхалъ Шмидтъ, было поднято красное знамя. «Потемкинъ», «Днѣстръ» и нѣк. др. суда отвѣтили ему тѣмъ же. Тогда Шмидтъ, пересѣлъ на миноносецъ и предпринялъ нѣчто вродѣ демонстративнаго объѣзда—смотра всѣхъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Сопровождаемый громомъ привѣтствій, онъ объѣхалъ всю эскадру; съ «Прута» освободилъ заключенныхъ «Потемкинцевъ» и взялъ ихъ на «Очаковъ».

Приблизительно въ то-же время Шмидтъ посылаетъ на имя государя телеграмму, въ которой, отъ имени «славнаго черноморскаго флота», требуетъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія и заявляетъ, что флотъ «перестаетъ повиноваться министрамъ» Подписано: «командующій флотомъ гражданинъ Шмидтъ». Кромѣ того, севастопольскому градоначальнику съ «Очакова» было отправлено имъ такое заявленіе: «Сообщаю вамъ, что у меня находится значитель-

ное число лицъ офицерскаго званія—арестованныхъ. Городской патруль сегодня арестовалъ моихъ трехъ гражданъ-матросовъ и, пока вы не вернете этихъ людей мнѣ, я не даю пищи арестованнымъ мною офицерамъ. Командующій флотомъ, гражданинъ Шмидтъ».

Но вся эта энергія Шмидта, въ сущности, ужъ не могла помочь дѣлу. Было поздно. Противъ вліянія, какое онъ имѣлъ (или могъ имѣть) на матросовъ и на солдатъ, со всѣхъ сторонъ подымалась и уже успѣла укрѣпиться контрагитація, а нелѣпые слухи, распускаемые черносотенцами (будто будутъ громить городъ, красный флагъ—это-де боевой флагъ, «жиды захватили ключи отъ церкви» и т. д.), терроризовали темную часть населенія и враждебно настраивали вѣрныхъ дисциплинѣ солдатъ. 15-го депутаты матросской комиссіи, объѣзжавшіе суда для переговоровъ и ареста офицеровъ, не вездѣ были приняты командами. Офицерское вліяніе на матросскія массы постепенно брало верхъ надъ вліяніемъ революціонныхъ матросовъ. Часа въ три дня (15-го) раздались первые орудійные выстрѣлы по судамъ, имѣвшимъ красные флаги и по шлюпкамъ съ матросскими депутатами. «Очаковъ» началъ, было, отвѣчать, а миноносецъ «Свирѣпый» пошелъ въ аттаку. Тогда съ батарей и съ нѣкоторыхъ судовъ (которымъ успѣли выдать ударники) по «Очакову» загремѣла ожесточенная канонада. Сопротивлялся одинъ «Очаковъ», но скоро на немъ начался пожаръ. Бросавшихся вплавь и спасавшихся на шлюпкахъ у береговъ безпощадно разстрѣливали. Много матросовъ,—какъ писали—такимъ образомъ, погибло. Шмидтъ, переодѣтый матросомъ, не успѣлъ бѣжать, былъ узнанъ и арестованъ (казненъ въ 1906 г.).

Въ то же время полевая батарея обстрѣливала флотскія казармы, откуда вначалѣ энергично отвѣчали изъ ружей и пулеметовъ. Городъ превратился въ адъ. Послѣ долгаго боя, къ утру 16-го, и флотскій экипажъ вынужденъ былъ сдаться, а казармы заняты были тѣмъ самымъ Брестскимъ полкомъ, который вначалѣ, какъ будто-бы, готовъ былъ присоединиться къ возстанію [1]). Возстаніе было подавлено, а крѣпость объявлена въ осадномъ положеніи.

Севастопольскія событія какъ вспыхнули внезапно, такъ же внезапно и прекратились. Только *Харьковъ* (вмѣстѣ съ нѣкоторыми др. мѣстами) успѣлъ поддержать Севастополь всеобщей политической забастовкой (15—21 н.). Бастовала также курско-харьковско-севастопольская дорога. Въ другихъ городахъ, уже только post factum былъ устроенъ по этому поводу рядъ митинговъ—протестовъ, или даже демонстрацій (Новороссійскъ).

Севастопольскія событія обратили особенное вниманіе какъ правительства, такъ и революціонеровъ на армію. Неудача возстанія, однако, все-же не остановила солдатскаго броженія. Безпорядки продолжались. И первое время—какъ будто, даже стремительно стали разростаться [2]).

---

[1]) „Начало", „Борьба", „Сынъ Отечества" за ноябрь 1905 г.

[2]) Кстати сказать: мы здѣсь не упоминаемъ о солдатскомъ возстаніи во *Владивостокѣ*, разразившемся еще до севастопольскихъ событій—въ октябрѣ и бывшемъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ возстаній этого рода. Начавшись бунтомъ, сильно напоминавшимъ кронштадтскіе безпорядки, оно затѣмъ приняло болѣе цѣлесообразныя формы. Городъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ былъ, въ сущности въ

Съ особенной силой во второй половинѣ ноября солдатское движеніе проявилось въ Кіевѣ (17 н.), Харьковѣ (23 н.) Екатеринодарѣ (20 н.), Пятигорскѣ (20 н.) и въ Ташкентѣ (въ половинѣ ноября).

Въ *Кіевѣ* [1]) безпорядки начали 2 роты 5-го понтоннаго батальона (саперы). Рядъ требованій, предъявленныхъ командиру, очень напоминаетъ требованія петербургскихъ электротехниковъ. Окруженные толпой народа, солдаты демонстративно, съ ружьями и музыкой, стали обходить другія воинскія части, приглашая присоединяться. Казаки попробовали было преградить дорогу, но скоро отступили. Часть артиллеристовъ присоединилась къ саперамъ. Скоро къ солдатамъ присоединились и рабочіе южно-русскаго завода, забастовавшіе по этому случаю. Но вотъ изъ казармъ Луцкаго полка, куда подошли демонстранты, по нимъ и по народу, ихъ окружившему, неожиданно былъ открытъ огонь. Саперы сначала отвѣчали. Но бросившаяся бѣжать въ паникѣ толпа народа помѣшала и увлекла ихъ съ собою. На мѣстѣ осталось нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ. 20 ноября Кіевъ былъ объявленъ на военномъ положеніи.

Харьковскія [2]) событія очень схожи съ кіевскими. Еще 17 ноября два батальона Богодуховскаго полка, въ вооруженіи, устроили демонстративный обходъ другихъ воинскихъ частей. Было предъявлено 31 требованіе (экон. и пол.). 23 ноября—движеніе выливается въ революціонную демонстрацію. Богодуховскій и Лебединскій полки—съ музыкой и красными флагами—проходятъ по городскимъ улицамъ. У паровозо-строительнаго завода рабочіе присоединяются къ демонстраціи. У вокзала къ нимъ примыкаютъ ж.-д. рабочіе. Пулеметы, выставленные на мосту, не производятъ на демонстрантовъ никакого дѣйствія. Только послѣ переговоровъ и обѣщаній, данныхъ ген. Моу, движеніе стихаетъ.

Въ *Екатеринодарѣ*,—какъ писали газеты—въ казармахъ Анопскаго рез. батальона сначала было устроено собраніе и выработаны обычныя требованія. До удовлетворенія этихъ требованій была объявлена забастовка. Офицеры были изгнаны и выбрано свое собственное начальство. У батальоннаго командира отобрано знамя, а затѣмъ—захваченъ арсеналъ.

Почти совершенно то же самое происходитъ и въ *Пятигорскѣ*. Нижніе чины Ахульгинскаго батальона устроили вмѣстѣ съ народомъ на площади митингъ. Къ нимъ присоединились артиллеристы. Выставленъ былъ рядъ требованій. У командира отнято знамя. Прибывшіе для усмиренія апшеронцы и ширванцы, разузнавъ въ чемъ дѣло, самовольно возвратились назадъ.

Въ *Ташкентѣ* солдатскіе безпорядки приняли еще болѣе серьезныя формы. Поводомъ послужило уменьшеніе довольствія. Въ отвѣтъ—ташкентскій резервн. *батальонъ*, находившійся въ крѣпости, объявилъ забастовку.

рукахъ возставшихъ и интеллигенціи, которой удалось встать во главѣ этого движенія. (См. интересную ст. М. Курджинскаго въ „Минувшихъ годахъ“ апрѣль—іюль 1908 г.). Но непосредственное вліяніе этого возстанія на общероссійское движеніе,—за его отдѣленностью и по др. причинамъ—было сравнительно незначительно.

[1]) „Новая Жизнь“ и др.

[2]) „Начало“ № 15 и др.

Забастовщики заперлись въ крѣпости. Крѣпость скоро была обложена и осаждена казаками и пѣхотой. Начиналась уже перестрѣлка. Но вотъ «стрѣлки», подойдя къ крѣпостнымъ стѣнамъ, объявили возставшимъ свое сочувствіе и просили, чтобы ихъ пропустили въ крѣпость. Подъ восторженные крики «ура» ворота были открыты. Но все это «сочувствіе» оказалось... просто военной уловкой. «Стрѣлки», попавъ въ крѣпость, врасплохъ произвели нападеніе на осажденныхъ, при чемъ было около 100 чел. ранено и убито. Эта исторія вызвала общій взрывъ негодованія. Общество потребовало удаленія временнаго ген.-губернатора Сахарова, а средне-азіатская жел. дор. протестовала всеобщей забастовкой.

Мы привели здѣсь только наиболѣе крупные факты. Но чтобы ясно себѣ представить насколько казалось тогда положеніе серьезнымъ, достаточно, перечислить, кромѣ того, менѣе значительные случаи солдатскихъ волненій, сдѣлавшихся, такъ или иначе, извѣстными печати. О такихъ волненіяхъ извѣщали: изъ *Ломжи, Ростова* Яросл. (15 н.), *Сухума* (17 н.), *Ур. Дашлагаръ* (Кавказъ), *Тифлиса* (14 н. и 21 н.) *Барановичей* и *Риги* (18 н.), *Воронежа* (18 н.—бунтъ дисципл. батальона), *Орла* (среди казаковъ), *Ставрополя, Пскова* (22 н.), *Минска* (22 н. дисципл. бат.) *Новороссійска* (начало дек.—пластуны), *Курска* (16 н.), *Петербурга* (24 н.—во флот. экип.), *Иркутска* (29 н.) *Москвы* (30 н.), *Бобруйска* (25 н.—дисципл. бат.) и еще изъ нѣкоторыхъ др. мѣстъ.

Несмотря на цѣлый рядъ тайныхъ и явныхъ циркуляровъ, поставившихъ армію подъ чрезвычайную охрану, въ солдатскія массы, такимъ образомъ, шагъ-за-шагомъ просачивался духъ освободительнаго движенія. Положеніе старой власти становилось съ каждымъ днемъ серьезнѣе. Медлить было невозможно. И колеблющаяся политика Витте неизбѣжно должна была смѣниться быстрой и рѣшительной политикой репрессій.

X.

Начало реакціи. «Финансовый манифестъ» и арестъ Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Декабрьская политическая забастовка: въ Петербургѣ, Москвѣ и въ городахъ внутренней Россіи.

Революція не стояла, да и не могла стоять на мѣстѣ. Она быстро шагала впередъ. Гр. Витте такъ и не нашелъ въ общественныхъ классахъ болѣе или менѣе солидной поддержки. Поддержка же *части* буржуазіи, кое-гдѣ выразившей ему «довѣріе» путемъ телеграммъ, очевидно, оказывалась невнушительной и ненадежной. Между тѣмъ, напоръ вліятельной землевладѣльческой реакціи съ каждымъ днемъ усиливался и крѣпъ. Правительство Витте, такъ. образомъ, все сильнѣй сжималось и слѣва и справа. Изъ-подъ ногъ дѣйствующей власти ускользала самая почва. Чтобы удержать эту почву, надо было рѣшительно двинуться или направо или налѣво,—промежуточное положеніе и медлительность означали для нея неминуемую гибель. Никакихъ средствъ борьбы съ революціей, кромѣ старыхъ средствъ подавленія, правительство, однако, не пріобрѣло и теперь

послѣ 17 октября. Послѣ нѣкоторой передышки, въ октябрѣ, по крайней мѣрѣ въ столицахъ, вновь на сцену появились—аресты, обыски, казацкіе разгоны и т. д. Послѣ окончанія крестьянскаго съѣзда были арестованы члены Центр. Бюро крестьянскаго союза. Произведены аресты и среди почтово-тел. чиновниковъ. Все чаще и все съ большей легкостью вводились военное и др. исключительныя положенія. Кое-гдѣ впервые начинаетъ подымать голову и «Союзъ Рус. Народа» (собранія въ Петербургѣ, отдѣлъ въ Ярославлѣ и т. д.).

Еще въ серединѣ ноября, когда передъ Пет. С. Р. Д.—по случаю локаута—снова всталъ вопросъ о всеобщей забастовкѣ, депутаты, понимая всю серьезность положенія, отвергли ее и съ большой осторожностью отвѣчали, что рабочіе «не примутъ сраженія въ тѣхъ невыгодныхъ условіяхъ, въ которыхъ хочетъ навязать имъ сраженіе правительство» [1]). Но правительство, внимательно учитывавшее быстро растущую изолированность пролетаріата, уже переходило въ наступленіе. Исторія въ Кушкѣ (гдѣ инженеръ Соколовъ былъ приговоренъ къ смертной казни за агитацію) чуть было не кинула пролетаріатъ вновь на всеобщую забастовку. Но на этотъ разъ еще оказалось достаточно одной угрозы стачкой и смертный приговоръ былъ отмѣненъ.

Но вотъ 22 ноября Исполнительный К-тъ С. Р. Д. вынесъ рѣшеніе, согласно которому, въ виду наступающаго правительственнаго банкротства, рабочему классу и всѣмъ бѣднымъ классамъ населенія предлагалось брать свои вклады изъ сберегательныхъ кассъ и требовать при всякихъ расплатахъ (въ томъ числѣ и при полученіи заработной платы) звонкой монеты [2]).

Какъ ни какъ, это былъ рискованный вызовъ въ то время, когда организаціонная мобилизація рабочихъ массъ и др. слоевъ населенія далеко еще была незакончена. Безъ сомнѣнія, это былъ ударъ, направленный въ самое чувствительное мѣсто стараго порядка, но еще въ то время, когда старый порядокъ *могъ* на такой ударъ отвѣтить ударомъ. И дѣйствительно, въ отвѣтъ на это 26 ноября былъ арестованъ Хрусталевъ—предсѣдатель С. Р. Д. А 27 ноября С. Р. Д. вынесъ по этому поводу резолюцію о подготовкѣ къ вооруж. возстанію. Такой отвѣтъ, правда, хотя и не былъ ударомъ на ударъ, но все же представлялъ собою открытое объявленіе войны. И, разумѣется, правительственныя власти хорошо поняли, что ждать дольше—значитъ дать время своему противнику вооружиться и укрѣпиться. Между тѣмъ, неожиданныя и все учащающіяся то здѣсь то тамъ нападенія реакціи, вызывая частичныя выступленія, и безъ того утомляли и ослабляли силы пролетаріата. Такъ, напр., какъ разъ въ это время (22 ноября), 24 ноября всеобщими забастовками отвѣтили на введеніе военнаго положенія въ Лифляндіи—Рига, Митава, прилегающіе къ нимъ жел. дороги и нѣкоторые др. города Прибалтійскаго края. Забастовка была очень дружной, продолжалась четыре дня и такъ напугала нѣмецкое дворянство, что оно, вмѣстѣ съ рижскимъ губернаторомъ и либеральнымъ купечествомъ, отправило Витте телеграмму съ просьбой объ отмѣнѣ военнаго положенія. Въ это же время въ Ригѣ съ особенной силой вспыхнула борьба вокругъ гор. думы—

---

[1]) *Хрусталевъ.* „Исторія Сов. Р. Д.“.

[2]) „Начало“ № 8, 1905 г.

за революціонное преобразованіе гор. самоуправленія на демократическихъ началахъ. Но какъ бы ни были успѣшны такія выступленія, они все же не могли не увеличивать утомленія среди рабочихъ.

И реакція двинулась скорымъ шагомъ. Положеніе Витте становилось шаткимъ. Общество не поддерживаетъ власть, но почему?—спрашивали «Моск. Вѣдомости». И повторяя «Пов. Вр.», отвѣчали: «Совершенно неестественно ожидать отъ общества вступленія въ эту борьбу съ цѣлью поддержанія Власти, въ то время, когда эта Власть *рѣшительно ничего не дѣлаетъ*, когда все болѣе и болѣе крѣпнетъ убѣжденіе, что бездѣйствіе это *совершенно сознательное и зрѣло обдуманное*» [1]). При этомъ реакція все настойчивѣе требовала военной диктатуры.

Оказавшись въ такомъ затруднительномъ положеніи, осторожный Витте заставилъ депутацію земскаго съѣзда прождать цѣлую недѣлю своего отвѣта на представленныя ею резолюціи. А когда положеніе выяснилось и выяснилось въ пользу реакціи, онъ коротко и вполнѣ опредѣленно заявилъ земцамъ, что вопросъ о поддержкѣ (о чемъ еще такъ недавно онъ самъ хлопоталъ) теперь не интересуетъ правительство. Никакихъ измѣненій до Думы—заявилъ онъ земцамъ—не можетъ быть произведено, исключительныя и чрезвычайныя положенія не будутъ отмѣнены. И какъ отнесется къ этому общественная оппозиція, это для него безразлично. Правительство только предупреждаетъ, что нежеланіе содѣйствовать ему... можетъ привести къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Въ этотъ же день—1-го декабря—въ Царскомъ Селѣ Государемъ была принята депутація: отъ «Союза русскихъ людей» (кн. Щербатовъ и др.), отъ «Монархической партіи» (ред-ръ «Моск. Вѣд.»—Грингмутъ и др.), отъ «Союза землевладѣльцевъ» (Чемодуровъ, Павловъ, Шараповъ, Булацель и др.) и т. п. «организацій». На просьбы депутаціи о созывѣ земскаго собора отъ сословныхъ учрежденій вмѣсто Думы Государь отвѣтилъ, что Манифестъ 17 октября есть его непреклонная воля...

Въ то же время обществу стала извѣстна телеграмма, разсылаемая всѣмъ начальникамъ полиціи и составленная на основаніи тайнаго циркуляра м-ра вн. дѣлъ. Эта телеграмма предлагала полиціи немедленно выяснить—«всѣхъ главарей, подстрекателей и руководителей политическаго и аграрнаго противоправительственнаго движенія и др. лицъ, фигурирующихъ въ видѣ делегатовъ, затѣмъ арестовать ихъ для заключенія въ мѣстную тюрьму для поступленія съ ними согласно указаній г. м-ра вн. дѣлъ» [2]).

Въ отвѣтъ на такой рѣшительный напоръ реакціи Пет. С. Р. Д. вмѣстѣ съ Главнымъ Комитетомъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза и центральными учрежденіями партій с. д. (Россіи и Польши) и с.-р., опубликовалъ 2-го декабря почти во всѣхъ прогрессивныхъ газетахъ Петербурга свой знаменитый «финансовый манифестъ». Этотъ манифестъ предлагалъ населенію: «Отказаться отъ взноса выкупныхъ и всѣхъ другихъ казенныхъ платежей. Требовать при всѣхъ сдѣлкахъ при выдачѣ заработной платы и жалованья уплаты золотомъ,

---

[1]) № „Моск. Вѣд." отъ 25 ноября 1905 г.

[2]) „*Право*" № 48—49. 1905 г.

а при суммахъ меньше пяти рублей—полновѣсной звонкой монетой. Брать вклады изъ ссудосберегательныхъ кассъ и изъ государственнаго банка, требуя уплаты всей суммы золотомъ»... Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ имени народа, въ немъ заявлялось, что рѣшено не допускать уплаты долговъ по всѣмъ тѣмъ займамъ, которые правительство заключило, «когда явно и открыто вело войну со всѣмъ народомъ» [1])...

Въ тотъ же день семь газетъ, напечатавшихъ цѣликомъ этотъ «финансовый манифестъ», были пріостановлены «до судебнаго приговора», а №№ ихъ отъ 2 дек.—конфискованы. На слѣдующій день—3 декабря—Пет. С. Р. Д., экстренно и какъ всегда открыто собравшійся по этому случаю, былъ окруженъ военной силой и цѣликомъ заарестованъ. Въ «Извѣстіяхъ С. Р. Д.», вышедшихъ вскорѣ послѣ ареста, отъ имени вновь сформированнаго новаго совѣта объявлялось, что правительство нарушило свои собственные законы и тѣмъ самымъ открыло гражданскую войну [2]). 4 декабря былъ опубликованъ указъ, предоставлявшій ген.-губернаторамъ, губернаторамъ, градоначальникамъ—въ случаѣ прекращенія ж.-д., почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній—право собственной властью объявлять усиленныя и чрезвычайныя охраны. А въ «Моск. Вѣдомостяхъ» передовица отъ 5 декабря была уже помѣщена подъ заглавіемъ: «Возрожденіе твердой власти».

Такъ началось наступленіе реакціи.

Пет. и Моск. С. Р. Д. стали поспѣшно готовиться къ новой забастовкѣ. Рѣшеніе вопроса, однако, въ сильной степени зависѣло отъ желѣзнодорожниковъ, у которыхъ 5 дек. въ Москвѣ должна была открыться конференція. Но уже 6 декабря вопросъ о всеобщей забастовкѣ разрѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Исполнит. К-тъ Пет. С. Р. Д. единогласно принялъ рѣшеніе объявить всеобщую забастовку въ четвергъ 8 декабря въ 12 час. дня. Къ этому рѣшенію присоединился и петерб. союзъ желѣзнодорожниковъ. «Союзъ союзовъ» (7 дек.), обсудивъ постановленіе С. Р. Д., рѣшилъ предложить всѣмъ сочленамъ отчислить трехдневную получку въ пользу забастовщиковъ. Воззваніе «ко всему народу», выпущенное отъ имени Пет. С. Р. Д., Россійской с.-д. партіи, партіи с.-р. и «Бунда», формулировало политическіе лозунги движенія. 6 декабря Московскій С. Р. Д. тоже единогласно постановилъ: объявить всеобщую политическую забастовку въ среду 7 декабря въ 12 ч. дня, и выпустилъ воззваніе за своей подписью и за подписями соціалистическихъ организацій, сходную съ петербургскимъ обращеніемъ. Вечеромъ этого-же (6-го) дня и конференція 29 жел. дорогъ присоединилась къ рѣшенію Совѣтовъ, при чемъ по всѣмъ ж.-д. линіямъ были разосланы телеграммы, въ которыхъ говорилось между прочимъ:

«Объявляя эту забастовку, мы беремъ на себя возвращеніе войскъ изъ Манджуріи и доставимъ эти войска гораздо скорѣе, чѣмъ это сдѣлало-бы правительство, при этомъ обращаемся къ нашимъ братьямъ военнымъ въ Манджуріи, чтобы они сами во время слѣдованія по ж. д. оказывали содѣйствіе нашимъ

---

[1]) „Начало“ № 16, 1905 г.

[2]) „Изв. С. Р. Д.“ № 8.

организаціямъ и поддерживали порядокъ, установленный нами. Пассажировъ, захваченныхъ забастовкой въ пути, мы доставимъ до ближайшаго города въ направленіи ихъ слѣдованія. Кромѣ того, мы примемъ всѣ мѣры для перевозки продовольственнаго хлѣба голодающимъ крестьянамъ и провизіи для товарищей на линіи».

Настроеніе петербургскихъ рабочихъ передъ забастовкой,—судя по докладамъ въ С. Р. Д.,—далеко нельзя было назвать особенно рѣшительнымъ. Иное дѣло въ Москвѣ, гдѣ настроеніе фабрично-заводскихъ рабочихъ было очень крѣпкимъ. Значительно слабѣе чувствовали себя желѣзнодорожники. Во многихъ случаяхъ, если судить по рѣшеніямъ, принимаемымъ на рабочихъ митингахъ и собраніяхъ, рабочіе понимали эту забастовку какъ *послѣднюю рѣшительную схватку* со старымъ порядкомъ. Самая форма, въ какой, напр., Московскій С. Р. Д. объявлялъ ее и которая затѣмъ ежедневно печаталась въ «извѣстіяхъ С. Р. Д.», совершенно опредѣленно говорила о такомъ, а не иномъ настроеніи. Она гласила: «Моск. С. Р. Д... (и др. организаціи) постановили: объявить въ Москвѣ, со среды 7 декабря въ 12 ч. дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее въ вооруженное возстаніе» [1]).

Въ *Петербургѣ* забастовка началась и прошла значительно слабѣе обѣихъ предыдущихъ забастовокъ. 8 декабря—по свѣдѣніямъ фабричной инспекціи—забастовало 83.558 ч. (въ ноябрѣ—104597 ч.), 9-го бастовало 92058 ч., 10—89.342 ч. А дальше идетъ быстрое и сильное пониженіе, 17-го бастовало уже всего—19.330 ч. а 19-го—3.280 ч. [2]).

Но все же 9-го бастовало около ста тысячъ фабр.-зав. рабочихъ. Дѣло было за жел. дорогами.

—«Всѣ взоры обращаются на жел. дороги Петербургскаго узла: что тамъ будетъ?—разсказываютъ объ этомъ времени отъ 18 декабря въ «Нашемъ Голосѣ» (№ 1),—туда-же обращаетъ свои взоры и полиція. Она принимаетъ совершенно исключительныя мѣры. Забастовкѣ въ нѣкоторыхъ мастерскихъ помѣшать не удается. Но въ управленіяхъ, въ службѣ движенія и на линіяхъ успѣваютъ ввести режимъ чисто осаднаго положенія. Вокзалы и управленія и цѣлые районы станцій наполняются войсками. Войска сопровождаютъ поѣзда. На ст. Николаевской ж. д. въ свободномъ поѣздѣ устраиваются временныя казармы; черные ходы всѣхъ службъ закрыты и охраняются часовыми. Заранѣе уже въ ночь на 8 декабря арестуются предполагаемые члены забастовочнаго комитета...» И т. д. Однимъ словомъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, но Петербургскій жел.-дор. узелъ такъ и не бастовалъ.

Зато *Москва* забастовала энергично и съ необычайнымъ единодушіемъ. Начиная съ 7 декабря—писали въ «Рус. Словѣ»—забастовка развивалась съ изумительной быстротой. Остановилось движеніе на ж.-д., кромѣ Николаевской и Кіево-Воронежской. По фабрикамъ, въ Акваріумѣ и Политехническомъ музеѣ начались митинги. При остановкахъ фабрикъ и съемкахъ—иногда демонстративныхъ—происходили столкновенія съ войсками, но это не дѣйствовало на дви-

---

[1]) *„Москва въ декабрѣ“. Стр. 18.*

[2]) „Декабрьское возстаніе“ въ № 3 „Безъ заглавія“.

женіе. Бодрость духа особенно поддерживалась всевозможными слухами о настроеніи среди войскъ, начавшими усиленно циркулировать со времени (3 дек.) безпорядковъ, происшедшихъ въ Ростовскомъ полку (гдѣ былъ солдатскій митингъ и были предъявлены требованія.)

Вслѣдъ за фабриками забастовали среднія учебныя заведенія и почти всѣ торговыя и иныя учрежденія. 8-го забастовка дѣлается всеобщей. Бастуютъ, приблизительно, уже около 150000 чел. Въ типографіи Сытина (еще 7-го) захватнымъ путемъ (какъ это было сдѣлано раньше въ Петербургѣ въ типографіи «Нов. Вр.» а затѣмъ не разъ устраивалось революц. партіями и въ др. городахъ—въ Одессѣ, въ Минскѣ, Новороссійскѣ и проч.) былъ напечатанъ 1 № «Моск. извѣстій Сов. Раб. деп.»

Еще 5 декабря на пріемѣ представителей общественно-сословныхъ учрежденій и различныхъ вѣдомствъ, новый Московскій ген.-губернаторъ Дубасовъ сказалъ, между прочимъ: «я убѣжденъ въ побѣдѣ. Крамолу надо побѣждать не залпами и штыками, а нравственнымъ воздѣйствіемъ лучшихъ людей Россіи. Я надѣюсь, что вы окажете мнѣ поддержку и сплотитесь около меня» («Русск. Слово»). Такимъ образомъ, казалось-бы, можно было ожидать, что забастовкѣ обезпечено болѣе или менѣе мирное теченіе... Но какъ оказалось впослѣдствіи вышло совсѣмъ иначе.

Въ большинствѣ болѣе или менѣе крупныхъ городовъ уже послѣ извѣстія объ арестѣ Пет. Сов. Раб. Деп. революціонныя и рабочія организаціи начинали готовиться къ новому и, какъ казалось,—рано или поздно, но неизбѣжному выступленію. Но телеграмма представителей 29 жел. дорогъ, сдѣлавшаяся очень быстро извѣстной въ провинціи, все же застала во многихъ мѣстахъ рабочія массы далеко не подготовленными. Рабочіе ожидали нѣкоторой болѣе длительной передышки, да и время передъ рождественскими праздниками было неподходящимъ для забастовки. Были и другія неблагопріятныя условія. Какъ-разъ къ этому времени, напр., почти мѣсячная почт. тел. забастовка начинала уже спадать, а въ нѣкоторыхъ (и во многихъ) городахъ въ то время какъ рабочія массы только *начинали* декабрьскую забастовку, настроеніе поч.-тел. чиновниковъ совсѣмъ выдохлось и они *приступали* уже къ работѣ. Главная же причина, значительно ослаблявшая на этотъ разъ силу и энергію движенія, это то, что теперь выступала *рабочая* Россія и только *рабочая*, при томъ окруженная со всѣхъ сторонъ (за исключеніемъ незначительныхъ группъ близкой къ рабочимъ лѣвой демократіи) или явно выраженной враждебностью или скрытымъ недовольствомъ, выражающимся въ несочувственно холодномъ нейтралитетѣ. Отрицательное отношеніе къ декабрьскому выступленію части радикальной и особенно либеральной интеллигенціи, безъ сомнѣнія, сильно отразилось на недружности жел.-дор. забастовки, гдѣ эти элементы пользовались все еще значительнымъ вліяніемъ.

Декабрьская забастовка, поэтому, развивалась далеко не съ такой стихійной стремительностью, какъ октябрьская. Но сравнивать декабрьскую забастовку съ октябрьской по числу охваченныхъ ею городовъ (какъ это дѣлаетъ, напр.,

С. Прокоповичъ [1])—вообще, довольно трудно и рискованно. Надо имѣть въ виду, что телеграфныя и иныя сообщенія въ октябрѣ были все же значительнѣе и полнѣе, нежели въ декабрѣ, когда освѣдомленіе было уже въ сильнѣйшей степени затруднено крѣпнущей реакціей, наученной горькимъ опытомъ предшествующаго движенія [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ, даже во многихъ городахъ декабрьское движеніе рабочаго класса было значительно слабѣе октябрьскаго, но были города и тоже не мало—не говоря уже объ окраинахъ—гдѣ оно достигло такой силы, какой оно ни разу не достигало въ октябрьскіе дни.

Въ *Одессѣ* всеобщая забастовка возвѣщена была на 11-е декабря воззваніемъ отъ имени Сов. Р. Д. и соціал. партій. Воззваніе рекомендовало, между прочимъ, избѣгать скопленія на улицахъ и не принуждать силой къ забастовкѣ кондукторовъ и извозчиковъ. Съ 12-го дек. вся жизнь въ городѣ замерла. Закрылись магазины и банки, бастовали служащіе городскихъ учрежденій. Портъ бастовалъ въ теченіе недѣли. На жел. дорогѣ забастовка была лишь частичной. 14-го забастовала электрическая станція, 15-го телефонъ и газовый заводъ. Но уже 16-го, съ введеніемъ военнаго положенія, забастовка въ центрѣ города совершенно прекращается, а 19-го Совѣтъ Р. Д. постановляетъ возобновить работы. Среди рабочихъ забастовка проходила сравнительно дружно, но служащіе города и др. учрежденій уже скоро проявили вялость и нерѣшительность.

Въ *Нижнемъ Новгородѣ* [3]), съ полученіемъ вѣсти о забастовкѣ въ Москвѣ, 8-го стало пріостанавливаться жел.-дор. движеніе. 10-го на митингѣ въ Народномъ Домѣ была отъ имени рабочихъ клубовъ и организацій Нижняго и Сормова объявлена всеобщая забастовка, съ 12-го декабря образуется стачечный комитетъ изъ представителей отъ соціалистическихъ партій и профес. союзовъ. Мѣстные к.-д. высказываются за поддержку стачки. 13-го и 14-го къ стачкѣ присоединились частью магазины и служащіе различныхъ учрежденій. Однако забастовка не носитъ характера октябрьской: служащіе во многихъ учрежденіяхъ работаютъ, продолжается работа въ мелкихъ мастерскихъ и т. п. 14-го—городъ былъ объявленъ на положеніи чрезвычайной охраны. (О Сормовѣ см. ниже).

Въ *Самарѣ* [4]) забастовка началась 8-го. Желѣзно-дор. телеграфъ, бывшій сначала въ рукахъ С. Р. Д., 10-го занятъ саперами. Собравшійся въ тотъ же день въ Народн. Домѣ митингъ былъ осажденъ войсками и, послѣ нѣкоторыхъ колебаній сдался, выдавъ оружіе (6 берданокъ, 65 револьв., 3 адскія машины, 1 бомба и холодное оружіе). Въ тотъ же день былъ арестованъ стачечный комитетъ. 13-го Город. Дума, изъ страха передъ администраціей, приняла резолюцію, въ которой отрекалась отъ отвѣтственности за т. н. «Комитетъ общ. без-

---

[1]) См. „декабрьское возстаніе“ въ № 3 „Безъ заглавія“.

[2]) С. Прокоповичъ указываетъ, напр., въ своей статьѣ, что въ октябрѣ бастовало 39 городовъ, а въ декабрѣ всего 33 города. Просматривая списокъ приведенныхъ имъ городовъ для декабря, съ перваго же взгляда обнаруживаешь цѣлый рядъ пропусковъ: нѣтъ—Перми, Кутаиса, Самары, Ярославля, нѣтъ даже Новороссійска и Екатеринослава.

[3]) Составлено по „Нижегор. Листку“ 1905 г. и др.

[4]) Сост. по „Самарской Газетѣ“ 1905 г. и др.

опасности» и просила администрацію «привлечь этотъ комитетъ къ отвѣтственности за незаконное присвоеніе функцій». Всѣ (15 чел.) гласные, участвовавшіе до этого въ «комитетѣ» поспѣшно вышли изъ его состава. Тогда же Дума ассигновала 120.000 р. на усиленіе полиціи. 15 декабря, считаясь съ падающимъ настроеніемъ рабочихъ, С. Р. Д. вынужденъ былъ ликвидировать стачку. 15-го дек. С. Р. Д. объявилъ стачку законченной.

Въ *Ярославлѣ* [1]) ж.-д. движеніе прекращается 7-го. Съ 8-го рабочіе Большой Ярославской Мануфактуры устраиваютъ уличныя шествія и снимаютъ рабочихъ другихъ фабрикъ, служащихъ въ судѣ и другихъ госуд. учрежденіяхъ. 9-го декабря, во время такого шествія передъ почтой произошло столкновеніе съ казаками, причемъ боевая дружина оказала сопротивленіе. Казаки стрѣляли и убили 7 и ранили до 15 чел. Событіе это взволновало весь городъ; «Сѣв. Край» вышелъ въ траурной рамкѣ. Комиссія город. Думы, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, постановила выразить «глубокое сожалѣніе и негодованіе виновникамъ», почтить память погибшихъ вставаніемъ и выпустила успокоительное воззваніе къ населенію. 11-го дек. устроены были демонстративныя и чрезвычайно торжественныя похороны убитыхъ [2]). Послѣ похоронъ начались обыски аресты. Съ 15-го дек. возстановлено было жел.-дор. движеніе.

Въ *Костромѣ* съ 7-го (въ тотъ день, когда здѣсь прекратилась пол. забастовка) забастовали жел. дороги, съ 10-го фабрики и заводы. Присоединились учащіеся. 10-го дек. Гор. Дума выпустила воззваніе противъ забастовки и вотировала увеличеніе содержанія полиціи. Другое воззваніе, приглашающее умѣренные элементы выступить противъ С. Р. Д. и соціалъ-демократіи, было выпущено представителями капиталистической промышленности. 13-го Сов. Р. Д. постановилъ прекратить политическую забастовку.

Въ *Ростовѣ на Дону* 7-го забастовали дороги; 8-го Сов. Р. Д. и С. Д. К-тъ объявили всеобщую стачку. Въ ту же ночь Исполн. К-тъ Совѣта былъ арестованъ (12 челов.), но это еще выше подняло настроеніе рабочихъ. По ихъ требованію арестованные были освобождены. 10-го забастовка стала всеобщей— вплоть до банковъ, конторъ, театровъ, аптекъ, трамвая. Дѣйствовали—съ согласія С. Р. Д.—лишь водопроводъ, мелочныя лавки и пекарни. 11-го городъ былъ объявленъ на положеніи чрезвычайной охраны, но еще 12-го продолжались открытые митинги. 12-го, подъ давленіемъ администраціи, Дума выпустила къ населенію воззваніе, въ которомъ значится, между прочимъ, что забастовщики добиваются созыва «какого-то учредительнаго *собранія для цѣлей неизвѣстныхъ*». О дальнѣйшемъ осложненіи событій въ Ростовѣ мы поговоримъ ниже.

Въ *Екатеринославѣ*, по телеграммѣ изъ Москвы, 8-го декабря делегатское собраніе служащихъ и рабочихъ Екатерининской дороги (51 гол. противъ 3) и депутатское собраніе рабочихъ городскихъ (единогласно) постановили примкнуть къ забастовкѣ. Для руководства движеніемъ образованъ былъ «боевой стачечный комитетъ», въ составъ котораго, кромѣ представителей обѣихъ упомянутыхъ

---

[1]) По „Сѣв. Краю", дек. 1905 г.

[2]) Въ этотъ же день, подъ предсѣдательствомъ д-ра Кацаурова, состоялось собраніе „Союза Рус. Нар.", въ которомъ выступалъ преподаватель мѣстной семинаріи іером. Иліодоръ.

организацій, вошли представители соціалистическихъ партій и почт.-телегр. союза [1]). Въ тотъ же день стачка сдѣлалась почти всеобщей. Къ вечеру наблюдалась усиленная погромная агитація, но большого успѣха, повидимому, не имѣла. 9-го, послѣ борьбы съ торговцами, рабочіе добились закрытія магазиновъ (стачечный к-тъ отказался разрѣшить ихъ открытіе на условіяхъ предоставленія ему 20% выручки, что предлагали торговцы). Стачка въ Екатеринославѣ проходила вообще съ большимъ подъемомъ. Всѣ правительственныя учрежденія были также закрыты. Открытымъ оставался—согласно постановленію «Боевого Стач. К-та»—только ломбардъ и Госуд. Банкъ, этотъ послѣдній для того, чтобы обмѣнивать бумажныя деньги на золото. Надо указать, что на движеніе, безъ сомнѣнія, имѣли нѣкоторое вліяніе волненія и митингъ, происшедшіе какъ разъ въ это время въ казармахъ Бердянскаго полка.

Къ забастовкѣ присоединился рядъ пунктовъ въ губерніи: *Горловка*, *Александровскъ*, станц. *Горяиновка* (произошла перестрѣлка рабочихъ со стражниками) и друг. Въ *Авдѣевкѣ*, *Дебальцевѣ*, *Александровскѣ*, *Каменскомъ*, *Гришинѣ*, *Люботинѣ* (Харьк. губ.) станціи были захвачены народомъ, происходили столкновенія съ войсками.

Въ городѣ, несмотря на погромную агитацію, соблюдался полный порядокъ, о поддержаніи котораго заботились рабочія дружины. (Для организаціи патрулей администраціей Брянскаго завода была выдана денежная субсидія). Съ 13 декабря торговцы начинаютъ открывать лавки. 16-го заводскій районъ—центръ движенія—былъ оцѣпленъ войсками, но стачка закончилась лишь 22-го, когда пришло извѣстіе о прекращеніи движенія въ Москвѣ.

Баку. Получивъ извѣстіе изъ Петербурга и Москвы, Бакинскій С. Р. Д. вынесъ резолюцію, въ которой, указавъ на надвигающуюся реакцію, говорилъ: «принимая все это во вниманіе, С. Р. Д. г. Баку постановилъ объявить съ 14-го декабря всеобщую политическую забастовку». Въ другой резолюціи, принятой по поводу забастовки, говорилось: «пекарни, предпріятія, занятыя производствомъ или доставкой воды, заведенія, поставляющія необходимые жизненные продукты, аптеки и больницы считать внѣ забастовки... Вслѣдствіе банкротства городского самоуправленія, до котораго довелъ гор. кассу нынѣшній составъ цензовой думы—опрѣснитель, за отсутствіемъ топлива, черезъ нѣсколько дней станетъ... С. Р. Д. постановилъ изыскать необходимое топливо, для безпрерывнаго дѣйствія опрѣснителя... Свѣтъ безпрепятственно дается во всѣ рабочіе кварталы и больницы. Что касается свѣта во всѣ буржуазныя квартиры, то свѣтъ въ эти квартиры дается лишь по мѣрѣ проявленія дѣйствительнаго сочувствія буржуазіи тѣмъ рабочимъ, которые объявили всеобщую политическую забастовку»... Рѣшено было также: «пригласить въ составъ С. Р. Д. выборныхъ представителей отъ всѣхъ союзовъ, организацій и партій, существующихъ въ г. Баку» [2])... Забастовка проходила дружно. Надо сказать, что какъ разъ въ это время въ 132 Бендерскомъ полку, стоявшемъ въ Баку, происходили волненія. 14-го стали всѣ Балаханы, Биби-Эйбатъ, Черный и Бѣлые городки. Только на 5-й день заба-

[1]) № 1-й „Бюллетень Екатер. Боев. Ст. К-та".

[2]) № 1-й „Извѣстій Сов. Р. Д." г. Баку. Это, кажется, единственныя „Извѣстія" Совѣта, печатавшіяся легально.

стовки къ работѣ начинаютъ приступать Балаханскіе промыслы, но кромѣ нихъ всѣ остальные держатся крѣпко. Почти ежедневно идутъ гласно назначаемые митинги. Собраніе мелкихъ лавочниковъ и квартирантовъ въ особой резолюціи отказывается отъ уплаты налоговъ, объявляетъ борьбу оптовикамъ за пониженіе цѣнъ, требуетъ отъ домовладѣльцевъ пониженія платы за квартиры и магазины, требуетъ освобожденія политическихъ борцовъ, учрежденія милиціи и т. п. 16-го по улицамъ прошла оригинальная и характерная для того времени процессія: толпа мусульманъ вела нѣсколькихъ человѣкъ, впереди которыхъ несли объявленія на русскомъ и татарскомъ языкахъ: «Эти люди занимаются воровствомъ—плюйте въ нихъ» [1]). 22-го декабря—по постановленію С. Р. Д.—общая забастовка, наконецъ, прекратилась. Дѣятельность С. Р. Д. проходила здѣсь еще болѣе открыто, чѣмъ въ Петербургѣ. Указывались всякій разъ не только мѣста собраній и помѣщенія Бюро Совѣта, но обозначались и дѣйствительныя фамиліи лицъ, избираемыхъ или назначаемыхъ на какія-либо должности. Нѣсколько №№ «Извѣстій С. Р. Д.» съ разрѣшенія губернатора продолжали выходить еще въ январѣ 1906 г.

Ограничимся здѣсь, пока что, приведенными фактами. Укажемъ только, что кромѣ перечисленныхъ городовъ, оставляя въ сторонѣ окраины—*Прибалтійскій Край*, *Польшу*, *Кавказъ*, *Сибирь*, *Закаспійскую область*,—общія забастовки въ декабрѣ имѣли мѣсто также: въ *Николаевѣ* (9-го ж.-д. забастовка съ 12—общая до 19-го) *Новороссійскѣ* (8-го начинается всеобщая забастовка, до 25 декабря), *Двинскѣ* (9-го), *Кіевѣ* (12 дек.), *Воронежѣ* (11 дек.), *Саратовѣ* (13), *Кременчугѣ* (13), *Ковнѣ* (12-го), *Вильнѣ* (съ 11-го до 17 дек.), *Харьковѣ* (12) *Смоленскѣ* (12), *Бахмутѣ* (11-го), *Твери* (12-го), въ *Астрахани* (продолжалась съ ноября экономическая забастовка) и еще во многихъ другихъ городахъ.

Жел. дороги бастовали, какъ уже упоминалось выше, значительно менѣе дружно, нежели въ октябрѣ. Огромное вліяніе въ смыслѣ пониженія настроенія ж.-д. служащихъ, помимо прочихъ причинъ, безъ сомнѣнія, оказывала работа Николаевской дороги и вообще петербургского ж.-д. узла, не примкнувшихъ въ декабрьской забастовкѣ. Съ 7 декабря забастовалъ весь Московскій узелъ, затѣмъ—Екатерининская дорога, 8-го—часть Рязанско уральской, Кіево-воронежская, часть Либаво-роменской, Пермская дор., ж.-д. линіи возлѣ Новороссійска, Кіева, Ростова-на Дону, 9-го—часть Полѣсскихъ дорогъ, линіи возлѣ Риги, съ 10-го останавливается ж.-д. движеніе на Кавказѣ, 12-го—на Юго-восточныхъ дор., 13-го Риго-орловская дор., Рязанско-уральская, Юго-Западныя дор., часть привислянскихъ дор., Средне-Азіатскія дор., 15-го Варшаво-вѣнская дор. и т. д. Перечень этотъ приблизительный и, разумѣется, далеко неполный.

Центромъ вниманія для движенія во всѣхъ этихъ мѣстахъ и по всей Россіи къ серединѣ декабря становится Москва, въ которой, какъ и предполагали, хотя и совсѣмъ не надѣялись на это, всеобщая забастовка, эта борьба посредствомъ скрещенія рабочихъ рукъ, быстро, даже стремительно перешла въ открытое, уличное возстаніе.

---

[1]) Тамъ же.

XI.

Московское возстаніе. Осада «Акваріума». Разгромъ дома Фидлера. Первыя баррикады у Страстной. Баррикады и населеніе. Бомбардировка Москвы и обстрѣлъ домовъ. Городская дума. Пресня.

Начиная съ 9 декабря, событія въ Москвѣ стремительно развиваются. Настроеніе сильно взвинчивается слухами о волненіяхъ среди армейскихъ частей, о неповиновеніи казаковъ и т. п.

8 декабря вечеромъ помѣщеніе «Акваріума» и «Олимпіи», гдѣ обычно происходили митинги, было обложено и осаждено войсками. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ о сдачѣ, солдаты ворвались въ залъ и очистили его отъ публики. Нѣсколько человѣкъ, у которыхъ найдено оружіе, были временно задержаны. На слѣдующій день (9-го) это происшествіе послужило поводомъ для массы разговоровъ и слуховъ. Улицы были полны публикой. Всюду по фабрикамъ шли митинги, кое-гдѣ—согласно рѣшенію Совѣта—устраивались и демонстраціи. Въ этотъ-же день—по рѣшенію «Коалиціоннаго Совѣта дружинъ» [1]) начинаются первыя выступленія дружинниковъ, приступившихъ къ обезоруживанію полицейскихъ. Къ вечеру этого-же дня въ двухъ мѣстахъ разыгрываются такія событія, которыя круто поворачиваютъ все движеніе на рѣшительный революціонный путь.

На Страстной площади на скопившуюся толпу народа драгуны произвели атаку. Часть толпы, разбѣгаясь, укрылась въ трамвайномъ павильонѣ. Тогда войска осадили павильонъ и въ темнотѣ (т. к. электричество не горѣло) произвели нѣсколько залповъ по народу (нѣсколько человѣкъ было ранено). Сильнѣйшее возбужденіе охватило массы народа и онѣ цѣлыми потоками стали прибывать на площадь. Павильонъ былъ подожженъ раздраженнымъ народомъ. Вскорѣ гдѣ-то снова послышалась стрѣльба. И вотъ въ отвѣтъ на это хлынувшая назадъ, раздраженная толпа—стихійно, безъ всякого лозунга со стороны вліятельныхъ организацій,—бросается сооружать первыя баррикады... Постройка шла неорганизованно и безсистемно. Къ 11 час. прибыли войска, стали брать и разбирать баррикады. До 2 ч. ночи съ Тверской и Садовой доносилась безпрерывная пальба. Въ больницахъ и участкахъ появились раненые и убитые.

Въ то же самое время въ другомъ пунктѣ города происходитъ событіе нѣсколько иного рода. Въ д. Фидлера, гдѣ тоже происходили митинги, въ этотъ вечеръ должны были собраться (и частью собрались) желѣзнодорожники и дру-

---

[1]) „Коалиціонный Совѣтъ дружинъ“ и боевыя дружины, изъ представителей которыхъ онъ составился, образовался еще въ октябрѣ—подъ вліяніемъ черносотенной опасности и въ ожиданіи погрома. Въ „Совѣтъ“ входили представители отъ с.-д. и с.-р. дружинъ, отъ „Центр. Университетской организаціи“ отъ „Вольной“, „Кавказской“, „Типографской“ дружинъ и т. п. Ожиданіе погрома въ Москвѣ на 6 декабря и ожиданіе рѣшительныхъ выступленій еще больше увеличило ихъ составъ. Къ декабрю численность дружинниковъ доходила до 1,000 чел. и болѣе. Вооруженіе—винтовки, берданки, маузеры и браунинги.

жинники, которые отсюда имѣли намѣреніе двинуться на разоруженіе полиціи. Но въ 9 час. вечера, зданіе оказалось блокированнымъ войсками. На предложеніе сдаться дружинники отвѣтили отказомъ. Тогда, послѣ сигнальнаго рожка, былъ данъ сначала холостой пушечный выстрѣлъ (разнесшій и оповѣстившій всю Москву о событіи), а затѣмъ пущенъ въ окно и первый боевой снарядъ. Дружина стала отвѣчать. Съ крыши было брошено пять бомбъ (три разорвались), которыми былъ убитъ одинъ офицеръ (1 раненъ) и ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ. Послѣ 7 пушечныхъ выстрѣловъ (отъ которыхъ осажденные сумѣли укрываться) еще разъ было предложено сдаться. Въ отвѣтъ—снова отказъ. И опять пушечная и ружейная пальба. Въ концѣ-концовъ осажденнымъ, разумѣется, пришлось сдаться, выговоривъ себѣ неприкосновенность. Сдалось 130—140 чел. (часть дружинниковъ успѣла скрыться задними проходами). При выходѣ на сдавшихся произведено было, однако, нападеніе, при чемъ драгуны нѣкоторыхъ сильно изрубили, а часть была арестована. Изъ осажденныхъ, кромѣ раненыхъ, человѣкъ пять было убито. При обыскѣ, произведенномъ въ д. Фидлера, властями было найдено еще 13 бомбъ.

Извѣстія объ этихъ событіяхъ мгновенно облетѣли Москву отъ одного конца до другого и подняли общее возбужденіе до крайнихъ предѣловъ. Атмосфера сдѣлалась какъ бы насыщенной электричествомъ.

10 декабря улицы Москвы, особенно въ центрѣ, опять полны народомъ. Кое гдѣ происходятъ небольшіе летучіе митинги. Боевыя дружины начинаютъ энергично разоружать не только полицію, но и военныхъ. По Тверской кавалерія разгоняетъ народъ. Возобновляются разобранныя вчера баррикады. Кое гдѣ происходятъ стычки боевыхъ дружинъ съ войсками и изъ разныхъ мѣстъ доносится ружейная пальба. Число раненыхъ и убитыхъ увеличивается.

Къ часу дня на Страстную привозятъ и устанавливаютъ четыре орудія. И вотъ начинается стрѣльба вдоль улицъ: вверхъ по Тверской и вдоль Тверского и Страстного бульваровъ. Эти мѣры усмиренія оказались направленными, разумѣется, уже не только противъ революціонеровъ и забастовщиковъ, но и противъ всего московскаго населенія, заполнявшаго дома и городскія улицы.

Грохотъ пушекъ послужилъ какъ-бы послѣднимъ сигналомъ для всей Москвы: народъ начинаетъ съ лихорадочной спѣшностью возводить баррикады въ разныхъ частяхъ города. Къ этому дню, отражая настроеніе народа, и революціонныя организаціи даютъ лозунгъ строить баррикады.

«Сооруженіе баррикадъ продолжалось въ теченіе всего дня и ночи, писали отъ 19 дек. 1905 г. въ «Русскихъ Вѣд.», по Садовой отъ Тріумфальныхъ воротъ къ Кудрину и Сухаревой, по Тверской, Брестской, Долгоруковской, Мал. Дмитровкѣ, Грузинской, Лѣсной и мн. другихъ улицамъ. Въ возведеніи ихъ принимали участіе тысячи народа разнаго возраста и пола. Спиливались и срубались телеграфные столбы, выламывались во владѣніяхъ заборы, снимались ворота, вывѣски, ставни, валились столбы для афишъ, кіоски для газетной торговли, вытаскивались телѣги со двора, сани, желѣзо, кирпичъ, бревна, бочки и т. п... Все это нагромождалось поперекъ улицъ и перевязывалось оборванной съ телефонныхъ и трамвайныхъ столбовъ проволокой...» [1]).

[1]) „Рус. Вѣд.“ 1905 г. № 324.

«Все населеніе отъ мала до велика на улицахъ...» Баррикады вырастаютъ одна за другою съ поразительной быстротой. «На Кудринской площади надъ постройкой баррикадъ возится среди толпы нѣсколько внушительныхъ фигуръ. Не то лабазники, не то ломовые... Въ Трубниковскомъ пер. снимаютъ ворота и загораживаютъ переулокъ... Кое-гдѣ принимаютъ участіе въ постройкѣ баррикадъ и солдаты. На Георгіевской площади въ Грузинахъ очевидецъ, проѣзжая мимо, замѣтилъ, что три пѣхотныхъ солдата (безъ оружія) снимали чугунныя ограды и таскали на постройку... Особенно быстро строились баррикады и др. загражденія по Сухаревской-Садовой. Тамъ ихъ воздвигали съ баснословной быстротой. Для сооруженія баррикадъ достаточно было 15 минутъ, передаетъ очевидецъ. Основаніемъ баррикады служили обыкновенно подпиленные и поваленные попарно телеграфные столбы. Затѣмъ уже сверху валили все, что попадется подъ руку...» [1]).

По окраинамъ, а также въ Политехническомъ Музеѣ и Народномъ Домѣ шли еще митинги. На Прѣснѣ рабочіе Прохоровской мануфактуры, послѣ митинга, устроили 10 тысячную уличную демонстрацію. Эта демонстрація встрѣтилась съ казацкимъ отрядомъ. Послѣ переговоровъ и увѣщаній, обращенныхъ къ казакамъ, отрядъ повернулъ и, никого не тронувъ, удалился. Къ вечеру вся Прѣсня покрылась баррикадами. «По всей Прѣснѣ раздавался гулъ и трескъ— это рубили топорами телеграфные и фонарные столбы. Было впечатлѣніе, словно рубятъ лѣсъ»... Въ Хамовническомъ районѣ также была устроена демонстрація, въ которой участвовало до 5,000 народу. Подошли къ казармамъ и хотѣли послать депутатовъ къ Несвижскому и Перновскому полкамъ, но въ это время напали драгуны и разогнали рабочихъ. «Въ общемъ въ этотъ день, какъ и въ другіе, сочувствіе обывателей было на сторонѣ рабочихъ, а отчасти былъ страхъ передъ ними и сознаніе, что теперь они вполнѣ во власти рабочихъ»...

Къ 3—4 час. дня пушечная канонада прекратилась, но ружейные выстрѣлы слышны были весь день. Къ вечеру солдаты, поставленные для охраны Страстной площади—подъ вліяніемъ темноты—подняли паническую стрѣльбу. Въ отвѣтъ на площадь была брошена бомба, разорвавшаяся съ страшной силой. Солдаты отступили. Наступила временная тишина. Но вотъ къ 10 ч. вечера на Сухаревскую башню втащили малокалиберныя орудія, и начали обстрѣливать Садовую, освѣщая ее прожекторомъ. Снова загрохотала пушечная канонада. Количество раненыхъ и убитыхъ—въ большинствѣ случаевъ мирныхъ, ни къ чему не причастныхъ обывателей—съ каждымъ часомъ выростало все больше. Въ этотъ-же вечеръ въ двухъ оружейныхъ магазинахъ—на Театральной площади и Бол. Лубянкѣ—революціонерами было разобрано оружіе...

О какомъ-нибудь планомѣрномъ вмѣшательствѣ или руководствѣ борьбою ни революціоннымъ организаціямъ, ни С.Р.Д. въ это время, разумѣется, нельзя было и помышлять. Все перепуталось, раздробилось. Баррикадами и стрѣльбой городскіе районы были совершенно раздѣлены и изолированы другъ отъ друга.

---

[1]) „Москва въ декабрѣ". стр. 61, 62, 63.

Еще въ ночь на 10-е «Федеративный Совѣтъ» (с.-д.) [1]), которому удалось собраться *въ послѣдній разъ*, вынесъ такое рѣшеніе: «Въ виду трудности поддерживать связь между Исполнительнымъ К—томъ и массами—непосредственное руководство борьбой массъ должно принадлежать районнымъ совѣтамъ раб. депутатовъ». Въ дѣйствительности же,—особенно съ расширеніемъ территоріи возстанія—борьба ведется не только по отдѣльнымъ районамъ и безъ общаго плана, но,—и весьма часто,—просто такъ, какъ казалось цѣлесообразнымъ въ данный моментъ той или иной группѣ или боевой дружинѣ.

Но положеніе московскихъ властей было значительно хуже. Фактъ огульнаго пушечнаго разстрѣла города съ милліоннымъ населеніемъ, разумѣется, былъ яркимъ свидѣтельствомъ растерянности, нерѣшительности и слабости власти. Это было героическое, послѣднее средство, но средство, примѣняемое тогда, когда нѣтъ ничего иного. Естественно, что значительная часть обывателей, далекихъ отъ революціи, перебросилась къ революціонерамъ. Здѣсь, такимъ образомъ, процессъ изоляціи пролетаріата, происходившій въ декабрѣ почти повсюду, временно былъ нѣсколько ослабленъ и задержанъ приказами адмирала Дубасова. Главной причиной этой слабости власти была, безъ сомнѣнія, ненадежность войскъ и неувѣренность въ ихъ вѣрности и стойкости. Московскія власти имѣли въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало *вѣрнаго* войска, поэтому вначалѣ, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствуетъ только болѣе надежная кавалерія, и почти совсѣмъ не пускаются въ ходъ сомнительные пѣхотные полки. Здѣсь была, быть можетъ, доля преувеличеннаго страха передъ этой «ненадежностью» такъ же, какъ у революціонеровъ по отношенію къ арміи имѣлась значительная доля преувеличенныхъ надеждъ, но это, однако, не дѣлало положеніе властей въ эти дни менѣе труднымъ. Малѣйшій неожиданный шагъ движенія могъ, казалось, въ концѣ разбить въ войскахъ уже и безъ того расшатанную дисциплину. Изъ этого положенія московскихъ властей могло вывести только прибытіе новыхъ, свѣжихъ и вѣрныхъ войскъ. И Петербургъ, въ декабрѣ непотребовавшій слишкомъ большой охраны, да Николаевская дорога, открытая для перевозки военныхъ силъ, въ скоромъ времени дали то, что такъ необходимо было московскимъ властямъ.

День 11-е декабря былъ однимъ изъ самыхъ жаркихъ дней въ Москвѣ. Съ ранняго утра загремѣла орудійная и ружейная пальба. Снаряды пускаютъ вдоль улицъ. Войска, сосредоточенныя, главн. образ., въ центрѣ, начинаютъ постепенно расширять районъ своего дѣйствія. Но это вначалѣ плохо удается. Возьмутъ баррикаду, потомъ уѣдутъ въ другое мѣсто, а въ это время разобранная баррикада снова возстанавливается. Иногда, захваченныя баррикады старались сжечь, для чего вызывалась пожарная команда.

Къ этому дню и въ этотъ день забаррикадированы были районы Бронной, Грузинъ, Долгоруковской, Срѣтенки и Покровки, Цвѣтной бульваръ, Екатерининскій паркъ. У Міусскаго парка построена была прочная баррикада изъ трам-

---

[1]) Объединенные с.-д. (большевистскій) Комитетъ и с.-д. (меньшевистская) Группа.

вайныхъ вагоновъ. Въ Замоскворѣчьѣ—цѣлая сѣть баррикадъ. Вся Шаболовка и Донская вплоть до Донского моста—въ баррикадахъ.

Но безоружной народной массѣ, послѣ постройки баррикадъ, въ сущности, почти нечего было дѣлать. За баррикадами защищая ихъ, устраивая засады и нападенія на военные отряды, дѣйствуютъ исключительно вооруженные отряды боевыхъ дружинъ. Народу остается роль пассивнаго сочувствующаго зрителя. Боевыя-же дружины, окруженныя этимъ сочувствіемъ, показывали, правда, чудеса ловкости и храбрости и обратились почти въ совершенно неуловимыхъ для военной силы партизановъ, безпрестанно безпокоящихъ войска и страшно утомляющихъ солдатъ, но сами по себѣ представляли, конечно, очень малую силу и могли лишь затруднить наступленіе правительственныхъ войскъ, но не остановить его. Часто небольшіе воинскіе отряды обращаемы были въ бѣгство или даже разоружались. Бывали случаи, какъ, напр., въ Каретной-Садовой, когда дружинникамъ удавалось отбивать нападенія цѣлыхъ частей и сохранять баррикады за собой. «Залпы дружинниковъ толпа сопровождала—разсказываютъ очевидцы—ударами по желѣзнымъ вывѣскамъ, чугуннымъ рѣшеткамъ и пр. Это, очевидно, усиливало впечатлѣніе»... Былъ даже случай, какъ-то на Прѣснѣ, когда дружинникамъ удалось отбить у артиллеристовъ пушку, но они провозились около нея, не зная какъ обращаться, до тѣхъ поръ, пока не прибыли новые отряды войскъ и не забрали пушку обратно.

Къ этому дню среди уставшихъ солдатъ замѣчается сильное озлобленіе. Начинаютъ стрѣлять уже по отдѣльнымъ прохожимъ; забираются на каланчу и стрѣляютъ оттуда по всѣмъ, попавшимся на глаза. Обозленные драгуны захватываютъ типографію Сытина и поджигаютъ это огромное зданіе [1]). Къ вечеру Москва освѣщается заревомъ громаднаго пожара, и не затихая, гремитъ пушечная канонада и трещитъ ружейная перестрѣлка.

Около ж.-д. линіи и вокзаловъ дѣйствовали свои особыя ж.-д. дружины. Не только пути были заняты этими дружинами, но дружинники засѣли въ Ярославскомъ и Рязанскомъ вокзалахъ. Изъ этого послѣдняго обстрѣливался Николаевскій вокзалъ. Отвѣтными пушечными выстрѣлами было подожжено зданіе потребительной лавки Моск.-Казан. дор. и сгорѣло все до тла (11-го).

12-го, 13-го и 14-го декабря—по утрамъ тихо. Обыватели бѣгутъ, спѣша запастись необходимыми продуктами. Съ полудня орудія, поставленныя на перекресткахъ, начинаютъ снова палить вдоль улицъ. Но разрушенныя баррикады опять сооружаются, строются даже новыя. Въ центрѣ города, гдѣ господствуютъ правительственныя войска, начинаютъ открывать магазины, но во всемъ остальномъ городѣ жизнь парализована совершенно. Приступаютъ къ обстрѣламъ ружейными залпами или орудійнымъ огнемъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ заподозрятъ дружинниковъ. Во многихъ мѣстахъ отъ орудійной стрѣльбы вспыхиваютъ пожары. Въ большинствѣ больницъ и пріемныхъ покоевъ уже не хватаетъ мѣстъ для раненыхъ и убитыхъ. Съ 13-го канонада, благодаря прибывающимъ изъ Петербурга свѣжимъ войскамъ, не затихаетъ, какъ раньше, съ темнотой, а продолжается и ночью. Цѣлые кварталы

[1]) См. „Москва въ декабрѣ“.

оцѣпляются войсками, всѣ прохожіе обыскиваются и, если находятъ оружіе, то или арестуются или иногда просто тутъ-же разстрѣливаются.

13-го же декабря впервые за все время событій собирается—подъ сильной охраной войскъ—Московская Гор. Дума. Проходитъ резолюція, предложенная А. Гучковымъ. Въ ней говорится: «Признавая, что совершающіяся въ Москвѣ въ послѣдніе дни событія, нашли для себя благопріятную почву въ недовѣріи къ дѣйствіямъ правительства, замедлявшимъ выполненіе обѣщаній манифеста 17 окт., Дума выражаетъ увѣренность, что эти событія не задержатъ проведеніе тѣхъ либеральныхъ реформъ, которыя однѣ въ состояніи вывести страну на путь мирнаго развитія». Резолюція же, предложенная представителемъ лѣвой части гласныхъ Левицкимъ и гласившая:—«Возлагая на правительство отвѣтственность за послѣдствія вооруженнаго возстанія, Дума считаетъ необходимымъ немедленный созывъ народныхъ представителей, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ для выработки основного закона»,—была отвергнута 42 голосами противъ 16.

15-го съ наплывомъ въ Москву свѣжихъ войскъ замѣчается крутой переломъ въ движеніи. Обыватель усталъ; настроеніе рабочихъ быстро идетъ на убыль. Открывается торговля, появляются извозчики. По улицамъ кое-гдѣ можно видѣть вооруженные отряды отъ «Союза Рус. Народа» подъ командой офицеровъ. «Въ большей части города пальба затихла. Открылись банки, биржа, конторы, магазины. Вышелъ «Русскій Листокъ». На улицахъ оживленное движеніе. Всѣми чувствуется, что баррикадная жизнь кончилась. Вечеромъ этого дня нѣкоторые начальники дружинъ постановили распустить свои дружины. Съ этого времени дружинники дѣйствовали, какъ частныя лица. Нѣкоторые изъ нихъ ушли на Прѣсню и сопротивлялись до конца» [1]). Изъ Варшавскаго военнаго округа прибыли военныя части, изъ Петербурга—семеновцы.

16-го отъ имени Московскаго ген.-губернатора появилось воззваніе, призывавшее населеніе выступить противъ мятежниковъ, препятствующихъ, какъ говорилось тамъ, «мирному обновительному движенію».

Къ этому времени, въ рукахъ возставшихъ оставалась уже одна Прѣсня. Эта часть города все время жила своей особой жизнью, отгороженная ото всѣхъ сѣтью баррикадъ. Районный С. Р. Д. здѣсь дѣйствовалъ совершенно обособленно. Человѣкъ 200 дружинниковъ не разъ удачно отражали нападенія и аттаки, и скоро весь районъ былъ почти очищенъ отъ правительственныхъ войскъ. Полными хозяевами на Прѣснѣ сдѣлались революціонеры. 12-го дек. былъ захваченъ полицейскій участокъ. 15-го дружинники арестовали начальника охраннаго отдѣленія Войлошникова, приговорили его къ смерти и послѣ свиданія, даннаго ему съ семьей, разстрѣляли на дворѣ Прохоровской фабрики [2]). 16-го декабря къ Прѣснѣ со всѣхъ сторонъ стали стягиваться войска. Въ городѣ въ это время забастовка уже прекращалась. Въ этотъ-же день (16-го) Исполнительный К—тъ Совѣта и Московскій с.-д. К—тъ, въ виду начинающагося ослабленія забастовки, вынесли рѣшеніе: окончить забастовку 19 октября.

---

[1]) Тамъ же. Стр. 100.

[2]) Какъ показывали свидѣтели, приговоренный до послѣдней минуты держалъ себя съ большой твердостью и мужествомъ.

Такое же рѣшеніе принялъ и Прѣсненскій С. Р.-Д., однако партизанскую войну рѣшилъ закончить не ранѣе, какъ наканунѣ (18-го) вечеромъ. Но уже 17-го съ ночи Прѣсня была охвачена и сжата кольцомъ войскъ. Къ 20-му числу сталъ работать и московскій ж.-д. узелъ.

Съ ранняго утра (17-го) на Прѣснѣ началось наступленіе. Въ 6—7 час. утра «началась канонада, причемъ дѣлалось до 5—7 пушечныхъ выстрѣловъ въ минуту. Семеновцы наступали по М. Грузинской, гдѣ были баррикады»... (Стр. 113).

Съ 8 ч. утра загремѣла сильная артиллерійская канонада. Стрѣляли съ Кудринской ул., отъ Прѣсненской заставы и, по слухамъ, съ Поклонной горы. Одновременно съ Каланчи и Москвы рѣки трещали пулеметы. Артиллерійскій огонь былъ сосредоточенъ на Прохоровской, Шмидтовской и Мамонтовской фабрикахъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія скоро загорѣлись. На Прохороровской «орудіями была разгромлена часть прядильнаго корпуса и помѣщенія спаленъ для рабочихъ... Кромѣ того отъ артиллерійскаго огня загорѣлось много частныхъ домовъ, какъ-то бани дома Купчинскаго и Бирюкова... дома Лапина и Щетинина и многія дома бѣдныхъ владѣльцевъ на Точиловкѣ и близъ нея, такъ что вскорѣ Прѣсня горѣла почти кольцомъ»... Уже черезъ нѣсколько, часовъ большинство дружинниковъ вынуждены были оставить баррикады, разоружились и постарались скрыться. Къ утру 18-го Прѣсня была очищена отъ баррикадъ—частью войсками, частью самыми обывателями. Держался еще нѣкоторое время только районъ Прохоровской фабрики. Утромъ 18-го жителямъ Прѣсни разрѣшенъ былъ выходъ въ городъ по М. Грузинской. Этимъ путемъ благополучно удалось выбраться большинству дружинниковъ и дальнѣйшія расправы, произведенныя войсками на Прѣснѣ, имѣли мѣсто уже тогда, когда тамъ не было почти ни одного дружинника.

20 декабря—на засѣданіи Гор. Думы, въ связи съ только что бывшими событіями—былъ поднятъ вопросъ: платить или не платить за дни забастовки городскимъ служащимъ и рабочимъ? Противъ этого рѣзко высказывается А. Гучковъ. Онъ требуетъ примѣненія принципа: кто сознательно примкнулъ къ забастовкѣ, тому не платить, кто примкнулъ по-необходимости, тому—уплатить. Пусть сами по совѣсти скажутъ—говоритъ А. Гучковъ—кто достоинъ, а кто не достоинъ жалованья! Но дума, однако, не соглашается съ этимъ, и большинствомъ 45 противъ 30 голосовъ рѣшаетъ всѣмъ уплатитьжалованье, ибо выяснить то, что желаетъ Гучковъ, совершенно невозможно. Въ то же время дума, очевидно находясь еще подъ впечатлѣніемъ огульнаго разстрѣла и разгрома Москвы, громаднымъ большинствомъ отклоняетъ предложеніе Шмакова выразить довѣріе и благодарность московскому ген.-губернатору. Но одновременно ассигнуетъ 5000 руб. на обезпеченіе семействъ полицейскихъ, воинскихъ чиновъ и дворниковъ, пострадавшихъ во время возстанія.

21 декабря изъ Прѣсни были выведены войска и въ тотъ же день появилось новое очень пространное объявленіе ген.-губернатора Дубасова, подробно описывавшее только что прошедшую военную кампанію.

«Доблестными дѣйствіями войскъ и самоотверженной работой чиновъ полиціи сопротивленіе мятежниковъ сломлено,—говорилось тамъ,—и безпоря-

дочныя толпы ихъ, еще 15-го числа начавшія искать спасенія въ бѣгствѣ по ж. д., въ настоящее время разсѣяны...» ...«При составленіи плана операцій—говорилось далѣе въ объявленіи—были предусмотрѣны всѣ мѣры предохраненія отъ разрушенія или поврежденія имуществъ общественныхъ или обывателей, не участвовавшихъ въ мятежѣ, а также установлены самыя широкія мѣры охраненія жизни и безопасности самихъ этихъ обывателей»... Затѣмъ подробно описывался походъ на Пресню, осада и переговоры съ рабочими Прохоровской мануфактуры, которымъ было предложено (отъ чего они отказались) или выдать дружинниковъ, или дѣйствовать вмѣстѣ съ войсками. «Но отступая—говорилось въ объявленіи—мятежники... оставили на театрѣ дѣйствій... самыхъ непримиримыхъ и озлобленныхъ бойцовъ... Этими одиночными бойцами... наполнены нѣкоторые кварталы, а потому угнетенное и тревожное состояніе обывателей не прекращается...» Съ этой цѣлью ген.-губернаторъ обѣщалъ московскимъ обывателямъ—путемъ одновременнаго оцѣпленія кварталовъ войсками и обысковъ ихъ полиціей—совершенно очистить кварталы столицы отъ мятежа и призывалъ населеніе къ содѣйствію.

Такъ закончилось московское возстаніе. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ и, разумѣется, далеко не полнымъ, опубликованнымъ бюро Медицинскаго Союза, общее число жертвъ (зарегистрированныхъ по больницамъ и т. п.) равнялось 1059 чел. убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, изъ коихъ 137—было женщинъ, и 86—дѣтей вплоть до грудныхъ младенцевъ. Изъ боевыхъ дружинъ—какъ передавали участники—пострадавшіе составляли сравнительно ничтожное количество; масса погибшихъ—простые, совершенно непричастные къ возстанію,—обыватели. Со стороны же правительственныхъ войскъ и полиціи, по тѣмъ же даннымъ (вѣроятно, еще болѣе неполнымъ), оказывалось 35 ч. убитыхъ (5 офицеровъ). Уличные разстрѣлы и аресты и страшныя избіенія по участкамъ смѣнились вскорѣ—какъ обѣщалъ ген. губ-ръ—массовыми квартирными обысками и арестами, быстро переполнившими всѣ имѣющіяся тюрьмы до крайнихъ предѣловъ.

Чтобы закончить картину Московскаго декабрьскаго движенія, необходимо упомянуть еще о томъ, что на многочисленныхъ ж.-д. станціяхъ и въ фабричныхъ мѣстечкахъ, расположенныхъ вблизи и вокругъ Москвы, въ то время также шли забастовки, такъ-же, какъ въ Москвѣ имѣлись свои С. Р. Д., дѣйствовали свои боевыя дружины и нѣкоторые пункты, какъ Александровъ, благодаря волненію тамъ среди саперовъ, оказывались почти въ рукахъ рабочихъ. Въ Мытищахъ, въ Пушкинѣ, въ Щелковѣ, Всѣхсвятскомъ, Тушинѣ, Филяхъ, Люберцахъ, Раменскомъ и нѣк. др. и всего болѣе чѣмъ на 20 крупныхъ фабрикахъ бастовало около 40000 рабочихъ.

XII.

Декабрьскія вооруженныя столкновенія, сопротивленія и захваты городовъ во внутренней Россіи. Новороссійскъ. Николаевъ. Минеральныя воды. 2-й Урупскій полкъ. Донецкій бассейнъ и Екатеринославская губ. Ростовъ на Дону, Вятка и др.

Декабрьская забастовка, какъ уже упоминалось, по настроенію должна была быть рѣшительной, послѣдней борьбой. Такъ понималась она въ кругахъ руко-

водящихъ соціалистическихъ организацій и среди передовыхъ рабочихъ, какъ въ Москвѣ, такъ—особенно подъ вліяніемъ московскихъ событій—и во многихъ другихъ мѣстахъ. Что касается окраинъ, то тамъ движеніе еще раньше приняло уже совершенно характеръ возстанія. Но въ декабрѣ были и во внутренней Россіи города, гдѣ движеніе принимало подобный-же видъ. Если рабочіе и иная демократія въ своей массѣ и не были настроены,—да и не имѣли для этого достаточно силъ—къ нападенію, то все-же, однако, и во многихъ случаяхъ, они выказывали рѣшительную готовность защищаться и даже вплоть до вооруженнаго отпора отъ нападеній реакціи. Съ другой стороны провинціальныя власти, подъ впечатлѣніемъ орудійнаго разгрома Москвы, въ свою очередь, иногда даже на весьма мирное движеніе начинали смотрѣть, какъ на возстаніе, и по примѣру Москвы, примѣняли такіе способы подавленія, какіе, по необходимости, должны были вызвать и вызывали со стороны революціонно настроенныхъ группъ населенія отчаянное сопротивленіе.

Были въ декабрѣ и во внутренней Россіи города, гдѣ власть временно почти совершенно стушевывалась, и городъ оказывался почти въ полномъ распоряженіи народа. Надо замѣтить, однако, что это въ большинствѣ случаевъ были такія мѣста, гдѣ или совсѣмъ не было военной силы, или ее было слишкомъ недостаточно, или же войска почему-либо какъ разъ въ это время оказывались ненадежными. Намъ уже пришлось указать на Екатеринославъ, гдѣ власти, въ сущности, были почти совершенно парализованы. Однако были болѣе опредѣленные и ярче-выраженные случаи въ этомъ родѣ. Примѣръ—хотя-бы *Новороссійскъ* [1]), о которомъ мы скажемъ, поэтому, нѣсколько подробнѣе.

Въ началѣ декабря въ Новороссійскѣ происходили волненія въ 17-мъ Пластунскомъ батальонѣ и среди казаковъ урупскаго полка. Съ 8 декабря послѣ полученія извѣстія изъ столицъ, здѣсь началась всеобщая забастовка. Съ самаго начала забастовки рабочіе и служащіе приступили къ выборамъ въ С. Р. Д., который къ серединѣ декабря и былъ уже совершенно сформированъ. Стали печататься, обычнымъ путемъ, и «Извѣстія С. Р. Д.». Организована была боевая дружина, которая почти совершенно открыто производила практическія ученія и «въ общемъ она производила—какъ разсказывали представители правительственной власти—впечатлѣніе стройной военной команды»... Для того, чтобы добыть необходимое оружіе, группы дружинниковъ конфисковали его всюду, гдѣ находили. Ходили даже по округу, по сосѣднимъ деревнямъ, разоружали урядниковъ, брали у казацкаго населенія ружья и т. д., выдавая при этомъ росписки отъ имени С. Р. Д. 12 декабря губернаторъ, напуганный возможностью ареста, бѣжалъ изъ города на вокзалъ и поселился въ товарной конторѣ, подъ охраной 2-й (единственной вѣрной) сотни Урупскаго полка.

---

[1]) Хотя Новороссійскъ и причисляется уже къ Сѣверному Кавказу, какъ, напр., и Пятигорскъ, о которомъ мы скажемъ позднѣе, но ихъ приходится отнести къ мѣстностямъ внутренней Россіи, ибо по характеру своего населенія они стоятъ значительно ближе къ внутреннимъ русскимъ губерніямъ, нежели къ такимъ типичнымъ кавказскимъ городамъ, какъ Тифлисъ, Батумъ, Баку и т. п.

Въ это время въ Новороссійскѣ шла 40-дневная забастовка (до 29 дек.) портовыхъ рабочихъ. С. Р. Д. прежде всего постарался организовать помощь безработнымъ. Еще съ первыхъ чиселъ декабря—подъ вліяніемъ рабочаго движенія—гор. дума ассигновала въ помощь безработнымъ 3000 рублей, а теперь съ этой же цѣлью былъ установленъ особый прогрессивно-подоходный налогъ. Городская охрана, организованная думой и вначалѣ стоявшая особо отъ боевой дружины революціонеровъ, постепенно сблизилась съ ней, и они совмѣстно образовали нѣчто вродѣ гражданской милиціи, которая постоянно присутствуетъ и охраняетъ почти ежедневные народные митинги. Такъ шагъ-за-шагомъ С. Р. Д. почти завладѣвшій городомъ, напирая на думу, подготовлялъ, какъ это бывало всюду, революціонную реорганизацію гор. самоуправленія. Винныя лавки были закрыты С. Р. Д., потому пьяныхъ совсѣмъ не было видно. Порядокъ вездѣ былъ образцовый, — говоритъ «Черном. Побережье», газета, разумѣется, не склонная преувеличивать заслуги рабочей организаціи.

Власть и вліятельность С. Р. Д. со дня на день возрастали. Все чаще и все энергичнѣе онъ вмѣшивается въ самыя различныя проявленія обычной жизни. Всѣ типографіи, напр., получили распоряженіе С. Р. Д. печатать лишь то, что разрѣшено Совѣтомъ. Одна типографія, за нарушеніе этого постановленія (напечатала губернаторское объявленіе) была закрыта. Совѣтъ какъ-то, въ видахъ помощи бѣднѣйшему населенію, остановилъ одинъ аукціонъ. Позже С. Р. Д. сталъ арестовывать дебоширившихъ черносотенцевъ и хулигановъ, предавалъ ихъ народному суду и даже, бывало, наказывалъ ихъ карцеромъ. Нѣкоторые купцы были объявлены подъ бойкотомъ, а на нѣкоторыхъ за нарушеніе тѣхъ или иныхъ правилъ, налагались штрафы, шедшіе въ общественную пользу. 19-го дек. на народномъ митингѣ вынесено было рѣшеніе, которымъ предлагалось мѣстному полицмейстеру покинуть городъ въ 24 часа. Наконецъ въ 20-хъ числахъ за направленіе (не сочувственное Совѣту) С. Р. Д. закрылъ умѣренно-либеральную газету «Черноморское Побережье», и она снова смогла выходить лишь тогда, когда въ городѣ было объявлено военное положеніе.

16 декабря парализованная мѣстная власть сдѣлала, было, первую попытку оказать сопротивленіе С. Р. Д. Внезапно урупскими казаками было окружено помѣщеніе, гдѣ находилась дружина. Но, повидимому, настроеніе казаковъ было столь нетвердо, что, разсѣявъ собравшихся, они даже не попытались захватить у революціонеровъ оружіе. И дѣйствительно, — на другой день (17-го) изъ Екатеринодара прибыла делегація отъ (волновавшагося тогда) урупскаго полка и убѣдила находившихся здѣсь казаковъ (кромѣ 2-й вѣрной сотни), покинуть Новороссійскъ и, оставивъ офицеровъ, самовольно уѣхать въ Екатеринодаръ для присоединенія къ своему волновавшемуся тамъ полку. Послѣ этого событія вся новороссійская администрація почувствовала себя окончательно подавленной. Власть надъ городомъ уже всецѣло перешла въ руки С. Р. Д., который 20-го декабря устроилъ внушительную революціонную демонстрацію съ участіемъ вооруженныхъ отрядовъ милиціи и представителей городского самоуправленія.

Но къ этому времени чувствовалось уже, что реакція не за горами. Населеніе замѣтно утомилось. Диктатура С. Р. Д. начинала кое-кого раздражать;

средній обыватель, торговцы и т. п. были недовольны стѣсненіемъ предпраздничной торговли.

24 декабря на рейдѣ неожиданно появился броненосецъ «Ростиславъ». Плѣненная новороссійская администрація тотчасъ же вошла съ нимъ въ сношеніе, послѣ чего онъ снялся и ушелъ. По городу разнеслись слухи о прибытіи войскъ. Всѣ заволновались, администрація ожила. 25 декабря,—дѣйствительно, сухопутьемъ, и съ большими предосторожностями, прибыли казаки и артиллерія. Начались массовые аресты и обыски. Революціоннымъ дружинамъ ничего не оставалось, какъ разоружиться и, разсѣявшись, постараться быть незамѣченными. 26-го городъ былъ уже объявленъ на военномъ положеніи, гор. голова, за сочувствіе революціонерамъ, арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Жизнь быстро входила въ старую, обычную колею...

Нѣчто подобное (хотя болѣе короткое время) происходило и въ г. *Николаевѣ* [1]).

За подписью мѣстнаго С. Р. Д. и объединеннаго К-та с.-д. организацій съ 12 час. дня 13 декабря была объявлена всеобщая забастовка. Настроеніе было тревожнымъ, въ виду господствующей погромной атмосферы. Вниманіе организаціи было сосредоточено на предупрежденіи возможнаго погрома. Забастовка была, однако, энергичной и дружной. Съ первыхъ дней стачки вліятельность С. Р. Д. стремительно возрастаетъ. Подъ вліяніемъ организованнаго давленія С. Р. Д. гор. дума пожертвовала 3000 руб. на безработныхъ, а также въ виду погромной опасности и на организацію городской охраны (натурой). Гражданская охрана, еще раньше образованная рабочими на окраинахъ, теперь, подъ руководствомъ С. Р. Д., расширяетъ свои дѣйствія и приступаетъ къ охранѣ порядка во всемъ городѣ.

Ночью, 15-го, слободской милиціей было задержано нѣсколько грабителей (одинъ при этомъ былъ убитъ), которыхъ рѣшено было на слѣдующій-же день предать народному суду. Судъ состоялъ утромъ (16-го) на Палестинкѣ (площадь). Судей собралось нѣсколько тысячъ, главнымъ образомъ, рабочихъ. Обвиняемые, подъ конвоемъ милиціонеровъ, прибыли къ мѣсту суда. На судѣ были соблюдены всѣ обычныя формальности: записаны фамиліи подсудимыхъ, защитниковъ и свидѣтелей. Свидѣтелями была доказана причастность нѣкоторыхъ изъ захваченныхъ къ убійствамъ октябрьскаго погрома. Нѣкоторые свидѣтели тутъ же показали народу раны, нанесенныя однимъ изъ обвиняемыхъ... На площадь прибыли власти съ отрядомъ казаковъ и стали просить выдать имъ обвиняемыхъ. Но народъ не согласился, власти вынуждены были удалиться и судъ продолжался. Предсѣдатель суда обратился къ народу съ вопросомъ: какъ съ ними (съ обвиняемыми) поступить? И въ отвѣтъ раздался единодушный крикъ: «Смерть убійцамъ». Кто за смертную казнь, тотъ пусть подыметъ руку—сказалъ предсѣдатель.—Всѣ подняли руки. Кто за смертную казнь, тотъ пусть переходитъ на правую сторону.—Всѣ перешли... Послѣ этого, нѣсколько (двое?) грабителей были тутъ же разстрѣляны и трупы ихъ отправлены въ пріемный покой. Осталь-

---

[1]) „Одесскія Новости“ отъ 27 дек. и др.

ные были помилованы... Въ тотъ же день и такой же судъ происходилъ на другой площади.

18 декабря С. Р. Д. предполагалъ, было, устроить грандіозную манифестацію, но въ виду погромной опасности отмѣнилъ ее. А 19-го декабря отъ его имени появился уже призывъ къ прекращенію забастовки. Съ 24 числа въ Николаевѣ, какъ и въ прочихъ городахъ, начались массовые аресты и обыски.

Пятигорску и вообще т. наз. «Группѣ» (Сѣв. Кавказъ) также пришлось пережить дни, когда старыя власти почти не существовали. Послѣ бывшихъ здѣсь въ ноябрѣ солдатскихъ волненій, почти во всѣхъ поселеніяхъ «Группы» воцарились большія вольности. Въ Пятигорскѣ былъ организованъ «Союзъ прогрессивныхъ гражданъ», объединившій всѣхъ прогрессистовъ. Центр. К-тъ этого союза находился въ Пятигорскѣ, а въ Кисловодскѣ, Ессентукахъ, Желѣзноводскѣ, Минеральныхъ Водахъ—были образованы отдѣленія. Члены союза разъѣзжали по разнымъ мѣстамъ «Группы», устраивали тамъ митинги и вообще старались сплотить и объединить движеніе всей этой мѣстности. Мѣстные пятигорскіе солдаты 250 Ахульгинскаго полка были настроены не враждебно къ движенію и совсѣмъ не были склонны оказать какое-либо сопротивленіе народу. Поэтому дѣйствительная власть отъ атамана отдѣла быстро переходила къ союзу. Съ конца ноября и въ декабрѣ здѣсь стали выходить явочнымъ путемъ радикальныя газеты: «Народъ» и «Народная Правда». «Союзъ прогрессивныхъ гражданъ» велъ агитацію за революціонную реорганизацію гор. думы, о подготовкѣ къ выборамъ явочнымъ путемъ въ Учредительное Собраніе, и подумывалъ даже объ объявленіи себя мѣстнымъ временнымъ правительствомъ. Съ 6 декабря народъ закрылъ всѣ винныя лавки, а атаманъ обѣщалъ депутатамъ отъ митинга спрашивать у народа совѣта при полученіи правительственныхъ распоряженій. Кое-гдѣ по станціямъ начинали разоружать жандармовъ. 11 декабря въ Пятигорскѣ былъ устроенъ большой митингъ (6000 ч.) подъ открытымъ небомъ (въ Никол. цвѣтникѣ), на которомъ, между прочимъ, было рѣшено,—за отсутствіемъ въ Россіи золота,—пока, до созыва Учредительнаго Собранія, принимать и бумажныя деньги. Для выборовъ въ новую думу (противъ чего были только нѣкоторые купцы) городъ былъ уже раздѣленъ на пять избирательныхъ участковъ. Въ серединѣ декабря, когда на группу пришли извѣстія о событіяхъ въ Ростовѣ на Дону, и здѣсь стали готовиться къ отпору надвигавшейся реакціи. Изъ Екатеринодара и съ «Кавказской» передавали о начавшихся репрессивныхъ дѣйствіяхъ. На рядѣ митинговъ, устроенныхъ по этому поводу, на очередь былъ поставленъ вопросъ о вооруженіи. Вооруженныя дружины имѣлись, но ихъ было недостаточно. Рѣшено было добыть оружіе у атамана отдѣла. 16-го декабря толпы народа, поднявъ красный флагъ, подошли къ дому атамана, который, подчиняясь требованіямъ народа, выдалъ разрѣшеніе на свободную продажу оружія изъ склада. На другой день (17-го) послѣ обычнаго митинга, народъ разоружилъ всю пятигорскую полицію и всѣхъ военныхъ (то же самое было сдѣлано въ Георгіевскѣ и Владикавказѣ). Вооруженные дружинники съ красными флагами разъѣзжали по всѣмъ мѣстамъ «Группы», гдѣ имъ

[1]) „Народъ“, „Народная Правда“ 1905 г. дек.

нерѣдко (какъ на Минеральныхъ Водахъ) устраивались самыя торжественныя встрѣчи, и даже съ депутаціями отъ сосѣднихъ селеній.

22 декабря и здѣсь, наконецъ, произошла первая, но неудачная попытка нападенія старой власти. Мѣстная администрація подбила сосѣднихъ горячинскихъ казаковъ (казаковъ-жителей) пойти въ Пятигорскъ и обезоружить солдатъ Ахульгинскаго полка. Это нашествіе было замѣчено только тогда, когда казаки уже пришли въ городъ. Раздался набатъ и жителей охватила, было, паника. Но скоро солдаты и народъ овладѣли собой и, давъ отпоръ казакамъ, обратили ихъ въ бѣгство и отобрали оружіе (убито было при этомъ двое). По тревогѣ, со всѣхъ мѣстъ Группы, въ Пятигорскъ начали прибывать дружины. 23 декабря былъ устроенъ общій съ казаками митингъ, гдѣ имъ былъ растолкованъ ихъ поступокъ, послѣ чего было провозглашено общее примиреніе. Но реакція уже придвигалась быстрыми шагами. Георгіевскъ былъ занятъ казаками, ст. Незлобная захвачена (23 дек.) войсками. На 27 декабря были назначены выборы въ новую пятигорскую думу, но 25 дек. газета «Народная Правда» выпустила свой послѣдній номеръ и съ прибытіемъ войскъ городъ и др. мѣста Группы перешли въ руки старой власти. А затѣмъ, какъ и въ др. мѣстахъ, начинается эра обысковъ, арестовъ, запрещеній и т. д.

Прежде, чѣмъ перейти здѣсь къ описанію событій въ др. мѣстностяхъ и городахъ, необходимо остановиться нѣсколько на исторіи движенія 2-го Урупскаго полка, такъ какъ именно отъ этого солдатскаго движенія въ значительной степени зависѣлъ характеръ описанныхъ событій и въ Новороссійскѣ, и въ др. мѣстахъ Сѣвернаго Кавказа.

Волненія среди урупцевъ начались, приблизительно, съ конца ноября. Вотъ что мы узнаемъ объ этихъ волненіяхъ изъ приказа кубанскаго наказного атамана г.-л. Одинцова отъ 2 янв.:

«14-й баталіонъ, будучи отправленъ 3-го декабря въ Закавказье и доѣхавъ уже по желѣзной дорогѣ до станціи Евлахъ, отказался слѣдовать въ назначенные для него пункты и распоряженіемъ елисаветпольскаго генералъ-губернатора былъ возвращенъ въ пунктъ формированія—гор. Майкопъ, 18-го декабря, какъ часть, находящаяся въ безпорядкѣ.

15-й баталіонъ, дойдя до станціи Крымской 12-го декабря, отказался слѣдовать въ Новороссійскъ для посадки на военный транспортъ и дальнѣйшаго слѣдованія въ Батумъ для выручки нашихъ же войскъ, вслѣдствіе чего моимъ распоряженіемъ былъ возвращенъ 17-го декабря въ станицу Славянскую, пунктъ его формированія.

17-й баталіонъ, получивъ назначеніе отправиться въ Батумъ и прибывъ 28-го ноября въ Новороссійскъ, отказался тамъ погрузиться на пароходъ и распоряженіемъ черноморскаго губернатора былъ возвращенъ 13-го декабря въ станицу Уманскую, въ пунктъ формированія»...

Въ серединѣ декабря казаки стянули всѣ части своего полка, разсѣянныя по разнымъ городамъ для охраны, въ *Екатеринодаръ* (кромѣ 2-й полусотни) и подали начальству «просьбу 2-го Урупскаго полка Кубанскаго Казачьяго Войска», о полномъ роспускѣ полка въ недѣльный срокъ.

Въ 20-хъ числахъ декабря, неудовлетворенные и недовольные казаки при-

ступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. На собраніи всего полка казаки самочиннымъ путемъ избираютъ своихъ собственныхъ командировъ (главнымъ командиромъ былъ избранъ урядникъ Курчановъ), посылаютъ на 10-ти тысячный митингъ, шедшій въ это время на Соборной площади, вѣстового, черезъ котораго объявляютъ народу, что полкъ съ сего дня отказывается нести полицейскую службу и уходитъ въ станицы. 22 декабря урупцы завладѣваютъ полковой кассой и знаменемъ. Затѣмъ съ помощью забастовочнаго к-та погружаются на поѣздъ и отъѣзжаютъ въ сторону Майкопа, гдѣ предполагалось сдать знамя и кассу атаману отдѣла и распустить полкъ по станицамъ. Гор. *Майкопъ* устроилъ восторженную встрѣчу урупцамъ: отъ города были высланы депутаціи, отслуженъ благодарственный молебенъ, гор. голова поднесъ хлѣбъ-соль и наконецъ, городскимъ управленіемъ было устроено угощеніе. Атаманъ отдѣла отказался формально распустить полкъ. Тогда въ тотъ же день вечеромъ урупцами былъ выработанъ текстъ ихъ знаменитаго воззванія «ко всѣмъ гражданамъ Россіи», которое было разрѣшено къ напечатанію съ такой отмѣткой: «по вынужденію урупцевъ и въ огражденіе спокойствія города разрѣшилъ къ печатанію и. д. полицеймейстера Ромащукъ». Въ воззваніи, рядомъ съ спеціально казачьими требованіями, выставляется требованіе созыва Думы на началахъ всеобщ. и т. д. изб. права и амнистіи [1]).

Послѣ этого своего обращенія къ народу, полкъ удалился въ станицу Гіачинскую и тамъ, оградивъ себя сторожевыми пикетами, продержался—уже въ періодъ торжества реакціи и карательныхъ экспедицій—еще до 6 февраля 1906 г. Казацкая масса все время твердо вѣрила, что какъ только Государь узнаетъ причины ихъ неповиновенія, они тотчасъ же будутъ оправданы [2]). Съ этой цѣлью въ Царское Село тайно были посланы два депутата, которые, не добравшись до Государя, чуть было не были арестованы. Не подѣйствовало на урупцевъ и сообщеніе въ приказѣ г.-л. Одинцева, что на всеподданнѣйшей телеграммѣ о нихъ Государь Императоръ изволилъ собственноручно начертать: «Вотъ не ожидалъ, чтобы пластуновъ могла коснуться пропаганда Объявите пластунамъ 14, 15 и 17-го батальоновъ, что они опозорили себя въ Моихъ глазахъ» [3]).

Послѣ объявленія военнаго положенія, ст. Гіачинская была отрѣзана отъ всякихъ сообщеній, а послѣ отказа урупцевъ на предложеніе сдаться, 6 февраля станица подверглась бомбардировкѣ. Спасая жителей отъ разгрома, урупцы вынуждены были согласиться на сдачу. Зачинщики до 50 ч. были арестованы, а 39 изъ нихъ преданы суду, приговорившему ихъ къ каторгѣ и въ дисциплинарный батальонъ [4]).

Весьма крупныя революціонныя событія въ декабрѣ имѣли мѣсто въ *До-*

---

[1]) Полный текстъ этого весьма интереснаго воззванія см. въ № „Молвы“ отъ 11 янв. 1906 г.

[2]) „Былое“ № 7, Paris, 1908 г. Д. В. В. „Возстаніе 2-го Урупскаго полка“.

[3]) „Русь“ № 19, 1906 г.

[4]) Революціонный командиръ полка Курчановъ приговоренъ былъ къ 20 г. каторги. Рабочіе Екатеринодара, гдѣ шелъ судъ въ октябрѣ 1906 г., выразили свое сочувствіе урупцамъ—всеобщей демонстративной забастовкой.

нецкомъ бассейнѣ и на *Екатерининскихъ желѣзныхъ дорогахъ*. На рудникахъ, заводахъ и жел.-дор. пунктахъ, въ которыхъ имѣлись депо, образовывались Совѣты Р. Д., разоружалась уѣздная полиція, закрывались винныя лавки и формировались дружины, вооружаемыя револьверами и винтовками. Станціи *Гришино* и *Авдѣевка* были забаррикадированы и укрѣплены въ цѣляхъ задержанія войскъ, могущихъ явиться изъ Екатеринослава. Къ 16 дек. на всѣхъ станціяхъ Екатерин. дороги были разоружены жандармы и солдаты. Въ *Луганскѣ* Совѣтъ Р. Д. принудилъ городскую Думу засѣдать совмѣстно съ нимъ для обсужденія городскихъ дѣлъ. 17 декабря въ Горловкѣ произошло серьезное кровопролитіе. При переговорахъ рабочихъ Южно-русск. завода съ директоромъ, постановившимъ закрыть заводъ, явившіяся войска дали залпъ. 9 рабочихъ было убито, 13 ранено. Черезъ нѣсколько часовъ стянувшіяся изъ разныхъ пунктовъ боевыя дружины превратили Горловку въ укрѣпленный лагерь. На слѣдующій день дружинники осадили солдатскія казармы, въ которыхъ находились 200 чел. пѣхоты и эскадронъ драгунъ, и вынудили ихъ уйти изъ мѣстечка. Но въ тотъ же день войска обходнымъ движеніемъ вновь вошли въ Горловку и заняли ее послѣ $^1/_2$ час. боя, въ которомъ было убито около 20 рабочихъ и ранено до 40.

20 декабря Екатеринославская губернія была объявлена на военномъ положеніи и вмѣстѣ съ этимъ начались обыски, аресты, избіенія, тюрьмы въ Таганрогѣ, Луганскѣ и Бахмутѣ переполнились привезенными изъ Донецкаго бассейна арестованными, судъ надъ которыми состоялся уже въ концѣ 1908 г. и закончился десятками смерт. приговоровъ.

Въ *Ростовѣ-на-Дону* (о которомъ частью уже говорилось выше) 13 декабря всеобщая забастовка тоже переходитъ въ движеніе, очень напоминающее московское. Единственнымъ виновникомъ этого были ростовскія власти, во главѣ которыхъ въ то время былъ поставленъ воинскій начальникъ полковникъ Макѣевъ. Рабочіе и руководящія революціонныя организаціи, оторванныя отъ всей остальной Россіи забастовкой и живущія только случайными слухами, совершенно несклонны были приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но вотъ 13 декабря въ 2 ч. дня, когда изъ столовой Владикавказской ж. д. (на Темерникѣ) рабочіе расходились съ обычнаго митинга, вдругъ, совершенно безъ всякаго предупрежденія и безъ всякаго сколько-нибудь серьезнаго повода, надъ городомъ загрохотала пушечная стрѣльба. Было выпущено свыше 15 пушечныхъ снарядовъ. 6 человѣкъ (сестра милосердія, два депутата, 1 депутатка и еще 2 рабочихъ) были убиты, нѣсколько ранено. Повреждено нѣсколько зданій. Вмѣстѣ съ пушечной канонадой на улицахъ города появились казаки и до вечера стрѣляли куда попало, по всѣмъ направленіямъ. Это продолжалось до 9 ч. вечера, причемъ оказалось около 100 жертвъ убитыхъ и раненыхъ только въ самомъ городѣ [1])...

Послѣ этой бомбардировки Темерникскій рабочій поселокъ и городъ оказались надолго раздѣленными другъ отъ друга. Въ городѣ господствовали правительственныя войска, на Темерникѣ—рабочіе и боевыя дружины. Эти рабочія

[1]) „*Отклики Современности*“, В. С. „Декабрьскіе дни въ Ростовѣ“.

дружины, образованныя еще раньше изъ-за опасенія еврейскаго погрома, вооружены были, разумѣется, совсѣмъ плохо и изъ 200—300 дружинниковъ не больше 25—30 чел. имѣли ружья.

14, 15, 16-го продолжалось тоже самое: т. е. казацкая стрѣльба на улицахъ города и орудійная бомбардировка Темерника. 14-го Темерникъ подвергся аттакѣ. Но тутъ боевая дружина рабочихъ, какъ она ни была плохо вооружена, не только успѣшно отразила нападеніе, но даже взяла въ плѣнъ одного казака. При нападеніи на вокзалъ при этомъ революціонерами была брошена бомба, произведшая паническое дѣйствіе на казаковъ. Въ этой схваткѣ рабочіе потеряли нѣсколько убитыми и ранеными и между ними члена исполнительнаго комитета с. р. д. молодого рабочаго *Анатолія Сабино*, выказавшаго, какъ передавали, необыкновенное мужество. При этомъ разыгралась сцена, живо напоминающая сцены изъ эпохи великой французской революціи. «Во время аттаки онъ (Сабино) стоялъ въ первыхъ рядахъ — пишетъ В. С. — Когда пронзенный въ сердце онъ упалъ безъ одного стона, къ нему подошелъ его отецъ, взялъ его винтовку и сказалъ: «товарищи, не отчаивайтесь, я умѣю стрѣлять такъ же мѣтко, какъ и мой единственный сынъ» [1]).

Въ тотъ же день въ городѣ въ казаковъ была брошена другая бомба, которой убито было 7 и ранено четверо казаковъ.

На Темерникѣ же, которымъ владѣли рабочіе, обыватели съ охотой помогали дружинникамъ всѣмъ, чѣмъ могли. Но и здѣсь, какъ въ Москвѣ,—особенно изъ-за недостатка оружія и патроновъ,—не только простому сочувствующему или раздраженному разстрѣломъ обывателю, но и рабочей массѣ, по необходимости, приходилось оставаться пассивнымъ зрителемъ борьбы кучекъ дружинниковъ съ правительственными войсками. А дружинники на огонь батареи отвѣчали огнемъ изъ своихъ нѣсколькихъ десятковъ ружей и нерѣдко такъ удачно, что заставляли артиллерію перемѣнять позиціи.

17, 18 и 19-го декабря, изъ-за сильнаго тумана, бомбардировка была временно прекращена. 19 къ вечеру Ростовъ и Нахичевань были объявлены на военномъ положеніи, а полковникъ Макѣевъ обратился въ временнаго ген.-губернатора. 20-го числа власти приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Съ утра начался усиленный обстрѣлъ темерницкаго поселенія, при чемъ за 6 час. было выпущено болѣе 150 снарядовъ. Съ 3-хъ часовъ дня затрещалъ и ружейный огонь вдоль улицъ. До пяти часовъ дружины успѣшно отражали нападенія, но скоро запасы боевыхъ патроновъ истощились и дружинники, захвативъ все свое оружіе, бомбы и проч. незамѣтно удалились съ Темерника, послѣ чего темерницкое населеніе выкинуло бѣлый флагъ. Войска вступили въ поселокъ. Начались аресты, обыски и вообще все то, что въ такихъ случаяхъ бывало. Часть дружинниковъ успѣла унести оружіе и динамитъ въ Нахичевань и спрятала ихъ тамъ въ столовой при заводѣ «Аксай». По какой то несчастной случайности, утромъ 21-го, запасы эти взорвались, столовая взлетѣла на воздухъ и всѣ девять дружинниковъ, оставшіеся тамъ ночевать, погибли отъ

---

1) Тамъ же, стр. 72.

взрыва. 21-го, по приказу полиціи, стали открываться закрытыя учрежденія, пошелъ и трамвай, забастовка начинала прекращаться...

Такимъ образомъ, на ряду—и частью одновременно съ возстаніемъ въ Москвѣ—цѣлая полоса юга во Внутренней Россіи, начиная, приблизительно, съ Екатеринослава и Николаева и склоняясь дальше къ югу, вплоть до Средняго Кавказа, также была охвачена вспышками повстанческаго движенія. Подобнаго же рода вооруженныя столкновенія или вооруженные отпоры—и почти въ то же самое время—имѣли мѣсто и совсѣмъ въ другой сторонѣ внутренней Россіи.

Такъ въ *Сормовѣ* (Ниж. губ.) декабрьская забастовка почти съ самаго же начала превратилась въ вооруженное столкновеніе рабочихъ съ войсками. Сначала казаки напали на демонстрацію, устроенную рабочими, разсѣяли ее и многихъ избили. Затѣмъ послѣ оказаннаго сопротивленія, стали обстрѣливать заводскую столовую, гдѣ шли митинги, а потомъ даже и улицы. 13 декабря раздраженные рабочіе построили 15 баррикадъ и нѣкоторое время оказывали серьезное сопротивленіе войскамъ. При сопротивленіи было брошено нѣсколько бомбъ. Но скоро и здѣсь—съ легкой руки московскихъ властей—прибыла артиллерія и примѣненъ былъ артиллерійскій разстрѣлъ...

Въ *Харьковѣ* 12 дек. былъ подвергнутъ пушечному и ружейному разстрѣлу заводъ Гельферихъ-Саде, гдѣ, какъ утверждали правительственныя власти, засѣли боевыя дружины. Рабочіе пробовали вначалѣ сопротивляться, и на бомбардировку отвѣчали выстрѣлами. Тогда по заводу было выпущено 20 артиллерійскихъ снарядовъ. Рабочіе др. заводовъ, встревоженные канонадой со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ мѣсту пальбы, но были встрѣчены неожиданными залпами, которыми многіе были ранены и убиты. Въ тотъ же день у вокзала въ толпу былъ сдѣланъ еще залпъ, которымъ, по оффиціальнымъ даннымъ, было убито 6 чел. Забаррикадировавшіеся на заводѣ въ концѣ-концовъ выкинули бѣлый флагъ и сдались. Было арестовано 137 ч. Убитыхъ за этотъ день по оффиціальнымъ даннымъ было не менѣе 16—17 ч. а раненыхъ около 100.

На Уралѣ—въ *Мотовилихѣ* (возлѣ Перми) декабрьская забастовка также проходила очень бурно. 12 декабря были уже случаи разоруженія рабочими жандармовъ и полицейскихъ. 13 декабря, когда рабочіе расходились съ митинга, на нихъ произведено было жестокое казацкое нападеніе. Въ отвѣтъ на это, рабочіе устроили баррикады и изъ имѣвшихся у нихъ берданокъ стрѣляли по войскамъ изъ оконъ и т. п. Баррикады были взяты пѣхотой послѣ ружейной перестрѣлки.

Своеобразный характеръ имѣло вооруженное столкновеніе, происшедшее въ 20-хъ числахъ декабря въ *Вяткѣ*. Здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ «боевыя дружины» (изъ рабочихъ и учащихся) сложились еще подъ вліяніемъ октябрьскихъ погромовъ. Надо сказать, что въ Вятскомъ уѣздѣ шла особенно успѣшно политическая агитація среди крестьянъ. Въ концѣ ноября въ Вяткѣ происходилъ крестьянскій съѣздъ; его охраняли дружинники и онъ прошелъ благополучно. Въ декабрѣ готовился 2-й съѣздъ, но въ это время уже наступала реакція и ходили слухи, что съѣздъ будетъ разогнанъ. Но это не остановило иниціаторовъ съѣзда. Нужно замѣтить, что къ этому времени изъ

Слободского арсенала было похищено 313 винтовокъ, которыми и вооружились дружинники-рабочіе и крестьяне. Эти то вооруженные отряды ко времени съѣзда и стали постепенно прибывать въ Вятку для его охраны. 15 декабря насторожившейся администраціи уже удалось арестовать одну дружину вооруженныхъ крестьянъ. Однако, 18 декабря—какъ было назначено—съѣздъ, подъ охраной дружинниковъ, все же открылся въ зданіи фельдшерскихъ курсовъ. Другія дружины, съ цѣлью же охраны, были помѣщены въ ближайшихъ мѣстахъ. Скоро пришли извѣстія, что подходятъ войска, а съ частью дружинниковъ, засѣвшихъ на городской водокачкѣ, у нихъ уже началась перестрѣлка. На выручку къ осажденнымъ отправилась другая дружина, сидѣвшая въ частномъ домѣ. При встрѣчѣ съ войсками дружина заняла ближайшее зданіе и тоже стала отстрѣливаться (были убитые и раненые), но уже черезъ часъ вынуждена была сдаться (29 чел.). На водокачкѣ же дружинники продержались до вечера, и только послѣ переговоровъ, посредникомъ въ которыхъ былъ гор. голова, и здѣсь послѣдовала сдача (27 чел. съ 36 ружьями). На мѣстѣ, гдѣ происходилъ самый съѣздъ, чуть было также не дошло до столкновенія: присутствующіе противились обыску. Разумѣется съѣздъ не могъ состояться. При сдачѣ, озлобленные солдаты (среди нихъ были убитые) страшно избивали крестьянъ и дружинниковъ, а одинъ офицеръ скомандовалъ арестованнымъ крестьянамъ стать «на колѣни» и продержалъ ихъ такъ болѣе часу на снѣгу, вслухъ сожалѣя, что не можетъ тутъ же подвергнуть ихъ разстрѣлу.

Въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр., въ *Саратовѣ*, декабрьская стачка была уже, такъ сказать, на границѣ того, чтобы обратиться въ вооруженную форму борьбы. 16 декабря на институтской площади здѣсь произведенъ былъ неожиданно жестокій разстрѣлъ народа напавшими на митингъ казаками (около 10 чел. убитыхъ). Губернаторомъ Столыпинымъ послѣ этого вывѣшены были объявленія, совсѣмъ по-московски угрожавшія артиллерійскимъ разстрѣломъ домовъ и т. п. Но движеніе въ это время шло уже на убыль.

XIII.

Ноябрь-декабрьское движеніе на окраинахъ: на Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ Краѣ и въ Сибири.

Въ то время, какъ декабрьская забастовка во внутреннихъ губерніяхъ, за исключеніемъ части юга, такимъ образомъ, только эпизодически, въ отдѣльныхъ, рѣдкихъ и разрозненныхъ пунктахъ и чаще всего подъ непосредственнымъ давленіемъ наступающей реакціи — вспыхивала огнемъ возстанія, на окраинахъ, особенно на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ Краѣ такое движеніе сдѣлалось уже затяжнымъ, упорнымъ и охватывало цѣлые районы. Кромѣ того, если во внутренней Россіи единственной активной силой декабрьскаго движенія—среди пассивно-сочувственной, а частью даже враждебной массы населенія—былъ пролетаріатъ, то въ Прибалтійскомъ Краѣ и на Кавказѣ и въ декабрѣ, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, участвовали и значительныя массы иного, особенно крестьян-

скаго населенія. Сѣверо-Западный Край занимаетъ въ этомъ отношеніи промежуточное положеніе и, пожалуй, ближе подходитъ къ внутреннимъ губерніямъ, нежели къ этимъ окраинамъ. Движеніе въ Сибири, особенно ярко выступившее въ концѣ декабря, стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ общероссійскаго и носитъ свой особый характеръ, выросши на почвѣ недовольства войскъ, возвращавшихся изъ Манджуріи.

Въ *Сѣверо-Западномъ Краѣ* декабрьская забастовка была довольно, дружной, хотя и уступала октябрьской. Какъ и раньше, она прошла подъ организованнымъ руководствомъ мѣстной соц.-демократіи, но не отличалась отъ общерусской какими-либо особо-оригинальными чертами. Всеобщая забастовка въ *Вильнѣ* объявлена была и началась 11 декабря съ 12 ч. дня. Были попытки устройства уличныхъ митинговъ и демонстрацій, которыя, однако, разсѣивались войсками. Вообще въ поведеніи войскъ и власти чувствуется значительно большая рѣшительность, чѣмъ раньше. 13 декабря на Каѳедральной площади были выставлены даже пулеметы. 17 декабря, по рѣшенію организацій, забастовка была прекращена. Въ *Ковнѣ* забастовка прошла, повидимому, не совсѣмъ удачно. Началась она 12 декабря. Устроена была шумная уличная демонстрація. Власти также демонстрировали,—возили по улицамъ пушки. Одинъ домъ, изъ котораго будто бы былъ произведенъ выстрѣлъ, подвергся обстрѣлу. Городъ почти сразу оказался на осадномъ положеніи—съ уличными обысками, спросами и т. п. И уже 14 декабря (какъ передавали, вопреки желанію Стачечнаго К-та) рабочіе постепенно стали приниматься за работу...

На *Кавказѣ* декабрьское движеніе представляло собой прямое продолженіе или развитіе того, что было здѣсь уже въ октябрѣ—ноябрѣ и даже раньше. Центромъ движенія оставалась почти совершенно захваченная народомъ Гурія. Реакціонный напоръ здѣсь только ожесточилъ и участилъ тѣ вооруженныя столкновенія съ русскими войсками, которыя были и раньше. Населеніе упорно защищало завоеванныя съ такимъ трудомъ и жертвами вольности и свое народное самоуправленіе.

Уже въ концѣ ноября здѣсь произошелъ и почти одновременно въ разныхъ пунктахъ рядъ столкновеній съ казацкими отрядами,—въ Батумѣ, Кутаисѣ, въ Поти и Новосенакахъ.

Съ 20 ноября въ *Кутаисѣ* [1]) вспыхнула забастовка городовыхъ и городъ остался безъ всякой охраны. Пользуясь этимъ на улицахъ все чаще и сильнѣе стали самовольничать стоявшіе здѣсь казаки, а 27 ноября они захватили всѣ полицейскіе посты, и начали хватать и жестоко избивать нѣкоторыхъ гражданъ. Въ отвѣтъ на эти самоуправства съ церковныхъ колоколенъ раздался набатъ и скоро городскія улицы покрылись баррикадами. Со всѣхъ сторонъ изъ сосѣднихъ селъ сталъ стекаться народъ на помощь кутаисскимъ жителямъ. Скоро весь округъ гудѣлъ набатнымъ звономъ, а верховые гонцы скакали по всѣмъ направленіямъ и созывали дружины. Испуганныя власти обѣщали удалить казаковъ. Тогда 28 ноября баррикады были разобраны самими гражданами, а сельскія дружины распущены по домамъ. Но къ вечеру снова началась перестрѣлка,

[1]) „Былое“, ст. Старосельскаго.

опять раздался набатъ, баррикады стали возстановляться, и только къ 29-му населеніе нѣсколько успокоилось и баррикады были окончательно разобраны. Требованіе удаленія казаковъ изъ города, выставленное народомъ, 30-го было поддержано собраніемъ чиновниковъ (которые угрожали даже забастовкой). Объ этомъ же самомъ губернатора просилъ гор. голова, а отъ дворянъ—предводитель дворянства. Была выбрана особая депутація, которая для этой цѣли должна была отправиться къ Намѣстнику.

Въ *Поти* 27 ноября пластуны подняли стрѣльбу и заняли мостъ черезъ Ріонъ. Это нападеніе вызвало общій взрывъ негодованія. На помощь и здѣсь изъ окружающихъ селъ стали собираться дружины.

28 ноября въ третьемъ мѣстѣ,—въ *Батумѣ* произошла подобная же исторія: казаки изъ-за какихъ-то недоразумѣній, ими же вызванныхъ, произвели нападеніе на жителей, при чемъ было убито 11 человѣкъ. 30-го батумцы устроили торжественныя похороны, но раздался неизвѣстно откуда выстрѣлъ, и снова загорѣлась перестрѣлка. Возмущенные жители бросились строить баррикады; въ казаковъ были брошены бомбы и вообще стала разгораться уличная борьба. 1 октября комендантъ Батумской крѣпости навелъ на городъ орудія и потребовалъ немедленнаго снятія баррикадъ. Жителямъ пришлось подчиниться силѣ: баррикады были разобраны. Послѣ этого въ Батумѣ было введено осадное положеніе, со всѣми обычно сопровождающими его тягостями. Эти Батумскія событія вызвали взрывъ протестовъ по всему Кавказу. Рабочія и иныя собранія всюду выносятъ резолюціи—съ требованіемъ снятія осаднаго положенія въ Батумѣ и удаленія казаковъ. На западномъ участкѣ ж.-д. было по этому случаю пріостановлено даже движеніе. Всюду среди населенія, послѣ этого, проявляется лихорадочная жажда самовооруженія.

Такое же столкновеніе населенія съ казаками въ это время было и въ *Новосенакахъ*. Здѣсь виновники столкновенія изъ гражданъ были оштрафованы самимъ народомъ на 100 р. и приговорены къ домашнему аресту. Съ начала декабря всѣ учрежденія здѣсь находились въ рукахъ народа.

Съ полученіемъ извѣстій изъ Петербурга объ арестѣ С. Р. Д. и. т. п. стало ощущаться и на Кавказѣ приближеніе реакціи. Дѣйствія т. наз. «красныхъ сотенъ», поэтому, дѣлались все рѣшительнѣе. Все чаще происходятъ случаи обезоруженія стражниковъ, столкновенія, разгромы полицейскихъ управленій и. т. д. 4 декабря въ м. Квирилахъ, напр., толпа окружила помѣщеніе стражниковъ и конфисковала 64 винтовки и 90 револьверовъ. Въ Кутаисѣ городъ охраняется, вмѣсто полиціи, 60-ю гражданами городской стражи.

10 декабря отъ Баку до Батума, по станціямъ, отъ имени конференціи служащихъ закавказской ж.-д., дана была телеграмма съ извѣщеніемъ о рѣшеніи по поводу забастовки 29 ж.-д. и с.-д. тифлисской организаціи. Этой телеграммой всеобщая забастовка на кавказскихъ ж. д. объявлялась на 10-е декабря съ 12 ч. ночи. Съ этого времени пропускаться должны были только тѣ поѣзда, которые предназначались для организаціонныхъ сношеній. 12 декабря къ общей забастовкѣ примыкаютъ Кутаисъ, Тифлисъ и др. кавказскіе города. 14 декабря г. Тифлисъ, тифлисскій уѣздъ и закавказскія ж.-д. были объявлены уже на военномъ положеніи.

Вотъ что разсказываетъ о декабрьскихъ событіяхъ въ *Тифлисѣ* оффиціальное сообщеніе, полученное въ Петербургѣ 30 декабря.—«17 декабря, при входныхъ стрѣлкахъ на станціи «Тифлисъ», 30-ю вооруженными злоумышленниками захвачены русскіе два стрѣлочника и одинъ сцѣпщикъ, приступившіе къ работѣ и уведены въ Нахаловку. Въ виду извѣстія, что въ Нахаловкѣ имѣются бомбы и оружіе, 18 декабря Нахаловка была оцѣплена для обыска войсками, по которымъ была открыта стрѣльба. Войска отвѣчали. Злоумышленники скрылись. Подъ строящейся церковью найдено семь человѣкъ съ 8-ю бомбами и нѣсколькими ружьями. При перестрѣлкѣ убито 9 и ранено 3 чел. 20 декабря стрѣляли во вновь назначеннаго тифлисскаго полицеймейстера ротмистра Мартынова, при чемъ тяжело ранили пристава Снитко, убили жандармскаго вахмистра и бросили бомбу въ офицерское экономическое общество, единственное, торговавшее въ городѣ, ранивъ 7 чел. Всѣ злоумышленники скрылись». 22 декабря—по оффиціальнымъ же свѣдѣніямъ—были брошены бомбы въ казаковъ (четверо ранено). Въ отвѣтъ войсками былъ окруженъ домъ, гдѣ предполагались революціонеры, обстрѣленъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ и затѣмъ сожженъ Къ утру слѣдующаго дня насчитывалось уже 33 чел. убитыми и 30 ранеными. 23 декабря то здѣсь то тамъ производятся отдѣльныя покушенія на воинскихъ чиновъ. Изъ одного дома снова брошены бомбы, начинается перестрѣлка съ войсками, а затѣмъ раздается и орудійный огонь. Къ вечеру насчитывается уже больше 10 убитыхъ. 24-го стрѣляютъ въ управленіе закавказскихъ ж.-д. по забастовщикамъ. Вечеромъ обстрѣливаютъ залпами гостинницу, откуда, будто бы, были выстрѣлы. 26 дек. временнымъ тифлисскимъ ген.-губернаторомъ назначается извѣстный ген. Алихановъ. Но только 29-го, по постановленію с.-д. организаціи, всеобщая забастовка въ Тифлисѣ, наконецъ, прекращается.

О декабрьскихъ событіяхъ въ *Сочи* изъ Новороссійска отъ 19 января въ столичныхъ газетахъ была помѣщена слѣдующая телеграмма:

«Съ 28 декабря по 1 января въ Сочи происходили вооруженныя столкновенія между революціонерами и гарнизономъ, состоявшимъ изъ 23 чиновъ пѣхоты и 50 полицейскихъ стражниковъ. Мятежниковъ было около тысячи человѣкъ, состоявшихъ изъ призванныхъ агитаторами Гватуа и Купашвили мингрельцевъ, вооруженныхъ швейцарскими ружьями, и грузинъ селенія Пластунскаго близъ Сочи, а также изъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ русскихъ и эстонскихъ поселянъ. Они держали гарнизонъ въ осадѣ въ казармѣ, причемъ убитъ былъ одинъ стражникъ и ранено восемь стражниковъ, легко одинъ солдатъ. Изъ девяти-фунтовой старой пушки, отлитой 31 декабря 1705 года, выпущено было до сорока старыхъ ядеръ, поднятыхъ когда-то съ затонувшаго корабля, которыми крыша и стѣны казармы пробиты во многихъ мѣстахъ. Вечеромъ 1 января истомленный гарнизонъ былъ вынужденъ сдаться. По прибытіи затѣмъ изъ Батума миноноски и транспорта съ войсками, главари мятежниковъ скрылись, захвативъ оружіе стражи и солдатъ и кассу казначейства, возвращенную 4 января почти въ цѣлости. Пришлые мятежники бѣжали обратно на югъ; мѣстные, а равно многіе изъ вооруженныхъ мингрельцевъ, скрываются въ лѣсахъ, въ окрестностяхъ Сочи, Мацесты, Хосты и Адлера. Грузины Пластуновской уклоняются выдать главарей и оружіе. 8, 9, и 10 января прибыли въ Туапсе, Сочи

и Гагры сотни пластунскаго баталіона. Теперь тамъ сравнительно спокойно. Дачи всѣ цѣлы. Принимаются мѣры къ задержанію главарей, застрявшихъ въ Сочинскомъ округѣ мингрельцевъ и мятежниковъ. Черноморскій губернаторъ Трофимовъ вернулся и вступилъ въ управленіе губерніей».

Съ 10 декабря ж.-д. забастовкой *Кутаисъ* совершенно оторванъ—и почти до самого января—отъ всего міра. О московскихъ событіяхъ здѣсь узнаютъ только въ концѣ декабря (26-го) изъ старыхъ газетъ. 12-го вся жизнь въ городѣ останавливается, 13 и 14-го городъ утопаетъ во мракѣ. Снова начинаются недоразумѣнія съ казаками, которые требуютъ разоруженія земской стражи. Ж.-д. станціи заняты революціонными дружинами. Около 20-хъ чиселъ декабря Кутаисскій пѣхотный батальонъ устроилъ митингъ съ оружіемъ въ рукахъ и предъявилъ къ начальству требованія.

Въ концѣ декабря въ *Квирилахъ* произошло извѣстное нападеніе революціонныхъ дружинъ на двѣ роты солдатъ, стоявшихъ въ этомъ мѣстечкѣ. Солдаты были внезапно окружены и, послѣ получасовой перестрѣлки, сдались, передавъ революціонерамъ оружіе. Въ то же время революціонеры окружили роту, шедшую изъ Бѣлгоръ въ Квирилы, и принудили ее сдаться. При этомъ былъ убитъ ротный командиръ и захвачено около 120 ружей. Квирилы оказались въ полной власти революціонныхъ дружинъ. Революціонерами для нуждъ революціи было конфисковано въ мѣстномъ казначействѣ 220 тыс. рублей. Это былъ единственный случай конфискаціи крупной денежной суммы за все время русской революціи, хотя положенія, подобныя этому, безъ сомнѣнія бывали не только въ Квирилахъ.

Въ *Гори*, въ *Душетѣ*, въ *Ново-Сенакахъ*, въ *Поти*, въ сел. *Хашми* (Кахетія) и др. мѣстахъ, всюду въ декабрѣ господствуетъ народъ и дѣйствуетъ народный судъ и народное самоуправленіе. Порядокъ охраняетъ народная милиція, обычно находящаяся подъ руководствомъ с.-д. организацій. Въ *Гори*, напр. былъ введенъ подоходный налогъ и къ Намѣстнику посылались депутаты съ требованіемъ оружія, по примѣру тифлисскихъ с.-д. Въ *Сочи* народный судъ, избранный по 4-хъ членной формулѣ, выслалъ изъ города одного городового за погромную агитацію. Съ 15 дек. здѣсь было приступлено къ выборамъ въ новое городское управленіе на самыхъ широкихъ демократическихъ основаніяхъ.

Только къ началу января, когда во внутреннихъ губерніяхъ революція была уже совершенно подавлена, здѣсь возстанавливается ж.-д. движеніе, и тотчасъ же съ возстановленіемъ движенія, массы войскъ направляются во внутрь Западнаго Кавказа. Начинается эпоха реакціи, карательныхъ экспедицій, разстрѣловъ, экзекуцій и уничтоженіе огнемъ и мечомъ цѣлыхъ селеній. Кутаисская губернія была объявлена на военномъ положеніи и туда отправленъ, въ качествѣ временного ген.-губернатора, Алихановъ-Аварскій.

Декабрьское движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ, совершенно такъ же, какъ и на Кавказѣ, было прямымъ продолженіемъ и развитіемъ предыдущаго. Попытки народа захватить власть при посредствѣ демократическаго самоуправленія продолжались, хотя моментомъ наибольшаго развитія этого движенія слѣдуетъ считать конецъ ноября и начало декабря. Возникали все новые волостные распорядительные комитеты, происходили захваты помѣщичьихъ имѣній.

Столкновенія съ баронами-помѣщиками и съ военной силой вызвали среди населенія быстрый ростъ вооруженныхъ отрядовъ. Крутой реакціонный поворотъ въ декабрѣ, и сопровождающія его наступательныя дѣйствія правительственныхъ властей, стремившихся вооруженной силой возстановить старый порядокъ и оказать помощь нѣмецкимъ владѣтельнымъ баронамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края вызвали со стороны населенія ожесточенную защиту завоеванныхъ правъ и особенно своихъ выборныхъ людей. Бароны въ этихъ нападеніяхъ реакціи, разумѣется, играли роль главныхъ вдохновителей и исполнителей, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ занимали въ то же время должности административныхъ властей. Вообще это была ожесточенная война латышскаго населенія съ своими старыми врагами, нѣмецкими баронами, являющимися въ то же время въ краѣ и оффиціальными представителями стараго порядка.

Уже въ концѣ ноября и началѣ декабря произошло извѣстное и громкое *туккумское* дѣло. Въ послѣднихъ числахъ ноября здѣсь происходили выборы волостныхъ комитетовъ. Бывшій въ Туккумѣ отрядъ драгунъ старался всячески помѣшать этому дѣлу, и потому собранія все время происходили подъ охраной вооруженныхъ милиціонеровъ. Тогда драгуны стали устраивать одиночныя нападенія, въ результатѣ чего скоро оказались убитые и раненые. Съ 29 ноября началась правильная перестрѣлка. По тревогѣ, изъ окрестныхъ селъ на помощь горожанамъ быстро стали стекаться вооруженные группы крестьянъ. Скоро стѣсненный и окруженный со всѣхъ сторонъ отрядъ драгунъ, видя, что дѣло принимаетъ опасный оборотъ, бросился въ заѣзжій домъ и заперевшись въ немъ, сталъ отстрѣливаться. Другой отрядъ драгунъ, прибывшій было на выручку, встрѣченъ былъ со стороны милиціонеровъ перекрестнымъ огнемъ и, потерявъ нѣсколько чел. убитыми и ранеными, отступилъ. Съ такимъ же успѣхомъ было отбито еще нѣсколько нападеній. Между тѣмъ домъ, куда скрылись драгуны, былъ ночью окруженъ проволочными загражденіями, и охваченъ кольцомъ засѣвшихъ въ домахъ дружинниковъ, и затѣмъ подожженъ. Осажденные, вынужденные выйти, попробовали пробиться, пустивъ впередъ лошадей, но лошади или запутались въ проволокѣ, или пали отъ пуль. Изъ 38 драгунъ—какъ разсказываютъ—убита была почти половина, нѣкоторые взяты въ плѣнъ и только нѣсколько человѣкъ (двое) успѣли скрыться. Городъ послѣ этого оказался въ полномъ распоряженіи народа, но черезъ нѣкоторое время былъ вновь занятъ отрядомъ ген. Хорунженкова послѣ артиллерійскаго обстрѣла. При бомбардировкѣ и послѣ сдачи города было убито до 200 человѣкъ.

Громкое и характерное дѣло, и также въ концѣ ноября, имѣло мѣсто еще въ *Ремерсгофѣ* и возлѣ *Ленневарденской* корчмы. Дѣло началось съ того, что драгуны уѣзднаго начальника ф.-Петерсона, извѣстнаго населенію своими жестокостями, учинили цѣлый рядъ насилій надъ жителями. Въ отвѣтъ на это изъ Кокенгаузена въ Ремерсгофъ явились милиціонеры, осадили замокъ и начали его обстрѣливать. Передъ этимъ (24 н.), надо сказать, народомъ былъ сожженъ домъ помощника уѣзднаго начальника ф.-Геннингса, причемъ самъ Геннингсъ и одинъ драгунъ были убиты; 25 ноября былъ осажденъ Кокенгаузенскій пасторатъ, гдѣ скрывался ненавистный населенію пасторъ Тріоль и нѣкоторые помѣщики, изъ коихъ двое попали въ плѣнъ. Послѣ этого, въ Ремерсгофскомъ замкѣ

подъ охраной эскадрона драгунъ (около 200 ч.) укрылось нѣсколько десятковъ бароновъ-помѣщиковъ съ ихъ полицейскими и служащими (всего до 100 ч.). Массы вооруженнаго народа окружили замокъ. Отрядъ пѣхоты, вышедшій изъ-за Двины на помощь осажденнымъ, былъ отбитъ, а послѣ перестрѣлки, вынужденъ былъ вернуться. 28 ноября драгунамъ изъ замка, однако, удалось прорваться черезъ охранную цѣпь, и, подъ своимъ прикрытіемъ, вывести оттуда осажденныхъ бароновъ съ ихъ челядью, оставивъ замокъ въ полное распоряженіе революціонеровъ. Революціонеры произвели въ немъ тщательный обыскъ и неожиданно въ подвалѣ натолкнулись на трупы двухъ замученныхъ милиціонеровъ, отъ которыхъ бароны, очевидно, выпытывали показанія. Послѣ этого народъ поджегъ замокъ со всѣхъ сторонъ, и онъ сгорѣлъ до тла. Въ то же время, по телефону, находившемуся въ рукахъ революціонеровъ, было дано знать сосѣднимъ волостнымъ комитетамъ о побѣгѣ бароновъ и за ними устроена была погоня. Возлѣ Линневарденской корчмы бароны и отрядъ драгунъ были настигнуты и окружены со всѣхъ сторонъ милиціонерами,—по оффиціальной версіи—въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Начался настоящій бой, который длился полтора часа, причемъ—по свѣдѣніямъ К. Ландера [1])—драгуны потеряли около 40 ч. убитыми, а по свидѣтельству оффиціальныхъ лицъ—былъ всего убитъ 1 драгунъ и ранено четверо. Въ результатѣ часть отряда спаслась бѣгствомъ, а 20 драгунъ вмѣстѣ съ баронами и ихъ челядью (до 40 чел.) вынуждены были сдаться. Ф.-Петерсонъ, Максимовичъ (его письмоводитель), 3 черкеса, по приговору «Федеративнаго комитета» (очевидно с.-д. Рижскаго?)—какъ говорятъ оффиціальныя данныя—1 декабря были разстрѣляны. Подъ давленіемъ побѣдителей плѣнные бароны охотно послали въ Ригу, въ Лифляндскій дворянскій конвентъ, ходатайство о принятіи мѣръ къ снятію военнаго положенія, отозванію войскъ, упраздненію дворянскихъ привилегій, и т. д., послѣ чего бароны подъ конвоемъ были доставлены въ Ригу и тамъ отпущены на свободу. Впослѣдствіи, когда край былъ наполненъ русскими войсками, эти самые бароны «явились,—говоритъ Ландеръ—самыми жестокими и дѣятельными усмирителями». Аналогичныя событія произошли и въ *Тальсенѣ*.

Въ ноябрѣ—тоже въ концѣ—часть риго-орловской ж. д. находилась въ рукахъ революціонеровъ. 30 ноября около ст. Штокмансгофъ и Ромерсгофъ революціонерами было устроено крушеніе воинскаго поѣзда, шедшаго изъ Двинска. Два вагона были разбиты, одинъ солдатъ убитъ и 35 ранено. На ст. Штокмансгофъ, кромѣ того, этотъ же поѣздъ подвергся обстрѣливанію. Не трудно было бы привести еще цѣлый рядъ такихъ же и подобныхъ фактовъ того времени.

Словомъ, въ концѣ ноября и началѣ декабря почти весь Прибалтійскій край сплошь былъ охваченъ повстанческимъ движеніемъ. Десятки замковъ и помѣстій были или сожжены или разрушены. Вездѣ дѣйствовали вооруженные отряды милиціонеровъ. Крестьянское населеніе относилось къ нимъ почти всюду сочувственно, безвозмездно оказывая имъ всяческую помощь. Многія мѣстечки и мелкіе города временами были совершенно захвачены революціонерами, въ нихъ было введено революціонное самоуправленіе, гражданская милиція и т. д.

---

[1]) *П. Масловъ*, т. II, ст. Ландера, стр. 72.

Множество имѣній было брошено владѣльцами на произволъ судьбы. «На конфискованныхъ имѣніяхъ развѣвались красные флаги. Нетронутыми оставались имѣнія бароновъ, не состоявшихъ на полицейской службѣ, не выписавшихъ казаковъ и солдатъ для охраны имѣній» [1]). Почти каждодневно то здѣсь, то тамъ происходили вооруженныя столкновенія.

Въ *Эстляндіи*, гдѣ главная масса населенія не латыши, а эстонцы, дѣло обстояло почти точно такъ же, какъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Такъ же какъ и тамъ населеніе стремилось къ переустройству стараго самоуправленія, къ замѣнѣ старыхъ властей новыми, также изгонялись ненавистные пасторы и помѣщики, захватывались, а иногда сжигались или разрушались баронскія имѣнья. Всего было разрушено и сожжено до 113 имѣній [2]). 27—29 го ноября съѣздъ «депутатовъ отъ всего эстонскаго народа», происходившій въ Юрьевѣ, оформилъ это движеніе, закрѣпивъ его въ рядѣ резолюцій, сходныхъ съ рѣшеніями ноябрьскаго съѣзда латышей. Первый пунктъ этихъ резолюцій гласилъ: «революціонное самоуправленіе вводится немедленно, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Отдѣльныя революціонныя самоуправленія объединяются въ обще-земскій союзъ» [3]). Въ декабрѣ уже во многихъ мѣстахъ Эстляндіи (даже на островахъ Эзелѣ и Даго) были осуществлены эти революціонныя самоуправленія. Нѣмецкія газеты насчитывали въ декабрѣ уже 17 такихъ «республикъ». Не мало было случаевъ и здѣсь серьезныхъ столкновеній милиціонеровъ съ военной силой. У Вагофты произошло почти настоящее сраженіе и бывали случаи (напр. 23 дек. на ст. Руэнъ), когда, для осады баронскаго имѣнья, революціонеры, владѣвшіе участками жел. дороги, посылали спеціальные поѣзда, наполненные милиціонерами.

Жалобы прибалтійскихъ бароновъ, оказавшихся не въ состояніи защитить себя, несмотря на присланные для ихъ охраны военные отряды, были услышаны, и уже въ самомъ началѣ декабря—раньше и ощутительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо—здѣсь стало чувствоваться движеніе реакціи. 5 декабря было учреждено Прибалтійское ген.-губернаторство и ген.-губернаторомъ назначенъ Сологубъ. 10—11 декабря было объявлено военное положеніе въ Ревелѣ и ревельскомъ уѣздѣ. Изъ Петербурга и др. мѣстъ въ Прибалтійскій край стали прибывать массы новыхъ войскъ. Декабрьская забастовка на ж.-д. и въ нѣкоторыхъ городахъ, начавшаяся здѣсь съ 9 декабря, вспыхнула наканунѣ, даже уже при началѣ военнаго разгрома. Латышскіе рабочіе г. Риги были очень утомлены недавней ноябрьской забастовкой, но все же присоединились и къ новой забастовкѣ, особенно послѣ того, какъ 12 декабря объявила забастовку самая отсталая въ городѣ—Кузнецовская фабрика. Въ самый разгаръ декабрьской забастовки начинаются военныя дѣйствія властей. Вмѣстѣ съ Сологубомъ и войсками изъ Петербурга прибываетъ ставшій впослѣдствіи очень извѣстнымъ ген. Орловъ и дѣлаются первые шаги карательной эпопеи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населеніе пробовало еще оказывать сопротивленіе военной силѣ, но безуспѣшно. У Салис-

---

[1]) *П. Масловъ*, т. II, ст. Ландера, стр. 78.

[2]) Тамъ же.

[3]) „Сѣверный Голосъ", № 3.

бурга произошло серьезное сраженіе, въ которомъ съ одной стороны участвовало до 2000 революціонеровъ и съ другой около 1500 солдатъ. Плохо вооруженные революціонеры, разумѣется, скоро были разбиты и разбѣжались.

Центръ края—Рига—скоро тоже былъ наводненъ войсками. Къ 20-мъ числамъ городъ былъ уже какъ бы на осадномъ положеніи. 20 декабря на фабрикѣ «Проводникъ» на стоявшій тамъ отрядъ драгунъ произведено было внезапное нападеніе, причемъ больше десятка драгунъ было убито. Это вызвало въ войскахъ страшное озлобленіе. Фабрика была окружена со всѣхъ сторонъ и военное начальство потребовало отъ рабочихъ немедленной выдачи виновныхъ. Когда требованіе это не было исполнено, по фабричнымъ корпусамъ произведено было 7 пушечныхъ выстрѣловъ, взбудоражившихъ весь городъ. Среди рабочихъ, какъ говорятъ, были раненые и убитые. Въ концѣ концовъ вмѣсто виновниковъ были заарестованы делегаты рабочихъ. Но это событіе уже не вызвало никакого отголоска среди рабочихъ: на заводахъ и фабрикахъ продолжалась работа. Этимъ фактомъ, однако, только еще начинался военный и карательный разгромъ Риги и вообще всего Прибалтійскаго края.

Революціонное движеніе *въ Сибири* получило особенное развитіе только съ началомъ войны. Сибирскій ж.-д. путь, единственный путь, по которому могли передвигаться на полѣ военныхъ дѣйствій массы войскъ, съ момента объявленія войны пріобрѣтаетъ поэтому огромное значеніе. Въ рукахъ ж.-д. служащихъ и рабочихъ, обслуживающихъ сибирскую дорогу, оказалась, такимъ образомъ, громадная сила. Съ прекращеніемъ неудачной войны, присутствіе въ Сибири и Манджуріи взбудораженной и озлобленной солдатской массы еще болѣе увеличило ту силу желѣзнодорожниковъ, какую они получили благодаря создавшемуся положенію.

Въ ноябрѣ и декабрѣ революціонное движеніе, именно благодаря такому положенію, пріобрѣтаетъ здѣсь уже значительную силу и выливается иногда въ очень яркія формы. Полоса вокругъ сибирской и забайкальской ж. д. въ восточной части Сибири, начиная, приблизительно, отъ Красноярска и кончая Манджуріей,—вотъ та мѣстность, гдѣ, главнымъ образомъ и всего значительнѣе, разыгрываются революціонныя событія. Движеніе въ Западной Сибири, по сравненію съ Восточной, можно считать почти совершенно незамѣтнымъ. Недовольная солдатская масса и рабочіе и служащіе ж. д. составляютъ главнѣйшія силы въ октябрь-декабрьскомъ движеніи.

Послѣ неудачной войны, всякая дисциплина, какая еще до тѣхъ поръ держалась въ манджурскихъ арміяхъ, совершенно исчезла. Авторитетъ власти окончательно рухнулъ и солдатскія массы—особенно запасныя,—неудержимо рвущіяся на родину и жадно хватающіяся за всякое извѣстіе изъ внутренней Россіи, охваченной въ это время революціей, представляли собой необыкновенно-благодарную почву для политической пропаганды. Мѣстныя революціонныя организаціи (особенно с.-демократы) пользовались такимъ настроеніемъ солдатъ и засыпали ихъ прокламаціями и листками. Октябрьская забастовка и слухъ о манифестѣ окончательно взбудоражили солдатскую массу и положеніе въ арміи,

каждодневно ожидающей возвращенія, становилось все напряженнѣе и опаснѣе.— Достаточно было малѣйшаго толчка и въ стотысячной арміи могъ вспыхнуть грандіозный бунтъ, яркій примѣръ котораго уже имѣлся во Владивостокѣ. Недовольство солдатскихъ массъ, главнымъ образомъ, было сосредоточено на задержкѣ отправленія, особенно запасныхъ, но малая провозоспособность сиб. дороги дѣлала власти безсильными смягчить это затруднительное и опасное положеніе. Онѣ вдругъ оказались въ этомъ отношеніи въ огромной зависимости отъ настроенія и желаній желѣзнодорожниковъ. И желѣзнодорожники (рабочіе и служащіе) вдругъ стали такой силой, съ которой правительству прежде всего пришлось считаться. Однако, забастовка или пріостановка движенія въ данномъ случаѣ была нежелательна и опасна не только для правительственныхъ властей, но—что хорошо понимали и революціонныя организаціи—и для самой революціи, давая въ руки правительства удобнѣйшее орудіе для возстановленія солдатскихъ массъ противъ революціонеровъ и освободительнаго движенія. И дѣйствительно, такой агитаціей въ арміи высшее начальство уже и занялось, хотя и безуспѣшно, почти тотчасъ-же послѣ октябрьской забастовки. Принимая во вниманіе все это, революціонныя организаціи постарались поставить свое движеніе на иной путь, а именно, сдѣлать все возможное, чтобы усилить провозоспособность дороги, этимъ еще больше дискредитировать въ глазахъ солдатъ неспособную правительственную власть, и на такомъ дѣлѣ конкретной помощи солдатской массѣ сблизить и слить армію съ освободительнымъ движеніемъ. Стачечные комитеты, образовавшіеся въ октябрѣ и ноябрѣ, въ наиболѣе крупныхъ ж.-д. пунктахъ, съ ноября уже приступаютъ къ энергичной дѣятельности въ этомъ смыслѣ. Центрами этого движенія были главнымъ образомъ города— Чита, Харбинъ и Иркутскъ. Движеніе въ Красноярскѣ, Канскѣ и др. пунктахъ Сибирской дороги выросло, въ сущности, уже въ значительной степени на почвѣ, подготовленной въ этихъ мѣстахъ.

Прежде всего въ тылу арміи—въ *Харбинѣ*—уже съ середины ноября среди мѣстнаго гарнизона стало наблюдаться броженіе и вскорѣ тамъ даже возникла солдатская организація.

С.-д. въ это время пользовались большой популярностью и бывало часто, что солдаты, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о с.-д., посылали въ Харбинскую организацію депутатовъ и объявляли черезъ нихъ свое желаніе присоединиться къ партіи. Образовавшійся здѣсь изъ представителей рабочихъ и служащихъ всѣхъ службъ Стачечный К-тъ и К-тъ с.-д. р. п., имѣя въ своемъ распоряженіи три типографіи (въ числѣ ихъ—губернскую и жел.-дорожную, захваченную Стач. К-томъ) энергично продолжали агитацію, наводняя армію прокламаціями, нерѣдко издаваемыми по 50—60 тыс. экз. каждая. Ж.-д. линія, ж.-д. телеграфъ и движеніе скоро оказались почти въ полномъ распоряженіи Стач. К-та, а когда желѣзнодорожники, въ цѣляхъ сближенія съ солдатской массой, взяли въ свои руки дѣло эвакуаціи, оффиціальная администрація была почти вовсе устранена.

Въ концѣ ноября изъ Харбина за подписью Стач. К-та служащихъ Восточно-Китайской ж.-д. по адресу рабочихъ всѣхъ депо Вост.-Кит. дороги, Читинскихъ мастерскихъ, Иркутска, Красноярскихъ мастерскихъ, Челябинскаго

депо, Уфимскихъ мастерскихъ, Самарскаго депо, и с.-д. рабочимъ комитетамъ—была послана депеша, въ которой рекомендовалось содѣйствовать во все время забастовки перевозкѣ войскъ въ Россію.

Кромѣ Харбина, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Манчжуріи (г. Шуангенпу, разъѣздъ Іоманхо и др.) образовались и нерѣдко, повидимому, безъ всякаго сторонняго вліянія—солдатскія организаціи. Какъ онѣ—эти организаціи—иногда были далеки отъ дѣйствительно революціонныхъ организацій, показываетъ, напр., «Записка», распространенная какимъ-то «Союзомъ с.-д. [1]) въ Арміи», составившимся изъ нижнихъ чиновъ запаса, «записка», однако, весьма характерная для тогдашняго настроенія манчжурской арміи.—«За слезы нашихъ женъ и невинныхъ дѣтей—говорилось въ этой бунтарской прокламаціи—мы отомстимъ самымъ страшнымъ образомъ... Если мы не будемъ дома къ февралю, то отъ всѣхъ дорогъ, . . . аристократовъ и др. негодяевъ останется пепелъ и кучи камней. Просимъ нашихъ добродѣтелей перепечатывать и распространять между согражданами и солдатами» [2]).

Харбинскій Стач. К-тъ скоро со всѣхъ сторонъ сталъ получать свидѣтельства общей симпатіи, между прочимъ и отъ многихъ офицеровъ.

Высшее военное начальство пробовало бороться противъ все растущей популярности Забастовочныхъ К—товъ; въ арміяхъ велась агитація противъ забастовщиковъ, но успѣха почти не имѣла вовсе. Съ этой-же цѣлью и для выясненія настроенія офицерства, 2 декабря начальникъ тыла ген. Надаровъ созвалъ офицерскій митингъ. Рѣчь, которой ген. Надаровъ открылъ собраніе, была насквозь проникнута желаніемъ возбудить армію противъ стачечниковъ ихъ комитетовъ. «Пока у насъ миръ въ арміи»—сказалъ генералъ, но, господа, недалекъ быть можетъ тотъ день, когда я призову всѣхъ васъ на войну! И тогда никого не пощадимъ! Я пойду тогда во главѣ всѣхъ васъ съ мечомъ въ рукѣ и первый буду рубить,—рубить сыновей, матерей, стариковъ, дѣтей, младенцевъ!...» [3]).

Но эта воинственная рѣчь произвела только обратное дѣйствіе. Неожиданно и къ изумленію высшаго начальства, собравшееся офицерство [4]) оказалось настроеннымъ совершенно не такъ, какъ того ожидали.

Цѣлый рядъ ораторовъ-офицеровъ открыто выразили свои симпатіи Стачечнымъ комитетамъ и ихъ работѣ.

Въ *Читѣ* съ 15 ноября на рабочіе митинги, устраиваемые с.-д. почти ежедневно въ ж.-д. мастерскихъ, съ каждымъ днемъ наблюдается все большій наплывъ солдатъ, особенно изъ ж.-д. батальона. 16-го ноября на 4000-мъ митингѣ рабочихъ и солдатъ, солдаты, разумѣется, подъ сильнымъ вліяніемъ

---

[1]) „Забайкальскій Рабочій" Орг. Чит. К-та р. с. д. р. п. №1 отъ 7 дек. 1905 г.

[2]) Тамъ-же.

[3]) „Откл. Современности" № 3. Ст. Машина „Въ Манджурскихъ арміяхъ", стр. 51.

[4]) Машинъ, авторъ ст. „Въ манджурскихъ арміяхъ", самъ участвовавшій на этомъ собраніи, утверждаетъ, что не меньше половины собранія составили офицеры, состоящіе на дѣйствительной службѣ, а не запасные. Поэтому утвержденіе властей позже, что этотъ митингъ, состоявшій будто-бы „изъ прапорщиковъ и врачей запаса" и потому не представлявшій взглядовъ офицерства, было совершенно голословнымъ.

соц.-демократовъ,—принимаютъ резолюцію, выражающую свою солидарность съ соц.-демократіей, выставляютъ требованіе Учредительнаго Собранія и республики, а пока — говорится въ резолюціи — «солдаты требуютъ немедленнаго освобожденія всѣхъ запасныхъ отъ всякой службы и отсылки ихъ на родину». Вечеромъ того-же дня это требованіе было предъявлено коменданту. 22 ноября былъ организованъ Читинскій «Совѣтъ солдатскихъ и казацкихъ депутатовъ Р. С.-Д. Р. П.», а въ ж.-д. депо и мастерскихъ революціоннымъ путемъ былъ введенъ 8 час. рабочій день. Командующему войсками Забайкальской области и наказному атаману казачьихъ войскъ была послана при этомъ телеграмма (телеграфъ былъ въ распоряженіи бастующихъ п.-т. чиновниковъ), требовавшая: «увеличенія числа военныхъ поѣздовъ для отправки въ Россію до 16 поѣздовъ въ сутки. Войска ѣдутъ отсюда съ оружіемъ и сдаютъ его при высадкѣ начальнику эшелона...» Дальше слѣдовало еще 17 + 6 пунктовъ подробно разработанныхъ требованій, среди которыхъ былъ и 8 час. раб. день для солдатскихъ занятій, и снятіе военнаго положенія, освобожденіе отъ полицейской службы, свобода солдатскихъ собраній, союзовъ, стачекъ, и сокращеніе службы до 2-хъ лѣтъ и т. д. Кромѣ того 6 п. (2-й группы) выражалъ требованія амнистіи и созыва Учр. Собранія. Къ этой резолюціи присоединилось 28 офицеровъ, 31 военный врачъ и 6 чиновниковъ.

24 ноября на улицахъ Читы была устроена внушительная рабочая и солдатская демонстрація, въ которой, помимо прочихъ, участвовало въ полномъ вооруженіи и съ краснымъ флагомъ до 600 ч. забайкальскихъ казаковъ. Демонстранты выставили требованіемъ—освобожденіе заарестованныхъ передъ этимъ въ Читѣ солдатъ (что немедленно было исполнено) и освобожденіе матросовъ съ «Прута», заключенныхъ въ Акатуйской каторжной тюрьмѣ [1]). 26 ноября Читинскій с.-д. К-тъ рѣшилъ образовать комитетъ изъ представителей всѣхъ служащихъ заб. ж.-д. для организаціи перевозки войскъ, увеличенія провозоспособности дороги и для усиленной доставки продовольствія въ манджурскую армію. Цѣль, которую ставила себѣ с.-д-тія при этомъ заключалась въ томъ,— чтобы, сблизившись съ солдатской массой и опираясь на нее, окончательно захватить въ свои руки линію жел. дороги. Въ декабрѣ, дѣйствительно, изъ Читы на линію были посланы делегаты и такіе комитеты были организованы почти на всѣхъ центральныхъ станціяхъ въ сторону Манджуріи. Между тѣмъ въ городѣ почти ежедневно собирается «Совѣтъ солдатскихъ и казацкихъ депутатовъ». Онъ ограждаетъ Читу отъ черносотенцевъ (6 дек.) и т. д. На ряду съ этимъ совѣтомъ образуется и офицерскій «Союзъ военно-служащихъ», который ставилъ своей цѣлью объединить на требованіи Учр. С-нія по 4-хъ-членной формулѣ—солдатъ и офицеровъ. Но солдатская масса, находившаяся подъ вліяніемъ мѣстной соц.-демократіи, отнеслась къ нему недовѣрчиво.

---

[1]) Губернаторъ объявилъ, что это требованіе онъ не можетъ удовлетворить, но что снесется по этому поводу съ начальствомъ. Но въ серединѣ декабря матросы-прутовцы были освобождены народомъ, помимо разрѣшенія начальства. Въ Акатуйскую тюрьму явилось изъ Читы 6 чел. депутатовъ отъ гарнизона и рабочихъ и перепуганное тюремное начальство по ихъ требованію немедленно и безпрекословно освободило всѣхъ матросовъ. Встрѣченные съ энтузіазмомъ въ Читѣ, они позже благополучно уѣхали въ Россію.

По мѣрѣ сближенія рабочихъ съ солдатами, и особенно по мѣрѣ того, какъ рабочія и стачечныя организаціи дѣйствительно увеличивали и упорядочивали провозоспособность дороги, оффиціальныя власти города и жел. дороги быстро отступали въ тѣнь, и властью фактически завладѣла с.-д. рабочая организація. Съ 7 декабря Читинскій К-тъ р. с. д. р. п. начинаетъ издавать «Забайкальскій рабочій»—газету открыто и явно революціонную. Во 2 № (отъ 18 дек.) въ этой газетѣ опубликовывается для сношеній адресъ бюро с.-д. К-та. 15 декабря бастующіе п.-т. чиновники рѣшаютъ игнорировать начальство и не выпускать изъ города начальника п.-т. округа Даниловича, уволившаго т. наз. «прикомандированныхъ», а при первой его попыткѣ уѣхать, постановляютъ—арестовать его...

21 декабря въ областное присутствіе явилась депутація гражданъ съ гор. головою и предъявила губернатору требованіе передать п.-т. учрежденія въ руки города и въ полное вѣдѣніе к-та п.-т. работниковъ. Это являлось выполненіемъ рѣшенія принятаго въ этотъ-же день на соединенномъ засѣданіи г. думы и преставителей партій и союзовъ, рѣшенія, принятаго еще 19 декабря на рабоче-солдатскомъ митингѣ. Первый пунктъ резолюціи, вынесенный на этомъ соединенномъ засѣданіи, гласилъ: «Господствующее правительство, а также и мѣстная администрація безсильны возстановить п.-т. сообщеніе, а потому оно должно быть временно изъято изъ рукъ правительства и передано при посредствѣ городского общества въ руки чиновъ п.-т. союза». Перетревоженныя власти въ тотъ же день экстренно собрали особое совѣщаніе представителей вѣдомствъ, на которомъ, между прочимъ, приняли участіе командиръ 1 сибирской пѣхотной дивизіи г.-м. Морозовъ, командиръ 1-го Читинскаго пѣх. полка г.-м. Румшевичъ, вице-губернаторъ, представители жандармской власти, полиціи, и цѣлый рядъ иныхъ властей. Обсудивъ резолюцію, принятую въ думѣ, совѣщаніе вынесло такое постановленіе, которое считаемъ необходимымъ привести здѣсь цѣликомъ:

«Обсудивъ всесторонне обстоятельства настоящаго дѣла и принимая во вниманіе: 1) что для мѣстной администраціи, какъ это установлено неоднократными совѣщаніями, является полная невозможность возстановленія п.-т. движенія; 2) что п.-т. чиновники, несмотря на всѣ принятыя мѣры увѣщанія обратиться къ занятіямъ, категорически заявили что они служить правительству не желаютъ до полнаго удовлетворенія политическихъ и экономическихъ требованій, предъявленныхъ ихъ союзомъ; 3) что освободительное движеніе приняло въ Забайкальѣ настолько широкіе размѣры, что захватило всѣ классы населенія, не исключая и военнаго; 4) что численность гарнизона совершенно недостаточна для огражденія п.-т. конторы въ случаѣ насильственнаго захвата ея; 5) что отрицательный отвѣтъ на требованія думы могъ бы послужить сигналомъ для кровавой анархіи, такъ какъ по заявленію депутаціи и гор. головы, бывшаго на совѣщаніи, въ случаѣ неуваженія сего ходатайства с.-д. партія въ числѣ 4000 ч., вооруженныхъ винтовками, [1]) предложила услуги насильственно взять не только

[1]) 5 декабря читинскими рабочами было конфисковано 787 винтовокъ изъ цейхгауза ж.-д. батальона. Позже уже 4 января были захвачены цѣлыхъ 13 вагоновъ оружія съ 28.000 винтовокъ, но ими революціонеры уже не успѣли воспользоваться.

контору, но и всѣ правительственныя учрежденія, *совѣщаніе единогласно постановило*: п.-т. учрежденія области временно передать Читинской гор. Думѣ, какъ постоянному учрежденію, которая, какъ органъ юридическаго лица, подъ контролемъ гласныхъ думы, можетъ передать эти учрежденія союзу п.-т. чиновниковъ Забайк. округа, но безъ всякой отвѣтственности правительства и казны за могущій быть ущербъ и вредъ. Сдача можетъ быть произведена только утромъ 22 декабря [1]).

Съ 23 декабря п.-т. контора со всѣмъ имуществомъ перешла въ полное распоряженіе п-т. союза и находилась въ его рукахъ вплоть до 12 янв. 1906 г.— до прекращенія п-т. забастовки, при чемъ не пропало ни одной копѣйки казенныхъ денегъ и не произведено было никакихъ поврежденій.

Но уже въ это самое время изъ Россіи быстро надвигалась реакція и отъ Дурново къ губернатору Холщевникову летѣли грозныя телеграммы и инструкціи, которыхъ, однако, выполнить читинскія власти были совершенно безсильны, пока не явился ген. Ренненкампфъ.

Въ *Иркутскѣ* съ 20 чиселъ ноября начинаются волненія среди стоящихъ тамъ войскъ. Въ это же самое время среди ж.-д. служащихъ и рабочихъ, особенно подъ вліяніемъ исторіи въ Кушкѣ,—остро встаетъ вопросъ: какъ быть въ случаѣ общей забастовки? Рѣшено поступать такъ: свести до минимума пассажирское движеніе съ востока, а на его мѣсто насколько возможно усилить перевозку войскъ на западъ. 26 ноября К-тъ служащихъ Забайкальскихъ ж.-д. (въ Иркутскѣ) послалъ, по этому случаю, въ бюро союза служащихъ Сибирской дороги соотвѣтственную депешу, предлагающую всѣмъ ж.-д. служащимъ по станціямъ взять въ свои руки дѣло перевозки солдатъ. Для выполненія этого рѣшенія выборные выѣхали на линію въ особомъ вагонѣ, а обезсиленное и оттѣсненное оффиціальное ж.-д. начальство вынуждено было согласиться не только на сохраненіе жалованья, но и выдавать этимъ выборнымъ командировочныя, тѣмъ самымъ поставивъ т. сказ. казенный штемпель на революціонномъ дѣлѣ. Въ ж.-д. депо въ это же время рабочіе революціоннымъ путемъ установили 8 ч. раб. день (продержавшійся до января 1906 г.).

Между тѣмъ волненіе среди войскъ съ каждымъ днемъ крѣпло и расширялось и нашло сочувственный откликъ даже среди нѣкоторыхъ группъ офицерства. 26 ноября было устроено большое (5000 ч.) собраніе въ казармахъ, на которомъ солдаты избрали свой собственный военный стачечный ком-тъ. 28 ноября устраивается еще болѣе грандіозный митингъ солдатъ всѣхъ родовъ оружія и проходитъ уже совершенно открыто—въ городскомъ театрѣ—и подъ предсѣдательствомъ фельдфебеля. На этомъ митингѣ былъ принятъ цѣлый рядъ требованій. Основнымъ требованіемъ, какъ въ Читѣ и др. мѣстахъ, было требованіе немедленнаго увольненія запасныхъ сроковъ по 1901 г. На ряду съ этимъ были выставлены и политическія требованія, какъ-то: всеобщее избирательное право, учред. с-ніе, полная амнистія и т. п. Ждать отвѣта отъ начальства рѣшено было до 12 ч. 29 ноября. Въ этотъ день устроенъ былъ

---

[1]) „Былое", апрѣль 1907 г. Ст. Переверзева.

новый митингъ въ общественномъ Собраніи. Солдаты неудовлетворенные обѣщаніями, данными послѣ долгихъ колебаній начальствомъ, избираютъ изъ своей среды командировъ и съ оружіемъ въ рукахъ расходятся по квартирамъ. 30 ноября военнымъ начальствомъ была сдѣлана неудавшаяся попытка заарестовать выборныхъ начальниковъ, и въ тотъ же день вооруженные солдаты вмѣстѣ съ горожанами устроили на улицахъ Иркутска грандіозную десятитысячную манифестацію. Но такъ какъ въ Иркутскѣ все-же не произошло такого сближенія между рабочими и солдатами, какое имѣло мѣсто, напр., въ Читѣ (или въ Красноярскѣ), то настроеніе иркутскихъ солдатъ было колеблющимся и не крѣпкимъ. Уже 1 декабря они выказали нѣкоторое замѣшательство и неувѣренность (не посмѣвъ арестовать генерала, отказавшаго въ требованіяхъ), и этого оказалось достаточно, чтобы уже на слѣдующій день (2-го) начальство рѣшилось на аресты и движеніе быстро пошло на убыль.

Однако, эти обстоятельства не оказали большого дѣйствія на развитіе движенія среди ж.-д. служащихъ и рабочихъ. 30 ноября на собраніи депутатовъ отъ ж.-д. служащихъ и рабочихъ для ускоренія ж.-д. движенія рѣшено было организовать по линіи участковые комитеты и подготовить линейный съѣздъ. Рабочіе депутаты, составлявшіе меньшинство, настаивали, чтобы организація совершенно игнорировала администрацію дороги и стремилась къ скорѣйшему захвату дороги въ свои руки, но это предложеніе большинствомъ было отклонено. Образовавшаяся организація была названа «Совѣтомъ депутатовъ рабочихъ и служащихъ управленія, депо и станціи «Иркутскъ» Забайкальской ж.-д.» Начальникъ дороги вынужденъ былъ признать этотъ «совѣтъ» законно существующимъ, а члены исполнительнаго бюро «совѣта» для выполненія своихъ функцій были освобождены отъ обычной службы и для нихъ отведено было даже особое помѣщеніе.

«Совѣтъ» немедленно приступилъ къ энергичной дѣятельности и въ декабрѣ вмѣсто 3—4 воинскихъ эшелоновъ, пропускаемыхъ раньше, дорога, какъ передавали, стали пропускать уже не менѣе 20 паръ воинскихъ поѣздовъ. Вліятельность и популярность совѣта росла съ каждымъ днемъ,—къ нему стало обращаться съ различными жалобами даже само начальство.

На ж.-д. и въ городѣ жизнь кипѣла въ это время ключомъ. Гор. дума, еще раньше признавшая единогласно «крайнюю необходимость въ интересахъ населенія учрежденія городской самообороны на средства города», не рѣшилась, однако, самочиннымъ путемъ приступить къ этому дѣлу. За то образовавшійся изъ мѣстнаго купечества и др. лицъ «торгово-промышленный союзъ» оказывалъ сравнительно дѣятельную помощь дружинамъ и самооборонамъ, организованнымъ революціонными партіями. Съ начала декабря началась открыто въ легальныхъ газетахъ энергичная агитація за революціонное преобразованіе гор. думы: за выборы новой думы по 4-хъ членной формулѣ и даже безъ различія пола. Отъ всѣхъ организацій и общественныхъ группъ былъ избранъ для этого особый комитетъ, которымъ и былъ (11 и 16 дек.) окончательно выработанъ проектъ выборовъ (по которому участвуютъ всѣ не моложе 20 л.). 19 декабря собрался и ж.-д. делегатскій съѣздъ отъ линейныхъ стачечныхъ комитетовъ. Но въ это время и въ Сибири уже быстрыми шагами приближалась реакція...

Въ *Красноярскѣ* въ ноябрѣ, какъ и въ прочихъ сибирскихъ городахъ, ж.-д. рабочими былъ введенъ захватнымъ путемъ 8 ч. раб. день, начиналась компанія за демократизацію старой цензовой думы, а наиболѣе вліятельной и руководящей организаціей былъ мѣстный с.-д. к-тъ. Съ конца ноября, когда въ стоящихъ въ городѣ войскахъ,—главн. образомъ, среди солдатъ ж.-д. батальоновъ—и здѣсь начались волненія, городъ сразу зажилъ бурной жизнью, а власть начала быстро ускользать изъ рукъ оффиціальныхъ властей. На рабочихъ собраніяхъ все чаще появлялись солдаты, братались съ рабочими и с.-д. и, наконецъ, 6 декабря на рабочій митингъ пришелъ въ полномъ составѣ 2-й ж.-д. батальонъ, съ оружіемъ и краснымъ флагомъ, на которомъ было написано: «свобода, равенство, и братство». Съ этого момента начинается крупный поворотъ въ жизни Красноярска. Власть окончательно выпадаетъ изъ рукъ администраціи, образуется «объединенный совѣтъ депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ» и эта организація, скоро сдѣлавшаяся всесильной, подъ духовнымъ вліяніемъ мѣстной соц.-демократіи, шагъ за шагомъ начинаетъ вмѣшиваться въ общественную жизнь въ интересахъ демократіи. Солдаты, объединившись съ рабочими, предъявили своему начальству рядъ экономическихъ требованій и, кромѣ того, заявили, что переходятъ на сторону народа и требуютъ Учр. С-нія [1]).

Съ 8 декабря Совѣтъ и с.-д. захватываютъ въ свои руки губернскую типографію и начинаютъ широкую письменную агитацію, приглашая населеніе къ преобразованію городского самоуправленія. 2 декабря солдаты 2-го ж.-д. батальона совмѣстно съ рабочими устроили большую демонстрацію съ краснымъ флагомъ и т. д. Съ 10 декабря сталъ выходить «Красноярскій Рабочій», революціонная с.-д. газета, открыто продававшаяся на улицахъ и печатавшаяся въ губернской типографіи.

Для организаціи выборовъ въ гор. думу рѣшено было образовать центральную комиссію, въ которую должны были войти представители всѣхъ сословій, союзовъ и партій города. Кромѣ того, какъ и въ др. сибирскихъ городахъ, Объединенному Совѣту (черезъ свою рабочую комиссію) пришлось также взять на себя дѣло ускоренія движенія по ж.-д. и контроль надъ нимъ.

Когда для всѣхъ стало очевидно, что власть отъ правительственной администраціи перешла въ руки Объединеннаго Совѣта, симпатіи къ нему и с.-д. стали быстро расти, и не только въ демократическихъ слояхъ населенія. Въ центральную комиссію по выборамъ потянулись и к.-д. (или элементы близкіе къ к-д.), и радикальный «Сиб. Областной Союзъ», и даже нѣкоторые мелкіе торговцы и промышленники... Такъ шло дѣло и революціонное настроеніе продолжало наростать, а предвыборная работа расширяться, приблизительно до 18-го декабря... Но вотъ появились слухи, что въ Россіи революція подавлена, что скоро съ сосѣднихъ станцій должны явиться войска для подавленія движенія. Настроеніе, прежде всего среди сочувствующихъ и примкнувшихъ, было, къ этой рабоче-солдатской революціи буржуазныхъ группъ населенія, круто измѣняется. Первые забили отбой к.-д. (представители «Свободной

[1]) См. подробное описаніе въ ст. Глумова „*Отклики Современности*“, № 2.

Народной Партіи»), а за ними и другіе. Въ городѣ появились солдаты Омскаго полка и власти пріободрились. 24-го губернаторъ занялъ почту, 26-го—была отнята губернская типографія. Къ этому времени въ городъ подошелъ Красноярскій полкъ и тотчасъ же ночью занялъ продовольственный пунктъ 2-го ж.-д. батальона. Съ этого момента начинается финальный актъ столь нашумѣвшей въ свое время «Красноярской республики».

Солдаты (300 ч.) 2-го ж.-д. батальона, ожидавшіе нападенія, ушли въ ж.-д. мастерскія и тамъ забаррикадировались въ зданіи сборно-паровознаго цеха. Къ нимъ присоединилось затѣмъ до 300 ч. рабочихъ. Мастерскія были осаждены войсками и кругъ оцѣпленія постепенно сталъ суживаться. Съ 28 декабря, когда въ городѣ было объявлено военное положеніе,—и до 2 января—съ осажденными велись еще переговоры объ условіяхъ сдачи. Вначалѣ власти выказывали большія колебанія и уступчивость, но подъ конецъ очевидно получивъ инструкціи свыше, отбросили всякія уступки и приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. 2 января началась пальба изъ ружей и пулеметовъ по мастерскимъ и хотя она почти не приносила вреда возставшимъ, но осажденные, отрѣзанные отъ воды, изголодавшіеся и перемерзшіе отъ сильнаго холода, въ концѣ концовъ должны были сдаться. Было арестовано до 500 ч. Осаждавшіе солдаты—какъ разсказывали офицеры—были сильно озлоблены противъ рабочихъ и, при сдачѣ, прямо горѣли желаніемъ избить ихъ. Среди осажденныхъ было всего 9 чел. легко раненыхъ, изъ правительственныхъ войскъ—двое убито и нѣсколько ранено. Революціонный командиръ батальона, прапорщикъ Кузьминъ, бѣжалъ передъ сдачей и успѣлъ скрыться.

XIV.

Реакціонный поворотъ. Усмиренія и «Карательныя экспедиціи». Репрессіи. Распыленіе революціи.

Почти въ самый разгаръ декабрьскаго движенія—11 декабря—правительство опубликовало, изготовленный имъ еще ранѣе, новый избирательный законъ, который хотя и былъ далекъ отъ той 4-хъ членной избирательной формулы, которая сдѣлалась общимъ лозунгомъ борющагося народа, но все же, однако, представлялъ собой значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ избирательной системой 6-го августа. На народныя массы, совершенно извѣрившіяся въ правительственныя обѣщанія, опубликованіе этого закона, разумѣется, не произвело ни малѣйшаго успокаивающаго дѣйствія...

Въ 20-хъ числахъ декабря, когда неуспѣхъ декабрьскаго движенія сдѣлался уже для всякаго совершенно очевиднымъ, въ Царскомъ Селѣ былъ устроенъ торжественный пріемъ депутаціи «Союза Русскаго Народа» во главѣ съ д-ромъ Дубровинымъ, Булацелемъ и др. Депутаты были привѣтливо приняты...

Сломленная военной силой революція съ января 1906 г. быстро и уже энергично добивалась. Реакція обрушилась главнымъ образомъ на окраины, гдѣ революціонное движеніе носило особенно упорный характеръ и гдѣ большинство на-

селенія составляли не-русскіе или, такъ наз., «инородцы», т. е. элементъ, совершенно чуждый солдатской массѣ, дѣйствовавшей тамъ въ роли усмирителей. Туда повсюду—для подавленія и массовыхъ арестовъ,—были разосланы военные отряды, нерѣдко съ артиллеріей или т. наз. «карательныя экспедиціи». Конецъ войны, освободившій массу войскъ для военныхъ дѣйствій внутри Россіи и все прибывающія новыя войска съ Дальняго Востока (надежда на революціонность которыхъ, кстати сказать, далеко не оправдалась) съ каждымъ днемъ все болѣе укрѣпляли увѣренность и рѣшительность дѣйствій реакціи.

Дать здѣсь подробное описаніе картины карательно-реакціонной эпохи 1906 г. и частью 1907 г. не представляется никакой возможности. Въ общемъ и цѣломъ дѣйствія «карательныхъ отрядовъ» были, однако, сходны другъ съ другомъ и то, что дѣлалось въ одномъ краѣ или сторонѣ, почти то же самое имѣло мѣсто и въ сторонѣ противоположной.—Являлся такой военный отрядъ въ тотъ или иной городъ, станцію, селеніе и чаще всего—особенно въ январѣ 1906 г.—не встрѣчалъ, разумѣется, ровно никакого сопротивленія. Мѣстная тайная и явная полиція составляла для начальника отряда проскрипціонные списки, по которымъ немедленно производились аресты. Часть арестованныхъ отправлялась въ близь лежащія тюрьмы, а часть,—тѣ, которые казались почему-либо особенно опасными или чѣмъ-нибудь случайно выдѣлились изъ прочихъ,—отдѣлялись, затѣмъ выводились въ поле или лѣсъ и тамъ разстрѣливались. На Кавказѣ, напр., при этихъ усмиреніяхъ огнемъ были уничтожаемы цѣлыя селенія. Въ Прибалтійскомъ краѣ разрушались или также сжигались сотни крестьянскихъ усадебъ. И въ дополненіе ко всему этому—на населеніе налагались огромные штрафы и контрибуціи. Совершенно особенную энергію проявили въ этомъ дѣлѣ и пріобрѣли поэтому въ свое время громкую извѣстность «карательные отряды» ген. Орлова—въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ—Алиханова-Аварскаго и полк. Крылова, въ Сибири—отряды бар. Меллеръ-Закомельскаго и Ренненкампфа, а въ Москвѣ и на подмосковныхъ жел.-дор. станціяхъ—отряды Семеновскаго полка подъ командой полк. Мина и Римана.

Особенной энергіей (весь 1906 г.) и необычайной кровопролитностью, благодаря непосредственному и активному участію въ этомъ дѣлѣ раздраженнаго нѣмецкаго баронства, отличалось усмиреніе Прибалтійскаго края.

Только «всего съ середины декабря 1905 г. по 1 іюня 1906 г. карательными отрядами генераловъ Орлова, Безобразова, Вершинина, Вендта, Солонины и др.—говорится въ запросѣ с.-д. по этому поводу, внесенному въ Думу 2 мая 1908 г.,—въ одной только латышской части Прибалтійскаго края, по имѣющимся... еще далеко неполнымъ даннымъ, безъ суда и слѣдствія и безъ всякаго къ тому повода, разстрѣлено, повѣшено и убито 1.170 крестьянъ-усадьбовладѣльцевъ и батраковъ, сожжено болѣе трехсотъ крестьянскихъ усадебъ съ движимымъ имуществомъ, стоимостью въ общемъ до 2.000.000 р., не считая убытковъ, причиненныхъ поборами, грабежами и др. незаконными дѣйствіями карательныхъ отрядовъ и администраціи. Число подвергнутыхъ наказаніямъ нагайками и розгами не удалось установить въ точности, но во всякомъ случаѣ это число превышаетъ въ нѣсколько разъ число убитыхъ».

Ежедневная печать 1906 г. была переполнена описаніемъ потрясающихъ,

иногда полныхъ высокаго драматизма сценъ, вызванныхъ дѣйствіями этихъ отрядовъ. (См. запросъ с.-д. въ III Гос. Думѣ отъ 2-го мая 1908 г., кн. В. Владимірова «Карательная экспедиція», ст. Переверзева въ «Быломъ», ст. Одинцева «Былое», Paris, 1908 г.). Казни безъ суда или разстрѣлы, получившіе особую форму и названіе—«при попыткѣ бѣжать», дополнялись казнями по приговорамъ скорыхъ военныхъ судовъ, въ которыхъ дѣломъ судопроизводства вѣдали простые офицеры...

Чтобы дать еще болѣе ясное представленіе о томъ, что такое были эти «карательныя экспедиціи», не лишне будетъ привести нѣкоторыя выдержки изъ тогдашнихъ оффиціальныхъ приказовъ. Такъ, напр., въ особомъ дополненіи къ приказу по лейбъ-гвардіи Семеновскому полку, подписанному полк. Миномъ, отправлявшимъ отрядъ для захвата подмосковныхъ станцій—Люберцы, Перово и др.,—между прочимъ, говорилось: «арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно. Каждый домъ, изъ котораго будетъ произведенъ выстрѣлъ, уничтожать огнемъ или артиллеріей...» [1]). Или вотъ въ своемъ воззваніи къ населенію Горійскаго и Душетскаго у.у. (на Кавказѣ), одинъ изъ распоряжавшихся усмиреніемъ края, ген. Бауеръ, заявлялъ слѣдующее: «за всякое нарушеніе или уклоненіе отъ исполненія предъявленныхъ.... требованій будутъ подвергнуты разрушенію и уничтоженію цѣлыя селенія, *безъ разбора правыхъ и виноватыхъ...*» И далѣе: «если послѣ этого окажется не выданными хотя бы одно ружье, револьверъ, кинжалъ и пр. оружіе, хотя бы одинъ преступникъ, хотя бы одинъ не явившійся своевременно новобранецъ, хотя бы одна неисполненная повинность и т. д., въ такомъ селеніи мною будутъ присланы войска, но не для экзекуціи, отобранія оружія и проч., а съ единственной цѣлью разрушить до основанія все селеніе» [2]). Ген. Ренненкампфъ, явившійся со своимъ отрядомъ въ Забайкалье въ началѣ января, такъ извѣщалъ населеніе за № 7-мъ: «извѣщаю, въ случаѣ покушенія на лицъ меня сопровождающихъ, жандармскихъ чиновъ и ж.-д. охраны, черезъ часъ послѣ покушенія, всѣ арестованные и сданные въ тюрьму, какъ заложники, будутъ подвергнуты смертной казни» [3]).

Въ то же время почти всѣ, даже мало чѣмъ проявившія себя въ движеніи, мѣстности день за днемъ переводились изъ одного особаго положенія въ другое,—высшее, раскрывающее еще болѣе широкій просторъ дѣйствіямъ и усмотрѣнію администраціи. Съ этого времени, въ сущности, и начинается та стремительная децентрализація власти, благодаря которой вся страна впослѣдствіи оказалась какъ бы раздѣленной на отдѣльныя автономно-управляемыя области, подчиненныя,—исключительно, въ зависимости отъ характера или настроенія мѣстной администраціи—совсѣмъ особымъ, часто рѣзко расходящимся другъ съ другомъ, законамъ и порядкамъ. Къ половинѣ 1906 г. уже 65 губерній и областей (38 цѣликомъ, а 28 частями), т. е, около $74^{3}/_{4}\%$ общаго числа губерній и областей были объявлены на исключительномъ положеніи: военное положеніе было введено въ 25 губерніяхъ и областяхъ, чрезвычайная охрана—въ 8 губ.

---

[1]) „Право“ 1906 г. № 5.
[2]) Цит. по „Рѣчи“ отъ 27 февр. 1906 г.
[3]) „Былое“ № 7. Paris, 1908 г.

и обл., усиленная охрана—въ 34 губ. и обл., а въ Кронштадтѣ временно было введено даже осадное положеніе [1]).

Количество, хотя бы приблизительное, лицъ погибшихъ или вообще такъ или иначе физически-пострадавшихъ отъ дѣйствій «карательныхъ экспедицій» и военно-полевой юстиціи за эпоху усмиренія установить почти совершенно невозможно. По подсчетамъ, напр., журн. «Былое» только казнено и лишь за январь мѣсяцъ 1906 г.—397 чел. За весь же 1905-ый—революціонный годъ—по приблизительному и, разумѣется, неточному разсчету, сдѣланному «Бирж. Вѣд.» число убитыхъ и раненыхъ было равно 32.706 чел., изъ которыхъ 14.654 убитыхъ и 18.052 раненыхъ (приблизительно такое же число убитыхъ приводитъ и В. Обнинскій). Но военно-карательныя дѣйствія приняли широкіе размѣры нѣсколько позже и главнымъ образомъ въ первые мѣсяцы 1906 г. Съ 17 февраля 1905 г. по 17 октября 1906 г. было приговорено различными судами къ разнымъ наказаніямъ 6.867 чел.; 893—къ смертной казни, изъ нихъ 542 казнено, 1.449—къ каторгѣ, 106—къ ссылкѣ на поселеніе, 1.159—къ арестантскимъ отдѣленіямъ и т. д. [2]). Репрессіи же въ видѣ арестовъ, административныхъ высылокъ, увольненій отъ службы, достигали прямо колоссальныхъ размѣровъ и количество лицъ, подвергшихся имъ, навѣрное превышало въ десятки разъ число лицъ, пострадавшихъ по суду. Число арестованныхъ, сосланныхъ, отбывающихъ тюремное заключеніе большей частью безъ всякаго суда за полгода равнялось, по словамъ В. Обнинскаго—70.000 чел. «Уволено вовсе отъ службы по 3-му и безъ всякихъ пунктовъ 7.078 человѣкъ: два полка интеллигенціи!.. И если я въ дополненіе къ приведенной цифрѣ, скажу еще,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—что только по одному министерству путей сообщенія было уволено *шестьсотъ* лицъ съ высшимъ образованіемъ и *двѣнадцать тысячъ*—съ низшимъ и среднимъ, то читатель легко нарисуетъ себѣ картину разгрома, въ которой цифра телеграммъ тонетъ, какъ капля въ морѣ» [3]). За тотъ же періодъ (октябрь 1905 г.—апрѣль 1906 г.) было запрещено, въ большинствѣ случаевъ административнымъ порядкомъ, 129 газетъ и закрыто 55 типографій; изъятій и конфискацій отдѣльныхъ газетныхъ нумеровъ и др. изданій было 93, а въ 45 случаяхъ было воспрещаема розничная продажа [4]). Матеріальные убытки, нанесенные населенію контръ-революціей, уничтожившей во многихъ случаяхъ десятки селеній и даже цѣлыя части городовъ, разумѣется, не поддаются даже и приблизительному подсчету: ихъ надо считать сотнями милліоновъ рублей.

Если прибавить теперь ко всему сказанному, что вмѣстѣ со всѣми этими дѣйствіями реакціи и сопровождавшими и поддерживающими ихъ военными экспедиціями, вновь подняла голову и антисемитская погромная агитація и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (м. Бершадъ на югѣ 23 дек. и др.) еще въ декабрѣ вылилась въ еврейскіе погромы, а въ іюнѣ — уже во время 1-й Гос. Думы—разразилась грандіознымъ Бѣлостокскимъ погромомъ, правда, представляющимъ

---

[1]) *Викторъ Обнинскій.* Внѣ закона. Прил. Н.

[2]) Статистика *Л. К. Вентина.* „Познаніе Россіи", кн. 1-я 1909 г.

[3]) *В. Обнинскій.* „Полгода русской революціи", стр. 132.

[4]) Тамъ-же.

собой—какъ выразился чл. 1-й Думы Винаверъ—скорѣе «военно-полицейскую экспедицію», нежели обычный погромъ (до 100 чел. убитыхъ и масса раненыхъ), то, думается, общая картина этой первой волны политической реакціи въ главныхъ чертахъ, будетъ болѣе или менѣе полной.

Не смотря на всю колоссальную тяжесть правительственной реакціи, обрушившейся на страну, энергія общественнаго движенія далеко не была еще уничтожена, а завоеванія, сдѣланныя революціей 1905 г., не могли быть цѣликомъ и разомъ отобраны. Бюрократія, оставшаяся у власти, разумѣется, дѣлала всѣ усилія со своей стороны, чтобы возможно больше урѣзать эти завоеванія, но общественная жизнь того времени слишкомъ походила еще на дѣйствующій, не потухшій вулканъ, ежечасно угрожающій изверженіемъ, и потому вмѣстѣ съ репрессіями въ цѣляхъ успокоенія, въ этихъ же цѣляхъ оказывалось необходимымъ оставить и кое-какія нововведенія.

Центромъ общественно-политической жизни въ это время становится Гос. Дума и выборы въ нее. Это былъ тотъ опорный пунктъ для всенароднаго движенія, котораго такъ сильно недоставало движенію 1905 г. Несмотря на суровыя административныя гоненія,—на почвѣ выборовъ въ Думу и потомъ вокругъ работы въ самой Думѣ—чрезвычайно сильно разростается ежедневная политическая пресса, въ значительной степени радикальнаго и соціалистическаго направленія.

Легальныя предвыборныя и иныя собранія, сильно стѣсняемыя администраціей, дополняются получившими въ это время, быть можетъ, даже болѣе широкое распространеніе, нежели наканунѣ октябрьскихъ дней, обычно загородными, оффиціально неразрѣшенными, но почти открытыми народными митингами. Во многихъ мѣстахъ, попрежнему, происходятъ столкновенія народа съ полицейской или военной силами (особенно часто въ деревняхъ), а въ иныхъ мѣстахъ, правда, уже сравнительно рѣдко, можно наблюдать еще попытки уличныхъ выступленій, по старому—съ красными флагами и т. п. Не прекращаются волненія и среди армейскихъ частей, но въ большинствѣ случаевъ они не имѣютъ прямого отношенія къ общественному движенію. Рабочія экономическія стачки еще очень часты; профессіональные союзы, несмотря на гоненія, получаютъ все болѣе широкое распространеніе.

Наряду съ этимъ оживленіемъ въ городахъ, въ деревнѣ крестьянскіе безпорядки не только не утихаютъ, но передъ созывомъ Думы разгораются еще сильнѣе, и теперь главнымъ образомъ уже не на окраинахъ, подавленныхъ военной силой, а въ центральной черноземной полосѣ Россіи. Главнѣйшими формами этихъ безпорядковъ были въ это время—1) порубки, 2) поджоги или разгромы имѣній и 3) стачка. Эта послѣдняя стачечная форма развилась уже въ сильной степени подъ вліяніемъ городского движенія. Вообще же крестьянское движеніе 1906 г.,—особенно въ періодъ думскихъ выборовъ—уже значительно тѣснѣе сближаетъ деревню съ городомъ, чѣмъ раньше: устраивались десятки митинговъ по городскому образцу, принимались наказы для депутатовъ политическаго характера, на пригородные рабочіе митинги съѣзжались сотни крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень, и т. д.

Но зато въ самомъ городскомъ движеніи, несмотря даже, какъ казалось,

на высокій—въ преддумскій періодъ—подъемъ общаго настроенія, если еще и не сознавался, то уже чувствовался глубокій надломъ.

Народная масса—особенно рабочій классъ—въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., *въ годовщину 9-го января* (1906 г.) правда, не вездѣ, главнымъ образомъ въ Польшѣ, а затѣмъ особенно *въ день 1-го мая 1906 г.* (забастовки по всей Россіи) еще показывается на общественной аренѣ, какъ *коллективная* сила, но эти рѣдкія выступленія уже не служатъ теперь, какъ въ 1904—1905 г.г., базой для укрѣпленія и еще большаго расширенія движенія, а наоборотъ, съ каждымъ новымъ случаемъ обнаруживаютъ все большую внутреннюю слабость. Нервъ движенія, объединявшій въ единомъ порывѣ народныя массы десятковъ городовъ 1905 г. и созданный, главнымъ образомъ, наличностью той широкой сочувственной атмосферы, которая окружала выступленія рабочаго класса 1904—1905 г.г., теперь или ослабъ или исчезъ совершенно. Соціалистическимъ организаціямъ еще удавалась иной разъ вызывать то здѣсь, то тамъ частичныя выступленія и протесты, но вызвать или вѣрнѣе дать исходъ всероссійскому движенію—онѣ были уже безсильны.

Хотя атмосфера общаго сочувствія, окружавшая до этого времени революціонныя партіи и пролетаріатъ въ значительной степени растаяла, но нельзя сказать, что какія-либо значительныя группы населенія оказались теперь на сторонѣ правительственныхъ властей. *Общественная* реакція, если оставить въ сторонѣ часть капиталистической буржуазіи, дѣйствительно отшатнувшейся къ бюрократіи, выражалась только развѣ въ быстромъ ростѣ пассивности, индифферентизма и разочарованности. Но по отношенію къ правительственной бюрократіи настроеніе не только рабочихъ, но и другихъ широкихъ круговъ населенія, оставалось, или—какъ у средней и мелкой городской буржуазіи—только что становилось,—безусловно враждебнымъ. Это подтверждается, не говоря уже о выборахъ въ Гос. Думу, хотя бы тѣмъ измѣненіемъ характера пореволюціонныхъ еврейскихъ погромовъ (Бѣлостокъ и особенно Сѣдлецъ), въ дѣлѣ которыхъ наблюдалось уже полное отсутствіе какого бы то ни было народа. *Правительственная* реакція питалась или опиралась главнымъ образомъ, даже исключительно на силы арміи и тѣхъ сравнительно незначительныхъ по величинѣ круговъ дворянскаго землевладѣнія, представительство которыхъ подъ именемъ «Объединеннаго дворянства» (и при содѣйствіи «союза русскаго народа», составленнаго изъ подонковъ населенія), диктовало правительственной бюрократіи репрессивную политику 1906—1907 г.г.

Параллельно съ ослабленіемъ того цемента, который спаивалъ въ 1904—1905 г.г. народныя массы, какъ коллективную силу, въ то же самое время—какъ симптомъ и какъ результатъ этого процесса разложенія—съ необыкновенной стремительностью развиваются такъ называемыя партизанскія дѣйствія и террористическая дѣятельность. Ростъ террористическихъ покушеній и т. п., разумѣется, наблюдался и въ предоктябрьскій періодъ, но тогда, на почвѣ все растущаго народнаго движенія, эти акты производили далеко не такое разлагающее дѣйствіе, какое они имѣли въ 1906 г.—въ условіяхъ постепенно падающаго движенія массъ.

Еще въ октябрѣ 1905 г., т. е. до побѣды народнаго движенія—политиче-

скихъ убійствъ насчитывалось—31, а покушеній на нихъ—72. Въ слѣдующемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда народныя массы начинаютъ жить кипучей коллективной жизнью, число террористическихъ актовъ разомъ и сильно падаетъ: убійствъ насчитывается только 4, а покушеній—3. Въ декабрѣ число политическихъ убійствъ опять выростаетъ до 21, а покушеній—до 20. Въ январѣ 1906 г.—въ этомъ мѣсяцѣ карательныхъ экспедицій—число убійствъ равняется 34, а покушеній на нихъ—31. Въ февралѣ, когда началось уже преддумское оживленіе, снова наблюдается нѣкоторое паденіе террористической дѣятельности: число убійствъ равно 19, покушеній—34 [1]).

Приведемъ здѣсь краткій перечень только наиболѣе выдающихся террористическихъ и иныхъ подобнаго рода актовъ, происшедшихъ съ января по августъ 1906 г.

1 января въ Черниговѣ въ экипажъ губернатора была брошена бомба. Губернаторъ раненъ. 2 янв. въ Пензѣ убитъ начальникъ 78-й пѣхотной дивизіи ген.-лейт. Лисовскій, по ошибкѣ принятый за начальника жандармскаго управленія. 10 января въ Одессѣ, посредствомъ адской машины, спущенной въ печную трубу, произведенъ взрывъ въ жандармскомъ управленіи. 10 января въ Борисоглѣбскѣ с.-р. Спиридонова убиваетъ совѣтника тамбовскаго губернскаго правленія Луженовскаго, проявившаго особенную энергію въ дѣлѣ крестьянскаго усмиренія. 16 янв. въ Тифлисѣ взрывомъ бомбы убитъ начальникъ штаба кавказскаго военнаго округа г.-м. Грязновъ. 26 янв.—въ Пензѣ убитъ полицмейстеръ. 27 янв. въ Севастополѣ с.-р. Измайловичъ тяжело ранитъ вице-адмирала Чухнина. 25 марта въ Твери бомбой убитъ губернаторъ Слѣпцовъ. 23 апрѣля въ Москвѣ бомбой раненъ ген.-губ. Дубасовъ. 23 апр. въ Екатеринославѣ убитъ временный ген.-губ. г.-м. Жолтановскій. 8 мая въ Калишѣ произведено второе покушеніе на командира 15-го драгунскаго полка полк. гр. Келлера. Взрывомъ бомбы онъ раненъ. 14 мая въ Севастополѣ во время парада разорвались бомбы, предназначавшіяся для коменданта крѣпости ген. Неплюева. Комендантъ не пострадалъ. 14 мая въ Тифлисѣ произведено неудачное покушеніе съ бомбами на вр. тифлисскаго ген.-губ. г.-м. Тимофѣева. 16 мая въ Кутаисѣ въ г.-м. Алиханова брошено пять бомбъ. Ген. Алихановъ легко раненъ. 28 мая въ Бѣлостокѣ убитъ полицмейстеръ. 16 іюня въ Варшавѣ убитъ жандармскій подполковникъ Мурадовъ. 28 іюня въ Севастополѣ второе покушеніе на Чухнина. В.-а. Чухнинъ убитъ. 5 іюля въ Тифлисѣ тяжело раненъ полицеймейстеръ Мартыновъ. 20 іюля на ст. «Отвоцкъ» привисл. ж. д. убитъ помощникъ варшавскаго ген.-губ., завѣдывавшій полицейской частью—г.-м. Маркграфскій. 21 іюля въ Самарѣ убитъ губернаторъ д. с. с. Блокъ. 1-го и 2 августа въ Варшавѣ и въ г. Плоцкѣ (2-го) произведены массовыя покушенія на полицейскихъ, жандармскихъ и воинскихъ чиновъ. Въ Варшавѣ убито изъ нихъ 22, а ранено 9. Въ Плоцкѣ—убито 5 стражниковъ и ранено 2. Кромѣ того, въ Варшавѣ, Лодзи и Радомѣ были брошены бомбы въ полицейскіе участки,—убитъ околодочный и ранено до десятка городовыхъ и нижнихъ чиновъ. 5 августа въ Варшавскаго ген.-губ. Скалона брошено пять бомбъ. Г.-а. Скалонъ оглушенъ съ поврежденіемъ барабанной перепонки. 8 августа

[1]) *В. Обнинскій.* „Полгода"... стр. 152.

въ Сѣдлецѣ бомбой убитъ мѣстный полицеймейстеръ. Это и послужило поводомъ для извѣстнаго сѣдлецкаго погрома. 12 августа въ Петербургѣ произведено покушеніе на м-ра вн. дѣлъ П. Столыпина на Аптекарскомъ островѣ. Взрывомъ разрушена дача. Убито 24 чел. и ранено свыше 25 чел. 13 августа на ст. «Новый Петергофъ» с.-р. Коноплянниковой убитъ командиръ л.-гв. семеновскаго полка г.-м. Минъ, извѣстный въ дѣлѣ усмиренія московскаго возстанія. 14 августа въ Варшавѣ убитъ вр. варшавскій ген.губ. ген. Вонлярлярскій.

Что же касается покушеній и убійствъ разныхъ мелкихъ чиновъ жандармской и иной полиціи, то такіе случаи въ это время нужно считать буквально сотнями.

На ряду съ террористическими дѣйствіями въ это же самое время начинаютъ учащаться случаи захвата казенныхъ, а иногда и частныхъ денежныхъ суммъ, которые вскорѣ получаютъ и особое названіе—«экспропріацій».

Такъ 7 марта въ Москвѣ около 20 вооруженныхъ лицъ ворвались въ помѣщеніе банка московскаго купеческаго общества взаимнаго кредита и завладѣли 875 тыс. руб. 6 апрѣля въ Тифлисѣ около 15 чел. вооруженныхъ револьверами и бомбами проникли въ помѣщеніе общества взаимнаго сел.-хоз. кредита, захватили 17.000 р., убили попробовшаго было оказать сопротивленіе директора и скрылись. Въ Душетѣ Тифл. губ., нѣсколько человѣкъ, проникнувъ въ казначейство подъ видомъ военнаго караула, захватили и унесли 315 тыс. руб. 27 мая въ Варшавѣ было произведено массовое нападеніе разомъ на 24 казенныхъ винныхъ лавки, при чемъ нѣсколько человѣкъ солдатъ и городовыхъ оказались ранеными и убитыми. 15 іюля на линіи варшаво-вѣнской ж. д. неизвѣстными лицами автоматическимъ тормозомъ былъ остановленъ почтовый поѣздъ и изъ почтоваго вагона взято 150 тыс. рублей. 28 іюня въ Петербургѣ, въ зданіи адмиралтейства произведено нападеніе на казначея портовой таможни и у него отнято 23.517 р. И еще цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же случаевъ!

Весь шумъ, поднятый этими террористическими актами и этой экспропріаторской дѣятельностью, на ряду съ предвыборнымъ возбужденіемъ нѣкоторое время, нѣтъ сомнѣнія, въ значительной степени скрывалъ не только отъ правительства, но и отъ самихъ революціонныхъ партій истинное положеніе вещей и создавалъ иллюзіи у той и у другой стороны о революціи, какъ—о еще непотухшемъ, дѣйствующемъ вулканѣ, готовомъ ежечасно къ изверженію.

Представители революціонно-соціалистическихъ партій въ своемъ значительномъ большинствѣ, во имя революціи, рѣшили бойкотировать Думу, а отчасти и выборы. Правительственная бюрократія, повидимому, возлагала большія надежды на крестьянскіе выборы и, издавъ (20 ф.) основные законы, далекіе отъ началъ манифеста 17-го октября и до минимума сократившіе законодательныя права Думы, разсчитывала получить въ лицѣ Думы послушное и удобное орудіе для проведенія своей реакціонной политики. Умѣренныя и либерально-конституціонныя партіи питали еще болѣе утопическія надежды, вѣря въ возможность, при создавшемся положеніи дѣлъ, нормальной законодательной дѣятельности въ парламентѣ. Дѣйствительность не оправдала надеждъ ни тѣхъ, ни другихъ, ни третьихъ.

Всевозможныя мѣры стѣсненія, примѣненныя администраціей при выбо-

рахъ, не оказали должнаго дѣйствія. Крестьянство, въ массѣ своей, быть можетъ, и все еще далекое отъ «политики», но на почвѣ остро-вставшаго передъ нимъ земельнаго вопроса и связанныхъ съ нимъ жестокихъ крестьянскихъ усмиреній не чувствовавшее къ бюрократіи ни малѣйшаго довѣрія, выбирало въ Думу или своихъ передовыхъ представителей или, передовѣряя защиту своихъ интересовъ деревенской интеллигенціи, избирало народныхъ учителей, прогрессивныхъ священниковъ и. т. п. Дума отчасти по составу, а главнымъ образомъ, по своему настроенію оказалась—радикально-демократической. (Больше 184 к.-д., около 100 трудовиковъ, больше 100 безпартійныхъ, на правой—38 умѣренно-правыхъ и Союза 17 октября, 16+2 с.-д.—на крайней лѣвой и проч.). Надежды правительства не оправдались. Гр. Витте получилъ отставку, и на мѣсто него былъ назначенъ Горемыкинъ, замѣненный ко времени роспуска Думы Столыпинымъ.

Съ перваго же дня существованія народнаго представительства между правительствомъ и Думой началась ожесточенная борьба. Не только ни одному болѣе или менѣе существенному законопроэкту, ни одному пожеланію народныхъ представителей не суждено было осуществиться. Однако, правительство, опасаясь серьезныхъ народныхъ волненій, долго не рѣшалось такъ или иначе пресѣчь ту агитацію, которая все же велась съ думской трибуны, и одно время склонно было даже войти въ тѣ или иныя соглашенія съ либеральными представителями большинства Думы. Но такого соглашенія, разумѣется, не могло состояться... И послѣ 72 дней яркаго, демонстративнаго существованія народнаго представительства, правительство, наконецъ, распустило Думу, предварительно стянувъ къ столицѣ войска—съ одной стороны, а съ другой—подготовившись въ случаѣ чего, войти въ соглашеніе съ либеральными общественными дѣятелями.

Какъ извѣстно, на выборгское воззваніе, выпущенное къ народу либерально-демократическимъ большинствомъ Думы, страна отвѣтила почти полнымъ и почти повсемѣстнымъ молчаніемъ.

Выборы и Дума (и быть можетъ, не меньше чѣмъ война 1904—905 г.г.) дали, разумѣется, сильнѣйшій толчокъ развитію самосознанія какъ въ среднихъ широкихъ слояхъ городской буржуазіи, такъ особенно—въ крестьянскихъ массахъ, но они, разумѣется, еще не могли обратить ихъ въ активную политическую силу.

Наиболѣе яркимъ отвѣтомъ на роспускъ Думы было только крупное военное возстаніе въ Свеаборгѣ, да вызванныя уже этимъ возстаніемъ незначительныя солдатскія вспышки въ Кронштадтѣ и нѣкоторыя волненія въ ревельскомъ порту.

Возстаніе въ *Свеаборгѣ* не было совершенно неожиданнымъ или стихійнымъ. Оно довольно дѣятельно подготовлялось революціонно-соціалистическими организаціями и нѣкоторыми офицерами-артиллеристами, примкнувшими къ революціонерамъ. Заведены были постоянныя сношенія между Свеаборгомъ, Кронштадтомъ и Ревелемъ, и проектировалось общее военное возстаніе. Роспускъ Думы захватилъ врасплохъ эту подготовительную работу. Возстаніе—какъ разсказываютъ нѣкоторые его участники (см. Ціонъ: «Три дня возстанія въ Свеаборгѣ») далеко еще не было закончено организаціей, и потому рѣшено было нѣсколько отложить его. Но непредвидѣнный случай—арестъ нѣсколькихъ сол-

датъ-минеровъ—поднялъ преждевременно артиллеристовъ. Возстаніе началось 17-го іюля и продолжалось—вначалѣ съ большимъ успѣхомъ для возставшихъ—три дня. Нѣсколько укрѣпленныхъ острововъ были захвачены повстанцами. Артиллерія была въ ихъ рукахъ. Активными участниками возстанія были, главнымъ образомъ, солдаты-артиллеристы. Лозунгомъ было выставлено требованіе «земля и воля» и среди солдатъ читалось возваніе «къ арміи и флоту», выпущенное с.-д. думской фракціей и трудовой группой. Нѣкоторую помощь возставшимъ оказывала финляндская, т. н., «красная гвардія», которой, между прочимъ, чтобы затруднить подвозъ правительственныхъ войскъ, былъ попорченъ ж.-д. путь. Но вотъ на третій день прибыли вызванныя военныя суда: броненосцы «Цесаревичъ» и «Богатырь». Съ этого момента положеніе возставшихъ становится критическимъ. Дальнобойныя орудія съ судовъ безнаказанно громятъ укрѣпленія. На островахъ начинаются пожары и возставшіе каждую минуту ожидаютъ взрыва пороховыхъ и динамитныхъ складовъ. Черезъ нѣкоторое время, обсудивъ свое положеніе, повстанцы выкинули бѣлый флагъ и вынуждены были сдаться [1]). Въ Кронштадтѣ, уже по извѣстію изъ Свеаборга, была сдѣлана попытка поднять гарнизонъ, но почти тотчасъ-же была подавлена. Такимъ образомъ, серьезныя свеаборгскія и кронштадскія событія 1906 г. въ атмосферѣ не растущаго, а падающаго движенія народныхъ массъ,—оказались легко подавляемымъ заговоромъ, уже напередъ осужденнымъ на неудачу.

Поведеніе страны, послѣ роспуска Думы и выборгскаго воззванія, раскрываетъ—какъ передъ политическими партіями, такъ и передъ правительственными властями—суть истиннаго положенія вещей.

Реакція получаетъ послѣ того твердость и увѣренность во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и двигается впередъ уже бѣглымъ шагомъ. «Союзъ русскаго народа» пріобрѣтаетъ все бо́льшій вѣсъ и принимаетъ видъ полуоффиціознаго учрежденія. Реакціонныя дѣйствія администраціи самыхъ различныхъ ранговъ скоро теряютъ свой прежній полускрытый характеръ, выражавшійся раньше въ стремленіи, хотя бы съ внѣшней стороны, не слишкомъ рѣзко противорѣчить съ манифестомъ 17 октября, и обращаются въ открытыя и откровенныя попытки реставраціи до-конституціоннаго порядка. Поднимается новая волна арестовъ, увольненій, высылокъ, административныхъ запрещеній и т. п. репрессій. Вмѣсто выполненія тѣхъ главнѣйшихъ пожеланій Думы,—амнистіи и отмѣны смертной казни, которыя сильнѣе другихъ имѣли откликъ въ общественномъ мнѣніи, вся политика направляется какъ разъ въ обратную сторону. Тюрьмы еще больше переполняются, тюремный режимъ усугубляется и, наконецъ, послѣ извѣстнаго покушенія на Аптекарскомъ островѣ, 19 августа учреждается уже не просто военный, а *военно-полевой* судъ.

Начиная съ 20 августа 1906 г. и по 20 апрѣля 1907 г. этими судами—по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ—было казнено 683 чел. Въ то-же время посредствомъ ряда сенатскихъ разъясненій избирательнаго закона 11 декабря 1905 г.—

---

[1]) Нѣкоторымъ участникамъ (кап. Ціонъ) удалось бѣжать, а нѣсколько офицеровъ (Емельяновъ, Коханскій) и солдатъ, были приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни и разстрѣляны.

были или сокращены или совершенно устранены отъ выборовъ въ Думу цѣлыя и огромныя категоріи наиболѣе демократическихъ избирателей.

На ряду съ этой репрессивной и реставраціонной правительственной политикой и процессъ «распыленія революціи» продолжался съ еще большей быстротой, чѣмъ раньше. Террористическія покушенія и т. наз. «экспропріаціи», заполнившія собой пустоту, образовавшую, благодаря отсутствію массоваго движенія, начинаютъ быстро мельчать и по размѣру и по характеру. Раньше лица или даже организаціи, преслѣдовавшія въ этихъ актахъ все-же тѣ или иныя, но политическія цѣли, все чаще начинаютъ спутываться, а потомъ и замѣняться, простыми авантюристами и даже просто уголовными грабителями, прикрывающимися для удобства «политикой». И безъ того чрезвычайно упавшее общественное настроеніе,—особенно въ широкихъ среднихъ буржуазныхъ кругахъ, окончательно разочаровавшихся въ реформаторской дѣятельности правительства, въ атмосферѣ этихъ грабежей, спутавшихъ въ ихъ глазахъ во-едино разбой и освободительное движеніе проникается безнадежностью и падаетъ еще быстрѣе и еще ниже. Въ періодъ передъ 1-й Думой и во время работъ этой Думы общественное мнѣніе все же оказывалось еще способнымъ реагировать на такія, напр., факты, какъ дѣло Спиридоновой, дѣло лейтенанта Шмидта или громкое дѣло Совѣта рабочихъ депутатовъ, теперь же даже колоссальныя цифры ежедневныхъ смертныхъ казней уже не способны были вызвать ни малѣйшаго измѣненія въ общественномъ индифферентизмѣ.

Но массовый обыватель, хотя подавленный, ушедшій въ частную и личную жизнь, однако, все же оказался еще способнымъ,—какъ показали выборы во 2-ю Гос. Думу—не смотря на огромныя предвыборныя стѣсненія, положить не какой иной, а оппозиціонный избирательный бюллетень. Правительству еще разъ пришлось ошибиться въ своихъ разсчетахъ. 2-я Дума оказалась снова оппозиціонной, при чемъ, на ряду съ конституціонно-либеральнымъ большинствомъ, въ ней оказалось теперь уже 83 соціалиста.

Необходимо оказалось 3 іюня, чтобы представительное собраніе, долженствовавшее изображать собой русскую конституцію, приведено было, наконецъ, въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ реальнымъ соотношеніемъ силъ въ странѣ, пережившей революцію и подавленной реакціей.

Евг. Маевскій.

Д. КОЛЬЦОВЪ.

Рабочіе въ 1905—1907 гг.

I.

1905 годъ.

Рабочее движеніе 1905 года завершило лишь то, что было начато въ предыдущіе годы. Если октябрьскій натискъ многихъ удивилъ своей неожиданной быстротой и рѣшительностью, то это все-таки не значитъ, что въ октябрѣ случилось чудо. Неслыханныя пораженія на Востокѣ, вызвавшія всеобщее недовольство, усиливаемое въ рабочей средѣ промышленнымъ кризисомъ—результатомъ все той же войны, должны были удесятерить энергію того класса, который уже и раньше не мирился съ существующими порядками и которому въ борьбѣ терять было нечего.

Есть другой вопросъ, гораздо болѣе важный для исторіи движенія 1905 и слѣдующихъ годовъ: почему пролетаріатъ въ концѣ концовъ остался изолированнымъ и долженъ былъ собственными силами отражать удары реакціи, пока и самъ онъ не сталъ отступать въ неравномъ бою?

Но дать исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ значитъ дать исторію всего нашего общественно-политическаго развитія, по крайней мѣрѣ, съ начала 19-го столѣтія. Это, конечно, не можетъ входить въ задачи настоящаго очерка. Мы могли касаться этого вопроса лишь постольку, поскольку въ положеніи и настроеніи пролетаріата можно найти данныя для его рѣшенія.

1. «Собраніе русскихъ рабочихъ» и девятое января.

Историки «девятаго января» обыкновенно начинаютъ свой разсказъ съ того, что вотъ-де гдѣ-то въ сторонѣ отъ всякихъ партій и агитацій ютилось никому неизвѣстное общество, во главѣ котораго стоялъ столь же мало извѣстный священникъ, и они-то создали такое грандіозное событіе, какъ 9-ое января. Въ дѣйствительности, однако, вѣрнѣе будетъ сказать, что 9-ое января создало и Гапона и его общество. Гапоновское общество влачило бы такое же жалкое

существованіе, какъ и другія ему подобныя общества, еслибъ ему не пришли на помощь прежде всего условія новой среды, возбужденной военными пораженіями, промышленнымъ кризисомъ, вызваннымъ войной, выступленіями различныхъ интеллигентскихъ и либеральныхъ группъ и т. д., а затѣмъ и то обстоятельство, что дѣло происходило въ Петербургѣ, гдѣ зубатовщина не могла свить себѣ прочнаго гнѣзда вслѣдствіе большей сознательности петербургскихъ рабочихъ, которые не могли стать объектомъ воздѣйствія полицейскаго соціализма, но могли имъ воспользоваться, какъ воспользовались Гапономъ, для достиженія своихъ цѣлей.

Гапоновская организація была вызвана къ жизни указанной уже нами потребностью широкихъ массъ въ открытой широкой организаціи и стремленіемъ нѣкоторыхъ болѣе сознательныхъ, но въ то же время и болѣе оппортюнистически настроенныхъ рабочихъ выйти изъ подполья, получить возможность дѣйствовать открыто, хотя бы и цѣною нѣкоторыхъ сдѣлокъ съ своей политической совѣстью. По всѣмъ свидѣтельствамъ, тотъ штабъ сознательныхъ рабочихъ, который положилъ начало гапоновской организаціи, состоялъ изъ людей честныхъ, искренно преданныхъ дѣлу рабочаго класса, пользовавшихся Гапономъ, какъ орудіемъ для легализаціи своей дѣятельности. Иниціаторы знали о сношеніяхъ Гапона съ Плеве и другими представителями высшей администраціи, но они были убѣждены, что Гапонъ не провокаторъ и что они сумѣли бы во время порвать съ нимъ, еслибъ его дѣйствія стали принимать явно подозрительный характеръ.

Исторія возникновенія и развитія гапоновской организаціи разсказана нѣкоторыми ея участниками довольно подробно. Въ декабрѣ 1903 года группа иниціаторовъ, окончательно сговорившись съ Гапономъ, наняла на Выборгской сторонѣ небольшое помѣщеніе, гдѣ на первыхъ порахъ происходили собранія рабочихъ, постепенно привлекавшихся въ организацію, которую предполагалось назвать «Рабочимъ собраніемъ». Общія собранія бывали два раза въ недѣлю, кромѣ того разъ въ недѣлю происходили кружковыя собранія, куда допускались только немногіе лучшіе рабочіе. На собраніяхъ иниціаторовъ, такъ называемыхъ «штабныхъ», намѣчался планъ работъ, а за тѣмъ этотъ планъ проводился на кружковыхъ собраніяхъ и послѣ этого на общихъ собраніяхъ. Кромѣ того, обществомъ устраивались музыкальные и танцовальные вечера, дававшіе извѣстный доходъ и привлекавшіе въ общество рабочихъ. Въ декабрѣ 1903 года была закончена выработка устава, а въ февралѣ слѣдующаго года уставъ былъ утвержденъ правительствомъ съ значительными, однако, измѣненіями. Названіе «Рабочаго Союза» пришлось, по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ, замѣнить другимъ. «Собраніе русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга»,—такъ стало именоваться отнынѣ это общество,—послѣ утвержденія устава стало расти и развиваться довольно быстро. 11-го апрѣля 1904 года состоялось торжественное открытіе «Собранія», на которомъ «изъ рѣчи предсѣдателя собранія, о. Гапона, выяснилось, что уставъ собранія, утвержденный 15 февраля 1904 года мин. вн. дѣлъ, впервые въ Россіи далъ возможность дѣйствительнаго объединенія безъ всякаго вмѣшательства администраціи. Все основано на глубокомъ довѣріи и главное на идейномъ, безкорыстномъ и трез-

вомъ служеніи интересамъ рабочихъ. Первые шаги новаго общества даютъ полное основаніе вѣрить, что рабочіе вполнѣ оправдаютъ возложенныя на нихъ надежды. Въ концѣ засѣданія по единодушному требованію была отправлена телеграмма министру внутр. дѣлъ съ почтительнѣйшею просьбою повергнуть къ стопамъ Е. И. В., обожаемаго Монарха, всеподданнѣйшія чувства рабочихъ, одушевленныхъ ревностною любовью къ Престолу и отечеству. Все собраніе троекратно, при громадномъ энтузіазмѣ, пропѣло: «Боже царя храни» и прокричало: «ура!» По окончаніи засѣданія г. Литвиновъ-Фалинскій произнесъ рѣчь объ отношеніяхъ къ рабочимъ гг. фабричныхъ инспекторовъ» [1]).

Таково было офиціальное начало новой организаціи. О томъ, какъ сложилась ея внутренняя жизнь, довольно подробно разсказано въ напечатанныхъ въ мартовской и апрѣльской книжкахъ журнала «Минувшіе Годы», «Воспоминаніяхъ» г. И. Павлова, принимавшаго близкое участіе въ дѣлахъ организаціи въ первую пору ея жизни, и у В. Святловскаго, который пользовался «рядомъ свѣдѣній, полученныхъ отъ рабочихъ, непосредственно участвовавшихъ въ движеніи».

«Идея объединенія—пишетъ г. Павловъ—проникаетъ въ рабочія массы, а возможность собираться и обсуждать свои нужды для болѣе сознательныхъ, и для нѣкоторыхъ, въ особенности для женщинъ, возможность полученія извѣстнаго удовольствія отъ музыкальныхъ вечеровъ, послѣ которыхъ рабочая молодежь преисправно заводила самые модные танцы,—очень способствовала популярности новаго учрежденія въ широкихъ рабочихъ кругахъ.

«Начало было удачное.

«Съ одной стороны, спокойный и умѣренный тонъ руководителей «Собранія», постояно снимавшихъ рискованные вопросы съ публичнаго ихъ обсужденія, но во время перерывовъ не скрывавшихъ, что такая осторожность вынужденная и временная, съ другой—органическая потребность въ рабочихъ массахъ того или иного выхода изъ подпольнаго обсужденія своихъ нуждъ на болѣе широкій просторъ,—создавали въ высшей степени подходящую атмосферу, полную живой, интересной, захватывающей и увлекающей борьбы. По средамъ и воскресеньямъ выступать могли всѣ пришедшіе, при чемъ при входѣ контроля не было никакого. Рабочіе до сихъ поръ только иногда слышали партійныхъ ораторовъ, а теперь имъ явилась возможность и самимъ выступать, высказывать тѣ же мысли, но своимъ собственнымъ языкомъ. Обсуждаться могли любые вопросы; порядокъ дня хотя и намѣчался, но лишь въ отношеніи, такъ сказать, лозунговъ, которые должны были быть бросаемы въ массу. При этомъ старались по возможности бросать лозунги эти такимъ образомъ: такъ какъ всякій присутствующій на собраніи могъ потребовать слова поднятіемъ руки или вставаніемъ (при чемъ могли говорить и съ мѣста), то пренія носили простой домашній характеръ, не было и тѣни какой-либо офиціальной натянутости. Конечно, выступали со своими мнѣніями люди болѣе или менѣе развитые, но иногда не обходилось и безъ того, что иной несъ ахинею... Тѣмъ не менѣе, и въ этой ахинеѣ, покопавшись, можно было найти такое, что давало пищу для

---

[1]) Отчетъ въ № 100 „Петербургской Газеты“, цитиров. у В. Святловскаго, стр. 78.

серьезнаго обсужденія. И часто бывало, что изъ такой, на первый взглядъ, безсмыслицы, болѣе толковый рабочій выводилъ очень интересныя подробности, освѣщая и доказывая ихъ примѣрами. Простой, мало развитой рабочій заводитъ, напр., рѣчь, что у нихъ въ мастерской мастеръ больно бойкій, какъ бы его и нельзя ли его «остепенить малость, а то дѣвкамъ-то не въ терпежъ»... А ему тутъ и выводили тотчасъ же, что для того, чтобы остепенить мастера, надобно, чтобы онъ зависѣлъ не отъ хозяина, а отъ рабочихъ, иначе хозяинъ его всегда будетъ защищать съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ; сводилось къ тому, что рабочіе и въ особенности работницы находятся въ кабалѣ у хозяевъ-капиталистовъ и что для противодѣйствія и защиты своихъ интересовъ рабочіе должны организоваться... Тенденція была опредѣленная, но высказывалась очень осторожно и присутствовавшіе на собраніи мало развитые рабочіе каждый разъ выносили новыя освѣщенія фактовъ въ духѣ желательномъ для «Собранія».

«Послѣ того, какъ открывались новые отдѣлы и увеличивалось количество членовъ, а, слѣдовательно, усиливалось и само «Собраніе», какъ матеріально, такъ и въ смыслѣ популярности въ рабочихъ массахъ, руководители стали допускать обсужденіе рабочихъ нуждъ въ болѣе широкомъ объемѣ. Но дѣлалось это въ высшей степени осторожно. Внѣшнія событія—японская война—также давали обильную пищу для разговоровъ и оцѣнки тогдашняго положенія Россіи» [1]).

Теперь стали собираться въ Отдѣлахъ каждый вечеръ, перечитывали и обсуждали статьи въ ново-появившихся радикальныхъ газетахъ. Жизнь начинала бить ключомъ, и поднимавшаяся въ рабочихъ массахъ волна протеста грозила захлестнуть и снести руководителей «Собранія». Положеніе становилось критическимъ.

Въ то же время «Собраніе» продолжало развиваться и расти. 1-го мая былъ открытъ нарвскій отдѣлъ. Затѣмъ 19-го сентября созвано было первое «общее собраніе», на которое явилось свыше 1.000 человѣкъ—членовъ «Собранія». Послѣ «общаго собранія», произведшаго великолѣпное впечатлѣніе на участниковъ, стали устраиваться отдѣлы во всѣхъ частяхъ Петербурга и даже въ окрестностяхъ. Такимъ образомъ къ концу декабря «Собраніе» имѣло уже 11 отдѣловъ, число членовъ которыхъ доходило до 7—8 тысячъ.

Дальнѣйшее развитіе событій связано съ происшествіемъ, разыгравшимся на Путиловскомъ заводѣ, директоръ котораго,—одинъ изъ тѣхъ грубыхъ и прямолинейныхъ формалистовъ, которые какъ будто созданы для того, чтобы провоцировать и усиливать раздраженіе въ возбужденной массѣ—уволилъ трехъ рабочихъ—членовъ «Собранія». Всѣ были увѣрены, что это первый шагъ, первый вызовъ «Собранію», начинавшему пользоваться немилостью предпринимателей. «Создавшееся положеніе признавалось въ высшей степени серьезнымъ, и признано было необходимымъ реагировать на вызовъ Путиловскаго завода самымъ энергичнымъ образомъ, но такъ, чтобы политика пока оставалась въ

---

[1]) „Минувш. Годы", мартъ, 1908 г., стр. 46.

сторонѣ» [1]). «28 декабря 1904 г. депутація членовъ Нарвскаго отдѣла «Собранія» рабочихъ Путиловскаго завода, во главѣ съ Гапономъ, отправилась къ тогдашнему директору Путиловскаго завода Смирнову. Депутація заявила, что отъ имени «Собранія» она проситъ о непримѣненіи репрессій по отношенію къ членамъ «Собранія» вообще и о принятіи обратно уволенныхъ и подлежащихъ увольненію товарищей. Г. Смирновъ категорически отказалъ въ просьбѣ депутаціи. Тогда депутація заявила, что она считаетъ положеніе дѣла въ высшей степени серьезнымъ, могущимъ повлечь крупныя и совсѣмъ неожиданныя послѣдствія, отвѣтственность за которыя «Собраніе» возлагаетъ на г. Смирнова..... Ко 2-му января настроеніе въ Нарвскомъ Отдѣлѣ достигло высокой степени напряженія, и почти большая половина рабочихъ Путиловскаго завода уже числилась членами Нарвскаго Отдѣла «Собранія»; рабочіе другихъ заводовъ въ этой мѣстности также уже выражали желаніе вступать въ члены, и если формально еще не всѣ числились таковыми, то, какъ я уже говорилъ, потой простой причинѣ, что не успѣвали записывать и выдавать членскія квитанціи въ полученіи членскихъ взносовъ. Въ остальныхъ рабочихъ районахъ было тоже крайне возбужденное настроеніе, также выражавшееся приливами членовъ» [2]).

Рабочіе Путиловскаго завода потребовали отъ директора обратнаго пріема уволенныхъ рабочихъ и увольненія одного изъ мастеровъ. Администрація завода не дала отвѣта къ назначенному сроку и 3-го января заводъ забастовалъ, предъявивъ рядъ новыхъ требованій, выработанныхъ въ отдѣлѣ и затѣмъ выставленныхъ всѣми петербургскими рабочими [3]). 4-го января забастовалъ франко-русскій заводъ, 5-го невскій судостроительный и фабрика Штиглица, а къ 7-му стояли уже всѣ фабрики и заводы Петербурга.

Въ отдѣлахъ въ это время происходили непрерывныя собранія, на которыхъ совершенно открыто выступали ораторы всѣхъ партій. Собранія эти были очень многочисленны, такъ что помѣщенія не могли вмѣстить всѣхъ желающихъ, и громадныя толпы рабочихъ толкались цѣлый день на улицахъ около помѣщеній своихъ отдѣловъ. На одномъ изъ такихъ собраній Гапонъ высказалъ мысль,

---

[1]) „Минувшіе Годы“, апрѣль, 1908 г., стр. 80.

[2]) Тамъ же, стр. 86.

[3]) Приводимъ здѣсь эти требованія, обошедшія въ 1905 г. въ той или иной комбинаціи рѣшительно всѣ промышленные города Россіи: 1) 8 часовой рабоч. день; 2) расцѣнки устанавливаются мастеромъ по соглашенію съ выборными отъ рабочихъ; 3) учрежденіе постоянной комиссіи изъ выборныхъ рабочихъ, которая совмѣстно съ администраціей разбирала бы всѣ претензіи отдѣльныхъ рабочихъ; увольненіе рабочихъ только по постановленію этой комиссіи; 4) нормальная плата для чернорабочихъ не ниже 1 руб. въ день; 5) отмѣна сверхурочныхъ работъ, а въ случаѣ крайней необходимости двойная плата; 6) за бракъ, независящій отъ рабочихъ, заводъ уплачиваетъ сполна; 7) женщинамъ-чернорабочимъ платить не меньше 70 коп. въ день и устройство пріюта-яслей для ихъ дѣтей; 8) медицинскій персоналъ долженъ быть болѣе внимателенъ къ больнымъ, особенно къ раненымъ; 9) улучшеніе санитарныхъ условій мастерскихъ; 10) никто не долженъ потерпѣть за забастовку. Впослѣдствіи были присоединены требованія отмѣны обысковъ, взысканій за опозданіе, выдачи $^1/_2$ платы неявившимся на работу по болѣзни, леченія за счетъ завода.

что слѣдуетъ идти къ самому царю искать правды. Мысль эта тотчасъ была подхвачена рабочими. По иниціативѣ Гапона или рабочихъ руководителей, рѣшено было составить петицію на имя царя съ изложеніемъ нуждъ рабочихъ. Петиція эта прочитывалась въ собраніяхъ отдѣловъ и подписывалась всѣми рабочими, толпившимися въ дни стачки въ помѣщеніяхъ и около помѣщеній отдѣловъ. «Не только въ помѣщеніяхъ, но буквально всѣ улицы и примыкающіе къ нимъ ближайшіе переулки были полны народомъ—около каждаго отдѣла были десятки тысячъ рабочаго люда...

Наступило девятое января. «Около полудня массы народа двинулись изъ всѣхъ отдѣловъ по направленію къ Зимнему Дворцу, при чемъ женщины [1]) часто шли въ первыхъ рядахъ. Гапонъ шелъ во главѣ главной массы рабочихъ самаго многолюднаго рабочаго района—Нарвскаго Отдѣла. Онъ былъ въ полномъ своемъ священническомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ (въ Отдѣлѣ былъ отслуженъ молебенъ); впереди несли портретъ государя... Изъ ближней часовни взяли хоругви. Говорятъ, что съ Гапономъ шло 200.000 человѣкъ только изъ Нарвскаго района; правда, эту цифру нѣкоторыя считаютъ преувеличенной, но, во всякомъ случаѣ, менѣе 50 тысячъ человѣкъ никто ея не опредѣлялъ. Огромныя массы шли изъ всѣхъ Отдѣловъ, т. е. съ 10 пунктовъ городскихъ и изъ 11-го Колпинскаго Отдѣла» [2]).

Наивная вѣра и тьма унаслѣдованныхъ предразсудковъ были разстрѣляны девятаго января. Если агитація въ пользу содержавшихся въ петиціи требованій созыва учредительнаго собранія и цѣлаго ряда мѣръ противъ «невѣжества и безправія русскаго народа», противъ «нищеты народа» и противъ «гнета капитала надъ трудомъ»,—если эта агитація успѣла крѣпко спаять во-едино всю многотысячную массу петербургскихъ пролетаріевъ, то послѣ кровавой расправы девятаго января эти требованія перешли въ плоть и кровь передовой части рабочихъ, стали частью ихъ самихъ, и въ то же время укрѣпили и расширили сферу вліянія этого активнаго авангарда пролетарскихъ массъ.

Но еще важнѣе было объективное слѣдствіе этихъ событій: рабочій классъ отнынѣ занялъ мѣсто въ первыхъ рядахъ начинавшейся революціи, и всѣ другія общественныя группы, принимавшія участіе въ этой борьбѣ, принуждены были признать его первенство. Даже элементы враждебные, тѣ, которые находились въ другомъ лагерѣ, принуждены были отнынѣ считаться съ рабочимъ классомъ не только какъ съ силою, на которую необходимо воздѣйствовать, но какъ съ общественной группой, которая сама въ состояніи оказать воздѣйствіе на ходъ исторіи. До этого времени, и въ глазахъ группъ правящихъ, и въ глазахъ тѣхъ группъ, которыя еще только заявляли притязанія на участіе въ управленіи, народъ находился за предѣлами общественной жизни. Теперь часть народа, рабочій классъ, вплотную подошелъ къ этой жизни и потребовалъ себѣ въ ней

---

[1]) Въ самое послѣднее время при отдѣлахъ образовалось „Женское Отдѣленіе Собранія", въ которомъ также очень быстро увеличивалось число членовъ-женщинъ и шла очень дѣятельная пропагандистская работа.

[2]) Тамъ же, Стр. 96. Описаніе событіи 9 янв. см. въ статьѣ Е. Маевскаго.

подобающаго мѣста. Радикальная и либеральная интеллигенція, каждая по своему, привѣтствовала появленіе новаго союзника, а бюрократія, не отказываясь отъ прежнихъ методовъ укрощенія, принуждена была въ то же время считаться съ новымъ пришельцемъ, какъ съ «полноправнымъ» членомъ «общества». Повременная пресса переполнилась «рабочелюбивыми» статьями, причемъ, въ зависимости отъ направленія, рабочихъ или хвалили, превозносили до небесъ, или слегка журили за политику, совѣтовали обратить вниманіе на экономику, нападали на зубатовщину, на полицейскія заигрыванія съ рабочими и т. д. А сами рабочіе продолжали наступать и разбивать многія изъ старыхъ перегородокъ.

2. Послѣ 9 января.

Провинція не замедлила откликнуться на январьскія событія въ Петербургѣ. Уже 20-го начались забастовки въ Москвѣ, а 12-го число забастовщиковъ достигло 40 тысячъ. Къ 20-му забастовка прекратилась, не принявши болѣе обширныхъ размѣровъ. 11-го началась общая забастовка въ Ярославлѣ, 22-го большая стачка въ Орѣховѣ-Зуевѣ и около этого времени небольшія стачки въ Твери, Ивановѣ-Вознесенскѣ, Кохмѣ, Козловѣ и друг.

Одновременно съ центромъ забастовка захватила и Поволжье. Общая стачка была только въ Саратовѣ, гдѣ она началась 12-го января и постепенно прекратилась къ 20-му. Въ Самарѣ забастовали 18 числа типографіи «изъ сочувствія къ петербургскимъ товарищамъ»; на другой день примкнули рабочіе нѣкоторыхъ мелкихъ заводовъ и мастерскихъ, рабочіе мукомольныхъ мельницъ, желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и булочники. Съ 20-го по 24-ое января были значительныя забастовки въ Царицынѣ и Казани.

На югѣ, въ районѣ всеобщихъ забастовокъ 1903 года, январьскія стачки не приняли широкихъ размѣровъ. Только въ Екатеринославѣ, гдѣ стачка началась 17-го января, она стала почти всеобщей, но и здѣсь носила, особенно въ заводскихъ районахъ, преимущественно экономическій характеръ. Такой же характеръ носили стачки въ Харьковѣ, гдѣ онѣ продолжались не долго, такъ какъ требованія рабочихъ немедленно удовлетворялись. Вяло прошла стачка и въ Кіевѣ, гдѣ рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, всегда являвшіеся застрѣльщиками всѣхъ крупныхъ кіевскихъ движеній, на этотъ разъ не примкнули къ забастовкѣ. Одесса и Ростовъ совершенно не откликнулись на январьскія событія.

Гораздо болѣе бурный характеръ носило движеніе на окраинахъ, преимущественно въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Польшѣ, гдѣ, начиная съ января и въ продолженіе всего 1905 года, идетъ почти непрерывная гражданская война.

12-го января въ Ревелѣ забастовали 15 тысячъ рабочихъ фабрикъ, заводовъ, конки, типографіи, а также грузчики и часть приказчиковъ. Въ тотъ же день началась всеобщая забастовка въ Ригѣ, гдѣ произошло нѣсколько крупныхъ демонстрацій и столкновеній съ войсками: на желѣзнодорожномъ мосту 13-го января демонстрація 10-ти тысячъ рабочихъ была разсѣяна 2 ротами солдатъ, стрѣлявшими въ толпу и убившими около 30 человѣкъ; другая грандіозная демонстрація произошла 15-го на похоронахъ одного изъ убитыхъ. Бурными демонстраціями, вмѣшательствомъ войскъ, но безъ человѣческихъ жертвъ сопровождались

также всеобщія стачки въ Либавѣ и Перновѣ, тогда какъ стачка въ Виндавѣ носила болѣе спокойный характеръ.

Въ Царствѣ Польскомъ стачки начались 14-го января, одновременно въ Лодзи и Варшавѣ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ, еще 13-го вечеромъ толпа рабочихъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ направилась къ полицмейстеру и вручила ему черезъ выборныхъ петицію, въ которой рабочіе заявляли о своемъ присоединеніи къ требованіямъ и пожеланіямъ петербургскихъ рабочихъ. 14-го началась стачка, а 15-го она захватила уже весь лодзинскій фабричный районъ, т.-е. около 100 тысячъ рабочихъ. 18-го и 19-го произошли столкновенія съ войсками, при чемъ было убито 15 человѣкъ. На похоронахъ произошло новое столкновеніе съ новыми человѣческими жертвами. Столь же кровавый характеръ носила стачка въ Варшавѣ, гдѣ рабочіе, разгромивъ три оружейныхъ магазина и вооружившись, стали воздвигать баррикады; было очень много убитыхъ и раненыхъ.—Стачка обошла затѣмъ всю Польшу. Бастовали заводскіе и фабричные рабочіе въ Петроковской, Калишской, Радомской, Люблинской и Варшавской губерніяхъ, причемъ кое-гдѣ произошли уличные безпорядки и войска прибѣгли къ оружію. Съ 19-го января забастовали рабочіе сосновицкаго района, а затѣмъ рабочіе на фабрикахъ и заводахъ Сувалкской, Плоцкой и Сѣдлецкой губерніи. Въ Царствѣ Польскомъ въ это время начались и первыя желѣзнодорожныя забастовки, сыгравшія впослѣдствіи такую громадную роль. Съ 15-го января въ управленія желѣзныхъ дорогъ стали поступать свѣдѣнія о перерывахъ на желѣзныхъ дорогахъ Привислянскаго края, и только въ первыхъ числахъ февраля удалось возстановить правильное товарное движеніе по варшаво-вѣнской, риго-орловской, балтійской, привислянской и другимъ западнымъ дорогамъ.

Опредѣленно политическій характеръ, хотя и менѣе кровавый, носили стачки въ районѣ съ преобладающимъ еврейскимъ ремесленнымъ производствомъ. 11-го января началась всеобщая забастовка въ Вильнѣ. Въ тотъ же день забастовали рабочіе всѣхъ фабрикъ, заводовъ, монополіи, конки, а также всѣ ремесленники м. Сморгони. 11-го же января забастовали всѣ фабрики и заводы въ Ковнѣ; къ вечеру закрылись торговыя и ремесленныя заведенія, прекращено было движеніе конки; 18 января забастовка прекратилась. 12-го января начались забастовки на минскихъ фабрикахъ, заводахъ, въ ремесленныхъ и торгово-промышленныхъ заведеніяхъ и во всѣхъ частныхъ типографіяхъ города Минска; закрылись также прачешныя и пекарни. Никакихъ экономическихъ требованій рабочіе не предъявляли. 16-го января забастовка усилилась, къ ней присоединились служащіе банковъ и другихъ учрежденій, а также приказчики; въ этотъ же день прекратилось движеніе конки; нѣсколько дней Минскъ оставался безъ газетъ; 17 числа забастовка прекратилась. 12-го января началась забастовка въ Могилевѣ, 16-го—въ Гомелѣ, гдѣ 18-го въ сходку забастовщиковъ стрѣляли солдаты и городовые, убивъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ 16—17 лѣтъ и мальчика 15-ти лѣтъ. 18-го началась стачка въ Шавляхъ, кончившаяся на слѣдующій день, благодаря значительнымъ уступкамъ фабрикантовъ. Были еще стачки въ Гроднѣ, Смоленскѣ, Бѣлостокѣ, Бобруйскѣ и др.

На Кавказѣ движеніе вспыхнуло стихійно, какъ экономическое, и стараніями мѣстныхъ соціалдемократическихъ организацій, которыя здѣсь больше,

чѣмъ гдѣ бы то ни было въ остальной Россіи, были связаны съ массами, стачкѣ былъ приданъ политическій характеръ. 13-го января въ Тифлисѣ прекратили работы мастерскія закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, механическіе заводы и всѣ частныя типографіи; газеты не вышли. 19-го стачка разрослась еще болѣе; 23-го произошла демонстрація, причемъ войсками было убито и ранено около 60 человѣкъ; къ 30-му января забастовка стала всеобщей: бастовали всѣ заводы, фабрики, типографіи, конки, кондуктора желѣзной дороги.

Въ Батумѣ стачка началась 17-го января на пристаняхъ. Забастовщики требовали увеличенія платы. 18-го января забастовали всѣ ремонтные рабочіе, а также путевые и переѣздные сторожа батумскаго участка службы пути. Съ 25-го числа и здѣсь стачка стала всеобщей, подъ вліяніемъ выставленныхъ мѣстными соціалдемократами политическихъ требованій. Далѣе, политическія всеобщія забастовки были 24-го января въ Кутаисѣ, 27-го въ Грозномъ, 21-го въ Самтреди, 22-го въ Поти и т. д.

Какъ ни разнообразны по своему характеру всѣ перечисленныя стачки,— а мы перечислили только часть ихъ,—какъ ни различаются онѣ по количеству участниковъ, по продолжительности, по настроенію—все же въ нихъ нетрудно прослѣдить и опредѣленную тенденцію, позволяющую связать ихъ въ одно цѣлое. Всѣ онѣ прежде всего происходили подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ петербургскихъ событій: во многихъ мѣстахъ—Москвѣ, Самарѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Минскѣ—даже не выставлялось никакихъ требованій, а они прямо заявляли, что бастуютъ рабочіе для выраженія сочувствія петербургскимъ товарищамъ; въ другихъ мѣстахъ борьба шла за тѣ же политическія требованія, которыя были выставлены 9-го января въ Петербургѣ. Но даже тамъ, гдѣ борьба приняла исключительно или преимущественно экономическій характеръ, она происходила подъ непосредственнымъ вліяніемъ петербургскихъ лозунговъ. Выставленныя петербургскими рабочими требованія восьмичасового рабочаго дня и установленія конституціонныхъ порядковъ на фабрикахъ (т. е. участія выборныхъ отъ рабочихъ въ установленіи расцѣнокъ, увольненіи рабочихъ и т. под.) были восприняты почти всѣми тѣми рабочими, которые выставляли исключительно экономическія требованія. Наконецъ, послѣдовавшія за девятымъ января событія въ Петербургѣ—о чемъ ниже—поставили рабочій вопросъ въ центрѣ всей русской жизни и побудили провинціальную администрацію, въ подражаніе центру, также заняться разрѣшеніемъ этого вопроса, что неизбѣжно вело къ допущенію рабочихъ митинговъ, собраній, выбора депутатовъ и т. д. Такъ, въ Вильнѣ во время всеобщей забастовки ежедневно происходили очень оживленныя собранія; въ Екатеринославѣ были митинги въ 1000 человѣкъ и болѣе, на которыхъ выступали рабочіе съ политическими рѣчами; въ Москвѣ, начиная съ 11-го января, за городомъ происходили массовыя собранія въ 3—4000 человѣкъ; въ Саратовѣ ежедневно за городомъ собранія въ 3—4—5 тысячъ человѣкъ; въ Харьковѣ происходятъ собранія «общества вспомоществованія ремесленникамъ» совмѣстно съ рабочими, участвующими въ стачкѣ, и т. д. Либеральные банкеты смѣняются, благодаря рабочимъ, общенародными митингами, которые пока еще происходятъ за городомъ, но скоро будутъ перенесены на городскія площади, въ центры общественной жизни.

Въ Петербургѣ стачечное движеніе послѣ 9-го января стало ослабѣвать. Администраціей были приняты весьма разнообразныя мѣры къ успокоенію рабочихъ. Прежде всего предложено было фабрично-заводскимъ администраціямъ составить списки неблагонадежныхъ рабочихъ и представить послѣднихъ къ разсчету. Такъ какъ инженеры отказались отъ составленія подобныхъ списковъ, то полиція сама передала такіе списки фабричной администраціи. Однако, не вездѣ администрація готова была, по указанію полиціи, увольнять рабочихъ; тогда начались высылки. Затѣмъ въ расклеенномъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ правительственномъ сообщеніи объ январьскихъ событіяхъ, рабочимъ указывалось, что ихъ движеніемъ воспользовались неблагонадежныя лица, и напоминалось, что «правительство всегда заботливо относилось къ ихъ нуждамъ, какъ относится оно и теперь», доказательствомъ чего можетъ служить объявленная уже разработка вопроса о страхованіи рабочихъ, и выражаемая теперь готовность министерства финансовъ «приступить къ разработкѣ закона о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени и такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ». Въ то же время правительственное сообщеніе обѣщало защищать всѣхъ, «готовыхъ трудиться». Было затѣмъ опубликовано извлеченіе изъ журнала комитета министровъ о засѣданіи этого комитета 24 декабря 1904 года, гдѣ обсуждался 4-ый пунктъ указа 12-го декабря, трактующій объ обезпеченіи рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, и рабочіе могли узнать, что подъ предсѣдательствомъ товарища министра финансовъ учреждена комиссія для разработки вопроса о страхованіи.

Въ то же время были приняты мѣры къ тому, чтобы повсюду стала извѣстна телеграмма «Латинскаго агентства» о томъ, что стачки въ Россіи вызваны англо-японскими агитаторами и ведутся на англо-японскія деньги. Въ эти дни положено было начало той черносотенной агитаціи, которая впослѣдствіи дала достаточно обильные плоды...

Кромѣ этихъ «политическихъ» мѣропріятій были и другія. Въ Петербургѣ созывались совѣщанія фабрикантовъ и заводчиковъ для обсужденія вопроса объ уступкахъ требованіямъ рабочихъ. То же дѣлалось и въ другихъ городахъ на основаніи циркуляровъ изъ центра. Затѣмъ сами промышленники стали подавать правительству «записки» съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на рѣшеніе рабочаго вопроса. Вмѣшались сюда и нѣкоторые интеллигентскіе союзы.

Послѣ совѣщаній, происходившихъ между 8-ымъ и 18-ымъ января петербургскіе фабриканты и заводчики рѣшили дать такой отвѣтъ на требованія рабочихъ: 1) общіе пункты не подлежатъ немедленному удовлетворенію, а должны быть переданы министерству финансовъ для рѣшенія законодательнымъ порядкомъ; 2) относительно частныхъ требованій признано несоотвѣтственнымъ входить въ обязывающія соглашенія до возстановленія работъ; 3) признать, что рабочіе были вовлечены въ движеніе не экономическими причинами, что взаимное озлобленіе отсутствуетъ, а потому постановить: а) не примѣнять для даннаго случая правилъ о штрафахъ за прогулъ; б) не принимать мѣръ къ обнаруженію зачинщиковъ и главарей; в) собрать средства для оказанія пособія семействамъ пострадавшихъ; 4) пріостановка работъ вызвана народнымъ волненіемъ и потому,

не желая создать ложнаго прецедента, за дни забастовки рѣшено не платить, но предлагается оказать помощь въ видѣ безвозвратныхъ пособій.

Это постановленіе не могло успокоить рабочихъ, которые приступали къ работамъ въ томъ разсчетѣ, что часть ихъ требованій будетъ удовлетворена. А потому, во избѣжаніе новыхъ волненій, на 24-ое января созвано было совѣщаніе фабрикантовъ и заводчиковъ петербургскаго района подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ для обсужденія необходимыхъ уступокъ рабочимъ. Открывая собраніе, министръ финансовъ сказалъ, что оно «созвано вслѣдствіе сдѣланнаго депутатами фабрикантовъ и заводчиковъ 7-го января заявленія, что помимо неизбѣжно отдаленнаго, сравнительно, законодательнаго урегулированія вопроса, фабриканты, признавая требованія рабочихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ безусловно заслуживающими скорѣйшаго разрѣшенія, находятъ возможнымъ немедленно же приступить къ удовлетворенію тѣхъ изъ нихъ, которыя по мѣстнымъ условіямъ могутъ быть сдѣланы». Указавъ затѣмъ на то, что «съ того времени взглядъ фабрикантовъ какъ будто измѣнился», что «изъ представленныхъ обществомъ фабрикантовъ заявленій видно, что фабриканты вновь отлагаютъ всякое разрѣшеніе вопроса до изданія соотвѣтствующаго закона, выдвигая для настоящаго времени лишь сравнительно маловажный вопросъ о платѣ за время болѣзни», г. Коковцовъ настаивалъ, что «такая перемѣна во взглядахъ фабрикантовъ не соотвѣтствуетъ положенію вещей», которое требуетъ «немедленнаго принятія» ряда мѣстныхъ мѣръ. Фабриканты и заводчики отстаивали свою точку зрѣнія, и не шли ни на какія уступки. Особеннымъ упорствомъ отличилась администрація Путиловскаго завода, гдѣ въ теченіе всего января и февраля работы то начинались, то опять прерывались, пока это частное движеніе не слилось съ новымъ движеніемъ петербургскихъ рабочихъ, вызваннымъ дѣятельностью такъ-называемой комиссіи Шидловскаго.

3. Рабочій вопросъ въ комиссіяхъ.

По приказу тогдашняго петербургскаго генералъ-губернатора Трепова, отъ рабочихъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ было вызвано 34 депутата для представленія царю. 19-го января депутація была принята въ Царскомъ Селѣ и ей было указано на преступность «заявлять о своихъ нуждахъ мятежною толпой» и дано обѣщаніе озаботиться, чтобы «все возможное къ улучшенію быта ихъ было сдѣлано». Затѣмъ депутація вернулась въ Петербургъ, но, по разсказамъ, была не особенно доброжелательно принята остальными рабочими, которые не хотѣли признавать депутатовъ, избранныхъ не ими, а фабричной администраціей.

Того же 19-го января министромъ финансовъ была подана царю записка о рабочемъ вопросѣ, въ которой вся вина за послѣднія событія сваливалась на дѣятельность агентовъ министерства внутреннихъ дѣлъ и для устраненія неустойчивости въ промышленности,—неустойчивости, явившейся результатомъ этой дѣятельности, воскрешалась идея, выдвинутая при такихъ же обстоятельствахъ Витте, идея о предоставленіи нѣкоторой свободы экономической борьбѣ. Эта записка была разсмотрѣна комитетомъ министровъ 28 и 31 января, который

*

и постановилъ: «опредѣленіе отношеній между фабрично-заводскими промышленниками и рабочими должно быть производимо не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего никакія организаціи сихъ отношеній, не предусмотрѣнныя въ законѣ, не должны быть допускаемы. Предоставить мин. фин. приступить къ безотлагательной выработкѣ вопросовъ: а) объ организаціяхъ для обсужденія и разрѣшенія возникающихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ на почвѣ договора найма вопросовъ, а также для улучшенія фабрично-заводскаго быта рабочихъ, б) о возможности дальнѣйшаго, сравнительно съ закономъ 2 іюня 1897 г., сокращенія рабочаго времени, в) объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій о стачкахъ и забастовкахъ и г) объ обезпеченіи рабочимъ больничной помощи, а равно и другихъ вопросовъ, кои могутъ выясниться при обсужденіи вышеозначенныхъ мѣръ, и въ ряду ихъ, вопроса объ объемѣ правъ и обязанностей фабричной инспекціи». Были образованы соотвѣтствующія комиссіи, которыя раздѣлили судьбу всѣхъ многочисленныхъ бюрократическихъ комиссій, существовавшихъ въ то время въ Петербургѣ, т. е. заснули немедленно послѣ своего конституированія, и были разбуждены лишь весною этого года новой волной рабочихъ стачекъ и манифестацій.

Сверхъ того рѣшено было образовать отдѣльныя мѣстныя комиссіи для улаженія возникшихъ между предпринимателями и рабочими конфликтовъ. Первая такая комиссія была образована въ Петербургѣ, гдѣ рабочіе, несмотря на всѣ вышеуказанныя мѣры, продолжали волноваться. 29-го января повелѣно было независимо отъ работъ комитета министровъ по рабочему вопросу, образовать особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. В. Шидловскаго «для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ городѣ С. Петербургѣ и его пригородахъ» и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ», при участіи представителей отъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, фабрикантовъ и рабочихъ по выбору.

Трудно переоцѣнить роль, которую сыграла эта комиссія въ рабочемъ движеніи не одного только Петербурга. Бюрократія затѣвала, конечно, лечить петербургскій рабочій вопросъ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ пластырей, въ благотворное дѣйствіе которыхъ она все еще продолжала вѣрить. Но рабочіе увидѣли въ опубликованіи Высочайшаго повелѣнія 29-го января отвѣтъ на свою петицію и придали весьма расширительное толкованіе означенному повелѣнію. Не дожидаясь дальнѣйшихъ указаній, рабочіе приступили на фабрикахъ и заводахъ къ выбору депутатовъ путемъ всеобщаго и прямого избирательнаго права, причемъ каждое предпріятіе само опредѣляло число своихъ делегатовъ, въ зависимости отъ количества рабочихъ.

По мѣрѣ того какъ росъ интересъ рабочихъ къ комиссіи, росло въ бюрократическихъ сферахъ стремленіе сузить по возможности ея права и полномочія, такъ что въ концѣ концовъ оказалось, что она будетъ имѣть исключительно анкетный характеръ. Такого рода анкеты, польза которыхъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть очень велика, требуютъ для своей успѣшности ряда предварительныхъ условій, которыя совершенно отсутствовали въ Россіи. Единственная изъ существовавшихъ еще въ Петербургѣ рабочихъ организацій—(гапоновскіе отдѣлы всѣ были послѣ 9-го января закрыты)—такъ называемое обще-

ство механическихъ рабочихъ [1])—представила сенатору Шидловскому отъ имени 500 представителей 15 механическихъ заводовъ ходатайство, въ которомъ указывалось на необходимость опредѣленныхъ гарантій въ интересахъ успѣшности работъ комиссіи. Въ ходатайствѣ этомъ указывалось на замѣшательство, вызванное среди рабочихъ отсутствіемъ указанія относительно порядка выборовъ на заводахъ, и высказывалось пожеланіе: 1) «чтобы выборы производились въ помѣщеніи заводовъ; 2) чтобы они производились въ нерабочее время; 3) чтобы на этихъ собраніяхъ никого, кромѣ рабочихъ не было (въ особенности нежелательно присутствіе чиновъ полиціи и заводской администраціи); 4) чтобы избираемы могли быть всѣ рабочіе, независимо отъ возраста, времени пребыванія на заводѣ и политической благонадежности (если избранными окажутся рабочіе, находящіеся въ заключеніи, то на время участія въ комиссіи они должны быть освобождены); 5) чтобы избирательныя собранія имѣли право свободно обсуждать всѣ вопросы, касающіеся причинъ недовольства рабочихъ, и мѣры къ устраненію таковыхъ въ будущемъ; 6) чтобы число представителей отъ рабочихъ въ комиссіи было не меньше числа представителей отъ промышленниковъ». Кромѣ того: «1) представители отъ рабочихъ должны имѣть въ комиссіи рѣшающій, а не совѣщательный голосъ; 2) представители отъ рабочихъ должны имѣть право свободно выяснить всѣ безъ исключенія нужды рабочихъ, какъ они ихъ понимаютъ, и указывать на мѣры къ ихъ удовлетворенію, въ чемъ бы эти мѣры ни заключались, 3) за высказанныя въ комиссіи мнѣнія представители рабочихъ не могутъ подвергаться никакой отвѣтственности; 4) чтобы рабочіе могли всесторонне выяснить себѣ вопросы, разсматриваемые въ комиссіи, необходимо, чтобы засѣданія послѣдней были гласными и чтобы печать имѣла право свободно обсуждать все, происходящее въ комиссіи; 5) рабочіе должны имѣть вполнѣ точныя свѣдѣнія о занятіяхъ комиссіи и особенно о сужденіяхъ своихъ представителей; для этого послѣ каждаго засѣданія комиссіи рабочимъ долженъ раздаваться безплатно и въ кратчайшій срокъ стенографическій отчетъ засѣданія; 6) за все время дѣйствія комиссіи рабочимъ должна быть дана возможность свободно обсуждать въ своихъ собраніяхъ интересующіе ихъ вопросы и снабжать указаніями своихъ представителей».

Аналогичныя заявленія поданы были и другими группами. Такъ, рабочіе Балтійскаго завода находили необходимымъ: «1) немедленное открытіе всѣхъ 11 отдѣловъ собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ; 2) полную неприкосновенность личности выбранныхъ нами депутатовъ, и 3) всестороннее освѣщеніе преній въ засѣданіяхъ комиссіи, для каковой цѣли считаемъ необходимымъ присутствіе на засѣданіяхъ представителей печати, дабы мы могли слѣдить за каждымъ шагомъ работы комиссіи». Рабочіе фабрики Чешера просили объ открытіи 11 отдѣловъ рабочихъ С.-Петербурга, закрытыхъ нынѣ по усмотрѣнію полицейской администраціи», и о предоставленіи «рабочимъ права производить выборы свободно и уполномочивать на защиту своихъ интересовъ не только рабочихъ,

[1]) Это общество было открыто въ октябрѣ 1904 года и учредителемъ его былъ рабочій Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, М. А. Ушаковъ, одинъ изъ петербургскихъ зубатовцевъ.

но и другихъ лицъ, которыхъ рабочіе изберутъ въ комиссію». Характерно еще требованіе «женщинъ, работающихъ на болѣе крупныхъ петербургскихъ мануфактурахъ» о допущеніи въ комиссію ихъ депутатокъ для того, чтобы «петербургская работница могла громко, на всю Россію, и отъ имени всѣхъ своихъ сестеръ-работницъ заявить о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыхъ никогда не испытывалъ и о которыхъ не можетъ знать ни одинъ работникъ-мужчина».

На всѣ эти ходатайства сен. Шидловскій отвѣчалъ, что исполненіе ихъ зависитъ не отъ него, что открытіе отдѣловъ зависитъ отъ генералъ-губернатора, и обѣщалъ лишь, что за дѣловыя сужденія въ комиссіи депутаты не понесутъ наказанія. Около 10-го февраля былъ опубликованъ порядокъ избранія представителей промышленниковъ и рабочихъ въ комиссію. Промышленникамъ предоставлено избрать прямо изъ своей среды 15 представителей. Для рабочихъ же установлена довольно сложная процедура. Сначала въ промышленныхъ заведеніяхъ должны были выбираться выборщики. Затѣмъ всѣ выборщики разбиваются на 9 группъ по производствамъ и выборщики каждой группы производствъ выбираютъ отдѣльно установленное для данной группы число представителей.

Выборы выборщиковъ состоялись 13-го февраля и на многихъ крупныхъ заводахъ являлись простой формальностью, такъ какъ рабочіе лишь утверждали ранѣе уже произведенные выборы [1]). За то рабочіе воспользовались повсюду этими избирательными собраніями, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ комиссіи и выставить свои требованія. При этомъ обнаружилось, что значительное большинство рабочихъ вовсе не было намѣрено мириться съ исключительно анкетнымъ характеромъ комиссіи и исходило изъ предположенія, что представителямъ рабочихъ удастся раздвинуть ея рамки. Почти на всѣхъ собраніяхъ выносились одинаковыя резолюціи и депутатами отъ рабочихъ поручалось отстаивать проведеніе въ жизнь цѣлаго ряда требованій, среди которыхъ неизмѣнно повторяются: восьмичасовой рабочій день, участіе рабочихъ въ установленіи расцѣнковъ, открытіе отдѣловъ, свобода слова, собранія, печати, союзовъ и стачекъ.

Съ другой стороны, среди передовыхъ рабочихъ,—подъ вліяніемъ интеллигенціи, преимущественно союза инженеровъ, гдѣ дѣятельно обсуждались вопросы, связанные съ комиссіей Шидловскаго, и гдѣ рабочимъ, являвшимся на собранія союза, внушалась мысль о бойкотѣ комиссіи,—усиливалось стремленіе отказаться отъ участія въ комиссіи и такимъ образомъ покончить «эту игру».

Выборы представителей были назначены на 18-ое февраля. Послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ рабочимъ-выборщикамъ удалось получить разрѣшеніе собраться для обсужденія своихъ требованій и намѣчанія кандидатовъ въ представители. Однако, и тутъ рабочіе были раздѣлены: 4-ая группа (металлическаго производства)

---

[1]) Выборы были произведены въ 208 казенныхъ, общественныхъ, частныхъ и желѣзнодорожныхъ заведеніяхъ съ 145.259 рабоч. Избрано было 372 выборщика, въ томъ числѣ 174 по группѣ обработки металловъ и 55 по группѣ волокнистыхъ веществъ. Политическая физіономія этихъ выборщиковъ опредѣляется слѣдующими цифрами: около 20% принадлежало къ организованнымъ соціалъ-демократамъ, около 40%—къ политически радикально настроеннымъ, 30—35%—къ „экономистамъ“ и небольшая часть совершенно темныхъ рабочихъ. Эти цифры даютъ приблизительное представленіе о политическихъ симпатіяхъ петербургскихъ рабочихъ того времени.

должна была собраться отдѣльно въ Народномъ домѣ Нобеля, тогда какъ другія 7 группъ собирались въ Народномъ домѣ графини Паниной; девятая группа (обработка взрывчатыхъ веществъ) въ этихъ собраніяхъ не участвовала.

Засѣданіе 4-ой группы происходило 16 февраля въ 12 часовъ дня. По предложенію предсѣдателя почтили память погибшихъ 9 января вставаніемъ и пѣніемъ «вѣчной памяти». Затѣмъ былъ поставленъ вопросъ о допущеніи представителей печати и рѣшено было пустить на собраніе сотрудниковъ газетъ «Русь», «Слово» и «Русская Газета», а также корреспондентовъ иностранныхъ газетъ. Собраніе рѣшило немедленно послать 4 депутатовъ къ сенатору Шидловскому съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Въ виду того, что всѣмъ депутатамъ необходимо предварительно обсудить *сообща* нужды рабочихъ и столковаться о нихъ, мы, депутаты рабочихъ четвертой группы, заявляемъ, что до тѣхъ поръ мы не можемъ приступить къ выборамъ депутатовъ въ комиссію, пока намъ не дадутъ возможности собраться всѣмъ отдѣламъ вмѣстѣ».

Разрѣшеніе было дано, и на слѣдующій день состоялось собраніе всѣхъ 9 отдѣловъ. Здѣсь изъ тезисовъ, выработанныхъ наканунѣ на обоихъ собраніяхъ, было составлено одно общее заявленіе, въ которомъ выставили слѣдующія условія для участія представителей рабочихъ въ комиссіи: 1) «немедленное открытіе одиннадцати фабрично-заводскихъ отдѣловъ», т. к. «только съ открытіемъ отдѣловъ мы, получивъ свободу собраній, сможемъ путемъ обмѣна мнѣній съ рабочими разныхъ фабрикъ и заводовъ выработать и объединить всѣ наши требованія» и «только въ отдѣлахъ наши депутаты могутъ давать отчеты о работахъ въ комиссіи своимъ товарищамъ избирателямъ»; 2) возможность представить въ комиссію «наши нужды правдиво и въ полномъ объемѣ», для чего необходимо: «а) чтобы депутаты всѣ присутствовали на общихъ засѣданіяхъ комиссіи, а непризывались по нѣсколько человѣкъ для опроса; б) чтобы депутатамъ была предоставлена полная свобода слова въ засѣданіяхъ комиссіи; в) чтобы засѣданія были гласными, т. е. чтобы отчеты о нихъ печатались въ газетахъ безъ всякой цензуры; 3) гарантія неприкосновенности личности и жилища для всѣхъ рабочихъ, и 4) привлеченіе въ комиссію представителей или рабочихъ мелкихъ производствъ».

18-го февраля въ 12 часовъ выборщики собрались для выслушанія отвѣта сенатора Шидловскаго, заявившаго, что не въ его компетенціи разрѣшать требованія рабочихъ. Собравшіеся рабочіе отказались отъ выборовъ депутатовъ и, вернувшись на заводы, прекратили работы по всѣмъ мастерскимъ.

Большинство выборщиковъ выпустило послѣ этого заявленіе, въ которомъ они отдавали отчетъ своимъ избирателямъ. Указавъ на разорительныя послѣдствія войны, вызванной правительствомъ, на гибель тысячъ молодыхъ жизней, на безработицу и голодъ, на военныя пораженія, на протестъ всѣхъ слоевъ населенія противъ губящей страну политики и на бойню 9-го января, уполномоченные рабочихъ подчеркнули свое отрицательное отношеніе ко всѣмъ бюрократическимъ комиссіямъ, неспособнымъ разрѣшить стоящіе на очереди насущные вопросы государственной и общественной жизни. «Мы требовали—продолжаютъ авторы заявленія—свободы предвыборной агитаціи, мы хотѣли столковаться о нашихъ нуждахъ. Намъ этого не дали. Мы требовали освобожденія нашихъ депутатовъ—этого требованія не удовлетворили. Мы хотѣли прямыхъ и честныхъ

выборовъ—ихъ намъ не дали». Выборщики не думаютъ, что они нарушили волю пославшихъ ихъ и рекомендуютъ петербургскимъ рабочимъ настаивать на своихъ требованіяхъ: восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, фабричной инспекціи изъ представителей рабочаго класса, государственномъ страхованіи, немедленномъ прекращеніи войны, свободѣ собраній, свободѣ устнаго и печатнаго слова, свободѣ союзовъ и стачекъ, свободѣ совѣсти и неприкосновенности личности и жилища, даровомъ всеобщемъ народномъ образованіи и широкомъ участіи народа въ управленіи.

Фіаско комиссіи Шидловскаго совпало съ мукденскимъ пораженіемъ, и это обстоятельство дѣлало широкія рабочія массы особенно воспріимчивыми къ словамъ ихъ депутатовъ. Но и помимо того, комиссія Шидловскаго имѣла огромное значеніе для петербургскаго, да и не для одного только петербургскаго, рабочаго движенія. Она вовлекла въ движеніе новые слои городскихъ рабочихъ. Она дала, въ лицѣ выборщиковъ, петербургскимъ рабочимъ, тщетно добивавшимся открытія бывшихъ гапоновскихъ отдѣловъ, новую организацію, болѣе приспособленную къ задачамъ того момента. Правда, многіе изъ выборщиковъ арестовывались или высылались изъ Петербурга, но форма обще-петербургской организаціи черезъ представителей отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій была дана и пришлась по вкусу массамъ. Наконецъ, благодаря комиссіи Шидловскаго, впервые передъ широкими массами могли выступить представители соціалистическихъ партій, главнымъ образомъ соціалъ-демократовъ, изъ рабочей же среды и открыть себѣ доступъ въ эти массы.

Вліяніе комиссіи Шидловскаго не ограничилось однимъ Петербургомъ. Во-первыхъ, не только рабочіе, но и сама провинціальная администрація была плохо освѣдомлена на счетъ задачъ комиссіи и, напримѣръ, въ Севастополѣ главный командиръ черноморскаго флота, извѣстный адмиралъ Чухнинъ, въ своей рѣчи къ рабочимъ севастопольскаго адмиралтейства, напоминалъ «о работахъ комиссіи сенатора Шидловскаго, которая въ скоромъ времени разрѣшитъ общіе вопросы рабочаго труда», и въ Кіевѣ рабочіе сами требовали «права посылки делегаціи въ комиссію Шидловскаго для участія въ разсмотрѣніи общерусскихъ рабочихъ вопросовъ». Во-вторыхъ, когда стало извѣстно о крушеніи комиссіи, рабочіе многихъ городовъ при формулированіи своихъ требованій стали руководиться заявленіемъ депутатовъ въ комиссіи Шидловскаго.

Въ провинціи правительство не рѣшилось повторить этого опыта, и поручило губернаторамъ образовать, подъ ихъ предсѣдательствомъ, совѣщанія изъ однихъ фабрикантовъ. Эти совѣщанія состоялись весной 1905 года и дали богатый матеріалъ для характеристики домогательствъ нашихъ предпринимателей.

4. Вступленіе въ движеніе новыхъ пролетарскихъ группъ.

На многихъ фабрикахъ и заводахъ рабочіе добились, однако, значительныхъ уступокъ; былъ сокращенъ рабочій день, увеличена плата, уплачено за забастовочное время, значительно сокращены сверхурочныя работы, улучшена медицинская часть и т. д. и т. д. Этотъ результатъ достигнутъ былъ не въ одномъ Петербургѣ: въ Лодзи на собраніи фабрикантовъ рѣшено было ввести 10-ти часовой

рабочій день, повышена заработная плата на 5—15%; въ Ковнѣ повышена плата всѣмъ поденнымъ и сдѣльнымъ рабочимъ; въ Харьковѣ рѣшено было ввести 10-ти часовой рабочій день; въ московскомъ районѣ впервые введены трехсмѣнныя работы на Даниловскомъ сахарномъ заводѣ, и т. под. Это обстоятельство не могло не побудить вступить въ борьбу и ту рабочую массу, которая до сихъ поръ не участвовала въ рабочемъ движеніи.

Но къ этому были еще и другія причины. Во-первыхъ, многочисленныя правительственныя и частныя комиссіи, обсуждавшія рабочій вопросъ, привлекли къ нему вниманіе всего общества и разговоры о немъ просачивались въ рабочіе низы, производя тамъ свое дѣйствіе. Во-вторыхъ, исключительное вниманіе, отдававшееся этими комиссіями фабрично-заводскимъ рабочимъ, должно было подсказывать всѣмъ прочимъ пролетарскимъ группамъ, что на нихъ не обратятъ вниманія до тѣхъ поръ, пока они не вступятъ въ столь же энергичную борьбу, какъ и ихъ товарищи изъ фабрикъ и заводовъ. Въ-третьихъ, растерянность провинціальной администраціи, явившаяся результатомъ растерянности администраціи центральной, создала нѣкоторую свободу и дала возможность многимъ изъ этихъ рабочихъ столковаться между собой и дѣйствовать по опредѣленному плану. Наконецъ, не безъ нѣкотораго вліянія оказалась агитація нашихъ реакціонеровъ: нападая на либеральную и радикальную печать за ея сочувствіе къ движенію фабрично-заводскихъ рабочихъ, наша реакціонная печать указывала на жалкое положеніе такихъ паріевъ, какъ прислуга, извощики и т. под., которыхъ «вы де сами, гг. радикалы, эксплуатируете» [1]).

Начало февраля мѣсяца ознаменовалось цѣлымъ рядомъ забастовокъ на желѣзныхъ дорогахъ. 4 февраля забастовала Московско-Виндавская линія, а за ней послѣдовали Московско-Курская, Варшавско-Вѣнская, Риго-Орловская, Московско-Казанская, Самаро-Златоустовская, Привислянскія и др. Причины этой забастовки заключались въ недостаточномъ вознагражденіи низшихъ служащихъ и въ чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня низшихъ агентовъ. 7-го февраля на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ введены были нѣкоторыя улучшенія, рабочій день въ мастерскихъ и депо сокращенъ до 9 часовъ, учреждены въ мастерскихъ и депо выборные старосты отъ рабочихъ и допущено участіе экспертовъ изъ болѣе опытныхъ рабочихъ при расцѣнкѣ сдѣльныхъ работъ. Такъ какъ стачка послѣ этого не прекратилась, то 11-го февраля на всѣ дороги распространено было положеніе о мобилизаціи. Это прекратило временно стачку на линіяхъ, но рабочіе мастерскихъ продолжали волноваться, выставивъ рядъ новыхъ экономическихъ требованій и въ первую очередь требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. Въ мартѣ желѣзнодорожныя забастовки возникли опять на кавказскихъ дорогахъ, а въ апрѣлѣ спеціально на бакинской вѣтви.

Въ февралѣ же начинаются стачки среди типографскихъ рабочихъ, среди служащихъ торговыхъ предпріятій и, наконецъ, среди ремесленниковъ тѣхъ городовъ, гдѣ до того времени ремесленные рабочіе вовсе не принимали участія въ движеніи. Первыя стачки типографскихъ рабочихъ въ Елизаветградѣ, Астра-

[1]) Въ такомъ тонѣ писало „Новое Время“ (г-жа Смирнова) и „Моск. Листокъ“.

хани, Бѣлостокѣ, Ялтѣ и другихъ городахъ были мало успѣшны. Только въ Петербургѣ, Варшавѣ, Харьковѣ и Полтавѣ имъ удалось добиться сокращенія рабочаго дня и повышенія платы процентовъ на 15—18 [1]).

Руководимые легальными обществами взаимопомощи, значительно болѣе, чѣмъ фабрично-заводскій и ремесленный пролетаріатъ, связанные съ либеральнымъ обществомъ, служащіе торговыхъ предпріятій въ началѣ 1905 года еще

---

[1]) Каковы были требованія передовой части типографскихъ рабочихъ, явствуетъ изъ слѣдующей резолюціи принятой общимъ собраніемъ членовъ общества труженниковъ газетнаго и печатнаго дѣла 25 марта 1905 г. въ Петербургѣ: „Обсудивъ условія труда типографскихъ рабочихъ, какъ одной изъ группъ многомилліонной трудовой массы, собраніе пришло къ заключенію: 1) Что вывести ее изъ настоящаго экономическаго рабства возможно лишь путемъ полнаго, планомѣрнаго, стройнаго, охватывающаго всѣ сферы труда фабричнаго законодательства. 2) Что въ ближайшую очередь насущнымъ и неотложнымъ является проведеніе законодательнымъ путемъ слѣдующихъ мѣръ: а) сокращеніе рабочаго дня до 8 часовъ въ сутки и окончаніе работы подъ праздники и въ субботы въ 2 часа дня; б) отмѣна всѣхъ праздничныхъ и воскресныхъ работъ во всѣхъ отрасляхъ производства; в) празднованіе 1-го мая; г) безусловная отмѣна ночнаго труда; д) безусловное запрещеніе сверхурочныхъ работъ, какъ въ будни, такъ и въ праздники; е) установленіе нормальной заработной платы, которая должна обезпечить рабочимъ здоровое человѣческое существованіе и которая служитъ минимумомъ для всѣхъ производствъ данной мѣстности; ж) уплата заработной платы въ сроки не менѣе 4 разъ въ мѣсяцъ; з) обязать промышленниковъ и предпринимателей имѣть при своихъ заведеніяхъ пріемные покои и постоянныхъ врачей. Пріемные покои должны быть съ процентнымъ числомъ кроватей, соотвѣтственно количеству рабочихъ, и находиться подъ надзоромъ выборныхъ отъ рабочихъ. Въ производствахъ, гдѣ совмѣстно съ мужчинами заняты работою и женщины, имѣть ясли, а при большомъ числѣ женщинъ—имѣть постоянную акушерку; и) женщины, работающія во всевозможныхъ предпріятіяхъ по найму, въ періодъ беременности должны быть освобождены отъ работъ за 3 недѣли до родовъ и 4 недѣли послѣ родовъ, причемъ за все время отсутствія вслѣдствіе родовъ плата должна быть производима полная; к) въ случаѣ профессіональной болѣзни, рабочіе получаютъ заработную плату полностью за все время болѣзни, а въ случаѣ непрофессіональной—двѣ трети заработка; л) отмѣна труда малолѣтнихъ до 16-ти лѣтъ; м) отмѣна штрафовъ; н) выборы и увольненіе рабочими мастеровъ; о) учрежденіе во всѣхъ производствахъ комиссіи изъ выборныхъ представителей рабочихъ и администраціи для разсмотрѣнія жалобъ, претензій рабочихъ и наблюденія за правильностью расцѣнки работы; п) участіе рабочихъ въ прибыляхъ, получаемыхъ отъ предпріятій; р) помощь государства въ устройствѣ производительныхъ артелей и всѣхъ видовъ ассоціацій; с) государственное страхованіе на случай старости, инвалидности и безработицы т) учрежденіе биржи труда. 3) Что вывести рабочую массу изъ безправнаго юридическаго положенія возможно только при равныхъ для всѣхъ гражданъ Россіи законахъ, обезпечивающихъ свободное и полное развитіе всѣхъ духовныхъ силъ личности. 4) Что для широкаго развитія ея духовныхъ силъ необходимо всеобщее, безплатное, обязательное начальное общее и профессіональное образованіе и устраненіе всѣхъ причинъ, затрудняющихъ доступъ массамъ во всѣ среднія и высшія учебныя заведенія.—Но въ виду того, что существующіе органы власти не въ состояніи провести этихъ требуемыхъ жизнью реформъ, собраніе признаетъ самою насущною потребностью момента созывъ учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права безъ различія пола, національностей, вѣроисповѣданія, при условіи немедленной отмѣны положенія объ

стараются избѣгать стачекъ и другихъ рѣзкихъ выступленій. Еще въ 1902 году, по иниціативѣ одесскаго общества приказчиковъ, министерство финансовъ предприняло опросъ биржевыхъ и приказчичьихъ обществъ относительно урегулированія рабочаго дня приказчиковъ. Результатомъ этого опроса была цѣлая программа реформъ, выставленная иркутскимъ приказчичьимъ обществомъ и поддержанная рядомъ другихъ обществъ. Приказчики добивались установленія праздничнаго отдыха и 10-ти часового рабочаго дня съ двухчасовымъ перерывомъ, воспрещенія работы дѣтей моложе 12-ти лѣтъ, регулированія медицинской помощи, государственнаго страхованія, права профессіональной организаціи.

Подъ вліяніемъ извѣстій о комиссіи Шидловскаго, петербургское общество взаимопомощи приказчиковъ подало въ февралѣ 1905 года въ министерство финансовъ записку, въ которой указывало на отсутствіе у приказчиковъ «близко стоящаго къ нимъ органа, который представительствовалъ бы за нихъ, заявлялъ бы о нуждахъ и законныхъ требованіяхъ». «Въ общемъ ходатайствуемъ—такъ кончается записка—1) о прекращеніи повсемѣстномъ въ праздничные дни всякаго рода торговли, не исключая и казенныхъ винныхъ лавокъ; 2) объ ограниченіи времени торговли хоть бы 11-ти часами въ будничные дни; 3) о принятіи мѣръ къ улучшенію и упорядоченію взаимоотношеній между служащими и хозяевами, и 4) о разработкѣ вопроса о страхованіи.

Московскіе приказчики стали обращаться съ письмами къ городскому головѣ, заявляя, что не желаютъ бастовать, но что дальше такъ жить нельзя. Въ поданномъ тому же городскому головѣ заявленіи, за подписью 656 приказчиковъ, изложено ходатайство о привлеченіи приказчиковъ къ участію въ дѣлѣ установленія «законнаго и ни для кого не обиднаго распредѣленія времени труда и отдыха». Приблизительно такого же содержанія письмо напечатали 325 казанскихъ приказчиковъ въ «Волжскомъ Листкѣ».

Но кое-гдѣ уже въ февралѣ начались забастовки подъ давленіемъ приказчичьихъ низовъ. Такъ, въ Екатеринославѣ приказчики бакалейныхъ магазиновъ предъявили своимъ хозяевамъ рядъ требованій и забастовали послѣ того, какъ обнаружилось нежеланіе хозяевъ идти на уступки. Губернаторъ здѣсь впервые разрѣшилъ 10 февраля собраніе стачечниковъ, на которомъ были формулированы требованія всѣхъ мѣстныхъ приказчиковъ. Отнынѣ собранія приказчиковъ въ различныхъ городахъ становятся обычнымъ явленіемъ, и кое-гдѣ, какъ напримѣръ въ Ростовѣ-на Дону, они выносятъ даже политическія резолюціи. Учащаются стачки и демонстраціи приказчиковъ (27-го марта большая демонстрація въ Нижнемъ), а кромѣ того, приказчики начинаютъ принимать довольно дѣятельное участіе въ общемъ рабочемъ движеніи. Въ связи съ этимъ стачечнымъ движеніемъ стоитъ приглашеніе представителей отъ хозяевъ и приказчиковъ въ междувѣдомственное совѣщаніе, созванное 31 мая министерствомъ финан-

---

усиленной охранѣ, немедленнаго объявленія свободы совѣсти, слова, печати, сходокъ, собраній, союзовъ и стачекъ и амнистіи пострадавшимъ за политическія и религіозныя убѣжденія. 5) Поручить правленію сообщить настоящую резолюцію совѣту министровъ, комитету министровъ, всѣмъ существующимъ въ Россіи однороднымъ профессіональнымъ обществамъ и будущему собранію народныхъ представителей".

совъ для обсужденія выработаннаго имъ законопроекта. Совѣщаніе это постигла судьба комиссіи сен. Шидловскаго: послѣ отказа предсѣдателя расширить программу совѣщанія 26 изъ 56 присутствовавшихъ членовъ его отказались отъ дальнѣйшаго участія въ работахъ, указавъ на устарѣлость и неудовлетворительность законопроекта и на необходимость предоставить народнымъ представителямъ выработку новаго проекта [1]). Послѣ этого совѣщаніе было закрыто. Стачечная волна, усилившаяся особенно въ апрѣлѣ и маѣ, послѣ этого поднялась еще выше.

Въ февралѣ же мѣсяцѣ начинается движеніе среди рабочихъ ремесленныхъ и мелкихъ заводскихъ мастерскихъ. Въ Саратовѣ забастовавшіе рабочіе-ремесленники требовали уменьшенія рабочаго дня, увеличенія платы, улучшенія санитарныхъ условій въ мастерскихъ, вѣжливаго обращенія, учрежденія ремесленнаго суда, введенія ремесленныхъ инспекторовъ и инспектрисъ и т. д. Съ такого же рода требованіями, главная цѣль которыхъ состояла въ уравненіи ремесленныхъ рабочихъ съ фабрично-заводскими, выступили мастерицы въ Самарѣ и Екатеринославѣ, портные въ Симферополѣ и Юрьевѣ, Минскѣ, Пинскѣ и др. Въ Петербургѣ заволновались парикмахеры, выработавшіе на собраніи 7 февраля рядъ экономическихъ требованій и вступившіе по ихъ поводу въ переговоры съ хозяевами, пригрозивъ, въ случаѣ несогласія на уступки, вырвать ихъ общей стачкой. Въ Минскѣ, Харьковѣ, Ревелѣ парикмахерамъ удалось стачкой добиться исполненія своихъ требованій. Бастуютъ рабочіе всѣхъ мельницъ въ Саратовѣ, на лѣсопильняхъ въ Екатеринославѣ, на фабрикахъ красокъ въ Гомелѣ и т. д. и т. д.

Городскіе рабочіе тоже начинаютъ обращаться въ управы съ ходатайствомъ объ улучшеніи ихъ положенія. Въ Петербургѣ рѣшено было (въ февралѣ) увеличить заработокъ рабочимъ бойни, фонарщикамъ и чернорабочимъ. Въ Лодзи правленіе городской электрической дороги постановило увеличить жалованье и сократить служебные часы машинистамъ и кондукторамъ; кромѣ того, учреждена касса для больныхъ и рѣшено открыть школу для дѣтей низшихъ служащихъ. Въ Москвѣ забастовавшіе кондуктора городской конки предъявили рядъ требованій, часть которыхъ была удовлетворена. Удовлетворены были также требованія забастовавшихъ въ Москвѣ же рабочихъ городского канализаціоннаго обоза.

---

[1]) Кое-гдѣ общества приказчиковъ сразу отнеслись отрицательно къ этой затѣѣ. Такъ, общее собраніе екатеринославскаго общества отвѣтило на предложеніе о посылкѣ представителя на совѣщаніе резолюціей, мотивировавшей отказъ отъ посылки делегата тѣмъ, что 1) комиссія будетъ учрежденіемъ бюрократическимъ, 2) подобныя „учрежденія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ примѣровъ и въ самое послѣднее время опытъ комиссіи Шидловскаго, не въ состояніи разрѣшить коренныхъ вопросовъ, связанныхъ съ экономическимъ бытомъ трудящагося класса“ и 3) „угнетенное экономическое положеніе приказчиковъ, какъ и всего трудящагося класса, находится въ самомъ тѣсномъ соотношеніи съ политическимъ положеніемъ всѣхъ гражданъ Россійскаго государства“... Поэтому, общее собраніе находило „необходимымъ заявить, что единственнымъ выходомъ“ изъ этого положенія представляется „созывъ учредительнаго собранія на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ“...

Къ веснѣ на арену борьбы выступаютъ новые слои рабочихъ, стремящіеся воспользоваться выгодной для нихъ конъюнктурой: такъ, около праздниковъ пасхи участились стачки булочниковъ, а открытіемъ навигаціи пользуются судовыя команды, портовые рабочіе и другіе для завоеванія лучшихъ условій труда.— 9-го апрѣля во многихъ пекарняхъ Москвы прекратили работу рабочіе и пекаря; 12-го работы возобновились, причемъ главныя требованія рабочихъ были удовлетворены: увеличено содержаніе на 50%, обѣщано улучшеніе квартирныхъ условій, сокращено рабочее время до 10-ти часовъ въ сутки (вмѣсто 16—18 часовъ) и установлено повышенное вознагражденіе за сверхурочныя работы и въ предпраздничное время.

20-го апрѣля началась забастовка булочниковъ въ Одессѣ. 21-го, съ разрѣшенія градоначальника, состоялось совѣщаніе свыше 200 забастовавшихъ рабочихъ. 27-го приступили къ работѣ, добившись установленія 10-тичасоваго рабочаго дня. Кромѣ того, стачки булочниковъ происходили въ Херсонѣ, Екатеринославѣ, Рязани, Ригѣ, Ревелѣ, Лодзи, Ростовѣ и Петербургѣ. Требованія почти повсюду одинаковыя: увеличеніе заработка, нормировка рабочаго времени, праздничный отдыхъ и улучшеніе жизненныхъ условій, въ особенности помѣщеній.

Въ концѣ марта началось движеніе среди портовыхъ рабочихъ Риги. Забастовали судорабочіе, вслѣдствіе чего въ порту пріостановилась всякая дѣятельность. Рабочіе требовали увеличенія заработной платы на 50 проц., но переговоры, ведшіеся при посредствѣ мѣстнаго полиціймейстера, ни къ чему не привели. 2-го апрѣля началась забастовка во всемъ либавскомъ порту, кончившаяся 5-го удовлетвореніемъ требованій рабочихъ. Далѣе бастовали: рабочіе грузовщики въ Таганрогѣ, требовавшіе установленія постоянной платы за погрузку зерна; грузчики въ Самарѣ, заявившіе губернатору требованіе замѣны артельнаго найма поденнымъ; волжскіе грузчики въ Саратовѣ, добившіеся повышенія платы и устраненія подрядчиковъ; судорабочіе въ Астрахани, потребовавшіе увеличенія платы, улучшенія санитарно-медицинской части и сокращенія рабочихъ часовъ; грузчики на рыбныхъ пристаняхъ въ Царицынѣ, береговые рабочіе и работницы въ Ростовѣ-на-Дону и т. д.

Самой крупной была стачка въ Одессѣ. Здѣсь портовые рабочіе волновались еще съ середины марта, и происходили частичныя забастовки. 8-го апрѣля всѣ портовые рабочіе избрали изъ своей среды депутатовъ, которые заявили администраціи «русскаго общества пароходства и торговли» слѣдующія требованія: 1) Рабочее обязательное время для команды на пароходахъ должно продолжаться отъ 6 часовъ утра до 5 часовъ вечера съ перерывомъ на полчаса для завтрака и полтора часа для обѣда, причемъ трудъ въ необязательное время оплачивается по 20 коп. въ часъ. 2) Жалованье должно быть увеличено: старшимъ матросамъ и кочегарскому старшинѣ до 35 руб. въ мѣсяцъ, безъ столовыхъ, а матросамъ и кочегарамъ перваго класса по 30 руб.; матросамъ и кочегарамъ 2-го класса до 25 руб., а часовымъ и кочегарамъ 3-го класса до 20 руб. въ мѣсяцъ. 3) Лица команды во время болѣзни должны получать половину содержанія и лечиться на счетъ пароходнаго общества. 4) Въ случаѣ увѣчья служащаго, ему или его семьѣ должно выдаваться мѣсячное жалованье.—Былъ

предъявленъ и рядъ требованій отъ имени другихъ категорій занятыхъ въ порту рабочихъ Требованія этихъ послѣднихъ были въ значительной мѣрѣ удовлетворены. Что же касается требованій судовыхъ командъ, то они были переданы на разсмотрѣніе особой комиссіи, въ составъ которой вошли представители пароходныхъ обществъ и портового управленія и 12 выборныхъ депутатовъ отъ матросовъ и кочегаровъ.

Надо еще отмѣтить одно весьма рѣдкое явленіе—стачки прислуги. 11-го апрѣля забастовала вся домашняя прислуга, числомъ до 5 тысячъ, въ Тифлисѣ. Съ разрѣшенія и. д. губернатора, въ залѣ городской думы собралось около 1.000 человѣкъ забастовавшей прислуги гостинничной, ресторанной и домашней, заявившей требованія 8-мичасового рабочаго дня, увеличенія жалованья, вѣжливаго обращенія съ ними и особаго помѣщенія.

24-го апрѣля началась всеобщая забастовка прислуги въ Баку. Кромѣ того, бастовала прислуга въ Ревелѣ, Митавѣ и Кіевѣ, причемъ въ послѣднемъ городѣ забастовка сопровождалась уличной демонстраціей. Добивались улучшенія своего положенія путемъ забастовокъ служащіе гостинницъ и увеселительныхъ заведеній въ Саратовѣ, кельнера въ Ригѣ и повара и офиціанты буфетовъ на станціяхъ закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, тогда какъ московскіе и петербургскіе оффиціанты предпочли путь ходатайствъ.

Перечесть всѣ стачки этого періода нѣтъ никакой возможности. Въ разныхъ городахъ бастовали еще шапочники, сапожники, баньщики, бондари, извозчики, водовозы, кучера трамвая и другіе. Значеніе этихъ стачекъ не только въ увеличеніи числа втянутыхъ въ движеніе пролетарскихъ группъ. Новыя стачки во многомъ отличались отъ стачекъ конца 19-го и начала 20-го вв. и въ свою очередь давали толчокъ къ новымъ измѣненіямъ. Нѣкоторыя изъ группъ, принявшихъ теперь участіе въ стачечномъ движеніи, добиваются разрѣшенія на устройство собраній; другія устраиваютъ такія собранія самочинно. Выборъ депутатовъ отъ рабочихъ для переговоровъ съ хозяевами и администраціей становится обычнымъ явленіемъ и даже провинціальные администраторы принуждены съ этимъ мириться. Сдѣланы, далѣе, попытки третейскаго разбирательства спорныхъ пунктовъ въ требованіяхъ рабочихъ. Наконецъ, несмотря на свой чисто экономическій характеръ, эти стачки получили большое политическое значеніе: стачечная эпидемія, вспыхивающая то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, перекидывающаяся изъ большихъ центровъ въ маленькіе города и мѣстечки, постоянное передвиженіе войскъ и полиціи, связанное съ этими стачками, собранія и манифестаціи стачечниковъ—все это вносило въ жизнь самыхъ захолустныхъ уголковъ новую струю и будило интересъ наиболѣе инертныхъ обывателей.

5. Съ середины февраля до середины мая.

Но, рядомъ съ этими многочисленными забастовками отдѣльныхъ пролетарскихъ группъ, сейчасъ только вступавшихъ въ общее русло рабочаго движенія, не прекращалось и то стачечное движеніе, которому толчокъ былъ данъ девятаго января и во главѣ котораго шли рабочіе крупныхъ фабрично-завод-

скихъ предпріятій. Не всегда послѣдніе начинали стачку, но благодаря ихъ участію она принимала характеръ всеобщности. Съ какимъ то фатальнымъ упрямствомъ стачка вертѣлась на одномъ мѣстѣ, переходя отъ одного производства къ другому, пока дѣло не кончалось пріостановкой всей промышленной жизни города или района. Раньше или позже каждая сколько-нибудь промышленная мѣстность должна была имѣть свою всеобщую стачку, которая пріобщала такимъ образомъ данныхъ рабочихъ къ общему рабочему движенію съ его новыми лозунгами.

Въ первыхъ числахъ февраля въ Кременчугѣ началась забастовка на нѣкоторыхъ фабрикахъ. Первыми забастовали прачешники, которые на другой же день выиграли стачку и приступили къ работамъ, заявивъ хозяевамъ, что въ случаѣ всеобщей забастовки они тоже прократятъ работу. 3-го февраля утромъ прекращены были работы на конфектныхъ фабрикахъ, на механическихъ фабрикахъ обуви и т. д. 4-го числа собрались на площади для выработки требованій, но затѣмъ рѣшили идти по всѣмъ мастерскимъ, фабрикамъ и заводамъ и остановить повсюду работы. Кромѣ того, многочисленная толпа рабочихъ пошла по берегу Днѣпра съ цѣлью привлечь къ забастовкѣ и тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ на берегу и встрѣтили стачечниковъ съ распростертыми объятіями. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ (свыше 1000 чел.) двинулись по льду въ Крюковъ (посадъ по правую сторону Днѣпра), гдѣ сейчасъ же примкнули къ стачечникамъ береговые рабочіе и рабочіе лѣсопильныхъ заводовъ. Вся толпа двинулась къ желѣзнодорожнымъ мастерскимъ, рабочіе которыхъ также рѣшили бросить работу. Съ 7-го февраля забастовка стала рѣшительно всеобщей: не работали ремесленныя мастерскія, фабрики, заводы, трамвай, типографіи, извозчики, мельницы, торговыя заведенія и т. д.

Въ Екатеринославѣ и Екатеринославской губ. всеобщимъ лозунгомъ въ это время стало требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. Начиная съ середины февраля какъ въ самомъ Екатеринославѣ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, начинается періодъ безконечныхъ стачекъ и митинговъ. Особенно упорны были стачки въ Александровскѣ и въ Юзовѣ, гдѣ заводъ былъ закрытъ и 12 тысячъ рабочихъ разсчитаны.

Очень рѣшительный характеръ приняло движеніе въ горныхъ округахъ. На Щербиновскихъ и Нелѣповскихъ рудникахъ рабочіе предъявили администраціи 16-го февраля рядъ своихъ требованій. Такъ какъ администрація отказалась отъ сколько-нибудь значительныхъ уступокъ, то рабочіе 18-го февраля на работу не вышли, выбравъ изъ своей среды делегатовъ для дальнѣйшихъ переговоровъ. На рудникъ была вызвана рота пѣхоты и сотня казаковъ, результатомъ чего явилось столкновеніе, кончившееся очень печально для рабочихъ, четверо изъ нихъ было убито и 10 человѣкъ ранено.

Въ Таганрогскомъ округѣ въ концѣ января человѣкъ 200 рабочихъ Чулковскаго рудника прекратили работу. Къ нимъ стали постепенно присоединяться группы рабочихъ и вскорѣ число забастовавшихъ достигло 2000. Забастовщики черезъ своихъ представителей предъявили администраціи свои требованія. Пока велись переговоры, начальникъ округа арестовалъ двухъ наиболѣе вліятельныхъ рабочихъ, послѣ чего стачка вскорѣ прекратилась. Впрочемъ администрація обѣ-

щала позаботиться объ улучшеніи жилищъ рабочихъ, уменьшить взимаемую съ рабочихъ квартирную плату и снабдить квартиры водой.

Къ подобнымъ же результатамъ привела забастовка на хорцызскомъ машиностроительномъ заводѣ. Требованія касались увеличенія заработной платы, уменьшенія рабочаго дня до 8 часовъ, учрежденія безплатной школы для дѣтей и читальни-библіотеки для взрослыхъ, устройства бани и проч. И здѣсь начальникъ округа арестовалъ 15 человѣкъ, послѣ чего администрація согласилась на слѣдующія уступки: рабочій день уменьшенъ на 1 часъ ($10^1/_2$ вмѣсто $11^1/_2$), обѣщано устроить безплатную школу и баню.

Въ серединѣ февраля началась стачка на нѣкоторыхъ шахтахъ рыковскихъ каменноугольныхъ копей. При столкновеніи съ казаками были тяжело ранены двое рабочихъ. На другой день произошла грандіозная демонстрація, на которую явилась масса народу изъ Юзовки. Администрація сдѣлала уступки и 21-го февраля работы возобновились.

Агитація въ пользу празднованія дня 19-го февраля и петербургская стачка послѣ закрытія комиссіи Шидловскаго вызвали стачки въ Нижнемъ-Новгородѣ, Бѣлостокѣ, Двинскѣ, Ригѣ, Ростовѣ, Полтавѣ, Тулѣ, Митавѣ и друг. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ стачки протекали весьма различно въ зависимости отъ настроенія рабочихъ и отношенія остального населенія. Въ Нижнемъ стачка началась 16-го февраля и, благодаря сочувствію значительной части населенія, приняла 18-го рѣшительно всеобщій характеръ: стали рабочіе сормовскихъ заводовъ, рабочіе молитовскаго затона, служащіе на баржахъ, рабочіе механическаго и всѣхъ другихъ, даже самыхъ мелкихъ заводовъ, грузчики на желѣзныхъ дорогахъ и т. д. Происходилъ рядъ большихъ сходокъ отдѣльныхъ группъ по профессіямъ: наборщиковъ, служащихъ электрической станціи, приказчиковъ; вездѣ предъявлены особыя требованія, содержавшія пункты экономическаго и политическаго характера. Несмотря на свой въ значительной мѣрѣ демонстративный характеръ, стачка прошла безъ рѣзкихъ столкновеній.

Въ западномъ и прибалтійскомъ краяхъ движеніе и на этотъ разъ приняло болѣе острый и болѣе наступательный характеръ, въ значительной мѣрѣ благодаря совершавшейся въ этихъ мѣстностяхъ мобилизаціи. Въ Двинскѣ общая забастовка, организованная, по словамъ газеты «Сѣверо-Западный Край», «Россійской соціалдемократической рабочей партіей» и «Бундомъ», началась 17 февраля. Прекратилась работа на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ, ушли изъ магазиновъ приказчики, а изъ домовъ прислуга. Фармацевты и хлѣбники тоже не работали, мѣстный листокъ и телеграммы не выходили. Пріемъ товара жел.-дор. станціями прекратился. Всѣ магазины, банкирскія конторы и библіотеки-читальни закрылись. Ежедневно устраивались во всѣхъ частяхъ города антиправительственныя демонстраціи. Пѣшіе и конные патрули находились все время на улицахъ, и дѣло не обошлось безъ кровавыхъ жертвъ. Насчитывали около 20-ти человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. 19 и 21 февраля состоялись похороны убитыхъ. Многочисленныя толпы рабочихъ и интеллигентовъ провожали прахъ покойныхъ; на кладбищѣ говорились рѣчи. 21-го организаціи, начавшія стачку, выпустили листки, въ которыхъ заявлялось о прекращеніи политической забастовки, и тотчасъ раскрылись всѣ магазины. Въ Ригѣ и Митавѣ, гдѣ настроеніе рабочихъ

было все время чрезвычайно безпокойное, февральскія стачки явились продолженіемъ январьскихъ и носили агрессивный и упорный характеръ, затянувшись до середины марта и позже. Столь же упорный и бурный характеръ носила стачка въ Бѣлостокѣ, гдѣ издавна существовали нелады между еврейскими, занятыми исключительно ручнымъ ткачествомъ, рабочими и нееврейскими, работающими на крупныхъ фабрикахъ. Среди первыхъ въ это время стали преобладать анархическія и всякія другія террористическія теченія, тогда какъ вторые желали оставаться на почвѣ мирной стачечной борьбы за экономическія улучшенія.

Очень туго отзывался и теперь, какъ и въ предыдущій періодъ, центральный районъ; тамъ, гдѣ по тѣмъ или инымъ причинамъ стачка вспыхивала, она въ значительной мѣрѣ продолжаетъ носить чисто экономическій характеръ. Такова была и продолжавшаяся цѣлый мѣсяцъ стачка въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Здѣсь глухое броженіе среди рабочихъ морозовскихъ фабрикъ обнаружилось въ началѣ февраля. Особенно рабочіе настаивали на устройствѣ общаго собранія безъ участія полиціи. С. Морозовъ разрѣшилъ своимъ рабочимъ собраться въ зданіи школы для выбора старостъ. Рабочіе собирались нѣсколько разъ и успѣли за это время столковаться и въ лицѣ старостъ создать себѣ кое-какую организацію. Въ собраніи старостъ 8-го, 9-го и 10-го февраля происходила выработка и формулировка требованій. На фабрикѣ В. Морозова, гдѣ старостъ не было, требованія были выработаны депутатами, спеціально для этой цѣли выбранными. Во главѣ 25 пунктовъ стояли слѣдующія четыре требованія: восьмичасовой рабочій день, увеличеніе расцѣнковъ на 25%, установленіе для поденныхъ рабочихъ минимальной платы въ 1 руб. и участіе въ прибыляхъ предпріятія. Получивъ отрицательный отвѣтъ отъ фабричной администраціи, 15-го февраля забастовали рабочіе С. Морозова, а за ними и всѣ остальныя фабрики какъ Орѣхово-Зуева, такъ и с. Никольскаго. Чтобы не дать повода къ вмѣшательству полицейскихъ властей, рабочіе рѣшили соблюдать всячески внѣшній порядокъ. Но при всемъ желаніи это имъ не удалось. Исторія мѣстнаго рабочаго движенія подсказывала фабричной администраціи легкій путь къ побѣдѣ надъ рабочими—вызвать среди нихъ какіе-нибудь бунтарскіе эксцессы. И вотъ, несмотря на организованную самими рабочими стражу, въ фабричныхъ корпусахъ началось битье стеколъ. Пойманные на мѣстѣ преступленія мальчишки сознались, что имъ приказано это сдѣлать. Когда это не удалось, начались повальные обыски по казармамъ и аресты делегатовъ. По словамъ мѣстныхъ рабочихъ, эти «обыски и аресты произвели на нихъ столь тяжелое впечатлѣніе, что всѣ остальныя ихъ требованія потонули въ одномъ новомъ требованіи неприкосновенности личности». Дѣло дошло, наконецъ, до открытаго нападенія на солдатъ, причемъ нѣсколько арестованныхъ было отбито, главнымъ образомъ, страшно возмущенными женщинами. Пошли, конечно, усиленныя строгости, но стачка закончилась не скоро: рабочіе В. Морозова приступили къ работѣ 7-го марта, а у С. Морозова только 14-го, добившись кое-какихъ уступокъ.

Такъ шла мобилизація пролетарскихъ силъ послѣ девятаго января, и многіе ожидали особенно крупныхъ демонстрацій въ день перваго мая, павшій въ этомъ году на воскресенье. Но эти ожиданія не оправдались: за исключеніемъ Польши и нѣкоторыхъ городовъ сѣверо-западнаго края, гдѣ праздновалось пер-

вое мая новаго стиля, демонстраціи вышли очень блѣдны и чрезвычайно малолюдны.

Въ Варшавѣ 18 апрѣля были закрыты всѣ фабрики, заводы, магазины, мастерскія; городъ казался какъ бы вымершимъ: ни вагоновъ конки, ни извозчиковъ на улицахъ не было. Рядъ манифестацій на разныхъ улицахъ привлекъ многочисленныя толпы рабочихъ, были демонстраціи съ 5 и 10-ю тысячами участниковъ. На Витковской площади войска дали залпъ по пятитысячной толпѣ демонстрантовъ, причемъ обществомъ скорой помощи подобраны 31 убитый и 15 раненыхъ, кромѣ этого, полиціей убрано 60 раненыхъ и убитыхъ. На Іерусалимской аллеѣ, гдѣ толпа напала на патруль, убито 25 и ранено 25 рабочихъ. По словамъ «Варшавскаго Дневника», всего раненыхъ и убитыхъ при столкновеніяхъ съ войсками оказалось 150, но эту цифру можно считать значительно преуменьшенной.

Крупными демонстраціями и столкновеніями съ полиціей и войсками, хотя и безъ такого кроваваго финала, какъ въ Варшавѣ, сопровождались стачки въ Лодзи, Згержѣ, Гроднѣ, Ломжѣ и Калишѣ. Кромѣ того, были манифестаціи въ Сморгони 16 апрѣля, въ Минскѣ 23 апрѣля и въ Казани 18 апрѣля.

Гораздо спокойнѣе прошелъ день перваго мая по старому стилю. Въ Петербургѣ только за Невской и Нарвской заставами собрались на улицахъ довольно большія толпы народу; послѣ 2 часовъ дня состоялись митинги на Выборгской сторонѣ, на Петербургской сторонѣ, у Преображенскаго кладбища, на Преображенскомъ плацу и въ другихъ мѣстахъ; полиція нигдѣ не мѣшала. Въ Москвѣ было нѣсколько малочисленныхъ митинговъ. Въ Харьковѣ на улицахъ въ этотъ день было усиленное движеніе, разъѣзжали многочисленные патрули казаковъ и драгунъ, типографіи не работали. Въ Ростовѣ-на-Дону состоялась демонстрація ночью въ городскомъ саду. Въ Самарѣ не работали типографіи, закрылись магазины и не функціонировала конка. Въ Тулѣ мирныя сборища рабочихъ немедленно разсѣивались даже въ загородныхъ мѣстахъ. Въ Воронежѣ всѣ торговыя заведенія были закрыты; то же и въ Екатеринославѣ. Въ Ревелѣ поздно вечеромъ демонстрація 3.000 рабочихъ была разогнана полиціей. Въ Либавѣ безпорядки были подавлены полиціей и казаками. Въ Кіевѣ всѣ магазины были закрыты. Въ Пинскѣ во время уличныхъ волненій раненъ въ голову полиціймейстеръ. Въ Митавѣ въ ночь съ 29 на 30 апрѣля перерѣзаны всѣ телефонныя и телеграфныя проволоки; 30-го забастовали всѣ фабрики, заводы, мастерскія и лавки; 1-го мая состоялась демонстрація. Большая демонстрація, кончившаяся столкновеніемъ съ полиціей, состоялась въ Костромѣ. Демонстраціями же отпраздновали 1-е мая въ Уфѣ, Елисаветградѣ и въ Кубанской области. Въ Калугѣ состоялся вечеромъ многочисленный политическій митингъ.

Кое-гдѣ, желая ознаменовать праздникъ забастовкой, перенесли празднованіе на другой день. Такъ, въ Саратовѣ бастовали 2 мая; въ Самарѣ 2-го же мая къ наборщикамъ примкнули портные, модистки, переплетчики, фотографы, булочники и нѣкоторые механическіе заводы; въ Баку не работали 30 апрѣля, а въ Либавѣ—2 мая; въ Твери и въ деревняхъ тверского уѣзда фабричные рабочіе устроили манифестаціи 3 мая; въ Екатеринбургѣ 6 мая демонстрировали 3.000 приказчиковъ, къ которымъ примкнули забастовавшіе рабочіе всѣхъ фа-

бликъ и заводовъ; въ Батумѣ 8 мая за городомъ собралась громадная толпа рабочихъ-демонстрантовъ; 6 мая грандіозная демонстрація забастовавшихъ рабочихъ и приказчиковъ во Владикавказѣ; наконецъ, 7 мая большая демонстрація въ Могилевѣ.

Были за это время другія явленія въ жизни рабочей массы, которыя тѣмъ болѣе заслуживаютъ нашего вниманія, что въ нихъ рядомъ съ тенденціями предыдущей эпохи обнаруживаются и новыя стремленія, и новое отношеніе къ своимъ собственнымъ задачамъ.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о томъ, что, подъ вліяніемъ общаго роста оппозиціоннаго движенія вообще и рабочаго въ частности, растерявшаяся администрація начинаетъ кое-гдѣ разрѣшать рабочимъ устраивать открытыя собранія, или, что случается гораздо чаще, не мѣшать собраніямъ, устраивавшимся явочнымъ порядкомъ. Во многихъ мѣстахъ рабочіе чрезвычайно цѣнятъ такія собранія и упорно ихъ добиваются. Такъ, въ Тифлисѣ «собранія забастовщиковъ, собранія для выработки требованій и резолюцій пріобрѣли полныя права гражданства; городской голова любезно предлагаетъ для нихъ залъ думскихъ засѣданій». Во время всеобщей забастовки въ Евпаторіи, начавшейся 10 мая, тамъ происходили разрѣшенныя собранія служащихъ. Въ Симферополѣ, въ первыхъ числахъ апрѣля, рабочимъ разрѣшено было собраніе для обсужденія ихъ профессіональныхъ нуждъ и требованій; желавшіе принять участіе въ собраніи должны были записаться въ городской управѣ, заявивъ тамъ свое имя, фамилію, мѣсто жительства и родъ занятій; несмотря на эти предосторожности, собраніе приняло ярко политическій характеръ и слѣдующія собранія были губернаторомъ запрещены [1]).

Вообще безъ политики теперь не обходилось ни одно собраніе рабочихъ: и либерально настроенные, и тредъ-юніонистскіе рабочіе считаютъ нужнымъ на собраніяхъ выступать съ болѣе или менѣе опредѣленными политическими платформами. Въ Харьковѣ уже извѣстное намъ общество взаимнаго вспоможенія занимающихся ремесленнымъ трудомъ начинаетъ въ это время стремиться къ расширенію своей дѣятельности и постепенно втягивается въ общую политическую агитацію. На состоявшемся въ концѣ января въ мѣстномъ народномъ домѣ общемъ собраніи членовъ, въ присутствіи 323 членовъ и многочисленной посторонней публики, была почтена память рабочихъ, убитыхъ 9 января въ Петербургѣ, и ассигновано 500 рублей на выдачу пособій семьямъ убитыхъ и пострадавшихъ рабочихъ въ Петербургѣ, Варшавѣ, Лодзи и другихъ мѣстахъ. Интересныя пренія вызвалъ вопросъ о государственномъ страхованіи, а также докладъ одного изъ членовъ общества о поѣздкѣ, совершенной имъ по уполно-

---

[1]) Иногда рабочіе старались воспользоваться для своихъ цѣлей разрѣшенными собраніями разныхъ общественныхъ организацій, лекціями и т. под. Такъ, въ Саратовѣ 1-го апрѣля по окончаніи лекціи о холерѣ выступилъ ораторъ, который, подвергнувъ краткой критикѣ прочитанную лекцію, перешелъ къ вопросамъ о настоящемъ положеніи русскаго рабочаго. Въ Ростовѣ-на-Дону въ послѣднихъ числахъ мая рабочіе явились въ городскую думу и попросили разрѣшенія прочесть свою петицію, но городской голова предпочелъ закрыть засѣданіе. Подобные же факты имѣли мѣсто и въ другихъ городахъ юга.

*

мочію общества въ разные города Россіи для ознакомленія съ обществами взаимопомощи и для выясненія вопроса о необходимости всеобщаго съѣзда этихъ обществъ. Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ собраній дебатировался вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ, былъ прочитанъ рядъ докладовъ, а затѣмъ выбрана комиссія, которая и представила въ первыхъ числахъ апрѣля на разсмотрѣніе общаго собранія резолюцію, принятую затѣмъ единогласно. Пункты 1—14 этой резолюціи содержали экономическія требованія и всецѣло совпадали съ требованіями, содержащимися въ программѣ соціалдемократической партіи. «Кромѣ того, продолжала резолюція, необходимо: 1) даровое и обязательное общее и профессіональное образованіе для дѣтей обоего пола до 15 лѣтъ; предоставленіе болѣе способнымъ безплатнаго высшаго образованія; 2) отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленіе прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдство; 3) въ виду тѣсной связи рабочаго вопроса съ крестьянскимъ необходимо немедленное всестороннее (экономическое и правовое) улучшеніе быта крестьянъ въ законодательномъ порядкѣ при участіи выборныхъ отъ крестьянъ». Признавая насущную необходимость осуществленія въ законодательномъ порядкѣ указанныхъ требованій, авторы резолюціи твердо убѣждены, что осуществленіе ихъ возможно лишь при условіи политической свободы и созыва Учр. Собр.

Въ томъ же направленіи эволюціонировали и бывшіе одесскіе «независимцы». На состоявшемся 3-го мая собраніи, на одномъ изъ мѣстныхъ заводовъ, предсѣдатель изъ «независимыхъ» прочелъ протоколъ засѣданія харьковскаго общества и предложилъ присоединиться къ его требованіямъ. На этомъ собраніи не было принято никакой резолюціи, только благодаря тому, что соціалъ-демократы желали присоединенія къ болѣе радикальному манифесту большинства выборщиковъ въ комиссіи Шидловскаго.—Въ той же Одессѣ не удалось осуществить идею «независимцевъ» объ устройствѣ общаго собранія всѣхъ одесскихъ рабочихъ для обсужденія общихъ нуждъ. Еще въ концѣ февраля телеграмма съ просьбой о разрѣшеніи такого собранія была отправлена министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Когда начавшаяся 2 мая стачка вскорѣ превратилась во всеобщую, выборные отъ заводовъ обращались за разрѣшеніемъ сначала къ градоначальнику, а затѣмъ къ фабричному инспектору, но оба раза безъ успѣха.

Московскимъ рабочимъ, и прежде всего членамъ сохранившихся зубатовскихъ обществъ первый толчокъ былъ данъ извѣстной запиской московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ. На нѣсколькихъ собраніяхъ въ Грузинскомъ народномъ домѣ разбирались пункты требованій, намѣченныхъ въ этой запискѣ. 5-го февраля въ присутствіи 2.000 рабоч. эти пункты получили свою окончательную редакцію, весьма характерную по сравненію съ пунктами записки предпринимателей. Пунктъ первый, трактующій о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, принятъ безъ измѣненій; пунктъ второй, въ которомъ рѣчь идетъ о неприкосновенности личности и жилища, московскіе рабочіе лишили его политическаго характера, ограничивъ неприкосновенность рабочими и прибавивъ къ нему слѣдующую фразу: «и отмѣнить на основаніи сего пункта существующіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ унижающіе чувство человѣческаго достоинства обыски, не достигающіе цѣли въ смыслѣ сокращенія кражъ». Пунктъ третій

резолюціи рабочихъ требуетъ максимальнаго восьмичасового рабочаго дня, пунктъ четвертый—безусловнаго прекращенія сверхурочныхъ и праздничныхъ работъ, пунктъ пятый—отмѣны штрафовъ, пунктъ шестой—минимальной заработной платы. Въ запискѣ фабрикантовъ пунктъ третій требуетъ предоставленія рабочимъ полнаго права «сходокъ и собраній въ нерабочее время», права «организоваться въ союзы и всякаго рода другія общества для самопомощи и защиты своихъ интересовъ», права «отдѣльно и совокупно отказываться отъ работы», пунктъ четвертый—права «для каждаго рабочаго поступать на работу на условіяхъ, какія онъ найдетъ для себя пріемлемыми», и пунктъ пятый—«ограниченія законнымъ порядкомъ личности рабочаго отъ насилій рабочихъ-стачечниковъ». Взамѣнъ этого рабочіе настаиваютъ на предоставленіи рабочимъ «полнаго права организовываться въ профессіональные союзы, права сходокъ, собраній; отдѣльно и совокупно какъ наниматься, такъ и отказываться отъ работъ черезъ выборныхъ представителей (коллективный договоръ), учреждать камеры соглашеній и третейскіе суды» (п. 7), и на предоставленіи рабочимъ «свободы стачекъ, какъ единственнаго способа для борьбы съ эксплоатаціей хозяевъ» (п. 8). Отсутствуетъ совершенно у рабочихъ пунктъ седьмой записки, требующій свободы слова и печати; зато въ резолюціи имѣется пунктъ 11-ый о введеніи подоходнаго налога, отсутствующій въ запискѣ. Требованію записки (п. 9) о введеніи всеобщаго обязательнаго школьнаго обученія рабочіе противопоставили п. 13, требующій «устройства при каждомъ предпріятіи технически-профессіональныхъ курсовъ для взрослыхъ», школъ для дѣтей рабочихъ и библіотекъ при мастерскихъ. Имѣется еще въ резолюціи п. 13-ый, въ которомъ рѣчь идетъ о всѣхъ видахъ медицинской помощи, а въ самомъ послѣднемъ пунктѣ, вмѣсто требованія участія всѣхъ въ обсужденіи государственнаго бюджета, значится: «допущеніе рабочихъ къ участію въ распредѣленіи прибылей, получающихся отъ предпріятій, каковое должно выразиться въ начисленіи °/₀°/₀ на заработанный рубль за годичный срокъ, какъ это выдается служащимъ всѣхъ предпріятій». Рядомъ съ этимъ, московскіе рабочіе, по крайней мѣрѣ тѣ, которые входили въ общества взаимопомощи девяти производствъ, имѣвшія утвержденные уставы, носятся съ мыслью о созданіи союза обществъ взаимопомощи съ общимъ исполнительнымъ органомъ во главѣ. О разрѣшеніи подобнаго союза хлопотали депутаты рабочихъ, представлявшіеся московскому градоначальнику 26 февраля.

Но событія въ это время идутъ очень быстро. Разрѣшенныя въ грузинскомъ народномъ домѣ собранія рабочихъ становятся все болѣе и болѣе многолюдными, и на нихъ появляются ораторы, выступающіе съ политическими рѣчами и относящіеся рѣзко отрицательно къ чисто цеховымъ взглядамъ московскихъ рабочихъ. Собранія становятся болѣе бурными, дебаты принимаютъ особенно острый характеръ при обсужденіи двухъ проектовъ петиціи на имя министра финансовъ—одной, чисто тредъ-юніонистской, составленной отъ имени обществъ взаимопомощи восьми производствъ, и другой, болѣе радикальной, отъ имени типо-литографовъ. Кончилось тѣмъ, что оба текста были отвергнуты. Собранія были послѣ этого администраціей пріостановлены, но вскорѣ опять разрѣшены и приняты строгія мѣры противъ допущенія частныхъ лицъ. Это побуждаетъ

болѣе радикальные элементы перенести свои собранія за городъ или на фабрики, и съ конца мая число такихъ митинговъ въ Москвѣ ростетъ очень быстро, значительно содѣйствуя революціонизированію рабочихъ.

Петербургскіе рабочіе, отличавшіеся и бо́льшей сознательностью и бо́льшимъ радикализмомъ, не могли, разумѣется, разсчитывать ни на какія поблажки со стороны администраціи. Если послѣдняя была принуждена мириться съ загородными массовками и митингами на заводахъ, то открытыя собранія рабочихъ въ Петербургѣ почти не допускались. Но полиція уже не въ силахъ бороться съ массовымъ движеніемъ, рвущимъ всѣ наложенныя на него путы. Впервые жители петербургскихъ окраинъ видѣли такія грандіозныя манифестаціи на похоронахъ рабочихъ, какія имѣли мѣсто за Невской заставой 25 марта и въ районѣ Путиловскаго завода 1 и 2 апрѣля. Въ первомъ случаѣ толпа болѣе 10.000 человѣкъ провожала на кладбище тѣло рабочаго Алексѣева, убитаго мастеромъ завода Паля; во второмъ—всѣ рабочіе Путиловскаго завода приняли участіе въ похоронахъ жертвъ, погибшихъ при разрушеніи крана на судостроительной верфи. Точно также безъ вмѣшательства полиціи прошли большіе митинги, на которыхъ участвовало по нѣсколько тысячъ человѣкъ и обсуждался вопросъ о празднованіи перваго мая.

Въ маѣ рабочіе петербургскихъ механическихъ заводовъ заняты борьбой за введеніе девятичасового рабочаго дня. Съ 16-го мая на всѣхъ заводахъ морского вѣдомства и во всѣхъ портовыхъ мастерскихъ введенъ девятичасовой рабочій день вмѣсто десятичасового. Рабочіе другихъ заводовъ не пожелали отставать: кое-гдѣ начались стачки, а кое-гдѣ рабочіе самовольно ввели девятичасовой рабочій день, не встрѣтивъ, однако, того отпора со стороны предпринимателей, какой впослѣдствіи былъ оказанъ попыткѣ установить восьмичасовой рабочій день.

Среди наиболѣе передовой части петербургскихъ рабочихъ начинаются въ это время разговоры о созданіи новыхъ своихъ организацій взамѣнъ разрушенныхъ гапоновскихъ и дѣлаются даже кое-какія практическія попытки. Такъ на невскомъ-судостроительномъ заводѣ рабочими организованъ былъ заводскій союзъ взаимопомощи, ставившій себѣ главной задачей «объединеніемъ и просвѣщеніемъ сознанія рабочихъ накоплять силы для окончательнаго освобожденія рабочаго класса отъ бѣдности и униженія» (§ 13 Устава). Союзъ организованъ явочнымъ порядкомъ. Члены «обѣщаютъ отстаивать право рабочихъ на свободное образованіе новыхъ союзовъ».—Была попытка учредить профессіональный союзъ фабричныхъ рабочихъ. Кромѣ того, обсуждался и поднятый «харьковскимъ обществомъ» вопросъ о съѣздѣ представителей рабочихъ обществъ взаимопомощи.

Пораженіе русскаго флота при Цусимѣ и намѣреніе правительства созвать народныхъ представителей опять возбуждаютъ новыя толки среди рабочихъ, и на рядѣ собраній рабочіе дѣлаютъ попытку установить свое отношеніе къ обоимъ событіямъ. Среди рабочихъ фабрикъ и заводовъ С. Петербурга и другихъ городовъ собирались подписи подъ заявленіемъ, составленнымъ рабочими обуховскаго завода, напоминавшимъ авторамъ проекта созыва народныхъ представителей о томъ, что «современное положеніе создалось благодаря рабочему движенію и что обходить рабочихъ крайне неразумно», и заканчивавшимся указаніемъ, что «управленіе страной должно быть дѣломъ всего народа».

Реагировали также передовые рабочіе на реформаторскіе потуги правительства въ области рабочаго законодательства. Въ № 27 отъ 28 марта газеты «Разсвѣтъ» появилось слѣдующее, весьма интересное письмо рабочаго, характеризующее настроеніе рабочей массы и ея отношеніе къ чисто бюрократическимъ комиссіямъ: «Съ замираніемъ сердца ждали мы результатовъ, къ которымъ придетъ комиссія В. Н. Коковцова послѣ своего перваго засѣданія. Да и какъ было не волноваться? Вѣдь о насъ говорятъ, насъ судятъ и рядятъ, для насъ хотятъ что-то сдѣлать! Поэтому, какъ же допустить, чтобы мы остались равнодушны ко всему этому! Нѣкоторые, впрочемъ, уже ничему не вѣрятъ: извѣрились; но большинство еще надѣется и ожидаетъ,—потому что, какой же на самомъ дѣлѣ, смыслъ въ томъ, что правительство будетъ поступать наперекоръ рабочимъ? Неужто для того, чтобы защитить капиталиста? Но вѣдь насъ-то больше, чѣмъ ихъ! И подати, и налоги платимъ больше, чѣмъ они, такъ почему же именно имъ, а не намъ должна принадлежать симпатія правительства? На эту тему происходило очень много толковъ, причемъ невѣрующіе возражали, основываясь на томъ, что по ихъ убѣжденію капиталъ есть сила, а потому для правительства желательно имѣть его на своей сторонѣ. Большинство не соглашается, ибо «ежели капиталъ—сила, то развѣ мы-то, рабочіе—не сила? А кто изъ насъ сильнѣе,—никто не знаетъ». Шутники добавляли: «Фабрикантъ годъ фабрику строитъ, а мы въ одинъ день разнесемъ»... Возвращаясь къ комиссіи В. Н. Коковцова скажу, что одно то, что она отложила засѣданія на мѣсяцъ, дѣйствуетъ на рабочихъ развращающимъ образомъ. Уже въ этомъ самомъ находится зерно того недовѣрія, которое, при благопріятномъ климатѣ и почвѣ, можетъ дать обильные плоды. «Оттянуть думаютъ, выиграть время»... Вотъ чѣмъ объясняютъ подобное откладываніе дѣла, и, конечно, если комиссія не дастъ осязательныхъ результатовъ, вродѣ свободы организацій, то число невѣрующихъ увеличится и нежелательное для правительства «вліяніе» на массы со стороны усилится еще болѣе.—Фабриканты и заводчики на мой взглядъ не помогутъ комиссіи въ дѣлѣ опредѣленія главныхъ нуждъ рабочихъ. У насъ капиталистъ стоитъ къ рабочимъ ничуть не ближе любого академика генеральнаго штаба»...

Заснувшая комиссія Коковцова пробудилась лишь послѣ Цусимы. Въ промежуткѣ, въ началѣ апрѣля, въ Петербургѣ былъ созванъ съѣздъ окружныхъ и старшихъ фабричныхъ инспекторовъ. Были разсмотрѣны вопросы о врачебной помощи, о нормировкѣ рабочаго времени, о дѣятельности фабричной инспекціи и о рабочихъ организаціяхъ, но рѣшеній не принято никакихъ. Единственнымъ практическимъ результатомъ этого съѣзда была отмѣна циркуляра мин. вн. дѣлъ за № 7587 отъ 12 августа 1897 г. и циркуляра мин. фин. за № 9677 отъ 8 апрѣля того же года [1]).

---

[1]) Какъ извѣстно, первымъ изъ этихъ циркуляровъ, обращеннымъ къ мѣстнымъ властямъ, безусловно запрещались всякія сходки и сборища рабочихъ, а въ случаѣ возникновенія стачки предлагалось или требовать немедленнаго возвращенія на работу или высылать стачечниковъ на родину по этапу. Второй циркуляръ запрещалъ фабричнымъ инспекторамъ брать на себя во время стачекъ примирительныя и посредническія функціи до возобновленія работъ.

Комиссіи Коковцова тоже не суждено было придти къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ результатамъ. На первомъ же засѣданіи входившіе въ комиссію предприниматели заявили, что «великое бѣдствіе, которое постигло Россію», не даетъ имъ «заниматься спокойнымъ обсужденіемъ вопросовъ нашей повседневной мелочной жизни». Занятія комиссіи были опять прерваны на неопредѣленное время, но еще до этого часть петербургскихъ рабочихъ успѣла выразить свое отношеніе къ работамъ этой комиссіи. Въ первыхъ числахъ мая рабочими Невскаго судостроительнаго завода была вынесена слѣдующая резолюція: «Мы рабочіе Невскаго судостроительнаго завода, получили черезъ нашихъ цеховыхъ старостъ предложеніе дать свои заключенія о законопроектахъ по рабочему вопросу, выработанному комиссіей подъ предсѣдательствомъ мин. фин. Коковцова, заявляемъ: 1) что мы считаемъ себя не вправѣ высказывать свое отношеніе къ законопроектамъ, касающимся рабочихъ всей Россіи, между тѣмъ какъ комиссія почему-то запросила по этому поводу мнѣніе только представителей нашего завода; 2) что даже въ томъ случаѣ, если бы упомянутые законопроекты были предложены на обсужденіе всѣхъ рабочихъ, изъ этого бы ничего не вышло, такъ какъ, при отсутствіи свободы печати, собраній, союзовъ и неприкосновенности личности, такое обсужденіе не могло бы быть плодотворно по своимъ результатамъ, какъ это показалъ нашъ опытъ съ комиссіей Шидловскаго; 3) что поэтому мы рѣшительно отклоняемъ предложеніе комиссіи Коковцова и вновь заявляемъ о своей полной солидарности съ требованіями, предъявленными нашими выборщиками въ комиссіи Шидловскаго».

6. Съ середины мая до сентября.

Лѣтніе мѣсяцы ознаменовались новыми массовыми выступленіями рабочихъ въ разныхъ частяхъ Россіи, новымъ обостреніемъ отношеній между рабочими и правительствомъ. Окончательный разгромъ манчжурской арміи и военнаго флота вызвалъ протестъ передовыхъ слоевъ и разбудилъ въ то же время самыхъ отсталыхъ. Правительство, собиравшее всевозможныя комиссіи, въ то же время въ высшей степени усиливаетъ репрессіи; параллельно получаютъ развитіе черносотенныя и погромныя организаціи. Методы борьбы рабочихъ остаются тѣ же: всеобщія стачки, демонстраціи, резолюціи, объединяющія все большее и большее количество рабочихъ массъ. Репрессивныя мѣры со стороны правительства и кое-гдѣ со стороны предпринимателей усиливаютъ озлобленіе рабочихъ и вызываютъ отчаянный отпоръ. На окраинахъ революціонное броженіе продолжаетъ усиливаться, и борьба рабочихъ все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ открытаго возстанія. Рабочіе еще продолжаютъ бороться всей массой, но кое-гдѣ начинаютъ появляться первые признаки индивидуальнаго или групповаго террора. Собранія рабочихъ теперь разрѣшаются очень рѣдко, потому что администрація потеряла всякую надежду удержать рабочихъ въ предѣлахъ экономики, но импровизованные митинги и выступленія рабочихъ на собраніяхъ, организованныхъ интеллигенціей, въ городскихъ думахъ и т. под., становятся все болѣе частымъ явленіемъ. Организуются среди рабочихъ всякія группы само-

обороны для борьбы съ погромщиками. Къ сожалѣнію, пропагандистская или даже проникнутая сознательностью агитаціонная работа среди рабочихъ почти отсутствуетъ. Военныя, боевыя задачи начинаютъ брать верхъ надъ всѣми другими.

Въ центрѣ событій этого времени стоятъ: стачка въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, баррикады въ Бѣлостокѣ и Лодзи, волненія въ Одессѣ.

Настроеніе среди иванововознесенскихъ рабочихъ было повышеннымъ съ самаго января. «Вся Россія бастуетъ, а намъ что ли лучше другихъ живется, чтобы терпѣть по-старому»—говорили рабочіе. 9-го мая, въ лѣсу состоялось совѣщаніе представителей большинства фабрикъ и заводовъ для обсужденія положенія дѣлъ. Констатировано было, что можетъ вспыхнуть стихійно всеобщая забастовка, и рѣшено единогласно не препятствовать ей, а постараться придать организованный характеръ. Тутъ же были выработаны 27 общихъ требованій, среди которыхъ фигурировали восьмичасовой рабочій день, уничтоженіе ночныхъ работъ, уничтоженіе сверхурочныхъ работъ, минимальная плата въ 20 рублей рабочимъ и работницамъ, право въ свободное время читать газеты, уничтоженіе фабричной полиціи и тюремъ при фабрикахъ и др. Въ теченіе трехъ дней эти требованія обсуждались на десяткахъ частныхъ собраній, обсуждались на фабрикахъ и заводахъ. 12-го мая забастовалъ весь Иваново-Вознесенскъ. На всѣхъ фабрикахъ и заводахъ были предъявлены одни и тѣ же 27 требованій. Тотчасъ же начались ежедневныя собранія рабочихъ (на городской площади и за городомъ на р. Талкѣ). На Талкѣ рабочіе разбивались по отдѣльнымъ фабрикамъ и заводамъ, здѣсь были выбраны депутаты и выработаны частныя требованія. Всего было свыше 150 депутатовъ, которые и вели всѣ переговоры съ предпринимателями (черезъ фабричныхъ инспекторовъ) и съ администраціей. Къ 27 требованіямъ по желанію всей массы были прибавлены еще нѣкоторыя: постройка народнаго дома для собраній, устройство кассы взаимопомощи, празднованіе 1 мая и 19 февраля и выдача квартирныхъ денегъ. Кромѣ того на двухъ собраніяхъ на площади 14 и 15 мая, въ присутствіи владимірскаго губернатора, единогласно принято предложеніе о присоединеніи еще одного требованія—о созывѣ народнаго представительства на основѣ четырехчленной формулы. Въ голосованіи участвовали до 50 тысячъ рабочихъ и ремесленниковъ.

Переговоры съ предпринимателями не привели ни къ чему. Предприниматели совершенно отказывались входить въ разсмотрѣніе общихъ требованій и вести переговоры съ депутатами, предлагая по поводу частныхъ требованій отдѣльные переговоры съ представителями каждой отдѣльной фабрики. На это не соглашались рабочіе. Стачка росла необычайно быстро: къ фабричнымъ рабочимъ присоединились каменьщики, землекопы, рабочіе мелкихъ мастерскихъ. И громадная толпа, тысячъ въ 70, продолжаетъ ежедневно собираться, слушать рѣчи агитаторовъ, выслушивать отчеты депутатовъ и обсуждать дальнѣйшій образъ дѣйствій. Собранія на городской площади скоро были запрещены, но собранія на Талкѣ происходили съ вѣдома администраціи. Рабочіе организовали свою милицію для поддержанія порядка.

Забастовка тянулась такимъ образомъ больше трехъ недѣль; порядокъ все

время въ городѣ былъ образцовый: на улицахъ не было пьяныхъ, не слышалось криковъ, ругани, не замѣтно было дракъ. Но второго іюня въ дѣло сочла нужнымъ вмѣшаться губернская администрація, которая до тѣхъ поръ сохраняла приличный нейтралитетъ. По городу были расклеены объявленія, запрещавшія собранія на р. Талкѣ и вообще въ окрестностяхъ города, въ виду того, что сами рабочіе, якобы, заявляли о новомъ характерѣ собраній, принявшихъ политическую окраску. Тѣмъ не менѣе, 3-го іюня, состоялось на Талкѣ обычное собраніе. Но рабочихъ здѣсь ожидали казаки, драгуны и пѣхотинцы. Открылись военныя дѣйствія, и забастовщики были обращены въ бѣгство. Казаки разстрѣливали по одиночкѣ беззащитныхъ. По словамъ рабочихъ, убито было здѣсь 28 человѣкъ, ранено очень много. Въ тотъ же день, часовъ около трехъ, загорѣлись надворныя постройки на ткацкой фабрикѣ бр. Гандуриныхъ. Собравшійся народъ не далъ пожарнымъ тушить пожаръ, но въ то же время отстаивалъ отъ пожара обывательскія зданія. Опять прискакали казаки и началось новое избіеніе.

Но провокація эти стачки не сломила. Репрессіи продолжались съ 3-го по 11-ое іюня. Затѣмъ, однако, собранія на р. Талкѣ были снова разрѣшены, причемъ губернаторъ, разрѣшая собранія на 11 и 12 іюня для обсужденія фабричныхъ дѣлъ, ставилъ условіемъ, чтобы на нихъ не занимались вопросами политическаго и антиправительственнаго характера. Однако, депутаты отъ лица всѣхъ рабочихъ отвѣтили заявленіемъ, въ которомъ настаивали, чтобы имъ не препятствовали въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся рабочаго дѣла, и не стѣсняли въ свободѣ собраній. На собраніяхъ 11, 12 и 13 іюня рабочіе рѣшили продолжать забастовку до полученія существенныхъ уступокъ.

15-го числа иваново-вознесенскіе фабриканты вывѣсили объявленіе, въ которомъ категорически заявили, что сдѣланныя ими уступки (прибавка жалованья 7—15%, освобожденіе отъ платы за больничные билеты и выдача пособій беременнымъ) есть максимумъ того, что могутъ они дать рабочимъ въ данное время. Предприниматели требовали, чтобы рабочіе къ 18-му стали на работу, и въ противномъ случаѣ грозили закрытіемъ всѣхъ заводовъ.

Между тѣмъ рабочіе переживали страшную нужду. Чтобы спастись отъ голода, многіе разъѣхались по деревнямъ, но оставшіеся голодали въ буквальномъ смыслѣ слова. Начались новые переговоры, и 24-го іюня рабочіе выслушали новый отказъ отъ всякихъ уступокъ. Въ отвѣтъ на это рабочіе заявили, что «фабриканты сами не хотятъ мирнаго разрѣшенія стачки, и поэтому рабочіе отнынѣ слагаютъ съ себя данное раньше обязательство, въ которомъ они ручались за мирное теченіе стачки. Депутаты тутъ же сложили свои депутатскія полномочія, заявивъ, что они не въ силахъ сдерживать своихъ товарищей рабочихъ. Собраніе закончилось бурными рѣчами, и толпа, крайне возбужденная, разошлась». Тотчасъ въ городѣ начался разгромъ лавокъ и магазиновъ, продолжавшійся цѣлыхъ два дня.

25-го, 26-го и 27-го іюня собранія на Талкѣ продолжались. Чувствуя окончательное истощеніе силъ, рабочіе рѣшили выйти на работы на 50-ый день забастовки, т. е. 1-го іюля. Рабочіе были побѣждены, но не сломлены. Рѣшено было, что «въ день 1-го іюля всѣ рабочіе сначала соберутся на обычномъ мѣстѣ

сходокъ, на рѣкѣ Талкѣ, а потомъ, разбившись на группы по фабрикамъ, пойдутъ на работы; но прежде чѣмъ приступить къ работамъ, рабочими будетъ заявлено фабрикантамъ, что хотя они, рабочіе, и вышли на работы, но не считаютъ себя побѣжденными и не отказываются отъ мысли въ удобный для того моментъ выйти изъ фабричныхъ корпусовъ и снова предъявить фабрикантамъ требованія, оставшіяся неудовлетворенными».

Но и предприниматели пожелали использовать свою побѣду до конца и заставить рабочихъ испить горькую чашу до дна. Рабочимъ, ставшимъ 1-го іюля на работы, было предъявлено требованіе дать письменное заявленіе о своемъ согласіи возобновить работы на прежнихъ условіяхъ и представить въ конторы паспорта какъ при новомъ наймѣ. Рабочіе снова бросили работы. Снова потянулись тяжелые дни голода... 18-го іюля депутаты заявили старшему фабричному инспектору о желаніи рабочихъ приступить къ работамъ на прежнихъ условіяхъ. Отвѣта отъ фабрикантовъ не послѣдовало. Понадобилось вмѣшательство министра финансовъ, чтобы побудить этихъ господъ открыть свои фабрики [1]).

Эта геройская борьба, подобной которой не видала еще Россія, а тѣмъ болѣе нашъ промышленный центръ, привела въ сильное броженіе и весь прилегающій районъ. Шуя, Кохма, Тейково, Орѣхово-Зуево примкнули къ забастовкѣ и съ большимъ или меньшимъ упорствомъ боролись за проведеніе своихъ требованій. Такія стачки вообще часто не повторяются, но онѣ въ теченіе многихъ годовъ служатъ яркимъ свѣточемъ, указывающимъ путь борющимся рабочимъ. И важенъ въ этихъ случаяхъ не исходъ борьбы, а ея ходъ, та сплоченность и единодушіе, которыя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ заставляли десятки тысячъ пролетаріевъ жить одной жизнью, думать одну думу. А въ сочувствіи мелкой и средней буржуазіи, въ вынужденномъ заступничествѣ министра финансовъ чувствовалось уже вѣяніе предреволюціоннаго времени.

Событія на окраинахъ, главнымъ образомъ въ Польшѣ, носили болѣе трагическій характеръ и потому привлекали къ себѣ и большее вниманіе внѣшняго міра. Въ Лодзи стачки не прекращались съ середины мая. 16 мая почти на всѣхъ крупныхъ фабрикахъ начались забастовки экономическаго характера. Почти всѣ забастовавшіе рабочіе оставались денно и нощно на своихъ фабрикахъ, тамъ ѣли и тамъ спали.

Въ воскресенье 5 іюня на одной изъ улицъ предмѣстья Лодзи состоялась внушительная демонстрація еврейскихъ и польскихъ рабочихъ. Демонстранты, шедшіе густой толпой съ развернутыми красными знаменами, внезапно очутились передъ конными отрядами. Въ результатѣ нѣсколько убитыхъ и 2—3 десятка раненыхъ. 7-го происходили похороны убитыхъ христіанъ. Проводы превратились въ грандіозную демонстрацію; на всѣхъ фабрикахъ работы были прекращены часа за 2 до похоронъ. Такая же демонстрація должна была состояться 8-го, въ день похоронъ еврейскихъ рабочихъ, но полиція тайкомъ похоронила рабочихъ. Тогда собравшаяся толпа рабочихъ двинулась изъ предмѣстья въ

[1]) См. корреспонденціи изъ Иванова-Вознесенска въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „Вечерней почтѣ“ и „Русскомъ Словѣ“ за іюнь и іюль. Замѣтимъ, кстати, что столь же упорный и выдержанный, хотя и менѣе продолжительный характеръ носила стачка въ Костромѣ съ 1-го по 15-ое іюля.

городъ. Получилась величественная манифестація, въ которой участвовало до 20 тысячъ человѣкъ. Но около фабрики Шейблера на толпу бросились казаки; произошло ужасное избіеніе; казаки дали нѣсколько залповъ. Убитыхъ оказалось 18, тяжело раненыхъ 20, изъ нихъ нѣкоторые умерли. Это вызвало сильное возбужденіе среди рабочихъ. 9-го всѣ магазины и конторы по предложенію рабочихъ закрыты, а въ 5 часовъ вечера прекращено всякое движеніе. Въ теченіе дня убивали отдѣльныхъ полицейскихъ, казаковъ и жандармовъ. Часовъ около 9 вечера еврейскіе рабочіе ложной демонстраціей вызвали сильный казачій патруль и съ крышъ принялись его разстрѣливать. Ночью въ еврейскихъ кварталахъ принялись сооружать баррикады. Съ утра 10-го началась перестрѣлка съ войсками изъ-за баррикадъ, а къ 2 часамъ дня баррикады были оставлены. Началась защита въ домахъ и разстрѣливаніе прохожихъ. Борьба перенеслась въ польскіе и нѣмецкіе кварталы. Въ разныхъ частяхъ города вооруженные рабочіе отбирали у крестьянъ возы, рубили телеграфные столбы, разбирали мостовыя и тротуары и изъ собраннаго такимъ образомъ матеріала строили баррикады, переплетая ихъ проволокой отъ телеграфныхъ и телефонныхъ столбовъ. Въ то же время продолжался погромъ и поджогъ винныхъ лавокъ. Только съ прибытіемъ въ городъ новыхъ войскъ, спокойствіе было возстановлено и рабочіе стали возвращаться на фабрики.

За Лодзью послѣдовала Одесса, за Одессой—Бѣлостокъ, а разыгравшіяся въ этихъ городахъ событія привлекли къ нимъ вниманіе рабочихъ другихъ мѣстъ и вызвали новую волну на этотъ разъ уже чисто революціонныхъ стачекъ. Въ Одессѣ послѣ окончанія майской всеобщей забастовки рядъ крупныхъ заводовъ продолжалъ бастовать, такъ какъ хозяева шли лишь на самыя ничтожныя уступки. Полуторамѣсячная забастовка и претерпѣваемыя лишенія сильно озлобили рабочихъ, и это настроеніе стало выливаться наружу въ рядѣ мелкихъ стычекъ съ полицейскими или индивидуальныхъ актовъ террористическаго характера. Среди передовыхъ рабочихъ возникли тогда разговоры о всеобщей стачкѣ съ выставленіемъ политическихъ требованій. Въ воскресенье 13 іюня было арестовано собраніе «выборныхъ». Въ понедѣльникъ забастовали всѣ заводы и другія промышленныя заведенія на Пересыпи, выставивъ требованіе освобожденія арестованныхъ. Около завода Гена произошло столкновеніе съ казаками и 2 рабочихъ было убито. Это усилило волненіе. Въ теченіе дня по городу расхаживали толпы рабочихъ, прекращая работы на всѣхъ фабрикахъ. Были попытки загражденія улицъ опрокинутыми вагонами и т. под. Къ вечеру забастовавшіе рабочіе заняли въ двухъ пунктахъ полотно желѣзной дороги, потушили четыре паровоза, задержали пассажирскій поѣздъ. 14-го всякая дѣятельность въ городѣ прекратилась, а 15-го, въ 4 часа утра, на одесскій рейдъ прибылъ броненосецъ «Князь Потемкинъ Таврическій», всецѣло находившійся во власти взбунтовавшихся матросовъ. Съ его появленіемъ, событія въ Одессѣ стремительно развиваются [1]).

Какъ мы уже указывали и какъ это было совершенно естественно въ описываемое время, лодзинскія и одесскія событія вызвали рядъ стачекъ и

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ Е. Маевскаго.

манифестацій для выраженія сочувствія жертвамъ и для поддержанія выставленныхъ ими политическихъ требованій. Когда въ Варшаву пришло извѣстіе о лодзинскихъ событіяхъ, немедленно забастовало большинство фабрикъ и заводовъ, а съ 11 іюня стачка стала всеобщей. На нѣсколькихъ улицахъ были устроены баррикады изъ возовъ и бочекъ. Были убитые и раненые. 14-го іюня забастовали рабочіе всѣхъ крупныхъ фабрикъ въ Ченстоховѣ, не предъявивъ никакихъ экономическихъ требованій. 20-го іюня забастовали рабочіе, мастеровые и подмастерья въ Кѣльцахъ; закрылись магазины и промышленныя заведенія; произошло нѣсколько столкновеній съ солдатами, причемъ было сдѣлано много выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ. Въ Сосновицахъ рабочіе объявили всеобщую забастовку 15 іюня; повсюду расхаживали тысячныя толпы съ красными знаменами. 21 іюня забастовали безъ исключенія всѣ фабрики, заводы и мастерскія Бѣлостока; въ тотъ же день къ нимъ примкнули трамваи, извозчики и приказчики.

Характерна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ трехдневная политическая забастовка въ Екатеринославѣ. Съ самаго начала года тамъ непрерывно шли экономическія стачки: бастовали лѣсопильщики, маляры, кровельщики, столяры, парикмахеры, папиросницы, шапочники, пекари и т. д. Подъ вліяніемъ извѣстій объ одесскихъ событіяхъ сознательные рабочіе, число которыхъ въ это время въ Екатеринославѣ было уже довольно значительно, рѣшили вызвать забастовку. 20-го іюня сталъ Брянскій заводъ, а за нимъ и рядъ другихъ. Устроены были митинги, но и митинги и забастовка проходили въ первый день очень вяло. Организація, руководившая стачкой, хотѣла уже прекратить ее, какъ плохо удавшуюся, но оказалось, что на заводскихъ собраніяхъ рабочіе рѣшили бастовать. Это подняло настроеніе организованныхъ и съ 21-го стачка стала рѣшительно всеобщей, т. е. къ стачкѣ примкнули не только заводскіе и ремесленные рабочіе, но и приказчики, служащіе трамвая и друг. 21-го и 22-го были демонстраціи въ разныхъ кварталахъ, населенныхъ рабочими; были столкновенія съ казаками, раздавались выстрѣлы, но человѣческихъ жертвъ не было. Въ то же время продолжалось и ширилось стачечное движеніе въ Донецкомъ бассейнѣ и прилегающихъ мѣстностяхъ: 12-го іюня забастовали рабочіе богатѣйшаго въ Донецкомъ бассейнѣ Вознесенскаго каменноугольнаго рудника; 14-го прекратили работу 3 тысячи рабочихъ Карповскаго рудника; 21-го—всѣ рабочіе депо и мастерскихъ на станціи Донинцево Екатерининск. ж. д.; 26-го на рудникѣ Галковскомъ; 17-го—рабочіе бутылочнаго завода въ Константиновѣ; 22-го—на Каменскомъ металлургическомъ заводѣ.

Въ связи съ лодзинскими и одесскими событіями стоитъ общая забастовка, захватившая и портовыхъ рабочихъ, въ Либавѣ, продолжавшаяся съ 3 по 14 іюня, забастовка 15 іюня на всѣхъ большихъ заводахъ и на казенномъ адмиралтействѣ въ Николаевѣ, всеобщая забастовка и столкновеніе съ войсками 28 іюня въ Минскѣ, не совсѣмъ удавшаяся попытка всеобщей забастовки въ Харьковѣ 28 и 29 іюня, стачка и безпорядки рабочихъ въ кронштадтскомъ порту 17 іюня, волненія и стачки на Путиловскомъ заводѣ въ Петербургѣ и друг.

Одновременная всеобщая забастовка на Кавказѣ началась съ Тифлиса, гдѣ рабочіе были сильно возмущены черносотенной агитаціей нѣкоторыхъ

пришлыхъ рабочихъ. Черносотенная агитація вообще къ этому времени разлилась широкимъ потокомъ по всей Россіи и уже успѣла привести къ цѣлому ряду погромовъ съ многочисленными человѣческими жертвами, съ избіеніями евреевъ и интеллигенціи вплоть до малолѣтнихъ гимназистовъ, съ жестокими глумленіями надъ избиваемыми. Къ сожалѣнію, за небольшими исключеніями, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, рабочій классъ вовсе не реагировалъ на эту агитацію. Иначе обстояло дѣло на Кавказѣ, гдѣ сравнительно высокая степень сознательности и организованности совершенно исключала безразличное отношеніе къ погромной агитаціи полиціи и къ шовинистической, проникнутой человѣконенавистничествомъ, пропагандѣ нѣкоторыхъ «истинно-русскихъ» рабочихъ.

17 іюня тифлисій комитетъ р. с. д. р. п. издалъ прокламацію, въ которой приглашалъ все населеніе города Тифлиса къ всеобщей стачкѣ, выставивъ слѣдующія требованія: 1) освободить всѣхъ арестованныхъ въ послѣдніе дни на основаніи доносовъ рабочихъ, принадлежащихъ къ «патріотической партіи», 2) разоружить черную сотню и хулигановъ и 3) разрѣшить организовать городскую милицію. Стачка началась 20-го іюня. Забастовали желѣзнодорожные (до 5.000), заводскіе, фабричные и всѣ другіе рабочіе въ городѣ, наборщики и большинство приказчиковъ. Съ 4-хъ часовъ пополудни прекратилось движеніе вагоновъ трамвая. На слѣдующій день всѣ городскіе служащіе пристали къ стачкѣ. Всѣ торговыя заведенія были закрыты. Въ этотъ же день забастовали изъ солидарности рабочіе въ городѣ Гори и желѣзнодорожные рабочіе на станціи Михайлово. Движеніе прекратилось. Далѣе всеобщая забастовка охватила Чіатуры, Шаропань, Кутаисъ, Самтреди и Батумъ.

Мѣсяцъ іюль ознаменовался новымъ рядомъ стачекъ, отчасти въ связи съ агитаціей соціалистическихъ организацій, предложившихъ ознаменовать всеобщей забастовкой 9-е іюля, полугодовой день кровавыхъ январьскихъ событій въ Петербургѣ. Однако, въ этотъ день бастовали только рабочіе Петербурга и Нижняго-Новгорода. Въ послѣднемъ забастовки прошли даже дружнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ: въ городѣ и въ Сормовѣ [1]) всѣ магазины были закрыты, заводы стояли, на окраинахъ устраивались митинги въ присутствіи полиціи, а съ десятаго началась настоящая война съ организованной мѣстной администраціей черной сотней, съ перестрѣлкой, бомбами и звѣрскими убійствами. Въ Сормовѣ убитымъ въ эти дни рабочимъ были устроены величественныя похороны, въ которыхъ приняло участіе 15 тысячъ человѣкъ.

Того же 10-го іюля началась забастовка по всей линіи владикавказской жел. дор. съ ея вѣтвями на Ростовъ, Царицынъ, Ставрополь, Новороссійскъ и Петровскъ. Замеръ весь огромный край отъ Баку до Чернаго и Азовскаго морей, по побережью Каспійскаго моря и по низовьямъ Волги. Желѣзнодорожные служащіе и рабочіе воспользовались тѣмъ, что по случаю бывшихъ въ Одесскомъ порту безпорядковъ, началась, было, усиленная грузка хлѣба въ Ростовѣ

[1]) Въ Сормовѣ началось стачечное движеніе еще въ началѣ іюня. Сначала дѣло шло о повышеніи платы, но очень скоро благодаря собраніямъ, разрѣшеннымъ мѣстнымъ исправникомъ и скоро превратившимся въ многотысячные митинги, были выдвинуты и требованія болѣе общаго характера.

и Новороссійскѣ, и предъявили свои давнишнія требованія относительно улучшенія ихъ участи. Рабочіе не ограничились прекращеніемъ работъ, а приступили къ порчѣ паровозовъ, кое-гдѣ разобрали рельсовый путь. На станціи Ростовъ 15-го іюля произошла кровавая схватка между жандармами и забастовавшими мастеровыми. Управленіе дороги отказалось дѣлать уступки и заявило разсчетъ всѣмъ служащимъ и рабочимъ.

О характерѣ движенія въ Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ говорятъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ опубликованныхъ въ серединѣ августа оффиціальныхъ сообщеніяхъ департамента полиціи. Въ Ригѣ, по словамъ этого сообщенія, «съ 15 іюля вновь началась забастовка рабочихъ, постепенно охватившая всѣ фабрики, заводы, портовыя сооруженія и корабельныхъ рабочихъ и распространившаяся также на ремесленныя и торговыя заведенія. Стачка эта сопровождалась безпорядками, которые возникли сначала на фабрикахъ, откуда насильно удалялись мастера и рабочіе, не сочувствующіе революціонному движенію. Затѣмъ безпорядки перешли на улицу, и, послѣ ряда почти ежедневныхъ демонстрацій, 26 іюля происходили почти цѣлый день и на различныхъ пунктахъ города... За послѣднюю недѣлю, какъ, впрочемъ, и въ теченіе послѣдняго полугодія, въ Ригѣ продолжались нападенія на полицейскихъ чиновъ, находившихся на посту».

Въ Варшавѣ «частная забастовка почти не прекращалась» въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, «постепенно захватывая все большее число фабричныхъ заведеній и въ уѣздѣ, и распространяясь на различные виды промышленной и торговой дѣятельности варшавскаго населенія... Одновременно съ забастовками на фабрикахъ и промышленныхъ заведеніяхъ гор. Варшавы, стачка среди союзниковъ, пекарей, приказчиковъ, каменьщиковъ, парикмахерскихъ рабочихъ поддерживались постоянными кровавыми столкновеніями между лицами этихъ профессій, создавая въ городѣ крайне тревожное настроеніе».

Въ районѣ дѣятельности Бунда, по словамъ оффиціальнаго отчета, «особенное вниманіе обращаютъ на себя безпорядки, происшедшіе 30-го іюня въ Бѣлостокѣ»... Въ этотъ день въ проходившія по улицамъ войска стали стрѣлять «изъ оконъ, изъ-за гребней крыши, изъ проходныхъ дворовъ... Такая же стрѣльба евреями (?) направлена была на постовыхъ городовыхъ и на стоящихъ рядомъ съ ними для охраны часовыхъ. Рота и часовые принуждены были, въ свою очередь, открыть огонь по направленію, откуда производились выстрѣлы, и, въ результатѣ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ оказалось 35 человѣкъ и ранены 25 человѣкъ»...

«Въ цѣляхъ выраженія сочувствія пострадавшимъ 30-го іюля во время безпорядковъ въ Бѣлостокѣ, варшавскія революціонныя организаціи... пригласили рабочихъ устроить 5 августа всеобщую забастовку и демонстрацію... Призывъ соціалистовъ не оказался безрезультатнымъ. Съ вечера на 5-е число забастовали слесаря, 5-го августа утромъ работали лишь на нѣкоторыхъ фабрикахъ, а послѣ работы были всюду прекращены... Въ понедѣльникъ 6 августа безпорядки стали проявляться въ болѣе острой формѣ. Толпа рабочихъ съ фабрикъ, расположенныхъ по сосѣдству со станціей Прага привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ, явившись въ количествѣ 500 человѣкъ въ ея желѣзнодорожныя

мастерскія и депо,... потребовала у мѣстныхъ рабочихъ прекращенія работъ. Затѣмъ, двинувшись по путямъ, остановила паровозы, выпустила изъ нихъ пары, испортила всѣ телеграфные аппараты, порвала провода и разогнала служащихъ. Пассажирскій поѣздъ, слѣдовавшій изъ Новогеоргіевска, былъ остановленъ на станціи Прага и не допущенъ въ Варшаву. То же произошло на станціи Варшава, брестской желѣзной дороги. Въ виду забастовки машинистовъ, движеніе поѣздовъ отъ Варшавы до Млавы и Ковеля было прекращено... На слѣдующій день 9-го августа, послѣ полудня, почти всѣ фабрики, заводы и мастерскія Варшавы и ея окрестностей прекратили работы!.. Попытки къ демонстраціямъ и безпорядкамъ на улицахъ и за городомъ стали возобновляться съ большей настойчивостью, вызывая столкновенія съ полиціей и воинскими частями».

Опубликованіе закона 6-го августа (Булыгинская Дума) не могло успокоить ни рабочихъ, ни интеллигенцію, которые какъ разъ этимъ закономъ были обойдены. Открытіе высшихъ учебныхъ заведеній и начавшіеся въ нихъ политическіе митинги поддерживали всеобщее возбужденіе и въ значительной мѣрѣ содѣйствовали формированію политическаго сознанія рабочихъ массъ.

Съ другой стороны усилилась черносотенная агитація и начались кое-гдѣ погромы, предвѣстники тѣхъ ужасныхъ октябрьскихъ погромовъ, которыми ознаменовались первые дни существованія нашей конституціи. Никто въ то время не понималъ еще истинныхъ размѣровъ черносотенной опасности, и революціонные кружки ограничивались организаціей группъ самообороны, раздачей оружія и т. под. чисто внѣшними мѣропріятіями. Тѣмъ больше чести тѣмъ немногимъ представителямъ передовыхъ рабочихъ, которые поняли истинный характеръ этого общественнаго зла и считали нужнымъ бороться съ нимъ путемъ открытой агитаціи среди темныхъ, невѣжественныхъ фанатиковъ погромовъ.

«Люди, которымъ это, очевидно, выгодно,—такъ писали керченскіе рабочіе по поводу керченскаго погрома въ газетѣ «Южный Курьеръ»,—распускаютъ слухи о томъ, что участники дикаго, отвратительнаго погрома въ Керчи 31 іюля и 1 августа были русскіе рабочіе. Мы, русскіе рабочіе, настоящимъ письмомъ заявляемъ, что это—наглая ложь. Мы, русскіе рабочіе,—люди, которые не имѣютъ никакой связи ни съ тѣми хулиганами, ни съ черносотенцами. Они, руководимые, видно, опытными вожаками и поощряемые другими, производили въ эти дни разгромъ еврейскаго имущества. Русскіе рабочіе не могутъ питать ненависти и племенной вражды къ евреямъ, потому что за рабочимъ станкомъ, изо дня въ день, мы трудимся въ потѣ лица вмѣстѣ съ товарищами евреями. Вмѣстѣ съ ними одинаково испытываемъ мы нужду, вмѣстѣ боремся противъ гнета капиталистовъ и съ ними же рука объ руку надѣемся достичь намѣченныхъ рабочимъ классомъ цѣлей. Мы, русскіе рабочіе, не знаемъ національной розни, и человѣконенавистничество намъ неизвѣстно. Всѣхъ насъ: русскихъ, евреевъ, поляковъ, магометанъ, армянъ и другихъ—объединяетъ рабочій станокъ и общая цѣль. Мы возмущены подлой клеветой, которая распускается о насъ тѣми негодяями, которые сами устроили погромъ и теперь хотятъ къ своей мерзкой «работѣ» присоединить и насъ, запятнать имя и русскихъ рабочихъ».

Письмо заканчивается просьбой напечатать это письмо и въ другихъ газетахъ.

Въ томъ же духѣ 60 екатеринославскихъ рабочихъ писали въ «Приднѣпровскомъ Краѣ»: «Товарищи русскіе рабочіе! Недавно мы были свидѣтелями безобразныхъ сценъ, разыгравшихся на улицахъ Екатеринослава. Хулиганы, эти отбросы общества, не имѣющіе ничего святого, готовые за грошъ совершить всякую гнусность, пытались устроить погромъ, совершить насиліе надъ личностью и имуществомъ евреевъ.—Товарищи, пора положить конецъ этому позору. Заявимъ же громко, что евреи—наши братья, что мы возмущаемся несправедливыми и гнусными насиліями надъ ними. У насъ есть честь, - рабочая честь! Мы не только не обезславимъ себя участіемъ въ этой гнусной травлѣ, но настоящимъ своимъ заявленіемъ покажемъ, что русскіе рабочіе не на сторонѣ хулиганства и другихъ темныхъ силъ».

И екатеринославскіе рабочіе просятъ «другія газеты перепечатать это наше обращеніе къ товарищамъ».

Отмѣтимъ еще однородное заявленіе полтавскихъ рабочихъ, напечатанное въ № 30 газеты «Южное Слово», и резолюцію кременчугскихъ и крюковскихъ рабочихъ, напечатанную въ № 42 той же газеты [1]).

Описанными событіями заканчивается первый періодъ 1905 года, періодъ мобилизаціи общественныхъ силъ и, во главѣ ихъ, рабочихъ массъ. Въ то время мобилизація эта ослѣпляла всѣхъ грандіозностью своего размаха. Трудно было даже постороннему наблюдателю, а тѣмъ паче участникамъ разглядѣть слабыя стороны, которыхъ, однако, у нея было не мало.

Прежде всего мобилизація эта отличалась большой неравномѣрностью и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи: чрезвычайно интенсивная и охватывающая почти всю рабочую массу на западныхъ и южныхъ окраинахъ, она лишь слабо даетъ себя чувствовать во внутреннихъ и восточныхъ губерніяхъ. Рядомъ съ этимъ—почти полное отсутствіе согласованности между отдѣльными частями, раздробленность и стихійность отдѣльныхъ движеній. Сближеніе рабочей массы съ соціалдемократической партіей, сдѣлавшее огромный шагъ впередъ именно въ этотъ періодъ, не могло, однако, дать движенію ни практическаго, ни теоретическаго единства, потому, во-первыхъ, что такого единства не было у самой соціалдемократіи, и потому, во-вторыхъ, что связь между интеллигентской партіей и рабочими оставалась чисто внѣшней, навязанной

[1]) Вотъ эта резолюція: „Принимая во вниманіе, что участившіеся погромы за послѣднее время во многихъ городахъ вызываются темными силами, имѣющими цѣлью разжигать человѣконенавистническія страсти, претендующими на возбужденіе національной розни и сѣющими смуту въ средѣ рабочихъ и мирныхъ обывателей, мы, русскіе кременчугскіе рабочіе и рабочіе крюковскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, присоединяемся къ заявленію полтавскихъ рабочихъ, помѣщенному въ газетѣ „Южное Слово“, № 30, и заявляемъ, что мы настойчиво рѣшили всячески противодѣйствовать злымъ умысламъ и затѣямъ подонковъ общества и, стоя на стражѣ своихъ интересовъ, во всякое время будемъ давать отпоръ негодяямъ и не допустимъ ни въ какомъ случаѣ учиненія антиеврейскаго погрома“.

стеченіемъ обстоятельствъ, но имѣвшей весьма слабые корни въ прошломъ всего движенія и въ его организаціонномъ творчествѣ.

Наконецъ, уже тогда обнаружилось ставшее впослѣдствіи роковымъ, стремленіе этой арміи обходить встрѣчающіяся на пути непріятельскія позиціи, а не укрѣплять ихъ за собой. Даже наиболѣе передовымъ отрядамъ этой арміи была гораздо болѣе по душѣ эта имѣющая чрезвычайно радикальную внѣшность тактика, чѣмъ другая, стремящаяся предварительно использовать въ своихъ интересахъ всякую непріятельскую позицію въ цѣляхъ укрѣпленія своихъ собственныхъ рядовъ. Такъ была обойдена, и не взята, комиссія Шидловскаго. И по этому же пути шли сознательные рабочіе во всѣхъ другихъ градахъ и весяхъ Россіи. Впрочемъ, такой путь былъ предначертанъ всѣмъ прошлымъ, а также всѣмъ соціальнымъ строеніемъ нашего пролетарскаго организма. Безъ привычки къ организованной жизни онъ не зналъ бы, что ему дѣлать съ завоеванными позиціями, какія части ихъ можно ассимилировать и какія надо отбросить. Сильно пропитанный мѣщанскими и крестьянскими элементами, онъ отвергалъ все, что выходило изъ кругозора этихъ общественныхъ группъ, внѣшній радикализмъ которыхъ соотвѣтствуетъ ихъ соціальной ограниченности.

Надо ли намъ прибавлять, что, несмотря на всѣ указанные недостатки, трудно указать въ современной Россіи другое движеніе, столь мужественно и беззавѣтно стремящееся впередъ, столь сильно проникнутое духомъ равенства и братства, какимъ было и осталось рабочее движеніе. Его недостатки могли легко быть современемъ устранены дальнѣйшимъ движеніемъ, какъ устраняется всякая болѣзнь, свойственная опредѣленному возрасту, съ минованіемъ этого возраста. Если болѣзнь оказалась затяжной, то въ этомъ винить рабочихъ можно всего меньше.

7. Рабочее движеніе въ Баку. Стачечное движеніе въ сентябрѣ. Ростъ соціалъ-демократической партіи и первые шаги профессіональныхъ союзовъ.

Внутренняя логика движенія и внѣшняя среда вели къ его обостренію и все большему его объединенію въ одинъ могучій потокъ, движущійся съ силой стихіи, пока не наскочитъ на какое-нибудь непреодолимое препятствіе. Но при началѣ каждаго новаго этапа движенію необходимъ былъ какой-нибудь центръ,— въ видѣ ли новаго крупнаго факта, въ видѣ ли новой организаціи, способной руководить болѣе широкимъ массовымъ наступленіемъ, въ формѣ ли, наконецъ, новой идеи, становящейся достояніемъ массъ. Сентябрь принесъ и тотъ, и другую, и третью; конечно, рѣчь идетъ не объ абсолютной новизнѣ, а объ отношеніи рабочей массы. Къ сентябрьскимъ событіямъ, сыгравшимъ ту или другую роль въ дальнѣйшемъ развитіи рабочаго движенія, относятся: съѣздъ нефтепромышленниковъ, особое совѣщаніе о реорганизаціи желѣзнодорожныхъ пенсіонныхъ кассъ, превратившееся въ первый всероссійскій съѣздъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, открытіе университетовъ для митинговъ и стачка въ московскихъ типографіяхъ.

Съѣздъ нефтепромышленниковъ былъ созванъ съ цѣлью найти выходъ изъ положенія, создавшагося въ нефтяной промышленности и вызваннаго отчасти національными междоусобіями, отчасти рабочимъ движеніемъ въ Баку. Мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ (см. т. I) бакинскую всеобщую стачку въ іюлѣ 1903 года. Прошло послѣ этого болѣе года, а многіе изъ обѣщанныхъ уступокъ остались невыполненными. Между рабочими и промышленниками шли нескончаемые переговоры, не приведшіе ни къ какимъ результатамъ, и 13-го декабря 1904 года бакинскій промысловый и заводскій районъ прекратилъ всѣ работы. Въ стачкѣ приняли участіе заводы, типографіи, трамваи, нѣкоторыя ремесленныя заведенія и мастерскія. Рабочіе заявили рядъ требованій: о сокращеніи рабочаго дня до 8-ми часовъ, о повышеніи заработной платы по категоріямъ отъ 10 до 50%, объ увеличеніи числа смѣнъ, объ улучшеніи жилищъ и объ урегулированіи взаимоотношеній между предпринимателями и рабочими. Совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ избралъ 14 декабря комиссію изъ 15 лицъ для переговоровъ съ депутатами, представлявшими 40 тысячъ стачечниковъ. Соглашеніе не было достигнуто, и 23-го декабря на заводахъ и промыслахъ было вывѣшено объявленіе, содержащее перечень максимальныхъ уступокъ со стороны предпринимателей и приглашеніе немедленно приступить къ работамъ. Нѣкоторыя фирмы попытались начать работать подъ охраной войскъ, но это повело къ серьезнымъ столкновеніямъ: рабочіе разгромили нѣсколько мастерскихъ, складъ, контору и квартиру инженеровъ; 24-го произошелъ пожаръ и уничтожено огнемъ свыше 20 вышекъ. Предприниматели пошли на новые переговоры, и, такъ какъ стачка сдѣлала ихъ уступчивѣе, то на этотъ разъ переговоры привели къ благополучному концу, т. е. къ договору, подписанному обѣими сторонами 31 декабря. Руководство декабрьской стачкой находилось въ рукахъ тайной «Балаханско-Биби-Эйбатской» рабочей организаціи, тѣсно сплоченной группы передовыхъ рабочихъ человѣкъ въ 200—300, которые принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы, поскольку это позволяло подполье, стать выразителями и защитниками интересовъ широкой рабочей массы. Надо прибавить, что эта задача облегчалась условіями открытой, уличной жизни бакинскихъ рабочихъ.

Какъ только рабочіе послѣ договора стали на работу, началось отбираніе уступокъ, въ особенности на мелкихъ и среднихъ фирмахъ. Рабочіе съ своими жалобами обращались къ «организаціи», которая посовѣтывала рабочимъ открыто выбирать изъ своей среды уполномоченныхъ для переговоровъ съ администраціей. Когда администрація отказывалась вести переговоры съ выборными отъ рабочихъ, послѣдніе бастовали, и администрація въ большинствѣ случаевъ уступала. Такимъ образомъ вводился въ жизнь институтъ выборныхъ отъ рабочихъ. Иногда, въ трудныхъ случаяхъ, при переговорахъ присутствовалъ и членъ организаціи, котораго рабочіе отстаивали также какъ и своихъ выборныхъ, и такимъ образомъ пріучались считать организацію своею.

Дальнѣйшее развитіе организаціи и ея дѣятельности было прервано февральской армяно-татарской рѣзней, повергшей въ панику все населеніе города и внесеніемъ національнаго шовинизма разстроившей ряды рабочихъ. Скоро, однако, рабочіе оправились, и въ маѣ организація дѣлаетъ, правда неудачную, попытку поддержать всеобщей забастовкой начавшееся стихійно движеніе среди рабочихъ-

татаръ. Тѣ же татары, которыхъ собирались поддерживать, первые измѣнили своимъ товарищамъ и образовали наемную черносотенную гвардію, которая съ этихъ поръ терроризировала все рабочее населеніе города и промысловъ. Въ двадцатыхъ числахъ августа новый страшный разгромъ уничтожилъ большую часть промысловъ и заводовъ: послѣ сильной рѣзни, имѣвшей мѣсто въ Баку съ 20 августа, отъ поджоговъ, выгорѣла вся Балахано-Сабунчано-Романовская промысловая площадь, оставивъ 30 тысячъ рабочихъ безъ крова, безъ куска хлѣба, безъ всякаго заработка.

Однако, несмотря на панику и терроръ, на ужасъ и отчаяніе, овладѣвшіе рабочими массами, собираются остатки «рабочей организаціи» и начинаютъ агитацію въ пользу посылки депутатовъ отъ рабочихъ на экстренный съѣздъ нефтепромышленниковъ въ Петербургѣ. Стоило большихъ усилій убѣдить запуганныхъ рабочихъ въ необходимости и цѣлесообразности такой депутаціи. Были произведены выборы уполномоченныхъ по заводамъ и промысламъ. Уполномоченные собирались нелегально и черезъ посредство «Совѣта съѣзда» добились разрѣшенія министра финансовъ на участіе своихъ делегатовъ на съѣздѣ. 19-го сентября уполномоченнымъ было дано разрѣшеніе на открытое собраніе въ черногородской аудиторіи, гдѣ производились выборы на съѣздъ.

На съѣздѣ делегаты представили докладную записку о положеніи бакинской промышленности и бакинскихъ рабочихъ. Свобода рабочихъ организацій—такова основная мысль «записки» и основное требованіе бакинскихъ рабочихъ. Авторы «записки» приходятъ къ слѣдующему заключенію: «Дальнѣйшее нормальное развитіе рабочаго вопроса при существующихъ условіяхъ невозможно. Дальнѣйшая экономическая борьба, при данныхъ условіяхъ, безполезна и, по меньшей мѣрѣ, является непроизводительной затратой силъ. Дальнѣйшая борьба въ этомъ направленіи грозитъ полнѣйшей анархіей, застоемъ и даже гибелью самой промышленности. И если мы признаемъ, что экономическое улучшеніе быта рабочихъ необходимо и не сегодня только, а въ каждый слѣдующій день, какъ это бываетъ въ дѣйствительной жизни, то мы должны будемъ признать вмѣстѣ съ этимъ и желѣзную необходимость урегулированія рабочаго движенія, введенія его въ русло правомѣрныхъ явленій общественной жизни».

Для рѣшенія этой чисто тредъ-юніонистской, въ англійскомъ смыслѣ, задачи «урегулированія» рабочаго движенія, депутаты выставили слѣдующія 28 пунктовъ экономическихъ и политическихъ требованій: 1) Предоставленіе рабочимъ права свободно организовываться въ союзы, образовывать всякаго рода кассы, открывать школы, библіотеки, читальни, вечерніе курсы, лекціи по общеобразовательнымъ предметамъ; право организаціи общерабочихъ потребительныхъ и производительныхъ обществъ (кооперативовъ, пекаренъ и др.); право организовывать совмѣстно съ нефтепромышленниками камеры соглашенія и пріисканія труда. 2) Право свободныхъ собраній, обсужденій, право стачекъ и изданія рабочей газеты на русскомъ и татарскомъ языкахъ. 3) Государственное страхованіе на случай болѣзни, инвалидности и безработицы. 4) Участіе представителей рабочихъ въ Бакинскомъ городскомъ самоуправленіи на правахъ, одинаковыхъ со всѣмъ населеніемъ гор. Баку и его районовъ. 5) Участіе рабочихъ представителей въ общегосударственныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ

наравнѣ съ населеніемъ всей Россійской Имперіи. 6) Выселеніе изъ промысловыхъ и заводскихъ районовъ головорѣзовъ-татаръ. 7) Право ношенія оружія для рабочихъ промысловыхъ и заводскихъ районовъ. 8) Отводъ казною земель подъ устройство въ промысловыхъ и заводскихъ районахъ рабочихъ поселковъ. 9) Устройство рабочихъ поселковъ. Участіе представителей рабочихъ въ разсмотрѣніи плановъ поселковъ и вообще право рѣшающаго голоса по вопросу сооруженія жилищъ рабочихъ. 10) Вознагражденіе рабочихъ за погорѣлое имущество. 11) Отмѣна подрядчиковъ, по крайней мѣрѣ въ области работъ строительныхъ и случайно поденныхъ чернорабочихъ. Замѣна подрядчиковъ въ видѣ опыта особымъ бюро изъ представителей рабочихъ и нефтепромышленниковъ, черезъ которое проходили бы какъ спросъ труда, такъ и его предложеніе. Организація при бюро по отраслямъ работъ, сдаваемыхъ нынѣ подрядчикамъ, опытныхъ надсмотрщиковъ. 12) Право каждаго рабочаго на мѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія по прослуженіи у фирмы не менѣе года. 13) Отчисленіе % изъ общаго дохода предпріятій въ наградныя всѣмъ мастеровымъ и рабочимъ, прослужившимъ у фирмы не менѣе шести мѣсяцевъ. 14) Введеніе для всякаго рода работъ восьмичасового рабочаго дня.

Несмотря на умѣренность и даже нѣкоторую реакціонность (см. п. 6) этой программы, самое появленіе на съѣздѣ рабочихъ делегатовъ, сопровождаемое слухами о дѣятельности и борьбѣ бакинской «рабочей организаціи», не могло не обратить на себя вниманія всѣхъ передовыхъ русскихъ рабочихъ, которые, идя гораздо дальше бакинцевъ въ своихъ политическихъ требованіяхъ, не могли не чувствовать нѣкоторой зависти къ этой организаціи, издали казавшейся весьма стойкой, способной выдержать самыя трудныя испытанія.

Центръ забастовочнаго движенія въ это время переносится въ Москву. 19-го сентября вспыхнула забастовка въ типо-литографскомъ заведеніи т-ва Сытина. «Охвативъ затѣмъ послѣдовательно всѣ типографіи и литографіи Москвы, эта частичная забастовка превратилась въ грандіозную стачку, увлекшую болѣе 10.000 рабочихъ и приведшую къ тому, что въ теченіе многихъ дней не могла выходить ни одна московская газета» [1]).

Типографскими рабочими были предъявлены слѣдующія основныя требованія: девятичасовой рабочій день, увеличеніе жалованья и заработной платы на 20%, двухнедѣльный ежегодный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія, уравненіе платы женщинъ съ платой мужчинъ, право *выбора депутатовъ для посредничества между рабочими и хозяевами* и устройство яслей.

Къ забастовкѣ типографскихъ рабочихъ присоединились 24 сентября пекари, а затѣмъ рабочіе всѣхъ мебельныхъ фабрикъ, нѣсколькихъ табачныхъ и механическихъ заводовъ, а также рабочіе московскихъ мастерскихъ Московско-Брестской жел. дор. *Забастовавшіе рабочіе повсюду выбирали изъ своей среды депутатовъ, на которыхъ возложена была задача веденія переговоровъ какъ съ администраціей фабрики, такъ и съ представителями власти, вообще руководство забастовкой.*

«Особенно выдающуюся роль во все время забастовки игралъ совѣтъ де-

---

[1]) „Правда". Сентябрь—октябрь 1905. „Московскіе дни", стр. 322.

путатовъ московскихъ типо-литографскихъ рабочихъ, представлявшій 110 типографій; каждая изъ нихъ послала въ совѣтъ депутатовъ по одному представителю на каждые 20 человѣкъ, такъ что собранія Совѣта, происходившія въ городскомъ Капцовскомъ училищѣ, были очень многолюдны, насчитывая свыше 300 человѣкъ...

«До 4-го октября совѣтъ депутатовъ собирался десять разъ на свои засѣданія, и всякій, кто присутствовалъ на нихъ, былъ пораженъ той стройностью и дѣловитостью, съ которой обсуждались, рѣшались и направлялись всѣ дѣла. Совѣтъ депутатовъ постановлялъ резолюціи, обязательныя для всѣхъ участниковъ забастовки» [1]).

Одно изъ послѣднихъ постановленій этого Совѣта, между прочимъ, гласило: «Обсуждая вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ оставить организацію послѣ стачки, Совѣтъ депутатовъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1. Депутатамъ необходимо утвердить свои полномочія, убѣдить товарищей не уступать завоеваннаго права депутатовъ и устроить новые выборы въ томъ случаѣ, если депутаты не пользуются довѣріемъ. 2. Поручить комиссіи разработку устава широкаго профессіональнаго союза и, послѣ того какъ депутаты достаточно утвердятся въ глазахъ выборщиковъ, собрать совѣтъ депутатовъ для обсужденія устава профессіональнаго союза».

Это былъ не одинъ, а цѣлыхъ два результата московской сентябрьской стачки: во-первыхъ, создалась одна изъ переходныхъ формъ организацій, ведущихъ къ организаціи болѣе постоянной въ формѣ профессіональнаго союза; во-вторыхъ, въ то же время въ московскія рабочія массы брошена идея о другой организаціи, охватывающей всѣхъ рабочихъ города, о такъ называемомъ Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, о которомъ впослѣдствіи такъ много спорили, считать ли его профессіональной или политической организаціей, но который на самомъ дѣлѣ не былъ ни той, ни другой, а своеобразнымъ органомъ рабочихъ въ переходное революціонное время, выполнявшимъ и профессіональныя и политическія функціи въ такое время, когда о раздѣленіи этихъ функцій едва ли можно было мечтать.

Третьимъ результатомъ московской стачки было укрѣпленіе идеи «явочнаго порядка» среди широкихъ массъ московскаго населенія. Стачка сопровождалась бурными митингами, самочинно собиравшимися на многолюднѣйшихъ улицахъ первопрестольной. Попытки полиціи разгонять эти митинги встрѣчали ожесточенное сопротивленіе со стороны толпы, не всегда благополучно кончавшееся для блюстителей порядка.

Эти митинги, какъ университетскіе, такъ и уличные, имѣли своимъ результатомъ огромный, небывалый ростъ соціалъ-демократической партіи. Что рабочая масса вообще въ это время тяготѣла къ лѣвымъ партіямъ—это само собою разумѣется. На митингахъ за вліяніе на массу спорили соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры. Но первые имѣли то преимущество, что ихъ партія носила названіе «Рабочая». «Это наша партія, рабочая»—говорили въ то время большинство самыхъ сѣрыхъ рабочихъ, и поддерживали соціалъ-демократовъ, гдѣ и какъ только было возможно.

1) Тамъ же, стр. 323.

Къ этому же времени относятся и первые шаги нашего профессіональнаго движенія. Мы уже въ своемъ мѣстѣ указывали на попытки отдѣльныхъ группъ рабочихъ въ разныхъ городахъ положить начало профессіональной организаціи массъ. Полицейскія попытки объединенія рабочихъ, развративъ единицы, дали значительному числу рабочихъ возможность на практикѣ увидѣть всѣ преимущества организаціи. Выборы въ комиссію Шидловскаго, какъ и сентябрьская стачка въ Москвѣ, создали своеобразные центры политически-профессіональнаго объединенія рабочихъ. Повидимому, въ это бурное время только такого рода организаціи, выполняющія скорѣе агитаціонную, чѣмъ организаціонную роль, и были наиболѣе живучи. Но въ нѣкоторыхъ болѣе привилегированныхъ профессіяхъ или въ городахъ, гдѣ политическая жизнь шла болѣе медленнымъ темпомъ, чѣмъ въ обѣихъ столицахъ, гдѣ, однако, имѣлось на лицо достаточно интеллигентныхъ рабочихъ, тамъ уже въ это время удается положить начало профессіональнымъ организаціямъ. Съ начала 1905 года идетъ въ рабочей массѣ стремленіе къ объединенію по предпріятіямъ, для чего кое-гдѣ пользовались институтомъ старостъ, а на югѣ создаются спеціальныя фабрично-заводскія комиссіи. Въ Харьковѣ на паровозо-строительномъ заводѣ, начиная съ февраля 1905 года, дѣйствовала заводская комиссія, исполнявшая всѣ функціи профессіональнаго союза. Въ томъ же Харьковѣ представители фабрично-заводскихъ комиссій организовали въ августѣ 1905 годъ родъ совѣта (комиссію уполномоченныхъ), аналогичнаго совѣту делегатовъ въ Москвѣ. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ во время лѣтнихъ стачекъ 1905 года руководство всѣмъ движеніемъ находилось въ рукахъ выборнаго делегатскаго собранія. Въ Петербургѣ съ весны начинаютъ функціонировать открыто союзъ рабочихъ печатнаго дѣла и союзъ конторщиковъ и полулегально союзы: приказчиковъ, фармацевтовъ, часовщиковъ, портныхъ, сапожниковъ и др. Примѣру Петербурга слѣдуютъ: Москва, гдѣ также весною организуются рабочіе и низшіе служащіе городскихъ предпріятій, столяры, желѣзнодорожные рабочіе; Харьковъ, гдѣ первыми организуются типографы [1]), и цѣлый рядъ городовъ, гдѣ дѣлаются попытки преобразовать старыя кассы взаимопомощи въ профессіональномъ союзѣ.

Не безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе профессіональной организаціи рабочихъ была идея созыва всероссійскаго съѣзда представителей рабочихъ организацій, идея, зародившаяся въ 1904 году въ «Харьковскомъ обществѣ взаимопомощи лицамъ, занимающимся ремесленнымъ трудомъ» (иначе: Харьковское общество механическихъ рабочихъ). Въ концѣ 1904 года Харьковское общество командировало своего уполномоченнаго въ рядъ промышленныхъ центровъ для агитаціи въ пользу съѣзда. Лѣтомъ 1905 года въ подготовительной работѣ по созыву съѣзда приняли дѣятельное участіе московскія и петербургскія профессіональныя организаціи, особенно петербургскій союзъ рабочихъ печатнаго дѣла, пославшій своего делегата въ Харьковъ, гдѣ при его участіи состоялось совѣщаніе представителей профессіональныхъ обществъ города Харькова.

---

[1]) Само собою разумѣется, что первенство это относительное. Какъ мы уже указывали, „Общество взаимопомощи лицамъ, занимающимся ремесленнымъ трудомъ“ существовало съ мая 1898 г.

По возвращеніи делегата въ Петербургъ было созвано совѣщаніе представителей мѣстныхъ профессіональныхъ союзовъ, которое рѣшило создать *центральное бюро петербургскихъ профессіональныхъ союзовъ*, задачей котораго должны явиться подготовка вышеуказаннаго съѣзда и содѣйствіе развитію профессіональнаго движенія. При содѣйствіи представителей отъ петербургскаго и харьковскаго центральныхъ бюро создано въ концѣ сентября такое же бюро въ Москвѣ, организовавшееся при музеѣ содѣйствія труду.

Тѣмъ временемъ событія продолжали развертываться съ лихорадочной быстротой. 1-го октября въ Петербургъ прибылъ делегатъ изъ Москвы отъ совѣта депутатовъ типографскихъ рабочихъ. На созванномъ по этому случаю собраніи рабочихъ печатнаго дѣла былъ выслушанъ докладъ о московскихъ событіяхъ и рѣшено оказать денежную помощь московскимъ товарищамъ и объявить на три дня забастовку-демонстрацію для поддержки требованій московскихъ рабочихъ. «Это рѣшеніе—говоритъ В. Гриневичъ—имѣло историческое значеніе, какъ для самого союза рабочихъ печатнаго дѣла, такъ и для дальнѣйшаго хода революціонныхъ событій. Блестяще, по солидарности выступленія, проведенная стачка произвела неизгладимое впечатлѣніе на всю массу типографскихъ рабочихъ... Имя союза рабочихъ печатнаго дѣла пріобрѣтаетъ съ этого момента широкую популярность не только среди типографскихъ рабочихъ, но и вообще въ Петербургѣ» [1]).

Конецъ стачки петербургскихъ типографовъ почти совпалъ съ началомъ желѣзнодорожной стачки, приведшей къ всероссійской всеобщей забастовкѣ, къ знаменитымъ октябрьскимъ днямъ и къ новому подъему революціоннаго движенія.

20 сентября въ Петербургѣ открылся съѣздъ представителей желѣзнодорожныхъ служащихъ, созванный министерствомъ путей сообщенія для разработки уставовъ пенсіонныхъ и сберегательныхъ кассъ. Желаніе членовъ съѣзда расширить свою компетенцію встрѣтило сопротивленіе со стороны министерства. Желѣзнодорожные служащіе и рабочіе, какъ и вся Россія, внимательно прислушивались къ раздававшимся на съѣздѣ рѣзко-оппозиціоннымъ рѣчамъ и съ большимъ волненіемъ слѣдили за борьбой своихъ представителей съ министерствомъ. Настроеніе повышалось. Пущенный кѣмъ-то слухъ объ арестѣ членовъ съѣзда вызвалъ, 7 октября, прекращеніе работъ въ мастерскихъ Казанской и Ярославской дорогъ въ Москвѣ. Къ вечеру 8-го октября отправка поѣздовъ изъ Москвы прекратилась на всѣхъ дорогахъ.

8. Октябрь 1905 года. С.-Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь подробно на октябрьскомъ движеніи. Его форма (стачка) создала иллюзію, будто оно было чистопролетарскимъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Именно активное и пассивное участіе другихъ непролетарскихъ слоевъ населенія сдѣлало это движеніе въ извѣстной мѣрѣ побѣдоноснымъ. Участіе пролетаріата придало ему болѣе внушительный,

[1]) В. Гриневичъ. „Профессіон. движ. рабоч. въ Россіи". Стр. 41.

болѣе агрессивный характеръ и радикализировало его требованія. Главнымъ образомъ подъ вліяніемъ пролетаріата лозунгомъ движенія стало требованіе созыва учредительнаго собранія.

Въ зависимости отъ степени достигнутаго политическаго сознанія и отъ обострения мѣстныхъ отношеній, болѣе или менѣе рѣшительно участвовалъ пролетаріатъ въ октябрьскомъ движеніи. Но такъ или иначе, активно вплоть до постройки баррикадъ, или пассивно ограничиваясь стачкой солидарности, весь городской рабочій классъ поддержалъ это движеніе и воспринялъ его лозунги.

Мало того. Почти повсюду, гдѣ эта поддержка носила активный характеръ, пролетаріатъ создалъ (тотчасъ же во время октябрьской стачки или нѣсколько позже, когда событія стали развертываться далѣе) свои собственныя организаціи, которыя и взяли въ свои руки дальнѣйшее руководство движеніемъ.

Совѣты Рабочихъ Депутатовъ—были специфическими организаціями революціоннаго класса въ революціонное время. Они характеризовали въ одинаковой мѣрѣ и степень достигнутаго пролетаріатомъ политическаго сознанія, и его предыдущую соціально-политическую аморфность. Наиболѣе передовой и наиболѣе революціонный петербургскій пролетаріатъ создалъ организацію, которая, втеченіе почти двухъ мѣсяцевъ, играла роль всероссійскаго рабочаго конвента. Примѣру Петербурга послѣдовали рабочіе другихъ городовъ, создавъ свои мѣстные Совѣты рабочихъ депутатовъ...

10-го октября, послѣ того какъ вспыхнувшая въ Москвѣ стачка была подхвачена Петербургомъ, петербургская группа «меньшевиковъ», раздѣлявшая идею революціоннаго самоуправленія, выдвинутую «Искрой», рѣшила призвать рабочихъ къ образованію выборнымъ путемъ «революціоннаго рабочаго комитета».

Этотъ призывъ нашелъ могучій откликъ въ рабочей средѣ, и уже 13-го октября въ одной изъ аудиторій технологическаго института состоялось первое засѣданіе Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. На первомъ засѣданіи присутствовали представители 40 фабрикъ и заводовъ, а на другой день явилось уже около 80—90 депутатовъ.

Съ этого дня исторія петербургскаго рабочаго движенія и даже отчасти всероссійскаго совершенно сливается съ исторіей Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ [1]).

Засѣданіе 14-го октября было посвящено, главнымъ образомъ, выработкѣ требованій для предъявленія С.-Петербургской Думѣ [2]) и вопросу о привлеченіи къ стачкѣ небастующихъ фабрикъ и заводовъ.

15-го октября въ Петербургѣ не бастовали еще стекляные и пивоваренные заводы, табачныя и конфектныя фабрики и фабрики по обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Совѣтъ, поэтому, постановилъ: 1) призывать на митингахъ и въ отдѣльныхъ бюллетеняхъ небастующихъ рабочихъ къ стачкѣ; 2) командировать депутатовъ Совѣта къ небастующимъ рабочимъ съ призывомъ прекратить работы; 3) командировать делегатовъ Совѣта къ хозяевамъ неба-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы пользовались свѣдѣніями, сообщенными различными авторами „Исторіи Сов. Раб. Деп. въ С.-Петерб.“.

[2]) См. объ этомъ въ статьѣ Маевскаго.

стующихъ предпріятій съ требованіемъ немедленнаго закрытія фабрикъ и заводовъ подъ угрозой возможнаго разгрома ихъ; 4) воздѣйствовать на небастующихъ черезъ мастеровъ и техниковъ, делегировавшихъ своихъ представителей въ Совѣтъ, и 5) снимать небастующихъ.

Къ насильственнымъ мѣрамъ прибѣгать, однако, не пришлось: 16 октября забастовали всѣ текстильныя фабрики, а 17-го—табачныя и конфектныя фабрики и большинство мелкихъ мастерскихъ. Въ этотъ день въ Петербургѣ не бастовали только: сахарный заводъ Кенига, водопроводъ, финляндское пароходное общество, извозчики, кафе, большинство магазиновъ и булочныхъ.

Попытка закрыть эти послѣднія заведенія не удалась. Но въ общемъ петербургскую стачку можно было 17-го октября признать всеобщей, а потому Совѣтъ 18 октября, уже послѣ изданія манифеста, постановилъ продолжать забастовку, такъ какъ «Рабочій Совѣтъ» считалъ «необходимымъ продолжать всеобщую забастовку» и поддерживать слѣдующія требованія: полное устраненіе полиціи, удаленіе изъ города войскъ, созданіе народной милиціи, амнистію всѣхъ осужденныхъ судомъ и приговоренныхъ административно за политическія и религіозныя убѣжденія, за стачки, крестьянскія движенія и пр., отмѣну военнаго положенія, усиленной охраны, всѣхъ исключительныхъ мѣропріятій, связанныхъ съ старымъ режимомъ, и, наконецъ, созывъ Учредительнаго Собранія, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и т. д.

Однако 19-го октября получилось извѣстіе, что всеобщая забастовка въ Петербургѣ прекратилась. Въ самомъ Петербургѣ стачечное настроеніе шло на пониженіе. И Сов. Раб. Деп. 19 октября декретируетъ прекращеніе забастовки 21-го въ 12 час. дня. Резолюція Совѣта по этому поводу гласила: «Считаясь съ необходимостью для рабочаго класса, опираясь на достигнутыя побѣды, организоваться наилучшимъ образомъ и вооружиться для окончательной борьбы за созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права для достиженія полнаго народовластія, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ постановляетъ прекратить 21-го октября, въ 12 час. дня, всеобщую политическую забастовку, съ тѣмъ, чтобы, смотря по ходу событій по первому же призыву Совѣта, возобновить ее для дальнѣйшей борьбы такъ же дружно, какъ и до сихъ поръ, за наши требованія».

Были ли такія резолюціи дѣйствительнымъ выраженіемъ силы? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ былъ не только представителемъ, но и выразителемъ воли всего петербургскаго пролетаріата. Поэтому, его сила измѣрялась силой петербургскаго пролетаріата, которая несомнѣнно въ то время была весьма значительна. Но поэтому же, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ жилъ иллюзіей всего петербургскаго пролетаріата, иллюзіей, дававшей возможность видѣть на исторической сценѣ только себя и больше никого.

Между тѣмъ, необходимость прекратить стачку немедленно послѣ манифеста, не дававшаго никакихъ гарантій проведенія въ жизнь общественныхъ свободъ, должна была навести на мысль, что число элементовъ, уже уставшихъ и готовыхъ, пока что, удовлетвориться одними обѣщаніями, было довольно велико среди группъ, участвовавшихъ во всеобщей стачкѣ или поддерживавшихъ ее.

Мало того, вскорѣ послѣ этого самъ петербургскій пролетаріатъ въ лицѣ своего Совѣта совершилъ первое отступленіе передъ одной только угрозой со стороны правительства, отступленіе, которое говорило о черезчуръ большой осторожности руководителей и которое оказалось рѣзкимъ диссонансомъ рядомъ съ наступательнымъ духомъ всѣхъ предыдущихъ резолюцій.

22 октября въ петербургскихъ газетахъ было опубликовано слѣдующее извѣщеніе: «Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, Федеративный Совѣтъ Р. С.-Д. Р. П. и Комитетъ Партіи Соц.-Рев. назначаютъ торжественныя похороны товарищей, павшихъ въ борьбѣ за всенародную свободу. Похороны назначаются на воскресенье, 23-го октября»... Въ отвѣтъ на это заявленіе вечеромъ 22-го октября по Петербургу были расклеены объявленія генералъ-губернатора, въ которыхъ г. Треповъ приглашалъ «устроителей манифестаціи отказаться отъ своего замысла, а мирное населеніе воздержаться отъ всякаго участія въ манифестаціи и отъ скопленія на улицахъ, въ виду могущихъ произойти тяжкихъ послѣдствій отъ тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ, къ которымъ можетъ быть вынуждена прибѣгнуть полицейская власть».

И вотъ Совѣтъ въ свою очередь измѣняетъ свое прежнее рѣшеніе, заявивъ въ резолюціи, что «петербургскій пролетаріатъ дастъ... правительству послѣднее сраженіе не въ тотъ день, который изберетъ Треповъ, а тогда, когда это будетъ выгодно вооруженному и организованному пролетаріату. Посему Совѣтъ Депутатовъ постановляетъ замѣнить всеобщее траурное шествіе внушительными повсемѣстными митингами чествованія жертвъ, памятуя при этомъ, что павшіе борцы своей смертью завѣщали намъ удесятерить наши усилія»...

Какъ мы увидимъ ниже, отступивъ передъ угрозой правительства въ данномъ случаѣ, когда пролетаріату было обезпечено въ значительной мѣрѣ сочувствіе обширныхъ слоевъ демократіи, Совѣтъ впослѣдствіи началъ сраженіе, для котораго пролетаріатъ не былъ ни достаточно вооруженъ, ни достаточно организованъ. Таковъ былъ логическій результатъ самоизоляціи пролетаріата въ буржуазной революціи.

«На очередномъ засѣданіи Совѣта 29 октября—разсказываетъ въ Исторіи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Г. Хрусталевъ-Носарь—депутаты Невскаго района (Обуховскаго, Александровскаго и Семянниковскаго заводовъ) сообщаютъ о введеніи на ихъ заводахъ восьмичасового рабочаго дня революціоннымъ путемъ Сообщенія встрѣчаются шумными аплодисментами. Революціонный путь завоевалъ свободу стачекъ, собраній, свободу слова. Почему этимъ путемъ не завоевать восьмичасовой рабочій день? *Безъ преній, безъ обсужденія этого вопроса въ Исполнительномъ Комитетѣ* [1]), Совѣтъ принимаетъ резолюцію о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ par acclamation. Только делегатъ Орудійнаго завода заявляетъ, что введеніе восьмичасового рабочаго дня не можетъ быть дѣломъ рукъ одного петербургскаго пролетаріата. Но подъ вліяніемъ общаго настроенія онъ спѣшитъ заявить, что разъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ постановилъ, то и на ихъ заводѣ будетъ проведенъ восьмичасовой рабочій день. Депутаты Сестрорѣцкаго, Путиловскаго и Ижорскихъ заводовъ заявляютъ, что они присое-

[1]) Курсивъ нашъ. Д. К.

диняются къ резолюціи, но въ ближайшее время на ихъ заводахъ, въ виду исключительныхъ условій, не можетъ проводиться восьмичасовой рабочій день. Кто-то изъ депутатовъ въ заднихъ рядахъ кричитъ: *«не кончили съ абсолютизмомъ, а начинаете съ капиталистами борьбу»* [1]). Замѣчаніе тонетъ въ атмосферѣ общаго подъема. На него никто не обращаетъ вниманія. 29 октября ночью Совѣтъ декретировалъ ьведеніе восьмичасового рабочаго дня. Декретъ приводится въ исполненіе съ 31 октября, т.-е. черезъ сутки. Въ резолюціи говорилось: «Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ привѣтствуетъ тѣхъ товарищей, которые революціоннымъ путемъ ввели у себя на заводахъ восьмичасовой рабочій день. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ считаетъ, что повсемѣстное введеніе восьмичасового рабочаго дня требуетъ соотвѣтственнаго увеличенія расцѣнокъ, дабы заработная плата осталась по меньшей мѣрѣ на прежнемъ уровнѣ. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ постановилъ: всѣмъ отставшимъ заводамъ и фабрикамъ съ 31 октября примкнуть къ борьбѣ за восьмичасовой рабочій день, вводя его на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ революціоннымъ путемъ. Взаимная поддержка рабочихъ всѣхъ районовъ будетъ залогомъ общаго постановленія Совѣта» [2]).

Но едва движеніе въ пользу восьмичасового рабочаго дня успѣло охватить всѣ петербургскіе фабрики и заводы, приводя къ цѣлому ряду конфликтовъ съ предпринимателями, какъ Совѣтъ Раб. Деп. спѣшитъ дать новое сраженіе правительству, объявляя всеобщую забастовку по поводу кронштадтскихъ событій и введенія военнаго положенія въ Польшѣ.

Но именно какъ политическая забастовка, ноябрьская стачка вовсе не удалась. Ноябрьская стачка демонстрировала революціонное настроеніе петербургскаго пролетаріата во всей его массѣ и его полное единомысліе съ Совѣтомъ, но она же демонстрировала одиночество пролетаріата въ Петербургѣ и оторванность петербургскаго пролетаріата отъ всероссійскаго. Число бастующихъ въ Петербургѣ пролетаріевъ было въ ноябрѣ больше, чѣмъ въ октябрѣ, но непролетарскіе элементы не бастовали вовсе, не бастовали также почти нигдѣ рабочіе внѣ Петербурга. Благодаря этому и въ самомъ Петербургѣ стачка начала скоро падать. На своемъ засѣданіи, 4-го ноября, Исполнительный Комитетъ Совѣта, подъ вліяніемъ полученныхъ изъ районовъ свѣдѣній, ставитъ вопросъ о прекращеніи стачки и 9 голосами противъ 6 высказывается за ея прекращеніе. Но Совѣтъ большинствомъ 400 голосовъ противъ 4-хъ постановили: политическую стачку продолжать. Совѣтъ на этотъ разъ неправильно оцѣнилъ настроеніе рабочихъ и на засѣданіи слѣдующаго дня долженъ былъ рѣшить ея прекращеніе. Резолюція, принятая по этому поводу, характеризуетъ настроеніе Совѣта, его чаянія и надежды, его планы и взгляды: подчеркивая значеніе забастовки, какъ средства привлечь къ пролетаріату симпатіи арміи, резолюція заканчивается призывомъ «удесятерить работу» въ рядахъ послѣдней для «планомѣрной подготовки послѣдней всероссійской схватки».

Надежды на армію и на разстройство финансовъ принадлежали къ тѣмъ невѣсомымъ, которыми оперировать приходилось съ крайней осторожностью... Между тѣмъ, чѣмъ болѣе руководители пролетаріата наталкивались на предѣлы,

---

[1]) Курсивъ опять нашъ. Д. К.

[2]) „Исторія Сов. Раб. Деп. въ г. С.-Петербургѣ". Стр. 102—103.

фатально поставленные при данномъ соотношеніи общественныхъ силъ развитію наступательнаго движенія рабочихъ массъ, тѣмъ охотнѣе они принимали эти невѣсомыя величины за реальные факторы и на нихъ основывали надежды на «планомѣрную подготовку послѣдней схватки».

Впослѣдствіи къ нимъ присоединились еще надежды на «революціонное крестьянство», каковымъ склонны были считать большую часть крестьянскаго населенія.

Въ этомъ смыслѣ нельзя сказать, что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ не думалъ о союзникахъ. Но, пока что, онъ былъ одинъ на переднемъ посту, и закончивъ ноябрьскую забастовку, занялся опять нерѣшеннымъ еще на практикѣ вопросомъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

Владѣльцы петербургскихъ фабрикъ и заводовъ угрожали рабочимъ поголовнымъ локаутомъ. Казенные заводы были закрыты, а на многіе частные фабрики и заводы были посланы войска. Вслѣдъ за казенными заводами рядъ крупныхъ и среднихъ предпріятій объявилъ разсчетъ своимъ рабочимъ. Союзъ правительства и капиталистовъ возстановлялся: борьба за восьмичасовой рабочій день ускоряла процессъ собиранія имущихъ классовъ вокругъ недавно еще изолированнаго правительства и тѣмъ самымъ вела къ укрѣпленію политическаго режима, противъ котораго была направлена вся борьба рабочихъ во весь предшествующій періодъ. Это начинали чувствовать и сами рабочіе.

Въ принятой на засѣданіи 6 ноября резолюціи Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ дѣлаетъ первый шагъ къ отступленію отъ своей первоначальной позиціи. Въ этой резолюціи совѣтъ «констатируетъ, что энергичная борьба петербургскихъ рабочихъ за немедленное введеніе 8-ми часоваго рабочаго дня неопровержимо доказала, до какой степени это сокращеніе рабочаго времени является жгучей потребностью рабочаго класса, за которую онъ готовъ бороться до крайней степени». Но въ то же время Совѣтъ признаетъ, что «для осуществленія этой мѣры безусловно необходима широкая массовая организація петербургскихъ и вообще россійскихъ рабочихъ въ профессіональные союзы», рекомендуя поэтому «петербургскимъ рабочимъ приложить всѣ усилія къ скорѣйшему созданію союзовъ и всероссійскихъ съѣздовъ, которые смогутъ выработать практическій способъ для осуществленія 8-мичасоваго рабочаго дня. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ рекомендуетъ немедленно и дружно добиваться возможнаго сокращенія рабочаго времени, стремясь къ скорѣйшему завоеванію организованнымъ пролетаріатомъ 8-ми часоваго рабочаго дня».

Но теперь въ наступленіе перешли предприниматели. Только часть закрытыхъ заводовъ была открыта и рабочіе допущены къ работамъ, большею частью, на старыхъ условіяхъ. Другая часть предпринимателей рѣшила воспользоваться моментомъ, чтобы истощить силы рабочихъ голодомъ и безработицей. 12-го ноября еще 13 фабрикъ и заводовъ были закрыты и новыхъ 19000 пролетаріевъ очутились на улицѣ. Совѣту пришлось еще дважды заниматься этимъ вопросами, чтобы еще разъ констатировать неудачу начатаго наступленія и призвать всѣ классы общества къ организаціи помощи выброшеннымъ на улицу рабочимъ.

«Рѣшеніе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ ввести 8-мичасовой рабочій день

революціоннымъ путемъ,—говоритъ резолюція, принятая на засѣданіи 12 ноября послѣ четырехчасовыхъ бурныхъ преній,—встрѣтило упорное сопротивленіе объединенныхъ капиталистовъ. Правительство графа Витте, которое стремится сломить силу революціоннаго пролетаріата, вступило на защиту капитала и этимъ сразу превратило вопросъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ въ Петербургѣ въ вопросъ общегосударственный, а это привело къ тому, что петербургскіе рабочіе, отдѣльно отъ рабочихъ всей страны, не могутъ сейчасъ осуществить постановленіе Совѣта. Посему Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ считаетъ необходимымъ временно пріостановить немедленное и повсемѣстное захватное введеніе 8-часоваго рабочаго дня. Къ этому Совѣтъ добавляетъ: что завоевано, то должно отстаиваться и впредь; гдѣ возможны, по мнѣнію отдѣльныхъ заводовъ, дальнѣйшія завоеванія, тамъ они должны быть взяты. Борьба отдѣльныхъ заводовъ, если они сочтутъ нужнымъ ее продолжать, встрѣтитъ, разумѣется, моральную и матеріальную поддержку. Что касается повсемѣстнаго введенія 8-часоваго рабочаго дня, то оно остается задачей нашей борьбы. Въ цѣляхъ рѣшенія этой задачи необходима всероссійская организація пролетаріата. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ считаетъ необходимымъ, наряду съ повсемѣстной агитаціей и организаціей рабочихъ, использовать, между прочимъ, предстоящій въ Москвѣ съѣздъ рабочихъ организацій для того, чтобы придать борьбѣ за 8-часовой рабочій день всероссійскій характеръ».

А составленная въ формѣ обращенія къ гражданамъ резолюція 14 ноября называла начатый казенными заводами локаутъ провокаціей со стороны кабинета Витте и объявляла, что Совѣтъ приметъ мѣры къ объединенію рабочихъ организацій разныхъ мѣстъ и революціонно-демократическихъ организацій, дабы подготовиться къ новой политической забастовкѣ для борьбы съ этой провокаціей.

Пораженія учатъ. Ноябрьское пораженіе показало петербургскому С. Р. Д., что онъ одинокъ среди россійскихъ пролетаріевъ и что эти послѣдніе въ такой же мѣрѣ одиноки среди остального населенія. Задача была поставлена правильно—тѣснѣе сплотиться съ пролетаріатомъ другихъ городовъ и объединить свою борьбу съ борьбой другихъ демократическихъ слоевъ страны. Но сквозь призму всеобщаго возбужденія предметы принимали другія очертанія, чѣмъ они имѣли въ дѣйствительности. Переоцѣнка революціонныхъ силъ была при такой обстановкѣ неизбѣжна и столь же неизбѣжно привела къ новымъ пораженіямъ.

Отнынѣ значительную часть своихъ силъ и средствъ Совѣтъ принужденъ тратить на поддержку арміи безработныхъ. 14 ноября при Совѣтѣ организована комиссія безработныхъ, составившаяся изъ районныхъ подъотдѣловъ и изъ центральнаго бюро. Въ составъ районныхъ подъотдѣловъ входили: 4 члена Исполнительнаго Комитета даннаго района, 6 представителей с.-д. партіи и 3 отъ партіи соц. револ. и съ совѣщательнымъ голосомъ всѣ депутаты района. Центральное бюро составилось изъ 3 членовъ Исполнительнаго Комитета С. Р. Д., 6 представителей с.-д. партіи и 3 представителей партіи с.-р. Центральное бюро организовало сборы въ пользу безработныхъ. Рабочая масса обнаружила большую готовность жертвовать послѣдними крохами, но это были именно крохи, которыми накормить голодныхъ было нельзя. Состоятельные классы

жертвовали очень туго. Совѣтъ устроилъ въ разныхъ районахъ города столовыя для безработныхъ и выдавалъ на каждаго взрослаго члена безработной семьи 30 коп. въ день, а на дѣтей 10—15 коп.

Тѣмъ временемъ, конечно, не могла прекратиться и прежняя дѣятельность Совѣта по руководству всей борьбой петербургскаго пролетаріата. Совѣтъ дѣлаетъ попытки проведенія въ жизнь своихъ послѣднихъ резолюцій. Примыкая къ идеѣ всероссійскаго съѣзда представителей рабочихъ организацій, къ идеѣ, зарожденіе которой описано нами въ одной изъ предыдущихъ главъ, Совѣтъ командируетъ депутатовъ въ Москву, на югъ Россіи и въ Поволжье. Возникшая 15 ноября почтово-телеграфная стачка сблизила С. Р. Д. съ почтово-телеграфнымъ союзомъ, командировавшимъ въ Совѣтъ пять делегатовъ. Одновременно установлены прочныя связи съ Крестьянскимъ союзомъ и Желѣзнодорожнымъ союзомъ [1]).

[1]) „Общее число депутатовъ Совѣта во второй половинѣ ноября возросло до 562 человѣкъ. Въ Совѣтѣ было представлено 147 фабрикъ и заводовъ, 34 мастерскія и 16 профессіональныхъ союзовъ. Изъ общаго числа депутатовъ на долю профессіональныхъ союзовъ приходилось 54 депутата, а фабрики, заводы и мастерскія были представлены 508 депутатами. По полу депутаты раздѣлялись: 6 женщинъ и 556 мужчинъ. По участію въ голосованіи: 553 депутата пользовались рѣшающимъ голосомъ и 9 совѣщательнымъ (отъ желѣзнодорожнаго союза и почтово-телеграфнаго союза).

По производствамъ весь составъ Совѣта распадался на слѣдующія группы:

1. Отъ рабочихъ, занятыхъ обработкой металловъ (въ томъ числѣ и мелкія механическія мастерскія)	351
2. Отъ рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ	57
3. „ „ печатнаго и бумажнаго производства	32
4. „ „ по обработкѣ дерева	23
5. „ „ резиноваго, сапожнаго и кожевеннаго производства	15
6. „ „ табачнаго производства	13
7. „ „ конфектныхъ фабрикъ	7
8. „ „ освѣтительныхъ предпріятій	7
9. „ „ производства по обработкѣ химическихъ продуктовъ	9
10. „ „ производства взрывчатыхъ веществъ	11
11. „ „ стекляннаго производства	3
12. „ „ изготовляющихъ платье и бѣлье	2
13. „ „ часового и ювелирнаго производства	2
14. Отъ служащихъ и рабочихъ, обслуживающихъ пути и средства сообщенія (Рождественск. парка конно-жел. дор., финляндскаго пароходства, желѣзно-дорожнаго узла, почты и телеграфа)	11
15. Отъ служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ (приказчиковъ) и экспедиціяхъ газетъ	12
16. Отъ лицъ, занятыхъ въ конторахъ и аптекахъ	7

. . . . . .

„Въ первое время своего существованія Совѣтъ выполнялъ функцію стачечнаго комитета. Затѣмъ Совѣтъ явился примирительной камерой въ конфликтахъ между трудомъ и капиталомъ. Совѣтъ принималъ мѣры къ открытію заводовъ и обратному пріему уволенныхъ рабочихъ. Обслуживая рабочую массу на почвѣ повседневныхъ нуждъ, Совѣтъ замѣнялъ профессіональныя организаціи. Совѣтъ въ одно и то же время былъ профессіональной конфедераціей всѣхъ рабочихъ Петербурга и центральнымъ бюро профессіональныхъ союзовъ [1]).

[1]) L. c. 146—148.

Этимъ попыткамъ такъ и суждено было остаться попытками. 26-го ноября былъ арестованъ предсѣдатель Совѣта Р. Д. Хрусталевъ-Носарь, а 3 декабря—и весь составъ Совѣта, успѣвшій въ промежуткѣ между двумя арестами выпустить «Манифестъ», приглашавшій къ отказу отъ взноса казенныхъ платежей, къ полученію вкладовъ изъ ссудосберегательныхъ кассъ и изъ государственнаго банка и къ требованію при всѣхъ сдѣлкахъ уплаты золотомъ. И тутъ отношеніе финансовыхъ круговъ и въ особенности западно-европейской буржуазіи къ русской революціи было оцѣнено слишкомъ оптимистически...

Петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ умеръ. Попытки возстановить его не могли разсчитывать на удачу, ибо Совѣтъ Р. Д. могъ существовать лишь, какъ открытая, опирающаяся на ясно выраженную волю рабочей массы, организація.

О политической роли С. Р. Д. мы говорили достаточно. Указанныя нами въ своемъ мѣстѣ ошибки вытекали изъ того противорѣчія, въ которомъ очутился рабочій классъ въ 1905 году. Мы указывали (см. т. I настоящаго изданія) на противорѣчіе, разъѣдавшее рабочее движеніе въ періодъ 1895—1904 гг. Это было противорѣчіе между движеніемъ и организаціей, состоявшее въ томъ, что огромное движеніе принуждено было совершаться въ неорганизованной формѣ и было безсильно создать соотвѣтствующую движенію форму организаціи, хотя недостатка въ попыткахъ не было. Противорѣчіе, обнаружившееся въ революціонный періодъ, было другого сорта и вытекало какъ изъ общихъ условій развитія различныхъ классовъ въ Россіи, такъ и изъ положенія рабочаго класса среди этихъ различныхъ слоевъ. Это было противорѣчіе между задачей, которую ставило передъ революціей экономическое и политическое состояніе страны, и тѣми силами, которыя эту задачу должны были выполнить. Выдвинутый на первый планъ въ этой борьбѣ пролетаріатъ оказался въ самый критическій моментъ совершенно одинокимъ, почти безъ союзниковъ. Неудивительно, что въ своемъ одиночествѣ онъ переоцѣнилъ свои собственныя силы и недооцѣнилъ силы враговъ...

Подъ вліяніемъ петербургскаго Совѣта Р. Д. образовались подобныя же организаціи и въ рядѣ другихъ городовъ.

9. Декабрь 1905 года.

Въ декабрѣ центромъ движенія стала Москва. Частые митинги и открытая агитація вызвали повышенное настроеніе въ рабочихъ массахъ и разбудили самые отсталые ихъ слои. Мы уже знаемъ, что во время сентябрьской забастовки представители бастовавшихъ профессій собирались для обсужденія, между прочимъ, и организаціонныхъ вопросовъ. Отъ имени этого собранія было въ свое время выпущено воззваніе съ приглашеніемъ вездѣ выбирать депутатовъ и требовать какъ ихъ признанія, такъ и права свободныхъ выборовъ. Во время октябрьской стачки, по иниціативѣ представителей желѣзно-дорожнаго союза, образовался довольно пестрый по составу, съ преобладаніемъ интеллигентскихъ элементовъ, Стачечный Комитетъ. Но одновременно возобновились собранія депутатовъ, избранныхъ въ сентябрѣ. Въ самый разгаръ октябрьскихъ событій состоялось

одно такое собраніе, на которое явились представители отъ 50 заведеній. Боевое политическое настроеніе сказалось на занятіяхъ этого собранія, которое, кромѣ вопросовъ организаціонныхъ, обсуждало также вопросы объ устройствѣ боевыхъ заводскихъ дружинъ, о поведеніи московской думы и проч. Здѣсь же было рѣшено создать въ Москвѣ представительный органъ рабочихъ. На 18-ое октября былъ назначенъ съ этой цѣлью рядъ предварительныхъ собраній депутатовъ по профессіямъ. Однако, практическихъ результатовъ собранія не давали, хотя идея встрѣтила большое сочувствіе въ массахъ. По иниціативѣ мѣстныхъ соц.-демократическихъ организацій 2 ноября состоялось четвертое, по счету, собраніе депутатовъ. Явилось 250 человѣкъ отъ 70 предпріятій самыхъ разнообразныхъ профессій. Делегатъ Петербургскаго Сов. Р. Д. сдѣлалъ подробный докладъ объ организаціи и дѣятельности Совѣта. Было рѣшено объединить сначала всѣхъ депутатовъ по районамъ въ районные совѣты, а затѣмъ уже изъ ихъ среды послать представителей въ общегородской совѣтъ.

Въ отличіе отъ Петербурга, представители соціалдемократической партіи пользовались въ Москвѣ рѣшающимъ голосомъ и въ районныхъ, и въ городскомъ Совѣтѣ. Рабочіе Москвы казались болѣе соціалдемократами, чѣмъ рабочіе Петербурга. Но это говорило лишь о меньшемъ стремленіи передового слоя мѣстныхъ рабочихъ къ самостоятельности по отношенію къ замкнутымъ и до того времени подпольнымъ партійнымъ организаціямъ.

Втеченіе нѣкотораго времени Стачечный Комитетъ продолжалъ существовать рядомъ съ Совѣтомъ Р. Д., но постепенно и не безъ борьбы всѣ его функціи перешли къ Совѣту и ему оставалось только перестать существовать.

Настроеніе массы было все время повышенное. Во всѣхъ областяхъ производства шло стачечное движеніе и организація рабочихъ по цехамъ. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ 28 ноября обсуждаетъ вопросъ о всеобщей забастовкѣ и рѣшаетъ ждать отвѣта петербургскихъ рабочихъ на арестъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

8 декабря петербургскія соціалистическія и рабочія организаціи призываютъ петербургскій пролетаріатъ и все населеніе Россіи къ послѣднему бою. Но обезсиленный предыдущей борьбой, безработицей и локаутомъ, петербургскій пролетаріатъ на этотъ разъ не такъ дружно откликается на призывъ, какъ въ октябрѣ и ноябрѣ. Петербургскій желѣзнодорожный узелъ продолжаетъ работать во все время трагическихъ декабрьскихъ дней. О «послѣднемъ боѣ» здѣсь не могло быть и рѣчи

Желѣзнодорожная забастовка въ остальной Россіи началась на этотъ разъ дружнѣе, чѣмъ въ октябрѣ, но очень скоро и здѣсь обнаружился упадокъ настроенія, приведшій къ постепенному прекращенію забастовки различными линіями, не ожидавшими постановленія Центральнаго Бюро своего союза. Точно такъ же слабо откликнулась на декабрьское движеніе Польша, истощенная мѣстною забастовкой въ концѣ октября по поводу объявленія края на военномъ положеніи.

То же было и въ Кіевѣ. Здѣсь, послѣ октябрьскихъ дней, за которыми слѣдовалъ одинъ изъ кровопролитнѣйшихъ еврейскихъ погромовъ, пролетарскіе элементы занялись, главнымъ образомъ, организаціонными дѣлами. Организаціи

профессіональныхъ союзовъ посвятилъ себя, главнымъ образомъ, въ октябрѣ и ноябрѣ и сохранившійся здѣсь послѣ стачки Совѣтъ делегатовъ рабочихъ. Къ ноябрьской забастовкѣ кіевскіе рабочіе не пристали, принявъ лишь на нѣкоторыхъ крупныхъ заводахъ резолюцію, выражавшую «братскій привѣтъ польскимъ и петербургскимъ товарищамъ и готовность, когда покажется нужнымъ, вмѣстѣ съ ними вступить въ рѣшительный бой съ правительствомъ». Главнымъ элементомъ броженія здѣсь являлись низшіе служащіе и рабочіе юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Система откладыванія и затягиванія рѣшенія вопросовъ, касающихся улучшенія быта служащихъ и рабочихъ, и стремленіе отдѣлываться одними только обѣщаніями вызывало среди нихъ все возрастающее раздраженіе.

19 ноября, какъ извѣстно, здѣсь произошла демонстрація саперовъ. Въ отвѣтъ на введенное послѣ этого въ Кіевѣ военное положеніе, 9 самыхъ крупныхъ заводовъ объявили стачку. Несмотря на невозможность собираться, рабочіе дружно стояли въ теченіе 5 дней, что не помѣшало имъ остаться совершенно одинокими. Такова же была картина и декабрьской забастовки. «Дружно забастовали всѣ болѣе крупные заводы, къ нимъ затѣмъ присоединились и желѣзнодорожныя мастерскія, но среди мелкобуржуазнаго кіевскаго населенія этотъ забастовавшій пролетаріатъ составилъ только ничтожную долю и очень мало своей забастовкой измѣнилъ физіономію города. Магазины торговали, трамваи двигались, ремесленники работали, на желѣзныхъ дорогахъ цѣликомъ не прекращалось движеніе, а управленцы (желѣзнодорожные), которые 6 октября стояли во главѣ движенія, теперь не примкнули къ забастовкѣ» [1]). И здѣсь никто о «послѣднемъ боѣ» не помышлялъ.

Одесскіе рабочіе также не участвовали въ ноябрьскомъ движеніи, но они успѣли за это время довольно хорошо организоваться. Кромѣ профессіональныхъ союзовъ, здѣсь съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. 6-го ноября на большомъ собраніи рабочихъ, представителей всѣхъ заводовъ и мастерскихъ, делегатъ петербургскаго С. Р. Д. докладывалъ объ устройствѣ и дѣятельности своей организаціи, и тутъ же единогласно была принята резолюція, подчеркивавшая необходимость объединеннаго представительнаго учрежденія для дальнѣйшей борьбы.

Декабрьская забастовка началась здѣсь, благодаря лучшей организованности, очень дружно: «бастовали не только заводы и желѣзнодорожныя мастерскія, но закрыта была масса магазиновъ и прекратилось движеніе конокъ. Но наполненная массой войскъ, которыя еще не такъ давно принимали активное участіе въ еврейскомъ погромѣ, Одесса, конечно, и не помышляла о возстаніи» [2]). Одновременно въ Николаевѣ забастовка распространилась на всѣ заводы, фабрики и типографіи. Пароходное сообщеніе съ Одессой было прекращено.

Въ Харьковѣ, гдѣ 15 октября было введено военное положеніе, не отмѣненное и послѣ манифеста, жизнь первое время шла довольно тихо. Только извѣстія о ноябрьской стачкѣ въ Петербургѣ и о севастопольскомъ возстаніи опять подняли настроеніе. 10 ноября полиція разогнала собраніе делегатовъ

---

[1]) Череванинъ, „Пролетаріатъ въ революціи“. Стр. 85.

[2]) Тамъ же, стр. 85—86.

желѣзнодорожныхъ службъ, собравшихся для выработки устава профессіональнаго союза. Вслѣдъ затѣмъ генералъ-губернаторъ заявилъ, что всякія собранія онъ разгонитъ вооруженной силой. 12 ноября вслѣдъ за распоряженіемъ генералъ-губернатора, часть службъ бросила занятія. Рѣшено было требовать отмѣны военнаго положенія и поддержать это требованіе политической забастовкой. 14-го ноября къ вечеру стали конки, затѣмъ паровозный заводъ и заводъ Саде. Начались митинги, въ которыхъ принимали значительное участіе и мѣстные солдаты. Это обезоружило мѣстныя власти, и хотя военное положеніе формально отмѣнено не было, но фактически оно не дѣйствовало. Когда въ Харьковѣ началась декабрьская забастовка, въ которой опять таки приняли участіе только рабочіе, то многіе надѣялись на поддержку солдатъ. Но оказалось, что старые полки были уже выведены изъ города и замѣщены новыми, которые окружили пару сотенъ дружинниковъ, засѣвшихъ на заводѣ Гельферихъ-Саде, и разстрѣляли рабочихъ паровозостроительнаго завода, двинувшихся массой къ заводу Саде. Дружинники принуждены были сдаться.

Въ Екатеринославѣ рабочіе еще во время октябрьской стачки стали мечтать о созданіи своего представительнаго учрежденія, и въ первый же день возникновенія стачки на многихъ заводахъ выбрали депутатовъ. Это депутатское собраніе на первомъ своемъ засѣданіи рѣшило, что оно должно быть внѣпартійнымъ, функціонирующимъ, главнымъ образомъ, въ боевой моментъ. Большое вниманіе это делегатское собраніе, которое затѣмъ стало называть себя сов. раб. деп., удѣлило вопросу о захватѣ и установленіи 8-часоваго рабочаго дня; было рѣшено, въ виду промышленнаго застоя, не проводить его одновременно на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ, а лишь тамъ, гдѣ онъ технически возможенъ. Настроеніе въ городѣ все время было тревожное и приподнятое; рабочіе усиленно вооружались и организовались въ боевыя дружины. Декабрьская забастовка прошла очень дружно, какъ здѣсь, такъ и во всемъ Донецкомъ бассейнѣ, сопровождаясь въ послѣднемъ попытками возстанія [1]).

Помѣщенная въ № 3 «Откликовъ Современности» статья В. С. «Декабрьскіе дни въ Ростовѣ» даетъ очень полное и чрезвычайно поучительное описаніе того, что творилось въ этомъ городѣ въ описываемое время. Послѣ 17 октября здѣсь произошелъ анти-еврейскій погромъ, организованный «при явномъ содѣйствіи ростовской администраціи въ отвѣтъ на политическую демонстрацію». Это, конечно, не могло внушить рабочимъ довѣрія къ власти, и они ясно понимали, что въ сущности еще ничего не завоевано. Началась дѣятельная организаціонная и агитаціонная работа. По Петербургскому образцу былъ организованъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. «Рѣдко какая-либо организація такъ быстро создавалась и такъ быстро пріобрѣтала авторитетъ въ рабочихъ массахъ. Зародившись непосредственно послѣ октябрьской забастовки, Сов. Р. Д. Ростова и Нахичевани н-Д. къ половинѣ ноября объединилъ почти все трудящееся населеніе этихъ двухъ городовъ. Не говоря уже про всѣ крупные заводы и фабрики, про ремесленныя заведенія, но въ немъ имѣли своихъ представителей также и приказчики, домашняя прислуга, кучера и дворники; береговые рабочіе, банщики,

[1]) См. ст. Е. Маевскаго.

прачки и т. д. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа рабочихъ и производствъ, представленныхъ въ Совѣтѣ, увеличивалось и его значеніе. Особенно укрѣпило авторитетъ Совѣта удачно проведенная при его содѣйствіи стачка на крупной табачной фабрикѣ Асмолова и затѣмъ двухъ-дневная (всеобщая) забастовка, объявленная Совѣтомъ въ отвѣтъ на избіеніе казаками работницъ фабрики Асмолова. Въ Совѣтѣ соціалъ-демократія играла руководящую роль не только идейно, но и персонально, такъ какъ громадное число депутатовъ примыкало къ этой партіи, большая часть Исполнит. Комит. Сов. Раб. Деп., предсѣдатель Совѣта и Желѣзнодорожное бюро были членами партійной организаціи». («Откл. Совр.» № 3, стр. 62—64).

Агитаціонная работа велась главнымъ образомъ на митингахъ, которые «не прекращались съ 17-го октября вплоть до начала военныхъ дѣйствій... Митинги велись очень правильно и планомѣрно, заранѣе распредѣлялись ораторы, намѣчались и разрабатывались предварительно темы» (Тамъ же, стр. 64).

«Седьмого декабря послѣ обѣда,—сообщаетъ далѣе авторъ цитируемой статьи,—была получена телеграмма изъ Москвы съ краткимъ сообщеніемъ, что петербургскій и московскій Совѣты Депутатовъ и совѣщаніе 29 желѣзныхъ дорогъ объявили всеобщую политическую забастовку. Трудно передать то впечатлѣніе, которое произвела эта телеграмма на организаціи, стоящія во главѣ ростовскаго движенія. Подобное же впечатлѣніе произвела эта телеграмма, какъ мнѣ извѣстно, и во многихъ другихъ городахъ. Достаточно будетъ сказать, что въ первый моментъ явилось подозрѣніе, не провокація ли это? До того неожиданнымъ фактомъ явилось такое раннее объявленіе забастовки. Въ самомъ дѣлѣ, когда агитація выставила лозунгъ всеобщей политической забастовки, то послѣдняя понималась, какъ рѣшительное и послѣднее сраженіе. Точно также она воспринималась и рабочими. Отсюда логически вытекало, что для такого рѣшительнаго шага необходимо укрѣпить мѣстныя пролетарскія организаціи, а главное установить и упрочить объединеніе организацій по всей Россіи. Необходимо было обезпечить поддержку взаимныхъ связей во время самой забастовки. Для этого требовалось время... С.-Петерб. Сов. Раб. Деп. предпринялъ кое-какіе шаги въ отношеніи объединенія провинціи; но это были только первые шаги. Почтово-телеграфная забастовка, отрѣзавъ совершенно провинцію отъ столицъ, помѣшала начавшемуся объединенію. Съ другой стороны, оторванность столицъ отъ провинціи дала имъ, вѣроятно, невѣрное освѣщеніе положенія дѣлъ въ послѣдней и способствовала ошибочному шагу: такому раннему объединенію забастовки, при полной неподготовленности, при отсутствіи организаціоннаго объединенія, и къ тому же наканунѣ праздниковъ» (Тамъ же, стр. 66—67).

Мы привели цѣликомъ это разсужденіе не потому, что оно кажется намъ совершенно безупречнымъ. Наврядъ ли правительство, начавшее свое наступленіе въ декабрѣ арестомъ Петерб. Сов. Р. Д., стало бы спокойно дожидаться, пока рабочіе завершатъ дѣло своей организаціи и укрѣпленія своихъ позицій. Неудача декабрьскаго движенія была предрѣшена тѣмъ, что оно была почти исключительно движеніемъ рабочихъ, что правительство въ своемъ наступленіи не встрѣтило никакихъ другихъ силъ, которыя стали бы между ними и рабочими, и, если не отразили бы самое наступленіе, то замедлили бы его ходъ. Это не исключаетъ,

конечно, необходимости критиковать дѣйствія той или иной организаціи, но и тутъ, намъ кажется, авторъ упустилъ изъ виду, что декабрьская тактика явилась неизбѣжнымъ продолженіемъ октябрьской и ноябрьской, проявленіемъ той переоцѣнки своихъ силъ, по крайней мѣрѣ въ писанныхъ резолюціяхъ, которая сказалась въ дѣятельности Петербургскаго Совѣта Р. Д. Разсужденія нашего автора тѣмъ не менѣе характеризуютъ весьма ярко настроеніе провинціи, по крайней мѣрѣ, юга. Здѣсь «послѣдній бой» казался дѣломъ довольно далекаго будущаго и, при всемъ огромномъ энтузіазмѣ рабочихъ, мечты дальше мирной политической забастовки не шли.

Какъ бы то ни было, ростовскія организаціи рѣшили, что они обязаны поддержать московскихъ и петербургскихъ товарищей. Вечеромъ 8 декабря Совѣтъ Раб. Деп. единогласно рѣшилъ объявить всеобщую политическую забастовку, и 10-го декабря фабрики, заводы, желѣзныя дороги, типографіи, трамвай, магазины, банки, конторы, аптеки прекратили свою дѣятельность. Митинги продолжались, но въ полномъ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе администрація, собравшись съ силами, стала обстрѣливать изъ пушекъ столовую Владикавказской жел. дор. гдѣ происходило большинство митинговъ. Затѣмъ началась осада и обстрѣливаніе Темерника, возвышенной части города, населенной преемущественно рабочими. Дружина, состоявшая изъ 300—400 рабочихъ, въ теченіе 8 дней мужественно оборонялась противъ наступленія войскъ. Израсходовавъ всѣ ружейные патроны, она оставила Темерникъ и успѣла своевременно скрыться изъ Ростова.

Въ Москвѣ декабрьская забастовка началась въ высшей степени дружно, какъ не начиналась здѣсь ни одна изъ прежнихъ забастовокъ. 8-го декабря стали почти всѣ промышленныя и торговыя заведенія, а 9-го прекратили работу и мелкія промышленныя заведенія. Повсюду происходили огромные митинги, одинъ изъ которыхъ, въ Акваріумѣ, былъ 8-го числа оцѣпленъ войсками, а другой, въ училищѣ Фидлера, 9-го былъ разгромленъ. 9-го же числа началась постройка баррикадъ послѣ разстрѣла толпы на Страстной площади. Постройка баррикадъ продолжается и въ слѣдующіе дни и въ ней принимаютъ участіе массы московскаго населенія. Но защита баррикадъ переходитъ въ руки вооруженныхъ дружинниковъ.

«Къ 15-му декабря въ соотношеніи силъ противниковъ произошла глубокая перемѣна. Дружинники изнемогали и ряды ихъ все болѣе рѣдѣли. Войска же увеличивались въ числѣ, какъ за счетъ прибывшихъ подкрѣпленій изъ другихъ городовъ, такъ и благодаря тому, что все большія и большія части московскаго гарнизона принимали участіе въ активныхъ операціяхъ. Обыватель уставалъ, настроеніе рабочихъ массъ сильно шло на убыль, вѣра въ побѣду изсякала». [1]).

Само населеніе начало разбирать баррикады и 25-го декабря Исполнит. Комитетъ Сов. Раб. Деп. и Моск. Комитетъ соціалдем. партіи постановили окончить забастовку 19-го декабря, послѣ того какъ рядъ фабрикъ уже сталъ на работу.

«Широкое движеніе рядомъ съ Москвой охватило въ декабрьскіе дни также

---

[1]) „Москва въ декабрѣ". Стр. 97.

и прилегающій къ Москвѣ промышленный районъ. Забастовка охватила рядъ заводскихъ центровъ, въ рядѣ мѣстъ образовались Совѣты Депутатовъ, образовывались также боевыя дружины, завязывались сношенія съ солдатами. Желѣзнодорожныя станціи находились въ рукахъ дружинниковъ, на обязанности которыхъ лежала охрана пути и станцій отъ порчи и разгромленій. Движеніе поѣздовъ, когда оно происходило, напр. для перевозки войскъ, находилось всецѣло въ рукахъ желѣзнодорожнаго союза» [1]).

Послѣ разгрома Прѣсни, гдѣ движеніе было сильнѣе всего и держалось дольше, чѣмъ въ остальной Москвѣ, семеновскій полкъ отправился усмирять прилегавшія къ Москвѣ мѣстности вдоль по линіямъ желѣзныхъ дорогъ.

Центральныя и поволжскія губерніи также приняли значительное участіе въ декабрьскихъ движеніяхъ. Въ Твери 9-го декабря состоялась демонстрація и митингъ рабочихъ, прекращенный войсками. 12-го забастовали рабочіе фабрикъ Морозовской и Залогинской и вагоннаго завода; происходили соединенные митинги. 17-го декабря рабочіе заняли всѣ зданія морозовской мануфактуры и прочными толстыми баррикадами забаррикадировали всѣ входы, за исключеніемъ небольшого выхода, ведущаго на рѣчку Тьмаку. Войска, направленныя въ большомъ количествѣ для овладѣнія зданіями мануфактуры, подошли къ нимъ, не встрѣтивъ активнаго сопротивленія. Подготовивъ атаку артиллерійскимъ огнемъ и разрушивъ баррикады, войска вошли въ зданія, но ничего тамъ не нашли. Всѣ рабочіе мануфактуры, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, оказались за 20 верстъ отъ Твери, гдѣ напали на станцію николаевской жел. дор. Кулицкую, и тамъ разгромили телеграфъ, испортили аппараты и провода.

Въ Костромѣ 9-го декабря забастовали рабочіе всѣхъ фабрикъ. 12-го губернаторъ опубликовалъ объявленіе, въ которомъ онъ предлагалъ, въ виду усилившихся въ городѣ волненій вслѣдствіе забастовокъ желѣзной дороги, фабрикъ и торговыхъ заведеній,—приступить къ обычнымъ занятіямъ и обѣщалъ принять самыя рѣшительныя мѣры противъ всякихъ насилій.

Въ Ярославлѣ стачка началась также 9-го ноября. Бастующіе рабочіе въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ съ красными флагами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ прошли по улицамъ и потребовали прекращенія занятій въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Около почтово-телеграфной конторы произошла перестрѣлка между казаками и вооруженной милиціей рабочихъ, при чемъ послѣдніе потеряли 7 человѣкъ убитыхъ и около 20 раненыхъ. 11-го состоялись демонстраціонные похороны. Въ этотъ день прекратилось движеніе трамвая.

Въ Рязани толпа забастовщиковъ пыталась 10-го декабря освободить арестантовъ изъ мѣстной тюрьмы, но была разогнана казаками.

Въ Воронежѣ въ забастовкѣ приняли участіе служащіе монопольнаго склада, паровыхъ мельницъ и маслобойныхъ заводовъ. Дольше всѣхъ здѣсь бастовали желѣзнодорожные рабочіе, которые еще 19-го декабря постановили продолжать забастовку до освобожденія арестованныхъ членовъ желѣзнодорожнаго комитета.

---

[1]) Череванинъ, l. c. Стр. 101

Въ Смоленскѣ мѣстный Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ объявилъ всеобщую политическую забастовку 12-го декабря. Типографіи, электрическія общества, фабрики, заводы, многія ремесленныя заведенія и булочныя забастовали. Хлѣбопекарямъ и водопроводу совѣтъ разрѣшилъ работать. На главныхъ улицахъ магазины, а также многія банкирскія конторы и банки закрылись.

Интересныя подробности о декабрьской забастовкѣ въ Тулѣ мы находимъ въ статьѣ А. Ш., помѣщенной въ газетѣ «Рабочее Слово», въ номерѣ отъ 13-го апрѣля 1906 г. «Когда тульскіе рабочіе—разсказываетъ г. А. Ш.—прочитали въ декабрѣ въ газетахъ знаменитый «Манифестъ» и призывъ къ забастовкѣ,—настроеніе среди нихъ было для этого далеко неподходящее. Слышались толки о томъ, что забастовка назначена не во время: слѣдуетъ подождать предпраздничной получки, въ противномъ случаѣ ѣсть нечего будетъ...

«Первыми забастовали желѣзнодорожники московско-курской ж. д., служба тяги, пути, телеграфа, подвижнаго состава. Сказывалось вліяніе желѣзнодорожнаго союза. Мастерскія и депо (средній и малый ремонтъ) отказывались присоединиться. Революціонная дружина подошла къ мастерскимъ; ей не пришлось дѣйствовать, такъ какъ одинъ видъ ея ободрилъ сторонниковъ забастовки. Послѣ тревожныхъ гудковъ, данныхъ однимъ рабочимъ, мастерскія стали...

«На другой день была сдѣлана попытка снять патронный заводъ. Явившихся дружинниковъ часть рабочихъ привѣтствовала, часть—старики, мастера, сѣрая масса,—встрѣтила враждебно. Можетъ быть, и удалось бы остановить работу, но подоспѣли казаки... Вечеромъ забастовка вспыхнула уже самостоятельно. Правда, позже заводъ то опять начиналъ работать, то снова бросалъ. Но казацкіе подвиги, несомнѣнно, повліяли на подъемъ настроенія.

«Всѣ усилія разбивались о неподвижность оружейнаго завода. Это—огромный для провинціи заводъ (въ немъ до 7 тысячъ рабочихъ), отличающійся той особенностью, что народъ на немъ все мѣстный, владѣющій домиками,—хотя подчасъ эти домики не лучше собачьей конуры,—привыкшій къ мѣсту и потому особенно боящійся потерять работу. Многіе работаютъ тамъ въ теченіе десятковъ лѣтъ; вдругъ прогонятъ, куда дѣваться?.. И эта неподвижность рабочихъ оружейнаго завода парализовала усилія сторонниковъ забастовки, не только въ данномъ заводѣ, но и въ остальныхъ. Отсталые слои рабочихъ ссылались на оружейный заводъ...

«Самоварщики, литейщики и рабочіе сахарнаго завода не принимали участія въ декабрьской забастовкѣ, такъ какъ силы ихъ были совершенно истощены самостоятельными забастовками, возникшими не задолго передъ этимъ на экономической почвѣ» [1]).

Къ 20-му декабря вооруженное возстаніе было подавлено по всей Россіи. Начался періодъ военныхъ экспедицій и военно-полевыхъ судовъ...

Мы уже указывали, что декабрьскія событія явились результатомъ положенія, созданнаго всѣмъ предыдущимъ ходомъ революціи. Въ общемъ и цѣломъ рабочій классъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя для всеобщей забастовки

---

[1]) О декабрьскомъ движеніи въ другихъ мѣстахъ и сопровождавшихъ его возстаніяхъ см. въ ст. Маевскаго.

условія, принялъ весьма дѣятельное участіе. Но къ послѣднему «бою» онъ не былъ готовъ нигдѣ. Въ такъ называемыхъ вооруженныхъ возстаніяхъ участвовали почти исключительно дружинники, т. е. члены боевыхъ организацій, созданныхъ во время погромовъ въ цѣляхъ самообороны. Это было своего рода замѣстительство въ возстаніи, которое, какъ всякое замѣстительство, могло создавать только иллюзіи относительно дѣйствительнаго настроенія массъ. Когда періодъ возстаній прошелъ, то эти «боевыя дружины» остались какъ чужеядный наростъ, съ которымъ рабочему движенію кое-гдѣ приходится бороться и по сіе время.

Послѣ декабрьскаго пораженія, сопровождавшагося массовыми разсчетами рабочихъ и массовой безработицей, начинается постепенное оттѣсненіе рабочихъ отъ занятыхъ ими позицій, не прекратившееся и сейчасъ. Въ психологіи рабочихъ происходитъ медленный переломъ, который въ первую очередь разбиваетъ создавшееся въ эпоху революціоннаго подъема идейное единство рабочаго класса. Въ зависимости отъ разнообразныхъ условій, одни изъ рабочихъ возлагаютъ всѣ свои надежды на крестьянство, другіе — на имѣющуюся собраться Государственную Думу; одни ждутъ спасенія отъ профессіональныхъ союзовъ, а другіе (незначительное меньшинство) думаютъ найти удовлетвореніе въ разныхъ патріотическихъ и монархическихъ организаціяхъ.

10. Профессіональные союзы въ «дни свободы».—Стачки и ихъ результаты.—Рабочая пресса.

Долго сдерживавшаяся жажда объединенія прорвалась съ такой силой, что самыя задачи и цѣли объединенія остались на первое время совершенно неопредѣленными, неоформленными. «Если кто бывалъ въ эти памятные дни русской свободы, во дни торжества «захватнаго права», въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, куда стекались по вечерамъ десятки тысячъ рабочаго люда, тотъ вспомнитъ большіе плакаты въ вестибюляхъ, на которыхъ указывалось распредѣленіе залъ. Вы могли прочесть на этихъ плакатахъ перечисленіе, вѣроятно, всѣхъ профессій умственнаго и физическаго труда. Всякая профессія хотѣла имѣть свой митингъ, свое собраніе, на которомъ можно было бы излить свое горе, облегчить свою душу отъ тяжести, накопленной за десятки лѣтъ униженія и безправія. Рядомъ съ призывомъ къ вооруженному возстанію, рядомъ съ блестящими рѣчами о свѣтломъ будущемъ соціализма, вы могли слышать простыя и наивныя рѣчи портного—жилетника, который видѣлъ исходъ въ повышеніи на 50 копѣекъ платы за жилетъ. И это не было наивностью отдѣльнаго портного-жилетника; не нужно забывать, что на митинги приходили десятки тысячъ рабочихъ, большей частью такихъ, до которыхъ никогда еще не доходило свободное революціонное слово. И если рѣчи о политической свободѣ, о царствѣ соціализма принимались восторженно, потому что масса *чувствовала* въ нихъ что-то новое, свѣтлое, то рѣчи объ экономическомъ гнетѣ капитала, объ ужасномъ положеніи труда были для нея гораздо доступнѣе и понятнѣе. Призывъ организоваться въ профессіональные союзы находитъ въ массѣ живой откликъ. Въ теченіе октября и ноября мѣсяца въ Петербургѣ организуется около

сорока профессіональныхъ союзовъ. Было бы большой ошибкой думать, что это были правильно организованные профессіональные союзы. Я бы сказалъ, что это были скорѣе организаціи для агитаціи профессіональнаго движенія въ данной профессіи. Каждая профессія выдѣляла изъ себя группу болѣе сознательныхъ и передовыхъ рабочихъ, которые вырабатывали уставъ, созывали собраніе, и уставъ принимался. Союзъ считался учрежденнымъ, выбиралось правленіе. На такихъ собраніяхъ бывали часто 2000—3000 человѣкъ, и, конечно, въ большинствѣ случаевъ ни къ уставу, ни къ союзу не было сознательнаго отношенія. Было стихійное стремленіе соорганизоваться, сплотиться»[1]).

Но нѣкоторые союзы, образовавшіеся до «дней свободы», въ это время успѣли нѣсколько окрѣпнуть и расширить свою дѣятельность. Происходившія отъ времени до времени собранія уполномоченныхъ отдѣльныхъ петербургскихъ союзовъ на засѣданіи 6-го ноября были переименованы въ центральное бюро, которое съ 19-го ноября начинаетъ правильно собираться въ помѣщеніи Техническаго Общества при Соляномъ Городкѣ и устанавливаетъ тамъ же правильныя дежурства. По условіямъ того времени отдѣльнымъ союзамъ еще мало удается наладить свою чисто-профессіональную дѣятельность; за то они принимаютъ крупное участіе въ общеполитическомъ движеніи и, участвуя въ общеполитическихъ забастовкахъ, стремятся и ихъ использовать въ цѣляхъ своихъ организацій. Въ этомъ отношеніи первенство въ то время принадлежало «союзу рабочихъ печатнаго дѣла», сыгравшему особенно крупную роль въ борьбѣ за свободу печати.

Рѣшивъ на большомъ собраніи 20-го октября прекратить всеобщую забастовку, рабочіе печатнаго дѣла при этомъ заявляли въ духѣ состоявшагося наканунѣ постановленія Совѣта Р. Д.: «Мы объявляемъ свою политическую забастовку прекратившеюся, съ 12 часовъ 21 октября, при чемъ, въ виду переживаемаго нами момента, мы считаемъ возможнымъ и необходимымъ приступить къ работамъ товарищамъ, занятымъ въ газетахъ, лишь въ томъ случаѣ, если редакторы и издатели въ своей дѣятельности будутъ абсолютно игнорировать главное управленіе по дѣламъ печати и центральный комитетъ. Въ противномъ случаѣ работы въ этихъ предпріятіяхъ производиться не будутъ».

Это постановленіе было выполнено петербургскими наборщиками въ точности. Они даже пошли дальше, уничтоживъ предварительную цензуру на журналы и книги, объявивъ бойкотъ тѣмъ издателямъ и владѣльцамъ типографій, которые не подчинятся постановленію Союза рабочихъ печатнаго дѣла.

Торжество реакціи послѣ декабрьской забастовки привело къ насильственному закрытію всѣхъ петербургскихъ профессіональныхъ союзовъ. 9-го декабря полиція закрыла помѣщеніе, гдѣ происходили засѣданія центральнаго бюро; 13-го запрещены всякія собранія, а затѣмъ опечатаны и разгромлены помѣщенія союзовъ, арестованы книги и должностныя лица и т. под. Только Центральное Бюро могло собираться тайкомъ и, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго момента, заботиться о сохраненіи связи между разбитыми остатками союзовъ. Такъ, несмотря на терроръ реакціи, нѣкоторымъ профессіональнымъ союзамъ

[1]) См. „Вторая Конференція професс. союзовъ". Стр. 38—39.

удалось, при содѣйствіи Центральнаго Бюро, организовать однодневную забастовку 9-го января 1906 г.

Въ Москвѣ происходило то же самое, что въ Петербургѣ. «Октябрьская политическая забастовка и послѣдовавшая за ней фактическая свобода политической жизни всколыхнули всю рабочую Москву, подняли самые отсталые слои закабаленнаго капиталу трудящагося населенія. Лозунгъ профессіональнаго объединенія былъ выдвинутъ назрѣвшей потребностью и непосредственно связанъ съ стремленіемъ трудящихся добиться лучшихъ условій труда. Депутатскія собранія, профессіональные митинги, выработка требованій стачечниками—все это естественно приводило къ образованію профессіональныхъ организацій. За два мѣсяца не осталось, кажется, ни одной профессіи, гдѣ бы не совершался этотъ процессъ первичныхъ образованій союзной дѣятельности, и только разразившіяся декабрьскія событія внесли задержку въ поступательный ходъ движенія. Къ декабрю въ Москвѣ насчитывалось болѣе 50-ти профессіональныхъ союзовъ съ количествомъ записавшихся членовъ до 25 тысячъ» [1]).

Существовавшія до того вспомогательныя кассы типографовъ, приказчиковъ и городскихъ ремесленниковъ пробовали преобразоваться въ профессіональныя организаціи современнаго типа, но эти попытки не увѣнчались успѣхомъ. Точно также оказались неспособными къ развитію сохранившіяся въ Москвѣ зубатовскія общества, главнымъ образомъ вслѣдствіе презрительнаго отношенія къ нимъ сознательныхъ рабочихъ.

Организація стачечныхъ кассъ по профессіямъ, а кое-гдѣ и профессіональныхъ союзовъ началась въ Москвѣ еще съ весны 1905 года. Въ дальнѣйшемъ организаціи союзовъ содѣйствовало мѣстное центральное бюро, образовавшееся при помощи правленія музея содѣйствія труду и уполномоченнаго петербургскаго союза рабочихъ печатнаго дѣла. На состоявшемся 24 сентября первомъ засѣданіи этого бюро, носившаго названіе «совѣщанія представителей профессіональныхъ союзовъ города Москвы», участвовали представители 26 союзовъ, частью не совсѣмъ еще оформившихся.

И здѣсь выдающуюся роль въ это время игралъ «союзъ рабочихъ печатнаго дѣла». Здѣсь онъ еще болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, явился застрѣльщикомъ въ борьбѣ за свободу печати. Репрессіи послѣ декабрьскихъ событій отразились тяжело на союзахъ, и временно ихъ дѣятельность должна была прекратиться.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ «въ октябрьскіе дни быстро, одинъ за другимъ, начали расти профессіональные союзы. Это видно уже изъ одного того, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (ноябрь—декабрь) организовалось 18 новыхъ союзовъ... Всѣ союзы (числомъ 18) въ теченіе полумѣсяца выработали свои уставы или проекты уставовъ и энергично взялись за агитацію среди неорганизованныхъ массъ съ цѣлью привлечь ее къ организаціи. Главный девизъ каждаго союза—объединеніе для борьбы за профессіональные и правовые интересы» [2]).

На югѣ нѣчто подобное происходитъ только въ Одессѣ, гдѣ «въ октябрьскіе дни профессіональные союзы выростаютъ какъ грибы. Ежедневно во всѣхъ залахъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 46.

[2]) Тамъ же, стр. 86—87.

университета и другихъ мѣстахъ происходили общія собранія различныхъ союзовъ, избирались уставныя комиссіи, утверждались выработанные или списанные съ «нормальныхъ» уставы и т. д.» [1]).

Въ другихъ городахъ юга, по различнымъ причинамъ, не замѣчается такого бурнаго стремленія къ организаціи, хотя и здѣсь число профессіональныхъ союзовъ увеличивается очень быстро. Въ Кіевѣ, напримѣръ, движеніе на первыхъ же шагахъ «наталкивалось на крайне тяжелыя условія. Даже и вскорѣ послѣ октябрьскихъ дней Кіевъ былъ далекъ отъ той сравнительной фактической свободы, какой пользовались, напримѣръ, Москва или Петербургъ». Кіевъ не имѣлъ «ни общихъ собраній организующихся союзовъ, за исключеніемъ разрѣшеннаго собранія булочниковъ и, если не ошибаемся, офиціантовъ, ни явочныхъ изданій, ни свободы періодической печати; не было возможности легально печатать уставы или листки союзовъ и мало-мальски широко развить даже профессіональную агитацію» [2]). Только съ января 1906 года въ Кіевѣ начинается широкая организація союзовъ.

Иначе въ Харьковѣ. Здѣсь еще до свободъ довольно правильно функціонировали «фабричныя и заводскія комиссіи» и было нѣсколько попытокъ организаціи конспиративныхъ профессіональныхъ кассъ. Уже нѣсколько разъ упомянутое нами Общество взаимопомощи занимающихся ремесленнымъ трудомъ, несмотря на свою умѣренность, не могло не оказывать вліянія на остальныхъ харьковскихъ рабочихъ умѣлымъ руководствомъ и неустаннымъ стремленіемъ къ поставленной цѣли превратить Общество въ европейскій тредъ-юніонъ. «Въ концѣ января 1905 года на харьковскомъ паровозостроительномъ заводѣ происходила забастовка, закончившаяся къ началу декабря (?) особымъ договоромъ между заводоуправленіемъ и выборными отъ рабочихъ, въ которомъ установлены были отношенія между администраціей завода и вновь учрежденной на немъ особой выбранной рабочими комиссіей. Въ «комиссію» вошло около 60 человѣкъ рабочихъ, представителей разныхъ цеховъ, въ большинствѣ своемъ и ранѣе избранія пользовавшіеся вліяніемъ при рѣшеніи заводскихъ дѣлъ» [3]) Затѣмъ подобныя же комиссіи организовались въ большинствѣ другихъ производствъ. Въ виду ряда забастовокъ въ разныхъ профессіяхъ былъ организованъ общій стачечный фондъ, находившійся въ распоряженіи представителей «рабочихъ комиссій», руководившихъ съ большимъ умѣніемъ и самыми стачками. «Въ дни сравнительной свободы (сентябрь и октябрь мѣсяцы) по почину небольшой группы болѣе передовыхъ рабочихъ, при ближайшемъ и активномъ участіи соціалдемократической организаціи, возникла въ Харьковѣ мысль о болѣе оформленной и организованной борьбѣ пролетаріата съ капиталистами, которая и вылилась въ созданіи цѣлаго ряда профессіональныхъ союзовъ». Возникли союзы рабочихъ печатнаго дѣла, служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ, заготовщиковъ, портныхъ и портнихъ, столяровъ, табачниковъ, обойщиковъ, шляпницъ, корсетницъ, слеса-

---

[1]) Тамъ же, стр. 79.
[2]) Тамъ же, стр. 69.
[3]) Тамъ же, стр. 62.

рей, сапожниковъ, приказчиковъ. Послѣ декабрьскихъ дней всѣмъ союзамъ пришлось уйти въ подполье.

Въ Николаевѣ, гдѣ главный контингентъ рабочихъ относится къ металлическому производству, организація происходитъ по заводамъ. Первый союзъ возникъ въ октябрѣ на небольшомъ заводѣ Уманскаго, гдѣ изъ 150 человѣкъ въ организацію сразу вступило 100 слишкомъ. Вторыми организовались рабочіе самого большого по числу рабочихъ (3.000) Французскаго завода. Больше половины рабочихъ завода записалось въ члены союза, который сразу развилъ очень широкую и всестороннюю дѣятельность. Далѣе организовались союзы: на казенномъ заводѣ Адмиралтейства, гдѣ рабочихъ около 3.000, а вступило въ союзы около 2.000,—на Черноморскомъ заводѣ и у типографовъ. Декабрьская реакція сильно повредила этому движенію. Были арестованы здѣшній совѣтъ депутатовъ, правленія союзовъ и даже члены ихъ, разгромлены комиссія и бюро безработныхъ, функціонировавшія рядомъ съ союзами.

Точно также въ «дни свободы» зародились первые профессіональные союзы въ Саратовѣ, Казани и въ нѣкоторыхъ городахъ сѣвернаго фабричнаго района—Ярославлѣ, Костромѣ, Рыбинскѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ и др. Среди текстильныхъ рабочихъ этого района были отдѣльные попытки организоваться, но всѣ они въ это время не приводили къ прочному успѣху. «Въ Костромѣ рабочіе текстильныхъ фабрикъ входили въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Въ Ярославлѣ организовались въ союзъ рабочіе Корзинкинской мануфактуры, но послѣ репрессій организація распалась. Въ Ковровѣ была попытка организоваться у рабочихъ Треумовской фабрики, возникшая подъ воздѣйствіемъ союза рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Въ Шуѣ рабочіе нѣкоторыхъ фабрикъ устроили собраніе для учрежденія союза, но такъ какъ опытныхъ лицъ для этого дѣла не нашлось, то и дѣло не удалось. Въ Кинешмѣ организовавшійся было союзъ вызвалъ нареканія со стороны мѣстныхъ раскольниковъ... и подъ вліяніемъ ихъ проповѣдей члены изъ союза вышли» [1]).

Чѣмъ занимались профессіональные союзы въ это время? Больше всего рѣшеніемъ принципіальныхъ вопросовъ о характерѣ ихъ будущей дѣятельности. Такъ, московское Центральное Бюро установило рядъ общихъ основаній для организаціи профессіональныхъ союзовъ, которыя мы считали нужными здѣсь привести, такъ какъ они даютъ вполнѣ ясное представленіе о вопросахъ, занимавшихъ въ то время умы всѣхъ дѣятелей профессіональнаго движенія по всей Россіи. Основанія эти слѣдующія: 1) непартійность, т. е. формально союзъ не входитъ въ партію; 2) отсутствіе политической программы, но желательность отдѣльныхъ политическихъ выступленій; 3) связь союза съ общепролетарскимъ движеніемъ, во избѣжаніе узко-эгоистическаго профессіонализма; 4) стремленіе объединить всѣхъ рабочихъ данной профессіи; необходимость всероссійскихъ союзовъ; 5) боевой характеръ союза; взаимопомощь въ союзахъ въ данный моментъ можетъ имѣть очень ограниченный кругъ дѣйствія; 6) пролетарскій характеръ союзовъ; типъ смѣшанныхъ союзовъ изъ хозяевъ и рабочихъ недопустимъ; совмѣстные союзы изъ высшихъ и низшихъ служащихъ нежелательны;

[1]) Тамъ же, стр. 95.

7) предпочтеніе союзовъ по отраслямъ промышленности передъ узко-профессіональными; 8) широкое самоуправленіе внутри союза; вовлеченіе большаго числа членовъ въ активную дѣятельность союза (совѣты правленій); возможно частое устройство собраній; 9) развитіе общеобразовательныхъ цѣлей союзовъ (библіотеки, клубы, митинги); 10) мѣстное объединеніе союзовъ въ видѣ Центральныхъ Бюро не должно нарушать полной автономіи отдѣльныхъ союзовъ.

Сверхъ того союзамъ пришлось сосредоточить свою дѣятельность на помощи безработнымъ, устройствѣ столовыхъ и т. под. Чисто экономическое стачечное движеніе, не прекратившееся въ «дни свободы» и даже еще усилившееся въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, велось еще подъ руководствомъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и другихъ подобныхъ организацій.

Къ сожалѣнію, нѣтъ никакой возможности подвести итогъ многочисленнымъ стачкамъ, разразившимся въ разныхъ городахъ въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ промышленности. Оффиціальная «Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за 1905 годъ» касается только заведеній, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. Что касается этихъ послѣднихъ, то «Статистикой» зарегистрировано 13.110 случаевъ стачекъ съ 2.709.695 участниковъ, т. е. по среднему расчету 93% общаго числа заведеній и 163,8% общаго числа рабочихъ въ заведеніяхъ. За предыдущее десятилѣтіе въ среднемъ по расчету за годъ стачками было охвачено 0,98% всего числа заведеній и 2,7% всего числа рабочихъ. «Необыкновенный подъемъ стачечной волны» въ 1905 году, по словамъ составителя «Статистики», является «безпримѣрнымъ не только въ русской, но даже въ міровой исторіи стачекъ за послѣднее десятилѣтіе: по силѣ стачечнаго движенія Россія въ 1905 г. превзошла въ пять разъ Америку, Германію, въ десять разъ Францію, а абсолютный подъемъ стачечнаго возбужденія превзошелъ болѣе чѣмъ общую сумму числа рабочихъ, бастовавшихъ, напр., въ 1900 г. въ семи государствахъ міра съ наиболѣе развитой промышленностью». Далѣе отмѣчается, что стихійный характеръ прежнихъ стачекъ какъ бы уступилъ мѣсто большей организованности и иногда характеръ предъявляемыхъ пожеланій до мелочности точенъ. Иногда послѣ лозунговъ свободы союзовъ, печати и всеобщей подачи голосовъ слѣдовало требованіе прибавки нѣсколькихъ копеекъ къ расцѣнкамъ и увольненія «табельщика Ивана»; иногда, напротивъ, поводомъ къ стачкѣ служилъ какой-нибудь штрафъ и требованіе его отмѣны дополнялось требованіемъ широкихъ реформъ,

Вообще 1905 годъ выдвинулъ значительное количество чисто политическихъ забастовокъ. Съ этимъ связано и распредѣленіе забастовокъ по отдѣльнымъ мѣсяцамъ. Въ этомъ году замѣчаются два подъема забастовочной волны, а именно: январь, февраль и октябрь, ноябрь, декабрь.

Число забастовокъ, оказывается, и въ 1905 году возрастало съ увеличеніемъ размѣра заведеній. Такъ, мелкія заведенія бастовали только в ъполовинномъ количествѣ общаго ихъ числа; среднія заведенія бастовали по одному разу; болѣе крупныя—полтора раза и самыя крупныя заведенія (свыше 1.000 рабочихъ) бастовали болѣе двухъ разъ. Случаи повторенія забастовокъ въ одномъ и томъ же заведеніи въ 1905 г. стали очень распространеннымъ явленіемъ. 86% всего числа забастовокъ имѣли повторный характеръ. На каждаго заба-

стовщика, въ среднемъ, приходится въ этомъ году 8, 7 потерянныхъ дней. Эта высокая продолжительность забастовокъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что фабриканты зачастую прибѣгали къ общему разсчету рабочихъ и временному закрытію фабрикъ и заводовъ. Забастовокъ съ преобладающими экономическими поводами насчитывалось лишь 32% общаго числа ихъ. Изъ экономическихъ забастовокъ наибольшей потери времени для своего окончанія требовали забастовки, вызванныя увеличеніемъ рабочаго времени и уменьшеніемъ заработной платы. Забастовки чисто политическія не влекли за собой большой потери рабочаго времени. Предприниматели чаще всего уступали въ спорахъ о размѣрѣ и способѣ разсчета заработка; трудно достигалось соглашеніе въ вопросахъ, касающихся рабочаго времени, а всего труднѣе—въ спорахъ о порядкѣ въ заведеніяхъ и условіяхъ труда и быта. Относительно исхода экономическихъ стачекъ, отчетомъ констатируется, что вполнѣ или отчасти успѣшно окончилось до 78% всего числа забастовокъ.

Что касается завоеваній рабочихъ за этотъ годъ, то свѣдѣнія о нихъ еще болѣе скудны. Нѣкоторыя данныя на этотъ счетъ мы находимъ въ статьѣ В. Тотоміанца, помѣщенной въ № 9 газеты «Начало»; другія заимствованы нами изъ отчета о первой областной конференціи профессіональныхъ союзовъ рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ московскаго промышленнаго района.

Въ концѣ декабря 1904 года тартальщики нефти и масленщики въ Баку добились обѣщанія ввести восьмичасовой рабочій день. Совѣщаніе сахарозаводчиковъ въ Кіевѣ, состоявшееся 12 мая 1905 года, установило восьмичасовой рабочій день по требованію своихъ рабочихъ. 21-го іюня $8^1/_2$-часоваго рабочаго дня добились крючники петербургскаго порта. Желѣзнодорожные рабочіе добились девятичасового рабочаго дня въ мастерскихъ. Такой же длины рабочій день введенъ на многихъ заводахъ и въ мастерскихъ военнаго и морского вѣдомствъ. Девятичасового рабочаго дня добилось въ концѣ января также большинство фабрично-заводскихъ рабочихъ Варшавы и Бердянска. Въ Николаевѣ на судостроительномъ, механическомъ и литейномъ заводѣ французскаго анонимнаго общества установленъ $9^1/_2$, а по субботамъ восьмичасовой рабочій день. Десятичасоваго рабочаго дня добилось огромное большинство фабрично-заводскихъ рабочихъ Лодзи, Сосновицъ, Риги, Ковны, Ревеля, Юрьева, Минска, Харькова, пекаря Одессы и ремесленники города Кишинева. Мы не перечисляемъ здѣсь завоеваній типографскихъ рабочихъ и приказчиковъ, о которыхъ рѣчь уже была выше, а также отдѣльныхъ уступокъ на отдѣльныхъ заводахъ.

Въ Московской губерніи въ первую половину 1905 года, изъ 180.000 рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ огромное большинство (около трехъ пятыхъ) работало еще $11^1/_2$ часовъ и тысячъ сорокъ рабочихъ работали односмѣнно по 10-ть часовъ и двухсмѣнно по 9-ть часовъ. Черезъ годъ на $11^1/_2$-часовой работѣ осталась ничтожная горсть—всего одна восьмая рабочихъ; главная масса, почти поровну, распредѣлилась на односмѣнной 10-часовой и двухсмѣнной 9-часовой работѣ. Сокращеніе рабочаго времени сопровождалось и повышеніемъ заработной платы: расцѣнка была повышена на 5, 10, 15 и 20%.

Рабочіе фабрики Саввы Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ, послѣ февральской

стачки въ 1905 г., добились 5% награды за годъ, 10 родильницамъ, отмѣны обысковъ въ прядильномъ и ткацкомъ отдѣленіяхъ и права выбора депутатовъ. Въ октябрѣ 1905 г. рабочіе добились 15% повышенія платы и отмѣны обысковъ во всѣхъ отдѣленіяхъ.

Въ Тейковѣ забастовка въ 1905 г. дала рабочимъ увеличеніе расцѣнокъ на 20 %, уменьшеніе на 1 часъ рабочаго дня и плату за квартиры 1 р. 25 к. Въ Воскресенскѣ, послѣ октябрьской забастовки 1905 г., измѣнилась заработная плата: прежде въ мѣсяцъ получали женщины 6 руб., мужчины 11—12 руб., теперь женщины 12—18 руб., мужчины 20—25 руб.

«Дни свободы» создали свободную печать и прежде всего дали огромный толчокъ развитію спеціально предназначенной для рабочихъ періодической прессы. Согласно съ духомъ этого времени преобладала, можно сказать, господствовала печать соціалдемократическаго направленія, а въ ней статьи агитаціонныя занимали первое, главное мѣсто. 17-го октября вышелъ первый номеръ петербургскихъ «Извѣстій Совѣта рабочихъ Депутатовъ»—родъ бюллетеня, сообщавшаго о ходѣ событій преимущественно въ дни всеобщихъ стачекъ, но призывавшаго въ то же время къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ и содержавшаго руководящія статьи въ духѣ резолюцій «Совѣта».

Тотъ же боевой тонъ царилъ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ перешедшей съ конца октября въ руки соціалдемократовъ «Русской Газеты».

Но большинство статей этой газеты преслѣдовало цѣли соціалдемократическаго воспитанія широкихъ массъ и своимъ, весьма доступнымъ и въ то же время чрезвычайно талантливымъ, изложеніемъ немало содѣйствовало развитію политическаго сознанія петербургскихъ рабочихъ. Газета объясняла своимъ читателямъ, чего «хотятъ соціалдемократы» и какъ относятся къ ихъ требованіямъ другія оппозиціонныя партіи, освѣщала критически крестьянское движеніе, знакомила съ различными реакціонными теченіями въ странѣ и въ самой рабочей средѣ и настойчиво рекомендовала рабочимъ самоорганизацію.

Большимъ успѣхомъ среди московскихъ рабочихъ пользовалась «Московская Газета», первый номеръ которой появился 10 ноября. Эта газета сразу взяла реалистическую ноту, въ особенности въ жгучемъ тогда вопросѣ о взаимоотношеніи рабочихъ и крестьянъ.

Провинціальная печать болѣе или менѣе умѣло слѣдовала за столичной. Впрочемъ въ то время провинціальныхъ органовъ было сравнительно мало; большинство ихъ появилось въ слѣдующемъ, 1906 году. Тѣ, которыя зародились въ «дни свободы», погибли въ декабрѣ, какъ погибли и вышеуказанныя газеты, выходившія въ столицахъ.

Появилась въ эти дни и спеціальная профессіональная пресса. Еще въ срединѣ 1905 года въ Петербургѣ сталъ выходить «Печатный Вѣстникъ», еженедѣльный журналъ петербургскихъ рабочихъ печатнаго дѣла. Журналъ редактировался весьма толково, удѣляя вниманіе не только вопросамъ своего союза, но и общимъ вопросамъ экономики и политики.

Петербургское Центральное Бюро, въ засѣданіи 6 ноября, постановило «издавать спеціальный органъ, долженствующій обслуживать какъ центральное

бюро, такъ, по мѣрѣ возможности, и отдѣльные, входящіе въ это Бюро союзы». Такимъ образомъ 27 ноября появился въ свѣтъ № 1 журнала «Профессіональный Союзъ», который, согласно рѣшенію Центральнаго Бюро, «до выясненія ряда принципіальныхъ вопросовъ въ самихъ организаціяхъ и Бюро» носилъ «дѣловой и справочный характеръ». Постепенно, однако, статьи принципіальнаго характера заняли въ этомъ органѣ подобающее мѣсто.

Справочный характеръ сохранили издававшіеся Московскимъ Центральнымъ Бюро «Бюллетени музея содѣйствія труду», первый номеръ которыхъ вышелъ 16 ноября, а второй и послѣдній 26 ноября 1905 г. «Бюллетени» содержатъ весьма цѣнный матеріалъ по исторіи московскаго профессіональнаго движенія.

Въ провинціи, на сколько намъ извѣстно, въ 1905 году не появлялось вовсе органовъ, посвященныхъ профессіональному движенію. Соціалдемократическія и другія организаціи, раньше удовлетворявшія умственные запросы рабочихъ зарубежной литературой, съ трудомъ приспособлялись къ новой обстановкѣ, гдѣ требовалась собственная иниціатива. Частная иниціатива тоже отсутствовала. Только на весьма прибыльномъ изданіи всякаго рода брошюръ пропагандистскаго и агитаціоннаго характера спеціализировались нѣкоторыя издательскія фирмы. Все, что можно было перевести съ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, было хорошо ли, худо ли, переведено и нашло въ первое время огромный сбытъ въ рабочей средѣ, лихорадочно набросившейся на новый открывшійся имъ источникъ знанія. Въ буряхъ революціоннаго періода формировалась и слагалась массовая рабочая интеллигенція.

11. Рабочіе окраинъ въ концѣ 1905 года.

Побѣжденная въ центрѣ революція не могла, конечно, остаться побѣдительницей на окраинахъ, какъ бы высоко ни вздымались тамъ ея волны, какъ бы мужественно ни бились ея адепты. Но и сами окраины не такъ единодушно примкнули къ декабрьскому движенію, какъ это было въ октябрѣ.

Такъ было въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ, «по мѣрѣ того, какъ рабочее движеніе стало терять характеръ движенія чисто анти-правительственнаго и превращаться въ ожесточенную борьбу съ фабрикантами за экономическія уступки, отношеніе части польскаго общества къ этому движенію круто измѣнилось. Январьскія и февральскія всеобщія стачки были встрѣчены съ нескрываемой симпатіей даже тѣми сферами, которыя несли уронъ и терпѣли прямые убытки. Всѣ понимали, что стачка... съ лозунгомъ учредительнаго сейма въ Варшавѣ является грандіозной общенаціональной демонстраціей, направленной противъ ненавистнаго для всѣхъ политическаго режима. Когда же рабочіе, прекративъ политическую стачку, начали завоевывать на фабрикахъ девятичасовой рабочій день, повышеніе заработной платы и т. д. — симпатіи заинтересованной части польскаго общества къ движенію поблекли. А экономическая борьба, прерываемая политическими демонстраціями, принимала затяжной характеръ...

«И вотъ на этой-то почвѣ классовыхъ антипатій стали работать національ-демократы, проповѣдуя крестовый походъ противъ рабочаго движенія какъ па-

губнаго для общенаціональнаго дѣла, разлагающаго національное единство, дезорганизующаго общество, не позволяющаго ему сплотиться для созидательной работы и т. д. Для болѣе успѣшной борьбы съ рабочимъ движеніемъ и, въ частности, со стачками, націоналдемократы основываютъ «Національный рабочій союзъ» и нелегальный органъ «Факелъ» (Pochodnia) и издаютъ массу прокламацій антисоціалистическаго характера» [1]).

Правда, введенное въ краѣ военное положеніе должно было бы снова объединить всѣ оппозиціонные элементы страны, но успѣвшія обостриться отношенія, съ одной стороны, и надежды на близкій созывъ Государственной Думы, съ другой, сдѣлали такое объединеніе совершенно невозможнымъ. Польскій рабочій классъ былъ не только предоставленъ самому себѣ—надежды на крестьянство оказались столь же ложными, какъ и надежды рабочихъ коренной Россіи,—но былъ лишенъ и внутренняго единства, благодаря проникновенію въ его среду шовинистической идеологіи націоналдемократовъ. Громадная затрата энергіи въ предыдущіе мѣсяцы не дала никакихъ положительныхъ результатовъ и этимъ какъ будто оправдывались заявленія «Факела», утверждавшаго, что «революціи въ Россіи не будетъ, а еслибъ она и вспыхнула, то мы не должны принимать въ ней участія. Всѣ революціонные лозунги могутъ въ Польшѣ повести только къ полной анархіи и погубить всякую національную работу». Такимъ образомъ, часть польскихъ рабочихъ раньше всѣхъ другихъ рабочихъ Россіи отхлынула отъ революціоннаго движенія и крайне слабо реагировала на декабрьскую забастовку. Была забастовка лишь въ Варшавѣ, Сосновицахъ, Радомѣ и Лодзи, причемъ въ первомъ изъ этихъ городовъ бастовали фабрично-заводскіе и ремесленные рабочіе, а также трамвай, тогда какъ попытки закрывать магазины и останавливать извощиковъ были совершенно безуспѣшны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города 16-го декабря отдѣльныя группы революціонеровъ устраивали проволочныя загражденія и баррикады, но онѣ сейчасъ же снимались войсками. Въ Сосновицахъ 14-го декабря прекратили работу рабочіе всѣхъ фабрикъ. Въ тотъ же день закрылись магазины и промышленныя заведенія въ Радомѣ и Лодзи. Это было все, чѣмъ откликнулись польскіе рабочіе на декабрьское движеніе.

Политическія партіи занялись въ это время организаціей рабочихъ въ профессіональные союзы, внесши сразу рознь въ профессіональное движеніе. Такъ, соціалдемократы организовали партійные и тайные союзы, «Бундъ» — партійные легальные, Польская Соціалистическая партія—тайные безпартійные, и наконецъ націоналдемократы («народова демократія») — легальные безпартійные союзы. Потребность въ организаціи была громадная. Союзы росли какъ грибы, но борьба между одноименными союзами и сектантскій духъ нѣкоторыхъ партійныхъ организацій тормозилъ ихъ развитіе.

Наоборотъ, въ крупныхъ городахъ Сѣверо-Западнаго края, гдѣ преобладаетъ мелкое ремесленное производство и, слѣдовательно, не могло сказываться реакціонное вліяніе крупнаго капитала, гдѣ въ то же время большинство мѣст-

[1]) Л. Василевскій (Ілоховскій). „Современная Польша и ея политическія стремленія“. Стр. 214—215.

ной интеллигенціи (польской, литовской, еврейской), относившееся съ большой враждебностью къ пришлому чиновничеству, послѣ октябрьскихъ дней не пережило никакихъ крупныхъ потрясеній, которыя могли бы настроить его «пессимистически»—декабрьская забастовка прошла весьма единодушно. Въ Вильнѣ съ 12 часовъ дня 11 декабря началась всеобщая забастовка. Въ 2 часа въ циркѣ назначенъ былъ народный митингъ. Когда публика собралась, появились войска съ тремя пулеметами и окружили циркъ со всѣхъ сторонъ. Митингъ не состоялся. У многихъ отобрано оружіе; столкновенія не было. Въ стачкѣ приняли участіе присяжные повѣренные и ихъ помощники. 13-го устроена на Завальной улицѣ грандіозная демонстрація. Собравшаяся многотысячная толпа съ обнаженными головами, неся красное знамя, пѣла марсельезу и революціонныя пѣсни. Появились войска и казаки, которые разсѣяли демонстрантовъ. Въ слѣдующіе дни на Завальной улицѣ происходили многолюдные митинги, на которыхъ ораторы приглашали народъ вооружиться, чтобы вступить въ рѣшительный бой. Но до столкновеній все-таки дѣло не дошло.

Городъ Ковно былъ наводненъ войсками, охранявшими тамъ порядокъ. 12-го декабря забастовщики сняли канцелярскихъ служителей нѣкоторыхъ учрежденій. Стала конка и закрылись магазины. 15-го движеніе конки было возстановлено подъ охраной особыхъ воинскихъ нарядовъ. Это обстоятельство вызвало агресивныя дѣйствія со стороны боевой организаціи. Было нѣсколько стычекъ съ воинскими патрулями. Въ Брестъ-Литовскѣ съ 14 декабря полная забастовка: магазины, фабрики и банки закрыты; къ забастовкѣ примкнули извозчики и мясоторговцы; на улицахъ темно.

Въ Вильнѣ же въ «дни свободы» стали основываться профессіональные союзы, которые здѣсь строились не такъ, какъ въ остальной Россіи. «Основаны они всѣ по иниціативѣ бундовской организаціи: наши политическія сходки созывали извѣстныхъ имъ рабочихъ какой-либо профессіи на учредительное собраніе; собраніе это выбирало организаціонную комиссію для выработки устава, который потомъ обсуждался и принимался на слѣдующемъ учредительномъ собраніи. Въ нѣкоторыхъ профессіяхъ политическая сходка сама вырабатывала уставъ и вносила его на обсужденіе учредительнаго собранія. Учредительное собраніе выбирало бюро на три мѣсяца безъ права кооптаціи. Послѣ этого начиналась вербовка членовъ» [1]). Всѣ союзы партійные. Въ ихъ уставахъ говорится, что они стоятъ на почвѣ классовой борьбы и признаютъ руководство Бунда въ своей профессіональной борьбѣ. Союзы обязывались отчислять 20—25% своихъ доходовъ въ пользу организаціи Бунда. Въ декабрѣ бюро союзовъ были разгромлены, многіе члены арестованы, имѣвшіеся при нѣкоторыхъ союзахъ клубы были закрыты.

Въ бундовскіе союзы входили исключительно еврейскіе рабочіе. Одновременно созданы два партійныхъ союза и Литовская Соціалдемократическая Партія. Другія же соціалистическія организаціи пытались создать безпартійныя организаціи, но первое время безуспѣшно въ виду сильной отсталости и пассивности нееврейской массы именно въ Вильнѣ. Въ другихъ городахъ края орга-

[1]) Вторая конференція профес. союзовъ. Стр. 108.

низація профессіональныхъ союзовъ началась, повидимому, нѣсколько позже. Самостоятельнаго стремленія рабочихъ къ такой организаціи здѣсь не замѣчается, и инициатива принадлежитъ партіямъ.

Подъ вліяніемъ сильнаго движенія, охватившаго крестьянъ Лифляндской и Курляндской губерній, поддерживается броженіе и среди городскихъ рабочихъ Прибалтійскаго края, но и здѣсь декабрьское движеніе значительно слабѣе предыдущихъ. Въ Ригѣ была всеобщая стачка въ концѣ ноября, когда тамъ распространился слухъ о введеніи военнаго положенія въ Лифляндской губерніи. Тогда, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ мѣстныхъ войскахъ настроенія, правительство отступило и оффиціально военное положеніе въ Ригѣ не было объявлено. Въ декабрѣ стачка въ Ригѣ была исключительно актомъ солидарности съ остальными россійскими рабочими; она продолжалась три дня и закончилась 16-го декабря въ 12 ч. дня. Въ Ревелѣ 9-го забастовали всѣ фабрики и заводы. То же и въ Митавѣ и въ Юрьевѣ Эстляндскомъ, гдѣ было нѣсколько столкновеній стачечниковъ съ казаками.

Наиболѣе наступательный революціонный характеръ декабрьское движеніе имѣло на Кавказѣ и въ Сибири, но ни тамъ, ни здѣсь оно не было исключительно движеніемъ рабочихъ: на Кавказѣ національный гнетъ спаялъ въ одно цѣлое городскихъ рабочихъ, городскую мелкую буржуазію и крестьянъ, а въ Сибири то состояніе полнаго разложенія, въ которомъ находилась послѣ войны манджурская армія, сдѣлало ее воспріимчивой къ революціонной пропагандѣ.

Совершенно особнякомъ стоялъ во все это время Уралъ. Намъ приходилось уже указывать, что уральскій рабочій явился въ одинаковой мѣрѣ жертвой сохранившихся въ этой области остатковъ крѣпостничества, съ одной стороны, и развитія капиталистической промышленности, съ другой. Уставная Грамота 1801 г., прикрѣпивъ рабочихъ къ заводамъ, связала въ то же время и заводчиковъ, обязавъ ихъ отводить рабочимъ выгонъ для скота и землю подъ огородъ, отпускать лѣсъ на постройку и топливо и доставлять имъ работу. Но съ 1861 г. населеніе сильно разрослось, производство же, начиная съ 1903 г. подъ вліяніемъ конкурренціи юга, продолжало падать. Заводовладѣльцы начали тяготиться своими обязанностями и стали поговаривать о необходимости измѣнить установленныя по ихъ же собственному желанію отношенія. Это не могло не вызвать волненій среди всего населенія Урала. Рядомъ съ этимъ шло ухудшеніе экономическаго положенія, вслѣдствіе уменьшенія количества работы, приходившейся ни каждаго отдѣльнаго рабочаго. Ни крестьяне, ни рабочіе, они въ концѣ концовъ должны будутъ стремиться стать или тѣмъ или другимъ, но въ описываемое время кризисъ промышленности не открывалъ достаточно заманчивыхъ перспективъ въ одну сторону, а политическое безсиліе ясно говорило о невыполнимости второго. Постепенно накопившееся недовольство принимаетъ, поэтому, двойственный характеръ и придаетъ столь же двойственный характеръ движенію уральскихъ рабочихъ.

Подъ вліяніемъ пришлыхъ рабочихъ экономическая и политическая агитація велась на Уралѣ съ 1902 года. Въ мартѣ 1905 года произошла стачка въ Березниковскомъ содовомъ заводѣ и на соляныхъ варницахъ, гдѣ рабочіе требо-

вали увеличенія заработной платы на 25%, сокращенія рабочаго времени, улучшенія санитарныхъ условій, урегулированія пользованія рабочими инструментами, упорядоченія штрафовъ, защиты отъ произвола и грубаго обращенія администраціи, установленія таксы на отпускаемый предпринимателями хлѣбъ, безплатнаго отпуска лѣсныхъ матеріаловъ, введенія и признанія рабочихъ представительствъ и организацій и заботы заводовъ и промысловъ о культурно-просвѣтительной дѣятельности. Только часть этихъ требованій была удовлетворена.

Около того же времени вспыхнула забастовка на Лысьвенскомъ заводѣ, гдѣ рабочіе (въ большинствѣ пришлые) требовали введенія восьмичасового рабочаго дня, увеличенія заработной платы на 20%, повышенія расцѣнокъ при сдѣльной работѣ, улучшенія постановки медицинской помощи, улучшенія санитарныхъ условій и свободы собраній. Послѣ удовлетворенія большинства требованій рабочіе стали на работу.

Въ началѣ мая забастовалъ Верх-Исетскій заводъ наслѣдниковъ гр. Стенбокъ-Ферморъ. Рабочіе требовали введенія восьмичасового рабочаго дня и увеличенія заработной платы на 40%. Кромѣ того были отдѣльныя требованія по каждому цеху. Послѣ удовлетворенія этихъ требованій рабочіе стали на работу.

Двѣ недѣли спустя началось стачечное движеніе на заводахъ Нижне-Тагильскаго поссессіоннаго округа, не давшее никакихъ результатовъ.

«Въ іюнѣ и іюлѣ возникла забастовка въ Сысертскомъ поссессіонномъ и Мотовилихинскомъ казенномъ заводахъ. Обѣ забастовки носили экономическій характеръ. Въ Мотовилихинскомъ заводѣ всѣ требованія рабочихъ, включительно до удаленія убитаго потомъ на одномъ изъ петербургскихъ заводовъ инженера Назарова, были удовлетворены. Въ Сысертскомъ же заводѣ, несмотря на то, что рабочими во время стачки было взято изъ вспомогательной кассы волостного правленія около 7.000 руб., побѣда была лишь наполовину. Сравнительно неудачный исходъ движенія въ этомъ заводѣ объясняется тѣмъ, что время для борьбы было уже упущено: конецъ іюня и іюль большинство уральскихъ заводовъ не работаютъ, занимаясь годовымъ ремонтомъ сооруженій и давая рабочему возможность производить уборку сѣна и хлѣбовъ» [1]).

Характерное движеніе происходило въ то же время на Алапаевскомъ заводѣ. 7-го марта состоялось собраніе рабочихъ прокатнаго цеха для обсужденія вопроса о забастовкѣ. Явилась полиція, обыскала всѣхъ участниковъ собранія и одного арестовала, посадивъ его въ помѣщеніе волостного правленія. «На утро громадная толпа рабочихъ явилась въ помѣщеніе правленія и заставила трясущуюся отъ страха полицію освободить арестованнаго товарища. Вмѣстѣ съ тѣмъ полиція разрѣшила и свободу дѣйствій. Въ тотъ же день забастовали листопрокатный и жестяный цехи, а въ слѣдующіе дни къ забастовкѣ примкнули и остальные цехи... Въ теченіе послѣдующихъ дней мы видимъ въ помѣщеніи волостного правленія рядъ свободныхъ, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемыхъ собраній, на которыхъ рабочіе вырабатываютъ требованія къ

---

[1]) А. Уральскій. Рабочее движеніе на Уралѣ. „Минувш. Годы“, 1908, ноябрь, стр. 157—8.

заводскому управленію, выбираютъ делегатовъ для веденія переговоровъ и защиты выставляемыхъ положеній. Тутъ же мы видимъ засѣданія выбранныхъ делегатовъ съ уполномоченными заводовъ и окружными инспекторами».

Разнообразныя требованія рабочихъ, выставленныя по цехамъ, сводились къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) введеніе 8-часоваго рабочаго дня, 2) увеличеніе заработной платы отъ 1 до 2 рублей, по усмотрѣнію делегатовъ отъ рабочихъ и заводской администраціи, 3) увеличеніе оплаты сдѣльныхъ работъ на 20%, 4) сокращеніе рабочаго времени въ праздничные и воскресные дни, 5) своевременная и аккуратная выдача денегъ, 6) обязательное назначеніе пенсій и пособій больнымъ и престарѣлымъ рабочимъ и 7) улучшеніе обращенія съ рабочими со стороны заводской администраціи. Удовлетворена была часть требованій, наименѣе важныхъ, но и эта частичная побѣда оказала на рабочихъ сильное вліяніе. Былъ учрежденъ Совѣтъ делегатовъ, на обязанности котораго лежалъ надзоръ за проведеніемъ въ жизнь уступокъ, вырванныхъ забастовкою. Совѣтъ этотъ былъ признанъ заводоуправленіемъ, обѣщавшимъ не преслѣдовать делегатовъ, ни другихъ рабочихъ, игравшихъ видную роль во время стачки.

Въ мартѣ же мѣсяцѣ рабочими Алапаевскаго завода была составлена и отправлена въ Петербургъ, на имя предсѣдателя совѣта министровъ — С. Ю. Витте, нижеслѣдующая петиція, напечатанная впослѣдствіи въ газетѣ «Сынъ Отечества» и дающая нѣкоторое представленіе о чаяніяхъ и стремленіяхъ уральскихъ рабочихъ [1]).

«Съ высоты Престола въ концѣ минувшаго и въ началѣ текущаго года неоднократно возвѣщались слова, слова живыя, полныя любви и заботъ о благѣ народа, а въ частности и насъ, рабочихъ. Давно желанный призывъ людей отъ населенія къ участію въ разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, выраженный волею Государя Императора въ рескриптѣ отъ 18-го февр., нашелъ горячій восторженный откликъ среди здѣшнихъ рабочихъ, почувствовавшихъ, что промысломъ Царя небеснаго и велѣніемъ Царя земного гнету и произволу надъ нами, нашему безправію, безправію до положенія буквальнаго раба, которыя особенно рѣзко сказываются здѣсь на Уралѣ, настанетъ конецъ.

«Здѣшніе рабочіе съ разрѣшенія мѣстной правительственной власти избрали насъ, нижеподписавшихся, разработать вопросы, разрѣшеніе которыхъ улучшило бы наше экономическое положеніе и утвердило за нами право нестѣсняемой личной самостоятельности.

«Вниманіе уполномочившихъ насъ рабочихъ, равно и наше остановилось на слѣдующихъ мѣрахъ удовлетворенія вашихъ нуждъ: 1) На изданіи закона о признаніи стачекъ, забастовокъ, рабочихъ союзовъ и организацій, стачечныхъ на случай забастовокъ капиталовъ, кассъ взаимопомощи, выборнаго отъ рабочихъ представительства для сношеній и заявленій своихъ нуждъ передъ заводчиками и правительствомъ, явленіемъ такимъ же нормальнымъ, какъ признаны законными и нормальными союзы, синдикаты и проч. условныя отношенія между заводчиками, признавшими учрежденіе таковыхъ союзовъ для себя бла-

---

[1]) Позднѣе подобныя же политическія требованія были выставлены рабочими Мотовилихинскаго и Тагильскаго заводовъ.

годѣтельными; между тѣмъ, по условіямъ современной рабочей жизни, учрежденіе таковыхъ же союзовъ для рабочихъ является насущной потребностью, ибо только этимъ путемъ рабочіе могутъ стать независимыми отъ капитала, гнетъ котораго въ матеріальномъ, а главное, въ нравственномъ отношеніи для рабочихъ, а потому и для государства, вреднѣе крѣпостнаго права.

2) «На изданіи закона о неприкосновенности личности и жилища, объ устраненіи изъ жизни полицейскаго, заводскаго и административнаго произвола и насилія, оправдываемыхъ при настоящемъ положеніи вещей неяснымъ разграниченіемъ понятій о законномъ и незаконномъ, устраненіе чего является существенной необходимостью, такъ какъ только при установленіи ясно опредѣленныхъ рамокъ закона возможно спокойное и равноправное теченіе жизни безъ вреда для интересовъ рабочихъ, правительства и заводчиковъ. Необходимо устраненіе этихъ золъ, сѣющихъ недоразумѣнія между правительствомъ и нами!

3) «На изданіи закона о восьмичасовой нормѣ рабочаго дня, урегулированіи заработной платы и своевременной ея выдачи, обезпеченіи и страхованіи рабочихъ и ихъ семей на случай болѣзни и потери трудоспособности, объ упорядоченіи медицинской помощи и санитарнаго надзора, введеніи всеобщаго обученія съ правомъ доступа во всѣ учебныя существующія заведенія. Введеніе въ жизнь рабочихъ этихъ условій создастъ изъ насъ разумныхъ гражданъ съ болѣе яснымъ опредѣленнымъ правосознаніемъ.

4) На изданіи закона объ устройствѣ въ явочномъ порядкѣ школъ, курсовъ, библіотекъ, читаленъ, лекцій разныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ, безконтрольной выпискѣ книгъ и періодическихъ изданій и предоставленіи возможности обсуждать вопросы современной жизни. Въ связи съ послѣднимъ положеніемъ необходима безусловная свобода печати съ ясно опредѣленными карательными по суду мѣрами за вредныя изданія. Настоящее желаніе вызывается тѣмъ, что многоцензурная и многострадальная печать, вынужденная руководствоваться въ своей дѣятельности требованіями цензурной опеки не можетъ считаться полной выразительницей общественныхъ мнѣній и желаній.

5) «Представляя вниманію Вашего Высокопревосходительства наши и рабочихъ желанія, считаемъ нужнымъ добавить, что для разрѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ необходимо участіе въ совѣщательномъ собраніи, волею монарха нашего утвержденнаго, свободно избранныхъ представителей всѣхъ рабочихъ вообще, и въ частности уральскихъ и нашего завода. Послѣднее положеніе вызывается тѣмъ простымъ соображеніемъ, что нужды рабочихъ могутъ быть представлены въ истинномъ свѣтѣ не зрителями этихъ нуждъ, а тѣмъ, кто ихъ терпитъ!«

Въ то же время населеніе округа обратило вниманіе и на аграрныя отношенія. «18 апрѣля на сельскомъ сходѣ былъ выбранъ особый земельный комитетъ, на который возложили подробное ознакомленіе и изученіе аграрнаго вопроса всего Алапаевскаго поссессіоннаго округа и развязку своихъ земельныхъ отношеній съ заводомъ. Въ составъ комитета, на ряду съ солидными и пожилыми мужиками, чистыми «землеробами», вошли и всѣ делегаты рабочихъ. Та-

кимъ образомъ, рабочій и аграрный вопросъ объединились въ одномъ органѣ» [1]).

Въ началѣ мая на заводѣ стали сокращать производство и въ то же время распространять черезъ низшую администрацію слухи о готовящихся поджогахъ. И дѣйствительно, девятаго мая начался первый пожаръ, а затѣмъ почти еженочно пожары стали повторяться. Испуганное населеніе натравливалось агитаторами на рабочихъ делегатовъ и другихъ вожаковъ рабочаго движенія. 14 мая былъ созванъ сельскій сходъ, на которомъ агенты завода настояли на выдачѣ всѣхъ делегатовъ въ руки властей—однихъ, въ числѣ 11 человѣкъ, для привлеченія къ суду въ качествѣ обвиняемыхъ въ поджогѣ, другихъ,—въ количествѣ 17 человѣкъ, какъ лицъ вредныхъ для общественнаго спокойствія, выслали въ Сибирь по приговору общества.

Однако, черезъ три мѣсяца высланные приговоромъ въ Сибирь, были возвращены назадъ. Рабочіе же, обвиняемые въ поджогахъ, просидѣли въ тюрьмѣ до дней «свободы». Впослѣдствіи они были судомъ оправданы.

Въ октябрѣ Уралъ впервые пріобщился къ общеполитическому движенію страны. На заводахъ происходили демонстраціи и митинги, на которыхъ говорились рѣчи преимущественно агитаціонно-политическаго характера. Приподнятое настроеніе привело къ своеобразному бойкоту Булыгинской Думы. Неизвѣстно по чьему распоряженію, въ послѣднихъ числахъ октября должны были состояться на волостныхъ сходахъ выборы выборщиковъ въ Булыгинскую Государственную Думу. И вотъ на заводахъ уфимскаго уѣзда волостные сходы или просто отказывались выбирать, дѣлая постановленіе, что только выборы, произведенные на основахъ всеобщаго и т. д. избирательнаго права, могутъ считаться выраженіемъ воли населенія, или, не признавая за собою полномочія разрѣшать вопросы такой важности, высказывались принципіально за выборы по четырехчленной формулѣ, осуждали Булыгинскую Думу и отдавали вопросъ о Думѣ на обсужденіе сельскихъ сходовъ, на которые приглашались всѣ жители, достигшіе 20-тилѣтняго возраста. Сельскіе сходы высказались въ томъ же смыслѣ и тутъ же избрали уполномоченныхъ, намѣченныхъ волостными сходами, которыхъ объявили своими кандидатами въ члены Государственной Думы съ учредительными функціями, поручивъ имъ бороться въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ (уѣздномъ городскомъ съѣздѣ) противъ Думы 6-го августа. Движеніе въ заводскихъ селеніяхъ отразилось на сосѣднихъ селахъ; увлеченныя примѣромъ своихъ центровъ, ближайшія селенія стали собирать сходы для обсужденія вопроса о Думѣ и объ учредительномъ собраніи.

Въ политическихъ забастовкахъ конца года приняли участіе только рабочіе казеннаго Мотовилихинскаго завода. Но броженіе продолжалось повсюду и какъ въ остальной Россіи обнаружилось, между прочимъ, въ лихорадочной организаціи профессіональныхъ союзовъ, которые такъ же быстро были уничтожены реакціей, какъ быстро народились на свѣтъ. Къ оригинальнымъ явленіямъ Урала относится созданіе, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, объединенія всѣхъ рабочихъ Урала въ одну соціалдемократическую организацію: успѣхи соціалъ-

[1]) Тамъ же, стр. 162.

демократіи въ то время были прямо пропорціональны соціально-экономической отсталости данной мѣстности. Въ февралѣ служащіе и рабочіе нѣкоторыхъ горнопромышленныхъ предпріятій Урала собрались для обсужденія своего положенія. Собраніе это рѣшило учредить общество взаимопомощи служащихъ и рабочихъ всѣхъ отраслей уральской горнопромышленности. Организаторъ этого общества, нѣкій Соколовъ, выпустилъ воззваніе ко «Всему рабочему Уралу», въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что, сознавая важность единенія, рабочіе и служащіе должны собраться на мѣстахъ и выбрать изъ своей среды отъ каждаго отдѣльнаго завода и предпріятія по одному представителю, совмѣстно отъ служащихъ и рабочихъ, на общій съѣздъ для обсужденія и утвержденія проекта общества. Съѣздъ этотъ, на которомъ были представлены 15.000 рабочихъ и служащихъ всѣхъ заводовъ и горныхъ промысловъ Урала, состоялся 28 декабря въ Екатеринбургѣ и, въ виду господствовавшаго тогда въ массахъ революціоннаго настроенія, принялъ иное направленіе, чѣмъ предполагалось сначала. Выработка петиціи въ Государственную Думу о нормировкѣ рабочаго дня, революціонное движеніе въ Златоустѣ и на Мотовилихинскомъ заводѣ и отношеніе къ нему рабочихъ, соціализація земли — таковы были главные пункты порядка дня этого съѣзда, который, какъ указано выше, объявилъ о присоединеніи къ Росс. Соц.-Дем. Р. П. представленныхъ на немъ 15 тысячъ рабочихъ.

II.

1906-ой и 1907-ой годы.

1. Рабочіе до и во время первой Думы.

Въ февралѣ 1906 года «Торгово-Промышленная газета» писала: «Если революціонная смута почти повсемѣстно подавлена, то въ этомъ, главнымъ образомъ, помогли не пулеметы, а то расчлененіе освободительнаго движенія, которое произведено манифестомъ 17-го октября». Послѣ 17-го октября это расчлененіе пошло значительно дальше и достигло своего апогея въ декабрѣ 1905 года. Съ этого момента революція объективно была разбита, что не мѣшало ей продолжать жить въ субъективномъ настроеніи нѣкоторыхъ общественныхъ группъ. И прежде всего подобными иллюзіями, вѣрой въ новый близкій подъемъ революціонной волны жила значительная часть рабочаго класса. Это не давало возможности сосредоточиться на настоящемъ, на укрѣпленіи взятыхъ позицій. Изъ понесенныхъ пораженій былъ сдѣланъ только одинъ выводъ— однѣхъ силъ рабочихъ недостаточно, чтобы удержать окончательную побѣду, и ему надо искать себѣ союзниковъ... нѣтъ, даже не искать, ибо одинъ только возможный союзникъ и имѣется у рабочихъ—это крестьянство съ прибавкой словъ «трудовое», «революціонное» и т. д., въ зависимости отъ партійныхъ симпатій. И какъ разъ въ тотъ моментъ, когда боевое настроеніе крестьянства стало падать, когда измученное и усталое, оно возложило всѣ свои надежды на Государственную Думу, въ рабочемъ классѣ начинаетъ усиливаться вѣра въ

приближающееся крестьянское возстаніе. Вѣра эта питалась прежде всего сильной потребностью найти выходъ изъ политическаго тупика, въ который попали рабочіе, а затѣмъ успѣхами «трудовиковъ» на первыхъ выборахъ и демагогическимъ тономъ нѣкоторыхъ лидеровъ этой своеобразной парламентской группы. Съ этой вѣрой въ близкое возстаніе крестьянъ и въ новый подъемъ революціонной волны тѣсно связанъ и бойкотъ Государственной Думы. Но какъ само крестьянство, несмотря на пропаганду въ его средѣ идеи бойкота, все же участвовало въ выборахъ, такъ приняла участіе въ выборахъ и наиболѣе сѣрая часть рабочихъ, именно та часть, которая по своей психологіи ближе всего стояла къ крестьянству, съ которымъ она не порвала еще всѣхъ связей. Именно эта часть меньше всего разсчитывала на возстаніе и ждала очень многаго отъ Государственной Думы.

Но это обстоятельство создало разрывъ между передовой частью пролетаріата и его массой. Если движеніе 1905 года постепенно преодолѣвало россійскій провинціализмъ, постепенно отодвигало на задній планъ центробѣжныя силы рабочаго движенія и поддерживало силы центростремительныя, то теперь, къ неизбѣжному въ эпоху начавшейся реакціи возстановленію провинціализма, т. е. къ сохраненію чисто мѣстныхъ и частныхъ тенденцій, прибавился этотъ новый разрывъ. Его результаты обнаружились не сразу, но это раздѣльное выступленіе при одномъ изъ важнѣйшихъ актовъ русской жизни не могло не оставить глубокаго слѣда въ психологіи массъ. А въ дальнѣйшемъ различное отношеніе къ самой Думѣ, отъ которой одни ждали слишкомъ многого, а другіе рѣшительно ничего, не могло не углубить образовавшейся пропасти. Это было тѣмъ печальнѣе, что на сторону бойкота стали наиболѣе активные, наиболѣе сознательные элементы, которые при другомъ отношеніи могли бы внести больше сознательности и организованности въ самую избирательную кампанію.

А между тѣмъ, уже первое выступленіе рабочихъ въ 1906 г. должно было показать этимъ сознательнымъ элементамъ, въ какой мѣрѣ апатія и усталость стали овладѣвать массами и насколько непрочны оказались результаты объединительной работы предыдущаго года. Первая годовщина одного изъ крупнѣйшихъ событій 1905 года, девятаго января, была, кромѣ Петербурга и Саратова, ознаменована болѣе или менѣе общей однодневной стачкой исключительно на окраинахъ—въ Бѣлостокѣ, Ригѣ, Брестъ-Литовскѣ, Тифлисѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Лодзи, Сосновицахъ.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на избирательномъ законѣ 11-го декабря, тѣмъ болѣе, что онъ уже превзойденъ другимъ закономъ 3-го іюня 1907 года. Какъ ни были урѣзаны права рабочихъ первымъ избирательнымъ закономъ, рабочіе все же могли бы, при активномъ участіи въ выборахъ, концентрировать вокругъ своего знамени значительную часть демократической оппозиціи.

Картина первыхъ выборовъ въ рабочей куріи въ болѣе промышленныхъ губерніяхъ, не считая Литву, Польшу и Прибалтійскій Край, представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ Петербургской губерніи не участвовали въ выборахъ 39% предпріятій, имѣвшихъ избирательныя права, въ Московской—22%, въ Харьковской—50%, въ Костромской—36%, въ Ярославской—20%, въ Херсонской—33%, въ Владимірской—15%, въ Тверской—13%, въ Екатеринослав-

ской—17%, въ Тульской—6% и въ Кіевской—30%. Въ большихъ городахъ тѣхъ же губерній, гдѣ число сознательныхъ элементовъ значительнѣе и гдѣ вліяніе революціонныхъ организацій преобладаетъ, процентъ бойкотирующихъ заведеній былъ въ общемъ выше: въ Петербургѣ—49%, въ пригородахъ Петербурга—70%, въ Москвѣ—23%, въ Харьковѣ—63%, въ Одессѣ—50%, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ—33%, въ Екатеринославѣ—42% и въ Кіевѣ—29% [1]). Надо къ этому прибавить, что тамъ, гдѣ число бойкотировавшихъ выборы предпріятій было значительно, велико было также число рабочихъ, отказывавшихся отъ участія въ выборахъ и въ другихъ предпріятіяхъ.

Дальнѣйшія стадіи выборовъ обнаружили, что въ общемъ «тамъ, гдѣ бойкотировали выборы наибольшее число предпріятій и рабочихъ, въ выборахъ принимали участіе лишь немногіе отсталые и малосознательные рабочіе, которые поддаваясь давленію мастеровъ и фабричнаго начальства, избирали «правыхъ» уполномоченныхъ, а порою и прямо черносотенныхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бойкотъ былъ лишь частичнымъ и коснулся, главнымъ образомъ, организованныхъ рабочихъ, рабочая масса, принимавшая участіе въ выборахъ, избрала въ уполномоченные рабочихъ болѣе сознательныхъ и ужъ, во всякомъ случаѣ, не подавала голосовъ за «правыхъ» кандидатовъ. Наконецъ, тамъ, гдѣ выборы не бойкотировались, въ уполномоченные избирались почти исключительно сознательные рабочіе и кандидаты соціалъ-демократическихъ организацій, если они выставлялись» [2]).

Примѣромъ выборовъ перваго рода можетъ служить Петербургъ, гдѣ, среди уполномоченныхъ, черносотенцы имѣли значительный перевѣсъ. На предвыборномъ совѣщаніи они отказались отъ всякаго обсужденія вопроса о Думѣ и о политическихъ взглядахъ кандидатовъ въ выборщики и рѣшили намѣтить кандидатовъ путемъ жребія. Такимъ путемъ избранными оказались почти сплошь реакціонеры.

Такъ-же обстояло дѣло во Владимірской губерніи, гдѣ, благодаря бойкоту 5 фабрикъ Ив.-Вознесенска и всѣхъ фабрикъ Кохмы, составъ уполномоченныхъ получился сплошь сѣрый, а составъ выборщиковъ—крайне умѣренный, какъ въ политическихъ, такъ и въ экономическихъ требованіяхъ.

Лучше прошли выборы въ Московской губерніи и въ Москвѣ. Уполномоченные, выбранные отъ предпріятій Московской губерніи, на своемъ предварительномъ совѣщаніи указывали на необходимость государственнаго страхованія рабочихъ, отмѣны косвенныхъ налоговъ съ замѣной ихъ подоходнымъ налогомъ, сокращенія рабочаго дня, скорѣйшаго осуществленія свободы слова, печати, собраній, союзовъ профессіональныхъ и политическихъ. Въ выборщики были избраны восемь сторонниковъ соціалъ-демократической партіи, 6—конституціонно-демократической, 1—торгово-промышленной и 2—внѣпартійныхъ. Уполномоченные г. Москвы избрали въ выборщики 11 сторонниковъ соціалъ-демократической партіи, 5 сторонниковъ конст.-демократической и 2 неопредѣленныхъ. На своемъ совѣщаніи эти выборщики рѣшили не ограничивать депутата ника-

[1]) По общему правилу, среди крупныхъ предпріятій % предпріятій бойкотирующихъ былъ выше средняго.

[2]) М. В-въ и Ф. Данъ. „Рабочіе депутаты въ первой Гос. Думѣ". Стр. 37.

кими программами и довѣриться тому, что онъ будетъ стоять на стражѣ интересовъ рабочихъ.

Еще сознательнѣе прошли выборы въ Екатеринославской губерніи, гдѣ выборы бойкотировали только 8 крупныхъ заводовъ, а въ самомъ Екатеринославѣ рабочіе самаго крупнаго Брянскаго завода приняли участіе въ выборахъ. «Черносотенная агитація пыталась и здѣсь пожать плоды частичнаго бойкота, но ей это не удалось. Правительственный терроръ оказалъ, однако, свое воздѣйствіе на исходъ выборовъ; многіе, самые дѣятельные рабочіе были арестованы или высланы—поэтому, по свѣдѣніямъ газетъ, избраны были въ уполномоченные не всѣ партійные, но безусловно всѣ передовые. Выборамъ на многихъ заводахъ, рудникахъ и шахтахъ предшествовала агитація; рабочіе, по мѣрѣ возможности, обсуждали, кого выбирать и для чего избирать въ думу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принята была тактика частичнаго бойкота, т. е. рѣшили выбирать только уполномоченныхъ и выборщиковъ, которые на губернскомъ собраніи должны, отказавшись отъ избранія членовъ думы, протестовать противъ самой думы. Такъ, рабочіе одного Маріупольскаго завода приняли резолюцію: «выбираемъ уполномоченнаго лишь для того, чтобы въ собраніи выборщиковъ вмѣстѣ съ крестьянами заявить свой протестъ противъ думы»; резолюція другого завода требовала, чтобы рабочіе выборщики вмѣстѣ съ крестьянами «выразили протестъ противъ черносотенцевъ»... Уполномоченные, собравшись въ Екатеринославѣ, устроили совѣщаніе, чтобы намѣтить выборщиковъ. Горячіе споры вращались вокругъ вопроса о думѣ, такъ какъ нѣкоторые настаивали на томъ, чтобы бойкотировать выборы въ послѣдней степени, т. е. не выбирать членовъ думы. Большинство высказалось за участіе въ выборахъ, намѣтили выборщиковъ, причемъ рѣшили два мѣста предоставить желѣзнодорожнымъ рабочимъ, два—шахтерамъ, а остальные два—рабочимъ прочихъ фабрично-заводскихъ предпріятій. При обсужденіи программы, которой долженъ придерживаться депутатъ отъ рабочихъ, Михайличенко изложилъ программу соціалъ-демократической партіи, которая и была одобрена собраніемъ. Выборы прошли въ полномъ единодушіи избраны былы тѣ, которыхъ намѣтили предварительнымъ совѣщаніемъ. Наказъ, выработанный рабочими для Михайличенко, заключалъ въ себѣ слѣдующія требованія: 1) введеніе въ государствѣ законодательной охраны труда, 2) немедленное введеніе законодательнымъ путемъ 8-часового рабочаго дня, не уменьшая этимъ существующей рабочей платы, 3) отмѣна обязательныхъ сверхурочныхъ работъ, 4) возложеніе на мѣстное самоуправленіе обязанности учредить посредническія конторы по найму мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ производства, съ участіемъ въ управленіи представителей отъ рабочихъ организацій, 5) амнистія всѣмъ пострадавшимъ за политическія убѣжденія, отмѣна смертной казни, 6) неограниченная свобода совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ, 7) учрежденіе примирительныхъ камеръ изъ представителей труда и капитала, 8) отмѣна работъ черезъ подрядчиковъ, 9) отмѣна всевозможныхъ штрафовъ, 10) обязательное государственное страхованіе всѣхъ видовъ на случай болѣзни, старости и пр., 11) охрана труда женщинъ и дѣтей, 12) всеобщее безплатное обученіе, передача школъ въ вѣдѣніе органовъ самоуправле-

нія, организація помощи учащимся, 13) воскресныя школы для взрослыхъ 14) уголовная отвѣтственность за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда»[1]).

Выбранные при такихъ обстоятельствахъ съ помощью крестьянскихъ и конституціонно-демократическихъ голосовъ депутаты-рабочіе первоначально въ думѣ слились съ трудовой группой, расплывчатая демократическая программа которой, повидимому, наиболѣе соотвѣтствовала потребностямъ той сѣрой массы, которая приняла участіе въ первыхъ выборахъ. Рабочіе-депутаты прибавили лишь къ демократической и пропитанной духомъ народничества программѣ трудовиковъ спеціальныя требованія рабочихъ. «Трудовая группа парламента—говорится въ этой программѣ вслѣдъ за перечисленіемъ рабочихъ требованій—полагаетъ, что разрѣшеніе этого вопроса, какъ и земельнаго, можетъ быть осуществлено лишь собраніемъ народныхъ представителей, избранныхъ на началахъ всеобщаго избирательнаго права, послѣ осуществленія въ Россіи амнистіи и всѣхъ гражданскихъ свободъ. Пока же группа считаетъ необходимымъ лишь положить начало разрѣшенію рабочаго вопроса, для чего находитъ необходимымъ немедленное избраніе на мѣстахъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, избранныхъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, которые должны взять на себя подробную разработку рабочаго вопроса и подготовку его къ практическому проведенію въ жизнь. Эти совѣты рабочихъ депутатовъ приступятъ къ окончательной разработкѣ матеріаловъ и укажутъ желательные способы и средства, на основаніи коихъ рабочій вопросъ будетъ окончательно разрѣшенъ будущимъ собраніемъ народныхъ представителей». Такимъ образомъ «рабочій вопросъ», какъ одинъ изъ многихъ вопросовъ современной русской жизни, долженъ быть «разрѣшенъ» въ предѣлахъ современнаго общества. Революціонное въ революціонное время требованіе избранія совѣтовъ рабочихъ депутатовъ само по себѣ ничего революціоннаго въ себѣ не содержитъ. Что касается самихъ требованій, то они заключались въ слѣдующемъ: 1) Максимальный 8-ми часовой рабочій день во всѣхъ отрасляхъ наемнаго труда безъ уменьшенія заработной платы; установленіе обязательнаго 42-часового непрерывнаго отдыха въ недѣлю; 2) охрана женскаго и дѣтскаго труда; 3) полное запрещеніе сверхурочныхъ работъ; 4) воспрещеніе ночного труда за исключеніемъ тѣхъ производствъ, гдѣ это по техническимъ условіямъ окажется невозможнымъ; 5) государственное страхованіе за счетъ предпринимателей; 6) уголовная отвѣтственность нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда; 7) широкая реорганизація фабричной инспекціи, съ распространеніемъ ея на всѣ отрасли наемнаго труда, съ установленіемъ обязательнаго контроля со стороны мѣстныхъ рабочихъ организацій; 8) обязательная медицинская помощь рабочимъ и широкій надсмотръ за гигіеническими условіями жизни рабочихъ со стороны мѣстныхъ самоуправленій; 9) учрежденіе примирительныхъ камеръ для разбора недоразумѣній между рабочими и предпринимателями, съ равнымъ числомъ представителей отъ предпринимателей и рабочихъ; 10) обязательное внѣшкольное образованіе народныхъ массъ и устройство библіотекъ и читаленъ при фабрикахъ и заводахъ; 11) уничтоженіе штрафовъ, вычетовъ и обысковъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 43—44.

Мы видимъ, что и требованія эти, не содержа въ себѣ ничего утопическаго, не шли дальше обычныхъ требованій, выдвигавшихся рабочими во время стачекъ 1905 года, причемъ безъ разбора выдвигались требованія, разрѣшимыя только законодательнымъ порядкомъ, и рядомъ съ ними рядъ требованій узко профессіональныхъ. Однако, дума, хоть и избранная лишь частью населенія, не могла не привлекать къ себѣ вниманія передовыхъ рабочихъ. Горячіе дебаты въ думѣ, агитаціонный языкъ возродившейся рабочей прессы, наконецъ, вліяніе петербургскихъ соціалъ-демократовъ сдѣлали то, что депутаты-рабочіе почувствовали необходимость сказать свое собственное слово, выдѣлиться изъ общей сѣрой массы трудовиковъ и вступить въ непосредственныя сношенія съ тѣмъ классомъ, революціонное прошлое котораго еще продолжало чувствоваться въ общественной жизни столицы. Недоразумѣнія между рабочей группой и остальной массой трудовой группы начались вскорѣ по открытіи думы и приняли рѣшительный оборотъ во время обсужденія отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Послѣ прочтенія министерской декларації, обнаружившей нежеланіе правительства идти навстрѣчу требованіямъ народныхъ представителей, и послѣ отвѣтныхъ рѣчей депутатовъ, обнаружившихъ нежеланіе думскихъ партій искать поддержку у народа, рабочіе депутаты должны были еще сильнѣе почувствовать потребность быть услышанными и самимъ услышать голосъ рабочей массы. И вотъ 18 мая за подписью четырнадцати рабочихъ депутатовъ появилось обращеніе ко всѣмъ рабочимъ Россіи.

Кромѣ перечисленныхъ, было еще одно обстоятельство, которое какъ разъ въ это время опять подчеркнуло революціонность пролетаріата и подняло настроеніе всѣхъ группъ, такъ или иначе ему сочувствовавшихъ. Мы говоримъ о томъ поразительномъ единодушіи, съ которымъ почти во всѣхъ промышленныхъ крупныхъ и малыхъ городахъ было отпраздновано въ этомъ году первое мая. Въ Петербургѣ «праздникъ чувствовался, носился въ воздухѣ». Огромные корпуса фабрикъ стояли пустыми, «отъ нихъ какъ будто отлетѣла жизнь». Рабочіе стекались на митинги, гдѣ раздавались горячія рѣчи на темы дня: говорили о безработицѣ, о государственной думѣ, о необходимости организоваться для дальнѣйшей борьбы.

Въ Одессѣ, Екатеринославѣ, Воронежѣ, Ростовѣ-на-Дону, Елисаветградѣ, Екатеринодарѣ, Армавирѣ, Москвѣ, Саратовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Кіевѣ, Полтавѣ, Астрахани, Маріуполѣ, Ѳеодосіи, Бердянскѣ, Ялтѣ, Владикавказѣ, Баку, Керчи, Покровскомъ уѣздѣ Владим. губ. забастовка была болѣе или менѣе всеобщей, охватывая часто магазины и трамваи; въ Харьковѣ, Новгородѣ, Тулѣ, Пензѣ, Рязани, Смоленскѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Орлѣ, Брянскѣ и мальцовскомъ районѣ, Ригѣ, Либавѣ, Ревелѣ, Севастополѣ, Новороссійскѣ, Тифлисѣ, Харьковѣ, Сумахъ, Симбирскѣ, Кременчугѣ и т. д. бастовала значительная часть рабочихъ (особенно крупные заводы и типографіи).

Воистину небывалая въ Россіи мобилизація! Надо замѣтить еще, что въ Царствѣ Польскомъ и въ нѣкоторыхъ прилегающихъ мѣстностяхъ праздновалось 1 мая новаго стиля. Не обошлось и на этотъ разъ празднованіе перваго мая безъ кровавыхъ инцидентовъ. Въ Вологдѣ былъ устроенъ форменный погромъ при содѣйствіи крестьянъ окрестныхъ деревень, которыхъ заранѣе при-

глашали на 1 мая въ городъ, чтобы «проучить забастовщиковъ». Въ Царицынѣ, по словамъ корреспондента Петербургскаго телеграфнаго агентства, съ утра рабочіе всѣхъ фабрикъ и заводовъ прекратили работы, часть магазиновъ закрылась. По улицамъ проходили небольшія группы рабочихъ, разъѣзжали конные казаки, ходили пѣшіе патрули отъ мѣстнаго полка. Часовъ въ 7 вечера прошли по городу съ пѣснями ополченцы, которые были встрѣчены казаками, причемъ произошло столкновеніе. Стали стекаться рабочіе къ базару. Образовалась толпа въ 4.000 человѣкъ, требовавшая удаленія съ улицъ казаковъ, обѣщая разойтись. Полицмейстеръ въ этомъ отказалъ, потребовавъ, чтобы толпа разошлась. Рабочіе отказались подчиниться, вслѣдствіе чего была открыта по толпѣ стрѣльба. Ранено 8 человѣкъ, изъ нихъ 1 смертельно. Подобной же бойней сопровождалось празднованіе 1 мая въ Муромѣ.

Со стороны организованныхъ элементовъ пролетаріата съ первыхъ же дней существованія I Думы начинаются попытки непосредственнаго воздѣйствія на выбранныхъ помимо нихъ рабочихъ депутатовъ. Такъ, рабочіе 14 харьковскихъ заводовъ и фабрикъ послали депутату Диденко резолюцію, принятую на массовкѣ 7 мая и указывавшую «членамъ с.-дем. рабочей группы» на необходимость добиваться амнистіи, «назначенія временнаго министерства изъ большинства Госуд. Думы», созыва Учред. Собранія.

Въ Москвѣ, гдѣ настроеніе въ пролетарской массѣ было особенно повышеннымъ въ это время, на многочисленныхъ митингахъ дебатировался вопросъ о значеніи Госуд. Думы и принимались резолюціи вродѣ слѣдующей, принятой 11 мая на собраніи портныхъ: «Государственная Дума, избранная не всѣмъ народомъ и при невозможныхъ полицейскихъ условіяхъ, не можетъ стать выразительницей воли и нуждъ народа, если она будетъ продолжать дѣйствовать такъ, какъ до сихъ поръ. Если Госуд. Дума искренно желаетъ дѣйствовать во имя народа, то она должна внимательно прислушиваться къ голосу этого народа и выполнять всѣ его требованія. Не считаясь съ основными законами отживающаго строя, не считаясь съ Госуд. Совѣтомъ и всѣми препятствіями, которыя ставитъ ей правительство, Гос. Дума должна немедленно отмѣнить законъ 4 марта о профес. союзахъ, провозгласить политическую свободу и полную амнистію; она должна привлечь къ суду всѣхъ преступныхъ правителей, потопившихъ Россію въ морѣ народной крови, и создать условія для созыва Учред. Собранія на основѣ всеобщ., равнаго, прямого и тайнаго голосованія».

Такимъ образомъ депутаты-рабочіе, опубликовавшіе 18 мая свое обращеніе, имѣли передъ собой не пустое мѣсто, а живую, отзывчивую рабочую массу.

Само это обращеніе, излагая конфликтъ Думы съ правительствомъ послѣ отклоненія думскаго адреса, призывало рабочихъ поддерживать Думу въ этомъ конфликтѣ и выражать свои требованія «постановленіями и приговорами на сходкахъ и собраніяхъ». Говоря о недостаточности демократическихъ требованій думскаго адреса, обращеніе указываетъ на созывъ Учред. Собр., какъ на единственное средство «выполнить всѣ требованія народа».

Посыпавшіеся отовсюду, вслѣдъ за опубликованіемъ этого обращенія, резолюціи, наказы и письма рабочихъ показали, что рабочіе поняли его смыслъ. Можетъ быть, наиболѣе характернымъ въ этомъ отношеніи документомъ является

письмо, адресованное грузчиками-крестьянами села Сары, Алатырскаго уѣзда, не депутату рабочей группы, а г. Аладьину, одному изъ лидеровъ трудовой группы. «Мы читали—писали эти крестьяне—обращеніе рабочихъ депутатовъ Думы къ рабочему народу Россіи. Почему крестьянскіе депутаты не говорятъ съ пославшими ихъ? Крестьяне должны сейчасъ идти рука объ руку съ рабочими. Ихъ депутаты тоже. Мы разсчитываемъ на свои да на рабочія силы». Въ общемъ резолюціи рабочихъ повторяли тѣ же требованія, которыя содержатся въ обращеніи, обѣщая поддержать Думу въ ея борьбѣ за права и свободу народа.

Рядомъ съ этимъ въ рабочую группу стали стекаться всякаго рода жалобы съ изложеніемъ чисто экономическихъ, профессіональныхъ нуждъ или съ просьбой о защитѣ отъ какого-нибудь мѣстнаго сатрапа. Такъ, одесскіе рабочіе сапожнаго и башмачнаго дѣла, собравшіеся 28 мая въ количествѣ свыше 1.000 человѣкъ на учредительное собраніе профессіональнаго союза и разогнанные по распоряженію властей, поручаютъ депутату Михайличенко заявить ихъ протестъ противъ произвола, а «также противъ закона 4 марта, препятствующаго свободной организаціи рабочаго класса». Въ Архангельскѣ забастовали 15 лѣсопилокъ, землечерпательный караванъ и другія предпріятія. Предприниматели отказывались удовлетворить требованія рабочихъ. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ землечерпательнаго каравана обратился къ депутату Михайличенко: «Товарищъ! Скажи имъ (т. е. министрамъ), что здѣсь, въ Архангельскѣ, изъ 30 тысячъ жителей бастуетъ 11 тыс. Бастуетъ потому, что, благодаря произволу и насилію, они сидятъ съ семьями голодные, ютятся въ разныхъ лачугахъ. Они отказались отъ непосильной работы за грошовую плату и всѣ, какъ одинъ, оставили работу... Скажи ты, если они сами этого не понимаютъ, что голодные, измученные борцы страшны будутъ произволу. Имъ вѣдь терять нечего—они уже сейчасъ готовы на все. Скажи имъ, чтобы намъ дали немножко больше свѣта и хлѣба. Дай имъ, товарищъ, практическій совѣтъ, что съ огнемъ шутить опасно». Съ просьбой «разобрать наше дѣло и дать намъ совѣтъ, какъ намъ поступить далѣе» обратились къ депутатамъ рабочіе Нижне-Сергинскаго завода, отстаивавшіе завоеванный ими въ октябрѣ 1905 г. 8-ми часовой рабочій день. Забастовавшіе вагоновожатые и кондуктора кіевскаго трамвая, замѣненные по распоряженію полиціи саперами, просили депутатовъ «съ высоты думской трибуны предъ пролетаріатомъ всей Россіи энергично протестовать противъ незаконнаго вмѣшательства грубой силы въ борьбу труда съ капиталомъ». И т. д.

Такъ постепенно укрѣплялась связь рабочихъ съ депутатами. Но эта связь оставалась все время болѣе или менѣе индивидуальной: какого-нибудь организаціоннаго строительства для совмѣстной работы пролетарскихъ массъ со своими депутатами она не вызвала. Появленіе въ Думѣ 5 кавказскихъ депутатовъ—соціалдемократовъ и превращеніе рабочей группы въ соціалдемократическую фракцію не улучшили этого положенія. Только въ Петербургѣ подъ вліяніемъ меньшевистскаго Центральнаго Комитета была сдѣлана сравнительно удачная попытка организаціи постоянныхъ совѣщаній представителей петербургскихъ рабочихъ съ депутатами [1]).

[1]) Кромѣ того въ районѣ избранія М. Михайличенко (Донецкій бассейнъ) происходили совѣщанія уполномоченныхъ, сыгравшія большую роль въ развитіи рабочей организаціи въ этой мѣстности.

Съ средины мая до роспуска Думы (9 іюля) этихъ совѣщаній состоялось 6. Начавшись со сходки вліятельныхъ рабочихъ нѣсколькихъ заводовъ, они превратились въ болѣе или менѣе правильно организованныя собранія выборныхъ отъ рабочихъ всѣхъ значительныхъ предпріятій, причемъ на многихъ изъ послѣднихъ выбирались спеціальные безпартійные комитеты, которые уже посылали своихъ делегатовъ на совѣщанія. Участвовали также представители правленій профессіональныхъ союзовъ. На второмъ совѣщаніи участвовало около 100 чел., на третьемъ—180, на четвертомъ—220, на пятомъ—253, на шестомъ—270. На совѣщаніяхъ читались депутатами доклады о дѣятельности рабочей группы (впослѣдствіи с.-д. фракціи) и обсуждались вопросы ея тактики. Такъ, на шестомъ совѣщаніи разсматривалась резолюція фракціи о Бѣлостокскомъ погромѣ, признана нецѣлесообразной тѣсная организаціонная связь фракціи съ трудовой группой и одобрено намѣреніе фракціи примкнуть къ обще-думскому воззванію къ населенію по аграрному вопросу, если оно будетъ сколько-нибудь пріемлемо.

«Это совѣщаніе было послѣднимъ; попытка созвать еще одно совѣщаніе послѣ разгона Думы не удалась по полицейскимъ условіямъ» [1]).

Отъ этой организаціонной работы на многихъ фабрикахъ и заводахъ Петербурга остался слѣдъ въ видѣ заводскихъ комитетовъ, которые играли значительную роль въ жизни рабочихъ въ теченіе 1906 и 1907 гг. Но дальше Петербурга эта организаціонная работа не пошла, да и въ самомъ Петербургѣ она натолкнулась на значительныя внутреннія препятствія, которыя, рядомъ съ препятствіями чисто внѣшними, не дали новымъ организаціямъ расшириться и упрочиться. Къ этимъ внутреннимъ препятствіямъ мы относимъ прежде всего бойкотистское настроеніе, подсказывавшее недовѣріе ко всякимъ политическимъ попыткамъ, пріуроченнымъ къ Думѣ, и ожиданіе самопроизвольнаго стихійнаго возстанія крестьянъ. На этой почвѣ должна была имѣть значительный успѣхъ агитація соціалистовъ-революціонеровъ и части соціалдемократовъ, рекомендовавшая объединеніе рабочихъ не вокругъ рабочей, а вокругъ крестьянской — «трудовой» группы и вносившая, такимъ образомъ, рознь въ рабочую среду. На этой же почвѣ съ нѣкоторымъ успѣхомъ заводскимъ комитетамъ была противопоставлена вышеназванными группами идея возрожденія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Кто не понималъ, что Совѣтъ Р. Д. не былъ просто названіемъ, а предполагалъ и извѣстное содержаніе, соотвѣтствовавшее боевому моменту, тотъ охотно шелъ на эту приманку, столь «революціонную» по своему внѣшнему виду. Это опять-таки усиливало рознь въ рабочей средѣ и создавало тренія, для преодолѣнія которыхъ необходимо было время. Этого времени въ распоряженіи депутатовъ не оказалось, ибо 9 іюля Государственная Дума была распущена.

2. Черная сотня.—Движеніе безработныхъ.

Препятствія, на которыя натолкнулись депутаты въ Петербургѣ, ясно обнаружили, насколько начинавшаяся реакція усложняла задачи передовыхъ рабочихъ. Былого, хотя и примитивнаго, единства больше не было. Шла вну-

[1]) М. Б—овъ и Ф. Данъ. „Рабочіе депутаты въ первой Госуд. Думѣ". Стр. 161—163.

тренняя борьба, но не только среди лѣвыхъ элементовъ. Поднимали голову и реакціонные элементы въ рабочей массѣ. Въ черносотенцахъ и просто хулиганахъ въ рабочей средѣ, вѣроятно, никогда недостатка не было. Но они не осмѣливались вылѣзать изъ своихъ норъ. Теперь ихъ поддерживали опредѣленные общественные элементы и само правительство, и они переходятъ въ наступленіе. Составляя въ рабочей средѣ незначительное меньшинство, черносотенные элементы, благодаря указанной поддержкѣ, начинаютъ поднимать голову и своими провокаціонными выходками содѣйствовать усиленію начинавшагося въ рабочей средѣ разложенія. Дѣятельную поддержку эти элементы встрѣтили сначала также среди предпринимателей, которые, однако же, скоро поняли, что такое внесеніе «политики» въ зданіе фабрики является помѣхой правильному ходу производства. Послѣ стачки девятаго января 1906 г. въ Петербургѣ была сдѣлана попытка уволить сознательныхъ рабочихъ и замѣнить ихъ полицейскими протеже. Но уже въ концѣ февраля начался обратный пріемъ уволенныхъ рабочихъ, такъ какъ предприниматели убѣдились, что вновь поступавшіе подвергались бойкоту со стороны постоянныхъ рабочихъ, приводившему къ кровавымъ столкновеніямъ. Но это, конечно, не искоренило черносотенной агитаціи на фабрикахъ и заводахъ, и даже въ Петербургѣ вызывающее поведеніе этихъ ставленниковъ полиціи привело къ цѣлому ряду самыхъ жестокихъ расправъ съ той и съ другой стороны. Въ № 11 газеты «Курьеръ» за 28 мая 1906 г. появилось слѣдующее письмо одного рабочаго, дающее вполнѣ ясное представленіе объ этихъ расправахъ: «За послѣднее время—пишетъ рабочій—въ нѣкоторыхъ районныхъ корреспонденціяхъ о разоруженіи черной сотни попадаются такія сообщенія: «Черносотенцы были выставлены на помостъ и выкрашены красной краской. Они были страшно напуганы»... «Черносотенцы, дрожа отъ страха, согласились выдать оружіе»... «Въ кузницѣ пришлось открыть топку и только тогда черносотенецъ, подъ угрозой быть свареннымъ, сдалъ знаки своего черносотеннаго достоинства»... Являются два вопроса: 1-ый—правильна ли такая тактика, тактика террористическая (напугиванія, угрозы и т. п.); 2-ой—достойны ли такіе поступки, какъ мазаніе краской, угроза сварить въ котлѣ, не только рабочаго с.-д., а вообще сознательнаго рабочаго? Я на оба эти вопроса отвѣчаю отрицательно. «Тактика» неправильна потому, что присоединеніе черносотенца къ сознательнымъ рабочимъ не является продуктомъ его сознательности (въ данныхъ примѣрахъ), а исключительно страха передъ силой. Такіе «присоединившіеся»—элементъ очень ненадежный, и, случись опять «побѣда» (конечно, кратковременная, но возможная) на сторонѣ реакціи, возможно, что они опять «присоединятся» къ тѣмъ, кто сильнѣе въ тотъ моментъ. Поступки же, какъ мазаніе краской и пр., по моему, сильно роняютъ сознательнаго рабочаго, потому что это такія же дѣйствія, къ какимъ прибѣгали и черносотенцы»...

Но черная сотня все же была очевиднымъ врагомъ рабочихъ, и потому дезорганизація, которую она вносила, не могла пустить столь глубокихъ корней, какъ дезорганизація, шедшая изъ другого источника, изъ того специфическаго «анархизма», который появился на почвѣ ужасающей безработицы и подъ вліяніемъ чувства отчаянія, начинавшаго охватывать мало сознательные, но

весьма активные элементы рабочаго движенія. Какъ вчерашніе товарищи въ борьбѣ, они своимъ безстрастіемъ, бравированіемъ всякой опасности импонировали неустойчивымъ и малосознательнымъ элементамъ рабочаго класса. Создавалась новая психологія реакціи, преклоненіе передъ новыми «героями-экспропріаторами», болѣе терроризировавшими мирныхъ жителей, чѣмъ правительственныхъ чиновниковъ.

Спору нѣтъ, все это совершилось на почвѣ растущей въ ужасающихъ размѣрахъ безработицы. Армія безработныхъ увеличивалась съ каждымъ днемъ и конца не предвидѣлось кризису. На рабочихъ сразу посыпались и экономическія бѣдствія и политическія гоненія. Каждый день газеты приносили извѣстія о новыхъ увольненіяхъ, о сокращеніяхъ или полномъ прекращеніи производствъ. Изъ Харькова, изъ Полтавской губерніи, изъ Донской области, изъ Баку, Варшавы и Лодзи, изъ Ковны, изъ Твери и Иванова-Вознесенска—отовсюду шли свѣдѣнія о сокращеніи штатовъ. Число безработныхъ въ Одессѣ въ періодъ отъ 25 марта до 25 апрѣля было равно 12.376 человѣкамъ. Въ Москвѣ къ 1 марта число безработныхъ было 23.738 чел.; къ 20 апрѣля «бюро профессіональныхъ союзовъ» зарегистрировало безработныхъ 25.000 чел. Число безработныхъ въ Петербургѣ въ нѣкоторые мѣсяцы превышало 20 тысячъ.

Однако, вышеуказанные элементы разложенія еще не проникли такъ глубоко въ организмъ рабочаго класса, чтобы вогнать въ отчаяніе всю массу и превратить ее въ пассивныхъ или активныхъ созерцателей похожденій экспропріаторовъ. Еще живы были иныя надежды; ждали новаго подъема и новаго рѣшительнаго боя. При содѣйствіи партійной интеллигенціи, возлагавшей теперь на безработныхъ большія надежды, безработные въ столицѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ центрахъ организовались. Ближайшей цѣлью этихъ организацій было воздѣйствіе на городское самоуправленіе.

Въ Петербургѣ еще весной 1905 г. были попытки обратить вниманіе городского управленія на увеличеніе смертности среди рабочаго населенія, но безуспѣшно. Послѣ новаго конфликта между рабочими и администраціей Путиловскаго завода въ іюлѣ того же года, выбросившаго на улицу 13 тысячъ человѣкъ, печать подняла вопросъ о посредничествѣ города между рабочими и заводоуправленіемъ. Подобное предложеніе было внесено въ городскую думу и отвергнуто. Въ ноябрѣ дума стала «либеральнѣе» и приняла болѣе широкое предложеніе объ образованіи спеціальной комиссіи, которая взяла бы на себя посредническую роль въ конфликтахъ между предпринимателями и рабочими, но послѣ двухъ—трехъ организаціонныхъ засѣданій комиссія почила сномъ праведныхъ. На помощь безработнымъ пришелъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и оппозиціонно настроенный обыватель; по иниціативѣ союза инженеровъ собраны были деньги, открыты столовыя въ рабочихъ районахъ; но декабрьская реакція положила конецъ всѣмъ подобнымъ начинаніямъ. А безработица тѣмъ временемъ росла, обрекая на голодную смерть сотни безработныхъ и ихъ семей. Пришлось рабочимъ самимъ искать выхода и они нашли его въ организаціи союза безработныхъ. Безработные по всѣмъ районамъ выбирали представителей по 1 на 150 безработныхъ. Выборные эти должны были заняться вопросомъ о подысканіи работъ для безработныхъ. 22 марта состоялось первое ихъ

собраніе, которое занялось обсужденіемъ вопроса объ организаціи общественныхъ работъ въ Петербургѣ. Рѣшено было послать депутацію отъ безработныхъ въ городскую думу съ требованіемъ отдать всѣ работы по засыпкѣ Екатерининскаго канала и по постройкѣ городскаго трамвая въ руки безработныхъ. Выпущенный 27 марта первый листокъ Совѣта союза безработныхъ «ко всѣмъ безработнымъ г. С. Петербурга» выдвигалъ лозунгъ—«общественныя работы для всѣхъ безработныхъ города». Несмотря на осадное положеніе, въ разныхъ частяхъ города почти ежедневно стали устраиваться митинги безработныхъ, на которыхъ обсуждалось содержаніе петиціи въ городскую думу. Совѣтъ безработныхъ рѣшилъ послать 12 апрѣля въ засѣданіе городской думы депутацію изъ 87 человѣкъ. Къ этой депутаціи примкнули представители отъ союза инженеровъ и техниковъ, отъ комитета по оказанію помощи рабочимъ и отъ конституціонно-демократической партіи. Совѣтъ союза безработныхъ требовалъ, чтобы 1) всѣ городскіе заказы остались въ городѣ и были переданы петербургскимъ безработнымъ, 2) всѣмъ безработнымъ была доставлена работа и 3) немедленно была учреждена комиссія изъ равнаго числа гласныхъ думы и представителей отъ безработныхъ, которая должна была разработать въ недѣльный срокъ вопросъ объ организаціи работъ и передачѣ ихъ безработнымъ. Изъ продолжительныхъ преній выяснилось, что дума предполагаетъ ассигновать на организацію общественныхъ работъ отъ $1^1/_2$ до 3 милліоновъ рублей. Дума постановила выдать изъ этой суммы 500 тысячъ рублей авансомъ подъ будущія работы и избрать особую подготовительную комиссію для выясненія вопроса объ организаціи общественныхъ работъ въ числѣ 12-ти человѣкъ, предложивъ ей пригласить въ свой составъ представителей отъ рабочихъ и общественныхъ организацій, также въ числѣ 12-ти человѣкъ. Тотчасъ послѣ засѣданія думы, въ 12 часовъ ночи, комиссія открыла свое засѣданіе и постановила пополнить свой составъ 12 рабочими, 6 представителями отъ союза инженеровъ и техниковъ, 2 представителями комитета о помощи безработнымъ и 2 отъ конституціонно-демократической партіи, предоставивъ всѣмъ членамъ право рѣшающаго голоса. Однако, когда первый испугъ прошелъ, комиссія, вмѣсто организаціи общественныхъ работъ, занялась больше всего теоретическими спорами о возможности и невозможности создать для безработныхъ необходимыя работы. Рабочіе, входившіе въ комиссію, дѣятельно занялись регистраціей безработныхъ и успѣли собрать нѣкоторыя весьма цѣнныя данныя, но и эта работа была вскорѣ запрещена полиціей. Вмѣшался въ дѣло и министръ внутреннихъ дѣлъ. Городскому головѣ, сообщившему послѣ засѣданія 12 апрѣля министру о постановленіи думы израсходовать до 500 тысячъ рублей на организацію общественныхъ работъ, было заявлено, что со стороны министра препятствій къ утвержденію этого постановленія не встрѣтится. Однако, въ серединѣ мая министръ передумалъ и увѣдомилъ городскаго голову о своемъ отказѣ дать разрѣшеніе на позаимствованіе 500 тысячъ рублей изъ суммъ городскаго займа. Кое-какія работы для незначительной части безработныхъ были, тѣмъ не менѣе, организованы. Что касается Совѣта безработныхъ, то во всей его дѣятельности обнаружилось полное отсутствіе принципіальной устойчивости. Передъ нимъ постоянно носился призракъ «подъема», и потому онъ грозилъ

тамъ, гдѣ заранѣе былъ обреченъ на неудачу при отсутствіи прочной организаціи, выставлялъ утопическія требованія работы всѣмъ безработнымъ, забывая о законахъ, тяготѣющихъ надъ капиталистическимъ обществомъ, видѣлъ въ бунтарскомъ настроеніи безработныхъ квинтэссенцію революціи, когда необходимо было создать постоянную связь между организаціей безработныхъ и организаціей работающихъ и подготовить постепенный переходъ безработныхъ въ эти болѣе постоянныя организаціи [1]). Дѣлу организаціи общественныхъ работъ Совѣтъ безработныхъ оказалъ громадную пользу, во-первыхъ, самымъ завоеваніемъ этихъ работъ, и во-вторыхъ, раціональной ихъ постановкой—введеніемъ 8-ми часоваго рабочаго дня, минимальной заработной платы и института выборныхъ. Усиленіе профессіональнаго движенія и новый крахъ «революціонныхъ» иллюзій отняли почву отъ союза безработныхъ и постепенно свели на нѣтъ всю его дѣятельность.

Въ Москвѣ та же исторія на нѣсколько другомъ фонѣ. Въ Петербургѣ среди безработныхъ преобладали рабочіе металло-обрабатывающей промышленности. Среди безработныхъ г. Москвы не было особенно крупныхъ категорій: рабочіе механическаго производства, столяры, почтово-телеграфные служащіе, желѣзнодорожники всѣхъ категорій, оффиціанты и т. д. Это авангардъ, тысячи въ $1^1/_2$—2, уволенныхъ съ фабрикъ и заводовъ за неблагонадежность или за дерзость. За ними слѣдовали менѣе сознательные рабочіе текстильнаго производства и громадная масса строительныхъ рабочихъ. Въ началѣ 1906 г. въ Москвѣ было около 15 тысячъ безработныхъ. Еще въ февралѣ были попытки ихъ организаціи, съ цѣлью поднять черезъ организацію безработныхъ настроеніе среди всего московскаго пролетаріата и около безработныхъ организовать и работающихъ. Полицейскія условія помѣшали первымъ шагамъ предполагавшейся организаціи. Создана была только комиссія безработныхъ при центральномъ бюро профессіональныхъ союзовъ. Въ серединѣ марта комиссія выпустила воззваніе къ обществу, начался небольшой притокъ пожертвованій. Были открыты три столовыя и кое-кому оказана поддержка деньгами. Но средства скоро стали изсякать, тогда какъ число безработныхъ росло. Къ этому времени произошло выступленіе безработныхъ въ петербургской думѣ. Оно вызвало громадный интересъ среди московскихъ рабочихъ. Идея обращенія къ городскому самоуправленію съ требованіемъ организаціи общественныхъ работъ стала очень популярна. 16-го мая во время доклада въ думѣ о безработныхъ, явилась толпа безработныхъ и требовала, чтобы ее выслушали. Голова не до-

[1]) Въ этомъ отношеніи извѣстный интересъ представляетъ примѣръ города Астрахани. Здѣсь, вскорѣ послѣ 17-го октября, стали организовываться профессіональные союзы, которые здѣсь могли развиваться безъ значительныхъ препятствій, такъ что весною 1906 г. въ городѣ насчитывалось уже 16 союзовъ, настолько сплотившихъ мѣстныхъ рабочихъ, что стихійныя неорганизованныя стачки стали невозможны. Благодаря самостоятельности рабочихъ здѣсь довольно оригинально разрѣшился вопросъ о безработицѣ. Главный цехъ, гдѣ число безработныхъ было особенно велико, т. е. чернорабочіе и таскали (занятые нагрузкой бѣлянъ) объединились сначала на почвѣ забастовки, образовали союзъ, куда включили всѣхъ безработныхъ, которымъ оказывалась значительная помощь, а затѣмъ стали диктовать условія труда предпринимателямъ.

пустилъ вмѣшательства безработныхъ, обѣщавъ принять на другой день депутацію отъ нихъ. Депутація эта въ составѣ 32 человѣкъ выразила городскому головѣ упрекъ по поводу недопущенія въ засѣданіи думы делегатовъ отъ безработныхъ къ дачѣ объясненій по поводу представленной ими ранѣе петиціи. Голова, не взирая на ссылку депутаціи на примѣръ петербургской думы, заявилъ, что онъ не находитъ возможнымъ допустить ихъ представителей къ участію въ обсужденіи вопроса въ засѣданіи думы. Послѣ долгихъ споровъ соглашеніе состоялось: дума должна была избрать спеціальную комиссію и допустить въ нее 10 представителей отъ безработныхъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Созданныя городомъ общественныя работы могли дать работу только части безработныхъ. Совѣтъ безработныхъ предпринялъ широкую, но мало принципіальную агитацію противъ городского самоуправленія. Послѣ роспуска Думы начались гоненія на Совѣтъ, который, вслѣдствіе невозможности работать легально, прекратилъ съ 20 августа свое существованіе, передавъ защиту интересовъ безработныхъ профессіональнымъ союзамъ.

Организовавшіеся въ другихъ городахъ Совѣты безработныхъ не брали на себя никакой политической миссіи и служили, главнымъ образомъ, посредниками между безработными и городскимъ самоуправленіемъ.

3. Новая стачечная волна.

Къ началу весны въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности обнаружилось кое-какое оживленіе. Образовавшіеся вслѣдствіе стачекъ предыдущихъ годовъ недочеты надо было заполнить; почти полное прекращеніе производства, вслѣдствіе непрекращавшихся стачекъ, въ Лодзинскомъ районѣ вызвало усиленіе спроса на мануфактурные товары московскаго района. Поэтому, въ мартѣ начинаютъ открывать нѣкоторыя закрытыя фабрики и набирать рабочихъ. Сначала это дѣлается какъ бы изъ человѣколюбія: фабрики открываются для изголодавшихся рабочихъ, которые теперь принимаютъ ухудшенныя условія найма. Однако, скоро рабочіе замѣчаютъ обманъ и начинаютъ борьбу за измѣненіе этихъ условій. Другой рядъ стачекъ вызванъ среди рабочихъ преимущественно ремесленной промышленности фактомъ ихъ организаціи въ профессіональные союзы. Лишенные до тѣхъ поръ возможности вести планомѣрную борьбу рабочіе этихъ отраслей, гдѣ господствовала наиболѣе хищническая эксплоатація труда, теперь подъ руководствомъ своихъ организованныхъ товарищей добиваются кое-какихъ улучшеній. Наконецъ, всеобщее возбужденіе во время засѣданій Думы не могло не повліять на обостреніе стачечной борьбы преимущественно среди наиболѣе отсталыхъ группъ рабочихъ.

Къ концу мая и началу іюня стачечное движеніе охватило громадную площадь, увеличивавшуюся съ каждымъ днемъ. Почти всѣ стачки были экономическаго характера и сводились, главнымъ образомъ, къ требованію уменьшенія рабочаго дня, къ установленію воскреснаго отдыха (особенно среди печатниковъ, пекарей и приказчиковъ), къ повышенію заработной платы и т. п. Характерной чертой этихъ стачекъ явилось то, что значительная часть ихъ проходила подъ руководствомъ профессіональныхъ союзовъ или при ихъ со-

дѣйствіи. Рабочіе печатнаго дѣла, наилучше организованные въ это время, повели энергичную борьбу за полный воскресный отдыхъ и почти всюду борьба эта кончилась побѣдой рабочихъ. Кое-гдѣ удалось также добиться 8-ми часоваго рабочаго дня. Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ городовъ—Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Минскѣ, Вильнѣ, Саратовѣ, Могилевѣ, Тамбовѣ—началась борьба за повышеніе заработной платы.

Особенное вниманіе обратили на себя стачки судовыхъ командъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ почти всеобщая забастовка судовыхъ командъ на всѣхъ черноморскихъ пароходахъ. Несмотря на военное положеніе, господствовавшее въ главныхъ черноморскихъ портахъ, несмотря на угрозы, стачки проходили поразительно дружно и, несмотря на всѣ усилія хозяевъ и администраціи, не нашлось штрейкбрехеровъ, которые заняли бы мѣста бастующихъ рабочихъ. Однимъ изъ главныхъ требованій судовыхъ командъ являлось возстановленіе и признаніе со стороны хозяевъ ихъ союза («регистраціи») и освобожденіе арестованныхъ представителей. Борьба за право организовываться велась пароходными служащими издавна. Еще до 17 октября, послѣ іюльскихъ потемкинскихъ дней, генералъ Карангозовъ разрѣшилъ матросамъ черноморскаго флота образовать экономическую организацію, надѣясь такимъ образомъ отвлечь ихъ отъ политической борьбы. Но послѣ 17 октября эта чисто-экономическая организація принимала дѣятельное участіе и въ политической жизни. Послѣ декабрьскихъ дней, когда всѣ профессіональные рабочіе союзы были закрыты, ген. Карангозовъ закрылъ и «регистрацію». Когда въ маѣ снова поднялась экономическая борьба, матросы вступились за свою «регистрацію» и выставили цѣлый рядъ экономическихъ требованій. Всеобщая забастовка продолжалась около 6 недѣль и въ результатѣ хозяева и администрація принуждены были пойти на уступки. Всѣ экономическія требованія были удовлетворены, «регистрація» вновь возстановлена. Стачка распространилась на Одессу, Николаевъ, Керчь, Крымъ, Кавказъ. Бастовали около того же времени многія судовыя команды и на волжскихъ пароходахъ, а также въ Кронштадтѣ, въ Варшавѣ, Плоцкѣ. Отчасти въ связи съ стачечнымъ движеніемъ среди судовыхъ командъ, начались стачки среди грузчиковъ. главнымъ образомъ, пароходныхъ, въ Саратовѣ, Николаевѣ, Царицынѣ, Архангельскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Рыбинскѣ.

Сильное стачечное движеніе охватило также булочниковъ. Самая ранняя забастовка была въ Лодзи, въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ апрѣлѣ забастовали булочники въ Кіевѣ, выставивъ требованія 10-ти часового рабочаго дня, полнаго воскреснаго отдыха, отмѣны хозяйскихъ квартиръ и харчей. Вслѣдъ за Кіевскими булочниками, забастовали булочники въ Архангельскѣ, Бѣлостокѣ, Вильнѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Брестъ-Литовскѣ, Радомѣ, Тифлисѣ и Петербургѣ. Особенно блестяще прошла стачка въ столицѣ, гдѣ ею всецѣло отъ начала до конца руководилъ профессіональный союзъ. Несмотря на то, что союзъ возникъ незадолго до стачки и что ему пришлось имѣть дѣло съ массой, туго поддававшейся организаціи, онъ съ большимъ успѣхомъ провелъ эту борьбу. 3-го іюня по постановленію стачечнаго комитета булочниковъ и кондитеровъ объявлена была забастовка, а 4-го она распространилась на весь Петербургъ и его окрестности. Число забастовав-

шихъ пекарей опредѣлялось въ 10 тысячъ человѣкъ. Полиція всячески препятствовала собраніямъ стачечниковъ; тѣмъ не менѣе, удивительное единодушіе булочниковъ привело къ полной ихъ побѣдѣ.

Во многихъ мѣстахъ стачечное движеніе охватывало сразу нѣсколько профессій. Такъ, въ Саратовѣ почти одновременно бастовали извозчики, грузчики, строительные рабочіе, рабочіе нѣкоторыхъ мельницъ, ломовые, судорабочіе, типографы. Въ Архангельскѣ стачечнымъ движеніемъ были охвачены почти всѣ отрасли производства. То же самое въ Керчи, гдѣ почти одновременно забастовали рабочіе землечерпательнаго каравана, рабочіе городского обоза, два механическихъ завода, каменщики, подводчики, служащіе и рабочіе городскихъ больницъ. Въ Кременчугѣ одновременно бастовали нѣкоторые фабрики и заводы и ремесленныя заведенія. Въ другихъ мѣстахъ стачечное движеніе постепенно перебрасывалось отъ одного производства на другое, такъ что получался непрерывный рядъ стачекъ. Такъ въ Кіевѣ, начатое въ апрѣлѣ рѣчными рабочими, стачечное движеніе охватывало постепенно почти всѣ производства и продолжалось весь май, іюнь и іюль. Въ Одессѣ волна стачечнаго движенія стала все болѣе повышаться въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. За небольшими исключеніями, забастовки проходили удачно. Самой удачной была забастовка рабочихъ печатнаго дѣла, добившихся введенія 8-ми часового рабочаго дня, увеличенія заработной платы, на 20—40% и уничтоженія сверхурочныхъ работъ. Въ Ковно тоже почти не прекращались стачки. Въ первой половинѣ мая были стачки у заготовщиковъ, у папиросницъ, на спичечныхъ фабрикахъ, на лѣсопильняхъ и др. Большинство стачекъ было выиграно. Въ Витебскѣ тоже стачки отдѣльныхъ мастерскихъ, забастовки цѣлыхъ профессій стали въ это время обычнымъ явленіемъ. Бастовали кожевники, парикмахеры, часовыхъ дѣлъ мастера и др. То же самое въ большихъ размѣрахъ происходило въ Петербургѣ, Москвѣ и Московской губерніи, въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ, въ Варшавѣ. Въ Петербургѣ борьбу вели самыя различныя профессіи. Больше двухъ мѣсяцевъ съ большой интенсивностью велась борьба у сапожниковъ. Хозяева то соглашались на уступки, то опять ихъ отнимали. Профессіональному союзу, руководившему стачкой, приходилось не разъ возстановлять права рабочихъ, прибѣгая иногда къ бойкоту мастерскихъ и магазиновъ. Стачечное движеніе коснулось и строительныхъ рабочихъ. Бастовали лѣпщики, добившіеся удовлетворенія своихъ требованій. Обратили на себя вниманіе стачки ломовыхъ извозчиковъ и крючниковъ, добившихся кое-какихъ, правда, незначительныхъ уступокъ. Въ концѣ мая стачки стали возникать уже среди промышленныхъ рабочихъ—на фабрикахъ и заводахъ, причемъ и здѣсь въ большинствѣ случаевъ исходъ стачекъ бывалъ очень удаченъ для рабочихъ. Неудачно кончилась забастовка 12 тысячъ каталей въ концѣ іюня, вслѣдствіе полной неорганизованности этихъ пролетаріевъ. Кое-какими уступками кончилась начатая 3 іюля стачка почти всѣхъ рабочихъ табачныхъ фабрикъ.

Въ Московскомъ районѣ въ первыхъ числахъ апрѣля началась забастовка на одной изъ крупнѣйшихъ фабрикъ—богородско-глуховской мануфактурѣ, гдѣ рабочіе выставили рядъ экономическихъ требованій. 14-го апрѣля началась забастовка электрическихъ трамваевъ въ Москвѣ, служащіе которыхъ требовали отъ управы болѣе правильнаго порядка выдачи жалованья и періодическихъ

прибавокъ. Около того же времени началась забастовка служащихъ и рабочихъ извѣстной заготовочной фабрики Мандль, вызвавшая броженіе и среди рабочихъ другихъ анологичныхъ фирмъ. 5-го мая началась забастовка на механическомъ и чугунно-литейномъ заводѣ Листа. Въ іюнѣ бастовали сапожники и башмачники, рабочіе завода Реддавей, фабрики Бромлея, Рябовской мануфактуры, литейнаго завода Дилля, металлическаго завода Тильманса, кожевеннаго завода Тилля, 6000 рабочихъ мануфактуры Цинделя и др. 30-го іюня забастовали булочники, ведшіе раньше переговоры съ хозяевами и требовавшіе увеличенія жалованія, сокращенія рабочаго дня и улучшенія гигіеническихъ условій труда. Эта стачка была закончена при содѣйствіи полиціи: градоначальникъ сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ всѣхъ булочниковъ, которые не станутъ немедленно на работу и о закрытіи союза булочниковъ. Бастовали еще сапожники, строительные рабочіе центральнаго электрическаго общества, патроннаго завода въ Марьиной рощѣ, рядъ фабрикъ въ Симоновскомъ районѣ, ситценабивной фабрики Котова и т. д. и т. д.

Не меньше стачекъ было въ Московской губерніи и во всемъ сѣверномъ и центральномъ промышленныхъ районахъ. 22-го апрѣля забастовали рабочіе (свыше 3000) фабрики льняныхъ издѣлій Локалова, требуя принятія уволенныхъ товарищей. 3-го мая въ Твери забастовали рабочіе Берговской мануфактуры, выставивъ экономическія требованія. Въ апрѣлѣ началось движеніе чисто экономическаго характера съ довольно скромными требованіями (выдача квартирныхъ денегъ и сокращеніе рабочаго дня наканунѣ праздниковъ) въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ. Въ двадцатыхъ числахъ мая забастовали рабочіе (5000) фабрикъ въ селахъ Горки и Яковлевскомъ Костромской губерніи, предъявивъ рядъ экономическихъ требованій. 31-го мая насчитывалось всего бастующихъ рабочихъ въ м. Озерахъ Коломенскаго уѣзда и на фабрикахъ въ Ярославлѣ и Костромѣ 25 тыс. человѣкъ. Но это была только часть бастующей арміи. Бастовали съ 16 мая рабочіе резиновой мануфактуры въ Богородскѣ. Частичныя и массовыя забастовки происходили почти на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ Клинскаго уѣзда, на мануфактурѣ Якунчикова въ Верейскомъ уѣздѣ, въ Серпуховѣ. Въ іюнѣ стачечная волна продолжала держаться на той же высотѣ. Рядомъ крупныхъ забастовокъ рабочихъ текстильной промышленности, переживавшей періодъ оживленія, ознаменовался именно этотъ мѣсяцъ.

Мы не станемъ далѣе перечислять всѣхъ отдѣльныхъ стачекъ въ различнѣйшихъ городахъ. Укажемъ лишь на ихъ общій характеръ. Несмотря на то, что стачки эти совпали со временемъ засѣданія первой Думы и всеобщаго возбужденія, онѣ отличаются мирнымъ характеромъ, умѣренностью экономическихъ требованій и полнымъ отсутствіемъ требованій политическихъ. Если послѣднее обстоятельство можно объяснить ростомъ политическаго сознанія рабочихъ, понявшихъ необходимость отдѣленія политическаго движенія отъ профессіональнаго, то умѣренность экономическихъ требованій можетъ быть объяснена общимъ неустойчивымъ положеніемъ промышленности, массовою безработицей и общимъ наступательнымъ движеніемъ, къ которому теперь впервые открыто начинаютъ переходить наши промышленники. Подъ вліяніемъ этого послѣдняго фактора, роль котораго усугубилась начавшимся разложеніемъ самой рабочей

среды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, рабочіе, плохо ориентирующіеся сразу въ создавшемся новомъ положеніи, стали прибѣгать во время стачекъ къ террористическимъ методамъ борьбы, къ избіенію или убійству мастеровъ, порчѣ инструментовъ, убійству своихъ товарищей, измѣнившихъ общему дѣлу и т. д. Такой террористическій характеръ стали носить стачки преимущественно въ Царствѣ Польскомъ и въ Сѣверо-Западномъ Краѣ.

Были, однако, еще оазисы, гдѣ разложеніе не пошло еще очень глубоко и не могло помѣшать солидарному выступленію всѣхъ рабочихъ. Такъ въ Витебскѣ въ концѣ марта спокойно прошла однодневная забастовка рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ въ цѣляхъ протеста противъ жестокостей мѣстной тюремной администраціи. Ту же цѣль преслѣдовала двухдневная политическая забастовка, начатая 18-го апрѣля въ Ригѣ. Но здѣсь, какъ и во всемъ Прибалтійскомъ краѣ, скоро начало сказываться вліяніе кризиса и безработицы. На Кавказѣ въ теченіе всей весны происходили частичныя забастовки, преслѣдовавшія исключительно экономическія цѣли. Въ Баку въ теченіе всего іюня не прекращались забастовки на промыслахъ. «Начались эти забастовки совершенно самостоятельно и лишь немногія требованія имѣли общій характеръ... Но по истеченіи нѣкотораго времени мѣстныя революціонныя организаціи взяли на себя руководство забастовкой, благодаря чему требованія рабочихъ начали систематизироваться и, въ концѣ концовъ, даже появились отдѣльнымъ печатнымъ листкомъ изъ 43-хъ пунктовъ отъ имени всѣхъ забастовавшихъ фирмъ въ Балаханахъ и на Биби-Эйбатѣ» [1]). Забастовка, сначала имѣвшая частичный характеръ, скоро превратилась въ общую. Рабочіе добились кое-какихъ уступокъ, но отъ этого стачечное движеніе не улеглось и продолжалось еще весь іюль и августъ. Въ первыхъ числахъ іюня началась всеобщая забастовка рабочихъ на Чіатурскихъ марганцевыхъ промыслахъ. Въ Кутаисѣ въ въ то же время бастовали табачныя фабрики. Начавшаяся 7-го іюня во Владикавказѣ забастовка на пивоваренныхъ и водочныхъ заводахъ скоро перешла во всеобщую, причемъ каждая группа рабочихъ выставляла свои экономическія требованія. Въ Тифлисѣ бастовали въ іюнѣ всѣ приказчики, всѣ мастеровые и служащіе трамвая, а 22-го іюня весь Тифлисъ всеобщей забастовкой протестовалъ противъ суда надъ 27 солдатами мингрельскаго полка, обвинявшимися въ участіи въ мятежахъ. Въ этотъ день въ городѣ не было извозчиковъ, трамвая, закрыты были хлѣбопекарни, мясныя и другія лавки. Изъ Тифлиса отошли только сквозные поѣзда Баку-Батумъ, обслуживавшіеся желѣзнодорожнымъ батальономъ; дачные поѣзда были отмѣнены.

Еще болѣе интенсивно было движеніе въ Донецкомъ бассейнѣ. Два обстоятельства вліяли здѣсь на подъемъ настроенія рабочихъ: во-первыхъ, больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, рабочіе мѣстныхъ рудниковъ и заводовъ были связаны съ своимъ депутатомъ въ Думѣ, вышедшимъ изъ ихъ среды, выбраннымъ при участіи огромнаго большинства рабочихъ и поддерживавшимъ въ нихъ постоянный интересъ къ развертывавшимся вокругъ Думы политическимъ со-

[1]) „Очеркъ забастовочн. движенія рабочихъ бакинскаго нефте-промышленнаго района за 1903—1906". Изданіе Сов. съѣзда бакинскихъ нефтепромышл.—Стр. 106.

бытіямъ; во-вторыхъ, послѣ Пасхи приливъ рабочихъ въ Донецкій бассейнъ сталъ увеличиваться и шахты начали усиленно работать. Уже въ концѣ апрѣля на многихъ рудникахъ рабочіе забастовали и предъявили рядъ экономическихъ требованій. Съ 1 мая забастовали въ макеевскомъ районѣ рабочіе генеральнаго общества, берестово-богодуховскихъ копей, екатерининскаго общества и Егорьевскихъ шахтъ; продолжалась также начатая раньше забастовка на Никитовскихъ рудникахъ и рутченковскихъ копяхъ; броженіе было такъ сильно, что на мѣсто стачки были вызваны войска. 26-го мая забастовали рабочіе Гирловскихъ каменноугольныхъ шахтъ, а 27-го—шахты угольныхъ копей въ Александровско-Грушевкѣ; сюда тоже были вызваны войска. Въ іюнѣ броженіе еще усилилось, забастовка охватывала все большій районъ горнозаводскихъ предпріятій. Въ Краматорскѣ 18-го іюня происходилъ громадный митингъ; 24-го такой же митингъ, на которомъ присутствовали до 10 тысячъ рабочихъ, состоялся близъ Юзовки; вызванные драгуны и казаки прибѣгли къ дѣйствію огнестрѣльнымъ оружіемъ. Произведены были многочисленные аресты, но движеніе не улеглось, принявъ снова наступательно-боевой характеръ послѣ закрытія первой Думы. 4-го іюня телеграфъ принесъ извѣстіе, что рабочіе почти всѣхъ бастовавшихъ рудниковъ и фабрикъ Бахмута приступили къ работамъ, не добившись удовлетворенія своихъ требованій, а 15-го іюня стачечное движеніе стало разгораться вновь. Въ этотъ день объявили забастовку рабочіе краматорскихъ металлургическихъ заводовъ, предъявивъ рядъ экономическихъ требованій и требованіе объ устраненіи отъ должностей директора заводовъ и нѣкоторыхъ административныхъ лицъ. 18-го іюля началась забастовка на угольныхъ копяхъ: лидіевскихъ, рутченковскихъ, успенскихъ и вознесенскихъ. Среди другихъ экономическихъ требованій, рабочіе требовали главнымъ образомъ повышенія заработной платы на 20%. 25-го іюля бросили работы 2000 рабочихъ чулковскаго угольнаго рудника. То же происходило и въ Юзовкѣ. 13-го іюля забастовали рабочіе щербиновскаго рудника, требуя повышенія заработной платы на 20%. 18-го іюля началась забастовка на алексѣевскомъ, успенскомъ и на всѣхъ лидіевскихъ рудникахъ, а на другой день къ забастовкѣ примкнули рабочіе братскаго рудника рыковскихъ копей, завода Боссе и Ганненфельдъ и рудника инженера Рутченко. 21-го іюля забастовка еще болѣе усилилась присоединеніемъ къ ней рабочихъ карповскихъ рудниковъ. Эти стачки, кончавшіяся кое-гдѣ уступками и часто закрытіемъ рудниковъ и заводовъ, тянулись еще очень долго, до конца августа и начала сентября.

Въ другихъ мѣстахъ стачечная волна къ серединѣ іюля начала стихать. Ея послѣдними проявленіями были политическія стачки, вызванныя въ разныхъ городахъ революціонными организаціями въ видѣ протеста противъ роспуска Думы. Но уже число этихъ стачекъ показало, въ какой мѣрѣ апатія начинала овладѣвать широкими массами рабочихъ.

4. Профессіональные союзы до роспуска первой Думы.

Послѣ декабрьскихъ событій въ дѣятельности союзовъ должно было наступить затишье. Громадная часть профессіональныхъ организацій была раз-

громлена, причемъ нѣкоторыя исчезли совершенно, а другія вернулись къ тѣмъ зачаточнымъ формамъ, изъ которыхъ онѣ начали развиваться въ дни «свободы». Нѣкоторое оживленіе начинается только въ февралѣ, да и то не повсемѣстно. Въ обѣихъ столицахъ значительную услугу профессіональному движенію оказали центральныя бюро, которыя всѣми силами поддерживали тѣ ячейки профессіональнаго движенія, которыя, несмотря на всѣ гоненія, продолжали жить и искать выхода изъ подполья. Въ то же время центральныя бюро принимаютъ мѣры къ подготовленію созыва всероссійскаго съѣзда профессіональныхъ союзовъ.

Мы уже говорили о томъ, какъ возникла идея подобнаго съѣзда. Въ первыхъ числахъ октября 1905 года, наканунѣ октябрьской забастовки, состоялась въ Москвѣ конференція по вопросу о съѣздѣ. На этой первой конференціи были представлены 24 московскія рабочія организаціи, четыре петербургскія, одна харьковская, три нижегородскія и двѣ екатеринославскія. Этотъ случайный составъ былъ и не менѣе пестръ: были представители и отъ старыхъ обществъ взаимопомощи, и отъ неоформленныхъ организацій. Конференція рѣшила созвать съѣздъ въ началѣ декабря, создавъ спеціальный органъ для его подготовки и выработавъ его программу и уставъ. Въ декабрѣ, разумѣется, съѣздъ состояться не могъ, а съ наступленіемъ реакціи трудно было ожидать, что администрація допуститъ такой съѣздъ. При такихъ обстоятельствахъ московское центральное бюро взяло на себя починъ по созыву второй конференціи, состоявшейся въ послѣднихъ числахъ февраля.

Сравнительно недурно организованная, въ смыслѣ полноты представительства, предварительной подготовки и разработки программы занятій, вторая конференція могла дать довольно полное представленіе о состояніи профессіональныхъ организацій и установить нѣкоторые общіе принципы профессіональнаго движенія. Нарисованная отдѣльными докладами картина представила развитіе профессіональныхъ организацій въ слѣдующемъ видѣ. На почвѣ усилившейся и расширившейся, охватившей наиболѣе отсталые элементы, экономической борьбы 1905 года зародилось организаціонное движеніе, которое то принимало форму обществъ взаимопомощи съ тѣмъ, чтобы затѣмъ приспособить ихъ къ новымъ запросамъ, то уходило въ подполье. Въ октябрьскіе дни это движеніе вылилось наружу и сразу приняло массовый характеръ, чему содѣйствовали также усиленіе и успѣхи экономической борьбы въ это время. Такимъ образомъ въ Петербургѣ, напримѣръ, возникли союзы въ 44 отрасляхъ промышленности, въ которые записалось до 35 тысячъ членовъ. Въ Москвѣ образовалось 40—50 союзовъ, съ 25—30 тыс. членовъ; въ Нижнемъ возникло 18 союзовъ съ 8.500 чл. Однако, это движеніе не было повсемѣстно. Въ текстильной промышленности средней Россіи было въ этотъ періодъ лишь нѣсколько неудавшихся попытокъ создать вполнѣ оформленныя профессіональныя организаціи. Точно также не обнаружилось въ это время организаціоннаго строительства среди горнорабочихъ Донецкаго бассейна и Урала. Въ общемъ, наиболѣе охваченными движеніемъ оказались отсталые ремесленные слои рабочаго класса, тогда какъ фабрично-заводскіе рабочіе почти нигдѣ не сорганизовались въ союзы. Это обстоятельство объяснялось нѣкоторыми тѣмъ обстоятельствомъ, что эти рабочіе были цѣликомъ поглощены политической борьбой, другими же, напротивъ, тѣмъ, что потреб-

ность въ профессіональной организаціи не могла быть очень сильна при существованіи хотя бы безформенныхъ объединеній по фабрикамъ.

Уже въ началѣ 1906 года сохранившіеся отъ ударовъ остатки профессіональныхъ организацій начинаютъ искать выхода изъ создавшагося положенія. Одинъ изъ путей былъ найденъ въ изданіи профессіональныхъ органовъ съ цѣлью создать изъ нихъ объединительные центры союзовъ. Профессіональные органы расли, какъ грибы. Въ Петербургѣ портные, сапожники, типографщики, конторщики, приказчики, фармацевты, извозчики, садовники, булочники и строительные рабочіе, въ Москвѣ фармацевты, печатники и булочники, въ Кіевѣ наборщики—обзавелись своими органами.

Изъ докладовъ выяснилось, что, за исключеніемъ Литвы и Польши, типъ организаціи союзовъ былъ вездѣ одинаковъ. Цѣлью союзовъ выставлялись «защита экономическихъ и правовыхъ интересовъ и поднятіе умственнаго развитія своихъ членовъ», а иногда прибавлялась еще «выработка классоваго самосознанія». Бундовскіе профессіональные союзы были построены на началахъ партійности и національности.

Однако, спорить о партійности или нейтральности профессіональныхъ союзовъ на конференціи не нашлось охотниковъ, не потому, что этотъ вопросъ считался окончательно рѣшеннымъ, а потому, что въ то время не было никакой надежды найти общероссійское рѣшеніе. Не только въ Сѣверо-западномъ краѣ и Польшѣ существовали рядомъ партійные и внѣпартійные союзы, но почти въ каждомъ промышленномъ центрѣ существовали весьма вліятельныя теченія въ пользу того и другого рѣшенія вопроса.

Много споровъ вызвалъ на конференціи живо дебатировавшійся тогда въ союзахъ и въ прессѣ вопросъ о легализаціи союзовъ. Въ январѣ въ печать проникли слухи объ изготовленномъ въ министерствѣ торговли и промышленности законопроектѣ, цѣлью котораго, какъ это ясно было изъ всей дѣятельности министерства, было наложить узду на профессіональные союзы, существовавшіе до того времени явочнымъ порядкомъ, лишить ихъ боевого характера и превратить въ кассы взаимопомощи. На конференціи по вопросу о легализаціи обнаружилось три теченія, которыя въ существенныхъ чертахъ отражали теченія, существовавшія въ самихъ союзахъ. Докладчикъ, который почти не имѣлъ сторонниковъ на конференціи, старался доказать, что «для легализаціи пролетарскихъ профессіональныхъ союзовъ требуется болѣе полная политическая свобода, чѣмъ та, которой могутъ удовлетвориться союзы другихъ группъ капиталистическаго общества; для нея требуется болѣе высокая степень развитія демократическихъ учрежденій, чѣмъ для легализаціи вообще политическихъ союзовъ». Докладчикъ закончилъ, поэтому, предложеніемъ, чтобы «профессіональные союзы продолжали существовать явочнымъ порядкомъ, повели всѣ свои дѣла внѣ всякаго надзора административныхъ властей, т. е. конспиративнымъ порядкомъ» и чтобы, «опираясь на основныя нормы государственнаго и гражданскаго права, союзы вырабатывали для себя такіе уставы, которые не подвергали бы ихъ ежеминутному риску попасться въ сѣти уголовнаго уложенія». Далѣе, значительное меньшинство конференціи, соглашаясь съ докладчикомъ относительно безполезности или даже вредности легализаціи, исходила

при этомъ изъ иныхъ мотивовъ, которые одинъ изъ делегатовъ формулировалъ такъ: «всѣ попытки дѣйствовать въ рамкахъ легальности дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на революціонное настроеніе массъ, а потому недопустимы». Большинство, однако, согласилось съ мнѣніемъ другого делегата, который, исходя изъ того, что власть теперь въ рукахъ реакціи, что, какъ только будетъ изданъ законъ, объ явочномъ порядкѣ нельзя будетъ и думать, и что уйти въ подполье профессіональныя организаціи не могутъ, предлагалъ использовать законъ, который даетъ все-таки возможность открытаго существованія широкихъ рабочихъ организацій, но использовать, считаясь съ нимъ только формально, содержаніе же дѣятельности профессіональныхъ союзовъ должно остаться такимъ, какимъ его обусловливаетъ экономическая борьба рабочихъ противъ капиталистовъ. Составленная въ этомъ духѣ резолюція и была принята на конференціи.

Разногласія были на конференціи и при обсужденіи нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ. Такъ, докладчикъ по вопросу о вступительныхъ и ежемѣсячныхъ взносахъ доказывалъ, что «и вступительные и ежемѣсячные взносы нужно доводить до самой большой высоты, которая не является бременемъ для членовъ союза и не можетъ повести къ его слабому росту», тогда какъ большинство конференціи находило, что высокіе взносы могутъ лишь служить препятствіемъ вступленію въ союзъ, который долженъ ставить себѣ цѣлью объединить всѣхъ рабочихъ профессіи. При опредѣленіи размѣра ежемѣсячныхъ взносовъ относительное большинство высказалось за установленіе извѣстнаго процента съ заработка, другіе высказывались за прогрессивно-процентное обложеніе, и, наконецъ, третьи за установленіе опредѣленнаго для всѣхъ членовъ размѣра взносовъ. По вопросу о взаимопомощи тоже обнаружилось два теченія. Одни высказывались за включеніе взаимопомощи въ дѣятельность союза, другіе отстаивали то мнѣніе, что профессіональные союзы могутъ оказывать своимъ членамъ пособія только въ тѣхъ случаяхъ, которые вызываются непосредственно боевыми задачами союзовъ. Юридическая, медицинская и т. п. помощь, согласно рѣшенію конференціи, не должна носить характеръ благотворительности, т. е. услуги врачей, юристовъ и проч. должны оплачиваться, но оплата должна производиться союзами.

Конференція выработала еще уставъ и программу съѣзда профессіональныхъ союзовъ и выбрала «Организаціонную комиссію» по созыву такого съѣзда.

Вскорѣ послѣ закрытія конференціи былъ опубликованъ законъ 4-го марта объ обществахъ и союзовъ. Какъ ни отрицательно отнеслись рабочіе къ этой бюрократической стряпнѣ, большинство ихъ рѣшило использовать законъ именно въ томъ духѣ, какъ было указано въ резолюціи конференціи. Но отъ рѣшенія до исполненія было очень далеко въ Россіи военныхъ и всякихъ иныхъ положеній. Такъ, Кременчугскій генералъ-губернаторъ призналъ образованіе профессіональныхъ союзовъ несвоевременнымъ; временный николаевскій военный генералъ-губернаторъ, въ виду явно вреднаго направленія дѣятельности профессіональныхъ союзовъ, образованіе таковыхъ нашелъ недопустимымъ. Организаціонное бюро печатниковъ въ своемъ докладѣ на первой всероссійской конференціи своей профессіи жаловалось: «Не столько законъ 4 марта, сколько самый дикій произволъ царилъ надъ союзами. Любопытно то, что практика примѣненія закона 4 марта по Россіи представляетъ самую пеструю картину: все

зависитъ отъ мѣстнаго градоначальника, губернатора, а подчасъ и пристава» [1]). Но, кромѣ полиціи, приходилось вести поистинѣ героическую борьбу съ присутствіемъ по дѣламъ объ обществахъ. Каждое изъ существующихъ нынѣ или существовавшихъ профессіональныхъ обществъ имѣло свой длинный «доисторическій» періодъ хожденія по канцеляріямъ и тому подобныхъ другихъ мытарствъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ приведенныхъ въ книгѣ В. Гриневича: «Профессіональное движеніе рабочихъ въ Россіи». Рабочіе печатнаго дѣла въ Харьковѣ четыре раза подавали свой уставъ, и каждый разъ присутствіе его возвращало, несмотря на то, что печатники измѣняли каждый разъ уставъ въ соотвѣтствіи съ желаніями присутствія. Въ Полтавѣ учредителямъ союза печатниковъ было отказано на томъ основаніи, что «печатники народъ неспокойный». Въ Херсонѣ рабочіе по металлу въ сентябрѣ 1906 г. подали уставъ для регистраціи; въ октябрѣ уставъ былъ разсмотрѣнъ, но обжалованъ губернаторомъ и отправленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ и застрялъ. Въ Могилевѣ категорически отказывали въ легализаціи, не взирая на законъ 4 марта. Отрицательно отнесся къ этому закону и ростовскій на Дону полицеймейстеръ. Въ столицѣ законъ признавался, но волокиты было не мало: цѣлый рядъ союзовъ мѣсяцами ждалъ регистраціи своихъ уставовъ, которые приходилось многократно исправлять, подчиняясь желаніямъ присутствія.

Когда, наконецъ, уставъ былъ зарегистрированъ, мытарства еще только начинались. Надо было созвать общее собраніе, но получить разрѣшеніе на такое собраніе было нелегко. Затѣмъ запрещали собираться въ помѣщеніи союза, арестовывались и высылались должностныя лица, конфисковалось имущество и книги союза и т. д. безъ конца.

Значительное содѣйствіе въ этой борьбѣ съ администраціей оказали рабочимъ центральныя бюро. Слѣдуя духу резолюціи 2-ой конференціи, петербургское и московское центральныя бюро занялись выработкой такого устава, который, удовлетворяя требованіямъ закона, не затемнялъ бы въ то же время истиннаго характера профессіональныхъ союзовъ. Очень удачнымъ оказался въ этомъ смыслѣ уставъ, выработанный московскимъ центральнымъ бюро и получившій большое распространеніе на югѣ.

Мы уже говорили выше, что подъемъ стачечной волны, совпавшій съ подъемомъ политическаго настроенія страны, привелъ къ оживленію профессіональныхъ организацій, изъ которыхъ нѣкоторыя становятся во главѣ стачечной борьбы, другія только возникаютъ въ результатѣ этой борьбы. Въ провинціи большинство союзовъ возникло именно весною 1906 г., уже на основѣ закона 4 марта. Тогда возникли многіе союзы рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ и рабочихъ по металлу. Въ самомъ Петербургѣ возникновеніе союза рабочихъ по металлу, союза архитектурно-строительныхъ рабочихъ относится именно къ этому времени. Руководство стачечной борьбой профессіональными союзами обнаружилось въ предварительной выработкѣ требованій и въ организаціи поддержки стачечниковъ. Изъ выставлявшихся стачечниками требо-

[1]) Протоколы первый всеросс. конфер. союзовъ раб. печ. дѣла. Спб. 1907, стр. 13.

ваній отнынѣ исчезаютъ всякія мелочи и главное вниманіе обращается на требованія болѣе принципіальнаго характера. Тутъ на первомъ планѣ сокращеніе рабочаго дня и увеличеніе заработной платы (для рабочихъ всѣхъ производствъ), уничтоженіе хозяйскихъ квартиръ и хозяйскихъ харчей (для булочниковъ), уничтоженіе посредниковъ и поштучной платы (для портныхъ, сапожниковъ и т. под.). Тамъ, гдѣ союзы охватывали значительное количество рабочихъ и гдѣ организаціи были достаточно сильны, руководство стачкой находилось въ рукахъ союзнаго правленія. Въ другихъ случаяхъ при крупныхъ стачкахъ руководство стачкой находилось въ рукахъ выборнаго стачечнаго комитета, дѣйствовавшаго подъ контролемъ правленія союза. Наконецъ, при мелкихъ стачкахъ сами бастующіе подъ руководствомъ правленія руководили стачкой.

Профессіональные союзы приняли также активное участіе въ политической жизни. Когда бойкотъ Думы не былъ еще окончательно рѣшенъ, петербургское и московское центральныя бюро приглашали записываться въ избирательные списки, тогда какъ московскіе и петербургскіе печатники и петербургскіе приказчики приняли активное участіе въ бойкотной агитаціи. Широкое распространеніе среди профессіональныхъ союзовъ получилъ отвѣтъ петербургскаго центральнаго бюро на обращеніе рабочихъ депутатовъ Государственной Думы. «Намъ нужны—говорилось въ этомъ отвѣтѣ—законы, дѣйствительно обезпечивающіе неприкосновенность личности всякаго гражданина. Намъ нужна полная свобода союзовъ, ибо только соединяя свои силы, мы можемъ осуществлять свои права, мы можемъ охранять себя отъ физическаго, нравственнаго и умственнаго вырожденія, которымъ грозитъ намъ не знающая никакихъ предѣловъ эксплоатація капиталистовъ. Мы требуемъ, чтобы изъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ были исключены всѣ статьи, ограничивающія тѣмъ или инымъ путемъ свободу стачекъ и союзовъ, устраиваемыхъ рабочими для борьбы за болѣе короткій рабочій день и болѣе высокую заработную плату. Намъ нужна полная свобода слова, ибо безъ нея мы не можемъ обсуждать свои нужды, мы не можемъ столковываться насчетъ общихъ дѣйствій. Намъ одинаково необходима свобода печати и свобода собраній безъ всякихъ ограниченій, ибо эти ограниченія всей своей тяжестью падаютъ именно на рабочихъ. Намъ необходимъ 8-ми часовой рабочій день для всѣхъ рабочихъ, намъ необходима дѣйствительная и широкая законодательная охрана труда городскихъ и сельскихъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ Вами, товарищи, мы требуемъ полной безусловной политической амнистіи, отмѣны смертной казни, военнаго положенія, чрезвычайной и усиленной охраны. Конечно, Дума—безвластна, но она можетъ сослужить намъ большую службу, если вамъ удастся обратить ее въ трибуну, съ которой раздастся громкое и смѣлое слово въ защиту рабочаго класса, а вмѣстѣ съ нимъ всего трудящагося народа, если Вы будете энергично и рѣшительно протестовать противъ всякой попытки наложить на рабочій классъ новыя оковы, откуда бы эти попытки ни исходили».

Центральныя бюро и отдѣльные союзы приняли также живое участіе въ первомайской агитаціи и въ агитаціи совѣта безработныхъ. По поводу ожидавшагося въ 20-хъ числахъ іюня суда надъ петербургскимъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, на совѣщаніи 8-го іюня 23 представителями союзовъ была принята

слѣдующая резолюція: «Совѣщаніе представителей профессіональныхъ союзовъ г. Петербурга считаетъ своимъ долгомъ, въ виду предстоящаго процесса совѣта рабочихъ депутатовъ, протестовать противъ попытки правительства превратить въ простое тайное сообщество заговорщиковъ выборный органъ объединеннаго петербургскаго пролетаріата, стоявшій во главѣ рабочаго движенія въ Петербургѣ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года. Оно заявляетъ, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ состоялъ изъ выборныхъ представителей, какъ отъ фабрикъ и заводовъ, такъ и отъ профессіональныхъ союзовъ. Поэтому, считая выборный совѣтъ рабочихъ депутатовъ законнымъ представителемъ петербургскаго пролетаріата, оно выражаетъ привлеченнымъ къ отвѣтственности членамъ совѣта свою полную солидарность. Оно твердо увѣрено, что судъ надъ всѣмъ организованнымъ пролетаріатомъ обратится въ новую очную ставку его съ правительствомъ и окончится новымъ пораженіемъ правительства».

Послѣ разгона Думы начались новыя гоненія на союзы. Въ Петербургѣ въ одинъ день были закрыты почти всѣ союзы. Въ провинціи репрессіи по отношенію къ союзамъ развивались болѣе постепенно, союзы закрывались по одиночкѣ, но результатъ, въ концѣ концовъ, получался одинъ—сокращеніе числа союзовъ и сокращеніе числа членовъ въ тѣхъ союзахъ, которымъ удавалось сохранить жизнь.

5. Идейныя теченія и пресса.

Пораженіе революціи окрылило надеждами нѣкоторые элементы какъ въ рабочей средѣ, такъ и внѣ оной, давно уже мечтавшіе о томъ, какъ бы оторвать рабочихъ отъ революціонныхъ партій. Казалось такъ легко убѣдить рабочихъ, что всѣ бѣды произошли отъ стачекъ, затѣянныхъ интеллигентскими партіями и поведшихъ къ неизбѣжному пораженію. Неудивительно, поэтому, что первая половина 1906 года ознаменовалась рядомъ попытокъ организовать рабочихъ вокругъ новыхъ знаменъ, новыхъ лозунговъ. Наиболѣе многочисленны были эти попытки въ Петербургѣ.

Организаторъ такъ называемой «независимой соціальной рабочей партіи», пресловутый Ушаковъ, сталъ съ середины января издавать ежедневную «Рабочую Газету», пытавшуюся привить рабочимъ идеи умѣренности и акуратности и противопоставлявшую въ то же время «рабочую массу» интеллигенціи. «Въ недалекомъ прошломъ, когда наши товарищи не были еще такъ развиты, мы безпрекословно ввѣряли себя руководству интеллигенціи, но въ настоящее время, когда многіе изъ насъ настолько созрѣли въ политическомъ отношеніи, что вполнѣ могутъ быть руководителями и исполнителями желаній своихъ товарищей, мы считаемъ возможнымъ принять со стороны интеллигенціи въ своемъ дѣлѣ только совѣтъ, но никоимъ образомъ не довѣрять имъ руководства рабочею ратью». (Рабочая Газета № 1, стр. 1). Рабочая партія мнится, какъ объединеніе профессіональныхъ союзовъ, и дается обѣщаніе «всегда считаться съ массовыми требованіями нашихъ товарищей» и «поступать сообразно ихъ требованій и интересовъ въ данный моментъ». Представительство рабочихъ въ Думѣ нужно потому, что тамъ «безусловно въ первую голову долженъ раз-

бираться рабочій и крестьянскій вопросы. А каковы же могутъ быть резолюціи по этимъ вопросамъ, если представители въ ней будутъ отсутствовать, можно судить по прежнимъ временамъ, когда бюрократія рѣшала наши дѣла. Или можетъ быть с.-демократическая партія еще и теперь полагаетъ, что Думу такъ легко раскассировать?» (Тамъ же стр. 2). Экономическія забастовки безплодны, такъ какъ повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго дня ведетъ къ повышенію цѣнъ на продукты.

Другое теченіе, чистаго профессіонализма или тредъ-юніонизма, концентрировалось около газеты «Рабочій Голосъ». По мнѣнію П. Сѣверянина, «дѣятельность нашихъ союзовъ за послѣднее время была ненормальной, союзы слишкомъ увлекались политической борьбой въ ущербъ своимъ настоящимъ задачамъ..., превратились въ политическіе клубы и бросили заниматься своими дѣлами» («Раб. Голосъ» № 1, стр. 6). Поэтому, «необходима организація новыхъ профессіонально-экономическихъ союзовъ, которые не гонялись бы за большимъ и не теряли малаго». (Тамъ же). Другой профессіоналистъ, М. Горшковъ, пишетъ: «Рабочему классу нужна партія, но эту партію онъ самъ создастъ, а въ настоящее время всѣмъ сознательнымъ рабочимъ Р. С. Д. Р. П. кажется не той, которая вполнѣ бы выражала всѣ интересы рабочаго класса... Рабочая партія внесетъ въ свою программу то, что сознано ею, т. е. борющимся пролетаріатомъ, все то, что онъ сознательно стремится реализовать въ жизни; слѣдовательно, это не значитъ, что въ эту программу войдетъ непремѣнно все то, до чего додумались и чего требуютъ литераторы, агитаторы, пропагандисты и прочіе просвѣщенные люди. И только въ этомъ случаѣ программа будетъ программой, а не клочкомъ бумаги». (Тамъ же, стр. 7).

Какъ будетъ складываться такая партія? «Нужно—говорится въ № 2 «Раб. Голоса» (стр. 4)—не только объединеніе по профессіямъ (хотя бы во всероссійскіе союзы), но и союзъ рабочихъ разныхъ профессій. Для этого нужно, во-первыхъ, чтобы въ каждомъ городѣ всѣ профессіональные союзы объединились между собой тѣмъ или инымъ образомъ... Далѣе всѣ рабочіе союзы по всей Россіи должны объединиться въ единый Всероссійскій Рабочій Союзъ всѣхъ профессій. Этотъ всеобщій союзъ завершитъ собой всю организацію рабочаго класса; онъ составится изъ отдѣльныхъ союзовъ, какъ изъ клѣтокъ, дѣятельность которыхъ будетъ согласована и направлена къ развитію частей, какъ и цѣлаго».

Наконецъ, въ той же плоскости лежитъ сдѣланная въ это время попытка воскресить гапоновскіе отдѣлы, попытка, вызвавшая лишь цѣлый рядъ разоблаченій, легшихъ темнымъ пятномъ на основателя отдѣловъ и нѣкоторыхъ ближайшихъ его сотрудниковъ и приведшая къ трагической смерти перваго.

Если всѣ указанныя группы, имѣвшія своихъ представителей не въ одномъ Петербургѣ, стремились къ своеобразному возрожденію экономизма девятидесятыхъ годовъ, то въ это же время на югѣ и сѣверо-западѣ зарождается новое теченіе анархо-соціалистическое или революціонно-синдикалистское, которое относится совершенно отрицательно ко всякой политической борьбѣ. Еще наканунѣ декабрьской забастовки бѣлостокскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ обращался къ рабочимъ съ такого рода рѣчами: «Бѣдняки! Не вѣрьте болту-

намъ, въ красныхъ рѣчахъ призывающимъ васъ къ свободѣ, но оставляющимъ въ тѣни дѣйствительныхъ виновниковъ вашего несчастья—богачей-помѣщиковъ, капиталистовъ и всѣхъ угнетающихъ васъ. Не вѣрьте имъ: они безсознательные друзья вашихъ враговъ, многіе изъ нихъ въ лукавыхъ рѣчахъ своихъ уже готовятъ измѣну. Всѣ слова о свободѣ остаются пустымъ звукомъ, пока будутъ существовать бѣдные и богатые, хозяева и рабочіе. Помните, что внѣ экономическаго равенства, равенства нѣтъ и его быть не можетъ» («Рабоч. Жизнь» № 1, стр. 11—12). «Когда бѣлостокскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ рѣшитъ всеобщую забастовку..., на своемъ знамени онъ напишетъ не ваши (т. е. соціалдем.) буржуазныя требованія; на томъ знамени будутъ кровью написаны требованія голодныхъ и обездоленныхъ людей, требованія чисто пролетарскія». (Тамъ же). «А конституція—читаемъ мы дальше—съ всеобщимъ, равнымъ, тайнымъ обирательствомъ и шарлатанствомъ буржуазіи уже была такъ недалеко, мечтаютъ эти партіи (т. е. соціалистическія). Вѣдь скоро великимъ честолюбцамъ можно бы было вволю наболтаться въ парламентѣ, а тутъ подлецы, хулиганы—рабочіе—думаютъ они—разсуждаютъ, не хотятъ слѣпо по нашему приказанію идти въ огонь. Позоръ вамъ, позоръ, бѣлостокскіе пролетаріи—кричитъ буржуазія и ея соціалистическіе защитники—вы, несчастные, не хотите идти на завоеваніе такихъ парламентскихъ благъ, изъ-за которыхъ мы готовы пожертвовать, если не своей головой, то вашими головами и вашей жизнью».

Съ другой стороны, дѣлались попытки привлечь рабочихъ на сторону какого-нибудь мелкобуржуазнаго блока подъ тѣмъ или инымъ флагомъ. Первой ласточкой въ этомъ отношеніи, если не считать агитаціи соціалистовъ-революціонеровъ въ рабочей средѣ, явилась статья о «Лигѣ Труда» въ № 5 газеты «Рабочая Мысль», проводившая идеи трудоваго блока. «Чѣмъ ближе выборы въ Государственную Думу, тѣмъ яснѣе становится борьба интересовъ, которые выдвигаются общественными группами и политическими партіями. Сплотились уже представители торговли, промышленности, землевладѣнія и бюрократіи. До сихъ поръ, однако, остаются разрозненными представители огромной группы труда; всѣ тѣ, кто независимо отъ разнообразныхъ формъ этого труда одинаково стонутъ подъ тяжестью нынѣшняго капиталистическаго и правительственнаго произвола. Крестьяне, рабочіе, ремесленники, конторщики, служащіе въ промышленныхъ, торговыхъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, вообще, всѣ живущіе личнымъ трудомъ одинаково чувствуютъ свою рабскую зависимость отъ капитала и бюрократическаго строя. И чѣмъ многочисленнѣе та или иная общественная группа, тѣмъ эта независимость принимаетъ все болѣе тяжелыя и оскорбительныя формы. Трудъ у насъ даетъ лишь право на полуголодное существованіе. Если работникъ лишается трудоспособности или умираетъ, то онъ или его семья обречены на нищету. Даже при усиленномъ трудѣ отложить что-либо работникъ не можетъ, и пріобрѣсти обезпеченіе своей семьѣ возможно лишь или рабски продавшись капиталу, или путемъ хищеній, которыя столь характерны для нашего капиталистически-бюрократическаго строя. Но не пора ли положить конецъ этому рабскому подчиненію труда? Настало, можетъ быть, время сдѣлать попытку поставить интересы трудовыхъ массъ на

надлежащее мѣсто. Трудъ долженъ обезпечивать удовлетвореніе потребностей трудящихся, онъ долженъ страховать на случай болѣзни и старости».

«Всѣ живущіе личнымъ трудомъ—«трудовики», всѣ тѣ, кто ставитъ своей задачей обезпечить интересы труда и трудящихся должны сплотиться, чтобы обдумать и установить тѣ мѣры, которыя могутъ дать этимъ интересамъ подобающее мѣсто въ государственномъ строѣ и притомъ въ ближайшее время...

Поэтому, Лига труда ставитъ своей задачей объединить всѣхъ живущихъ трудомъ на почвѣ интересовъ труда и будетъ добиваться: 1) полнаго обезпеченія свободнаго труда и трудящихся, 2) полнаго равенства всѣхъ гражданъ по закону, 3) полной свободы слова, союзовъ, собраній и организаціи для трудящихся и 4) введеніе обезпечивающаго каждаго гражданина правового государственнаго устройства на началахъ всеобщаго равнаго для всѣхъ, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія національности, вѣроисповѣданія и пола, такъ какъ интересы труда для всѣхъ одинаковы».

Что эта эклектическая программа пришлась по вкусу очень многимъ рабочимъ, показываетъ нетолько побѣда трудовиковъ во многихъ промышленныхъ городахъ, не только пребываніе рабочей группы въ теченіе нѣкотораго времени въ нѣдрахъ трудовой группы, но и предпочтеніе, оказывавшееся даже многими петербургскими рабочими трудовикамъ передъ рабочей, а впослѣдствіи соціалъ-демократической группой.

Органомъ рабочихъ хотѣлъ также быть безпринципно-демагогическій «Рабочій Міръ», издававшійся супругами Архангельскими. И здѣсь тѣ же общія радикально-звучащія фразы, то же сваливаніе въ одну кучу трудового народа съ прибавленіемъ позаимствованныхъ у соціалистовъ-революціонеровъ колкостей по адресу нѣкоторыхъ «соціалистовъ» (соціалъ-дем.), называющихъ «этихъ несчастныхъ, этихъ трудолюбивыхъ рабовъ (т. е. крестьянъ) частью буржуазіи», и т. под.

Наконецъ, результатъ выборовъ окрылилъ надеждами и партію конституціонныхъ-демократовъ. Оказалось, что въ Москвѣ, напримѣръ, она имѣла кое-какихъ сторонниковъ въ рабочей средѣ и особенно среди приказчиковъ. При содѣйствіи нѣкоторыхъ рабочихъ изъ профессіоналистовъ, сумѣвшихъ сочетать свой тредъ-юніонизмъ съ поддержкой, правда не открытой, партіи к.-д., была основана газета «Рабочее Слово», которая, «не примыкая ни къ одной изъ существующихъ политическихъ партій», ставила «своей задачей содѣйствіе борьбѣ рабочаго класса за его политическое и экономическое освобожденіе». «Борьба эта — по словамъ редакціи газеты — должна быть озарена свѣточемъ великаго и всеобъемлющаго идеала соціализма—или основаннаго на соціальной справедливости трудового общества. И въ то же время рабочій классъ долженъ шагъ за шагомъ, въ повседневной борьбѣ за улучшеніе всѣхъ сторонъ рабочей жизни, созидать широкій и прочный фундаментъ этого новаго общества. Становой хребетъ всякаго крѣпкаго рабочаго движенія должны составлять профессіональныя рабочія организаціи»... Несмотря на эту многовѣщательную рекламу, иниціаторы должны были скоро убѣдиться, что даже знакъ равенства, поставленный ими между идеаломъ соціализма и соціальной справедливостью, что ихъ попытка дать соціализму моральную основу не привлечетъ къ нимъ ни

*

пролетаріевъ, ни кающихся буржуа. Недолго просуществовало «Рабочее Слово», не найдя для себя аудиторіи въ Петербургѣ.

Мы не станемъ анализировать здѣсь содержаніе довольно многочисленныхъ въ это время органовъ партійныхъ, соціально-революціонныхъ, трудовиковъ, соціалъ-демократовъ (меньшевиковъ и большевиковъ), т. к. различныя партійныя теченія будутъ разобраны въ другомъ мѣстѣ.

Что касается профессіональной прессы, то мы уже указывали выше на ту роль, какую она играла въ профессіональной агитаціи того времени. Попытки изданія профессіональныхъ органовъ дѣлались не въ одномъ Петербургѣ, но почти вездѣ ихъ существованію клался быстрый конецъ прямо запрещеніемъ или рядомъ непрерывныхъ конфискацій. Только въ Петербургѣ продолжаетъ безъ перерыва выходить «Профессіональный Союзъ», закрытый, однако, на № 21 въ іюнѣ мѣсяцѣ. Одесскіе союзы выпустили три органа подъ различными названіями («Южный профессіональный листокъ» 16-го іюля, «Рабочее Дѣло» 15 августа и «Союзъ» 15 сентября); всѣ три номера были конфискованы и журналы закрыты. Въ Астрахани 18 іюня вышелъ «Профессіональный Листокъ», который послѣ № 1 прекратился. Та же судьба постигла саратовскую «Рабочую Жизнь», прекратившуюся также послѣ № 1, воронежскій «Голосъ Труда», прекратившійся послѣ № 7, московскій «Рабочій Союзъ», пріостановленный на № 10 и московскіе же «Семь дней», которыхъ всего вышло 20 номеровъ.

Что касается содержанія этихъ органовъ, то мы уже отчасти указывали выше на тѣ вопросы, которые въ то время больше всего занимали умы профессіональныхъ дѣятелей. Вопросы организаціонные, борьба съ безработицей, отношеніе къ закону 4-го марта, борьба съ черной сотней, участіе въ празднованіи перваго мая и въ политическихъ выступленіяхъ пролетаріата—таковы тѣ вопросы, которые почти въ одномъ духѣ рѣшаются всѣми профессіональными органами, которые больше, чѣмъ органы политическіе, были въ то время органами широкой рабочей массы.

6. Рабочіе послѣ роспуска первой Государственной Думы.

Всѣ дальнѣйшія событія послѣ роспуска первой Думы опредѣлились сами собой. Наступленія (за немногими исключеніями) со стороны рабочихъ нечего было ждать. Оставалась упущенная во время выборовъ въ первую Думу задача укрѣпленія на завоеванныхъ позиціяхъ. Пролетаріатъ теперь это отлично понялъ, но реакція наступала быстро, и подъ ея прикрытіемъ и при обостряющемся все болѣе и болѣе промышленномъ кризисѣ наступалъ и капиталъ. Теперь вопросъ уже не въ томъ, что удастся завоевать, а въ томъ, что можно будетъ отстоять. Болѣзненнѣе всего чувствуется отсутствіе организованности, и передовые рабочіе съ удивительной стойкостью цѣпляются за всякую форму организаціи, чтобы пережить эпоху надвигающагося упадка не въ распыленномъ видѣ. Такова основная черта, характеризующая всѣ дальнѣйшіе этапы рабочаго движенія вплоть до нашихъ дней.

Переходимъ къ частностямъ. Объявленная революціонными партіями по случаю роспуска Думы политическая забастовка встрѣтила очень слабый откликъ.

Въ Петербургѣ забастовка началась довольно дружно: въ первый день (22 іюля) бастовало, согласно свѣдѣніямъ фабричной инспекціи, свыше 70 тысячъ человѣкъ. Но уже съ 25-го обнаружилось рѣзкое пониженіе числа бастующихъ. Въ Москвѣ политическая забастовка, начатая 24-го іюля, была вынесена главнымъ образомъ механическими и типографскими рабочими; ткачи же, утомленные недавними экономическими стачками, не приняли участія въ забастовкѣ; точно также не бастовали и булочники, достигнувшіе послѣ забастовки конца іюня и начала іюля улучшенія условій труда. Далѣе бастовали еще въ Екатеринодарѣ 16-го іюля, въ Астрахани 26-го и въ Ревелѣ 29-го.

Политическая забастовка осложнилась цѣлымъ рядомъ возникшихъ въ разныхъ концахъ страны частныхъ забастовокъ, вызванныхъ экономическими мотивами. Въ Петербургѣ ближайшимъ поводомъ къ стачкамъ послужило проявленное многими хозяевами по окончаніи политической забастовки стремленіе къ увольненію сознательныхъ рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ хозяева на этомъ пунктѣ еще уступали. Труднѣе стало добиться экономическихъ улучшеній. Только благодаря политической забастовкѣ, кончилась сравнительно благополучно для рабочихъ стачка каталей и табачницъ. Начатая 4-го іюля забастовка 1200 паркетчиковъ кончилась 3 августа полной побѣдой: введенъ былъ 9 часовой рабочій день, увеличены расцѣнки на 20—40% и поштучная плата замѣнена поденной. Добились точно также девятичасоваго рабочаго дня забастовавшіе 11-го августа рабочіе зеркальной фабрики Прикнера. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ стачки затягивались вслѣдствіе упорства, а часто даже наступательныхъ дѣйствій хозяевъ. Такъ безконечно длилась начатая 10 августа стачка сапожниковъ. Администрація нарвской мануфактуры, въ отвѣтъ на требованіе рабочихъ увеличить плату на 5%, закрыла фабрику, принявъ мѣры къ выселенію рабочихъ изъ фабричныхъ помѣщеній и къ закрытію фабричной хлѣбопекарни.

Въ другихъ городахъ продолжалось и усиливалось стачечное движеніе среди каталей и грузчиковъ; стачечная волна въ этой отрасли труда прокатилась по всей Волгѣ. Что же касается крупно-заводской промышленности, то здѣсь стачечное движеніе протекало неодинаково въ различныхъ отрасляхъ. Въ металлургической промышленности сокращеніе производства и увольненія рабочихъ создавали цѣлый рядъ новыхъ конфликтовъ и осложняли старые. Здѣсь было больше всего безработныхъ, а между тѣмъ, администрація начинала усиленно преслѣдовать организаціи безработныхъ, закрывъ во время политической забастовки петербургскій и московскій совѣты безработныхъ, а въ Москвѣ одновременно и столовыя для безработныхъ. Лучше обстояло дѣло въ текстильной промышленности, гдѣ конфликты кончались большей частью мирнымъ соглашеніемъ, благодаря отчасти чувствовавшемуся на рынкѣ недостатку въ товарахъ, вслѣдствіе продолжительныхъ забастовокъ въ крупныхъ центрахъ текстильнаго производства—Лодзи, Иваново-Вознесенскѣ и Орѣховѣ-Зуевѣ. Этимъ обстоятельствомъ надо, вѣроятно, объяснить и возбужденіе, проявлявшееся въ это время среди рабочихъ этихъ районовъ. Такъ, въ началѣ августа произошли безпорядки на фабрикахъ села Середы, Нерехтскаго у. Костромской губ., вслѣдствіе запрещенія митинга подъ открытымъ небомъ. Точно также происходили ми-

тинги, на которые собиралось до 5000 рабочихъ, въ фабричномъ селѣ Вичугѣ. Въ среднихъ числахъ августа въ Кинешмѣ забастовали 2000 рабочихъ фабрики братьевъ Разореновыхъ, предъявивъ экономическія требованія. Фабрика перешла во власть рабочихъ, такъ какъ администрація скрылась. Рабочіе захватили ключи отъ помѣщеній и никого изъ постороннихъ не пускали. Всѣмъ вѣдалъ выбранный совѣтъ рабочихъ депутатовъ. На фабрикѣ царилъ образцовый порядокъ. Пьянство было запрещено подъ страхомъ штрафовъ и удаленія съ фабрики. Незадолго до того основанная на средства фабрики и рабочихъ потребительная лавка давала возможность держаться долгое время, такъ какъ провизіи было запасено много. Ежедневно происходили сходки, на которыя всѣ рабочіе обязаны были являться, а за неявку налагался штрафъ. Хозяева хотѣли закрыть фабрику, отказавшись отъ переговоровъ, но 22-го августа впервые рѣшились войти въ переговоры съ совѣтомъ рабочихъ и обѣщали прибавку нѣкоторымъ категоріямъ рабочихъ, тогда какъ совѣтъ требовалъ общей прибавки. На суконной фабрикѣ Акчурина въ Гуріевкѣ, Корсунскаго у., Симбирск. губ., въ концѣ августа происходили безпорядки на почвѣ сопротивленія фабричными рабочими полиціи и войскамъ, явившимся арестовать бывшаго члена Государственной Думы Матвѣева, обвинявшагося въ революціонной пропагандѣ. Чисто экономическія забастовки происходили въ сентябрѣ и октябрѣ въ Костромѣ, гдѣ бастовали всѣ рабочіе (2000) у братьевъ Зотовыхъ и у Анонимнаго общества (3000), а на другихъ фабрикахъ только частично, и въ Ярославлѣ, гдѣ рабочіе (9500) Большой ярославской мануфактуры добились увеличенія расцѣнки на 16%.

28 іюля въ Петербургѣ были закрыты почти всѣ профессіональные союзы. Закрытіе сопровождалось обысками, а частью и арестами членовъ правленія. То же самое въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ происходило въ другихъ городахъ. Союзамъ опять приходилось дѣйствовать въ подпольѣ. Никакія собранія не допускались. Но теперь профессіональное движеніе не замерло, благодаря кое-какой организаціонной работѣ, совершенной въ предыдущіе мѣсяцы. Благодаря институту делегатскихъ совѣтовъ, союзамъ удается временно приспособиться къ полулегальному существованію. Особенно значительные успѣхи сдѣлала въ это время профессіональная организація среди рабочихъ по металлу.

Учредительное собраніе петербургскаго союза рабочихъ по металлу состоялось 30-го апрѣля. Весь городъ былъ раздѣленъ на районы и въ каждомъ изъ нихъ учреждено временное организаціонное бюро. Къ концу мая въ союзѣ былъ 1.041 членъ, уплатившій взносы; къ 15-му іюня число членовъ союза достигло 9.544 человѣкъ. Рядомъ съ нимъ, въ то время существовали еще два союза, стремившіеся къ организаціи рабочихъ по металлу: гапоновскій союзъ (проф. общ-во рабочихъ металлическаго производства), организовавшійся лѣтомъ 1906 г., выдвинувшій въ своемъ уставѣ на первый планъ взаимопомощь и не успѣвшій пріобрѣсти никакого вліянія на рабочую массу, смѣсовскій (с.-петербургскій рабочій союзъ), организованный слесаремъ съ завода Сименса и Гальске Смѣсовымъ, носившимся съ идеей созданія полупрофессіональной, полуполитической организаціи изъ рабочихъ разныхъ профессій, и фактически прекратившій свое существованіе къ концу 1906 г. Не успѣлъ окончательно сорганизоваться с.-петербургскій союзъ рабочихъ по металлу, какъ ему пришлось при-

нять участіе въ борьбѣ рабочихъ съ хозяевами. Первоначально помощь союза состояла лишь въ веденіи переговоровъ съ хозяевами и въ нравственномъ воздѣйствіи на остальныхъ рабочихъ въ смыслѣ бойкотированія свободныхъ мѣстъ, оказанія матеріальной помощи и т. д. «Первые крупные конфликты, съ которыми приходилось имѣть дѣло молодому союзу—локауты у Крейтона, Эриксона и Атласа. Это были первыя значительныя пробы силъ петербургскихъ заводчиковъ. Всѣ они проходили при ближайшемъ содѣйствіи хозяйскаго союза и были направлены къ ограниченію «произвола рабочихъ», попросту къ уничтоженію организаціи рабочихъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ хозяева не пожелали имѣть дѣло съ союзомъ рабочихъ, зато широко пользовались помощью охраннаго отдѣленія и полицейскихъ приставовъ. Локауты встрѣтили упорное и продолжительное (до 2 мѣс.) сопротивленіе рабочихъ, проходили при сочувственной поддержкѣ всѣхъ заводовъ—у Атласа былъ даже проведенъ активный бойкотъ работы [1]), и если все-таки побѣда осталась на сторонѣ хозяевъ, то въ значительной мѣрѣ благодаря усиліямъ полиціи, которая доходила до того, что вела отъ имени администраціи переговоры и ставила размѣры высылки на родину въ прямую зависимость отъ времени, когда рабочіе станутъ на работу. Только у «Атласа» рабочіе отвоевали 1/2 часа времени и небольшое увеличеніе расцѣнокъ. Первое время существованія союза знаетъ однако и удачные конфликты. У Харламбова вмѣшательство союза привело къ благопріятному исходу и заключенію тарифнаго договора, дѣйствовавшаго въ теченіе 2 лѣтъ» [2]). Въ іюнѣ правленіе союза было запечатано, а въ районныхъ отдѣленіяхъ произведены обыски. Притокъ членовъ сильно сократился къ однихъ отдѣленіяхъ и прекратился въ другихъ; взносовъ уплачено было въ октябрѣ 4.830, въ ноябрѣ 4.853, а въ декабрѣ 3.837.

Въ Москвѣ союзъ рабочихъ по металлу имѣлъ къ 20-му мая всего 150 членовъ, а черезъ 3—4 мѣсяца насчитывалъ уже около 4.000 членовъ въ одной Москвѣ, а въ открытыхъ имъ отдѣленіяхъ въ Келеровѣ, Киржачѣ, Коломнѣ, Серпуховѣ, Павловскомъ посадѣ, Реутовѣ, Твери, Тулѣ, Орѣховѣ-Зуевѣ было въ январѣ 1907 г. всего 1.142. Изъ пяти забастовокъ, которыми руководилъ союзъ, одна только, на заводѣ «Шмейль», кончилась успѣшно; остальныя кончились пораженіемъ.

Въ Саратовѣ въ союзѣ рабочихъ по металлу насчитывалось въ сентябрѣ до 600 членовъ. Нѣсколькими удачными выступленіями союзъ привлекъ къ себѣ вниманіе всѣхъ рабочихъ механическихъ заведеній.

Въ Одессѣ профессіональное общество машино-строительныхъ рабочихъ сразу выдвинулось среди мѣстныхъ организацій. Легализованное весною, оно сразу привлекло свыше 1.000 членовъ. Начавшаяся въ августѣ забастовка механиковъ и машинистовъ Россійскаго общества пароходства и торговли тянулась 9 недѣль и при поддержкѣ союза кончилась побѣдой рабочихъ. Количество членовъ быстро росло и къ сентябрю ихъ было уже около 3.000. Этотъ союзъ сразу положилъ въ свою основу принципъ объединенія по производствамъ, а не по цехамъ.

---

[1]) Силой не давали вывезти работу на другой заводъ.

[2]) Матеріалы объ экономическомъ положеніи и профессіональной организаціи петербургскихъ рабочихъ по металлу. Стр. 55—56.

Въ Екатеринославѣ союзъ рабочихъ по металлу еще въ іюнѣ мѣсяцѣ насчитывалъ около 800 членовъ, а въ сентябрѣ болѣе 1.500. При его содѣйствіи созданы были профессіональныя организаціи среди заводскихъ рабочихъ Донецкаго бассейна—въ Луганскѣ на заводѣ Гартмана, въ Юрьевкѣ, на Петровскомъ заводѣ, въ Константиновкѣ, на станціи Нью-Іоркъ, въ Дружковкѣ.

Кромѣ вышеуказанныхъ, на состоявшейся въ февралѣ 1907 г. первой конференціи профессіональныхъ союзовъ рабочихъ по металлу московскаго промышленнаго района были представлены союзы: иваново-вознесенскій съ 954 членами, мытищенскій съ 425, смоленскій съ 85, бакинскій съ 2.560, самарскій съ 215, астраханскій съ 1.100 и витебскій съ 140 членами.

Такая же интенсивная организаціонная работа шла въ это время среди текстильныхъ рабочихъ. На состоявшейся въ февралѣ 1907 г. первой конференціи проф. союзовъ рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ московск. промышленнаго района присутствовали представители отъ трехъ московскихъ союзовъ (по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, апретурно-красильнаго и ткацко-вязальнаго), двухъ иваново-вознесенскихъ (по обработкѣ волокнистыхъ веществъ и ситцепечатниковъ), отъ одного союза въ Костромѣ съ отдѣленіемъ въ Серединѣ, отъ союзовъ въ Твери, Кинешмѣ, Тейковѣ, Родникахъ, отъ бундовскаго текстильнаго ферейна въ Лодзи, отъ отдѣленій московскаго союза по обработкѣ волокнистыхъ веществъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ, Обираловкѣ, Воскресенскѣ и посадѣ Павловѣ. Большинство этихъ союзовъ организовалось весною и лѣтомъ 1906 г.

Въ періодъ полулегальнаго существованія союзовъ особенно большую услугу оказала профессіональная пресса, которая помогала не только въ агитаціонной, но и въ организаціонной работѣ. Къ концу 1906 г. въ Петербургѣ насчитывалось свыше 25-ти профессіональныхъ органовъ. Силъ или умѣнія не хватало у администраціи подавить эту прессу, но создалось фактически такое положеніе вещей, при которомъ несуществовавшіе союзы не только издавали свои органы, но печатали въ нихъ отчеты, звали къ совмѣстной работѣ. Закрытые органы замѣщались другими.

Но помимо борьбы съ администраціей на рабочихъ теперь ополчается новый, вѣрнѣе, старый, но подъ новымъ видомъ, врагъ—союзы предпринимателей. Втихомолку организаціи росли и развивались въ теченіе 1906 г. и нашли новый, до того времени мало примѣнявшійся въ Россіи способъ борьбы съ рабочими—въ локаутѣ. Еще въ іюнѣ московскій союзъ владѣльцевъ типографій пытался осуществить локаутъ, который на этотъ разъ не удался благодаря сплоченности рабочей организаціи. Въ іюлѣ владѣльцы типографій въ Кіевѣ объявили 650 рабочимъ локаутъ, который длился болѣе 10-ти недѣль. Такую же упорную борьбу пришлось выдержать типографскимъ рабочимъ въ Ригѣ и Саратовѣ. Но локаутъ свирѣпствовалъ и въ другихъ отрасляхъ производства.

Осень этого года была особенно богата стачечными выступленіями рабочихъ по изготовленію одежды. 10-го августа забастовали портные въ Петербургѣ за Невской заставой, предъявивъ рядъ требованій объ улучшеніи условій труда. Въ концѣ августа началось броженіе среди рабочихъ портныхъ города Орла. Требованія были предъявлены ко всѣмъ мало-мальски крупнымъ хозяевамъ. Главными требованіями являлись увеличеніе заработной платы и умень-

шеніе рабочаго дня. Въ сентябрѣ были стачки портныхъ въ Тифлисѣ, Москвѣ и нѣсколькихъ другихъ городахъ. Московская забастовка и закончилась локаутомъ. Начавшись въ серединѣ сентября, это—направленное противъ посредничества, раздачи работы на домъ и штучной оплаты труда — движеніе охватило многочисленныя въ Москвѣ и въ окрестностяхъ раздаточныя конторы фирмы Мандль, а затѣмъ перешла на рядъ другихъ заведеній. Во время самой борьбы хозяева организовались и рѣшили разослать во всѣ портновскія заведенія списки бастующихъ съ тѣмъ, чтобы ихъ нигдѣ не принимали на службу. А когда эта угроза не подѣйствовала, то они прибѣгли къ локауту.

Особенно широкое распространеніе союзы предпринимателей, а также локауты, получили въ Польшѣ и Сѣверо-Западномъ краѣ. Борьба рабочихъ въ продолженіе 1905—1906 гг. заставила капиталистовъ сдѣлать рядъ значительныхъ уступокъ. Но съ созданіемъ боевыхъ союзовъ предпринимателей и съ введеніемъ военнаго положенія начинаются попытки взять назадъ сдѣланныя прежде уступки. Въ началѣ марта лодзинскія работницы выставили требованіе уравненія платы на всѣхъ ленточныхъ фабрикахъ Лодзи. На это фабриканты заявили рабочимъ, что, если тѣ не принудятъ работницъ стать на работу на старыхъ условіяхъ, то будутъ всѣ немедленно уволены. Рабочіе отвѣтили отказомъ и фабриканты уволили всѣхъ рабочихъ. Тогда рабочіе выставили рядъ экономическихъ требованій и постановили не возвращаться на работу, пока эти требованія не будутъ удовлетворены. Въ продолженіе пяти недѣль рабочіе ленточныхъ фабрикъ Варшавы поддерживали своихъ лодзинскихъ товарищей. Тогда варшавскіе фабриканты потребовали отъ своихъ рабочихъ, чтобы они отправились въ Лодзь и склонили товарищей прекратить стачку—въ противномъ случаѣ грозили увольненіемъ всѣхъ рабочихъ. На собраніи 5-го мая рабочіе отвѣтили на это отказомъ, выставивъ, съ своей стороны, рядъ экономическихъ требованій и постановивъ не приступать къ работѣ, пока не добьются уступокъ. Начались было переговоры, прерванные въ самомъ началѣ фабрикантами, вынудившими сдачу рабочихъ закрытіемъ фабрикъ, массовыми увольненіями, локаутомъ и обращеніемъ къ содѣйствію вооруженной силы.

Начиная съ октября, борьба союзовъ предпринимателей противъ рабочихъ возгорѣлась съ новой силой въ Варшавѣ и Лодзи. Начали борьбу съ рабочими владѣльцы колбасныхъ заведеній, мясныхъ и хозяева портняжныхъ мастерскихъ. Имъ усердно содѣйствовала полиція. Начались массовые аресты рабочихъ, озлобленіе которыхъ стало выражаться въ нападеніяхъ на магазины готоваго платья, колбасныя и мясныя лавки—рѣзалась въ куски одежда, портились керосиномъ или іодоформомъ мясо и колбасныя издѣлія, разбивались стекла. Примѣру владѣльцевъ портняжныхъ мастерскихъ послѣдовали въ среднихъ числахъ ноября владѣльцы сапожныхъ, перчаточныхъ и др. мастерскихъ. Полиція зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы среди владѣльцевъ не было нарушителей локаута и съ 15-го на 16-ое ноября арестовала тѣхъ изъ нихъ, которые пожелали открыть свои мастерскія. Въ концѣ ноября было достигнуто соглашеніе съ подмастерьями мясныхъ, а затѣмъ возобновились работы въ колбасныхъ заведеніяхъ. Но вслѣдъ за прекращеніемъ локаутовъ въ Вильнѣ и Варшавѣ, къ массовымъ увольненіямъ рабочихъ прибѣгли всѣ кожевники въ Сувалкахъ, лѣсопильни въ Двинскѣ, порт-

ные и модистки въ Пружанахъ. Наконецъ, около этого же времени разразился грандіозный и ужасный по своимъ послѣдствіямъ локаутъ рабочихъ хлопчато-бумажнаго производства въ Лодзи.

Благодаря сильной концентраціи хлопчато-бумажнаго производства въ лодзинскомъ районѣ, небольшая группа фабричныхъ магнатовъ во главѣ съ Познанскимъ, Шайблеромъ и другими могла здѣсь хозяйничать по своей волѣ. Союзъ фабрикантовъ, поставившій себѣ цѣлью отнять у рабочихъ завоеванія 1905—06 гг., воспользовался первымъ поводомъ—оскорбленіемъ рабочими одного изъ инженеровъ—и началъ наступленіе. Познанскій потребовалъ увольненія каждаго пятаго рабочаго того отдѣленія, гдѣ произошло оскорбленіе инженера, и возстановленія обысковъ. Возмущенные рабочіе бросили работу, и въ отвѣтъ на это послѣдовалъ разсчетъ всѣхъ 30.000 рабочихъ хлопчато-бумажнаго производства. Локаутъ продолжался четыре мѣсяца и кончился пораженіемъ рабочихъ. Что переживали въ это время лодзинскіе рабочіе, объ этомъ только слабое представленіе давали проникавшія въ газеты свѣдѣнія. «По городу движутся въ разныхъ направленіяхъ сотни человѣческихъ тѣней, истощенныхъ, голодныхъ, обнищавшихъ, иззябшихъ. То отцы семействъ блуждаютъ по оживленнымъ улицамъ богатыхъ кварталовъ, еще не рѣшаясь протянуть руку. «Для голодныхъ ребятъ!»—слова эти застываютъ на устахъ жертвъ локаута... А съ другой стороны безпрерывные крахи.» Такъ писала польская безпартійная газета, а с.-д. «Volks-Zeitung» сообщала: «Послѣдствія лодзинскаго локаута становятся съ каждымъ днемъ все ужаснѣе... Страданія рабочихъ не поддаются описанію... Десятки людей падаютъ на улицахъ отъ истощенія. Рабочіе уже продали все, что могли... Больше уже нѣтъ ничего. Никакихъ видовъ на помощь. Полиція арестуетъ и высылаетъ... Опустѣніе города страшное.. Нищета растетъ изо дня въ день. Безработные разсѣялись по городамъ и городишкамъ, усиливая нужду». Сталъ замѣчаться сильный ростъ заболѣваній на почвѣ голода. Нападенія на «частную собственность» достигли неслыханныхъ размѣровъ, при чемъ крали картофель, капусту, черствый хлѣбъ... Начались многочисленныя выселенія неисправныхъ квартирантовъ. Къ этимъ ужасамъ прибавилась еще охота на людей, которой занималась шайка націоналистическихъ рабочихъ. Это была въ буквальномъ смыслѣ слова охота на соціалистовъ. Пристрѣливались рабочіе на улицахъ, въ домахъ, на фабрикахъ. Въ рабочихъ кварталахъ царила паника.

А время шло. Рабочіе всей Россіи приняли горячее участіе въ лодзинскомъ локаутѣ, оказывая посильную помощь. Но она была безсильна остановить страшное развитіе смертности отъ истощенія и голода. Но, помимо того, надъ прекращеніемъ локаута работала крупная политическая сила—націоналъ-демократическая партія. Истомленные нуждой и голодомъ рабочіе соглашались подчиниться большинству предъявленныхъ имъ требованій, но они не могли дать своей санкціи на увольненіе 98 рабочихъ фабрики Познанскаго. Націоналъ-демократы постарались обойти это препятствіе. По ихъ порученію, ксендзъ Альбрехтъ предпринялъ обходъ всѣхъ назначенныхъ къ увольненію 98 рабочихъ, убѣждая каждаго въ отдѣльности отказаться отъ мѣста на фабрикѣ Познанскаго. Ему удалось убѣдить 60 человѣкъ. Чтобы сломить упорство осталь-

ныхъ, національ-демократія аппелировала къ массѣ. Она созвала собраніе рабочихъ Познанскаго и добилась, въ концѣ концовъ, того, что сопротивленіе рабочихъ было сломлено и фабрики были опять пущены въ ходъ. Цѣною дезорганизаціи рабочихъ національ-демократы добились побѣды капитала и усиленія своего собственнаго вліянія въ рабочей средѣ.

Локауты этимъ не кончились. Локаутная эпидемія продолжала свирѣпствовать. Фабриканты обуви, фабриканты конвертовъ, галстуховъ, чулокъ въ Варшавѣ—всѣ и каждый организуютъ свой локаутъ. Въ Житомірѣ къ локауту прибѣгли портные, въ Минскѣ спичечные фабриканты, въ Бердичевѣ фабрики табачныя и папиросныя. «Въ теченіе одного декабря мѣсяца корреспонденты «Фолксцейтунгъ» сообщили о локаутахъ изъ слѣдующихъ мѣстъ: Минскъ, Бердичевъ, Мозырь, Сморгонь, Варшава, Кременчугъ, Витебскъ, Одесса, и изъ цѣлаго ряда городковъ и мѣстечекъ Могилевской, Минской, Гродненской, Кіевской, Витебской и другихъ губерній. Въ нѣкоторыхъ городахъ поговариваютъ уже о «всеобщей стачкѣ» хозяевъ. Среди всей массы этихъ локаутовъ выдѣляется, и по размѣрамъ и по ожесточенности борьбы, и по организованности борющихся сторонъ, локаутъ, объявленный владѣльцами щетинныхъ фабрикъ польскаго раіона. Въ этой области производства давно уже существуютъ сложившіяся организаціи рабочихъ, которыя теперь вновь объединились въ примыкающій къ бунду общій центральный союзъ. Противъ этого союза повели энергичную кампанію об'единившіеся и организовавшіе синдикатъ хозяева. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ отношенія между рабочими и хозяевами были натянуты до крайней степени. Хозяева ждали лишь удобнаго случая, чтобы объявить войну рабочимъ. Послѣ съѣзда фабрикантовъ щетинщиковъ польскаго раіона одновременно во всемъ районѣ было объявлено хозяевами прекращеніе работъ... Этотъ локаутъ щетинщиковъ польскаго района немедленно отразился и въ литовскомъ районѣ. Такой же локаутъ, захватывающій все производство и переходящій изъ одного края Россіи въ другой, начинается и въ области кожевеннаго производства. И здѣсь застрѣльщиками явились фабриканты польскаго района» [1]).

Скоро локаутная эпидемія распространилась по всей Россіи. Отмѣтимъ здѣсь изъ болѣе значительныхъ локаутъ 5.000 рабочихъ брянскаго завода въ Екатеринославѣ, локауты типографскихъ рабочихъ въ Кіевѣ, Житомірѣ, Таганрогѣ, Саратовѣ, Минскъ, Тифлисѣ и Москвѣ (въ февралѣ 1907 г.).

Во многихъ случаяхъ при локаутахъ среди требованій, предъявлявшихся объединенными хозяевами, значилось требованіе о непризнаніи профессіональныхъ союзовъ рабочихъ. Въ Одессѣ же хозяева, при содѣйствіи администраціи, предприняли формальный походъ на одинъ изъ мѣстныхъ союзовъ и привели къ длительной забастовкѣ, дезорганизовавшей въ концѣ концовъ ряды рабочихъ, точно также какъ это было въ Лодзи. Мы уже говорили о попыткѣ закрыть союзъ пароходныхъ командъ, такъ называемую «Регистрацію», и о томъ, что команды данной забастовкой отстояли тогда свою организацію. Вынужденные уступить, владѣльцы предпріятій и мѣстная администрація подготовляли новый походъ на союзъ. Администрація совмѣстно съ представителями пароходныхъ фирмъ выработала уставъ новаго «общества пароходныхъ командъ» и

[1]) „Наша Трибуна“ № 5, стр. 14—15

разъяснила, что такъ какъ «регистрація» образована лишь временно, а теперь утвержденъ уставъ новаго «общества», то старая «Регистрація» закрывается. По уставу новаго общества у организаціи отнималась самостоятельность, все переходило въ руки пароходныхъ владѣльцевъ и администраціи. До тѣхъ поръ «Регистрація» была хозяиномъ на пароходахъ; она принимала матросовъ, она распредѣляла ихъ по пароходамъ и т. д. По новому уставу все уничтожалось. 20-го ноября по распоряженію одесскаго генералъ-губернатора «Регистрація» была закрыта на томъ основаніи, что учреждается профессіональное общество командъ русскаго общества пароходства и торговли. Немедленно по закрытіи союза былъ арестованъ его предсѣдатель и отобраны бумаги правленія, и тотчасъ же правленія пароходныхъ обществъ предъявили новыя условія найма: восьмичасовой рабочій день отнимается, плата за сверхурочныя работы отмѣняется, третейскій судъ отмѣняется. Команды отвѣтили на это забастовкой, которая къ 22 ноября охватила всѣ пароходы. Жизнь въ порту замерла, пароходы не уходили.

Пароходная администрація, съ своей стороны, готовилась къ этому моменту. Она организовала цѣлыя группы штрейкбрехеровъ, которые должны были занять мѣсто бастующихъ. Въ этомъ отношеніи ей на помощь пришелъ одесскій «союзъ русскаго народа». Немедленно дано было знать въ другія отдѣлѣнія «союза русскаго народа» и скоро армія штрейкбрехеровъ наводнила Одессу. Нѣкоторые пароходы отправились при помощи вновь испеченной команды, но неопытные рабочіе не могли замѣнить старую опытную команду. 3 парохода сѣли на мель, пароходъ «Новороссійскъ», благодаря неопытности команды, сгорѣлъ и выбросился близъ Судака, причемъ 700 солдатъ едва спаслись. Команду, непривычную къ бурямъ, постоянно укачивало и она бывала не въ состояніи исполнять приказанія капитановъ, выгрузка и нагрузка производилась крайне неумѣло. Тѣмъ не менѣе уже одно появленіе массы штрейкбрехеровъ не могло не внести нѣкотораго разложенія въ среду забастовщиковъ.

Портовые рабочіе, занимающіеся нагрузкой и выгрузкой пароходовъ, сыгравшіе видную роль въ лѣтней забастовкѣ, присоединились 27 ноября къ забастовкѣ, не выставивъ никакихъ требованій: они пристали просто изъ солидарности. Но на этотъ разъ это мало помогло бастующимъ въ виду упорства предпринимателей, пользовавшихся всѣми силами реакціи. Стачечному комитету, который до тѣхъ поръ имѣлъ дѣло только съ хорошо организованными пароходными командами, пришлось поддерживать матеріально и морально тысячи неорганизованныхъ рабочихъ, которыхъ скорѣе можно было замѣнить штрейхбрехерами, чѣмъ матросовъ. Портовые рабочіе начали понемногу приступать къ работѣ, но привезенные изъ Кіева, Кишенева и другихъ городовъ штрейхбрехеры наводнили портъ, вызывая постоянныя столкновенія. Когда разложеніе въ рабочей средѣ пошло уже достаточно далеко, въ дѣло вмѣшались анархисты: попытки взорвать пароходы, на которыхъ работали черносотенцы, повели къ усиленію репрессій, къ распрямъ среди бастующихъ и къ ихъ окончательной деморализаціи.

Другой грозный врагъ, мѣшавшій плодотворной дѣятельности профессіональныхъ союзовъ, была все усиливающаяся безработица. «Всѣ поѣзда въ Во-

сточную Сибирь—писала газета «Оренбургскій Край»—переполнены рабочими, чающими найти работу за Байкаломъ на Амурской дорогѣ и въ Манчжуріи. Но работы нѣтъ, и поѣзда возвращаются столь же переполненными назадъ. Вокзалы переполнены безработными. На почвѣ безработицы развивается воровство—люди идутъ на все, чтобы только не умереть съ голоду». Въ Петербургѣ въ ноябрѣ число безработныхъ достигло 14.000, тогда какъ на общественныхъ работахъ могли кормиться около 2.000 человѣкъ. 3 ноября петербургская Дума окончательно отвергла закрытой баллотировкой предложеніе испытательной комиссіи общественныхъ работъ ассигновать 400.000 руб. для оказанія дальнѣйшей помощи безработнымъ. Этому отказу предшествовала борьба безработныхъ и лѣвыхъ гласныхъ. Когда предложеніе комиссіи было внесено въ первый разъ, отстаивать его въ Думу явилась депутація отъ безработныхъ въ количествѣ 7 человѣкъ. Представитель безработныхъ въ яркой и образной рѣчи обрисовалъ положеніе безработныхъ. Тысячи людей съ наступленіемъ зимы, буквально ничего не имѣющіе, будутъ выброшены на улицу; безработица довела ихъ мало-по-малу до нищеты. Прекратить помощь въ этотъ наиболѣе трудный моментъ это значитъ уничтожить все то крупное дѣло, которое начато городомъ. Не слѣдуетъ забывать, говорилъ ораторъ, что голодная смерть ужаснѣе всѣхъ репрессій, поэтому пусть не удивляются, если подъ вліяніемъ безработицы увеличиваются экспропріаторскіе факты. Цѣлый рядъ либеральныхъ гласныхъ высказался въ пользу ассигнованія... Черносотенные гласные провалили это предложеніе.

Центральное бюро профессіональныхъ союзовъ Петербурга выразило свой протестъ противъ такого поведенія Городской Думы: «Этимъ своимъ поступкомъ Петербургская Городская Дума лишній разъ показала, до какихъ предѣловъ пренебреженія къ нуждамъ рабочаго класса могутъ доходить органы самоуправленія, избранные не на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Центральное бюро клеймитъ презрѣніемъ буржуазную Думу, рѣшившую осудить на муки голода тысячи рабочихъ семействъ». Съ своей стороны исполнительный комитетъ совѣта безработныхъ выпустилъ къ гражданамъ воззваніе, въ которомъ, передавая весь ходъ борьбы за общественныя работы, говоритъ: «Граждане, здѣсь затронуты не только интересы безработныхъ, здѣсь затронуты интересы всего населенія, интересы всѣхъ васъ, и вы должны сказать это Думѣ. Вопросъ о безработныхъ снова подымается передъ Городской Думой, такъ какъ безработные не будутъ молча дожидаться голодной смерти... Заклеймите презрѣніемъ трусливое и жестокое дѣло Городской Думы. И когда въ самомъ близкомъ времени ей придется снова вернуться къ ненавистному для нея вопросу о безработныхъ, громко скажите этой кучкѣ людей, хозяйничающей надъ вашими деньгами: согласны ли вы, чтобы цѣною мукъ голода тысячъ семействъ, цѣною развитія болѣзней и преступленій дума наводила въ расходованіи вашихъ денегъ экономію, и чтобъ, вслѣдъ за тѣмъ, расхищала она эти деньги обычнымъ порядкомъ». [1])

---

[1]) „Наше Дѣло“, № 9, стр. 11-12.

И въ московскомъ промышленномъ районѣ съ наступленіемъ осени наплывъ безработнаго крестьянства заставлялъ рабочихъ сократиться и вооружиться терпѣніемъ на цѣлую зиму. По свѣдѣніямъ, собраннымъ газетой «Рабочій Союзъ», безработица приняла всюду ужасные размѣры: небывалая безработица наблюдалась въ Саратовѣ, Симбирскѣ, Царицынѣ, Казани, Астрахани и другихъ приволжскихъ городахъ, гдѣ число безработныхъ насчитывалось десятками тысячъ.

Растущая безработица заставляла самихъ рабочихъ искать какого-нибудь выхода для нуждающихся товарищей. Нѣкоторые петербургскіе союзы стали открывать общежитія для безработныхъ, затѣмъ на цѣломъ рядѣ собраній принимались рѣшенія—безусловно отказываться отъ исполненія сверхурочныхъ работъ и передавать ихъ безработнымъ. Большинство петербургскихъ союзовъ установило правильную выдачу пособій безработнымъ. Наиболѣе крупные изъ союзовъ печатниковъ тоже ввели у себя помощь во время безработицы. Въ Одессѣ во многихъ союзахъ практиковалась помощь безработнымъ путемъ уступки работающими одного илъ двухъ дней работы въ недѣлю безработнымъ. Этотъ же видъ помощи былъ распространенъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Иногда рабочіе, чтобы помѣшать увольненію рабочихъ, соглашались на распредѣленіе работъ всего наличнаго контингента рабочихъ.

Рядомъ съ этимъ, шла работа по укрѣпленію профессіональныхъ организацій и по установленію болѣе прочныхъ связей между одноименными союзами разныхъ городовъ. Это стремленіе къ объединенію привело къ ряду конференцій и съѣздовъ, на которыхъ вырабатывалась общая тактика союзовъ по цѣлому ряду злободневныхъ вопросовъ. Укажемъ здѣсь наиболѣе важныя изъ этихъ конференцій. Третій съѣздъ обществъ взаимопомощи лицъ частнаго служебнаго труда происходилъ въ Москвѣ въ іюнѣ 1906 г.; первая конференція профессіональныхъ союзовъ портновскаго цеха—въ Москвѣ въ августѣ 1906 г.; первая конференція союзовъ рабочихъ по металлу съ участіемъ представителей бакинскаго, петербургскаго, витебскаго и луганскаго союзовъ—въ Москвѣ въ февралѣ 1907 г.; первая областная конференція профессіональныхъ союзовъ рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ—въ Москвѣ въ февралѣ 1907 г.; первая конференція рабочихъ архитектурно-строительнаго дѣла—въ Москвѣ въ февралѣ 1907 г.; конференція техниковъ—въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1907 г.; всероссійская конференція союзовъ рабочихъ печатнаго дѣла—въ Гельсингфорсѣ въ апрѣлѣ 1907 г. Кромѣ того, въ сроки, точно неизвѣстные, происходили: первая конференція рабочихъ чайныхъ развѣсокъ въ Москвѣ, учредительный съѣздъ профессіональныхъ союзовъ рабочихъ кожевенниковъ сѣверо-западнаго края; поволжская конференція профессіональныхъ союзовъ печатниковъ; областныя конференціи торговыхъ служащихъ и портныхъ московскаго района, конференція безпартійныхъ союзовъ приказчиковъ Литвы, конференція партійныхъ союзовъ ткачей Царства Польскаго; конференція рабочихъ по изготовленію одежды Поволжья и Урала, съѣздъ союзовъ рабочихъ сахарнаго производства Царства Польскаго и т. д. «Наилучше подготовленной и наиболѣе полно представленной была *первая всероссійская конференція печатниковъ*. На ней присутствовали 72 делегата отъ 57 союзовъ изъ 43 городовъ, представлявшихъ собою 29.197 чле-

новъ союза (изъ нихъ 20.162 платящихъ аккуратно членскіе взносы); на конференціи *союзовъ рабочихъ по металлу* присутствовали 29 делегатовъ отъ 18 союзовъ, представлявшихъ 27.431 членовъ союза; на конференціи *текстильныхъ рабочихъ* присутствовали 16 делегатовъ съ рѣшающимъ голосомъ отъ 13 союзовъ, представлявшихъ около 10.000 рабочихъ; на *съѣздѣ кожевенниковъ* (сѣв.-зап. края) присутствовали 26 делегатовъ отъ 17 союзовъ, представлявшихъ около $4^1/_2$ тысячъ организованныхъ рабочихъ; на *3-мъ съѣздѣ обществъ взаимопомощи лицъ частн. служ. труда* присутствовали 111 делегатовъ отъ 41 общества взаимоп. и проф. союзовъ; на конференціи безпартійныхъ *союзовъ ткачей Ц. Польскаго* присутствовали съ рѣшающимъ голосомъ 17 представителей изъ 9 городовъ, насчитывающихъ до 25.000 рабочихъ; на съѣздѣ *союзовъ рабочихъ сахарнаго производства Ц. Польскаго* присутствовали 76 делегатовъ изъ 35 пунктовъ, представлявшихъ 3.080 организованныхъ рабочихъ» [1]).

На этихъ съѣздахъ и конференціяхъ обсуждались рѣшительно всѣ вопросы организаціонные, экономическіе и политическіе, которые въ то время занимали умы передовыхъ рабочихъ или ставились жизнью на практическое рѣшеніе массъ. Поэтому, знакомство съ рѣшеніями, здѣсь принятыми, даетъ наиболѣе ясное представленіе о стремленіяхъ и задачахъ, которыя ставилъ себѣ въ это время тонкій, но все же довольно многочисленный слой рабочихъ, пробовавшихъ укрѣпить свои позиціи на профессіональныхъ союзахъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ о безработицѣ и локаутахъ дебатируется съ той или другой стороны на каждой изъ этихъ конференцій. Рабочіе по металлу подошли къ вопросу о локаутахъ съ принципіальной стороны и для «успѣшной борьбы рабочихъ противъ организованныхъ капиталистовъ съ ихъ тактикой локаутовъ» признаютъ необходимыми «созданіе сильныхъ профессіональныхъ организацій и объединеніе ихъ въ областные и всероссійскіе союзы» и «полную согласованность дѣйствій экономической и политической организацій рабочаго класса».

На ту же точку зрѣнія стала конференція текстильщиковъ, призвавшая всѣхъ рабочихъ для борьбы съ локаутами «къ энергичному и немедленному объединенію въ профессіональные союзы», «къ полной согласованности дѣйствій экономической и политической организаціи рабочаго класса», «къ тѣсному сплоченію для наиболѣе успѣшной политической борьбы и скорѣйшаго наступленія соціализма и къ оказанію возможно большей денежной помощи лодзинскимъ товарищамъ, пострадавшимъ отъ локаута». На текстильщиковъ лодзинскій локаутъ не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія. Они ожидали, что къ такому же локауту въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ должны прибѣгнуть и фабриканты центральнаго района, а потому они не могли ограничиться исключительно принципіальными резолюціями и придумываютъ мѣры практической борьбы. Пользуясь оживленіемъ текстильной промышленности въ районѣ, они готовятся предупредить локаутъ областной забастовкой, для чего предлагаютъ повести широкую агитацію «для внѣдренія въ сознаніе массъ идеи не-

[1]) *В. Гриневичъ.* „Профессіональное движеніе рабочихъ въ Россіи". Стр. 254.

обходимости областной забастовки», «усиленно приступить къ организаціи профессіональныхъ союзовъ» и «удерживать массы отъ частичныхъ забастовокъ» [1]).

Вопросъ о помощи безработнымъ и о борьбѣ съ безработицей былъ всего детальнѣе разработанъ на конференціи печатниковъ, которая постановила: «производить при союзахъ регистрацію безработныхъ, какъ членовъ, такъ и не членовъ; выдавать пособія въ обычное время только членамъ, а во время массовой безработицы и массоваго разсчета и не членамъ съ разрѣшенія общаго собранія. Той же цѣли должна служить установленная для членовъ союзовъ дорожная помощь. Для уменьшенія безработицы, конференція приглашаетъ бороться за уничтоженіе сверхурочныхъ работъ и во время безработицы добиваться распредѣленія работъ между работающими и безработными». Конференція портныхъ тоже высказалась за образованіе бюро для найма состоящихъ исключительно изъ представителей отъ рабочихъ, а текстильщики выставили требованіе восьмичасового рабочаго дня, установленія непрерывнаго еженедѣльнаго отдыха въ 42 часа, полнаго уничтоженія безплатныхъ и сверхурочныхъ работъ [2]).

Вопросъ о заработной платѣ, какъ это само собою разумѣется, тоже долженъ былъ занять умы представителей профессіональныхъ союзовъ. Вопросъ о замѣнѣ сдѣльной платы повременной вызвалъ горячіе дебаты на конференціи текстильныхъ рабочихъ, какъ и на конференціи печатниковъ, причемъ первая отказалась отъ принятія какой-либо резолюціи по этому вопросу, тогда какъ вторая высказалась за необходимость замѣны сдѣльной платы повременной и рекомендовала приступить къ проведенію въ жизнь этого принципа. Конференція портныхъ также признала необходимой борьбу за поденную плату.

Въ нѣсколько иной формѣ вопросъ о заработной платѣ стоялъ передъ строительными рабочими, у которыхъ она въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ формъ найма. Поэтому, резолюція конференціи этихъ рабочихъ требуетъ, чтобы «высота заработной платы устанавливалась мѣстными профессіональными союзами для каждаго цеха въ отдѣльности и въ формѣ опредѣленной денежной суммы за рабочій день или часъ».

Противъ харчевого и квартирнаго довольствія отъ подрядчиковъ возстала также конференція строительныхъ рабочихъ, предложившая «строительнымъ союзамъ употреблять всѣ усилія къ организаціи столовыхъ и общежитій совмѣстно съ другими союзами» на кооперативныхъ началахъ. Въ связи съ этимъ возникъ вопросъ и о кооперація производительной или, вѣрнѣе, объ артели. Дѣло въ томъ, что въ періодъ массовыхъ разсчетовъ и безработицы повсюду стали возникать артели для выполненія опредѣленныхъ работъ помимо подряд-

[1]) Резолюція печатниковъ о локаутѣ вмѣняетъ всѣмъ союзамъ въ обязанность „смотрѣть на борьбу со всякимъ локаутомъ, какъ на самое близкое себѣ дѣло и оказывать товарищамъ въ этой борьбѣ энергичную поддержку всякаго рода“.

[2]) Соотвѣтственно особымъ условіямъ труда и найма, конференція строительныхъ рабочихъ рекомендуетъ всѣмъ строительнымъ союзамъ „для борьбы съ обычнымъ весеннимъ переполненіемъ рынковъ и для урегулированія передвиженія рабочихъ массъ... добиваться легальныхъ биржъ для найма“, гдѣ „союзы должны сосредоточить въ своихъ рукахъ посредническую дѣятельность между спросомъ и предложеніемъ“.

чиковъ. Конференція большинствомъ голосовъ приняла резолюцію, признававшую артели «безусловно вредными» и считавшую «необходимымъ бороться противъ ихъ возникновенія», такъ какъ онѣ «испытываютъ на себѣ всѣ отрицательныя стороны сдѣльной работы и стремятся при этомъ выродиться въ кучку предпринимателей». У портныхъ же вопросъ объ артеляхъ былъ связанъ съ борьбой противъ посредниковъ. Признавъ необходимымъ «бороться за уничтоженіе хозяйчиковъ-посредниковъ», конференція союзовъ портныхъ отказалась отъ борьбы путемъ организаціи артелей, «превращающихъ своихъ членовъ въ тѣхъ же капиталистовъ», и рекомендовала борьбу законодательнымъ путемъ: «когда представителямъ рабочаго класса удастся провести законъ объ улучшеніи гигіеническаго состоянія мастерскихъ, когда законъ этотъ начнетъ примѣняться, тогда исчезнутъ и посредники».

Вернемся, однако, къ вопросу о заработной платѣ. На конференціи текстильщиковъ былъ поднятъ вопросъ о минимумѣ заработной платы и послѣ недолгихъ преній рѣшено, что установленіе такого минимума возможно только на мѣстахъ. На конференціи печатниковъ вопросъ этотъ обсуждался въ связи съ вопросомъ о тарифѣ и о тактикѣ борьбы за него. Констатировавъ, что въ различныхъ городахъ и областяхъ Россіи существуетъ самая рѣзкая разница въ высотѣ заработной платы,—разница, которая «не стоитъ въ соотвѣтствіи ни со стоимостью жизни, ни съ высотой издержекъ производства и предпринимательской пробыли на мѣстахъ»; исходя далѣе изъ того положенія, что «каждому рабочему долженъ быть обезпеченъ минимальный заработокъ, достаточный для удовлетворенія его необходимыхъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей»,— конференція рекомендуетъ «прежде всего направить усилія организацій на проведеніе по всѣмъ областямъ минимума заработной платы, установленной соотвѣтственнымъ областнымъ центромъ». Но при этомъ, «не останавливаясь на этой минимальной ступени, мѣстныя организаціи должны стремиться достичь оплаты возможно болѣе высокой при данныхъ условіяхъ производства». Что касается тактики, то конференція полагала, что «установить общую тактику веденія стачечной борьбы невозможно: эта тактика должна прежде всего отличаться гибкостью, должна сообразоваться съ особенностями мѣста и времени борьбы»; что бойкотъ долженъ примѣняться «съ достаточной осторожностью, чтобы неправильнымъ или неудачнымъ его примѣненіемъ не ослаблялись его значеніе и сила»; что «въ настоящее время цѣлесообразно заключать временныя (тарифныя) соглашенія съ предпринимателями или безъ указанія срока, или на срокъ не свыше одного года».

Изъ другихъ резолюцій, устанавливающихъ экономическую политику союзовъ и ихъ тактику въ борьбѣ, отмѣтимъ резолюціи конференціи печатниковъ по вопросу объ ограниченіи доступа въ промыселъ, резолюціи текстильщиковъ о наймѣ, о преміяхъ, о женскомъ трудѣ и резолюціи строительныхъ рабочихъ о безопасности работъ. Конференція печатниковъ отвергла всѣ мѣры, направленныя къ ограниченію ученичества, и «единственно дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ эксплоатаціей учениковъ» признала «средства, направленныя къ улучшенію ихъ положенія». Конференція установила равноправность женскаго труда и признала недопустимымъ бороться противъ введенія наборныхъ ма-

шинъ. Конференція текстильщиковъ также считалась «съ введеніемъ техническихъ усовершенствованій, какъ съ неизбѣжной необходимостью въ фабрично-заводскомъ производствѣ», но считала нужнымъ требовать извѣстныхъ гарантій противъ ухудшенія положенія рабочихъ. Высказавшись затѣмъ противъ системы премій, противъ произвольныхъ увольненій безъ согласія союзовъ и за усиленное привлеченіе женщинъ въ профессіональныя организаціи, конференція приняла общую экономическую платформу изъ 8 пунктовъ, выписанныхъ изъ программы-минимумъ соціалъ-демократической партіи или представляющихъ практическій выводъ изъ этой программы. Строительные рабочіе, съ своей стороны, тоже считаютъ весьма важнымъ вопросъ объ ученичествѣ и рекомендуютъ обратить главное вниманіе «на правильную постановку обученія, на установленіе опредѣленнаго срока обученія и заработной платы для каждаго цеха». Для надзора за санитарно-гигіеническими условіями въ строительной промышленности и для надзора за безопасностью лѣсовъ, въ виду полной бездѣятельности существующихъ городскихъ и полицейскихъ комиссій, конференція предлагаетъ всѣмъ союзамъ строительныхъ рабочихъ взять въ свои руки надзоръ, выдѣляя для этого соотвѣтствующія комиссіи.

Переходимъ къ вопросу организаціонному. На конференціи портныхъ былъ поднятъ вопросъ о созданіи всероссійскаго профес. союза портныхъ. Торопились съ централизаціей раньше, чѣмъ на мѣстахъ существовали прочныя организаціи. До того времени связующимъ звеномъ между союзами являлся органъ петербургскаго союза портныхъ. Конференція рѣшила продолжать разсылку журнала въ болѣе широкихъ, чѣмъ прежде, размѣрахъ и въ то же время заняться устройствомъ областныхъ конференцій. Вся Россія тутъ же была распредѣлена на области, во-главѣ которыхъ былъ поставленъ одинъ изъ союзовъ, участвовавшихъ на конференціи; на обязанности этихъ союзовъ должна была лежать агитація и организація портныхъ близьлежащихъ городовъ, созывъ представителей союзовъ изъ этихъ городовъ на конференціи и подготовка основы будущаго всероссійскаго союза, который долженъ быть учрежденъ на ближайшемъ съѣздѣ представителей всѣхъ портновскихъ союзовъ.

Къ всероссійскому объединенію черезъ областные съѣзды и областныя организаціи стремились и строительные рабочіе, но они не позабыли, по крайней мѣрѣ въ резолюціи, позаботиться объ объединеніи на мѣстахъ «всѣхъ строительныхъ рабочихъ въ одинъ союзъ съ одной общей кассой». Текстильщики прямо заявили о необходимости «создать Центральное бюро, которое руководило бы всей экономической борьбой рабочихъ», а выбранному на конференціи областному бюро послѣдняя рекомендовала «развить свою дѣятельность такъ, чтобы шагъ за шагомъ, по мѣрѣ роста опыта и авторитета областного бюро въ массахъ, оно могло принять на себя функціи Центральнаго бюро». Этотъ гиперцентрализмъ только свидѣтельствовалъ о внутренней слабости тѣхъ мѣстныхъ организацій, которыя думали резолюціями создать прочное объединеніе. Гораздо осторожнѣе къ вопросу о сліяніи союзовъ отнеслись печатники, конференція которыхъ признала, что созданіе сразу всероссійскаго централизованнаго союза, который можетъ существовать лишь опираясь на прочные областные союзы, было бы лишь фикціей. Съ организаціи областныхъ союзовъ, да и то

не по опредѣленному шаблону, а сообразуясь съ мѣстными условіями, и рѣшено было начать дѣло объединенія. Рядомъ съ этимъ, намѣченъ рядъ мѣръ для фактическаго объединенія отдѣльныхъ сторонъ союзной дѣятельности: такъ рѣшено за общій счетъ всѣхъ союзовъ приступить къ совмѣстной постановкѣ дорожной помощи; избранному на конференціи Центральному Совѣту поручено предпринять шаги для установленія единообразія въ организаціи мѣстныхъ союзовъ. Конференція высказалась противъ организаціи по профессіямъ, но внутри союза допустила образованіе секцій, съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ своей боевой дѣятельности секціи были подчинены общесоюзнымъ органамъ [1]).

Наконецъ, рабочіе по металлу предоставили вопросъ объ объединеніи рѣшать предположенному всероссійскому съѣзду, а на своей конференціи занялись вопросомъ о лучшей формѣ организаціи на мѣстахъ. Высказавшись за организацію по предпріятіямъ, конференція рекомендовала «устраивать цеховыя собранія для выясненія особыхъ нуждъ» цеховъ, входящихъ въ союзъ, образовывать «делегатскія собранія съ представительствомъ отъ заводовъ и мастерскихъ пропорціонально числу членовъ союза» для болѣе близкой и тѣсной связи съ массой членовъ и выбирать «заводскій совѣтъ изъ представителей различныхъ цеховъ, пропорціонально числу членовъ» для завѣдыванія дѣлами союза на заводахъ.

Въ связи съ вопросомъ о сліяніи былъ поднятъ на конференціи печатниковъ вопросъ о партійности союзовъ. Въ Польшѣ и Сѣверо-западномъ краѣ существовали, да и сейчасъ существуютъ, партійные союзы. На конференціи была нарисована весьма печальная картина положенія дѣлъ въ Польшѣ. Каждая партія стремилась организовать свой особый союзъ, и въ результатѣ въ Варшавѣ оказалось семь союзовъ рабочихъ печатнаго дѣла, изъ которыхъ нѣкоторые были партійными только по названію, т. к. въ погонѣ за членами не всегда считались съ политическимъ credo вновь вступающаго. Конференція печатниковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась за непартійность союзовъ. Также рѣшительно противъ всякаго «дробленія силъ рабочихъ въ области экономической борьбы» и противъ «попытокъ использовать профессіональныя организаціи для дискуссій партійно-политическаго характера »высказалась конференція рабочихъ по металлу, рекомендуя рабочимъ организовать для достиженія своихъ цѣлей профессіональные союзы, независимо «отъ національности, религіозныхъ и политическихъ убѣжденій».

Вопросомъ о предъявленіи опредѣленныхъ требованій къ государству конференціи занимались чрезвычайно мало. Только конференція рабочихъ по металлу приняла детально обоснованную резолюцію о правительственныхъ законопроектахъ по рабочему вопросу, которые признавались «покушеніемъ на права рабочаго класса», попыткой «создать фабричное законодательство, не опирающееся на самодѣятельность рабочаго класса и идущее рука объ руку съ уничтоженіемъ его профессіональныхъ организацій». Конференціи портныхъ и строительныхъ рабочихъ предъявили нѣкоторыя свои требованія въ положительной формѣ. Первые высказались за организацію законодательнымъ путемъ правильной медицинской помощи, а вторые предлагали вести борьбу за государственное

[1]) К. Дмитріевъ, Всеросс. конфер. печатниковъ. Отклики, II.

страхованіе рабочихъ за счетъ предпринимателей «для обезпеченія же на случай увѣчій, потери трудоспособности, инвалидности». Конференція печатниковъ занялась болѣе общимъ вопросомъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ и указала въ резолюціи на необходимость организоваться около Думы и принимать посильное участіе въ ея повседневной работѣ.

Не остались глухи профессіональные союзы и къ новому, зарождавшемуся въ это время среди рабочихъ движенію, — кооперативному. Проявившееся на почвѣ необычнаго подъема цѣнъ на предметы первой необходимости зимою 1906—1907 г., движеніе вскорѣ приняло довольно широкіе размѣры. Въ первую очередь рабочіе пробовали аппелировать къ органамъ мѣстнаго самоуправленія [1]). Такъ въ Петербургѣ заводскіе и фабричные комитеты семянниковскаго, обуховскаго и александровскаго заводовъ и фабрикъ Максвеля и Паля избрали изъ своей среды представителей въ спеціальную комиссію для выработки мѣръ борьбы съ голодомъ. Рабочіе предполагали путемъ устройства митинговъ, собраній, вынесенія резолюцій и непосредственнаго обращенія въ городскую думу заставить ее установить принудительную таксу на хлѣбъ и другіе жизненные припасы и открыть на городскія средства хлѣбопекарни. Особенно организованный характеръ носило это движеніе на Выборгской Сторонѣ. На рядѣ заводскихъ митинговъ и собраній по отдѣльнымъ мастерскимъ выбирались представители на спеціальную конференцію, которая должна была обсудить вопросъ и выработать резолюцію для представленія въ городскую думу. Конференція эта, на которой присутствовали 604 представителя отъ 28 предпріятій, состоялась въ первыхъ числахъ февраля 1907 года и выставила требованіе образованія при городской думѣ смѣшанной комиссіи изъ равнаго числа думскихъ гласныхъ и петербургскихъ рабочихъ для принятія рѣшительныхъ мѣръ къ пониженію цѣнъ на жизненные припасы. Изъ этого движенія ничего не вышло, какъ не вышло изъ другихъ болѣе стихійныхъ движеній, вылившихся, въ особенности въ центральномъ промышленномъ районѣ, въ рядъ частныхъ забастовокъ и даже въ захватъ рабочими города, какъ это имѣло мѣсто въ Кинешмѣ, гдѣ начавшееся въ концѣ января движеніе вылилось въ срединѣ февраля въ прекращеніи работъ на всѣхъ фабрикахъ города и окрестностей, сопровождавшееся огромными народными собраніями на базарной площади въ центрѣ города и выборомъ совѣта рабочихъ депутатовъ отъ всѣхъ фабрикъ (въ количествѣ 43 человѣкъ). Этотъ совѣтъ предъявилъ торговцамъ Кинешмы требованіе понизить цѣны на муку на 1 рубль съ мѣшка, давши 20 минутъ времени для отвѣта. Когда терроризованные купцы уступили, была выбрана отъ совѣта комиссія, которая, совмѣстно съ представителями городской управы, засѣдала ежедневно въ центрѣ города для пріема жалобъ на несоблюденіе установленныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Это «хозяйничаніе» рабочихъ продолжалось съ недѣлю, пока прибыли войска.

Пришлось искать новыхъ путей и однимъ изъ результатовъ этихъ исканій явилось зарождавшееся на новыхъ началахъ кооперативное движеніе, принявшее на первыхъ порахъ весьма разнообразныя формы: въ Варшавѣ и Баку

[1]) Кое-гдѣ дѣло доходило до бунтовъ и разгромовъ лавокъ. Такъ, въ селахъ Плесъ, Красномъ и др. движеніе противъ дороговизны цѣнъ на хлѣбъ выразилось въ разгромѣ лавокъ и кровавомъ столкновеніи съ полиціей и войсками.

открывались потребительныя лавки, въ Петербургѣ безработные кузнецы и столяры хлопотали объ открытіи кооперативныхъ мастерскихъ, а другіе приступали къ устройству кооперативныхъ пекаренъ; наконецъ, въ московскомъ районѣ разгоралась борьба между рабочими и фабричной администраціей за право владѣнія существовавшими при фабрикахъ потребительскими лавками. Ко времени всѣхъ перечисленныхъ нами конференцій это движеніе еще только начиналось, и потому отношеніе къ нему могло быть только теоретическимъ. Конференція союзовъ рабочихъ по металлу признала «потребительныя общества, построенныя на раціональныхъ основаніяхъ, учрежденіями, полезными для рабочаго класса и рекомендовала профессіопальнымъ союзамъ оказывать содѣйствіе возникновенію демократическихъ потребительныхъ обществъ и реорганизаціи существующихъ, проводя въ тѣхъ и другихъ: 1) исключеніе предпринимательски-капиталистическаго начала, 2) полную общедоступность для всѣхъ трудящихся, 3) тѣсную внутреннюю связь потребительныхъ обществъ съ профессіональными организаціями, 4) объединеніе обществъ въ союзы и 5) начало наличнаго разсчета, гарантирующее независимость потребительныхъ обществъ, какъ рабочихъ организацій». Напротивъ, портновскіе союзы отклонили отъ себя задачу организаціи потребительныхъ обществъ; ничего не имѣя противъ послѣднихъ принципіально, конференція нашла, однако, что «теперь не время союзамъ заниматься организаціей потребилокъ». Къ артелямъ производительнымъ большинство профессіональныхъ союзовъ, какъ уже указано, отнеслось отрицательно.

Было въ послѣдніе мѣсяцы 1906 г. нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ выступленій рабочихъ, но главное вниманіе было обращено на предстоявшіе выборы во II думу. На этихъ послѣднихъ мы еще остановимся подробнѣе, а пока укажемъ на нѣкоторыя изъ упомянутыхъ выступленій.

Состоявшемуся въ двадцатыхъ числахъ октября суду надъ петербургскимъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ [1]) были представлены резолюціи, покрытыя тысячами подписей петербургскихъ рабочихъ, протестовавшихъ, какъ говорилось въ одной изъ резолюцій, «противъ попытки правительства превратить въ простое тайное сообщество заговорщиковъ выборный органъ объединеннаго петербургскаго пролетаріата» и выражавшихъ свою полную солидарность съ привлеченными къ отвѣтственности членами Совѣта.

Въ память октябрьскихъ дней кое-гдѣ на югѣ удалось провести всеобщую забастовку. Въ Харьковѣ 13-го октября почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ состоялись общія собранія, на которыхъ были выработаны способы чествованія памяти героевъ, павшихъ въ октябрьскіе дни; 14-го—всѣ заводы и фабрики были закрыты, а 15-го газеты не вышли. Въ Екатеринославѣ 10-го октября рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ ушли съ работы съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ въ прошломъ году были баррикады, и пропѣли «вѣчную память» героямъ, павшимъ за свободу. На слѣдующій день, 11-го октября, чья-то заботливая рука умудрилась, несмотря на военные караулы, украсить мѣсто бывшихъ баррикадъ красными и черными флагами. А часамъ къ 11 этого же дня всѣ заводы забастовали.

---

[1]) Первое засѣданіе суда состоялось еще 20-го іюня, но тогда по формальнымъ причинамъ дальнѣйшее слушаніе дѣло было отложено.

Въ томъ же октябрѣ мѣсяцѣ нѣкоторое вниманіе обратило на себя выступленіе представителей бакинскихъ рабочихъ на нефтяномъ съѣздѣ въ Петербургѣ. Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ о такомъ же съѣздѣ, состоявшемся въ сентябрѣ 1905 г., и о рабочей делегаціи на этотъ съѣздъ. По возвращеніи въ Баку, эта делегація при содѣйствіи мѣстной соціалъ-демократической организаціи учредила на почвѣ закончившейся октябрской забастовки Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, который за время своей дѣятельности съ октября до конца декабря 1905 г. носилъ характеръ профессіональной организаціи, отстаивавшей промысловыя и заводскія нужды рабочихъ. Въ началѣ января начались гоненія на заводскія комиссіи, которыя входили въ составъ совѣта рабочихъ депутатовъ въ качествѣ заводскихъ делегатовъ. Въ стачечномъ движеніи наступило нѣкоторое успокоеніе, и въ это время начинаютъ формироваться профессіональныя общества. До октября 1905 г. въ городѣ существовалъ только союзъ приказчиковъ. Въ ноябрѣ возникъ профессіонально-политическій союзъ конторскихъ служащихъ и приказчиковъ. Въ мартѣ 1906 г. образовался черносотенный союзъ русскихъ рабочихъ, поставлявшій штрейкбрехеровъ, но не пользовавшійся никакимъ вліяніемъ. Въ началѣ апрѣля возникъ союзъ «Каспійскихъ моряковъ», включавшій первоначально пролетарскіе и непролетарскіе элементы. Въ іюнѣ за забастовку онъ былъ закрытъ, а послѣ мѣсячнаго перерыва на его мѣсто возникло два общества—общество судовыхъ механиковъ и общество Каспійскихъ моряковъ. 30-го іюля возникло профессіональное общество рабочихъ механическаго производства, привлекшее рядомъ съ союзомъ печатниковъ наиболѣе культурные элементы изъ бакинскихъ рабочихъ. На почвѣ организаціи союзовъ среди бакинскихъ рабочихъ возникали не разъ довольно крупныя разногласія. Въ первую очередь выступалъ вопросъ о формѣ организацій: нѣкоторые требовали организаціи всѣхъ рабочихъ нефтепромышленнаго района въ одинъ общій союзъ, тогда какъ другіе отстаивали необходимость особыхъ организаціи для рабочихъ механическаго производства, для рабочихъ по добычѣ нефти и для рабочихъ керосино-маслянаго производства. Далѣе началъ всплывать и національный вопросъ, такъ какъ націоналистическая армянская партія начинала организовывать отдѣльно союзы армянскихъ рабочихъ [1]).

Когда въ Баку распространился слухъ о предстоящемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ съѣздѣ нефтепромышленниковъ въ Петербургѣ, то большинство рабочихъ отнеслось къ этому довольно индифферентно. Только небольшая группа, человѣкъ въ 10, да и то главнымъ образомъ по иниціативѣ управляющихъ нѣкоторыхъ заводовъ, подала заявленіе въ совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ, предлагая хлопотать о допущеніи делегатовъ отъ рабочихъ на съѣздъ. Нефтепромышленники, озабоченные въ то время обезпеченіемъ «порядка» на промыслахъ и установленіемъ какого-нибудь соглашенія съ рабочими, согласились хлопотать о разрѣшеніи и даже выдать деньги на проѣздъ делегатовъ. «На заводахъ и промыслахъ начались выборы выборщиковъ»—разсказываетъ одинъ изъ делегатовъ на страницахъ органа петербургскаго союза рабочихъ по металлу. «10 октября было назначено первое собраніе, которое не состоялось, въ виду малочисленности

[1]) См. „Рабочій по металлу", № 6.

явившихся на него выборщиковъ. Второе собраніе было 12 октября. На немъ присутствовало (одинъ на 100) 195 выборщиковъ отъ 39 предпріятій. Такимъ образомъ, въ выборахъ выборщиковъ принимали участіе не всѣ рабочіе; объясняется это, съ одной стороны, тѣмъ урокомъ, который получили отъ посылки прошлогодней депутаціи, тѣмъ недовѣріемъ, съ другой стороны, которое вселяло во всѣхъ предупредительность капиталистовъ; нѣкоторые, наконецъ, не были о выборахъ освѣдомлены. Итакъ 12-го состоялось собраніе и выборы депутатовъ. Начиная съ самаго открытія собранія, всѣ ораторы проводили ту мысль, что ждать намъ отъ съѣзда нечего, что мы пошлемъ своихъ депутатовъ въ Питеръ только затѣмъ, чтобы убѣдить наиболѣе отсталыхъ, которые еще вѣрятъ во что-то и надѣются на кого-то, что ждать намъ отъ правительствъ и капиталистовъ ничего не приходится, что нужно надѣяться только на свои силы... Въ самый разгаръ дебатовъ нѣсколько выборщиковъ заявили, что они выбирать не будутъ, такъ какъ никакихъ практическихъ результатовъ эта поѣздка все равно не принесетъ. Они демонстративно оставили залъ. Наконецъ, приступили къ выборамъ; было рѣшено выбирать не пять, какъ то предлагали нефтепромышленники, а восемь человѣкъ... Выбравъ депутатовъ, собраніе рѣшило выработать имъ директивы и выбрало комиссію, съ которой делегаты должны сноситься, если имъ придется на съѣздѣ обсуждать вопросъ, не предусмотрѣнный здѣсь на собраніи. Делегаты не имѣютъ права выходить изъ рамокъ данныхъ имъ директивъ; никакихъ договоровъ подписывать они не должны; въ частныя совѣщанія съ нефтепромышленниками не вступать» [1]).

22-го октября было первое оффиціальное засѣданіе съѣзда. Было приступлено къ обсужденію вопроса объ устройствѣ рабочихъ поселковъ въ районѣ бакинскихъ промысловъ и о мѣрахъ къ урегулированію рабочаго вопроса въ Баку. Предварительно однимъ изъ делегатовъ-рабочихъ была прочтена записка, подробно излагавшая условія, въ которыхъ протекаетъ рабочее движеніе въ Баку, въ связи съ обще-русскими политическими событіями послѣднихъ лѣтъ вплоть до роспуска 1-ой Г. Думы. Заявивъ, «въ лицѣ 195 выборщиковъ отъ 20.000 бакинскихъ рабочихъ» и по ихъ уполномочію, что пролетаріатъ ждетъ удовлетворенія своихъ нуждъ отъ «полновластнаго народнаго представительства», авторы записки продолжаютъ:

«Не для пропаганды идеи учредительнаго собранія, не для демонстраціи явились мы сюда, нѣтъ, мы хотимъ лишь выяснить настроеніе рабочихъ, хотимъ указать, что ни экономическое, ни политическое положеніе наше не улучшилось. Причина забастовокъ—нужда и политическое безправіе—остаются во всей силѣ. Неизбѣжны, поэтому, и стачки, и нельзя ставить ихъ въ вину рабочимъ. Мы хотимъ, чтобы это знали всѣ, кто въ силахъ понять, что бакинскіе рабочіе не могутъ молчать, когда за экономическую забастовку сотни семействъ высылаются въ глухія деревни на голодную смерть и мы объявляемъ двухдневную всеобщую забастовку. Бакинскіе рабочіе не могутъ молчать, когда предаютъ военно-полевому суду невинныхъ матросовъ, и мы заявляемъ свой протестъ однодневной всеобщей политической забастовкой. Пусть знаютъ, что бакинскіе

[1]) „Рабочій по металлу". № 7.

рабочіе не придатокъ къ машинамъ для добыванія и переработки нефти, а живые люди, что они не могутъ безропотно гибнуть для процвѣтанія промышленности. Пусть создадутся нормальныя условія работы, и тогда рабочее движеніе приметъ закономѣрный характеръ. Ни устройство градоначальства, ни закрытіе рабочихъ союзовъ, ни другія всякія репрессивныя мѣры до военно-полевыхъ судовъ включительно, не внесутъ успокоенія въ рабочую массу. Такимъ способомъ можно задавить ту или иную забастовку, но нельзя остановить потока рабочаго движенія. Задерживаемое искусственными преградами, оно принимаетъ подчасъ уродливыя формы, но разрушительная сила его отъ этого не уменьшается, а, наоборотъ, растетъ.

Мы противъ террора, признаемъ его нецѣлесообразнымъ и вреднымъ средствомъ борьбы, мы рѣшительно осуждаемъ дикій самосудъ надъ отдѣльными лицами заводской администраціи, но мы заявляемъ, что случаи такого самосуда неизбѣжны, пока въ жизни вмѣсто признанныхъ народомъ законовъ царитъ произволъ и усмотрѣніе военныхъ и полицейскихъ чиновъ».

При обсужденіи самого вопроса о поселкахъ, рабочіе указывали на жилищную нужду и вообще ужасныя условія жизни бакинскихъ и, въ частности, черногородскихъ рабочихъ. Желаніе делегатовъ прочесть требованія бакинскихъ рабочихъ было отклонено предсѣдателемъ. Но на 2 засѣданіи рабочіе настояли на своемъ и прочли слѣдующій рядъ своихъ требованій: 1) восьмичасовой рабочій день; 2) полная отмѣна сверхурочныхъ и шабашныхъ работъ и введеніе ночныхъ смѣнъ; 3) полная отмѣна всякихъ подрядныхъ и отрядныхъ работъ; 4) для поденныхъ, мѣсячныхъ и вахтенныхъ должно быть 4 свободныхъ дня въ мѣсяцъ, а такъ же свободные дни въ двунадесятые праздники для рабочихъ по національностямъ, съ содержаніемъ полнаго жалованья; 5) праздникъ 1-го мая; 6) полная плата за забастовочное время; 7) принять на старыя мѣста всѣхъ уволенныхъ за забастовки, за политическія убѣжденія; 8) всѣмъ рабочимъ выдавать квартирныя: семейнымъ 16 руб., одинокимъ 9 руб. Квартирное довольствіе по рыночной цѣнѣ. Рабочимъ механическихъ и керосино-масляныхъ заводовъ квартирные выдаются: 10 руб. семейнымъ, 5 руб. одинокимъ; 9) всѣ недоразумѣнія между администраціей и рабочими разбираются третейскимъ судомъ, состоящимъ изъ равнаго количества лицъ со стороны рабочихъ и администраціи. Постановленія суда считаются обязательными для обѣихъ сторонъ; 10) заводскія и промысловыя комиссіи должны быть утверждены; 11) никто изъ рабочихъ не долженъ быть принятъ или уволенъ безъ вѣдома комиссіи. Въ крайнемъ случаѣ при увольненіи выдавать трехмѣсячную плату; 12) минимальная плата рабочимъ при поступленіи назначается съ согласія заводской комиссіи; 13) установить медицинскую помощь на счетъ фирмъ во всякое время дня и ночи для рабочихъ и ихъ семействъ. Во всѣ районы должно прибавить врачей,— дѣтскаго, зубного, глазного и женщину-врача. За неимѣніемъ нужныхъ медикаментовъ въ амбулаторіи, за счетъ фирмъ брать ихъ въ частныхъ аптекахъ, а также приглашать частныхъ врачей на домъ въ случаѣ необходимости. Если же требуется для больного или его семейства леченіе климатомъ и водами и т. п., то фирма должна доставить на это средства; 14) устроить больницы въ тѣхъ районахъ, гдѣ ихъ нѣтъ. При больницѣ долженъ быть хирургъ; 15) стра-

хованіе за счетъ фирмъ, выдача жалованья до полученія страховой преміи. Избавить рабочихъ отъ постояннаго хожденія по мѣсяцамъ въ страховыя общества. Если врачъ выдастъ объ утерѣ трудоспособности свидѣтельство, то фирма должна требовать отъ страхового общества деньги для передачи потерпѣвшему; свидѣтельство должно выдаваться при участіи отъ представителей рабочихъ; 16) больнымъ и увѣчнымъ платить полностью содержаніе, т. е. жалованье и квартирное довольствіе, спеціальный экипажъ для больныхъ, скорая помощь въ несчастныхъ случаяхъ; 17) выдать отъѣздные рабочимъ, работающимъ въ Балаханахъ и Биби-Эйбатѣ—9 руб. въ мѣсяцъ; 18) при пожарахъ уплачивать причиненные убытки; 19) всякіе штрафы и взысканія отмѣняются; 20) не принимать на время, а на срокъ неопредѣленный; 21) полуторамѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ жалованья, квартирныхъ и квартирнаго довольствія. Отпускъ свыше полутора мѣсяца безъ содержанія, но съ сохраненіемъ мѣста; недоразумѣнія по поводу отпуска разрѣшаетъ третейскій судъ и заводскія комиссіи; 22) Въ каждой фирмѣ должна быть центральная библіотека съ отдѣленіями по промысламъ. Завѣдываніе библіотекой и отдѣленіями ея, выписка газетъ и журналовъ принадлежитъ заводскимъ и промысловымъ комиссіямъ за счетъ фирмъ; 23) обученіе дѣтей первоначальному и среднему образованію за счетъ фирмы; 24) рабочіе поселки и электрическіе трамваи къ нимъ; 25) устройство народныхъ домовъ во всѣхъ районахъ; 26) свобода слова, собраній, печати, союзовъ, неприкосновенность личности и жилищъ, снятіе военнаго положенія, отмѣна усиленной и чрезвычайной охраны, невмѣшательство полиціи въ забастовки; 27) организація общественныхъ работъ для безработныхъ; 28) открытіе безплатныхъ столовыхъ за счетъ фирмъ для безработныхъ; 29) устройство безплатныхъ квартиръ для безработныхъ; 30) свобода организаціи безработныхъ.

Мы привели цѣликомъ эту смѣсь политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ требованій, какъ дѣлали это въ нѣкоторыхъ случаяхъ раньше, потому что эти требованія, съ одной стороны, характеризуютъ ту степень единства, котораго въ данный моментъ достигъ рабочій классъ и которое выражается въ общности наиболѣе важныхъ изъ этихъ требованій, а съ другой—сохраняютъ въ извѣстной мѣрѣ и мѣстный колоритъ: только на почвѣ хищнической бакинской нефтепромышленности съ ея нигдѣ невиданными дивидендами и своеобразно сложившимися отношеніями между капиталомъ и трудомъ, ибо Баку являлось до извѣстной степени государствомъ въ государствѣ—только въ этой своеобразной обстановкѣ могли зародиться такія требованія, какъ указанныя въ пунктахъ 21, 25, 29 и др.

Выслушавъ требованія рабочихъ, собраніе опять вернулось къ незаконченному наканунѣ вопросу о поселкахъ для Чернаго и Бѣлаго городовъ. Рабочіе одинъ за другимъ указывали на общее положеніе рабочихъ въ связи съ жилищной нуждой, и разрѣшеніе этой нужды они видѣли только въ общественной самодѣятельности, въ широкомъ народномъ творчествѣ.

25 октября, по иниціативѣ министерства торговли и промышленности, состоялось подъ предсѣдательствомъ управляющаго отдѣломъ промышленности, г. Литвинова-Фалинскаго, совѣщаніе по рабочему вопросу, на которое были при-

глашены делегаты бакинскихъ рабочихъ. Оффиціальнымъ мотивомъ совѣщанія было разсмотрѣніе вышеуказанныхъ требованій рабочихъ и предварительный обмѣнъ мнѣніями по вопросу о камерахъ соглашенія. Г. Литвиновъ призналъ большинство требованій рабочихъ неосуществимыми при существующихъ законахъ или подлежащими разсмотрѣнію договаривающихся сторонъ, а не правительства. Впрочемъ и эти послѣднія неосуществимы, потому что представляютъ собой просто на просто «программныя требованія соціалъ-демократическихъ партій».

26-го октября пленарное засѣданіе должно было быть посвящено обсужденію вопроса объ организаціи примирительныхъ камеръ. Но предсѣдатель предлагаетъ собранію снять этотъ вопросъ съ очереди и включить его въ программу будущаго совѣщанія въ Баку. Послѣ этого рабочіе съ совѣщанія удаляются.

Профессіональная пресса внимательно слѣдила за этими засѣданіями и выступленіями бакинскихъ рабочихъ и знакомила своихъ читателей со всѣми перипетіями разгорѣвшейся на съѣздѣ борьбы. Въ общемъ и цѣломъ бакинскіе рабочіе отражали тогдашнее настроеніе всѣхъ передовыхъ русскихъ рабочихъ. Эти слои рабочаго класса были совершенно чужды отчаянія, они попрежнему вѣрили въ свою побѣду, но начинали сознавать, какъ длиненъ еще и какъ труденъ ихъ путь къ этой побѣдѣ.

7. Новые выборы и періодъ второй Думы.

Режимъ военно-полевыхъ судовъ и пережитыя пораженія не могли не отразиться на настроеніи рабочихъ массъ и на ихъ отношеніи къ приближающимся выборамъ. Бойкотизмъ исчезъ, его какъ рукой сняло, но въ то же время въ рабочихъ кругахъ чувствовалась растерянность, проявлялось полное неумѣніе взяться за дѣло. Кое-гдѣ устраивались митинги, причемъ не обходилось безъ набѣговъ полиціи и казаковъ. Сильное негодованіе въ рабочей средѣ вызвало сенатское «разъясненіе», лишавшее избирательныхъ правъ многія тысячи рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подъ впечатлѣніемъ «разъясненій», стали даже высказываться за бойкотъ, но это настроеніе скоро прошло, несмотря на то, что къ дѣятельности сената присоединилась еще дѣятельность полиціи, администраціи, а подчасъ и городскихъ управленій, дѣятельно помогавшихъ сокращенію числа избирателей изъ рабочихъ. Въ Петербургѣ на митингахъ вырабатывались резолюціи, протестовавшія противъ незаконнаго разъясненія, рекомендовавшія всѣмъ рабочимъ—квартиронанимателямъ не обращать вниманія на сенатское толкованіе, а требовать внесенія въ списокъ избирателей по городской куріи. О митингахъ рабочихъ сообщали и изъ другихъ мѣстъ. Въ Мальцевскомъ районѣ среди рабочихъ шла усиленная агитація крайнихъ партій. Въ Вязьмѣ, по словамъ «Смоленскаго Вѣстника», съ приближеніемъ выборовъ въ Гос. Думу рабочее населеніе города начало проявлять значительный интересъ къ предстоящей кампаніи. Такія же вѣсти шли изъ Воронежа. Бывшій депутатъ первой Думы Михайличенко объѣзжалъ донецкій районъ и устраивалъ митинги для обсужденія вопросовъ по поводу выборовъ.

Особенно горячее участіе въ выборной кампаніи приняли профессіональные

союзы. Въ горячо написанной статьѣ: «Пусть не радуются!» органъ московскихъ союзовъ писалъ: «Сенатскими разъясненіями многіе десятки тысячъ избирателей-рабочихъ, которые по закону 11-го декабря могли оказывать вліяніе на исходъ городскихъ выборовъ, теперь лишены этой возможности. Лишенъ этой возможности не одинъ только фабрично-заводскій пролетаріатъ; наоборотъ, сравнительно съ другими слоями пролетаріата, рабочіе крупныхъ заводовъ и фабрикъ находятся какъ-будто даже въ привилегированномъ положеніи: они избираютъ все же на своихъ фабрикахъ уполномоченныхъ. Хуже пришлось громадной массѣ желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ,—кондукторовъ, стрѣлочниковъ и т. д. «Казенная» квартира, занимаемая ими, оказалась достаточнымъ поводомъ для полнаго лишенія ихъ избирательнаго права. У дворниковъ и швейцаровъ это право отнято потому опять, что они занимаютъ «хозяйскую» квартиру» [1]). Но это, по мнѣнію автора, должно еще больше побудить остальныхъ «использовать свое право и подавать свой голосъ за кандидатовъ рабочей партіи»... Пусть рабочіе на фабрикахъ и заводахъ дѣятельно готовятся къ избранію уполномоченныхъ. Пусть осмотрительно и съ полнымъ сознаніемъ серьезности дѣла намѣчаютъ своихъ кандидатовъ только изъ тѣхъ рабочихъ, которые и по своей энергіи и по взглядамъ своимъ могутъ считаться истинными защитниками и выразителями интересовъ рабочаго класса».

«Необходимо позаботиться о томъ, писалъ петербургскій «Голосъ Печатника», въ № 10,—чтобы ни одинъ нашъ рабочій голосъ не пропалъ даромъ».

То же самое говоритъ «Рабочій по металлу» (№ 4): «Когда рабочіе ограблены въ своихъ правахъ сенатомъ, особенно дорогъ каждый голосъ. Было бы преступленіемъ не воспользоваться своимъ правомъ, не позаботиться о томъ, чтобы потомъ при выборахъ имѣть возможность внести и свою лепту въ общепролетарское дѣло. Зарегистроваться долженъ каждый—объ этомъ мы позаботимся. Пусть же ни одинъ голосъ среди членовъ нашего союза не пропадетъ даромъ!»

Органъ петербургскихъ рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, «Голосъ Ткача», съ своей стороны, говорилъ: «Времена бойкота прошли. Теперь справа хотятъ насъ заставить бойкотировать думу: урѣзываютъ наши права всяческими постановленіями, да толкованіями. Но разъ мы рѣшили, что бойкотировать думу не слѣдуетъ, мы все таки проведемъ туда достаточно смѣлыхъ людей, чтобы разбить расчеты новыхъ бойкотчиковъ, лишающихъ насъ нашихъ правъ».

Въ Москвѣ союзы также повели горячую агитацію за запись въ избирательные списки, обращаясь къ своимъ членамъ съ воззваніями такого рода: «Товарищи-рабочіе, идите, осуществляйте ваши избирательныя права. Нашимъ всеобщимъ лозунгомъ должна быть самая сильная оппозиція нынѣшнему правительству. Дружно и смѣло къ избирательнымъ урнамъ». Московское центральное бюро профессіональныхъ союзовъ рекомендовало всѣмъ союзамъ принять самое горячее участіе въ избирательной кампаніи и оказывать представителямъ соціалистическихъ партій всякое содѣйствіе въ выясненіи ими своихъ программъ.

---

[1]) „Рабочій Союзъ“, № 6, стр. 2.

Также отнеслись къ выборамъ и провинціальные союзы.

Въ Саратовѣ состоялось экстренное засѣданіе членовъ правленій всѣхъ профессіональныхъ союзовъ, на которомъ постановлено было выпустить слѣдующее воззваніе: «Къ гражданамъ-рабочимъ всѣхъ профессій и отраслей труда г. Саратова. Граждане-товарищи! Священный долгъ каждаго гражданина обязываетъ его принять самое энергичное участіе въ работѣ устроительства нашей необъятной родины. Поэтому мы, представители рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, признали необходимымъ принять участіе въ выборахъ въ государственную думу». Подобныя же постановленія были приняты представителями союзовъ, въ Екатеринославѣ, Одессѣ, Симферополѣ.

«Спб. центральное бюро профессіональныхъ союзовъ» предполагало практически поставить дѣло привлеченія избирателей, регистрацію ихъ. Предполагалось организовать обходъ избирателей, съ цѣлью побудить ихъ реализовать свои избирательныя права и помочь имъ въ этомъ, а также съ цѣлью выяснить составъ избирателей. Но въ виду краткости срока записей и невозможныхъ полицейскихъ условій, удалось сдѣлать очень немногое. Къ тому же выяснилось, что слои рабочихъ, объединяемые петербургскими профессіональными союзами, почти совсѣмъ лишены избирательнаго права въ городской куріи. Такъ, напр., союзъ рабочихъ по металлу, самый крупный въ Петербургѣ (насчитываетъ около 11 тысячъ членовъ), объединяетъ рабочихъ преимущественно крупныхъ заводовъ, послѣднимъ сенатскимъ рѣшеніемъ лишенныхъ правъ въ качествѣ квартиронанимателей... Только конторщики, приказчики и типографскіе рабочіе находятся въ лучшемъ положеніи. Въ силу этихъ причинъ дѣятельность союзовъ въ первой стадіи избирательной кампаніи, въ дѣлѣ регистраціи была, въ общемъ, крайне незначительна» [1]).

Рѣшивъ принять участіе въ выборахъ, профессіональные союзы должны были разъяснить себѣ и другимъ, что это не означаетъ отступленія отъ провозглашеннаго ими принципа безпартійности союзовъ. «Наши союзы—писалъ и по этому поводу «Рабочій Союзъ» въ № 5—родились въ моментъ революціоннаго подъема. То самое движеніе, которое дало толчокъ самоорганизаціи рабочихъ въ совѣты депутатовъ, стачечные комитеты,—толкнуло рабочихъ на путь профессіональныхъ организацій. Наши союзы въ огромномъ большинствѣ случаевъ считаютъ свое начало отъ знаменитыхъ октябрьскихъ дней. И эта близкая связь нашего профессіональнаго движенія съ общеполитической борьбой рабочихъ сдѣлала то, что наши союзы никогда не замыкались исключительно въ экономической борьбѣ и принимали дѣятельное участіе въ политической жизни пролетаріата».

Почти дословно также объяснялъ участіе профессіональныхъ союзовъ въ выборной кампаніи центральный органъ петербургскихъ союзовъ. «Было бы просто самоубійствомъ—читали мы въ № 1 «Профессіональнаго Вѣстника»—и вмѣстѣ съ тѣмъ полнымъ отказомъ отъ всѣхъ славныхъ традицій прошлаго, если бы профессіональные союзы вздумали проповѣдывать теперь политическую нейтральность, когда свирѣпая реакція душитъ всякое проявленіе жизни рабо-

[1]) Сборникъ I, стр. 51.

чаго класса и наряду съ лишеніемъ рабочихъ избирательныхъ правъ предпринимаетъ полицейскую охоту на «легальные» профессіональные союзы».

Не было разногласій между союзами и въ вопросѣ объ основныхъ политическихъ требованіяхъ. «Мы теперь болѣе, чѣмъ когда либо остаемся вѣрны нашему лозунгу: только всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право!» — читаемъ мы въ № 6 «Рабочаго Союза». Московскій союзъ торгово-промышленныхъ служащихъ заявилъ, что необходимо способствовать созданію условій для осуществленія полновластнаго народнаго представительства и «голосовать не за враговъ народа, приверженцевъ стараго строя, а за рѣшительныхъ защитниковъ рабочаго класса и стойкихъ борцовъ за свободу и власть народа». Другой московскій союзъ по обработкѣ благородныхъ металловъ—въ своей резолюціи, принятой на общемъ собраніи членовъ, указывалъ, «что рабочему классу необходимо организоваться въ рабочую партію, защищающую экономическіе и политическіе интересы рабочаго класса; что избирательная борьба сильно сплотитъ рабочихъ всей Россіи въ одну великую армію; что въ союзѣ съ городской бѣднотой рабочіе смогутъ провести своихъ представителей въ думу; что участіе въ выборахъ и въ думѣ представителей рабочаго класса заставитъ думу бороться за политическія права и за улучшеніе положенія всего народа» [1]). Петербургскій союзъ приказчиковъ въ листкѣ по поводу выборовъ выставилъ требованіе «полновластнаго народнаго представительства, избраннаго на началѣ всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія».

Нѣкоторое расхожденіе начиналось при рѣшеніи вопроса о томъ, кого именно выбирать. Идея «самостоятельныхъ профессіональныхъ кандидатуръ» не пустила, правда, глубокихъ корней, но защищалась авторами нѣкоторыхъ статей въ профессіональныхъ органахъ петербургскихъ печатниковъ, приказчиковъ и конторщиковъ. Однако, огромное большинство членовъ даже этихъ союзовъ не сочувствовало этой затѣѣ. Что касается всѣхъ другихъ союзовъ, то они очень опредѣленно обнаружили свою склонность къ соціалдемократической партіи, за исключеніемъ, однако, Петербурга, гдѣ верхи также высказывались за соціалдемократію, но въ массѣ замѣчалась симпатія къ соціалистамъ народническаго толка.

Это сказалось и на результатѣ выборовъ. Въ общемъ рабочіе проявили громадный интересъ къ выборамъ. Тѣ предпріятія, гдѣ въ выборахъ участвовало менѣе половины, составляли исключеніе. Въ общемъ рабочіе дружно голосовали за соціалдемократовъ. Вотъ какъ распредѣлились уполномоченные отъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ: въ Москвѣ было избрано 183 с.-д., 26 с.-р., 84 лѣвыхъ и 2 правыхъ; въ Кіевѣ—20 с.-д., 5 лѣвыхъ и 2 правыхъ; въ Одессѣ—35 с.-д., 6 с.-р., 20 лѣвыхъ и 3 правыхъ; въ Екатеринославѣ—18 с.-д., 4 с.-р., 2 лѣвыхъ и 1 правый; въ Н.-Новгородѣ—18 с.-д., 1 с.-р., въ Вильнѣ—14 с.-д., 1 с.-р. и 3 лѣвыхъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ—19 с.-д., 1 с.-р. и 3 безпартійныхъ. Только въ Петербургѣ и Петербургскомъ уѣздѣ число избранныхъ с.-р. доходило до 40%. Что влекло петербургскихъ рабочихъ къ с.-р., увлеченіе ли боевой тактикой и террористическимъ партизанствомъ,

[1]) „Наше Дѣло", № 9.

или же уравнительное землепользованіе, рѣшить трудно. Повидимому и то и другое. Мы уже указывали, въ какой мѣрѣ начинавшаяся реакція содѣйствовала увлеченію партизанствомъ. Съ другой стороны, та же реакція и безконечный экономическій кризисъ должны были опять направить вниманіе рабочихъ на крестьянство и на идею уравнительнаго землепользованія.

Чего ожидали рабочіе отъ новой Думы? Прошедшій опытъ не пропалъ даромъ. Непосредственныхъ уступокъ и завоеваній почти никто не ждетъ. Въ многочисленныхъ наказахъ, письмахъ и резолюціяхъ, поступавшихъ въ соціалдемократическую фракцію, рядомъ съ повтореніемъ максимальныхъ политическихъ и экономическихъ требованій пролетаріата, часто повторяется мысль о необходимости укрѣпленія связи депутатовъ съ народомъ, о небходимости организаціи и планомѣрной борьбы за народныя требованія. «Рабочіе депутаты—пишутъ въ своемъ наказѣ уполномоченные Юзовско-Петровскаго района—должны всѣми силами стремиться къ тому, чтобы Дума связалась съ народомъ, и для этой цѣли должны добиваться: а) чтобы Дума обратилась съ воззваніемъ къ народу, въ которомъ бы изложила программу ближайшихъ своихъ требованій и призывала бы населеніе къ поддержкѣ Думы; b) въ цѣляхъ той же связи Думы съ народомъ рабочіе должны возбудить въ Думѣ вопросъ объ организаціи продовольственныхъ и аграрныхъ комитетовъ, совѣтовъ безработныхъ, совѣтовъ рабочихъ депутатовъ.—Рабочіе депутаты должны сами обратиться съ манифестомъ къ рабочимъ всей Россіи, должны прислушиваться къ требованіямъ городской и сельской демократіи и установить болѣе тѣсную связь между с.-д. фракціей въ Думѣ и рабочимъ классомъ». «Отъ имени харьковскаго пролетаріата—писали харьковскіе уполномоченные—мы посылаемъ вамъ горячій привѣтъ и пожеланіе продолжать такъ же стойко защищать интересы избравшаго васъ рабочаго класса, пробуждать остальные слои народа и сплачивать ихъ вокругъ народнаго представительства, привлекая къ нему сочувствіе населенія и подготовляя этимъ народную побѣду». «Товарищи депутаты,—говорится въ письмѣ рабочихъ писчебумажной фабрики Шитова—мы пишемъ вамъ о своихъ нуждахъ, чтобы вы знали, что намъ жить становится съ каждымъ днемъ тяжелѣе и невыносимѣе. Мы хотѣли бы, чтобы въ Государственной Думѣ со всѣхъ концовъ Россіи долетѣли стоны измученныхъ, разоренныхъ и голодныхъ, чтобы эти стоны, слившись всѣ вмѣстѣ, заглушили тамъ наглыя и лживыя рѣчи черносотенниковъ, а вамъ послужили бы вѣрнымъ доказательствомъ правоты нашего дѣла».

Такъ же смотрѣли на дѣло и профессіональные союзы. «Всякое выступленіе той или другой партіи—читали мы въ № 7 «Вѣстника Печатниковъ»—въ связи съ интересами рабочаго класса,—будетъ ли это вопросъ о безработицѣ, будетъ ли это законъ о длинѣ рабочаго дня—должно находить самый живой откликъ въ нашихъ рядахъ. Именно на такихъ практическихъ вопросахъ легче всего уяснить себѣ, какіе интересы защищаетъ та или другая партія, именно на такихъ вопросахъ легче всего каждому уяснить себѣ, какая партія наиболѣе полно и послѣдовательно отстаиваетъ наши рабочіе интересы. Но не только однимъ голымъ обсужденіемъ законопроектовъ должны мы ограничиться. Для того, чтобы облечь законопроектъ въ плоть и кровь, для того, чтобы предста-

вителямъ пролетаріата съ безпощадной рѣзкостью можно было вскрыть классовый характеръ буржуазныхъ законопроектовъ, для этого нужны факты дѣйствительной жизни, для этого нужно широкое знакомство съ бытомъ рабочаго класса. Въ этихъ фактахъ, въ этомъ матеріалѣ будетъ прежде всего нуждаться та партія, членовъ которой русскій рабочій классъ послалъ въ Думу. Наша обязанность притти на помощь нашимъ представителямъ. Собираніе точныхъ свѣдѣній о длинѣ рабочаго дня, о количествѣ безработицы, о правительственныхъ преслѣдованіяхъ дастъ въ руки рабочимъ представителямъ могучее оружіе въ борьбѣ за наши интересы». Другіе органы профессіональной печати обращались къ своимъ читателямъ съ такими же призывами.

Надо, однако, тутъ же сказать, что ясное сознаніе положенія вещей имѣлось только у наиболѣе сознательной части рабочихъ. Масса же продолжала ждать отъ Думы чуда. Въ особенности это сказалось въ вопросѣ о безработныхъ. Въ петиціи, покрытой многими тысячами подписей и поданной въ Государственную Думу, петербургскіе рабочіе, указавъ на крайне тяжелое положеніе безработныхъ товарищей, настойчиво просили разсмотрѣть вопросъ о безработныхъ въ первую очередь и изыскать средства для улучшенія ихъ матеріальнаго положенія. Какъ на одно изъ такихъ средствъ, они указывали на широкую и правильную организацію общественныхъ работъ.

Хотя и не въ первую очередь, вопросъ о безработныхъ былъ разсмотрѣнъ въ Государственной Думѣ. Незадолго передъ этимъ правленіе петербургскаго совѣта безработныхъ, продолжавшаго влачить полулегальное существованіе, представило петербургскому депутату отъ рабочихъ докладную записку о положеніи безработныхъ въ Петербургѣ. По словамъ авторовъ записки въ Петербургѣ въ то время насчитывалось около 10 тыс. безработныхъ, большинство которыхъ голодало уже 8—10 мѣсяцевъ; случаи смерти отъ истощенія и самоубійствъ отъ голода стали все болѣе и болѣе частымъ явленіемъ. Что касается мѣръ, которыя должны быть приняты Государственной Думой, то записка тутъ повторяетъ постановленія собранія уполномоченныхъ 42 петербургскихъ фабрикъ и заводовъ, состоявшагося 10 марта. Согласно этимъ постановленіемъ, Гос. Дума, не ограничиваясь разслѣдованіемъ старыхъ хищеній, должна немедленно озаботиться доставкой хлѣба голоднымъ и работы безработнымъ. Это была та же ошибочная постановка вопроса, какую мы уже раньше отмѣтили, критикуя дѣятельность петербургскаго совѣта безработныхъ. Доставить работу всѣмъ безработнымъ никакая Дума не можетъ, а оказать помощь безработнымъ посредствомъ устройства общественныхъ работъ Дума могла бы, конечно, при содѣйствіи мѣстнаго самоуправленія. Въ этой послѣдней плоскости и сталъ вопросъ въ Государственной Думѣ, гдѣ соціалъ-демократическіе ораторы подчеркнули политическій характеръ безработицы, что подтвердилъ и представитель правительства, заявивъ, что послѣднее никогда не согласится, чтобы казенныя деньги шли на поддержку тѣхъ рабочихъ, которые «страдаютъ по собственной волѣ отъ забастовокъ».

Значительное оживленіе въ рабочую среду и преимущественно въ среду ремесленныхъ союзовъ внесли изданныя 15 ноября, въ цѣляхъ привлеченія на

сторону правительства опредѣленной категоріи избирателей, временныя правила о трудѣ приказчиковъ и ремесленниковъ.

Еще лѣтомъ 1906 года петербургскими приказчиками была предпринята компанія въ пользу нормировки торговаго дня. Приказчики организовались по рынкамъ и улицамъ, выбрали соединенную делегатскую комиссію и образовали фондъ борьбы, который въ короткое время достигъ очень значительной суммы. На делегатскомъ съѣздѣ приказчиковъ Гостиннаго двора, который былъ устроенъ за предѣлами Петербурга и на которомъ присутствовало 115 делегатовъ Гостиннаго двора, 10 представителей рыночныхъ комитетовъ отъ разныхъ рынковъ и члены исполнительной комиссіи союза приказчиковъ, большинство высказалось за десятичасовую норму торговаго дня. Делегаты единодушно высказались за самовольное закрытіе магазиновъ въ 7 часовъ вечера. На совѣщаніи, однако, выяснилось, что забастовка приказчиковъ въ данное время не могла осуществиться и къ ней рѣшено было прибѣгнуть лишь въ крайнемъ случаѣ. О забастовочномъ движеніи среди ремесленниковъ въ различныхъ городахъ была уже рѣчь выше.

Временныя правила 15 ноября хотѣли успокоить и приказчиковъ, и ремесленныхъ рабочихъ и привлечь ихъ на сторону правительства. Но при этомъ, конечно, не дооцѣнили степень достигнутой въ этой средѣ сознательности и обостренія уже начатой борьбы. Временныя правила, давая кое-какія облегченія одной рукой, другой ихъ отнимали и подчасъ создавали положеніе хуже предшествующаго. Правила устанавливаютъ максимальный 12-ти-часовой торговый день и, предоставивъ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ дальнѣйшее сокращеніе рабочаго времени, оговорили, что эти учрежденія не могутъ установить рабочаго дня менѣе, чѣмъ въ 9 часовъ. Кромѣ того, правилами допущены сверхурочныя работы, конечно съ согласія (?) приказчиковъ; въ опредѣленные, предшествующіе большимъ праздникамъ дни разрѣшено работать 14 часовъ; для служащихъ въ ресторанахъ, столовыхъ, чайныхъ, пивныхъ лавкахъ, винныхъ погребахъ и т. под. установленъ 15-ти-часовой торговый день. То же самое и съ праздничнымъ отдыхомъ. Служащіе въ ресторанахъ, столовыхъ, буфетахъ, пивныхъ и винныхъ лавкахъ, въ увеселительныхъ заведеніяхъ и разносной торговлѣ могутъ безпрепятственно работать по воскресеньямъ и праздникамъ. Служащіе въ конторахъ, складахъ и оптовыхъ, въ торговляхъ предметами продовольствія, табакомъ, кормомъ для скота, въ мелочныхъ лавкахъ, толкучихъ рынкахъ и т. д., и кромѣ того во всякой торговлѣ въ сельскихъ поселеніяхъ могутъ работать въ праздничные дни не больше 5 часовъ.

Подарокъ, сдѣланный ремесленникамъ, оказался еще менѣе привлекательнымъ. Для ремесленниковъ установленъ 12-ти часовой рабочій день, уже установленный закономъ о ремесленникахъ, изданнымъ еще въ 1785 году. Ночная работа новыми правилами не запрещена. Праздничный отдыхъ можетъ быть нарушенъ въ случаѣ «необходимой нужды». Кромѣ того, временныя правила предоставляютъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, при изданіи обязательныхъ постановленій въ развитіе общихъ правилъ, установленныхъ закономъ, разрѣшать работы въ воскресные дни и двунадесятые праздники въ сезонныхъ работахъ, въ случаяхъ необходимой нужды, съ тѣмъ, чтобы такія работы про-

должались не болѣе 8 часовъ въ сутки. Новыя правила допускаютъ обязательныя сверхурочныя работы: въ сезонныхъ производствахъ, а также въ зависимости «отъ мѣстныхъ условій жизни», рабочій день ремесленниковъ, въ теченіе не болѣе 60 дней въ году, можетъ быть продолженъ на два часа въ сутки.

Не удовлетворивъ ни приказчиковъ, ни ремесленныхъ рабочихъ, новый законъ неизбѣжно долженъ былъ превратить въ арену новой борьбы за сокращеніе рабочаго времени тѣ смѣшанныя комиссіи, которыя, согласно этому же закону, должны были заняться изданіемъ обязательныхъ постановленій. Для разработки этихъ обязательныхъ постановленій, т.-е. установленія подробностей на основаніи общихъ правилъ, образуются комиссіи изъ представителей земскихъ или городскихъ учрежденій и представителей отъ хозяевъ и служащихъ или рабочихъ, причемъ представители отъ первыхъ и вторыхъ должны быть въ равномъ числѣ.

Выборы въ эти смѣшанныя комиссіи внесли оживленіе въ соотвѣтствующія профессіи, послуживъ для нѣкоторыхъ толчкомъ къ организаціи. Рѣшивъ повсемѣстно принять участіе въ выборахъ, рабочіе различныхъ мѣстъ и профессій разошлись, однако, въ вопросѣ о дальнѣйшей тактикѣ. Одни предлагали выработать сначала предварительныя условія sine qua non участія въ комиссіяхъ. По удовлетвореніи этихъ требованій (неприкосновенности депутатовъ, публичности засѣданій, устройства собраній для отчетовъ передъ избирателями) предъявляются дальнѣйшія требованія: приказчиками—тѣ, которыя были приняты на 3-мъ съѣздѣ проф. обществъ приказчиковъ [1]), а ремесленными рабочими—требованія программы минимумъ соціалдемократической партіи. Другіе рекомендовали приказчикамъ и ремесленникамъ отстаивать сначала максимальныя требованія, а затѣмъ, въ случаѣ невозможности добиться максимума, отстаивать всѣ тѣ завоеванія, какія только можно сдѣлать на почвѣ даннаго закона.

Результаты въ разныхъ городахъ получились разные. Въ центральной Россіи смѣшанныя комиссіи умерли или вслѣдствіе полнаго равнодушія, проявленнаго мѣстными рабочими организаціями, къ примѣненію этого закона, или вслѣдствіе заранѣе намѣченной тактики; первое имѣло мѣсто въ Ярославлѣ, Костромѣ, Кохмѣ, Орлѣ, Тулѣ и друг., второе—въ Москвѣ, гдѣ ремесленники ушли послѣ непринятія большинствомъ комиссіи предварительныхъусловій, а приказчики послѣ того, какъ отвергнутъ былъ пунктъ о 42-часовомъ непрерывномъ отдыхѣ.

Напротивъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ и на югѣ удалось путемъ использованія закона добиться значительныхъ улучшеній для приказчиковъ и ремесленниковъ. Въ Керчи и Кіевѣ городскія думы утвердили проектъ смѣшанныхъ

---

[1]) 3-й съѣздъ обществъ взаимопомощи засѣдалъ въ Москвѣ съ 25 іюня по 1-ое іюля 1906 г. Кромѣ обществъ взаимопомощи, исключительно представленныхъ на первыхъ двухъ съѣздахъ, на этотъ разъ присутствовали и представители профессіональныхъ союзовъ, сумѣвшіе придать выработанной на этомъ съѣздѣ платформѣ профессіональныхъ требованій чисто пролетарскій характеръ. Съѣздъ высказался за установленіе 8-ми-часового рабочаго дня, за установленіе еженедѣльнаго непрерывнаго 42-хчасового отдыха, за обязательное страхованіе служащихъ за счетъ предпріятій и т. под.

комиссій о 8-ми-часовомъ рабочемъ днѣ. Въ Екатеринодарѣ, Харьковѣ, Николаевѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и др. смѣшанныя комиссіи приняли довольно радикальныя рѣшенія. Торговыя смѣшанныя комиссіи приняли 8-мичасовой рабочій день въ Одессѣ, Н.-Новгородѣ, Елисаветградѣ, Кіевѣ и Керчи и 9-часовой— въ Ковнѣ, Курскѣ, Севастополѣ, Кременчугѣ, Пятигорскѣ и Владикавказѣ. Всѣ эти успѣхи достигались подъ вліяніемъ усиленной агитаціонной и организаціонной дѣятельности мѣстныхъ профессіональныхъ союзовъ и партійныхъ организацій. Въ Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Бердичевѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ и другихъ городахъ устраивались многолюдныя собранія, на которыхъ делегаты давали отчеты передъ избирателями о своей дѣятельности въ комиссіяхъ. Въ общемъ торговыя комиссіи въ большемъ числѣ случаевъ приходили къ какому-нибудь опредѣленному результату, чѣмъ ремесленныя, что объясняется главнымъ образомъ тѣми обостренными отношеніями, какія установились въ годы революціоннаго подъема между черносотенными въ огромномъ большинствѣ хозяевами ремесленныхъ заведеній, съ одной стороны, и ихъ революціонно настроенными рабочими,— съ другой. Тамъ, гдѣ такія обостренныя отношенія успѣли установиться и въ торговомъ мірѣ, торговыя комиссіи тоже прекращали свою дѣятельность на первыхъ же шагахъ. Такъ было въ Москвѣ; такъ было и въ Петербургѣ, гдѣ ремесленная комиссія почти не начиналась, а торговая прекратилась на спорахъ о сверхурочныхъ работахъ [1]).

Надо отмѣтить особо агитаціонную дѣятельность Бунда въ связи со смѣшанными комиссіями. Мы уже упоминали, что среди еврейскихъ рабочихъ, примыкавшихъ къ Бунду, образовались партійные профессіональные союзы. Первоначально партійность выражалась въ томъ, что союзы признавали въ своей дѣятельности постоянное руководство и контроль мѣстнаго комитета Бунда; въ правленіе союза входилъ оффиціальный представитель Бунда; бундовскій комитетъ могъ наложить свое veto на рѣшенія правленія; наконецъ, союзъ долженъ былъ отчислять въ пользу комитета 20% изъ своихъ доходовъ. Однако, присущее членамъ бундовскихъ организацій чутье дѣйствительности подсказало имъ необходимость отказаться отъ всѣхъ такихъ односторонностей, уничтожить право veto, отказаться отъ обязательныхъ отчисленій, признать необходимость легализаціи и т. под.

Правила 15 ноября не сулили никакихъ реальныхъ благъ хорошо организованнымъ и добившимся значительныхъ уступокъ еврейскимъ ремесленнымъ рабочимъ и приказчикамъ. Тѣмъ не менѣе «Фолксцейтунгъ», рѣшительно выступая противъ бойкота этихъ комиссій, призывала использовать ихъ какъ въ цѣляхъ агитаціи, такъ и въ цѣляхъ завоеванія дальнѣйшихъ уступокъ въ области экономическихъ требованій... Почти повсюду, какъ на засѣданіяхъ коллективовъ мѣстныхъ организацій, такъ и въ центральномъ городскомъ бюро проф. союзовъ обнаружилось два теченія. Одни стояли за *исключительно* агитаціонныя задачи при участіи въ комиссіяхъ. Въ Могилевѣ бюро союза приказчиковъ рѣшило, что делегація приказчиковъ должна въ первомъ же засѣданіи выяснить свое отношеніе къ характеру и составу комиссіи и выставить требованія о продолжительности рабочаго дня

[1]) См. „Проф. Вѣстникъ“, № 8 и „Дѣло Жизни“, № 5.

и нормальномъ отдыхѣ, считающіяся ультимативными. Въ случаѣ непринятія ихъ, делегація демонстративно уходитъ. Такія же рѣшенія были приняты въ Кременчугѣ, Одессѣ, Лодзи и др. городахъ. Въ Двинскѣ на засѣданіи коллективовъ русской организаціи соціалъ-демократической партіи и организаціи Бунда было рѣшено отказаться отъ участія въ комиссіи въ томъ случаѣ, если на собраніяхъ будетъ запрещено говорить по-еврейски. Другое теченіе которое, правда, далеко не вездѣ оказалось въ большинствѣ, отстаивало ту мысль, что необходимо выставить также и конкретныя требованія, которыя могли бы быть удовлетворены, и опираясь на которыя можно было бы добиться большаго [1]).

Центральнымъ вопросомъ, около котораго загорѣлась борьба въ Сѣверо-Западномъ краѣ, былъ вопросъ о воскресномъ или субботнемъ отдыхѣ. Правила 15 ноября устанавливали воскресенье, какъ день отдыха, и такъ буквально толковали ихъ и мѣстные губернаторы, и городскія думы. Между тѣмъ огромное большинство еврейскаго населенія издавна празднуетъ субботу и не могло рѣшиться отказаться отъ предписываемаго религіей субботняго отдыха. Стремленіе отстоять субботу было естественно, но при этомъ каждый классъ по-своему отстаивалъ свои пожеланія. Бундъ сдѣлалъ попытку превратить эту борьбу въ широкую политическую кампанію противъ національнаго отдыха, но безъ большого успѣха, т. к. поводъ для кампаніи былъ выбранъ неудачно: пролетаріи оказались очень мало заинтересованными въ сохраненіи религіознаго предразсудка, а торговцы и ремесленники нисколько не сочувствовали установленію нормальнаго отдыха рабочихъ и приказчиковъ.

Развитію широкой агитаціи на почвѣ смѣшанныхъ комиссій среди польскихъ рабочихъ помѣшали раздробленность польскихъ профессіональныхъ союзовъ между различными партіями и отрицательное отношеніе соціалистическихъ партій ко всѣмъ видамъ легальной дѣятельности.

Въ «дни свободы» здѣсь одновременно приступили къ организаціи польскихъ рабочихъ въ профессіональные союзы три партіи — П. С. Д., П. П. С. и народова демократія. Обѣ соціалистическія партіи организовали тайные союзы, причемъ союзы, организованные П. С. Д., должны были признавать руководство партіи, представитель которой входилъ въ правленіе союза, и отчислять въ пользу партіи опредѣленную часть своихъ доходовъ, тогда какъ союзы, организованные П. П. С., считались безпартійными, такъ какъ они только въ принципѣ должны были признавать соціалистическую партію выразительницей своихъ интересовъ въ сферѣ политической жизни. Одна только народова демократія организовала легальные безпартійные союзы, такъ называемые «польскіе профессіональные союзы».

Однако, несмотря на нелегальное существованіе, союзы, основанные соціалистическими партіями, дѣлали значительные успѣхи, пока въ атмосферѣ революціи еще нельзя было сдѣлать строгаго различенія между легальностью и нелегальностью. Такъ, число членовъ всѣхъ соціалъ-демократическихъ союзовъ возрасло съ 10 до 35 тысячъ за время съ 1-го іюня по 1-ое декабря 1906 года. Но съ усиленіемъ репрессій и упадкомъ настроенія положеніе вещей измѣни-

[1]) „Наша Трибуна“, № 10.

лось. По окончаніи лодзинскаго локаута народова демократія развила широкую дѣятельность въ области организаціи профессіональныхъ союзовъ. Въ началѣ лѣта 1907 года уже выходили два органа «польскихъ союзовъ»: «Рабочая Жизнь» («Życie Robotnicze») и «Единеніе» («Iednosc»). Число членовъ этихъ союзовъ выросло въ іюлѣ 1907 года до 42.600, а въ октябрѣ почти до 50.000. Самымъ крупнымъ изъ нихъ являлось «Единеніе» — союзъ текстильныхъ рабочихъ. Въ апрѣлѣ 1907 года число членовъ его не превышало 24.000, 1 іюля оно достигало уже 30.120, а 30 сентября того же года равнялось 33.500. Вторымъ по величинѣ считается союзъ рабочихъ по металлу, имѣвшій въ концѣ сентября 1907 года до 5.000 членовъ. Что касается основныхъ задачъ «польскихъ союзовъ», то въ одномъ изъ номеровъ «Единенія» онѣ были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: «1) стремленіе къ улучшенію быта рабочихъ путемъ усиленнаго труда и постепенной, но стойкой борьбы; 2) признаніе интересовъ польскихъ рабочихъ самымъ высшимъ критеріемъ во всей своей дѣятельности; 3) абсолютная безпартійность; 4) абсолютное исключеніе политики изъ сферы дѣятельности союзовъ; 5) полная явность и легальность; 6) безусловное осужденіе террора; 7) введеніе въ жизнь истиннаго демократизма, основаннаго на волѣ большинства, но не на волѣ мелкихъ, тайныхъ кружковъ». Рядомъ съ этимъ сѣялись недовѣріе и ненависть къ рабочимъ другихъ національностей, а безчеловѣчность фабрикантовъ въ Польшѣ объяснялась тѣмъ, что они—нѣмцы, евреи, вообще не-поляки.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ, которыя повели къ усиленію «польскихъ» союзовъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ политической реакціи и экономической депрессіи, эволюціонировали и другіе союзы. Такъ называемые «безпартійные» союзы, основанные П. П. С., стали вносить въ свои уставы лишь признаніе принципа классовой борьбы, а въ началѣ лѣта они легализовались. До легализаціи положеніе ихъ было довольно печальное, потомъ число членовъ стало расти. Въ средѣ союзовъ, примыкавшихъ къ П. С. Д., тоже стало замѣчаться стремленіе къ ограниченію вліянія партійныхъ учрежденій: отмѣняются обязательныя отчисленія, у представителя партіи въ правленіи отнимается рѣшающій голосъ и т. п. [1]).

Въ общемъ всѣ указанныя обстоятельства отражались крайне неблагопріятно на профессіональномъ движеніи польскихъ рабочихъ. Въ Лодзи, гдѣ чуть ли не въ каждой профессіи имѣлось по нѣсколько союзовъ: партійныхъ (п. с. д. и бундовскихъ), безпартійныхъ (еврейскихъ и нееврейскихъ), народовой демократіи, христіанско-демократическихъ и евангелическихъ, благодаря несогласіямъ между партійными и непартійными союзами, въ смѣшанную комиссію попало большинство представителей отъ либеральнаго общества приказчиковъ. Тоже самое происходило въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Наконецъ, какъ обнаружилъ результатъ выборовъ во вторую Думу, и политическое вліяніе соціалистическихъ партій на рабочихъ сильно упало: огромное большинство варшавскихъ и лодзинскихъ рабочихъ голосовало за народовую демократію.

---

[1]) См. К. Залевскій, „Изъ профес. движ. въ Польшѣ“,—„Профес. Вѣстникъ“, № 17—18.

«Локаутная опасность» и выборы въ Государственную Думу внесли оживленіе въ рабочую среду и повліяли также на экономическое движеніе рабочихъ, стремившихся использовать благопріятную конъюктуру тамъ, гдѣ такая оказывалась. Борьба принимаетъ теперь болѣе острый характеръ, такъ какъ организованные предприниматели продолжаютъ прибѣгать къ испытанному уже орудію—локауту. Оказалось, однако, что и локаутъ часто бываетъ безсиленъ бороться съ организаціей рабочихъ, особенно въ мелкой промышленности. Такъ, въ пользу рабочихъ окончились локауты двинскихъ перчаточниковъ, варшавскихъ и житомірскихъ портныхъ, житомірскихъ сапожниковъ и др. Длившійся три мѣсяца локаутъ фабрикантовъ-щетинщиковъ также кончился побѣдой рабочихъ.

Опустѣвшій благодаря локауту лодзинскій рынокъ вызвалъ усиленный спросъ на хлопчатобумажные товары фабрикъ центральнаго района. Пользуясь оживленіемъ московской промышленности, рабочіе Иваново-Вознесенска и Ростова Ярославскаго предъявили администраціи нѣкоторыхъ заводовъ требованіе повысить плату на 5%, каковое требованіе было немедленно исполнено. Въ Баку въ январѣ мѣсяцѣ была стачка нефтепромышленныхъ рабочихъ, длившаяся $1^1/_2$ недѣли и кончившаяся побѣдой рабочихъ, т. е. завоеваніемъ 42-хъ часового недѣльнаго отдыха, повышеніемъ платы, признаніемъ «промысловой комиссіи» и выдачей наградныхъ за 1906 г.

Успѣшно также кончилась забастовка поваровъ въ Москвѣ, союзъ которыхъ истратилъ на поддержаніе своихъ членовъ до 2.000 руб. Побѣдили рабочіе и дружковскихъ заводовъ Екатеринославской губ. (3.500 чел.), бастовавшіе цѣлый мѣсяцъ и добившіеся повышенія платы на 20%.

Въ общемъ забастовочное движеніе рабочихъ и локаутное движеніе предпринимателей въ первую половину 1907 г. представляется по отдѣльнымъ производствамъ въ слѣдующемъ видѣ:

Изготовленіе одежды. Въ январѣ въ Варшавѣ начался локаутъ фабрикантовъ галстуховъ, требовавшихъ возвращенія къ условіямъ работы 1904 г. Въ февралѣ въ Харьковѣ былъ объявленъ локаутъ заготовщикамъ обуви вслѣдствіе забастовки, начатой въ одной изъ мастерскихъ; въ Лодзи хозяева-портные объявили локаутъ въ виду нежеланія рабочихъ работать поштучно; въ Вильнѣ хозяева-портные локаутомъ добивались замѣны посрочнаго вознагражденія поштучнымъ и уничтоженія 9 часов. рабоч. дня. Въ апрѣлѣ въ Петербургѣ около $2^1/_2$ недѣль тянулась всеобщая забастовка красильщиковъ, кончившаяся неудачно, благодаря, главнымъ образомъ, полицейскимъ преслѣдованіямъ; успѣшно кончилась забастовка бѣлошвеекъ въ Тифлисѣ, тогда какъ продолжавшійся всю зиму локаутъ портныхъ въ Брестъ-Литовскѣ окончился уступками со стороны рабочихъ.

Производство пищевыхъ продуктовъ. 10 февраля объявлена была забастовка въ чайной развѣсочной Высоцкаго, а 16-го всѣ рабочіе (500) были разсчитаны; въ Умани 16 февраля кончился локаутъ пекарей уступкой со стороны рабочихъ; въ Харьковѣ 22 февраля прекратилась продолжавшаяся шесть дней забастовка булочниковъ, приступившихъ къ работѣ на старыхъ условіяхъ. Въ мартѣ въ теченіе 2 дней бастовали въ Лодзи 24 фабрики минеральныхъ водъ съ

200 рабочими, добившимися удовлетворенія своихъ требованій. Въ апрѣлѣ самымъ крупнымъ и важнымъ событіемъ былъ локаутъ булочниковъ въ Петербургѣ; локаутъ булочниковъ имѣлъ также мѣсто въ Варшавѣ; въ Эривани произошла всеобщая забастовка булочниковъ, а въ Москвѣ—забастовка колбасниковъ. Въ маѣ нѣсколько длилась забастовка булочниковъ въ Елисаветградѣ, а въ Павлоградѣ и Тюмени бастовали мельники. Въ іюнѣ былъ локаутъ въ 80 пекарняхъ Варшавы и забастовка на сахарныхъ заводахъ Петербурга (Кенига) и Кіева.

Печатное дѣло. Въ январѣ въ Вильнѣ забастовка конвертныхъ фабрикъ Лившица и Гельфанда закончилась увольненіемъ рабочихъ. Съ 9-го февраля возникла типографская забастовка въ Таганрогѣ изъ-за требованія прекращенія работъ передъ воскресными и праздничными днями на 2 часа раньше; къ забастовкѣ присоединились газетные наборщики, требуя установленія воскреснаго отдыха и повышенія заработной платы; хозяева разсчитали всѣхъ рабочихъ, но перваго марта принуждены были прекратить локаутъ, удовлетворивъ почти всѣ требованія рабочихъ. 20-го же февраля забастовали рабочіе всѣхъ типографій въ Маріуполѣ, требуя увеличенія платы и двухнедѣльнаго отпуска ежегодно съ сохраненіемъ жалованья. Вообще въ этой отрасли производства непрерывно велась по всей Россіи, а съ особеннымъ успѣхомъ въ Петербургѣ мелкая партизанская борьба. Такъ какъ хозяева стали вводить наборныя машины, то на этой почвѣ возникъ рядъ новыхъ стычекъ. Наиболѣе крупный конфликтъ начался въ маѣ въ Москвѣ, привелъ затѣмъ къ локауту и къ побѣдѣ рабочихъ.

Обработка дерева. 1-го марта забастовали всѣ лѣсопильные заводы, расположенныя въ Маймаксѣ; въ серединѣ марта стачка стихла на половину, такъ какъ $1^1/_2$ тысячи рабочихъ, поддерживаемыя работающими товарищами, продолжали бастовать; несмотря на упорство рабочихъ, стачка все же была проиграна. Въ Петербургѣ въ мартѣ бастовали 600 рабочихъ пробочнаго завода. Въ Астрахани больше мѣсяца длилась забастовка 3 тысячъ бондарей, добивавшихся повышенія сдѣльной платы.

Транспортъ. 14-го февраля въ Ростовѣ на Дону забастовали рабочіе трамвая; благодаря вмѣшательству генералъ-губернатора, рабочіе черезъ два дня прекратили забастовку, не получивъ никакихъ уступокъ. Съ 23 февраля въ Москвѣ началась забастовка рабочихъ на городскихъ трамваяхъ; былъ выставленъ рядъ экономическихъ требованій; управа рѣшительно въ нихъ отказала и объявила съ 28-го расчетъ всѣмъ безъ права обратнаго поступленія; 26-го февраля забастовали изъ солидарности служащіе съ центральной электрической станціи; 2-го марта забастовалъ газовый заводъ и часть рабочихъ водопровода; управа 6-го марта возобновила часть движенія при помощи штрейкбрехеровъ, работы на газовомъ заводѣ при помощи городовыхъ и приняла по отношенію къ бастующимъ рабочимъ самыя репрессивныя мѣры при содѣйствіи администраціи, которая выслала изъ Москвы 150 рабочихъ газоваго завода и арестовала нѣсколько человѣкъ, якобы за агитацію и руководство забастовкой. Въ мартѣ разыгралась длившаяся почти два мѣсяца забастовка каспійскихъ моряковъ. 8-го марта всѣ находившіеся въ Баку моряки каспійскаго торговаго флота черезъ своихъ уполномоченныхъ предъявили судовладѣльцамъ рядъ эко-

номическихъ требованій, давъ трехдневный срокъ на ихъ разсмотрѣніе. 10 марта съ 12 час. дня была объявлена всеобщая забастовка высшихъ и низшихъ командъ; моряками рѣшено было не выпускать въ море ни одного судна, кромѣ почтовыхъ пароходовъ; забастовка быстро распространилась на всѣ другіе крупные коммерческіе порты Каспійскаго моря: Петровскъ, Красноводскъ и другіе. На своихъ совѣщаніяхъ судовладѣльцы рѣшили на уступки не итти. Къ 27 числу положеніе крайне осложнилось: ни одна изъ сторонъ на уступки не шла, масса срочныхъ грузовъ оставалась безъ движенія, за переполненіемъ нефтехранилищъ остановился рядъ нефтяныхъ промысловъ. По отношенію къ бастующимъ стали примѣняться усиленныя репрессіи—аресты и высылки; изъ Петербурга для улаженія конфликта былъ командированъ баронъ Таубе, который только усилилъ преслѣдованія моряковъ, терпѣвшихъ крайнюю нужду, но тѣмъ не менѣе стойко державшихся, пока владѣльцы не согласились удовлетворить большую часть требованій. Въ мартѣ же имѣла мѣсто забастовка желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо въ Моршанскѣ; предъявившихъ экономическія требованія рабочихъ жандармы жестоко избили и многихъ поранили; 600 рабочихъ были объявлены къ расчету. Разыгравшаяся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ итальянская забастовка на николаевской дорогѣ въ Петербургѣ окончилась частичнымъ успѣхомъ стачечниковъ. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Баку нѣсколько дней длилась забастовка трамвайныхъ рабочихъ, всѣ требованія которыхъ были удовлетворены, тогда какъ забастовка коночниковъ въ Саратовѣ окончилась неудачей: всѣ (около 250 чел.) были уволены и замѣнены новыми.

Горное дѣло. Въ Донецкомъ районѣ забастовка на александровскомъ рудникѣ кончилась 20 февраля удовлетвореніемъ требованія объ увеличеніи жалованья на 20%. Въ апрѣлѣ и маѣ среди горнорабочихъ всей Россіи замѣчалось довольно сильное движеніе: въ Тифлисской губ. Зангезурскаго уѣзда всеобщая забастовка рабочихъ мѣдныхъ рудниковъ кончилась частичнымъ успѣхомъ, въ Герусахъ Елисаветпольской губерніи бастовало 5 тысячъ рабочихъ въ рудникахъ и всѣ требованія ихъ были удовлетворены; 2-го и 3-го мая забастовали рабочіе (4.250 чел.) въ желѣзныхъ рудникахъ Верхнеднѣпровска, въ рудникахъ Шмаковскаго въ Дубовой Балкѣ (1.000 чел.), рабочіе всѣхъ каменоломенъ въ Баку и рабочіе копей общества графа Ренардъ и каменноугольныхъ копей общества Флора въ Сосновицахъ, выставивъ повсюду требованія объ улучшеніи условій труда и увеличеніи заработной платы въ виду вздорожанія предметовъ первой необходимости.

Обработка кожи. Въ февралѣ начался локаутъ сапожниковъ и заготовщиковъ въ Харьковѣ, вызванный предъявленнымъ рабочими требованіемъ о сокращеніи рабочаго дня до 9 час.—12-го марта объявленъ локаутъ хозяевами кожевенныхъ фабрикъ въ Могилевѣ-губ.; въ мартѣ же забастовали рабочіе всѣхъ кожевенныхъ фабрикъ въ Сарапулѣ по причинѣ пониженія заводчиками заработной платы. Не прекращаясь, шла борьба въ Царствѣ Польскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ Варшавѣ хозяева кожевенно-галантерейныхъ издѣлій закрыли всѣ мастерскія и уволили около $1^1/_2$ тысячъ рабочихъ, настаивая на замѣнѣ поденной платы поштучной; въ Гроднѣ—длившаяся двѣ недѣли забастовка кожевниковъ; въ Витебскѣ локаутъ кожевниковъ длился болѣе 4 мѣся-

сяцевъ. Въ апрѣлѣ закончился длившійся 2 мѣсяца локаутъ заготовщиковъ обуви въ Харьковѣ, причемъ главное требованіе рабочихъ—сохраненіе помѣсячной платы—было удовлетворено. Въ Петербургѣ, не прекращаясь, шли забастовки сапожниковъ и заготовщиковъ, добивавшихся повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня. За апрѣль такихъ стачекъ было около 20, и большая часть ихъ окончилась успѣхомъ для рабочихъ. Значительными уступками со стороны хозяевъ кончилась и всеобщая забастовка петербургскихъ футлярщиковъ. Въ маѣ опять рядъ мелкихъ забастовокъ сапожниковъ въ Петербургѣ, вызванныхъ пониженіемъ заработной платы и приведшихъ къ организаціи хозяевъ; въ Екатеринославѣ объявленъ локаутъ заготовщикамъ (200 чел.); въ Ельцѣ забастовало около 3 тысячъ рабочихъ кожевенныхъ заводовъ.

Обработка металла и машиностроеніе. Здѣсь особенно часты закрытія заводовъ и массовые расчеты. 6-го февраля въ Брянскѣ произведенъ массовый расчетъ въ снарядныхъ мастерскихъ вслѣдствіе уменьшенія заказовъ и сильнаго сокращенія работъ; 16-го февраля патронный заводъ въ Тулѣ уволилъ 600 рабочихъ въ виду сокращенія производства. 6-го марта, вслѣдствіе пониженіи расцѣнокъ, забастовали 1.500 рабочихъ луганскаго механическаго отдѣла Гартмановскаго завода, причемъ одинъ изъ мастеровъ былъ вывезенъ рабочими на тачкѣ; послѣ высылки рабочихъ, участвовавшихъ въ вывозѣ, заводъ былъ открытъ и рабочимъ предложено вновь записываться. Въ апрѣлѣ, въ Екатеринославѣ закрытъ Брянскій заводъ (до 20.000 рабоч.), уволено около 1.000 человѣкъ изъ Севастопольскаго порта, объявленъ расчетъ 700 рабочимъ на Харьковскомъ паровозостроительномъ заводѣ, произведены массовыя увольненія въ Петербургѣ въ Новомъ Арсеналѣ и на Семянниковскомъ заводѣ. Въ іюнѣ снова начались массовые расчеты на петербургскихъ заводахъ: на патронномъ заводѣ уволено до 2 тысячъ человѣкъ, на балтійскомъ—150, новомъ адмиралтействѣ—200.

Текстильное дѣло. 24-го февраля на фабрикѣ Большой Мануфактуры (9 тыс. раб.) предъявленъ былъ рядъ требованій, на которыя правленіе отвѣтило рѣшительнымъ отказомъ. Въ мартѣ бастовали около 1.200 рабочихъ льнопрядильной фабрики въ Судогдѣ, 255 человѣкъ на фабрикѣ Демидова въ Вязникахъ, 200 рабочихъ на суконной фабрикѣ въ Сызрани; требованія вездѣ касаются уменьшенія рабочаго дня и повышенія платы. Въ апрѣлѣ массовые расчеты передъ пасхой на ткацкихъ фабрикахъ московскаго промышленнаго района; забастовки происходили въ Москвѣ у Елагина (1.000 раб.), въ Костромѣ у Зотовыхъ и въ Петербургѣ на Новой Бумагопрядильнѣ; послѣдняя кончилась пораженіемъ рабочихъ. Въ іюнѣ замѣтно было сильное броженіе среди рабочихъ, цѣлый рядъ забастовокъ въ Лодзи на фабрикахъ суконныхъ, хлопчато-бумажныхъ, прядильныхъ; забастовки въ Петербургѣ на бумагопрядильняхъ Воронина (1.000 раб.) и Мальцевской.

Въ общемъ, слѣдовательно, почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности мы замѣчаемъ все усиливающееся наступленіе со стороны предпринимателей и переходъ рабочихъ къ чисто-оборонительной борьбѣ, а весьма часто и къ прямому отступленію. Но бывало часто и такъ, что организованному отпору рабочихъ

удавалось разбить локаутъ. Такъ было при локаутѣ булочниковъ въ Петербургѣ и печатниковъ въ Москвѣ.

Забастовка петербургскихъ булочниковъ въ іюнѣ 1906 г. принесла имъ значительныя улучшенія. 14-ти, 16-ти и даже 18-ти-часовой рабочій день смѣнился 11-ти-часовымъ съ $1^1/_2$-часовымъ перерывомъ на отдыхъ и обѣдъ. Былъ завоеванъ еженедѣльный воскресный отдыхъ въ 24 часа. Было достигнуто повышеніе заработной платы, гарантировано празднованіе самыхъ большихъ праздниковъ, въ томъ числѣ 19-го февраля и 1-го мая. Свое согласіе на эти требованія подписали всѣ хозяева въ засѣданіи особой примирительной камеры 14-го іюня. Въ теченіе зимы хозяева пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы взять обратно свои уступки, и профессіональному союзу булочниковъ приходилось шагъ за шагомъ отбиваться отъ нападеній хозяевъ. Весною рабочіе обратились къ хозяевамъ съ рѣшительнымъ требованіемъ соблюдать договоръ 14-го іюня. Объединившіеся хозяева отвѣтили на это требованіе 13-го апрѣля локаутомъ. 6.000 человѣкъ очутились на улицѣ. Къ счастью, союзъ хозяевъ оказался не очень крѣпкимъ, такъ какъ мелкіе хозяева, больше всего страдавшіе отъ локаута, продержавшись недѣли три, пошли на уступки. Въ среднихъ числахъ мая безработныхъ было уже только около 1.500 чело. вѣкъ; остальные, получивъ отъ хозяевъ обѣщаніе на соблюденіе іюньскаго договора, стали на работу. Профессіональный союзъ рабочихъ, въ которомъ къ началу локаута числилось около 5.000 членовъ (изъ 8.000 петербургскихъ булочниковъ), дѣятельно помогалъ безработнымъ. Пришли также на помощь и другіе союзы [1]).

Если петербургскіе булочники побѣдили главнымъ образомъ благодаря измѣнамъ въ рядахъ предпринимателей, то въ Москвѣ печатники одержали побѣду, благодаря своей превосходной организаціи и образцовой солидарности, проявленной въ эти дни рабочими печатнаго дѣла. Исторія московскаго локаута такова: московскимъ рабочимъ печатнаго дѣла удалось добиться сокращенія рабочихъ часовъ до 9-ти для денной и до 8-ми для ночной смѣны. Союзъ рабочихъ строго слѣдилъ за выполненіемъ на дѣлѣ установленной нормы и велъ упорную борьбу противъ сверхурочныхъ работъ. Союзъ владѣльцевъ рѣшилъ уничтожить эти завоеванія. По постановленію этого союза первымъ началъ наступленіе типографъ Яковлевъ. Онъ потребовалъ, чтобы рабочіе работали 9 часовъ и на ночной смѣнѣ, и, когда рабочіе отказались, то онъ съ 23 декабря уничтожилъ ночную смѣну. Черезъ нѣкоторое время къ Яковлеву присоединились еще 2—3 типографіи. Въ теченіе полутора мѣсяца борьба велась довольно спокойно и рабочіе были увѣрены въ близкой побѣдѣ: Яковлевъ, не будучи въ состояніи выполнить заказы безъ ночной смѣны, готовъ уже былъ выступить изъ союза предпринимателей. Но 14-го февраля союзъ владѣльцевъ рѣшилъ придти на помощь Яковлеву, постановивши выполнять его заказы въ другихъ союзныхъ типографіяхъ. Это сразу повело къ сильнѣйшему распространенію забастовки, такъ какъ союзъ рабочихъ наложилъ на яковлевскіе заказы бойкотъ, объявляя забастовку всюду, гдѣ настаивали на выполненіи этихъ заказовъ. Такимъ обра-

[1]) См. „Проф. Вѣстникъ“, №№ 7 и 8.

зомъ къ 23 февраля бастовало свыше 1.500 человѣкъ. Въ этотъ день состоялись окончательные переговоры между обоими союзами: хозяева предложили передать всѣ вопросы рѣшенію третейскаго суда, рабочіе же соглашались передать суду лишь вопросъ объ уплатѣ за забастовочное время, находя, что третейскій судъ некомпетентенъ рѣшать вопросы труда вообще, а лишь вопросъ о томъ, кто началъ наступленіе и кто, слѣдовательно, долженъ платить за прогульное время. Соглашеніе, такимъ образомъ, не состоялось и 24-го хозяева постановили прибѣгнуть къ локауту. 27-го февраля союзъ владѣльцевъ московскихъ типографій объявилъ всѣмъ рабочимъ двухнедѣльный разсчетъ, такъ что съ 10-го марта долженъ былъ начаться локаутъ въ 38 типографіяхъ съ 7 тысячами рабочихъ.

Однако, дѣла въ Союзѣ владѣльцевъ шли не особенно гладко; рядъ крупныхъ типографій стоялъ на краю банкротства, другіе терпѣли громадные убытки и готовы были выйти изъ Союза. Въ рабочей же средѣ замѣчалось рѣдкое единодушіе. Въ Петербургѣ забастовали отдѣленія Яковлева и Кушнерева, выставивъ лишь одно требованіе—удовлетвореніе московскихъ товарищей; стало также отдѣленіе Яковлева въ Кіевѣ. Въ другихъ городахъ строго бойкотировались всѣ заказы бастующихъ типографій и производились сборы въ пользу москвичей. При такихъ обстоятельствахъ московскіе владѣльцы типографій должны были уступить и 10 марта, т. е. ровно въ тотъ день, когда долженъ былъ начаться локаутъ, объявили о своемъ согласіи на третейскій судъ на условіяхъ, предложенныхъ рабочими. Рѣшеніе суда было объявлено 24-го марта. И тутъ побѣда оказалась на сторонѣ рабочихъ. Судъ нашелъ, что «конфликтъ начатъ и созданъ исключительно союзомъ владѣльцевъ типографскихъ предпріятій: вмѣсто того, чтобы обратиться за разрѣшеніемъ возникшаго недоразумѣнія въ смѣшанную коммисію изъ представителей рабочихъ и хозяевъ, многіе члены союза владѣльцевъ совершенно отмѣнили установленную по общему соглашенію 8-ми часовую смѣну, замѣнивъ ее 9 часовой; затѣмъ выяснилось, что никакой необходимости распредѣлять яковлевскія работы между типографіями союзниковъ и принуждать къ нимъ рабочихъ подъ угрозою локаута, впослѣдствіи и осуществленнаго, не представлялось». Въ виду этого третейскій судъ призналъ владѣльцевъ типографій обязанными вознаградить рабочихъ не только до 22 февраля, но и вплоть до момента третейской записи [1]).

Такое положеніе вещей само собою подсказывало рабочимъ мысль о необходимости укрѣпленія ихъ профессіональныхъ организацій и о дальнѣйшемъ развитіи связи между организаціями различныхъ городовъ. Такимъ образомъ и въ этотъ періодъ продолжается какъ внутреннее строительство, такъ и всевозможныя конкуренціи представителей союзовъ.

Изъ вопросовъ внутренней жизни теперь выдвигаются на первый планъ, кромѣ вызванныхъ локаутами вопросовъ дальнѣйшей экономической борьбы, еще рядъ новыхъ вопросовъ объ организаціи юридической и медицинской помощи, о тарифномъ договорѣ (преимущественно у печатниковъ) и т. под. Надо, однако, сказать, что и по сію пору практическіе результаты этого рода дѣя-

[1]) См. „Проф. Вѣстникъ“, №4—5 и „Вѣстникъ Печатника“, №№ 5, 6 и 7.

тельности крайне мизерны. Несмотря на многократныя попытки, какъ центральныхъ бюро, такъ и отдѣльныхъ союзовъ, упорядочить у себя дѣло медицинской и юридической помощи, эти попытки часто разбивались объ отсутствіе средствъ у союзовъ и отсутствіе подходящихъ силъ среди нашихъ юристовъ и врачей. Вопросъ о тарифномъ договорѣ тоже почти не вышелъ изъ области теоретическихъ разсужденій, главнымъ образомъ вслѣдствіе нежеланія предпринимателей связывать себя въ такое время, когда и безъ того они чувствовали себя хозяевами положенія.

Конференцій было довольно много въ это время. Въ январѣ (6—8) состоялась крымская областная конференція. Изъ числа всѣхъ 90 союзовъ, имѣвшихся въ 14 городахъ Крыма, были представлены 90 союзовъ изъ 11 городовъ съ числомъ членовъ около 6 тысячъ. Какъ выяснилось изъ докладовъ союзы объединяли въ среднемъ 30—40 % всѣхъ мѣстныхъ рабочихъ; самый большой союзъ—портовыхъ рабочихъ въ Севастополѣ—имѣлъ 1200 членовъ. На развитіи движенія сильно отразились репрессіи послѣ роспуска первой Думы, но въ концѣ 1906 г. начался подъемъ и оживленіе. На конференціи обсуждались вопросы о выборахъ въ Думу, законѣ 15 ноября, объ образованіи областнаго бюро и созывѣ крымскаго областнаго съѣзда. Рѣшено было, что члены профессіональныхъ союзовъ могутъ поддерживать на выборахъ только кандидатовъ соціалистическихъ партій. Противъ состава смѣшанныхъ коммисій постановлено было протестовать и добиваться представительства въ нихъ отъ профессіональныхъ союзовъ.

Въ мартѣ происходилъ учредительный съѣздъ кожевниковъ, на которомъ участвовало 26 делегатовъ отъ 17 профессіональныхъ союзовъ, насчитывавшихъ около 4000 членовъ, въ 16 городахъ и мѣсточкахъ сѣверо-западнаго края, части Польши и юга. Центральнымъ пунктомъ порядка дня былъ вопросъ о нейтральности или партійности союзовъ. Послѣ долгихъ дебатовъ съѣздъ принялъ резолюцію, высказывающуюся принципіально за необходимость устройства соціалъ-демократическихъ союзовъ, но, «считаясь съ конкретными условіями, въ тѣхъ случаяхъ, когда значительные слои кожевниковъ... относятся явно отрицательно къ соц.-демократическимъ союзамъ», съѣздъ призналъ допустимымъ и учрежденіе союзовъ нейтральныхъ. Это было отступленіе Бунда отъ своей позиціи въ этомъ вопросѣ. На съѣздѣ рѣшено было основать всеобщій союзъ кожевниковъ съ Центральнымъ Бюро во главѣ. При Центральномъ Бюро созданъ центральный стачечный фондъ, въ который мѣстные союзы должны отчислять 30% своихъ доходовъ. Рѣшено было, что союзъ долженъ легализоваться 4 марта. Признано также цѣлесообразнымъ устройство національныхъ секцій внутри союзовъ на мѣстахъ, на томъ основаніи, что въ задачи профессіональныхъ союзовъ помимо прямой борьбы за улучшеніе положенія рабочихъ входитъ и работа культурная, и такъ какъ въ этой отрасли дѣятельности необходимо считаться съ національными особенностями отдѣльныхъ частей пролетаріата».

Въ Москвѣ на Пасхѣ состоялись двѣ областныхъ конференціи—союзовъ торговыхъ служащихъ и портныхъ. Первая конференція занялась укрѣпленіемъ областной организаціи, избравъ областное бюро, которому поручено было со-

звать въ ближайшемъ будущемъ областной съѣздъ и приступить немедленно къ областному объединенію стачечной борьбы и дорожной помощи. По вопросу о кооперативахъ конкуренція подчеркнула, что рабочія потребительныя общества обязаны вводить у себя условія труда, выработанныя третьимъ всероссійскимъ съѣздомъ приказчичьихъ обществъ.

На конференціи портныхъ весьма интересныя пренія завязались по вопросу о смѣшанныхъ комиссіяхъ. Столкнулись сторонники двухъ тактикъ—использованія комиссій до конца и демонстративнаго заявленія своихъ требованій и выхода изъ коммисій послѣ ихъ отклоненія. По вопросу объ артеляхъ также оказалось два мнѣнія: представители отъ Калуги и Костромы отстаивали артели, тогда какъ огромное большинство присоединилось къ резолюціи всероссійской конференціи портныхъ по этому вопросу. Здѣсь точно также было выбрано областное бюро.

22—25 апрѣля въ Петербургѣ состоялась конференція техниковъ. Были установлены основныя требованія, которыхъ должны добиваться техники (въ томъ числѣ 8-часовой рабочій день); былъ намѣченъ рядъ мѣръ для обсужденія дѣятельности различныхъ союзовъ и обществъ техниковъ.

Около этого же времени состоялась конференція соціалъ-демократическихъ судоходныхъ организацій по Волгѣ. На конференціи было выбрано центральное бюро, на которое возложена обязанность объединить работу по всему волжскому бассейну и подготовить созывъ съѣзда. Въ случаѣ возникновенія широкаго стачечнаго движенія руководство имъ должно быть, по мнѣнію конференціи, передано центральному бюро. Резолюція о профессіональномъ движеніи подчеркнула важность классовой организаціи для борьбы за улучшеніе матеріальнаго и правового положенія и указала на необходимость созданія безпартійныхъ профессіональныхъ союзовъ, организуемыхъ по категоріямъ труда (союзы верхнихъ командъ, нижнихъ командъ и пр.) и объединяемыхъ въ бюро волжскихъ профессіональныхъ союзовъ. «Въ тѣхъ категоріяхъ труда, гдѣ образованіе профессіональныхъ союзовъ является по условіямъ труда затруднительнымъ (грузчики, конторщики и проч.) конференція поручаетъ центральному поволжскому бюро приступить немедленно къ организаціи стачечныхъ кассъ».

21—23 апрѣля состоялась конференція безпартійныхъ союзовъ приказчиковъ сѣверо-западнаго края. Участвовало 9 представителей отъ девяти союзовъ съ общимъ числомъ членовъ въ 2 тысячи. Главная часть работы конференціи была посвящена организаціоннымъ вопросамъ: было выбрано организаціонное бюро для созыва областного съѣзда и для руководства союзами до съѣзда. Дебатировался здѣсь между прочимъ вопросъ объ экономическомъ терроръ и оказалось, что половина делегатовъ стояла за возможность допущенія террора «въ исключительныхъ случаяхъ и подъ контролемъ правленія союза». Поскольку намъ извѣстно, это единственный случай такого отношенія къ террору, объясняемый развитіемъ анархизма среди опредѣленной части рабочихъ этого края.

12—14 іюня состоялась вторая областная конференція ткачей московскаго промышленнаго района. Въ виду замѣчавшагося среди рабочихъ сильнаго броженія и ожиданія общаго стачечнаго движенія почти все время конференціи было

посвящено обсужденію ряда тактическихъ вопросовъ. Конференція заслушала докладъ съ мѣста о пасхальныхъ расчетахъ, о количествѣ безработныхъ, о настроеніи массъ и о повышеніи цѣнъ на продукты. Выяснилось, что пасхальные массовые расчеты были въ Москвѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ, Кохмѣ и Тейковѣ; что безработныхъ всего 2587 человѣкъ; что организацій безработныхъ почти нигдѣ нѣтъ; что настроеніе въ массахъ довольно пестрое, и что цѣны на продукты поднялись на 30%—100%. По вопросу о стачечной борьбѣ и областной забастовкѣ, вызвавшему оживленные дебаты между сторонниками и противниками послѣдней, была принята резолюція, указывавшая на областную забастовку въ текстильной промышленности района, какъ на главное и наиболѣе дѣйствительное средство для поднятія экономическаго положенія текстильныхъ рабочихъ.

Какъ извѣстно, стачечное движеніе въ области дѣйствительно началось въ послѣднихъ числахъ іюня, но скоро обнаружилось, что сторонники всеобщей областной стачки переоцѣнили и настроеніе, и степень организованности рабочихъ, и положеніе рынка. Не оправившіеся отъ предшествовавшей борьбы, рабочіе Иваново-Вознесенска отказались примкнуть къ движенію; забастовавшіе рабочіе В. Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ вскорѣ вернулись къ работѣ, ничего не добившись; кое-гдѣ фабриканты своевременными уступками сумѣли удержать рабочихъ отъ стачекъ, а кое-гдѣ (въ Костромѣ) они упорно сопротивлялись и не шли ни на какія уступки.

Упомянемъ еще о состоявшемся въ іюнѣ областномъ съѣздѣ кожевниковъ сѣверо-западнаго края, о происходившихъ въ мартѣ конференціяхъ соціалъ-демократическаго профессіональнаго союза рабочихъ и работницъ швейнаго дѣла въ Польшѣ и соціалъ-демократическаго же профессіональнаго союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ Царства Польскаго и Литвы, о состоявшейся въ двадцатыхъ числахъ іюня конференціи безпартійныхъ союзовъ ткачей Царства Польскаго [1]).

Какъ мы видѣли, вопросъ о созданіи болѣе крупныхъ, выходящихъ за предѣлы одного города, чаще всего областныхъ организацій дебатировался и рѣшался въ положительномъ смыслѣ почти всѣми вышеуказанными нами конференціями. Локаутная политика предпринимателей и успѣхи ихъ организацій толкали рабочихъ къ расширенію своей собственной организаціи. И такъ велика была эта потребность, что даже послѣ роспуска второй думы, когда надъ профессіональными союзами разразились жесточайшія репрессіи, конференціи, какъ бы повинуясь данному прежде толчку, продолжаютъ еще собираться и выносить рѣшенія, проведеніе которыхъ въ жизнь становилось все менѣе и менѣе возможнымъ.

Рядомъ съ вопросами организаціи другой вопросъ продолжаетъ волновать рабочіе массы и преимущественно ихъ организованные верхи—вопросъ о вздожаніи предметовъ первой необходимости и о вызванномъ этимъ вздорожаніемъ кооперативномъ движеніи.

Небывалый подъемъ цѣнъ на предметы первой необходимости ложился

[1]) См. „Проф. Вѣстникъ". №№ 1—12.

особенно тяжелымъ бременемъ на рабочихъ, такъ какъ о повышеніи заработной платы въ это время промышленной депрессіи и мечтать нельзя было. Какихъ размѣровъ достигла дороговизна, показываютъ между прочимъ слѣдующія цифры, приведенныя въ № 2, отъ 3-го января 1908 г., «Торгово-Промышленной Газеты». «Чтобы не быть голословнымъ,—читаемъ мы тамъ,—приведемъ нѣкоторыя цифры изъ данныхъ министерства торговли и промышленности. Общій показатель всѣхъ цѣнъ, вмѣстѣ взятыхъ, таковъ по отдѣльнымъ годамъ:

Годы:	Показатели цѣнъ:
1903	107,5
1904	112,0
1905	116,2
1906	125,7

«Если темпомъ повышенія за 1907 г. возьмемъ среднее повышеніе приведенныхъ нами годовъ, то для 1907 г. показатель выразится цифрою 131,8. Возьмемъ отдѣльные предметы. Мука пшеничная въ 1903 г. стоила 173,3 коп. пудъ, а въ 1906 г. 215,4 коп. Мука ржаная въ 1903 г. стоила 102,4 коп. пудъ, въ 1906 г. 132,5 коп. А между тѣмъ за этотъ 1907 г. только въ промежутокъ августъ—октябрь цѣна на пшеницу повысилась на внутреннемъ рынкѣ на 40%, а цѣна ржи на 30%. Миткаль въ 1905 г. стоилъ 7,57 к. аршинъ, а въ 1906 г.—9,38 к. Пудъ хлопчато-бумажной пряжи въ 1905 г. стоилъ 17 р. 54 к. а въ 1906 г.—21 р. 90 к. Сейчасъ эти предметы еще дороже. Даже соль повысилась въ цѣнѣ, съ 8,9 коп. пудъ въ 1903 г. до 10,9 к. въ 1906 г. Все это относится къ оптовой торговлѣ. Если возьмемъ цѣны отдѣльныхъ предметовъ въ розницѣ, то картина рѣзко измѣнится. Одинъ печеный хлѣбъ за короткое время повысился въ цѣнѣ во многихъ мѣстахъ больше, чѣмъ на 50%. Одежда, обувь—все продолжаетъ повышаться въ цѣнѣ. Ботинки, которыя раньше стоили 4 р., сейчасъ продаются за 6 р. Пальто, которое раньше можно было купить за 20 р. сейчасъ нельзя достать за 30 р.». Оффиціозный органъ далѣе совершенно правильно отмѣчаетъ, что въ этомъ вздорожаніи очень мало повинно повышеніе заработной платы. «Рабочіе за эти годы, дѣйствительно, успѣли нѣсколько измѣнить свое положеніе. Заработная плата, дѣйствительно, повысилась, но не настолько, чтобы погнаться за повышеніемъ цѣнъ на продукты первой необходимости и домашняго обихода. Не мало намъ извѣстно такихъ случаевъ, когда плата рабочимъ повышалась на 5—10 проц., а самый продуктъ, который они производили, повышался въ цѣнѣ на 30—40 проц. Заработная плата не можетъ такъ быстро мѣняться, какъ цѣны на продукты. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ нефтяной промышленности, достигнуто рабочими повышеніе въ 20% заработной платы. Зато въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ текстильной, повышеніе выразится цифрой, во всякомъ случаѣ, не больше 15».

«Отмѣтимъ, что эти годы характеризуются повышеніемъ заработной платы, главнымъ образомъ, низшихъ категорій рабочихъ. Что же касается высшихъ категорій рабочихъ, то вѣрно, что ими достигнуты улучшенія въ другихъ обла-

стяхъ, но заработокъ самъ по себѣ мало измѣнился. Фактъ тотъ, что многіе механическіе заводы сокращали свое производство, расчитывали рабочихъ и даже понижали расцѣнки. Стремленіе къ пониженію платы мы встрѣчаемъ сейчасъ на многихъ фабрикахъ. Съ этой цѣлью набираютъ женщинъ вмѣсто мужчинъ. Количество женщинъ увеличивается, по показаніямъ фабричной инспекціи, не только въ С.-Петербургской, но и Московской и Кіевской губерніяхъ. Вводятся новыя машины, повышающія интенсивность труда. Въ цѣломъ рядѣ фабрикъ лодзинскаго района рабочіе продолжаютъ безуспѣшно бороться противъ пониженія заработной платы. И въ послѣднее время все увеличивается число такъ называемыхъ оборонительныхъ забастовокъ и забастовки съ требованіемъ повышенія платы мотивируются, главнымъ образомъ, повышеніемъ цѣнъ на продукты».

Но, кромѣ забастовокъ, въ это время почти безнадежныхъ, пролетаріи имѣли къ своимъ услугамъ еще два средства: давленіе на городскія думы и устройство потребительныхъ обществъ. Отъ думъ требовали вмѣшательства въ регулированіе цѣнъ на предметы первой необходимости, выработки опредѣленной таксы, устройства городскихъ потребительскихъ лавокъ. Движеніе это, однако, не приняло широкихъ размѣровъ, и для урегулированія цѣнъ городскія думы почти ничего не сдѣлали.

Зато широко развилось въ 1907 г. кооперативное движеніе. Какъ извѣстно, у насъ и раньше существовали при фабрикахъ и заводахъ потребительныя лавки, членами которыхъ могли быть рабочіе, но тѣмъ не менѣе находившіяся всецѣло въ рукахъ предпринимателей. Когда въ концѣ 1906 года рабочіе заинтересовались кооперативами, передъ ними стояло два пути: или овладѣть существующими потребительными лавками, или создать новыя. И тотъ и другой путь были испробованы. Въ первомъ случаѣ рабочіе или ограничивались захватомъ правленія въ свои руки, или шли дальше и старались вводить въ жизнь кооператива рочдельскіе принципы (самоуправленіе, равноправіе членовъ, распредѣленіе дивиденда по забору, продажа на наличныя и т. д.). Такія попытки имѣли мѣсто въ обществѣ потребителей служащихъ пермской жел. дор., въ Орѣховскомъ и Кохимскомъ обществѣ, въ Мытищенскомъ обществѣ потребителей въ Москвѣ, у Гужона и на Прохоровской Мануфактурѣ въ Москвѣ же, въ обществѣ «Взаимопомощь» въ Баку и т. д. Идейнымъ руководителемъ старыхъ кооперативовъ былъ основанный въ 1897 году «Московскій Союзъ Потребительныхъ Обществъ», объединявшій въ 1907 г. 179 потребительныхъ обществъ, изъ которыхъ, однако, значительная часть была не пролетарской.

Однако, въ огромномъ большинствѣ случаевъ рабочіе предпочитали организовать новые, свои кооперативы. Такъ возникли «Трудовой Союзъ», «Приказчикъ», «Труженикъ» въ Петербургѣ, «Рабочій» въ Баку, «Трудъ» въ Харьковѣ. Составъ этихъ кооперативовъ исключительно пролетарскій, руководство дѣломъ тоже въ рукахъ рабочихъ, и построены они на рочдельскихъ принципахъ. Потребительные кооперативы сначала имѣли громадный успѣхъ среди рабочихъ, число членовъ росло очень быстро, но мало по малу подъ вліяніемъ неизбѣжныхъ на первыхъ шагахъ неудачъ рвеніе остыло, и движеніе приняло менѣе бурный характеръ, хотя несомнѣнно продолжаетъ прогрессировать.

Подъ вліяніемъ безработицы сильно было также движеніе въ пользу производительныхъ кооперативовъ или артелей. Въ одномъ Петербургѣ такія артели образовали ремесленники металлическаго дѣла, приказчики, столяры, портные, сапожники и др. Такія же артели образовались въ Москвѣ, Костромѣ, Казани, Елизаветградѣ, Екатеринославѣ, Тамбовѣ, Баку и др. Въ большинствѣ случаевъ дѣла ихъ шли не блестяще и, просуществовавъ нѣкоторое время, онѣ ликвидировали свое предпріятіе.

Въ это же время, начиная съ весны 1907 года, начинаются попытки, прежде всего со стороны петербургскихъ рабочихъ, внести организованность и въ постановку культурно-просвѣтительной дѣятельности. Обнаружившаяся въ массахъ жажда знанія и стремленіе къ образованію искали удовлетворенія и долго не находили его. Попытки профессіональныхъ союзовъ взять это дѣло въ свои руки не удались вслѣдствіе отсутствія у союзовъ достаточнаго количества интеллигентныхъ силъ. Выходъ былъ найденъ въ созданіи самостоятельныхъ и самодѣятельныхъ рабочихъ обществъ самообразованія. Несмотря на огромныя препятствія, матеріальныя и всякія другія, начавшееся въ Петербургѣ весною 1907 года движеніе больше не прекращалось, и въ различныхъ районахъ Петербурга удалось постепенно создать рядъ такихъ рабочихъ обществъ, въ которыхъ читались лекціи, организовывались экскурсіи, устраивались литературные и музыкальные вечера, учреждались библіотеки и читальни. Въ провинціи препятствія были непреодолимѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, и тамъ дѣло развивалось значительно медленнѣе, но и тамъ жажда духовной пищи и стремленіе къ ея удовлетворенію обнаружились съ большой силой и всякія попытки идти навстрѣчу запросамъ рабочихъ въ этой области встрѣчались съ большимъ сочувствіемъ.

Политика концентрировалась теперь не столько около Думы, сколько въ самой Думѣ. Политическихъ выступленій массъ во имя опредѣленныхъ требованій почти совсѣмъ не было. Призывы партій къ поддержкѣ Думы и думскихъ фракцій почти не встрѣтили отзвука: рядомъ съ реакціей тутъ вліяло еще неумѣніе массъ и большинства партійныхъ дѣятелей приспособить выступленія и агитацію къ повседневнымъ задачамъ политической борьбы. Общее въ политикѣ еще преобладало надъ частнымъ, какъ это раньше было въ экономикѣ. Задача же теперь состояла въ томъ, чтобы черезъ частное опять возвыситься до общаго. Отдѣльныя выступленія все еще были очень внушительны, но въ нихъ уже отсутствовалъ духъ активнаго наступленія, который прежде мобилизовалъ широкія массы. Была ознаменована рядомъ забастовокъ почти по всей Россіи вторая годовщина 9 января; бастовали въ Петербургѣ, Варшавѣ, Лодзи, Самарѣ, Саратовѣ, Екатеринославѣ, Харьковѣ и мн. др. Точно также очень дружно было отпраздновано 1-ое мая. Въ Петербургѣ бастовало 236 фабрикъ и заводовъ—больше 120 тысячъ рабочихъ. Въ Москвѣ не работали на цѣломъ рядѣ крупныхъ заводовъ и фабрикъ. Въ Одессѣ была почти полная забастовка: не работало 115 предпріятій, въ томъ числѣ портъ, адмиралтейство, желѣзнодорожныя мастерскія. Въ Варшавѣ, несмотря на самыя строгія полицейскія мѣры, царила полная забастовка: не вышли газеты, забастовали трамвай и извозчики, бездѣйствовали всѣ фабрики и заводы,

были закрыты всѣ торговыя заведенія. Почти полная забастовка была еще въ другихъ 14 городахъ, частичная въ 18-ти. Но все же это были скорѣе поминки, чѣмъ торжественное празднество.

Вся энергія передовыхъ рабочихъ сосредоточилась на организаціонномъ строительствѣ, и главнымъ образомъ на организаціи профессіональныхъ союзовъ. Выбранная на второй конференціи Организаціонная Комиссія по созыву съѣзда профессіональныхъ союзовъ предприняла въ началѣ 1907 г. анкету о положеніи союзовъ, результаты которой въ обработкѣ И. Круглова были опубликованы въ №№ 6, 8 и 9 «Профессіональнаго Вѣстника». Этотъ подсчетъ даетъ, правда, приблизительное, но все же наиболѣе полное представленіе о силѣ союзовъ въ то время, почему мы и считаемъ необходимымъ привести его здѣсь [1]). (см. стр. 338 и 339).

О степени организованности по отдѣльнымъ группамъ производствъ приблизительное представленіе можетъ дать слѣдующая таблица:

Группы производствъ и занятій.	Число всѣхъ рабочихъ (въ тысячахъ) [2]).	Число членовъ союзовъ.	% членовъ союзовъ по отношенію къ числу всѣхъ рабочихъ.
Горное дѣло	229	2.475	1,1
Обработка дерева	410	9.927	2,4
» кожи	154	12.066	7,1
» металла	625	54.173	8,6
Изготовленіе одежды	1.158	14.322	1,2
Печатное дѣло	60	28.654	43,0
Производство питательныхъ продуктовъ . .	344	24.848	7,2
Строительное дѣло	717	12.396	1,7
Текстильное »	960	37.214	3,9
Торговля	1.495	32.475	2,2
Прочіе	—	17.005	—
Всего . . .	7.043	245.555	3,5

В. Гриневичъ дѣлаетъ къ этой сводкѣ слѣдующую поправку: «Такъ какъ многіе союзы въ опросныхъ листахъ указывали цифру внесшихъ вступительный взносъ, а не уплачивающихъ регулярно членскіе взносы, то дѣйствительное число постоянныхъ членовъ союзовъ вышеприведенными цыфрами значительно

[1]) Г. Кругловъ отмѣчаетъ слѣдующіе недостатки имѣвшихся въ его распоряженіи матеріаловъ. Во-первыхъ, „свѣдѣнія о многихъ союзахъ были доставлены намъ не непосредственно самими союзами... Другая причина крупныхъ неточностей проистекаетъ отъ того, что въ различныхъ мѣстахъ и союзахъ члены союза опредѣляются по совершенно различнымъ признакамъ... Наконецъ, наши свѣдѣнія относились къ различному времени на протяженіи послѣднихъ пяти мѣсяцевъ, съ января по май". („Проф. В." № 8, стр. 7).

[2]) По всероссійской переписи 1897 г. См. В. Погожевъ. „Учетъ численности рабочихъ въ Россіи", стр. 13—14.

Профессіональные союзы по

Производство и занятія.	Московская.				Сѣверная.				Приволжская.					Пріуралъ.		Ср.-Земледѣльческая.				Малороссійская.			
	Москва.		Всего.		Петербургъ.		Всего.		Н.-Новгор.	Сар.	Астр.	Всего.				Харьковъ.		Всего.		Екатеринослъ.		Всего.	
	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Член.	Член.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.
I. Горное дѣло . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	700	—	—	—	—	—	—	1	375
II. Обработка дерева	2	1500	5	1630	3	2195	5	2945	92	130	193	8	611	1	70	—	—	1	60	2	592	4	952
III. Обработка кожи .	4	1634	8	1731	5	1741	7	1781	30	40	70	6	463	1	30	2	150	2	150	1	270	3	530
IV. Обработка металла и машиностроен.	6	8920	12	8896	7	13214	9	13328	285	380	662	10	3165	4	2125	1	230	2	440	3	2300	6	2476
V. Изготовленіе одежды	4	5554	10	6358	3	1705	5	1775	230	250	40	4	552	2	80	—	—	3	250	3	457	5	647
VI. Печатное дѣло .	2	6100	5	6425	3	11600	5	11902	462	366	123	6	1355	1	30	1	562	4	686	2	545	4	610
VII. Производство питательныхъ продуктовъ . .	7	8621	12	8750	6	5854	9	5996	342	200	450	8	1343	2	210	2	664	4	744	2	850	10	1871
VIII. Строительн. дѣло.	2	1205	3	1245	3	4491	3	4491	80	110	1844	7	2034	—	—	1	50	1	50	4	428	5	478
IX. Текстильн. дѣло.	3	3225	16	12309	2	4085	3	4165	100	—	—	1	100	—	—	—	—	—	—	1	40	1	40
X. Торговля и услуженіе	8	5589	18	6795	6	4817	6	5051	390	640	331	13	1972	4	480	1	2360	5	3040	2	1520	3	2120
XI. Прочія	8	6803	9	6803	9	2080	9	2080	500	—	—	6	750	1	50	—	—	2	200	4	380	7	515
ВСЕГО . . .	46	48051	98	60942	44	51782	61	53514	2011	2116	3713	69	12345	18	3775	8	3956	24	5620	24	7382	49	11369

*) Сюда не включены Прибалт. край, Сибирь и Средне-Азіатск. влад., такъ какъ свѣдѣній отсюда поступило

преувеличено. Въ своемъ докладѣ международному соціалистическому конгрессу въ Штутгартѣ [1]) организаціонная комиссія устанавливаетъ это число приблизительно въ 90.000. Сюда нужно прибавить около 150 союзовъ въ Закавказьѣ, Сибири, Средней Азіи, балтійскихъ губерніяхъ, не вошедшихъ въ сводку. Общее число профессіонально организованныхъ рабочихъ по всей Россіи опредѣлится, такимъ образомъ, приблизительно цифрой въ 123.000» [2]).

Съ роспускомъ 2-ой Думы не только прекратилось дальнѣйшее развитіе этого строительства, но и многое изъ сдѣланнаго было настолько основательно разрушено, что теперь рабочимъ приходится начинать съ начала. Въ рабочемъ движеніи начинается новая эпоха. Если до 1905-го года оно было стихійно-массовымъ, то теперь оно становится организованнымъ движеніемъ передоваго

[1]) Русскіе профессіон. союзы, впервые участвовавшіе на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ, были представлены 9 делегатами—по одному отъ Московскаго Центральнаго Бюро, объединявшаго тогда 28.083 члена, Областного союза качей моск. промыш. района (20700 чл.), Петербургскаго Центральнаго Бюро свыше 16000 чл.), Спб. союза рабоч. печ. дѣла (6500 чл.), бундовскихъ союзовъ Витебска, Двинска и Полоцка (3100), 7 бундовскихъ союзовъ Лодзи, бундовскихъ союзовъ г. Житомира, союзовъ соціалистической еврейск. рабочей партіи городовъ Витебска, Двинска и Дубровны (2610 членовъ), сіонистско-соціалистическихъ союзовъ Польши.

[2]) В. Гриневичъ. „Професс. движ. рабоч. въ Россіи“. Стр. 279.

областямъ*) и производствамъ.

Юго-западная.				Черноморская.				Сѣверо-Западная.				Польша. **)						Кавказъ. **)				Всего.	
Кіевъ.		Всего.		Одесса.		Всего.		Вильно.		Всего.		Варшава.		Лодзь.		Всего.		Баку.		Всего.			
Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз	Член.	Союз.	Член.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	992	2	1400	5	2475
1	474	1	474	4	410	7	505	1	1730	3	1820	1	250	1	560	2	810	—	—	1	50	38	9927
1	78	1	78	4	270	12	480	2	1192	36	1990	4	4000	1	398	7	4700	1	103	2	133	85	12066
4	763	4	763	5	690	10	2240	1	391	6	805	4	8840	2	3080	14	15720	2	4055	4	4215	81	54173
2	295	2	295	4	480	12	1070	1	683	6	1623	5	1057	1	150	7	1207	1	395	3	545	59	14322
2	1147	5	1252	2	1600	5	1769	2	645	11	1247	5	1870	4	314	21	2274	2	365	5	1104	72	28654
2	696	2	696	7	1720	13	1940	2	260	12	1334	—	—	2	894	2	894	1	230	4	1070	78	24848
—	—	—	—	1	420	10	784	1	802	5	2277	—	—	2	302	2	302	2	70	7	440	43	12396
—	—	—	—	—	—	—	—	1	600	1	600	—	—	3	20000	3	20000	—	—	—	—	25	37214
2	997	4	1257	3	2810	23	5240	3	720	11	1760	2	1100	1	600	4	1805	3	2060	10	2655	101	32475
5	480	5	480	5	1300	11	1170	2	352	10	1097	—	—	—	—	—	—	5	3560	5	3560	65	17005
19	4930	24	5335	35	9730	103	15498	16	7375	101	14553	21	17117	17	26198	62	47712	18	11830	43	16172	652	245555

чрезвычайно мало. **) Свѣдѣнія о Польшѣ и Кавказѣ чрезвычайно неполны и отрывочны.

меньшинства для того, чтобы современемъ превратиться въ организованное движеніе массы. 1906-ой и первая половина 1907-ого года, которой мы заканчиваемъ наше изслѣдованіе, были въ данномъ отношеніи переходными годами. Мечты о быломъ величіи и нѣкоторые факты текущей жизни не давали мириться съ мыслью, что подъемъ еще не близокъ, что надо переходить къ болѣе прозаической ежедневной работѣ надъ постройкой организованныхъ ячеекъ и надъ углубленіемъ сознательности рабочихъ.

Наступленіе 1906-го года застигло пролетаріатъ Россіи въ самомъ тяжеломъ положеніи. Разгромъ, начатый арестомъ петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ и пораженіемъ московскаго декабрьскаго движенія, продолжается. Возникшіе въ дни свободы и не успѣвшіе еще принять опредѣленную форму профессіональные союзы разгромлены, рабочіе клубы закрыты, уцѣлѣвшіе остатки совѣтовъ рабочихъ депутатовъ арестованы. Тысячи рабочихъ томились по тюрьмамъ, тысячи пошли въ ссылку и на каторгу. Реакція не ограничилась одной политической местью, она хотѣла бить рабочихъ по самому чувствительному мѣсту и, закрывая казенныя и частныя предпріятія, отдаетъ десятки тысячъ рабочихъ въ жертву голоду и холоду. Армія безработныхъ ростетъ быстро и непрерывно.

Но реакція кажется кратковременной: пройдетъ два-три мѣсяца и все измѣнится къ лучшему. Пролетаріатъ не теряетъ бодрости. Собираются разрознен-

ные остатки профессіональныхъ союзовъ и дѣлаются попытки возстановить разбитые ряды. Въ политическихъ организаціяхъ обсуждается вопросъ о государственной думѣ, которую рѣшаютъ бойкотировать, какъ учрежденіе контр-революціонное, «соглашательское». Проходитъ еще немного времени, и пролетаріату приходится сознать свою ошибку, ибо выборы прошли, а революція не пришла. Законъ 4 марта, несмотря на всю его ублюдочность, уже не отвергается пролетаріатомъ, а принимается, какъ «легальная» возможность созданія широкихъ организацій. Рабочіе спѣшатъ организоваться, создавая новые и легализуя старые союзы. Около этого же времени возникаетъ полулегальная организація безработныхъ, руководящій центръ которой—такъ называемый «совѣтъ безработныхъ»—на первомъ своемъ засѣданіи 23 марта рѣшаетъ обратиться къ городской думѣ съ требованіемъ общественныхъ работъ.

Съ приближеніемъ дня открытія государственной думы настроеніе стало расти. Начались митинги, демонстраціи. 18-ое апрѣля праздновалось однодневной забастовкой во всей Польшѣ, Литвѣ и Ригѣ. Въ Петербургѣ вся вторая половина апрѣля проходитъ въ ежедневныхъ митингахъ. 1-ое мая отпраздновано рабочими всей Россіи необыкновенно дружно. Общее оживленіе вызываетъ и поддерживаетъ разлившееся чрезвычайно широко стачечное движеніе, продолжающееся непрерывно весь май и іюнь. За это время возникло не менѣе 60 крупныхъ наступательныхъ стачекъ въ 35 профессіяхъ. Какъ велико было число стачечниковъ, показываютъ слѣдующія цифры: въ концѣ мая въ коломенскомъ уѣздѣ бастовало 71.000 рабочихъ, въ верейскомъ—6.000; въ одинъ день 24 іюня въ Москвѣ бастовало болѣе 20.000 рабоч. Среди всеобщаго оживленія рѣзко выдѣляется движеніе въ наиболѣе отсталыхъ слояхъ пролетаріата, то здѣсь, то тамъ, по всей Россіи бастуютъ кожевенники, сапожники, строители, ломовики, грузчики, пильщики, чернорабочіе, прислуга и проч. Самыми крупными являются стройная и успѣшная трехнедѣльная стачка 15 тысячъ каталей въ Петербургѣ и стачки петербургскихъ и московскихъ булочниковъ.

Въ то же время продолжается лихорадочная организація пролетарскихъ силъ. Въ Москвѣ за лѣто возникло до 30 союзовъ. Въ Петербургѣ союзъ рабочихъ по металлу за $1^1/_2$ мѣсяца разростается до 7.000 членовъ, а союзъ булочниковъ, насчитывавшій весною едва нѣсколько десятковъ членовъ, въ началѣ стачки имѣетъ ихъ уже 1.800, а къ концу 3.100. Возникаютъ рабочіе клубы. На заводахъ идетъ успѣшная борьба съ черной сотней. Пробуждается и интересъ къ Думѣ. Рабочіе откликаются на призывъ рабочихъ депутатовъ и отовсюду къ нимъ летятъ привѣтствія, требованія, запросы. Въ Петербургѣ рабочіе выбираютъ комиссіи для совѣщанія съ депутатами соц.-дем. фракціи. «Бойкотистское» настроеніе мало-по-малу пропадаетъ.

Съ роспускомъ думы реакція опять обрушивается на рабочихъ. Рабочіе клубы и многіе профессіональные союзы закрыты. Собранія не разрѣшаются, митинги разгоняются вооруженной силой. Начинается наступленіе капитала, достигающее своего апогея въ эпидеміи локаутовъ. Армія безработныхъ ростетъ, ростетъ нищета и голодъ въ рабочей средѣ. Рабочіе дѣлаютъ огромныя усилія, чтобы спасти свои профессіональныя организаціи, пытаются пережить безвременье, приспособивъ свои организаціи къ полулегальному существованію. Ищутъ

и новыхъ путей и результатомъ этого исканія явилось кооперативное движеніе въ его разнообразныхъ проявленіяхъ.

Волна локаутовъ продолжается и въ 1907 году. Но она наталкивается уже на сильное сопротивленіе, о которое она по временамъ разбивается. Неудача московскихъ владѣльцевъ типографій поднимаетъ боевое настроеніе рабочихъ, и въ то же время опасность локаутовъ толкаетъ многихъ на путь организаціи. Оживленіе въ массахъ создается также на почвѣ новыхъ выборовъ въ государственную думу. Рабочіе, отказавшіеся отъ тактики бойкота, теперь устраиваютъ грандіозныя демонстраціи во время проводовъ депутатовъ, празднуютъ во многихъ мѣстахъ день открытія думы забастовкой, устраиваютъ митинги, пишутъ наказы, дѣлаютъ попытки къ закрѣпленію коллегій уполномоченныхъ и выборщиковъ. Профессіональныя организаціи крѣпнутъ и пускаютъ глубокіе корни въ массы, создаются культурно-просвѣтительныя рабочія общества и ростутъ кооперативы...

Но уже врагъ подстерегалъ всѣ эти начинанія. Реакція и кризисъ сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы задушить всѣ эти ростки. И если имъ не удалось все задушить, то не они въ томъ виноваты...

Д. Кольцевъ.

Въ первомъ томѣ, въ статьѣ М. Балабанова, просимъ замѣнить таблицу, помѣщенную въ ней въ концѣ стр. 55, нижеслѣдующей:

	Сумма производствъ (въ мил. р.).	Число рабочихъ въ тысячахъ.
Обработка хлопка	520,4	399,9
» шерсти	167,1	136,6
» шелка	28,8	31,9
» льна	65,3	79,3
» смѣшанныхъ матеріаловъ . . .	71,7	27,3
» бумаги	77,4	71,9
» дерева	95,3	73,9
» металловъ	371,9	240,9
» минеральныхъ веществъ . . .	80,5	127,9
» животныхъ продуктовъ . . .	110,8	50,9
» питательныхъ веществъ . . .	361,5	71,7
» химическихъ веществъ	92,4	30,4

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ II.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

a) МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ.
b) ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО МАРКСИЗМА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1910.

Оглавленіе.

т. II. ч. II.

стр.

I. Массовое движеніе (продолженіе).

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Движеніе землевладѣльцевъ 1

А. ЕРМАНСКІЙ. Крупная буржуазія.

1. Періодъ либеральныхъ записокъ 30
2. Отношеніе къ рабочему вопросу въ періодъ либеральныхъ записокъ 41
3. Отношеніе къ Госуд. Думѣ. Партійныя образованія въ средѣ крупной буржуазіи 50
4. Выступленія городскихъ самоуправленій. Съѣзды городскихъ дѣятелей 60
5. Союзы работодателей. Локауты 70
6. Всероссійское объединеніе капитала 86
7. Заключеніе 97

Ф. ДАНЪ. Очеркъ политической эволюціи буржуазныхъ элементовъ городского населенія . 101

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Движеніе интеллигенціи.

1. До 9 января 146
2. Послѣ 9 января 163
3. Образованіе интеллигентскихъ союзовъ и ихъ платформы . 170
4. Отъ Манифеста 6 августа до Манифеста 17 октября . . . 183
5. Послѣ 17 октября 196

П. МАСЛОВЪ. Крестьянское движеніе.

1. Экономическое положеніе крестьянъ въ началѣ столѣтія . . 202

1905 годъ.

2. Начало движенія 209
3. Причины движенія 229
4. Отношеніе Правительства и политическихъ партій къ движенію 233
5. Крестьянскій союзъ 236
6. Крестьянское движеніе послѣ 17 октября 239

стр.

1906 годъ.

1. Выборы въ Государственную Думу и наказы 263
2. Крестьянское движеніе въ 1906 году 267
3. Конецъ и результаты крестьянскаго движенія 277

Приложеніе.

А. МАРТЫНОВЪ. Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма.

1. Группа Освобожденія труда 285
2. 90-ые годы 304
3. Переходное время (1900—1903) 323

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

Движеніе землевладѣльцевъ.

I.

Требованія, выставленныя ноябрьскимъ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей 1904 г., были вынесены на банкеты; подхватившая ихъ демократическая волна росла и ширилась, углубляя вмѣстѣ съ тѣмъ самыя требованія. Начиналось усиленное броженіе въ крестьянствѣ; все громче раздавались голоса нароставшаго пролетарскаго движенія. Въ то же время русская армія несла на Дальнемъ Востокѣ одно пораженіе за другимъ. Все это вмѣстѣ взятое накладывало на всю общественную жизнь печать какой-то неоформленности, въ атмосферѣ носилось предчувствіе крупныхъ событій. И не было въ то время ни одного значительнаго общественнаго слоя, который обращалъ бы свои взоры назадъ. «Весна», возвѣщенная за нѣсколько мѣсяцевъ до того кн. Святополкъ-Мирскимъ, казалась чѣмъ-то давно изжитымъ, неспособнымъ вдохновить и вызвать активность даже въ тѣхъ умѣренныхъ землевладѣльческихъ кругахъ, которые въ сентябрѣ и октябрѣ съ энтузіазмомъ привѣтствовали на земскихъ собраніяхъ эпоху «довѣрія» власти къ общественнымъ силамъ. На очередь даже въ этихъ кругахъ выдвигался иной вопросъ, вопросъ о «довѣріи» общественныхъ силъ къ власти, и яснѣе обрисовывалось, что эта власть все болѣе и болѣе утрачивала довѣріе тѣхъ элементовъ, съ которыми раньше у нея было такъ много общихъ интересовъ.

Будучи изолированной, власть обнаружила неустойчивость и въ то же время неумѣнье взять курсъ, который, удовлетворяя хотя бы въ нѣкоторой части требованія широкихъ слоевъ населенія, примирялъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ ее съ умѣренными элементами «общества». Союзъ ея съ нимъ былъ созданъ позже, благодаря надвинувшейся общей опасности, передъ лицомъ которой должны были смолкнуть пререканія съ «бюрократіей». А между тѣмъ въ то время требованія умѣренно-либеральныхъ землевладѣльческихъ слоевъ были еще очень и очень скромны и вполнѣ пріемлемы для власти стараго режима. Объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ губ. земскія собранія декабрьской сессіи 1904 г. Лишь одно *Черниговское* земство опредѣленно поставило вопросъ о созывѣ на-

родныхъ представителей для ограниченія самовластія бюрократіи; другія же собранія были въ своихъ требованіяхъ болѣе скромны [1]). Такъ, *Екатеринославское*, *Казанское*, *Рязанское*, *Калужское* и др. земства говорили объ участіи въ государственныхъ дѣлахъ «представителей земли» въ столь неопредѣленной формѣ, сопровождали свои заявленія такими оговорками, что бюрократіи не было основаній вступать съ ними въ конфликтъ въ то смутное время. Напр., *Калужское* земство выражало увѣренность, что «лучшіе люди, облеченные довѣріемъ Вашего Величества и довѣріемъ общества, сплотятся вокругъ великаго престола, готовые защищать его отъ враговъ твердаго порядка»... Самый созывъ «лучшихъ людей» калужскіе земцы ставили въ зависимость отъ усмотрѣнія верховной власти. «Если настанетъ день,—писали они,—когда Вашему Величеству будетъ угодно призвать къ государственной работѣ представителей земли» и т. д. *Нижегородское* земство просило о томъ, чтобы «повелѣно было созвать на творческую работу... свободно избранныхъ представителей народа». *Рязанское* губ. собраніе выражало увѣренность въ томъ, что «общественная жизнь получитъ правильное и закономѣрное теченіе при дальнѣйшемъ развитіи самодѣятельности земства, при неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти и слова. Народныя силы при этихъ условіяхъ обновятъ государственную жизнь и по повелѣніямъ Вашимъ поведутъ Россію къ славѣ и благоденствію».

Предложеніе включить въ адресъ пожеланіе о созывѣ «свободно избранныхъ силъ страны» было отвергнуто изъ боязни проявить «посягательство на права монарха».

Такимъ образомъ, губ. земскія собранія декабрьской сессіи выказали большую умѣренность въ своихъ пожеланіяхъ. Нѣкоторую роль въ данномъ случаѣ сыграло, конечно, также и опасеніе репрессій. У всѣхъ на виду была кара, постигшая черниговскаго предводителя дворянства А. А. Муханова, который получилъ Высочайшій выговоръ за допущеніе обсужденія либеральнаго адреса. Однако, это соображеніе въ общемъ не играло крупной роли, и мы должны констатировать, что губ. собранія декабрьской сессіи 1904 г. показали, сколь далеки были дворянско-землевладѣльческіе круги отъ того, чтобы усвоить себѣ credo земскаго совѣщанія 6—9 ноября, хотя бы въ формѣ мнѣнія «меньшинства».

Съ др. стороны, приходится отмѣтить, что именно въ это время въ дворянскихъ кругахъ стало нарастать и выявляться смутное предчувствіе грядущей грозы, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала проявляться тенденція къ сплоченію вокругъ исконныхъ началъ. Первой ласточкой въ этомъ отношеніи надо признать постановленіе *Симбирскаго* земства, принятое по иниціативѣ губ. предводителя дворянства В. Н. Поливанова, впослѣдствіи дѣятельнаго участника дворянскихъ съѣздовъ. «Преступное уклоненіе отъ основныхъ началъ русской государственной жизни, навѣянное чуждыми намъ вожделѣніями,—говорится во Всеподданнѣйшемъ адресѣ Симбирскаго земства (1904 г.),—страшитъ насъ за ея будущее». По убѣжденію симбирскихъ земцевъ-дворянъ, «въ единеніи съ Самодержавнымъ царемъ православная Русь искони черпаетъ ту необходимую мощь, которая заставитъ смириться и внутренняго, и внѣшняго врага».

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ губ. собраніяхъ (тамбовскомъ, смоленскомъ и др.) вопросы подобнаго рода не были допущены предсѣдателями къ обсужденію.

Подъ вліяніемъ нараставшаго возбужденія въ различныхъ кругахъ населенія правительство въ декабрѣ 1904 г. дѣлаетъ, наконецъ, слабую попытку удовлетворить нѣкоторыя требованія, но то, что оно обѣщаетъ дать, именно въ это время менѣе всего могло удовлетворить кого бы то ни было. Дѣйствительно, изданный 12 декабря 1904 г. указъ [1]) слишкомъ запоздалъ. Обѣщанные имъ «расширеніе компетенціи земства», «пересмотръ исключительныхъ положеній», «расширеніе свободы печати», «государственное страхованіе рабочихъ» и т. п. далеко отставали отъ уровня поднявшейся волны общественныхъ требованій; съ другой стороны, даже тѣ слои, которые примирились бы съ этими мѣропріятіями,—широкіе круги землевладѣльцевъ,—не удовлетворились этимъ указомъ, такъ какъ не имѣли увѣренности въ твердости курса правительственной политики. Неувѣренность эта имѣла подъ собой прочныя основанія и скоро получила еще одно оправданіе. О появленіи указа 12 декабря распространены различныя легенды, но во всякомъ случаѣ очевидно, что изданіе его было полной неожиданностью даже для хорошо освѣдомленныхъ бюрократическихъ круговъ. И, какъ бы спѣша исправить свой промахъ, руководители правительственнаго корабля тотчасъ послѣ указа 12 декабря взяли опредѣленный курсъ вправо. Циркуляромъ 31 декабря кн. Святополкъ-Мирскій взялъ на себя задачу завершить эту стадію колебаній и сгладить промахъ 12 декабря. Этимъ циркуляромъ были возстановлены работы «губернскихъ совѣщаній» по крестьянскому дѣлу—дѣтище фонъ-Плеве—и имъ было преподано указаніе въ томъ духѣ, что указъ 12 декабря отнюдь не покушается на «крестьянскій сословный строй».

Этотъ поворотъ правительственной политики вправо, достигшій апогея 9 января 1905 г.,—содѣйствовалъ сплоченію широкихъ слоевъ такъ называемаго «общества», въ томъ числѣ и землевладѣльческихъ круговъ, мечтавшихъ о водвореніи столь желаннаго и необходимаго для нихъ правопорядка въ деревенскихъ отношеніяхъ.

Подъемъ опозиціонности землевладѣльческихъ круговъ не замедлилъ сказаться въ возобновившейся въ январѣ 1905 г. сессіи губ. земскихъ собраній. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эту сессію земскія собранія въ послѣдній разъ стали средоточіемъ того демократическаго движенія, которое проявилось въ банкетахъ, и носителями котораго являлись представители «третьяго элемента» и т. п. слои. Именно въ эту сессію «публика» заявила себя наиболѣе опредѣленно на губернскихъ собраніяхъ, и удаленіе ея предсѣдателями собраній въ иныхъ случаяхъ давало гласнымъ поводъ бастовать, т. е. прерывать сессію (напр., въ *Самарскомъ* собраніи). Въ другихъ случаяхъ перерывъ сессіи вызывался иными условіями, являлся демонстраціей противъ стараго режима, противъ усилившихся репрессій и въ частности противъ событія 9 января 1905 г. Такъ поступили земства: *Вологодское, Воронежское, Владимірское, Московское, Новгородское, Петербургское, Саратовское* и *Таврическое*. Подъ вліяніемъ же событія 9 января состоялось и единственное въ то время постановленіе *Саратовскаго* губ. земства объ обезпеченіи, наряду съ проч. политическими свободами, также и права стачекъ.

---

[1]) См. т. I „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX-го вѣка", стр. 481.

Собранія, которыя состоялись въ январѣ 1905 г., протекали въ общемъ въ значительно повышенномъ оппозиціонномъ настроеніи. Во главѣ оппозиціонеровъ, какъ и въ послѣдующіе годы, шли костромскіе земцы; однако и они въ это время проявляли большую умѣренность. Такъ, они отвергли предложеніе комиссіи включить во всеподданнѣйшій адресъ указаніе на «неотложность» созыва выборныхъ по 4-хъ-членной формулѣ, а приняли редакцію адреса, въ которомъ говорилось лишь «о постоянномъ участіи въ осуществленіи законодательной власти свободно избранныхъ представителей страны».

Въ такомъ же въ общемъ духѣ были сдѣланы заявленія и др. земствами. Напр., въ адресѣ отъ 14 января 1905 г. *Екатеринославское* земство просило о томъ, чтобы «повелѣно было разрушить вѣковую преграду, отдѣляющую русскій народъ отъ своего Вѣнценоснаго Вождя», и о призваніи «свободно избранныхъ представителей земли для настоящаго участія ихъ въ разработкѣ законоположеній, долженствующихъ утвердить великія начала».

Во всеподданнѣйшемъ адресѣ *Таврическаго* земства говорилось между прочимъ слѣдующее: «указъ Вашего Величества, данный въ 12-й день декабря, окрылилъ русскій народъ надеждой на близость желаемаго внутренняго мира, всегда и всюду покоющагося на охраненіи полной силы закона, на равноправности всѣхъ гражданъ, на свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданій, свободѣ слова и печати, союзовъ и собраній. Мы искренно вѣримъ..., что, призвавъ представителей народа къ законодательству, къ составленію государственной росписи, Вы создадите изъ Россіи мощную державу»...

Сессіи дворянскихъ губ. собраній въ большинствѣ губерній въ этомъ году не было; высказалось по поводу текущаго момента едва ли не одно Костромское дворянство, которое проявило солидарность съ господствовавшимъ земскимъ теченіемъ. Дѣйствительно, *Костромское дворянство* (11 января) приносило «благодарность за повелѣнія, изложенныя въ указѣ 12 декабря». Однако, этотъ указъ не удовлетворилъ всецѣло костромское дворянство. «Въ цѣляхъ государственнаго спокойствія и удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ мѣстнаго дворянства, которыя въ то же время являются и общенародными,—писали дворяне,—считаемъ долгомъ высказать... глубокую увѣренность въ томъ, что лишь непосредственное общеніе Самодержавнаго Государя съ свободно избранными представителями населенія можетъ успокоить умы»...

Едва закончились въ январѣ губернскія земскія собранія, какъ стали проявляться и усиливаться аграрныя волненія въ рядѣ губерній, преимущественно въ формѣ лѣсныхъ порубокъ. Становилось очевиднымъ, что и деревня выходитъ изъ состоянія своего оцѣпенѣнія и начинаетъ такъ или иначе возвышать свой голосъ, пріобщаться къ сонму «внутреннихъ враговъ». Это обстоятельство оказалось чреватымъ многими послѣдствіями. Съ одной стороны, оно толкнуло правительство еще разъ въ сторону уступокъ, и рескриптомъ 18 февраля на имя Булыгина было возвѣщено объ образованіи совѣщанія для выработки положенія о Госуд. Думѣ, а затѣмъ предоставлено «всѣмъ вѣрноподданнымъ» право подавать петиціи «по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія». Съ другой стороны, въ средѣ землевладѣльческаго класса, подъ вліяніемъ рескрипта 18 февраля

и опасенія обостренія аграрнаго движенія, сталъ рѣзко намѣчаться расколъ. Часть этого класса, солидаризировавшаяся съ дворянскими интересами, была всецѣло удовлетворена рескриптомъ и начала объединяться для противодѣйствія крестьянскимъ волненіямъ. Другая часть землевладѣльцевъ, во главѣ съ либеральными земцами, шла въ своихъ политическихъ требованіяхъ дальше того, что было обѣщано рескриптомъ, а затѣмъ пыталась также овладѣть крестьянскимъ движеніемъ путемъ удовлетворенія хотя бы отчасти земельныхъ требованій крестьянства и посредствомъ прямого воздѣйствія на организацію массъ. Между этими двумя теченіями существовалъ рядъ оттѣнковъ, и вообще дифференціація въ землевладѣльческой средѣ—земской вообще и дворянской въ частности—пошла съ этихъ поръ усиленнымъ темпомъ.

II.

Вопросъ о созывѣ «представителей земли» къ концу января былъ уже почти предрѣшенъ въ правительственныхъ сферахъ. Свободнѣе о немъ стали говорить и на различныхъ общественныхъ собраніяхъ. Земскія и дворянскія собранія, состоявшіяся въ то время, также пытались подойти къ нему съ опредѣленной точки зрѣнія. При этомъ впервые открыто проявилось расхожденіе въ этомъ вопросѣ различныхъ слоевъ землевладѣльческаго класса, солидарныхъ однако въ одномъ: въ томъ, что развивавшееся народное движеніе необходимо парализовать возможно скорѣе созывомъ «представителей земли». Лишь голосъ *Московскаго* дворянства звучалъ иначе и звалъ правительственную власть въ первую очередь заняться подавленіемъ крамолы.

Адресъ Московскаго дворянства, принятый 219 голосами, гласилъ: «Нынѣ ли, въ столь тяжелую пору, думать о какомъ-либо коренномъ преобразованіи государственнаго строя Россіи? Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута; тогда, направляемая державной десницей Твоей, Россія найдетъ пути для надежнаго устроенія своей внутренней жизни на завѣщанныхъ намъ нашей исторіей началахъ единенія Самодержавнаго Царя съ землей. Царствуй въ сознаніи своей силы, Самодержавный Государь! Въ полнотѣ Твоей власти—сила и надежда русскаго народа»...

Меньшинство (153 человѣка) присоединилась къ другому проекту адреса, въ которомъ выражалось пожеланіе получить обѣщаніе, что, когда Государь «найдетъ нужнымъ», онъ «призоветъ избранныхъ отъ народа людей къ участію въ государственной работѣ» (Н. А. Хомяковъ, кн. С. Н. Трубецкой, Д. Н. Шиповъ, кн. П. Д. Долгоруковъ, Ю. А. Новосильцевъ).

Петербургское дворянство (24 января) большинствомъ 158 противъ 20 приняло редакцію адреса «центра», въ которомъ говорилось о томъ, что внѣшнія и внутреннія «враждебныя силы ополчились на наше отечество. Довести Россію до постыднаго мира, подкопаться подъ ея благосостояніе, оторвать ея окраины и разрушить ея освященный вѣками государственный строй,—вотъ цѣль много-

численныхъ ненавистниковъ нашихъ». Чтобы побороть эти силы, «повелите..., дабы свободно избранные отъ земли русской достойнѣйшіе люди могли возвысить свой голосъ до высоты Престола и *участвовать*, по указанію верховной власти, при разработкѣ и *обсужденіи* законопроектовъ и правительственныхъ мѣропріятій».

Это заявленіе являлось въ то время типичнымъ для дворянско-земскихъ адресовъ. Въ такомъ же духѣ высказались *Бессарабское* земство, *Курское* дворянство и нѣкоторыя другія. Болѣе радикальны были лишь немногія, какъ, напр., *Саратовское* земство, которое высказалось за созывъ народныхъ представителей по 4-хъ-членной формулѣ и за немедленное обезпеченіе «свободъ», въ томъ числѣ и за свободу стачекъ. Въ общемъ, такимъ образомъ, уже въ то время было ясно, что земскіе дѣятели, собравшіеся на съѣздъ 6—9 ноября 1904 г., по своимъ политическимъ требованіямъ (экономическія въ то время ими еще не выдвигались) далеко опередили ту массу дворянъ-землевладѣльцевъ, на которую они первое время пытались опереться. Когда заходила рѣчь на земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ о болѣе конкретномъ опредѣленіи характера народопредставительнаго учрежденія, тотчасъ же обнаруживалось, что землевладѣльческая масса настроена отнюдь не радикально; ея симпатіи были ближе къ мнѣнію Шиповскаго «меньшинства», на ноябрьскомъ съѣздѣ. Съ другой стороны, часть дворянства выступила въ это время и съ болѣе опредѣленными по своей консервативности постановленіями, чѣмъ расплывчатое «особое мнѣніе» меньшинства указаннаго съѣзда. Такъ, напр., *Курскіе* дворяне во всеподданнѣйшемъ адресѣ спѣшили заявить, что они «не идутъ за лжеучителями, дерзающими колебать основу народной мощи — святыню Самодержавія». «До тѣхъ поръ,— говорили они,—пока не смѣшались и не спутались въ безличной и безпочвенной толпѣ хранители исконныхъ законовъ, истые собиратели земли русской—старыя сословія земскія, до тѣхъ поръ тверда земля русская». Въ заключеніе говорилось о томъ, что «не о себѣ болѣетъ сердце русскаго дворянства, оно болѣетъ о народѣ русскомъ, ибо знаетъ твердо, что съ одними наемниками, безъ сословій земскихъ, не устоитъ самодержавіе, а безъ самодержавія не устоитъ русская земля».

Бессарабское земство просило о созывѣ земскаго собора, «свободно избранныхъ представителей дворянства и всей земли русской сказать свое правдивое слово». Въ такомъ же духѣ высказалось и *калужское* дворянство. Болѣе неопредѣленно, но въ такомъ же смыслѣ составленъ адресъ *нижегородскаго* дворянства, а отчасти и резолюція *Кіевскаго* общества сельскаго хозяйства.

Вполнѣ понятно, что изданіемъ рескрипта 18 февраля 1905 г. на имя Булыгина эти слои землевладѣльческаго класса были вполнѣ удовлетворены. Обѣщаніе созвать Государственную Думу совѣщательнаго характера съ сохраненіемъ «исторически сложившагося бытового уклада»—сословнаго строя—вполнѣ отвѣчало пожеланіямъ дворянско-землевладѣльческой фронды, мечтавшей лишь объ ограниченіи власти «бюрократіи» въ свою пользу. Наиболѣе рельефно это отношеніе проявилось *на съѣздѣ губернскихъ предводителей дворянства* въ мартѣ 1905 г. въ Москвѣ. Въ особой запискѣ, выработанной этимъ съѣздомъ, развивался тотъ взглядъ, что съ изданіемъ рескрипта 18 февраля 1905 года «время

порицанія существующихъ порядковъ и общаго нестроенія, ими порожденнаго. прошло... Люди порядка и законности, независимо отъ ихъ политическихъ взглядовъ, должны сознать, что только ихъ спокойная, трезвая работа можетъ умиротворить смущенные умы». «Но этого мало», говорится въ запискѣ,—«въ средѣ общественныхъ дѣятелей существуетъ весьма значительная по своему личному составу, сплоченная группа сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія». Съ ними «надлежитъ бороться, проводя въ общественное сознаніе необходимость объединенія на почвѣ рескрипта 18 февраля». «Мы утверждаемъ,—говорится далѣе въ запискѣ,—что проченъ будетъ лишь тотъ строй..., который образуется путемъ естественнаго развитія существующихъ основъ... Помимо сего, мы настаиваемъ на томъ, что самодержавіе, при наличности народнаго представительства, одно способно въ настоящее время обезпечить въ равной мѣрѣ нужды разноплеменнаго населенія россійскаго государства и всѣхъ его разнохарактерныхъ классовъ и сословій, крестьянскаго въ особенности». Народопредставительное учрежденіе «не должно, по примѣру конституціонныхъ учрежденій, ограничивать самодержавной власти». «Оно должно уничтожить произволъ правительственныхъ чиновъ, достовѣрно доводя до монарха назрѣвшія нужды народа и страны. Оно должно состоять изъ выборныхъ людей. Кромѣ права разсмотрѣнія всѣхъ законопроектовъ... оно должно имѣть право возбужденія вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ. Чтобы отвратить извращеніе законовъ исполнительными властями и ради охраненія свободы совѣсти, личности и слова, оно должно имѣть право запроса министрамъ, которые остаются отвѣтственными передъ Государемъ. Оно должно имѣть право разсмотрѣнія государственной росписи и право контроля надъ исполненнымъ бюджетомъ».

Почти одновременно съ адресомъ предводителей дворянства Д. Н. Шиповъ выступилъ съ «программой партіи», всецѣло сходной съ заявленіемъ предводителей. Въ ней лишь добавлялось, что «народное представительство должно быть построено не на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а на основѣ реорганизованнаго представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія».

Такимъ образомъ, лозунгъ «законосовѣщательная дума» или «сословный земскій соборъ» сплотилъ въ это время вокругъ себя значительное большинство дворянско-землевладѣльческихъ элементовъ; рескриптъ 18 февраля заставилъ замолкнуть многіе протестующіе голоса изъ среды этого класса, тѣмъ болѣе, что волна аграрнаго движенія разросталась все шире и шире, являясь серьезной угрозой господству дворянскаго помѣстнаго элемента. Отмѣченное нами выше стремленіе обратить народопредставительное учрежденіе въ орудіе подавленія революціоннаго движенія сказалось въ это время особенно рельефно. Характернымъ является, напр., постановленіе *Буйскаго* земства. Выразивъ полное удовлетвореніе рескриптомъ 18 февраля, буйскіе земцы вмѣстѣ съ тѣмъ заявляли полную готовность отнынѣ «отдать себя на борьбу съ внутренними врагами».

Но наряду съ этимъ движеніемъ, стремившимся сконцентрироваться около рескрипта 18 февраля съ цѣлью охраненія сословныхъ привилегій землевладѣльческаго класса, въ наиболѣе передовыхъ слояхъ землевладѣльцевъ все болѣе укрѣплялось сознаніе необходимости болѣе коренныхъ уступокъ разроставшемуся

народному движенію, болѣе рѣшительныхъ шаговъ навстрѣчу требованіямъ капиталистическаго развитія. Въ отношеніи политическихъ требованій это движеніе проявилось въ то время заявленіемъ о необходимости созвать не законосовѣщательное, а законодательное народное представительство на основѣ 4-хъ-членной формулы и отмѣнить исключительныя положенія. Такъ, напр., *Ветлужское* земское собраніе (24 марта), разбирая резолюцію съѣзда предводителей дворянства, пришло къ заключенію, что «время порицанія (старыхъ порядковъ) не только не прошло, но... болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо подробное обсужденіе въ свободной печати и обществѣ текущихъ событій и порицаніе обнаружившихся язвъ нашего государственнаго организма». Съ своей стороны, Ветлужское земство высказалось за «скорѣйшій призывъ народныхъ представителей, свободно избранныхъ на основѣ 4-хъ-членной формулы; необходимо также немедленно даровать политическія свободы, отмѣнить исключительныя положенія» и т. д.

Нѣкоторыя земства, выражая сочувствіе 4-хъ-членной избирательной формулѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ выражали пожеланіе о допущеніи представителей «общества» къ разработкѣ Положенія о Госуд. Думѣ. Такъ, напр., *Ярославское* губ. земское собраніе въ засѣданіи 27—28 марта высказалось за приглашеніе «представителей существующихъ въ странѣ общественныхъ учрежденій» къ участію въ разработкѣ Положенія о Государственной Думѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно постановило образовать соотвѣтственную комиссію при губ. управѣ, пригласивъ въ нее между прочимъ крестьянъ, «по возможности путемъ избранія всѣми гласными отъ крестьянскихъ обществъ уѣзда».

Наиболѣе характернымъ для либерально-землевладѣльческаго движенія этого періода является однако не столько болѣе радикальная постановка политическаго credo, сколько то, что именно въ это время начинаетъ получать признаніе тотъ фактъ, что политическая реформа должна сопровождаться реформой аграрной. Непосредственный толчокъ къ повороту въ эту сторону дало несомнѣнно крестьянское движеніе, вспыхнувшее въ началѣ 1905 г. Впервые этотъ вопросъ былъ затронутъ группой земскихъ дѣятелей, съѣхавшихся въ концѣ февраля въ Москвѣ и засѣдавшихъ совмѣстно съ нѣкоторыми профессорами (М. Я. Герценштейномъ, А. А. Мануйловымъ и др.). Пунктъ 3-й резолюціи, принятой этимъ съѣздомъ, гласитъ, что «предстоящая аграрная реформа должна быть построена на слѣдующихъ началахъ: а) улучшеніе экономическаго положенія земледѣльческаго класса путемъ обязательнаго выкупа изъ частновладѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзокъ въ интересахъ малоземельныхъ группъ разныхъ категорій; б) признаніе государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ и части удѣльныхъ земель, увеличеніе этого фонда путемъ покупки и выкупа частновладѣльческихъ земель и эксплоатація его въ интересахъ трудящагося населенія; в) упорядоченіе условій аренды путемъ государственнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія; г) образованіе общественно-государственныхъ посредническихъ комиссій для проведенія въ жизнь аграрныхъ мѣропріятій согласно вышеуказаннымъ началамъ; д) правильная постановка на широкихъ началахъ разселенія и переселенія, облегченіе пользованія различными видами кредита, реформа крестьянскаго банка и содѣйствіе кооперативнымъ предпріятіямъ; е) коренной пересмотръ межевого законодательства въ видахъ облегченія, ускоренія и удешевленія размежеванія земель,

уничтоженія черезполосицы частновладѣльческихъ и надѣльныхъ земель, обмѣна участковъ и т. п.».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что предѣлы аграрной реформы *на февральскомъ совѣщаніи* были намѣчены еще слишкомъ неопредѣленно. Подлежало установить, каковъ долженъ быть размѣръ «выкупа» и «необходимыхъ прирѣзокъ». Но принципъ «обязательнаго» или принудительнаго выкупа все-таки былъ положенъ въ основу аграрныхъ построеній. Какъ мы покажемъ далѣе, это положеніе, принятое на совѣщаніи либеральныхъ профессоровъ и наиболѣе прогрессивныхъ земцевъ, оказалось далеко не по плечу не только рядовымъ землевладѣльцамъ, но даже и большинству «земскихъ дѣятелей», участниковъ общеземскихъ съѣздовъ. Лишь единичныя земства въ это время выдвинули на очередь аграрныя и вообще соціальныя мѣропріятія. Такъ, напр., *Старицкое* земство, высказавшись за всеобщее и т. д. избирательное право, оговорило, что проведеніе «программы государственныхъ преобразованій должно быть неразрывно связано съ осуществленіемъ какъ широкой просвѣтительной дѣятельности со стороны государства, такъ и разумныхъ уравнительныхъ мѣропріятій въ области аграрныхъ отношеній, фабричнаго и ремесленнаго труда, финансовой политики и въ области земскаго и городского управленія и хозяйства».

Но если даже въ средѣ наиболѣе передовыхъ земцевъ-землевладѣльцевъ въ то время еще слишкомъ смутно носилась идея о необходимости немедленной коренной аграрной реформы, то гораздо популярнѣе была другая идея,—именно идея подчинить своему руководству крестьянское броженіе. Въ данномъ случаѣ передовые земцы шли рука объ руку, или, вѣрнѣе, увлекались подъемомъ демократическаго движенія, выразителемъ котораго являлся «третій элементъ»—эта спайка оппозиціонно-землевладѣльческаго и революціоннаго крестьянскаго движенія. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ этой стадіи «хожденія» либеральныхъ земцевъ «въ народъ» [1]); отмѣтимъ лишь главнѣйшіе этапы этого «хожденія» въ періодъ до вспышки аграрнаго возстанія осенью 1905 г.

До іюня 1905 г. лишь единичныя земства пытались воздѣйствовать на массы населенія. Такъ, *Саратовская* губ. управа въ мартѣ этого года разослала въ волостныя правленія разъясненіе по поводу начавшейся агитаціи «темныхъ силъ» въ деревнѣ, настраивающихъ населеніе противъ интеллигенціи и въ частности противъ третьяго элемента. Подобныя воззванія были выпущены тогда и нѣкоторыми другими земствами.

Вторая стадія земскаго «хожденія въ народъ» связана съ пріемомъ царемъ земской депутаціи 6 іюня. Рядъ земствъ (*Самарское, Херсонское, Ярославское, Балашовское, Лохвицкое, Рузское, Новгородское* и др.) сдѣлали попытку распространить въ крестьянствѣ свѣдѣнія о рѣчахъ этой депутаціи, а также о рескриптѣ 18 февраля. Однако, въ большинствѣ случаевъ, благодаря противодѣйствію администраціи, попытки подобнаго рода были парализованы.

Наконецъ, третья стадія сближенія земцевъ съ населеніемъ, въ которой

---

[1]) См. объ этомъ нашу работу „Крестьянскій вопросъ и крестьянское движеніе въ Россіи (1902—1906 гг.)“, гл. IV.

наибольшую роль сыгралъ «третій элементъ», началась лѣтомъ 1905 г. и выразилась въ формѣ привлеченія крестьянъ къ участію въ экономическихъ и т. п. совѣтахъ, а осенью 1905 г.—и къ участію кое-гдѣ въ засѣданіяхъ земскихъ собраній съ правомъ совѣщательнаго голоса (въ *Вологодскомъ*, *Новоузенскомъ*, *Николаевскомъ* и др.).

Привлекая крестьянъ къ участію въ «экономическихъ совѣтахъ» при управахъ, либеральные земцы (кн. П. Д. Долгоруковъ, Ширковъ и др.) агитировали вмѣстѣ съ тѣмъ за образованіе «крестьянскаго союза», надѣясь, такимъ образомъ, парализовать разрушительный характеръ аграрнаго движенія. Въ этомъ смыслѣ одно земство сдѣлало даже постановленіе. Такъ, 17 іюля *Саратовское* губ. собраніе признало, что правила 10 апрѣля 1905 г. о комиссіяхъ для борьбы съ аграрнымъ движеніемъ принесутъ лишь вредъ, «обостряя классовый антагонизмъ между крестьянами и землевладѣльцами». Поэтому, «участіе общественныхъ дѣятелей въ комиссіяхъ несовмѣстимо съ культурными задачами земства». Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе высказалось за желательность образованія «крестьянскихъ союзовъ» и за устройство совѣщаній земскихъ дѣятелей съ крестьянами по вопросамъ политической и соціальной реформъ.

Наибольшее развитіе экономическіе совѣты при управахъ съ участіемъ крестьянъ получили въ слѣдующихъ земствахъ: *Павлоградскомъ* (до 50 крестьянъ), *Старобѣльскомъ*, *Симферопольскомъ*, *Петровскомъ*, *Городнянскомъ* (до 60), *Коломенскомъ* (61), *Новоторжскомъ*, *Духовщинскомъ* (до 60) и др.

Начиная съ августа, засѣданія при управахъ «совѣтовъ» съ участіемъ крестьянъ замѣтно участились. Состоялось аналогичное совѣщаніе, по иниціативѣ таганрогскаго предводителя дворянства, и въ *Таганрогскомъ* округѣ. Осеннія уѣздныя земскія собранія проявили значительное сочувствіе такого рода сближенію съ крестьянствомъ. При этомъ нѣкоторыя земства содѣйствовали «крестьянскому союзу» (*Старобѣльское*, *Сумское* и др.), другія—устраивали совѣщанія съ крестьянами (*Мологское*, *Переяславское* и пр.); наконецъ, третьи разсылали воззванія по волостямъ или же ассигновывали суммы для раздачи брошюръ по политическимъ вопросамъ (*Малмыжское*, *Малоархангельское*, *Никольское*, *Свіяжское* и пр.). Въ одномъ случаѣ была сдѣлана попытка широкаго общенія съ крестьянами на сходахъ,—именно въ Рузскомъ у., предводителемъ дворянства кн. П. Д. Долгоруковымъ. Въ общемъ, однако, эти попытки не достигли той цѣли, какую ими ставили земцы; волна демократическаго движенія все болѣе и болѣе захлестывала скромныя пожеланія либеральныхъ землевладѣльцевъ, и всѣ эти «совѣты» превращались въ организаціонныя ячейки крестьянскаго движенія, ускользавшаго изъ-подъ руководства земцевъ. Эти попытки сближенія съ массами, въ цѣляхъ политическаго подчиненія ихъ, окончились вмѣстѣ со вспышкой осенью 1905 г. аграрныхъ волненій, и на сцену выдвинулись иныя мѣры.

III.

Выше мы сказали, что едва намѣтившееся въ январѣ 1905 г. расхожденіе въ средѣ земско-землевладѣльческаго класса съ изданіемъ рескрипта 18 февраля сказалось уже съ полной отчетливостью. Изъ массы земскихъ дѣятелей и дворянъ выдѣлилась группа, которая въ лицѣ предводителей дворянства, съѣхавшихся въ мартѣ въ Москвѣ, опредѣленно заявила, что уступкамъ долженъ быть положенъ конецъ, что пора сплотиться для энергичной борьбы съ «внутреннимъ врагомъ». Къ этой группѣ примыкалъ, какъ мы видѣли, и Д. Н. Шиповъ, не раздѣлявшій, однако, боевыхъ стремленій дворянъ; въ согласіи со своимъ мнѣніемъ на ноябрьскомъ совѣщаніи онъ продолжалъ отстаивать законосовѣщательное, построенное на сословномъ принципѣ, народо-представительное учрежденіе.

Съ этого времени, подъ вліяніемъ въ значительной степени аграрнаго движенія и роста общественнаго возбужденія, явно угрожавшаго сословно-крѣпостническимъ устоямъ стараго режима, дворянскіе голоса начинаютъ звучать громче и громче, при чемъ закладывается основаніе прочныхъ землевладѣльческихъ организацій. Такъ, напр., весной 1905 г. въ Москвѣ образовался «союзъ русскихъ людей всѣхъ сословій и званій, непоколебимо вѣрующихъ, что святая церковь, самодержавный царь и русскій народъ въ нераздѣльномъ единствѣ составляютъ великую и могущественную Россію». Союзъ этотъ былъ образованъ дворянами-землевладѣльцами; въ числѣ его учредителей мы находимъ трехъ гр. Шереметьевыхъ, четырехъ гр. Олсуфьевыхъ, кн. П. Н. Трубецкого, кн. В. И. Волконскаго, кн. А. Д. Голицына, кн. В. М. Урусова, С. Ѳ. Шарапова, гр. А. В. Гудовича, кн. А. Г. Щербатова, рядъ другихъ графовъ и князей и нѣкоторыхъ профессоровъ.

Почти одновременно возникъ союзъ дворянъ-реакціонеровъ и въ Петербургѣ. Иниціаторами его явились: К. Ѳ. Головинъ, А. П. Струковъ (бывшій екатеринославскій губ. предводитель дворянства), сенаторъ гр. Бобринскій, А. А. Нарышкинъ, гр. Гудовичъ (петербургскій предводитель дворянства) и др. Они призывали дворянъ сплотиться на защиту самодержавія и отстаивать думу, какъ совѣщательный органъ, съ преобладаніемъ въ ней дворянъ. Мѣстные союзы землевладѣльцевъ (въ Саратовской, Кіевской и др. губ.) стали возникать значительно позже, послѣ вспышки аграрнаго движенія 1905 г. Лозунгомъ дворянъ-крѣпостниковъ въ это время было: сохраненіе самодержавія въ полной неприкосновенности, ограниченіе вліянія бюрократіи путемъ учрежденія законосовѣщательнаго органа, «съ преобладаніемъ» въ немъ дворянъ и, наконецъ, сохраненіе сословнаго уклада общественнаго строя. Интересно отмѣтить, что крестьянство, несмотря на начавшееся аграрное движеніе, все еще представлялось дворянамъ и правящимъ кругамъ оплотомъ «исконныхъ» началъ, элементомъ вполнѣ благонадежнымъ въ политическомъ отношеніи; на реакціонности крестьянской массы базировались между прочимъ составители Полож. 6 августа о Госуд. Думѣ.

Параллельно съ реакціоннымъ-дворянскимъ движеніемъ росло и дифферен-

цировалось земское либеральное движеніе. Дѣйствительно, уже на апрѣльскомъ съѣздѣ обнаружилось, что «большинство» ноябрьскаго совѣщанія далеко не представляетъ однородной массы.

Большинство *апрѣльскаго съѣзда* сдѣлало значительный шагъ впередъ по пути уступокъ нараставшему народному движенію; надо замѣтить, что и на этотъ разъ дѣло шло лишь о политической платформѣ, соціальная же программа не была поставлена на очередь. Большинство апрѣльскаго съѣзда (71 человѣкъ) высказалось за однопалатную систему и за 4-хъ-членную формулу. Другая часть съѣзда (37), во главѣ съ И. И. Петрункевичемъ, была противъ прямыхъ выборовъ. И то, и другое мнѣніе касалось, впрочемъ, выборовъ въ первое представительное собраніе, какъ общую же норму будущей организаціи народнаго представительства съѣздъ имѣлъ въ виду двухпалатную систему и прямые выборы въ нижнюю палату.

Тѣмъ временемъ, однако, волна народнаго движенія поднималась все выше и выше; вмѣстѣ съ тѣмъ на Дальнемъ Востокѣ одинъ крахъ слѣдовалъ за другимъ, и 17 мая грянулъ громъ Цусимы. Собравшіеся подъ всѣми этими впечатлѣніями на свой третій съѣздъ земцы (въ концѣ мая) сдѣлали попытку, «отложивъ всякую рознь и всякія различія», разъединявшія ихъ, обратиться съ призывомъ къ верховной власти, «пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными». На резолюціи этого съѣзда объединились различные земскіе элементы, начиная отъ И. И. Петрункевича, Д. Н. Шипова и кончая А. А. Столыпинымъ, и самый съѣздъ въ общемъ носилъ иной характеръ, включалъ иные элементы по сравненію съ предыдущими съѣздами и частными «совѣщаніями». На этомъ съѣздѣ впервые приняли участіе *выборные* представители губ. собраній, на предшествующихъ же совѣщаніяхъ раздавался голосъ лишь наиболѣе передовыхъ, примыкавшихъ къ конституціонному «большинству» ноябрьскаго съѣзда, земскихъ дѣятелей. Эта масса рядовыхъ, болѣе умѣренно настроенныхъ, земцевъ и положила печать на постановленія майскаго съѣзда. Въ общемъ мы видимъ, насколько передовымъ «земскимъ дѣятелямъ» пришлось понизить свои хотя бы апрѣльскія требованія, чтобы сплотить землевладѣльческія массы, настроенныя хоть сколько-нибудь оппозиціонно.

Какъ извѣстно, по уполномочію майскаго съѣзда 6 іюня депутація изъ 12 лицъ вручила государю адресъ. Въ этомъ адресѣ содержатся нападки на бюрократію, тормозящую Высочайшія предначертанія, а затѣмъ говорится:

«Государь, пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими; пусть рѣшатъ они въ согласіи съ Вами жизненный вопросъ государства,—вопросъ о войнѣ и мирѣ. Пусть опредѣлятъ они условія мира или отвергнутъ его, превратятъ эту войну въ войну народную; пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи, сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго; пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй».

При представленіи этого адреса кн. С. Н. Трубецкой произнесъ свою извѣстную рѣчь, въ которой онъ указывалъ на то, что русскій царь—не есть царь дворянъ или крестьянъ, а—царь «всея Руси».

Постановленія майскаго съѣзда были встрѣчены въ земскихъ кругахъ весьма сочувственно; то же слѣдуетъ сказать и о рѣчи кн. Трубецкого. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что земскія собранія (май—іюль 1905 г.) въ массѣ своей примыкали къ меньшинству апрѣльскаго съѣзда, высказавшемуся за степенные, а не прямые выборы; наконецъ, два земства—*Рязанское* и *Нижегородское*—примкнули къ взглядамъ другого меньшинства апрѣльскаго съѣзда, представленнаго 17 лицами и стоявшаго за организацію выборовъ по системѣ земскаго положенія 1864 года. Въ общемъ губ. собранія, будучи, какъ правило, прогрессивнѣе уѣздныхъ, оказались и на этотъ разъ позади требованій большинства «земскихъ дѣятелей». Линія расхожденія, намѣтившаяся уже въ концѣ 1904 г., пошла еще глубже.

Изъ числа наиболѣе радикальныхъ постановленій отмѣтимъ постановленія Новоторжскаго, Балашовскаго и Тверского губ. земствъ. «Безъ прямой измѣны отечеству нельзя, читаемъ мы въ единогласно принятой 30 мая резолюціи *Новоторжскаго* земства,—не только на неопредѣленное время, но и на самый короткій срокъ оставить безотвѣтственное и безотчетное управленіе Россіей въ рукахъ лицъ..., безцѣльно и частью своекорыстно растратившихъ достояніе народа и надолго запятнавшихъ его честь». По мнѣнію Новоторжскаго земства необходимо, «не теряя ни одного дня», созвать на основѣ 4-хъ-членной формулы учредительное собраніе; оно должно рѣшить вопросъ о войнѣ и «объ основахъ новаго государственнаго строя и правомѣрнаго порядка управленія въ Россіи». *Тверское* губ. собраніе (іюнь) всецѣло присоединилось къ мнѣнію Новоторжскаго земства, указавъ съ своей стороны на то, что «политика полумѣръ, палліативовъ и откладыванія способна лишь зародить и распространить въ обществѣ и народѣ роковую мысль о невозможности оздоровленія государственнаго организма иначе, какъ путемъ насильственнаго переворота». Еще дальше пошло *Балашовское* земство (12 іюня), высказавшись за «немедленное устраненіе лицъ, стоящихъ нынѣ во главѣ министерствъ, какъ явно противодѣйствующихъ реформамъ». Балашовское земство принадлежитъ къ числу немногихъ, высказавшихся за свободу стачекъ.

Четвертый земскій съѣздъ (въ іюлѣ въ Москвѣ) состоялся при участіи городскихъ дѣятелей. Этотъ съѣздъ обнаружилъ, что Шиповъ, Гучковъ и т. п. являются лучшими выразителями землевладѣльческихъ оппозиціонныхъ массъ, чѣмъ лѣвое крыло земскихъ дѣятелей; съ іюльскаго съѣзда умѣренное либеральное движеніе среди земцевъ окончательно опредѣляется и получаетъ опору благодаря Манифесту 6 августа. Какъ въ свое время рескриптъ 18 февраля, такъ теперь этотъ актъ, внесъ разладъ въ землевладѣльческую массу; непримиримое меньшинство ея все болѣе и болѣе изолировалось и, тѣмъ самымъ, толкалось въ сторону сліянія съ демократическими слоями мелкой городской буржуазіи, становившейся по мѣрѣ хода движенія все болѣе и болѣе оппозиціонной. Въ сущности этотъ распадъ «земскихъ дѣятелей» завершился въ октябрѣ, съ образованіемъ к.-д. партіи, съ одной стороны, и съ обособленіемъ октябристовъ,—съ другой.

Какъ мы упоминали, весной 1905 г. зародились организаціи реакціонныхъ элементовъ землевладѣльцевъ, преимущественно дворянъ. Каковы были ихъ цѣли, мы уже видѣли. Своей же ближайшей задачей они ставили противодѣйствіе вліянію въ высшихъ сферахъ со стороны земскихъ съѣздовъ. И вотъ, вскорѣ послѣ пріема земской депутаціи (6 іюня), московскій и петербургскіе союзы сорганизовали (21 іюня) депутацію во главѣ съ Бобринскимъ и Нарышкинымъ, причемъ было нѣсколько и крестьянъ—для декораціи. Въ рѣчахъ депутатовъ настойчиво проводилась та мысль, что Госуд. Дума должна быть сословной; иначе въ нее проникнутъ люди, «съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности».

Однако, до конца 1905 г. реакціонная группа дворянъ не успѣла достигнуть прочныхъ успѣховъ; лишь начиная съ 1906 г., ея голосъ оказывается рѣшающимъ въ наиболѣе критическіе моменты; параллельно этому росла и ея организованность.

IV.

Вскорѣ послѣ изданія Полож. 6 августа состоялось частное *совѣщаніе тверскихъ земцевъ* по вопросу объ отношеніи къ этому Положенію. Принятая ими формула легла и въ основу резолюціи сентябрьскаго общеземскаго съѣзда; она гласила, что Положеніе 6 августа «вовсе не удовлетворяетъ законныхъ ожиданій русскаго народа», но это не даетъ основанія къ бойкоту; слѣдуетъ только, чтобы выбранныя въ думу лица не ставили себѣ задачей заниматься «органической работой». Ихъ задача должна заключаться въ измѣненіи выборовъ въ Думу по 4-хъ-членной формулѣ и «обезпеченіи всѣхъ видовъ политической и гражданской свободы».

Резолюція *сентябрьскаго съѣзда*, какъ мы сказали, была составлена въ томъ же духѣ. Въ одобренномъ этимъ съѣздомъ воззваніи къ избирателямъ отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «по существу дѣла законъ 6 августа не далъ ничего, что могло бы дѣйствительно устранить недостатки нашего теперешняго строя и вывести Россію изъ тяжелаго положенія». Раскритиковавъ далѣе этотъ законъ, воззваніе говоритъ: «при такомъ характерѣ Госуд. Думы участіе въ предстоящихъ выборахъ является тяжелой обязанностью, и только сознаніе гражданскаго долга заставляетъ участвовать въ выборахъ съ цѣлью добиваться скорѣйшаго измѣненія всѣхъ указанныхъ неправильностей».

Эта резолюція, какъ и вообще постановленія сентябрьскаго съѣзда, были встрѣчены весьма сочувственно уѣздными земскими собраніями [1]), происходив-

---

[1]) Въ духѣ резолюціи съѣзда высказались въ сентябрѣ земства: александровское, балахнинское, бердянское, бѣлозерское, буйское, грязовецкое, городнянское, екатеринбургское, ирбитское, золотоношское, льговское, любимовское, макарьевское (Костр. г.), малоярославецкое, новоторжское, переяславское, сосницкое, старицкое, судогодское, череповецкое, трубчевское, юрьевецкое, устюженское, ярославское и др.

шими въ то время, и это свидѣтельствуетъ о томъ подъемѣ настроенія, которое наблюдалось въ то время въ земскихъ кругахъ. Оно достигло тогда, непосредственно передъ вспышкой аграрнаго движенія, своего апогея.

Рѣшительнѣе всѣхъ высказались *Грязовецкое*, *Городнянское* и *Старицкое* земства. Это послѣднее признало, что депутаты должны преслѣдовать только одну цѣль—преобразованіе самой Думы на основахъ всеобщаго, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, съ присвоеніемъ Думѣ рѣшающаго законодательнаго права, контроля надъ дѣятельностью органовъ правительственной власти, при отвѣтственности министровъ и пользованіи всѣмъ русскимъ обществомъ правами личной и гражданской свободы».

Остальныя земства были менѣе радикальны, причемъ нѣкоторыя высказались и рѣшительно въ консервативномъ духѣ [1]). Напр., *Макарьевское* земство отвергло резолюцію к.-д. Иконникова и приняло резолюцію В. В. Хвощинскаго, гласившую о томъ, что «хотя законъ о Госуд. Думѣ и имѣетъ рядъ несовершенствъ, но тѣмъ не менѣе собраніе полагаетъ, что и при настоящемъ законѣ населеніе имѣетъ достаточную возможность выбрать своихъ лучшихъ людей въ Думу», при этомъ необходимо, «чтобы члены Думы стали выше страстныхъ увлеченій различными отвлеченными научными теоріями», и не занялись бы «на первыхъ же порахъ измышленіями по расширенію своей власти».

Этотъ взглядъ можно считать типичнымъ для значительнаго круга реакціоннаго дворянства, мечтавшаго о сословномъ «земскомъ соборѣ». Положеніе 6 августа по существу удовлетворило эти мечты и окончательно заставило «объединенныхъ дворянъ» и родственные имъ элементы смотрѣть не впередъ, а назадъ, чтобы на почвѣ добытаго бороться съ потокомъ дальнѣйшей демократизаціи. Манифестъ 17 октября казался этимъ элементамъ черезчуръ большой и вредной уступкой требованіямъ массъ. Рѣчь объ этомъ будетъ у насъ далѣе, а сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи земскихъ круговъ того времени къ рѣшенію аграрнаго вопроса.

Впервые экономическая программа была принята земскими дѣятелями на сентябрьскомъ съѣздѣ 1905 г. Опасеніе раскола по такому животрепещущему и затрагивающему землевладѣльческіе интересы вопросу побуждало возможно долѣе откладывать его рѣшеніе. Все большее и большее обостреніе аграрнаго кризиса и стремленіе подчинить массы своему политическому руководству побудили, наконецъ, либеральныхъ землевладѣльцевъ высказаться, и мы видимъ, что сентябрьскій съѣздъ, послѣ горячихъ преній, выставилъ требованіе отмѣны выкупныхъ платежей и увеличеніе площади крестьянскаго землепользованія кабинетскими, государственными, удѣльными и «въ случаѣ надобности» помѣщичьими землями,—«съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ землевладѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ».

Какъ ни скромна была эта программа, но и она встрѣтила мало сочувствія даже въ средѣ болѣе прогрессивныхъ земствъ. Вообще, въ экономическихъ

---

[1]) Напр., богородское, калужское у., кинешемское, макарьевское (Нижегор. губ.), ряжское, сапожковское и др.

вопросахъ эти послѣднія въ то время шли очень и очень недалеко, причемъ большинство обходило экономическія реформы молчаніемъ. За неотложность аграрной реформы въ 1905 г. высказались земства: *Елисаветградское* (за переселенія и противъ принудительнаго отчужденія), *Нижегородское* губ. (за отчужденіе «съ вознагражденіемъ владѣльцевъ»), *Макарьевское* (за проведеніе трудового начала), *Любимовское*, *Ардатовское* и *Пермское* губ.—за расширеніе дѣятельности крест. Банка и т. п., *Горбатовекое* (за принудительное отчужденіе и расширеніе дѣятельности Банка) и немногія другія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ области аграрнаго вопроса, столь остро стоявшаго въ деревнѣ, даже наиболѣе передовые слои землевладѣльцевъ были склонны лишь на крайне ничтожные уступки; рѣшеніе вопроса к.-д. партіей было непріемлемо для нихъ, и по мѣрѣ того, какъ отъ земскихъ дѣятелей жизнь требовала опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, радикальные земскіе дѣятели должны были порывать съ массой, на которую они до того опирались, и опираться на слои средней и мелкой городской буржуазіи.

Аграрный вопросъ, какъ мы сказали, былъ центральнымъ на сентябрьскомъ съѣздѣ; въ сущности, онъ занялъ у съѣзда большую половину времени и въ немъ намѣтилось наиболѣе рѣзко расхожденіе между «земскими дѣятелями»—землевладѣльцами. Городская буржуазія, во главѣ съ А. И. Гучковымъ («городскіе дѣятели»), относилась къ этому вопросу болѣе спокойно, но за то она, вмѣстѣ съ правыми «земскими дѣятелями», не преминула рѣзко намѣтить линію своего политическаго credo въ рядѣ другихъ вопросовъ, напримѣръ, о «мѣстной автономіи и правахъ національностей». Вопросъ о національной втономіи былъ выдвинутъ во всю ширь позднѣе, на съѣздѣ въ ноябрѣ 1905 г., о уже въ сентябрѣ сторонники А. И. Гучкова высказались на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленно и настояли на томъ, чтобы вопросы о децентрализаціи законодательства, автономіи, федераціи и т. д. остались открытыми и не включались въ воззваніе къ населенію «Отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей». Въ этомъ отношеніи они нашли поддержку, какъ со стороны землевладѣльческихъ круговъ, такъ и со стороны ряда земскихъ собраній (напримѣръ, Бугульминское, Константиноградское и др. спѣшили заявить свой протестъ противъ «федерализма» части сентябрьскаго съѣзда). Съ тѣхъ поръ эти два вопроса—аграрный и національный—становятся центромъ, около котораго организуется реакція, причемъ національный вопросъ усиленно эксплоатируется для воздѣйствія на массы малосознательнаго населенія.

V.

Какъ мы уже сказали, манифестъ 17 октября создалъ въ средѣ консервативныхъ элементовъ дворянства тревожное настроеніе, опасеніе за судьбу «исконныхъ началъ». Тревога эта перешла въ паническій страхъ подъ вліяніемъ вспыхнувшихъ въ концѣ октября 1905 года аграрныхъ волненій. Съ другой стороны, болѣе прогрессивная часть землевладѣльцевъ, составившая впослѣдствіи

ядро «октябристовъ», почувствовала себя вполнѣ удовлетворенной указаннымъ выше актомъ и съ помощью скорѣйшаго осуществленія возвѣщенныхъ въ немъ началъ надѣялась «потушить пожаръ» народнаго возстанія. Такъ, напримѣръ, въ адресѣ *Калужскаго* земства говорилось: «умоляемъ Ваше Величество, прикажите Вашему правительству немедленно созвать Государственную Думу на началахъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября». При этомъ Калужское земство отвергло предложеніе о включеніи въ адресъ указанія на неотложность «устроенія крестьянскаго землевладѣнія». Въ такомъ же смыслѣ высказались и другія земства. Въ иныхъ случаяхъ, однако, испугъ, вызванный подъемомъ народнаго движенія, былъ столь великъ, что побуждалъ землевладѣльцевъ соглашаться и на экономическія уступки. Такъ, въ адресѣ *саратовскаго* дворянства выражалась увѣренность въ томъ, что «только возможно скорый созывъ государственной думы можетъ остановить дальнѣйшее разложеніе дорогой родины, только одно надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ новою землею можетъ возстановить миръ и спокойствіе въ деревнѣ. Если признано будетъ необходимымъ выкупить часть нашихъ дворянскихъ имѣній, то мы, саратовское дворянство, впередъ высказываемъ готовность содѣйствовать осуществленію такого выкупа по мѣрѣ нашихъ средствъ и нашихъ достатковъ».

Наконецъ, третье теченіе въ землевладѣльческой средѣ составили послѣ 17 октября руководители земскихъ съѣздовъ, оказавшіеся совершенно изолированными. Отнынѣ они должны были довольствоваться скромной ролью оппозиціи на земскихъ собраніяхъ; земскіе выборы 1906—7 гг. нанесли окончательный ударъ представителямъ этого либеральнаго направленія, шедшаго въ руслѣ к.-д. партіи. Нѣкоторое значеніе, но очень скромное, слѣдуетъ приписать въ этомъ отношеніи и выборгскому процессу, устранившему съ арены общественной дѣятельности наиболѣе популярныхъ руководителей земскихъ съѣздовъ. Въ общемъ слѣдуетъ признать, что роль земскихъ съѣздовъ, съ наступленіемъ октябрьскихъ дней была сыграна; неустойчивый конгломератъ «земскихъ дѣятелей» быстро распался подъ напоромъ усложнившейся жизни. Ноябрьскій земскій съѣздъ 1905 г. представлялъ картину этого распада, причемъ характерно то, что тонъ на этомъ съѣздѣ задавало уже не лѣвое крыло земскихъ дѣятелей, а центръ, склонный удовлетвориться манифестомъ 17 октября и глубоко протестовавшій противъ идеи созыва Учредительнаго собранія, которую выдвинуло между прочимъ и бюро съѣзда.

Кромѣ вопроса объ учредительномъ собраніи, расколъ въ средѣ съѣзда рельефно наблюдался и по отношенію къ національному вопросу и въ отношеніи къ правительству гр. Витте. Въ результатѣ было рѣшено послать къ Витте депутацію въ составѣ И. И. Петрункевича, Θ. Θ. Кокошкина и С. А. Муромцева. Въ своемъ заявленіи, поданномъ гр. Витте (22 октября), эта депутація указывала на то, что «только смѣлое, цѣлостное и послѣдовательное осуществленіе широкой государственной программы можетъ успокоить населеніе, возстановить ходъ нормальной хозяйственной жизни и возродить государственную мощь». Далѣе депутація указала на необходимость организовать Государственную Думу на основѣ 4-хъ-членной формулы, на что гр. Витте отвѣтилъ, что эта, какъ и

другія подобныя мѣры, должны быть предприняты самой Думой, буде она того пожелаетъ.

На *ноябрьскомъ съѣздѣ* закатилась звѣзда традиціоннаго земскаго либерализма; усложнившаяся до крайности жизнь требовала болѣе опредѣленныхъ и ясныхъ отвѣтовъ на текущія событія. Пора «безсмысленныхъ мечтаній» и общихъ заявленій прошла; они сыграли свою роль, и теперь элементы, группировавшіеся около знамени стараго земскаго либерализма, разбрелись по различнымъ партійнымъ ячейкамъ. Интересно отмѣтить, что во всѣхъ острыхъ вопросахъ, выдвинутыхъ на ноябрьскомъ съѣздѣ 1905 года (въ національномъ, объ отношеніи къ учредительному собранію и къ правительству гр. Витте, къ аграрному движенію и т. д.), болѣе или менѣе ясно намѣтились теченія, выкристализовавшіяся затѣмъ въ опредѣленныя партійныя группировки—к.-д., октябристовъ и мирнообновленцевъ. Отсутствовали лишь крайніе правые, непримиримые противники новаго строя, созданнаго октябрьскимъ движеніемъ.

Центральнымъ пунктомъ ноябрьскаго съѣзда былъ вопросъ «объ отношеніи къ правительству», а затѣмъ національный вопросъ.

По первому пункту намѣтилось три основныхъ теченія. «Крайніе лѣвые» (Власичъ изъ Самарской губ. и немногіе др.) настаивали на введеніе въ резолюцію требованія о немедленной передачѣ представителямъ общества функцій исполнительной власти на мѣстахъ и т. д.; правое крыло (М. А. Стаховичъ, Н. И. и А. И. Гучковы, кн. Волконскій и др.) предлагало резолюцію противъ учредительнаго собранія, такъ какъ «революціонное движеніе, при отсутствіи крѣпкой правительственной власти можетъ довести Россію до анархіи»; вмѣстѣ съ тѣмъ эта группа предлагала «оказать правительству содѣйствіе въ поддержаніи порядка», а въ частности А. И. Гучковъ защищалъ сохраненіе военнаго положенія въ Польшѣ. Большинство съѣзда заняло промежуточную позицію по вопросу о «содѣйствіи» правительству, обусловивъ это содѣйствіе созывомъ собранія народныхъ представителей съ «учредительными функціями» и принятіемъ ряда предварительныхъ мѣръ (полная амнистія по политическимъ и религіознымъ преступленіямъ, отмѣна смертной казни и т. д.).

Тѣ же 3 основныхъ теченія намѣтились и по національному вопросу. Часть (главнымъ образомъ представители окраинъ) горячо отстаивала полную автономность Кавказа, Польши и т. д. А. И. Гучковъ и его сторонники, наоборотъ, считали, что «только единство Россіи является ея могуществомъ», что вопросъ объ автономіи—это вопросъ «инстинкта, чувства, вѣры», и его инстинктъ, инстинктъ великоросса, противъ «автономистскихъ» стремленій. Большинство съѣзда высказалось за «введеніе въ Ц. Польскомъ автономнаго устройства при условіи сохраненія государственнаго единства Имперіи», и хотя, такимъ образомъ, устранило нѣкоторые острые углы, оно все же рѣзко разошлось съ буржуазно—землевладѣльческимъ теченіемъ съѣзда. Все говорило за то, что конфликтъ между этимъ теченіемъ и теченіемъ лѣвымъ, представлявшимся к.-д. партіей и старыми земскими либералами,—окончательно созрѣлъ.

Послѣдовавшія вслѣдъ за съѣздомъ земскія собранія показали, что симпатіи земской массы лежали на сторонѣ болѣе умѣреннаго, октябристскаго теченія на съѣздѣ. Цѣлый рядъ земскихъ собраній выразилъ полное удовлетвореніе началами,

положенными въ основу манифеста 17 октября, ни словомъ не упомянувъ не только объ учредительномъ собраніи, но даже и о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Такъ, еще 10 ноября *ярославское* губернское земство, привѣтствуя происходившій въ Москвѣ съѣздъ, выражало надежду, что «съѣздъ найдетъ путь, пріемлемый современнымъ правительствомъ, и на этомъ пути выразитъ правительству довѣріе дружной работой по проведенію въ полномъ объемѣ реформъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября». *Псковское* губернское земство высказало полную солидарность со взглядами своихъ представителей на съѣздѣ, бывшими тамъ въ рядахъ крайней правой. *С.-Петербургское* губернское собраніе опредѣленно выразило порицаніе, «большинству» ноябрьскаго съѣзда, примкнувъ точно также къ точкѣ зрѣнія меньшинства [1]). *Псковское* уѣздное земство постановило «высказать увѣренность, что актъ 17 октября 1905 года вполнѣ отвѣчаетъ желаніямъ и интересамъ населенія» и что «гр. Витте и совѣтъ министровъ употребляютъ и употребятъ всѣ усилія къ скорѣйшему осуществленію этой воли Государя».

Гораздо рѣшительнѣе выразили свой консерватизмъ земства Ливенское и Карачевское. *Ливенское* земское собраніе, «находя всякія попытки къ ослабленію и нарушенію цѣлости Россіи недостойными земскихъ людей», высказало порицаніе «направленію большинства послѣдняго московскаго съѣзда». Такое же постановленіе приняло и *Карачевское* земство, выразившее, кромѣ того, порицаніе «всѣмъ союзамъ и организаціямъ», сѣющимъ смуту въ Россіи.

Въ то время, подъ впечатлѣніемъ аграрныхъ погромовъ, не только земскія собранія, но и болѣе реакціонно настроенные съѣзды землевладѣльцевъ взывали о скорѣйшемъ созывѣ Государственной Думы, ибо лишь въ этомъ они видѣли средство къ «успокоенію населенія».

Съ другой стороны, земскія собранія и съѣзды землевладѣльцевъ были настроены опредѣленно враждебно противъ забастовочнаго движенія, и въ этомъ смыслѣ принимались ими резолюціи. Примѣръ въ этомъ отношеніи подало *Елецкое* земство, которое еще 11 октября обратилось къ правительству съ просьбой о немедленномъ принятіи мѣръ къ прекращенію забастовокъ на желѣзныхъ дорогахъ. Это постановленіе было поддержано между прочимъ М. А. Стаховичемъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ заявленія подобнаго рода участились.

Подъ вліяніемъ нахлынувшихъ событій оживились и *дворянскія общества*, въ теченіе долгаго времени не проявлявшія замѣтной политической жизни. Надо сказать, что какъ разъ въ 1905 году въ большинствѣ губерній происходили очередныя губернскія дворянскія собранія, на которыхъ въ предводительскія должности были избраны наиболѣе подходящіе для даннаго момента люди; всѣ же либеральные дѣятели, выдвинувшіеся въ эпоху 1902 — 1904 гг., были отстранены. Свое преимущественное вниманіе дворянскія собранія обратили на ликвидацію крестьянскаго движенія; они дружно возбуждали ходатайства о присылкѣ войска, объ усиленіи полицейской стражи и т. д., вплоть до присылки диктаторовъ для подавленія возстанія.

---

[1]) Такое же постановленіе было сдѣлано земствами: Орловскимъ губ., Вытегорскимъ, Лодейнопольскимъ, Олонецкимъ у. и губ., Козельскимъ, Рязанскимъ губ., Тульскимъ губ., Харьковскимъ губ., Лужскимъ и мн. др.

Рѣзко измѣнилось, какъ мы уже сказали, и настроеніе земскихъ круговъ подъ вліяніемъ аграрнаго движенія. Сессія 1905 года останется навсегда наиболѣе мрачнымъ пятномъ въ земской дѣятельности. Земцы-дворяне какъ бы спѣшили изгнать всякую память о недавнихъ своихъ увлеченіяхъ. Въ первую очередь походъ былъ объявленъ противъ третьяго элемента; ему было поставлено въ вину аграрное движеніе, и вообще онъ явился для земскихъ дѣятелей козломъ отпущенія. Если присмотрѣться внимательнѣе ко всѣмъ вандальскимъ опустошеніямъ, произведеннымъ въ сессію 1905 г. въ земскомъ хозяйствѣ, то нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ разгромовъ лежало стремленіе нанести ущербъ прежде всего третьему элементу, а не тѣмъ или другимъ отраслямъ самимъ по себѣ. Особенный натискъ должны были выдержать тѣ отрасли, гдѣ третій элементъ былъ сорганизованъ лучше всего; нечего говорить также и о томъ, что едва намѣтившимся попыткамъ третьяго элемента къ объединенію въ спеціальные профессіональные союзы былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Такъ окончилась для части русской интеллигенціи эпоха «хожденія въ земство».

Какъ мы упомянули, волна разрушенія, охватившая земства въ 1905 г., глубоко захватила различныя стороны земскаго дѣла. Уничтожалось все, что было создано съ такимъ большимъ трудомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Особенно пострадала статистика, книжные склады, внѣшкольное образованіе, агрономія, земскіе органы печати и т. п. Эти упраздненія происходили непосредственно на политической почвѣ и имѣли въ виду, какъ мы сказали, главнымъ образомъ изгнать изъ земства «неблагонадежный» третій элементъ. Цѣль была несомнѣнно достигнута.

Другое, на что направилось вниманіе земства, это—прямая борьба съ революціей. Какъ извѣстно, указомъ 6 декабря 1905 г., въ цѣляхъ борьбы съ аграрнымъ движеніемъ, частнымъ лицамъ и учрежденіямъ было предоставлено право формировать полицейскую стражу. Вотъ этимъ и воспользовались нѣкоторыя земства, преимущественно южныя (*Ананьевское, Александрійское, Елисаветградское, Херсонское* губ., *Курское, Жиздринское, Екатеринославское* губ., *Новомосковское, Верхнеднѣпровское*, а также нѣкоторыя земства Курской губ.), ассигновавшія на полицейскую стражу крупныя средства; напр., *Екатеринославское* до 200 т. р. Точно также и дворянство нѣкоторыхъ губерній ввело особый налогъ на дворянскія земли *тульское*—(100 т. р., *кіевское*—100 т. р., *нижегородское*—50 т. р., *херсонское* и др.).

Слѣдуетъ также упомянуть, что, начиная съ ноября 1906 г., съѣзды землевладѣльцевъ, дворянскія собранія и т. д. не перестаютъ обращаться къ правительству съ просьбами о продленіи чрезвычайныхъ мѣръ, о присылкѣ войскъ; они зорко слѣдятъ также за карательными отрядами, не упуская случая довести до свѣдѣнія правительства свою аттестацію по поводу усмиреній (см., напр., постановленіе союза *саратовскихъ* землевладѣльцевъ 2 декабря 1906 г.).

V.

Въ январѣ 1906 г., послѣ подавленія рабочаго и крестьянскаго движенія, дворянство почувствовало свои позиціи настолько укрѣпившимися, что нашло своевременнымъ выступить съ «положительной программой», особенно выдвинувъ аграрный вопросъ. Съ такой именно программой выступилъ второй *съѣздъ предводителей дворянства*, состоявшійся въ Москвѣ въ январѣ. По мнѣнію съѣзда, для «умиротворенія страны» и «укрѣпленія всего государства» прежде всего необходимы: 1) «сильная, твердая, закономѣрная правительственная власть, проводящая послѣдовательныя и разумныя мѣры для подавленія революціоннаго движенія»; 2) «увѣренность, что Государственная Дума будетъ созвана; 3) огражденіе свободы выборовъ и законныхъ предвыборныхъ собраній». По аграрному вопросу съѣздъ призналъ, что въ основу разрѣшенія его «долженъ быть поставленъ принципъ неприкосновенности частной собственности»; затѣмъ съѣздъ указалъ на необходимость расширенія переселенческаго дѣла и «отвода казенныхъ земель для переселенцевъ», уничтоженія чрезполосности и сервитутовъ, «широкаго облегченія свободнаго перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному и хуторскому съ правомъ свободной продажи своего участка»... Далѣе было указано на необходимость расширенія дѣятельности крестьянскаго банка; пониженія % по ссудамъ крестьянскаго банка до уровня % дворянскаго банка; необходимость отвода малоземельнымъ крестьянамъ казенныхъ и удѣльныхъ земель «за уплату по оцѣнкѣ.»

«Объединенные дворяне», обезпокоенные слухами о готовящейся «экспропріаціи» частновладѣльческихъ земель по проекту, вырабатывавшемуся Н. Н. Кутлеромъ въ качествѣ главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ въ кабинетѣ гр. Витте [1]),—повели рѣшительную кампанію противъ этого проекта, завершившуюся отставкой Кутлера и изданіемъ 4 марта 1906 г. закона о дворянско-бюрократическихъ землеустроительныхъ комиссіяхъ. Это былъ первый шагъ къ осуществленію аграрной программы «объединенныхъ дворянъ».

Какъ извѣстно, з.-у. комиссіи до конца іюня 1906 г. не были сформированы, и вообще правительство выжидало... Но вотъ въ іюнѣ 1906 г. роспускъ первой Думы, подъ давленіемъ «объединенныхъ дворянъ», былъ рѣшенъ, и правительство отдало приказъ о формированіи з.-у. комиссій, а затѣмъ стало осуществлять и др. пункты дворянской программы. Такъ, появились указы 12 и 27 августа о распродажѣ казенныхъ и удѣльныхъ земель, указъ 14 сентября о пониженіи % по ссудамъ крестьянскаго банка и, наконецъ, указъ 9 ноября о разрушеніи общины. Широкіе круги общества обычно склонны считать всю совокупность этихъ мѣропріятій, предпринятыхъ послѣ роспуска первой Государственной Думы, дѣломъ рукъ П. А. Столыпина. Однако, какъ мы это и видѣли, всѣ эти мѣры были указаны еще дворянскимъ съѣздомъ въ январѣ 1906 г., и

---

[1]) Проектъ этотъ приведенъ въ сборникѣ „Аграрный вопросъ“, т. II стр. 629 и слѣд.

на долю Столыпина выпала лишь честь осуществлять ихъ. Здѣсь особенно слѣдуетъ остановиться на указѣ 9 ноября. Какъ извѣстно, реакціонное дворянство всегда являлось защитникомъ патріархальной, сословной общины, цѣня въ ней сдержку противъ «разлагающихъ вѣяній времени», оплотъ сословно-крѣпостническаго строя. Аграрныя волненія 900-хъ гг. вызвали среди дворянства рѣзкій поворотъ въ отношеніи общины; она стала казаться теперь оплотомъ чуть-ли не соціализма, и во всякомъ случаѣ была заподозрѣна въ неблагонадежности. Насажденіе мелкой личной собственности—вотъ что стало лозунгомъ для реакціоннаго дворянства въ его стремленіи къ закрѣпленію status quo въ деревенскихъ отношеніяхъ. Этимъ цѣлямъ и спѣшилъ содѣйствовать указъ 9 ноября.

Какъ мы уже сказали, аграрная программа дворянъ стала осуществляться лишь съ роспускомъ первой Гос. Думы. До этого же времени дворяне одерживали рядъ болѣе или менѣе мелкихъ побѣдъ; таковы, напр., отставка Н. Н. Кутлера, законъ 27 апрѣля о стачкахъ сельскихъ рабочихъ и т. п. Въ это время голосъ дворянства не являлся еще рѣшающимъ въ сферѣ аграрныхъ мѣропріятій, да и само вниманіе дворянъ было больше направлено на ликвидацію убытковъ отъ аграрнаго движенія. Цѣлый рядъ съѣздовъ землевладѣльцевъ начала 1906 г. обсуждалъ этотъ вопросъ и предъявлялъ къ правительству претензію о возмѣщеніи убытковъ. Стѣсненное въ средствахъ, правительство, однако, медлило. Между тѣмъ голоса становились все рѣшительнѣе, и уже въ началѣ февраля «дворянинъ» Павловъ обратился къ правительству съ открытымъ требованіемъ. «Я требую,—писалъ онъ, вдохновляемый реакціонной кликой дворянъ,—требую полнаго возмѣщенія помѣщикамъ ихъ убытковъ»... Еще немного промедленія, и правительство уступило: 15 марта 1906 г. было ассигновано 8 милл. руб. для выдачи помѣщикамъ безпроцентныхъ ссудъ.

Всю первую половину 1906 г. въ воздухѣ висѣла гроза повторенія аграрныхъ волненій, мѣстами продолжавшихъ вспыхивать то тутъ, то тамъ въ небольшихъ размѣрахъ. Затѣмъ, по мѣрѣ выясненія результатовъ выборовъ въ Гос. Думу, тревога реакціоннаго дворянства все усиливалась.

Какъ извѣстно, разсчеты на «крѣпкое крестьянство» не оправдались, крестьяне не довѣрили своихъ голосовъ помѣщикамъ, и эти послѣдніе прошли въ Думу въ незначительномъ количествѣ, при чемъ все правое въ землевладѣльческой средѣ осталось внѣ Думы. Дѣйствительно, изъ 46 помѣщиковъ—членовъ первой Думы—огромное большинство (31) принадлежало къ оппозиціоннымъ фракціямъ, затѣмъ 9 было націоналистовъ и лишь 3 октябриста.

Нечего и говорить о томъ, съ какой тревогой слѣдило дворянство за каждымъ шагомъ Думы и въ особенности за ходомъ аграрныхъ преній въ Думѣ, разжигавшихъ, по его мнѣнію, страсти крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ закулисная борьба достигла наивысшаго предѣла. Инспирируемое дворянствомъ, правительство И. Л. Горемыкина въ своей декларации 13 мая заявило, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса «на предположенныхъ Г. Думою основаніяхъ» [1]), безусловно недопустимо.

---

[1]) Т. е. на основѣ частичнаго принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель.

Предостереженіе, однако, не помогло, и тревога дворянъ естественно росла и росла. Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ всеподданнѣйшій адресъ дворянства.

Состоявшійся въ маѣ 1906 г. «*всероссійскій дворянскій съѣздъ*» въ своемъ всеподданнѣйшемъ адресѣ писалъ: «Стремясь къ политическому и экономическому господству, враги русской государственности пытаются завоевать мечтою о землѣ слѣпое довѣріе крестьянъ и, возбуждая низменные инстинкты, поднять крестьянскія массы на безсознательную борьбу... Затуманивая и обольщая народную мысль, силы, враждебныя государственности, скрываютъ затаенное стремленіе захвата верховной власти монарха, охраняемой основными законами; но дворянство утверждаетъ, что верховная самодержавная власть есть неизмѣнное вѣрованіе русскаго народа, есть залогъ оздоровленія русской жизни и дальнѣйшаго ея развитія».

Далѣе, переходя къ аграрному вопросу, «дворянство твердо заявляетъ, что проведеніе земельнаго закона на началахъ принудительнаго отчужденія частнаго землевладѣнія поколеблетъ въ корнѣ одинъ изъ наиболѣе твердыхъ устоевъ государственной жизни—неприкосновенность права собственности.

Проповѣдь отчужденія земли скрываетъ за собой и служитъ первымъ шагомъ къ побѣдѣ идеи соціализма».

На этомъ адресѣ Государь сдѣлалъ слѣдующую надпись: «цѣню готовность земельнаго трудового дворянства служить и впредь нуждамъ и пользѣ дорогой родины».

Вытѣсненные изъ Гос. Думы, дворяне получили въ это время возможность сорганизоваться около выборовъ въ Госуд. Совѣтъ. Само по себѣ участіе въ Госуд. Совѣтѣ не могло, конечно, компенсировать потерю дворянства, но это послѣднее перенесло центръ своей борьбы въ закулисную область и для него важно было выбрать своихъ наиболѣе видныхъ представителей для совмѣстнаго натиска противъ крамольной Думы. Какъ извѣстно, въ члены Госуд. Совѣта, за очень немногими исключеніями, прошли отъ земствъ и дворянскихъ обществъ крайніе правые и октябристы, большею частью губ. предводители дворянства и т. п. Лишь земства Вологодской, Костромской, Московской, Уфимской и немногихъ др. губерній послали к.-д. или близкихъ къ нимъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что какъ на составѣ землевладѣльцевъ-депутатовъ (въ Гос. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ), такъ и вообще на настроеніи землевладѣльческихъ круговъ всегда можно прослѣдить печать мѣстныхъ отношеній, и прежде всего вліяніе аграрныхъ волненій, хозяйственнаго уклада мѣстности. Въ общемъ, какъ въ дни «свободъ», такъ и теперь, наиболѣе передовыми являются земства и землевладѣльцы промышленнаго района; и наоборотъ, въ губерніяхъ черноземныхъ, гдѣ въ болѣе сильной степени сохранилась крѣпостническая эксплоатація крестьянскихъ массъ, настроеніе землевладѣльческихъ круговъ въ дооктябрьскіе дни или проявилось въ очень умѣренномъ видѣ, или вовсе не сказалось, а въ послѣоктябрьскіе дни—пріобрѣло ярко черносотенную окраску (Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Курская и др. губ.).

Вспыхнувшее въ іюнѣ съ необыкновенной силой, аграрное движеніе въ Воронежской губ. было поставлено реакціонными кругами всецѣло въ связь съ

думскими рѣчами по аграрному вопросу; оно явилось сильнымъ козыремъ въ рукахъ дворянства противъ крамольной Думы и вдохновило его на усиленную аттаку. Дальнѣйшій ходъ событій извѣстенъ. Толкаемое дворянствомъ, правительство въ серединѣ іюня выступаетъ съ воззваніемъ къ населенію, въ которомъ, какъ въ декларации 13 мая, проводилась мысль о «безусловной недопустимости» разрѣшенія аграрнаго вопроса «на предположенныхъ Гос. Думой основаніяхъ». Попытка Думы выступить съ контръ-воззваніемъ окончилась роспускомъ Думы 8 іюля. Дворянство одержало первую крупную побѣду, за которой въ 1906 г. послѣдовалъ рядъ другихъ,—въ видѣ перечисленныхъ выше аграрныхъ указовъ и въ видѣ положенія 24 августа о военно-полевыхъ судахъ, о которыхъ неоднократно просило дворянство. Что всѣ эти мѣропріятія, въ томъ числѣ и роспускъ Гос. Думы, обязаны своимъ происхожденіемъ «объединенному дворянству»,— это мы знаемъ, между прочимъ, изъ доклада А. И. Зыбина, члена дворянской организаціи.

Одержавъ крупную побѣду наверху, дворянство спѣшило укрѣпить свои позиціи на мѣстахъ. Какъ разъ въ 1906 г. лѣтомъ происходили перевыборы земскихъ гласныхъ въ большинствѣ губерній, и реакціонное дворянство энергичнымъ натискомъ удалило изъ земства мало-мальски либеральныхъ дѣятелей. Затѣмъ на дворянскихъ собраніяхъ конца 1906 г., по иниціативѣ *курскаго* дворянства, были подвергнуты остракизму лица, подписавшія выборгское воззваніе; они были исключены изъ дворянскаго общества въ большинствѣ губерній въ теченіе 1906 г., а затѣмъ и 1907 г. Лишь одно *костромское* дворянство не послѣдовало общему примѣру и не только не исключило изъ среды дворянъ своей губерніи собственныхъ «выборжцевъ», но даже сдѣлало постановленіе о пріемѣ въ свою среду нѣкоторыхъ выборжцевъ, подвергшихся остракизму въ др. губерніяхъ. Въ оправданіе своего постановленія костромское дворянство ссылалось на то, что «своей безграничной любовью къ родинѣ, своимъ стойкимъ самоотверженнымъ трудомъ они много способствовали осуществленію реформъ, волею нынѣ царствующаго Государя Императора въ русскомъ государствѣ проводимыхъ. Они сумѣли объединить освободительное движеніе и вести его правильнымъ путемъ, чуждаясь всякаго рода насилія; удостоенные выборомъ всѣхъ сословій своей мѣстности въ число лучшихъ русскихъ людей, призванныхъ Государемъ въ первую Думу, они также стойко, также самоотверженно и въ Думѣ работали для достиженія своихъ идеаловъ государственнаго строительства родины и прилагали всевозможныя усилія, дабы Дума не нарушила конституціонныхъ условій своего существованія. Затѣмъ, по окончаніи государственной работы въ Думѣ, всѣ вышеперечисленные дворяне подъ впечатлѣніемъ невозможныхъ условій работы въ Думѣ, отношенія къ нимъ правительства и настояній ихъ товарищей слѣва по работѣ въ Думѣ, если и совершили, какъ то думаетъ депутатское собраніе, ошибочный шагъ, предлагая народонаселенію впредь до созыва новой Думы не платить податей и не давать рекрутовъ, то эти ошибочныя дѣйствія ихъ не повлекли за собой никакихъ пагубныхъ для государства послѣдствій и уже тѣмъ болѣе не носятъ въ себѣ ничего безчестнаго».

Постановленіе костромскаго дворянства вызвало протестъ въ средѣ «объединенныхъ дворянъ» и не получило осуществленія.

Земскія собранія конца 1906 и начала 1907 г. прошли въ столь же боевомъ настроеніи, какъ и дворянскія. Цѣлый рядъ уѣздныхъ собраній въ телеграммахъ на имя П. А. Столыпина спѣшилъ засвидѣтельствовать полное удовлетвореніе политикой военнаго обновленія [1]). Такъ, *Южновское* собраніе «рѣшительно» осуждало «смуту», признавало «временные исключительные законы, вызванные крайней необходимостью», и вѣрило, «что дарованныя права вполнѣ обезпечиваютъ мирное обновленіе страны». *Орловское* земство увѣряло, что «только твердая власть возстановитъ миръ, необходимый для проведенія реформъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ земскія собранія сессій 1906 г. подхватили лозунгъ, брошенный «объединеннымъ дворянствомъ»,—лозунгъ объ измѣненіи избирательной системы въ Госуд. Думу, установленной закономъ 11 декабря 1905 г. При этомъ одни (напр. *Екатеринославское* губ., *Курское* губ.) ходатайствовали о введеніи въ эту систему принципа сословности; другія (напр., *Казанское* у.) просили о предоставленіи городскимъ и земскимъ учрежденіямъ права выбирать изъ своей среды по 1—2 члена въ Г. Думу; наконецъ, третьи земства (*Смоленское, Вяземское* и проч.), считая, что «первая Госуд. Дума оказалась односторонней и не выражала воли всего народа»,—ходатайствовали: 1) о пониженіи земельнаго ценза и 2) объ отмѣнѣ мажоритарныхъ выборовъ и о введеніи принципа пропорціональности.

Только весьма немногія земства (*Макарьевское, Осинское, Балахнинское* и др.) стали на либеральную точку зрѣнія и заявили, что лишь немедленный созывъ Г. Думы на прежнихъ основаніяхъ «въ состояніи вывести Россію на путь мира, свободы и благосостоянія».

Очередная сессія 1906 г. также ознаменовалась гоненіями на третій элементъ; все, что не было разгромлено губ. собраніями годъ тому назадъ, ликвидировалось теперь какъ уѣздными, такъ и губернскими земствами. На губ. собраніяхъ на этотъ разъ шла травля не столько 3-го элемента, сколько «общеземской организаціи по продовольственной помощи», которая напоминала земскимъ «зубрамъ» былое господство «либераловъ». Цѣлый рядъ земскихъ собраній въ 1906 г. сдѣлалъ постановленія о выходѣ изъ этой крамольной организаціи.

Слѣдуетъ, наконецъ, указать также и на попытки нѣкоторыхъ земствъ (*Курскаго, Екатеринославскаго* и др.) придти на помощь черносотеннымъ изданіямъ въ цѣляхъ проведенія въ населеніе желательныхъ имъ взглядовъ.

Какъ мы уже сказали выше, вопросъ объ измѣненіи въ интересахъ дворянства избирательнаго закона 11 декабря 1905 г. выдвинулся въ дворянскихъ кругахъ тотчасъ послѣ роспуска первой Государственной Думы; въ соотвѣтственномъ смыслѣ возбуждались земскія ходатайства и дѣлались представленія въ Царскомъ Селѣ. Правительство, однако, сразу не рѣшалось на такой шагъ и

---

[1]) Земства: екатеринославское, елисаветградское, уфимское, вязниковское, сердобское, полтавское, нерехтское, петербургское, петровское, новохоперское, рославльское, мышкинское, вольское, зеньковское, юхновское, корсунское, меленковское, новомосковское, вологодское, нижегородское, новгородъ-сѣверское, льговское, ирбитское, малмыжское и мн. др.

рядомъ сепаратныхъ мѣропріятій («разъясненіями» Сената и т. д.) попыталось приспособить законъ 11 декабря къ интересамъ «перваго сословія» и вообще благонадежныхъ элементовъ. Попытки эти не увѣнчались успѣхомъ. Во второй Госуд. Думѣ интересы дворянства были представлены не лучше, чѣмъ въ первой, хотя все же кое-гдѣ землевладѣльцамъ удалось сплотиться и при поддержкѣ реакціонной крестьянской буржуазіи провести своихъ людей. Дѣйствительно, уже во второй Думѣ раздаются голоса Пуришкевичей, Бобринскихъ и Крупенскихъ, которые составили такой дружный хоръ въ 3-ей Думѣ. Въ общемъ и вторая Государственная Дума оказалась не менѣе крамольной, чѣмъ первая, и она также проявила стремленіе поставить въ первую очередь аграрныя мѣропріятія въ ненавистномъ для дворянства духѣ. Успѣхъ вдохновляетъ, и мы знаемъ, что роспускъ второй Государственной Думы и актъ 3 іюня были въ такой же мѣрѣ дѣтищемъ реакціоннаго дворянства, какъ и роспускъ первой Думы, и военно-полевые суды 24 августа 1906 г., и всѣ аграрныя мѣропріятія Столыпинскаго кабинета. Актомъ 3 іюня 1907 г. реакціонное дворянство обезпечило себѣ руководство въ государственныхъ дѣлахъ въ той же мѣрѣ, въ какой оно имъ пользовалось въ земскихъ учрежденіяхъ. Обѣ законодательныя палаты—Государственная Дума и Государственный Совѣтъ—очутились, такимъ образомъ, въ рукахъ дворянскаго сословія, и это послѣднее отнынѣ могло спокойно приняться за свою контръ-революціонную «органическую» дѣятельность. Изъ наступающей стороны это дворянство превратилось въ вершителя народныхъ судебъ; оно приступило къ «созидательной» работѣ. Принимая во вниманіе весь ходъ предшествовавшихъ событій, мы поймемъ, съ какимъ восторгомъ актъ 3 іюня 1907 г. былъ встрѣченъ въ землевладѣльческихъ кругахъ, при чемъ правое крыло, мечтавшее о полной реставраціи, увидѣло въ немъ первый крупный шагъ къ ликвидаціи всѣхъ вообще наслоеній, созданныхъ освободительнымъ движеніемъ. Этотъ взглядъ рельефно выраженъ во всеподданнѣйшемъ *адресѣ московскаго дворянства*. «Великій Государь!—писали московскіе дворяне,—во дни тяжелыхъ испытаній, не разъ постигавшихъ русскую землю, древне-служилое сословіе вмѣстѣ со всѣми русскими людьми, въ теченіе вѣковъ дѣломъ и словомъ являло свою вѣру въ зиждительную силу Самодержавной Царской власти во всей ея полнотѣ и нераздѣльности. Эта вѣра не поколебалась и донынѣ въ московскомъ дворянствѣ. Государь! Склонись къ голосу вѣрноподданнаго Твоего дворянства и милостиво прими его искреннія, отъ души идущія слова. Нынѣ, какъ и встарь, нѣтъ на Руси политической силы, равной царской власти. Царь—единый представитель Своего народа, державный выразитель его совѣсти. Онъ одинъ верховный руководитель его судебъ и отвѣтственъ лишь передъ Богомъ. Древняя царская власть въ сознаніи народа выше преходящихъ внѣшнихъ правъ. Слово царское живитъ мертвую букву закона. Проникнутое этою вѣрою московское дворянство радостно привѣтствуетъ властное рѣшеніе Твое, Государь, проявленое 3-го іюня минувшаго года, видя въ немъ проявленіе свободной воли царской, которая въ единеніи съ народомъ можетъ дать желанное обновленіе русской землѣ. Судьбы Россіи зависятъ отъ Тебя, Государь. Подъ гнетомъ соблазновъ и сомнѣній мутится народная жизнь. Царскою волею Твоею и единымъ державнымъ голосомъ Твоимъ, Государь, водвори въ ней законъ и порядокъ; охрани жизнь и благосостояніе всѣхъ подданныхъ Твоихъ»

VI.

Добившись измѣненія основного закона, конституціи 11 декабря 1905 г., добившись вмѣстѣ съ тѣмъ направленія аграрныхъ мѣропріятій въ желательномъ для себя смыслѣ,—реакціонное дворянство не могло примириться еще съ однимъ—съ проектами министерства П. А. Столыпина относительно реформы мѣстнаго строя управленія—общаго административнаго и земскаго. Начиная съ 1907 г., оно ведетъ систематическую борьбу противъ либерально-бюрократическихъ поползновеній въ этомъ направленіи со стороны кабинета П. А. Столыпина. Какъ извѣстно, еще въ февралѣ 1907 года во вторую Государственную Думу правительствомъ былъ внесенъ законопроектъ о реформѣ поселковой, волостной и уѣздной. Въ основу этихъ реформъ правительство считало своевременнымъ положить то соображеніе, что «тамъ, гдѣ только существуетъ серьезная потребность упорядоченнаго общежитія..., тамъ весьма затруднительно сохранить въ управленіи начало сословной обособленности». Согласно этому правительство стремилось перестроить сословное сельско-волостное устройство на началахъ буржуазнаго либерализма. То же самое оно проектировало впослѣдствіи сдѣлать и относительно земскаго положенія. Съ другой стороны, цѣлью мѣстной реформы ставилось «устраненіе господствовавшаго до сихъ поръ въ области крестьянскаго управленія принципа административной опеки». Мы не станемъ останавливаться на томъ, что правительственные законопроекты далеко не послѣдовательно проводили оба указанные принципа—устраненіе сословности и административной опеки въ мѣстномъ управленіи. Для насъ въ настоящее время важно отмѣтить, что дворянство усмотрѣло, и въ значительной мѣрѣ справедливо, въ этихъ законопроектахъ покушеніе на свое «исконное» господство въ сферѣ мѣстнаго управленія. Особенную опасность усмотрѣло оно, во-первыхъ, въ устраненіи принципа сословности крестьянскаго управленія, а, во-вторыхъ, въ стремленіи лишить предводителей дворянства руководящей роли въ системѣ уѣздныхъ учрежденій, замѣнивъ ихъ «уѣздными начальниками».

На состоявшемся въ концѣ марта 1907 г. частномъ совѣщаніи представителей губернскихъ земствъ, въ количествѣ 92 лицъ отъ 27 губерній, было признано необходимымъ, чтобы всѣ подготовляемые правительствомъ законопроекты по вопросу о реформѣ мѣстнаго самоуправленія поступали предварительно на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній. Тогда же, до роспуска 2-й Государственной Думы, иниціаторы этого совѣщанія были оповѣщены, что правительство готово идти навстрѣчу желаніямъ земствъ и что всѣ законопроекты, какъ по реформѣ мѣстнаго самоуправленія, такъ и по другимъ вопросамъ мѣстной жизни, будутъ по возможности поступать на предварительное разсмотрѣніе земствъ.

Какъ извѣстно, черезъ 2 мѣсяца послѣ этого вторая Государственная Дума была распущена, и правительство, въ угоду реакціонному дворянству, поспѣшило взять обратно внесенные имъ законопроекты о поселковомъ, волостномъ и уѣздномъ управленіи и передѣлало ихъ въ желательномъ для дворянства смыслѣ. Дѣйствительно, поступившіе въ декабрѣ 1908 г. въ третью Государственную

Думу соотвѣтственные законопроекты подверглись сильной переработкѣ въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства при участіи земскихъ представителей. Отнынѣ правительство признало возможнымъ сохранить въ сельскомъ и волостномъ управленіи сословное начало. Вопросъ о реформѣ земскаго и уѣзднаго управленія до сихъ поръ, благодаря противодѣйствію дворянства, виситъ въ воздухѣ, разрабатывается въ канцеляріяхъ. Особенное противодѣйствіе при этомъ встрѣчаетъ попытка правительства сконцентрировать власть въ рукахъ «уѣзднаго начальника» и отстранить уѣзднаго предводителя дворянства отъ руководства наиболѣе существенными сторонами уѣзднаго административнаго механизма.

Обезпечивъ себя въ отношеніи проведенія аграрной реформы, дворянство, какъ мы сказали, переноситъ центръ своего вниманія на реформу мѣстнаго управленія. Ей почти исключительно посвящаютъ свое вниманіе «съѣзды» уполномоченныхъ дворянскихъ обществъ со второй половины 1907 г. и до настоящаго времени. Особенно много остановились на этомъ вопросѣ четвертый (1908 г.) и пятый (1909 г.) съѣзды. Въ докладной запискѣ, составленной по порученію IV-го съѣзда В. І. Гурко и представленной въ Царское Село, рѣзкой критикѣ подвергается вся правительственная программа въ области реформы мѣстнаго управленія. По мнѣнію дворянства, осуществленіе правительственныхъ проектовъ «сулитъ такія непредвидимыя и грозныя для всей страны опасности, о свойствѣ которыхъ нельзя составить себѣ даже приблизительнаго представленія». Въ заключеніе дворяне выражали «твердую надежду, что предположенная реформа, являющаяся отраженіемъ преходящихъ общественныхъ настроеній, никогда не осуществится». Особенно подчеркивалось въ запискѣ то, что «преобразованію подвергаются именно тѣ установленія, которыя только что выдержали на своихъ плечахъ весь натискъ революціоннаго движенія и одни оказали ему стойкое противодѣйствіе».

Мы видимъ, что опасенія дворянъ по существу являлись вполнѣ основательными; съ уничтоженіемъ сословности во всемъ строѣ мѣстнаго управленія и отмѣной въ данномъ отношеніи дворянскихъ привилегій—господству дворянства въ политической жизни страны былъ бы нанесенъ крупный ударъ. Вотъ противъ этого-то и борются теперь «объединенные дворяне». «Земскій соборъ»—наверху, сохраненіе сословнаго status quo на мѣстахъ,—таковъ лозунгъ праваго крыла дворянства. Въ качествѣ средства къ обезпеченію себѣ господства дворяне этого типа выдвигаютъ мѣры всяческаго обузданія, начиная отъ военно-полевыхъ судовъ, иниціаторами которыхъ они были, и кончая гоненіемъ на печать, о чемъ такъ усиленно хлопоталъ III-й дворянскій съѣздъ.

Но, кромѣ этого праваго крыла реакціоннаго дворянства, въ средѣ землевладѣльцевъ есть и другія теченія, въ большей или меньшей степени подверженныя воздѣйствію буржуазныхъ элементовъ и стремящіяся приспособиться къ условіямъ, созданнымъ революціоннымъ движеніемъ, использовать плоды этого движенія въ интересахъ господства буржуазіи. Въ предѣлахъ этихъ двухъ полюсовъ—реакціоннаго дворянства и умѣренно-либеральнаго октябризма, и колеблются въ настоящее время симпатіи дворянско-землевладѣльческой массы. Солидарная во всемъ, что касается подавленія ненавистнаго ей революціоннаго

движенія, эта масса дифференцируется по партіямъ, едва заходитъ рѣчь объ «органической работѣ».

Итакъ, подводя итоги всему сказанному выше, мы должны признать, что контръ-революціонная роль дворянства въ 1905—1909 гг. была велика. Именно дворянство продиктовало всѣ наиболѣе крупные акты политической жизни со времени подавленія освободительнаго движенія. Оно вдохновило акты 8 іюля 1906 г. и 3 іюня 1907 г., оно явилось творцомъ закона 24 августа 1906 г. о военно-полевыхъ судахъ, оно же было вдохновителемъ всего аграрнаго законодательства кабинета П. А. Столыпина и оно же тормозитъ проведеніе мѣстной реформы. Въ союзѣ съ бюрократическимъ правительствомъ реакціонное дворянство явилось и является той силой, съ которой освободительному движенію придется еще серьезно считаться.

Б. Веселовскій.

А. ЕРМАНСКІЙ.

Крупная буржуазія въ 1905—1907 г.

I. Періодъ либеральныхъ записокъ.

Бурныя событія 1905 года вырвали россійскую крупную буржуазію изъ атмосферы исключительно отсталыхъ, подчасъ реакціонныхъ политическихъ тенденцій, во власти которыхъ этотъ классъ находился въ теченіе всего предшествующаго періода, какъ мы это видѣли въ предыдущемъ очеркѣ (т. I, «Крупная буржуазія до 1905 года»).

Перемѣна эта совершилась не сразу. Солидные, практичные люди—дѣятели промышленности поддались всеобщему увлеченію позже всѣхъ остальныхъ общественныхъ слоевъ. Уже развернулась во всю мобилизація земскаго либерализма, формулировавшаго свою позицію на тайныхъ и явныхъ съѣздахъ. Уже потокъ банкетовъ и общественныхъ собраній по системѣ «захватнаго права» наполнилъ своимъ шумомъ послѣдніе мѣсяцы 1904 года. Но все это движеніе совершенно не затронуло крупно-промышленныхъ круговъ, какъ не сдвинула ихъ со старой политической позиціи еще раньше неблагопріятно для нихъ сложившаяся экономическая конъюнктура (промышленный кризисъ, сокращеніе казенныхъ заказовъ, желѣзнодорожнаго строительства и пр.).

Однако наступилъ таки моментъ, когда и крупно-промышленная буржуазія зашевелилась и присоединила свой голосъ—«голосъ сотенъ милліоновъ рублей» [1])—къ общему хору политическихъ требованій.

Конечно, солидные промышленники, примкнувъ, наконецъ, къ общенаціональному движенію, не вели въ немъ *активной* линіи, не пошли по пути *борьбы*,—даже не использовали упрочившагося въ то время захватнаго права. Въ своихъ старыхъ, издавна кристаллизовавшихся и архи-легальныхъ организаціяхъ они составляли записки, петиціи и пр., обращенныя къ высшимъ органамъ старой власти. Но въ этихъ запискахъ нерѣдко звучала серьезная гражданская нота, сквозила политическая мысль, стоявшая болѣе или менѣе на уровнѣ политическаго сознанія русскаго общества того періода.

---

[1]) Выраженіе докладной записки конторы желѣзозаводчиковъ отъ 28-го января 1905 года.

Оставаясь въ своихъ «запискахъ» на почвѣ защиты своихъ классовыхъ матеріальныхъ интересовъ, къ которой они привыкли съ давнихъ поръ, промышленники, однако, теперь совершенно отчетливо прежде всего формулируютъ и на разные лады варьируютъ мысль о *непосредственной зависимости судебъ промышленности отъ культурныхъ и политическихъ условій народной жизни*—мысль, которую трудно встрѣтить въ ихъ выступленіяхъ предыдущихъ десятилѣтій. Очевидно, урокъ, преподанный Россіи ея разгромомъ въ Японской войнѣ, не прошелъ безслѣдно и для сознанія крупной буржуазіи. Яркая демонстрація этимъ разгромомъ того губительнаго дѣйствія, которое оказывала политика подавленія личности въ населеніи и истощенія его матеріальныхъ рессурсовъ, политика произвола бюрократіи и ея хищническаго хозяйничанія въ странѣ—не могла не отразиться на взглядахъ промышленниковъ.

Нужны—говоритъ докладная записка группы фабрикантовъ и заводчиковъ *центральнаго района* [1])—«коренныя реформы... Мы ясно видимъ, что сама промышленность, опредѣляющаяся дѣятельностью личности, ея развитіемъ, неприкосновенностью, полнотою ея иниціативы, зависящая отъ степени культурности и развитія народа, изъ котораго она черпаетъ свои рабочія руки, явно страдаетъ отъ общаго нестроенія».

Формулируя ту же мысль, *контора желѣзозаводчиковъ*—та самая, которая рекомендуетъ свою «записку» какъ «голосъ сотенъ милліоновъ рублей»—заявляетъ: «Положеніе промышленности находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ устойчивости правовой организаціи страны, отъ обезпеченности свободной иниціативы личности, отъ свободы науки и научной истины и отъ уровня просвѣщенія народа, изъ котораго она вербуетъ свои рабочія силы, тѣмъ болѣе производительныя, чѣмъ болѣе онѣ просвѣщены и матеріально обезпечены» [2]).

Говоря о нарушеніи промышленной жизни рабочими волненіями, записка *московскихъ* фабрикантовъ и заводчиковъ заявляетъ, что недовольство рабочихъ «при прочномъ правовомъ порядкѣ, при неотъемлемыхъ гарантіяхъ неприкосновенности личности, при свободѣ коалицій и союзовъ различныхъ группъ населенія, связанныхъ общностью интересовъ, могло бы вылиться въ спокойныя законныя формы борьбы... Отсутствіе въ странѣ прочнаго закона, опека бюрократіи, распространяющаяся на всѣ области русской жизни, выработка въ мертвыхъ канцеляріяхъ, далекихъ отъ всего того, что происходитъ въ неостанавливающемся теченіи бурнаго потока текущихъ жизненныхъ явленій, нормъ и правилъ на всѣ случаи многосложныхъ народныхъ потребностей, задерживаетъ развитіе хозяйственной жизни въ странѣ...» [3])

«Промышленность не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ народъ бѣдствуетъ»

---

[1]) Составлена въ февралѣ 1905 г. и подписана 47 наиболѣе крупными фирмами московск. пром. района съ болѣе чѣмъ 125.000 рабочими.

[2]) Записка эта (съ датой 28 января 1905 г.) подписана Норпе, Вольскимъ, Эрдели, Тилло и др. Изъ нея позаимствовали многое нѣкоторыя другія записки промышленниковъ.

[3]) Принята въ концѣ января 1905 г. въ собраніи болѣе чѣмъ 200 промышленниковъ, при громѣ апплодисментовъ, и подана предсѣдателю комитета министровъ, Витте.

заявляетъ записка *петербургскихъ* фабрикантовъ и заводчиковъ [1]). И далѣе: «Будущее и даже настоящее (металлической промышленности) зависитъ отъ потребленія желѣза населеніемъ», а это потребленіе «предполагаетъ непремѣннымъ условіемъ поднятіе народнаго благосостоянія, распространеніе образованія, развитіе промысловъ, коренное измѣненіе условій жизни сельскаго населенія, нынѣ приниженнаго, хозяйственно истощеннаго, бѣднаго» ..

Ту-же мысль проводитъ записка *уральскихъ* промышленниковъ [2]): «Духъ иниціативы и предпріимчивости, столь важный для развитія промышленности, живетъ только тамъ, гдѣ каждый увѣренъ въ строгомъ соблюденіи разумнаго и справедливаго закона, въ независимости суда, въ отсутствіи административнаго произвола... Протекціонизмъ полезенъ при подобающей *политической* обстановкѣ и экономической свободѣ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, при постоянной же опекѣ онъ приноситъ только вредъ. Главный тормазъ въ развитіи русской промышленности—это отсутствіе внутренняго рынка, вслѣдствіе голодовки крестьянскихъ массъ, ибо народный желудокъ—лучшій рынокъ».

Съ нѣсколько своеобразнымъ оттѣнкомъ, но та-же мысль проводится въ запискѣ *южныхъ горнопромышленниковъ*, всегда стоявшихъ въ переднихъ рядахъ промышленныхъ дѣятелей *дореволюціоннаго закала*. «Какая-бы то ни была промышленность—говорится въ ихъ запискѣ [3]) можетъ развиваться только при условіи существованія прочныхъ законовъ и *сильной власти* [4])—всѣми уважаемой и признаваемой. Она можетъ процвѣтать только среди народа, способнаго потреблять ея произведенія. Между тѣмъ, при существующемъ бюрократическомъ режимѣ, въ созданіи и отмѣнѣ законовъ существуетъ полный произволъ. Законъ поэтому не можетъ служить основаніемъ для правильнаго промышленнаго разсчета».

Достаточной опредѣленностью отличаются и самыя *политическія desiderata*, формулируемыя въ запискахъ промышленныхъ круговъ. Записка промышленниковъ *центральнаго района* требуетъ: «1) непоколебимаго равноправія всѣхъ и каждаго предъ прочнымъ закономъ, 2) полной неприкосновенности личности и жилища всѣхъ русскихъ гражданъ, 3) свободы слова и печати, такъ какъ лишь тогда возможенъ правильный и успѣшный ростъ промышленности и народнаго благосостоянія, 4) всеобщаго обязательнаго школьнаго обученія по расширенной программѣ и упрощеннаго порядка открытія всякихъ школъ, библіотекъ, читаленъ, просвѣтительныхъ учрежденій и обществъ, 5) участія представителей всѣхъ классовъ населенія, въ томъ числѣ отъ промышленниковъ и рабочихъ, въ выработкѣ законодательныхъ нормъ и бюджета».

Въ тѣхъ же выраженіяхъ формулированы политическія требованія и въ запискѣ *московскихъ* заводчиковъ и фабрикантовъ, а также *уральскихъ* промышленниковъ, причемъ послѣдніе еще прибавляютъ требованія свободы вѣроиспо-

---

[1]) Представлена 5-го февраля черезъ депутацію министру финансовъ отъ лица 83 фирмъ.

[2]) Составлена въ февралѣ 1905 года, въ связи съ Конторою Желѣзозаводчиковъ.

[3]) Принята и подписана 12-го марта 1905 года 18 членами Совѣта съѣзда и 11 горнопромышленниками, послана Авдаковымъ Министру Землед. и Гос. имуществъ 30-го марта.

[4]) Курсивъ нашъ здѣсь и вездѣ, гдѣ не оговорено противоположное.

вѣданія и «права сходокъ, собраній и союзовъ для рабочихъ и хозяевъ». Таковы-же политическія требованія резолюціи *Бакинскаго* биржевого общества [1]). Къ тому-же сводятся требованія *сахарозаводчиковъ*, позаимствовавшихъ свою формулу изъ резолюціи большинства земскаго съѣзда 6—8 ноября 1904 года: «Лишь господство законности, обезпечиваемое постояннымъ участіемъ свободно избранныхъ представителей народа въ осуществленіи законодательной власти и въ контролѣ надъ бюджетомъ и администраціей, въ силахъ спасти наше отечество отъ истерзавшихъ его колебаній государственной политики»—заявляетъ записка сахарозаводчиковъ [2]).

Указанныя двѣ черты, характерныя для всѣхъ записокъ промышленныхъ организацій періода отъ января до мая 1905 года, далеко, однако, не исчерпываютъ ихъ содержанія. Сюда привходятъ нѣкоторые другіе моменты, бросающіе весьма своеобразный свѣтъ и на приведенные два пункта.

Изъ этихъ моментовъ на первомъ планѣ стоитъ отношеніе промышленниковъ къ *экономическимъ* требованіямъ, выдвинутымъ *рабочимъ движеніемъ* этого періода.

Это движеніе пріобрѣло, какъ извѣстно, необычайно острый характеръ и—особенно съ 9-го января—стояло въ центрѣ общественнаго вниманія. Считаясь съ этимъ крупнѣйшимъ факторомъ революціоннаго броженія, правительство, наряду съ военно-полицейской расправой (9-го января и пр.), пыталось,—какъ оно это дѣлало, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, всегда раньше—усмирить волны рабочаго движенія, умасливая его экономическими уступками. Отсюда большой размахъ правительственныхъ законопроектовъ того времени въ защиту труда, натискъ министерства финансовъ на промышленниковъ, совѣщаніе 24-го января (объ этомъ подробнѣе ниже), созывъ комиссіи Шидловскаго и т. д.

Если въ прежнее, дореволюціонное время организованные промышленники энергично сопротивлялись законодательнымъ попыткамъ бюрократіи въ защиту труда, не брезгуя, какъ мы видѣли, никакими средствами—вплоть до выдвиганія народническихъ идиллій исключительно аграрнаго строя русской экономической жизни и отрицанія существованія въ Россіи капитализма и рабочаго класса, то теперь обстановка была иная, а потому и средства примѣнялись иныя для достиженія *той-же цѣли*. На лицо было широкое народное движеніе, сила котораго еще увеличивалась отъ нѣкоторыхъ уступокъ правительства. И вотъ рабочее движеніе, отъ котораго правительство хотѣло откупиться экономическими уступками, промышленники всячески стараются изобразить лишеннымъ экономической основы и коренящимся *исключительно* въ недостаткахъ *политическаго* механизма страны.

Этой тенденціей настолько сильно окрашены всѣ либеральныя записки промышленниковъ, что подчасъ онѣ производятъ впечатлѣніе выступленій не столько *въ защиту* необходимости *политическаго* переустройства, сколько *противъ* умѣстности *экономическихъ* уступокъ рабочимъ.

---

[1]) Принята 17-го февраля 1905 года (послѣ армяно-татарской рѣзни 6—10 февраля).

[2]) Обсуждалась многими сахарозаводчиками въ Кіевѣ въ февралѣ 1905 г.

«Промышленность не можетъ работать въ убытокъ—аргументируетъ цитированная выше записка *петербургскихъ* фабрикантовъ и заводчиковъ (февраль 1905 года)—и не можетъ руководствоваться мотивами благотворительности; состояніе ея тяжелое, и она даетъ рабочему только то, что можетъ дать. Съ развитіемъ народнаго образованія, съ увеличеніемъ благосостоянія населенія, съ ростомъ его потребностей поднимется и улучшится *естественнымъ путемъ* (!) матеріальное положеніе рабочаго класса... Обращеніе къ фабрикантамъ и заводчикамъ объ удовлетвореніи требованій рабочихъ даетъ основаніе предполагать, что вопросамъ объ экономическомъ положеніи рабочихъ отводится очень видная роль въ объясненіи послѣднихъ волненій; но это представляется ошибочнымъ. Даже отъ полнаго удовлетворенія всѣхъ требованій рабочихъ прочнаго успокоенія все-же ожидать нельзя, такъ какъ рабочее движеніе не возникло изъ общаго сознанія рабочихъ объ экономическихъ невзгодахъ, а возбуждено и поддерживается изъ окружающей среды».

«Давно минуло—увѣряетъ записка *конторы желѣзозавдчиковъ*—то время, когда интересы предпринимателя и рабочаго считались неизбѣжно непримиримыми. Опытъ всѣхъ промышленныхъ странъ доказалъ совершенно противоположное» (!).

Рабочее движеніе имѣетъ политическую почву—заявляетъ памятная записка *Костромскаго* Комитета торговли и мануфактуръ [1]),—«поэтому большинство проектируемыхъ нынѣ министерствомъ мѣропріятій будетъ только преждевременнымъ выступленіемъ на путь уступокъ рабочимъ, которыя породятъ лишь новыя требованія со стороны рабочихъ».

И вотъ всѣ записки упорно твердятъ: никакихъ экономическихъ уступокъ рабочимъ!

«Россія во всѣхъ своихъ частяхъ прогрессивно оскудѣваетъ и ея потребительная способность неуклонно сжимается»—пишутъ *желѣзозаводчики*. «Что-же, при такихъ условіяхъ, русскіе промышленники могутъ сдѣлать, сами по себѣ, для улучшенія быта рабочихъ? Въ лучшемъ случаѣ они могли-бы отказаться отъ справедливаго дохода со своихъ капиталовъ и употребить эти доходы на улучшеніе быта рабочихъ, т. е. превратить промыселъ въ благотвореніе... Итакъ не въ рукахъ русскихъ промышленниковъ находится судьба рабочаго вопроса и ключъ къ его разрѣшенію». Нужны «коренныя реформы, за необходимость которыхъ единодушно высказались земскіе дѣятели, представители городского самоуправленія и разныхъ другихъ обществъ и сословій».

Въ наиболѣе красочной формѣ проведена эта позиція въ запискѣ *петербургскихъ* фабрикантовъ и заводчиковъ. «Едва-ли не ошибка въ томъ, что правительство быстро реагируетъ на грубое проявленіе рабочихъ волненій и въ то-же время даетъ такъ мало вниманія гораздо болѣе сильному, болѣе обширному и, по существу своему, болѣе важному *общему* волненію, проявляющемуся, конечно, не въ насиліи и въ грубыхъ демонстраціяхъ, а въ формахъ мягкихъ и корректныхъ. Ни одинъ слой общества не имѣетъ такой *удачи* въ своихъ домогательствахъ, какъ рабочіе, которые уже отлично усвоили и помнятъ, что каждая крупная забастовка приносила имъ существенное улучшеніе, они помнятъ даты

---

1) Подана въ мартѣ 1905 года.

стачекъ и даты узаконеній по рабочему вопросу. Они увѣрены и сейчасъ, что настойчивымъ и единодушнымъ домогательствомъ, подкрѣпленнымъ массовыми демонстраціями, они быстро достигнутъ всего возможнаго и даже, быть можетъ, больше чѣмъ возможнаго при существующемъ режимѣ. Руководители рабочаго движенія достигнутъ снизу такихъ результатовъ, какіе для верхнихъ общественныхъ слоевъ будутъ недостижимы, и это будетъ *опасное* логическое послѣдствіе того факта, что къ *грубымъ демонстраціямъ* прислушиваются внимательнѣе, чѣмъ къ *заявленіямъ корректнымъ*».

«Все вышеизложенное—говоритъ записка въ заключеніе—приводитъ насъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, къ тому заключенію, что *ни какія либо уступки рабочимъ по частнымъ вопросамъ, ни пересмотръ фабричнаго законодательства* не могутъ вселить полнаго успокоенія въ тревожное состояніе рабочихъ. Средствомъ же безспорно дѣйствительнымъ къ умиротворенію рабочаго движенія въ будущемъ или, по крайней мѣрѣ, къ устраненію въ немъ той жгучести, какая теперь въ немъ наблюдается, являются болѣе глубокія реформы *общегосударственнаго* характера».

Даже одно прямое *положительное* требованіе—свободы рабочихъ организацій,—выдвигаемое теперь въ заявленіяхъ промышленниковъ, оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, только средствомъ для достиженія отрицательной цѣли: *устраненія* законодательной защиты труда. Пусть рабочіе и хозяева имѣютъ возможность организованно регулировать свои отношенія, но пусть государство предоставитъ рабочихъ ихъ собственнымъ силамъ. Или, какъ формулировалъ это положеніе горнопромышленникъ Ауэрбахъ: «Очень опасно стремленіе сокращать законодательнымъ порядкомъ продолжительность рабочаго времени... Гораздо основательнѣе предоставить сокращеніе рабочаго дня соглашенію работодателей съ рабочими и ихъ организаціями [1]).

Впрочемъ, исходная точка промышленниковъ болѣе непосредственно отражается и на самыхъ *политическихъ требованіяхъ*, формулированныхъ въ ихъ запискахъ: въ требованія свободы слова, печати и пр. очень искусно вплетены требованія, прямо направленныя *противъ рабочихъ*. Такъ, въ запискѣ *московскихъ* заводчиковъ и фабрикантовъ въ обычныя требованія свободъ вкраплены пункты: «4) право для каждаго рабочаго поступать на работу на условіяхъ, какія онъ найдетъ для себя пріемлемыми, если только они не противозаконны, 5) личность рабочаго законнымъ порядкомъ должна быть ограждена отъ насилій рабочихъ стачечниковъ, если, не сочувствуя объявленной стачкѣ, рабочій присоединиться къ ней не желаетъ (знаменитый «Schutz der Arbeitswilligen»! А. Е.) 6) Владѣльцы промышленныхъ предпріятій свободны въ установленіи распорядковъ фабрики, рабочей платы, выработкѣ расцѣнокъ, назначеніи и выборѣ служащихъ».

То-же требованіе «огражденія личности рабочаго, желающаго работать» вплетено и въ записку фабрикантовъ и заводчиковъ *центральнаго* района.

Значеніе и смыслъ либеральныхъ записокъ промышленниковъ модифици-

---

[1]) Докладъ комиссіи Ауэрбаха, „Труды“ 31-го съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи.

руется въ зависимости не только отъ приведеннаго момента — стремленія оставить безъ удовлетворенія спеціальныя требованія рабочаго движенія.

Для правильной оцѣнки періода записокъ первой половины 1905 г. необходимо еще прежде всего остановиться на вопросѣ: съ какого момента начинается этотъ періодъ, *послѣ какихъ событій* открылся потокъ политическихъ либеральныхъ записокъ промышленныхъ организацій. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, на первый взглядъ, даетъ одна записка — конторы желѣзозаводчиковъ: «Послѣ того какъ русская желѣзная промышленность перестала быть главнымъ образомъ поставщицей по казеннымъ заводамъ, послѣ того какъ русскому желѣзному промышленнику пришлось усиленно искать сбыта своимъ товарамъ среди частныхъ потребителей, неустойчивость нашей жизни, съ крайне слабой потребительской способностью страны, стала для русскаго желѣзнаго промышленника очевиднымъ крайне тягостнымъ явленіемъ».

Но вполнѣ-ли точенъ этотъ отвѣтъ «желѣзныхъ» промышленниковъ, воспроизводящій мысль, формулированную на банкетѣ инженеровъ 5 декабря 1904 г.? Что указанное тутъ измѣненіе въ положеніи русской промышленности вообще и металлической въ частности было для нея тягостнымъ — совершенно очевидно. Но вѣдь это положеніе создалось гораздо раньше 1905 г., за цѣлыхъ 5 лѣтъ до него. А между тѣмъ мы тщетно искали въ поведеніи промышленныхъ организацій до конца 1904 г. признаковъ пониманія даже той элементарной истины, что для нормальнаго развитія промышленности необходимо широкими мѣропріятіями направить политику государства въ сторону поднятія «крайне слабой потребительской способности страны». Еще меньше мысль промышленниковъ въ дореволюціонный періодъ проникалась политическими требованіями записокъ 1905 года: наоборотъ, весь этотъ періодъ промышленныя организаціи держались въ сторонѣ отъ политической оппозиціи и даже подъ самый конецъ его способны были, какъ мы видѣли [1]), проникаться заботами о сохраненіи въ цѣлости старой абсолютистской системы.

Очевидно, какъ ни навязывало объективное положеніе вещей промышленникамъ формулированный желѣзозаводчиками въ 1905 г. выводъ, но усвоенію его препятствовала унаслѣдованная отъ предыдущаго періода классовая психологія промышленной буржуазіи. Очевидно, необходимы были еще другія условія, которыя-бы устранили это препятствіе.

Ближе подходятъ къ отвѣту на поставленный выше вопросъ тѣ мѣста записокъ, гдѣ подчеркивается сила царящихъ кругомъ волненій, смуты. Непрекращающееся общественное броженіе, съ одной стороны, дезорганизовало всю промышленную жизнь страны, съ другой — производило впечатлѣніе растущей, *непреодолимой* стихіи, которая, рано или поздно, возьметъ свое. Въ этомъ отношеніи особенную роль сыграли событія 9-го января и послѣдовавшая за ними стачечная волна [2]).

---

[1]) Напримѣръ, въ вопросѣ о рабочихъ старостахъ. См. „Обществ. движеніе въ Россіи, т. I, стр. 325, 328 и др.

[2]) Нѣтъ *ни одного* либеральнаго выступленія промышленниковъ, которое бы предшествовало 9 января, если не считать сочувствія моск. биржеваго комитета моск. городской думѣ за ея либеральное постановленіе 30 ноября 1904 г. (объ этомъ

О «грандіозной и небывалой, можно сказать, исторической стачкѣ, наблюдавшейся только-что въ С.-Петербургѣ», говоритъ записка *московскихъ* заводчиковъ и фабрикантовъ. Она же ссылается, какъ мы видѣли, на «неостанавливающееся теченіе бурнаго потока текущихъ жизненныхъ явленій». Та же сила впечатлѣнія отъ «бурнаго потока» отражается и въ другихъ запискахъ. Особенно характерный въ этомъ отношеніи вопль содержитъ записка *сахарозаводчиковъ*, которая говоритъ: «Еще большія опасности, нежели рабочее движеніе, несетъ для сахарной промышленности надвигающаяся гроза крестьянскихъ волненій». И далѣе: «Вооруженная сила еще можетъ оградить фабриканта противъ обостряющагося рабочаго движенія; наряды войскъ могутъ охранять ютящіяся по городамъ фабрики отъ буйства разошедшейся толпы. Но какая вооруженная сила въ состояніи оберечь раскиданные по лицу всей нашей безпредѣльной равнины заводы и усадьбы»?

Другой моментъ, повышавшій градусъ оппозиціонности промышленныхъ круговъ, это—политическія заявленія общественныхъ *верховъ*, все болѣе разраставшіяся и примыкавшія къ непрекращающемуся движенію низовъ. Безконечные банкеты, съѣзды земскихъ дѣятелей, многочисленныя записки и резолюціи общественныхъ органовъ и самочинныхъ организацій и собраній—все это создавало картину непреодолимаго, *общенаціональнаго* движенія, охватывающаго всѣ слои населенія. На это выступленіе другихъ слоевъ и ссылаются непрестанно промышленники въ своихъ обращеніяхъ къ власти, какъ бы объясняя этой ссылкой свою смѣлость.

«Мы думали—заявляетъ *московская* записка—что и намъ, фабрикантамъ и заводчикамъ, своевременно было бы, подобно тому, какъ это сдѣлали и другіе представители существующихъ организацій, поднять свой голосъ и заявить»...

Контора «не могла остаться безучастной къ тому движенію—гласитъ записка *желѣзозаводчиковъ*—которое объяло рабочій людъ всей Россіи... Нужны коренныя реформы, за необходимость которыхъ единодушно высказались земскіе дѣятели, представители городскихъ самоуправленій и разныхъ другихъ обществъ и сословій».

Необходимы свободы и коренныя реформы всему населенію, такъ какъ этого уже требовали разныя общества и собранія, а также указы 12-го декабря и 18-го февраля—заявляетъ записка *костромского* комитета торговли и мануфактуръ.

Послѣдняя ссылка на правительственные указы [1])—непосредственно приводитъ насъ къ третьему фактору, который не меньше, а то и больше другихъ подбадривалъ оппозиціонныя ноты въ заявленіяхъ крупно-промышленныхъ кру-

---

рѣчь ниже). Упоминаемая часто резолюція, принятая на банкетѣ у Контана (5 декабря 1904 г.), подписана 485 лицами, изъ которыхъ 149 инженеровъ разныхъ спеціальностей и 26 профессоровъ не-инженеровъ (въ томъ числѣ 15 генераловъ). Если всѣхъ остальныхъ 40 человѣкъ и принять за промышленниковъ, то они все же составляли ничтожную долю собранія и активной роли въ немъ не играли.

[1]) Такая же ссылка встрѣчается и въ другихъ запискахъ; съ нея, напримѣръ, прямо начинается записка южныхъ горнопромышленниковъ, точно воспроизводящая формулу указа 18-го февраля.

говъ. Для осторожныхъ и практическихъ дѣятелей промышленности мало было дѣйствія указанныхъ двухъ факторовъ: необходимо было еще, чтобы сама правящая *бюрократія*, противъ которой движеніе было направлено, рядомъ уступокъ пошла на встрѣчу этому движенію и этимъ *санкціонировала* его въ глазахъ тѣхъ, кто всѣмъ своимъ прошлымъ былъ воспитанъ въ духѣ мирнаго, дружнаго сожительства съ самовластной бюрократіей.

Понятно, поэтому, какую важную роль сыгралъ въ зарожденіи промышленнаго либерализма указъ 12-го декабря 1904 г., ставившій на видъ въ близкомъ будущемъ «крупныя внутреннія преобразованія». Еще большую, конечно, роль сыгралъ въ этомъ отношеніи рескриптъ на имя Булыгина отъ 18-го февраля 1905 года о «привлеченіи довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній», а также указъ сенату, приглашавшій частныхъ лицъ и учрежденія высказаться объ «усовершенствованіи государственнаго благоустройства» [1]).

При всей осторожности и двусмысленности этихъ торжественныхъ признаній и обѣщаній, они имѣли *огромное вліяніе* на господствующія представленія о соотношеніи борющихся силъ: въ глазахъ населенія вообще, промышленниковъ въ частности, напирающія на старый строй силы вырастали, благодаря уступкамъ правительства, до размѣровъ не боящейся никакихъ препятствій колоссальной мощи, самый же строй этотъ представлялся со всѣми признаками прогрессирующаго безсилія.

Къ тому же результату, впрочемъ, велъ съ самаго начала японской войны весь потокъ развертывавшихся необычайныхъ событій—точно все это была не дѣйствительность, а нарочито созданная фантазіей сказка. Всѣ Ляояны и Мукдены, гульскій инцидентъ и гибель «Петропавловска» съ Макаровымъ, паденіе Портъ-Артура, затѣмъ Цусимскій позоръ, вскрывшіяся въ связи съ войной глубокія язвы всей бюрократической системы и обнаружившееся интенсивное броженіе во всѣхъ слояхъ населенія, не исключая арміи и флота—все это было точно нарочито придумано для того, чтобы концентрированнымъ свѣтомъ необычайно яркихъ событій выставить фонды стараго режима въ *утрированно* жалкомъ, безнадежномъ свѣтѣ. Казалось, что этотъ режимъ, въ конецъ опозоренный, ждетъ только толчка, чтобъ рухнуть навсегда, безслѣдно. Даже *губернскіе предводители дворянства* писали въ своей запискѣ:«Россія — въ преддверіи анархіи; осталась *только тѣнь правительства*... Во всей Россіи теперь умы кипятъ, а чувства пылаютъ... Самые благонамѣренные люди и сторонники порядка видятъ, что *правительство нравственно рухнуло*» [2]).

На безсиліе тогдашней правительственной власти указываютъ въ своихъ запискахъ и промышленники, обнаруживая тоску по сильной власти, необходимой для правильнаго хода «дѣлъ». Мы уже встрѣтились съ указаніемъ записки

---

[1]) Изъ числа нѣсколькихъ десятковъ извѣстныхъ намъ политическихъ записокъ и выступленій промышленниковъ только *одна* записка желѣзозаводчиковъ (да еще составленная подъ ея вліяніемъ записка московскихъ фабрикантовъ) составлена раньше 18-го февраля (но, конечно, *послѣ* 12-го декабря и 9-го января).

[2]) Записка 26 губ. предводителей дворянства, см. „Освобожденіе“ № 75.

южныхъ горнопромышленниковъ на необходимость «сильной власти, всѣми уважаемой и признаваемой»; между тѣмъ теперь «обнаружилась—говоритъ записка—полная несостоятельность власти бюрократіи, *не находящей въ себѣ силы* обезпечить неприкосновенность имущества частныхъ лицъ отъ разрушительныхъ инстинктовъ некультурной толпы»... Совѣщаніе же уральскихъ горнопромышленниковъ [1]) прямо объясняетъ рабочія волненія «шатаніемъ и безсиліемъ власти».

Въ той же мѣрѣ, въ какой падалъ въ глазахъ промышленниковъ и другихъ классовъ кредитъ старой власти, выростало представленіе о силѣ революціи. «Русскіе желѣзные промышленники—говоритъ записка желѣзозаводчиковъ—какъ классъ интеллигентный и преданный престолу, обязаны заявить Вашему Высокопревосходительству, что настроеніе народныхъ массъ въ странѣ является грознымъ предостереженіемъ, что *никакими репрессіями не остановить движенія*, имѣющаго глубокіе корни въ народѣ, съ каждымъ днемъ дающаго все новые и новые ростки»...

Тогда никто не вѣрилъ въ силу репрессій. Въ этотъ замѣчательный періодъ массоваго увлеченія идеями политической свободы, всѣхъ, не исключая и самой бюрократіи, охватила *иллюзія абсолютно неизбѣжной скорой побѣды революціи* надъ старымъ режимомъ. Всѣмъ казалось, что, разъ «во всей Россіи умы кипятъ, а чувства пылаютъ», то та организація, которая представляетъ собою «только тѣнь правительства» и которая уже «нравственно рухнула»—если не сегодня, то обязательно завтра рухнетъ и физически, безслѣдно. Это была пора, когда среди лицъ, подписывавшихъ рѣзкія оппозиціонныя записки, фигурировали элементы, обычно чуждые политикѣ; когда революціонные митинги устраивали гимназисты; когда требованія предъявляли собранія чиновниковъ и полицейскихъ; когда отрицательное отношеніе къ старому строю проникало и въ среду святѣйшаго синода.

И если въ такой исключительной обстановкѣ, при такой всеобщей *переоцѣнкѣ силъ революціи* и *недооцѣнкѣ степени жизнеспособности до-революціоннаго строя*, практичные дѣятели промышленности, отдавая дань носящейся въ воздухѣ иллюзіи, стали поворачиваться спиною къ «тѣни правительства», то неудивительно, что они способны были порою стать выше своихъ собственныхъ органическихъ тенденцій. «Совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ *далеко не поклонница всеобщаго избирательнаго права*»—заявляли желѣзозаводчики въ своей запискѣ нѣсколько позже, когда старая власть достигла кульминаціонной точки своихъ уступокъ революціи, издавъ манифестъ 17-го октября—«однако рабочее движеніе показало» и пр. и потому контора «проситъ исходатайствовать *безотлагательно* актъ, возвѣщающій участіе въ государственной Думѣ представителей всего народа, избранныхъ *всеобщимъ* голосованіемъ».

. Въ такомъ же духѣ подано было заявленіе въ *нижегородскій* биржевой комитетъ еще до 17-го октября. Здѣсь говорится, между прочимъ: «Теперь, когда мы стоимъ, повидимому, *передъ лицомъ полной революціи*, мы, какъ *умѣренные элементы*, вновь должны указать правительству, вновь умолять

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1905 г., см. „Трудъ Инженера и Техника“ № 13.

его дать Россіи правильное народное представительство, т. е. основанное на *всеобщемъ* избирательномъ правѣ и съ *законодательною* властью».

Послѣ всего изложеннаго не приходится удивляться и тому, что промышленниковъ *не отталкивала* отъ оппозиціонной волны *чрезмѣрная* для нихъ *требовательность рабочаго движенія;* что ихъ либерализмъ не разлагался отъ дѣйствія такъ называемаго «соціальнаго испуга»: его вліяніе совсѣмъ не было замѣтно, пока линія революціоннаго движенія шла въ гору, а положеніе абсолютизма продолжало казаться безнадежнымъ. Промышленники не только считали экономическія требованія рабочихъ чрезмѣрными, они это постоянно подчеркиваютъ въ своихъ запискахъ въ самыхъ *утрированныхъ* выраженіяхъ. «Экономическія требованія рабочихъ завѣдомо непріемлемы... Они сами убѣждены, что ихъ требованія будутъ отвергнуты» — увѣряетъ записка *московскихъ* заводчиковъ и фабрикантовъ. «Большинство заявленныхъ рабочими требованій часто были такъ неумѣренны, такъ явно неосуществимы, что и сами рабочіе не придавали имъ серьезнаго значенія»—заявляетъ записка фабрикантовъ и заводчиковъ *центральнаго* раіона.

Пусть эти утвержденія грубо-тенденціозны, пусть въ нихъ сквозитъ то-же стремленіе отвлечь вниманіе отъ спеціальныхъ требованій рабочихъ въ сторону общенаціональныхъ *политическихъ* требованій. Но все же нельзя отрицать того факта, что формулировка рабочихъ требованій въ то время отличалась большимъ размахомъ. Есть даже отдѣльный случай, когда вызываемый этимъ «соціальный испугъ» нашелъ себѣ болѣе или менѣе откровенное выраженіе. Этотъ случай представляетъ намъ, конечно, самая старая промышленная организація, наиболѣе прочно сложившаяся въ дореволюціонный періодъ и наиболѣе органически связанная съ старымъ политическимъ режимомъ. Мы имѣемъ въ виду организацію *южныхъ горнопромышленниковъ*,—собственно не всю ее, а отдѣльную группу членовъ, подписавшихъ особое «добавленіе» къ выше цитированной запискѣ южныхъ горнопромышленниковъ отъ 12-го марта 1905 года. «Настоящее волнующееся положеніе государства—гласитъ сущность этого добавленія—не позволяетъ, однако, спокойно заниматься проведеніемъ всѣхъ намѣченныхъ мѣропріятій, вслѣдствіе чего въ данный моментъ безусловно необходимо *быстрое успокоеніе* государства *какими-бы то ни было мѣрами*».

Изъ подписавшихъ это добавленіе пяти лицъ [1]) одно—Размарица, завѣдующій горнопромышленнымъ обществомъ «Желтая Рѣка» въ Кривомъ Рогѣ—подало еще «особое мнѣніе», которое любопытно не только по своей чудовищной безграмотности. «Движенія заводскихъ и рудничныхъ рабочихъ, не вытекая изъ экономическаго быта ихъ, блестяще обставленнаго по сравненію съ крестьянами и рабочими-земледѣльцами, указываетъ, что движеніе это политическое, обоснованное на соціалдемократической пропагандѣ и требующихъ реформъ государственныхъ и общества въ размѣрахъ, далеко превосходящихъ наши желанія, выражаемыя въ сегодняшней запискѣ... Въ ней мы, идя какъ бы параллельно съ желаніями рабочихъ, тѣмъ не менѣе, точно умышленно, замалчиваемъ о

[1]) Размарица, Н. Шелгуновъ, С. Пастуховъ, И. Степановскій и А. Рутченко (послѣдній противъ словъ „какими бы то ни было мѣрами“).

вопросахъ чисто соціальныхъ, а вѣдь идеалы *этого соціализма* довольно ясно выступаютъ въ пунктахъ заявленій рабочихъ (участіе въ расцѣнкахъ, вмѣшательство въ права администраціи, сокращеніе рабочаго времени при увеличеніи заработной платы и проч.); эту часть мы обходимъ... Намъ, какъ представителямъ горнопромышленныхъ предпріятій, людямъ, которымъ ввѣрены огромные чужіе капиталы, необходимо *сейчасъ же безотлагательно* обратиться къ правительству съ просьбою *объ охраненіи порядка* на промыслахъ и защиты отъ произвола и грабежей толпы, еще не перевоспитанной. Это во власти правительства, и *всякое правительство это сдѣлаетъ*».

Таково было мнѣніе одного г. Размарицы. Остальные же промышленники далеки были отъ мысли, что «всякое» правительство это сдѣлаетъ. Мы видѣли, какъ даже горнопромышленники констатировали, что бюрократія «не находитъ въ себѣ *силы* обезпечить неприкосновенность имущества частныхъ лицъ», а другіе промышленники не меньше раздѣляли господствующее представленіе о безсиліи и близости конца старой бюрократической системы.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, подавляющее большинство промышленниковъ, всячески стараясь отдѣлаться отъ экономическихъ требованій рабочихъ, въ общемъ единодушно варьировало въ своихъ запискахъ одинъ и тотъ же ходъ мыслей: при существующихъ условіяхъ промышленность не можетъ развиваться; кругомъ-ростущая смута изъ-за недостатковъ существующаго политическаго строя; всѣ слои требуютъ политическихъ реформъ; само правительство признало и обѣщало, а потому и т. д.

Что же касается момента «соціальнаго испуга», то ему суждено было сказаться *позже*—когда линія общественнаго движенія стала уже клониться *внизъ*, когда дружный общественный натискъ на абсолютизмъ, истощивъ весь запасъ силъ, остановившись передъ вопросомъ «какъ» въ большемъ затрудненіи, чѣмъ передъ вопросомъ «что», сталъ проявлять вялость и этимъ давалъ бюрократіи все больше возможности оправиться и вернуть потерянныя позиціи.

А до этого момента крупно-буржуазные круги, стоя въ сторонѣ отъ самой гущи общественной борьбы, внимательно, однако, присматривались къ ея ходу и *учитывали*, какъ могли, ея результаты. Привыкшіе «*долго думать, прежде чѣмъ рискнуть кому-нибудь оказать кредитъ*» [1]) промышленники находили теперь, что акціи стараго режима падаютъ съ головокружительной быстротой, и не прочь были попробовать предоставить кредитъ нарождающемуся новому порядку.

II. Отношеніе къ рабочему вопросу въ періодъ либеральныхъ записокъ.

Борьбу противъ экономическихъ требованій рабочаго движенія промышленники вели не только контрабандным способомъ въ своихъ либеральныхъ запискахъ, но и другими методами—всегда *рѣшительными и организованными*. Вся первая половина 1905 года наполнена рядомъ съѣздовъ, совѣщаній, ходатайствъ, ходъ и содержаніе которыхъ представляетъ не мало любопытныхъ, даже драматическихъ моментовъ.

---

[1]) Выраженіе С. Морозова на обѣдѣ, данномъ купечествомъ Витте въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1896 г. (См. т. I, стр. 348).

Главнымъ мѣстомъ дѣйствія является Петербургъ, а исходнымъ моментомъ массовое движеніе, связанное съ *9-мъ января*. Еще до этого дня промышленники петербургскаго района, обезпокоенные стихійнымъ броженіемъ рабочихъ массъ, собрались на рядъ совѣщаній для выработки общаго плана дѣйствій. Въ то же время они вели непрерывныя сношенія съ Коковцевымъ—предсѣдателемъ намѣченной правительствомъ комиссіи «по упорядоченію быта рабочихъ».

Общій ходъ этихъ сношеній и переговоровъ мы можемъ описать словами изъ рѣчи самого Коковцева, произнесенной скоро послѣ этого въ предварительномъ совѣщаніи фабрикантовъ и заводчиковъ петерб. района 24-го января. «Около 2 недѣль тому назадъ—говорилъ Коковцевъ—всѣ присутствующіе нынѣ представители частной промышленности выдвинули послѣдовательность, *стойкость и твердость* со стороны фабрикантовъ, какъ средство борьбы съ пародившимся рабочимъ движеніемъ». Одну категорію требованій вы признали разрѣшимой только въ законодательномъ порядкѣ; къ другой—частныя требованія—«представители промышленности отнеслись тогда скорѣе отрицательно, не предполагая идти на встрѣчу запросамъ рабочихъ, а спокойнымъ и *твердымъ отпоромъ* водворяли нарушенное спокойствіе въ ходѣ промышленной жизни. Однако, 7-го января явившіеся въ министерство финансовъ представители промышленности обнаружили уже другое отношеніе къ происходящему среди рабочихъ броженію. Мѣсто спокойнаго ожиданія смѣнила замѣтная *тревога*. Фабриканты утратили увѣренность въ прекращеніи волненія заявленными ими наканунѣ средствами и просили министерство финансовъ придти имъ на помощь».

Упоминаемое Коковцевымъ постановленіе относительно различныхъ категорій требованій рабочихъ было выработано на десяти собраніяхъ петербургскихъ промышленниковъ и формулировано въ видѣ резолюціи слѣдующаго содержанія: 1) «общіе пункты рабочихъ требованій (8 часовой раб. день, отмѣна штрафовъ, участіе въ распорядкахъ) *не подлежатъ обсужденію*», они должны быть рѣшены въ законодательномъ порядкѣ (при участіи промышленниковъ); 2) относительно частныхъ требованій «признано вообще *несоотвѣтственнымъ входить въ обязывающія отношенія* съ рабочими, но въ частности, въ цѣляхъ успокоенія, приходится вести переговоры»; 3) такъ какъ рабочіе «вовлечены въ движеніе причинами внѣшними, не экономическаго характера» и «отсутствуетъ взаимное озлобленіе», то «*въ данномъ случаѣ* штрафовъ не примѣнять, зачинщиковъ и главарей не искать и не карать» [1]) и собрать средства для помощи семьямъ рабочихъ, пострадавшихъ 9-го января, а распредѣленіе пособій предоставить Спб. Обществу для содѣйствія улучшенію и пр.; 4) «Не желая создать ложнаго прецедента на будущее время, постановлено *не платить* рабочимъ *за время забастовки*, но, идя навстрѣчу возможной крайней нуждѣ, оказать помощь въ видѣ безвозвратныхъ пособій по усмотрѣнію владѣльцевъ».

---

[1]) Въ этихъ „великодушныхъ“ постановленіяхъ чувствуется уже рѣшительный, боевой тонъ союза работодателей, каковымъ скоро конституировалось петерб. „Общество для содѣйствія улучшенію“ и пр. (петерб. общество фабрик. и заводчиковъ).

Явившіеся съ такими директивами на совѣщаніе 24-го января, 400 фабрикантовъ и заводчиковъ должны были выдержать тутъ энергичную аттаку министерства финансовъ.

«Изданіе новыхъ законовъ о рабочихъ—доказывалъ Коковцевъ — не можетъ устранить потребности въ мѣрахъ менѣе рѣшительныхъ и общихъ, но за то быстрыхъ и легко осуществимыхъ... На выработку законовъ требуется время... Отложивъ разрѣшеніе вопросовъ, требующихъ законодательной санкціи, совѣщанію надлежитъ перейти къ разрѣшенію частныхъ вопросовъ, затронутыхъ и въ выставленныхъ рабочими требованіяхъ»... Обращаюсь къ вамъ «съ пожеланіемъ скорѣйшаго *перехода* отъ такихъ импульсовъ къ *дѣлу* и къ осуществленію возложенныхъ на васъ надеждъ и правительствомъ, и печатью, и общественнымъ мнѣніемъ. Нельзя забыть, что *общественное мнѣніе* имѣетъ въ настоящее время огромное значеніе... Министерство не желаетъ, да и по закону не облечено для этого властью стѣснять свободную волю промышленниковъ. Я не предъявляю къ вамъ никакихъ требованій и лишь предлагаю перейти отъ добрыхъ намѣреній къ плодотворному дѣлу. Не требованіе и насиліе, *не приказъ, а дружескій совѣтъ* осуществить выработанныя въ ихъ-же средѣ (? А. Е.) пожеланія должны усмотрѣть промышленники въ настоящемъ обращеніи къ нимъ министа финансовъ».

Краснорѣчіе министра финансовъ оказывало, однако, весьма слабое дѣйствіе. Промышленники всячески отпирались, ссылаясь на ожидаемые законодательные акты, а съ другой стороны тутъ-же заявляли, что нельзя принять одинаковыя мѣры для всѣхъ отраслей промышленности и т. д. Министръ финансовъ попробовалъ перейти къ иному тону и «*въ энергичной* рѣчи» [1]) заявилъ, что онъ и не предлагаетъ изобрѣсти универсальное средство для окончательнаго рѣшенія рабочаго вопроса, онъ только «хочетъ, чтобъ фабриканты согласно выраженному ими-же самими ранѣе желанію, выяснили, что они могутъ сдѣлать *теперь*... безъ участія законодательной санкціи».

Но и «энергія» министра не помогла. Не менѣе энергичные промышленники, очевидно, ободренные фактомъ непосредственнаго подавленія движенія 9-го января, твердо стояли на своемъ. Опять выступилъ лидерствовавшій и раньше директоръ Путиловскаго завода, Смирновъ, настаивая на томъ, что «частичныя уступки вредны». Онъ же выдвинулъ и новый пріемъ, чтобъ избавиться отъ приставаній министра финансовъ: надо, молъ, разбиться по группамъ (по отраслямъ производства) и такимъ путемъ обсудить вопросъ...

На томъ и разошлись. Мнѣніе правительства о поведеніи фабрикантовъ въ совѣщаніи 24-го января формулировали сами петербургскіе фабриканты и заводчики во вступительныхъ словахъ упомянутой уже записки, поданной 5-го февраля: «Совѣщаніе это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и было истолковано въ томъ смыслѣ, что представители промышленности *не желаютъ понять нуждъ и интересовъ рабочаго класса* и ожидаютъ лишь уступокъ рабочимъ и мѣръ со стороны правительства»...

Не прошло и мѣсяца, какъ позиція промышленниковъ обнаружилась недву-

---

[1]) Выраженіе „Горнозаводскаго Листка“, № 12—13, стр. 7634.

смысленно: 22-го февраля состоялось, подъ предсѣдательствомъ Глезмера, общее собраніе петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ для обсужденія плана дальнѣйшихъ дѣйствій въ виду закрытія комиссіи Шидловскаго. Собраніе рѣшило: нѣтъ основаній для дальнѣйшаго существованія «комиссіи фабрикантовъ и заводчиковъ»; поэтому остались *безъ разсмотрѣнія* докладныя записки по рабочему вопросу. Былъ тутъ формулированъ и мотивъ такого рѣшенія: «рабочее движеніе *постепенно затихаетъ* и стачки уже не носятъ того стихійнаго характера, какой имѣли раньше» [1])... Соображеніе откровенное, хотя и поспѣшное.

Такую позицію заняли не только петербургскіе промышленники. Южные горнопромышленники собрались 21 февраля на совѣщаніе, организованное ихъ совѣтомъ съѣздовъ. Совѣщаніе высказалось: 1) противъ всякаго сокращенія рабочаго времени на рудникахъ и безусловно противъ сокращенія его на заводахъ ниже 10-ти-часовой нормы, ибо «частныя предпріятія назначены для того, чтобы давать *хоть небольшую* прибыль вложеннымъ въ нихъ капиталамъ»; 2) противъ нормированія заработной платы, ибо она есть результатъ *свободнаго* соглашенія между предпринимателемъ и рабочимъ; 3) за сверхурочныя работы, какъ «непринудительныя»; 4) противъ платы за время забастовки; 5) противъ голоса особой комиссіи выборныхъ отъ рабочихъ въ дѣлѣ увольненія рабочихъ; 6) противъ участія рабочихъ въ опредѣленіи расцѣнокъ; 7) противъ отмѣны штрафовъ, «ибо въ такомъ случаѣ исчезаетъ всякая возможность воздѣйствовать на правильность отношенія рабочихъ къ своимъ обязанностямъ»; 8) противъ безплатнаго предоставленія квартиръ, отопленія и воды [2]).

Особенное негодованіе вызывало въ промышленныхъ кругахъ проектируемое Коковцевымъ введеніе 10-ти-часового рабочаго дня (для ночныхъ работъ 9-ти-часового).

Предсѣдатель Совѣта съѣзда южныхъ горнопромышленниковъ, ф.-Дитмаръ, выпустилъ обширную записку съ такими аргументами, какъ «не обосновано», «недостаточно, такъ какъ охватываетъ не всѣ категоріи рабочихъ» и пр. Комиссія Алмазнаго района донецкаго бассейна «вычислила», что 10-ти-часовой рабочій день подниметь стоимость добычи угля до 0,4 коп. съ пуда. Записка петербургскаго Общества для содѣйствія и пр. тоже «вычислила», что 10 час. день увеличитъ расходы производства въ размѣрѣ 10—30 процентовъ заработной платы. Ясюковичъ и Вольскій нѣсколько позже тоже «высчитывали», что даже отъ введенія $10^1/_2$ часового рабочаго дня «выплавка чугуна удорожилась бы не менѣе, чѣмъ на 1,25 коп. съ пуда, а выдѣлка готоваго металла стала бы дороже даже на 5,5 коп. съ пуда. Число же рабочихъ необходимо было бы увеличить на 41,86%. А вообще примѣненіе министерскаго законопроекта въ жизни нашей южной металлургіи должно обойтись не дешевле 7.900.000 руб. въ годъ» [3]).

Не ограничивая своей борьбы «теоретической» аргументаціей, промышленныя организаціи мобилизовали свои силы и организовались для сопротивленія

---

[1]) „Горнозаводскій Листокъ“ № 12—13, стр. 7640.

[2]) См. „Труды“ 30-го съѣзда горнопром. юга Россіи.

[3]) См. „Труды“ 31 съѣзда горнопром. юга Россіи.

по всему фронту. Уполномоченный на это московскій биржевой комитетъ избралъ особую комиссію, которая въ засѣданіяхъ 14, 18, 22 и 28 февраля и 4 и 8 марта выработала планъ *«заключенія конвенціи* между фабрикантами на предметъ установленія для ея участниковъ перечня тѣхъ требованій, по которымъ *уступки не должны быть допускаемы»*. Установлены были пункты «насилія, которое должно быть безусловно караемо; среди нихъ»: 1) предъявленіе требованій скопомъ и большой толпой; 2) всякія угрозы и насилія по отношенію лицъ, желающихъ продолжать работу, и лицъ, желающихъ вновь за нее приняться; 3) всякое уничтоженіе и порча заводскаго имущества; къ такой же порчѣ относится и всякая неизбѣжная порча имущества, происходящая отъ внезапной остановки работъ.

Принято было 7 пунктовъ конвенціи между фабрикантами и заводчиками: 1) о рабочемъ днѣ—не сокращать, ждать рѣшенія въ законодательномъ порядкѣ; 2) оплата времени забастовки—«невозможна, ибо привела бы промышленность въ безвыходное положеніе»; 3) участіе рабочихъ въ опредѣленіи заработной платы и правилъ внутренняго распорядка невозможно, ибо это «элементы свободнаго договора между обѣими сторонами»; 4) не допустима комисія для увольненія рабочихъ съ участіемъ представителей отъ рабочихъ, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ; 5) отмѣна штрафовъ невозможна; 6) минимумъ заработной платы явился бы преміей для наиболѣе лѣнивыхъ рабочихъ и удорожилъ бы продукты за счетъ потребителей; 7) обязательныя сверхурочныя работы не поддаются нормировкѣ.

Въ заключеніи этой знаменательной «конвенціи», могущей составить весьма своеобразную рамку для одновременно составлявшихся тѣми же промышленниками либеральныхъ политическихъ записокъ, говорится: «Было бы несправедливо и *произвело бы дурное впечатлѣніе на рабочихъ*, если бы фабриканты, добиваясь извѣстной организаціи для себя, не высказались бы въ пользу допущенія таковой для рабочихъ», а потому «не входя въ детальное разсмотрѣніе частностей и *не предрѣшая вопроса объ ея формѣ*, признать организацію фабричныхъ рабочихъ *допустимою*».....

Такимъ образомъ, промышленники были готовы къ дружной борьбѣ въ комиссіи Коковцева о рабочемъ законодательствѣ, первое (подготовительное) засѣданіе которой было назначено на 15-е марта. Не получивъ къ этому дню приглашенія въ комиссію, представители районовъ центральнаго, южнаго, петербургскаго, варшавскаго, рижскаго, кіевскаго, уральскаго, домбровскаго и бакинскаго, уже собравшіеся на предварительное засѣданіе при московскомъ биржевомъ комитетѣ, потеряли терпѣніе и отправили Коковцеву телеграмму съ выраженіемъ тревоги и опасенія, что «при обсужденіи столь сложнаго спеціальнаго вопроса безъ участія одной изъ наиболѣе заинтересованныхъ, вполнѣ компетентной стороны могутъ создаться трудно устранимыя бѣдствія въ будущемъ и нарушеніе нормальнаго теченія промышленной жизни».

Въ отвѣтъ была получена успокоительная телеграмма Коковцева: промышленникамъ «будетъ предоставлено широкое участіе въ трудахъ комиссіи». Приглашены были выборные представители: отъ обоихъ столичныхъ комитетовъ торговли и мануфактуръ и отъ петербургскаго общества содѣйствія улучшенію

и развитію фабрично-заводской промышленности по 3 члена, отъ горнопромышленниковъ юга Россіи, царства Польскаго и Урала, отъ конторы желѣзозаводчиковъ, конторы золото и платинопромышленниковъ, отъ сахарозаводчиковъ, мукомоловъ, пивоваренныхъ заводчиковъ, металлозаводчиковъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ и отъ бакинскихъ нефтепромышленниковъ по 2 члена, а всего 62 представителя промышленности. Рабочихъ комиссія (послѣ опыта съ комиссіей Шидловскаго) рѣшила не приглашать, а какъ ознакомиться съ ихъ мнѣніями—«изыщетъ отдѣлъ промышленности».

Первое засѣданіе комиссіи (съ участіемъ промышленниковъ) состоялось 16-го марта; участвовало больше 130 человѣкъ. Оно открылось рѣчью Коковцева, который всячески старался найти *оправданіе* «рабочелюбію» правительства. «У насъ въ Россіи,—говорилъ, между прочимъ, министръ,—правительство.... занялось прежде всего созданіемъ наиболѣе благопріятныхъ условій для привлеченія частной предпріимчивости.... Важнѣйшимъ средствомъ для этого послужило таможенное покровительство и въ этомъ отношеніи правительство пошло *полною мѣрою* на встрѣчу интересамъ работодателей». Промышленники «издавна обладали «правомъ письменныхъ заявленій», участвовали въ правительственныхъ совѣщаніяхъ, имѣли и «объединенныя организаціи». «Ничего подобнаго не знали рабочіе, и забастовки были *единственнымъ*, хотя незаконнымъ для нихъ средствомъ обращать вниманіе работодателей и правительства на свое тяжелое положеніе.... Толчкомъ для ихъ осуществленія (законовъ о рабочихъ А. Е.) являлись большею частью именно забастовки. Такимъ образомъ предпринятыя правительствомъ теперь, вслѣдъ за безпорядками на фабрикахъ, работы по дальнѣйшему упорядоченію быта... отнюдь *не представляются чѣмъ либо необычнымъ*».

«Я считаю нужнымъ—подчеркивалъ министръ—остановиться на этомъ соображеніи *потому, что* правительству... *дѣлался упрекъ*, будто бы оно пошло на уступки рабочимъ безъ достаточной осмотрительности, съ одной лишь цѣлью—во что бы то ни стало достигнуть успокоенія, хотя бы цѣною интересовъ работодателей... Говорятъ, что теперешнее движеніе... вызвано исключительно политической пропагандой... Но не подлежитъ сомнѣнію, что пропаганда можетъ дѣйствовать столь успѣшно среди рабочихъ потому именно, что условія ихъ быта оказывались мѣстами крайне тяжелыми и неприглядными.... Какъ болѣзнь развивается въ организмѣ въ мѣстахъ наименьшаго сопротивленія, такъ и политическій недугъ всего легче находитъ себѣ почву въ средѣ людей обездоленныхъ, терпящихъ нужду и лишенія».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Крестовниковъ тутъ же заявилъ отъ имени всѣхъ промышленниковъ: комиссія вызвана массовыми забастовками. Причиной ихъ является не столько экономическое положеніе рабочихъ, сколько «сторонія обстоятельства». «Общее крайне возбужденное состояніе всѣхъ классовъ» населенія... явленіе не требующее доказательствъ, а потому «разрѣшеніе намѣченныхъ законопроектовъ не послужитъ къ успокоенію рабочихъ... Работа эта будетъ подвергаться всякаго рода нападкамъ,.... такъ какъ въ ней не могутъ принять участіе рабочіе... Важно быть оріентированными относительно предположеній правительства... о свободѣ союзовъ». Въ заключеніе: «слѣдовало бы

придать работѣ значеніе *подготовительной* для внесенія ея въ предуказанное Высочайшимъ рескриптомъ отъ 18-го февраля учрежденіе».

Коковцевъ тотчасъ же успокоилъ промышленниковъ: проекты все равно будутъ отложены до созыва «учрежденія»; коммиссія «никакихъ иныхъ, кромѣ подготовительныхъ задачъ и не преслѣдуетъ... Какое законодательное учрежденіе будетъ функціонировать къ окончанію работъ комиссіи, предугадать трудно», но въ ней будутъ представлены ея работы.

Отъ своихъ прежнихъ требованій *немедленныхъ* уступокъ рабочимъ, не дожидаясь законодательныхъ мѣръ, Коковцевъ, очевидно, отказался. Бюрократія опять сдалась подъ напоромъ организованныхъ промышленниковъ.

Успокоенные промышленники могли перейти къ «подготовительнымъ» работамъ, которые ни къ чему не обязываютъ. Успѣли въ этомъ засѣданіи поговорить о статьяхъ, карающихъ за стачки. Отъ лица промышленниковъ говорили Нератовъ и Крестовниковъ: центръ тяжести въ *гражданской* отвѣтственности рабочихъ, и тутъ противъ фабрикантовъ и законъ, и фабричная инспекція, и мировые судьи, теперь хотятъ уничтожить и уголовную отвѣтственность— «послѣднее, что могло бы внушить страхъ». Отмѣнить ее можно при свободѣ стачекъ «какъ промышленниковъ, такъ и рабочихъ» и другихъ условіяхъ.

Это пожеланіе сводится къ узаконенію синдикатовъ и картелей—возразилъ Коковцевъ: но это не входитъ въ компетенцію коммиссіи [1]).

Слѣдующее засѣданіе назначено было на 20 апрѣля, но состоялось лишь 18-го мая, какъ увидимъ ниже. За этотъ промежутокъ времени борьба промышленниковъ противъ рабочаго законодательства сосредоточивается въ «*Совѣтѣ по горнопромышленнымъ дѣламъ*», гдѣ они имѣютъ *рѣшающій* голосъ.

Тутъ въ засѣданіи 24 марта представители промышленности поспѣшили указать на изданный министерствомъ финансомъ *циркуляръ* объ образованіи, въ промышленныхъ районахъ, *мѣстныхъ совѣщаній* по рабочему вопросу. Такъ какъ совѣщанія уже шли кое-гдѣ (съ участіемъ и не промышленниковъ) и одно изъ нихъ уже высказалось за 9-часовой рабочій день, то постановили: ходатайствовать о *немедленной отмѣнѣ циркуляра* [2]).

По вопросу о рабочемъ днѣ Ауэрбахъ, Авдаковъ и другіе протестовали противъ 10 часовой нормы министерскаго проекта: меньше 11 часовъ никакъ нельзя. Гукасовъ, представитель нефтепромышленниковъ, у которыхъ рабочіе уже отвоевали 9-часовой раб. день, заявилъ: «Слѣдуетъ считаться не только съ собственными интересами, но и съ интересами рабочихъ. Въ Баку сочли же возможнымъ установить 9 часовой раб. день... [3]). Нельзя въ самомъ дѣлѣ изъ рабочихъ сдѣлать, простите за выраженіе, рабочую скотину». Но всѣ поддержали Авдакова, а представитель московской промышленности даже высказался вообще противъ нормировки: «*взрослый человѣкъ* долженъ имѣть *право работать столько, сколько онъ хочетъ*» [4]).

---

[1]) „Нефтяное дѣло“ № 10 за 1905 годъ.

[2]) «Сынъ Отечества» 1905 г, № 32.

[3]) Надо прибавить: 9-часовой раб. день былъ введенъ еще въ февралѣ 1905 г. во всѣхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ январѣ въ мастерскихъ артиллерійскаго вѣдомства, а въ казенныхъ винныхъ складахъ существуетъ уже нѣсколько лѣтъ.

[4]) Тамъ-же.

Въ итогѣ Совѣтъ *отвергъ 26 марта большинство параграфовъ министерскаго проекта* о рабочемъ днѣ: отвергнута нормировка праздничнаго отдыха—«пусть это останется дѣломъ внутренняго распорядка каждаго предпріятія»; отвергнута нормировка сверхурочныхъ работъ: «предоставить взаимному соглашенію, иначе весь законъ будетъ въ ущербъ рабочимъ». Съ трудомъ представителю министерства В. И. Ковалевскому удалось отстоять § 15, устанавливающій нормы непрерывныхъ работъ.

По вопросу о свободѣ стачекъ въ Совѣтѣ также горячо критиковали довольно либеральный министерскій проектъ. Ясюковичъ: отмѣна ст. 1358,1358[1] 1358[3] устава о наказаніяхъ (карающихъ стачки рабочихъ) будетъ «уже не свобода, а поощреніе стачки... Если рабочія организаціи станутъ мощными—стачки въ ихъ рукахъ будутъ страшнымъ оружіемъ... поэтому пусть отвѣчаютъ частью своихъ средствъ». Гужонъ: «Русскіе рабочіе далеко еще не такіе... («культурные!» подсказываютъ ему)... культурные, чтобъ ихъ можно было освободить отъ мѣръ устрашенія. Нашъ рабочій все пропиваетъ—что съ него взыщешь? А между тѣмъ они вовсе не дѣти и отлично знаютъ, какой вредъ можетъ причинить остановка. Они будутъ нарочно это дѣлать... Нужно *уголовное наказаніе*» [1]).

Озлобленіе противъ заигрывающаго съ рабочими министерства финансовъ рѣзко вырвалось наружу при обсужденіи въ Совѣтѣ проекта государственнаго страхованія рабочихъ, особенно параграфа, по которому «завѣдываніе государственнымъ страхованіемъ возлагается... на министерство финансовъ»:

— «Кто угодно—только не министерство финансовъ, которое помѣститъ огромныя средства, собранныя съ промышленности, какъ ему заблагоразсудится... Получится косвенный заемъ—съ какой стати?!» Въ результатѣ отвергнуто слово «государственное» страхованіе, ибо государство въ немъ не участвуетъ, и постановлено сдать проектъ въ комиссію для коренной переработки [2]).

Къ предстоявшему продолженію занятій коммиссіи Коковцева промышленники дѣятельно готовились. А Совѣтъ съѣздовъ южныхъ горнопромышленниковъ далъ своимъ делегатамъ инструкцію добиться того, чтобы всѣ промышленники и вовсе *бойкотировали* эту ненавистную комиссію [3]).

Какъ встрѣченъ былъ этотъ планъ бойкота въ *закулисныхъ* совѣщаніяхъ представителей промышленныхъ организацій—мы не знаемъ. Но бойкотъ *былъ осуществленъ* дружно всѣми,—правда въ *замаскированной* формѣ: подъ флагомъ патріотической скорби, вызванной вѣстями о *Цусимскомъ* сраженіи... Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ эта красивая поза была выдержана промышленниками до конца.

18-го мая, какъ только открылось засѣданіе комиссіи, Крестовниковъ прочиталъ отъ имени всѣхъ промышленниковъ заявленіе: «Великое бѣдствіе, которое постигло наше отечество, не могло не отразиться на насъ всѣхъ самымъ тяжелымъ образомъ. Заниматься спокойнымъ обсужденіемъ вопросовъ нашей повседневной жизни, когда наше государство постигъ страшный уронъ, когда оно находится въ такомъ тяжеломъ положеніи, какъ теперь,—право, сверхъ силъ

---

[1]) «Сынъ Отечества» 1905 г. №№ 35,37.

[2]) Тамъ же, №№ 38,40.

[3]) См. «Труды» 30-го съѣзда южн. горнопром.

обыкновенныхъ людей... Мы сейчасъ заявляемъ, что по первому вашему требованію мы готовы возобновить нашу работу... но тревожное настроеніе, вызванное послѣдними событіями на Дальнемъ Востокѣ, въ связи съ тѣмъ, что происходитъ въ Польшѣ, Литвѣ, на Кавказѣ и др. мѣстахъ Россіи, приводитъ насъ въ такое нервное настроеніе, что право же нѣтъ никакой возможности обсуждать эти вопросы... Позвольте отсрочить это засѣданіе до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ... Откладывая комиссію, мы ровно ничего не упустимъ. Если то громадное бѣдствіе, которое постигло Россію, не успокоитъ и *не образумитъ нашихъ рабочихъ, которые и въ настоящее время продолжаютъ свои смуты*, то во всякомъ случаѣ *не тѣ законы, которые мы вырабатываемъ и придумываемъ, будутъ въ состояніи ихъ успокоить*»...

Вливъ послѣднимъ заявленіемъ здоровую ложку классоваго эгоистическаго дегтя [1]) въ бочку національно-патріотическаго меда, представитель промышленниковъ заявилъ, что промышленники покидаютъ и совѣщаніе о промысловомъ налогѣ, происходившее одновременно съ комиссіей по рабочему вопросу.

Коковцевъ попробовалъ возразить: рабочій вопросъ—«животрепещущій»; кромѣ того «тѣ, которые ждутъ и ждутъ съ напряженнымъ вниманіемъ... эти милліоны рабочихъ могутъ и не проникнуть въ нашу душу и не раздѣлить того настроенія, которое мы переживаемъ... Поэтому надо взвѣсить, не лучше-ли поработать 2—3 дня», ибо «не столько я, сколько вы выслушаете слова укора' и укоръ этотъ можетъ оказаться для васъ очень тяжелымъ».

Въ отвѣтъ на это Крестовниковъ, повидимому, не подготовленный съ этой стороны, опять нарушилъ цѣльность торжественнаго патріотическаго выступленія промышленныхъ дѣятелей. «*Вопросъ о рабочемъ времени*—отвѣтилъ онъ, между прочимъ, есть вопросъ о томъ, насколько Россія или Русское государство должны работать; а *работать, по нашему мнѣнію, оно* [2]) *должно очень много*, по тому что Россія отстала отъ всѣхъ государствъ, отстала по всѣмъ отраслямъ»... «Но не время теперь—спохватился подъ конецъ Крестовниковъ—сводить между собою разные счеты, можетъ быть мелочные, можетъ быть крупные».

Какъ ни уговаривалъ Коковцевъ, какъ ни думалъ измѣнить рѣшеніе промышленниковъ, назначивъ перерывъ засѣданія, они оставались непоколебимыми въ своемъ «патріотическомъ» порывѣ [3])... Коммиссія опять была отсрочена Въ предвидѣніи, однако, возможнаго ея возобновленія, промышленники подали 20-го мая Коковцеву, за подписью представителей всѣхъ организацій, новое заявленіе: они,—молъ, «предполагали, что имъ будетъ предложено обсужденіе рабочаго вопроса во всемъ его объемѣ». Между тѣмъ «изъ 7 намѣченныхъ къ

---

[1]) Въ иномъ родѣ, но того же дегтя прибавляетъ Совѣтъ съѣздовъ южныхъ горнопромышленниковъ въ своемъ докладѣ 31-му съѣзду, когда говоритъ, что промышленники должны были уйти, «такъ какъ положеніе дѣлъ и неустойчивое настроеніе рабочихъ массъ *требовало присутствія ихъ на мѣстахъ*".

2) Характерная для лидера промышленниковъ игра словъ.

[3]) Въ то же время тутъ же, на Совѣщаніи, ходила по рукамъ записка Петербургскаго Общества фабрикантовъ съ жалобами на правительство, обирающее предпринимателей ради интересовъ „порядка", и съ выводомъ, что надо оттянуть, чтобъ не дать лишняго въ моментъ всеобщаго возбужденія.

разсмотрѣнію вопросовъ... предложено обсудить только два [1]) и то уже въ значительной мѣрѣ разрѣшенныхъ самою жизнью», а потому «неспособныхъ внести въ рабочую среду успокоеніе»; а потому просятъ, «чтобъ ко второму созыву коммиссіи были разработаны всѣ законопроекты... чтобы обсудить рабочій вопросъ во всемъ объемѣ... послѣ чего перейти къ обсужденію отдѣльныхъ частей, изъ коихъ на первомъ планѣ необходимо поставить вопросъ о свободѣ союзовъ, въ связи съ общимъ для всей Россіи вопросомъ о неприкосновенности личности и жилища».

Словомъ, промышленники сдѣлали все, что могли, чтобъ, во-первыхъ, *оттянуть*, *елико* возможно, осуществленіе мѣръ въ защиту труда, во-вторыхъ, по возможности подставить на ихъ мѣсто мѣры *политическаго* характера.

III. Отношеніе къ Госуд. Думѣ. Партійныя образованія въ средѣ крупной буржуазіи.

Ко времени наступленія второй половины 1905 года выступленія промышленныхъ организацій начинаютъ все больше вращаться около одного конкретнаго пункта—созыва *народнаго представительства*, проектъ положенія котораго должна была выработать комиссія Булыгина. Привыкши до сихъ поръ, въ теченіе десятилѣтій, къ систематическому «участію въ дѣлахъ управленія, касающихся интересовъ торговли и промышленности» [2]), промышленники, конечно, не могли относиться безразлично къ тому, какъ будетъ составленъ новый органъ государственнаго управленія. Тутъ прежде всего проявляется забота промышленной буржуазіи о томъ, чтобъ этотъ узелъ новыхъ формъ жизни былъ завязанъ не безъ *ея* активнаго участія. И въ этой заботѣ чаще всего сказывается старый духъ *узко-групповыхъ* вожделѣній.

Еще въ февралѣ 1905 года во всеподданнѣйшемъ адресѣ московскаго «торгово-промышленнаго сословія» говорилось о «призывѣ къ работѣ въ области государственной дѣятельности подданныхъ Вашихъ, *объединенныхъ родомъ своихъ занятій*, въ лицѣ ихъ избранниковъ, опытомъ ознакомленныхъ съ насущными потребностями народной жизни... Торгово-промышленное сословіе... съ готовностью принесетъ свои силы и знанія служенію, согласно предуказаніямъ Вашимъ, на пользу отечества».

На той же точкѣ зрѣнія олигархическаго представительства владѣющихъ классовъ стояла и петиція, поданная Булыгину 19 марта 1905 года, *отъ всѣхъ промышленныхъ организацій*, особой депутаціей изъ генераловъ отъ промышленности— С. Морозова, Э. Нобеля и Н. Авдакова. Эта петиція заявляетъ: «Правильность и успѣшность осуществленія задачи (булыгинской комиссіи) зависитъ отъ того, насколько полно будутъ представлены въ этомъ совѣщаніи *главнѣйшія* группы населенія». Далѣе доказывается «весьма важное мѣсто», занимаемое русской промышленностью въ жизни государства и общества, нужды которой не могутъ быть выражены представителями земства и городовъ; затѣмъ идетъ ходатайство: «призвать къ участію въ совѣщаніи представителей промышленности въ такомъ числѣ, которое соотвѣтствовало бы ея важному значенію въ жизни Россіи... Представителями отъ промышленности должны явиться выборныя лица

[1]) 10-ти-часовой рабочій день и законъ о стачкахъ.

[2]) См. томъ I, стр. 318, 321 и др.

отъ тѣхъ совѣщательныхъ учрежденій, на которыя нынѣ возложены закономъ выраженіе и защита интересовъ соотвѣтственныхъ промышленныхъ раіоновъ или отдѣльныхъ отраслей промышленности». И больше ничего не сочли нужнымъ заявить промышленники объ условіяхъ работы Булыгинской комиссіи.

Это узко-групповое ходатайство подписано чуть не всей гвардіей крупно-промышленной арміи. Тутъ имена С. Морозова, Четверикова, Крестовникова, Коновалова, Рябушинскаго, Авдакова, Норпе, Ясюковича, Нобеля, Гукасова, Глезмера, В. Жуковскаго и многихъ другихъ.

Булыгинъ отвѣтилъ депутаціи, что «обязательно будутъ приглашены выборные отъ всѣхъ промышленныхъ учрежденій Россійской Имперіи».

Кромѣ этого общаго классоваго ходатайства послѣдовалъ рядъ частныхъ. Такъ, въ мартѣ же послана Булыгину телеграмма отъ *самарскаго* биржевого общества, какъ «стоящаго во главѣ торговаго раіона съ населеніемъ больше 7 милліоновъ, знающаго его нужды» и потому ходатайствующаго о разрѣшеніи прислать своего уполномоченнаго въ совѣщаніе. Тогда же и о томъ же послано ходатайство отъ *симбирскаго* биржевого собранія.

Еще яснѣе обозначена олигархическая позиція крупной буржуазіи въ запискѣ *южныхъ горнопромышленниковъ* (въ томъ же мартѣ). Здѣсь прямо говорится о выборныхъ «*отъ существующихъ уже* общественныхъ организацій— земствъ, городовъ, промышленныхъ группъ и ученыхъ корпорацій», т. е. о той системѣ, которая лежитъ теперь въ основѣ выборовъ въ Государственный Совѣтъ.

Очевидно, если не считать тѣ моменты, когда промышленныя организаціи видѣли себя *вынужденными*, подъ давленіемъ внѣшнихъ силъ, высказываться за всеобщее избирательное право, онѣ, не исключая и тѣхъ, которыя за него высказались, въ сущности мечтали именно о цензовомъ представительствѣ господствующихъ классовъ.

Когда впослѣдствіи они такое представительство получили въ Государственномъ Совѣтѣ, то ни одного слова протеста не раздалось изъ ихъ среды противъ самой системы. Они жаловались только на недостаточность *числа* и рода ихъ представителей въ верхней палатѣ. Объ этомъ они подавали неоднократно ходатайства [1]), объ этомъ не переставала говорить ихъ пресса. Такъ, «Горнозаводскій Листокъ» жаловался [2]) на то, что выбираютъ въ Государственный Совѣтъ старыя оффиціальныя учрежденія (комитеты торговли и мануфактуръ), а не новыя (съѣзды), говоря: «По мнѣнію оффиціальной записки... услуги, оказанныя съѣздами промышленности, многообразны и значительны... содѣйствіе, оказанное ими правительству... не подлежитъ сомнѣнію и, однако, они почему-то по характеру и составу являются наименѣе отвѣчающими нуждамъ промышленнаго представительства. Странная логика!.. Можетъ быть, чиновникъ, составлявшій проектъ положенія о Государственномъ Совѣтѣ, ничего не слыхалъ о съѣздахъ»?..

На самомъ дѣлѣ причина какъ указанной непослѣдовательности, такъ и сравнительно малаго числа (12) представителей промышленности, введенныхъ въ верхнюю палату, лежитъ, конечно, не столько въ недостаткахъ канцеля-

[1]) Напримѣръ 29-го декабря 1905 года записка представителей 13 промышленныхъ организацій.

[2]) № 9 за 1906 годъ.

скаго творчества бюрократіи, сколько въ ея сознательной и интимной большей близости въ данный моментъ къ другому господствующему классу—помѣстному дворянству.

По мѣрѣ роста народнаго движенія промышленникамъ приходится занять то или иное положеніе въ вопросѣ о *предѣлѣ правъ* проектируемаго представительства.

Въ іюнѣ московское биржевое общество горячо дебатировало вопросъ о совѣщательныхъ или законодательныхъ функціяхъ Госуд. Думы. Значительное *большинство* высказалось на собраніи 2 іюня за *совѣщательную* Думу. На это былъ заявленъ протестъ меньшинства собранія, содержащій слѣдующую характерную мотивировку: «Ежели бы можно было допустить такую форму рѣшенія государственныхъ вопросовъ, что царь самодержавный пріѣзжаетъ въ народную думу, держитъ совѣтъ съ выборными своего народа и, по выясненіи вопроса, полагаетъ свое Царево рѣшеніе, то, вѣроятно, *никто бы противъ совѣщательной роли* народнаго представительства *не сталъ возражать*» [1]) и т. д. Подписанъ протестъ 14 выборными биржевого общества (П. Рябушинскій, И. Морозовъ, В. Бахрушинъ и др.).

Въ іюнѣ самарскій биржевой комитетъ беретъ тонъ довольно необычный въ средѣ промышленныхъ организацій: комитетъ разослалъ другимъ биржевымъ комитетамъ циркуляръ по поводу «возвышенія цѣнъ на нефть за 2 года на 100% вслѣдствіе народныхъ волненій, забастовокъ рабочихъ». Въ циркулярѣ говорится: «единственное средство успокоенія... въ Баку состоитъ въ изъятіи полиціи изъ вѣдѣнія губернатора и отдачѣ въ распоряженіе городского самоуправленія, въ организаціи въ Баку народной милиціи, немедленномъ созывѣ народныхъ представителей и переходѣ Россіи къ другому политическому строю, но не по проекту министра А. Г. Булыгина, а на основаніи *всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ*, при условіи свободы слова, собраній, союзовъ, печати, неприкосновенности личности, жилища» [2]).

Еще рѣшительнѣе добавленіе къ этому циркуляру, сдѣланное при отправкѣ его въ Казанскую биржу: тутъ выражается «надежда, что путемъ переписки или путемъ обмѣна мнѣній на общемъ съѣздѣ можно будетъ выработать способы *добиться* осуществленія необходимой реформы. Очевидно, ни ходатайства, ни резолюціи, ни даже депутаціи не достигаютъ цѣли. Приходится обратиться *къ изысканію другихъ способовъ*» [3]).

Эта мысль о съѣздѣ для «изысканія другихъ способовъ» не встрѣтила, однако, сочувствія въ промышленной средѣ и прежде всего въ московскомъ биржевомъ обществѣ, куда самарцы попробовали обратиться съ предложеніемъ созыва съѣзда. Такимъ образомъ излишне стало доносительское усердіе «Московскихъ Вѣдомостей», поднявшихъ крикъ о «бредѣ съ жиру взбѣсившихся самарскихъ биржевиковъ» и приглашавшихъ «губернскую высшую власть и жандармское управленіе... пресѣкать зло въ корнѣ и наказать лицъ за злодѣй-

---

[1]) Право № 30 за 1905 г.

[2]) „Промышленный міръ“ 1905 г., № 25.

[3]) „Промышленный міръ“ 1905 г., № 30.

скія покушенія, клонящіяся къ возмущенію всего торговаго сословія въ Россіи въ сторону революціонеровъ».

Аналогичный окрикъ встрѣтило вскорѣ послѣ того и постановленіе (въ іюлѣ) московской хлѣбной биржи, заявлявшее, что «для успокоенія страны» необходимы скорѣйшій созывъ государственной думы, приглашеніе въ комиссію Булыгина выборныхъ отъ земствъ, городовъ и др., неприкосновенность ихъ личности, гласность работъ этой комиссіи и пр. Отвѣтъ министра финансовъ гласилъ: хотайство это, выраженное въ формѣ категорическаго требованія и къ тому же совершенно не обоснованное, не входитъ кромѣ того въ кругъ дѣятельности биржи... [1]).

Въ дальнѣйшемъ, чѣмъ выше поднимается барометръ общенароднаго движенія, чѣмъ энергичнѣе и смѣлѣе напоръ низовъ, чѣмъ безпомощнѣе и растеряннѣе органы власти, тѣмъ чаще случаи конституціоннаго размаха въ средѣ промышленной буржуазіи.

Въ моментъ наивысшаго напряженія революціонной волны, въ самый разгаръ октябрьской всеобщей забастовки, комиссія, избранная московскими фабрикантами, дѣлаетъ представленіе генералъ-губернатору о нежелательности введенія военнаго положенія въ Москвѣ, о необходимости дать рабочимъ возможность свободно обсуждать свои нужды въ помѣщеніяхъ фабрикъ, «даровать русскому народу основныя свободы и реорганизовать положеніе о Государственной Думѣ на *конституціонныхъ* началахъ» [2]).

Въ это же время, передъ самымъ днемъ 17-го октября, въ Нижегородскомъ биржевомъ комитетѣ читается заявленіе, гдѣ говорится: «жить такъ больше нельзя, порядокъ нуженъ всѣмъ намъ, какъ воздухъ. Единственный исходъ... только въ *неотложномъ немедленномъ* проведеніи реформы: въ созывѣ народнаго представительства съ законодательной властью, основаннаго на всеобщемъ избирательномъ правѣ... Теперь, когда мы стоимъ, повидимому, передъ лицомъ полной революціи, мы, какъ умѣренные элементы, вновь должны... умолять правительство» и пр. [3]).

Впечатлѣніе мощнаго октябрьскаго движенія было такъ сильно, что конституціонный размахъ *нѣкоторыхъ* круговъ промышленной буржуазіи продолжался и послѣ 17-го октября, когда только что достигнутая высшая степень уступчивости старой власти еще увеличивала впечатлѣніе ея безсилія. Такъ, 20-го октября нижегородское биржевое общество послало въ Петергофъ благодарственную телеграмму по поводу манифеста, гдѣ выражаетъ увѣренность въ скорѣйшемъ упроченіи конституціи на началахъ всеобщаго избирательнаго права и въ дарованіи амнистіи [4]).

20-го же октября контора желѣзозаводчиковъ отправила записку съ выраженіемъ *недовѣрія самому Витте*. Цитируя слова Витте о «прямотѣ и искренности» (изъ его доклада, одобреннаго 17-го октября), записка заявляетъ: «мы не можемъ не выразить вашему сіятельству прямо и искренно, что между сло-

[1]) „Право“ 1905 г., № 30.
[2]) „Право“, приложеніе къ № 45—46 за 1905 г.. стр. 54.
[3]) „Нижегородскій листокъ“, 18 октября 1905 г.
[4]) „Нижегородскій листокъ“ 22 октября 1905 года.

вомъ и дѣломъ существуетъ огромное разстояніе». Контора «жаждала бы видѣть *доказательства* сей прямоты и искренности правительства въ актахъ 17 октября. Мы должны прямо заявить: *Россія вѣритъ только фактамъ; ея кровь и ея нищета не позволяютъ уже вѣрить словамъ*». Далѣе записка требуетъ «полной амнистіи, безъ всякихъ оговорокъ, лицамъ, пострадавшимъ по политическимъ дѣламъ», «констатируетъ фактъ, что со стороны *борцовъ за свободу и счастіе русскаго народа* проявленіе насилій было крайне ограничено и что масса народная дѣйствовала *съ соблюденіемъ неслыханной дисциплины*», проситъ объ отмѣнѣ исключительныхъ положеній, заявляетъ, что «должна быть покинута прямо и искренно система подпорокъ къ завѣдомо негоднымъ зданіямъ»; въ заключеніе, дѣлается цитированное уже заявленіе, что «контора желѣзозаводчиковъ, далеко не поклонница всеобщаго избирательнаго права», видитъ себя вынужденною просить «исходатайствовать безотлагательно актъ» о выборахъ «всеобщимъ голосованіемъ».

Но въ общемъ и цѣломъ надо считать *вторую половину октября поворотнымъ пунктомъ* въ настроеніи крупно-промышленныхъ круговъ. Съ этого времени термометръ ихъ оппозиціоннаго жара падаетъ, сначала медленно, потомъ все стремительнѣе. Съ одной стороны, этимъ «умѣреннымъ элементамъ» уступки и обѣщанія, содержащіяся въ манифестѣ 17 октября, казались вполнѣ достаточными. Съ другой стороны, къ этому времени движеніе, очевидно, все болѣе становится втупикъ передъ вопросомъ о дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій и все болѣе проявляетъ безсиліе неорганизованной стихіи, даже нѣкоторую растерянность. Въ той же мѣрѣ начинаетъ собираться съ силами старая власть, которая дерзаетъ все больше и больше. И вотъ «умѣренные элементы» все менѣе видятъ себя «вынужденными» не только требовать всеобщаго избирательнаго права, но даже вообще поддерживать оставшіяся въ силѣ общенародныя требованія. *На фонѣ этого измѣнившагося настроенія*, совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ раньше, производятъ на промышленную буржуазію вторая и третья всеобщія забастовки, въ особенности попытка ввести немедленно революціоннымъ путемъ 8-часовой рабочій день.

Этотъ знаменательный поворотъ, начавшись съ мало замѣтныхъ проявленій, къ концу 1905 года развертывается во всю и быстро возвращаетъ крупно-промышленную буржуазію въ ряды союзниковъ правительственной власти.

Началось съ представителей банковъ. Еще 13-го октября въ Москвѣ на собраніи *банкировъ*, куда представители прессы не были допущены, большинство высказалось за введеніе военнаго положенія [1]) и убѣждало министра финансовъ не поддаваться запугиваніямъ забастовщиковъ. Банковые круги вообще были весьма впечатлительны и нервно реагировали на бурный ходъ событій. Манифестъ 17 октября сначала вызвалъ на биржѣ взрывъ восторга: фонды и дивидендныя бумаги сдѣлали рѣзкій скачокъ вверхъ, ибо на нихъ появился огромный спросъ со стороны спекулирующей публики, готовой видѣть въ манифестѣ конецъ всѣхъ невзгодъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Но это продолжалось недолго.

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1905 г. № 269. За то-же высказалась часть собранія фабрикантовъ московск. района того-же 13 октября.

Уже контрреволюціонная волна во второй половинѣ октября вызвала на биржѣ тревогу. Хотя биржа и возвела Витте въ спасителя отечества, но кронштатскія событія, военное положеніе въ Польшѣ и вторая забастовка вызвали настоящую панику. Бумаги стремительно выбрасывались на рынокъ. Испугавшіеся за цѣлость своихъ on call'ныхъ счетовъ банкиры стали «экзекутировать» своихъ кліентовъ, не внесшихъ доплатъ по ссудамъ, что еще больше усиливало панику. Въ биржевыхъ сферахъ раздавались стоны и проклятія по адресу «виновниковъ» событій,—особенно доставалось забастовщикамъ [1]).

То-же настроеніе постепенно охватывало и другіе слои крупной буржазіи. Стоящіе всегда на ея крайнемъ правомъ флангѣ *южные горнопромышленники* 10-го ноября сочли нужнымъ послать Витте подписанную болѣе чѣмъ 100 фирмами телеграмму съ выраженіемъ довѣрія. Такую же телеграмму послалъ Витте и *костромской комитетъ торговли и мануфактуръ* въ соединенномъ засѣданіи съ представителями промышленности костромской губерніи: телеграмма признавала, что невозможно въ короткій срокъ рѣшить сложнѣйшія задачи, выражала Витте полнѣйшее довѣріе и обѣщаніе поддержки.

Въ томъ же ноябрѣ *московское биржевое общество* телеграфировало Витте между прочимъ: «мужайтесь, доводите дѣло до конца, до образованія гос. думы на основаніи манифеста 17-го октября... Требованія крайнихъ партій не должны смущать правительство». Аналогичныя телеграммы послали биржевые комитеты самарскій, царицынскій, рыбинскій и др.

Разгромъ декабрьскихъ возстаній еще больше отбросилъ промышленную буржуазію въ сторону отъ оппозиціонныхъ рядовъ общества, а то и въ лагерь реакціи. Съ этого времени *совершенно прекращаются* либеральныя политическія выступленія промышленныхъ организацій. Онѣ возвращаются въ *старое русло* дореволюціонныхъ методовъ дѣятельности своей, да еще сосредоточиваютъ свою энергію на новомъ дѣлѣ—организаціи своихъ силъ для *непосредственной* борьбы съ рабочимъ движеніемъ. Объ этомъ подробнѣе ниже.

Теперь замѣтимъ только, что уже въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 года въ Петербургѣ частные заводы поддерживаютъ реакцію, выбрасывая своихъ рабочихъ параллельно съ выбрасываніемъ ихъ изъ казенныхъ заводовъ. Съ этого времени на разбитый реакціей рабочій классъ обрушивается и промышленная буржуазія рядомъ *локаутовъ*. По всей линіи идетъ походъ на рабочихъ, у которыхъ, подъ прикрытіемъ торжествующей реакціи, отнимаются экономическія пріобрѣтенія революціоннаго года. Со временемъ разрывъ съ оппозиціей идетъ еще дальше—вплоть даже до такихъ, хотя бы и единичныхъ, явленій, что администрація завода (напримѣръ, завода «Старая Баварія») насильно удерживаетъ изъ заработка рабочихъ деньги въ пользу «союза русскаго народа [2])»...

Въ общемъ и цѣломъ, съ конца 1905 года крупная буржуазія возвращается къ старому взаимоотношенію съ самовластной бюрократіей. Если, съ одной стороны, промышленные круги, отвернувшись отъ оппозиціи, этимъ оказали *значительную поддержку бюрократіи*, давъ ей *почувствовать подъ ногами почву*

---

[1]) См. „Промышленный Міръ“ 1905 г.

[2]) „Рабочій по металлу“ № 6.

и быстро оправиться, то съ другой—оправившаяся бюрократія показала, что, при наличности благопріятныхъ для нея условій, на время вполнѣ *возможно «репрессіями остановить движеніе»*, вопреки всѣмъ страхамъ, охватившимъ «желѣзныхъ» и иныхъ промышленниковъ въ началѣ 1905 года. И буржуазія не замедлила учесть этотъ урокъ 1905 года въ своемъ настроеніи.

Въ самый разгаръ революціоннаго движенія промышленные круги не преминули сдѣлать рядъ попытокъ спеціальныхъ *партійныхъ* образованій. Разсчитанныя на уловленіе избирателей, программы этихъ промышленныхъ партій, естественно, приноравливались, сколько могли, къ доминировавшимъ тогда запросамъ и требованіямъ. Самыя партіи оказались *недолговѣчными*. Первая попытка этого рода относится еще къ іюню 1905 года, когда въ средѣ петербургскихъ промышленниковъ былъ поднятъ вопросъ объ организаціи *торгово-промышленной партіи*. Были отправлены делегаты въ Москву, чтобы просить московскій биржевой комитетъ взять на себя иниціативу созыва съѣзда промышленниковъ и торговцевъ. Съѣздъ состоялся 4—6 іюля; онъ избралъ особое бюро изъ 22 человѣкъ для дальнѣйшей разработки вопроса. «Политическій союзъ однако не имѣлъ видовъ на успѣхъ, и бюро рѣшило покинуть мысль о политическомъ союзѣ и ограничиться исключительно экономической стороною единенія»—разсказываетъ предсѣдатель бюро, М. Норпе [1]).

Бюро іюльскаго съѣзда промышленниковъ, въ которое входили графъ А. Бобринскій, Вольскій, Глезмеръ, Гужонъ, Коноваловъ, Нобель, Рябушинскій, Триполитовъ и другіе, попыталось въ іюлѣ же достигнуть координаціи дѣйствій промышленнаго съѣзда съ засѣдавшимъ тогда въ Москвѣ съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, но почвы для такой координаціи не оказалось. Попытка, потерпѣвъ фіаско, была возобновлена въ сентябрѣ во время слѣдующаго земскаго съѣзда путемъ переговоровъ Норпе, Рябушинскаго и др. съ одной стороны, Головина, Вернадскаго, князя Д. И. Шаховского—съ другой. «Однако—говоритъ «Горнозаводскій Листокъ»—14-го сентября состоялся въ Москвѣ земскій съѣздъ, постановленія котораго по вопросамъ финансовымъ и экономическимъ составлены безъ всякаго вниманія къ интересамъ заинтересованныхъ лицъ и учрежденій [2]), *рѣзко задѣвая интересы промышленности и торговли»* [3]). Выяснилось, что *о соглашеніи* между обоими съѣздами—промышленнымъ и земско-городскимъ—*рѣчи быть не можетъ*. Больше попытокъ въ этомъ направленіи уже не дѣлалось.

Хотя совершенно правъ былъ Норпе, когда говорилъ, что политическій союзъ промышленниковъ «не имѣлъ видовъ на успѣхъ» въ смыслѣ привлеченія другихъ элементовъ, однако партійныя образованія все таки возникали. То-же бюро съ Норпе во главѣ выработало все-таки программу *«прогрессивной партіи русскихъ промышленниковъ и торговцевъ»* и опубликовало ее въ октябрѣ [4]).

---

[1]) Докладъ 12 го января 1906 г. на съѣздѣ „Союза промышленныхъ и торговыхъ предпріятій Россіи".

[2]) Сентябрьскій съѣздъ принялъ кадетскую программу по аграрному вопросу, 8-часовой раб. день. и пр.

[3]) 1905 годъ, № 41.

[4]) „Торгово-промышленная газета" № 235.

Тогда-же была опубликована [1]) программа и другой петербургской партіи «*прогрессивно-экономической*». Ядромъ, изъ котораго образовалась послѣдняя, было дѣятельное петербургское «Общество для содѣйствія улучшенію и пр.», выдѣлившее изъ себя партійный центръ. Знамя прогрессивно-экономической партіи—«Свобода, знаніе, трудъ»; оттѣнокъ—умѣренно-конституціонный. Эту партію вдохновляетъ въ прошломъ фигура Петра Великаго, «истиннаго выразителя серьезнаго, дѣлового, патріотическаго настроенія». Особенно настаиваетъ она на развитіи торговопромышленной дѣятельности, на покровительствѣ отечественной промышленности (доступный кредитъ, пути сообщенія, таможенный протекціонизмъ, казенные заказы только русскимъ фабрикамъ и заводамъ). Обѣ программы весьма близки другъ къ другу: московская сравнительно демократичнѣе; петербургская больше проникнута протекціонизмомъ. Въ политическомъ отдѣлѣ программы *обходится* вопросъ о размѣрѣ правъ народнаго представительства и объ избирательномъ правѣ. Въ экономической части устраняется законодательное ограниченіе рабочаго времени взрослыхъ мужчинъ. Въ отдѣлѣ «рабочій вопросъ» фигурируетъ такой пунктъ: «предоставленіе фабрично-заводскимъ и инымъ промысловымъ рабочимъ права и возможности общественной и политической дѣятельности *въ соотвѣтствіи съ сельскимъ населеніемъ*».

Верхи промышленной буржуазіи участвовали и въ «*партіи правоваго порядка*», организовавшейся 15-го октября [2]): здѣсь выставлялись идеи сильной государственной власти, усовершенствованія военныхъ силъ; также обходился вопросъ о функціяхъ народнаго представительства и объ избирательномъ законѣ.

Въ концѣ года, однако, опять какимъ-то образомъ воскресаетъ «торгово-промышленная партія»—воскресаетъ, конечно, только на бумагѣ. Отъ имени этой партіи выпущено въ ноябрѣ *воззваніе* «Къ избирателямъ въ Государственную Думу» за подписью 87 лицъ, среди которыхъ фигурируютъ всѣ звѣзды первой величины московскаго промышленнаго небосклона [3]). Указавъ на сплоченность крайнихъ партій, воззваніе ратуетъ за необходимость «быстро соединиться лицамъ правопорядка», какъ *опорѣ «сильной правительственной власти*, безъ которой немыслимо успокоеніе», и затѣмъ формулируетъ программу партіи. Ея пункты: I. «Полное содѣйствіе правительству по проведенію въ жизнь началъ 17-го октября и по огражденію закономѣрнаго порядка». II. «Сохраненіе цѣлости Россіи». III. «Регулированіе (!? А. Е.) дарованныхъ манифестомъ 17-го октября правъ... законами, гарантирующими цѣлость государства и ограждающими какъ личность отдѣльныхъ гражданъ, такъ и вообще населеніе». Въ отдѣлѣ IV (*«Созидательная дѣятельность Госуд. Думы»*) фигурируютъ большею частью туманныя фразы, вродѣ: «Развитіе мѣстнаго самоуправленія», «заботы объ усиленіи производительности земли и развитіи всѣхъ родовъ промышленной дѣятельности», «коренной пересмотръ (?! А. Е.) дѣйствующаго рабочаго законодательства» и т. д.

---

[1]) Ibidem № 231.

[2]) Въ комитетѣ ея участвовали нѣкоторые промышленники (Виссендорфъ и др.).

[3]) Крестовниковъ, Якунчиковъ, Рябушинскіе, Баршевъ, Коншины, Бахрушины, Кнопы, Морозовы, Листъ, Арманъ, Коноваловъ, Корзинкинъ, Прохоровы, Кузнецовъ, Бѣляевъ, Дербеневы, Мальцевъ, Кокоревъ и др.

Замѣчательно, что «Воззваніе къ предстоящимъ выборамъ въ Госуд. Думу» выпустила еще раньше (21 октября) «прогрессивно-экономическая партія» (петербургская). Такимъ образомъ промышленники едва-ли не *раньше всѣхъ* другихъ слоевъ начали предвыборную кампанію, пытались жать тамъ, гдѣ не сѣяли. До избирательной жатвы, однако, было еще далеко. И торговопромышленная партія, въ лицѣ ея «Комитета», скоро опять выплываетъ наружу, но въ совершенно иной «кампаніи».

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ московскихъ газетахъ напечатано было [1]) объявленіе этого комитета о пріемѣ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ во время декабрьскихъ событій воиновъ, полицейскихъ чиновъ и обывателей. Для пріема пожертвованій указаны адреса крупныхъ фирмъ [2]). Тотъ же «Комитетъ» участвовалъ въ *«блокѣ правыхъ партій»* въ Москвѣ, наряду съ комитетами союза 17-го октября, партіи правового порядка и умѣренно-прогрессивной партіи. Блокъ выпустилъ въ декабрѣ воззваніе противъ забастовщиковъ, гдѣ говорится, что кровь всюду проливаютъ не правительство, а революціонеры и т. под. въ томъ же духѣ.

Кончилась революція—исчезли всѣ «партіи» торговопромышленныхъ дѣятелей. Эти партійныя образованія были, прежде всего, принаровлены къ перспективѣ грядущаго народнаго представительства, какъ *властной, рѣшающей силы*. Съ побѣдой реакціи эта перспектива потускнѣла,—вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла свою остроту надобность въ партійныхъ образованіяхъ. Не надобно стало партій еще и потому, что, въ сущности, вся крупно-промышленная буржуазія *фактически составляетъ*, можно сказать, *одну партію*, и ея организованные кадры давно существуютъ и дѣйствуютъ уже много лѣтъ. Правда, Норпе и другіе промышленники всегда увѣряютъ, что они изъ своей организаціи устранили элементъ «политики», но въ дѣйствительности устранена здѣсь политика только въ смыслѣ *оппозиціонной* политической дѣятельности. Наконецъ, разсчеты на уловленіе избирателей на выборахъ тоже оказались несбыточными: крупно-промышленная буржуазія никого не могла привлечь въ свои ряды, кромѣ себя самой же; массы никакой у нея не было для партійнаго существованія.

Такъ и исчезли всѣ промышленныя «партіи», какъ таковыя. И только впослѣдствіи образовалась *«торгово-промышленная группа»* членовъ Госуд. Думы и Государственнаго Совѣта: здѣсь встрѣчаются другъ съ другомъ старые знакомые—дѣятели отечественной промышленности, привыкшіе и раньше дѣйствовать вмѣстѣ въ своихъ крѣпкихъ организаціяхъ и въ правительственныхъ совѣщаніяхъ.

Что касается отношенія промышленныхъ круговъ къ народному представительству въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ нѣдръ революціи, то это отношеніе было неодинаково въ началѣ существованія Государственной Думы и впослѣдствіи.

Въ первое время предстоящая дѣятельность Госуд. Думы вызывала въ промышленныхъ кругахъ напряженный интересъ и—*тревогу*. Какъ ни увлекались эти круги идеей народнаго представительства въ періодъ либеральныхъ

---

[1]) Напр., „Русскія Вѣдомости“ № 326.

[2]) Н. Коншина, А. Карпова, Филатова, Титова.

записокъ, но со временемъ, когда идея эта такъ или иначе воплощалась въ имѣющее открыть свои дѣйствія учрежденіе, практичныхъ дѣятелей промышленности не могло не охватить нѣкоторое чувство неувѣренности, безпокойства: неизвѣстно было, каковъ будетъ составъ и направленіе этого новаго органа законодательства, будутъ-ли въ немъ представители промышленности окружены тою-же атмосферой снисходительности, расположенія, къ которой они привыкли раньше.

Этой тревогѣ промышленники неоднократно давали опредѣленное выраженіе. Еще въ мартѣ 1905 года, когда въ Совѣтѣ по горно-промышленнымъ дѣламъ, подъ предсѣдательствомъ В. И. Ковалевскаго, разсматривался проектъ положенія о горно-промышленныхъ съѣздахъ и Ковалевскій все тщетно уговаривалъ промышленниковъ высказаться за свободное начало явочнаго союза и отказаться отъ метода опеки въ видѣ зависимыхъ отъ министра съѣздовъ съ *назначенными* предсѣдателями, то старый лидеръ промышленниковъ, Авдаковъ, ему отвѣтилъ: «Вся бѣда въ томъ, что вы исходите изъ будущаго, которое намъ *еще невѣдомо*, а я изъ практики. А эта практика такова, что *до сихъ поръ насъ никто никогда ни въ чемъ не стѣснялъ*, а даже, напротивъ, мы *всегда пользовались широкимъ просторомъ*» [1]).

Въ мартѣ 1906 года, на 30-мъ съѣздѣ южныхъ горно-промышленниковъ, проводилась аналогичная мысль: «Происшедшій переворотъ въ нашей государственной жизни ставитъ промышленниковъ въ *совершенно другія отношенія* къ органамъ государственнаго управленія и вызываетъ цѣлый рядъ *новыхъ вопросовъ*, требующихъ отъ представителей промышленности, съ одной стороны, много работы и энергіи для надлежащей разработки и освѣщенія входящихъ въ сферу интересовъ промышленности вопросовъ, чтобы, когда таковые станутъ предметомъ разсмотрѣнія народныхъ представителей, послѣднимъ даны были въ руки матеріалы достаточно разработанные и освѣщенные, а съ другой стороны требующихъ *много настойчивости* въ достиженіи того, чтобы справедливые интересы горной и горно-заводской промышленности получали надлежащее удовлетвореніе» [2]).

Еще недвусмысленнѣе, въ почти классическихъ выраженіяхъ формулировано отношеніе къ Государственной Думѣ почти наканунѣ ея созыва, въ брошюркѣ, выпущенной въ февралѣ 1906 года иниціаторами всероссійскаго объединенія промышленниковъ. Тутъ говорится: «Надѣяться, что Дума отнесется къ промышленности и торговлѣ *сочувственно*, что вопросы рабочей и таможенной политики не будутъ разрѣшены *во вредъ* имъ, что *налоги* будутъ справедливо распредѣляться между всѣми классами населенія, а не лягутъ почти *исключительно на промышленниковъ и торговцевъ, едва ли возможно*, такъ какъ наши земледѣльческіе элементы очень мало знакомы съ дѣйствительнымъ значеніемъ промышленности и торговли, а наше *общество* почти не сознаетъ той громадной роли, которую эти отрасли играютъ въ народномъ хозяйствѣ, и смотрятъ на промышленниковъ и торговцевъ, какъ на *паразит-*

---

[1]) „Сынъ Отечества“ 1905 г., № 26.

[2]) Изъ доклада Прядкина о новомъ положеніи о съѣздахъ горно-промышленниковъ.

ный денежный классъ, который безъ особаго затрудненія можетъ нести тяготы налоговъ» [1]).

Въ докладной запискѣ министру юстиціи петербургскаго общества для содѣйствія и пр. о необходимости примѣненія уголовныхъ каръ къ рабочимъ «въ случаяхъ насилій и угрозъ», Государственная Дума характеризуется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дума, при неизбѣжной неопытности и отсутствіи навыка ея руководителей, при неустановившемся порядкѣ ея дѣйствій, въ теченіе значительнаго времени будетъ до такой степени обременена массою накопившагося дѣла, что несомнѣнно замедлитъ разсмотрѣніе многихъ назрѣвшихъ законодательныхъ мѣръ» [2]).

Особенно рѣзко отрицательное отношеніе, естественно, вызывали къ себѣ въ промышленныхъ кругахъ первыя двѣ Думы. О первой Думѣ, напримѣръ, предсѣдатель петербургскаго «Общества заводчиковъ и фабрикантовъ», Глезмеръ, выразился такъ: «Если бы предложенія первой Думы, клонящейся къ тому, чтобы раздѣлить землю по 4 десятины на человѣка, осуществилось, то, конечно, наша промышленность осталась-бы и безъ потребителей и безъ рабочихъ» [3]). Его-же формула гласитъ: «*Чѣмъ позже будутъ разсматриваться эти законы въ новой Государственной Думѣ, тѣмъ правильнѣе будетъ ихъ рѣшеніе*» [4]).

Послѣ приведеннаго нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ что актъ 3-го іюня 1907 года былъ встрѣченъ въ промышленныхъ кругахъ безъ всякаго протеста, чтобъ не сказать больше...

IV. Выступленія городскихъ самоуправленій. Съѣзды городскихъ дѣятелей.

Вопреки довольно распространенному взгляду, торгово-промышленный классъ *далекъ отъ того, чтобы доминировать въ нашихъ органахъ городского самоуправленія* и окрашивать собою ихъ дѣятельность; вѣрно лишь то, что изъ всѣхъ органовъ самоуправленія и общественныхъ учрежденій [5]) торгово-промышленный классъ сильнѣе представленъ въ городскихъ думахъ. Соотвѣтственно этому было бы *весьма ошибочнымъ* относить выступленія гор. думъ цѣликомъ за счетъ промышленной буржуазіи.

Здѣсь не мѣсто подробно обосновывать и развивать это положеніе. Кое-что сказать, однако, для его оправданія необходимо. Сошлемся прежде всего на извѣстнаго изслѣдователя городского самоуправленія, Гр. Шрейдера, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришелъ къ такому-же заключенію [6]), изучая об-

---

[1]) Изъ брошюры „Что до сихъ поръ сдѣлано для объединенія отечественной промышленности и торговли на экономической почвѣ?“

[2]) Докладная записка отъ 23 ноября 1905 года.

[3]) Въ рѣчи 14 декабря 1906 года въ совѣщаніи министра торговли и промышленности.

[4]) *Конецъ той-же рѣчи.*

[5]) Если, конечно, не считать организацій промышленниковъ.

[6]) См. его статьи: „Къ пересмотру городового положенія“ въ „Народномъ хозяйствѣ“, за ноябрь и декабрь 1901 г. и „О городскихъ управахъ“ тамъ же за январь—февраль 1903 года.

ширный фактическій матеріалъ, касающійся болѣе чѣмъ 40 крупныхъ и мелкихъ городовъ и характеризующій послѣдовательно составъ какъ избирателей, такъ гласныхъ и управъ нашихъ муниципалитетовъ. Изъ работъ Шрейдера мы здѣсь приведемъ лишь нѣсколько цифръ и общіе его выводы.

Изъ числа *избирателей* принадлежатъ къ торгово-промышленному классу:

въ мелкихъ	городахъ	19.5	проц.	всѣхъ избирателей
въ среднихъ	»	12.2	»	» »
въ крупныхъ	»	27.0	»	» »

«Въ широкихъ кругахъ общества—говоритъ г. Шрейдеръ—весьма распространена, поддерживаемая и печатью, *легенда* о будто-бы господствующемъ положеніи, занимаемомъ въ муниципальной области торгово-промышленнымъ классомъ населенія. Очевидно, *наши цифры, если даже не уничтожаютъ вполнѣ этой легенды, то во всякомъ случаѣ пробиваютъ въ ней довольно широкую брешь*» [1]).

Если принять число *избирателей* изъ купечества за 100, то, какъ это вытекаетъ изъ цифровыхъ данныхъ Шрейдера, число избирателей дворянъ и разночинцевъ выразится въ слѣд. числахъ:

въ городахъ съ населеніемъ до 10.000 . . .	146
въ городахъ » » 10.000—50.000 . .	122
въ » » » 50.000 и болѣе . .	144

Если принять процентъ *гласныхъ* опредѣленной группы наканунѣ реформы 1892 г. за 100, то тотъ же процентъ въ 1901 г. выразится въ числахъ:

	для купеч. группы,	для интел.-чин. группы
Для города Саратова	96	192
» » Ростова-на-Дону . .	89	165
» » Екатеринослава . .	87	141
» » Нижняго-Новгорода .	98	128
» » Одессы	54	148

«Если принять во вниманіе—говоритъ Шрейдеръ—что мы имѣемъ тутъ дѣло по преимуществу [2]) съ быстро растущими торгово-промышленными центрами, гдѣ, поэтому, казалось-бы, должно-бы усиленно рости вліяніе купечества, то надо будетъ признать приведенныя данныя весьма знаменательными и, во всякомъ случаѣ, въ значительной мѣрѣ подрывающими столь распространенную *легенду* о голово-кружительномъ ростѣ *купеческой муниципальной гегемоніи*... Въ дѣйствительности мы стоимъ уже *лицомъ къ лицу* съ совершенно другою *надвигающейся гегемоніей—интеллигентско-чиновничьей* или—вѣрнѣе—даже просто чиновничьей»... [3]).

Не найдя въ литературѣ болѣе свѣжихъ данныхъ, чѣмъ приведенныя г. Шрейдеромъ, мы попробовали изучить съ интересующей насъ стороны данныя о гласныхъ петербургской гор. думы. Матеріалами послужили: 1) «Общій и поразрядный списки *гласныхъ* с.-петербургской городской думы, исправленные на 1 января 1909 года», 2) «Участковые списки спб. городскихъ *избирателей*,

[1]) „Народное хозяйство“ ноябрь 1901 г., стр. 135, 138.

[2]) У Шрейдера цифры для 11 крупныхъ городовъ.

[3]) „Народное Хозяйство“, декабрь 1901 г., стр. 127.

составленные къ выборамъ въ гласные гор. думы на 6-тилѣтіе 1907—1913 гг»., 3) дополнительныя устныя разъясненія свѣдущихъ лицъ о соціальномъ положеніи гласныхъ—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на этотъ вопросъ не давали отвѣта списки гласныхъ и избирателей (среди послѣднихъ и выбранные гласные).—Беремъ гласныхъ, избранныхъ въ 1906 г.: по I разряду 27 гласныхъ и 12 кандидатовъ; по II разряду 54 гласныхъ и 20 кандидатовъ,—всего 81 гласный и 32 кандидата; изъ нихъ удалось опредѣлить соціальные признаки для 98 гласныхъ кандидатовъ или 86.6%.

Классификація принята по слѣд. 4 группамъ:

Группа I—представители промышленности, торговли и кредита (хотя бы они были въ то же время чиновниками, помѣщиками, домовладѣльцами).

Группа II—чиновники гражданскіе и военные (по домовладѣльческому цензу или квартирному налогу), *не* являющіеся промышленниками или торговцами.

Группа III—помѣщики (по тѣмъ же цензамъ), хотя бы они были въ то же время чиновниками, но *не* промышленниками или торговцами.

Группа IV—лица либеральныхъ профессій (по тѣмъ-же цензамъ), *не* являющіеся промышленниками или торговцами.

При такой классификаціи получаемъ для упомянутыхъ 98 гласныхъ и кандидатовъ слѣд. таблицу:

Группа.	Число гласныхъ.			Въ процентахъ.		
	I разр.	II разр.	Всего	I разр.	II разр.	Всего.
I	7	25	32	23.3%	36.7%	32.6%
II	10	11	21	33.3%	16.2%	21.4%
III	5	2	7	16.7%	2.9%	7.1%
IV	8	30	38	26.7%	44.2%	38.9%
Всего . . .	30	68	98	100%	100%	100%

Итакъ группа торгово-промышленная имѣетъ меньше $^1/_3$ гласныхъ. Одна разночинная интеллигенція имѣетъ 29% гласныхъ, а вмѣстѣ съ бюрократіей—цѣлыхъ 60% гласныхъ.

Мы, конечно, не забываемъ, что Петербургъ городъ чиновничества, что здѣсь кромѣ того квартирный налогъ даетъ избирательный цензъ. Но за всѣмъ тѣмъ цифры относительно Петербурга являются не лишеннымъ интереса дополненіемъ къ даннымъ и выводамъ г. Шрейдера.

Въ общемъ, если отвлечься отъ индивидуальныхъ особенностей отдѣльныхъ городовъ, наши городскія самоуправленія представляютъ по соціальному составу такую картину. Нѣкоторое *меньшинство* состоитъ изъ представителей капитала промышленнаго или—чаще—торговаго. Другая группа, большею частью численно *преобладающая*, рекрутируется изъ чиновничества и представителей либеральныхъ профессій, преимущественно обладающихъ домовладѣльческимъ цензомъ. Эта группа по уровню своего политическаго развитія сильно отстаетъ отъ не-

большой группы выдѣляющихся на ея фонѣ представителей профессіональной интеллигенціи, играющихъ *самую активную роль* въ дѣятельности городскихъ думъ и—еще больше—городскихъ управъ. [1])

Эти положенія необходимо имѣть въ виду при чтеніи дальнѣйшаго изложенія. Они сдѣлаютъ понятнымъ то обстоятельство, почему въ движеніи 1905 г., городскія думы въ общемъ и цѣломъ отставали отъ земскихъ съѣздовъ, а также то, какимъ соціальнымъ элементамъ принадлежатъ рѣшительныя ноты, которыя иногда раздавались на засѣданіяхъ нашихъ муниципалитетовъ. Это, впрочемъ, будетъ видно и по именамъ выступавшихъ городскихъ дѣятелей.

Такъ какъ дѣятельность многихъ городскихъ думъ нашла себѣ уже отраженіе въ «Общей картинѣ движенія», [2]) то мы здѣсь дадимъ только *дополнительные* штрихи и остановимся преимущественно на фактахъ, рисующихъ роль *торговопромышленныхъ* элементовъ въ выступленіяхъ городскихъ думъ и съѣздовъ городскихъ дѣятелей.

Полоса либеральныхъ заявленій городскихъ муниципалитетовъ открывается выступленіемъ *московской* думы 30-ноября 1904 года. Въ засѣданіи этого дня, передъ обсужденіемъ смѣты на 1905 годъ, группа гласныхъ внесла обширное заявленіе. «Разсмотрѣніе въ московской гор. думѣ—говорится въ заявленіи—проекта смѣты доходовъ и расходовъ на будущій 1905 годъ, долженствующее составить одинъ изъ послѣднихъ, существенно важныхъ актовъ дѣятельности гор. думы настоящаго состава, невольно заставляетъ обратить взглядъ назадъ»... Далѣе идетъ характеристика препятствій, встрѣчавшихся думой въ ея дѣятельности: устарѣлый и неуравнительный городской налогъ; «не предоставленіе общинѣ, вопреки постановленія закона, участія въ нѣкоторыхъ видахъ государственныхъ налоговъ и оставленіе на городской казнѣ тягости обширныхъ расходовъ общегосударственнаго характера», обременительность государственныхъ обложеній, «непомѣрность натуральныхъ повинностей, отбываемыхъ населеніемъ исключительно по соображеніямъ государственнаго порядка», а также вслѣдствіе безправнаго положенія населенія по отношенію къ администраціи, наконецъ, тѣ правовыя условія, въ которыя поставлены городская община и населеніе города». Эти послѣднія «принуждены постоянно подвергаться и подчиняться административнымъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, основаннымъ на «усмотрѣніи» и во многихъ случаяхъ несогласнымъ съ закономъ». «Вслѣдствіе существующихъ условій, опредѣляющихъ въ русскомъ обществѣ положеніе личности, права общей печати, предѣлы гласности и право совѣщаній, живая и тѣсная связь общественнаго управленія съ населеніемъ и откровенное обсужденіе общественныхъ вопросовъ неосуществимы».

«На основаніи вышеизложеннаго — говоритъ въ заключеніе заявленіе—имѣемъ честь предложить Думѣ принять слѣдующее постановленіе: представить

---

[1]) Изъ 52 членовъ управы имѣютъ торгово-промышленный цензъ только 8 или 15.4%. Управскихъ мѣстъ принадлежало: купцамъ и потомственнымъ почетнымъ гражданамъ 43.9% до 1892 г. и 39.1% послѣ 1892 г.; дворянамъ 37.8% до и 52.2%, послѣ 1892 года. Изъ 34 городскихъ головъ было купцовъ и потомственныхъ почетныхъ гражданъ 13 или 38.2%, а дворянъ и разночинцевъ 21 или 61.8%. См. Гр. Шрейдеръ. „Нар. Хоз.“ 1901 г. № 10.

[2]) Т. II, часть 1-ая.

высшему правительству, что, по мнѣнію московской гор. думы, неотложно необходимо: установить огражденіе личности отъ внѣ-судебнаго усмотрѣнія; отмѣнить дѣйствіе исключительныхъ законовъ; обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова и печати, свободу собраній и союзовъ; провести вышеуказанныя начала въ жизнь на обезпечивающихъ ихъ неизмѣнность незыблемыхъ основахъ, выработанныхъ при участіи свободно избранныхъ представителей населенія; установить правильное взаимодѣйствіе правительственной дѣятельности съ постояннымъ, на законѣ основаннымъ, контролемъ общественныхъ силъ надъ законностью дѣйствій администраціи» [1]).

Для своего времени и для московскаго муниципалитета такое заявленіе, благосклонно принятое 82 гласными въ присутствіи многочисленной публики [2]), было настолько смѣлымъ, что въ литературѣ наталкиваешься на склонность объяснять эту смѣлость желаніемъ выиграть во мнѣніи избирателей, въ виду непосредственно предстоявшихъ тогда новыхъ выборовъ гласныхъ московской думы [3]).

Вѣроятнѣе, однако, усмотрѣть въ этомъ выступленіи московской думы вліяніе непосредственно передъ тѣмъ состоявшагося *съѣзда земскихъ дѣятелей* 6—8 того же ноября. Отчасти это подсказывается отраженіемъ формулированныхъ земскимъ съѣздомъ desiderata на заключительной части заявленія думскихъ гласныхъ. Еще больше въ пользу этой мысли говоритъ близость круга дѣятелей московской думы къ земскимъ кругамъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые гласные московской думы непосредственно участвовали въ земскомъ съѣздѣ 6—8 ноября.

Это выступленіе московской думы стоитъ одиноко въ лѣтописи либеральныхъ заявленій городскихъ думъ вообще: послѣднія выступили на этотъ путь только *послѣ* изданія *указа 12-го декабря*. Вліяніе всякой уступки правительства, производившей впечатлѣніе *санкціи* требованій народнаго движенія, на ростъ смѣлости либеральныхъ выступленій сказывается здѣсь, конечно, не меньше, чѣмъ въ запискахъ промышленныхъ организацій. Нѣкоторыя думы проявили даже непомѣрно утрированную оцѣнку значенія указа 12 декабря. Напр. *саратовская* дума въ своемъ вѣрноподданническомъ адресѣ (январь 1905 года) говоритъ, что этотъ указъ «освѣтилъ страну лучемъ радостныхъ надеждъ и упованій», что онъ «явился тѣмъ великимъ словомъ Русскаго Царя, тѣмъ творческимъ призывомъ на великій путь обновленія и усовершенствованія, который не замедлитъ вывести дорогую нашу родину на свѣтлый путь счастья и благоденствія» [4]).

Указъ 12-го декабря и—особенно—рескриптъ 18-го февраля какъ будто развязываютъ руки городскимъ думамъ. Послѣ этихъ актовъ, послѣ періода банкетовъ и паденія Портъ-Артура, послѣ 9-го января и разгара забастовочнаго

---

[1]) „Извѣстія московской городской думы", отдѣлъ общій, январь 1905 года, стр. 47—49.

[2]) Губернаторъ, конечно, опротестовалъ постановленіе, состоявшееся по обсужденіи этого заявленія.

[3]) Къ этому отчасти даютъ поводъ вступительныя слова заявленія.

[4]) „Право" 1905 годъ., № 4 стр. 246—7.

движенія,—начинаютъ выступать думы различныхъ городовъ. На ихъ заявленіяхъ болѣе или менѣе отражается та ступень политическаго подъема, которой достигло въ это время движеніе болѣе демократическихъ слоевъ, отголоскомъ котораго и были выступленія городскихъ думъ. Но отражается не на всѣхъ одинаково. Муниципалитеты *крупныхъ* центровъ, представляющіе вѣскіе, самостоятельные организмы, либо вовсе не выступаютъ, либо выступаютъ въ традиціонныхъ вѣрноподданническихъ формахъ (Петербургъ, Саратовъ и др.), высказываются весьма робко, неопредѣленно о характерѣ будущаго народнаго представительства (Нижній-Новгородъ, Вильна, Саратовъ и др.).

Совсѣмъ иной характеръ носятъ выступленія городскихъ думъ въ мелкихъ, *не промышленныхъ* провинціальныхъ пунктахъ. Тутъ, очевидно, отцы города не живутъ обособленною самостоятельною жизнью; они слишкомъ легко, безъ сопротивленія, растворяются въ окружающей ихъ массѣ родственныхъ соціальныхъ элементовъ, а зачастую являются, въ періодъ всеобщаго подъема, воскомъ, изъ котораго могутъ лѣпить любую форму болѣе активные демократическіе низы. Читая резолюціи думъ такихъ мелкихъ пунктовъ, чувствуешь навѣянность этихъ резолюцій, ощущаешь легкость, съ которой онѣ примыкали къ крайнимъ требованіямъ и лозунгамъ, подхваченнымъ внѣ думской среды, на какомъ-либо банкетѣ, въ прокламаціи и пр. Самыя рѣшительныя, крайнія демократическія требованія формулированы въ постановленіяхъ муниципалитетовъ ставропольскаго, краснохолмскаго, симбирскаго, эриванскаго, ковенскаго и др., которые, очевидно, озабочены тѣмъ, чтобъ не «отстать отъ вѣка».

Вотъ, напримѣръ, петиція *эриванской* думы [1]). Она начинается съ заявленія: «Всеобщее недовольство современными порядками русской жизни, вызвавшее во всѣхъ слояхъ общества... выкрикъ «такъ жить нельзя», охватило и нашу окраину». Далѣе идетъ аргументація *мѣстными* нуждами, а за ними, безъ всякаго промежуточнаго звена, заявляются «нужды»: созывъ учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, прямого и пр., выборность судей; націонализація земли; полное равноправіе женщинъ; восьмичасовой рабочій день; подоходный прогрессивный налогъ и т. д.

Ставропольская дума единогласно, безъ преній, принимаетъ [2]) *всеподданнѣйшій адресъ*, гдѣ предъявляется требованіе *учредительнаго собранія* по 4-хчленной формулѣ и пр. Того же требуетъ *симбирская* дума [3]). *Краснохолмскій* муниципалитетъ тоже выкладываетъ во *всеподданнѣйшемъ адресѣ* [4]) всю демократическую программу, включая принудительное отчужденіе земли, однопалатную систему, отвѣтственность министровъ, выборность судей, подчиненіе полиціи городскому самоуправленію и пр.

Масса провинціальныхъ пунктовъ фигурируетъ только со своими заявленіями о неотложности созыва народныхъ представителей — особенно послѣ 18-го февраля и Цусимы. Саратовская дума въ петиціи своей [5]) такъ и пишетъ,

[1]) Конецъ мая 1905 г.
[2]) Въ апрѣлѣ 1905 г.
[3]) 8-го апрѣля 1905 г.
[4]) 22-го февраля 1905 г.
[5]) Май 1905 года.

между прочимъ: «И если 18-го февраля, до пережитыхъ Россіей пораженій на театрѣ войны, Ваше Величество находитъ необходимымъ призывъ избранниковъ народа, то нынѣ (послѣ Цусимы. А. Е.) немедленный созывъ этихъ избранниковъ народа является единственной и неотложной мѣрой, могущей еще вывести Россію изъ настоящаго невыносимаго положенія».

Въ отличіе отъ петиціоннаго движенія земствъ, имѣвшаго свой центръ (организаціонное бюро), выступленія думъ идутъ *безъ организаціоннаго центра* довольно продолжительное время. На путь съѣздовъ городскіе дѣятели выступаютъ гораздо позже земцевъ и—что еще важнѣе—на этихъ *съѣздахъ они почти всегда* (если не считать гласныхъ изъ профессіональной интеллигенціи) занимаютъ самый правый флангъ, отстаивая наиболѣе консервативную, а то и реакціонную позицію. И почти всегда *застрѣльщиками* этого фланга выступаютъ элементы изъ *торговопромышленной* среды,—изъ нихъ на первомъ планѣ извѣстный А. И. Гучковъ. Что позиція земско-городскихъ съѣздовъ весьма существенно расходилась съ позиціей промышленниковъ pur sang—лучше всего иллюстрируется приведеннымъ уже фактомъ *краха*, который потерпѣла дважды попытка *соглашенія* обѣихъ группъ. Мы видѣли, что, по словамъ самихъ пРомышленниковъ, постановленія сентябрьскаго земско-городского съѣзда *«рѣзко задѣвали интересы торговли и промышленности»*.

Въ то время, какъ прослѣдить роль различныхъ соціальныхъ элементовъ въ составленіи адресовъ и петицій отдѣльныхъ думъ чрезвычайно трудно и намъ въ этомъ случаѣ пришлось присмотрѣться къ различію въ *типѣ* выступленій крупныхъ промышленныхъ центровъ съ одной стороны и непромышленныхъ съ другой,—въ занятіяхъ *съѣздовъ* городскихъ дѣятелей представляется бо́льшая возможность прослѣдить роль представителей торгово-промышленнаго класса. На этихъ съѣздахъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе, поскольку позволяетъ мѣсто.

Первое совѣщаніе городскихъ дѣятелей состоялось одновременно съ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей въ Москвѣ въ концѣ февраля 1905 г. При этомъ, земцы выставили тогда уже требованіе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Городскіе-же дѣятели ограничились постановленіемъ объ участіи въ совѣщаніи Булыгина.

24-го мая состоялся, по поводу Цусимы, коалиціонный съѣздъ земцевъ съ участіемъ меньшинства ноябрьскаго съѣзда («шиповцевъ») и городскихъ дѣятелей. Составленный здѣсь конституціонный адресъ былъ 6-го іюня переданъ въ Петергофѣ депутаціей изъ 11 земцевъ и 3 гласныхъ петербургской думы. Въ этой попыткѣ столковаться съ самодержавіемъ, какъ и во всемъ съѣздѣ, однако, вліяніе думскихъ дѣятелей сказалось весьма мало, а торгово-промышленныхъ элементовъ и вовсе нѣтъ.

2-го іюня частное совѣщаніе городскихъ головъ Москвы, Нижняго Новгорода, Казани и Харькова, съ участіемъ гласнаго московской думы, Н. Щепкина, рѣшаетъ, наконецъ, образовать общегородскую организацію и выбираетъ временное бюро. Оно организуетъ 15—16 іюня въ Москвѣ уже общій съѣздъ городскихъ дѣятелей, оказавшійся и болѣе многолюднымъ и содержательнымъ, соотвѣтственно состоянію общей политической атмосферы, насыщенной революціонными парами.

Изъ приглашенныхъ 205 человѣкъ явилось 117 представителей губернскихъ городовъ. Съѣздъ принялъ формулу земскаго съѣзда 6—8 ноября 1904 г., высказался за законодательную Думу, отвѣтственность министровъ, немедленное осуществленіе свободъ, двухпалатную систему; съѣздъ поднялъ возрастный цензъ для нижней палаты съ 21 года до 25 лѣтъ (но и для женщинъ) и установилъ, что число жителей на одного депутата въ городѣ должно быть въ 2 раза меньше, чѣмъ въ деревнѣ (противъ послѣдняго постановленія протестовалъ М. Петрункевичъ и еще 18 членовъ.) Судя по списку ораторовъ, активную роль на съѣздѣ играли представители интеллигенціи,—той, которая выступаетъ и на земскихъ съѣздахъ. Въ бюро совѣщаній были, напр., выбраны: князь В. Голицынъ (моск. гор. голова), проф. Погорѣлко, проф. Лучицкій, Мануиловъ, Меморскій, Н. Щепкинъ, Н. Гучковъ, М. П. Федоровъ, М. И. Петрункевичъ, Астровъ и др.

Іюньскій съѣздъ городскихъ дѣятелей создалъ почву для ихъ совмѣстныхъ дѣйствій съ земцами,—такъ осуществился впервые съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей 6 іюля, гдѣ отъ губернскихъ городовъ было по одному представителю (гор. голова), а отъ городовъ съ населеніемъ больше 100 тысячъ и отъ университетскихъ городовъ еще по одному представителю, по выбору думы. Здѣсь торгово-промышленный классъ не игралъ роли. Представителями отъ городовъ были, напр.: Астровъ, Н. Щепкинъ, Кокошкинъ, Пржевальскій, и Муромцевъ отъ Москвы; Арсеньевъ, Набоковъ отъ Петербурга, проф. Лучицкій отъ Кіева, Родзянко отъ Екатеринослава, кн. Д. Шаховской отъ Ярославля и т. д.

Болѣе значительную роль играли торгово-промышленные элементы городскихъ думъ на слѣдующемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей, состоявшемся 12—15 сентября и собравшемъ 126 представителей отъ земствъ и 68 отъ городовъ. Этотъ съѣздъ имѣлъ опредѣленный базисъ для преній—булыгинскую Думу 6-го августа, которая и подвергалась критикѣ. Постановленія въ общемъ были «земскія» (по тогдашнему времени). Было рѣшено, что первая задача Государственной Думы—преобразованіе самой Думы; избирательныя права женщинъ были отвергнуты 72 голосами противъ 60. Аграрная и рабочая программа были приняты въ духѣ кадетовъ. Былъ принятъ текстъ конституціоннаго воззванія къ гражданамъ. Горячія пренія сосредоточились вокругъ вопросовъ о децентрализаціи и національной автономіи. Противъ обоихъ этихъ пунктовъ демократической программы горячо возстали именно члены, представляющіе торгово-промышленную среду: А. И. Гучковъ и саратовскій городской голова А. Немировскій. На этомъ съѣздѣ ярко опредѣлилась политическая линія А. И. Гучкова. Московскіе купцы «земными поклонами» благодарили его послѣ съѣзда за то, что онъ «отстоялъ» Россію.

Еще болѣе характернымъ былъ послѣдній (6-й) съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, собравшійся въ Москвѣ 6—13 ноября. Начавшая уже падать линія революціоннаго движенія сказалась въ менѣе рѣшительномъ тонѣ всего съѣзда. Въ то время какъ 21-го октября приглашенное къ Витте бюро земско-городскихъ съѣздовъ (въ лицѣ Ф. Головина, Кокошкина и кн. Г. Львова) еще отстаивало предъ нимъ созывъ учредительнаго собранія по 4-хчлен. форм.,

какъ единственный выходъ изъ создавшагося положенія,—теперь ноябрьскій съѣздъ огромнымъ большинствомъ высказался только за «передачу первому собранію народныхъ представителей (по 4-член. форм.) учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи Россійской Имперіи». Шли горячіе дебаты, велась ожесточенная борьба, и опять-таки въ этой борьбѣ именно представители городовъ стояли большей частью на правомъ флангѣ, а представители промышленной буржуазіи—на самомъ крайнемъ правомъ.

Астраханскій биржевой комитетъ прислалъ телеграмму, рекомендуя *сплотиться вокругъ правительства* на основахъ манифеста 17 октября [1]). Казанская дума въ присланномъ заявленіи высказывалась за немедленный созывъ Государственной Думы *по закону 6-го августа*. Кронштадтская дума протестовала противъ учредительнаго собранія.

Что касается отдѣльныхъ городскихъ думъ, то актъ 6-го августа еще вызвалъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ (Москва, Вологда, Вильна, Нахичевань) заявленія о необходимости всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Но къ концу октября настроеніе многихъ думъ падаетъ; нѣкоторымъ изъ нихъ манифестъ 17 октября даже развязалъ руки: онѣ выражаютъ довѣріе правительству Витте и начинаютъ относиться отрицательно къ народной борьбѣ.

Эпидемія погромовъ, подъ аккомпаниментъ которыхъ во многихъ мѣстахъ читался манифестъ 17-го октября,—въ связи съ уступкой правительства, еще вызвала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боевую нотку у городскихъ муниципалитетовъ, поставившихъ даже вопросъ объ образованіи милиціи и комитетовъ общественнаго спасенія. Но то былъ моментальный порывъ, который сами отцы города сейчасъ же послѣ того старались основательно забыть, какъ только нѣкоторые элементы народнаго движенія, принявъ этотъ порывъ въ серьезъ, пробовали примкнуть къ думамъ. Другіе муниципалитеты проявили при этомъ скандальную безпомощность. Во время погрома въ Ростовѣ на Дону 18—19 октября «ростовскіе гласные не проявили достаточнаго гражданскаго мужества. Всѣ мѣры ихъ окончились рѣшеніемъ помолиться Богу и идти увѣщевать съ городскими знаменами воровъ и хулигановъ» [2]).

Къ ноябрю городскія самоуправленія совсѣмъ съежились. Тутъ чувствуется и дѣйствіе непрекращающихся забастовокъ, особенно больно ударявшихъ по интересамъ торговыхъ элементовъ изъ городскихъ гласныхъ. Тревога все болѣе охватываетъ думскихъ гласныхъ [3]). Въ московской думѣ, на которую до тѣхъ поръ оказывали давленіе засѣдавшіе въ Москвѣ земско-городскіе съѣзды, отклоняется внесенное во второй половинѣ ноября группой гласныхъ предложеніе—ходатайствовать, чтобы къ матросамъ въ Севастополѣ не была примѣнена смертная казнь [4]). Еще болѣе крутой поворотъ дѣлаетъ настроеніе думскихъ сферъ къ декабрю. И тутъ на первомъ планѣ стоитъ Москва, сдѣлавшаяся съ 7-го декабря театромъ чрезвычайныхъ событій.

---

[1]) «Право» 1905 г., № 44, стр. 3617.

[2]) Изъ заявленія, поданнаго въ нахичеванскую думу гласнымъ, прис. повѣреннымъ Г. Х. Чалхушьяномъ.

[3]) И не только ихъ: бѣгство богатыхъ слоевъ становится эпидемичнымъ, особенно въ столицахъ.

[4]) „Москва въ декабрѣ 1905 г.," стр. 214.

Здѣсь дума собралась только на пятый день послѣ начала гражданской войны. Здѣсь ярко обнаружились симпатіи братьевъ Гучковыхъ и поддерживавшихъ ихъ элементовъ. На предложеніе В. Пржевальскаго организовать продовольствіе населенія, А. И. Гучковъ возражаетъ: это неосуществимо при желѣзно-дорожной забастовкѣ и баррикадахъ на улицахъ; разрѣшить продовольственный кризисъ *нельзя безъ подавленія мятежа.* М. Челноковъ сообщаетъ, что въ Хамовнической части черносотенцу Шмакову разрѣшена вооруженная организація изъ 200 человѣкъ, что на нее назначено 6.000 р. въ мѣсяцъ, а расходы будутъ покрываться сборами съ домохозяевъ. Противъ кого же это— спрашиваетъ Челноковъ,—когда только патрули разстрѣливаютъ мирныхъ обывателей? А. И. Гучковъ и тутъ оправдываетъ дѣйствія администраціи: городъ находится въ такомъ положеніи, когда спокойствія можно ждать только при самооборонѣ.

На предложеніе организовать милицію гор. голова Н. И. Гучковъ заявилъ, что онъ и всѣ члены управы рѣшительно противъ этого, и, если милиція будетъ учреждена, то управа въ полномъ составѣ сложитъ съ себя обязанности. По поводу предложенія обратиться съ воззваніемъ къ населенію, А. И. Гучковъ разразился горячей филиппикой: бѣда въ томъ, что у администраціи мало силъ: не время теперь составлять зажигательныя резолюціи: всякая резолюція, осуждающая дѣйствія администраціи, подливаетъ только масло въ огонь; это въ кружкахъ рабочихъ явится новымъ призывомъ..... И эта рѣчь Гучкова вызвала аплодисменты гласныхъ [1]).

15-го декабря московская дума выбираетъ своихъ представителей (Перепелкина и Геннерта) въ совѣтъ при генералъ-губернаторѣ и такимъ образомъ санкціонируетъ дѣйствія Дубасова [2]). 20-го декабря заявленіе прис. повѣреннаго С. Левицкаго о примѣненіи всеобщаго голосованія къ выборамъ въ городскую думу встрѣчаетъ отпоръ со стороны гласныхъ съ А. И. Гучковымъ во главѣ. Королевъ и Карякинъ переходятъ въ наступленіе и заявляютъ: надо закрыть народный домъ на Введенской площади, ибо это очагъ крамолы. Другой гласный поддерживаетъ это предложеніе и прибавляетъ: это желаніе мѣстныхъ фабрикантовъ [3]). По поводу убійства доктора Воробьева приставомъ Ермоловымъ многіе гласные дѣлаютъ заявленія о подробностяхъ этого событія. Городской голова, Н. Гучковъ, сообщаетъ, что онъ передастъ прокурору не весь матеріалъ, а то, что сочтетъ нужнымъ. Всѣ протесты гр. С. Л. Толстого, заявляющаго, что голова обязанъ дѣлать то, что находитъ нужнымъ дума, не помогаютъ: Гучковъ остается при своемъ рѣшеніи.

Наконецъ, когда реакція окончательно одолѣла врага, Н. И. Гучковъ могъ пировать съ московскими властями и, чокаясь подъ новый годъ бокаломъ шампанскаго съ Дубасовымъ, торжественно заявить ему: «Въ нашемъ содѣйствіи Вы не должны сомнѣваться: всякій изъ насъ готовъ положить на это дѣло все свое

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1905 годъ, № 325.

[2]) Резолюцію думы, посвященную декабрьскимъ событіямъ, см. въ ст. „Общая картина движенія“, т. II, часть 1-я, стр. 146—147.

[3]) „Русскія Вѣдомости“ 1905 г., № 326.

разумѣніе, всѣ свои силы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ велико и то значеніе, которое выпало на Вашу долю въ данномъ дѣлѣ, какъ нашего руководителя»... [1])

V. Союзы работодателей. Локауты.

Революціонный шквалъ прошелъ. Изъ него крупная буржуазія вышла, въ концѣ концовъ, съ прежними, въ общемъ, чертами *политической* несамостоятельности и зависимости отъ бюрократической власти. Что-же касается области регулированія своихъ классовыхъ дѣлъ и дѣлишекъ, то тутъ отношеніе крупной буржуазіи къ власти государственной, какъ мы видѣли, было уже задолго до революціи далеко отъ дѣтской безпомощности и зависимости. Но было бы ошибочнымъ думать, что послѣ 1905 г. промышленная буржуазія возвратилась совсѣмъ въ «первобытное» состояніе дореволюціоннаго періода, что великій урокъ историческаго года ее ничему не научилъ. Процессъ *европеизаціи* россійской буржуазіи сдѣлалъ за этотъ годъ шагъ впередъ. Главнѣйшимъ его проявленіемъ была усиленная *классовая самоорганизація по всему фронту*, а ея наиболѣе характерной формой — организація *союзовъ работодателей*, имѣющихъ цѣлью организованный *отпоръ растущему рабочему движенію*.

Такихъ союзовъ совсѣмъ *не зналъ* дореволюціонный періодъ исторіи нашей буржуазіи. Какъ мы видѣли, старыя дореформенныя организаціи [2]) промышленныхъ и торговыхъ дѣятелей, заложенныя еще во времена графа Канкрина и долго влачившія жалкое существованіе, приблизительно съ 80-хъ годовъ оттѣсняются на задній планъ боевыми вліятельными организаціями совсѣмъ иного типа, преимущественно принимающаго форму «*съѣздовъ*» съ ихъ постоянными совѣтами и уполномоченными. Всѣ организаціи этого типа были преимущественно организаціями для систематическаго *воздѣйствія на органы государственной власти*. Къ ней-то исключительно и обращены были лицомъ промышленныя организаціи этого періода. *Черезъ ея посредство* промышленники регулировали всѣ свои дѣла—*въ томъ числѣ и отношенія къ рабочимъ*. Въ этотъ періодъ, когда рабочее движеніе проходило первоначальную стадію, когда немногочисленныя рабочія организаціи не выходили изъ подполья, когда рабочимъ приходилось только массовой практикой *стихійно* осуществлять формально непризнанное за ними право экономической борьбы, — капиталистическій классъ могъ предоставить борьбу съ рабочимъ движеніемъ органамъ правительства. Въ частныхъ же конфликтахъ по отдѣльнымъ заводамъ и фабрикамъ промышленники дѣйствовали на свой рискъ и страхъ.

1905 годъ въ значительной степени измѣнилъ обстановку. Рабочее движеніе разлилось широкимъ потокомъ по всей Россіи. Требованія рабочихъ росли непрерывно и довольно часто оказывались реализованными. Рабочее движеніе сдѣлалось общепризнаннымъ кореннымъ факторомъ всего революціоннаго движенія. Стачечная борьба легализовалась и фактически, и формально-юридически. Пріобрѣла нѣкоторое конкретное содержаніе связь рабочихъ съ политической партіей

---

[1]) „Москва въ декабрѣ 1905 года", стр. 220.

[2]) „Мануфактурные и коммерческіе совѣты" и „комитеты", позже „Совѣтъ торговли и мануфактуръ" и пр.

пролетаріата. Наконецъ, спѣшно создавались и пріобрѣтали боевой характеръ *профессіональныя организаціи* рабочихъ.

Всѣ эти обстоятельства, особенно *послѣднее* изъ нихъ, обострили въ промышленныхъ кругахъ потребность въ новой формѣ организаціи, спеціально задающейся цѣлью давать организованный отпоръ рабочимъ. Повторилось то, что раньше имѣло мѣсто въ другихъ капиталистическихъ странахъ. Въ Германіи, напримѣръ, организація спеціальныхъ союзовъ работодателей («Arbeitgeberverbände») тоже начинается только съ конца 80-хъ годовъ, т. е. со времени замѣтнаго усиленія профессіональныхъ рабочихъ союзовъ («Gewerkschaften»). Совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ классическаго новѣйшаго изслѣдованія о германскихъ союзахъ работодателей, д-ръ Кесслеръ: «*Gewerkschaft всюду предшествуетъ Arbeitgeberverband'у* [1]). Gewerkschaft, по природѣ вещей, нападаетъ, Arbeitgeberverband обороняется (что порою отношенія становятся обратными, — не мѣняетъ вѣрности этого положенія въ общемъ). Gewerkschaft, въ пору своей юности, преимущественно стачечный союзъ, Arbeitgeberverband— противостачечный».

Въ отношеніи русскихъ союзовъ работодателей это положеніе совершенно опредѣленно выставляется самими промышленниками — и съ полнымъ основаніемъ, хотя иногда со специфическимъ оттѣнкомъ. Рекомендуя «господамъ членамъ Общества» работу В. В. Громана объ организаціи работодателей въ Германіи и предвидя, что читатели, «чуждые промышленному дѣлу», вынесутъ «впечатлѣніе чего-то жесткаго, не гуманнаго» изъ чтенія этой книги, петербургское Общество заводчиковъ и фабрикантовъ говоритъ: «Но въ борьбѣ и не можетъ быть ничего иного, тѣмъ болѣе въ борьбѣ навязанной извнѣ доктринерами, не считающимися съ жертвами и не несущими никакой отвѣтственности. Въ этой борьбѣ позиція работодателей во всякомъ случаѣ оборонительная, а не наступательная» [2]). «Подъ вліяніемъ требованій дѣйствительности и въ частности *подъ вліяніемъ рабочаго движенія*, въ самое послѣднее время создаются, на подобіе петербургской промышленной организаціи, районные союзы фабрикантовъ и заводчиковъ въ другихъ промышленныхъ центрахъ»—заявляетъ предсѣдатель петербургскаго союза работодателей, С. Глезмеръ [3]).

Въ секретномъ докладѣ московскаго союза владѣльцевъ типографій говорится: «Въ настоящее время главной причиной, побуждающей владѣльцевъ... къ болѣе тѣсному общенію и взаимной поддержкѣ, является *рабочій вопросъ* въ широкомъ смыслѣ слова... Чѣмъ большую поддержку окажетъ союзъ своимъ членамъ въ ихъ *борьбѣ съ рабочими*» и т. д. [4]).

---

[1]) „*Die Gewerkschaft ist überall die primäre, der Arbeitgeberverband die sekundäre Erscheinung*“ (курсивъ Кесслера). Dr. Gerhard Kessler's „Die deutschen Arbeitgeberverbände“, S. 20. То-же явленіе отмѣчаетъ и Кулеманъ „Berufsvereine“, Band III относительно Германіи, Гриммъ относительно Швейцаріи, Каффъ относительно Австріи и т. д.

[2]) В. В. Громанъ „Организація работодателей въ Германіи“, изданіе „Общества заводчиковъ и фабрикантовъ“, предисловіе—обращеніе „Общества“.

[3]) Докладная записка министру торговли и промышленности отъ 25 февраля 1906 г., стр. 13.

[4]) „Трудъ и Техника“, 1907 г., № 11.

Объяснительная записка съѣзду фабрикантовъ и заводчиковъ въ маѣ 1906 г. говоритъ: «Массовый характеръ забастовокъ, а также редакціонная тожественность большинства пунктовъ требованій, предъявляемыхъ рабочими, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что означенное движеніе является результатомъ извѣстнаго *объединенія и организаціи рабочихъ массъ*... Вѣроятность и близость этой опасности выдвигаетъ на первую очередь необходимость объединенія фабрикантовъ и заводчиковъ въ *союзъ для противодѣйствія* всему ненормальному въ означенномъ движеніи» [1]).

Наконецъ, приведемъ заявленіе, сдѣланное еще въ концѣ 1905 года С. П. Четвериковымъ, предсѣдателемъ комиссіи по рабочему вопросу при московскомъ биржевомъ комитетѣ [2]). Въ письмѣ, напечатанномъ Четвериковымъ въ «Русскомъ Словѣ», доказывается, что фабриканты должны объединиться въ союзъ для борьбы съ рабочими, и говорится: «Я употребляю слово «*борьба*» и думаю, что этого слова бояться нечего. Старые устои рушатся, многія прерогативы капитала оказываются крайне неустойчивыми... Не встрѣчая должнаго отпора, рабочимъ трудно уяснить себѣ, гдѣ возможный предѣлъ ихъ желаніямъ...» [3]).

Моментомъ зарожденія русскихъ Arbeitgeberverbände надо считать ноябрьскіе дни второй политической всеобщей забастовки. Зародились они въ нѣдрахъ петербургскаго «Общества для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности», которое впослѣдствіи «перевоплотилось» въ петербургское «Общество Заводчиковъ и Фабрикантовъ» [4]). Здѣсь проведено было массовое закрытіе заводовъ въ отвѣтъ на забастовки рабочихъ, и этотъ методъ борьбы перебросился въ нѣкоторые другіе города тогда же. Къ 16 ноября 1905 г. было закрыто: въ Петербургѣ 72 завода (съ 110.000 раб.), въ Москвѣ 26 заводовъ (58.634 раб.), въ Ревелѣ 4 зав. (8.000 раб.), во Владимірѣ 6 зав. (16.000 раб.) и т. д. [5]).

Съ того времени самоорганизація промышленной буржуазіи, въ цѣляхъ борьбы съ рабочими, развивалась не только систематически, но и сознательно. Европензирующаяся россійская буржуазія планомѣрно пользовалась опытомъ своихъ старшихъ сестеръ, особенно опытомъ болѣе сознательной германской буржуазіи. Въ отчетѣ знаменитой общегерманской центральной организаціи крупныхъ промышленниковъ «Hauptstelle deutscher Arbeitgeberverbände» сообщалось въ 1907 г., что къ ней часто обращались за совѣтомъ по части самоорганизаціи промышленные круги Петербурга, Риги, Москвы, гдѣ не одинъ союзъ работодателей учрежденъ на основаніи нормальнаго устава «Hauptstelle» [6]). Любопытно при этомъ отмѣтить, что нѣмцы-промышленники города Риги проявили при этомъ большую инициативу. Они организовались независимо отъ

---

[1]) Журналъ „Союзъ“ (Харьковъ), 1906 г., № 3.

[2]) Онъ же предсѣдатель организац. комиссіи союза работодателей центральныхъ губерній.

[3]) „Горнозаводскій Листокъ“, 1905 г., № 47.

[4]) Впрочемъ, предвѣстникомъ грядущей полосы союзовъ работодателей была уже упомянутая выше *конвенція* между фабрикантами, заключенная еще въ мартѣ 1905 г. подъ главенствомъ того же петербургскаго „Общества“.

[5]) См. „Міръ Божій“, 1905 г. и „Русь“, 1905 г., № отъ 17 ноября.

[6]) Kessler. „Die deutschen Arbeitgeberverbände“, S. 54.

Петербурга. Еще въ телеграммѣ отъ 27 октября 1905 года на имя Витте, они, настаивая на необходимости «положить, наконецъ, предѣлъ всѣмъ забастовкамъ», предъявляютъ это ходатайство отъ имени только-что «организовавшагося союза всѣхъ рижскихъ промышленниковъ» [1]).

Дать болѣе или менѣе полную картину дѣятельности русскихъ союзовъ работодателей невозможно, въ виду скудости имѣющагося на лицо опубликованнаго матеріала. Это положеніе характерно не только для Россіи. Въ Германіи этихъ союзовъ значительно больше [2]), да и возникли они почти на 20 лѣтъ раньше, а опубликованнаго матеріала о нихъ весьма мало [3]). Еще хуже обстоитъ дѣло съ матеріаломъ объ этихъ союзахъ въ другихъ странахъ. Въ Россіи же здѣсь сказывается не только сравнительная новизна даннаго явленія, но и *тайна*, которою его облекаютъ промышленники.

Мы здѣсь дадимъ о русскихъ союзахъ работодателей самыя краткія свѣдѣнія, а нѣсколько подробнѣе, поскольку позволяетъ мѣсто, остановимся на лидерѣ всѣхъ этихъ союзовъ—петербургскомъ «Обществѣ заводчиковъ и фабрикантовъ».

Какъ и въ западной Европѣ, наши союзы работодателей организованы по 2 типамъ: 1. союзы промышленниковъ данной отрасли производства и 2. смѣшанные союзы даннаго района независимо отъ отрасли промышленности. Изъ союзовъ перваго типа самое видное мѣсто занимаютъ, какъ и слѣдовало ожидать по организованности типографскихъ рабочихъ, *союзы владѣльцевъ типографій*. Къ апрѣлю 1907 г. они имѣлись въ Петербургѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ростовѣ на Дону и Тифлисѣ (повидимому, еще въ Житомірѣ, Таганрогѣ и др.). Изъ нихъ московскій союзъ объединялъ хозяевъ, у которыхъ работаетъ около 6 тысячъ рабочихъ (изъ 12—15 тысячъ всѣхъ типографскихъ рабочихъ Москвы). Въ Петербургѣ въ январѣ 1907 г произошло сліяніе Совѣта Общества владѣльцевъ печатныхъ заведеній и Комитета союза С.-Петербургскихъ типографовъ. Въ Ригѣ заправилами союза являются 3—4 крупныхъ типографа, такъ какъ для каждаго члена установлено число голосовъ по числу скоропечатныхъ машинъ.

Изъ союзовъ смѣшаннаго типа на первомъ планѣ стоитъ (кромѣ петербургскаго) «Общество фабрикантовъ и заводчиковъ центральнаго промышленнаго района» [4]), уставъ котораго утвержденъ въ октябрѣ 1906 года. «Общество» разбито на 3 группы: мануфактурную, металлическую и остальныхъ производствъ. Союзы смѣшаннаго типа существуютъ еще въ Ригѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Бѣлостокѣ [5]), въ Костромскомъ районѣ.

---

[1]) „Горнозаводскій Листокъ“, 1905 г., №№ 44—45.

[2]) Изданный германскимъ министерствомъ внутр. дѣлъ „списокъ“ этихъ союзовъ съ краткими данными о нихъ („Verzeichniss der im deutschen Reiche bestehenden Vereine gewerblicher Unternehmer zur Wahrung ihrer wirthschaftlichen Interessen“),— большой томъ въ 928 стр.

[3]) Это подчеркиваетъ и Kessler въ предисловіи къ упомянутому труду.

[4]) Губерніи: московская, костромская, калужская, нижегор., рязанская, смоленская, тверская, тульская, ярославская.

[5]) Этотъ союзъ возникъ по иниціативѣ временного *генералъ-губернатора*. Первое собраніе союза состоялось подъ предсѣдательствомъ *полковника* Тяжельникова. (См. „Горнозав. листокъ“ 1906 г. № 33).

Затѣмъ упомянемъ союзъ прошивочныхъ фабрикантовъ въ Калишѣ, союзъ фабрикантовъ шерстяной промышленности въ Лодзи, союзъ ювелировъ и владѣльцевъ мастерскихъ золотыхъ и серебрянныхъ издѣлій; далѣе образовавшійся въ 1907 г. въ Симбирскѣ союзъ 19 суконныхъ фабрикъ района Волги [1]), союзъ писчебумажныхъ фабрикантовъ въ Россіи, союзъ кожевенныхъ заводчиковъ Сѣверо-Западнаго края и пр. и пр.

Что касается дѣятельности этихъ союзовъ, то надо сказать, что по характеру ея, союзы сразу стали на путь самой безпощадной борьбы съ рабочими. Этому содѣйствовалъ не только использованный ими опытъ германскихъ боевыхъ Arbeitgeberverbände, но и та накаленная соціальная атмосфера, въ которой они родились.

Въ дѣятельности нашихъ союзовъ работодателей встрѣчается чуть не съ первыхъ же шаговъ весь ассортиментъ тѣхъ «жесткихъ и не—гуманныхъ» средствъ и методовъ, которые выработаны западно-европейской практикой непосредственной и неприкрашенной классовой борьбы. Тутъ и черные списки, система локаутовъ, противостачечные фонды для покрытія убытковъ отъ «насилій», справочныя и забастовочныя бюро, выполненіе работъ предпріятій, гдѣ идетъ забастовка, вербовка штрейкбрехеровъ и т. д. и т. д.

Въ этихъ видахъ союзы прежде всего вооружаются *матеріальными рессурсами*. Союзъ центральнаго района, напр., какъ организація наиболѣе крупныхъ [2]) промышленниковъ, собираетъ со своихъ членовъ по 10 р. въ годъ съ каждаго рабочаго [3]), и еще въ 1906 году, при основаніи союза предположено было собрать къ концу года капиталъ въ $1^1/_2$ милл. рублей. Многіе союзы, сверхъ того, берутъ со своихъ членовъ извѣстныя денежныя гарантіи солидарнаго дѣйствія съ союзомъ. Лодзинскій союзъ беретъ съ поступающаго въ него члена залогъ отъ 15 до 20 тысячъ рублей, утрачиваемыхъ имъ при несоблюденіи устава А уставъ, между прочимъ, запрещаетъ дѣлать уступки рабочимъ безъ согласія комитета союза, по рѣшенію котораго членъ обязанъ закрыть свою фабрику. Союзъ петербургскихъ владѣльцевъ типографій еще въ январѣ 1907 года выработалъ планъ дѣятельности, по которому, между прочимъ, члены союза выдаютъ обязательства, предъявляемыя ко взысканію по постановленію совѣта союза. Рижскій союзъ типографовъ-хозяевъ беретъ съ каждаго члена въ обезпеченіе вексель на 4000 рублей, который предъявляется ко взысканію въ случаѣ нарушенія солидарности

О содержаніи дѣятельности союзовъ работодателей даетъ нѣкоторое представленіе упомянутый планъ союза петербургскихъ типографовъ, сводящійся къ слѣдующему: 1) поднятіе цѣнъ и измѣненіе условій найма въ союзныхъ типографіяхъ до заключенія тарифа не допускается; 2) рабочіе забастовавшихъ типографій не принимаются въ союзныя типографіи, для чего списокъ забастовщиковъ (черный списокъ) сообщается *конфиденціально* всѣмъ членамъ союза; 3) союзныя типографіи

---

[1]) 236 суконныхъ аппаратовъ съ капиталомъ свыше 20 милл. рублей.

[2]) По уставу въ союзъ принимаются только тѣ хозяева у которыхъ работаютъ не меньше 100 раб. въ московск. губ. и не меньше 300 раб. въ остальныхъ губерніяхъ.

[3]) Къ началу 1907 г. члены союза имѣли 139 тысячъ рабочихъ. Вознагражденіе члену за забастовку равно 75% оплаченной имъ стоимости забастовочнаго дня.

обязаны принять немедленно и исполнять работы отъ тѣхъ союзныхъ типографій, въ которыхъ идетъ забастовка; 5) за забастовочное время не платить, 6 и 7) пункты о денежныхъ обязательствахъ; 8) сообщеніе въ совѣтъ союза свѣдѣній о рабочихъ, нарушающихъ установленный порядокъ и т. д. [1]). Или вотъ *«основныя правила»* союза фабр. и заводчиковъ центральнаго района (за нарушеніе одного изъ этихъ правилъ совѣтъ долженъ по § 51 исключить изъ союза): 1) ни прямо, ни скрыто не платить за дни забастовки; 2) не измѣнять самовольно продолжительность раб. дня, установленную союзомъ; 3) не допускать вмѣшательства рабочихъ депутатовъ въ установку расцѣнковъ, наемъ и увольненіе рабочихъ, въ качествѣ постояннаго органа. («Горнозав. листокъ» 1906 г. № 18).

Комитетъ рижскаго союза фабрикантовъ разослалъ 21-го іюня 1906 года своимъ членамъ циркуляръ, гдѣ требуетъ, чтобы хозяева «не соглашались ни на какія уступки коллективнымъ требованіямъ рабочихъ», и рекомендуетъ закрывать фабрики. Если закрытіе отдѣльныхъ фабрикъ не приведетъ къ цѣли, то предусматривается отказъ отъ работы всѣмъ рабочимъ одной категоріи съ забастовщиками. Если и эта мѣра окажется безуспѣшной, то будетъ созвано общее собраніе фабрикантовъ, чтобы обсудить постановленіе о всеобщемъ локаутѣ». [2]) О локаутахъ говоритъ и постановленіе (1906 г.) съѣзда фабрикантовъ и заводчиковъ центральнаго района, признавшее *право* объявленія локаута *по большинству голосовъ* предпріятій данной отрасли [3]).

О примѣненіи системы *черныхъ списковъ* [4]) можетъ дать представленіе хотябы конфиденціальный циркуляръ петербургскаго общества владѣльцевъ печатныхъ заведеній [5]). «Въ дополненіе къ обращенію отъ 17 января, за № 60, Совѣтъ имѣетъ честь увѣдомить, что на засѣданіи Совѣта отъ того же числа единогласно постановлено...., чтобы въ случаѣ забастовки у кого либо изъ членовъ Общества, списки забастовавшихъ рабочихъ немедленно сообщались въ Совѣтъ съ препровожденіемъ въ копіи требованій рабочихъ, предъявленныхъ владѣльцу. Ни въ какомъ случаѣ безъ вѣдѣнія общества ничего рабочимъ не прибавлять. Совѣтъ проситъ также сообщить званіе, имя, отчество, фамилію и лѣта рабочихъ, отличающихся пьянствомъ, озорничествомъ и *вообще* по своему поведенію нетерпимыхъ въ благоустроенныхъ заведеніяхъ... Съ подлиннымъ вѣрно: дѣлопроизводитель Общества Евг. Шварцъ.»

Наиболѣе полно и выпукло выступаютъ черты нашихъ союзовъ работодателей въ дѣятельности *петербургскаго «Общества Заводчиковъ и Фабрикантовъ»*, ранѣе именовавшагося «Обществомъ для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности». Какъ ни рѣшительна и прямолинейна дѣятельность этого общества, но матеріалы объ этой дѣятельности облечены еще большей, сугубой тайной, приближая Общество къ типу *заговорщиц-*

---

[1]) „Вѣстникъ печатниковъ“, 1907 г. № 1.

[2]) „Горнозаводскій листокъ“, 1906 г. № 26—27.

[3]) Тамъ же.

[4]) И въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. списковъ съ *постояннымъ* или длительнымъ дѣйствіемъ, и такихъ, которые дѣйствуютъ только во время забастовки или локаута и тоже часто называются „черными“.

[5]) Отъ 18 января 1907 г., за № 61.

кихъ [1]). И хотя въ нашемъ распоряженіи имѣется очень большое количество съ трудомъ добытыхъ записокъ, докладовъ, циркуляровъ этого Общества, однако совершенно несомнѣнно, что наиболѣе «пикантный» матеріалъ его либо вовсе не печатается, либо чрезвычайно зорко охраняется отъ посторонняго взора. Изъ имѣющагося матеріала приведемъ вкратцѣ самое существенное.

Петербургское Общество, возникшее въ 1893 году (хотя оффиціально открытое лишь въ 1897 году), дѣйствовало до 1905 года въ томъ же направленіи, какъ и большинство промышленныхъ организацій того времени, т. е. преимущественно въ направленіи давленія на аппаратъ государственной власти. На новый путь оно становится съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1905 года, дѣйствуетъ съ необычайной энергіей и скоро занимаетъ *самое видное мѣсто* въ ряду русскихъ союзовъ работодателей.

Съ полнымъ правомъ Общество само себя характеризуетъ какъ блестяще «выдержавшее серьезное испытаніе» (въ совѣщаніи министерства пром. и торговли въ 1906 г. по рабочему вопросу). «Въ этомъ важномъ совѣщаніи по кардинальному для промышленности вопросу Обществу пришлось выступать параллельно съ представителями другихъ промышленныхъ организацій... По общему признанію нашихъ коллегъ, Общество явилось однимъ изъ наиболѣе подготовленныхъ и умѣло вело защиту общаго дѣла, руководясь ясно выработаннымъ и согласованнымъ въ деталяхъ планомъ. Въ рѣчахъ его представителей чувствовалось, что общество уже имѣетъ традиціи, что оно уже прошло достаточный путь, пріобрѣло прочный опытъ и созрѣло для широкой планомѣрной дѣятельности....» [2]).

Въ сентябрѣ 1906 г. Общество, уже вполнѣ опредѣлившееся, сбрасываетъ съ себя и старую оболочку—названіе «Общества содѣйствія», переименовавшись въ «Общество Заводчиковъ и Фабрикантовъ» съ уставомъ, проектъ котораго выработанъ комиссіей подъ предсѣд. Б. Эфрона, при энергичномъ содѣйствіи Э. Нобеля. Во главѣ общества съ давнихъ поръ стоитъ его предсѣдатель С. Глезмеръ, затѣмъ вице-предсѣдатель Триполитовъ. Общество дѣлится на нѣсколько группъ. Число членовъ общества сильно выросло въ періодъ революціи Размѣры и составъ общества иллюстрируется слѣд. таблицей:

	Число фирмъ.		Число рабочихъ.	
	1897 г.	1906 г.	1897 г.	1906 г.
Текстильная группа	35	37	27.760	29.150
Механическая »	22	66	9.840	52.510
Писчебумажныя фабр.	9	11	3.240	4.270
По обработкѣ дерева	5	9	575	880
Производство питат. прод. . .	4	12	2.190	6.330
Кожевенные заводы	5	6	1.160	3.600
Разные техно-химическіе . . .	18	26	9.770	12.600
Итого.	98	167	54.535	109.340

[1]) Достаточно указать на то, что общество доставляетъ только самую микроскопическую долю своихъ матеріаловъ даже въ Совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли,—центральную всероссійкую промышленную организацію, членомъ которой петерб. Общество состоитъ.

[2]) Отчетъ общества за десять лѣтъ, 1897—1906 гг., стр. 15.

Тутъ характерно не только увеличеніе почти вдвое числа всѣхъ членовъ, но также увеличеніе *втрое* числа членовъ механической группы. До революціи Общество объединяло преимущественно представителей текстильной промышленности; 1905 годъ съ его выдающейся борьбою петерб. рабочихъ металлической промышленности, даетъ огромный приростъ механической группы Общества.

Весь періодъ массовыхъ политическихъ забастовокъ конца 1905 года Общество проявляетъ огромную энергію въ дѣлѣ организаціи сопротивленія предпринимателей собственными силами напору рабочихъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ въ Обществѣ идутъ почти ежедневныя засѣданія [1]), и тутъ выковывается острое оружіе противъ рабочихъ: отвергается сокращеніе рабочаго дня и плата за время забастовки; тутъ замышляется и организуется упомянутая выше конвенція всѣхъ фабрикантовъ о тѣхъ пунктахъ, по которымъ нельзя уступать рабочимъ; тутъ рѣшаютъ закрытіе заводовъ, обращеніе къ содѣйствію полиціи и войска и заявленія правительству о вредѣ политики уступокъ.

Общество напечатало въ огромномъ количествѣ и разослало своимъ членамъ печатные бланки для заполненія ихъ свѣдѣніями о положеніи на ихъ заводахъ: предъявляютъ-ли рабочіе требованія, вводятъ ли насильственно сокращеніе раб. дня, забастовали ли, объявили ли разсчетъ, былъ ли «бунтъ, столкновеніе съ войсками», «былъ ли митингъ: съ посторонними, безъ посторонних; съ разрѣшенія администраціи, безъ разрѣшенія», какова военная охрана и т. д. На бланкахъ поясненіе жирнымъ шрифтомъ: «*Надо посылать листки ежедневно*, даже если на заводѣ все спокойно или безъ перемѣнъ». Въ ноябрѣ Общество выпускало каждые 4—5 дней или чаще бюллетени о заводахъ и фабрикахъ со свѣдѣніями о томъ, какіе «бездѣйствуютъ цѣликомъ», «частично», какіе «неспокойно работаютъ», «приступили къ работамъ», гдѣ «совершено насиліе надъ личностью» и т. д. [2]). Во время почтово-телеграфной забастовки Общество спѣшно организуетъ свою собственную почту [3]), разсылая письма безъ марокъ черезъ посредство биржи, какъ своего главнаго почтамта. Тогда же оно вступаетъ въ сношеніе съ градоначальникомъ о недопущеніи на фабрикахъ и заводахъ собраній рабочихъ, устраиваемыхъ вопреки желанію администраціи [4]). Въ декабрѣ Общество предпринимаетъ походъ противъ организаціи заводскихъ служащихъ, находя, что «организація служащихъ могла бы принять полезныя формы при спокойномъ состояніи страны»; теперь же «участіе въ организаціяхъ несовмѣстимо съ дѣятельностью на заводахъ и фабрикахъ» [5]).

Нечего и говорить, что общество руководитъ всѣми актами противодѣйствія требованіямъ рабочихъ и регулируетъ массовое выбрасываніе рабочихъ изъ закрываемыхъ заводовъ.

Характерно для силы старой закваски промышленниковъ то, что, наряду

---

[1]) Число засѣданій: въ 1903 г.—31, въ 1904 г.—37, въ 1905—184!

[2]) Изданіе этихъ бюллетеней продолжалось и въ 1906 г. (встрѣчается бюллетень № 22 отъ 27 февраля 1906 г.).

[3]) Циркуляръ отъ 18 ноября.

[4]) Отношеніе отъ 4 ноября за № 820.

[5]) Постановленіе общаго собранія 21-го декабря.

съ этой кипучей внутренней работой, Общество находитъ время и для примѣненія стараго метода—давленія на органы правительства.

Обществу принадлежитъ инициатива комедіи съ «Цусимой», въ засѣданіи 18 мая 1905 г., въ комиссіи Коковцева по рабочему вопросу.

Въ октябрѣ Общество представляетъ Министру Юстиціи докладную записку съ протестомъ противъ «несправедливыхъ и противорѣчивыхъ» рѣшеній мировыхъ судей по дѣламъ объ искахъ рабочихъ за дни забастовокъ. Въ запискѣ Общество настаиваетъ на примѣненіи пресловутой ст. 1358[1] уложенія о наказаніяхъ, какъ не отмѣненной, и дальше неожиданно выдвигаетъ такую аргументацію: «Январьскія событія... [1]) въ Высочайшемъ манифестѣ 18 февраля 1905 г. названы «смутою» и «мятежнымъ движеніемъ». *Въ силу нашего государственнаго строя, Высочайшій манифестъ есть законъ*, и его опредѣленія и постановленія имѣютъ силу закона». Ставъ на такую почву, записка ходатайствуетъ о внесеніи на разсмотрѣніе сената вопроса о законности рѣшеній мировыхъ судей.

Въ связи съ этой запиской подана Обществомъ и другая, гдѣ выставляется смѣло такое утвержденіе: «Забастовки, охватывавшія Россію въ теченіе послѣдняго времени, обошлись промышленности въ *нѣсколько сотенъ милліоновъ рублей. Приблизительно на такую сумму* [!] *предъявляются нынѣ рабочими исковыя требованія*». Наконецъ, тогда же—именно въ день 17-го октября!—Общество входитъ о томъ-же съ повторнымъ ходатайствомъ къ министру юстиціи, а за 2 дня до засѣданія сената разсылаетъ еще особую записку сенаторамъ [2]).

Въ томъ же духѣ Общество подало министру юстиціи и другую записку о неоходимости давать законный ходъ дѣламъ о «насиліяхъ на фабрикахъ и заводахъ», при томъ *«внѣ очереди»* [3]). Тутъ рабочія забастовки изображаются, какъ продуктъ «давленія крайне незначительной группы лицъ, являющихся подстрекателями и зачинщиками безпорядковъ» и дѣйствующихъ «угрозами и насиліями». Тутъ—также ссылка на манифестъ, но уже другой—17 октября, съ изданіемъ котораго «Россія стала правовымъ государствомъ». Но изъ этого факта капиталистическая логика дѣлаетъ своеобразный выводъ о необходимости примѣнять, да еще внѣ очереди, отжившее наслѣдіе «не-правового» строя, въ видѣ извѣстныхъ статей 269[1], 318, 1358 и 1548 уложенія о наказаніяхъ [4]).

Такого рода обращенія къ правительству, систематическое давленіе на него путемъ непосредственныхъ сношеній занимаютъ видное мѣсто въ дѣятельности Общества, составляя связующее звено между этимъ союзомъ работодателей и промышленными организаціями дореволюціоннаго періода. Особенно энергично

---

[1]) Т. е. забастовки.

[2]) Въ результатѣ сенатъ удовлетворилъ требованіе Общества 28 января 1906 г. Этимъ промышленники,—публично выступавшіе за свободную борьбу капитала и труда, „подъ сурдинку еще до начала борьбы лишили своего противника оружія", какъ выражается юристъ Гольдмерштейнъ въ своемъ „Открытомъ письмѣ" къ промышленникамъ. Вскорѣ Общество добилось отъ сената еще разъясненія, что не обязательно платить за двѣ недѣли рабочимъ, разсчитаннымъ изъ-за забастовки въ одномъ отдѣленіи завода. Это было провоцированіемъ локаутовъ.

[3]) Курсивъ записки.

[4]) Записка „О примѣненіи дѣйствующаго закона въ случаяхъ насилій и угрозъ" отъ 23 ноября 1905 года.

петербургское Общество дѣйствовало въ этомъ направленіи въ концѣ 1906 года, стараясь надлежащимъ образомъ направить работы предстоявшаго 14-го декабря совѣщанія при министерствѣ торговли и промышленности по рабочему вопросу. Общество подало рядъ обширныхъ и очень ловко составленныхъ записокъ: относительно правилъ о наймѣ, относительно проектовъ страхованія рабочихъ и пр.

Общество ходатайствовало и по вопросамъ промысловаго обложенія, всячески стараясь обойти циркуляръ министра финансовъ отъ 16-го декабря 1905 г., направленный противъ мошенническихъ пріемовъ фирмъ, искусственно уменьшающихъ подлежащую обложенію прибыль помощью такихъ пріемовъ, какъ отнесеніе въ графу расхода «процентовъ» на капиталы, «занятые» у собственныхъ пайщиковъ и акціонеровъ. Въ концѣ концовъ Общество могло съ чувствомъ удовлетворенія заявить: «Первоначальный проектъ инструкціи, съ которымъ представители пром. и торговли имѣли возможность ознакомиться на совѣщаніяхъ въ министерствѣ финансовъ 15-го, 17 и 18-го сего мѣсяца, *выступалъ изъ рамокъ закона*, но представителямъ промышленности въ общемъ *удалось* свести его къ установленнымъ въ законѣ нормамъ» [1]).

Впрочемъ, что характерно для петербургскаго «Общества», какъ союза работодателей, это не сношенія съ правительствомъ, а проявленіе самодѣятельности при защитѣ своихъ интересовъ въ тѣхъ-же областяхъ. И тутъ петерб. Общество неутомимо. По тому же вопросу о промысловомъ обложеніи оно разсылаетъ 4 марта 1906 года своимъ членамъ «справку»,—подборъ законовъ и циркуляровъ, которые «необходимо принимать во вниманіе при заключеніи отчетности за 1905 г.», съ указаніемъ, какъ можно обходить законы, истолковывая ихъ въ свою пользу. Ходатайствуя передъ правительствомъ объ организаціи промышленниковъ не стараго типа, а по типу самостоятельныхъ союзовъ, Общество въ то-же время вырабатываетъ и разсылаетъ своимъ членамъ примѣрные уставы такихъ союзовъ. Въ 1906 году Общество организуетъ у себя постоянную юридическую комиссію [2]) и регистрацію несчастныхъ случаевъ, оказывающія его членамъ специфическія услуги.

И въ этихъ актахъ самодѣятельности Общество не останавливается предъ организованнымъ противодѣйствіемъ органамъ правительства. Въ томъ же 1906 году, по поводу циркуляра казенной палаты, требующаго отъ подотчетныхъ предпріятій свѣдѣній, касающихся промыслового налога, предсѣдатель Общества, Глезмеръ, разсылаетъ членамъ обширнѣйшій циркуляръ, не перестающій внушать: это «требованіе (казенной палаты) незаконно», «представленіе такихъ данныхъ необязательно», «предложенный казенной палатой разсчетъ податной прибыли не соотвѣтствуетъ закону», «пользоваться бланкомъ каз. палаты для разсчета податной прибыли не слѣдуетъ», «ни въ какомъ случаѣ каз. палата не вправѣ требовать» и т. д. Циркуляръ предлагаетъ исключать изъ прибыли такія-то статьи и пр., — все это согласно постановленія общаго собранія 11-го апрѣля [3]). Въ томъ же духѣ составленъ циркуляръ «господамъ членамъ

---

[1]) Памятная записка Глезмера объ инструкціи къ закону 2 января 1906 г. (о повышеніи промысловаго обложенія).

[2]) Это *она* аттакой на сенатъ добилась упомянутыхъ важныхъ „разъясненій".

[3]) Циркуляръ отъ 26 апрѣля 1906 за № 287.

Общества»: «По вопросу требованія Казенной Палатой вѣдомости счетовъ Главной Книги» единогласно постановлено (въ общемъ собраніи 9 октября 1906 г.): означенной вѣдомости Казенной Палатѣ *не представлять*» [1]).

Другой циркуляръ Общества сообщаетъ, что общее собраніе 8 марта 1906 года протестовало противъ проекта обложенія акцизомъ электрической энергіи и свѣтильнаго газа и рѣшило не слушаться требованія—представлять въ акцизное вѣдомство статистическія данныя о количествѣ потребляемой элекрической энергіи и газа. Циркуляръ предлагаетъ направлять эти данныя въ «Общество», а ужъ оно сдѣлаетъ съ ними, что нужно [2]).

Но, конечно, главная сфера дѣятельности Общества это—борьба съ рабочими. Тутъ веденіе *черныхъ списковъ* занимаетъ, конечно, видное мѣсто. Изъ многочисленныхъ случаевъ этого рода укажемъ слѣдующіе. Общее собраніе 11 августа 1906 г., по поводу забастовки на 5 фабрикахъ и заводахъ, постановило между прочимъ: «а) не принимать на заводы и фабрики рабочихъ съ закрытыхъ фабрикъ и заводовъ, согласно спискамъ, которые будутъ препровождены каждому члену Общества; б) распространить означенное постановленіе и на тѣхъ рабочихъ, которые могли бы быть принятыми съ означенныхъ фабрикъ и заводовъ до полученія оговоренныхъ списковъ» [3]). Въ другомъ циркулярѣ предписывается членамъ Общества прекратить бойкотъ рабочихъ «согласно препровожденнымъ въ свое время спискамъ А, Б, В» [4]). Черные списки разсылаютея Обществомъ въ видѣ отдѣльныхъ листовъ съ перечисленіемъ фамилій, именъ, отчествъ, мѣста родины бойкотируемыхъ рабочихъ—въ родѣ списка рабочихъ завода Струка [5]), или списка отъ 16 ноября 1907, содержащаго 15 фамилій, и т. п.

Другой пунктъ—организованное регулированіе *рабочей платы*. Такъ, по поводу предъявленія рабочими карднаго отдѣленія одной мануфактуры требованія повышенія заработной платы, Общество въ засѣданіи членовъ волокнистой группы 28 іюня постановило, что каждый хозяинъ «имѣетъ право увеличить плату въ кардномъ отдѣленіи *при соблюденіи слѣд. условій*» [6]).

Ту же организованность проявляютъ члены общества въ вопросѣ о продолжительности *рабочаго дня*. Такъ, совѣщаніе текстильной группы 3 ноября 1906 г. приняло взаимное обязательство: 1) «установленную продолжительность работъ по девяти часовъ въ сутки для каждой смѣны рабочихъ сохранять и въ дни субботніе и предпраздничные и 2) не вводить никакихъ измѣненій въ рабочемъ времени на отдѣльныхъ фабрикахъ безъ предварительнаго соглашенія съ представителями другихъ фабрикъ текстильной группы». Извѣщеніе объ этомъ заканчивается такъ: «настоящее сообщеніе, *во избѣжаніе ненужной огласки*, препровождается *лично представителямъ фабрикъ*» [7]).

---

[1]) Циркуляръ отъ 14 октября 1906 г. за № 690.

[2]) Циркуляръ отъ 10 марта 1906 г. за № 242.

[3]) Циркуляръ отъ 14 августа за № 507.

[4]) Циркуляръ отъ 14 октября 1906 г. за № 690.

[5]) Списокъ разосланъ при отношеніи отъ 22 мая 1907 г. за № 418.

[6]) Документъ за подписями фирмъ: Паль, Бекъ, Джонсонъ, Воронинъ, Говардъ и др.

[7]) Отношеніе отъ 4 ноября 1906 г., за № 842.

Общество руководитъ согласованными дѣйствіями своихъ членовъ не только въ вопросѣ матеріальнаго свойства. Напримѣръ, въ апрѣлѣ 1906 г. Общество разослало своимъ членамъ циркуляръ съ точнымъ текстомъ того отрицательнаго отвѣта, который они должны дать на запросъ комиссіи о безработныхъ при петерб. городской думѣ о допущеніи собраній рабочихъ для выбора депутатовъ въ эту комиссію [1]).

Упорно добиваясь защиты интересовъ заводчиковъ и фабрикантовъ, Общество не останавливается передъ самыми беззастѣнчивыми средствами. Такъ, въ ноябрѣ 1906 г. Общество разослало своимъ членамъ записку о сверхурочныхъ работахъ. Идетъ рѣчь о мюльщикахъ, которыхъ заставляютъ являться раньше начала работъ для чистки и смазки мюль-машинъ, за что мюльщики осмѣливались требовать особой платы, какъ за сверхурочную работу. И вотъ, что говоритъ объ этомъ записка Общества. «Приходъ рабочихъ до пусканія двигателей отвѣчаетъ интересамъ... рабочаго, такъ какъ является *разрѣшеніемъ пользоваться помѣщеніемъ фабрики, свѣтомъ и отопленіемъ сверхъ установленной нормы*... Разрѣшеніе это, въ видахъ чистки и смазки, сверхъ $11^1/_2$ часовой нормы, имѣетъ въ виду интересы и пользу не одного лишь фабриканта, но и рабочаго. *Оно является уступкой въ пользу рабочаго, а не, наоборотъ, принужденіемъ къ безплатному труду*» [2]).

Петербургское общество не пренебрегаетъ и борьбою «духовнымъ оружіемъ» («Kampf mit geistigen Waffen»). Въ началѣ 1906 года оно распространяло брошюру Ососова «О забастовкахъ»—изданіе пресловутой (правительственной) «Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній». Г. Ососовъ натравливаетъ читателей на аптекарей-забастовщиковъ,—они, молъ, говорятъ: «пусть умираютъ!» Авторъ увѣряетъ, что за границей «всѣ стачки этихъ годовъ (1894 – 98) окончились или пораженіемъ рабочихъ или взаимными уступками», [3]) и заявляетъ: «Наше правительство... удѣляетъ весьма много заботливости дѣлу охраненія рабочихъ интересовъ... Оно сдѣлало для рабочаго вопроса несравненно больше, чѣмъ законодательство западныхъ государствъ» [4]). Къ этой брошюрѣ сдѣлано приложеніе: указъ 2 декабря 1905 г. противъ угрозъ и насилій стачечниковъ.

Въ общемъ собраніи Общества 28 ноября 1905 г. была выдвинута идея изданія «малой популярной газеты» [5]); подписка тутъ же дала фондъ въ 50 тысячъ рублей. Въ собраніи 5 декабря того же года уже имѣлся на лицо газетный фондъ 78.000 рублей (775 паевъ отъ 66 фирмъ). Идея и была осуществлена — въ видѣ газеты «Новый путь», изданной въ количествѣ 8 номеровъ Н. А. Демчинскимъ. На этомъ кончилась затѣя: воздѣйствіе Общества на читателей оказалось менѣе удачнымъ, чѣмъ обычное его давленіе на правительство. Въ іюнѣ 1906 г. пришлось дѣло ликвидировать и отказаться отъ субсидированія газеты «Переломъ», предлагавшей Обществу свои услуги.

---

[1]) Циркуляръ помѣченъ: „Къ свѣдѣнію. Конфиденціально“.

[2]) Докладная записка, стр. 4.

[3]) Ососовъ, стр. 23.

[4]) Тамъ же, стр. 39.

[5]) Для „противодѣйствія раздражающему вліянію современной газетной прессы“.

Общество продолжало литературное издательство, но разсчитанное на самихъ членовъ общества. Такъ, имъ издана упомянутая выше книга В. В. Громана [1]), который подробно и сочувственно описываетъ организацію и дѣятельность германскихъ работодателей. Книга снабжена предисловіемъ-обращеніемъ «Общества заводчиковъ и фабрикантовъ»—«Господамъ членамъ общества», гдѣ говорится: «каждому русскому заводчику и фабриканту слѣдуетъ внимательно прочитать предлагаемую книгу и справляться въ ней всякій разъ, когда нарушеніе нормальнаго хода работъ вызываетъ необходимость организованныхъ мѣръ»... Въ іюлѣ 1907 года Общество издало особую «Справочную книжку по нѣкоторымъ вопросамъ о наймѣ и разсчетѣ рабочихъ» съ подробнымъ перечисленіемъ правъ (но не обязанностей) хозяевъ. Въ ноябрѣ 1907 г. Общество рекомендуетъ своимъ членамъ книжку Эліассона «Законы объ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими въ области фабрично-заводской промышленности».

Политикой «Общество» не занимается—такъ постоянно увѣряетъ и оно, и другія организаціи промышленниковъ. Но поддержка Союза 17 октября—дѣло важное для петербургскаго Общества. Передъ выборами въ 3-ю Думу, Общество поддерживало кандидатуры октябристовъ, и въ спеціальномъ циркулярѣ [2]) рекомендовало голосовать за Бѣляева, Лерхе и Анрепа; затѣмъ въ особомъ циркулярѣ «съ удовольствіемъ» извѣщало членовъ объ избраніи «Бѣляева—дѣятельнаго участника общества заводчиковъ и фабрикантовъ» и просило на перебаллотировкѣ «поддержать двухъ другихъ нашихъ кандидатовъ: В. К. Анрепа и Г. Г. Лерхе» [3]).

Всѣ черты дѣятельности петербургскаго «Общества заводчиковъ и фабрикантовъ» въ большей или меньшей мѣрѣ характерны и для остальныхъ нашихъ союзовъ работодателей.

Обо всей этой категоріи промышленныхъ организацій надо сказать, что періодъ ихъ интенсивнаго образованія и проявленія—время отъ конца 1905 г. приблизительно до средины 1907 года. Послѣ этого интенсивность замѣтно *падаетъ*. Въ частности это относится и къ петербургскому обществу заводчиковъ и фабрикантовъ, какъ показываетъ слѣдующая таблица [4]):

ГРУППЫ.	Число фирмъ.			Число рабочихъ.		
	1897	1906	1907	1897	1906	1907
Текстильная группа . . .	35	37	35	27.760	29.150	29.216
Механическая » . . .	22	66	72	9.840	52.510	53.603
Писчебум. фабр.	9	11	11	3.240	4.270	3.308
Группа по обработкѣ дерева .	5	9	10	575	880	1.097
Производство питат. прод. .	4	12	13	2.190	6.330	7.093
Кожевенные заводы . . .	5	6	5	1.160	3.600	3.512
Разные техно-химич. . . .	18	26	25	9.770	12.600	12.536
Всего	98	167	171	54.535	109.340	110.365

[1]) „Организація работодателей въ Германіи“.

[2]) Циркуляръ отъ 12 октября 1907 г., за № 646.

[3]) Циркуляръ отъ 20 октября за № 655.

[4]) См. отчеты Общества за 1906 и 1907 годы.

Очевидно, въ 1907 г. по своимъ размѣрамъ Общество въ цѣломъ принимаетъ стаціонарное положеніе, а по отдѣльнымъ группамъ замѣчается даже регрессъ.

Понять это явленіе нетрудно, если принять во вниманіе тотъ факторъ, который собственно и создалъ союзы работодателей—подъемъ *рабочаго движенія*, развитіе профессіональныхъ организацій рабочихъ. Въ той мѣрѣ, въ какой задавлено движеніе рабочихъ и разгромлены ихъ профессіональные союзы, ослабѣваетъ и стимулъ самоорганизаціи работодателей. Несомнѣнно, *какъ только рабочія организаціи обнаружатъ признаки оживленія, опять поднимется интенсивность развитія нашихъ союзовъ работодателей.*

Мы цитировали выше слова изслѣдователя германскихъ союзовъ работодателей, Кесслера: «Рабочій профессіональный союзъ, по природѣ вещей, нападаетъ, союзъ работодателей обороняется». Конечно, эти слова Кесслера относятся къ вопросу только о *генезисѣ* хозяйскихъ союзовъ, а не объ ихъ фактической роли. Недаромъ самъ Кесслеръ тутъ-же прибавляетъ къ цитированнымъ словамъ: «что порою *отношенія становятся обратными*,—не мѣняетъ вѣрности этого положенія въ общемъ».

Эту оговорку было-бы совершенно излишне дѣлать въ отношеніи къ *россійскимъ* союзамъ работодателей: она сама собою разумѣется. Болѣе того,—здѣсь отношенія стали обратными ужъ *очень скоро* послѣ возникновенія промышленныхъ союзовъ новаго типа. Положеніе обороняющихся имъ суждено было занимать весьма недолго. Извѣстные европейскимъ союзамъ работодателей и нерѣдко встрѣчающіеся въ ихъ практикѣ тарифные договоры, примирительныя камеры и пр. въ обстановкѣ россійской дѣйствительности, можно сказать, отцвѣли, не успѣвши расцвѣсти. Наблюдались они, конечно, только въ дни бурнаго 1905 года и—опять таки—преимущественно въ той области промышленности, гдѣ рабочіе отличались наибольшей активностью—въ типографской.

Такъ, въ Ригѣ совмѣстныя совѣщанія 22 представителей владѣльцевъ типографій и 28 делегатовъ отъ ихъ рабочихъ выработали 4 и 8-го марта 1905 г. рядъ пунктовъ, среди которыхъ 9½ часовой раб. день, минимальная плата (11 р. въ недѣлю) и пр. [1]). Въ Петербургѣ состоялось 14 ноября того же года первое засѣданіе примирительной камеры для урегулированія недоразумѣній между владѣльцами типографій и рабочими—въ составѣ 8 человѣкъ, по 4 съ каждой стороны. Тогда же союзъ владѣльцевъ петербургскихъ типографій принялъ 9 часовой раб. день и минимальный тарифъ. Но уже въ апрѣлѣ 1906 г. констатируется въ петербургскихъ типографіяхъ рядъ конфликтовъ, вызываемыхъ «чаще всего выбрасываніемъ дѣятельныхъ товарищей... Не было ни одного случая, чтобы рабочіе не подчинились рѣшенію примирительной камеры; обратное мы наблюдаемъ только у хозяевъ» [2]). Впрочемъ, продолжительные переговоры о тарифномъ соглашеніи въ петербургскихъ типографіяхъ велись еще въ 1907 г.

Но пріобрѣтенія, сдѣланныя рабочими организаціями благодаря ихъ борьбѣ

---

[1]) „Печатный Вѣстникъ“ 1905 г., № 9.

[2]) „Вѣстникъ печатниковъ“, 1906 г., № 5.

*

въ 1905 и 1906 годахъ, не давали покоя предпринимателямъ, и больше всего ихъ раздражало одно пріобрѣтеніе—самыя *организаціи* рабочихъ. И вотъ по мѣрѣ того, какъ старый политическій режимъ, оправившись отъ растерянности 1905 года, занимаетъ опять свои прежнія позиціи и обрушивается всей тяжестью репрессіи на рабочій классъ, по мѣрѣ того, какъ классъ промышленниковъ, забывъ свои увлеченія «безумнаго» года, подъ крылышкомъ того-же режима, организуется въ спеціальные союзы работодателей,—начинается періодъ *аггрессивныхъ* дѣйствій, систематическій походъ на завоеванія рабочихъ. Хозяйскіе союзы облегчаютъ переходъ капиталистовъ въ наступленіе, а самое это наступленіе въ свою очередь, стимулируетъ образованіе и укрѣпленіе хозяйскихъ союзовъ.

Въ этомъ процессѣ выковывается *новое* оружіе, позаимствованное у Западной Европы и въ русскій обиходъ такъ и перешедшее съ западно-европейскимъ названіемъ—*локаутъ*. И, можетъ быть, нѣтъ болѣе яркаго проявленія интимной связи перехода промышленной буржуазіи въ наступленіе противъ рабочихъ съ торжествомъ воинствующей правительственной реакціи, какъ то обстоятельство, что эпидемія локаутовъ обрушивается на рабочихъ именно *послѣ роспуска первой Думы*,—этой репетиціи акта 3 іюня 1907 года, долженствовавшей доказать, что бюрократія попрежнему «*все можетъ*». И, опять-таки, вичто другое, быть можетъ, не въ силахъ бросить такой яркій свѣтъ на специфическія особенности крупно-буржуазнаго либерализма, выдвигавшаго въ запискахъ 1905 года *требованіе свободы профессіональныхъ организацій рабочихъ*, какъ то обстоятельство, что *на разрушеніе этихъ организацій* и были главнымъ образомъ направлены локауты со стороны промышленниковъ. Опираясь на свои боевые союзы, подъ прикрытіемъ реакціи, промышленная буржуазія начинаетъ наносить профессіональнымъ союзамъ ударъ за ударомъ, въ конецъ обезсиливая рабочую массу, главнѣйшаго врага абсолютизма.

О локаутахъ за періодъ отъ разгона 1-ой Думы до разгона второй даны свѣдѣнія въ 1-ой части настоящаго тома [1]). Мы здѣсь дадимъ только дополнительные штрихи.

Мысль о локаутахъ бродила въ головахъ промышленниковъ еще въ дни свободъ — и, конечно, то были промышленники, дѣйствовавшіе въ *петербургскомъ* союзѣ работодателей. По поводу попытки введенія 8-часового раб. дня въ ноябрѣ 1905 г. въ заводскихъ мастерскихъ было вывѣшено длинное извѣщеніе отъ «собранія представителей 72 механическихъ и металлургическихъ заводовъ петербургскаго района», заканчивавшееся словами: «Собраніе признало совершенно невозможнымъ соглашаться на сокращеніе нынѣ установленнаго рабочаго времени, если же къ этому будутъ вынуждать сами рабочіе, то *рѣшено закрывать заводы*» [2]). Частичное закрытіе и имѣло тогда мѣсто, но дальнѣйшаго развитія этотъ пріемъ пока не получилъ.

Первый союзъ, серьезно пригрозившій общимъ локаутомъ, былъ *рижскій*

---

[1]) См. статью „Рабочіе въ 1905—07 годахъ", стр. 297—300 и 325—330.

[2]) „Русскій Экономистъ", 1905 г. № 42—43.

союзъ фабрикантовъ, пустившій въ оборотъ лозунгъ: *никакихъ уступокъ рабочимъ* [1]).

Послѣ роспуска 1-ой Думы, когда профессіональные союзы рабочихъ подверглись полицейскому разгрому, промышленники почувствовали, что на ихъ улицѣ наступилъ праздникъ. Господствовавшее среди нихъ настроеніе выразилъ 23 іюля владѣлецъ петербургской типографіи Яблонскій въ весьма обнаженной формѣ, заявивъ рабочимъ: «*Вашего союза нѣтъ, онъ умеръ, а потому нашъ союзъ рѣшилъ перейти къ старымъ порядкамъ*. Когда у васъ былъ союзъ, вы были сильны и мы, хозяева, должны были вамъ уступать; теперь у васъ союза нѣтъ, вы разбиты, а потому должны намъ уступать» [2]).

Вскорѣ послѣ того разгорается локаутъ *щетинщиковъ* въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ хозяева постановили: 1) не вести никакихъ переговоровъ съ союзомъ рабочихъ, 2) не принимать на работу болѣе дѣятельныхъ членовъ союза рабочихъ, 3) въ случаѣ упорства рабочихъ, выдавать ихъ руководителей полиціи [3]). Тогда же разыгрывается полный драматическихъ моментовъ знаменитый *лодзинскій* локаутъ и цѣлая *эпидемія локаутовъ* въ Царствѣ Польскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ. При этомъ «въ особенности возбуждаетъ недовольство капиталистовъ вмѣшательство профессіональныхъ союзовъ въ дѣло установленія внутренняго фабричнаго распорядка, въ дѣло найма и увольненія рабочихъ... Поэтому почти во всѣхъ нашихъ локаутахъ одно изъ главныхъ требованій хозяевъ сводится къ отстраненію профессіональнаго союза отъ этой роли» [4]). Однимъ словомъ, знаменитая формула германскихъ работодателей—«*Herr im Hause sein*»—властно руководитъ и нашими промышленниками въ этой эпидеміи локаутовъ [5]).

Что при этомъ промышленники не перестаютъ обращаться за содѣйствіемъ полиціи и военной силы—неудивительно [6]). Особенно достойно быть отмѣченнымъ усердіе *московской городской управы*, которая старалась не отстать отъ пріемовъ заправскихъ предпринимателей во время 2-недѣльнаго локаута на трамваѣ [7]). Не довольствуясь тѣмъ, что управа обрекла на голодъ 3.000 рабочихъ съ ихъ семьями, городской голова, Н. Гучковъ, ходатайствовалъ у прокурора о привлеченіи рабочихъ къ уголовной отвѣтственности. Такъ какъ прокуроръ не находилъ въ ихъ дѣйствіяхъ состава преступленія, то Гучковъ, возмущенный «либерализмомъ» московскаго прокурора, жалуется министру юстиціи, который и удовлетворяетъ ходатайство головы. Въ то же время управа старается провоцировать нарушеніе мирнаго хода стачки со стороны служащихъ: она

---

[1]) См. приведенное выше постановленіе отъ 21 іюня 1906 г.

[2]) „Голосъ Печатника“ 1906 г. № 1.

[3]) „Профессіональный Вѣстникъ“ № 1.

[4]) „1-ая конференція проф. союзовъ рабочихъ по металлу“, стр. 45.

[5]) Были и раньше признаки этого. О стачкахъ 1905 года оффиціальный статистикъ говоритъ: „... Но наибольшее упорство обнаружено предпринимателями въ спорахъ о порядкѣ въ заведеніяхъ“. В. Варзаръ, „Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за 1905 годъ“.

[6]) Владѣльцы „Русскаго общества парох. и торговли“ даже входятъ въ кооперацію съ союзомъ русскаго народа во время борьбы командъ за „регистрацію“.

[7]) См. часть 1-ю, стр. 326.

отказываетъ имъ въ избраніи делегатовъ для веденія съ управой переговоровъ; она даже предлагаетъ инженерамъ набрать штатъ штрейкбрехеровъ и составить списки всѣхъ агитирующихъ и упорствующихъ въ забастовкѣ рабочихъ для представленія ихъ градоначальнику. Не даромъ же во главѣ московской управы стоялъ человѣкъ, органически связанный съ торгово-промышленной средой.

VI. Всероссійское объединеніе капитала.

Дореволюціонный періодъ не зналъ вовсе *общероссійской организаціи* промышленниковъ. Мы встрѣчаемся до 1905 года съ всероссійскими торгово-промышленными съѣздами (1870 г., 1882 г. и 1896 г.[1]); но, уже не говоря о томъ, что они далеки были отъ того, чтобъ представлять интересы промышленнаго капитала,—они, кромѣ того, были именно временными съѣздами только, а не постоянными организаціями. А тѣ прочныя *и постоянно* дѣйствующія организаціи, которыя—тоже подъ названіемъ «Съѣздовъ», — мощно развились въ періодъ 80 и 90 годовъ, объединяли представителей только опредѣленнаго района, либо охватывали во всей Россіи только одну отрасль промышленности.

Экстраординарная встряска, которую задалъ всѣмъ общественнымъ классамъ періодъ 1905 года, чрезвычайно подогрѣла организаціонную энергію класса крупныхъ промышленниковъ. Развилась она въ двухъ направленіяхъ [2]): съ одной стороны, возникло ново-образованіе—организація союзовъ работодателей; съ другой—старыя организаціи потянулись другъ къ другу: возникли тенденціи къ *общенаціональному* объединенію представителей торгово-промышленнаго капитала.

Прежде, чѣмъ остановиться на задачахъ, которыя ставили себѣ учредители общероссійской организаціи, и на характеристикѣ ея дѣятельности, скажемъ вкратцѣ объ исторіи ея возникновенія.

Мы видѣли, какъ попытка образованія торгово-промышленной партіи привела промышленниковъ въ іюнѣ 1905 г. къ мысли «ограничиться исключительно экономической стороною единенія». Иниціаторомъ былъ кружокъ промышленниковъ, сгруппировавшихся при конторѣ желѣзо-заводчиковъ. Къ ноябрю 1905 г. списокъ учредителей общеимперскаго союза промышленниковъ включалъ уже около 100 виднѣйшихъ именъ изъ этой среды. Состоялось 2 съѣзда—въ январѣ и апрѣлѣ—и одно делегатское совѣщаніе—въ февралѣ 1906 г. Они выработали «Положеніе» о всероссійской организаціи подъ именемъ «*Съѣзды представителей промышленности и торговли*» [3]). Выбранный на апрѣльскомъ «учредительномъ» съѣздѣ исполнительный органъ—«Временный Совѣтъ» представилъ «Положеніе» правительству, коимъ оно и было утверждено 24 августа того-же года. А въ октябрѣ уже состоялся «1-ый очередной Съѣздъ представителей промышленности и торговли». Почти наканунѣ того момента, которымъ

[1]) См. т. I, стр. 341—347.

[2]) Это въ сферѣ общественно-политической. Въ области-же экономической еще усилилось образованіе *синдикатовъ* и *картелей*.

[3]) Мы эту организацію будемъ, ради краткости, называть просто „Съѣздами“.

ограничивается во времени настоящій очеркъ—3 іюня 1907 года,—состоялся 2-ой очередный съѣздъ 22—24 мая 1907 года. [1]) Съѣзды выбираютъ Совѣтъ, изъ 28—36 человѣкъ, а Совѣтъ съѣздовъ выдѣляетъ изъ своей среды исполнительный органъ—Комитетъ.

«Съѣзды представителей промышленности и торговли»—организація исключительно *крупнаго капитала*. По уставу, *дѣйствительными членами* Съѣздовъ состоятъ не отдѣльныя лица или фирмы, а *только цѣлыя организаціи* промышленниковъ и торговцевъ (§ 7) [2]). Совѣщательными членами Съѣздовъ могутъ состоять отдѣльныя акціонерныя предпріятія, складочный *капиталъ которыхъ не меньше 300.000 р.*, а также предпріятія, не обязанныя публичною отчетностью, имѣющія годовой оборотъ не ниже 300.000 рублей (§ 8). Размѣръ ежегоднаго взноса дѣйствительныхъ членовъ опредѣляется каждый годъ въ зависимости отъ класса, къ которому отнесена данная организація. На 1907 года размѣръ взноса опредѣленъ для организаціи I класса въ 5000 р., II класса—3.000 р., III кл.—1.500 р., IV кл.—500 и V кл.—200 р. Взносы совѣщательныхъ членовъ зависятъ отъ размѣровъ ихъ капиталовъ или оборотовъ; минимальный взносъ 100 р. въ годъ (§ 38).

Къ концу разсматриваемаго періода составъ «Съѣздовъ» представлялся въ слѣдующемъ внушительномъ видѣ: дѣйствительныхъ членовъ было 48, совѣщательныхъ 101 членъ. Въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ значатся: 12 общихъ биржъ, 3 хлѣбныхъ биржи, харьковская каменноугольная и желѣзоторговая биржа, 4 комитета торговли и мануфактуръ, 14 организацій, носящихъ названіе «съѣздовъ» (горнопромышленники всѣхъ районовъ, нефтепромышленники, металлозаводчики, мукомолы, стеклозаводчики и т. д.), 9 Обществъ (почти всѣ типа союзовъ работодателей), 2 совѣщательныя конторы (желѣзозаводчиковъ и золото-платинопромышленниковъ), всероссійское Общество сахарозаводчиковъ и др.,—словомъ, весь цвѣтъ промышленныхъ организацій Россіи. Среди совѣщательныхъ членовъ: Общество юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ [3]), рядъ банковъ, страховыхъ и транспортныхъ Обществъ; затѣмъ крупнѣйшія промышленныя акціонерныя товарищества и предпріятія. Предсѣдатель Совѣта Съѣздовъ—членъ Госуд. Совѣта Н. С. Авдаковъ.

Участіе такого большого числа представителей *различныхъ* районовъ и отраслей промышленности въ Съѣздахъ вызвало съ самаго начала особенныя заботы о сохраненіи *автономіи* за дѣйствительными членами. Еще на подготовительномъ съѣздѣ, въ январѣ 1906 года, подымался протестъ противъ централистическихъ тенденцій учредителей представителями и московскаго района, и Царства Польскаго, и уральскихъ горнопромышленниковъ; тогда же было рѣшено, что интересы отдѣльныхъ организацій и отраслей не должны быть подавляемы

---

[1]) Въ мартѣ 1908 г. состоялся 3-й съѣздъ, а въ моментъ, когда пишутся эти строки, организуется 4-ый.

[2]) Сюда входятъ и организаціи кредитныхъ, страховыхъ и транспортныхъ предпріятій.

[3]) Вообще желѣзнодорожныя общества держатся вдали отъ Съѣздовъ, въ виду расхожденія ихъ интересовъ съ интересами промышленниковъ по многимъ существеннымъ вопросамъ (особенно о желѣзнодорожныхъ тарифахъ).

большинствомъ другихъ организацій, «имѣющихъ противоположные интересы» [1]). Въ результатѣ введены въ «Положеніе» «о Съѣздахъ» особые параграфы (§ 19 и 31) для обезпеченія автономіи групповыхъ интересовъ. По § 31, каждый районъ или отрасль промышленности могутъ требовать предварительнаго обсужденія *ими* тѣхъ «вопросовъ, кои ближайшимъ образомъ касаются означенныхъ отраслей» или районовъ. И тогда постановленіе, даже принятое большинствомъ съѣзда, не имѣетъ силы, если съ нимъ не согласна данная отрасль или данный районъ.

Каковы же *задачи*, преслѣдуемые Съѣздами? Отвѣтъ опредѣляется какъ особенностями того времени, когда создалось это всероссійское объединеніе капитала, такъ и чертами тѣхъ организацій, которыя вошли въ составъ «Съѣздовъ представителей пром. и торговли». И иниціатива, и преобладающее вліяніе въ нихъ принадлежитъ тѣмъ, знакомымъ намъ, организаціямъ дореволюціоннаго періода, которыя центръ тяжести своей дѣятельности видѣли въ систематическомъ организованномъ *давленіи на власть*—въ цѣляхъ удовлетворенія своихъ классовыхъ вожделѣній. Аппаратъ этого давленія наладился у нихъ превосходно и былъ отлично приспособленъ къ дореволюціоннымъ условіямъ. Эти условія явно измѣнились въ процессѣ событій 1905 года, какъ это ясно обозначилось уже въ самомъ началѣ его. Появился новый факторъ государственнаго творчества — *общественное мнѣніе*. Въ какую форму облечется оно, каковы будутъ размѣры его вліянія — этого, конечно, не знали промышленные круги. Но все внушало имъ увѣренность, что съ этимъ новымъ факторомъ придется серьезно считаться, не меньше, чѣмъ до революціи съ «видами» бюрократіи. Промышленники имѣли преувеличенное представленіе о силѣ этого фактора: отъ иллюзій неизбѣжнаго теперь-же торжества демократіи они, какъ мы уже видѣли, были также мало свободны, какъ и сама демократическая масса.

И вотъ въ промышленной средѣ назрѣваетъ мысль о необходимости спѣшно реорганизовать свои силы — вѣрнѣе, создать новую организацію, приспособленную къ новымъ условіямъ. Вотъ какъ аргументировали въ пользу общеимперскаго объединенія сами его иниціаторы: «При проявившемся нынѣ измѣненіи государственной жизни, рѣшеніе всѣхъ государственныхъ вопросовъ... можетъ имѣть мѣсто *только подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія*, ибо—разумѣется—оно будетъ имѣть *рѣшающее* значеніе въ общественныхъ теченіяхъ, а слѣдовательно и въ постановленіяхъ Государственной Думы» [2]). И далѣе: надо будетъ «входить къ правительству съ вполнѣ обоснованными и вполнѣ разработанными представленіями отъ имени всей промышленности и торговли. И разумѣется, къ такому мнѣнію, находящему притомъ *сочувствіе въ общественномъ мнѣніи*, каждое правительство не можетъ не прислушиваться» [3]).

Еще ярче ставитъ точку надъ і А. Вольскій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ иниціаторовъ общенаціональной организаціи капитала. Въ своемъ докладѣ вре-

---

[1]) См. „Объяснит. записку къ Положенію объ общеимперскихъ Съѣздахъ представителей учрежденій промышл. и торговли".

[2]) „Для чего нуженъ Союзъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій Россійской имперіи?"—стр. 1.

[3]) Тамъ-же, стр. 3.

менному Совѣту Съѣздовъ г. Вольскій, перечисливъ вопросы («о налогахъ, о трудѣ» и пр.), которые будутъ разсматриваться въ Государств. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ, заявляетъ: «По всѣмъ такимъ вопросамъ русская промышленность и торговля должны, въ интересахъ собственнаго самосохраненія, высказать не только свои широко обоснованные взгляды, но и умѣть *привить эти взгляды тѣмъ учрежденіямъ* и группамъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть проведеніе въ жизнь тѣхъ или иныхъ законовъ и мѣръ... *Тутъ-то и лежитъ весь корень работы и весь смыслъ Общеимперскихъ Съѣздовъ* Представителей Промышленности и Торговли» [1]).

Итакъ: «прививать свои взгляды» правительству—такова была задача дореволюціонныхъ организацій промышленниковъ; прививать свои взгляды и правительству *и* общественному мнѣнію—эту цѣль преслѣдовало основаніе всероссійской организаціи капитала послѣ революціи.

Однако политическая конъюнктура вообще и роль Госуд. Думы въ частности все больше измѣнялась въ такую сторону, что тяжелая обязанность прививать свои взгляды органамъ общественнаго мнѣнія все больше теряла свое значеніе въ глазахъ общеимперскихъ Съѣздовъ. Тѣмъ реальнѣе и явственнѣе намѣчался для нихъ старый путь фактическаго господства посредствомъ культа органической связи съ органами власти.

На открытіи 1-го очередного съѣзда Н. Авдаковъ, въ торжественной рѣчи своей, заявилъ: «Пробужденіе политическаго сознанія вызвало къ жизни множество *политическихъ* партій и союзовъ, но среди этихъ разнообразныхъ голосовъ не слышно было голоса промышленности и торговли. *Теперь* это молчаніе прекратилось: *промышленность и торговля заговорили*»... Какъ-бы замѣтивъ противорѣчіе этихъ словъ обычному refrain' у «Съѣздовъ», что они не касаются политики, Авдаковъ поспѣшилъ поправиться въ той же рѣчи, заявивъ, что Съѣзды должны стоять «на почвѣ *общегосударственныхъ интересовъ* и *отказываться отъ всякой партійности*» [2]).

Конечно, россійской крупной буржуазіи еще гораздо труднѣе, чѣмъ какой-бы то ни было другой, увѣрить кого-либо, что она стоитъ на точкѣ зрѣнія «общегосударственныхъ интересовъ», а не узко-классовыхъ. Но когда дѣятели Съѣздовъ послѣ-революціонныхъ, какъ и организацій дореволюціонныхъ, увѣряютъ насъ, что они устраняютъ изъ своей дѣятельности политику, то они какъ уже было замѣчено, совершенно правы, если разумѣть политику *оппозиціонную*, борьбу за политически-гарантированныя гражданскія права и свободы. *Такой* политикой «Съѣзды» дѣйствительно не занимаются. Они продолжаютъ линію дореволюціонныхъ организацій промышленниковъ, энергично добиваясь *фактическаго* расширенія предѣловъ вліянія и власти промышленниковъ, пренебрегая политическими *гарантіями* этой власти. Они, какъ люди практики, довольны, какъ говорилъ Авдаковъ, разъ «эта практика такова, что до сихъ поръ насъ никто никогда ни въ чемъ не стѣснялъ, а даже напротивъ, мы всегда пользовались широкимъ просторомъ».

---

[1]) „Программа ближайшей дѣятельности Общеимперскихъ Съѣздовъ Представителей Промышленности и Торговли".

[2]) Журналъ I-го засѣданія 12 октября 1906 г.

Любопытно, что это положеніе, давно и хорошо извѣстное нашимъ практикамъ, счелъ нужнымъ развить имъ еще особо теоретикъ: *профессоръ И. И. Иванюковъ* въ своемъ докладѣ «О торговыхъ и торгово-промышленныхъ палатахъ въ Западной Европѣ», прочитанномъ на подготовительномъ съѣздѣ промышленниковъ въ январѣ 1906 г., описывалъ роль этихъ палатъ въ другихъ странахъ, особенно въ Германіи, гдѣ, по закону 1897 года, всякій законопроектъ, касающійся промышленности, торговли и судоходства, до внесенія въ рейхстагъ, обязательно передается на обсужденіе торговыхъ палатъ. Отсюда профессоръ извлекалъ и подсказывалъ своей почтенной аудиторіи, что центральная власть «не можетъ обходиться уже безъ непрерывнаго содѣйствія и представительства торгово-промышленнаго класса, *фактически получившаго почти рѣшающій голосъ*» [1]).

Тутъ теоретику профессору промышленники могли бы показать, что они давно искушены въ дѣлѣ пріобрѣтенія фактически рѣшающаго голоса подъ флагомъ совѣщаній и пр. и что именно поэтому они охотно подхватываютъ аргументы, подсказываемые имъ теоретиками [2]).

Въ томъ-же 1906 году горно-промышленники пошли еще дальше, предъявивъ такое требованіе: выработанный правительствомъ «проектъ о выборныхъ учрежденіяхъ торговли и промышленности долженъ быть переданъ на разсмотрѣніе всѣхъ торгово-промышленныхъ учрежденій и *лишь по полученіи отъ нихъ заключеній* можетъ быть внесенъ на разсмотрѣніе Особаго Совѣщанія министровъ и далѣе въ Госуд. Думу и Госуд. Совѣтъ, гдѣ обсужденіе проекта въ соединенномъ присутствіи этихъ учрежденій должно быть *при участіи представителей всѣхъ учрежденій торговопромышленнаго класса* и съѣздовъ горно-промышленниковъ [3]).

Еще черезъ 8 мѣсяцевъ Авдаковъ уже формулируетъ цѣлый планъ преобразованія всего горнаго вѣдомства *съ персоналомъ изъ горно-промышленниковъ*: «Учредить на твердыхъ началахъ въ Главномъ Горномъ Управленіи Совѣтъ по горно-промышленнымъ дѣламъ съ рѣшающимъ правомъ голоса, и чтобъ *исполнителемъ* рѣшеній Совѣта былъ главноуправляющій дѣлами Горнаго Управленія, какъ въ предѣлахъ власти, предоставленной сему учрежденію, такъ и для доклада рѣшеній Совѣта высшему правительству — Совѣту Министровъ и далѣе Госуд. Совѣту и Госуд. Думѣ» [4]).

И эта не пустая претензія южныхъ горно-промышленниковъ — самаго виднаго члена всероссійскихъ «съѣздовъ». Въ томъ же 1906 г., разсылая промышленнымъ организаціямъ проектъ положенія о выборныхъ учрежденіяхъ торговопромышленнаго класса, министерство торговли и промышленности писало въ препроводительной бумагѣ: „*Согласно постановленію Совѣщанія представителей торговли и промышленности* 17—18 марта сего года, Министерство

---

[1]) Журналъ засѣданія 12 января.

[2]) Менѣе чѣмъ черезъ 2 мѣсяца Авдаковъ уже повторялъ доводъ о Германіи и пр. въ своемъ докладѣ на 30-омъ съѣздѣ южныхъ горнопромышленниковъ.

[3]) „Труды" 30-го съѣзда горнопром. юга Россіи (въ мартѣ 1906 г.).

[4]) „Труды" 31-го съѣзда горнопром. юга Россіи, докладъ о желат. преобразов. горн. вѣдомства.

Торговли и Промышленности препровождаетъ при семъ *переработанный, на основаніи сужденій Совѣщанія, проектъ* положенія... покорнѣйше прося не позже 20 апрѣля сего года сообщить свой отзывъ Министерству по существу проекта. При этомъ, еслибъ встрѣтилось затрудненіе дать письменный отзывъ, то желательно сообщить его *по телеграфу*, такъ какъ несвоевременное полученіе отзыва лишитъ Министерство возможности *принять его въ соображеніе при внесеніи законопроекта въ Госуд. Думу*» [1]). Изъ другихъ фактовъ этого рода здѣсь достаточно упомянуть два: участіе промышленниковъ въ совѣщаніи о реформѣ органовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и участіе въ междувѣдомственной комиссіи А. Арбузова, для пересмотра временныхъ правилъ 4 марта 1906 года объ обществахъ и союзахъ, А. Вольскаго—*единственнаго* представителя общественныхъ группъ въ этой комиссіи.

Эту свою функцію *преддумья*, нисколько не уступающаго Vorparlament'у германскихъ промышленниковъ, очень цѣнятъ и культивируютъ какъ общенаціональная организація русскихъ промышленниковъ, такъ и ея составныя части. По поводу проекта о страхованіи отъ болѣзней (больничныя кассы) они могли въ 1907 году съ удовольствіемъ констатировать: «Большинство сдѣланныхъ въ разное время промышленниками замѣчаній по вопросамъ объ устройствѣ больничныхъ кассъ приняты во вниманіе при выработкѣ окончательнаго проекта» [2]).

И такихъ побѣдъ могли бы промышленники перечислить *великое множество* въ области рабочаго законодательства, промысловаго обложенія, передачи казенныхъ заказовъ и поставокъ исключительно россійскимъ промышленникамъ хотя-бы по болѣе высокимъ цѣнамъ и т. д., и т. д.

Эта близость крупно-промышленныхъ организацій къ правительственному механизму была продемонстрирована при самомъ основаніи ихъ общенаціональнаго объединенія: на первомъ очередномъ Съѣздѣ представителей промышленности и торговли присутствовали *три министра* [3]): финансовъ, путей сообщенія и торговли и промышленности, изъ которыхъ послѣдній—представитель ихъ «собственнаго» министерства, учрежденнаго 27 октября 1905 года. Всѣ 3 министра произнесли привѣтственныя рѣчи, въ которыхъ всячески увѣряли, что «и въ будущемъ всегда будутъ готовы содѣйствовать успѣшной дѣятельности возникающей сегодня организаціи» и пр.

Есть въ выступленіяхъ Съѣздовъ за то время, къ которому относится нашъ очеркъ, два пункта, въ которыхъ какъ будто проявляется способность промышленной организаціи нѣсколько шире разсматривать дѣйствительность.

Первый пунктъ—отношеніе къ *народному образованію*—занимаетъ въ дѣятельности Съѣздовъ самое подчиненное мѣсто и былъ предметомъ занятій только одинъ разъ въ одномъ докладѣ. Мы, однако, упоминаемъ объ этомъ докладѣ не только ради большей полноты и разносторонности картины, но и потому, что въ извѣстныхъ предѣлахъ—поскольку не придется входить въ серьезный кофликтъ съ правительствомъ — Съѣзды, повидимому, имѣютъ шансы и впредь выражать, по крайней мѣрѣ, не-реакціонныя тенденціи въ этомъ вопросѣ.

---

1) Отношеніе въ Совѣтъ съѣздовъ южн. горнопром. отъ 29 марта за № 1627.

2) „Труды“ 32-го съѣзда южн. горнопром., докладъ № VI, стр. 6.

3) Ужъ не говоря о членахъ Госуд. Совѣта, директорахъ департамента и т. д.

Мы имѣемъ въ виду докладъ о «школахъ при фабрично-заводскихъ и горныхъ предпріятіяхъ». Докладъ сосредоточиваетъ свою аттаку на ст. 5 утвержденнаго 26 мая 1882 года мнѣнія Госуд. Совѣта объ училищахъ, открываемыхъ Техническимъ Обществомъ, которая гласитъ: «школы и классы открываются съ разрѣшенія попечителя округа, который *входитъ предварительно въ сношенія съ мѣстнымъ губернаторомъ, градоначальникомъ или полицмейстеромъ по принадлежности*[1])». Аттака ведется докладчикомъ въ необычайно рѣзкой формѣ. «Связываніе открытія школъ съ полицмейстерскими принадлежностями— это «курьезъ» достойный фигурировать въ собраніи диковинокъ изъ области упованія на дѣеспособность полиціи въ государственномъ управленіи вообще и въ просвѣтительной политикѣ въ особенности». Далѣе указывается на доказательства «самой ощутительной зловредности простонароднаго невѣжества», вродѣ «харьково-полтавскаго крестьянскаго бунта» и пр., и опять: «Всѣ дѣйствующіе законы, правила и распоряженія властей въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.... покоятся на поразительномъ по своему недомыслію заблужденію, будто-бы всякая лишняя школа усугубляетъ въ Россіи закваску революціоннаго соціализма, а въ инородческихъ окраинахъ.... сепаратизма. Въ дѣйствительности только круглое невѣжество и поверхностное верхоглядство не считается съ жизненными условіями.... Промышленно-торговая среда въ любой культурной странѣ никакъ ужъ не можетъ быть заподозрѣна въ повадливости къ соціалистическому или національстическому авантюризму.... Если, слѣдовательно, отъ этой среды исходятъ просвѣтительныя стремленія, то стало-быть правило «ученье свѣтъ, неученье тьма» оправдываетъ себя». И въ заключеніе: «Съѣзды должны заботиться объ искорененіи изъ нашихъ административныхъ нравовъ рѣшающаго вліянія урядниковъ, пономарей и низшихъ тайныхъ агентовъ полиціи на судьбу школъ и преподавательскаго персонала [2])».

Къ сожалѣнію, имѣющійся матеріалъ о дѣятельности Съѣздовъ не даетъ данныхъ о выступленіи промышленной организаціи въ области постановки *общенароднаго* образованія—внѣ фабричныхъ школъ. Трудно также судить о томъ, въ какой мѣрѣ тутъ сказывается раздраженіе хозяина, дающаго деньги на фабричныя школы и не могущаго быть «Herr im Hause» въ области «судьбы школъ и преподавательскаго персонала». Наконецъ, отношеніе представителей промышленности въ Госуд. Думѣ и Совѣтѣ къ ассигновкамъ на церковно-приходскія школы, гдѣ какъ разъ дѣйствуютъ «пономари», тоже какъ будто мѣшаетъ смотрѣть на приведенный докладъ, какъ на прочно сложившуюся уже позицію организованныхъ промышленниковъ въ области постановки народнаго образованія.

Другой пунктъ — это взгляды промышленниковъ на *отношенія между развитіемъ промышленности и сельскаго хозяйства*. Одно пріобрѣтеніе мысль нашей промышленной буржуазіи все таки, повидимому, сдѣлала за послѣдніе годы: это пріобрѣтеніе — идея о томъ, что нельзя обезпечить тріумфъ промышленности политикой полнаго пренебреженія къ интересамъ развитія сельскаго хозяйства. Это все таки шагъ впередъ по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда торговопромышленные съѣзды (напримѣръ, нижегородскій 1896 г.) были

[1]) Курсивъ доклада.

[2]) Докладъ Врем. Совѣта 1-му очередному Съѣзду (октябрь 1906 г.).

наполнены шумомъ огульной аггрессивной борьбы промышленниковъ съ представителями сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Теперь мы слышимъ иныя рѣчи.

«Поднятіе народнаго благосостоянія—заявилъ Г. А. Крестовниковъ, какъ предсѣдатель перваго очереднаго съѣзда (въ октябрѣ 1906 года)—зависитъ всецѣло отъ благополучія двухъ *неразрывно связанныхъ* источниковъ—сельскаго хозяйства и промышленности» [1]). «Должна быть постоянно указываема необходимость *согласованія сельско-хозяйственной политики съ торгово-промышленной и наоборотъ*», говоритъ А. Вольскій въ своей «Программѣ ближайшей дѣятельности Общеимперскихъ Съѣздовъ Представителей Пром. и Торг. [2])». Да и въ другихъ случаяхъ промышленники стали проводить мысль, что нѣтъ противорѣчія между правильно понимаемыми интересами сельскаго хозяйства съ одной стороны и промышленности и торговли—съ другой.

Но, опять таки, пока не видно, чтобы промышленники вкладывали осмысленное содержаніе въ эту общую формулу. Если въ такомъ общемъ видѣ эта формула, можетъ быть, и хороша, какъ *внѣшнее оправданіе блока обоихъ господствующихъ классовъ Россіи въ союзѣ 17 октября*, то нельзя сказать, чтобы промышленники дѣлали изъ этой формулы тѣ *выводы*, которые изъ нея вытекаютъ въ области аграрной, финансовой и вообще внутренней политики. Ибо поддерживать безмѣрные военные расходы и эксцессы желѣзнодорожнаго строительства вродѣ амурской ж. д., законъ 9-го ноября, усиливающій пауперизацію крестьянскихъ массъ, и систему подавленія самодѣятельности крестьянскаго населенія, «просвѣтительную» политику министерства Шварца и исключительныя положенія—поддерживать все это, какъ это дѣлаетъ *торгово-промышленная группа обѣихъ палатъ*, это во всякомъ случаѣ непохоже на заботы о «согласованіи сельско-хозяйственной политики съ торгово-промышленной»,—если, конечно, подъ послѣдней разумѣть систему мѣръ, обезпечивающихъ нормальное прочное развитіе промышленности.

Въ концѣ концовъ, изъ всего комплекса требованій, очевидно вытекающихъ изъ выставляемой лидерами «Съѣздовъ» формулы, они себѣ вычеканили, въ сущности, одинъ только твердо исповѣдуемый ими символъ вѣры: *чтобъ поднять крестьянство, надо всячески поддержать «промышленность» т. е, промышленниковъ* [3]). А когда ставится вопросъ о томъ, *какъ* поддержать, то тутъ-то и выдвигаются всѣ знакомыя намъ узкоклассовыя вожделѣнія промышленниковъ, осуществленіе которыхъ какъ разъ неизбѣжно должно еще увеличить пауперизацію массы населенія и, слѣдовательно, подрѣзать тотъ сукъ, на которомъ держится промышленность.

За всѣмъ тѣмъ оба указанныхъ пункта представляютъ то направленіе, въ

---

[1]) Журналъ засѣданія 12 октября.

[2]) Докладъ Временному Совѣту 3 мая 1906 года.

[3]) Надо еще самому сельскому хозяйству индустріализироваться, т. е. перейти отъ производства хлѣбовъ къ производству продуктовъ, служащихъ сырымъ матеріаломъ обрабатывающей промышленности,—проповѣдуетъ бюрократическій лидеръ промышленниковъ, Литвиновъ-Фалинскій, въ своей книгѣ „Наше экономическое положеніе и задачи будущаго“.

которомъ иногда все таки пробивается сравнительно болѣе дальновидное пониманіе задачъ у представителей промышленности.

Для оцѣнки роли Съѣздовъ огромный интересъ представляетъ ихъ центральный органъ—выходящій 2 раза въ мѣсяцъ подъ редакціей А. Вольскаго, журналъ «Промышленность и Торговля». Но изданіе его начато лишь съ января 1908 г. [1]). Такимъ образомъ изъ рамокъ нашего очерка, ограниченнаго во времени актомъ 3-го іюня 1907 г., выходитъ разсмотрѣніе позиціи этого журнала, равно какъ тѣхъ явленій и теченій, которыя замѣчались въ организаціи промышленниковъ со 2-ой половины 1907 г. до настоящаго момента, а стало быть, и перспективъ, которыя намѣчаются относительно вѣроятной дальнѣйшей линіи настроенія и поведенія крупно-промышленной буржуазіи.

За тотъ сравнительно короткій промежутокъ времени, который прошелъ отъ основанія Съѣздовъ до 3-го іюня 1907 г., работа этой организаціи была сосредоточена *преимущественно на рабочемъ вопросѣ*. На этой работѣ мы и остановимся, тѣмъ болѣе, что тутъ методы дѣйствія и физіономія Съѣздовъ опредѣлилась чрезвычайно рельефно. Совѣтъ Съѣздовъ представилъ *рядъ записокъ* и принималъ *активнѣйшее* участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ при министерствѣ торговли и промышленности (особенно въ декабрѣ 1906 г.) и имѣетъ *полное право быть довольнымъ результатами* своей дѣятельности. Отъ либеральныхъ проектовъ рабочаго законодательства временъ Коковцева (1905 г.), благодаря дѣятельности «Съѣздовъ», *осталось очень мало*: законъ о наймѣ принялъ видъ, весьма близкій къ желаніямъ промышленниковъ, законы о страхованіи могутъ ихъ совсѣмъ удовлетворить, а проектъ о 10 час. рабочемъ днѣ (превратившись въ проектъ 10½ час. дня) и совсѣмъ исчезъ въ тайникахъ министерской канцеляріи.

Тенденціи объединенной буржуазіи въ рабочемъ вопросѣ достаточно выясняются изъ обширнаго доклада Временнаго Совѣта 1-му очередному съѣзду въ октябрѣ 1906 г.,—доклада, очевидно имѣвшаго цѣлью вооружить представителей промышленности данными и аргументами для предстоявшаго два мѣсяца спустя совѣщанія при министерствѣ промышленности и торговли. Съ этимъ докладомъ стоитъ познакомиться, привести изъ него характерныя выдержки.

«Принципъ «въ единеніи сила»—такъ начинаетъ докладъ—блестящимъ образомъ еще разъ доказалъ свою силу—требованія группы рабочихъ, зачастую совершенно несправедливыя и нерѣдко безсмысленныя, властно поставили на очередь рабочій вопросъ. Публика наша, только изъ газетъ узнававшая обыкновенно о существованіи въ Россіи фабрикъ и заводовъ, лопатой, по мнѣнію публицистовъ, огребающихъ деньги, съ удивленіемъ увидѣла изъ ряда забастовокъ силу соединившагося рабочаго класса. Въ самомъ парламентѣ нашемъ наиболѣе если не сильная, то крикливая группа депутатовъ называла себя представительницей интересовъ рабочихъ... И вотъ на столбцахъ большинства бьющихъ на популярность газетъ начинается кампанія въ пользу или въ защиту

---

[1]) По рѣшенію 2-го съѣзда въ маѣ 1907 г. Кромѣ журнала, при Совѣтѣ Съѣздовъ организовано статистическое бюро, библіотека и пр.—все на широкую ногу и со специфическими задачами.

«пасынковъ» русской промышленности, рабочихъ. Эта газетная болтовня не заслуживала бы вниманія, если бъ русскій рабочій, подобно своему европейскому коллегѣ, былъ-бы болѣе грамотенъ и могъ-бы самостоятельно разбираться въ своемъ немногосложномъ умственномъ хозяйствѣ. Но, къ сожалѣнію, почти вся масса рабочихъ, какъ и общество наше, глубоко неподвижна, и ничтожная шайка сплоченныхъ «товарищей», оправдывая вышеприведенный девизъ, сумѣла нарушить правильный ходъ жизни страны и *даже угрожала одно время и самой свободѣ, вырванной съ такимъ трудомъ и усиліями лучшею частью общества* изъ рукъ всемогущей бюрократіи»... [1]).

Далѣе, посмѣявшись надъ брошюрой «проф. И. Х. Озерова (цѣна 5 коп.)» и другими брошюрами «съ ничтожной цѣной», рисовавшими «чуть ли не золотой вѣкъ, наступившій въ Германіи благодаря страхованію рабочихъ», докладъ рисуетъ послѣдствія, получившіяся отъ чтенія этихъ брошюръ. «Начитавшійся подобныхъ брошюръ рабочій видитъ въ каждомъ промышленникѣ врага, забастовки слѣдуютъ за забастовками: народъ отвыкаетъ отъ труда и народное хозяйство, равно какъ и промышленность наша все падаетъ и падаетъ... Съ другой стороны правительство наше въ угоду или изъ боязни рабочаго класса... собирается наложить на промышленность нашу еще болѣе тяжкое бремя неслыханнымъ нигдѣ сокращеніемъ рабочаго времени и обезпеченіемъ рабочихъ врачебной помощью на случай болѣзни за счетъ предпринимателя».

Между тѣмъ тутъ «на государство, какъ на таковое, возлагаются задачи, несвойственныя самому понятію о государствѣ, въ государственную идею не могутъ и не должны входить опекунскія обязанности по отношенію къ взрослымъ полноправнымъ гражданамъ, идея принужденія насильно одного класса общества заботиться о другомъ *мало заключаетъ въ себѣ гуманнаго и христіанскаго*... Первое и главное, чѣмъ Россія отличается отъ Германіи и прочихъ государствъ, это то, что въ нашемъ государствѣ *нѣтъ рабочихъ*, какъ таковыхъ, *какъ строго обособленнаго класса* [2]). Даже рабочіе въ крупнѣйшихъ...

---

[1]) Врядъ-ли можно отнести на счетъ всего состава „Съѣздовъ“ *всѣ* доводы доклада, поражающіе своей беззастѣнчивостью, прямо цинизмомъ. Это обычная черта многихъ лидеровъ промышленниковъ, что они, ради достиженія своихъ цѣлей, готовы приводить какую угодно аргументацію какъ въ одномъ направленіи (вышецитированный докладъ о школѣ), такъ и въ другомъ. *Въ полномъ объемѣ* принимать въ серьезъ эти аргументы не приходится. Кромѣ того въ обоихъ этихъ докладахъ вульгарно-хлесткій стиль носитъ, повидимому, отпечатокъ опредѣленной индивидуальности и сильно напоминаетъ малограмотныя и очень развязныя полемическія упражненія, встрѣчающіяся на страницахъ „Промышленности и Торговли“ и носящія подпись редактора этого журнала. Но, для насъ важно то, что докладъ о страхованіи рабочихъ былъ представленъ отъ имени *всего* Временнаго Совѣта. Его доводы освѣщаютъ любопытные закоулки психологіи и идеологіи крупно-промышленныхъ круговъ.

[2]) Это опять образчикъ неразборчивости въ средствахъ для достиженія цѣли. *Совершенно обратное* утверждали промышленники, когда имъ хотѣлось запереть рабочихъ въ особую курію при выборахъ въ Госуд. Думу: тогда они въ пользу „необходимости особаго представительства рабочихъ“ приводили прежде всего тотъ доводъ, что *„рабочій классъ въ крупныхъ центрахъ совершенно обособился отъ крестьянства“*. См. „Горнозаводскій Листокъ“ 1905 г. № 40.

предпріятіяхъ—не задумываясь, разсчитываются и идутъ кочевать дальше, пропивая, разумѣется, первымъ долгомъ полученныя ими въ разсчетъ деньги... *Каковъ-бы ни былъ политическій гнетъ власти, мало культурные классы мало отъ него и страдаютъ.* Собственность является факторомъ прогресса, и къ сожалѣнію, любви къ собственности и не наблюдается въ русскомъ рабочемъ».

Далѣе какъ иллюстрація «несправедливости, полнѣйшей необоснованности, *безнравственности*» закона 2 іюня 1903 г. (о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ) приводится сравненіе рабочаго, у котораго оторвало правую руку и который получаетъ отъ предпринимателя пожизненную пенсію 240 р. въ годъ, съ *казакомъ*, георгіевскимъ кавалеромъ, получившимъ 15 ранъ и за то пенсію отъ казны 57 рублей въ годъ. «Сопоставленіе напрашивается само собою: одинъ работалъ на себя, хорошо питался, хорошо зарабатывалъ... и онъ получаетъ немедленно безъ хлопотъ 240 р., въ годъ; второй работалъ на отечество, питался плохо, вознаграждался еще болѣе скудно, потерялъ совершенно трудоспособность—и съ громадными хлопотами 57 рублей». Далѣе слѣдуютъ жалобы на «суды и администрацію, неизвѣстно въ силу какихъ причинъ смотрящіе до нельзя враждебно на промышленность». «То-же самое и съ фабричной инспекціей, съ окружными инженерами... постоянно самыя дикія требованія рабочихъ не отвергаются».

Протестуя противъ возложенія (правительственнымъ проектомъ о страхованіи) денежныхъ взносовъ на однихъ промышленниковъ, докладъ указываетъ на «этическую сторону вопроса». Рабочіе «получаютъ какъ бы *милостыню* отъ капиталиста. Эта глубоко унижающая лучшихъ изъ рабочихъ необходимость принимать какъ бы подачки, глубоко-же *развращаетъ* массы, пріучая къ ничего недѣланію... и ставя идеаломъ сорваніе хорошаго куша за полученное иногда *нарочно* увѣчье». Между тѣмъ *взиманіе взносовъ съ рабочихъ «помогло бы рабочему сознавать себя полноправнымъ гражданиномъ»*. «Авторитетнѣйшее по своему составу учрежденіе», какимъ являются «Съѣзды», должно указать правительству, что его проекты—«бумажные кабинетные», а облегченіе положенія рабочихъ «можетъ быть достигнуто лишь *свободнымъ соглашеніемъ*, каковое въ свою очередь возможно лишь при предоставленіи промышленникамъ и рабочимъ... абсолютнаго и неотъемлемаго права свободы собраній, союзовъ и сходокъ». «Тогда и только тогда справедливыя *требованія рабочихъ будутъ навѣрно охотно удовлетворены промышленниками*».

Такимъ образомъ этотъ въ высшей степени характерный и яркій докладъ заканчивается знакомымъ намъ refrain'омъ 1905 года: пусть будетъ свобода собраній и союзовъ, но пусть совершенно будетъ устранена законодательная защита труда...

Кромѣ «Съѣздовъ Представителей Промышленности и Торговли» существуетъ еще другая—также всероссійская—организація: «*Съѣздъ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства*». Это embarras de richesses, надо думать, явленіе временное и въ значительной мѣрѣ коренится въ игрѣ

личныхъ самолюбій. Въ первой организаціи превалируютъ *промышленники*; вторая—организація *биржевого купечества*. «Сельское хозяйство» упоминается въ его титулѣ совершенно всуе, такъ какъ нельзя биржевиковъ, ведущихъ хлѣбныя операціи, считать представителями сельскаго хозяйства. Вторая организація играетъ весьма подчиненную роль по сравненію съ первой. Внѣшнимъ выраженіемъ этого различія можетъ служить бюджетъ обѣихъ: въ то время какъ въ первой организаціи еще подготовительный съѣздъ (въ апрѣлѣ 1906 г.) утвердилъ смѣту расходовъ въ суммѣ 100.000 рублей, а вскорѣ ежегодный бюджетъ одного лишь журнала «Промышленность и Торговля» былъ установленъ въ 50.000 рублей,—во второй организаціи весь балансъ за періодъ 1 декабря 1906—1 января 1908 г. составляетъ всего 8.850 рублей.

Генезисъ «Съѣздовъ» биржевиковъ связанъ съ Особымъ Совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, которое, между прочимъ, признало полезнымъ устройство *хлѣбо-торговыхъ съѣздовъ*. Созванные на совѣщаніе комиссіи ген.-адъютанта Чихачева (въ ноябрѣ 1903 г.), представители всѣхъ биржевыхъ комитетовъ, конечно, превратили идею хлѣбо-торговыхъ съѣздовъ въ проектъ съѣздовъ *биржевой торговли вообще*. 30 мая 1905 г. было утверждено положеніе о «Съѣздахъ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства», напоминая второй частью титула только свою *исходную* точку.

1-ый съѣздъ этой организаціи состоялся въ ноябрѣ 1906 г., второй—въ январѣ 1908 г., третій—въ январѣ 1909 г. Предсѣдателемъ совѣта состоитъ все время предсѣдатель петербургской фондовой биржи, А. Прозоровъ. Дѣятельность Совѣта и Съѣздовъ сводится преимущественно къ ходатайствамъ предъ министерствами въ области интересовъ биржевой торговли, къ участію въ различныхъ правительственныхъ совѣщаніяхъ, наконецъ къ сношеніямъ съ заграничными организаціями—германскимъ «Handelstag'омъ», Балтійско-Черноморской Конференціей въ Копенгагенѣ и пр.

Черты дѣятельности биржевыхъ «Съѣздовъ» въ общемъ тѣ же, что и дѣятельности «Съѣздовъ представителей промышленности и торговли», выше охарактеризованной,—но отличаются отъ нихъ меньшей яркостью и менѣе сильнымъ вліяніемъ. Между обоими «Съѣздами» есть много точекъ соприкосновенія и въ ихъ личномъ составѣ.

VII. Заключеніе.

Послѣднія двѣ главы, на первый взглядъ, какъ будто отвлекли насъ отъ темы настоящей работы, отъ вопроса о роли крупно-промышленной буржуазіи въ общественно-политическомъ движеніи за разсматриваемый періодъ.

На самомъ дѣлѣ, однако, это видимое отклоненіе есть только внѣшнее выраженіе того факта, что сама буржуазія отвернулась отъ тѣхъ идей политическаго преобразованія Россіи, потокомъ которыхъ она была захвачена въ 1905 году.

Если въ теченіе этого бурнаго года крупно-промышленная буржуазія пріобщается къ обще-національному движенію, и, благодаря этому, до извѣстной

степени сглаживается ея былая рѣзкая обособленность отъ оппозиціоннаго настроенія, нараставшаго и въ пролетарскихъ низахъ, и въ буржуазномъ классѣ въ цѣломъ,—то послѣ краха народнаго движенія, нашедшаго свое наиболѣе яркое выраженіе въ событіяхъ 1905 года, крупный капиталъ снова замѣтно *обособляется* отъ болѣе или менѣе демократическихъ элементовъ Россіи съ ихъ неугасающими политическими запросами.

Съ этого времени энергія крупно-капиталистическихъ круговъ цѣликомъ направляется въ сферу дѣятельности тѣхъ двухъ категорій организацій, которымъ посвящены двѣ предыдущія главы настоящаго очерка.

Съ одной стороны, передъ нами развертывается непосредственный организованный *отпоръ* промышленниковъ *экономическимъ требованіямъ рабочихъ*, превращающійся скоро въ систематическій походъ противъ всѣхъ экономическихъ завоеваній, сдѣланныхъ рабочей массой въ 1905—06 гг., и, въ частности, противъ проявленій профессіональной рабочей организаціи. При этомъ связующимъ звеномъ между выступленіями буржуазіи въ 1905 г. и дѣятельностью союзовъ работодателей послѣ 1905 г. служитъ та борьба противъ рабочихъ требованій, о которой, какъ мы видѣли, промышленныя организаціи не забывали и въ моменты наибольшаго своего увлеченія либеральными политическими идеями.

Съ другой стороны, отдѣльныя капиталистическія организаціи до-революціоннаго періода объединяются въ національную федерацію капитала, которая даетъ ему возможность еще больше концентрировать свою энергію для достиженія своихъ узко-классовыхъ цѣлей.

При этомъ вошедшія въ обще-имперскіе «Съѣзды представителей промышленности и торговли» старыя промышленныя организаціи, за десятилѣтіе своего существованія выработавшія въ области систематическаго *давленія на органы государственной власти* богатую практику, приносятъ ее съ собою въ центральную организацію, которой приходится только продолжать и совершенствовать ее примѣнительно къ нѣсколько измѣнившимся внѣшнимъ пріемамъ бюрократіи. И тутъ, въ этой области, лежитъ центръ тяжести дѣятельности объединенныхъ промышленниковъ.

Далѣе, національной организаціи капитала приходится считаться также съ вышедшимъ изъ нѣдръ революціи новымъ факторомъ общественной жизни—*общественнымъ мнѣніемъ*, главнымъ образомъ, въ лицѣ Государственной Думы. Этой, хотя и подчиненной, цѣли служатъ какъ ежегодные всероссійскіе съѣзды—парады, устраиваемые промышленниками, такъ и издаваемый центральнымъ комитетомъ ихъ организаціи періодическій центральный органъ.

Таково, соотвѣтственно усложненію общественной жизни Россіи, нѣсколько *развѣтвившееся* русло дѣятельности промышленной буржуазіи, по которому она идетъ съ 1905 года и направленіе котораго въ общемъ намъ знакомо по ея дѣятельности до революціи.

Что связываетъ общую политическую позицію крупной буржуазіи въ концѣ разсматриваемаго періода, т. е. ко времени акта 3 іюня 1907, съ ея позиціей до 1905 года, это — *ограниченность* ея политическаго кругозора. Корни-же этой ограниченности лежатъ, главнымъ образомъ, въ исторически сложившемся

давнишнемъ интимномъ *сотрудничествѣ* крупнаго капитала *съ государственной властью.*

Одну сторону этого двусторонняго процесса представляетъ собою увеличеніе силы сопротивленія стараго абсолютистскаго режима, который уже задолго до революціи *приспособился* къ капиталистическимъ формамъ экономическаго развитія Россіи, связавъ свою судьбу съ растущей силой капитализма, вмѣсто того, чтобы, какъ въ доброе старое время, имѣть своей соціальной основой исключительно крѣпостническія отношенія. Другой своей стороною этотъ процессъ не только приноситъ колоссальныя матеріальныя выгоды крупно-промышленнымъ слоямъ, но и создалъ для нихъ ту своеобразную обстановку, о которой мы говорили въ первомъ томѣ и которую старый лидеръ промышленниковъ характеризовалъ, какъ мы видѣли, словами: «практика такова, что до сихъ поръ насъ никто никогда ни въ чемъ не стѣснялъ, а даже, напротивъ, мы *всегда пользовались широкимъ просторомъ*».

Въ результатѣ, къ концу разсматриваемаго періода крупная буржуазія вырисовывается передъ нами съ чертами бьющей въ глаза *политической близорукости.* Послѣднюю приходится констатировать не съ точки зрѣнія политическихъ стремленій демократическихъ низовъ населенія, ибо такой масштабъ, конечно, не приложимъ къ представителямъ капитала въ какой-бы то ни было странѣ, а съ точки зрѣнія буржуазнаго развитія въ цѣломъ,—въ частности, съ точки зрѣнія нормальнаго развитія самого-же промышленнаго капитализма.

Эта близорукость выражается, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что крупно-промышленная буржуазія остается *безъ собственной политической партіи,* если не считать того характернаго субстрата партіи, которымъ до извѣстной степени являются общеимперскіе «Съѣзды». Эта близорукость не менѣе ярко сказывается и въ томъ обстоятельствѣ, что промышленники слѣпо идутъ по старому пути даже въ сферѣ непосредственныхъ задачъ экономической политики. Промышленники твердо отстаиваютъ опредѣленныя программы свои по ряду отдѣльныхъ вопросовъ—о таможенной системѣ, желѣзнодорожныхъ тарифахъ, казенныхъ заказахъ, промышленномъ представительствѣ. Но у нихъ нѣтъ экономической программы *въ цѣломъ*, нѣтъ программы *подъема производительныхъ силъ* страны.

И нѣтъ именно потому, что построеніе такой программы неизбѣжно задѣваетъ вопросъ о созданіи *политическихъ* и культурныхъ предпосылокъ поднятія производительныхъ силъ населенія, т. е. вопросъ объ измѣненіи установившагося послѣ 1905 года въ нѣсколько подкрашенномъ видѣ стараго политическаго режима. По той-же причинѣ крупно-промышленные круги не проявляютъ склонности добиваться серьезнаго измѣненія налоговой системы и связанной съ ней структуры государственнаго бюджета, хотя существенной его стороною являются огромные непроизводительные расходы, подтачивающіе производительныя силы населенія.

Антагонизмъ между *помѣщичьимъ классомъ* и промышленной буржуазіей не оказываетъ серьезнаго вліянія на политическую позицію послѣдней. Съ одной стороны сферы ихъ интересовъ въ общемъ достаточно отмежеваны другъ отъ друга, точки антагонистичнаго соприкосновенія весьма малочисленны и взаимно

уравновѣшиваются. Съ другой стороны, начинающая прививаться въ средѣ промышленниковъ идея построенія благополучія промышленности на процвѣтаніи сельскаго хозяйства намѣчаетъ даже мыслимый базизъ нѣкотораго сближенія обоихъ господствующихъ классовъ.

Вліяніе классоваго и политическаго *антагонизма пролетаріата* на политическое настроеніе и поведеніе крупной буржуазіи весьма мало замѣтно къ концу разсматриваемаго періода, — что объясняется, конечно, дезорганизаціей и упадкомъ настроенія рабочихъ массъ. Подъемъ новой волны политическаго рабочаго движенія могъ-бы отразиться ростомъ оппозиціонности въ средѣ крупной буржуазіи только при наличности хотя бы приблизительно такого-же *исключительнаго* стеченія условій, какое мы констатировали въ 1905 году. При условіи-же, что движеніе рабочихъ не захватываетъ широкихъ слоевъ буржуазнаго общества въ цѣломъ, не превращается въ движеніе общенаціональное, грозящее смести старый политическій строй,—въ особенности, при условіи, что правительственная власть проявляетъ достаточно увѣренности въ себѣ и силы для рѣшительнаго и успѣшнаго противодѣйствія рабочему движенію, — послѣднее въ силахъ только обострить чувство классоваго антагонизма въ крупной буржуазіи и сильнѣе спаять ее со старымъ режимомъ.

Въ общемъ и цѣломъ, къ серединѣ 1907 года крупно-промышленная буржуазія, по своей общественно-политической позиціи, тѣсно примыкаетъ къ сложившемуся послѣ революціи «представительному строю», съ его господствующей силой—правящей бюрократіей, легко балансирующей на комбинаціи интересовъ крупнаго капитала и дворянскаго землевладѣнія. Дальнѣйшая вѣроятная линія движенія крупно-капиталистическаго класса зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ линіи движенія той-же правительственной власти, т. е., въ послѣднемъ счетѣ, отъ того, въ какой мѣрѣ и какими средствами она произведетъ уплату по векселю исторіи, на которомъ значится властное обязательство: создать хоть нѣкоторый культурно-политическій просторъ для дальнѣйшаго роста производительныхъ силъ Россіи.

А. Ерманскій.

Ф. ДАНЪ.

Очеркъ политической эволюціи буржуазныхъ элементовъ городского населенія [1]).

Революція застала русскую буржуазію совершенно неорганизованною политически. Въ прошломъ у нея не было той систематической борьбы съ феодальнымъ дворянствомъ, которую продѣлали въ свое время европейскія городскія коммуны. А господство отсталыхъ формъ хозяйства и въ пореформенную эпоху стояло на пути ея превращенію въ самостоятельную силу. Экономическая роль широкихъ слоевъ мелкой и средней буржуазіи сводилась — кромѣ ремесленной работы на заказчиковъ,—главнымъ образомъ, къ полупаразитическому и хищническому «посредничеству» въ товарооборотѣ, возникшемъ на основѣ отсталыхъ формъ производства въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности. Содѣйствуя разложенію этихъ формъ и пробивая бреши въ старомъ хозяйственномъ укладѣ, эта роль пока что связывала непосредственные интересы значительной части занятаго ею люда съ сохраненіемъ общей экономической и политической отсталости. Съ другой стороны, крупная буржуазія, промышленная, финансовая и торговая, всѣмъ ходомъ своего развитія была тѣсно связана съ развитіемъ государственнаго организма, ея главнаго заказчика, кліента и потребителя, и потому въ значительной мѣрѣ находилась въ непосредственной зависимости отъ государственной власти [2]).

Все это обусловило собою, вопреки противодѣйствовавшему вліянію быстро развивавшагося рабочаго движенія, крайнее замедленіе процесса формированія русской буржуазіи въ классъ. Не только не было и рѣчи о выработкѣ опредѣленной соціально-политической программы, но крайне замедленнымъ темпомъ шло и усвоеніе того общаго склада мышленія и чувства, который, при всемъ разнообразіи оттѣнковъ и деталей, такъ характеренъ для всѣхъ слоевъ западноевропейской буржуазіи сверху до низу.

Сложившіяся въ предреволюціонную эпоху организаціи торговцевъ и про-

---

[1]) Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду лишь *экономически-активные* слои буржуазіи въ ихъ непосредственныхъ проявленіяхъ. Такимъ образомъ, буржуазная интеллигенція, а вмѣстѣ съ тѣмъ философія, наука, литература, искусство—остаются внѣ рамокъ данной статьи.

[2]) Подробнѣе объ экономической роли русской буржуазіи см. въ I т. настоящаго изданія въ статьяхъ М. Балабанова и В. Мукосѣева.

мышленниковъ, точно такъ же, какъ биржевыя и сословныя общества—купеческія и мѣщанскія—въ своей дѣятельности обычно не выходятъ за предѣлы корпоративныхъ интересовъ и непосредственныхъ «нуждъ» данной отрасли торговли и промышленности. Только съ точки зрѣнія этихъ непосредственныхъ «нуждъ» опредѣляется и отношеніе экономическихъ и сословныхъ организацій торговцевъ и промышленниковъ къ государству, какъ къ огромной экономической силѣ, надѣленной исключительными средствами и полномочіями и потому имѣющей возможность по своему усмотрѣнію распредѣлять вёдро и дождь. Не связанныя между собою, не успѣвшія выработать единой «средней» линіи поведенія, которая, сглаживая острые углы специфическихъ интересовъ отдѣльныхъ группъ, соотвѣтствовала бы ихъ общимъ экономическимъ интересамъ, эти организаціи засыпаютъ правительство противорѣчивыми ходатайствами, преимущественно въ области экономической политики—таможенной, налоговой, кредитной, тарифной. Вопросы общей политики входятъ въ ихъ кругозоръ лишь эпизодически и почти исключительно постольку, поскольку непосредственно соприкасаются съ поглощающими ихъ вниманіе «нуждами». Понятно, что и рѣшаются эти вопросы безсистемно, въ зависимости отъ непосредственной выгоды того или иного рѣшенія въ примѣненіи къ конкретнымъ особенностямъ того или другого случая. И только къ «рабочему вопросу», настойчиво напоминающему о себѣ все учащающимися и все болѣе организованными проявленіями, начинаетъ, по крайней мѣрѣ, въ передовыхъ слояхъ крупной буржуазіи, вырабатываться опредѣленное отношеніе въ смыслѣ требованія «свободы» договора и экономической борьбы, какъ наилучшаго, при данныхъ историческихъ условіяхъ, способа справиться съ экономическимъ движеніемъ рабочихъ.

Органы мѣстнаго самоуправленія также не играли въ до-революціонную эпоху-роли опорныхъ пунктовъ для политической организаціи буржуазіи. Въ земствахъ купцы и промышленники ведутъ борьбу съ землевладѣльцами и крестьянами на почвѣ распредѣленія земскихъ налоговъ, съ одной стороны, вліянія на экономическую политику государства, съ другой. Противоставляя себя «либеральному» въ эту эпоху землевладѣнію, они, естественно, играютъ роль «реакціонной» силы. И, какъ ни относительны въ историческомъ смыслѣ эти понятія въ виду того часто явно реакціоннаго содержанія, которое покрывалось «либеральнымъ» землевладѣльческимъ флагомъ (напр., въ области аграрной политики), несомнѣнно, что, не умѣя занять самостоятельной политической позиціи и подрывая позицію земскаго либерализма, торгово-промышленные слои большею частью являлись въ земскомъ самоуправленіи опорой старой государственной власти.

Благодаря всѣмъ намѣченнымъ выше причинамъ, и городскія думы—эта казалось бы, самая естественная арена политической организаціи буржуазіи—не стали для нея такими центрами политическаго самоопредѣленія, какими были земства для землевладѣльцевъ и даже для части крестьянъ. Борьба на почвѣ выборовъ въ городскія думы и внутри ихъ сосредоточивалась почти исключительно вокругъ непосредственныхъ матеріальныхъ интересовъ различныхъ слоевъ, а часто и различныхъ кликъ городского торгово-промышленнаго населенія, поскольку эти интересы задѣвались раскладкой налоговъ и повинностей,

завѣдываніемъ городскими капиталами, домами и землями, управленіемъ городскимъ хозяйствомъ и городскимъ бюджетомъ. На этой почвѣ возникали иногда бурные конфликты (какъ, напр., въ посадѣ Клинцахъ Черниговской губ., въ 1904 году), но по содержанію своему эти конфликты за предѣлы борьбы мѣстныхъ интересовъ не выходили. Точно также почти никогда не носили политическаго характера и столкновенія, возникавшія у городскихъ думъ съ представителями правительственной власти. Эти столкновенія вызывались тѣсною связью мѣстнаго административнаго и полицейскаго персонала съ тѣми или иными изъ боровшихся на почвѣ городскаго самоуправленія котерій, стремленіемъ администраціи—законными или незаконными способами—переложить на городскія средства часть своихъ издержекъ; привлеченіемъ городскихъ жителей къ несенію различныхъ полицейскихъ обязанностей; вмѣшательствомъ въ ходъ торгово-промышленной жизни путемъ «обязательныхъ постановленій»; наконецъ, слишкомъ чувствительно задѣвавшими интересы тѣхъ или другихъ слоевъ представленнаго въ думахъ населенія проявленіями произвола и взяточничества.

Таково было положеніе, когда вскрытое неудачною войною крушеніе военной и финансовой мощи государства, съ одной стороны, расшатыванье «стараго порядка» стихійными народными движеніями, бурнымъ потокомъ, прорвавшимся въ январьскіе дни 1905 года, съ другой, впервые поставили всѣ слои русской буржуазіи лицомъ къ лицу съ политическимъ вопросомъ во всемъ его объемѣ и положили начало сложному и затяжному процессу ихъ политическаго самоопредѣленія.

На январьскія событія различные слои буржуазіи отозвались разно. То низшее и среднее купечество, интересы значительной части котораго, какъ мы указывали, были тѣсно связаны съ эксплуатаціей разлагавшагося экономическаго и политическаго «стараго порядка», реагировало на нихъ, прежде всего, тѣмъ, что выдѣлило группу, ставшую активно на защиту этого «порядка». Эта группа дѣйствовала увѣренно и активно, въ то время какъ зарождавшіеся въ этихъ же слояхъ оппозиціонные элементы мало давали о себѣ знать. Въ рядѣ судебныхъ процессовъ, ликвидировавшихъ дѣла о погромахъ и избіеніяхъ интеллигенціи въ январьскіе—февральскіе дни 1905 года, въ качествѣ главныхъ застрѣльщиковъ избіеній и руководителей босяцкихъ шаекъ, неизмѣнно фигурируютъ «торговцы»,—«мучные лабазники» и т. п. Они же, подталкиваемые полицейскими, чиновниками и реакціонерами изъ мѣстныхъ дворянъ, стоятъ въ эту эпоху во главѣ начинающихся складываться мѣстныхъ «черносотенныхъ» организацій и всею силою своей ненависти обрушиваются на «интеллигенцію» какъ живое воплощеніе отрицанія «стараго порядка». [1]) Тотъ же характеръ

[1]) Въ типичномъ черносотенномъ воззваніи, распространенномъ 18 февр. 1905 г. въ Орлѣ и направленномъ (сохраняемъ орѳографію подлинника) противъ „жидовъ, докторовъ, адвокатовъ, студентовъ, курсистокъ, гимназистокъ и всякой тому подобной сволочи", опредѣленно подчеркивается, напр., что „православная есть у насъ еще сила мѣщанство *самое писшее купечество* и наши сѣрые мужички".—Въ засѣданіи Нижегородской думы (27 Марта 1905 г.) было, между прочимъ, доложено, что *шайками, избивающими* интеллигентовъ, руководятъ „купеческіе сыновья съ сыномъ мѣстнаго исправника во главѣ".

протеста не противъ землевладѣльцевъ, а противъ интеллигентовъ, носило и избіеніе тамбовскихъ земцевъ, случившееся еще въ концѣ 1904 года. Такая позиція части мѣщанства и низшихъ слоевъ купечества надолго сдѣлала ихъ, въ политическихъ проявленіяхъ, слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ полиціи, реакціоннаго духовенства, а затѣмъ и дворянства.

Иначе отозвалась на событія крупная буржуазія. Передъ нею во всей очевидности встаетъ невозможность строить и дальше все свое существованіе на казенныхъ заказахъ и необходимость все въ большей мѣрѣ разсчитывать на народное потребленіе. И если посмотрѣть рядъ «записокъ» съ политическими требованіями, поданныхъ въ это время представителями капитала, то въ нихъ совершенно отчетливо формулируются два источника этихъ требованій крупной буржуазіи [1]). Первый источникъ—это порожденная крушеніемъ стараго государственнаго порядка необходимость разсчитывать на «покупательную способность населенія» и отсюда—требованіе политическихъ реформъ, какъ непремѣннаго условія для «поднятія народнаго благосостоянія», особенно же благосостоянія «сельскаго населенія, нынѣ приниженнаго, хозяйственно истощеннаго, бѣднаго». Другой источникъ—это развертывающееся все шире и шире рабочее движеніе. Правительство создастъ въ это время рядъ коммисій по рабочему вопросу (Шидловскаго, Коковцева) и ищетъ средства для успокоенія рабочихъ въ улучшеніи ихъ экономическаго положенія. Въ противовѣсъ этому стремленію правительства, промышленники настаиваютъ, что объясненіе послѣднихъ волненій экономическимъ положеніемъ рабочихъ ошибочно, что «рабочее движеніе возникло не изъ общаго сознанія рабочихъ объ экономическихъ невзгодахъ, а возбуждено и поддерживается изъ окружающей среды». А отсюда—необходимость «глубокихъ реформъ общегосударственнаго характера», какъ единственнаго средства «къ умиротворенію рабочаго движенія въ будущемъ или, по крайней мѣрѣ, къ устраненію той жгучести, которая теперь въ немъ наблюдается.»

Для политическихъ взглядовъ крупной буржуазіи въ это время въ высшей степени характерно, что мы тщетно будемъ искать въ «запискахъ» этого періода опредѣленно формулированной политической программы. Даже тамъ, гдѣ, какъ въ запискѣ Конторы желѣзозаводчиковъ (28 Января 1905 г.), представители промышленниковъ ссылаются на постановленія, которыя «единодушно высказали земскіе дѣятели» (ноябрьскій съѣздъ), они сами не формулируютъ *конституціонныхъ* требованій, а говорятъ лишь объ «участіи представителей всѣхъ классовъ населенія, и въ томъ числѣ промышленниковъ и рабочихъ, въ выработкѣ законодательныхъ нормъ», не опредѣляя ближе ни степени, ни характера этого участія. Они имѣютъ уже довольно ясную программу дѣйствій по рабочему вопросу («свобода» договора и организаціи и возможно большее невмѣшательство государства въ экономическую борьбу), но сознаніе или предвидѣніе *политическаго* антагонизма съ пролетаріатомъ не проявляется въ многочисленныхъ «запискахъ» ни однимъ штрихомъ. И—что, б. м., еще характернѣе для низкаго уровня политическаго самоопредѣленія буржуазіи въ эту эпоху,—несмотря

---

[1]) См., напр., цитируемую въ текстѣ, типичную для этого времени записку петерб. фабрикантовъ и заводчиковъ, поданную министру финансовъ 31 Янв. 1905 г.

на предшествовавшую длительную борьбу съ землевладѣльцами на почвѣ таможенной, тарифной и налоговой политики, совершенно отсутствуетъ сознаніе *политическаго* антагонизма съ землевладѣльцами или, хотя бы, съ земельнымъ дворянствомъ. Точно также неопредѣленнымъ остается и отношеніе къ крестьянскому вопросу: оно ограничивается формулировкой общаго требованія объ «уравненіи въ правахъ», но до построенія сколько-нибудь отчетливой аграрной программы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, не доходитъ. Единственное исключеніе представляютъ сахарозаводчики (записка 16 февраля 1905 г.), требующіе нарѣзки крестьянамъ земли, «хотя бы мѣстами для этого пришлось даже прибѣгнуть къ принудительному выкупу». Но сахаровареніе—это наиболѣе «сельско-хозяйственная» отрасль промышленности и отъ ея имени говоритъ не буржуазія, а либеральное землевладѣніе. Поэтому въ этой-же «запискѣ» сахарозаводчики требуютъ, прежде всего, вниманія государства къ сельскому хозяйству и отказа отъ исключительнаго покровительства фабричной промышленности и выставляютъ обычную «земскую» программу, не идущую дальше расширенія правъ земства, повсемѣстнаго введенія его, разрѣшенія земскаго объединенія и т. п. Нѣкоторою политическою опредѣленностью отличается лишь адресъ (16 февраля[1]) «сосредоточеннаго при московской биржѣ торгово-промышленнаго сословія внутренняго округа». Этотъ адресъ настаиваетъ на необходимости сохраненія «*самодержавной* власти» и «призыва къ работѣ въ области государственной дѣятельности подданныхъ, *объединенныхъ родомъ своихъ занятій* въ лицѣ ихъ избранниковъ» [1]). Но поданная одновременно «записка» представителей 47 наиболѣе крупныхъ *промышленныхъ* предпріятій того же «внутренняго округа»—этой программы отсталыхъ слоевъ московскаго купечества не воспринимаетъ и по содержанію своему ничѣмъ изъ ряда однородныхъ, уже характеризованныхъ выше «записокъ» не выдается.

Въ «банкетной» кампаніи купечество, сколько намъ извѣстно, организованнаго участія нигдѣ не принимаетъ, а лишь отдѣльные представители его появляются за столами либеральныхъ и демократическихъ банкетовъ, не внося въ резолюціи ихъ своей особой ноты. Такъ, напр., на банкетѣ 21 янв. 1905 г. въ Вологдѣ, гдѣ газеты спеціально отмѣтили участіе купечества, резолюціи подчеркивали тѣ же требованія, какія обычно формулировались въ то время, «только развѣ болѣе опредѣленно и рельефно» («Русск. Вѣд.») [2]).

---

[1]) Явно реакціонный соціально-политическій характеръ носитъ также записка „московскихъ фабрикантовъ, заводчиковъ и разныхъ промышленниковъ и торговцевъ средней Россіи". Иниціаторами этой записки были фабриканты и купцы крайне отсталаго въ экономическомъ и культурномъ отношеніи Кинешемско - Вичужскаго подрайона Костромского округа. См. „Борьба обществ. силъ". Вып. I. В. Мечъ. „Силы реакціи" стр. 45—46.

[2]) Для характеристики уровня политическаго развитія буржуазіи, съ одной стороны, опредѣленно земской окраски тогдашняго русскаго либерализма, съ другой,—въ высшей степени интересно отмѣтить, что „освобожденцы", въ 1903—1904 годахъ, старательно искавшіе всюду новые опорные пункты для оппозиціоннаго движенія, и не подумали обратить свое вниманіе на городскія думы. Присоединеніе московской думы (30 ноября 1904 г.) къ постановленіямъ земцевъ было для осво-

На событія 9 января и связанную съ ними широко разлившуюся забастовку городскія думы реагировали непосредственно очень слабо, и политическія требованія въ связи съ этими событіями не были выдвинуты думами почти нигдѣ. Но избіенія интеллигенціи и учащихся вызвали въ массѣ городовъ градъ направленныхъ въ думы заявленій обывателей и отдѣльныхъ группъ гласныхъ съ требованіемъ принять тѣ или другія мѣры для защиты гражданъ отъ произвола и насилій полиціи. Такія заявленія дѣлались въ Москвѣ, Курскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Могилевѣ, Минскѣ, Екатеринодарѣ, Симферополѣ, Мелитополѣ, Томскѣ и друг. городахъ. Иногда эти заявленія требовали принятія рѣшительныхъ мѣръ. Такъ новороссійскіе граждане предлагали думѣ прекратить выдачу содержанія чинамъ полиціи. Калужскіе—въ телеграммѣ, посланной графу Витте, и заявленіи, поданномъ въ думу, угрожали «организаціей вооруженной охраны дѣтей самимъ обществомъ». Рѣже подавались въ эту пору заявленія въ думѣ по другимъ вопросамъ. Такъ, 24 гласныхъ полтавской думы требовали протеста противъ дѣйствій попечителя учебнаго округа. 20 гласныхъ кіевской думы требовали отмѣны усиленной охраны въ Кіевѣ и организаціи съѣзда выборныхъ представителей городскихъ думъ, подчеркивая въ то же время необходимость «участія въ законодательствѣ свободно избранныхъ представителей населенія». Наконецъ, 200 гражданъ Херсона настаивали на возбужденіи думой ходатайства о «созывѣ свободно избранныхъ представителей народа для обсужденія способовъ прекращенія войны и устраненія коренныхъ причинъ нашего неустройства». 15 февраля постановленіе о такомъ ходатайствѣ было принято херсонскою думою, и это—одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ выставленія думами широкихъ политическихъ требованій въ то время [1]).

Энергичнѣе отзывались думы на требованія обывателей объ огражденіи ихъ отъ насилій полиціи. Думы требовали назначенія слѣдствія надъ дѣйствіями полиціи, отстраненія отъ должности полицеймейстеровъ и приставовъ, снятія съ полиціи обязанностей политическаго характера, передачи полиціи въ вѣдѣніе городского самоуправленія и т. п. (Курскъ, Казань, Калуга, Томскъ и друг.). Но дальше возбужденія подобнаго рода ходатайствъ думы не шли. Одно изъ немногочисленныхъ исключеній представляетъ мелитопольская дума, постановившая, въ виду ялтинскихъ безпорядковъ, организовать городскую самооборону.

Нельзя не замѣтить, что, поскольку думы даютъ о себѣ знать, представленная въ нихъ буржуазія играетъ въ это время роль пассивную. Инициатива всѣхъ заявленій, ходатайствъ и проч. исходитъ отъ обывателей и отдѣльныхъ группъ гласныхъ. И если присмотрѣться ближе къ составу этихъ иниціаторовъ, то нетрудно замѣтить, что, хотя отдѣльные представители купечества и участвуютъ въ заявленіяхъ и протестахъ, но руководящая роль принадлежитъ не имъ. Такъ иниціаторами упомянутаго выше кіевскаго заявленія являются проф. И. В. Лучицкій и кн. Е. Н. Трубецкой; калужскаго, покрытаго 250 подписями,—

божденцевъ полною неожиданностью. По свидѣтельству кн. Д. И. Шаховского („Союзъ Освоб." въ сборн. „Зарницы", № 2), „съѣздъ союза не предусмотрѣлъ этого выступленія".

[1]) О московскомъ постановленіи 30 ноября 1904 г. мы уже упоминали выше.

предсѣдатель губернской земской управы В. Обнинскій, губернскій гласный Новосильцевъ, членъ суда А. Голицынъ, врачи, адвокаты, инженеры, учителя и проч., и проч. И то же самое наблюдается и въ другихъ городахъ. Застрѣльщиками протеста являются либеральные земцы и примыкающая къ нимъ интеллигенція. Буржуазные элементы городскихъ думъ, выведенные изъ равновѣсія нахлынувшей волной бурныхъ событій, плетутся за ними.

Болѣе опредѣленно высказались думы по политическимъ вопросамъ въ связи съ указомъ и рескриптомъ 18 февраля. Образованіе булыгинскаго совѣщанія вызвало рядъ ходатайствъ, какъ отъ думъ, такъ и отъ биржевыхъ обществъ, о допущеніи ихъ представителей въ это совѣщаніе. Указъ 18 февраля далъ желанную опору стремленію болѣе инціативныхъ общественныхъ группъ втянуть и думы въ обсужденіе политическихъ вопросовъ. Право такого обсужденія неоспоримо принадлежало думамъ въ силу указа, предоставлявшаго составленіе «видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія», какъ «частнымъ лицамъ», такъ и «учрежденіямъ». Несмотря на это, думамъ, особенно въ началѣ описываемаго періода, пришлось натолкнуться на противодѣйствіе мѣстныхъ представителей правительственной власти, требовавшихъ то полнаго снятія съ очереди политическихъ вопросовъ, какъ «не подлежащихъ вѣдѣнію» думъ, то, по крайней мѣрѣ, обсужденія этихъ вопросовъ при закрытыхъ дверяхъ. На этой почвѣ возникаютъ въ рядѣ городовъ (Орелъ, Владиміръ, Елисаветградъ, Лубны, Тирасполь, Екатеринославъ, Вологда, Казань, Минскъ, Иркутскъ, Баку, Тифлисъ и т. д.) конфликты между думами и губернаторскою властью, имѣющіе впервые не мѣстный, а обще-политическій характеръ. На почвѣ протеста противъ дѣйствій губернаторовъ возникаетъ общеніе между головами различныхъ городовъ въ видѣ созваннаго московскимъ головою «частнаго собранія», въ свою очередь приходящаго къ мысли о необходимости созыва съѣзда городскихъ дѣятелей.

Что касается самого существа высказанныхъ думами политическихъ пожеланій, то лишь немногія думы, и то въ самомъ началѣ, ограничились благодарственными адресами за обѣщанный созывъ народныхъ представителей (Петербургъ, Херсонъ, Саратовъ и др.). Точно такъ же немногія изъ высказавшихся по поводу рескрипта думъ примирились или прошли молчаніемъ совѣщательный характеръ обѣщаннаго народнаго представительства (Вильна, Енисейскъ и др.). Наоборотъ, большинство думъ высказалось рѣшительно за законодательное представительство, употребляя подчасъ, въ противовѣсъ формулѣ рескрипта—«участіе въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній» формулу большинства ноябрьскаго земскаго съѣзда—участіе въ «осуществленіи законодательной власти»—и тѣмъ подчеркивая свою солидарность съ требованіями земскаго либерализма (Москва, Симбирскъ, Ковна, Красный холмъ, Луцкъ и т. д.). Съ политическими же требованіями крайней демократіи (учредительное собраніе и проч.) выразили въ эту пору солидарность лишь немногія думы на Кавказѣ (Ставрополь, Эривань, Тифлисъ).

По вопросу объ избирательномъ правѣ большинство высказавшихся думъ, подъ впечатлѣніемъ грандіознаго рабочаго движенія, восприняло формулу все-

общаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія (Ставрополь, Эривань, Ковна, Красный Холмъ, Вятка, Майкопъ, Симбирскъ, Могилевъ, Луцкъ и друг.). При этомъ Ковенская дума опредѣленно настаивала на предоставленіи избирательнаго права и женщинамъ.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о государственномъ переустройствѣ во многихъ думахъ былъ поставленъ на очередь и вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи, рѣшавшійся обыкновенно въ смыслѣ необходимости демократизаціи этого самоуправленія и введенія земства тамъ, гдѣ его еще не было (Енисейскъ, Ковна, Могилевъ и друг.). Одновременно города Кавказа и Сѣверо-Западнаго края требовали національнаго равноправія. Обычно упоминаются въ думскихъ резолюціяхъ и требованія свободы печати, собраній, слова, союзовъ и проч. Иногда—отвѣтственность министерства передъ народнымъ представительствомъ.

Усилившееся весною 1905 г. крестьянское движеніе заставляетъ думы высказываться по крестьянскому вопросу. Требованіе уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями является при этомъ обычною составною частью думскихъ программъ. Но выставляются и другія требованія—начиная отъ неопредѣленной «широкой помощи государства» сельскому населенію (Майкопъ) и кончая заявленіемъ о необходимости передачи крестьянамъ государственныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и части частно-владѣльческихъ земель на условіяхъ выкупа (Тифлисъ, Вятка, Красный Холмъ и друг.). Дальше этой программы «принудительнаго отчужденія» идетъ эриванская дума, требующая націонализаціи земли.

По рабочему вопросу всѣ высказавшіяся думы безъ исключенія стоятъ на точкѣ зрѣнія не «свободы договора», а законодательной охраны труда. И въ другихъ отношеніяхъ думы нерѣдко идутъ въ этотъ періодъ навстрѣчу требованіямъ рабочихъ. Такъ Томская дума, въ связи съ рабочею забастовкою, настаиваетъ на необходимости свободы и неприкосновенности собраній всѣхъ классовъ населенія. Новороссійская дума, выражая «презрѣніе» казакамъ, стрѣлявшимъ въ іюлѣ въ безоружныхъ ж.-д. рабочихъ, признаетъ заработную плату этихъ рабочихъ недостаточною и требуетъ ея повышенія.

Во главѣ разгорающагося на протяженіи 1905 года общественнаго и народнаго движенія, или хотя бы во главѣ какой либо части его, думы отнюдь не стоятъ. Наоборотъ; на ихъ собственное поведеніе накладываетъ явственный отпечатокъ ходъ рабочаго и крестьянскаго движенія и, въ особенности, событія на войнѣ и связанныя съ ними проявленія глубокаго броженія, охватившаго армію и флотъ.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣтную роль сыграла гибель эскадры Рождественскаго въ половинѣ мая и послѣдовавшее за нею въ началѣ іюля возстаніе части черноморскаго флота. Эти событія послужили толчкомъ къ цѣлому ряду думскихъ заявленій, требовавшихъ «скорѣйшаго» и даже «немедленнаго» созыва обѣщаннаго народнаго представительства (Симферополь, Самара, Казань, Нижній Новгородъ, Владикавказъ, Минскъ, Верхнѣднѣпровскъ, Маріуполь, Владиміръ, Оренбургъ, Москва, Ставрополь, Астрахань и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, расширился и кругъ полномочій, предоставленія которыхъ будущему народному представительству требовали думы. И хотя въ это время лишь немногія изъ нихъ

рѣшались выставить прямое требованіе «учредительнаго собранія», но мысль объ учредительныхъ функціяхъ этого представительства начала завоевывать себѣ болѣе прочное мѣсто въ думскихъ программахъ. Эти учредительныя функціи должны были обнимать собою или частный вопросъ о войнѣ и мирѣ—требованіе, которое уже черезъ недѣлю послѣ гибели эскадры выдвинула московская дума, и къ которому присоединился рядъ провинціальныхъ городовъ—или общій вопросъ о государственномъ устройствѣ (Ставрополь, Симбирскъ и др.). Иногда думы, избѣгая упоминанія «учредительнаго собранія», требовали предоставленія будущему народному представительству даже «организаціонныхъ полномочій» (Астрахань).

Что въ этой «радикализаціи» думскихъ требованій выражалась до извѣстной степени эволюція политической мысли и политическаго настроенія верхнихъ торгово-промышленныхъ слоевъ русской буржуазіи,—это несомнѣнно. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ параллелизмъ въ наростаніи оппозиціонности думъ и торгово-промышленныхъ организацій, который такъ ярко проявился послѣ гибели эскадры. Именно въ это время, напримѣръ, и наиболѣе крупные московскіе промышленники, выборные биржевого общества (Четвериковъ, Рябушинскій А. Морозовъ, Бахрушинъ, Н. Гучковъ и др.), и собраніе петербургскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ опредѣленно требовали не законосовѣщательнаго, а законодательнаго собранія, а московская хлѣбная биржа настаивала даже на ограниченіи работъ Булыгинскаго совѣщанія исключительно выработкой избирательнаго закона, т. е. на предоставленіи будущему собранію самому опредѣлить размѣры своихъ полномочій,—требованіе, вызвавшее рѣзкую отповѣдь со стороны министерства финансовъ.

Но по самому строю городского самоуправленія, гдѣ рѣшающій голосъ принадлежитъ домовладѣльцамъ и болѣе состоятельнымъ квартирантамъ, думы провинціальныхъ русскихъ городовъ никоимъ образомъ не могли служить точными выразителями желаній этихъ верхнихъ слоевъ буржуазіи. Какъ нельзя яснѣе сказалось это въ отношеніи думъ къ той части требованій крупной буржуазіи, которая уже въ эту эпоху была, какъ мы выше говорили, отлита въ наиболѣе опредѣленныя и принципіальныя формы. Мы говоримъ объ отношеніи къ рабочему вопросу. Мы уже видѣли, что ни одна изъ думъ не встала въ этомъ вопросѣ на формулированную крупными промышленниками точку зрѣнія «свободы договора». И наоборотъ извѣстны случаи, когда, излагая свои требованія по рабочему вопросу, и думы въ цѣломъ (Ставрополь, Эривань, и др.), и отдѣльныя группы болѣе иниціативныхъ городскихъ гласныхъ (напр. 74 гласныхъ Московской думы) воспринимали почти цѣликомъ требованія соціалдемократической программы.

Но въ этой первой систематической оппозиціонной кампаніи городскихъ думъ начиналъ свою политическую выучку новый слой буржуазіи—среднее провинціальное купечество. Эта выучка начиналась подъ ударами войны, подъ давленіемъ народныхъ движеній, настойчиво выдвигавшихъ свои требованія и заставлявшихъ и указанные слои купечества идти въ своихъ политическихъ заявленіяхъ дальше, чѣмъ то вытекало изъ уровня ихъ собственнаго политическаго развитія. Съ другой стороны, впервые пробужденные отъ политическаго

небытія и брошенные въ водоворотъ развивающейся революціи средне-и мелко-буржуазные слои города встрѣчались съ прочно формированною либеральною идеологіей земско-дворянскою, носителями которой въ городахъ являлись и сами землевладѣльцы и, еще больше, выросшіе въ тѣсной идейной связи съ земскимъ либерализмомъ многочисленные кадры служилой интеллигенціи и людей «свободныхъ профессій». Всѣмъ этимъ элементамъ было нетрудно — въ качествѣ домовладѣльцевъ и квартиро-нанимателей занять руководящее положеніе въ первой политической кампаніи городскихъ думъ [1]). А эта новая позиція въ мѣстномъ самоуправленіи была для нихъ тѣмъ важнѣе, что разростающееся аграрное движеніе уже начало измѣнять настроеніе въ помѣщичьихъ массахъ въ сторону, грозившую выбить либеральные элементы изъ ихъ традиціоннаго земскаго убѣжища.

Естественно, что при такихъ условіяхъ новые элементы буржуазіи, вступая въ политическую жизнь, шли цѣликомъ въ фарватерѣ земскаго либерализма, усваивая его лозунги и его методы дѣйствія и вмѣстѣ съ нимъ продѣлывая тѣ зигзаги, къ которымъ толкало его давленіе внѣшнихъ событій. Средне-буржуазные слои города шли за этимъ движеніемъ, не внося въ него, повидимому, своихъ самостоятельныхъ нотъ. И нужно было бы подробно изслѣдовать груду мелкихъ «мѣстныхъ» дѣлъ, чтобы вылущить то специфическое содержаніе, которое начинали вкладывать въ земскій либерализмъ его новые адепты, тѣмъ самымъ измѣняя соціальный характеръ либеральной программы.

Интересный примѣръ такого усвоенія средне-и мелко-буржуазными слоями радикализированной подъ вліяніемъ народныхъ движеній земской программы и въ то же время приспособленія этой программы къ запросамъ новыхъ носителей ея представляетъ собою Всеподданнѣйшій адресъ Краснохолмской городской думы. Этотъ адресъ развертываетъ полностью будущую программу к.-д.-ой партіи съ законодательнымъ собраніемъ, избраннымъ на основѣ четырехъ-членной формулы, отвѣтственностью министерства и принудительнымъ отчужденіемъ частно-владѣльческихъ земель. Но въ этой программѣ есть одинъ существенный пробѣлъ: полное умолчаніе о рабочемъ вопросѣ. Этотъ пробѣлъ врядъ-ли можно признать случайнымъ, если вспомнить ту роль, которую играло въ эту эпоху рабочее движеніе, съ одной стороны, а съ другой—принять во вниманіе прямое

---

1) Политическое сближеніе среднихъ слоевъ городского населенія съ либеральною интеллигенціею облегчалось предшествующею совмѣстною борьбою ихъ на почвѣ чисто муниципальныхъ вопросовъ съ кучками городскихъ магнатовъ. Вообще, какъ отмѣчаетъ Г. И. Шрейдеръ („Городская контръ-реформа 11 іюня 1892 г." въ „Исторіи Россіи XIX в. изд. Т-ва „Гранатъ"), реакціонная городская реформа 1892 г. привела, наряду съ относительнымъ усиленіемъ значенія крупнѣйшихъ домовладѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ, также къ относительному усиленію значенія разночинцевъ—„по преимуществу отставныхъ и служащихъ чиновниковъ разнаго ранга". Навстрѣчу этимъ тенденціямъ новаго избирательнаго закона, усиливая ихъ, шла и эволюція въ составѣ городского населенія. Въ результатѣ —„во многихъ, особенно-же небольшихъ (правильнѣе было-бы, кажется, сказать—среднихъ. Ф. Д.) городахъ въ распоряженіи разночинцевъ оказалось даже такое солидное количество голосовъ, что нерѣдко они получаютъ рѣшающее значеніе на городскихъ выборахъ". Такъ напр., въ Черниговѣ въ періодъ 1883—1893 гг. дворяне и разночинцы составляли 48,6—43% гласныхъ, а въ 1893—901 гг.—78,1—70, 7%.

указаніе адреса, что краснохолмская дума исходитъ въ своихъ требованіяхъ изъ «развитія интересовъ торгово-промышленнаго характера». Торгово-промышленные интересы, какъ исходная точка,—это, несомнѣнно, новая нота въ обычномъ ходѣ мыслей земско-народническаго либерализма, нота, внесенная тѣми новыми слушателями, къ которымъ этотъ либерализмъ обращается. Но и на это проявленіе новыхъ соціальныхъ интересовъ традиціонная идеологія накладываетъ свой отпечатокъ: адресъ опредѣленно выдвигаетъ интересы «мелкаго и средняго торговца», противополагая ихъ интересамъ «представителей крупной торговли и промышленности», умѣющихъ сваливать со своихъ плечъ бремя налоговъ; но антагонизмъ этого «мелкаго и средняго торговца» къ дворянину-землевладѣльцу не отмѣчается ни единою черточкою. Достаточно сопоставить презрительный отзывъ родовитаго земскаго либерала, будущаго предсѣдателя 2-ой Думы, Ф. А. Головина, о Булыгинской думѣ, какъ о думѣ «лавочниковъ», потому-что въ ней «первенствующее положеніе будутъ занимать мелкіе уѣздные торговые промышленники», а «такое положеніе вещей вызоветъ ужасъ» [1]), достаточно сопоставить этотъ отзывъ со сказавшимся въ краснохолмскомъ адресѣ стремленіемъ опредѣленно связать всю традиціонную земско-либеральную программу съ интересами «мелкаго и средняго торговца уѣзднаго города», чтобы получить представленіе о томъ взаимо-приспособленіи между движеніемъ новаго общественнаго слоя и старою идеологіею, которое начало совершаться въ эту эпоху.

Но это взаимоприспособленіе, на почвѣ котораго совершился постепенно процессъ кристаллизаціи к.-д. партіи, лишь начиналось. Бурное развитіе событій не давало ему времени протекать послѣдовательно и систематически. И въ общемъ и цѣломъ, пробуждаясь къ оппозиціонной политической жизни, новые буржуазные слои отдавались цѣликомъ руководству стараго либеральнаго штаба. Распространяемое въ эту пору воззваніе черносотеннаго «народнаго союза» указываетъ новый очагъ оппозиціи—городскія думы—и отмѣчаетъ «въ большихъ городахъ» появленіе, наряду съ старыми бунтующими силами—«адвокатами, профессорами, студентами, учителями, прогорѣлыми помѣщиками», новаго протестующаго элемента—«*одворянившихся*» купцовъ. Этотъ эпитетъ «одворянившіеся»—въ общемъ какъ нельзя лучше характеризуетъ внѣшнее соотношеніе между земско-дворянскимъ либерализмомъ и движеніемъ тѣхъ слоевъ средняго и мелкаго купечества, которые начинали въ это время рвать идеологическія узы, связывавшія ихъ со «старымъ порядкомъ».

Выступленіе городскихъ думъ въ указанныхъ условіяхъ на путь политической оппозиціи приводитъ къ тому, что на съѣздахъ земскихъ дѣятелей—начиная съ февральскаго—появляются все въ большемъ количествѣ представители отдѣльныхъ городовъ вплоть до іюльскаго съѣзда, который—послѣ предварительнаго самостоятельнаго съѣзда городскихъ дѣятелей—оффиціально уже называется съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Но участіе городскихъ дѣятелей ничѣмъ не измѣняетъ общаго характера съѣздовъ, судьбы которыхъ опредѣляются по прежнему всецѣло землевладѣльческими элементами. Можно

[1]) „Право“, 1905 г. № 32, стр. 2615.

лишь отмѣтить большую пассивность городскихъ представителей. Такъ, напр., на февральскомъ совѣщаніи земскіе дѣятели разсмотрѣли въ особыхъ засѣданіяхъ не только вопросъ о необходимости участія представителей мѣстнаго самоуправленія въ Булыгинскомъ совѣщаніи, но и вопросы объ организаціи народнаго представительства и аграрный, рѣшивъ тотъ и другой въ общемъ въ духѣ будущей к.-д. программы. Въ это самое время городскіе дѣятели ограничились лишь вопросомъ о необходимости участія въ Булыгинскомъ совѣщаніи, рѣшивъ его, какъ и земцы, въ положительномъ смыслѣ. Итакъ, въ общемъ выступленія городскихъ дѣятелей цѣликомъ растворяются въ выступленіяхъ земской оппозиціи. Никакой розни между ними нѣтъ и, напримѣръ, постановляя въ концѣ мая 1905 года отправить депутацію къ государю съ конституціоннымъ адресомъ, петербургская городская дума въ то же время рѣшаетъ отложить подачу этого адреса до выясненія результатовъ майскаго земскаго съѣзда съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать съ нимъ совмѣстно.

Выше мы упоминали о съѣздѣ представителей городовъ, мысль о которомъ зародилась на совѣщаніи у Московскаго городского головы. Этотъ съѣздъ состоялся въ Москвѣ 15 іюня. На него были приглашены представители отъ городовъ съ населеніемъ не менѣе 60 тысячъ жителей, по разсчету одного представителя на 100 тысячъ населенія. Изъ 205 приглашенныхъ прибыло 117 городскихъ дѣятелей, главнымъ образомъ, изъ губернскихъ городовъ.

Временное организаціонное бюро, состоявшее подъ предсѣдательствомъ московскаго городского головы, кн. Голицына, представило проектъ «основныхъ началъ общегородской организаціи». Этотъ проектъ начинается нѣсколькими пунктами, въ которыхъ провозглашаются, какъ неотъемлемыя права человѣка и гражданина, свобода совѣсти, мысли, слова, вѣроисповѣданій богослуженій, общественныхъ собраній, союзовъ, неприкосновенность личности, частнаго жилища и переписки, свобода передвиженій, независимость и самостоятельность суда, равенство личныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ всѣхъ гражданъ Россійской имперіи и активное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ законодательствѣ. Затѣмъ идетъ требованіе «организаціи народнаго представительства на началахъ всеобщности и равенства» «для совмѣстнаго съ монархомъ строительства земли»; необходимость постановки на первую очередь коренныхъ экономическихъ реформъ, направленныхъ къ разрѣшенію аграрнаго вопроса и улучшенію положенія рабочаго класса»; «необходимость немедленной отмѣны законовъ, учрежденій, постановленій и распоряженій, противныхъ началамъ свободы личности, свободы духа и жизни, и необходимость возстановленія въ правахъ всѣхъ лицъ, пострадавшихъ за религіозныя и политическія убѣжденія». Далѣе: требованіе школьной реформы, реорганизація мѣстнаго самоуправленія, «освобожденіе православной церкви отъ государственнаго закрѣпощенія» и самоустроеніе ея «на соборныхъ началахъ». Въ послѣднихъ двухъ пунктахъ проектъ выражалъ солидарность съ земскимъ адресомъ и депутаціей 6 іюня и указывалъ на необходимость объединенія дѣятельности общегородской организаціи съ общеземской.

По предложенію выбранной совѣщаніемъ редакціонной коммисіи изъ этого проекта были приняты лишь 2 послѣднихъ пункта, въ остальномъ же выработ-

танъ совершенно новый проектъ, исходящій изъ резолюцій ноябрьскаго земскаго съѣзда и ограничивающійся указаніемъ на необходимость созыва конституціоннаго народнаго представительства, безъ «декларацiи правъ» и безъ упоминанія тѣхъ реформъ (аграрная, рабочая, церковная, школьная и пр.), которыя должны были составлять содержаніе дѣятельности будущаго народнаго представительства. Затѣмъ новый проектъ заключалъ въ себѣ указаніе на необходимость свободы слова, печати, собраній и союзовъ, неприкосновенности личности, отмѣны усиленной охраны и возстановленія въ правахъ лицъ, пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, какъ условія для правильнаго созыва народнаго представительства. Два послѣдніе пункта содержали въ себѣ выраженіе отрицательнаго отношенія къ Булыгинскимъ проектамъ и къ методу ихъ выработки. Всѣ эти пункты были приняты и подписаны единогласно, хотя въ преніяхъ 16 человѣкъ возражали противъ конституціоннаго характера будущаго представительства и критики Булыгинскихъ проектовъ.

Такимъ образомъ, въ результатѣ преній, въ которыхъ главными ораторами выступали элементы либерально-интеллигентскіе (профессора Лучицкій и Мануиловъ, В. Пржевальскій и др.) и земскіе (Хижняковъ, М. Петрункевичъ и др.), резолюція городского съѣзда приняла видъ, дѣлавшій этотъ съѣздъ лишь резонаторомъ для съѣзда земскаго и не заключавшій въ себѣ ни одного намека на специфическіе интересы или навыки мысли того городского населенія, выразителемъ требованій котораго должны были явиться съѣхавшіеся городскіе дѣятели.

Слѣдующимъ пунктомъ занятій съѣзда былъ вопросъ объ организаціи народнаго представительства. Этимъ вопросомъ уже раньше занималась коммиссія при московской думѣ, и, въ общемъ, въ духѣ ея рѣшеній состоялось и постановленія съѣзда. Такъ, была признана (противъ 11 голосовъ) необходимость двухъ палатъ, изъ которыхъ верхняя—«изъ представителей, избранныхъ органами мѣстнаго самоуправленія, преобразованными на демократическихъ началахъ и распространенными на всю Россійскую Имперію». Въ основу организаціи нижней палаты было положено всеобщее избирательное право, причемъ, въ отличіе отъ Московскаго проекта, было предположено (противъ 21 голоса) распространить это право и на женщинъ.

Разногласія возникли въ связи съ вопросомъ о предоставленіи избирательныхъ льготъ городамъ. Московская комиссія проектировала такія льготы лишь для крупнѣйшихъ городовъ (съ населеніемъ не менѣе 50 тысячъ), мотивируя это тѣмъ, что въ этихъ городахъ «сосредоточены громадные торгово-промышленные интересы и почти все, что въ Россіи имѣется наиболѣе культурнаго». Съѣздъ рѣшилъ распространить эти льготы на всѣ города, разсчитывая городской избирательный округъ на число населенія, вдвое меньшее, чѣмъ сельскій округъ. Въ этомъ разногласіи до извѣстной степени сказался, конечно, тотъ антагонизмъ между крупными городами и земствомъ, который возникъ на почвѣ распредѣленія земскаго обложенія и толкалъ крупные города къ ходатайствамъ о выдѣленіи ихъ въ самостоятельныя земскія единицы. Но въ той постановкѣ, которая была придана вопросу объ избирательныхъ льготахъ городамъ на съѣздѣ, звучала—и притомъ сильнѣе—и другая нота: при всеобщемъ изби-

рательномъ правѣ и извѣстномъ страхѣ земскаго либерализма передъ деревенскою «некультурностью», сами земцы были заинтересованы въ этихъ льготахъ городамъ, являющимся мѣстомъ сосредоточенія какъ земскихъ дѣятелей, такъ и примыкающей къ нимъ интеллигенціи... Этимъ объясняется и распространеніе льготъ, въ противоположность московскому проекту, не на крупные торгово-промышленные центры, а на всѣ городскія поселенія вообще. Этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что рѣшеніе съѣзда по данному вопросу было оспариваемо лишь 19 участниками съѣзда, съ М. И. Петрункевичемъ во главѣ.

Наконецъ, послѣдній пунктъ занятій съѣзда касался вопроса объ организаціи городского самоуправленія. Представленный проектъ, учитывая всѣ пагубныя для думъ стороны городового положенія 1892 г., исходилъ изъ тезиса, что, по существу своему, «самоуправленіе есть децентрализованное государственное управленіе», почему «предѣлы вѣдомства городского самоуправленія подлежатъ распространенію на всѣ отрасли мѣстнаго управленія». Въ основѣ этого самоуправленія долженъ лежать осѣдло-налоговой цензъ (безъ различія пола), съ пропорціональнымъ представительствомъ для огражденія правъ меньшинства. Совѣщаніе не высказалось по поводу этихъ предположеній, рѣшивъ поставить ихъ на обсужденіе думъ. Поскольку думы высказывались по этому вопросу, всѣ онѣ восприняли тезисъ проекта, касающійся опредѣленія существа самоуправленія. Въ этомъ случаѣ слишкомъ громко говорилъ весь предшествующій опытъ административной опеки.

Итакъ, разсматриваемый періодъ въ политической эволюціи городского непролетарскаго населенія характеризуется, во первыхъ, вступленіемъ думъ въ фарватеръ земскаго либерализма и, во вторыхъ, начинающимся перемѣщеніемъ соціальнаго центра тяжести этого либерализма. Естественно, что этотъ процессъ намѣтился, прежде всего, въ крупныхъ—главнымъ образомъ, губернскихъ—городахъ, гдѣ были сосредоточены наиболѣе культурныя и политически зрѣлыя общественныя силы, и гдѣ предшествующій ходъ развитія наиболѣе успѣлъ «европеизировать» соціальныя отношенія. Но мы указывали уже, въ какой сложный клубокъ сплелись взаимоотношенія между различными элементами нарождавшейся русской буржуазіи и «старымъ порядкомъ». Естественно, что въ то самое время, когда одни слои буржуазнаго городского населенія дѣлали первые шаги по пути политической оппозиціи, въ другихъ слояхъ или элементахъ тѣхъ же самыхъ соціальныхъ пластовъ усиливался процессъ оборонительной организаціи отъ натиска новыхъ порядковъ, и что не стремленіе къ новому, а именно необходимость встать активно и организованно на защиту угрожаемаго «стараго порядка» клала конецъ политическому небытію этихъ слоевъ.

Такое явленіе наблюдалось въ низахъ крупныхъ городовъ. Еще болѣе интенсивно долженъ былъ протекать этотъ процессъ въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ, въ которыхъ различные элементы мѣщанъ, скупщиковъ, мелкихъ торговцевъ, кустарей и пр. самыми разнообразными узами были связаны съ устоями стараго политическаго, экономическаго и гражданскаго быта. Но этотъ процессъ въ весьма малой степени отмѣченъ текущей литературой, ибо онъ происходилъ въ сторонѣ отъ большой исторической дороги, по которой шло все нароставшее общественное движеніе, а, съ другой стороны, и самое существо складывавшихся на этой

почвѣ отношеній между представителями мелко-буржуазнаго городского населенія и представителями старой власти было отнюдь не таково, чтобы стремиться вынести его на свѣтъ гласности. Мы встрѣчаемъ отдѣльныя указанія на сношенія городскихъ головъ съ полиціей и жандармами (Меленки, Мензелинскъ и др.), на собранія, подчеркивающія необходимость сохраненія самодержавія (Ростовъ Яросл.) и т. п. Но вполнѣ выступаютъ на открытую политическую сцену эти элементы и складывающіяся черносотенныя организаціи лишь во время погромовъ, какъ еврейскихъ (Кишиневъ, Мелитополь, Дусяты, Житоміръ, Симферополь), такъ и интеллигентскихъ (Новочеркасскъ, Нижній, Балашовъ).

Но, какъ въ «черносотенномъ» движеніи вообще, такъ и спеціально въ черносотенномъ движеніи нѣкоторыхъ слоевъ мелко- и средне-буржуазнаго городского населенія, сплелись самые разнообразные и противорѣчивые общіе и мѣстные интересы. Нѣкоторое представленіе объ этихъ интересахъ можетъ дать, напримѣръ, эпизодъ, произошедшій въ Аткарскѣ. Здѣсь, на засѣданіе думы, 11-го іюня, внезапно явились всѣмъ сходомъ мѣщане (болѣе 100 человѣкъ) и потребовали, въ виду неурожая, немедленнаго уменьшенія на половину арендной платы за городскія земли,—требованіе, которое терроризованная дума удовлетворила единогласно. Нужно было бы тщательно изслѣдовать всѣ такого рода мѣстные конфликты, чтобы вполнѣ выяснить процессъ политической эволюціи городского населенія.

Но, какъ бы то ни было, въ общемъ, думы крупныхъ городовъ служатъ въ этотъ періодъ однимъ изъ опорныхъ пунктовъ общественнаго движенія. А народныя волненія и черносотенные погромы все больше втягиваютъ ихъ въ непосредственную борьбу съ старымъ режимомъ, прежде всего,—съ полиціею, какъ наиболѣе боевою организаціею этого режима. Рядъ городовъ (Рязань, Брянскъ, Ставрополь и т. д.) отказываютъ въ ассигнованіи средствъ на дальнѣйшее усиленіе полиціи или содержаніе казаковъ; другіе (Минскъ, Нижній-Новгородъ, Желѣзноводскъ и др.) приходятъ къ мысли о необходимости созданія городской стражи или милиціи для защиты обывателей отъ насилій и т. д.

II.

Одновременно съ опубликованіемъ положенія 6-го августа о созывѣ государственной думы было, какъ извѣстно, прекращено дѣйствіе указа 18 февраля и администрація начала энергично противиться дальнѣйшему обсужденію политическихъ вопросовъ въ городскихъ думахъ (Бѣлостокъ, Уфа, Полтава, Тобольскъ, Тифлисъ и пр.). Слабость и несамостоятельность думскаго движенія выразилась, между прочимъ, въ томъ, что думы не нашли въ себѣ силы бороться съ этими запрещеніями администраціи. Къ этому присоединился принявшій въ это время замѣтные размѣры кризисъ традиціоннаго либерализма подъ вліяніемъ все выше вздымавшагося рабочаго, крестьянскаго и національно-окраиннаго движенія. Сильный толчокъ этому кризису былъ данъ опубликованіемъ положенія о Государственной Думѣ, заставлявшаго,—хотя бы въ интересахъ предстоящей выборной борьбы—болѣе опредѣленно формулировать отношеніе къ цѣлому ряду

жгучихъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Начался процессъ распада стараго либерально-политическаго блока на его составныя части, заворачиваніе фронта направо одними элементами, налѣво—другими, формированіе консервативныхъ, либеральныхъ и демократическихъ направленій—предтечъ будущихъ партій. Этотъ процессъ имѣлъ пока хаотическій характеръ, различныя вліянія переплелись и скрещивались, то усиливая, то парализуя другъ друга, различные элементы стараго либеральнаго блока лишь ощупью начинали выбираться на свой собственный соціально-политическій путь, и во всякой изъ возникавшихъ организацій единствомъ временнаго настроенія сочетались въ самыхъ причудливыхъ комбинаціяхъ разнородные соціальные элементы. Но, какъ бы то ни было, пока что—единство и сплоченность либерально-демократическаго блока потерпѣли ущербъ, и это не могло не отразиться и на поведеніи думъ, въ основѣ движенія которыхъ до сихъ поръ лежало именно единство этого блока, подчинявшаго своему вліянію пробуждавшіеся къ политической оппозиціонности слои городского населенія. Наконецъ, условія времени были таковы, что на первую очередь вставали вопросы тактики, на которыхъ разнороднымъ элементамъ былое гораздо труднѣе сойтись, чѣмъ на общихъ, растяжимыхъ по своему смыслу и подлежащихъ осуществленію лишь въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ програмныхъ формулахъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, на актъ 6-го августа отозвалось болѣе или менѣе опредѣленно лишь очень незначительное число думъ (Москва, Вологда, Вильна, Минскъ, Нахичевань). Но, поскольку думы отозвались на Булыгинское положеніе, онѣ не имѣли причины быть имъ довольными Слишкомъ очевидно было, что это положеніе, исключавшее изъ числа избирателей рабочихъ, все мелкое городское населеніе и огромную часть интеллигенціи и надѣлявшее будущую Думу крайне ограниченными законосовѣщательными полномочіями не въ состояніи положить конецъ все ширившейся «смутѣ». Но и тѣ верхи городского населенія, которые были допущены къ участію въ выборахъ, испытывали невольныя сомнѣнія на счетъ вліянія, какимъ они смогутъ пользоваться въ будущемъ представительномъ учрежденіи. Если однимъ, какъ мы упоминали выше, Булыгинская дума представлялась въ видѣ думы «лавочниковъ», то другіе видѣли въ положеніи 6-го августа попытку подавить голос имущихъ и «культурныхъ» классовъ голосами крестьянскихъ депутатовъ, къ тому же тщательно подобранныхъ руками полиціи и администраціи; третьимъ, наконецъ, казалось, что правительство отводитъ въ будущей думѣ главное мѣсто помѣщикамъ. Хаотическое избирательное положеніе оставляло мѣсто массѣ недоумѣній, и, повидимому, само правительство не рѣшалось опредѣленно опереться на одинъ какой-либо соціальный слой, а строило свои разсчеты, главнымъ образомъ, на столкновеніи и взаимной нейтрализаціи тѣхъ имущественныхъ и сословныхъ интересовъ, которые были положены въ основу избирательной системы, и еще больше—на сохраненіи за собою руководства всѣми выборными операціями. Пожеланіе съѣзда городскихъ дѣятелей о выдѣленіи городовъ въ самостоятельныя избирательныя единицы не было выполнено, и лишь крупнымъ городамъ, имѣющимъ болѣе 100.000 жителей, было дано особое представительство, «въ виду неизбѣжнаго почти, въ противномъ случаѣ, поглощенія предста-

вительства городскихъ интересовъ интересами прочихъ мѣстностей, что и наблюдается нынѣ при земскихъ выборахъ». Къ этимъ крупнѣйшимъ городамъ были присоединены и нѣсколько менѣе крупныхъ городовъ съ цѣлью нейтрализаціи окраинныхъ городскихъ депутатовъ депутатами изъ коренной Россіи [1]). Но, въ результатѣ такого огражденія городскихъ интересовъ, лишь 26 городовъ (Петербургъ, Москва, Астрахань, Баку, Варшава, Вильна, Воронежъ, Екатеринославъ, Иркутскъ, Казань, Кіевъ, Кишиневъ, Курскъ, Лодзь, Нижн. Новгородъ, Одесса, Орелъ, Рига, Ростовъ на Д. совмѣстно съ Нахичеванью, Самара, Саратовъ, Ташкентъ, Тифлисъ, Тула, Харьковъ, Ярославль) получили право посылать 28 депутатовъ изъ 412.

Исходя изъ сдѣланнаго въ манифестѣ указанія на дальнѣйшее усовершенствованіе учрежденія государственной думы, отозвавшіяся на этотъ манифестъ городскія думы выдвигали, какъ самыя неотложныя «усовершенствованія», — всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право (Виленская дума ограничилась упоминаніемъ о всеобщности), съ одной стороны, «полноправное участіе Гос. Думы въ осуществленіи законодательной власти»,—съ другой. Минскъ и нѣкоторые другіе города ходатайствовали объ отдѣльномъ представительствѣ. Въ качествѣ необходимаго условія для правильнаго производства выборовъ тѣ же думы требовали немедленнаго введенія свободы слова, печати, собраній и пр.,— а вологодская дума, вообще выдѣлявшаяся въ эту эпоху своимъ радикализмомъ, настаивала на общей амнистіи всѣмъ, пострадавшимъ за политическія и религіозныя убѣжденія. Въ видѣ кары за такой радикализмъ, избранный думою купецъ Клюшинъ не былъ утвержденъ въ званіи городского головы.

Въ общемъ же затишье въ думскомъ движеніи распространилось въ это время и на борьбу думъ съ полиціей и администраціей. Но нѣсколько случаевъ энергичнаго выступленія можно все же указать. Такъ, тов. одесскаго головы, К. Андреевскій, публично протестовалъ противъ увольненія отъ должности, по распоряженію градоначальника, дѣлопроизводителя отдѣленія по народному образованію. Тифлисскій городской голова расклеилъ по городу объявленіе, въ которомъ опровергалъ попытку тифлисскаго генералъ-губернатора взвалить на него часть отвѣтственности за разстрѣлъ рабочихъ, собравшихся 29 августа въ зданіи городской думы. Въ еще болѣе внушительной формѣ былъ выраженъ протестъ противъ «безчеловѣчной бойни, учиненной казаками надъ беззащитной публикой», въ видѣ коллективнаго сложенія съ себя полномочій всѣмъ составомъ гласныхъ тифлисской думы впредь до принятія неотложныхъ мѣръ, въ числѣ которыхъ «должны быть поставлены на первую очередь: отмѣна военнаго положенія и усиленной охраны, свобода собраній и печати, неприкосновенность личности, производство строжайшаго слѣдствія и преданіе суду всѣхъ виновниковъ кровавой расправы 29 августа». Наконецъ, Смоленская дума, въ виду учащающихся насилій солдатъ надъ мирными жителями, постановила расклеить на улицахъ и раздать по рукамъ воззваніе къ солдатамъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Вы должны знать, что не населеніе затѣяло кровавую войну, что

---

[1]) Матеріалы по учрежденію Гос. Думы 905 г. Вып. I. Меморія Совѣта Министровъ. Стр. 29—30.

мирные граждане города Смоленска такъ же, какъ и весь народъ въ Россіи, не хотѣли этой войны, не отвѣтственны за нее и страдаютъ и терпятъ отъ нея такъ же, какъ и другіе..... Общими силами должно теперь населеніе Россіи поддерживать другъ друга, чтобы устроить въ нашей родинѣ лучшую, чѣмъ до сего времени, жизнь, и солдаты, такіе же граждане, не должны поступать иначе».

Вопросы тактики по отношенію къ выборамъ въ Думу и использованію будущаго представительнаго учрежденія вовсе не обсуждались въ городскихъ думахъ. За то они послужили главнымъ предметомъ занятій новаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей. Какъ извѣстно, резолюція объ участіи въ выборахъ и вхожденіи въ Думу «съ цѣлью достигнуть черезъ ея посредство гарантій гражданской свободы и равенства, указанныхъ въ постановленіи совѣщаній 6—9 ноября 1904 г., и введенія народнаго представительства на началахъ, установленныхъ совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. и 22—26 апрѣля 1905 г. и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 г.», была принята почти единогласно (противъ нея голосовалъ лишь кн. Касаткинъ-Ростовскій).

Точно также безъ большихъ разногласій было рѣшено организовать повсемѣстно избирательные комитеты съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей съ примѣненіемъ партійной дисциплины. По внѣшности могло казаться, что съѣздъ 12 сентября служитъ какъ бы завершеніемъ всѣхъ предшествующихъ съѣздовъ въ томъ смыслѣ, что объединяетъ всѣ оппозиціонные земскіе и городскіе элементы въ одну политическую партію. На самомъ дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ: съѣздъ 12 сентября далъ толчокъ распаденію того блока, который такъ тщательно культивировался на всѣхъ предшествующихъ съѣздахъ. И это обнаружилось тотчасъ же, лишь только были поставлены на очередь соціальные вопросы. Съѣздъ вынужденъ былъ отказаться отъ формулированія экономической программы и хотя большинствомъ и были приняты извѣстныя общія положенія по крестьянскому и рабочему вопросамъ, но объ единогласіи не было уже и рѣчи.

Еще болѣе боевой характеръ пріобрѣлъ на съѣздѣ окраинный вопросъ, при обсужденіи котораго А. И. Гучковымъ была взята нота воинствующаго національнализма, нашедшая откликъ, какъ въ нѣкоторыхъ элементахъ купечества, такъ и въ тѣхъ слояхъ землевладѣльцевъ, которые въ это время круто поворачивали направо. Надо знать дѣйствительное соціально-политическое содержаніе русскаго національнализма того времени [1]), чтобы понять, какую глубокую трещину въ оппозиціонномъ движеніи означало категорическое заявленіе Гучкова: «если только по одному этому вопросу мы разойдемся, мы—политическіе враги; если сойдемся, мы—союзники».

Самый характеръ представительства городовъ на съѣздѣ обусловилъ собою разнорѣчивость позиціи, занятой по вопросу объ автономіи («децентрализаціи законодательства») представителями различныхъ городовъ. Если Саратовскій депутатъ (Немировскій) и Нижегородскій (Меморскій) склонились больше къ точкѣ зрѣнія А. Гучкова, то представитель Петербурга (М. Ѳедоровъ), наоборотъ, го-

[1]) См. объ этомъ м. пр., „Общ. Дв.“, т. I, с. 444.

рячо отстаивалъ принципъ автономіи исторически сложившихся областей. И хотя въ результатѣ большинствомъ голосовъ были приняты въ крайне обезцвѣченномъ видѣ общіе тезисы о необходимости «децентрализаціи законодательства», а резолюція объ автономіи Польши прошла даже всѣми голосами противъ голоса одного Гучкова, но въ дѣйствительности было слишкомъ очевидно, что расколъ по этимъ вопросамъ гораздо глубже и шире, чѣмъ можно судить по результатамъ голосованія, и побѣдившее большинство не рѣшилось включить принятые имъ тезисы въ воззваніе къ избирателямъ. Тезисы же по крестьянскому и рабочему вопросу, хотя и были включены, но воззваніе спѣшило оговорить, что все это—вопросы, «рѣшать которые придется только впослѣдствіи», и призывало избирателей объединиться на основѣ программы, которая включала въ себя лишь требованіе правъ личности, свободы слова, печати, сходокъ, собраній, союзовъ; всеобщее (безъ другихъ 3 членовъ), избирательное право; законодательныя полномочія думы и дѣйствительный контроль надъ бюджетомъ и администраціей.

Остается еще упомянуть, что съѣздъ благопріятно отнесся къ пожеланію Одессы и Тифлиса о расширеніи представительства ихъ въ думѣ, и поддержалъ настоянія сибирскихъ городовъ о принятіи мѣръ,—которыя дали бы имъ возможность успѣть выбрать своихъ депутатовъ къ сроку созыва думы.

На основѣ принятой программы единство было какъ будто возстановлено. А. Гучковъ тутъ же на съѣздѣ заявилъ, что принятая формулировка воззванія устраняетъ опасность раскола, и въ городахъ начали постепенно образовываться земско-городскіе избирательные комитеты [1]). Но это видимое единеніе на почвѣ устраненія всѣхъ жгучихъ вопросовъ не могло задержать процесса распаденія оппозиціоннаго блока. Это распаденіе происходило отнюдь не по линіи раздѣленія земскихъ элементовъ отъ городскихъ, или помѣщиковъ отъ буржуазіи. Какъ мы говорили выше, процессъ распада старой организаціи и нарожденія новыхъ былъ гораздо сложнѣе. Но онъ совершался неудержимо, и событія октября-декабря 1905 г. мощно двинули его впередъ.

III.

Политическая слабость и несамостоятельность городскихъ думъ естественно привела къ тому, что во дни бурнаго развитія народныхъ движеній, онѣ не только не стали средоточіемъ этихъ движеній, но, наоборотъ, безпомощно но-

[1]) Для характеристики избирательной агитаціи, которую повели эти комитеты, упомянемъ, напр., воззваніе самарскаго комитета. Указавъ на то, что „принципъ всеобщаго избирательнаго права при прямомъ и тайномъ голосованіи“ выставляли „даже такія консервативныя общественныя группы, какъ наши городскія думы и биржевые комитеты“, воззваніе подчеркиваетъ, что новый законъ совершенно исключаетъ „городской рабочій классъ и всю неимущественную интеллигенцію“, и „имъ предпочитаются имущественные и промышленные цензовики, большинство которыхъ до послѣдняго времени совершенно не интересовалось политическими вопросами“. Затѣмъ воззваніе рѣшительно критикуетъ „уродливую“ компетенцію Думы по положенію 6 августа.

сились по волнамъ разгулявшейся стихіи, противопоставляя лишь силу привычной пассивности. Можно, конечно, указать рядъ постановленій и мѣръ, принятыхъ думами во дни октябрьской и послѣдующихъ забастовокъ. Такъ, напр., Московская дума, привѣтствуя въ актѣ 17 октября «рѣшительный разрывъ съ тяжкимъ историческимъ прошлымъ» и создаваемую имъ «для русскаго генія» возможность «во всей своей мощи проявить себя на аренѣ міровой исторіи», настаиваетъ въ то же время на полной амнистіи по политическимъ преступленіямъ (ея—требуетъ и петербургская дума) и отмѣнѣ исключительныхъ положеній, а также постановляетъ ассигновать средства «на дѣла благотворительности» съ тѣмъ, чтобы при этомъ было принято во вниманіе «бѣдственное положеніе семей рабочихъ, участвовавшихъ въ забастовкѣ». Иногда принимаемыя думами мѣры и постановленія носятъ, на первый взглядъ, даже очень энергичный характеръ. Такъ, петербургская дума еще 12 октября объявляетъ свои засѣданія безпрерывными и принимаетъ единогласно резолюцію, въ которой указываетъ «на необходимость принятія со стороны правительства безотлагательно мѣръ къ удовлетворенію назрѣвшихъ экономическихъ и политическихъ требованій населенія». Московская дума [1]) и цѣлый рядъ провинціальныхъ протестуютъ противъ поведенія казаковъ и полиціи, учреждаютъ—въ той или иной формѣ—такъ называемые «комитеты общественной безопасности», въ видѣ совѣщаній городскихъ дѣятелей съ представителями различныхъ общественныхъ и политическихъ организацій и организуютъ или постановляютъ организовать такъ называемую «милицію», городскую стражу, призванную смѣстить полицію, внушающую жителямъ недовѣріе. Саратовская дума отправляется 12 октября въ полномъ составѣ въ участокъ для разслѣдованія жалобъ на избіеніе казаками лицъ, арестованныхъ на митингѣ, и въ результатѣ этого посѣщенія постановляетъ, между прочимъ, ходатайствовать объ удаленіи казаковъ изъ города, прекратить имъ выдачу квартирнаго довольствія и избрать особый комитетъ для завѣдыванія всѣми дѣлами, вытекающими изъ создавшагося положенія. Полтавская дума, рѣшивъ 16 октября перенесть свои засѣданія, съ цѣлью приданія имъ большей публичности, въ зданіе театра, становится во главѣ шествія многочисленной публики для огражденія ея отъ насилій казаковъ и полиціи по пути отъ зданія городской думы къ театру.

Но, въ общемъ и цѣломъ, городскія думы не играютъ сколько-нибудь замѣтной политической роли ни въ ту, ни въ другую сторону. Ихъ политическія резолюціи—какъ это видно и по приведенному нами петербургскому примѣру—остаются безсодержательными и своею неопредѣленностью, отсутствіемъ конкретныхъ требованій и указанія опредѣленныхъ мѣръ для ихъ достиженія свидѣтельствуютъ о продиктовавшей ихъ растерянности и нерѣшительности; «комитеты безопасности» нигдѣ не дѣлаютъ сколько-нибудь энергичной попытки взять въ свои руки функціи мѣстной власти—единственный шагъ, который могъ бы сдѣлать ихъ серьезнымъ факторомъ движенія [2]); постановленія о милиціи

---

[1]) Резолюція С. А. Муромцева, 14 октября.

[2]) Мы оставляемъ въ сторонѣ окраины—Кавказъ, Прибалтійскій край и отчасти Сибирь.

остаются на бумагѣ, а тамъ, гдѣ проводятся въ жизнь, «милиція» принимаетъ видъ невооруженной и неорганизованной городской стражи, осужденной на бездѣятельность и—въ лучшемъ случаѣ – лишь нѣсколько увеличивающей личную и имущественную безопасность болѣе состоятельнаго слоя городскихъ обывателей. И, въ концѣ концовъ, «безпрерывныя» засѣданія цѣликомъ поглощаются ближайшими хозяйственными городскими вопросами: обезпеченіемъ продовольствія жителей, съ одной стороны, заботами о возстановленіи различныхъ муниципальныхъ службъ (водопроводъ, трамваи, больницы и т. д.), съ другой. Но и въ вопросѣ о продовольствіи думы не предпринимаютъ никакихъ самостоятельныхъ шаговъ, ограничиваясь, главнымъ образомъ, различными ходатайствами, обращаемыми къ центральной и мѣстной правительственной власти. Въ вопросѣ же о возстановленіи муниципальныхъ службъ роль думъ сводится къ переговорамъ со стачечниками, обѣщанію имъ различныхъ уступокъ, признанію ихъ организацій и т. д. и т. д.

Въ этой стадіи развитія ясно обнаруживается отсутствіе за думами сплоченнаго, политически опредѣленнаго, самостоятельнаго и активнаго общественнаго слоя, въ рукахъ котораго онѣ служили бы орудіемъ и который, въ свою очередь, могъ бы дать имъ прочную опору въ предпринимаемыхъ шагахъ. Искаженное представительство городского населенія въ думахъ и ихъ ничтожная роль въ предшествующую эпоху, съ одной стороны, сложные, но въ то же время зародышевые процессы политическаго броженія и самоопредѣленія, какіе переживали въ это время средне- и мелко-городскіе элементы, съ другой, достаточно объясняютъ этотъ фактъ. Давленія же рабочихъ и интеллигенціи, въ которыхъ воплощалось въ эту эпоху активное городское движеніе, было достаточно, чтобы побудить думы къ нѣкоторой уступчивости въ вопросахъ, непосредственно затрагивавшихъ интересы мѣстнаго пролетаріата и интеллигенціи, б. м. даже, къ своего рода дружественному нейтралитету по отношенію къ общему ходу движенія, но явно недостаточно для того, чтобы подвинуть ихъ на рѣшительные политическіе шаги.

При томъ же самый характеръ и формы революціоннаго движенія октябрьско-декабрьскихъ дней вносили, въ свою очередь, новыя осложненія въ процессъ политической эволюціи городского населенія. Забастовочное движеніе носило двойственный характеръ не только потому, что въ немъ сплетались политическія и экономическія требованія втянутыхъ въ движеніе массъ, но и потому, что самая форма движенія—забастовка, независимо отъ выставляемыхъ участниками его требованій, остро врѣзывалась въ весь торгово-промышленный оборотъ страны. Остановка въ подвозѣ готовыхъ продуктовъ къ рынкамъ и сырыхъ матеріаловъ къ промышленнымъ заведеніямъ, рѣзкіе скачки цѣнъ, нарушеніе всѣхъ срочныхъ сдѣлокъ—все это прямо или косвенно задѣвало непосредственно экономическіе интересы всѣхъ слоевъ городского населенія и, такимъ образомъ, то стимулировало, то задерживало или даже обращало вспять начавшійся процессъ ихъ политической эволюціи. Въ хаосѣ противорѣчивыхъ вліяній лишь незамѣтно и исподволь, съ постоянными перерывами и колебаніями закладывались прочные устои политическаго движенія средне- и мелкобуржуазныхъ элементовъ и намѣчались грани, раздѣляющія движеніе различныхъ слоевъ города.

Достаточно извѣстно, какое значеніе для опредѣленія позиціи крупной буржуазіи имѣли сопряженная съ революціоннымъ движеніемъ борьба за 8-ми часовой рабочій день и—еще больше—то общее разстройство, которое внесено было въ хозяйственную жизнь рядомъ непрерывно слѣдовавшихъ другъ за другомъ забастовокъ, частичныхъ и общихъ. Въ первые дни послѣ октябрьской побѣды и видимаго проявленія освободительной мощи рабочаго движенія и крупная буржуазія безоговорочно аплодируетъ пролетаріату, какъ это особенно ярко выразилось въ извѣстной докладной запискѣ совѣщательной Конторы желѣзозаводчиковъ. Привѣтствуя манифестъ 17 октября, авторы записки въ то же время подчеркиваютъ, что «между словомъ и дѣломъ существуетъ огромное разстояніе», и заявляютъ, что «Россія вѣритъ только фактамъ; ея кровь и ея нищета не позволяютъ уже вѣрить словамъ». Поэтому, указывая, что «гражданская свобода Россіи явилась плодомъ поразительной борьбы 140 милліоннаго народа», записка требуетъ «полной амнистіи, безо всякихъ оговорокъ, лицамъ, пострадавшимъ по политическимъ дѣламъ». Констатируя, что «со стороны борцовъ за свободу и счастье русскаго народа проявленіе насилій было крайне ограничено», и возлагая вину за грабежи, поджоги и разбой на «черную сотню, во главѣ которой нерѣдко выступали правительственные агенты и даже священники», Контора настаиваетъ на безотлагательной и повсемѣстной «отмѣнѣ военнаго положенія и положенія объ усиленной охранѣ». Наконецъ, будучи «далеко не поклонницей всеобщаго избирательнаго права въ теоріи», Контора желѣзозаводчиковъ, ссылаясь на политическую сознательность рабочаго класса и роль, сыгранную имъ и интеллигенціей въ октябрьскомъ движеніи, требуетъ немедленнаго введенія всеобщаго голосованія.

Но уже ноябрьскій локаутъ въ Петербургѣ, начало которому было положено казенными заводами, и бездѣятельность избранной петербургской думой, согласно предложенію гл. Кедрина, комиссіи для посредничества въ этомъ конфликтѣ служатъ достаточно характерной иллюстраціей поворота въ настроеніи крупной буржуазіи. Но и этотъ поворотъ, по крайней мѣрѣ, въ октябрѣ-ноябрѣ, когда исходъ революціонныхъ битвъ остается еще неяснымъ,—не носитъ вполнѣ устойчиваго характера. Промышленники и торговцы колеблются между желаніемъ оградить свои непосредственные интересы, хотя бы за счетъ правительства, и начинающимъ возникать сознаніемъ политическаго антагонизма своего съ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата. Они идутъ за казной въ дѣлѣ объявленія локаута, но въ то же время почтово-телеграфная забастовка вызываетъ рядъ заявленій купечества различныхъ городовъ и даже посылку особой депутаціи отъ крупнаго московскаго купечества къ премьеръ-министру съ цѣлью настоять передъ правительствомъ на уступкѣ требованіямъ стачечниковъ. Они участвуютъ въ локаутѣ, явно направленномъ не столько противъ экономическаго, сколько противъ общеполитическаго движенія рабочаго класса, и образуютъ рядъ союзовъ, открыто ставящихъ себѣ цѣлью (какъ, напр., въ Ростовѣ на-Дону) борьбу съ «ненасытнымъ» пролетаріатомъ, но въ то же время, въ концѣ ноября, напр., петербургскіе хозяева-типографы, требуя отъ рабочихъ отказа въ теченіе 4 мѣсяцевъ отъ забастовокъ, спеціально оговариваютъ, что для политическихъ забастовокъ дѣлается исключеніе, а въ томъ же Ростовѣ на-Дону биржевой комитетъ

настаиваетъ на необходимости организаціи общественныхъ работъ для помощи безработнымъ. И еще 28 ноября, послѣ отказа гр. Витте выполнить требованія, предъявленныя ему депутаціей ноябрьскаго земско-городского съѣзда, газета «Новости», отражая настроеніе петербургскихъ биржевиковъ, пишетъ: «Пусть не радуются тамъ, наверху, расколу между либеральной буржуазіей и пролетарскими партіями. Когда положеніе станетъ невыносимымъ,—а это можетъ случиться завтра,—буржуазія пойдетъ къ пролетаріату и станетъ подъ красное знамя».

Это неустойчивое настроеніе крупной буржуазіи—готовность отойти отъ революціоннаго движенія и даже напасть на него въ тылъ, сдерживаемая неувѣренностью въ томъ, на чьей сторонѣ окажется побѣда,—сказалось во всей силѣ и въ дни декабрьскихъ возстаній. Типично въ этомъ случаѣ поведеніе московской думы. Еще въ концѣ ноября вновь избранный голова, Н. И. Гучковъ, въ своей программной рѣчи рекомендуетъ думѣ отказаться отъ слишкомъ усерднаго участія въ политической жизни и сосредоточиться на хозяйственныхъ задачахъ, что въ переживаемый моментъ имѣло смыслъ рекомендаціи—занять по отношенію къ революціонной борьбѣ нейтральное, выжидательное положеніе. Въ этомъ духѣ и дѣйствуетъ московская дума въ дни декабрьскаго возстанія, колеблясь въ своей позиціи сообразно ходу движенія. Такъ, еще 13 декабря она принимаетъ резолюцію,—выражающую явное недовѣріе правительству и подчеркивающую его медлительность въ проведеніи въ жизнь манифеста 17 октября, какъ главную причину смутнаго и невыносимаго положенія, въ которое поставлена вся Россія и, въ частности, Москва. Но уже 15 декабря, когда движеніе явно терпитъ неудачу и пресненскіе рабочіе просятъ голову о посредничествѣ въ переговорахъ ихъ съ генералъ-губернаторомъ объ условіяхъ сдачи, дума, выражая въ новой резолюціи увѣренность, что событія не задержатъ либеральныхъ реформъ, видитъ причину смуты въ отсутствіи законовъ, *регулирующихъ* свободы 17 октября, и одновременно отказывается отъ своего постановленія объ организаціи милиціи. На слѣдующій день она поручаетъ управѣ представить ей докладъ объ обезпеченіи семействъ пострадавшихъ во время возстанія воинскихъ чиновъ, городовыхъ и дворниковъ, по отношенію же къ пострадавшему населенію лишь о неопредѣленныхъ «мѣрахъ помощи». Наконецъ, когда все движеніе раздавлено, московскій городской голова, Н. И. Гучковъ, произноситъ свой извѣстный благодарственный тостъ, обращенный къ московскому генералъ-губернатору, адмиралу Дубасову.

Какъ видимъ, А. С. Суворинъ правильно характеризовалъ позицію верховъ буржуазіи, когда въ самый разгаръ «смуты» («Нов. Вр.», 24 ноября) смущенно восклицалъ: «Гдѣ вы, спокойное и разумное общество, вы, собственники, вы, домовладѣльцы, купцы, фабриканты, рантьеры, буржуазія, вы, друзья порядка и политической свободы, гдѣ вы?» Элементы «спокойнаго и разумнаго общества», «друзья порядка» имѣлись уже въ наличности въ достаточно внушительныхъ размѣрахъ, на ихъ существованіе опиралось правительство въ своей репрессивной дѣятельности, но политической активности они проявляли въ это время еще очень мало. Они таились въ сторонѣ отъ поля битвы и выходили наружу лишь въ сумерки, когда подсчитывались результаты сраженій, всегда

готовые перекинуться на сторону побѣдителя и ввести новыя политическія карты въ игру.

Однородные процессы происходятъ въ это время и въ мелкобуржуазныхъ слояхъ города. Мелкіе предприниматели и хозяева-ремесленники также образуютъ союзы для отстаиванія своихъ интересовъ, частью прямо обращенные противъ рабочихъ, частью занимающіе по отношенію къ рабочимъ нейтральную и даже дружественную позицію. Такъ, союзъ владѣльцевъ малярныхъ заведеній въ Москвѣ ставитъ своею задачею обслуживаніе интересовъ и рабочихъ, проектируя съ этою цѣлью учрежденіе бюро труда, организацію помощи безработнымъ и т. п. Владѣльцы золотосеребряныхъ ремесленныхъ заведеній въ Петербургѣ, основывая свой союзъ, постановляютъ удовлетворить требованія, предъявленныя подмастерьями въ октябрьскую забастовку. Лавочники города Вольска на совмѣстномъ собраніи со своими приказчиками рѣшаютъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о прекращеніи торговли въ праздничные дни, а петербургскіе мелочные лавочники заселенной рабочими Выборгской стороны постановляютъ пригласить на свои собранія по вопросу о праздничномъ отдыхѣ представителей соціалъ-демократической партіи. Вообще же мелкая буржуазія, подъ вліяніемъ бурныхъ событій, начинаетъ поднимать голову и сплачиваться. Это отражается отчасти и на ходѣ городского самоуправленія. Такъ мы имѣемъ, напр., извѣстіе, что на ноябрьскихъ выборахъ въ гомельскую городскую думу старый интеллигентскій составъ гласныхъ былъ вынужденъ удалиться, и всѣ мѣста были заняты мѣщанами и ремесленниками...

Этотъ процессъ политическаго самоопредѣленія мелкой и средней городской буржуазіи на первыхъ порахъ не всегда и не во всѣхъ слояхъ носилъ политически-прогрессивный характеръ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же бурныхъ событій и, въ частности, подъ вліяніемъ организованной вслѣдъ за изданіемъ манифеста 17 октября волны еврейскихъ и интеллигентскихъ погромовъ, ускорялось—особенно, среди цензовыхъ (по городскому управленію) слоевъ буржуазіи и въ мелкихъ городахъ—сплоченіе и «черносотенныхъ» элементовъ и закрѣплялась ихъ связь съ подонками городского населенія, съ одной стороны, съ представителями администраціи и реакціоннаго дворянства, съ другой.

Рѣшительно вездѣ, гдѣ устраивались «патріотическія» манифестаціи или вспыхивали погромы,—мы встрѣчаемъ въ числѣ организаторовъ и руководителей ихъ представителей городской буржуазіи. Такъ въ Харьковѣ во главѣ манифестаціи 11 октября стоитъ купецъ Леоновъ.

Въ Петербургѣ видную роль въ черносотенной агитаціи играютъ торговцы, мясники и рыбники на Сѣнной. Въ Казани, въ числѣ организаторовъ погрома 16—17 окт. фигурируютъ «лица изъ русскаго купечества и кабатчиковъ». Въ Ярославлѣ въ устройствѣ избіенія 18 окт. участвуютъ «краснорядцы—лабазники». Въ Калугѣ центральной фигурой черносотенной агитаціи является мясникъ Черновъ. Въ Тулѣ во главѣ толпы идетъ купецъ А. С. Баташевъ. Купецъ же стоитъ во главѣ черносотенцевъ въ Владимірѣ.

Въ Костромѣ въ избіеніи учащихся 19 окт. участвуютъ базарные торговцы. Въ Рязани поджигаетъ 23 окт. клубъ, гдѣ происходитъ митингъ, «толпа торговцевъ и простолюдиновъ». Въ Воронежѣ участвуютъ въ погромѣ лабазники.

Въ Рыбинскѣ рабочіе въ поданномъ думѣ заявленіи указываютъ, какъ на организаторовъ черной сотни, «отдѣльныхъ лицъ биржевого общества». Въ Архангельскѣ рекруты требуютъ удаленія изъ состава воинскаго присутствія члена городской управы, купца Антонова, какъ главнаго виновника бойни 18—19 Октября. Въ Красноярскѣ во главѣ черной сотни стоятъ купцы Афанасій Смирновъ, Семеновъ, Романовъ и др. Въ Муромѣ, въ числѣ главныхъ черносотенцевъ, наряду съ исправникомъ и другими чинами полиціи, фигурируютъ кабатчикъ, хлѣботорговецъ, владѣлецъ гастрономическаго магазина, ямщикъ, рыбакъ, мѣщанскій староста и т. д. и т. д.

Эти примѣры можно было бы умножить до безконечности. Ясно во всякомъ случаѣ, что передъ нами явленіе, отнюдь не случайное. Хотя, съ другой стороны, не слѣдуетъ думать, что въ черносотенномъ движеніи, въ данномъ его фазисѣ, мы имѣемъ дѣло съ отлившимся въ прочныя формы движеніемъ опредѣленнаго слоя буржуазіи. Мы уже говорили выше о томъ, какія разнообразныя вліянія скрещивались въ этомъ случаѣ, и какую роль играли при этомъ различныя мѣстныя и временныя обстоятельства.

Этимъ и объясняется, что въ то время, какъ въ Рыбинскѣ, напр., «лица биржевого общества» являются организаторами черной сотни, въ Нижнемъ Новгородѣ, по свидѣтельству корреспондента «Начала» (№ 3), биржевики выражаютъ открытое сочувствіе «краснымъ», т. е. соціалъ-демократамъ, и оказываютъ поддержку сормовскимъ рабочимъ, идущимъ на выручку города отъ господства черной сотни, главной опорой которой въ средѣ городской буржуазіи являются мелкіе лавочники.

Затѣмъ нужно имѣть въ виду, что сила черносотеннаго движенія буржуазныхъ элементовъ города легко принимаетъ преувеличенный видъ, благодаря тому, что это движеніе происходило на фонѣ той пассивности умѣренныхъ и прогрессивныхъ слоевъ буржуазіи, о которой мы говорили выше. Въ то время, какъ въ этихъ слояхъ незамѣтно подготовлялись тѣ теченія и настроенія, которыя вполнѣ отчетливо сказались лишь впослѣдствіи на троекратныхъ выборахъ въ Государственную Думу, черносотенные элементы буржуазіи, благодаря своей связи съ люмпенъ-пролетарскими элементами, всегда склонными къ грабежу и насиліямъ, и мощной и дѣятельной поддержкѣ со стороны полиціи, общей администраціи, богатыхъ дворянъ имѣли возможность проявить самую широкую активность въ первые же дни своей политической мобилизаціи.

Правда, погромное движеніе тѣми непосредственными опасностями, которыми оно грозило жизни и имуществу городскихъ обывателей, какъ бы встряхнуло и вывело изъ бездѣятельности и болѣе прогрессивные элементы буржуазіи. Именно на періодъ усиленнаго развитія черносотенной агитаціи и погромнаго движенія падаетъ и большинство постановленій городскихъ думъ объ образованіи «комитетовъ безопасности» и организаціи «милиціи» (Москва, Харьковъ, Одесса, Казань, Черниговъ, Вильна, Томскъ, Вологда и др.). Иногда даже думы, какъ это было въ Севастополѣ, прямо поручаютъ организацію милиціи мѣстному соціалъ-демократическому комитету, иногда (Иркутскъ) рѣшаютъ вручить всю распорядительную власть общему забастовочному комитету. Но, въ общемъ, всѣ такого рода постановленія страдаютъ нерѣшительностью, непослѣдовательностью

и, какъ мы уже говорили, въ концѣ концевъ, остаются на бумагѣ. Но и для принципіальнаго протеста противъ черносотенства думы—по указаннымъ нами выше причинамъ—находятъ въ себѣ силу почти исключительно въ крупныхъ городахъ [1]). Въ мелкихъ—сколько-нибудь прогрессивная буржуазія чувствуетъ себя очевидно крайне слабой, и протесты противъ черносотенства исходятъ не изъ ея среды. Въ примѣръ можно привести посланное графу Витте протестующее заявленіе жителей города Звенигорода Кіевской губ., въ которомъ опредѣленно указывается составъ протестантовъ, а именно: «землевладѣльцы, лица свободныхъ профессій и состоящія на государственной службѣ».

При такихъ условіяхъ черносотенное движеніе въ городахъ разливается широкимъ потокомъ. Въ то же время оно претерпѣваетъ и важныя внутреннія измѣненія подъ вліяніемъ новаго фактора—крутого поворота значительной части землевладѣльцевъ направо. На ноябрьскомъ съѣздѣ землевладѣльцевъ въ Москвѣ, среди реакціонныхъ помѣщиковъ окончательно созрѣваетъ мысль объ использованіи черносотеннаго движенія въ своихъ цѣляхъ. То, что прежде уже—съ самаго возникновенія «черносотенства»—дѣлалось въ отдѣльныхъ мѣстахъ и безсистемно, то теперь должно было практиковаться въ масштабѣ всероссійскомъ и быть приведено въ стройную систему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если раньше политическую печать на черносотенное движеніе накладывали, главнымъ образомъ, полицейскіе и чиновники, заставлявшіе его служить интересамъ старой бюрократіи, то теперь оно должно было служить орудіемъ въ рукахъ дворянскаго сословія, политически объединившагося и начавшаго подчинять себѣ распатанную ударами войны и революціи бюрократію. Въ черносотенномъ движеніи выступаетъ съ этихъ поръ все болѣе планомѣрно и открыто объединенное помѣстное дворянство, сразу занимающее въ немъ, благодаря своей большей политической зрѣлости, соціальному положенію, богатству, связямъ, руководящее политическое положеніе и постепенно подчиняющее его цѣликомъ своимъ соціально-политическимъ интересамъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этой новой стадіи въ развитіи черносотенства явились депутаціи 1 и 23 декабря, въ которыхъ, наряду съ родовитыми дворянами и делегатами союза землевладѣльцевъ, участвовали купцы, крестьяне, мѣщане и представители духовенства.

Но само собою понятно, что, становясь во главѣ движенія, въ которомъ съ реакціонными элементами буржуазіи сплетаются демократическіе и люмпенскіе элементы городского населенія, дворянство не можетъ и не считаетъ нужнымъ открыто выставить свою соціально-политическую программу, какъ оффиціальное знамя новаго союза. Такимъ знаменемъ является «націонализмъ», и самая неопредѣленность этого знамени дѣлаетъ его очень удобнымъ для прикрытія тѣхъ противорѣчивыхъ интересовъ, которые ищутъ себѣ удовлетворенія въ черносотенномъ движеніи. Это знамя покрываетъ собою одинаково и стремленіе къ укрѣпленію старыхъ соціальныхъ отношеній и къ эксплоатаціи «инородческихъ» окраинъ «коренньмъ» населеніемъ, и ненависть мелкаго «православнаго» капиталиста къ крупному «иновѣрному» капиталу, и жажду возстановленія разру-

[1]) Изъ думъ крупныхъ городовъ лишь кіевская стала съ самаго начала вполнѣ опредѣленно на сторону черносотенцевъ.

шеннаго внѣшняго могущества государства, какъ выхода изъ внутреннихъ затрудненій, и пр. и пр. А въ то же время «національнзмъ» является какъ нельзя болѣе удобнымъ идеологическимъ знаменемъ для проповѣди возвращенія къ старому традиціонному «національному» политическому строю, является символомъ тяготѣнія къ «старому порядку» вообще.

Такимъ образомъ «національнзмъ» облегчилъ сплоченіе на службѣ дворянско-бюрократическимъ интересамъ самыхъ разношерстныхъ соціальныхъ элементовъ. Съ другой стороны—и это не случайность—тѣ же вопросы «національнзма», хотя и въ иной постановкѣ, явились рѣшающимъ моментомъ въ совершавшейся подъ вліяніемъ событій перегруппировкѣ общественныхъ силъ, тяготѣвшихъ къ земско-городскимъ съѣздамъ. Именно эти вопросы провели грани между различными теченіями на послѣднемъ ноябрьскомъ съѣздѣ старой земско-городской организаціи и дали толчекъ къ ея окончательному распаденію.

Какъ мы упоминали выше, «національное» знамя было поднято А. И. Гучковымъ еще на сентябрьскомъ съѣздѣ и тогда уже обнаружило свою притягательную силу для разнородныхъ элементовъ. Попытки создать партію «чистой» капиталистической буржуазіи (какъ напр. «торгово-промышленная партія») оказались эфемерными—все предшествующее развитіе русской крупной буржуазіи не подготовило еще ее къ самостоятельному политическому выступленію и не создало еще для нея прочной политической опоры въ странѣ. Наоборотъ, неопредѣленное «національнос» знамя «Союза 17 окт.» дало ему возможность сплотить въ своихъ рядахъ такіе элементы буржуазіи и землевладѣльцевъ, которые, отнюдь не желая возстановленія «стараго порядка», въ то же время были напуганы перспективами, развернутыми революціей, и соціальными требованіями пролетаріата и крестьянства, жаждали успокоенія и мирнаго развитія на основѣ обѣщаній, данныхъ въ манифестѣ 17 октября. На этой стадіи своего развитія «Союзъ 17 октября», во главѣ котораго встали А. Гучковъ, Д. Шиповъ, М. Стаховичъ, гр. Гейденъ и др., отнюдь не стремится вполнѣ солидаризироваться съ старою государственною властью, и его члены (Гучковъ, Шиповъ) отказываются отъ предложенныхъ имъ министерскихъ портфелей. Но своимъ «національнымъ» знаменемъ они свидѣтельствуютъ о своемъ нежеланіи дальнѣйшаго «крутого разрыва» съ прошлымъ, о своемъ взглядѣ на манифестъ 17 октября, какъ на предѣльный пунктъ движенія, о своей готовности поддержать старую государственную власть въ ея шагахъ по выполненію обѣщаній манифеста, о своемъ протестѣ противъ «крайностей» революціи, которая именно на окраинахъ достигла наивысшаго напряженія, и, наконецъ, о своемъ стремленіи, путемъ подпятія «національной» и военной мощи государства, задержать дальнѣйшую демократизацію политическаго строя и дальнѣйшее развитіе пролетарскаго и крестьянскаго движенія.

Сплоченной группѣ «Союза 17 октября» противостояла на съѣздѣ другая сплоченная группа «конституціонно-демократической» партіи, объединившей въ своихъ рядахъ на первыхъ порахъ, главнымъ образомъ, оставшіеся вѣрными своему знамени либерально-земскіе элементы и демократическую интеллигенцію, но въ то же время разсчитывавшей найти себѣ опору въ мелко-и-средне-буржуазныхъ массахъ города и деревни и потому все больше и больше приспособлявшей

свою программу къ выраженію общихъ интересовъ капиталистическаго развитія Россіи. Въ противоположность «октябристской» группѣ, «кадетская» отстаивала на съѣздѣ ту точку зрѣнія, что манифестъ 17 октября не есть конечный пунктъ требуемыхъ реформъ, что необходимы «гарантіи» въ видѣ немедленной отмѣны исключительныхъ положеній, введенія всеобщаго и пр. избирательнаго права, «учредительныхъ» функцій перваго народнаго представительства и перехода власти въ руки «общественныхъ дѣятелей».

Весь этотъ споръ о довѣріи или недовѣріи къ министерству Витте, какъ его можно было кратко формулировать, — покрывался, по указаннымъ выше причинамъ, «національнымъ» вопросомъ, и главныя битвы на ноябрьскомъ съѣздѣ, какъ и на сентябрьскомъ, происходили вокругъ «окраиннаго» вопроса, въ частности, вопроса объ автономіи Польши.

На съѣздѣ побѣдила кадетская группа и ея точка зрѣнія. Въ ея духѣ была составлена и записка, которую вручила премьеръ-министру депутація отъ бюро съѣздовъ и на которую Витте отвѣтилъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что, не намѣреваясь отступить ни на шагъ назадъ отъ манифеста 17 октября, правительство не сдѣлаетъ ни шагу и впередъ отъ него.

Но побѣда на съѣздѣ отнюдь еще не означала побѣды въ тѣхъ слояхъ общества, которые до тѣхъ поръ стояли за съѣздами, придавали имъ вѣсъ и значеніе. Наоборотъ. И на самомъ съѣздѣ, и въ связи съ нимъ, и немедленно послѣ его окончанія обнаружились симптомы, свидѣтельствовавшіе, что старая армія начинаетъ покидать свой штабъ, засѣдавшій на съѣздѣ подъ флагомъ к.-д. партіи, и что этому штабу предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ вербовать себѣ новую армію. Симптомы такого отпаденія сказались не только въ многочисленныхъ постановленіяхъ земскихъ и дворянскихъ круговъ, но и въ той позиціи, которую заняли многія городскія думы и торгово-промышленныя организаціи.

Лишь немногія думы высказались въ это время въ духѣ тѣхъ требованій, которыя отстаивала кадетская группа. И, наоборотъ, многія, въ лицѣ своихъ представителей на съѣздѣ или въ обращенныхъ къ съѣзду резолюціяхъ встали на точку зрѣнія тогдашнихъ «октябристовъ». Такъ, казанская дума настаивала на «немедленномъ созывѣ думы на основаніи закона 6 августа», а 800 казанскихъ гражданъ заявили, что «считаютъ необходимымъ поддержать существующее правительство и протестуютъ противъ учредительнаго собранія». Въ то же время представитель Казани на съѣздѣ заявилъ, что населеніе этого города—монархическое, желаетъ поскорѣе приступить къ устройству государства на началахъ манифеста 17 октября и всеобщихъ выборовъ не желаетъ. Делегатъ Рязани высказался, какъ и делегатъ Кронштадта, противъ учредительнаго собранія и выразилъ мнѣніе, что «лучше идти на всякіе компромиссы, чѣмъ обострять борьбу до кровавыхъ ужасовъ». Представитель Екатеринослава передалъ рѣшенія екатеринославской думы «стоять на почвѣ манифеста, не отклоняясь ни влѣво, ни вправо». Саратовскій представитель находилъ, что «настоятельная потребность минуты — порядокъ». Телеграмма астраханскаго биржевого комитета призывала съѣздъ «сплотиться вокругъ правительства на основахъ манифеста 17 октября» и т. д. и т. д. Рядъ думъ и биржевыхъ комитетовъ выразили оти-

крыто свой протестъ противъ постановленій съѣзда и заявили о своемъ довѣріи министерству Витте (кіевская, новгородская, епифанская, саратовская, тамбовская, кузнецкая и др. думы, астраханскій, рижскій, елецкій и др. биржевые комитеты, костромской комитетъ торговли и мануфактуръ и т. д.). Военныя возстанія еще больше содѣйствовали росту такого настроенія въ верхахъ напуганной развитіемъ революціи буржуазіи и, посылая адмиралу Чухнину восторженное выраженіе благодарности за подавленіе Севастопольскаго возстанія, московскій биржевой комитетъ выражалъ, конечно, не свое только настроеніе.

Такимъ образомъ, — оставляя въ сторонѣ промежуточныя образованія, не игравшія сколько-нибудь замѣтной роли, — въ трехъ различныхъ группировкахъ—черносотенной, октябристской и кадетской, одинаково сочетались, хотя и разнородные, буржуазные и землевладѣльческіе элементы. Выборы въ Думу подвинули дальше процессъ ихъ кристаллизаціи и въ то же время дали толчекъ ихъ дальнѣйшей эволюціи.

IV.

Все учрежденіе Государственной Думы было построено примѣнительно къ октябрьско-декабрьскому зениту революціоннаго движенія. Но собираться ей пришлось впервые уже въ эпоху упадка этого движенія, когда ни избирательное право, ни полномочія Думы даже въ томъ ограниченномъ видѣ, въ какомъ они были формулированы творцами положенія о Думѣ, манифеста 17 октября и закона 11 декабря, явно не соотвѣтствовали ни реальному соотношенію силъ, какое установилось въ результатѣ октябрьско-декабрьской революціи, ни тѣмъ скромнымъ реальнымъ завоеваніямъ, какія сдѣлало общественное движеніе.

Широкія массы городского и сельскаго населенія остались безправными, получили въ свое распоряженіе лишь ничтожные зародыши права организаціи и политической самодѣятельности, — зародыши, которые еще предстояло путемъ долгой, упорной и систематической борьбы развить въ цѣнное оружіе, оборонительное и наступательное. А въ то же время именно эти массы, вопреки всѣмъ несовершенствамъ закона 11 декабря 1905 г., получили возможность оказывать рѣшающее вліяніе на составъ Думы и ея политику. И наоборотъ. Тѣ реальныя права, которыми ходъ событій надѣлилъ буржуазные и землевладѣльческіе верхи общества, не находили себѣ адэкватнаго выраженія въ новорожденной «конституціи». Ея формальный «демократизмъ» не только мѣшалъ имъ отлить свои права въ прочную юридическую форму, но и угрожалъ этимъ исключительнымъ правамъ, какъ непосредственно, такъ еще больше тѣмъ, что будилъ въ «низахъ» надежды на дальнѣйшія завоеванія. А эта угроза, въ свою очередь, заставляла «верхи» умѣрять свое стремленіе къ всестороннему соціально-политическому самоопредѣленію, сглаживать свои внутренніе антагонизмы и закрѣплять ту недифференцированность буржуазныхъ и крѣпостническихъ элементовъ, которая, какъ мы видѣли, не была еще преодолѣна предшествующимъ развитіемъ.

Все это наложило рѣзкій отпечатокъ на выборы въ первую Государственную Думу. Для массъ городского населенія эти выборы были непосредственнымъ

продолженіемъ предыдущей борьбы. Разбитыя въ открытомъ бою и не успѣвшія отдать себѣ отчета въ размѣрахъ пораженія, онѣ пытались новымъ способомъ, новой концентраціей силъ—на этотъ разъ вокругъ Думы—добиться реализаціи тѣхъ правъ, которыя формально числились за ними. На борьбу съ давленіемъ администраціи и привилегированныхъ классовъ, на преодолѣніе тѣхъ препятствій, которыя ставились свободному выраженію воли избирателей, была направлена вся энергія оппозиціонныхъ слоевъ города. Въ предвыборной агитаціи чисто тактическія задачи, вопросы о способахъ использованія Думы, какъ орудія борьбы, господствовали надъ вопросами программными, вопросами точнаго опредѣленія тѣхъ цѣлей, конечныхъ и ближайшихъ, къ которымъ слѣдуетъ стремиться. Понятно, что, въ смыслѣ соціально-политическаго самоопредѣленія массъ городского населенія, такая постановка вопросовъ умаляла значеніе выборовъ. Такому умаленію способствовала и, психологически объяснимая, но политически глубоко ошибочная и порожденная иллюзіями тактика бойкота, усвоенная большинствомъ организацій «лѣвыхъ партій». Бойкотъ еще больше сосредоточивалъ избирательную агитацію вокругъ вопросовъ тактики и дѣлалъ въ глазахъ избирателей единственную оппозиціонную партію, участвовавшую въ выборахъ, кадетовъ, представительницей не столько опредѣленной программы, сколько опредѣленнаго метода борьбы. Но отрицательно бойкотистская тактика соціалистическихъ партій имѣла важное значеніе для политическаго развитія средне и мелко-буржуазныхъ слоевъ города: она ускоряла и облегчала процессъ высвобожденія ихъ изъ-подъ вліянія идейной гегемоніи пролетаріата. Впервые въ ходѣ освободительной борьбы оппозиціонному мелкому городскому населенію приходилось выступать независимо и даже въ сознанномъ антагонизмѣ съ лозунгомъ соціалистическихъ организацій.

На выборахъ въ 1-ую Думу обнаружилось съ очевидностью, что большинство городского населенія настроено оппозиціонно. По неполнымъ, но достаточно характернымъ даннымъ г. Н. А. Бородина [1]) изъ 115 депутатовъ, посланныхъ въ выборщики городскимъ населеніемъ, не менѣе 95 (если не считать 10 «безпартійныхъ» и 6 «автономистовъ») принадлежали къ оппозиціи, а изъ этого числа подавляющее большинство (83) къ к.-д.-ой фракціи, которая, такимъ образомъ, явилась на этихъ выборахъ главной выразительницей стремленій мелкаго и средняго непролетарскаго населенія городовъ. Это-же обстоятельство, въ свою очередь, наложило печать на дальнѣйшую эволюцію к.-д.-ой партіи. Мы уже указывали выше причины, по которымъ эта партія, зародившаяся какъ организація либеральныхъ помѣщиковъ и «третьяго элемента», вынуждена была въ ходѣ своего развитія искать себѣ новой опоры въ средне и мелко-буржуазныхъ слояхъ города и деревни. Выборы въ 1-ю Думу закрѣпляли эту тенденцію развитія. По даннымъ того же г. Бородина, изъ 153 опрошенныхъ имъ депутатовъ к.-д.-ой фракціи 83, т. е. больше половины, были выбраны городскими избирателями и 24—крестьянами. Изъ 74 выбранныхъ землевладѣльцами на долю к.-д.-овъ пришлось всего 24 [2])

---

[1]) Государственная Дума въ цифрахъ. Спб. 1906.

[2]) Въ качествѣ показателя настроенія населенія крупныхъ городовъ очень характерны приводимыя „Вѣстникомъ народной свободы“ цифры выборщиковъ по

Какъ ни односторонняя была постановка избирательной кампаніи, и какъ ни слабо относительно политическое самоопредѣленіе тѣхъ купеческихъ, мѣщанскихъ, ремесленныхъ и приказчичьихъ элементовъ города, на которые опиралась въ своихъ избирательныхъ побѣдахъ к.-д-ая партія, все же эта новая армія накладывала свой отпечатокъ на политическую и, быть можетъ, еще больше на соціальную программу партіи. Даже тамъ, гдѣ мелкій городской людъ, подъ вліяніемъ бурнаго развитія крестьянскаго движенія, шелъ не за к. д., а за трудовиками, слѣды его специфическихъ соціальныхъ требованій замѣтны въ тѣхъ наказахъ, которые получали депутаты. Такъ, напр., «граждане города Купянска» требуютъ «широкаго мелкаго кредита за счетъ государства». Точно такъ же «кредита за счетъ государства», и притомъ «безпроцентнаго», требуютъ «мѣщане-ремесленники» города Кузнецка, ссылающіеся на непосильные налоги и господство скупщиковъ. Они же (вспомнимъ расказанную выше аткарскую исторію) жалуются на свое устраненіе отъ «управленія городскимъ имуществомъ» и съ этой стороны подходятъ къ требованію равноправія «бѣдныхъ и богатыхъ» «въ управленіи городскимъ хозяйствомъ». Интересно также отмѣтить, что 8-часового рабочаго дня, увеличенія заработной платы, государственнаго страхованія они требуютъ лишь «для рабочихъ на *фабрикахъ и заводахъ*».

Такъ обстояло дѣло въ городскихъ «низахъ». Умѣренные «верхи» буржуазіи, успѣвшіе уже достаточно опредѣленно отмежеваться отъ «революціи» подъ знаменемъ «Союза 17 октября», вступали въ избирательную борьбу съ открыто-конституціонными заявленіями и формулированнымъ на съѣздѣ новой партіи выраженіемъ недовѣрія министерству Витте. Но съ первыхъ же шаговъ избирательной кампаніи съ очевидностью обнаружилось, что, въ общемъ, массовой опоры «Союзъ 17 октября» въ томъ видѣ, какъ онъ возникъ, найти не не можетъ. Логика положенія, внутренняя неоднородность «союза», неопредѣленность его программы и тактики, двусмысленность выкинутаго имъ «національностическаго» знамени — все это неудержимо двигало впередъ эволюцію «союза» въ направленіи, намѣтившемся уже при самомъ его зарожденіи, — въ направленіи сближенія съ реакціонными общественными и бюрократическими элементами и, въ концѣ концовъ,—особенно въ виду преобладанія тактическихъ вопросовъ,—въ ходѣ избирательной кампаніи октябристскія организаціи, за немногими исключеніями, сливались со всѣми видами черносотенныхъ въ «одну реакціонную массу», оттѣнки которой были съ трудомъ доступны рядовому избирателю.

Такая позиція октябризма подготовляла существенныя измѣненія въ группировкѣ соціальныхъ элементовъ внутри самого «союза 17 октября»: отхожденіе отъ него болѣе прогрессивныхъ элементовъ умѣренной крупной буржуазіи, присоединеніе новыхъ слоевъ менѣе «дикаго» реакціонаго землевладѣнія, обиль-

---

20 городамъ съ отдѣльнымъ представительствомъ (цит. по книгѣ В. Обнинскаго— „Полгода русской революціи", 1906 г. с. 177). Изъ 1761 выборщиковъ 1468 прошли по к-д- списку, 128—„союза 17 октября", 32—торгово-пром. партіи, 76—правыхъ партій. Неопредѣленныхъ „погрессистовъ" было 32, а безпартійныхъ—25. Возможныя неточности въ опредѣленіи партійности выборщиковъ, конечно, не могутъ существенно измѣнить общей картины.

*

ный притокъ членовъ изъ рядовъ средняго чиновничества. А наряду съ симпатіями этихъ новыхъ вліятельныхъ элементовъ, и неудачи открытаго выступленія передъ избирателями на почвѣ октябрьско-декабрьской конституціи усиливали тяготѣніе «союза» къ сближенію съ государственною властью, какъ наилучшему, при данныхъ условіяхъ, средству для огражденія представленныхъ «союзомъ» политическихъ и соціальныхъ интересовъ.

Однородную съ октябризмомъ эволюцію переживали и городскія думы, въ которыхъ объединеніе части крупной буржуазіи, землевладѣльцевъ и «служилой» интеллигенціи могло составить прочное контръ-революціонное большинство. Лишь немногія думы—и не только мелкихъ, но и крупныхъ городовъ—сохранили къ этому времени сколько-нибудь прогрессивный характеръ. Крайне немногочисленны, напр., случаи обращенія городскихъ думъ къ государственной съ выставленіемъ хотя бы такихъ элементарныхъ политическихъ требованій, какъ амнистія и отмѣна смертной казни. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ думахъ, отрѣзанныхъ высокимъ цензомъ отъ массы городского населенія, замираетъ и вообще политическая жизнь, едва начавшая складываться вокругъ нихъ за 1905 годъ. Въ лицѣ своихъ исполнительныхъ органовъ—городскихъ управъ и головъ—думы дѣйствуютъ во время выборовъ рука объ руку съ администраціей и, въ лучшемъ случаѣ, молчаливо санкціонируютъ всѣ предвыборныя стѣсненія и искаженія избирательнаго процесса. И въ то время, какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Лодзи и другихъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ фабриканты и заводчики организуются уже съ прямою цѣлью борьбы со стачками и устройства локаутовъ, думы начинаютъ усиленно рѣшать свой собственный «рабочій вопросъ»: у городскихъ рабочихъ и служащихъ отбираются одно за другимъ завоеванія, сдѣланныя ими въ предшествующую эпоху, и постепенно подготовляется ликвидація помощи безработнымъ, служившей въ свое время выраженіемъ, если не сочувствія, то хоть нейтралитета представленныхъ въ думахъ цензовыхъ элементовъ по отношенію къ освободительной борьбѣ пролетаріата. Эта помощь окончательно ликвидируется въ періодъ перваго «междудумья».

V.

Первая Государственная Дума пала жертвою конфликтовъ, неизбѣжныхъ при несоотвѣтствіи между формальною конституціею и реальнымъ соотношеніемъ силъ въ странѣ. Одну сторону этого несоотвѣтствія мы уже отмѣчали выше. Опубликованіе «основныхъ законовъ» почти наканунѣ открытія засѣданій Государственной Думы подчеркнуло съ перваго же дня ея существованія другую сторону—несоотвѣтствіе между формальными правами народнаго представительства и его дѣйствительною силою по отношенію къ старой государственной власти. А дѣятельность Думы и связанное съ нею общее политическое оживленіе сильно обостряли всѣ внутреннія противорѣчія создавшагося положенія и дѣлали ихъ доступными сознанію все болѣе широкихъ круговъ.

При общемъ упадкѣ революціоннаго настроенія, все населеніе, вообще, и, въ особенности, городское сдѣлало за этотъ періодъ, несомнѣнно, крупный

шагъ впередъ въ своемъ политическомъ развитіи. Роспускъ Думы, какъ извѣстно, не вызвалъ сколько-нибудь широкаго народнаго движенія. Передъ очевидностью факта исчезали иллюзорныя надежды на близость новаго пролетарско-крестьянскаго «выступленія». Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялось и отношеніе къ Думѣ.

Выбирая въ первую думу, рядовой городской избиратель нерѣдко смотрѣлъ на депутатовъ, какъ на людей, которые предъявятъ правительству ультиматумъ и въ случаѣ отверженія его будутъ немедленно поддержаны взрывомъ массоваго движенія. Теперь, при выборахъ во 2-ую Думу, представленіе о роли ея стало, какъ будто, менѣе опредѣленнымъ. Какъ должна дѣйствовать Дума,— этотъ вопросъ оставался темнымъ, и на самихъ депутатовъ ихъ избиратели смотрѣли часто, какъ на «обреченныхъ», перенося съ себя на нихъ всю тяжесть борьбы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начало возникать сознаніе необходимости систематической и прочной организаціи на мѣстахъ для отстаиванія своихъ интересовъ. Какъ ни элементарны были зачатки такой организаціонной работы въ не-пролетарскихъ слояхъ города (главнымъ видомъ такихъ организацій были, на первыхъ порахъ, потребительскія общества, кредитныя товарищества и т. п.), въ процессѣ соціальнаго и политическаго самоопредѣленія аморфнаго городского населенія значеніе ихъ было велико.

Еще большее значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что, наряду съ продолжающимися страстными дебатами по тактическимъ вопросамъ, дѣятельность первой Думы и избирательная кампанія во вторую начинали, хотя пока еще въ очень общихъ чертахъ, ставить передъ избирателями вопросы и программные. Въ этомъ отношеніи независимо отъ своей обще-политической цѣнности—важную роль сыграло вступленіе соціалистическихъ партій въ избирательную борьбу.

Что городское населеніе въ массѣ своей настроено оппозиціонно, на этотъ счетъ никакого сомнѣнія быть не могло. Сенатскія «разъясненія», стремившіяся подрѣзать вліяніе пролетарскихъ элементовъ, интеллигенціи и городской бѣдноты на исходъ выборовъ по городской куріи, въ общемъ, цѣли не достигли. Убыль числа избирателей въ результатѣ этихъ «разъясненій» была съ избыткомъ покрыта усиленнымъ участіемъ въ выборахъ. Такъ, въ 18 городахъ [1]) (въ томъ числѣ 6 съ отдѣльнымъ представительствомъ), благодаря сенатскимъ «разъясненіямъ», стало вмѣсто 319.200 избирателей лишь 272.200. Несмотря на это къ избирательнымъ урнамъ явилось на выборахъ въ 1-ую Думу— 161.400 избирателей (50,5%), во вторую—161.760 (59,4%). При этомъ, для характеристики политическаго развитія, интересно отмѣтить, что участіе въ избирательной борьбѣ усилилось въ мелкихъ городахъ (съ 40,5 до 51,5, т. е. на 11%) больше, чѣмъ въ крупныхъ (съ 52,1% до 60,8%, т. е. на 8,1%).

По даннымъ о 80 городахъ изъ 318.975 голосованій [2]) на долю оппозиціи приходится 218.809 или 68,6% (въ томъ числѣ к.-д.—86.188, блокъ всѣхъ оппоз. партій—83.117 и «лѣвые»—49.504), на долю контръ-революю-

---

[1]) Эти и ниже слѣдующія цифровыя данныя о выборахъ во 2-ую думу взяты нами изъ книги А. Смирнова: „Какъ прошли выборы во 2-ю г. д.". Спб. 1907.

[2]) Число голосованій, какъ извѣстно, не совпадаетъ съ числомъ голосующихъ, такъ какъ одному избирателю приходится нерѣдко подавать голосъ за нѣсколько выборщиковъ.

ціонныхъ и реакціонныхъ партій—100.166 или 31,4% (октябристы— 47.592, правые—41.927, блокъ—10.647).

Въ результатѣ изъ 1.305 городскихъ выборщиковъ въ губернскихъ избирательныхъ съѣздахъ оппозиціонныхъ оказалось 1.099, или 84,3% (въ томъ числѣ к.-д.—501, «лѣвыхъ»—315 и неопредѣленныхъ «прогрессистовъ»—283), октябристовъ же (55), правыхъ (119) и умѣренныхъ (11) всего 185. На долю «безпартійныхъ» пришлось 21. Въ городахъ съ прямымъ представительствомъ было выбрано 15 к.-д. и 2 примыкающихъ къ нимъ, 4 с.-д., 3 трудовика, 3 польскихъ народовца, 2 октябриста, 2 правыхъ, 1 нар. соц. и 1 польскій прогрессистъ [1]).

Для характеристики условій и тенденцій политическаго развитія городского населенія Россіи въ высшей степени интересны данныя о партійномъ распредѣленіи городскихъ выборщиковъ по районамъ [2]).

РАЙОНЪ.	Правые.	К.-д. и прогрес.	Лѣвые.	Безпарт.
Сѣверъ	26%	60%	13%	1%
		73%		
Моск. Влад. промышл. . .	32%	57%	11%	—
		68%		
Центр. землед.	22%	65%	9%	4%
		74%		
Югъ	6%	62%	28%	4%
		90%		
Сѣв.-Зап.	16%	51%	31%	2%
		82%		
Поволжье	13%	35%	52%	—
		87%		
Уралъ	8%	40%	52%	—
		92%		
Сибирь и Ср. Азія	7%	15%	75%	3%
		90%		
Кавказъ	3%	13%	77%	7%
		90%		

[1]) Разумѣется, что, оцѣнивая всѣ цифровыя данныя о выборахъ въ думу, нельзя упускать изъ виду разносторонняго воздѣйствія администраціи, направленнаго къ усиленію „правыхъ“ и ослабленію „лѣвыхъ“ элементовъ.

[2]) Заимствуемъ эти данныя изъ статьи Л. Мартова: „Передъ новой думой“ въ сборникѣ „Отголоски“ № 4, Спб. 1907. Надо имѣть въ виду, что цифры, которыми пользовался Мартовъ, не вполнѣ совпадаютъ съ приведенными нами цифрами изъ

Эта таблица наглядно показываетъ бо́льшую оппозиціонность городского населенія на окраинахъ и югѣ—въ районѣ болѣе высокаго уровня экономическаго и соціальнаго развитія. То же наблюдается на Уралѣ, гдѣ на весь укладъ жизни налагаетъ свой отпечатокъ пролетарское движеніе, съ одной стороны, рѣзкій антагонизмъ къ тѣсно связанному съ государственной властью и поддерживаемому ею полу-крѣпостническому, посессіонному землевладѣнію, съ другой. То же, наконецъ, и въ Поволжьѣ, гдѣ оппозиціонность мелкаго городского населенія поддерживается быстрой ломкой традиціонныхъ соціальныхъ отношеній подъ напоромъ капиталистическаго товарооборота и давленіемъ аграрнаго движенія, именно въ Поволжьѣ принявшаго особенно широкіе размѣры. Во всѣхъ этихъ районахъ не только 90 и больше % городскихъ выборщиковъ принадлежатъ къ оппозиціи, но и въ средѣ этой оппозиціи господствующее мѣсто занимаютъ «лѣвые»—с. д.-ы въ районахъ съ сильнымъ пролетарскимъ движеніемъ, народническія группы различныхъ оттѣнковъ—въ районахъ преимущественно аграрнаго движенія. И въ с.-д-ахъ, и въ народникахъ мелкій городской избиратель видитъ, очевидно, прежде всего, послѣдовательныхъ демократовъ, опирающихся на широкія массы. К.-д-ая партія и по своей программѣ, и по своей тактикѣ, и, больше всего,—по своему общему «настроенію», не удовлетворяетъ въ эту эпоху мелкое городское населеніе этихъ районовъ. За то за нее голосуютъ здѣсь буржузные «верхи», и это, разумѣется, вноситъ новые противорѣчивые элементы въ сложную по своему соціальному составу к.-д. партію, налагаетъ новый отпечатокъ на ея идеологію и ея дальнѣйшую эволюцію. Черносотенные элементы въ этихъ районахъ играютъ роль ничтожную. Подъ знаменемъ реакціи собираются лишь «люмпенскіе» и явно паразитическіе слои городского мѣщанства, тѣсно связанные съ реакціонными общественными «верхами», бюрократіею и полиціею. По вѣрному замѣчанію Л. Мартова, «элементы дѣйствительной соціальной реакціи, заключающіеся во всякой мѣщанской средѣ, здѣсь еще скрыты, придавленные гнетомъ стараго порядка и необходимостью дружной борьбы противъ него». Противорѣчіе между сравнительно высокимъ уровнемъ соціально-экономическаго развитія этихъ районовъ и отсталыми политическими формами, обостренными контръ-революціоннымъ терроромъ, очевидно, сильно даютъ себя знать. И только въ Поволжьѣ сравнительно высокій процентъ правыхъ выборщиковъ указываетъ, что въ торговыхъ приволжскихъ городахъ «старый порядокъ» имѣетъ кое-какую соціальную опору.

Переходный типъ представляетъ сѣверно-западный районъ, гдѣ соціально-политическая борьба сплетается съ борьбою національной, и гдѣ національное меньшинство, особенно русское, легко идетъ на союзъ съ силами стараго порядка» и поставляетъ кадры «правыхъ» избирателей.

Другую картину представляетъ коренной русскій «центръ» и сѣверъ. Правые выборщики здѣсь тоже въ меньшинствѣ, но цифры ихъ достаточно внушительны. Въ отсталыхъ соціально-экономическихъ условіяхъ этихъ районовъ, ре-

---

книги А. Смирнова. По даннымъ Мартова изъ 1.286 городскихъ выборщиковъ на долю оппозиціи приходилось 1.078 или 83,5% (к.-д. и прогрессисты—654 или 51%, „лѣвые“—424 или 33%), на долю правыхъ и умѣренныхъ партій—179 или 14% и безпартійныхъ 29 или 2%.

акція нашла еще, очевидно, достаточно обильную пищу, и черносотенное движеніе носитъ въ значительной мѣрѣ «почвенный» характеръ [1]). Здѣсь значительная часть крупной буржуазіи голосовала за «правыя» и «умѣренныя» партіи, и, наоборотъ, кадеты явились представителями городской мелкоты, что конечно, въ общемъ повышало ихъ «лѣвость» по сравненію съ другимъ крыломъ к. д., выбраннымъ въ другихъ районахъ и другими соціальными пластами.

Какъ видно изъ предыдущаго, не только мелкая и средняя, но и крупная буржуазія въ эту эпоху отнюдь не собрала своихъ главныхъ силъ подъ знаменемъ одной какой-либо партіи. Въ частности, такой партіей отнюдь не стали октябристы. Они, несомнѣнно, ставили себѣ цѣлью объединить въ своихъ рядахъ умѣренные элементы буржуазіи и землевладѣльцевъ, но, какъ мы уже указывали, логика занятой ими позиціи толкала ихъ въ другую сторону — прежде всего, къ союзу съ государственною властью, у которой они искали опоры въ борьбѣ противъ демократіи. Фактически на этой почвѣ стояли октябристы уже на выборахъ въ первую Думу, вопреки заявленіямъ своей собственной избирательной платформы. Опытъ этихъ выборовъ и думской дѣятельности, какъ и давленія тѣхъ новыхъ элементовъ, которые, какъ мы уже говорили, начали собираться подъ ихъ знаменемъ, заставилъ ихъ сдѣлать дальнѣйшій рѣшительный шагъ по этому пути. Уже вскорѣ послѣ роспуска первой Думы, появляется письмо А. И. Гучкова къ князю Е. Н. Трубецкому съ одобреніемъ правительственной программы, какъ дающей почву для «мирнаго соглашенія» общественныхъ группъ съ правительствомъ. Военно-полевые суды—мѣра, въ которой занятая правительствомъ позиція нашла наиболѣе яркое выраженіе,— признаются необходимыми и выставляется общій тезисъ: «революція, а не правительство является помѣхой къ обновленію нашего отечества».

Этотъ тезисъ пріобрѣтаетъ особый политическій смыслъ потому, что имъ отрицается не только революція послѣ 17 октября, но въ отличіе отъ предшествующей позиціи октябристовъ—и все то общественное и народное движеніе, которое привело къ написанному на знамени «Союза 17 октября» манифесту. Не въ этомъ манифестѣ, а въ Булыгинскомъ положеніи 6-го августа видитъ теперь лидеръ октябристовъ тотъ пунктъ, на которомъ общественное движеніе должно было остановиться раньше, чѣмъ вызвало и поддержало революціонную вспышку народныхъ массъ. По утвержденію А. И Гучкова, все то положительное, что принесло дальнѣйшее движеніе — «демократизація избирательнаго права и расширеніе правъ народнаго представительства»,—«было намъ обезпечено и черезъ посредство Думы 6 Августа». И вождь октябристовъ призываетъ круто порвать съ прошлымъ «политическимъ прекраснодушіемъ», ибо «когда пробилъ часъ призыва общества къ суровому государственному дѣлу, оказалось, что мы и шагу ступить не могли, не вступая въ противорѣчіе съ нашимъ прошлымъ». Такова была платформа «Союза 17 оятября», съ которою онъ вы-

[1]) Въ качествѣ иллюстраціи можетъ служить, напр., избіеніе въ Вологдѣ, въ 1906 году, рабочихъ, праздновавшихъ 1 мая, толпою, состоявшею изъ крестьянъ, пріѣхавшихъ на базаръ и озлобленныхъ закрытіемъ лавокъ, и мѣстныхъ лабазниковъ.

ступилъ на новыхъ выборахъ, и которая означала не «мирное соглашеніе» съ правительствомъ,—для этого не было на лицо двусторонности принимаемыхъ обязательствъ, а переходъ къ его безповоротной поддержкѣ.

Этотъ переходъ отразился и на позиціи, занятой въ избирательной кампаніи городскими думами. Городскія управы еще болѣе открыто и опредѣленно, чѣмъ на выборахъ въ 1-ю Думу, дѣйствуютъ почти повсемѣстно въ тѣсномъ союзѣ съ администраціею.

Но рѣшительный поворотъ октябризма не ограничился сближеніемъ съ государственною властью. Сама власть къ этому времени уже существенно измѣнила свой характеръ, подпавъ цѣликомъ подъ вліяніе реакціоннаго дворянства. Дворянскій съѣздъ, собравшійся въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1906 года, намѣтилъ уже всю ту систему мѣропріятій, начиная отъ военно-полевыхъ судовъ и кончая аграрнымъ законодательствомъ, которая была впослѣдствіи осуществлена министерствомъ Столыпина. Ставя свои силы на службу правительству, «союзъ 17-го октября» тѣмъ самымъ подчинилъ свою политику, прежде всего интересамъ реакціоннаго землевладѣльческаго дворянства. Это не только помѣшало «союзу» стать центромъ политическаго сплоченія сколько-нибудь широкихъ слоевъ буржуазіи, но и привело къ выдѣленію въ мало-активную партію «мирнаго обновленія» части крупно-буржуазныхъ (Г. Крестовниковъ и др.) и земскихъ (гр. Гейденъ, Д. Шиповъ и др.) элементовъ, ставшихъ ранѣе подъ его знамя. «Капиталистамъ не хочется истратить на борьбу со смутой и нѣсколькихъ сотенъ тысячъ», — жаловался М. Меньшиковъ на пассивное отношеніе крупной буржуазіи къ избирательной кампаніи октябристовъ [1]).

Но и вообще этотъ періодъ отмѣченъ сравнительно пассивнымъ отношеніемъ крупной буржуазіи къ открытой политической дѣятельности, поскольку она находила выраженіе въ Государственной Думѣ и концентрировалась вокругъ нея. Отказъ отъ демократизма и прямая борьба съ демократіей—прежде всего, въ лицѣ рабочаго класса—умаляли силу сопротивленія самой буржуазіи давленію государственной власти и дворянства. Соціально-политическія условія страны еще далеко не созрѣли для того, чтобы позволить собрать подъ открыто-буржуазною политическою программою сколько-нибудь значительной силы. Да и самая программа эта еще не была выработана, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Нуженъ былъ, очевидно, еще долгій процессъ перерожденія соціальной структуры Россіи и политической выучки самой буржуазіи, едва начавшей освобождаться изъ подъ идейной власти стараго дворянско- земскаго либерализма, чтобы сдѣлать возможнымъ возникновеніе самостоятельной крупно-буржуазной партіи.

Крупная буржуазія временно какъ бы сходитъ съ открытой политической сцены, сосредоточиваетъ свои усилія на созданіи мѣстныхъ и областныхъ, а вскорѣ (1906 г.) и всероссійской, организаціи для защиты промышленныхъ и торговыхъ интересовъ, прибѣгая снова къ закулисному воздѣйствію на государственную власть. По внѣшности, это—какъ бы возвратъ къ старому. На самомъ дѣлѣ, это—зародышъ новаго. Предметомъ закулиснаго столкновенія съ

---

[1]) „Новое Время“, 20 окт. 1906 г.

правительствомъ начинаютъ все больше становиться не отдѣльныя и несвязанныя между собой ходатайства о льготахъ, тарифахъ, казенныхъ заказахъ, какъ это было прежде, а цѣлостная экономическая программа, постепенно вырабатываемая организаціями буржуазіи. Русская буржуазія впервые начинаетъ выступать передъ государственною властью, какъ классъ — хотя пока только въ сферѣ экономическихъ интересовъ своихъ, удовлетворенія которыхъ она пытается добиться, не покушаясь на установившійся политическій порядокъ. И такой же ареной не политическаго воздѣйствія на государственную власть, а столкновенія съ нею является для крупной буржуазіи и Государственный Совѣтъ, гдѣ промышленность и торговля имѣютъ своихъ представителей.

Совершенно иной характеръ имѣетъ въ это время, по внѣшности сходная, организація реакціоннаго дворянства. Оно имѣетъ прочную политическую основу въ земскомъ самоуправленіи и тѣсно связано со всѣмъ правительственнымъ персоналомъ. И въ то время, какъ всероссійская организація крупной буржуазіи—съѣзды представителей промышленности и торговли—не выходятъ въ своей дѣятельности за предѣлы экономической и финансовой программы, всероссійская организація дворянства, какъ и его мѣстныя организаціи, равно какъ и земскіе съѣзды новой формаціи, выдвигаютъ на первую очередь, наряду съ аграрнымъ законодательствомъ, политическія требованія. Такъ, еще въ маѣ 1906 года, во время засѣданій 1-й Думы, всероссійскій дворянскій съѣздъ въ своемъ адресѣ открыто выступаетъ противъ принудительнаго отчужденія земли и противъ «всемогущей силы международнаго капитала», которому такое отчужденіе пойдетъ на пользу. А тульское дворянство еще до созыва 2-ой Думы, въ телеграммѣ отъ 14 октября 1906 года, «дерзаетъ выразить убѣжденіе, что совершенно необходимо измѣненіе избирательнаго закона». Въ то же время дворянство организуетъ въ защиту своихъ политическихъ требованій черносотенныя организаціи, въ которыхъ, какъ мы говорили, оно заняло къ этому времени руководящее положеніе.

Въ результатѣ новый избирательный законъ 3 іюня 1907 годо цѣликомъ удовлетворилъ требованія дворянства. Онъ урѣзалъ избирательныя права крестьянъ и горожанъ—особенно мелкихъ—и не только далъ землевладѣльцамъ абсолютное преобладаніе въ губернскихъ съѣздахъ (по 49 губерніямъ 2594 выборщика изъ 5025), но и въ предѣлахъ землевладѣльческой куріи обезпечилъ перевѣсъ крупнымъ землевладѣльцамъ надъ мелкими. Выдѣленіе богатаго городского населенія въ особую курію съ сравнительно малымъ числомъ выборщиковъ (по 53 губерніямъ 788) не могло вознаградить крупной буржуазіи за привилегіи, данныя дворянству: она пожинала плоды своего политическаго абсентеизма и предательства.

VI.

Исходъ выборовъ въ 3-ю Думу былъ предрѣшенъ избирательнымъ закономъ 3 іюня. Землевладѣльцы всесторонне учли предоставленныя имъ привилегіи, давъ изъ своей среды 77% (1909 изъ 2469, о которыхъ имѣются свѣдѣнія) [1]) правыхъ, умѣренно-правыхъ и октябристскихъ выборщиковъ и оказавъ

[1]) Цифры, заимствованныя изъ „Рѣчи“, цитированы нами по ст. Н. Іорданскаго—„Вопросы текущей жизни“, „Совр. Міръ“, ноябрь 1607 г.

существенное вліяніе на выборъ депутатовъ изъ числа выборщиковъ другихъ курій.

Но исходъ выборовъ еще ничего не говорилъ объ измѣненіяхъ въ тенденціи тѣхъ процессовъ политическаго самоопредѣленія, которыя намѣтились въ населеніи въ предшествующій періодъ. Такія измѣненія, быть можетъ, слѣдуетъ констатировать въ нѣкоторыхъ слояхъ крестьянства (43% правыхъ, умѣренно-правыхъ и октябристскихъ выборщиковъ: 467 изъ 1096), для котораго эта эпоха полнаго крушенія прежнихъ формъ аграрнаго движенія и связанныхъ съ нимъ надеждъ на Думу, эпоха крутого соціальнаго кризиса деревни подъ напоромъ закона 9-го ноября 1906 г., была, дѣйствительно, эпохой перелома. Про городское населеніе сказать этого нельзя. Для него рѣшающимъ моментомъ въ ходѣ политическаго самоопредѣленія былъ роспускъ не 2-ой, а первой Думы. Просматривая партійное распредѣленіе городскихъ выборщиковъ на выборахъ въ 3-ю Думу, приходится констатировать, что политическое развитіе городского населенія продолжало идти по намѣтившемуся уже руслу, хотя, въ силу особенностей закона 3 іюня, и не получало достаточнаго выраженія въ окончательныхъ результатахъ выборовъ въ партійномъ составѣ Думы. Такъ, 2-я городская курія, курія мелкихъ избирателей, дала 405 оппозиціонныхъ выборщиковъ (76%) изъ 533 и лишь 101 (19%) правыхъ, умѣренно правыхъ и октябристовъ (безпартійныхъ и неизвѣстныхъ—27). А въ средѣ оппозиціи, по прежнему, главное мѣсто занимаютъ кадеты (209) съ примыкающими къ нимъ «прогрессистами» (96). «Лѣвые» провели 100 выборщиковъ. Быть можетъ, еще характернѣе результаты выборовъ по 1-ой городской куріи, вмѣщающей въ себя, наряду съ дворянскими и чиновничьими элементами, также и крупную городскую буржуазію. Правые, умѣренные октябристы и народовцы завоевали очень видную долю числа выборщиковъ этой куріи, но все же меньше половины (306 изъ 701 или 43%); въ то же время оппозиціонныхъ выборщиковъ оказалось 359, или 52%, причемъ на долю «лѣвыхъ» пришлось всего 38 выборщиковъ (5%), всѣ же остальные оппозиціонные выборщики принадлежали къ к.-д. (194) и прогрессистамъ (127).

Въ этихъ цифрахъ съ наглядностью проявляется уже неоднократно отмѣченный нами характеръ политической эволюціи непролетарскаго городского населенія, какъ и характеръ эволюціи тѣхъ двухъ главныхъ партій—к.-д. и октябристовъ, которыя претендовали на его политическое представительство: все большій помѣщичье-чиновничій уклонъ октябризма, и все болѣе *городской* характеръ кадетизма. На выборахъ въ 3-ю Думу землевладѣльческая курія дала лишь 5% (133) кадетскихъ выборщиковъ, а крестьянская—лишь 4% (43 изъ 1096). Въ то-же время еще разъ подчеркивается и двойственный характеръ к.-д., какъ городской партіи: въ ней находятъ свое политическое выраженіе и верхніе и нижніе слои непролетарскаго городского населенія. Это свидѣтельствуетъ объ относительно малой политической дифференцированности этого населенія, о зачаточномъ періодѣ его политическаго самоопредѣленія, или, по крайней мѣрѣ, о различной степени этого самоопредѣленія въ разныхъ районахъ, затрудняющей объединеніе однородныхъ слоевъ буржуазіи въ самостоятельную политическую силу.

Отличительною чертою этихъ выборовъ, по сравненію съ предшествующими, былъ сильный абсентеизмъ. Въ значительной степени онъ обусловливался самою системою выборовъ по закону 3 іюня, дѣлавшихъ для оппозиціонныхъ избирателей почти безнадежною попытку завоевать себѣ большинство въ будущей Думѣ. Но въ немъ сказывалась и та а-политическая тенденція буржуазныхъ классовъ, которую мы отмѣчали выше. Избирательный абсентеизмъ являлся показателемъ абсентеизма и политическаго, подъ покровомъ котораго происходилъ глубокій переворотъ въ соціальныхъ отношеніяхъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ міросозерцаніи широкихъ слоевъ населенія. И эти отношенія, и это міросозерцаніе начали пріобрѣтать все болѣе опредѣленный *буржуазный* характеръ вопреки политическому торжеству дворянства и старой государственной власти.

Этотъ процессъ трудно прослѣдить въ низахъ городского населенія, гдѣ онъ протекаетъ очень сложно, противорѣчиво и недостаточно отмѣчается текущей прессой, какъ недостаточно отмѣчается ею и вся незамѣтная жизнь городскихъ низовъ. Но онъ сказывается въ измѣненіи навыковъ мышленія и умственныхъ запросовъ мѣщанской, мелкоторговой и ремесленной среды и находитъ свое политическое выраженіе, между прочимъ, въ быстромъ разложеніи мѣстныхъ черносотенныхъ организацій, которыя раньше въ этой именно средѣ городского населенія черпали свой человѣческій матеріалъ. Это разложеніе ускоряется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по мѣрѣ затиханія революціоннаго движенія, дворянство и бюрократія, въ свою очередь, начинаютъ чувствовать значительныя неудобства отъ тѣснаго общенія съ демократическими массами, заставляющими своихъ руководителей прибѣгать, хотя бы въ интересахъ демагогіи, къ такимъ пріемамъ агитаціи и къ такимъ методамъ дѣйствія, которые подрываютъ тотъ самый политическій порядокъ, на службу которому должно было быть поставлено черносотенное движеніе.

Новый базисъ для теченій опредѣленно буржуазнаго характера создается въ крестьянствѣ подъ вліяніемъ того потрясенія, которое внесено въ соціальныя отношенія деревни аграрнымъ движеніемъ 1905—1906 года и послѣдовавшимъ за нимъ аграрнымъ законодательствомъ. Усиленная мобилизація какъ дворянскихъ, такъ и государственныхъ и надѣльныхъ земель, ускоривъ процессъ пролетаризаціи значительной части крестьянства, создаетъ въ то же время въ деревнѣ постепенно слой собственниковъ, ставящихъ свои хозяйства на вполнѣ буржуазныя основанія, предъявляющихъ спросъ на буржуазную идеологію и, въ свою очередь, накладывающихъ на эту идеологію свой отпечатокъ [1]).

Съ особенною отчетливостью выяснилось за это время политическая позиція крупной и примыкающей къ ней средней торгово-промышленной буржуазіи. Мы уже говорили выше о причинахъ, породившихъ у этихъ слоевъ буржуазіи равнодушіе къ открытой политической дѣятельности и тенденцію отстаивать свои классовые интересы, опираясь на экономическія организаціи и прибѣгая къ непосредственному воздѣйствію на правительство. И, дѣйствительно, мы напрасно

[1]) Это новое явленіе деревенской жизни неоднократно отмѣчалось уже въ литературѣ. См., напр., статью Аникина „Чего проситъ деревня?“ въ „Вѣст. Европы“, февраль 1909 г., или ст. Ив. Коновалова „Новый помѣщикъ“ въ „Русск. Богатствѣ“, сентябрь 1909 г.

будемъ искать въ Государственной Думѣ группы, которая выражала бы послѣдовательно и систематически политическую точку зрѣнія русской капиталистической буржуазіи. Болѣе опредѣленно эта точка зрѣнія выдвигается въ Госуд. Совѣтѣ, гдѣ существуетъ особая торгово-промышленная группа [1]). Но и эта группа выступаетъ почти исключительно по вопросамъ, имѣющимъ непосредственное хозяйственное значеніе, а не по вопросамъ обще-политическимъ. Главной же ареной самодѣятельности капиталистической буржуазіи остаются съѣзды представителей промышленности и торговли, а также различныя правительственныя комиссіи, въ которыя приглашаются делегаты отъ промышленниковъ и торговцевъ. Тутъ именно капиталистическая буржуазія пытается выработать и провести въ жизнь свою экономическую программу, не затрагивая установившагося политическаго порядка.

Добиваясь льготныхъ условій промысловаго обложенія, крѣпко держась за протекціонный таможенный тарифъ, отстаивая въ области рабочаго вопроса «свободу договора», свободу организаціи и экономической борьбы и возставая противъ законодательной охраны труда, капиталистическая буржуазія требуетъ въ то же время созданія внѣшнихъ условій, благопріятныхъ для развитія промышленности и торговли. Выработанная третьимъ съѣздомъ представителей торговли и промышленности (1908 г.) экономическая программа выдвигаетъ на первый планъ развитіе желѣзнодорожныхъ и водныхъ путей сообщенія, организацію кредита вообще и муниципальнаго въ особенности, развитіе всевозможныхъ «кооперацій» (въ смыслѣ самочинныхъ хозяйственныхъ организацій) и освобожденія ихъ отъ стѣсненій со стороны администраціи. На службу этой хозяйственной программѣ должна быть поставлена и финансовая политика: сокращеніе непроизводительныхъ расходовъ (куда относятся и такіе, какъ постройка Амурской ж. д., броненосцевъ и т. п.) и развитіе заемныхъ операцій съ указанными выше производительными цѣлями. Въ какихъ размѣрахъ рисуются эти финансовыя операціи, видно, между прочимъ, изъ замѣчанія органа Совѣта Съѣздовъ [2]), мечтающаго о привлеченіи «въ теченіе ближайшихъ 10 лѣтъ 10 милліардовъ рублей» иностраннаго капитала. Одновременно дѣлаются попытки развить экспортъ и такимъ путемъ освободить промышленность и торговлю отъ тѣхъ путъ, которыя налагаютъ на ея развитіе недостаточность внутренняго рынка, связанная какъ съ методами дворянско-бюрократическаго рѣшенія аграрнаго вопроса, такъ и съ общимъ политическимъ положеніемъ.

Но предѣлы, въ которыхъ политически господствующія силы могутъ идти на встрѣчу хозяйственнымъ потребностямъ капитализма, оказываются крайне

[1]) „Пром. и Торговля“ (1909 г., № 13) пишетъ по этому поводу: „наша Нижняя Палата построена по системѣ курій. Въ ней имѣетъ своихъ представителей землевладѣніе, крестьянство, горожане и рабочій классъ. А представительство промышленности и торговли совсѣмъ забыто... Господствующимъ классомъ въ нашей Нижней Палатѣ является то же помѣстное дворянство, что и въ земствахъ, чуждое всему тому, что волнуетъ, тревожитъ и радуетъ промышленность и торговлю. ...Торгово-промышленная курія въ Государственномъ Совѣтѣ является, при настоящемъ положеніи дѣлъ, единственной отдушиной для нашего торгово-промышленнаго класса“.

[2]) „Пром. и Торг.“ 1909 г. № 1.

узкими. Тѣсно связанныя между собой гипертрофія милитаризма, господство бюрократіи и финансовая поддержка дворянства поглощаютъ такія колоссальныя денежныя средства, что дѣлаютъ совершенно невозможнымъ реформированіе бюджета въ желательномъ для буржуазіи направленіи. Тѣ же факторы стоятъ непреодолимымъ препятствіемъ на пути къ созданію такихъ культурно-правовыхъ условій, которыя необходимы для болѣе или менѣе нормальнаго развитія капиталистическаго хозяйства. Наконецъ, они же, какъ показалъ ходъ событій на Балканскомъ полуостровѣ и въ Персіи, осуждаютъ государство на безсиліе въ области внѣшней политики, а, слѣдовательно, уменьшаютъ и безъ того малые шансы русской промышленности и торговли на завоеваніе внѣшнихъ рынковъ.

Тѣ шаги (напр. въ сферѣ вопросовъ промысловаго обложенія и рабочей политики), которые существующій политическій режимъ дѣлаетъ навстрѣчу пожеланіямъ капиталистической буржуазіи, не могутъ ни въ малѣйшей степени замѣнить выработанной ею экономической программы. И даже значеніе такого крупнаго съ точки зрѣнія буржуазіи акта, какъ усиленное насажденіе буржуазной собственности въ деревнѣ, обезцѣнивается какъ финансовой эксплоатаціей этого аграрнаго переворота въ интересахъ землевладѣльческаго дворянства, такъ и тою «агрономической и культурной обстановкой», въ которой, по признанію совѣщанія крупнѣйшихъ представителей московской мануфактуры, новый законъ «явится лишь внѣшней перестройкой крестьянскаго быта» и «уменьшитъ еще больше нашъ и безъ того ограниченный внутренній рынокъ, ослабитъ и безъ того слабую покупную способность деревни» [1]).

Въ трехъ послѣдовательныхъ свиданіяхъ членовъ правительства съ представителями капитала въ лицѣ московскаго биржевого купечества опредѣленно выяснилась невозможность воплощенія въ жизнь экономической программы буржуазіи въ рамкахъ существующихъ политическихъ условій. Въ мартѣ 1908 г. министръ торговли и промышленности, И. Шиповъ въ отвѣтъ на заявленіе предсѣдателя московскаго биржевого комитета, Г. Крестовникова, о необходимости разрѣшенія аграрнаго вопроса съ точки зрѣнія созданія и роста внутренняго рынка, вынужденъ былъ признать безсиліе правительства пойти въ этомъ дѣлѣ навстрѣчу желаніямъ буржуазіи. Черезъ годъ другой министръ торговли и промышленности отвѣтилъ такимъ же признаніемъ на пожеланіе купечества о приспособленіи дѣятельности всѣхъ министровъ къ задачѣ «развитія производительныхъ силъ». Наконецъ, въ октябрѣ 1909 г. изъ обмѣна рѣчей между г. Крестовниковымъ и В. Коковцевымъ выяснилась невозможность для министерства финансовъ осуществить ту программу «производительныхъ» займовъ, которую написала на своемъ знамени буржуазія.

Все это поневолѣ начинаетъ возвращать капиталистическую буржуазію къ политическимъ интересамъ. На страницахъ органа совѣта съѣздовъ промышленности и торговли все опредѣленнѣе начинаетъ выдвигаться требованіе упорядоченія тарифнаго, податного и финансового хозяйства, водворенія законности въ управленіи, широкихъ культурныхъ начинаній, распространенія народнаго образованія, реформы арміи и флота и т. д. Въ качествѣ средства подчиненія своему

[1]) „Голосъ Москвы“, 27 января 1909 г. Экономическій отдѣлъ Мануфактура.

руководству всего хода государственнаго хозяйства проектируется привлеченіе представителей промышленности и торговли въ различныя государственныя учрежденія, а также усиленіе биржевыхъ правъ Государственной Думы.

Такъ, окольнымъ путемъ крупная буржуазія начинаетъ возвращаться и къ заинтересованности въ составѣ и ходѣ работъ Думы. Но весь предшествующій ходъ развитія сдѣлалъ Думу орудіемъ въ рукахъ не буржуазіи, а бюрократіи и дворянства. Позиція октябристовъ, старающихся сохранить буржуазію въ союзѣ съ бюрократіей и дворянствомъ, заставила, правда, Государств. Думу сдѣлать нѣкоторые шаги, за которыми широкіе слои буржуазіи слѣдили съ симпатіями и интересомъ. Но именно эти шаги систематически уничтожались противодѣйствіемъ политически господствующихъ силъ. Такъ было съ вопросомъ о реформированіи арміи, объ ассигнованіи денегъ на постройку броненосцевъ, о выпускѣ серій казначейства, о штатахъ морского вѣдомства и, наконецъ, о вѣроисповѣдныхъ законахъ. Поскольку во всѣхъ этихъ шагахъ Государственной Думы проявлялось стремленіе пойти на встрѣчу имперіалистическимъ тенденціямъ крупной буржуазіи[1]), или ея желанію положить свою руку на бюджетъ, или, наконецъ, общимъ культурнымъ потребностямъ ея и, въ частности потребностямъ той «свободной церкви», которою для извѣстныхъ слоевъ буржуазіи все болѣе становится за послѣднее время старообрядчество,—постольку всѣ они терпѣли неудачу. И чѣмъ оформленнѣе становились политико-экономическія требованія буржуазіи, тѣмъ опредѣленнѣе становилась и дворянско-бюрократическая политика правительства.

А между тѣмъ буржуазія подходила къ столкновенію съ дворянствомъ и съ другой стороны—въ органахъ мѣстнаго самоуправленія; особенно въ земствахъ, гдѣ толчекъ къ этому столкновенію былъ данъ вопросами налоговаго обложенія. На этой почвѣ промышленная и торговая буржуазія постепенно приходитъ къ построенію либеральной земской программы съ требованіемъ расширенія избирательнаго права и проч., въ то время какъ реакціонное земское дворянство отстаиваетъ лишь самостоятельность земства отъ бюрократическаго воздѣйствія. Такимъ образомъ начинаетъ происходить перемѣщеніе центра тяжести и земскаго либерализма, этого традиціоннаго прибѣжища помѣстнаго дворянства. И земскій либерализмъ начинаетъ пріобрѣтать все болѣе буржуазную окраску.

Болѣе сложный характеръ носитъ борьба на почвѣ городскаго самоуправленія, хотя содержаніе ея пока не выходитъ за предѣлы элементарныхъ культурно-хозяйственныхъ муниципальныхъ вопросовъ и отстаиванія самостоятельности городскаго самоуправленіия отъ вмѣшательства администраціи. Но на этой почвѣ сталкиваются между собой не только интересы буржуазіи, съ одной стороны, дворянско-бюрократической реакціи, съ другой,—но также интересы различныхъ слоевъ городскаго буржуазнаго населенія и различныхъ кликъ внутри привилегированныхъ цензовыхъ круговъ. Все это дѣлаетъ борьбу на почвѣ городскаго самоуправленія крайне сложною и пестрою. А въ то же время порожденныя годами революціи культурныя и идейныя потребности, какъ и проби-

[1]) Напомнимъ извѣстное засѣданіе Думы, гдѣ „хлопчато-бумажный“ патріотизмъ Гучкова былъ противопоставленъ патріотизму „барчука“ Пуришкевича.

вающія себѣ путь новыя соціальныя отношенія сильно повысили интересъ всѣхъ слоевъ населенія къ городскому самоуправленію. Борьба на городскихъ выборахъ 1909 года достигла поэтому сильнаго напряженія и способствовала оформленію различныхъ слоевъ городскаго населенія. Его средніе и низшіе слои обнаружили явное тяготѣніе къ реформированію муниципальнаго хозяйства въ буржуазно-прогрессивномъ направленіи. И если эти тенденціи получили лишь крайне слабое выраженіе въ окончательномъ исходѣ выборовъ, то причина тому, помимо усиленнаго давленія администраціи, заключается въ избирательномъ законѣ, отдающемъ городское хозяйство въ руки крайне тѣснаго круга лицъ. Возникшія за послѣднее время «Общества избирателей и обывателей» втягиваютъ въ кругъ муниципальныхъ вопросовъ и тѣ элементы городскаго населенія, которые стоятъ внѣ избирательнаго ценза. Пока дѣятельность этихъ обществъ не выходитъ за предѣлы вопросовъ муниципальнаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но нетрудно видѣть, что, развиваясь дальше въ томъ же направленіи, общества избирателей и обывателей должны натолкнуться на вопросы болѣе широкаго характера и, въ свою очередь, могутъ послужить однимъ изъ факторовъ политической кристаллизаціи городскаго населенія и превращенія городскихъ думъ въ такой же опорный пунктъ политическаго движенія буржуазіи, какимъ стали земства для помѣстнаго дворянства.

Такъ, разностороннимъ давленіемъ созданной годами революціи соціально-политической обстановки всѣ слои буржуазіи, высвобождаясь изъ-подъ вліянія земско-дворянскаго либерализма и идейно-связанныхъ съ нимъ теченій, подготовляются къ окончательному политическому самоопредѣленію. Но это самоопредѣленіе происходитъ какъ послѣ жестокихъ революціонныхъ битвъ, когда рѣзко намѣтились зрѣющіе въ нѣдрахъ освобождающагося буржуазнаго общества классовые антагонизмы и когда въ то же время, вмѣстѣ съ рабочими и крестьянствомъ, была разбита и непролетарская городская армія, такъ и въ эпоху наступательной контръ-революціи, дѣятельными участниками которой были значительные слои буржуазіи, особенно-крупной. Оно протекаетъ при господствѣ свирѣпой политической реакціи и въ обстановкѣ длительнаго экономическаго застоя, обусловливающаго вялость теченія всѣхъ общественныхъ процессовъ. Такая обстановка оказываетъ сильнѣйшее вліяніе какъ на темпъ формированія буржуазныхъ теченій, такъ и на окраску, которую они принимаютъ. Но, съ этой оговоркой, можно констатировать, что теперь вполнѣ отчетливо намѣчаются уже контуры новаго буржуазнаго либерализма съ сильной націоналистической окраской [1]) и новыхъ, болѣе опредѣленно-буржуазныхъ демократическихъ теченій. Если либерализмъ крупной буржуазіи освобождается отъ дворянскаго налета, то демократизмъ нижнихъ слоевъ буржуазіи освобождается отъ налета соціалистическаго. А дополнительные выборы 1909 г. въ Петербургѣ, Одессѣ и Москвѣ, подтвердивъ еще разъ оппозиціонность настроенія низшихъ и среднихъ слоевъ буржуазіи, подчеркнули въ то же время и подготовляющійся поворотъ въ политическомъ настроеніи крупной буржуазіи. Въ этомъ отношеніи особенно важное симптоматическое зна-

[1]) Въ идейной подготовкѣ этого либерализма видную роль сыграли извѣстныя московскія совѣщанія „людей милліоновъ и людей науки“.

ченіе имѣютъ выборы по 1-ой городской куріи г. Москвы. Крупное московское купечество, въ свое время первымъ вставшее подъ знамя октябризма, отдало на этотъ разъ свои голоса кадетамъ.

Такой поворотъ въ позиціи крупной буржуазіи предвѣщаетъ конецъ тѣснаго союза ея съ дворянствомъ и бюрократіей, на которомъ держится современное политическое зданіе. Внѣшнимъ образомъ это уже выразилось: въ быстро прогрессирующемъ разложеніи и таяніи октябризма—живого воплощенія современной политической системы; въ дальнѣйшемъ измѣненіи характера к.-д-ой партіи, все больше берущей на себя представительство интересовъ и крупной буржуазіи и тѣмъ увеличивающей свою внутреннюю неоднородность и противорѣчивость своей позиціи; наконецъ,—въ болѣе опредѣленной право-дворянской позиціи, занятой правительствомъ, лишеннымъ возможности опираться на старый буржуазно-дворянскій блокъ.

Таково созданное ходомъ событій неустойчивое равновѣсіе. Развитіе скрывающихся за нимъ соціально-политическихъ антагонизмовъ задерживается общимъ экономическимъ застоемъ, порождающимъ застой всей общественной жизни и парализующимъ движеніе рабочаго класса. Это движеніе уже послужило разъ тѣмъ маховымъ колесомъ, которое привело въ движеніе всѣ другія общественныя силы и вывело такимъ образомъ страну изъ тупика, въ который она была загнана въ 80-ые года прошлаго вѣка. Оно сослужитъ такую же службу и въ будущемъ, лишь только экономическое оживленіе или событія внѣшней политики, поддержанныя въ своемъ дѣйствіи уже ясно намѣтившейся расшаткой бюрократически-дворянско-капиталистическаго союза, создадутъ благопріятныя условія для новаго подъема экономической и политической борьбы пролетаріата.

Тогда намѣтившіяся тенденціи политическаго развитія буржуазіи облекутся въ плоть и кровь и въ ея выступленіяхъ будетъ учтенъ весь тотъ процессъ политическаго самоопредѣленія, который она пережила за годы революціи и контръ-революціи.

Ф. Данъ.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ.

Движеніе интеллигенціи
(отъ „эпохи довѣрія“ кн. Святополка-Мирскаго до конца періода общественнаго подъема).

1. До 9-го января.

Уже при Плеве, какъ мы видѣли въ I т., профессіональная интеллигенція начала выступать съ открытыми протестами противъ бюрократическаго самовластія. Наиболѣе рѣзкій и рѣшительный характеръ эти протесты приняли въ началѣ 1904 года на III съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію и IX Пироговскомъ съѣздѣ. Но чрезвычайно характерно для этихъ наиболѣе яркихъ при Плеве проявленій движенія «общества», что ни на одномъ изъ этихъ съѣздовъ не было принято резолюціи съ опредѣленнымъ требованіемъ конституціоннаго режима. Это требованіе болѣе или менѣе прозрачно звучало въ рѣчахъ многихъ ораторовъ, но на прямую конституціонную демонстрацію ни тотъ, ни другой съѣздъ не рѣшился. Конституціонныя слова замирали на устахъ представителей «общества» при желѣзномъ режимѣ Плеве. «Довѣріе» къ обществу, провозглашенное преемникомъ Плеве кн. Святополкъ-Мирскимъ, развязало языки и дало сильный толчекъ къ конституціонной мобилизаціи общества. Довольно значительную роль въ начавшемся среди общества конституціонномъ движеніи игралъ «Союзъ Освобожденія».

Въ этой организаціи, какъ мы видѣли въ I т., преобладали профессіонально-интеллигентскіе элементы, но въ него входили также наиболѣе прогрессивные земцы, вліятельные представители либеральнаго земскаго движенія (Петрункевичъ, Родичевъ, Львовъ и др.). Наступленіе «весны» направило усилія «Союза Освобожденія», съ одной стороны на земскую среду, съ другой стороны на профессіональную интеллигенцію. При дѣятельномъ участіи выдающихся членовъ «Союза Освобожденія», въ либеральной земской средѣ созрѣла мысль о необходимости открытаго земского съѣзда съ открытымъ провозглашеніемъ конституціонныхъ требованій. Рядомъ съ этимъ въ октябрѣ 1904 года совѣтъ «Союза Освобожденія» принялъ, въ цѣляхъ агитаціи за введеніе въ Россіи конституціоннаго режима, слѣдующія рѣшенія: 1) принять самое дѣятельное участіе въ предстоящемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей и употребить всѣ силы, чтобы направить его на путь открытаго заявленія конституціонныхъ требованій; 2) имѣя въ виду, что 20 ноября того же года исполняется сорокалѣтіе судеб-

ныхъ уставовъ, организовать въ этотъ день черезъ своихъ членовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и возможно большемъ количествѣ другихъ городовъ *банкеты*, на которыхъ должны быть приняты конституціонныя и демократическія резолюціи, составленныя въ гораздо болѣе рѣшительномъ тонѣ, нежели тѣ, которыя можно было ожидать отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей; 3) поднять черезъ своихъ членовъ—земцевъ на предстоящихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, въ возможно большемъ числѣ ихъ, вопросъ о введеніи въ Россіи конституціоннаго строя и необходимости созыва для этой цѣли народнаго представительства на широко-демократической основѣ; 4) начать агитацію за образованіе союзовъ адвокатовъ, инженеровъ, профессоровъ, писателей и другихъ лицъ либеральныхъ профессій, организацію ихъ съѣздовъ, выбора ими постоянныхъ бюро и объединеніе этихъ бюро какъ между собою, такъ и съ бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей въ единый союзъ союзовъ. Этотъ союзъ союзовъ долженъ былъ установить организаціонныя связи съ центральными учрежденіями всѣхъ лѣвыхъ политическихъ партій, выработать общую платформу и явиться въ нѣкоторомъ родѣ Vorparlament'омъ [3]).

Размахъ стремленій Союза Освобожденія былъ, такимъ образомъ, очень широкъ. Союзъ Освобожденія стремился сплотить въ одно цѣлое всѣ оппозиціонныя силы Россіи, поднявшись надъ классовыми противоположностями и различіями отдѣльныхъ слоевъ населенія. Но рѣзкія классовыя противорѣчія, достаточно развившіяся у насъ къ этому времени, съ самаго начала стали сильно урѣзывать и ограничивать объединительныя стремленія Союза Освобожденія. Слѣва Союза стояла революціонная интеллигенція, соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, которые во имя интересовъ пролетаріата и крестьянства выдвигали не только требованіе свободъ, не только ликвидацію стараго режима, но и полное народовластіе и—какъ необходимую составную часть его—всеобщее, прямое, равное избирательное право съ тайной подачей голосовъ при выборахъ въ законодательное учрежденіе и, какъ путь къ государственному переустройству,—Учредительное Собраніе, избранное на основаніи той же четырехчленной формулы.

Четырехчленная формула избирательнаго права для народнаго представительства и созывъ избраннаго на основѣ этой формулы Учредительнаго Собранія, эти два требованія въ моментъ объявленія «довѣрія» обществу еще не успѣли стать популярными лозунгами въ широкихъ народныхъ массахъ, но они имѣли уже за собой верхи рабочаго пролетаріата и настойчиво и энергично пропагандировались соціалъ-демократической партіей. Для пролетаріата и массы рабочаго населенія эти два требованія имѣли коренное значеніе; только при ихъ проведеніи могла быть достигнута значительная демократизація государственнаго строя и обезпечено рабочей массѣ серьезное вліяніе на законодательство въ ея интересахъ. Для массы профессіональной интеллигенціи оба эти демократическія требованія не представляли насущной необходимости, хотя и не противорѣчили ея интересамъ. У массы же землевладѣльцевъ и крупной бур-

[3]) „Историческій Сборникъ“ (см. ноябрь—декабрь „Былое“ за 1907 г.) ст. И. П. Бѣлоконскаго о земскомъ движеніи, прим. ред. с. 29.

жуазіи эти требованія могли возбуждать только рѣзко враждебное отношеніе. Профессіональной интеллигенціи, очевидно, приходилось выбирать между народной массой и владѣльческими классами. Но въ моментъ провозглашенія «довѣрія» народъ еще не успѣлъ заговорить, необходимость выбора для массы профессіональной интеллигенціи не была ясна, земская оппозиція въ ея глазахъ была окружена большимъ ореоломъ, и профессіональная интеллигенція поэтому была проникнута сильнѣйшимъ стремленіемъ дѣйствовать солидарно съ земской оппозиціей. И вотъ руководящая интеллигентская организація, Союзъ Освобожденія, чтобы не оттолкнуть отъ себя рабочую массу и революціонные элементы интеллигенціи, у себя дома принимаетъ оба демократическія требованія, четырехчленную формулу и Учредительное Собраніе, включая ихъ въ свою программу, но тѣ же освобожденцы сокращаютъ и урѣзываютъ свои демократическія требованія, вступая въ земскую среду, въ которой сильную и опредѣляющую роль играли интересы землевладѣльцевъ.

На знаменитомъ съѣздѣ земскихъ дѣятелей 6—8 ноября освобожденцамъ удается провести значительнымъ большинствомъ голосовъ рѣшительное конституціонное требованіе о «правильномъ участіи народнаго представительства, какъ особаго выборного учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ надъ законностью дѣйствій администраціи», но Учредительное Собраніе, какъ путь къ государственному переустройству, ими не выдвигается на съѣздѣ, а мѣсто четырехчленной формулы замѣняетъ глухое указаніе въ п. 7 на необходимость равенства политическихъ правъ всѣхъ гражданъ (рядомъ съ личными и гражданскими). А между тѣмъ земскій съѣздъ 6—8 ноября былъ съѣздомъ наиболѣе передовыхъ земскихъ элементовъ и далеко не выражалъ стремленій массы рядовыхъ земцевъ, наполняющихъ земскія собранія. Какъ показала ближайшая сессія земскихъ собраній, земская среда въ своихъ политическихъ стремленіяхъ стояла далеко позади съѣзда 6—8 ноября. И жизнь очень скоро должна была поставить профессіональную интеллигенцію передъ дилеммой: или съ земцами противъ народа, или съ народомъ противъ земцевъ. Народъ въ своей массѣ пока еще безмолвствовалъ, но соціалъ-демократическая интеллигенція вмѣстѣ съ верхами пролетаріата уже выдвигала свои демократическія требованія, какъ необходимое условіе для какихъ либо совмѣстныхъ дѣйствій съ либеральными элементами общества. И неудобства той двойной бухгалтеріи, которой вначалѣ пытался заниматься Союзъ Освобожденія, на первыхъ же порахъ дали себя знать. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно интересно засѣданіе литературно-артистическаго общества въ Кіевѣ въ серединѣ ноября, на которомъ участникъ земскаго съѣзда, *Хижняковъ*, докладывалъ о резолюціяхъ съѣзда. Изъ публики послѣ доклада выступаетъ молодой человѣкъ и протестуетъ противъ рукоплесканій собранія резолюціямъ Съѣзда. Онъ указываетъ на главный дефектъ этихъ резолюцій,—на умолчаніе о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи. *Хижняковъ* на это возражаетъ, что съ требованіемъ четырехчленной формулы резолюціи земцевъ не находятся въ противорѣчіи. Но *Водовозовъ* идетъ дальше. «Я безусловно протестую, говоритъ онъ, противъ рѣчи недовольнаго оратора. Пунктъ седьмой говоритъ о равенствѣ личныхъ, гражданскихъ и

политическихъ правъ. Если бы вы были болѣе знакомы съ государственной наукой, вы увидѣли бы, что формула эта разумѣетъ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право» [1]). Однако, ближайшія же выступленія общества, земцевъ и городской интеллигенціи показали, что агитація, которую подняли соціалъ-демократы противъ недостаточно демократическихъ резолюцій земскаго съѣзда, имѣла твердую почву подъ ногами.

Въ своей цитированной уже нами статьѣ г. Бѣлоконскій утверждаетъ, что «прекрасно организованный Союзъ Освобожденія при посредствѣ своихъ отдѣловъ, быстро оповѣстивъ общество о постановленіяхъ совѣщанія (земцевъ 6—8 ноября), предложилъ устраивать повсемѣстно банкеты и на нихъ открыто, во всеуслышаніе, присоединиться къ названнымъ постановленіямъ совѣщанія». Редакція «Былого» въ примѣчаніи оспариваетъ это утвержденіе: «какъ уже сказано было въ предыдущемъ редакціонномъ примѣчаніи (привед. выше), постановленіе Совѣта «Союза Освобожденія» о повсемѣстной организаціи 20 ноября банкетовъ состоялось не *послѣ* земскаго съѣзда, а *до* него, причемъ всѣмъ членамъ Союза,—организаторамъ банкетовъ,—рекомендовалось предлагать на банкетахъ проекты резолюцій, которыя не выражали бы только «присоединеніе» къ постановленіямъ земскаго съѣзда», а провозглашали бы конституціонныя и демократическія требованія въ формѣ гораздо болѣе яркой и рѣшительной» [2]).

Мы не знаемъ, кто въ данномъ случаѣ правъ, Бѣлоконскій или редакція «Былого», но мы сейчасъ увидимъ, что интеллигентскія выступленія за ноябрь—декабрь 1906 г. въ своемъ большинствѣ далеко не отличались яркостью и рѣшительностью конституціонныхъ и демократическихъ требованій.

Просмотрѣвши соотвѣтственные номера изданій «Освобожденіе», «Искра», «Впередъ», «Рев. Россія», «Русск. Вѣд.», «Сынъ Отеч.», «Наши Дни», «Наша Жизнь» и «Право», я нашелъ въ нихъ достаточно опредѣленныя свѣдѣнія о 44 интеллигентскихъ выступленіяхъ за время съ 1 ноября по 9 января, въ томъ числѣ о 42 собраніяхъ и 2 заявленіяхъ совѣтовъ кіевскаго и с.-петербургскаго политехникумовъ, обратившихъ тогда на себя большое вниманіе. Конечно, получающійся такимъ образомъ списокъ интеллигентскихъ выступленій далеко не полонъ, отдѣльныя провинціальныя выступленія эти изданія могли не зарегистрировать, съ другой стороны и нѣкоторыя выступленія, зарегистрированныя ими, пришлось опустить въ силу неопредѣленности свѣдѣній о нихъ (засѣданіе родительскаго кружка секціи дѣтской гигіены въ Саратовѣ, банкеты въ Ярославлѣ, Тамбовѣ, Курскѣ, Орлѣ, Черниговѣ), но, тѣмъ не менѣе, для приблизительной характеристики интеллигентскихъ выступленій конца 1905 г. составленный мною списокъ вполнѣ достаточенъ. Посмотримъ же, какая картина получается на основаніи собранныхъ мною свѣдѣній.

Прежде всего изъ этихъ выступленій необходимо выдѣлить *четыре*,—*одно* съ несовсѣмъ опредѣленными свѣдѣніями и *три*, не закончившіяся принятіемъ резолюцій.

---

[1]) „Искра" № 79, с. 7.

[2]) Ib. с. 35 и 36.

Первый случай относится къ Саратову. 5 ноября, наканунѣ открытія земскаго съѣзда въ Саратовѣ, въ первоклассной гостинницѣ былъ устроенъ банкетъ съ ужиномъ. Послана была привѣтственная телеграмма земскому съѣзду, составленная, по словамъ корреспондента «Искры»—«въ довольно демократическомъ духѣ». Подписалось «319 человѣкъ, изъ нихъ оказалось 3 предвод. дворянства, 1 предс. уѣздной земской управы, 38 инженеровъ, 19 купцовъ (бывшіе изъ думцевъ), 16 учителей, 3 рабочихъ, 1 крестьянинъ, много врачей, адвокатовъ и т. д. и 1 мѣщанскій староста» [1]). Самая наличность среди подписавшихся—предводителей дворянства и купцовъ заставляетъ думать, что «довольно демократическій духъ» привѣтственной телеграммы этого банкета было очень скроменъ и что онъ навѣрное не дошелъ до требованій Учредительнаго Собранія и четырехчленнаго избирательнаго права. Такое заключеніе вполнѣ подтверждается характеромъ еще болѣе многолюднаго интеллигентскаго банкета въ томъ же Саратовѣ, бывшаго нѣсколько позднѣе — 20 ноября, о которомъ имѣются вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія и на которомъ за подписью 575 лицъ была принята резолюція, ничего не говорящая ни объ Учред. Собраніи, ни о четырехчленной формулѣ избирательнаго права.

Перейдемъ теперь къ случаямъ, въ которыхъ резолюцій принято не было.

6/XI, въ день открытія земскаго съѣзда, происходило надѣлавшее большого шума въ Харьковѣ засѣданіе юридическаго общества. Кромѣ членовъ общества на засѣданіи была масса публики—по преимуществу учащейся молодежи и нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ. Мѣстный комитетъ соц.-дем. партіи рѣшилъ превратить собраніе послѣ закрытія засѣданія юридическаго общества въ революціонный митингъ. Къ сожалѣнію раньше закрытія засѣданія въ концѣ рѣчи прис. пов. Гонтарева, послѣ словъ его «мы требуемъ созыва народныхъ представителей» были брошены въ публику листки комитета; затѣмъ благодаря нетактичному и вызывающему поведенію предсѣдателя проф. Гредескула, дѣло закончилось скандаломъ и засѣданіе юридическаго общества было оборвано. На самомъ засѣданіи боролись два теченія—одно подъ предводительствомъ проф. Гредескула хотѣло провести привѣтственный адресъ кн. Святополкъ-Мирскому съ благодарностью за довѣріе и съ чрезвычайно слабыми конституціонными намеками и другое, самымъ яркимъ представителемъ котораго на собраніи явился прис. пов. Гонтаревъ, стояло за принятіе резолюціи съ требованіемъ созыва народныхъ представителей. Дальше этой неопредѣленной формулы резолюція не шла [2]).

28/XI былъ банкетъ въ Екатеринославѣ, настроеніе котораго, судя по сообщенію «Искры», во всякомъ случаѣ шло не дальше земскаго съѣзда. На банкетѣ предсѣдатель земской управы Родзянко читалъ докладъ о земскомъ съѣздѣ. Резолюціи принято не было [3]).

Остается еще банкетъ въ Екатеринодарѣ 10 декабря, на которомъ тоже резолюціи принято не было. Публика, по словамъ корреспондента «Искры», на

[1]) „Искра“ № 80.

[2]) „Искра“ № 79 и личныя воспоминанія.

[3]) „Искра“ № 80.

этомъ банкетѣ была разнообразная: рядомъ съ адвокатами, врачами, торговцами, были студенты, рабочіе. Начался этотъ банкетъ рѣчами адвокатовъ и закончился чисто революціонной рѣчью Н. К—ва, призывавшаго либеральное общество «присоединиться къ авангарду революціоннаго движенія—пролетаріату». —«По окончаніи этой рѣчи группа организованныхъ рабочихъ запѣла «Варшавянку» къ нимъ присоединились студенты и *многіе* изъ публики». Кончилось дѣло столкновеніемъ съ полиціей, ворвавшейся въ залу [1]). Также, какъ на засѣданіи юридическаго общества въ Харьковѣ, тутъ было два слоя, одинъ болѣе умѣренный слой — имущей, обезпеченной интеллигенціи, и другой, составившійся по преимуществу изъ рабочихъ и учащейся молодежи.

Эти же два слоя встрѣчаемъ мы на протяженіи всего банкетнаго движенія. Съ одной стороны выступаютъ передовые рабочіе, учащаяся молодежь, неимущая интеллигенція, мѣстные мелкіе служащіе, наконецъ, профессіоналы революціонныхъ организацій, партій соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Вся эта демократическая масса выступаетъ подъ знаменемъ этихъ обѣихъ революціонныхъ партій—при явномъ, въ общемъ, преобладаніи соціалъ-демократической партіи. Эта масса играетъ довольно крупную роль во всемъ банкетномъ движеніи. Она добивается демократизаціи этого движенія, она старается привить движенію профессіональной интеллигенціи демократическіе лозунги момента, выдвинутые идеологами пролетаріата,—учредительное собраніе и четырехчленное избирательное право. Мы находимъ эту демократическую массу, всегда болѣе или менѣе организованную, почти на всѣхъ банкетахъ. Но на большинствѣ банкетовъ противъ широкаго наполненія ихъ этой массой устраивается барьеръ въ видѣ довольно высокой платы, которую нужно уплатить за обѣдъ или ужинъ, 2—3 рубля, иногда больше. На большинствѣ банкетовъ хозяйничаетъ, поэтому, болѣе имущая, болѣе обезпеченная интеллигенція. Учащаяся молодежь на многихъ изъ нихъ совершенно устраняется. Часто посредствомъ спеціальнаго соглашенія допускается на банкетъ небольшое число рабочихъ (напр. въ Харьковѣ на банкетѣ 5/XII), иногда толпа рабочихъ стоитъ на улицѣ, тщетно пытаясь проникнуть въ залу банкета (напр. въ Ростовѣ на Д.—5/XII). На большинствѣ банкетовъ, такимъ образомъ, демократическіе элементы образуютъ только незначительное меньшинство, иногда рѣзко вмѣшивающееся въ пренія съ провозглашеніемъ демократическихъ лозунговъ и вызывающее раздраженіе и негодованіе большинства. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при болѣе легкомъ доступѣ на собраніе, этимъ элементамъ удается овладѣвать собраніями и придавать имъ свой колоритъ. Мы уже имѣли дѣло съ двумя случаями, въ которыхъ демократическая масса заняла или господствующее, или видное положеніе.

Переходя теперь къ выступленіямъ интеллигенціи, о которыхъ имѣются достаточно полныя свѣдѣнія и на которыхъ были приняты резолюціи, мы должны выдѣлить изъ числа ихъ новыхъ *три* выступленія съ рѣзкимъ преобладаніемъ той же демократической массы.

Два изъ этихъ выступленій приходятся на Одессу: это два митинга, бывшихъ на засѣданіи одесскаго отдѣленія общества охраненія народнаго здравія 18/XI и на собраніи юридическаго общества 20/XI.

---

[1]) „Искра“ № 82.

Засѣданіе о-ва охр. нар. здравія усиліями мѣстнаго комитета соц.-демокр. партіи было просто превращено въ революціонный митингъ, на которомъ господствовали рабочіе, учащаяся молодежь и интеллигенція, примыкающая къ соц.-дем. партіи. Митингъ этотъ былъ заранѣе задуманъ и организованъ соц.-дем. комитетомъ. Всего присутствовало 1—2 тыс. человѣкъ. Главнымъ референтомъ выступилъ соц.-демократъ д-ръ Богомолецъ, который выставилъ цѣлый рядъ требованій въ духѣ минимальной программы соц.-дем. партіи и изъ нихъ на первомъ мѣстѣ Учред. Собраніе, избранное на основѣ четырехчленной формулы. Резолюція, предложенная Богомольцемъ, была покрыта оглушительными аплодисментами. Закончился митингъ уличной демонстраціей [1]).

Такой же революціонный митингъ былъ организованъ соціалъ-демократами въ зданіи судебн. установленій на засѣданіи юридическаго общества по прочтеніи доклада Хмѣльницкаго на тему «О сорокалѣтіи суд. уставовъ». На засѣданіи юридич. общества *никакой резолюціи принято не было, послѣ же закрытія* засѣданія соц.-демократами былъ открытъ митингъ. Предсѣдателемъ митинга былъ выбранъ одинъ изъ мѣстныхъ работниковъ с.-д. партіи. Митингомъ (отъ лица нѣсколькихъ сотъ человѣкъ) была принята резолюція, выражавшая недовѣріе правительству, требовавшая созыва Учр. Собранія на основѣ четырехчленной формулы и немедленнаго прекращенія войны [2]).

На обоихъ этихъ собраніяхъ по всѣмъ признакамъ превалирующую роль играла учащаяся молодежь и только для нея, «дѣтей» одесской интеллигенціи, и могутъ быть характерны оба эти митинга. Что же касается «отцовъ», то ихъ настроеніе въ Одессѣ нашло выраженіе на банкетѣ въ Благородномъ собраніи 20/XI, организованномъ не комитетомъ соціалъ-демокр. партіи, какъ два вышеописанныхъ митинга, а самими представителями профессіональной интеллигенціи. Но зато на банкетѣ этомъ, собравшемъ отъ 400—500 чел., большинство сгруппировалось вокругъ резолюціи земцевъ. Конкурировавшая съ ней демократическая резолюція собрала 116 подписей, между тѣмъ, какъ подъ земской резолюціей подписалось около 300 чел. [3]).

Не менѣе яркимъ митингомъ, чѣмъ два митинга въ Одессѣ, былъ банкетъ въ Саратовѣ на «Пѣшемъ базарѣ» 20 ноября. Въ день сорокалѣтія суд. уставовъ въ Саратовѣ произошло два грандіозныхъ банкета. «Юристы устроили банкетъ въ гостинницѣ (платный), гдѣ присутствовало до 700 чел., а демократическая публика устроила свое собраніе безъ всякаго разрѣшенія и внѣшняго легальнаго повода, въ народной чайной на «Пѣшемъ базарѣ». Собралось сюда до 1000 чел. (рабочихъ, интеллигенціи, учащихся). Рѣчи говорились вполнѣс вободныя, причемъ одни ораторы говорили въ духѣ соц.-демократовъ, другіе въ духѣ соц.-революціонеровъ. Говорили прямо, безъ обиняковъ... тутъ впервые опредѣленно высказались за демократическую республику». Эта выдержка изъ кореспонденціи «Искры» рисуетъ въ вполнѣ опредѣленномъ свѣтѣ характеръ этого митинга. Митингъ принялъ резолюцію, требующую «1) Созыва учред. собранія на почвѣ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права и тайной подачи голо-

[1]) „Искра“ № 79, „Впередъ“ № 2.
[2]) „Впередъ“ № 2.
[3]) „Искра“ №№ 79 и 80.

совъ, 2) немедленнаго прекращенія войны и 3) амнистіи всѣмъ политическимъ». Эта резолюція была доставлена на банкетъ юристовъ, гдѣ была прочитана и вызвала аплодисменты. Но самъ банкетъ юристовъ принялъ (за подписью 575 чел.) гораздо болѣе скромную резолюцію. Въ этой резолюціи говорится, что «правильное отправленіе правосудія въ Россіи станетъ возможнымъ лишь при условіи законодательной гарантіи и свободы личности, слова, печати, собраній и союзовъ, и при участіи въ законодательствѣ страны выборныхъ народныхъ представителей» [1]).

Если мы выключимъ изъ числа выступленій интеллигенціи два революціонныхъ митинга въ Одессѣ и одинъ въ Саратовѣ, то всего зарегистрированныхъ мною выступленій «отцовъ», имущей интеллигенціи, закончившихся принятіемъ резолюцій, окажется 36, а если къ нимъ присоединить еще саратовскій банкетъ 5/XI, о которомъ съ большой вѣроятностью можно предполагать, что въ своей привѣтственной телеграммѣ земскому съѣзду онъ не пошелъ дальше, чѣмъ позднѣйшій банкетъ 20/XI, засѣданіе юридическаго о-ва въ Харьковѣ 6/XI, ораторы котораго не шли дальше простого требованія созыва народнаго представительства, и екатеринославскій банкетъ 28/XI, который можно считать стоявшимъ приблизительно на точкѣ зрѣнія земскаго съѣзда, то мы получимъ всего 39 болѣе или менѣе опредѣленныхъ выступленій профессіональной интеллигенціи. Какую жъ картину даютъ эти 39 выступленій?

Въ резолюціяхъ банкетовъ, говоритъ редакція «Былого», возражая Бѣлоконскому, было выставлено прямое требованіе Учред. Собранія, тогда какъ въ постановленіяхъ земскаго съѣзда, какъ извѣстно, не было произнесено даже самое слово «конституція» [2]).

Если мы обратимся къ статистикѣ собранныхъ мною заявленій интеллигенціи, то окажется, что изъ 39 выступленій только въ 12, или *менѣе, чѣмъ въ третяхъ*, было выдвинуто требованіе Учредительнаго Собранія [3]).

Хотя земскій съѣздъ, затѣмъ, дѣйствительно не произнесъ слово «конституція», но огромнымъ большинствомъ голосовъ принялъ опредѣленную конституціонную формулу «участія нар. представительства въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ надъ законностью дѣйствій администраціи». Если же мы обратимся къ интеллигентскимъ выступленіямъ, то кромѣ 12 отмѣченныхъ выступленій съ требованіемъ учред. собранія можно отмѣтить *еще одно только* выступленіе, болѣе опредѣленное въ конституціонномъ отношеніи, чѣмъ выступленіе земскаго

---

[1]) „Искра“ № 80.

[2]) „Ист. Сборникъ“ с. 36.

[3]) 1. Банкетъ въ Спб. подъ предс. В. Г. Короленко 20/XI — „Право“ 1904 г. № 48, „Ист. Сб.“ с. 36; 2. Банкетъ въ Кіевѣ 20/XI—„Впередъ“ № 1, „Русск. Вѣд.“ № 325; 3. Банкетъ въ Самарѣ 20/XI—„Сынъ Отеч.“ № 13; 4. Банкетъ въ Калугѣ 1/XII—„Освоб.“ № 63; 5. Банкетъ въ Н.-Новгородѣ 2/XII—ib.; 6. Банкетъ въ Харьковѣ 5/XII—„Искра“ № 83; 7. Засѣданіе харьк. общ. библ. 11/XII—„Искра“ № 82; 8. Банкетъ въ Ростовѣ-на-Дону 5/XII—„Искра“ № 80; 9. Банкетъ инжен. всѣхъ спец. въ Спб. 5/XII—„Освоб.“ № 62; 10. Банкетъ въ залѣ Павловой 14/XII—„Освоб.“ № 63, „Искра“ № 82; 11. Банкетъ врачей 18/XII—„Освоб.“ № 63, „Искра“ № 83; 12. V съѣздъ русск. группы межд. союза кримин. 4/I—„Право“ 1905 г. № 5.

съѣзда: спб. педагогическое о-во въ своей резолюціи требовало замѣны «самодержавно-бюрократическаго строя»—«строемъ, основаннымъ на широко-демократическихъ конституціонныхъ началахъ» [1]). Итого, вмѣстѣ съ этимъ выступленіемъ мы получаемъ ровно *треть* выступленій (13 изъ 39), пошедшую дальше земскаго съѣзда.

Затѣмъ 11 выступленій или присоединились къ резолюціи земскаго съѣзда, или приняли тождественную резолюцію [2]). 5 выступленій можно считать близкими по своимъ резолюціямъ земскому съѣзду [3]). Если сюда присоединить еще екатеринославскій банкетъ 28/XI, то получимъ всего 17 выступленій, или 44%, которыя стояли по опредѣленности конституціонныхъ заявленій приблизительно на уровнѣ земскаго съѣзда.

И наконецъ 9 интеллигентскихъ выступленій оказались позади земскаго съѣзда. 4 выступленія выдвинули неопредѣленную формулу «участія народнаго представительства въ законодательствѣ», за которую на земскомъ съѣздѣ высказалось незначительное меньшинство сторонниковъ чисто совѣщательнаго народнаго представительства [4]). Если считать, что саратовскій банкетъ 5 ноября стоялъ на уровнѣ банкета 20 ноября, то сюда же долженъ быть отнесенъ и онъ. 2 затѣмъ выступленія ограничились простымъ требованіемъ созыва народнаго представительства [5]), къ нимъ также можно присоединить и засѣданіе юридическаго о-ва въ Харьковѣ 6 ноября, ораторы котораго не шли дальше

---

[1]) „Освоб.“ № 62.

[2]) 1. Банкетъ въ благ. собр. въ Одессѣ 20/XI—„Искра“ №№ 79 и 80; 2. Собраніе прис. пов. и ихъ пом. въ Спб. 21/XI—„Сынъ Отеч.“ № 5, „Ист. Сб.“ с. 37; 3. Банкетъ въ Воронежѣ 20/XI—„Сынъ Отеч.“ № 9; 4. Банкетъ въ Смоленскѣ—„Сынъ От.“ № 8; 5. Банкетъ во Владимірѣ 21/XI—„Сынъ От.“ № 8; 6. Банкетъ въ Баку 25/XI—„Освоб.“ № 63; 7. Резолюція ростовской адвокатуры, переданная по телегр. депутаціи петерб. адвокатуры для представленія мин. внутр. дѣлъ—„Русск. Вѣд.“ № 333; 8. Такая же резол. кутаисск. адвокатуры—„Наши Дни“ № 1; 9. Банкетъ въ Н.-Новгородѣ—„Русск. Вѣд.“ № 329, „Сынъ Отеч.“ № 8; 10. Конст. заявл. Совѣта Спб. политехникума—„Освоб.“ № 62; 11. Засѣданіе юрид. общества въ Харьковѣ 18/XII—„Наши дни“ № 11.

[3]) 1. Банкетъ въ Москвѣ 21/XI въ Эрмитажѣ, выдвинувшій требованіе „представительнаго правленія“ и въ то же время привѣтствовавшій резолюцію земцевъ—„Искра“ № 81, „Сынъ Отеч.“ № 9; 2. Резолюція Совѣта проф. кіевскаго политехникума, треб. „представ. правленія“—„Искра“ № 80; 3. Собраніе прис. пов. въ Москвѣ, выдвинувшее треб. „коренныхъ реформъ гос. строя, которыя привели бы къ (представительному ?) образу правленія“—„Сынъ Отеч.“ № 4; 4. Собраніе московскихъ пом. прис. пов., выдвин. требованіе „такого твердаго правопорядка, который гарантировалъ бы участіе въ рѣшеніи законодат. вопросовъ и въ контролѣ за управленіемъ—лицъ облеченныхъ довѣріемъ мѣстнаго населенія“—„Русск. Вѣд.“ № 325; 5. Банкетъ въ Кутаисѣ 31/XII—„Искра“ № 87.

[4]) 1. Привѣтственный адресъ земскому съѣзду собранія помощниковъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ 4 ноября—„Рев. Россія“ № 56; 2. Саратовское отд. Имп. русскаго техн. общества 6 ноября („активное участіе въ устроеніи государственной жизни“)—„Наша Жизнь“ № 7; 3. Банкетъ въ Саратовѣ 20 ноября—„Искра, № 80; 4. Засѣданіе общества сельскаго хозяйства въ Костромѣ—„Освоб.“ № 63.

[5]) 1. Засѣданіе Богородскаго отд. Имп. русск. техн. общества—„Освоб.“ № 63 и 2. Обѣдъ прис. пов. въ Кіевѣ 20/XI—„Русск. Вѣд.“ № 329.

этого требованія. Наконецъ, въ одномъ случаѣ не было даже выдвинуто требованіе созыва народнаго представительства [1]).

Итакъ, подавляющее большинство интеллигентскихъ выступленій по опредѣленности конституціонныхъ заявленій идетъ, во всякомъ случаѣ, не дальше земскаго съѣзда, самая значительная группа ихъ (44%) стоитъ приблизительно на уровнѣ земскаго съѣзда и только *треть* высказалась рѣшительнѣе его.

Посмотримъ теперь, насколько далеко интеллигентскія выступленія идутъ въ своемъ демократизмѣ. Значительный процентъ ихъ, какъ мы видѣли, высказался за созывъ Учредительнаго Собранія, но Учред. Собраніе, взятое независимо отъ способа его избранія, не дастъ еще никакихъ гарантій демократизаціи политическаго строя. За созывъ же Учр. Собранія на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, высказалось только 8 интеллиг. собраній или *немногимъ болѣе одной пятой* всѣхъ выступленій, если же мы къ нимъ присоединимъ еще тѣ выступленія, которыя, не высказываясь за созывъ Учр. Собранія, выдвинули четырехчленную формулу, какъ основу для организаціи народнаго представительства, то мы получимъ всего 11 выступленій изъ 39-ти, или около 28% [2]). Всѣ остальныя интеллигентскія выступленія, т. е. почти $^3/_4$ ихъ (72%), совершенно обходятъ вопросъ объ избирательномъ правѣ.

Если не ошибается редакція «Былого», если дѣйствительно совѣтъ Союза Освобожденія рекомендовалъ на банкетахъ «провозглашать конституціонныя и демократическія требованія въ формѣ гораздо болѣе яркой и рѣшительной», чѣмъ постановленія земскаго съѣзда, то въ такомъ случаѣ ясно одно изъ двухъ: или уровень демократизма самого совѣта Союза Освобожденія въ этотъ моментъ былъ не особенно высокъ, или его вліяніе на интеллигентскіе банкеты было не особенно сильно. По всей вѣроятности, близко къ истинѣ и то, и другое. Что уровень демократизма самого Союза Освобожденія былъ не особенно высокъ, показываютъ петербургскіе банкеты въ ноябрѣ, на которыхъ вліяніе Союза Освобожденія должно было быть максимальнымъ.

Вотъ передъ нами многолюдный митингъ (до 650 чел.) въ залѣ Павловой подъ предсѣдательствомъ В. Г. Короленко—20 ноября. Въ своей резолюціи этотъ банкетъ, указавши на необходимость неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, печати, союзовъ и установленія конституціоннаго режима, заявляетъ въ заключеніе о необходимости «немедленнаго созыва Учред. Собранія сво-

---

[1]) Собраніе мѣстнаго общества содѣйствія нар. образов. въ Курскѣ 8 ноября ограничилось требованіемъ свободы слова, собраній, неприкосновенности личности—„Наша Жизнь“ № 8.

[2]) За Учр. Собр. на основѣ четырехчл. формулы изъ многочисленныхъ ноябрьскихъ банкетовъ высказались только банкеты въ Кіевѣ и Самарѣ 20 ноября, въ декабрѣ же за него высказались: банкетъ въ Н.-Новгородѣ 2 декабря, банкетъ въ Харьковѣ 5/XII, засѣданіе харьковской обществ. библіотеки 11/XII, банкетъ въ залѣ Павловой въ Спб. 14/XII, банкетъ врачей въ Спб. 18/XII, V съѣздъ русской группы междунар. съѣзда криминалистовъ—4 января 1905 г. За четырехчленную формулу избират. права при организаціи народнаго представительства высказались: собраніе пом. прис. пов. въ привѣтственномъ адресѣ земскому съѣзду 5 ноября, банкетъ въ Смоленскѣ 20/XI и засѣданіе общества сельск. хоз. въ Костромѣ—3/XII.

Содно выбранныхъ представителей». И только. О способѣ избранія народныхъ представителей ни слова.

Или вотъ другой, не менѣе многолюдный, митингъ въ томъ же Петербургѣ 21-го ноября. Послѣ того, какъ прокуроръ суд. пал. Вуичъ не разрѣшилъ прис. пов. собраться въ зданіи окр. суда, «громадная толпа прис. повѣренныхъ, ихъ помощниковъ и публики въ количествѣ 650 чел., устроила собраніе въ зданіи городской думы, гдѣ, выразивъ негодованіе Вуичу, вынесла слѣдующую резолюцію: «Собравшись въ день сорокалѣтія судебныхъ уставовъ и обсудивъ положеніе русскаго суда, мы находимъ, что правильная организація отправленія правосудія невозможна безъ признанія за всѣми гражданами равныхъ правъ, гарантіи неприкосновенности личности и жилища, свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы печати, собраній, союзовъ. Какъ гарантія этихъ правъ и основа правильнаго теченія государственной жизни, необходимо участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, утвержденіи бюджета и надзорѣ за законностью дѣйствій органовъ администраціи». «Къ этому,- добавляетъ г. Бѣлоконскій, было прибавлено ходатайство объ общей амнистіи политическихъ и религіозныхъ преступниковъ». Въ этой резолюціи мы видимъ воспроизведенной *почти* полностью резолюцію земскаго съѣзда съ небольшимъ только опущеніемъ: *о равенствѣ политическихъ правъ* (также какъ личныхъ и гражданскихъ) *не сказано ни слова.*

Уровень московскихъ банкетовъ былъ еще ниже петербургскихъ. Также какъ въ Петербургѣ на интеллигентскихъ выступленіяхъ, въ Москвѣ отсутствуетъ всякое упоминаніе объ избирательномъ правѣ; вмѣсто же Учред. Собранія или конституціонной формулы земскаго съѣзда, фигурируютъ менѣе опредѣленныя формулы, «участія въ рѣшеніи законод. вопросовъ» на собраніи пом. прис. пов. или представительнаго правленія», на собраніи прис. пов. и на банкетѣ въ Эрмитажѣ.

И если въ декабрѣ выступленія какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ принимаютъ болѣе рѣшительный демократическій характеръ, то, очевидно, тутъ дѣйствовало не внезапное просвѣтленіе Союза Освобожденія, а другія болѣе могущественныя причины.

Но какъ ни низко стояли въ среднемъ интеллигентскія выступленія конца 1904 г., даже они свидѣтельствуютъ о гораздо большей воспріимчивости интеллигенціи къ рѣшительнымъ конституціоннымъ и демократическимъ лозунгамъ по сравненію съ земской средой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно сравнить только интеллигентскія выступленія не съ выступленіями передового отряда земцевъ на земскомъ съѣздѣ 6—8 ноября, а съ земскими собраніями сессіи декабрь—январь 1904—1905 гг.

Въ цитированной уже статьѣ Бѣлоконскаго о земскомъ движеніи сгруппированы резолюціи, выдвинутыя въ 25 губ. земствахъ; присоединяя къ нимъ еще на основаніи корреспонденціи «Освобожденія» резолюціи Тамбовскаго и Пензенскаго собраній, хотя и не прочитанныя на собраніяхъ, но принятыя на частныхъ засѣданіяхъ гласныхъ, получаемъ выступленія огромнаго большинства земствъ (27 изъ 34-хъ) [1]. Какую же картину даютъ эти выступленія по сравненію съ

[1]). „Ист. Сб." с. 37—52, „Освоб." №№ 62 и 63.

банкетной компаніей? Мы видѣли, что *треть* интеллигентскихъ выступленій пошла дальше земскаго съѣзда, высказавшись за созывъ учредительнаго собранія и 44% выступленій стояли приблизительно на томъ же уровнѣ конституціонныхъ требованій, на которомъ стоялъ земскій съѣздъ, итого *больше* $^3/_4$ *выступленій по опредѣленности конституціонныхъ заявленій оказались или не ниже, или выше земскаго съѣзда.* Среди земскихъ выступленій не было ни одного съ требованіемъ Учред. Собранія и $^2/_3$ *оказались позади большинства земскаго съѣзда* [1]).

Что касается избирательнаго права, то тогда какъ *четвертая часть* интеллигентскихъ выступленій выцвинула четырехчленное избирательное право, среди 27 земскихъ собраній оно было выдвинуто *только на одномъ*—Саратовскомъ земскомъ собраніи; 21 земство ограничилось неопредѣленными заявленіями о «представительствѣ народа, земли или страны», 2 земства (Черниговское и Казанское) выдвинули «представительство земствъ» и 3 земства (Рязанское, Тульское и Калужское) совершенно не упомянули о народномъ представительствѣ.

Интересно при этомъ отмѣтить, что нѣкоторыя земскія собранія происходили уже послѣ 9 января, послѣ массоваго выступленія петербургскаго пролетаріата подъ лозунгомъ Учред. Собранія и четырехчленнаго избирательнаго права. Это выступленіе не заставило земскую среду демократизировать свои требованія. Интеллигентская среда, какъ мы увидимъ дальше, оказалась въ этомъ отношеніи гораздо болѣе чуткой.

Но и на протяженіи ноября—декабря 1904 г. можно уже замѣтить несомнѣнную эволюцію влѣво профессіональной имущей интеллигенціи. Такъ изъ 26 ноябрьскихъ выступленій, зарегистрированныхъ мною, только въ четырехъ случаяхъ выдвинута четырехчленная формула и только въ двухъ Учред. Собраніе на основѣ четырехчленной формулы, а *изъ 13 декабрьскихъ выступленій мы находимъ въ 7 случаяхъ четырехчленную формулу и въ 6—Учред. Собраніе на основѣ четырехчленной формулы.* Это значительное повышеніе % демократическихъ выступленій въ декабрѣ по сравненію съ ноябремъ не можетъ быть конечно объяснено случайностью. Въ это время, когда отсутствовали еще массовыя выступленія, пролетаріата, оно можетъ быть объяснено только давленіемъ той демократической массы, о которой я говорилъ выше, и въ которой, рядомъ съ передовыми рабочими и профессіоналами революціонныхъ организацій, очень видную роль играла учащаяся молодежь. И эта демократическая масса, выступавшая подъ преобладающимъ вліяніемъ соціалъ-демократической партіи, оказала на выступленія имущей интеллигенціи несомнѣнно огромное вліяніе. Шумомъ борьбы между нею и имущей интеллигенціей, можно сказать, было наполнено все банкетное движеніе. Во многихъ случаяхъ вмѣшательство въ банкетныя выступленія рабочихъ и профессіоналовъ революціи имѣло до-

[1]) Присоединились къ формулѣ земскаго съѣзда, или повторили ее 8 земскихъ собраній—Бессарабское, Вятское, Полтавское, Саратовское, Таврическое, Костромское, Тамбовское и Самарское; кромѣ того такой же характеръ имѣли—заявленіе 14 гласныхъ на Вологодскомъ собраніи и особое мнѣніе 16 гласныхъ въ Симбирскомъ.

вольно безтолковый характеръ. Но даже и такой характеръ выступленій нисколько еще не исключалъ давленія ихъ на массу интеллигенціи. Выступленія передовыхъ рабочихъ не могли не производить импонирующаго впечатлѣнія, такъ какъ можно было ожидать, что не сегодня, завтра за ними пойдетъ масса. Кромѣ того борьба за демократизацію банкетнаго движенія была въ то же время вездѣ и повсюду борьбой между «отцами» и «дѣтьми» интеллигенціи, такъ какъ учащаяся молодежь шла за революціонными организаціями и ихъ демократическими лозунгами. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ демократическимъ элементамъ удавалось подъ своимъ руководствомъ организовывать довольно импозантныя выступленія. Такіе тысячные митинги съ рѣзкими и опредѣленными демократическими резолюціями, которые мы отмѣчали выше въ Одессѣ и Саратовѣ, должны были производить сильное впечатлѣніе на все банкетное движеніе, толкая его влѣво. И по отдѣльнымъ крупнымъ городамъ мы можемъ прослѣдить, какъ поддавалась имущая интеллигенція этому давленію демократическихъ элементовъ. Въ Одессѣ, напр., банкету имущей интеллигенціи въ Благородномъ собраніи 20/XI предшествовалъ грандіозный революціонный митингъ 18/XI въ общ. охр. нар. здравія. На самомъ банкетѣ 20/XI при поддержкѣ части собранія выступилъ рабочій, сказавшій энергичную рѣчь отъ лица «пролетаріевъ, собравшихся внизу». И если, тѣмъ не менѣе, большинство, около 300 чел. изъ 400—500 присутствовавшихъ на собраніи, подписалось подъ земской резолюціей, то все-таки демократическимъ элементамъ удалось сгруппировать значительное меньшинство (116 подписей) вокругъ конкуррировавшей съ ней демократической резолюціи [1]).

Мы познакомились выше съ столкновеніемъ въ засѣданіи литературно-артистическаго общества въ Кіевѣ, сейчасъ же послѣ земскаго съѣзда на докладѣ о немъ Хижнякова, когда г. Водовозовъ пытался примирить резолюцію земскаго съѣзда съ требованіями передового пролетаріата. И, конечно, не случайно въ томъ же залѣ литературно-артистическаго общества банкетъ 20/XI, какъ бы желая показать своимъ примѣромъ, что между резолюціей земскаго съѣзда и демократическими требованіями нѣтъ противорѣчія, одновременно присоединяется къ резолюціи земцевъ и выдвигаетъ формулу Учред. Собранія на основѣ четырехчленнаго избирательнаго права.

Въ Харьковѣ столкновеніе 6/XI на засѣданіи юридическаго общества, вызвавши на первыхъ порахъ сильное озлобленіе въ рядахъ имущей интеллигенціи, въ то же время заставило ее считаться съ демократическими элементами, какъ съ силой, и рѣзко и опредѣленно поставило передъ ней вопросъ о выборѣ между робкими и далекими отъ демократизма заявленіями земцевъ и рѣшительными демократическими требованіями, за которыми не сегодня, завтра пойдетъ масса. Борьба, начатая такъ рѣзко въ засѣданіи юридическаго общества, продолжалась затѣмъ въ частныхъ сношеніяхъ, въ отдѣльныхъ совѣщаніяхъ интеллигенціи и чуть не въ каждой семьѣ между «отцами» и «дѣтьми». И этой борьбѣ, по крайней мѣрѣ въ значительной степени, слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что выступленія имущей харьковской интеллигенціи въ декабрѣ—на

[1]) „Искра“ № 79 и 80.

банкетѣ 5/XII и на засѣданіи обществ. библіотеки 11/XII, носили уже довольно опредѣленный и рѣшительный демократическій характеръ.

Тѣми же причинами, очевидно, объясняется и эволюція Петербурга. Изъ двухъ громадныхъ ноябрьскихъ митинговъ, какъ видѣли мы выше, одинъ (въ залѣ Павловой) выдвинулъ только Учред. Собраніе и умолчалъ объ избирательномъ правѣ, другой же присоединился къ резолюціи земцевъ. Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ—14 декабря въ той же залѣ Павловой, огромный банкетъ въ числѣ 780 человѣкъ счелъ своимъ долгомъ: «во-первыхъ, единодушно протестовать противъ войны, въ которую русское правительство вовлекло страну и которую оно ведетъ, не считаясь ни съ мнѣніемъ, ни съ интересами народа, и, во-вторыхъ, выразить наше глубокое непоколебимое убѣжденіе, что *вывести страну изъ теперешнихъ затрудненій лучше всего можетъ самъ народъ въ лицѣ свободно избранныхъ имъ на основаніи всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права представителей.* Самыя неотложныя сейчасъ нужды страны—это миръ и свобода». По словамъ корреспондента «Искры» (№ 82), на банкетѣ «присутствовало 30—40 рабочихъ, выставившихъ своихъ собственныхъ ораторовъ, которые произнесли весьма недурныя рѣчи». Вліянію этой группы и соціалъ-демократической интеллигенціи банкета корреспондентъ приписываетъ включеніе въ резолюцію опредѣленнаго указанія на необходимость всеобщаго, прямого и т. д. избирательнаго права, вмѣсто обычнаго на банкетахъ неопредѣленнаго выраженія «свободно выбранные представители всего народа».

Довольно рѣшительную демократическую резолюцію принялъ и банкетъ врачей въ числѣ 300 человѣкъ, собравшійся 18 декабря въ день основанія медико-хирургической академіи (амнистія и созывъ Учред. Собранія по четырехчленной формулѣ).

Но въ бочку демократическаго меду на этомъ банкетѣ попала и изрядная ложка дегтю. Въ предварительномъ проектѣ, выработанномъ организац. бюро, въ числѣ прочихъ свободъ стояла и свобода стачекъ, которую, вообще говоря, интеллигентскіе банкеты систематически опускали, но въ резолюціи, прочитанной на собраніи, ея не оказалось. Одинъ молодой врачъ упрекалъ коллегъ своихъ за это опущеніе, а также за отсутствіе въ резолюціи требованія прекращенія войны, выставленнаго рабочей партіей. Предсѣдатель собранія г. Елпатьевскій, началъ увѣрять, что свобода стачекъ уже содержится будто бы въ принятой резолюціи и что ее не зачѣмъ добавлять. Послѣ этого была предложена особая резолюція о стачкахъ, которая собраніемъ была отклонена [1]).

Съ этими двумя банкетами интересно сопоставить бывшій нѣсколько раньше (5 декабря) банкетъ инженеровъ всѣхъ спеціальностей въ залѣ Контана. На этомъ банкетѣ не было рабочихъ, демократическіе элементы интеллигенціи не вели борьбы за болѣе рѣшительную резолюцію, съ другой стороны въ составѣ этого банкета были гораздо сильнѣе представлены элементы крупной буржуазіи. По словамъ корреспондента «Освобожденія»—«среди собравшихся (485 лицъ) было 15 генераловъ, много владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій, предсѣдателей

[1]) „Искра“ № 83.

правленій и директоровъ крупнѣйшихъ заводовъ Россіи» [1]). Естественно, что при такихъ условіяхъ, вмѣсто опредѣленнаго выставленія четырехчленной формулы избирательнаго права, банкетъ ограничился требованіемъ «предоставленія *всему народу* участія въ законодательствѣ черезъ свободно избранныхъ представителей», хотя довольно опредѣленно высказался за необходимость созыва Учред. Собранія, не употребляя впрочемъ этого термина.

Но если составъ этого банкета былъ причиной умолчанія о четырехчленной формулѣ избирательнаго права, то тотъ же составъ придалъ совершенно своеобразный колоритъ резолюціи банкета, выдѣливши ее изъ цѣлаго ряда другихъ интеллигентскихъ резолюцій. «Инженеры всѣхъ спеціальностей» выступили въ роли идеологовъ передовыхъ слоевъ буржуазіи. «Преуспѣяніе русской промышленности» является отправной точкой этой резолюціи. Резолюція начинается словами: «Собраніе, обсудивъ положеніе отечественной промышленности, единогласно пришло къ слѣдующему заключенію». Остановившись затѣмъ надъ вопросомъ о преуспѣяніи русской промышленности, банкетъ понятнымъ и убѣдительнымъ для буржуазіи языкомъ аргументируетъ необходимость для этого «преуспѣянія» политической свободы и конституціи. Преуспѣяніе это возможно, по мнѣнію банкета, «только на почвѣ широкаго развитія общественной и личной самодѣятельности». Необходимыми условіями такого развитія являются: полная неприкосновенность личности, свобода собраній и союзовъ, свобода слова и печати. Только при прочной гарантіи этихъ правъ достижимы распространеніе и углубленіе народнаго образованія, *безъ чего невозможно увеличеніе производительности труда.* Отсутствіе этихъ условій ведетъ къ упадку нашего высшаго образованія, *этой основы техническаго прогресса,* приводя ежегодно къ гибели сотни молодыхъ силъ, необходимыхъ для Россіи, отталкивая отъ университетовъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній лучшихъ представителей науки. Только при участіи общества въ законодательной работѣ достижима устойчивость какъ нашей экономической политики, такъ и политики въ области охраны труда, въ настоящее время подверженной безпрестаннымъ колебаніямъ и часто отражающей личные взгляды случайныхъ ея руководителей; *въ этомъ участіи главная гарантія равномѣрнаго удовлетворенія интересовъ всѣхъ общественныхъ классовъ.* Только контроль народныхъ представителей можетъ оберегать *соотвѣтствующее общенароднымъ интересамъ расходованіе народныхъ средствъ».* Этой аргументаціи, отъ начала до конца проникнутой интересами промышленности, соотвѣтствуетъ вполнѣ и заключеніе:

«Въ виду всего этого, собраніе *считаетъ неотложною необходимостью для дальнѣйшаго развитія русской промышленности:* открытіе обществу широкого поля для самодѣятельности, предоставленіе всему народу участія въ законодательствѣ»... и т. д. вплоть до требованія, какъ мы видѣли выше, созыва *Учредительнаго* Собранія [2]).

Намъ приходилось уже при анализѣ банкетнаго движенія касаться той крупной роли, которую даже кое-гдѣ на банкетахъ играла учащаяся молодежь,

---

[1]) „Освоб." № 62.

[2]) „Освоб." № 62.

т. е. прежде всего и больше всего студенчество. Идейная часть студенчества въ своемъ огромномъ подавляющемъ большинствѣ шла за революціонными партіями и вмѣстѣ съ передовыми элементами пролетаріата поддерживала рѣшительные демократическіе лозунги. Она дѣлала это не только путемъ бурнаго вмѣшательства въ солидныя выступленія «отцовъ», но и самостоятельно, вынося на своихъ сходкахъ резолюціи.

Такъ, еще въ началѣ Октября (11-го) сходка политехниковъ въ СПБ. въ своей резолюціи въ отвѣтъ на «довѣріе» странѣ, выраженное кн. Св.-Мирскимъ, выразила правительству недовѣріе и выставила требованіе «прекращенія войны и созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго избирательнаго права», приглашая все русское общество присоединиться къ этому требованію [1]).

Аналогичную резолюцію затѣмъ 18 октября приняла и сходка студентовъ университета въ Петербургѣ, заявивши въ ней кромѣ того о необходимости организаціи «въ самомъ близкомъ будущемъ общенародной демонстраціи».

Новая сходка, собравшаяся въ университетѣ 1 ноября въ количествѣ 1000 человѣкъ, подтвердила какъ старую резолюцію, такъ и свою «готовность активно поддержать свои требованія на общенародной демонстраціи, организованной въ ближайшемъ будущемъ революціонными партіями».

Въ началѣ ноября затѣмъ слушательницы СПБ. Женскаго Медицинскаго Института, собравшіяся въ количествѣ 553 человѣкъ по призыву Об. С.-Д. Орг. студ. СПБ., приняли слѣдующую резолюцію:

1. Требовать немедленнаго прекращенія войны (единогласно).

2. Немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія для всѣхъ гражданъ и гражданокъ, достигшихъ 20-ти лѣтняго возраста (единогласно).

3. Мы готовы подтвердить наши требованія участіемъ въ демонстраціи, устраиваемой соединенными революціонными партіями, или одной изъ нихъ... [2]).

Тождественную резолюцію съ этой приняли также студенты электро-техническаго института на сходкѣ 1 ноября [3]).

Болѣе скромную резолюцію приняли студенты Горнаго Института, ограничившіеся на сходкѣ 8-го ноября требованіями учредительнаго собранія на основѣ четырехчленной формулы и политической амнистіи [4]).

Наконецъ студенты военно-медицинской академіи приняли слѣдующую резолюцію: 1. требовать немедленнаго прекращенія войны; 2. требовать созыва Учредительнаго Собранія, выбраннаго на началахъ всеобщаго избирательнаго права, и 3. предъявить эти требованія открыто въ видѣ демонстраціи [5]).

2 же ноября «состоялась сходка различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, созванная соціалдемократическимъ комитетомъ, на которой присутствовало 400—500 человѣкъ. 213 голосами противъ 186 была признана гегемонія соціалдемократической партіи, но такъ какъ число лицъ, вотировавшихъ за общую

---

[1]) „Револ. Россія.“ № 56.
[2]) „ Освобожденіе“ № 61.
[3]) Ib., № 61.
[4]) Ib., № 61.
[5]) Ib., № 61.

демонстрацію, но противъ гегемоніи соціалдемократовъ, было довольно значительно, то окончательная резолюція была составлена въ духѣ компромисса» [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ то время какъ на банкетахъ профессіональной интеллигенціи лозунги Учредительнаго Собранія и всеобщаго избирательнаго права встрѣчались въ ноябрѣ только какъ рѣдкое исключеніе, студенчество не только въ октябрѣ-ноябрѣ уже единодушно выдвигало эти лозунги, но выражало готовность и активно постоять за нихъ. И приведенныя нами резолюціи петербургскаго студенчества были только прелюдіей къ демонстраціи, которая, послѣ долгихъ колебаній и внутренней борьбы въ предѣлахъ соціалъ-демократической организаціи, была назначена ею на 28 ноября и была проведена исключительно силами студенчества. Колебанія и борьба среди организаторовъ этой демонстраціи привели къ тому, что демонстрація, назначенная уже на 28 ноября, за пять дней была отмѣнена, затѣмъ за два дня снова назначена. Окончательное рѣшеніе послѣдовало 26-го, въ пятницу вечеромъ. При такихъ условіяхъ распространеніе призывныхъ листковъ въ субботу среди рабочихъ дѣлалось невозможнымъ и участіе рабочихъ въ демонстраціи тѣмъ самымъ заранѣе исключалось. Такъ или иначе, но на демонстрацію 28 ноября рабочіе не явились, явившаяся же на нее учащаяся молодежь различныхъ учебныхъ заведеній была самымъ жестокимъ образомъ избита заранѣе приготовленными городовыми, жандармами и дворниками. По словамъ корреспондента «Впередъ», передъ ужасами этого избіенія поблѣднѣло казанское побоище 1901 года [2]).

Эта расправа вызвала дружный протестъ писателей, сотрудниковъ различныхъ петербургскихъ изданій. Напечатанный въ нелегальныхъ изданіяхъ, протестъ собралъ 113 подписей [3]).

Такого же типа демонстраціи имѣли мѣсто въ Москвѣ 5 и 6 декабря. Также, какъ на петербургской демонстраціи 28 ноября, тутъ отсутствовали рабочіе и также, какъ тамъ, учащаяся молодежь подверглась сильному избіенію.

На сходкѣ 7 декабря студенты московскаго университета выразили протестъ противъ этого избіенія, заканчивающійся словами: «Совѣщаніе единогласно признаетъ, что единственнымъ исходомъ изъ существующаго положенія и предупрежденіемъ подобныхъ событій является созывъ Учред. Собранія всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ». Вмѣстѣ съ этимъ было постановлено выразить протестъ противъ избіенія 5 и 6 дек. забастовкой съ примѣненіемъ обструкціи. Вслѣдъ за этимъ прекратились занятія, кромѣ университета, также въ Сельско-хозяйственномъ Институтѣ, въ Инженерномъ Училищѣ, на высшихъ женскихъ и на акушерскихъ курсахъ [4]).

Кромѣ Петербурга и Москвы уличныя студенческія демонстраціи происходили и въ другихъ университетскихъ городахъ, напр. въ Харьковѣ, Одессѣ, во

---

[1]) „Освоб.“ № 61.

[2]) Впередъ № 1.

[3]) Подписались члены редакціи и сотрудники „Русскаго Богатства“, „Міра Божьяго“, „Образованія“, „Новаго Пути“, „Правды“, „Вѣстника фабр. закон.“, „Права“, „Хозяина“, „Юриста“, „Экон. газеты“, „Сына отечества“, „Нашей жизни“, „Руси“ и др. пер. изданій. „Искра“ № 81.

[4]) „Рев. Россія“ № 57.

многихъ случаяхъ въ связи съ происходившими банкетами. Точно также и резолюціи съ требованіями прекращенія войны и созыва учред. собранія на основѣ четырехчленной формулы принимались на студенческихъ сходкахъ и въ другихъ университетскихъ городахъ, напр. въ Кіевѣ, на сходкахъ въ Политехникумѣ и Университетѣ [1]), въ Дерптѣ на общей сходкѣ студентовъ Университета и Ветеринарнаго Института [2]).

Вообще въ противоположность участникамъ банкетовъ учащаяся молодежь уже въ ноябрѣ дружно откликнулась на призывы революціонеровъ и сходками въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, также какъ уличными демонстраціями, поддержала выдвинутые ими лозунги прекращенія войны, Учред. Собранія, всеобщаго избирательнаго права. Теперь оставалось только сказать свое вѣское слово самому пролетаріату. И онъ сказалъ его 9 января.

2. Послѣ 9-го января.

Движеніе въ ноябрѣ-декабрѣ 1904 г. было по преимуществу движеніемъ «общества». «Народъ» въ этомъ движеніи принималъ слабое участіе. За него говорили революціонныя партіи изъ интеллигенціи, и ихъ поддерживали, кромѣ учащейся молодежи и неимущей интеллигенціи, только небольшіе передовые отряды рабочихъ. При такихъ условіяхъ было неудивительно, что земскій съѣздъ съ своими робкими и недостаточно демократическими требованіями занялъ центральное мѣсто въ движеніи ноября-декабря 1904 г. Скорѣй нужно удивляться тому, что и передовому меньшинству рабочихъ въ союзѣ съ учащейся молодежью уже къ концу этого періода, путемъ непрерывнаго вмѣшательства въ движеніе, удалось подвинуть значительно влѣво профессіональную интеллигенцію. Въ этомъ движеніи профессіональной интеллигенціи влѣво событіе 9 января должно было сыграть, конечно, рѣшающую роль. На 9 января, поддержанное стачечнымъ движеніемъ пролетаріата во всей Россіи, изъ интеллигенціи сильнѣе всего откликнулась учащаяся молодежь.

Одно за другимъ начали повсюду закрываться высшія учебныя заведенія въ цѣляхъ протеста противъ кровавой расправы съ безоружной массой 9 января, въ цѣляхъ поддержки требованій, выдвинутыхъ пролетаріатомъ. Къ началу февраля, за рѣдкими исключеніями, закрылись почти всѣ высшія учебныя заведенія Россіи. Движеніе студенчества было настолько единодушнымъ и захватывающимъ, что въ немъ приняли участіе даже духовныя академіи, которыя до сихъ поръ никогда не принимали участія въ движеніи. Такъ «26 января въ духовной академіи въ Петербургѣ состоялась сходка, на которой большинствомъ 108 голосовъ противъ 30, при 3-хъ воздержавшихся, постановлено войти въ собраніе профессоровъ академіи съ ходатайствомъ о временной пріостановкѣ учебныхъ занятій» [3]).

Сходныя постановленія были приняты: студентами кіевской дух. академіи

---

[1]) „Искра“ № 79.

[2]) „Освобожд.“ № 61.

[3]) „Право“ за 1905 г., № 4.

на сходкѣ 31 января, большинствомъ 132 голосовъ противъ 23-хъ [1]) и студентами казанской духовной академіи на сходкѣ 24 января, большинствомъ 105 противъ 35, при 5 воздержавшихся [2]). Въ московской духовной академіи послѣ цѣлаго ряда сходокъ студенты обратились къ ректору академіи со слѣдующей петиціей: «взволнованные современными событіями и охваченные настоящимъ освободительнымъ движеніемъ, доводимъ до свѣдѣнія вашего преосвященства, что мы не имѣемъ ни физической, ни нравственной возможности продолжать свои занятія, и просимъ совѣтъ профессоровъ академіи войти въ святѣйшій синодъ съ ходатайствомъ о временномъ прекращеніи лекцій» [3]).

Само собою разумѣется, что другія высшія учебныя заведенія никакихъ ходатайствъ ни передъ кѣмъ не возбуждали, а просто самовольно прекращали занятія повсюду огромнымъ большинствомъ голосовъ и почти вездѣ до 1 сентября. Въ качествѣ необычныхъ участниковъ студенческаго движенія интересно отмѣтить въ Спб.—академію художествъ, консерваторію, статистическіе курсы мин. вн. дѣлъ, историко-филологическій институтъ.

Чрезвычайно крупной особенностью движенія высшихъ учебныхъ заведеній была на этотъ разъ довольно дружная поддержка движенія профессорскимъ персоналомъ. Впереди идутъ опять два совѣта политехникумовъ—спб. и кіевскаго, которые и во время банкетной кампаніи выступили съ довольно опредѣленными конституціонными заявленіями.

Совѣтъ спб. политехническаго института по поводу событій 9 января сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

«Изъ семьи спб. политехническаго института насильственной смертью вырванъ одинъ изъ ея членовъ, студентъ Н. В. Савинкинъ, застрѣленный 9 января у Александровскаго сада. Савинкинъ является одной изъ многихъ жертвъ расправы надъ мирно настроенной безоружной толпой. Потрясенный и возмущенный событіями 9 января, показавшими, что въ Россіи не обезпечена даже самая жизнь мирныхъ гражданъ, совѣтъ выражаетъ свое глубокое негодованіе по поводу массоваго разстрѣливанія, жертвой котораго сдѣлался и питомецъ института. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтъ находитъ, что при настоящихъ условіяхъ веденіе учебныхъ занятій представляется безусловно невозможнымъ. На основаніи вышеизложеннаго совѣтъ постановилъ: 1) довести до свѣдѣнія г. министра финансовъ объ отношеніи совѣта къ событіямъ 9 января, 2) учебныя занятія въ институтѣ прекратить» [4]).

Это постановленіе принято было вскорѣ послѣ 9 января. Въ концѣ февраля (23-го) совѣтъ другого политехникума, кіевскаго, въ отвѣтъ на безплодныя стремленія министерства добиться возобновленія занятій, дѣлаетъ слѣдующее категорическое и рѣшительное заявленіе: «въ результатѣ объективнаго разсмотрѣнія всѣхъ общихъ и частныхъ причинъ закрытія института совѣтъ приходитъ къ заключенію, что всѣ попытки возобновленія занятій обречены на неудачу,

---

[1]) Ib., № 6.
[2]) Ib., № 7.
[3]) Ib., № 8.
[4]) „Освобожденіе“ № 65.

пока не будетъ приступлено къ кореннымъ реформамъ государственнаго устройства» [1])...

Аналогичное рѣшеніе принялъ совѣтъ новороссійскаго университета, заявивши министру нар. просв., что, по его мнѣнію, принятому большинствомъ 49 голосовъ, противъ 18—«студенческія волненія не прекратятся окончательно до тѣхъ поръ, пока у молодежи не появится твердая увѣренность въ коренной реформѣ государственнаго строя» [2]).

О необходимости «общей реформы нашего государственнаго строя» говоритъ также постановленіе совѣта харьковскаго университета въ началѣ февраля [3]).

Еще болѣе энергично выступаютъ профессора дерптскаго университета, которые, подобно совѣту спб. политехникума, большинствомъ 33 противъ 6 просто постановляютъ прекратить занятія до 1 сентября [4]).

Такое же рѣшеніе 3 февраля принимаетъ собраніе 105 приватъ-доцентовъ и лаборантовъ спб. университета всѣми голосами, противъ четырехъ [5]).

Атмосфера всеобщаго возбужденія вмѣстѣ съ студенчествомъ захватываетъ и воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Рядомъ съ «отцами» начинаютъ выступать уже дѣти не въ переносномъ, а прямомъ смыслѣ этого слова. Изъ разныхъ концовъ Россіи—изъ Саратова, Рыбинска, Нижняго-Новгорода, Николаева, Херсона, Одессы, Тифлиса, Варшавы, Кѣлецъ, Царскаго Села, Курска, Минска, Казани, Баку, Пскова, Вологды, Рязани, Ярославля, Батума, Тамбова, Кутаиса, Уфы и другихъ городовъ получаются свѣдѣнія о забастовкахъ среднихъ учебныхъ заведеній, объ уличныхъ манифестаціяхъ ихъ воспитанниковъ, о безпощадныхъ избіеніяхъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиціей. Наиболѣе жестоко расправилась полиція съ учащимися въ Курскѣ. Заранѣе были организованы мясники, краснорядцы, мелкіе лавочники и всякій базарный сбродъ. Самое избіеніе одинъ корреспондентъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «бьютъ учениковъ по лицу и куда попало. Тѣ подъ ударами падаютъ на землю, ихъ поднимаютъ за волосы и ударами опять сшибаютъ съ ногъ, топчутъ ногами (пудовыми мужицкими сапогами). Одного гимназиста 11-ти лѣтъ, уже сбитаго съ ногъ, стражникъ схватываетъ за волосы и бьетъ головой о мостовую... Убѣгающихъ били нагайками. Одинъ окол. надзиратель обнаженной шашкой разрубилъ одному гимназисту лицо, другому—пальто» [6]).

Само собою разумѣется, что подобнаго рода мѣры усмиренія вызывали сильнѣйшее возбужденіе какъ среди учащихся, такъ и среди общества, и извѣстія объ этихъ избіеніяхъ давали только толчокъ къ возникновенію движенія учащихся въ другихъ городахъ.

Во многихъ случаяхъ это движеніе сопровождалось болѣе или менѣе опредѣленными политическими заявленіями. Такъ, напримѣръ, въ Саратовѣ была опубликована резолюція *за подписью болѣе 700 учащихся*, въ которой гово-

---

[1]) „Сынъ От.“ № 16.
[2]) „Право“ № 5.
[3]) Ib., № 6.
[4]) Ib., № 5.
[5]) „Право“ № 5.
[6]) Ib., № 8.

рится: «мы, нижеподписавшіеся, выражаемъ глубокое чувство негодованія и возмущенія, которое вызвалъ въ насъ фактъ... насилія надъ нашими товарищами въ Курскѣ, Вологдѣ, Псковѣ, Баку и др. городахъ. Избитые «черной сотней», наши товарищи увеличили собой скорбный списокъ жертвъ, приносимыхъ русскимъ обществомъ современному порядку». Заканчивается резолюція выраженіемъ надежды, что «не далекъ тотъ день, когда произволъ и насиліе должны будутъ отойти въ область невозвратнаго прошлаго» [1]).

Въ Ярославлѣ похороны гимназиста 5-го класса, покончившаго самоубійствомъ послѣ столкновенія съ учителемъ, превратились въ настоящую политическую манифестацію. Особенно бурное теченіе имѣли волненія среднихъ учебныхъ заведеній на Кавказѣ. Въ Кутаисѣ толпа гимназистовъ и реалистовъ въ количествѣ 800 двигалась по улицѣ съ пѣніемъ марсельезы. Въ Баку тысячная толпа учащейся молодежи устроила уличную манифестацію съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ [2]).

Учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, подобно студентамъ, принимали также резолюціи съ опредѣленными демократическими требованіями.

Такъ, «учащіеся въ николаевскомъ техническомъ училищѣ громаднымъ большинствомъ голосовъ постановили прекратить занятія до 1 сентября 1905 г. и выразить свою солидарность съ постановленіями студентовъ и съ резолюціями казанскаго, саратовскаго, новозыбковскаго и варшавскаго техническихъ училищъ, херсонскаго сельскохозяйственнаго и другихъ учебныхъ заведеній относительно вопросовъ о прекращеніи войны, созыва учредительнаго собранія по принципу всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ и относительно вопросовъ о свободѣ печати, слова, собраній, союзовъ и свободы личности».

Такъ реагировали «дѣти» интеллигенціи вплоть до дѣтей въ буквальномъ смыслѣ этого слова на событіе 9 января. Не менѣе сильное дѣйствіе это событіе и вызванная имъ всероссійская забастовка рабочихъ оказали и на «отцовъ», на массу профессіональной интеллигенціи съ обезпеченнымъ общественнымъ положеніемъ.

Вскорѣ послѣ 9 января среди общества было распространено воззваніе, напечатанное затѣмъ въ «Освобожденіи» и по своему характеру явно исходившее изъ среды освобожденцевъ. Въ этомъ воззваніи разсказывается, что наканунѣ дня 9 января, 8-го вечеромъ, «депутація петербургскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей вмѣстѣ съ представителемъ рабочихъ отправилась къ министру внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателю комитета министровъ, отправилась съ тѣмъ, чтобы лишній разъ предупредить власти о мирномъ характерѣ предполагаемаго обращенія къ царю и о той громадной отвѣтственности, какую возьметъ на себя правительство, встрѣтивъ рабочихъ безпричиннымъ насиліемъ». Разсказывали о мытарствахъ этой депутаціи, о томъ, что кн. Св.-Мирскій ее не принялъ, а Витте сослался на свое безсиліе, и затѣмъ, достойнымъ образомъ характеризуя событіе 9 января, воззваніе заявляетъ, что «*съ требованіями петербургскихъ рабочихъ*

[1]) „Искра“ № 96.

[2]) „Впередъ“ № 15.

русское общество солидарно», добавляя при этомъ, что «два мѣсяца тому назадъ такія же въ основѣ своей требованія были заявлены на земскомъ съѣздѣ представителями всей земской Россіи». Заканчивается воззваніе призывомъ ко «всѣмъ живымъ силамъ русскаго общества», «придти на помощь рабочимъ, встать на борьбу за общенародное дѣло» [1]).

Вечеромъ 9 января масса интеллигенціи собралась въ Вольно-экономическомъ обществѣ. По свѣдѣніямъ англійской газеты «The Daily Telegraph» собралось около 1.000 человѣкъ. На собраніи было прочитано и подписано 459 лицами «воззваніе къ офицерамъ», въ которомъ заявляется, что «изъ трудныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находится страна, есть только одинъ выходъ. Только самъ народъ можетъ излѣчить свои недуги и заживить свои глубокія раны. Для этого же Россійскому государству нуженъ новый основной законъ: Россіи нужна конституція. Земскіе представители и городскія думы, русская интеллигенція и русское купечество, учащаяся молодежь и рабочія массы не только сознали, но уже формулировали эту основную потребность. Охватившее всѣхъ чувство такъ сильно, что его не смогли сдержать никакія преграды. Оно и прорвалось и прорывается несмотря на всѣ кары. Оно не потухнетъ, хотя бы его много разъ старались залить кровью». Указывая затѣмъ, что кровопролитіе 9-го января было отвѣтомъ на мирный актъ рабочихъ, воззваніе оканчивается обращеніемъ къ офицерамъ [2]).

Говоря о студенческомъ движеніи, мы отмѣчали уже смѣлое выступленіе Совѣта СПБ. политехникума. Подобно Совѣту СПБ. политехникума различныя собранія, происходившія послѣ 9 января, выразили рѣзкій протестъ противъ кровопролитія, устроеннаго правительствомъ. Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе рѣшительныхъ заявленій было постановленіе, принятое Императорскимъ московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства: «Считая невозможнымъ пройти молчаніемъ современныя событія, Императорское моск. общ. сельск. хозяйства въ общемъ собраніи 14 янв. 1905 г. постановило:

1) Выразить свое глубокое негодованіе по поводу безчеловѣчнаго произвола, сказавшагося въ избіеніи безоружной толпы рабочихъ, желавшихъ заявить мирнымъ путемъ о своихъ человѣческихъ правахъ и о своихъ насущныхъ нуждахъ.

2) Признать, что единственнымъ выходомъ изъ современнаго положенія можетъ быть лишь немедленный созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

3) Настоящее постановленіе сообщить всѣмъ губернскимъ, уѣзднымъ земскимъ управамъ, всѣмъ городскимъ думамъ, волостнымъ правленіямъ и всѣмъ сельскохозяйственнымъ обществамъ» [3]).

Резолюція, принятая въ Москвѣ же помощниками присяжныхъ повѣренныхъ на собраніи 11 января, кромѣ протеста противъ кровопролитія 9 января, выражаетъ еще убѣжденіе, что послѣ этого кровопролитія «всѣ мирныя средства

---

[1]) „Освобожденіе“ № 65.

[2]) „Впередъ“ № 5, „Рев. Россія“ № 60.

[3]) „Право“ за 1905 г. № 8.

борьбы народа за право и жизнь уже исчерпаны» [1]). Такимъ же настроеніемъ была проникнута и резолюція присяжныхъ повѣренныхъ въ Москвѣ, принятая на собраніи 20 января [2]).

И долго еще, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, интеллигентскія собранія, происходившія въ разныхъ концахъ Россіи возвращались вновь и вновь къ этому кровавому столкновенію правительства съ народомъ. Такъ, напр., бурное засѣданіе Общества грамотности въ Харьковѣ, происходившее ровно черезъ *три* мѣсяца послѣ 9 янв. (9 апр.), «открылось горячей рѣчью, посвященной памяти убитыхъ 9 января» [3]).

Изъ приведенныхъ уже заявленій интеллигенціи видно, какимъ сильнымъ, революціонизирующимъ образомъ подѣйствовало на нее событіе 9 января. Вмѣстѣ съ этимъ, оно заставило интеллигенцію стать на почву тѣхъ рѣшительныхъ демократическихъ требованій, которыхъ она въ своей массѣ еще не рѣшалась принять въ ноябрѣ 1904 г. Тогда для нея путеводной звѣздой былъ земскій съѣздъ 6—8 ноября и, слѣдуя его примѣру, почти всѣ ноябрьскія интеллигентскія собранія совершенно обходили вопросъ объ избирательномъ правѣ и, за немногими исключеніями, не упоминали о необходимости созыва учредительнаго собранія.

Энергичное давленіе передовыхъ слоевъ рабочихъ, ихъ идеологовъ и учащейся молодежи уже въ декабрѣ заставило значительную часть профессіональной интеллигенціи заговорить болѣе рѣшительнымъ демократическимъ языкомъ. Событіе же 9 января и вызванное имъ всероссійское массовое движеніе пролетаріата сыграли въ этомъ отношеніи окончательную рѣшающую роль. Ярче всего эта эволюція въ сторону демократизма бросается въ глаза среди самого живого интеллигентскаго слоя—адвокатовъ.

Въ ноябрѣ взоры адвокатовъ явно обращены въ сторону земскаго съѣзда и вообще земцевъ, тамъ они видятъ сформировавшуюся силу и съ ней считаютъ необходимымъ солидаризироваться. Къ голосу идеологовъ пролетаріата они остаются глухими. И вотъ собраніе прис. повѣренныхъ и ихъ помощниковъ въ СПБ. 21 ноября повторяетъ резолюціи земскаго съѣзда, собраніе московскихъ адвокатовъ 20 ноября говоритъ неопредѣленно о «представительномъ правленіи», собраніе кіевскихъ адвокатовъ (обѣдъ 20 ноября) ограничивается еще болѣе неопредѣленнымъ требованіемъ «представительнаго собранія на основаніи выборнаго начала», а въ Харьковскомъ юридическомъ обществѣ, большинство членовъ котораго составляли присяжные повѣренные, проф. Гредескулу удается еще 18 декабря добиться единогласно присоединенія къ земскимъ резолюціямъ, послѣ того, какъ тотъ же Гредескулъ съ тѣмъ же предложеніемъ потерпѣлъ пораженіе на засѣданіи членовъ Харьковской обществ. библіотеки 11 декабря, принявшемъ рѣшительную демократическую резолюцію. Послѣ 9 января картина рѣзко измѣняется.

Собраніе прис. повѣренныхъ Моск. округа отъ 20 янв. 1905 г., заявивши «о чувствѣ глубокаго ужаса» по поводу кровопролитія 9 янв., выражаетъ «готовность

---

1) „Впередъ“ № 6.
2) „Впередъ“ № 9.
3) „Впередъ“ № 17.

бороться за требованіе русскаго народа — созывъ учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избранія представителей». Постановленіе это принимается единогласно безъ преній, о чемъ и заносится въ протоколъ собранія [1]).

Аналогичное рѣшеніе принимаетъ также общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа Харьковской суд. палаты 13 февр. Заявивши, подобно московскимъ адвокатамъ, «о чувствѣ глубокаго ужаса, охватившемъ всѣхъ при извѣстіи о пріемахъ подавленія демонстрацій 9 января», собраніе харьковскихъ адвокатовъ заявляетъ далѣе «о необходимости немедленнаго созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, тайнаго, равнаго и прямого голосованія» [2]).

28 февраля общее собраніе петербургскихъ помощниковъ прис. повѣренныхъ, остановившись надъ рѣшеніемъ вопросовъ, вытекающихъ изъ Высочайшихъ указа и рескрипта 18 февраля, выразило пожеланіе, чтобы задача особаго совѣщанія, предусмотрѣннаго рескриптомъ 18 февраля, была ограничена выработкой закона о созывѣ учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія [3]).

9 марта собраніе СПБ. присяжныхъ повѣренныхъ принимаетъ аналогичное постановленіе: «чтобы единственною и настоятельною задачею этого особаго совѣщанія была выработка избирательнаго закона для выборовъ въ учредит. собраніе на основаніи всеобщаго избирательнаго права, безъ различія національности и религіи, путемъ равной, прямой и тайной подачи голосовъ» [4]).

Къ этому мнѣнію петербургскихъ адвокатовъ присоединяются затѣмъ присяжные повѣренные московскіе [5]) и саратовскіе [6]).

По поводу того-же булыгинскаго совѣщанія общее собраніе кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ заявляетъ: «необходимъ созывъ народнаго учредительнаго собранія, свободно избраннаго населеніемъ путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ [7]).

Наконецъ, то же самое харьковское юридическое общество подъ предсѣдательствомъ того же проф. Гредескула, которое 18 декабря 1904 г. единогласно присоединилось къ земской резолюціи, 19 марта 1905 г., выразивши отрицательное отношеніе къ булыгинскому совѣщанію, единогласно принимаетъ резолюцію съ требованіемъ всѣхъ свободъ и созыва учредительнаго собранія, избраннаго всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ.

Такая же эволюція наблюдалась и среди другихъ интеллигентскихъ слоевъ, какъ это видно изъ тѣхъ платформъ, которыя принимались интеллигентскими союзами, одинъ за другимъ возникавшими въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ 1905 года. Если мы сопоставимъ платформы этихъ союзовъ съ тѣми резолюціями, которыя выносились на ноябрьскихъ интеллигентскихъ банкетахъ, то замѣтимъ громад-

---

1) „Впередъ“ № 9.
2) „Право“ 1905 г. № 9.
3) „Право“ № 9, „Сынъ От.“ № 16.
4) „Право“ №10
5) „Впередъ“ № 17.
6) „Право“ № 13.
7) „Ib.“ № 14.

ный прогрессъ въ смыслѣ демократизаціи интеллигентскаго движенія. На предварительномъ совѣщаніи делегатовъ 14 всероссійскихъ профессіональныхъ союзовъ [1]), положившемъ начало образованію Союза Союзовъ, была произведена сводка политическихъ платформъ всѣхъ союзовъ и совѣщанію нужно было сдѣлать только небольшую натяжку, чтобы придти къ заключенію, что «*въ своихъ основаніяхъ всѣ эти платформы сходятся и всѣ союзы высказываются за необходимость немедленнаго созыва учредительнаго собранія народныхъ представителей, избираемыхъ всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ*» [2]). И, дѣйствительно, только платформа академическаго союза, сознательно, повидимому, умалчивая о прямомъ избирательномъ правѣ, стоитъ въ противорѣчіи съ этой объединяющей формулой, въ общемъ же требованіе учредительнаго собранія на основѣ четырехчленной формулы становится явно преобладающей нотой во всемъ интеллигентскомъ движеніи. Отъ интеллигенціи оно перебрасывается къ съѣздамъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, къ этому передовому авангарду владѣльческой оппозиціи, но масса буржуазіи и землевладѣльцевъ остается совершенно чуждой этому лозунгу, своей неподвижностью, а потомъ движеніемъ вправо рѣзко подчеркивая особую роль въ общественномъ движеніи профессіональной интеллигенціи, непрерывно, вплоть до декабрьскаго возстанія лѣвѣющей подъ вліяніемъ ростущаго рабочаго движенія.

3. Образованіе интеллигентскихъ союзовъ и ихъ платформа.

Интеллигентскіе союзы образовались не въ тиши, не въ подпольѣ. Они возникли явочнымъ порядкомъ, въ явное нарушеніе существующихъ правилъ и узаконеній, внося самымъ фактомъ своего образованія дезорганизацію въ существующій государственный порядокъ. Кромѣ того «записки» представителей различныхъ интеллигентскихъ профессій, служившія исходной точкой для образованія союзовъ, также какъ первые делегатскіе съѣзды союзовъ, происходившіе въ мартѣ и апрѣлѣ 1905 г., были сами по себѣ явнымъ открытымъ нападеніемъ на тогдашній государственный порядокъ, а вторые, кромѣ того, и отвѣтомъ на жалкія попытки правительства выйти изъ кризиса путемъ булыгинскаго законосовѣщательнаго собранія.

Чтобы оцѣнить вполнѣ крупное значеніе выступленія организованной интеллигенціи послѣ 9 января, слѣдуетъ принять во вниманіе, что если интеллигентскіе союзы шли *за* петербургскимъ пролетаріатомъ, вырабатывая свои платформы подъ несомнѣннымъ вліяніемъ требованій, выдвинутыхъ петербургскими рабочими 9 января, то въ то же время они шли пока еще *впереди* рабочей массы остальной Россіи (кромѣ окраинъ), движеніе которой послѣ 9 янв. носило еще чрезвычайно неопредѣленный политическій характеръ. Остановимся же по-

[1]) Академическаго, адвокатовъ, агрономовъ и статистиковъ, врачей, ветеринаровъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, журналистовъ и писателей, земскихъ дѣятелей, союза женскаго равноправія, союза для достиженія равноправія евреевъ въ Россіи, инженеровъ, конторщиковъ и бухгалтеровъ, учителей и фармацевтовъ.

[2]) „Право“ № 20.

дробнѣе надъ процессомъ образованія и первыми выступленіями главнѣйшихъ интеллигентскихъ союзовъ.

А) Всероссійскій союзъ адвокатовъ.

Цѣлый рядъ выступленій адвокатуры въ различныхъ городахъ съ января по мартъ, выступленій, которыхъ мы коснулись въ предыдущей главѣ, закончился всероссійскимъ выступленіемъ адвокатовъ на первомъ делегатскомъ съѣздѣ 28—30 марта. Рѣшеніе о созывѣ этого съѣзда въ цѣляхъ основанія союза было принято на собраніи петербургскихъ адвокатовъ 30 января [1]).

Первое засѣданіе адвокатскаго съѣзда открылось въ помѣщеніи Вольно-Экономическаго Общества, но въ засѣданіе былъ введенъ нарядъ полиціи и, въ виду этого, предсѣдатель, уступая силѣ, былъ вынужденъ закрыть засѣданіе. Второе засѣданіе происходило на частной квартирѣ, туда явился полицейскій приставъ и предъявилъ «требованіе градоначальника разойтись и сообщить списокъ присутствующихъ». Собраніе отклонило требованіе разойтись, списокъ же передало полиціи. Послѣ этого собраніе продолжалось и безпрепятственно закончилось. На третье засѣданіе снова было предъявлено приставомъ требованіе генералъ-губернатора «прекратить засѣданіе и разойтись». Это требованіе было сново отклонено собраніемъ. Приставъ заявилъ, что принужденъ будетъ ввести нарядъ полиціи, но угрозы своей не привелъ въ исполненіе и съѣздъ безпрепятственно закончилъ свои засѣданія [2]).

Засѣданія съѣзда носили очень бурный характеръ.

Соціалдемократическая группа пыталась толкнуть съѣздъ на прямой революціонный путь. Резолюція, предложенная однимъ изъ кавказскихъ делегатовъ отъ лица Ц. К. Р. С. Д. Р. П., призывала адвокатовъ къ «всестороннему обслуживанію пролетаріата въ дѣлѣ подготовки всенароднаго возстанія». Съѣздъ адвокатовъ такъ далеко не склоненъ былъ идти. Но въ первоначальной резолюціи, принятой съѣздомъ, среди другихъ стояли пункты о «матеріальной и нравственной поддержкѣ революціоннымъ партіямъ» (п. 2) и о «содѣйствіи вооруженію населенія» (п. 4). Затѣмъ на съѣздѣ возникли колебанія и, чтобы «не доставить удовольствія прокурорскому надзору», какъ выразился одинъ изъ участниковъ съѣзда, были выкинуты сперва п. 4, а потомъ п. 2. Пунктъ 2 былъ при этомъ выкинутъ только незначительнымъ большинствомъ голосовъ—62-мя противъ 59. Но затѣмъ, чтобы предотвратить выходъ со съѣзда 11 членовъ (8 соц.-дем. и 3 радикаловъ), съѣздъ принялъ слѣдующую компромисную резолюцію: «Признавая громадное культурное и политическое значеніе дѣятельности революціонныхъ партій, съѣздъ адвокатовъ высказываетъ свою полную солидарность съ ними въ стремленіяхъ установить въ Россіи новый государственный порядокъ на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права» [3]).

Задачу образуемаго союза съѣздъ сформулировалъ слѣдующимъ образомъ: «Съѣздъ провозглашаетъ учрежденіе всероссійскаго союза адвокатуры съ цѣлью объединенія общественно—профессіональной дѣятельности адвокатуры и достиженія

---

1) „Памятникъ эпохи 17 окт.“ („Спутникъ избирателя“) с. 156.

2) „Освобожденіе“ № 69—70.

3) „Искра“ № 100.

политическаго освобожденія Россіи на началахъ демократической конституціи» [1]).

Съѣздъ затѣмъ призналъ «необходимой пропаганду союзомъ въ широкихъ кругахъ населенія идеи созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія и учрежденія демократической конституціи» (п. 7) и призналъ «желательной пропаганду въ широкихъ слояхъ населенія идеи пассивнаго сопротивленія правительству путемъ отказа уплачивать налоги и повинности» (п. 11) [2]).

Б) Всероссійскій союзъ медицинскаго персонала.

Въ интеллигентскомъ движеніи врачи играли чрезвычайно крупную роль, они имѣютъ, пожалуй, наибольшія права на званіе передового авангарда интеллигенціи. На Пироговскихъ съѣздахъ они и до образованія союза выступали въ качествѣ объединенной силы. Еще до эпохи довѣрія, при господствѣ Плеве, въ январѣ 1904 года Пироговскій Съѣздъ бросилъ вызовъ бюрократическому режиму, признавши при его существованіи невозможнымъ бороться съ заболѣваемостью и смертностью населенія [3]). Пироговскій же съѣздъ врачей, происходившій въ Москвѣ 21—24 марта 1905 года, выработалъ въ послѣдній день съѣзда платформу союза врачей и уставъ организаціи.

Этотъ Пироговскій съѣздъ, изъ котораго родился союзъ медицинскаго персонала, былъ не менѣе яркимъ и выдающимся явленіемъ въ мартѣ 1905 г., чѣмъ въ свое время былъ предыдущій Пироговскій съѣздъ.

«Пироговскій съѣздъ, пишетъ корреспондентъ газеты «Впередъ», превзошелъ всякія ожиданія, не говоря уже о результатахъ въ видѣ резолюціи, которая является, ни больше, ни меньше, какъ «программой минимумъ». Этотъ фактъ, совершенно вѣрно заключаетъ корреспондентъ, показываетъ, «насколько наше «общество» подвинулось влѣво за какихъ нибудь 3—4 мѣсяца со времени банкетовъ». По словамъ корреспондента, народу на засѣданіи присутствовало больше 3000 чел. «Надо было видѣть этотъ митингъ, продолжаетъ корреспондентъ: народу видимо-невидимо, стоятъ всѣ такъ тѣсно, что яблоку упасть негдѣ, воодушевленіе необыкновенное»... Закончилось послѣднее засѣданіе революціонными возгласами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ [4]).

Резолюція-платформа, принятая Пироговскимъ съѣздомъ, начинается съ энергичнаго заявленія, что «никакая культурная и мирная работа невозможна при существующемъ строѣ, что политика нашего правительства, политика безграничнаго административнаго произвола, безконтрольнаго хозяйничанья въ финансахъ, завоевательныхъ авантюръ ввергла уже нашу родину въ ужасающую по своимъ размѣрамъ нищету, залила поля далекой Манчжуріи потоками дорогой намъ крови. Не мало также пролито крови массовымъ убійствомъ гражданъ на улицахъ С.-Петербурга, Варшавы, Баку, Риги, Курска и др. городовъ». Въ виду этого Пироговскій съѣздъ «заявляетъ о *необходимости врачамъ сорганизо-*

---

[1]) В. Ивановичъ. Россійскія партіи, союзы и лиги—с. 186.

[2]) В. Ивановичъ, с. 186—187.

[3]) См. мою статью въ I т. „Общ. движ.“.

[4]) „Впередъ“ № 15.

ваться для энергичной борьбы рука объ руку съ трудящимися массами противъ бюрократическаго строя для полнаго его устраненія и *за созывъ учредительнаго собранія*. Это собраніе должно быть созвано на основаніяхъ *всеобщаго, равнаго и тайнаго* голосованія, безъ различія пола, вѣроисповѣданія, національности, *при условіи немедленнаго прекращенія войны*, передачи полиціи въ руки общественныхъ учрежденій и предварительнаго проведенія въ жизнь началъ неприкосновенности личности и жилищъ, свободы совѣсти, слова, печати, собраній, союзовъ, *стачекъ* и освобожденія всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія». На этотъ разъ, какъ мы видимъ, врачи не забыли, подобно ихъ петербургскимъ коллегамъ на банкетѣ 18 декабря, предъявить требованіе о прекращеніи войны, и сочли нужнымъ внести требованіе свободы стачекъ, которое банкетъ 18 декабря, несмотря на настойчивыя требованія представителей пролетаріата, отказался внести въ свою резолюцію [1]).

Въ качествѣ необходимыхъ соціальныхъ реформъ резолюція выдвигаетъ: прогрессивно-подоходный налогъ, надѣленіе крестьянъ землей за счетъ государственныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ земель, 8-часовый рабочій день, минимумъ заработной платы, государственное страхованіе отъ болѣзней, старости, инвалидности и безработицы [2]).

В) Всероссійскій союзъ инженеровъ и техниковъ.

Если адвокаты, врачи, профессора, писатели въ своихъ первыхъ выступленіяхъ колебались между стремленіемъ сохранить солидарность съ земской средой и тяготѣніемъ къ единству дѣйствій съ рабочей массой, то инженеры въ силу своей роли въ промышленности колебались между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Въ первой главѣ мы познакомились съ очень характерной резолюціей, принятой на банкетѣ 5 декабря, на которомъ положено было начало и образованію союза инженеровъ [3]). Исходной точкой этой резолюціи были интересы промышленности, во имя ихъ резолюція требовала преобразованія государственнаго строя, причемъ въ своихъ конституціонныхъ требованіяхъ совершенно умалчивала о характерѣ избирательнаго права.

Чрезвычайно характерна также въ этомъ отношеніи принятая на собраніяхъ 13 и 14 янв. и представленная 23 янв. предсѣдателю комитета министровъ, С. Ю. Витте, «Записка 198 инженеровъ», подъ которой подписалось, въ концѣ концовъ, болѣе 800 человѣкъ, и которая служила вмѣстѣ съ резолюціей банкета 5 декабря первоначальной платформой, вокругъ которой объединялись инженеры въ свой союзъ [4]).

Почти одновременно съ этой запиской была изготовлена записка московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, которая была прочитана и въ собраніи петербургскихъ фабрикантовъ въ количествѣ болѣе 200 человѣкъ и покрыта тамъ несмолкаемыми аплодисментами [5]). И если мы сравнимъ обѣ эти записки, инже-

---

[1]) См. объ этомъ раньше, въ первой главѣ.

[2]) „Право“ № 14.

[3]) На банкетѣ было выбрано первоначальное Бюро Союза, см. заявленіе Бюро Союза инженеровъ, напеч. въ „Правѣ“ № 11.

[4]) „Наши дни“ № 28, „Русь“ № 20.

[5]) „Наши дни“ № 29, „Русь“ № 20.

неровъ и фабрикантовъ, то найдемъ въ нихъ поразительное сходство во многихъ отношеніяхъ. Въ обѣихъ запискахъ въ центрѣ стоитъ изобличеніе зубатовской политики правительства, обѣ записки ставятъ въ связь съ этой политикой событіе 9 января, обѣ останавливаются надъ потрясеніями, испытываемыми промышленностью отъ «бурныхъ взрывовъ рабочихъ движеній», и обѣ записки видятъ причины этихъ взрывовъ въ политическомъ недовольствѣ рабочихъ. Записка фабрикантовъ больше отправляется отъ интересовъ промышленниковъ, записка инженеровъ старается подчеркнуть нейтральное свое положеніе въ борьбѣ между промышленниками и рабочими, но обѣ чрезвычайно сходны по общему ходу своихъ разсужденій и по своей аргументаціи. Зубатовская политика должна быть прекращена, говорятъ обѣ записки, и вмѣсто нея рабочимъ, также какъ всему населенію, должны быть даны политическія права.

Московскіе фабриканты и заводчики, дружно поддержанные, какъ мы видѣли, петербургскими промышленниками, предлагаютъ правительству согласиться съ слѣдующимъ выводомъ: «рабочіе, какъ и все русское общество, настолько уже политически созрѣли, что имъ, какъ и всему русскому обществу, *въ интересахъ промышленнаго роста Имперіи*, должны быть дарованы политическія права и свободныя учрежденія». Къ такому же выводу приходитъ и записка инженеровъ, причемъ страхъ передъ дальнѣйшимъ продолженіемъ зубатовской политики и возможнымъ ея вліяніемъ на состояніе промышленности въ этой запискѣ выступаетъ даже еще рельефнѣе, чѣмъ въ запискѣ фабрикантовъ. «Принятіе исключительныхъ мѣръ, говоритъ записка 198 инженеровъ, изъятіе изъ гласнаго обсужденія причинъ и послѣдствій переживаемыхъ промышленностью событій и одновременно съ этимъ заявленное г. с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ намѣреніе возобновить въ еще болѣе широкомъ масштабѣ попытку организовать рабочихъ при посредствѣ администраціи не только не дадутъ странѣ необходимаго успокоенія, а, наоборотъ, внесутъ въ ея промышленную и гражданскую жизнь еще болѣе острыя осложненія. *Мы опасаемся, что отечественная промышленность, нынѣ и безъ того находящаяся въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, можетъ быть поставлена въ безвыходное положеніе, при которомъ участіе въ ней капитала и интеллигентнаго труда сдѣлается совершенно невозможнымъ*». Чрезвычайно характерно также заканчивается записка: «На томъ уровнѣ развитія, котораго достигла русская промышленность, мѣры бюрократическаго попеченія уже не въ состояніи вносить успокоеніе въ умы; напротивъ, *своими постоянными колебаніями то въ направленіи односторонней защиты предпринимателей, то въ сторону показной поддержки рабочихъ онъ порождаютъ во всѣхъ слояхъ промышленнаго населенія неувѣренность и раздраженіе.* Удовлетвореніе же основнаго требованія рабочаго класса, путемъ дарованія широкой свободы союзовъ и собраній, предполагаетъ проведеніе въ жизнь началъ общегражданской политической свободы». И только. Также какъ въ постановленіи собранія 492 инженеровъ всѣхъ спеціальностей, ни слова о характерѣ избирательнаго права, о тѣхъ условіяхъ, которыя дѣйствительно могли бы гарантировать рабочимъ вліяніе на законодательство страны.

Но и инженеры, также какъ и представители другихъ интеллигентныхъ профессій, испытали на себѣ сильное вліяніе рабочаго движенія и на первомъ

всероссійскомъ делегатскомъ съѣздѣ *22—24 апрѣля*, въ которомъ приняло участіе 125 представителей отъ 3.228 инженеровъ и техниковъ, была принята платформа союза инженеровъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ красуется признаніе «безусловно необходимымъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ». Въ то же время видную часть этой платформы составляютъ требованія мѣръ, направленныхъ къ защитѣ рабочаго класса. Рядомъ съ предоставленіемъ рабочимъ полной свободы стачекъ, делегатскій съѣздъ инженеровъ требуетъ: прогрессивнаго уменьшенія рабочаго дня до 8 час. и введенія государственнаго страхованія рабочихъ отъ безработицы, увѣчій, инвалидности, болѣзней и старости подъ контролемъ рабочихъ организацій. Затѣмъ предлагаются: запрещеніе срочныхъ работъ, сверхурочныхъ работъ, установленіе непрерывнаго отдыха въ теченіе 36 часовъ, рядъ мѣръ, направленныхъ къ защитѣ женскаго и дѣтскаго труда. «Контроль за правильнымъ примѣненіемъ законодательства о защитѣ труда долженъ быть порученъ, по мнѣнію съѣзда, не только независимой отъ полицейской администраціи инспекціи труда, но и рабочимъ комитетамъ».

Для характеристики настроенія съѣзда интересно также слѣдующее его постановленіе:

Въ отношеніи къ рабочему движенію, принявъ во вниманіе, что въ настоящее время инженерамъ часто предлагается принимать участіе въ полицейско-административныхъ репрессіяхъ, съѣздъ призналъ «несовмѣстимымъ съ достоинствомъ инженера: 1) обращеніе за содѣйствіемъ вооруженной силы при конфликтахъ труда и капитала, 2) составленіе списковъ такъ называемыхъ «политически неблагонадежныхъ рабочихъ», 3) увольненіе рабочихъ по спискамъ, составленнымъ заводской администраціей или полиціей, 4) вообще всякое увольненіе рабочихъ и служащихъ по политическимъ мотивамъ, 5) наложеніе какихъ бы то ни было каръ за празднованіе 1 мая».

Въ заключеніе съѣздъ высказался за созывъ всероссійскаго съѣзда рабочихъ [1]).

Г) Союзъ россійскихъ писателей.

По самому характеру своему писательская среда была наименѣе способна къ объединенію на почвѣ какой либо политической платформы. Болѣе рѣзко чѣмъ какой либо другой слой, писатели дѣлятся и должны дѣлиться по различнымъ политическимъ теченіямъ, выразителями которыхъ они являются. И съ какими трудностями тутъ были въ самомъ дѣлѣ связаны всякія широкія попытки объединенія, показываетъ постановленіе редакторовъ петербургскихъ газетъ, принятое 11 января.

Черезъ два дня послѣ того какъ пролилась кровь рабочихъ, шедшихъ подъ знаменемъ Учред. Собранія, редакторы петербургскихъ газетъ принимаютъ резолюцію, по своей опредѣленности стоящую безконечно ниже даже резолюціи земскаго съѣзда 6—8 ноября, выдвигаютъ славянофильское требованіе земскаго

---

1) „Право". № 20

собора. «Совѣщаніе редакторовъ, говоритъ эта странная резолюція, считаетъ своимъ долгомъ заявить, что, по его глубокому убѣжденію, единственнымъ выходомъ изъ нынѣшняго положенія является созывъ земскаго собора для устроенія государственнаго порядка въ Россіи. Соборъ этотъ долженъ состоять изъ свободно выбранныхъ представителей всѣхъ сословій и классовъ населенія и пользоваться неограниченной свободой преній и постановленій. Собранія собора должны происходить при полной гласности»[1]).

Это славянофильское измышленіе понадобилось для того, чтобы въ одномъ и томъ же выступленіи объединить «Право», «Нашу жизнь», «Сына Отечества» съ одной стороны и «Новое Время», «Свѣтъ», «Петербургскія Вѣдомости» съ другой [2]). «Сынъ Отечества» вмѣстѣ съ «Новымъ Временемъ»! Это было почти равносильно объединенію интеллигенціи съ бюрократіей. И бюрократія, въ самомъ дѣлѣ, очень скоро выразила готовность идти на встрѣчу требованію земскаго собора. Рескриптъ 18 февраля возвѣстилъ о предстоящемъ созывѣ законосовѣщательной думы. Но этотъ рескриптъ также мало, какъ резолюція представителей петербургскихъ изданій, соотвѣтствовалъ требованіямъ времени, и предварительный съѣздъ столичныхъ и провинціальныхъ журналистовъ, собравшійся въ Петербургѣ 3—4 марта, почувствовалъ себя вынужденнымъ выступить рѣзко противъ этого рескрипта. Вмѣсто законосовѣщательной думы собравшіеся петербургскіе и провинціальные журналисты потребовали «немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія», и «немедленнаго обезпеченія свободы слова, собраній и печати (безъ различія національности и языка), неприкосновенности личности и жилища и политической амнистіи»; въ отношеніи же булыгинскаго совѣщанія они рѣшили рекомендовать, «организованнымъ общественнымъ силамъ» ограничиться предъявленіемъ ему этихъ требованій [3]).

Это совѣщаніе петербургскихъ и провинціальныхъ журналистовъ положило первое начало образованію союза писателей, избравши изъ своей среды организаціонное бюро и поручивши ему созвать первый съѣздъ россійскихъ журналистовъ. Этотъ съѣздъ состоялся въ Петербургѣ 3—4 марта 1905 г. На съѣздъ явилось 140 писателей, въ томъ числѣ 110 представителей газетныхъ и журнальныхъ редакцій (по одному отъ каждой) и литературныхъ организацій и 30 лицъ особо приглашенныхъ организаціоннымъ бюро. На этомъ съѣздѣ преобладали не только прогрессивные, но и настроенные въ рѣшительномъ демократическомъ духѣ элементы журналистики, но природа писательскаго дѣла рѣзко сказалась на этомъ съѣздѣ, породивши на немъ такія пренія, какія не далъ ни одинъ изъ другихъ профессіональныхъ съѣздовъ.

Въ политическихъ вопросахъ съѣзду удавалось еще достигать довольно большого единодушія, и требованія учредительнаго собранія и организаціи народнаго представительства на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосо-

---

[1]) „Освобожденіе“ № 65.

[2]) Подписались подъ приведеннымъ заявленіемъ редакторы или представители слѣдующихъ изданій. „Право“, „Наша Жизнь“, „Наши Дни“, „Сынъ Отечества“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Новое Время“, „Новости“, „Русь“, „Слово“, „Свѣтъ“, „Петерб. листокъ“ „Петерб. газета,“ „Петерб. Вѣдомости“—ib.

[3]) „Право“ № 10.

ванія принимались огромнымъ большинствомъ голосовъ, но когда съѣздъ приступилъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса, мнѣнія на немъ рѣзко раздѣлились.

Такъ, резолюція по аграрному вопросу, признающая необходимость принципа націонализаціи земли, была принята большинствомъ 54 голосовъ противъ 31, а резолюція, требовавшая отстаиванія «немедленнаго введенія 8-часоваго рабочаго дня во всѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ онъ возможенъ по техническимъ условіямъ, въ настоящее время, и немедленнаго принятія мѣръ къ введенію его въ ближайшій срокъ во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ производства», была принята 52 голосами противъ 49. Въ концѣ концовъ, въ виду большихъ разногласій между членами съѣзда по аграрному и рабочему вопросамъ, редакціонная комиссія съѣзда, чтобы предупредить расколъ, предложила съѣзду совершенно выкинуть изъ платформы союза соціально-экономическій вопросъ, объединившись только на почвѣ политическихъ требованій. Это предложеніе и было принято съѣздомъ и для образующагося союза была принята исключительно политическая платформа. Заключительнымъ пунктомъ этой платформы было слѣдующее постановленіе, принятое съѣздомъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, по вопросу о мѣрахъ проведенія въ жизнь принятыхъ имъ политическихъ требованій: «Мы признаемъ наиболѣе цѣлесообразнымъ прямой и активный образъ дѣйствій и считаемъ необходимой настойчивую агитацію въ пользу немедленнаго созыва учредительнаго собранія, производимую путемъ цензурной и безцензурной печати, устройства сходокъ, собраній и народныхъ митинговъ и, наконецъ, въ частности, путемъ образованія ряда профессіональныхъ союзовъ, съ возможнымъ ихъ объединеніемъ въ союзъ союзовъ» [1]).

Д) Всероссійскій Академическій Союзъ.

Профессорская среда была наиболѣе коснымъ интеллигентскимъ слоемъ, наименѣе способнымъ къ оппозиціи; общественное движеніе расшевелило и этотъ слой. Характерныя черты его сохранились, впрочемъ, и въ его выступленіяхъ. Оппозиціонное шествіе профессоровъ было болѣе медленнымъ, спокойнымъ, умѣреннымъ, чѣмъ движеніе другихъ слоевъ интеллигенціи. Тутъ мы не замѣтимъ рѣзкихъ скачковъ вродѣ того, который сдѣлали адвокаты, отъ совершенно неопредѣленныхъ или очень умѣренныхъ заявленій перешедшіе сразу подъ вліяніемъ рабочаго движенія къ рѣшительнымъ демократическимъ лозунгамъ и чуть не революціонной тактикѣ; тутъ не найдемъ мы и рѣшительной постановки аграрнаго и рабочаго вопросовъ, какъ у врачей, литераторовъ, инженеровъ. Спокойно и осторожно шествуютъ профессора, всегда въ своихъ выступленіяхъ оказываясь, нѣсколько назади другихъ, болѣе живыхъ, слоевъ интеллигенціи. Такъ, въ извѣстной запискѣ 342 дѣятелей ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній, за пять дней до выступленія петербургскаго пролетаріата 9 января, когда значительные слои интеллигенціи уже примкнули къ демократическимъ лозунгамъ учред. собранія и четырехчленной формулы избирательнаго права (банкетъ въ залѣ Павловой 14 дек., банкетъ врачей 18 дек.), профессора повторяютъ еще формулу земскаго съѣзда о «привлеченіи свободно-избранныхъ представителей народа къ осуще-

[1]) „Право“ № 17.

ствленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи» [1]) 25-28 марта, когда лозунги учредит. собранія и четырехчленнаго избирательнаго права, можно сказать, носились въ воздухѣ и когда адвокаты, врачи, инженеры, писатели, какъ мы только что видѣли, довольно единодушно ихъ восприняли, профессора не рѣшаются вполнѣ присоединиться къ нимъ. «Народное представительство будущей Россіи ,говорятъ они, должно быть построено на началахъ всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права». А вмѣсто того, чтобы прямо примкнуть къ пріобрѣвшему широкую популярность лозунгу учредительнаго собранія, профессора предпочитаютъ описательный способъ выраженія: «коренное преобразованіе государственнаго строя и улучшеніе экономическаго положенія не можетъ быть осуществлено средствами бюрократіи. Оно должно быть дѣломъ народныхъ представителей» [2]).

Е) Всероссійскій Союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ.

Этотъ союзъ былъ переходнымъ отъ чисто интеллигентскихъ союзовъ къ рабочимъ. Кромѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ него входила также и масса мелкихъ служащихъ, по своему положенію приближающихся къ рабочимъ. Союзъ этотъ сыгралъ затѣмъ большую роль въ октябрьской забастовкѣ. Союзъ былъ учрежденъ на съѣздѣ служащихъ 10 казенныхъ и частныхъ ж. д., имѣвшемъ мѣсто въ Москвѣ 20 и 21 апрѣля. Въ мотивированномъ рѣшеніи объ образованіи союза, принятомъ съѣздомъ, говорится, что «цѣлью союза является защита матеріальныхъ, правовыхъ, культурныхъ и служебныхъ интересовъ служащихъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, что можетъ быть достигнуто только при господствѣ демократической идеи въ жизни. Поэтому, самой главной и первѣйшей задачей союза является требованіе такихъ условій, которыя создали бы возможность безпрепятственнаго развитія демократической идеи и, какъ логическое слѣдствіе этого, *требованіе скорѣйшаго созыва возвѣщеннаго собранія народныхъ представителей на началахъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія*». Въ то же время, «не желая ограничиться голымъ провозглашеніемъ принциповъ и становясь съ первыхъ же шаговъ на путь корпоративной дѣятельности, союзъ беретъ на себя и фактическое осуществленіе всѣми партіями въ предѣлахъ желѣзнодорожной корпораціи свободы слова и собраній, а также организацію стачекъ, какъ частныхъ, такъ и всеобщихъ».

Ж) Остальные союзы.

Рядомъ съ профессорами объединились въ союзы также учителя средней и низшей школы. Для учителей средней школы платформой послужила записка о нуждахъ средней школы, принятая на первомъ съѣздѣ союза въ апрѣлѣ 1905 г. [3]), для народныхъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію платформой для объединенія послужила «записка о нуждахъ народнаго просвѣщенія

---

[1]) „Наши дни“ № 22, „Русь“ № 20, „Право“ № 3.

[2]) „Право“ № 115.

[3]) „Право“ № 17.

въ связи съ общими условіями русской жизни», принятая на собраніи 12 марта [1]). Первая записка находитъ, что создать условія для нормальнаго положенія средней школы можетъ только «народное представительное правленіе, организованное на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ», а вторая, разбирая «нужды народнаго просвѣщенія», приходитъ къ необходимости: 1) полной гарантіи неприкосновенности личности и жилища, 2) свободы совѣсти, слова, печати, сходокъ, собраній и союзовъ и 3) созыва народнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

Подобно учительскимъ съѣздамъ и съѣздъ ветеринаровъ, положившій основаніе союзу ветеринаровъ, въ засѣданіи 21 марта пришелъ къ заключенію, что «ветеринарное дѣло... находится въ тѣсной и непосредственной связи съ общими экономическими, политическими и культурными условіями жизни страны. Условія эти, въ настоящее время приведшія большинство населенія къ полному хозяйственному раззоренію, при угнетающемъ безправіи и некультурности, повергли страну въ тревожное, критическое состояніе, и въ частности являются непреодолимымъ тормазамъ ветеринарной дѣятельности, а потому съѣздъ ветеринаровъ пришелъ къ необходимости «скорѣйшей замѣны бюрократическаго строя демократической конституціей, для каковой цѣли необходимъ немедленный созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія» [2]).

Къ совершенно тому же заключенію пришелъ и съѣздъ агрономовъ, статистиковъ и другихъ дѣятелей экономической помощи населенію «при обсужденіи условій своей дѣятельности» [3]). Оба послѣдніе съѣзда, кромѣ того, высказались за широкое рабочее законодательство въ духѣ тѣхъ требованій, которыя были выдвинуты петербургскими рабочими 9 января.

Изъ остальныхъ союзовъ необходимо отмѣтить «Всероссійскій союзъ служащихъ въ правит. учрежденіяхъ» и «Союзъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ», которые самымъ фактомъ своего образованія свидѣтельствовали о наступающей дезорганизаціи въ правительственномъ механизмѣ. Союзъ почтово-телегр. чиновниковъ, кромѣ того, способствовалъ этой дезорганизаціи и своею дѣятельностью, проведя въ ноябрѣ знаменитую почтово-телеграфную забастовку.

Оба эти союза образовались позднѣе другихъ союзовъ. Такъ, союзъ служащихъ въ правит. учрежденіяхъ возникъ въ маѣ 1905 г., окончательный уставъ союза выработанъ на общемъ собраніи 17 ноября 1905 г. Въ этомъ уставѣ задачей союза становится «объединеніе сторонниковъ преобразованія государственнаго строя Россіи на демократическихъ началахъ, при всеобщемъ, равномъ и прямомъ избирательномъ правѣ, съ закрытой подачей голосовъ» [4]). Платформа союза почтовотелеграфныхъ чиновниковъ высказывается еще рѣшительнѣе, требуя «созыва учредит. собранія на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія для выработки основного государственнаго порядка» [5]).

---

[1]) «Сынъ Отеч.» № 26.

[2]) «Право» № 14.

[3]) «Право» № 15.

[4]). В. Ивановичъ. «Россійскіе партіи, союзы и лиги» с. 144.

[5]) Іb. с 194.

Для характеристики того настроенія, которое къ серединѣ 1905 г. начало охватывать даже служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, интересно отмѣтить воззваніе Бюро объединенныхъ петербургскихъ чиновниковъ, вышедшее въ іюнѣ 1905 г. Воззваніе это, горячо призывая чиновниковъ стать прежде всего «гражданами своего отечества», а затѣмъ уже «чиновниками», заканчивается словами: «Не оставайтесь же безучастными: время не ждетъ, объединяйтесь всѣ, кто на сторонѣ новой, молодой Россіи! ... Пусть объединеніе наступитъ скорѣе. Не можетъ, вѣдь, быть, чтобы потребность въ немъ не ощущалась, а какую службу оно въ состояніи сослужить новому строю! Какъ оно желательно, какъ оно необходимо именно въ настоящій историческій моментъ,— моментъ отчаянныхъ усилій стараго режима и всѣхъ темныхъ силъ страны всячески мѣшать осуществленію коренного обновленія старыхъ пріемовъ и порядковъ управленія» [1]).

3) Союзъ Союзовъ.

Объединеніе отдѣльныхъ интеллигентскихъ союзовъ состоялось на съѣздѣ представителей всероссійскихъ профессіональныхъ союзовъ 8—9 мая въ Москвѣ. На съѣздъ прибыло 60 делегатовъ отъ слѣдующихъ 14 союзовъ: инженеровъ, академическаго, конторщиковъ и бухгалтеровъ, учителей, врачей, адвокатовъ, достиженія равноправія евреевъ, фармацевтовъ, писателей, равноправія женщинъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, ветеринаровъ, агрономовъ и статистиковъ, земцевъ. На этомъ съѣздѣ, путемъ сводки платформъ отдѣльныхъ союзовъ, было констатировано, какъ мы указывали уже выше, что эти платформы сходятся въ признаніи необходимости «немедленнаго созыва учредительнаго собранія народныхъ представителей, избираемыхъ всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ». Въ проектѣ устава Союза Союзовъ, принятомъ I-мъ его съѣздомъ, задача его образованія опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

«Союзъ Союзовъ» есть органъ, объединяющій на федеративныхъ началахъ автономные всероссійскіе союзы, ведущіе борьбу за политическое освобожденіе Россіи на началахъ демократизма, и ставящій цѣлью устройство правильныхъ сношеній съ союзами и выполненіе тѣхъ дѣйствій, которыя союзы признаютъ служащими для достиженія ихъ общей политической задачи».

Органами для осуществленія преслѣдуемымъ Союзомъ цѣлей, по проекту устава, являются: а) собраніе делегатовъ отдѣльныхъ союзовъ и б) центральное бюро. Центральное бюро является исполнительнымъ органомъ по отношенію къ собранію делегатовъ и составляется изъ лицъ, уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ союзовъ, по два отъ каждаго [2]).

У порога революціи, единственной организаціей, объединявшей профессіональную интеллигенцію, былъ Союзъ Освобожденія. Но это не была чисто интеллигентская организація: хотя интеллигентскіе элементы въ ней преобладали, но рядомъ съ ними въ ней видную роль играли передовые земцы, и задачей

[1]) «Право» № 26.

[2]) „Памятникъ эпохи 17 окт." („Спутникъ избирателя" на 1906 г.), с. 141—144.

Союза Освобожденія было сплачивать въ одно оппозиціонное цѣлое профессіональную интеллигенцію и земскую среду.

Жестокая дѣйствительность посмѣялась затѣмъ надъ мечтами Союза Освобожденія: вмѣсто объединенія и сплоченія начался процессъ рѣзкой дифференціаціи. Передовой отрядъ земцевъ, получившій объединеніе въ періодическихъ земскихъ съѣздахъ, въ своемъ движеніи влѣво, подъ вліяніемъ растущаго движенія рабочихъ массъ все больше отрывается отъ массы рядовыхъ земцевъ, все дальше уходитъ отъ нихъ впередъ, но и самъ оказывается, тѣмъ не менѣе, всегда значительно позади профессіональной интеллигенціи, обособляющейся теперь отъ земцевъ въ самостоятельную организацію Союза Союзовъ и все тѣснѣе сближающейся съ рабочей массой.

Такъ, совѣщаніе земскихъ дѣятелей 22—26 апр. 1905 г. сдѣлало крупный шагъ впередъ по сравненію съ 6—9 ноября 1904 г.: оно признало принципъ всеобщаго, прямого, равного и тайнаго голосованія при организаціи нижней палаты, но довольно единодушно признало необходимость верхней палаты, выбираемой двухстепеннымъ голосованіемъ (представительство органовъ мѣстнаго самоуправленія). Даже для передовыхъ земцевъ необходимость системы двухъ палатъ съ двухстепеннымъ голосованіемъ для верхней палаты казалась чѣмъ то безспорнымъ [1]). Между тѣмъ пироговскій съѣздъ 21—24 марта выразительно подчеркнулъ необходимость «сосредоточить верховную государственную власть въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго на вышеуказанныхъ основахъ (на основахъ всеобщаго, прямого и т. д. голосованіи), *образующаго одну палату, назначающую и увольняющую министровъ, передъ ней отвѣтственныхъ*».

Это былъ настоящій демократическій языкъ, понятный широкимъ рабочимъ массамъ. И хотя другіе интеллигентные съѣзды не высказывались такъ ярко и опредѣленно, но только на съѣздѣ наиболѣе умѣреннаго интеллигентнаго слоя, профессорскаго, была принята резолюція, родственная по духу резолюціи земцевъ.

Или вопросъ объ учредительномъ собраніи. Земцы боятся въ своей резолюціи произнести этотъ лозунгъ, единодушно уже поддержанный въ этотъ моментъ профессіональной интеллигенціей. Мысли своей объ учредительныхъ функціяхъ перваго народнаго представительства они сознательно даютъ такое выраженіе, чтобы была ясна ограниченность правъ этого представительства. Вмѣсто того, чтобы говорить объ учредительномъ собраніи, кладущемъ рѣзкую грань между старой и новой Россіей, они предпочитаютъ скромно говорить о «первомъ представительномъ собраніи, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской имперіи». И въ то время, какъ для подавляющей массы профессіональной интеллигенціи въ этотъ моментъ совершенно ясна необходимость организаціи этого *перваго* представительнаго собранія на основахъ четырехчленной формулы, среди даже передовыхъ земцевъ по этому вопросу происходятъ рѣзкія пренія и разногласія. Сравнительно незначительнымъ большинствомъ (71 голоса) принимается мнѣніе, что это первое собраніе

[1]) См. Вѣлоконскій, цитир. статья, с. 66.

«должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія». Значительное меньшинство (54 голоса) высказалось противъ прямого голосованія въ это первое представительное собраніе, при чемъ 17 голосовъ было за то, чтобы построить это собраніе, главнымъ образомъ, на почвѣ представительства земскихъ собраній и городскихъ думъ[1]).

Различію лозунговъ соотвѣтствовало также и различіе тактики, къ которой къ серединѣ 1905 года склонялись передовые земцы, съ одной стороны, и профессіональная интеллигенція, съ другой.

24—26 мая 1905 года собрались подъ впечатлѣніемъ цусимскаго пораженія одновременно два съѣзда—съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей и съѣздъ Союза Союзовъ (II-ой). Первый съѣздъ закончился посылкой депутаціи къ Государю съ адресомъ, въ которомъ сознательно устранялись тѣ разногласія, которыя раздѣлили участниковъ апрѣльскаго совѣщанія. «Государь, говорилось въ этомъ адресѣ, пока не поздно, для спасенія Россіи во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими» [2]). А С. Н. Трубецкой въ своей рѣчи, во время пріема депутаціи, повторивши эту формулу, нарочито подчеркнулъ: «мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія» [3]).

Совершенно иначе реагировалъ на цусимскую катастрофу происходившій въ то же время съѣздъ Союза Союзовъ; онъ обратился къ обществу съ призывомъ «всѣми силами, всѣми мѣрами добиваться... Учредительнаго Собранія, избраннаго народомъ на основаніи всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго голосованія для всѣхъ гражданъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, чтобы оно могло какъ можно скорѣе покончить съ войной и господствующимъ до сихъ поръ политическимъ режимомъ» [4]).

Въ заключеніе нашей характеристики союзовъ, скажемъ нѣсколько словъ о силѣ и распространеніи, которыя получили отдѣльные союзы.

Въ *Союзѣ адвокатовъ* было около *2¼ тысячъ* членовъ, въ томъ числѣ въ С.-Петербургѣ—350, въ Москвѣ—600, въ Кіевѣ—200, въ Харьковѣ—200, въ Одессѣ—200, въ Казани—50, въ Саратовѣ—100, въ Новочеркасскѣ—60, въ Варшавѣ—300, въ Вильно—300, въ Тифлисѣ—100.

Союзъ медицинскаго персонала насчитывалъ около *2.000 членовъ*. Отдѣленія были въ слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Костромѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Ярославлѣ, Тулѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Новгородѣ, Н.-Новгородѣ, Лохвицѣ, Рязани, Казани.

---

[1]) Бѣлоконскій стр. 67.
[2]) Ib. стр. 74.
[3]) Бѣлоконскій, стр. 76.
[4]) Череванинъ, „Пролетаріатъ въ револ.“. 24 стр.

Союзъ инженеровъ и техниковъ имѣлъ 26 отдѣленій въ слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургъ, Москва, Пермь, Ташкентъ, Тифлисъ, Екатеринославъ, Ярославль, Варшава, Вильна, Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Саратовъ, Ростовъ на Дону, Ревель, Иркутскъ, Кострома, Самара, Бѣжица, Рига, Николаевъ, Симферополь, Юзовка, Красноярскъ, Юрьевскій заводъ Екат. губ., Асхабадъ. Общее число членовъ достигало *4.000 человѣкъ*.

На первомъ съѣздѣ *Союза россійскихъ писателей* 5—8 апрѣля были представлены 36 петербургскихъ изданій, 6 московскихъ и 40 провинціальныхъ. Кромѣ того, были представители отъ польской, грузинской, армянской, эстонской, латышской и финской прессы. Союзъ имѣлъ три отдѣленія—въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ. Въ первомъ насчитывалось 220 членовъ.

Академическій Союзъ насчитывалъ 1.544 члена и имѣлъ 13 отдѣленій въ слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургъ (550 членовъ), Кіевъ (111), Харьковъ (112), Одесса (72), Москва (400), Казань (57), Юрьевъ (49), Варшава (41), Томскъ (100), Екатеринославъ (16), Ново-Александрія (22), Ярославль (11), Нѣжинъ (3).

Союзъ конторщиковъ и бухгалтеровъ имѣлъ 17 отдѣленій въ слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургъ (2.500 членовъ), Москва (около 1.000), Кіевъ (1.500), Ростовъ на Дону (1.700), Армавиръ (50), Маріуполь (55), Одесса, Минскъ, Ревель, Екатеринославъ, Томскъ, Варшава, Нижній Новгородъ, Царицынъ, Асхабадъ, Тифлисъ, Таганрогъ.

Союзъ учителей и дѣятелей по народному образованію насчитывалъ около *7.500 членовъ*. Отдѣльныхъ группъ въ разныхъ губерніяхъ числилось 462 [1]).

4. Отъ манифеста 6 августа до манифеста 17 октября.

Въ то время, какъ широкой волной разливалось по всей Россіи рабочее и интеллигентское движеніе и боевымъ лозунгомъ оппозиціонной Россіи становилось требованіе Учред. Собранія, избраннаго всеобщимъ, прямымъ и т. д. голосованіемъ, бюрократическая машина продолжала работать надъ выполненіемъ рескрипта 18 февраля и приготовила проектъ законосовѣщательной Госуд. Думы, которая и была дарована затѣмъ Россіи манифестомъ 6 августа. Еще земскій съѣздъ 6—8 ноября большинствомъ голосовъ высказался за представительное собраніе *съ законодательной властью*, рабочее же и интеллигентское движеніе шло гораздо дальше и требовало, чтобы самъ народъ въ лицѣ свободно избранныхъ представителей рѣшилъ вопросъ о будущемъ государственномъ устройствѣ, и когда эта, болѣе рѣшительная, формула становится господствующей въ общественномъ движеніи, бюрократія отвѣчаетъ уступкой, которая неспособна была

1) Свѣдѣнія о силѣ и распространеніи союзовъ взяты изъ „Спутника избирателя на 1906 г.“. Цифры членовъ отдѣльныхъ союзовъ, приведенныя въ текстѣ, мало отличаются отъ цифръ, констатированныхъ уже на II съѣздѣ союза союзовъ. Такъ, на основаніи сообщенія „Руси“ (№ 140 отъ 28 мая), на этомъ съѣздѣ выяснилось, что союзъ адвокатовъ насчитывалъ въ своемъ составѣ—2½ тыс. членовъ, союзъ инженеровъ—4.000 членовъ, союзъ профессоровъ—1½ тыс. Ниже были тогда цифры только для союза конторщиковъ (6 тыс.) и для союза учителей—(5 тыс.).

бы удовлетворить даже передовыхъ земцевъ въ ноябрѣ 1904 г. Именно тѣ два слоя, которые въ 1904 г. и во всю первую половину 1905 года играли главную роль въ движеніи, направленномъ противъ бюрократическаго режима,—рабочій пролетаріатъ и профессіональная интеллигенція, — именно эти два слоя были совершенно лишены избирательныхъ правъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что этотъ продуктъ бюрократическаго творчества, какъ только сдѣлался извѣстнымъ, вызвалъ къ себѣ рѣзко отрицательное отношеніе со стороны подавляющаго большинства оппозиціонныхъ элементовъ Россіи, начиная отъ рабочаго пролетаріата и кончая передовыми земцами. Профессіональная интеллигенція въ лицѣ своей организаціи, Союза Союзовъ, на III-емъ съѣздѣ 2-го іюля, заняла рѣзко отрицательную позицію по отношенію къ булыгинскому проекту, еще раньше появленія манифеста 6 августа.

«Делегатскій съѣздъ Союза Союзовъ находитъ, что правительственный проектъ Государственной Думы создаетъ не народное представительство, а лишь служебную комиссію при Государственномъ Совѣтѣ, составленную изъ свободно избранныхъ представителей привилегированныхъ и имущихъ классовъ; этотъ проектъ ни въ чемъ не ограничиваетъ ни самодержавный строй, ни чиновниковъ, не обезпечиваетъ населенію самыхъ необходимыхъ условій свободной политической жизни и является, такимъ образомъ, лишь попыткой ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе путемъ созданія подложнаго народнаго представительства. Такой характеръ проекта, выработаннаго келейной комиссіей чиновниковъ, долженъ окончательно убѣдить страну, что бюрократія не желаетъ добровольно поступиться своей властью и открыть народу единственный путь, который способенъ вывести Россію изъ тяжелаго положенія, нынѣ переживаемаго: свободно избранное всѣмъ безъ исключенія населеніемъ страны народное представительство» [1]).

Эта резолюція была принята на съѣздѣ единогласно и она выражала въ то же время единодушное мнѣніе всѣхъ живыхъ силъ русской оппозиціи въ этотъ моментъ. Но зато рѣзкія разногласія вызывалъ вопросъ о тактикѣ по отношенію къ булыгинской думѣ. Тактика бойкота была принята большинствомъ представителей на томъ же съѣздѣ Союза Союзовъ 1—3 іюля.

Съѣздъ постановилъ:

1) Безотлагательно приступить къ объединенію и мобилизаціи всѣхъ демократическихъ элементовъ страны для устройства массовыхъ протестовъ противъ правительственнаго проекта. Делегатскій съѣздъ Союза Союзовъ заявляетъ, что онъ будетъ протестовать и противъ всякаго иного закона о народномъ представительствѣ, не основаннаго на принципахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

2) *Считать недопустимымъ для членовъ Союза Союзовъ ни проведеніе кого либо въ проектированную Государственную Думу, ни личное въ ней участіе.*

3) Во время избирательнаго періода принимать всякаго рода мѣры для разъясненія всему населенію истиннаго характера закона о Госуд. Думѣ, для

[1]) „Освоб.“ № 75.

чего въ частности являться въ избирательныя собранія всѣхъ степеней и *агитировать тамъ въ пользу отказа выборщиковъ отъ участія въ выборахъ*. Резолюція эта была принята далеко не единогласно: изъ 16 союзовъ за нее высказалось 9, 3 союза голосовало противъ (союзъ писателей, союзъ профессоровъ и союзъ учителей средней школы) и 4 воздержались: союзъ крестьянскій, равноправія евреевъ, ветеринаровъ и учителей низшей школы [1]).

На собраніяхъ и съѣздахъ отдѣльныхъ союзовъ этотъ вопросъ вызвалъ также довольно рѣзкія разногласія, поэтому въ концѣ концовъ и Союзомъ Союзовъ онъ не считался рѣшеннымъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Его долженъ былъ рѣшить окончательно IV делегатскій съѣздъ, который Центральное Бюро Союза Союзовъ рѣшило созвать 21—23 октября, чтобы предовратить расколъ въ союзной организаціи. Делегаты отдѣльныхъ союзовъ должны были явиться на этотъ съѣздъ съ опредѣленными полномочіями по этому вопросу отъ созванныхъ передъ тѣмъ съѣздовъ [2]). Но 21—23 окт. не пришлось уже рѣшать этотъ вопросъ, такъ какъ жизнь устранила его.

Точка зрѣнія противниковъ бойкота исходила изъ необходимости занимать всякую завоеванную у правительства позицію, если только ее можно занять, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ею для дальнѣйшей борьбы. Эта точка зрѣнія въ интеллигентскомъ движеніи получила по вопросу о Гос. Думѣ наиболѣе яркое выраженіе на II съѣздѣ адвокатовъ въ Москвѣ 5—6 окт., на которомъ присутствовали представители 24 организованныхъ мѣстныхъ отдѣленій союза, въ числѣ 60 человѣкъ. По вопросу объ отношеніи къ Гос. Думѣ были выслушаны отзывы 20 представителей 15 различныхъ мѣстностей. За весьма немногими исключеніями всѣ ораторы характеризовали господствующее настроеніе слѣдующимъ образомъ: адвокатура и другіе классы мѣстнаго интеллигентнаго общества признаютъ необходимымъ самое дѣятельное участіе, какъ въ предварительной агитаціи, такъ и въ самой Думѣ, но не для того, чтобы заниматься въ ней нормальной органической работой, а для того, чтобы добиваться учрежденія правильнаго народнаго представительства [3]). Въ концѣ концовъ, громаднымъ большинствомъ съѣздъ высказался противъ бойкота Госуд. Думы, но призналъ необходимымъ, участвуя въ Думѣ, стремиться къ осуществленію свободы слова, печати, собраній, сходокъ, неприкосновенности личности и жилищъ и къ созыву учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія [4]).

Октябрьская забастовка устранила скоро вопросъ объ отношеніи къ булыгинской думѣ, взорвавши самое эту думу, но, вмѣсто булыгинской думы, возникала виттевская на основѣ болѣе широкаго избирательнаго права, и по существу то же тактическое разногласіе (бойкотъ или участіе въ выборахъ) начало снова раздирать интеллигенцію.

Стараться ли использовать уступки бюрократіи для дальнѣйшей борьбы съ ней или бойкотировать эти уступки, этотъ общій тактическій вопросъ возникалъ

---

[1]) „Памятникъ эпохи 17 окт.“ с. 146—147.

[2]) Ib. с. 148.

[3]) „Сынъ Отечества“. № 204.

[4]) „Русскія Вѣдомости“. № 262.

и по цѣлому ряду другихъ случаевъ. Онъ возникъ, напр., по вопросу о возобновленіи занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ 9 января почти всѣ высшія учебныя заведенія закрылись и большинство постановленій студенчества закрывало ихъ до 1 сентября. 1 сентября приближалось и вмѣстѣ съ тѣмъ возникалъ вопросъ, продолжать ли ту же пассивную тактику бойкота высшихъ учебныхъ заведеній, осуждавшую на бездѣйствіе наиболѣе живой элементъ интеллигенціи, или использовать высшія учебныя заведенія для борьбы съ правительствомъ. «Искра» открыла кампанію противъ продолженія пассивной тактики бойкота, она предлагала студенчеству возобновить занятія и открыть двери высшихъ учебныхъ заведеній для народныхъ собраній и митинговъ. Высочайшимъ указомъ 27 августа была дана автономія университетамъ, ветеринарнымъ и технологическимъ институтамъ, московскому техническому училищу и Ново-александрійскому институту сельскаго хозяйства. Эта уступка правительства давала реальную основу для предложенія «Искры» и открывала широкую возможность использованія высшихъ учебныхъ заведеній въ цѣляхъ борьбы съ бюрократіей. Точка зрѣнія «Искры» оказалась въ этотъ моментъ наиболѣе жизненной и на сходкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, рѣшавшихъ въ сентябрѣ 1905 г. вопросъ о возобновленіи занятій, эта точка зрѣнія вездѣ одерживала побѣду. Такъ, напр., на многолюдной сходкѣ въ СПБ. университетѣ 13-го сентября (свыше 2000 студентовъ), въ результатѣ прочихъ преній, поставлены были на баллотировку двѣ резолюціи: одна предлагала признать «единственно реальнымъ въ данный моментъ протестомъ студенчества всеобщую забастовку», другая предлагала открыть университетъ «для развитія въ стѣнахъ его политической пропаганды, митинговъ, союзовъ и проч.».. Побѣдила вторая резолюція, за которую высказалось 1700 голосовъ, противъ 243-хъ за продолженіе забастовки, при 73 воздержавшихся [1]).

За нѣсколько дней передъ этимъ, 9-го сент. сходка студентовъ Политехническаго института большинствомъ 711, противъ 22 при 5 воздержавшихся, принимаетъ резолюцію, начинающуюся словами: «Студенты СПб. Политехническаго института, обсудивъ согласно своему постановленію положеніе страны, прекращаютъ забастовку, считая ее для настоящаго момента слишкомъ пассивнымъ орудіемъ». Дальше въ резолюціи заявляется, что студенчество будетъ фактически осуществлять право собраній, предоставивъ помѣщеніе общежитій для митинговъ и сходокъ и защищая это право всѣми средствами, которыя находятся въ его распоряженіи [2]).

Аналогичныя рѣшенія принимались студенчествомъ почти всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній какъ Петербурга, такъ и другихъ городовъ, Москвы, Кіева, Харькова. Этимъ рѣшеніемъ студенчество дало огромнѣйшій толчекъ общественному движенію. Разнообразные слои населенія и прежде всего рабочіе хлынули массами въ раскрытыя двери высшихъ учебныхъ заведеній. Свободное слово, зазвучавшее въ ихъ аудиторіяхъ,—расширило базисъ политической пропаганды и облегчило мобилизацію общественныхъ силъ. Какой сильной потребности отвѣ-

---

[1]) „Право“. № 37.

[2]) Ib.

чала новая политика студентовъ, можно видѣть, напр., изъ слѣдующихъ газетныхъ сообщеній:

«21 сентября, въ восьмомъ часу вечера, въ аудиторіи юридическаго корпуса (московскаго университета) начался наплывъ массы посторонней публики. Собралось въ общемъ свыше трехъ тысячъ человѣкъ, занявшихъ въ началѣ нѣсколько аудиторій и столпившихся тѣсной массою въ корридорахъ, на лѣстницахъ и въ швейцарской» [1]).

«1 октября въ политехническомъ институтѣ (въ СПБ.) состоялся митингъ. Собралось около 2 тысячъ человѣкъ, преимущественно рабочихъ. Митингъ продолжался съ 6 ч. вечера и до $1^1/_2$ ночи и прошелъ очень оживленно. Обсуждались вопросы о задачахъ трудящагося класса, объ его отношеніи къ другимъ классамъ, о госуд. думѣ и о тактикѣ передовыхъ партій» [2]).

«Въ зданіи горнаго института 2 октября состоялся общественный митингъ. Митингъ начался съ 4 часовъ дня, а къ 6 час. вечера конференцъ-залъ былъ закрытъ и настолько переполненъ публикой, что угрожалъ проваломъ. Вывѣшенное на дверяхъ зала объявленіе, предупреждавшее объ этой опасности, не остановило, однако, публики. Усиліями студентовъ-хозяевъ значительная часть все прибывавшей публики была отвлечена въ химическую лабораторію по 21-й линіи Васильевскаго острова, но и тамъ вскорѣ за отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ пришлось стоять на лѣстницѣ. Въ чертежныхъ, корридорахъ сдвигались столы и образовавшіяся такимъ образомъ мѣста немедленно заполнялись публикой, тутъ же избирался предсѣдатель и открывалась запись ораторовъ. Въ послѣднихъ недостатка не было и вскорѣ изъ различныхъ угловъ обширнаго помѣщенія стали раздаваться рѣчи. Преобладающей темой рѣчей были государственная дума и программа соціалъ-демократической партіи» [3]).

Эти сообщенія относятся ко времени, близкому къ октябрьской забастовкѣ, и можно смѣло сказать, что въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній въ атмосферѣ свободнаго слова и горячаго обмѣна мнѣній готовилась великая октябрьская забастовка.

По мѣрѣ же возникновенія и развитія этой забастовки, высшія учебныя заведенія живутъ все болѣе лихорадочной жизнью. Они становятся сосредоточіемъ общественной жизни; рабочіе, желѣзнодорожные служащіе, представители интеллигентскихъ профессій обсуждаютъ тамъ свои нужды, рѣшаютъ вопросъ о присоединеніи къ начавшейся забастовкѣ, тамъ организуются силы забастовки, тамъ обсуждаются мѣры для ея расширенія. 8-го октября московскій желѣзнодорожный узелъ уже забастовалъ, передъ Петербургомъ только встаетъ еще вопросъ о забастовкѣ.

И сводка газетныхъ извѣстій объ октябрьской забастовкѣ, сдѣланная «Правомъ» регистрируетъ:

«Въ естественно-историческомъ зданіи военно-медицинской академіи состоялся митингъ, на которомъ присутствовали тысячи рабочихъ и студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній». Рядомъ съ общимъ митингомъ, по желанію

---

[1]) „Русское Слово“ 1905 г. № 258.
[2]) „Сынъ Отечества“ № 202.
[3]) „Право“ № 40.

рабочихъ отдѣльныхъ отраслей для обсужденія ихъ нуждъ, «были отведены особыя аудиторіи для рабочихъ-ювелировъ, для рабочихъ орудійнаго завода, желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, литографскихъ и типографскихъ рабочихъ. Въ зданіи анатомическаго института собрались воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Митингъ открылся въ 5 ч. вечера, причемъ предсѣдателемъ былъ выбранъ рабочій. Порядокъ дня былъ предложенъ слѣдующій: 1) положеніе на фабрикахъ и заводахъ и результаты прекращенія работы; 2) всеобщее прекращеніе работъ съ идейными цѣлями, его значеніе и способы проведенія» [1]).

Черезъ нѣсколько дней желѣзнодорожные служащіе Петербурга приходятъ къ необходимости рѣшить вопросъ о забастовкѣ. Для рѣшенія этого вопроса, 11-го октября въ актовомъ залѣ петерб. университета собирается пяти-шеститысячная толпа желѣзнодорожныхъ служащихъ, рабочихъ, конторщиковъ, телеграфистовъ, стрѣлочниковъ, машинистовъ, кочегаровъ и цѣлаго ряда другихъ лицъ, причастныхъ къ желѣзнодорожному дѣлу» [2]).

Такія же свѣдѣнія получаются и изъ другихъ городовъ. Такъ 9-го октября «въ *Кіевѣ*, начиная съ 11 часовъ утра до 7 часовъ вечера, въ политехническомъ институтѣ собралось около 4000 человѣкъ». «Въ *Одессѣ*, въ университетѣ состоялся народный митингъ, въ которомъ присутствовало свыше 10.000 человѣкъ» [3]).

По мѣрѣ того, какъ разростается забастовка, митинги принимаютъ все болѣе грандіозный характеръ. Такъ, 14-го октября «къ 6 часамъ всѣ улицы, прилегающія къ университету, были полны толпами, направлявшимися къ университету. Всего около 40.000 человѣкъ». Всѣ аудиторіи были заняты отдѣльными союзами» [4]). Затѣмъ 15-го вечеромъ состоялся въ университетѣ грандіознѣйшій митингъ. Присутствовало около 30.000 рабочихъ». Того же числа родился Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. «15-го октября на митингахъ начались выборы рабочими депутатовъ» [5]).

Въ то время какъ студенчество, такимъ образомъ, вновь оказывало существенную услугу освободительному движенію въ моментъ его наивысшаго напряженія, профессора кое-гдѣ упорно пытались убѣдить студентовъ, что учебныя заведенія не мѣсто для митинговъ. И не только пытались убѣдить, но активно мѣшали устройству митинговъ, закрывая на основаніи совѣтской автономіи высшія учебныя заведенія. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлились московскіе профессора во главѣ съ покойнымъ С. Н. Трубецкимъ и Мануйловымъ. Послѣ описаннаго нами выше митинга въ московскомъ университетѣ 21-го сент., профессорская комиссія, подъ предсѣдательствомъ ректора, признала необходимымъ временно закрыть университетъ, мотивируя это постановленіе той опасностью, съ которой сопряжены подобныя собранія, какъ для университета, такъ и для самихъ участниковъ [6]).

---

[1]) Сводка „Права“ при № 45—46, стр. 4.
[2]) «Сынъ Отечества» № 208.
[3]) Сводка „Права“ с. 10.
[4]) Ibid. с. 48.
[5]) Ibid. с. 64.
[6]) „Русское Слово“ № 258.

9-го октября, когда уже бастовалъ весь московскій желѣзнодорожный узелъ, кромѣ Николаевской дороги, общее собраніе московскаго отдѣленія академическаго союза, поставивши на голосованіе вопросъ «желательна ли организація публичныхъ политическихъ митинговъ въ стѣнахъ высшей школы *въ настоящее время?*», большинствомъ 129 голосовъ противъ 61-го, при 13 воздержавшихся, *признало такіе митинги нежелательными* [1]).

Одновременно тѣ же московскіе профессора приняли единогласно резолюцію о «безусловной необходимости немедленнаго удовлетворенія потребности въ широкомъ и свободномъ осуществленіи права политическихъ собраній» [2]).

Въ самомъ разгарѣ борьбы, въ тотъ самый день (14 окт.), когда въ Петербургѣ появилось знаменитое объявленіе Трепова «холостыхъ залповъ не давать и патроновъ не жалѣть», въ этотъ самый моментъ совѣтъ московскаго университета пытался телеграммой убѣдить министровъ устранить ненормальное положеніе, при которомъ «высшія школы оказываются единственнымъ мѣстомъ, гдѣ могутъ безпрепятственно происходить митинги и собранія, въ которыхъ вся страна ощущаетъ самую настоятельную потребность»; для устраненія этого «ненормальнаго положенія» московскіе профессора совѣтуютъ министрамъ или объявить свободу собраній, или «предоставить для политическихъ собраній какія нибудь другія помѣщенія, болѣе подходящія для этой цѣли, обезпечивъ участникамъ происходящихъ тамъ собраній ту же неприкосновенность, которую они фактически находятъ въ помѣщеніяхъ высшихъ школъ» [3]).

Петербургскіе профессора, въ общемъ, отличались гораздо большимъ пониманіемъ требованій момента. Хотя совѣтъ петерб. университета былъ тоже противъ устройства въ его стѣнахъ политическихъ митинговъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, не принималъ репрессивныхъ мѣръ, не закрывалъ университета. Хотя онъ тоже обращался къ соотвѣтствующимъ властямъ, убѣждая ихъ отвести для собраній другія помѣщенія, но сдѣлалъ онъ это во всякомъ случаѣ еще до начала забастовки, 1-го октября, а не въ разгарѣ ея. Общая же масса профессорскаго персонала Петербурга была кромѣ того несомнѣнно лѣвѣе совѣта петерб. университета. И между тѣмъ, какъ московское отдѣленіе академическаго союза 9-го октября, въ началѣ забастовки, значительнымъ большинствомъ голосовъ признало нежелательными («въ настоящее время«) политическіе митинги въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, общее собраніе членовъ петерб. отдѣленія академическаго союза еще 1-го октября «пришло къ заключенію, что, при наличныхъ условіяхъ политической жизни страны, нельзя противодѣйствовать устройству митинговъ» [4]). А въ разгаръ забастовки, 14-го октября, то же петербургское отдѣленіе академическаго союза приняло слѣдующую рѣшительную резолюцію: «Признавая, что въ настоящее время устройство митинговъ является потребностью страны, неудовлетворяемой вновь созданными правилами собраній, мы, члены петерб. отдѣленія академ. союза, въ отвѣтъ на распоряженіе правительства, опубликованное 14-го октября, заявляемъ, что препятствовать устройству митинговъ въ стѣнахъ высшихъ

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“ № 265.
[2]) „Русскія Вѣдомости“ № 268.
[3]) Сводка „Права“ с. 15.
[4]) „Право“ № 40.

учебныхъ заведеній мы не будемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы рѣшительно отказываемся закрывать высшія учебныя заведенія. Примѣненіе правительствомъ вооруженной силы къ прекращенію митинговъ мы считаемъ преступленіемъ противъ народа» [1]).

Открывши двери высшихъ учебныхъ заведеній для митинговъ, студенчество оказало огромную услугу общественному движенію, но въ то же время оно и само играло тогда чрезвычайно активную роль въ движеніи. Оно было живымъ элементомъ всѣхъ политическихъ сходокъ во время октябрьской борьбы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ выступало даже на первый планъ въ общественной борьбѣ. Такъ, напр., изъ Харькова отъ 12-го октября пишутъ въ петерб. газеты: «Университетъ превращенъ въ крѣпость. Днемъ въ университетѣ перебывало до 10.000 человѣкъ, самый же гарнизонъ крѣпости къ вечеру опредѣлился въ 2.000 человѣкъ». Въ 2 часа дня изъ магазина «Спортъ» было принесено оружіе—револьверы, ружья, масса патроновъ, сюда же были принесены заготовленныя бомбы. Оружіе было распредѣлено между гарнизономъ; всего вооруженныхъ было до 700 человѣкъ. Вооруженные были распредѣлены по отрядамъ, которые заняли главныя баррикады и окна, выходившія на улицу» [2]).

15-го октября сходное явленіе произошло и въ московск. университетѣ. «Съ утра въ университетъ потянулись студенты и постороннія лица. Хотя учебныя занятія были пріостановлены (о чемъ гласило объявленіе, появившееся въ газетахъ и вывѣшенное при входѣ), однако студенты и публика наполнили аудиторіи и университетскій дворъ. Около часа со стороны Охотнаго ряда и Думской площади, послѣ бывшаго тамъ столкновенія съ охотнорядцами и казаками, къ университету бросилась толпа учащихся и публики... Въ ожиданіи нападенія на университетъ молодежь забаррикадировала ворота, ведущія съ Моховой къ анатомическому театру, а также стали разбирать плиты съ тротуара, булыжникъ со двора, доставать откуда-то доски, брусья, желѣзныя палки и другіе предметы, пригодные для обороны» [3]).

Рядомъ съ высшими учебными заведеніями въ октябрьскомъ движеніи принимаютъ участіе и среднія. Къ общей забастовкѣ примыкаютъ гимназіи, реальныя училища, семинаріи въ Петербургѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Смоленскѣ, Курскѣ, Самарѣ, Астрахани и др. городахъ. Мѣстами учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ играютъ въ движеніи такую же активную роль, какъ студенты. Такъ, изъ Вильны отъ 11-го октября сообщаютъ: «учащіеся устраиваютъ по Большой улицѣ сборища, разсѣиваемыя полиціей. Задержанные патрулемъ гимназисты доставлены во дворъ гимназіи; столкновеній съ полиціей не было, молодежь волнуется» [4])

Или изъ Смоленска отъ 12-го: «въ 1 часъ дня въ мужской гимназіи состоялся многолюдный митингъ. Кромѣ учащихся различныхъ учебныхъ заведеній, собралось много посторонней публики» [5]).

Кромѣ студенчества громадную роль въ октябрьской забастовкѣ играла и

---

[1]) Сводка „Права“ объ окт. заб. с. 50.
[2]) Сводка „Права“ с. 34.
[3]) Ibid. с. 64—65.
[4]) Сводка „Права“ с. 24.
[5]) Ibid. с. 36.

вообще профессіональная интеллигенція. Прежде всего тутъ необходимо отмѣтить громадную роль въ забастовкѣ массы желѣзнодорожныхъ служащихъ, этого переходнаго слоя, на верхнихъ ступеняхъ своихъ сливающагося съ имущей, обезпеченной интеллигенціей, на нижнихъ примыкающаго къ рабочей массѣ.

Центральное мѣсто въ забастовкѣ играли несомнѣнно желѣзныя дороги. Въ желѣзнодорожной же забастовкѣ рядомъ съ рабочими и мелкими служащими играли большую роль и служащіе, занимающіе сравнительно высокое положеніе. Только благодаря желѣзнодорожной интеллигенціи могла быть вообще проведена забастовка на линіи; безъ ея объединяющей и руководящей роли, линейные рабочіе и низшіе служащіе по своей разъединенности и слабой сознательности, конечно, не въ состояніи были бы провести желѣзнодорожную забастовку. Хотя, затѣмъ, желѣзнодорожная забастовка началась стихійно, но сплоченное и единодушное выступленіе желѣзнодорожной массы несомнѣнно обязано объединяющему вліянію, съ одной стороны, всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, съ другой—засѣдавшаго во время забастовки делегатскаго съѣзда желѣзныхъ дорогъ, созваннаго незадолго до забастовки правительствомъ. Желѣзнодорожный союзъ, въ которомъ руководящую роль играла несомнѣнно желѣзнодорожная интеллигенція, хотя и не вызвалъ желѣзнодорожной забастовки, но съ самаго начала игралъ въ ней очень активную роль и способствовалъ ея дальнѣйшему развитію. Въ первый же день забастовки, стихійно возникшей на московско-казанской жел. д., московскимъ узловымъ комитетомъ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза были выставлены 11 требованій для всеобщей желѣзнодорожной забастовки и среди нихъ рядомъ съ требованіями, касающимися улучшенія быта желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, выставлены требованія: «свободы собраній, сходокъ, союзовъ, организацій, совѣсти, слова, печати и стачекъ, неприкосновенности личности и жилища» (7 п.), «созыва народныхъ представителей съ законодательной властью, выбранныхъ всѣмъ населеніемъ страны всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ, безъ различія національности, пола и вѣроисповѣданія, для выработки новыхъ основныхъ законовъ страны въ интересахъ трудящихся классовъ» (п. 9), «неприкосновенности всѣхъ участниковъ забастовки и возвращенія всѣхъ пострадавшихъ за участіе въ забастовкахъ и союзахъ» (п. 10) и «полной амнистіи пострадавшимъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія» (п. 11) [1]). Московскимъ узловымъ комитетомъ здѣсь были выставлены тѣ требованія, которыя объединили затѣмъ всю октябрьскую забастовку.

Очень большую роль въ дѣлѣ сплоченія желѣзнодорожной массы, какъ передъ забастовкой, такъ и во время ея, сыгралъ желѣзнодорожный съѣздъ.

Исторія этого съѣзда чрезвычайно любопытна. Въ началѣ это былъ вовсе не делегатскій съѣздъ, а созванное правительствомъ «особое совѣщаніе по пересмотру дѣйствующихъ уставовъ желѣзнодорожныхъ пенсіонныхъ и сберегательно-вспомогательныхъ кассъ», въ которое, правда, должны были войти выбранные, съ разрѣшенія правительства, представители отъ служащихъ желѣзныхъ дорогъ, но рядомъ съ ними съ такимъ же рѣшающимъ голосомъ должны были засѣдать и завѣдующіе пенсіонными кассами.

---

[1]) Сводка „Права“, стр. 2.

Это «особое совѣщаніе» открылось 20 сентября въ помѣщеніи желѣзнодорожнаго клуба подъ предсѣдательствомъ назначеннаго министромъ пут. сообщ. завѣдующаго дѣлами пенсіоннаго комитета А. Покотилова.

Засѣданіе этого «особаго совѣщанія» въ тотъ же день было прервано: по требованію выборныхъ представителей былъ объявленъ перерывъ, во время котораго открыто частное ихъ засѣданіе. На этомъ частномъ засѣданіи были выставлены слѣдующія требованія: 1) право рѣшающаго голоса должно быть предоставлено исключительно выборнымъ представителямъ желѣзныхъ дорогъ; 2) завѣдующіе пенсіонными кассами и г. Покотиловъ присутствуютъ только съ правомъ совѣщательнаго голоса; 3) собраніе избираетъ предсѣдателя изъ своей среды; 4) свобода слова, гарантіи неприкосновенности личности представителей и ихъ жилища, и 5) публичность засѣданій.

21 сентября г. Покотиловъ на новомъ засѣданіи «особаго совѣщанія» сообщаетъ о своихъ переговорахъ съ министромъ по поводу выбора представителями отъ служащихъ изъ своей среды предсѣдателя. Министръ идетъ навстрѣчу этому желанію, но рядомъ съ этимъ «не встрѣчаетъ препятствій» къ тому, чтобы и представители комитетовъ отдѣльныхъ кассъ также выбрали изъ своей среды предсѣдателя «для обсужденія возбужденныхъ центральнымъ комитетомъ пожеланій по тому же вопросу о пересмотрѣ уставовъ». Однимъ словомъ, министръ сдѣлалъ попытку раздѣлить «особое совѣщаніе» на двѣ комиссіи, очевидно, подготовительнаго характера, изъ которыхъ одна состояла бы изъ выборныхъ элементовъ «совѣщанія», другая изъ бюрократическихъ, а потомъ, очевидно, пришлось бы объединять работу обѣихъ комиссій, для чего могла бы быть образована смѣшанная комиссія съ бюрократическимъ предсѣдателемъ. Такъ именно были истолкованы намѣренія министра новымъ частнымъ совѣщаніемъ выборныхъ представителей. Частное совѣщаніе отвергло раздѣленіе на двѣ комиссіи и приняло слѣдующую рѣшительную резолюцію: «собраніе свободно избранныхъ представителей находитъ необходимымъ немедленно приступить къ тому дѣлу, ради котораго оно собралось, подъ предсѣдательствомъ свободно избраннаго лица, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ необходимымъ въ интересахъ дѣла присутствіе въ засѣданіяхъ съ совѣщательнымъ голосомъ завѣдующихъ пенсіонными кассами». Эта резолюція была объявлена офиціальному предсѣдателю Покотилову и послѣ его удаленія собраніе приступило къ выбору предсѣдателя. Избранный предсѣдателемъ представитель служащихъ Рязанско-Уральской ж. д. Орѣховъ привѣтствовалъ собраніе съ открытіемъ «*перваго всероссійскаго делегатскаго съѣзда представителей служащихъ жел. дорогъ*» [1]).

Затѣмъ начались засѣданія съѣзда, на которыхъ подвергалась рѣзкой критикѣ организація пенсіонныхъ кассъ и выдвигались рѣшительныя мѣры для поднятія положенія служащихъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ делегатскій съѣздъ, говоря словами Хрусталева, «приковалъ къ себѣ вниманіе всей желѣзнодорожной арміи труда. Избиратели телеграммами засыпали делегатовъ, поручая имъ со всей смѣлостью отстаивать всѣ требованія. Настроеніе съѣзда повышалось, съѣздъ эволюціонировалъ влѣво...» Хрусталевъ ставитъ даже въ

[1]) „Сынъ Отеч.“, №№ 190 и 191.

связь съ засѣданіями съѣзда—возникновеніе забастовки. «Съ каждымъ днемъ, говоритъ онъ, напряженіе росло... Властный и свободный языкъ делегатскаго съѣзда внушалъ опасеніе, что съѣздъ будетъ закрытъ, а делегаты будутъ арестованы. 7 октября по Москвѣ разнесся слухъ, что делегаты съѣзда уже арестованы, и хотя слухъ былъ опровергнутъ по телефону самими делегатами, и хотя делегаты высказались за отложеніе стачки, низы Московско-Казанской дороги прорвали плотину выжидательнаго напряженія» [1]).

9 октября, когда забастовка охватила еще только московскій узелъ жел. дорогъ, делегатскій съѣздъ представителей жел.-дор. служащихъ единогласно принимаетъ резолюцію, въ которой высказывается за цѣлый рядъ мѣръ къ улучшенію положенія служащихъ (въ томъ числѣ за повышеніе заработной платы, отмѣну сверхурочныхъ работъ, 8-ми-часовый рабочій день и друг.). Но всѣ эти мѣры предполагаютъ, по мнѣнію съѣзда, необходимость гарантій, обезпечивающихъ проведеніе ихъ въ жизнь. «Но возможны ли, спрашиваетъ резолюція, гарантіи экономическихъ и профессіональныхъ правъ трудящейся массы при порядкахъ, не обезпечивающихъ самыхъ естественныхъ и основныхъ правъ человѣка и гражданина. Поэтому *мы, орудіе нашихъ товарищей, мы, слуги народа, не можемъ молчать, когда заговорилъ весь народъ, и, какъ частица многомилліонной трудящейся массы, требуемъ* немедленной и безусловной отмѣны положенія объ усиленной охранѣ и военнаго положенія, а также и всѣхъ прочихъ законовъ и административныхъ распоряженій, ограничивающихъ права русскаго гражданина, передачи полиціи въ руки органовъ самоуправленія и уничтоженія жандармской полиціи; немедленной отмѣны смертной казни; немедленнаго освобожденія отъ наказанія и возвращенія правъ всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія; немедленнаго объявленія свободы слова, совѣсти, печати, свободнаго открытія типографій, неприкосновенности личности и жилища; свободы передвиженія съ отмѣной черты осѣдлости; свободы стачекъ, союзовъ, собраній; неприкосновенности всѣхъ участниковъ забастовокъ; устраненія всѣхъ національныхъ ограниченій и признаніе за каждой національностью правъ на самоопредѣленіе, немедленнаго созыва собранія на демократическихъ основахъ, при условіи прямого и тайнаго голосованія, для установленія основного закона новыхъ порядковъ въ Россіи».

О содержаніи этихъ положеній съѣздъ призналъ необходимымъ и неотложнымъ оповѣстить всѣ желѣзныя дороги телеграммой [2]).

Вмѣстѣ съ этимъ двѣ депутаціи, по 5 чел. каждая, были избраны для представленія этой резолюціи предсѣдателю комитета министровъ гр. Витте и министру путей сообщенія кн. Хилкову. Гр. Витте въ своемъ отвѣтѣ депутаціи призналъ ихъ экономическія требованія исполнимыми. «Но ваши политическія требованія, заявилъ онъ имъ, въ особенности требованіе учредительнаго собранія на основаніи тайнаго, всеобщаго, равнаго голосованія, мнѣ кажутся совершенно не отвѣчающими требованіямъ времени». Онъ пугалъ ихъ примѣромъ Америки, гдѣ на почвѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права воцарилось царство буржуазіи. «Вы хотите царства буржуазіи, спрашивалъ онъ. Но врядъ ли тогда вы добьетесь

[1]) „Исторія Совѣта рабочихъ депутатовъ“, стр. 56.

[2]) „Сынъ Отеч.“, № 206. Сводка „Права“, стр. 7—10.

какихъ-нибудь экономическихъ улучшеній». Въ дальнѣйшемъ онъ уговаривалъ ихъ повліять на прекращеніе забастовки [1]).

Эти переговоры съ Витте были доложены затѣмъ Орѣховымъ на желѣзнодорожномъ митингѣ, состоявшемся въ количествѣ 5—6 тысячъ человѣкъ въ университетѣ.

Послѣ доклада начался горячій обмѣнъ мнѣній. *Говорили депутаты всѣхъ желѣзныхъ дорогъ петербургскаго узла.* Въ результатѣ долгихъ и страстныхъ преній почти единогласно было рѣшено объявить всеобщую желѣзнодорожную забастовку и съ 12-го октября прекратить отправленіе поѣздовъ со станцій петербургскаго узла по всѣмъ направленіямъ [2]).

Къ этому рѣшенію прибилъ затѣмъ свою авторитетную печать первый всероссійскій делегатскій съѣздъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, принявши 12 окт. слѣдующую резолюцію: «Съѣздъ, выслушавъ докладъ депутацій о результатахъ посѣщенія предсѣдателя комитета министровъ и министра путей сообщенія, пришелъ къ заключенію, что *труженикамъ желѣзнодорожнаго дѣла остается надѣяться только на свои силы и силы трудящихся классовъ...*» [3]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что если желѣзнодорожная масса служащихъ и рабочихъ играла въ октябрьской забастовкѣ центральную роль, то въ дѣлѣ сплоченія и объединенія этой массы игралъ въ свою очередь огромную роль делегатскій съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ. По составу же своему этотъ съѣздъ только въ меньшинствѣ своемъ состоялъ изъ рабочихъ, большинство же его составляли инженеры, помощники юрисконсультовъ и агенты разныхъ службъ [4]).

Остальная интеллигентская масса не играла въ октябрьской забастовкѣ такой крупной роли, какъ желѣзнодорожная интеллигенція, но она дружно поддержала забастовку. На слѣдующій день послѣ желѣзнодорожнаго митинга, объявившаго всероссійскую забастовку, 12 окт. состоялось засѣданіе центр. бюро Союза Союзовъ, въ которомъ было постановлено немедленно созвать общее собраніе всѣхъ союзовъ, входящихъ въ Союзъ Союзовъ, для обсужденія вопроса о поддержкѣ желѣзнодорожной забастовки. Собраніе было назначено въ пятницу 14-го октября, въ 8 ч. вечера въ университетѣ [5]). Хроника «Права» отмѣчаетъ: «Къ 6-ти часамъ всѣ улицы, прилегающія къ университету, были полны толпами, направлявшимися къ университету... *Всѣ аудиторіи заняты были отдѣльными союзами*». А въ итогѣ: «*Къ забастовкѣ примкнуло 17 союзовъ*» [6]).

На собраніяхъ союзовъ 14 октября были образованы стачечные комитеты отдѣльныхъ союзовъ. Эти стачечные комитеты организовали цѣлый рядъ делегацій въ общественныя, правительственныя и частныя учрежденія съ цѣлью

---

[1]) „Русское Слово“, № 267.
[2]) Сводка „Права“, стр. 18.
[3]) „Сынъ Отеч.“, № 209.
[4]) „Исторія Совѣта рабочихъ депутатовъ“, стр. 56.
[5]) Сводка „Права“ с. 31.
[6]) Ib. с. 48—49

прекращенія занятій. Делегаты являлись въ банки, техническія конторы, правленія, промышленныя общества, суды, школы, даже въ Сенатъ [1]).

Но еще раньше 14 октября, раньше коллективнаго рѣшенія всѣхъ союзовъ примкнуть къ забастовкѣ, можно уже отмѣтить цѣлый рядъ выступленій интеллигенціи.

Такъ, 12 числа въ актовомъ залѣ технологическаго института состоялось общее собраніе *петерб.* отдѣленія союза инженеровъ. Собраніе разрослось въ огромнѣйшій митингъ (до 2000 челов.), въ которомъ приняли участіе рабочіе и служащіе николаевской ж. д. Собраніе приняло слѣдующую резолюцію: «Принимая во вниманіе все растущее оппозиціонное движеніе и обсудивъ положеніе вещей, собраніе предлагаетъ товарищамъ и петербургскимъ рабочимъ примкнуть къ желѣзнодорожной политической забастовкѣ для показанія политической сознательности пролетаріата» [2]).

Въ тотъ же день, 12-го окт., общее собраніе *моск.* отд. союза инженеровъ и техниковъ всѣхъ спеціальностей приняло резолюцію о присоединеніи ко всеобщей политической забастовкѣ. На основаніи этого постановленія въ рядѣ техническихъ конторъ немедленно прекратились занятія [3]).

За тотъ же день получаются свѣдѣнія и изъ другихъ городовъ о присоединеніи интеллигенціи къ забастовкѣ.

Такъ, въ *Саратовѣ* въ этотъ день забастовали служащіе земской и городской управы, всѣ учрежденія городского самоуправленія за исключеніемъ водопровода и больницъ [4]).

Въ *Самарѣ* закрылись всѣ банки и правительственныя учрежденія, за исключеніемъ, кажется, губернскаго правленія и канцеляріи губернатора [5]).

Затѣмъ 13-го октября прекращаются занятія на три дня въ СПБ. земствѣ и въ правленіи СПБ. округа путей сообщенія. Закрываются 87 аптекъ. На три дня прекращаются занятія въ СПБ. окружномъ судѣ. Сигналомъ къ этому послужило заявленіе присяжныхъ засѣдателей одной изъ сессій уголовнаго суда о невозможности заниматься рѣшеніемъ дѣлъ при настоящемъ тревожномъ состояніи [6]).

Послѣ 14-го числа забастовка лицъ интеллигентскихъ профессій принимаетъ чрезвычайно широкій характеръ. Рядомъ съ лицами свободныхъ профессій и служащими въ частныхъ учрежденіяхъ покидаетъ правительственные ряды и переходитъ на сторону забастовки и чиновничество. Такъ, 15-го октября въ Вольно-экономическомъ обществѣ состоялось общее собраніе чиновниковъ государственнаго банка и министерства финансовъ. Собраніе постановило присоединиться ко всеобщей политической забастовкѣ [7]).

Чтобы оттѣнить громадную роль профессіональной интеллигенціи въ октябрь-

---

[1]) „Памятникъ эпохи 17 окт." с. 148.
[2]) Сводка „Права" с. 30—31.
[3]) Ib. с. 34.
[4]) Ib. с. 36.
[5]) Ib. с. 36.
[6]) Сводка „Права" с. 39—40.
[7]) Ib. с. 62.

ской забастовкѣ, намъ остается еще отмѣтить, что московскій стачечный комитетъ состоялъ главнымъ образомъ изъ представителей интеллигентскихъ союзовъ.

Вообще, общую картину октябрьской забастовки можно нарисовать слѣдующими чертами: пассивное отношеніе крестьянства, дружественный нейтралитетъ широкихъ слоевъ буржуазіи и значительной части землевладѣльцевъ и бурный натискъ со стороны городского рабочаго пролетаріата и профессіональный интеллигенціи, при чемъ роль послѣдней въ октябрьской забастовкѣ была въ своемъ родѣ не менѣе важна и значительна, чѣмъ роль рабочаго пролетаріата. Только дружное выступленіе обоихъ этихъ слоевъ населенія и могло придать октябрьской забастовкѣ характеръ единодушнаго натиска городской Россіи на устои стараго порядка.

5. Послѣ 17 октября.

Послѣ манифеста 17 октября начинается совершенно новый періодъ въ исторіи русской интеллигенціи.

Мы видѣли интеллигенцію въ ноябрѣ—декабрѣ 1904 г. впереди всего движенія. Она стремится тогда стать центромъ этого движенія; она стремится, съ одной стороны, сгруппировать вокругъ себя оппозиціонные слои землевладѣльцевъ и буржуазіи, съ другой—оглядывается на рабочія массы и ищетъ солидарности съ ними. Въ результатѣ колеблющіеся шаги, неопредѣленная позиція. Давленіе затѣмъ передовыхъ слоевъ рабочихъ, студенчества и революціоннаго крыла интеллигенціи явно склоняетъ массу профессіональной интеллигенціи влѣво, выступленіе петербургскихъ рабочихъ 9 января играетъ въ этомъ процессѣ окончательную рѣшительную роль.

Послѣ 9 января начинается второй періодъ участія профессіональной интеллигенціи въ революціи. Интеллигенція мобилизуется вокругъ лозунговъ передового пролетаріата, мобилизуется при этомъ раньше, чѣмъ масса рабочаго пролетаріата Россіи явно, открыто примыкаетъ къ этимъ лозунгамъ. Профессіональная интеллигенція идетъ за петербургскимъ пролетаріатомъ и пролетаріатомъ окраинъ, но по отношенію къ массѣ пролетаріата коренной Россіи она и теперь остается передовымъ авангардомъ движенія. Роль профессіональной интеллигенціи въ общественномъ движеніи достигаетъ затѣмъ своего зенита въ октябрьскую забастовку, когда въ первые моменты забастовки желѣзнодорожная интеллигенція становится даже въ центрѣ всего движенія, а въ дальнѣйшемъ масса профессіональной интеллигенціи идетъ рука объ руку съ рабочимъ пролетаріатомъ, не отставая отъ него.

Послѣ 17 октября новый третій періодъ участія въ революціи интеллигенціи характеризуется паденіемъ ея роли и значенія. На первый планъ выдвигается рабочій пролетаріатъ. Только съ этого момента масса рабочаго пролетаріата начинаетъ выступать, какъ организованная политическая сила съ опредѣленной политической программой и тактикой. Возникаетъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ Петербургѣ, организуется въ совѣты рабочихъ депутатовъ рабочая масса и въ другихъ городахъ. Совѣты рабочихъ депутатовъ вступаютъ вездѣ въ тѣсную связь съ соціалъ-демократической партіей. При явной гегемоніи этой партіи вступаютъ съ совѣтами депутатовъ въ организаціонную связь пар-

тія соціалистовъ-революціонеровъ и другія революціонныя партіи. Пролетаріатъ, такимъ образомъ, организуется подъ знакомъ революціоннаго соціализма и рѣшительной борьбы со старымъ режимомъ.

Въ какое отношеніе становится къ пролетаріату профессіональная интеллигенція?

Почти одновременно съ образованіемъ петерб. совѣта рабочихъ депутатовъ въ послѣдніе дни октябрьской забастовки происходитъ учредительный съѣздъ конституціонно-демократической партіи. Конституціонно-демократическая партія, развившаяся изъ Союза Освобожденія, выступаетъ на политическую арену въ качествѣ сплоченія профессіональной интеллигенціи съ передовыми земцами. Она не нарушаетъ на первыхъ порахъ согласнаго хора октябрьской забастовки. 14 октября учредительскій съѣздъ к.-д. партіи въ своемъ постановленіи заявляетъ: «требованія забастовщиковъ, какъ онѣ формулированы ими самими, сводятся, главнымъ образомъ, къ немедленному введенію основныхъ свободъ, свободному избранію народныхъ представителей въ учредительное собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія и общей политической амнистіи. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ эти цѣли—общія у нихъ съ требованіями конституціонно-демократической партіи. Въ виду такого согласія въ цѣляхъ, учредительный съѣздъ конституціонно-демократической партіи считаетъ долгомъ заявить свою полную солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ» [1]).

Но *программа* этой партіи имѣетъ только демократически-буржуазный характеръ, а послѣ 17 октября и тактика этой партіи все болѣе и болѣе рѣзко расходится съ тактикой революціонныхъ партій.

Типъ *внѣпартійныхъ* профессіонально-политическихъ интеллигентскихъ союзовъ передъ лицомъ борьбы, разгорающейся между *открытыми* политическими партіями, дѣлается явно неумѣстнымъ, не отвѣчающимъ требованіямъ момента.

Организованнымъ интеллигентскимъ союзамъ приходилось или выбирать между соціалистическими партіями и партіей к.-д., или положить начало новой радикальной партіи—лѣвѣе кадетовъ. Въ дѣйствительности интеллигентскіе союзы продолжаютъ сохранять внѣпартійный характеръ, но въ нихъ въ это время получаютъ преобладающее вліяніе элементы лѣвѣе к.-д., стремящіеся къ солидарнымъ дѣйствіямъ съ революціонными партіями и рабочимъ пролетаріатомъ. Это не мѣшаетъ организованному пролетаріату подъ вліяніемъ соціалъ-демократической партіи относиться къ нимъ съ явнымъ недовѣріемъ, какъ буржуазнымъ организаціямъ. Тщетно добиваются представители союза союзовъ, союза инженеровъ посылки своихъ представителей въ петерб. совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Послѣдній допускаетъ представителей крестьянскаго союза, допускаетъ представителей союза почтово-телеграфныхъ чиновниковъ въ виду его полупролетарскаго характера, но представительство другихъ интеллигентскихъ союзовъ рѣшительно отвергаетъ.

Въ Москвѣ же организація пролетаріата начинается съ разрушенія интел-

[1]) Сводка „Права“ с. 57.

лигентскаго стачечнаго комитета, состоявшаго въ главной своей массѣ изъ представителей интеллигентскихъ союзовъ. 18-го октября московскій стачечный комитетъ выпустилъ довольно радикальное воззваніе, въ которомъ предлагаетъ «бастующимъ товарищамъ» въ виду того, что они «*силою* добились отъ правительства признанія—правда, пока только на словахъ—нѣкоторыхъ изъ своихъ требованій,—*временно* прекратить забастовку» [1]).

Немедленно послѣ этого воззванія московскій комитетъ и московская группа соц.-дем. рабочей партіи «сочли необходимымъ разъяснить рабочимъ г. Москвы, что отъ московскаго пролетаріата въ составъ даннаго стачечнаго комитета входятъ лишь представители отъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, отъ рабочихъ городского самоуправленія и отъ торговыхъ служащихъ. Разрѣшеніе вопроса о прекращеніи всеобщей стачки въ Москвѣ подлежитъ обсужденію общаго стачечнаго комитета, къ созыву котораго и приступлено» [2]).

Затѣмъ, послѣ возникновенія совѣта рабочихъ депутатовъ въ Москвѣ въ засѣданіе стачечнаго комитета меньшинствомъ его вносится слѣдующая резолюція: «Московскій стачечный комитетъ, находя дальнѣйшее свое существованіе нецѣлесообразнымъ, объявляетъ себя распущеннымъ и предлагаетъ всѣмъ рабочимъ и служащимъ, въ немъ представленнымъ, организовавшись, примкнуть къ создаваемому московскому совѣту рабочихъ депутатовъ» [3]).

Резолюція эта была отвергнута громаднымъ большинствомъ, но дни стачечнаго комитета были сочтены, скоро онъ умеръ естественной смертью, не выдержавши конкурренціи съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ.

Это рѣзкое отмежеваніе пролетаріата и его руководящихъ элементовъ отъ организованной интеллигенціи не мѣшаетъ послѣдней въ ноябрьскіе и декабрьскіе дни явно подчиняться гегемоніи пролетаріата. Въ то время, какъ часть профессіональной интеллигенціи уходитъ подъ знамя кадетской партіи и тутъ, объединившись съ передовыми земцами, пріобрѣтаетъ особую индивидуальность, пытается вести свою особую тактическую линію, отличную отъ линіи революціонныхъ партій, спеціально интеллигентская организація—Союзъ союзовъ—съ большинствомъ входящихъ въ нее союзовъ теряетъ послѣ октябрьской забастовки всякую индивидуальность, она, какъ тѣнь, слѣдуетъ за революціоннымъ пролетаріатомъ, поддерживая его выступленія, переписывая его резолюціи.

Особая индивидуальность кадетской партіи чувствуется уже въ постановленіи съѣзда к.-д. партіи, принятомъ на слѣдующій день послѣ манифеста 17 октября; постановленіе это имѣетъ довольно рѣшительный характеръ, основное требованіе момента—созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго и т. д. голосованія, выдвинуто тамъ достаточно ярко и опредѣленно, и тѣмъ не менѣе, постановленіе въ общемъ не носитъ непримиримаго характера по отношенію къ правительству. Постановленіе не отвергаетъ Думы, реформируемой согласно манифесту, постановленіе считаетъ возможнымъ использовать ее, «какъ одно изъ средствъ на пути къ осуществленію той же цѣли» (созыва учр. собр.),

---

[1]) „Русское слово“, № 274.
[2]) Ib., № 276.
[3]) Ib., № 291.

и все постановленіе имѣетъ характеръ открытія переговоровъ съ правительствомъ въ цѣляхъ посредничества между нимъ и народомъ [1]).

Еще болѣе умѣреннымъ духомъ отличается резолюція академическаго союза, союза, въ которомъ какъ разъ наиболѣе сильно было съ самаго начала вліяніе к-д. партіи. «Оставаясь на почвѣ всѣхъ выставленныхъ ранѣе политическихъ и академическихъ требованій, члены петербургскаго отдѣла академическаго союза заявляютъ, что *для умиротворенія страны* необходимо рѣшительное и быстрое осуществленіе во всемъ ихъ объемѣ основныхъ началъ гражданской свободы, провозглашенныхъ актомъ 17 октября, и какъ вытекающее отсюда слѣдствіе—отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ и прежде всего военнаго положенія объ усиленной охранѣ и генералъ-губернаторствъ [2]).

Совершенно другимъ языкомъ отличается резолюція соединеннаго засѣданія членовъ центральнаго бюро союза союзовъ, всероссійскихъ и мѣстныхъ петербургскихъ бюро союзовъ, принятая въ ночь съ 17 на 18 октября.

«Союзъ союзовъ, говорится тамъ, между прочимъ, помня, что дѣло устроенія государства должно быть дѣломъ всего народа и что настоящія уступки завоеваны народомъ, объявляетъ, что онъ продолжаетъ оставаться на своемъ посту въ борьбѣ за демократическую платформу и будетъ считать свою миссію законченной лишь съ момента начала работъ правильно избраннаго учредительнаго собранія» [3]).

Черезъ нѣсколько дней совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановляетъ прекратить забастовку, мотивируя свое постановленіе необходимостью готовиться къ болѣе рѣшительной борьбѣ.

И какъ блѣдная копія слѣдуетъ за этой резолюціей резолюція союза инженеровъ и техниковъ, заканчивающаяся словами: «Общее собраніе петербургскаго отдѣла союза инженеровъ и техниковъ убѣждено, что только правильно избранное учредительное собраніе можетъ организовать политическую свободу. Въ настоящій моментъ общее собраніе союза, по соглашенію съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, объявляетъ прекращеніе забастовки инженеровъ и техниковъ въ пятницу, 21-го октября, въ 12 ч. дня. При этомъ собраніе признаетъ, что политическая забастовка должна быть объявлена вновь, когда это потребуется ходомъ борьбы за свободу и государственную власть народа» [4]).

1 ноября, по поводу преданія кронштадтскихъ матросовъ военно-полевому суду и введенія военнаго положенія въ Польшѣ, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ призываетъ пролетаріатъ Петербурга къ общей политической забастовкѣ. Слѣдомъ за нимъ идетъ Союзъ Союзовъ. Собраніе всероссійскихъ и мѣстныхъ бюро союзовъ, находящихся въ Петербургѣ, принимаетъ резолюцію, въ которой выражаетъ протестъ противъ преданія матросовъ военно-полевому суду и введенія военнаго положенія въ Польшѣ, и затѣмъ продолжаетъ:

«Усматривая въ забастовкѣ, объявленной Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ,

---

[1]) Сводка „Права“ при № 48—49, с. 95—96.
[2]) Сводка „Права“ при № 48—49 с. 95—96.
[3]) Іb. с. 97.
[4]) Іb. с. 96—97.
[5]) Сводка „Права“ с. 113—114, Сынъ Отеч. № 210.

протестъ противъ такого образа дѣйствій правительства, Собраніе постановило: 1) признать желательнымъ присоединеніе всѣхъ союзовъ къ забастовкѣ, объявленной Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, и 2) предложить всѣмъ бюро немедленно созвать союзы для рѣшенія вопроса о присоединеніи ихъ къ забастовкѣ». [1])

Не вездѣ, впрочемъ, среди союзовъ стремленіе поддержать забастовку нашло на этотъ разъ горячій откликъ. Такъ, созванный для обсужденія этого вопроса—3 ноября—митингъ адвокатовъ оказался очень малолюднымъ, пришлось поэтому отложить рѣшеніе до митинга 5 ноября. Послѣдній митингъ оказался болѣе многолюднымъ. Правда, присяжный пов. Н. Д. Соколовъ обратилъ вниманіе собранія на то, что теперь уже поздно рѣшать вопросъ о забастовкѣ, такъ какъ Совѣтъ раб. депутатовъ намѣренъ съ понедѣльника ее прекратить. Тѣмъ не менѣе собраніе начало обсуждать вопросъ и высказалось за забастовку. [2])

У адвокатовъ забастовка встрѣтила къ себѣ холодное отношеніе, а у учителей средней школы даже противодѣйствіе. На митингѣ учителей средней школы 4 ноября «вопросъ о новой забастовкѣ вызвалъ весьма продолжительныя пренія. Большинство высказалось противъ забастовки». Въ итогѣ собраніе ограничилось только выраженіемъ «горячаго сочувствія тѣмъ освободительнымъ стремленіямъ, которыя двинули на политическую забастовку рабочій пролетаріатъ и рядъ профессіональныхъ союзовъ» и единогласнымъ словеснымъ присоединеніемъ къ ихъ протесту. [3])

Большинство петерб. отдѣленій союзовъ отнеслось, впрочемъ, къ забастовкѣ сочувственно и поддержало ее, въ томъ числѣ такіе вліятельные союзы, какъ союзъ инженеровъ и желѣзнодорожный союзъ. Союзъ инженеровъ, объявляя о рѣшеніи прекратить забастовку 7 ноября въ 12 ч. дня, предлагаетъ «продолжать дальнѣйшую внутреннюю организацію, чтобы въ полной боевой готовности идти по пути закрѣпленія завоеванныхъ свободъ для завоеванія полнаго народовластія и учред. собранія на основѣ и т. д.»

5 ноября забастовочный комитетъ желѣзнодоророжнаго союза, объявляя вмѣстѣ съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и Союзомъ инженеровъ о прекращеніи забастовки 7-го въ 12 ч. дня, заканчиваетъ свое обращеніе къ желѣзнодорожной массѣ призывомъ: «собирайте всѣ ваши силы и если послѣ этого дня признано будетъ необходимымъ бастовать, то бастовать будутъ всѣ дороги сразу и бастовать онѣ будутъ до тѣхъ поръ, пока рѣшительно всѣ политическія и экономическія требованія правительство не исполнитъ» [4]).

Послѣ ареста Хрусталева, когда Совѣтъ рабочихъ депутатовъ принялъ 27-го по этому поводу свою извѣстную резолюцію, Центр. Комитетъ и Ц. Бюро Союза Союзовъ приняли совершенно аналогичное постановленіе [5]).

30 ноября въ Соляномъ городкѣ состоялось многолюдное общее собраніе Союза инженеровъ и техниковъ. На собраніи было принято открытое письмо къ Хрусталеву, рѣзко протестующее противъ его ареста и заявляющее о солидар-

---

[1]) „Русское Слово“ № 291, „Сынъ Отеч.“ № 222.
[2]) „Сынъ От.“ № 222.
[3]) Іb. № 222.
[4]) Іb. № 222.
[5]) „Сынъ Отеч.“ № 243.

ности съ дѣятельностью совѣта рабочихъ депутатовъ, предсѣдателемъ котораго является Хрусталевъ. [1])

5 декабря исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ депутатовъ съ участіемъ всѣхъ политическихъ партій рѣшилъ объявить всеобщую россійскую стачку съ 12 ч. дня въ четвергъ, 8 декабря.

На слѣдующій день, 7 декабря къ этому рѣшенію присоединяется петерб. центр. комитетъ Союза Союзовъ и выпускаетъ воззваніе, призывая своихъ членовъ присоединиться къ забастовкѣ; тѣхъ же, кто не можетъ лично принять въ ней участіе, поддержать бастующихъ матеріально. [2])

8 декабря въ 8 ч. вечера въ Соляномъ городкѣ началось годовое общее собраніе союза инженеровъ и техниковъ. Говорившіе ораторы призывали къ забастовкѣ. Ворвавшаяся полиція разогнала собраніе. Въ $10^1/_2$ ч. вечера состоялось собраніе бюро союза инженеровъ, которое, въ виду того, что общее собраніе союза разогнано вооруженной силой, на основаніи полномочій, данныхъ общимъ собраніемъ 4 декабря, объявило для всѣхъ членовъ союза всеобщую политическую забастовку. [3])

За день раньше чѣмъ состоялось рѣшеніе въ пользу забастовки Исполнительн Совѣта раб. депутатовъ въ Петербургѣ, 5 дек. Моск. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ объявилъ всеобщую забастовку съ 12 ч. дня 7-го дек. и къ *этому рѣшенію присоединилась* конференція 29 жел. дорогъ, засѣдавшая въ это время, вмѣстѣ съ Центр. Бюро Всеросс. желѣзнодор. Союза. [4]).

9 декабря московскій союзъ союзовъ открылъ непрерывныя засѣданія для поддержки движенія [5]).

Такимъ образомъ, и въ декабрьской забастовкѣ организованная интеллигенція выступаетъ солидарно съ пролетаріатомъ. Но роли ихъ совершенно на этотъ разъ измѣняются. Инициатива забастовки и руководящая роль въ ней принадлежатъ теперь не желѣзнодорожной массѣ, а организаціямъ пролетаріата. Интеллигентская масса дѣйствуетъ на этотъ разъ далеко не такъ дружно, какъ въ октябрѣ. Петербургскій желѣзнодорожный узелъ совершенно не бастуетъ. И если и среди рабочихъ Петербурга, обезсиленныхъ предыдущей борьбой, третья забастовка проходитъ слабѣе, то банки, земскія правительственныя учрежденія въ Петербургѣ на этотъ разъ никакого участія въ забастовкѣ не принимаютъ. Болѣе дружно проходитъ забастовка въ Москвѣ, гдѣ прекращаютъ занятія въ банкахъ, городскихъ и земскихъ предпріятіяхъ.

Декабрьское движеніе затѣмъ подавлено. Возникаетъ вопросъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ, созываемой на новыхъ основаніяхъ—на основѣ избирательнаго закона 11 декабря. Этотъ избирательный законъ явился несомнѣнно значительной уступкой движенію, привлекая къ участію въ выборахъ рабочихъ и профессіональную интеллигенцію, которые по Булыгинскому проекту были совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ. Среди соціалъ-демократической и другихъ рево-

---

[1]) Ib. № 245.
[2]) „Молва“ отъ 8 дек. № 4.
[3]) „Молва“ № 5.
[4]) „Москва въ декабрѣ“ с. 11—12.
[5]) „Молва № 5“.

люціонныхъ партій господствуетъ бойкотистское отношеніе къ Думѣ. Къ этому отношенію присоединяется и Союзъ Союзовъ. IV Всерос. Делегатскій Съѣздъ Союза союзовъ въ засѣданіи своемъ 16 янв. 1906 г. принялъ рѣшеніе:

1) всѣми способами разъяснять странѣ истинный смыслъ положенія о Гос. Думѣ 6 авг.—11 дек., чтобы лишить это учрежденіе всякаго авторитета, какъ въ глазахъ населенія имперіи, такъ и въ глазахъ Европы;

2) отказываться отъ участія, какъ въ Гос. Думѣ, такъ и въ выборахъ въ нее во всѣхъ стадіяхъ;

3) использовать по мѣрѣ возможности предвыборную кампанію для широкой пропаганды вышеуказаннаго отношенія къ Госуд. Думѣ и основной платформы Союза Союзовъ, т. е. Созыва учред. собранія на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права [1]).

Это классическое постановленіе было несомнѣнно началомъ конца союзной интеллигентской организаціи. Какъ разъ выборы въ Госуд. Думу, на основаніи новаго избирательнаго закона, давали возможность профессіональной интеллигенціи сыграть значительную политическую роль благодаря большому значенію въ избирательной борьбѣ городской куріи.

И профессіональная интеллигенція въ данномъ случаѣ не послѣдовала призыву Союза Союзовъ, она въ своей массѣ сплотилась вокругъ партіи к.-д. и дала возможность послѣдней выступить въ качествѣ руководящей силы I-й Гос. Думы. И если въ своей ошибочной тактикѣ бойкота Думы соціалдемократическая партія имѣла за собой по крайней мѣрѣ значительныя массы пролетаріата, то Союзъ Союзовъ со своей бойкотисткой резолюціей просто повисъ въ воздухѣ. Профессіональная интеллигенція за нимъ не пошла, а блестящіе результаты выборовъ въ I Думу не могли не способствовать потерѣ вліянія и авторитета среди интеллигенціи этой внѣпартійной организаціи. И, дѣйствительно, дальше начинается постепенное ея умираніе, а къ половинѣ 1906 г. она совершенно исчезаетъ со сцены.

Роль интеллигенціи въ дальнѣйшемъ движеніи—въ 1906—1907 г.—неразрывно сливается съ ролью партійныхъ образованій, борющихся между собою. На выборахъ во II и III Гос. Думы интеллигенція разбивается между партіей к.-д. и такъ наз. «лѣвымъ блокомъ», этимъ соединеніемъ всѣхъ партій лѣвѣе кадетовъ для борьбы съ ними. Этотъ лѣвый блокъ образовывается спеціально для борьбы въ интеллигентской II куріи и, несмотря на участіе въ немъ и представителей пролетарскаго движенія, можетъ быть разсматриваемъ, какъ спеціально интеллигентское партійное теченіе, идущее на встрѣчу стремленію значительной части профессіональной интеллигенціи занять болѣе рѣшительную демократическую позицію, чѣмъ какую занимаетъ партія к.-д. Процессъ этого сплоченія интеллигенціи въ различныя партійныя образованія будетъ разсмотрѣнъ въ III томѣ.

---

[1]) В. Ивановичъ „Росс. партіи, союзы и лиги“ стр. 146.

П. МАСЛОВЪ.

Крестьянское движеніе 1905—7 г. [1]).

I.

Экономическое положеніе крестьянъ въ началѣ столѣтія.

Въ первомъ томѣ [2]) мы старались выяснить экономическія и политическія причины, которыя вызвали крестьянское движеніе наканунѣ и во время революціи.

Основной экономической причиной крестьянскаго движенія былъ кризисъ крестьянскаго продовольственнаго хозяйства, вызванный, съ одной стороны, высокими налогами, надавшими на крестьянское хозяйство, съ другой стороны, повышеніемъ арендныхъ цѣнъ на землю, которое было вызвано взаимной конкурренціей малоземельныхъ крестьянъ, нуждающихся въ арендѣ для поддержанія своего хозяйства.

Кризисъ крестьянскаго хозяйства сначала (къ концу XIX вѣка) выражался въ побѣдѣ мелкой крестьянской продовольственной аренды надъ капиталистической и надъ капиталистическимъ крупнымъ хозяйствомъ. Т. е. арендныя цѣны мелкой продовольственной аренды такъ повышались, что оттѣсняли какъ капиталистовъ арендаторовъ, такъ и экономическія запашки самихъ землевладѣльцевъ. Самымъ выгоднымъ способомъ веденія хозяйства для землевладѣльцевъ оказывалась сдача земли въ мелкую аренду, или за деньги, или подъ отработки.

Это повышеніе цѣнъ мелкой продовольственной аренды не только дѣлало менѣе выгоднымъ веденіе капиталистическаго земледѣльческаго хозяйства, но въ корнѣ подрывало и мелкое крестьянское хозяйство и вело его постепенно къ кризису. Арендуя частновладѣльческія земли, мелкіе арендаторы, вслѣдствіе взаимной конкурренціи, стали платить такія высокія арендныя цѣны,

---

[1]) Въ настоящей статьѣ нами использованъ матеріалъ, собранный Вл. Горномъ, по случайнымъ обстоятельствамъ не имѣвшимъ возможности принять участіе въ работахъ этого тома.

[2]) П. Масловъ. Развитіе земледѣлія и положеніе крестьянъ до начала XX вѣка „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка". т. I.

что обработка арендуемой земли не оплачивалась имъ даже по обычной заработной платѣ за сельскохозяйственный трудъ.

Такъ какъ, съ другой стороны, за свои надѣльныя земли крестьяне принуждены были платить высокіе налоги и нести всяческія повинности, то доходъ, получаемый и съ надѣльной, и съ арендуемой земли, не давалъ большинству крестьянъ даже необходимыхъ средствъ для существованія. Арендаторы, чтобы платить налоги, продолжать аренду и чтобы прокормиться, должны были сокращать свои средства производства, проѣдать скотъ или продавать его для того, чтобы уплатить аренду. Продавался ли скотъ для того, чтобы купить хлѣбъ для пропитанія, или для уплаты налоговъ и аренды, мелкая продовольственная аренда сохранялась и оттѣсняла капиталистическое хозяйство только благодаря тому, что крестьяне пополняли понемногу свой бюджетъ сокращеніемъ скота, необходимаго для веденія хозяйства.

Чѣмъ выше поднимались арендныя цѣны, чѣмъ меньше оставалось крестьянину отъ аренды земли, тѣмъ больше онъ долженъ былъ черпать изъ основного хозяйственнаго фонда, тѣмъ быстрѣе сокращалось въ хозяйствѣ количество скота, тѣмъ раньше подрывались самыя основы продовольственнаго хозяйства, тѣмъ раньше долженъ былъ наступить его кризисъ.

Въ первомъ томѣ мы приводили данныя объ относительномъ сокращеніи къ началу 90-хъ годовъ крестьянскихъ посѣвовъ (по отношенію къ земледѣльческому населенію) и о сокращеніи скота въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Это сокращеніе количества скота въ различныхъ раіонахъ Россіи было различно и, въ связи съ этимъ, какъ положеніе крестьянскаго хозяйства, такъ и характеръ крестьянскаго движенія имѣли различный характеръ.

Данныя о коневладѣніи крестьянъ въ началѣ двадцатаго вѣка даютъ слѣдующую картину измѣненія количества лошадей у различныхъ группъ населенія.

Въ центральномъ черноземномъ раіонѣ [1]) коневладѣніе различныхъ группъ земледѣльческаго населенія опредѣляется слѣдующей таблицей:

Годы.	В Ъ П Р О Ц Е Н Т А Х Ъ: безлошадн.	съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	24,8	—	—	—	—	1,9
1888 . .	24	25,8	21,2	21,1	7,9	1,9
1899 . .	30,2	29,2	20.6	15,5	4,5	1,5
1905 . .	28,8	28,5	21,3	16,6	4,8	1,6

Изъ таблицы мы видимъ, что съ 1888 къ 1899 году количество лошадей сокращалось какъ абсолютно (среднее число скота на дворъ), такъ и по группамъ, причемъ особенно много теряли группы хозяйствъ трехъ и болѣе лошадныхъ, а увеличивалось число безлошадныхъ и съ одной лошадью.

Кризисъ въ наиболѣе острой формѣ въ этомъ раіонѣ наступилъ во время неурожайныхъ лѣтъ 1891—2 годовъ. Въ 1905 году, какъ видно изъ таблицы, произошло даже нѣкоторое увеличеніе числа (1,6 на дворъ) лошадей противъ 1899 года (1,5 на дворъ), хотя далеко не достигло уровня коневладѣнія 1888 г. (1,9 на дворъ).

---

[1]) 60 у. губерній: Рязанской, Тульской, Тамбовской, Орловской и Воронежской.

Въ юго-западномъ раіонѣ [1]) размѣры коневладѣнія были слѣдующіе:

Годы.	безлошадн.	ВЪ ПРОЦЕНТАХЪ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	50,8	—	—	—	—	1,3
1888 . .	51,0	5,1	24,5	14,0	5,4	1,3
1899 . .	51,9	5,3	27,5	12,4	2,9	1,2
1906 . .	54,3	6,4	28,7	9,2	1,4	1,0

Изъ таблицы видно, что уже въ 1882 году половина населенія не имѣетъ лошадей. Въ юго-западномъ раіонѣ сокращеніе числа лошадей происходитъ съ большей правильностью, вплоть до 1906 года. Число безлошадныхъ съ правильной послѣдовательностью увеличивается, между тѣмъ какъ многолошадныя съ такой же правильной послѣдовательностью совершенно исчезаютъ, причемъ число дворовъ съ 5 и болѣе лошадей на дворъ сократилось съ 5,4% въ 1888 г. до 1,4% въ 1906 г. Здѣсь уже въ 80-хъ годахъ продовольственное хозяйство пережило кризисъ и большая половина населенія должна была прибѣгать не къ арендѣ земли, а къ сельскохозяйственному найму.

Въ средне-волжскомъ раіонѣ [2]) экономическое положеніе населенія сходно съ положеніемъ его въ центральномъ раіонѣ. Поэтому и таблица о коневладѣніи даетъ такую же картину сокращенія лошадей въ 90-хъ годахъ и нѣкотораго увеличенія ихъ числа въ 1905 г.:

Годы.	безлошадн.	ВЪ ПРОЦЕНТАХЪ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	22,0	—	—	—	—	1,8
1891 . .	26,9	32,7	21,1	15,2	4,1	1,5
1899 . .	29,3	35,2	20,1	12,5	2,9	1,3
1905 . .	28,3	35,2	20,4	13,2	2,9	1,4

Въ нижне-волжскомъ раіонѣ [3]) хотя произошло нѣкоторое уменьшеніе числа лошадей противъ 1882 года, но это уменьшеніе въ 90-хъ годахъ не было такъ значительно, какъ въ другихъ раіонахъ, и къ 1905 году число лошадей значительно увеличилось:

Годы.	безлошадн.	ВЪ ПРОЦЕНТАХЪ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	11,2	—	—	—	—	3,7
1891 . .	18,4	22,3	17,6	21,1	20,6	3,0
1899/1900	17,3	23,8	18,6	21,5	18,8	2,8
1905 . .	12,6	22,3	18,7	23,8	22,6	3,2

Изъ таблицы видно, что въ нижне-волжскомъ раіонѣ о кризисѣ крестьянскаго хозяйства въ концѣ XIX вѣка не можетъ быть и рѣчи. Среднее количество лошадей на дворъ въ этомъ раіонѣ въ 1905 году было въ 2—3 раза выше, чѣмъ въ другихъ черноземныхъ раіонахъ. Количество лошадей къ 1905 г. противъ 1891 года увеличилось и абсолютно, и относительно, причемъ значи-

---

[1]) 36 уѣздовъ въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской.

[2]) 51 уѣздъ въ губерніяхъ: Саратовской, Пензенской, Симбирской, Казанской и Нижегородской.

[3]) Губерніи Самарская и Оренбургская.

тельно увеличилась группа многолошадныхъ дворовъ, имѣющихъ больше двухъ лошадей, т. е. увеличилась пропасть между безлошадными хозяйствами, съ одной стороны, и многолошадными, съ другой. Хотя число безлошадныхъ хозяйствъ сократилось, но это сокращеніе, разумѣется, не уменьшило различія въ хозяйственномъ положеніи безлошадныхъ и многолошадныхъ. Такъ какъ арендаторами частновладѣльческихъ земель являются обыкновенно многолошадные, то въ нижне-волжскомъ раіонѣ должна была происходить обратная тенденція,—замѣны продовольственной аренды арендой капиталистической, для полученія прибыли, ибо зажиточная группа крестьянъ не разорялась, а постепенно крѣпла.

Разумѣется, и въ этомъ раіонѣ, особенно въ Самарской губерніи была продовольственная аренда малолошадныхъ и безлошадныхъ хозяйствъ; въ нѣкоторыхъ пунктахъ населеніе бѣдствовало такъ же, какъ и въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ, но это были отдѣльные пункты въ болѣе плотно населенныхъ раіонахъ. Благодаря этому, какъ увидимъ, крестьянское движеніе нижневолжскаго раіона не носило такого стихійнаго массоваго характера, охватывающаго сплошной раіонъ, какъ было въ другихъ областяхъ Россіи.

Совершенно другую картину представляетъ раіонъ малороссійскихъ губерній. Здѣсь также, какъ въ юго-западномъ краѣ, группа безлошадныхъ уже въ 1882 году состояла [1]) почти изъ половины всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ и, слѣдовательно, значительная часть крестьянъ, не имѣвшая воловъ и лошадей, не могла прибѣгать къ арендѣ земли, а существовала въ значительной мѣрѣ сельскохозяйственнымъ наймомъ. Коневладѣніе въ этомъ раіонѣ измѣнилось въ періодъ 1882—1900 г. слѣдующимъ образомъ:

	В Ъ П Р О Ц Е Н Т А Х Ъ:					
Годы.	безлошадн.	съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	44,9	—	—	—	—	1,2
1888 . .	43,4	25,1	16,6	11,4	3,5	1,2
1900 . .	38,4	28,4	18,6	11,7	2,9	1,2

Въ этомъ раіонѣ никакого измѣненія въ среднемъ количествѣ лошадей на дворъ не произошло. Здѣсь мы должны искать причины крестьянскаго движенія не только въ кризисѣ продовольственнаго хозяйства и въ арендныхъ отношеніяхъ. Какъ увидимъ, здѣсь, такъ же какъ и въ юго-западномъ раіонѣ, движеніе въ большой степени происходило на почвѣ борьбы за повышеніе заработной платы, а не изъ за аренды земли.

Въ новороссійскомъ раіонѣ [2]) по своему экономическому положенію населеніе занимаетъ среднее мѣсто между нижне-волжскимъ раіономъ, наиболѣе обезпеченнымъ скотомъ, и между центральнымъ черноземнымъ раіономъ, переживавшимъ кризисъ продовольственнаго хозяйства. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

---

1) Высокій процентъ безлошадныхъ отчасти объясняется употребленіемъ воловъ вмѣсто лошадей.

2) 30 уѣздовъ въ губ.: Екатеринославской, Херсонской, Бессарабской и Таврической.

Годы.	безлошадн.	В Ъ П Р О Ц Е Н Т А Х Ъ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ
1882 . .	39,4	—	—	—	—	1,7
1891 . .	39,8	9,6	30,1	13,7	6,8	1,7
1896 . .	34,6	7,9	30,1	17,8	9,6	2,0
1904 . .	36,4	7,9	34,5	13,7	7,5	1,8

Въ этомъ раіонѣ при высокомъ процентѣ безлошадныхъ [1]) довольно значителенъ и процентъ *многолошадныхъ* хозяйствъ, и среднее количество лошадей на дворъ выше, чѣмъ въ центральномъ или малороссійскомъ раіонѣ. Новороссійскій раіонъ дастъ картину большаго разслоенія населенія по экономическому благосостоянію и здѣсь должна была имѣть мѣсто какъ борьба за землю, такъ и борьба за улучшеніе условій наемнаго труда.

Итакъ, во всѣхъ черноземныхъ раіонахъ количество лошадей въ началѣ текущаго столѣтія уменьшилось противъ начала 80-хъ годовъ XIX столѣтія, хотя уменьшеніе происходило съ различными колебаніями, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ 1891—2 неурожайныхъ годовъ. Только въ новороссійскомъ раіонѣ произошло нѣкоторое увеличеніе числа лошадей, увеличеніе, которое, вѣроятно, объясняется замѣной воловъ лошадьми.

Въ нечерноземномъ раіонѣ развитіе крестьянскаго хозяйства шло въ томъ же направленіи. Количество скота сокращалось почти во всѣхъ раіонахъ. Это видно изъ слѣдующихъ таблицъ.

Въ московскомъ промышленномъ раіонѣ [2]) былъ слѣдующій процентъ:

Годы.	безлошадн.	В Ъ П Р О Ц Е Н Т А Х Ъ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	25,2	—	—	—	—	1,2
1888 . .	24,3	43,0	20,9	10,3	1,5	1,3
1906 . .	27,7	45,7	18,8	7,1	0,7	1,1

Количество скота въ этомъ раіонѣ къ 1906 году значительно сократилось, главнымъ образомъ, въ 3—4 лошадныхъ и въ многолошадныхъ хозяйствахъ. Произошло увеличеніе однолошадныхъ и безлошадныхъ.

Въ пріозерномъ раіонѣ [3]) происходило то же самое:

Годы.	безлошадн.	В Ъ П Р О Ц Е Н Т А Х Ъ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	18	—	—	—	—	1,4
1888 . .	16,3	44,1	24,6	13,6	1,4	1,4
1900 . .	20,0	45,7	22,5	10,8	1,0	1,3

Въ Бѣлорусскомъ раіонѣ [4]) процессъ сокращенія числа лошадей происхо-

---

[1]) Высокій процентъ безлошадныхъ на всемъ югѣ объясняется отчасти употребленіемъ для сельскохозяйственной работы воловъ.

[2]) 59 уѣздовъ въ губерніяхъ: Тверской, Ярославской, Владимірской, Калужской и Московской.

[3]) 27 уѣздовъ въ губерніяхъ: Псковской, Новгородской и С.-Петербургской.

[4]) 43 уѣзда въ губерніяхъ: Могилевской, Минской, Витебской и Смоленской.

дилъ значительно сильнѣе и кризисъ крестьянскаго хозяйства, какъ видно изъ ниже приведенной таблицы, долженъ былъ проявиться острѣе.

Годы.	безлошадн.	В Ъ П Р О Ц Е Н Т А Х Ъ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	16,0	—	—	—	—	1,9
1888 . .	13,2	30,3	26,7	23,3	6,5	2,0
1906 . .	19,1	38,4	24,4	15,5	2,6	1,5

Почти въ такихъ же размѣрахъ и у тѣхъ же группъ населенія произошло сокращеніе числа лошадей въ литовскомъ раіонѣ [1]), а именно:

Годы.	безлошадн.	В Ъ П Р О Ц Е Н Т А Х Ъ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1882 . .	17,8	—	—	—	—	1,5
1888 . .	19,1	43,0	21,7	13,3	2,9	1,5
1906 . .	24,8	51,1	15,5	7,3	1,3	1,1

Въ литовскомъ раіонѣ, такъ же какъ и въ бѣлорусскомъ, произошло къ 1906 году огромное увеличеніе числа безлошадныхъ и однолошадныхъ дворовъ и сокращеніе числа многолошадныхъ. Среднее количество лошадей на дворъ сократилось, разумѣется, также въ огромной степени.

Въ прибалтійскомъ краѣ [2]) экономическое положеніе крестьянскаго населенія совершенно особенное и состояніе коневладѣнія можетъ характеризовать только имущую часть земледѣльческаго населенія. Какъ извѣстно, огромный процентъ населенія прибалтійскаго края безземеленъ и занимается батрачествомъ, не имѣя своего самостоятельнаго хозяйства. Поэтому, въ группировкѣ по коневладѣнію эта часть населенія не попала въ число безлошадныхъ хозяйствъ. Тѣмъ не менѣе, и среди крестьянъ, имѣющихъ свое собственное хозяйство, количество безлошадныхъ увеличилось, хотя среднее количество лошадей на дворъ и не измѣнилось. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	безлошадн.	В Ъ П Р О Ц Е Н Т А Х Ъ: съ 1 лош.	съ 2 лош.	съ 3—4 лош.	съ 5 и болѣе.	среднее число на дворъ.
1888 . .	7,5	32,8	21,3	27,1	11,3	2,3
1906 . .	12,6	30,2	19,9	25,4	11,9	2,3

Такимъ образомъ, и въ этомъ раіонѣ увеличивалось количество пролетаризующихся крестьянъ, не имѣющихъ лошадей, но характеръ крестьянскаго движенія опредѣлялся, главнымъ образомъ, положеніемъ батраковъ, высотой ихъ заработной платы и проч., такъ какъ эта часть населенія была наименѣе удовлетворенной существующими экономическими отношеніями. Въ нѣкоторой степени такіе выводы имѣютъ мѣсто и по отношенію къ литовскому раіону, гдѣ процентъ безземельнаго крестьянскаго населенія также высокъ. Итакъ, во всемъ нечерноземномъ раіонѣ мы наблюдаемъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ въ черноземномъ раіонѣ, сокращеніе количества лошадей, которое мы считаемъ характернымъ признакомъ кризиса крестьянскаго хозяйства. *Степень* сокращенія числа лошадей въ различныхъ раіонахъ не одинакова и находится въ

[1]) 23 уѣзда въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской и Гродненской.

[2]) 23 уѣзда въ губерніяхъ: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

значительной зависимости отъ того, какъ рано начался этотъ процессъ. Такъ въ юго-западномъ и малороссійскомъ раіонахъ крестьянское населеніе уже поддерживало свое хозяйство не столько арендой земли, сколько наемнымъ трудомъ, такъ какъ очевидно уже не могло конкуррировать съ капиталистическимъ хозяйствомъ.

II.

1905 годъ.

Начало движенія.

1.

Изъ статьи Вл. Горна въ первомъ томѣ читатель уже видѣлъ, что крестьянское движеніе мѣстами вспыхивало въ самомъ началѣ XX столѣтія. Въ 1901 году массовое крестьянское движеніе возникаетъ въ Гуріи, а въ 1902 году крестьянское движеніе въ Полтавской и въ Харьковской губерніяхъ увлекаетъ десятки тысячъ крестьянъ въ четырехъ уѣздахъ, при чемъ только къ суду за сти массовые безпорядки было привлечено болѣе тысячи человѣкъ. Въ значительныхъ размѣрахъ крестьянское движеніе происходило также въ Воронежской и Саратовской губ.

Въ 1903—4 годахъ движеніе возникаетъ въ различныхъ пунктахъ Россіи, при чемъ въ Гуріи оно продолжало развиваться еще шире, между тѣмъ какъ въ другихъ пунктахъ оно вспыхивало и быстро подавлялось. Уже въ 1903—4 годахъ встрѣчаются всѣ формы крестьянскаго движенія, которыя въ болѣе широкихъ размѣрахъ развились въ 1905—6 годахъ.

Къ началу 1905 года броженіе всѣхъ классовъ населенія, вызванное отчасти неудачами русско-японской войны, становится чрезвычайно напряженнымъ. Слухи о событіяхъ въ Петербургѣ послѣ 9-го января, конечно, проникали и въ деревню. Всѣ событія 1904 и начала 1905 года должны были зажечь пожаромъ тотъ горючій матеріалъ, который накопился въ деревнѣ. И, дѣйствительно, съ февраля мѣсяца крестьянское движеніе вспыхиваетъ съ еще небывалой силой, возникая стихійно въ различныхъ мѣстахъ обширной страны.

Атмосфера напряженнаго состоянія въ настроеніи крестьянъ стала чувствоваться вездѣ. «Мужикъ какъ-то незамѣтно умственно выросъ, пишетъ корреспондентъ «Слова», кругозоръ (мужика) увеличился и жизненная неправда имъ стала чувствоваться и сознаваться опредѣленнѣе, яснѣе и требовательнѣе. Онъ уже начинаетъ и возмущаться барствомъ, не потому, впрочемъ, что тѣ бары, а онъ мужикъ, а потому, что у баръ онъ видитъ много неправды по отношенію къ себѣ, а у властей потачки первымъ и угнетеніе его. И вотъ результаты: во многія деревни мѣстная полиція боится уже показаться, а урядника нерѣдко стали и поколачивать — и уже совершенно не въ пьяномъ видѣ и не по пьяному дѣлу, а преднамѣренно, обдуманно. Прошлымъ лѣтомъ какъ-то безъ широкаго уговора явилась стачка» [1]).

Естественно, что, при такомъ настроеніи и при усилившемся движеніи другихъ слоевъ населенія, крестьянскіе безпорядки возникаютъ одновременно въ

[1]) См. П. Масловъ. Аграр. вопросъ т. II стр. 145.

самыхъ отдаленныхъ одно отъ другого мѣстахъ, какъ будто по предварительному уговору.

Такъ, 15 февраля начинаются безпорядки въ Дмитровскомъ уѣздѣ Курской губ. и распространяются на сосѣдніе уѣзды Орловской и Черниговской губ.

18 февраля, въ виду аграрныхъ безпорядковъ, Озургетскій уѣздъ Кутаисской губ. и Контрашскій участокъ Батумской области передаются изъ вѣдѣнія губернаторовъ военнымъ властямъ.

Съ 15 февраля по 1-е марта въ Харьковскомъ уѣздѣ начинаются порубки лѣса.

28 февраля въ Шаропанскомъ уѣздѣ (Кутаисск. губ.) крестьяне разбиваютъ сельскія канцеляріи и уничтожаютъ документы. То же одновременно происходитъ въ Сенакскомъ уѣздѣ. 9 марта начинается движеніе въ Горійскомъ у. Тифлисской губ., а 10-го въ Двинскомъ, Рѣжицкомъ и Люцинскомъ уѣздахъ Витебской губ., т. е. на противоположномъ концѣ Европейской Россіи, крестьяне рубятъ лѣсъ и нападаютъ на экономіи. 10-го же марта начинается сильное движеніе въ Лифляндской губерніи. 12-го начинаются забастовки батраковъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губ. Одновременно отмѣчается крестьянское движеніе и движеніе батраковъ и въ другихъ пунктахъ Польши.

27 марта около Риги происходятъ собранія для выработки общихъ требованій; 28 марта начинаются безпорядки въ Телавскомъ уѣздѣ Тифлисской губ. 31 марта отправляются казаки въ Луганскъ для усмиренія сосѣднихъ крестьянъ и въ то же время осетины на Сѣверномъ Кавказѣ дѣлаютъ вооруженныя нападенія на казенные лѣса. Въ мартѣ же происходятъ безпорядки и забастовки крестьянъ въ Подольской губ., порубки лѣсовъ въ Харьковской губ. и т. д. и т. д. [1]).

Въ зависимости отъ экономическихъ условій, отъ культурнаго уровня населенія различныхъ районовъ, а также отъ болѣе или менѣе близкаго участія различныхъ революціонныхъ партій и характеръ крестьянскаго движенія въ различныхъ мѣстахъ былъ различенъ.

2.

Движеніе началось въ 1905 году прежде всего въ Дмитровскомъ уѣздѣ Курской губ. и Сѣвскомъ у. Орловской губ.

«Уже давно среди крестьянства Курской губ., пишетъ корреспондентъ «Рев. Рос.», ходятъ слухи о необходимости произвести съ весны «общее поравненіе».—«Вотъ какъ только вернутся къ веснѣ запасные, мы и произведемъ «поравненіе». Крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ждутъ, что руководить движеніемъ будутъ студенты».

«Въ пострадавшемъ раіонѣ, пишетъ корреспондентъ «Слова» [2]), крестьянство жило почти впроголодь, сосѣдство же богатыхъ имѣній съ обширными угодьями рельефно оттѣняло дефекты его нищеты и тѣсноты. Когда, однако, крестьянство пошло на приступъ, то чрезмѣрно пострадавшими оказались не столько обладатели крупныхъ имѣній, сколько средніе помѣщики...»

---

[1]) Ibid. Стр. 146—7.

[2]) „Слово". № 102, 1905 г.

Подвигаясь изъ Орловской губ., разрушительное шествіе крестьянской толпы въ предѣлахъ Глуховскаго уѣзда Черниговской губ. разгромило семнадцать хуторовъ и имѣній. Паника охватила всѣхъ помѣщиковъ. «Помѣщики всѣ подѣвались куда-то, въ экономіяхъ было пусто, ни души, весь скотъ прятали неизвѣстно куда... Словно все вымерло... [1]).

Подвигаясь впередъ, разгромивши рядъ имѣній, крестьянская толпа въ Сѣвскѣ натолкнулась на войска, которыя привелъ черниговскій губернаторъ, и крестьяне разсѣялись.

Наиболѣе пострадали въ Глуховскомъ уѣздѣ имѣнія дворянина Терещенки, у котораго въ ночь на 23 февраля были разобраны Николаевскій и Михайловскій хутора, при чемъ изъ Николаевскаго хутора былъ вывезенъ хлѣбъ въ зернѣ, а изъ Михайловскаго хутора, въ которомъ находился сахаро-рафинадный заводъ, была увезена часть сахара и другого имущества, а зданіе завода и дома были сожжены.

По даннымъ обвинительнаго акта [2]), крестьянскіе безпорядки происходили при слѣдующихъ условіяхъ.

«Крестьяне какъ села Сальнаго, такъ и другихъ окрестныхъ деревень, въ томъ числѣ и Глуховскаго уѣзда—люди крайне бѣдные, имѣютъ небольшіе надѣлы, въ среднемъ около $2^3/_4$ десятины на ревизскую душу, а, напримѣръ, въ с. Ломленкѣ, Глуховскаго уѣзда, на 38 дворовъ приходится 32 десятины; многіе же изъ крестьянъ и совсѣмъ надѣла не имѣютъ; земля очень плохого качества (песокъ, болото и глина), такъ что своего хлѣба не хватаетъ, недостатокъ выгоновъ, отсутствіе лѣса и луговъ; пользоваться же владѣльческой землей на арендномъ правѣ было невозможно, такъ какъ почти вся земля обрабатывалась самими владѣльцами, и *если сдавалась подъ посѣвы, то худшая часть, и притомъ съ обязательствомъ отработковъ въ экономіи*, что дѣлало также пользованіе экономической землей убыточнымъ для крестьянъ. Только крайняя нужда и незначительный размѣръ надѣльной земли заставляли крестьянъ брать землю на такихъ условіяхъ у помѣщиковъ, притомъ, если положено, напримѣръ, отработать въ экономіи Терещенко 40 десятинъ, то экономія требуетъ, чтобы ихъ убрать въ два дня, а если крестьяне не успѣютъ, то съ нихъ вычитываютъ по 6 рублей съ десятины и сѣна вовсе не даютъ, снопы заставляютъ вязать въ пудъ вѣсомъ, и, въ случаѣ во время работы сломается экономическая телѣга, то за это съ возчика вычитаютъ рубль, при остановкѣ же работъ изъ-за дождя въ теченіе часа, съ рабочихъ вычитаютъ плату за полдня.

«Вслѣдствіе такого недостатка въ землѣ крестьяне вынуждены были искать заработковъ путемъ отхожихъ промысловъ, отправляясь для этой цѣли на югъ въ Одессу, Ростовъ на-Дону, Ялту, Юзовскіе заводы, а также прибѣгать къ мѣстнымъ заработкамъ, какіе давалъ сахарный заводъ въ видѣ возки топлива, извоза сахара и работы на самомъ заводѣ. По возвращеніи же изъ отхожихъ промысловъ крестьяне становились хуже въ нравственномъ отношеніи, къ старшимъ (sic!) и къ начальству относились высокомѣрно и нерѣдко дерзко, и не

---

[1]) „Слово“ № 102, 1905 г.

[2]) „Право„ № 9, 5 марта 1905 г.

хотѣли уже заниматься земледѣліемъ. Незадолго до возникновенія погромовъ въ с. Сальномъ, Дмитріевскаго уѣзда, и въ сосѣднемъ селѣ Добромъ полѣ появились прокламаціи революціоннаго содержанія, подъ заглавіемъ «Братья крестьяне», призывающія крестьянъ къ массовому возстанію противъ помѣщиковъ и властей, причемъ имъ начертывалась программа дѣятельности: сначала тайная пропаганда среди односельцевъ, малыя сходки и собранія въ цѣляхъ объединенія, а затѣмъ повсемѣстное массовое открытое возстаніе. Читались эти прокламаціи толпами крестьянъ, не позволяя ихъ никому сорвать, съ видимымъ удовольствіемъ говоря, что вышелъ «праведный законъ», что теперь все наше, и поля, и луга, и лѣса, все можно теперь намъ забирать отъ владѣльцевъ, пахать землю, жать, рубить лѣса». Крестьяне были убѣждены, что прокламаціи «идутъ отъ начальства», и поэтому имъ нужно вѣрить. Вскорости послѣ появленія упомянутой прокламаціи крестьяне села Сальнаго начали производить самовольныя потравы и порубки, а затѣмъ въ ночь на 13 февраля 1905 г. открыто похитили хлѣбъ изъ экономіи Чехничена; въ ночь же на 22 того же февраля было разграблено еще нѣсколько экономій въ Сѣвскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ томъ числѣ и экономія Николы Терещенко при селѣ Хинели. Во время разграбленія 22 февраля находившагося въ Сѣвскомъ уѣздѣ Николаевскаго хутора Терещенко одинъ изъ толпы говорилъ: «отъ пановъ и намъ, и вамъ плохо, а *вотъ они подадутся, такъ земля и будетъ наша, на весну можете пахать и жать всю землю*. Вотъ теперь здѣсь берите, а чтобы въ 6 часовъ вечера всѣ были въ Михайловскомъ хуторѣ...» Въ тотъ же день, въ Михайловскомъ хуторѣ Терещенко часа за два до погрома этого хутора одинъ говорилъ, обращаясь къ группѣ крестьянъ: «я не имѣю куска земли, а помѣщики имѣютъ землю и живутъ себѣ вольно... я самъ первый начну разбивать и громить». Во время же самаго погрома одинъ изъ крестьянъ, принимавшій участіе въ погромѣ, на вопросъ, почему они не только грабятъ, но и жгутъ заводъ и постройки при немъ, отвѣтилъ: «заводъ не нуженъ, мы сахару варить не умѣемъ, намъ земля нужна, на весну гречиху тутъ будемъ сѣять... Одна крестьянка на тотъ же вопросъ, а также на вопросъ откуда она, отвѣтила: «изъ села Хинеля, пріѣхали грабить панское добро, *намъ самъ Царь батюшка повелѣлъ это дѣлать и прислалъ намъ бумагу съ короной*». По разграбленіи Хинельской экономіи... почти всѣ крестьяне села Хинеля, вмѣстѣ со старостой, поѣхали въ Михайловскій хуторъ. Отправились не только мужчины, но и женщины и даже дѣти. Такъ какъ путь лежалъ на деревни Ломленку и Родіоновку и село Чуйковку, Глуховскаго уѣзда, то, проѣзжая, приглашали мѣстныхъ крестьянъ присоединиться къ нимъ и ѣхать въ Михайловскій хуторъ «по сахаръ», угрожая на случай отказа поджогомъ на обратномъ пути. Между Чуйковкой и Михайловскимъ хуторомъ ѣхавшіе подожгли расположенные у дороги сараи, находившіеся на Федоровскомъ хуторѣ Терещенко и нѣсколько далѣе въ разстояніи $1^1/_2$ версты отъ Михайловскаго хутора, три большихъ навѣса для сушки кирпича, которые и сгорѣли впослѣдствіи, и затѣмъ, около 7 часовъ вечера, подъѣхали къ Михайловскому хутору. Всѣхъ подводъ ѣхало до 500, а въ улицу Михайловскаго хутора въѣхало подводъ 6—7, на коихъ сидѣло по 2 и по 3 человѣка. На вопросъ одного изъ служащихъ на заводѣ, для чего они пріѣхали, послѣдніе отвѣтили: «развѣ не знаете для чего?

грабить, жечь и громить». Вслѣдъ за тѣмъ, со стороны Чуйковки стали въѣзжать подводы, а когда первыя поровнялись съ зданіемъ больницы, находившимся при въѣздѣ въ Михайловскій хуторъ, надзирательница больницы Михайлова обратилась къ проѣзжавшимъ съ просьбой не громить больницы. Въ толпѣ раздались голоса—не трогать больницы и зданіе это уцѣлѣло, подводы двинулись дальше по улицѣ. Часть подводъ, приблизительно до 300, свернула въ экономическій дворъ Николаевскаго хутора, расположенный почти противъ больницы и стала расхищать хранившійся тамъ въ 6 амбарахъ разный хлѣбъ въ зернѣ, мукѣ, крупѣ и отрубяхъ, котораго было до 10 тысячъ пудовъ, а остальныя подводы продолжали двигаться по направленію къ заводу. Впереди съ шумомъ и крикомъ проѣхало подводъ 200 крестьянъ села Хинеля и другихъ селъ Орловской губ., а за ними потянулись подводы крестьянъ Глуховскаго уѣзда, очевидно присоединившихся по пути къ первымъ. Ѣхали подводы по нѣсколько врядъ, всего было ихъ около тысячи. У нѣкоторыхъ изъ ѣхавшихъ видны были въ рукахъ топоры, ломы и колья. Двигаясь по улицѣ, въ началѣ которой расположены дома съ квартирами низшихъ служащихъ на заводѣ, толпа ограничилась лишь тѣмъ, что разбила стекла въ нѣсколькихъ окнахъ этихъ домовъ. Возлѣ бондарнаго двора изъ толпы отдѣлилось человѣкъ шесть, которые, въѣхавъ въ этотъ дворъ, отбили замокъ у сарая, гдѣ сложенъ былъ сахаръ въ мѣшкахъ и стали расхищать его, складывая на подводы, но подоспѣвшему приказчику бондарнаго двора Москаленко съ нѣсколькими бондарями удалось отстоять этотъ складъ. Подъѣхавъ далѣе къ дому, въ которомъ была квартира доктора завода Смаковскаго и служащаго на заводѣ Алфимова, толпа стала бить окна въ квартирѣ Смаковскаго и расхищать его имущество. Видя это, стоявшіе возлѣ дома Алфимовъ съ сыновьями... обратились съ просьбою къ одному изъ крестьянъ, не грабить и не жечь ихъ квартиры, говоря, что они люди бѣдные. Этотъ крестьянинъ осмотрѣвъ обстановку въ квартирѣ Алфимова, крикнулъ толпѣ: «братцы этоо квартиры не трогать». Крикъ этотъ былъ подхваченъ толпою, и квартира Алфимова разграблена не была. Движеніе подводъ все продолжалось; въ это время, по показанію свидѣтелей, раздался звукъ рожка и свистка... Послѣ этого послышался звонъ разбиваемыхъ стеколъ и оказалось, что толпа бросилась въ квартиры служащихъ, расположенныя далѣе по улицѣ, стала бить окна, расхищать имущества и затѣмъ поджигать ихъ... Одновременно съ этимъ, двигавшаяся впередъ толпа раздѣлилась: часть вошла въ хозяйственный дворъ, гдѣ, отбивъ замки у сарая, расхитила находившійся тамъ сахаръ, а также муку и крупу, и похитила изъ этого двора трехъ лошадей, выпущенныхъ ранѣе, въ виду пожара, изъ конюшни, другая часть направилась въ заводскій дворъ и, бросившись къ зданію завода, четыремъ амбарамъ съ сахаромъ, конторѣ завода, при которой помѣщалась и квартира управляющаго заводомъ Гусаченко, стала ломать замки, двери, бить окна и расхищать сахаръ и другое имущество, складывая все это на подводы, а затѣмъ подожгла эти зданія. Заводъ былъ подожженъ одновременно съ трехъ сторонъ. Всѣ эти зданія, контора, склады съ сахаромъ и заводъ сгорѣли... Толпа разсыпалась по всему хутору, продолжая грабить и жечь. Въ разныхъ мѣстахъ возникли отъ поджоговъ новые пожары»...

Въ то время, когда толпа еще продолжала грабить и жечь, по улицѣ по-

тянулись къ выѣзду подводы, нагруженныя разнымъ имуществомъ, а на встрѣчу имъ двигались порожнія, принадлежавшія крестьянамъ окрестныхъ селъ и деревень. Вновь прибывшіе, въ свою очередь, принимали участіе въ разграбленіи и такое движеніе продолжалось въ теченіе всей ночи. *Всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ погромѣ, было болѣе трехъ тысячъ человѣкъ.*

Въ теченіе недѣли были ограблены экономіи Хатута, Погребы, Калиновка, хуторъ Дмитріевскій, хуторъ Елизаветинскій (г. Шауфусъ), Дубовицы (бар. Мейендорфъ), Гламаздино (Волкова), Прилѣпы (бар. Мейендорфа), Романовка, Сковородня, Позднышевка, хутора Попова, Зайцевыхъ, Линтваревой, Петровскаго, Хинель (Терещенко).

Нарисованная выше картина разгрома экономіи является типичной для центральнаго черноземнаго раіона и повторяется съ различными варіаціями и въ другихъ мѣстахъ этого раіона. Движеніе носитъ характеръ стихійнаго, мало сознательнаго движенія, иногда основаннаго, повидимому, на томъ соображеніи, что послѣ разгрома имѣнія помѣщикъ уже не въ состояніи будетъ вести хозяйство и земля достанется крестьянамъ. Какъ и въ приведенномъ выше случаѣ, крестьяне иногда полагали, что разгромъ имѣній совершается съ дозволенія царя и что за это никакого наказанія не будетъ.

Въ безпорядкахъ обыкновенно принимали участіе крестьяне цѣлаго ряда деревень совмѣстно. Большею частью крестьяне предупреждали заранѣе владѣльцевъ, что явятся къ нимъ тогда-то, [1]) при чемъ иногда приходила предварительно небольшая группа, осматривала экономію и уже послѣ того заявляла, что крестьяне придутъ въ извѣстный день.

Въ назначенный день недалеко отъ усадьбы зажигался ометъ соломы, костеръ или просто большой пукъ соломы на длинной жерди, и по этому сигналу собиралась толпа крестьянъ съ подводами; подводъ иногда съѣзжалось до 500—700. Собравшись, крестьяне направлялись въ экономію, подходя къ ней, дѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, ломали замки у амбаровъ, нагружали хлѣбъ на подводы и уѣзжали.

Присутствіе хозяина или управляющаго нисколько не смущало ихъ: они дозволяли ему быть свидѣтелемъ происходящаго, не отгоняли отъ себя, но и не вступали съ нимъ ни въ какія объясненія. Брали, главнымъ образомъ, зерновой хлѣбъ; другіе продукты увозили въ рѣдкихъ случаяхъ, поэтому никакихъ другихъ построекъ кромѣ хлѣбныхъ амбаровъ, обыкновенно, не трогали. Въ Прилѣпахъ крестьяне разграбили хлѣбъ, но не тронули сахарнаго завода; у Петровскаго также увезли хлѣбъ и оставили въ покоѣ винокуренный заводъ. Въ дома обыкновенно не заглядывали. Денегъ не требовали, насилій никакихъ не дѣлалось. Вообще крестьяне старались вести себя сдержанно и не выходили изъ извѣстныхъ предѣловъ. На больницы и школы никакихъ покушеній не дѣлалось, такъ что нѣкоторые помѣщики бросали усадьбы и укрывались въ школахъ. Въ разборкѣ экономій принимали участіе цѣлыя деревни,—мужчины, женщины и подростки; въ числѣ арестованныхъ въ сѣвской тюрьмѣ былъ, между прочимъ,

[1]) „Помѣщики Сѣвскаго уѣзда Орловской губ. знали опредѣленно о погромѣ за шесть дней до его наступленія и принимали мѣры предосторожности". „Слово„ № 102, 1905 г.

одинъ слѣпой нищій, котораго сельчане снабдили лошадью и подводой, помогли насыпать хлѣба и онъ, такимъ образомъ, привезъ себѣ цѣлый возъ.

Какого нибудь распредѣленія экономій между деревнями не было, пріѣзжалъ кто хотѣлъ и какой бы то ни было деревни, иногда очень издалека.

Хотя крестьяне, какъ сказано, старались не выходить изъ извѣстныхъ границъ, но это имъ не всегда удавалось. Иногда подъ вліяніемъ возбужденія, опьяненія или особенно обостренныхъ отношеній, страсти разгорались и тогда уже происходилъ разгромъ въ полномъ смыслѣ этого слова [1]).

3.

Въ Сѣверозападномъ краѣ одновременно происходитъ то же самое. Такъ, въ большомъ и богатомъ селѣ, извѣстномъ по большому винокуренному заводу Волкова, по сообщенію «Свѣта,» [2]) «бунтовщики окружили предначертанный ими погромъ особенной торжественностью. «Собираться» положено было по сигналу и сигналомъ былъ назначенъ ударъ въ набатъ. Въ 6 часовъ вечера призывной ударъ раздался и всѣ мужики явились на сборный пунктъ, выкинувъ при этомъ «для порядка» красный флагъ, считающійся у нихъ первымъ символомъ порядка. На вопросы о красномъ флагѣ бунтовщики пресерьезно отвѣчали: «а для того мы и вывѣсили красный флагъ, чтобы всѣ знали, что мы идемъ не на разбой, не для озорства, а за дѣломъ. Винокуренный заводъ они сожгли до тла, часть спирта пролили, а остальной подѣлили самымъ миролюбивымъ образомъ, такъ же какъ и инвентарь экономіи, причемъ усердіе ихъ доходило до того, что одинъ «воякa», на долю котораго пришлись тесовыя ворота и откормленная телка, за 25 верстъ уволокъ эти трофеи на себѣ».

«Между собой у нихъ ссоръ не выходило, положительно, никакихъ, но это миролюбивое отношеніе всецѣло ограничивалось ихъ взаимными отношеніями, и когда въ одномъ изъ селъ помѣщикъ, предчувствуя недоброе, попытался самъ заблаговременно вырубить свой лѣсъ, то мужики «запретили» ему это, говоря: «Не смѣй! Все наше! И земля наша, и лѣсъ нашъ!» Помѣщикъ отступилъ передъ стихійной силой, выставилъ имъ вина, сталъ униженно просить, чтобы они не трогали его дома, убѣждая ихъ, что надобно же ему гдѣ нибудь жить. Не стали слушать, прогнали и отправились «міромъ» его лѣсъ рубить. Въ этомъ повальномъ стихійномъ опустошеніи бунтовщики добрались и до казеннаго лѣса, принялись, было, его рубить, но живо спохватились и бросили работу».

При разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ, возникшихъ по поводу февральскихъ безпорядковъ, оказалось, что никакихъ агитаторовъ или сторонникъ подстрекателей не было; судомъ были даже отвергнуты почти всѣ обвиненія въ подстрекательствѣ. «Самое тщательное изслѣдованіе дѣла установило, что «разбирать» экономіи крестьяне пошли единственно на основаніи быстро распространившихся слуховъ о томъ, что это дозволено свыше. Другое основаніе состояло въ непреодолимомъ желаніи вѣрить всякимъ такимъ слухамъ, которые сулятъ освобожденіе ихъ изъ того невыносимаго экономическаго положенія, въ которомъ они нахо-

---

[1]) П. Масловъ. Цитир. соч., стр. 150—151.

[2]) „Свѣтъ“ отъ 16 марта 1905 г.

дятся и которое можетъ быть опредѣлено двумя словами: «хроническое недоѣданіе» по причинѣ малоземелья и увеличенія народонаселенія. Въ настоящее время, спустя сорокъ лѣтъ, они такъ размножились, что надѣльной земли сдѣлалось уже недостаточно для ихъ прокормленія, а потому они должны были бы получить новый надѣлъ, на что однако помѣщики не соглашаются и бунтуютъ противъ царя. Потому имъ, крестьянамъ, слѣдуетъ придти на помощь и насильно отобрать отъ господъ землю, которую они не хотятъ отдать добровольно; въ данную же минуту слѣдуетъ взять у нихъ и полученныя ими отъ этой земли доходы въ видѣ хлѣба и скота. Это убѣжденіе до такой степени проникло въ сознаніе крестьянъ, что многіе изъ нихъ и на судѣ упорно старались доказать его справедливость. Дошли ли они до него собственнымъ умомъ, подъ вліяніемъ гнетущей безысходной нужды, или оно было внушено имъ кѣмъ нибудь изъ ихъ среды,—доискаться было трудно, но изъ судебныхъ дѣлъ вовсе не усматривалось, чтобы это убѣжденіе было результатомъ революціонной пропаганды».

4.

Въ Юго-западномъ краѣ движеніе крестьянъ началось съ порубки крестьянами помѣщичьихъ лѣсовъ въ самомъ началѣ 1905 года. Корреспонденты изображаютъ порубочное движеніе, какъ предшествующее забастовочному движенію, которое наступило позднѣе съ началомъ полевыхъ работъ, и называютъ порубки «стихійными» въ томъ смыслѣ, что въ этомъ движеніи замѣчалось полное отсутствіе подготовки и планомѣрности. Движеніе въ Каменецкомъ уѣздѣ Подольской губерніи возникло самостоятельно: никакой агитаціи въ 1905 году, когда особенно сильны были порубки, не замѣчалось. Въ концѣ февраля порубки приняли эпидемическій характеръ. Явились власти, или, какъ говорятъ крестьяне, «комысія» Было произведено много обысковъ и найдено много срубленныхъ деревьевъ [1]).

Въ другихъ уѣздахъ Подольской губерніи движеніе въ началѣ 1905 года проявлялось въ различныхъ мѣстахъ въ различныхъ формахъ, но не носило такого «эпидемическаго» характера. Въ Балтскомъ уѣздѣ, въ большинствѣ случаевъ движеніе начала 1905 года было связано съ арендными отношеніями крестьянъ и *расширеніемъ помѣщичьихъ запашекъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безпорядки окончились разгромомъ усадьбъ и убійствами помѣщиковъ. Первый случай разгрома усадьбы произошелъ въ с. Круты въ имѣніи кн. Абамелекъ-Лазарева, и вызванъ былъ убійствомъ крестьянина объѣздчикомъ помѣщика. Толпа въ 1000 человѣкъ разгромила все имущество. Какъ выяснилось на судѣ, крестьяне были озлоблены распашкой экономіей тѣхъ мѣстъ, которыя раньше служили у крестьянъ пастбищемъ, вслѣдствіе чего крестьяне стали терять скотъ.

Подобный же разгромъ, сопровождавшійся убійствомъ, произошелъ 6 мая на хуторѣ землевладѣльца А. Войтенко, при чемъ усадьба была разгромлена а домъ сожженъ. Точно также и здѣсь землевладѣлецъ, еще въ 1904 году сдававшій землю исполу крестьянамъ, въ 1905 году большую часть земли сталъ обрабатывать. Другіе случаи столкновенія крестьянъ съ землевладѣльцами носятъ точно также чисто мѣстный характеръ и не захватываютъ сосѣднихъ крестьянъ.

---

[1]) А. Е. Лосицкій. Аграрное движеніе 1905-6 годовъ. Югозападныя губерніи. Труды В. Э. Общества № 4—5, 1908 г. Стр. 237—8.

Значительно шире въ югозападномъ краѣ (въ Подольской губерніи) весной 1905 года было забастовочное движеніе крестьянъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Въ Подольской губ. можно отмѣтить нѣсколько раіоновъ забастовочнаго движенія, которое распространялось въ этихъ раіонахъ въ извѣстной хронологической послѣдовательности. Раньше другихъ движеніе началось въ мѣстностяхъ съ сравнительно слабымъ развитіемъ посѣвовъ сахарной свекловицы, но за то самыхъ малоземельныхъ (Каменецкій, Углицкій, Проскуровскій и Могилевскій уѣзды). Требованія крестьянъ касались не только поденной платы во время весеннихъ работъ, но и платы сроковымъ рабочимъ и вознагражденія за трудъ во время жатвы.

Первый раіонъ забастовочнаго движенія охватываетъ сѣверозападную часть Углицкаго уѣзда, Проскуровскій и Каменецкій у.у. Движеніе началось въ концѣ марта и охватило въ апрѣлѣ мѣсяцѣ десятки селъ. Второй раіонъ состоитъ изъ Могилевскаго и Ямпольскаго у.у. съ юговосточной частью Углицкаго. Здѣсь движеніе развилось въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ. Еще позже, въ маѣ и началѣ іюня, оно распространилось въ сѣверныхъ волостяхъ Ямпольскаго у., югозападной части Винницкаго и въ сосѣднихъ частяхъ Могилевскаго и Брацлавскаго уѣздовъ. Въ то же время забастовка охватила болѣе 20 селъ Гайсанскаго уѣзда. [1])

Забастовочное движеніе началось съ того, что въ концѣ марта крестьяне м. Солобковецъ Углицкаго у., собравшись въ присутствіи старосты на сходъ, постановили приговоръ о томъ, что никто изъ членовъ общества не долженъ наниматься на работы въ мѣстную экономію дешевле 1 рубля въ день для взрослаго и 50 коп. для работницы. Это постановленіе въ ближайшій ярмарочный день уполномоченные общества объявили и окрестнымъ крестьянамъ. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля произошли забастовки въ десяткахъ селъ смежныхъ волостей Углицкаго, Проскуровскаго и Каменецкаго уѣздовъ. Уполномоченные отъ крестьянъ предъявили помѣщикамъ и поссесорамъ требованія о повышеніи заработной платы, какъ поденнымъ и сдѣльнымъ, такъ и постояннымъ рабочимъ. Были выставлены требованія: 1) поденная плата взрослому рабочему 60 коп., вмѣсто обычныхъ ранѣе 20—30 коп., а подростку и женщинѣ по 30 коп., вмѣсто 10—15 коп.

2) Годовая плата парубкамъ и другимъ рабочимъ 120 руб. и 18 корцовъ ординаріи (вмѣсто 30—50 руб. и 7—9 корцовъ ординаріи).

3) Во время жатвы платить по 1 руб. въ день, или 7-й снопъ, вмѣсто 40—50 коп. въ день, или 16—17-й снопъ.

Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ уполномоченные разгоняли работавшихъ на помѣщичьихъ поляхъ парубковъ, а иногда прогоняли и домашнюю прислугу, но прогнанные потомъ сами заявляли о своей солидарности съ забастовавшими.

По описанію корреспондента В. Э. О-ва движеніе, начавшись въ Углицкомъ у., распространялось постепенно, не минуя почти ни одного села по дорогѣ своего распространенія, и дошло до экономіи корреспондента. Толпа пришла въ экономію, удалила всѣхъ экономическихъ рабочихъ, безъ заявленія какихъ либо требованій. На слѣдующій день на сходѣ, созванномъ мировымъ посредникомъ, крестьяне предъявили требованіе поденной платы въ 1 рубль. Забастовка про-

[1]) Ibid. стр. 167.

должалась три дня, въ теченіе которыхъ въ экономіи былъ помѣщенъ отрядъ войска, защищавшій батраковъ, вызванныхъ изъ другой экономіи.

Въ сосѣднихъ экономіяхъ забастовки носили сходный характеръ и продолжались 3—4 недѣли.

Движеніе было направлено противъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ, безъ различія сословій, вообще противъ всѣхъ хозяйствъ, носящихъ характеръ экономій отъ 1.000 до 50 десятинъ. При этомъ, если имѣніе состоитъ изъ нѣсколькихъ экономій, то движеніе велось противъ каждой экономіи отдѣльно, такъ какъ вездѣ участвовали только мѣстные крестьяне. Движеніе возникло съ одинаковой силой во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ до того были хорошія или плохія отношенія [1]).

Въ разные пункты раіона вызваны были драгуны и казаки. Несмотря на это и на многочисленные аресты, забастовки не сразу прекратились. Къ 6 апрѣля они почти прекратились въ сѣверо-западной части Углицкаго уѣзда, но продолжались въ Проскуровскомъ у.

По донесеніямъ исправниковъ, къ маю мѣсяцу движеніе въ этихъ уѣздахъ совершенно улеглось. Всего въ этихъ уѣздахъ было охвачено движеніемъ 110 селеній.

Другимъ очагомъ забастовочнаго движенія была южная половина Могилевскаго уѣзда съ сосѣдними мѣстностями Углицкаго и Ямпольскаго уѣздовъ.

Движеніе началось въ Могилевскомъ у. въ началѣ апрѣля 1905 года, въ селахъ Посоховѣ, Котюханахъ и м. Снитковѣ. Въ половинѣ и въ концѣ мая оно разлилось по сосѣднимъ волостямъ.

Въ Ямпольскомъ уѣздѣ движеніе, начавшись въ Бабчинецкой волости, въ теченіе мая распространилось почти на весь уѣздъ.

Движеніе въ Могилевскомъ и Углицкомъ уѣздахъ выражалось въ съемѣ всѣхъ экономическихъ рабочихъ и служащихъ, а также въ недопущеніи къ работамъ поденныхъ рабочихъ изъ другихъ селъ и въ полномъ прекращеніи работъ. Съемъ постоянныхъ рабочихъ былъ только маневромъ, такъ какъ батраки, мѣстные же крестьяне, сами были солидарны съ приходившими, но считали болѣе удобнымъ, чтобы ихъ снимали, и, такимъ образомъ, избавляли отъ отвѣтственности по договорамъ. Забастовавшіе крестьяне предъявляли требованія объ увеличеніи платы до 1 руб. въ день мужчинѣ и 75 коп. женщинѣ при 8 часовомъ рабочемъ днѣ.

Не желая подавать повода для вмѣшательства властей, крестьяне строго слѣдили, чтобы не было насилій; они ставили караулы и устраивали обходы, чтобы не было потравъ и, наконецъ, посылали рабочихъ для корма скота. Были выставлены караулы въ селахъ, чтобы никто изъ села не отлучался и не могъ уклониться отъ исполненія принятыхъ рѣшеній. Солидарность, порядокъ и отсутствіе оппозиціи, по словамъ корреспондентовъ, были поразительны. Въ движеніи участвовали всѣ мѣстные крестьяне безъ исключенія; руководителями были болѣе зажиточные (богатыхъ, по словамъ корреспондента, въ бастовавшихъ селахъ не было). Безземельные были болѣе боязливыми, такъ какъ безъ ежедневнаго зара-

---

[1]) Ibid. стр. 169.

ботка они не могутъ существовать. Были попытки поддержать бѣдняковъ сборомъ провизіи съ зажиточныхъ крестьянъ, что, вѣроятно, было бы выполнено, если бы на мѣсто движенія не прибыли войска. Вліянія какихъ либо сторонникъ лицъ не было, но передъ началомъ движенія были распространены прокламаціи, «которыя сами по себѣ не могли поднять движенія, но, отвѣчая мыслямъ и желаніямъ крестьянъ, помогали разобраться въ формахъ и изложеніи требованій и, вѣроятно, придавали бодрости и увѣренности, что забастовщики не одиноки» 1).

Въ Ямпольскомъ уѣздѣ движеніе было, повидимому, менѣе сознательнымъ. Крестьяне были болѣе возбуждены, при предъявленіи своихъ требованій грозили насильственными дѣйствіями противъ помѣщиковъ, допускали потравы помѣщичьихъ полей.

Въ раіонѣ Винницкаго, Брацлавскаго, Гайсинскаго и сосѣднихъ мѣстностей Ямпольскаго и Могилевскаго уѣздовъ движеніе началось въ началѣ мая. Забастовка началась 7 мая на сахарномъ заводѣ Шпиковскаго имѣнія Балашева въ Брацлавскомъ уѣздѣ. Къ забастовкѣ присоединились рабочіе на свеклосахарныхъ плантаціяхъ въ шпиковской и сосѣднихъ экономіяхъ. 10-го мая администрація имѣнія пришла къ соглашенію съ крестьянами и забастовка прекратилась.

Въ другихъ экономіяхъ этого уѣзда забастовки и съемъ рабочихъ начались также въ началѣ мая и къ концу мѣсяца движеніе такъ разрослось, что для усмиренія безпорядковъ были призваны войска.

Въ Винницкомъ у. крестьяне распредѣлили рабочій раіонъ по селеніямъ, запрещая приглашеніе рабочихъ изъ другихъ мѣстъ и энергично поддерживая, какъ это распредѣленіе, такъ и выработанныя ими нормы рабочей платы. Въ Винницкомъ уѣздѣ забастовки охватили болѣе 13 селъ.

Въ то же время въ Гайсинскомъ уѣздѣ бастовало болѣе 20 селъ.

Они также требовали повышенія заработной платы и не допускали посторонникъ рабочихъ 2).

Въ серединѣ іюня движеніе въ Подольской губ. стихло, но около начала іюля безпорядки вновь обострились въ Могилевскомъ уѣздѣ, такъ что мѣстами для усмиренія были вновь вызваны войска.

Въ Кіевской губ. забастовочное движеніе началось въ началѣ мая.

2-го мая въ имѣніи Терещенко въ Сквирскомъ уѣздѣ крестьяне въ отвѣтъ на пониженіе заработной платы прекратили работы и потребовали повышенія платы. Несмотря на то, что никакихъ насилій со стороны бастовавшихъ крестьянъ не было, были вызваны драгуны и арестовано 30 человѣкъ и многіе избиты. Въ той же части Сквирскаго уѣзда произошла забастовка въ с. Кривомъ. Этими забастовками и ограничилось движеніе въ началѣ мая. Но во второй половинѣ мая забастовки почти одновременно вспыхнули въ трехъ другихъ различныхъ раіонахъ. Первый охватывалъ южную часть Кіевскаго и сѣверную Каневскаго уѣздовъ; второй—сѣверо-восточную часть Звенигородскаго, юго-западную Черкасскаго, западную Чигиринскаго и южную часть Каневскаго у. у., наконецъ, третій западную часть Таращанскаго и южную часть Сквирскаго у. у.

Большая забастовка произошла въ шести экономіяхъ генерала Черткова,

---

1) Ibid. стр. 170.

2) Ibid. стр. 172.

гдѣ постоянно работаетъ на свекловичныхъ плантаціяхъ нѣсколько тысячъ мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ. Забастовка началась 18-го мая и носила во всѣхъ экономіяхъ одинаковый характеръ. Рабочіе приходили только въ экономію и требовали сокращенія рабочаго дня, увеличенія заработной платы и предоставленія работы всѣмъ желающимъ работать. Суду было предано 29 человѣкъ, случайно выхваченныхъ изъ толпы.

Аналогичныя забастовки происходили и въ другихъ имѣніяхъ. По отзывамъ корреспондентовъ, движеніе началось *безъ вліянія постороннихъ лицъ, которое обнаружилось только позднѣе*, зимою 1905—6 годовъ.

Движеніе въ Звенигородскомъ, Черкасскомъ и Чигиринскомъ уѣздахъ началось также въ концѣ мая и въ началѣ іюня и имѣло такой же характеръ, какъ и въ другихъ раіонахъ губерніи. Широкихъ размѣровъ забастовка достигла въ Шполянскомъ имѣніи кн. Урусовой, гдѣ бастовали во всѣхъ экономіяхъ, и у Н. А. Терещенко, а также у графини Браницкой, баронессы Врангель и наслѣдн. Энгельгардтъ.

Характерно, что забастовку чинили преимущественно бабы и дѣвушки, осаждавшія барскіе дома по цѣлымъ днямъ тысячною толпою, собиравшейся съ нѣсколькихъ деревень.

Въ «Смѣлянщинѣ» Черкасскаго и Чигиринскаго уѣздовъ движеніе впервые проявилось въ іюнѣ. Выразилось оно въ общей забастовкѣ, охватившей всѣ селенія этого раіона (въ особенности села Райгородъ, Прусы, Лозановка Черкасскаго у., сс. Грушевка, Каменка Чигиринскаго у.).

Въ Таращанскомъ раіонѣ движеніе началось въ серединѣ мая и захватило цѣлый рядъ волостей. Движеніе проявилось исключительно въ забастовкахъ съ требованіемъ улучшенія условій найма на свекловичныхъ плантаціяхъ.

Въ Волынской губерніи весеннія забастовки были только въ Житомірскомъ у. въ крупныхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ представителямъ фамиліи Терещенко и имѣли болѣе случайный характеръ.

5.

Почти одновременно съ безпорядками въ Курской и Орловской губ. вспыхиваетъ движеніе батраковъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ. Движеніе вспыхнуло вслѣдъ за забастовками фабричныхъ рабочихъ въ крупныхъ центрахъ Польши, въ Варшавѣ, Лодзи, Сосновицахъ и на привислянскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Движеніе батраковъ выразилось въ массовыхъ забастовкахъ рабочихъ, живущихъ въ имѣніяхъ. Какъ въ центральной Россіи движеніе крестьянъ было вызвано повышеніемъ аренды, такъ батрацкое движеніе въ Польшѣ, немного позже въ Прибалтійскомъ краѣ, Литвѣ и проч., было вызвано повышеніемъ цѣнъ на средства существованія сельскохозяйственныхъ рабочихъ и, благодаря этому, относительнымъ пониженіемъ заработной платы.

Даже «Новое Время», склонное всегда искать причины недовольства крестьянъ и рабочихъ въ козняхъ «злоумышленниковъ», констатируетъ невыносимое положеніе польскихъ батраковъ.

«Съ положеніемъ рабочихъ въ каменноугольныхъ шахтахъ, говоритъ

«Новое Время» [1]), можно вполнѣ въ уровень поставить жизнь рабочихъ помѣщичьихъ въ такъ называемыхъ «гворакахъ». Гвораки—это рядъ небольшихъ, съ земляным поломъ, низкимъ потолкомъ и малыми окнами, избъ, изъ которыхъ въ каждой помѣщается не менѣе двухъ, трехъ семействъ, размѣщенныхъ въ трехъ углахъ ея, а въ четвертомъ печка. По отзывамъ очевидцевъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, посланныхъ въ мѣста безпорядковъ, и властей, производившихъ дознаніе о причинахъ ихъ, сердце невольно сжимается и содрогается отъ ужаса при видѣ этихъ живыхъ, грязныхъ, заморенныхъ человѣческихъ тѣней, безъ кровинки въ лицѣ, задыхающихся въ наполненномъ разными міазмами воздухѣ... Напряженность ожиданія улучшенія выразилась, между прочимъ, въ томъ, что толпами человѣкъ въ 200—100 крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходили къ коммиссарамъ и требовали выдачи имъ царской грамоты о надѣлѣ ихъ землею отъ помѣщиковъ, которую отъ нихъ коммисары будто бы скрываютъ, дѣйствуя за одно съ помѣщиками. Но когда на ихъ подобныя требованія коммиссары пре длагали имъ разобрать всю ихъ канцелярію и найти тамъ несуществующую грамоту, то удивленные такимъ неожиданнымъ предложеніемъ крестьяне уходили мирно домой».

Забастовка сельскохозяйственныхъ рабочихъ началась въ экономіи Яна Кленевскаго (владѣющаго 15-ю имѣніями), а затѣмъ перешла на фольваркъ: Солжака въ Полянувцахъ, Веселова въ Корчмишкахъ, Горбовѣ и т. д.

Требованія, предъявленныя рабочими, сводились, главнымъ образомъ, къ повышенію заработной платы на 5 руб. въ годъ, безплатной и постоянной врачебной помощи, пары коровъ для семьи, къ улучшенію продовольствія, учрежденію школы для дѣтей рабочихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій были удовлетворены. Въ большинствѣ экономій послѣ этого работы сначала было возобновились, но затѣмъ опять прекратились, вслѣдствіе возобновленія аграрнаго движенія. Движеніе проявилось въ томъ, что «толпа сельскохозяйственныхъ рабочихъ Люблинскаго уѣзда, числомъ болѣе 500 человѣкъ, вооруженная револьверами, одностволками и палками, явилась въ имѣніе помѣщика Домбровскаго въ смежномъ Красноставскомъ уѣздѣ, обезоружила владѣльца имѣнія, потребовала отъ него 75 руб. на прокормленіе и, забравъ съ собой всѣхъ рабочихъ, находившихся въ этомъ имѣніи, направилась дальше въ другія имѣнія. Тамъ повторялось тоже самое. Значительно увеличившись въ своей численности послѣ присоединенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ имѣніяхъ, толпа раздѣлилась на двѣ части, по пути останавливалась въ фольваркахъ и прекращала тамъ сельскохозяйственныя работы. Рабочіе по дорогѣ присоединялись къ толпѣ, пока около Красностава ей не преградили путь высланныя изъ Люблина войска. Отрядъ Тарутинскаго полка, окруживъ забастовщиковъ, разоружилъ ихъ, а затѣмъ разогналъ, арестовавши нѣкоторыхъ.

Изъ Красноставскаго уѣзда движеніе перешло въ Замостьскій. Здѣсь движеніе имѣло такой же характеръ; только мѣстами, по сообщеніямъ газетъ, забастовщики прибѣгали къ угрозамъ и насиліямъ.

---

[1]) „Новое Время„ № 10455.

При содѣйствіи войскъ движеніе было прекращено въ теченіе трехъ дней— безъ всякихъ инцидентовъ [1]).

Въ Варшавской губ. въ началѣ марта толпа забастовавшихъ рабочихъ отправилась изъ Гостынинскаго уѣзда въ Кутновскій и въ Ланентахъ встрѣтилась съ мѣстными сельскими рабочими, тоже забастовавшими. Толпой въ 200 человѣкъ они вмѣстѣ направились дальше, чтобы привлечь къ забастовкѣ рабочихъ другихъ имѣній уѣзда, но натолкнулись на отрядъ земской стражи, которая послѣ предварительныхъ уговоровъ разогнала толпу залпомъ, которымъ было убито 11 и ранено 10 человѣкъ.

На ряду съ забастовочнымъ движеніемъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, къ которому крестьяне относились въ высшей степени враждебно, въ февралѣ же мѣсяцѣ въ Сѣдлецкой и Петроковской губерніяхъ началось крестьянское движеніе, но оно не достигло и не достигало позже въ Польшѣ широкихъ размѣровъ. Такъ, въ Петроковскомъ уѣздѣ 24-го февраля толпа крестьянъ въ 150 человѣкъ изъ Уминской и Ленчковской гминъ вырубила лѣсъ въ казенномъ лѣсничествѣ и не хотѣла возвратить. Въ Петроковскомъ же уѣздѣ 2-го марта крестьяне села Живоцинъ, въ числѣ около 400 человѣкъ, разобрала постройку на усадьбѣ лѣсника маіоратной дачи Васильево и т. д. и т. д. Вообще крестьянское движеніе въ Польшѣ проявилось слабѣе движенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ и скоро затихло.

6.

Гораздо значительнѣе по своимъ размѣрамъ и по своей организованности и сознательности было крестьянское и батрацкое движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ въ началѣ 1905 года.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, первыми забастовали малоземельные крестьяне-арендаторы Рижскаго уѣзда, обремененные крайне тяжелыми условіями аренды. Они выставили рядъ экономическихъ требованій и до исполненія ихъ отказались отъ уплаты аренды и несенія всякихъ повинностей.

Они устроили нѣсколько собраній для обсужденія своихъ дѣлъ. Забастовка кончилась удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ требованій крестьянъ.

Въ мартѣ вспыхнуло уже болѣе сильное движеніе среди батраковъ Курляндіи и Лифляндіи, перешедшее во всеобщую забастовку.

Къ тому времени въ деревняхъ уже организовались группы соціалдемократовъ, руководившія движеніемъ, распространявшія соціалдемократическую литературу и устраивавшія митинги. Такъ, въ началѣ марта состоялось два митинга, на которыхъ были батраки изъ разныхъ имѣній и гдѣ было рѣшено начать забастовку.

Третій митингъ состоялся вскорѣ въ той же мѣстности около церкви. Во время богослуженія, въ церковь вошли нѣсколько человѣкъ, развернули красное знамя и пригласили народъ выйти изъ церкви на собраніе.

Стачка началась въ мартѣ, охватила значительную часть Курляндіи и

---

1) См. К. Залевскій. Аграрныя отнош. и крестьянское движ. въ Царствѣ Польскомъ, въ книгѣ П. Маслова „Аграрн. вопросъ“, т. II. Приложеніе, стр. 113—114.

распространилась также на Лифляндію. Батраки прекратили всякія работы на помѣщиковъ и предъявили цѣлый рядъ экономическихъ требованій: 1) увеличеніе заработной платы до 300 руб. въ годъ и выдачу ея только деньгами, а не продуктами, 2) устройство квартиръ,—для семейныхъ 2 комнаты съ кухней, для одинокихъ—1 комнату, 3) отмѣну т. н. женскихъ рабочихъ дней и т. д. [1]).

Землевладѣльцы сначала не хотѣли вступать ни въ какія соглашенія съ забастовщиками. Нѣкоторые выписали драгунъ и казаковъ, но это не помогло. Забастовка продолжалась, работы останавливались, мѣстами рабочіе насильственно снимались съ работъ. По отношенію къ тѣмъ помѣщикамъ, которые вытребовали солдатъ и отказались вступать въ переговоры со стачечниками, былъ объявленъ бойкотъ, причемъ было воспрещено исполнять всѣ работы, даже кормить скотъ и доить коровъ. Работы эти пришлось исполнять женамъ и дочерямъ помѣщиковъ,—баронессамъ, или солдатамъ, размѣщеннымъ въ имѣніяхъ.

Забастовка сопровождалась демонстраціями и митингами.

6 марта произошла большая демонстрація двухтысячной толпы въ Гренцгофѣ въ Курляндіи. Въ Лифляндіи въ Лаздонской вол. въ демонстраціи участвовало до 6.000 человѣкъ, и т. д. При этомъ толпа иногда заставляла наиболѣе ненавистныхъ лицъ изъ пасторовъ, полицейскихъ, бароновъ и проч. участвовать въ демонстраціи и нести красные флаги.

Центромъ забастовокъ были Газенпотскій, Гробинскій, Гольдингенскій и Виндавскій уѣзды, причемъ только въ двухъ уѣздахъ «безпорядки» охватили 62 имѣнія.

Для того, чтобы прекратить сношенія войскъ и полиціи, стачечники стали срубать телефонные столбы и портить провода. Это облегчало безпрепятственно устраивать митинги и демонстраціи.

Первая стачка батраковъ закончилась въ апрѣлѣ, причемъ многія требованія ихъ были удовлетворены. Въ забастовкѣ принимали участіе лишь помѣщичьи батраки, крестьянскіе же батраки и арендаторы участія въ забастовкѣ не принимали. Забастовка сильно подняла настроеніе крестьянскихъ массъ, подготовила ее къ новому болѣе широкому движенію, которое снова возникло лѣтомъ и осенью того же года, и укрѣпила вліяніе с.-д. организаціи.

1 мая было отпраздновано сельскохозяйственными рабочими однодневною забастовкою, митингами и многолюдными демонстраціями.

Въ маѣ движеніе затихаетъ, но въ іюнѣ оно принимаетъ обширные размѣры и ясно выраженный политическій характеръ. Начинается бойкотъ казенныхъ учрежденій, мѣстныхъ властей и администраціи. Винныя лавки закрываются, причемъ вся водка сжигается, а выручка конфискуется революціонными комитетами. Движеніе выражается также въ митингахъ, демонстраціяхъ и забастовкахъ.

7.

Въ Закавказьѣ движеніе вспыхиваетъ также въ концѣ февраля и въ началѣ марта, причемъ проявляется въ самыхъ различныхъ формахъ. Горійскій

[1]) К. Ландеръ. Крестьянское движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ. Приложеніе въ книгѣ П. Маслова „Аграрн. вопр.“ т. II, стр. 50—51.

уѣздный предводитель дворянства кн. Багратіонъ-Давидовъ объѣзжаетъ сельскія общества, гдѣ броженіе крестьянъ, направленное противъ помѣщиковъ, приняло болѣе острый характеръ и выразилось въ сходкахъ крестьянъ и бойкотѣ помѣщиковъ, у которыхъ ушла вся прислуга и всѣ служащіе. Многія сельскія хозяйства, оставшись безъ рабочихъ, принуждены были пріостановить всѣ работы. Увѣщанія кн. Багратіонъ-Давидова не привели ни къ чему и движеніе крестьянъ вскорѣ захватило всѣ села и деревни Горійскаго уѣзда. 2 марта на ст. Гоми, закавк. ж. д. наблюдалось огромное стеченіе крестьянъ близь лежащихъ деревень. Результатомъ этого схода было предложеніе всѣмъ крестьянамъ прекратить общеніе съ помѣщиками и у послѣднихъ стала уходить прислуга. Сельскохозяйственныя работы были пріостановлены [1]).

По оффиціальному сообщенію [2]) «въ ночь на 5-е марта въ Шаропанскомъ уѣздѣ сожжены сельскія управленія Карачульское, Мутурское, Саханское, Хреитское и Квалитское. Въ ночь на 6-е марта въ селеніи Рѣ Зугдидскаго у., въ имѣніи принцессы Мюратъ, толпою до 300 крестьянъ оказано вооруженное сопротивленіе приставамъ и полицейской стражѣ, командированнымъ съ офицеромъ для ареста зачинщиковъ крестьянскаго движенія. При задержаніи пяти обвиняемыхъ толпа, окруживъ команду, требовала освобожденія арестованныхъ и, получивъ отказъ, начала стрѣлять въ стражниковъ. Во время перестрѣлки убито изъ толпы нѣсколько человѣкъ. Въ ту же ночь сожжена дидинезская сельская канцелярія.... 14 марта въ Цхинвальскомъ участкѣ разгромлена дицкая сельская канцелярія; въ метерскомъ обществѣ насильно удалены сельскія должностныя лица, закрыты сельскія управленія, отобраны у помѣщиковъ какія-то подписки и удалена прислуга. Крестьяне цукарскаго, дицкаго, бѣлотскаго, шиндискаго обществъ, собравшись, принудили священника привести ихъ къ присягѣ на единство и т. д. и т. д.

При разгромѣ сельскихъ канцелярій уничтожались дѣла, бумаги.

Броженіе перешло въ Тифлисскій уѣздъ.

«Уѣздная администрація была вынуждена покинуть свои посты; судъ бездѣйствовалъ, такъ какъ гурійцы отказались прибѣгать къ установленному суду и администраціи» [3]).

Мѣстная администрація, напуганная усилившимся движеніемъ, пытается принять мѣры для его успокоенія и подавленія.

Приказомъ 18 февраля Озургетскій уѣздъ Кутаисской губ. и Кинтришскій участокъ Батумской области объявляются на военномъ положеніи.

Въ то же время генералъ Малама командируетъ въ Озургетскій уѣздъ Султанъ-Крымъ-Гирея, которому поручено объѣхать всѣ сельскія общества Гуріи, ознакомиться съ мурзами населенія, выяснить причины неудовольствія и объявить, что всѣ законныя и справедливыя ходатайства, если они окажутся въ предѣлахъ власти главнокомандующаго, будутъ удовлетворены немедленно; хода-

---

1) См. П. Масловъ. Цит. соч., стр. 433.

2) „Русь“ № 60.

3) "Русск. Вѣд." № 51, 1905 г.

тайства же, выходящія изъ предѣловъ правъ мѣстной власти, будутъ доведены до свѣдѣнія Его Величества»....

Султанъ Крымъ-Гирей, въ сопровожденіи переводчика и секретаря объѣхавъ Гурію, собиралъ крестьянскіе сходы и выслушивалъ требованія крестьянъ.

На сходкахъ обыкновенно выступалъ одинъ или нѣсколько депутатовъ и излагалъ свои нужды и требованія. Такъ, по сообщенію «Цнобичъ Пурцели», въ селѣ Кидистави, гдѣ обнаружилось наиболѣе сильное движеніе, состоялась сходка болѣе 2.000 человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Послѣ рѣчи Крымъ-Гирея были избраны 25 депутатовъ, въ томъ числѣ три женщины. Депутаты заявили, прежде всего, о необходимости обезпеченія имъ свободы слова и личной неприкосновенности. Послѣ этого депутаты стали излагать свои требованія.

Требованія крестьянъ всѣхъ посѣщенныхъ селеній сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Конфискація всѣхъ удѣльныхъ, церковныхъ и монастырскихъ земель и передача ихъ въ безвозмездное пользованіе всего трудового народа.

2) Передача въ полное распоряженіе крестьянъ надѣльныхъ земель какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ. Земли эти должны перейти въ руки крестьянъ безвозмездно. Выкупные платежи, взятые съ крестьянъ, должны быть возвращены полностью.

3) Учрежденіе выборныхъ крестьянскихъ комитетовъ для проведенія въ жизнь земельной реформы. Выборы въ комитеты должны быть всеобщими, равными и тайными.

4) Уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога, причемъ доходы ниже опредѣленной нормы должны быть освобождены отъ всякаго обложенія.

5) Уничтоженіе сословій и установленіе полнаго равенства всѣхъ передъ закономъ. Свобода передвиженій и уничтоженіе паспортной системы.

6) Полная самостоятельность населенія въ дѣлѣ организаціи самоуправленія въ селеніяхъ, обществахъ и округахъ.

7) Свобода слова и печати, свобода собраній, союзовъ, стачекъ; свобода совѣсти.

8) Неприкосновенность личности и жилища.

9) Выборность судей и отвѣтственность чиновниковъ передъ народомъ.

10) Уничтоженіе постоянной арміи и введеніе всеобщаго вооруженія народа.

11) Отдѣленіе церкви отъ государства. Содержаніе духовенства должно быть предоставлено тѣмъ лицамъ, союзамъ и обществамъ, которыя желаютъ пользоваться услугами духовенства.

12) Свѣтская школа. Устраненіе духовенства отъ обученія и воспитанія молодежи.

13) Обязательное обученіе дѣтей до 16-лѣтняго возраста: всеобщее, безплатное, безъ различія пола.

14) Созывъ Учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

Кромѣ того, крестьяне требовали немедленнаго освобожденія всѣхъ аре-

стованныхъ, высланныхъ и сосланныхъ по политическимъ дѣламъ и за борьбу крестьянъ съ помѣщиками и духовенствомъ.

Въ Горійской уѣздъ, «для выясненія нуждъ крестьянъ уѣзда», отправился д. с. с. Вейденбаумъ, услышавшій здѣсь тѣ же требованія, какъ и Крымъ-Гирей.

Въ Душетскомъ уѣздѣ комиссія для переговоровъ съ крестьянами пригласила въ Мухранскую сельскую канцелярію представителей трехъ селеній.

Но, вмѣсто нихъ, собрались жители 14 селеній, около 1.000 вооруженныхъ крестьянъ, выставившихъ требованія, аналогичныя съ предъявленными Крымъ-Гирею, при чемъ поставили ультиматумъ: «для исполненія въ точности требованій дается срокъ до 14 марта (сходка состоялась 6 марта), послѣ чего они получаютъ полную свободу дѣйствій» [1]).

Изъ изложенныхъ требованій видно, что уже въ это время крестьянское движеніе въ Закавказьѣ находилось подъ руководствомъ соціалъ-демократовъ. Даже такое требованіе, какъ «возвращеніе полностью выкупныхъ платежей», было выставлено подъ вліяніемъ соціалъ-демократовъ.

Фактически уже во время объѣзда Гуріи Крымъ-Гиреемъ тамъ вездѣ было введено народное самоуправленіе и руководящую роль играли с.-демократическіе комитеты. Судебныя функціи исполнялись или сходами, или выборными комитетами, отвѣтственными передъ сходами.

Крестьянскіе комитеты вынесли, между прочимъ, такія постановленія:

1) Воспретить крестьянамъ винокуреніе, за которое они уплачивали высокій акцизъ, и запретить употребленіе водки.

2) Установить таксы за духовныя требы.

3) Комитеты постановили, чтобы никакихъ грабежей и разбоевъ больше не было. Значеніе и авторитетъ комитетовъ были такъ велики, что въ теченіе шести-восьми мѣсяцевъ было только нѣсколько случаевъ воровства и виновные понесли наказаніе. Наказанія были назначены комитетами слѣдующія: за первое нарушеніе постановленія комитета—бойкотъ, за второе—изгнаніе изъ предѣловъ Гуріи, за третье—смерть.

4) Комитеты постановили: народъ долженъ прекратить всякія сношенія съ администраціей,—и никто изъ Гурійцевъ, подъ страхомъ смерти, не долженъ занимать административныя мѣста.

Земли фактически были отобраны у помѣщиковъ. Въ каждомъ селѣ была образована особая выборная комиссія, которая распредѣляла всѣ имѣющіяся земли между жителями села.

Школы были реформированы. Учителя приглашались по рекомендаціи «союза школьныхъ учителей Кутаисской губ.».

Такое самоуправленіе въ Гуріи сохранилось до начала 1906 года, когда назначенный генералъ губернаторомъ ген. Алихановъ приступилъ къ усмиренію Грузіи...

Одновременно съ движеніемъ въ Закавказьѣ въ началѣ 1905 года началось сильное движеніе осетинъ, расположенныхъ на сѣверныхъ склонахъ Кавказа.

---

[1]) „Аграрный вопросъ“ т. II, стр. 434—439.

Движеніе началось съ порубокъ лѣсовъ, отнятыхъ у осетинъ въ казну. Усилились столкновенія съ объѣздчиками и населеніе взялось за оружіе. «Въ короткое время лѣса были очищены отъ лѣсной стражи. Послѣдней было предложено или удалиться навсегда или подвергнуться риску быть убитымъ. Нѣсколько десятковъ лѣсныхъ сторожекъ и караулокъ было сожжено. Лѣсъ снова сдѣлался общественнымъ достояніемъ, однако жители еще не оказались въ состояніи собственными средствами урегулировать пользованіе лѣсомъ и, боясь, что правительство постарается отобрать лѣса снова, они довольно хищнически начали истреблять лѣсъ.

«Со времени этой борьбы за лѣсъ (начало 1905 г.) въ жизнь горцевъ начинаетъ проникать созидающее и организующее начало въ лицѣ осетинъ соціалъ-демократовъ» [1]). Движеніе разростается. Обезпокоенная администрація командируетъ особое лицо, которое должно собрать представителей всѣхъ горскихъ обществъ, «объявить имъ о милостяхъ правительства и выслушать просьбы и жалобы.»

Представители осетинскихъ обществъ, собравшись, предварительно выработали рядъ требованій, сначала общаго характера вплоть до созыва учредительнаго собранія съ 4-хъ-членной формулой, а затѣмъ подробно изложили свои нужды.

Результатомъ начавшагося броженія среди горцевъ было опубликованіе новыхъ правилъ о выборности старшинъ, а также обѣщанія многихъ льготъ, если населеніе будетъ вести себя спокойно. Но движеніе остановить уже было невозможно. Оно разросталась все сильнѣе; напримѣръ, въ Курташинскомъ ущельѣ было введено революціонное самоуправленіе.

Кромѣ перечисленныхъ нами пунктовъ крестьянскаго массоваго движенія въ началѣ 1905 года, крестьянскіе безпорядки вспыхивали въ отдѣльныхъ пунктахъ и другихъ раіоновъ.

Отъ перечисленныхъ *очаговъ* движенія оно въ слѣдующіе мѣсяцы распространяется въ ширь. Въ первыхъ числахъ апрѣля крестьянское движеніе отмѣчается въ Харьковскомъ у. (порубки), подъ Москвой, въ Коротоякскомъ у. Воронежской губ. (запашка помѣщичьихъ земель), въ Царицинскомъ и Балашевскомъ у.у. Сарат. губ., въ Богородицкомъ у. Тульской губ. (разгромъ имѣнія), въ Кишиневскомъ у. Бессарабской губ., въ Кирсановскомъ у. Тамб. губ., въ окрестностяхъ Ревеля, въ Джеванширскомъ у., въ Макарьевскомъ и Васильсурскомъ у. Нижегородской губ., въ Таврической, Пензенской и др. губерніяхъ.

Лѣтомъ 1905 года въ центральномъ черноземномъ раіонѣ, вслѣдствіе неурожая хлѣбовъ и травъ, голодъ заставилъ крестьянъ сначала захватывать луга и выпасы, а потомъ и хлѣбъ. Напримѣръ, въ Аткарскомъ у., вслѣдствіе безкормицы, чуть не всѣ крестьяне стали захватывать частновладѣльческіе луга. Въ Бобровскомъ у. были случаи захвата луговъ по установленнымъ сельскими сходами цѣнамъ. Движеніе охватило: Бугурусланскій, Бузулукскій, Николаевскій, Самарскій, Корсунскій, Аткарскій, Петровскій, Балашовскій, Саратовскій, Камышинскій, Бобровскій, Городищенскій, Вязниковскій, Меленковскій, Сумской, Ле-

[1]) Ахм. Ца—новъ „Революціонное движеніе въ Осетіи". Сборн. „Итоги и перспективы".

бединскій, Елецкій, Александровскій, Херсонскій, Тираспольскій, Брестскій, Вилькомирскій и Новоалександрійскій уѣзды. Въ концѣ іюня были разобраны и сожжены двѣ помѣщичьи усадьбы въ Саратовскомъ у. Въ Балашевскомъ, Аткарскомъ, Петровскомъ и Верхнеднѣпровскомъ у. послѣ уборки ржи крестьяне стали ее свозить къ себѣ на гумна. Мѣстами сжигались скирды хлѣба [1]).

Между тѣмъ, въ теченіе лѣта движеніе среди крестьянъ усиливалось въ видѣ митинговаго и приговорнаго движенія. Агитація среди крестьянъ въ теченіе лѣта также расширилась, но широкое стихійное движеніе вспыхнуло лишь въ октябрѣ мѣсяцѣ и особенно послѣ манифеста 17 октября, сыгравшаго въ революціи огромную роль.

Къ осени, какъ извѣстно, борьба общественныхъ классовъ въ Россіи достигла наивысшей степени напряженія. Среди крестьянства это напряженное состояніе выразилось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ широкаго стихійнаго движенія.

8.

Изъ приведеннаго выше обзора начала крестьянскаго движенія видно, что характеръ его въ различныхъ областяхъ страны былъ не одинаковъ и обусловливался, главнымъ образомъ, хозяйственными условіями каждой мѣстности. Но общей чертой крестьянскаго движенія всѣхъ мѣстностей является то, что движеніе *начинается* съ предъявленія *экономическихъ* требованій. Исключеніе изъ этого правила, повидимому, представляетъ крестьянское движеніе въ Гуріи, но это произошло только потому, что чисто экономическое движеніе тамъ происходило еще въ 1901—3 годахъ и движеніе въ началѣ 1905 года было непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго движенія, во время котораго и укрѣпилось вліяніе соціалдемократіи.

Такимъ же путемъ развивалось движеніе и въ другихъ мѣстахъ. Направленное сначала исключительно противъ землевладѣльцевъ, въ формѣ ли забастовки, бойкота, потравъ и, наконецъ, разгромовъ, движеніе наталкивается на правительственную власть, съ одной стороны, и сталкивается съ революціонерами—съ другой. Послѣдніе придаютъ болѣе сознательный и планомѣрный характеръ движенію: на ряду съ экономическими требованіями начинаютъ выдвигаться политическія. Въ зависимости отъ вліянія политическихъ партій, главнымъ образомъ, революціонеровъ, этотъ характеръ движеніе принимаетъ раньше, или позже. Такъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, уже вскорѣ послѣ начала движенія, оно принимаетъ характеръ не только борьбы съ землевладѣльцами, но и характеръ политическихъ демонстрацій, между тѣмъ какъ въ центральной Россіи политическія требованія крестьянъ, какъ увидимъ, появляются только послѣ 17 октября.

Точно также почти *во всѣхъ* раіонахъ начало движенія происходило безъ участія революціонныхъ партій. Только въ процессѣ борьбы крестьянская масса начинаетъ прислушиваться къ революціонерамъ и подчиняться ихъ вліянію, которое выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы внести планомѣрность въ стихійное движеніе. Изъ этого ясно, что искать причинъ крестьянскаго дви-

[1]) Прокоповичъ. Аграрн. движенія осенью 1905 г. „Безъ Заглавія„, № 7.

женія нужно не въ революціонной пропагандѣ, а въ экономическихъ условіяхъ, которыя крестьяне стремились тѣмъ или другимъ путемъ измѣнить.

Эти экономическія отношенія вліяли и *на формы* движенія. Въ Юго-западномъ краѣ, Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ ведется уже капиталистическое земледѣльческое хозяйство, гдѣ крестьяне выступаютъ, главнымъ образомъ, въ качествѣ поденныхъ и сроковыхъ рабочихъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ, крестьянское движеніе приняло характеръ стачечнаго движенія, сходный съ рабочимъ движеніемъ въ городахъ.

Напротивъ, въ раіонахъ продовольственной аренды движеніе имѣло цѣлью или понизить арендныя цѣны, или выражалось въ нападеніяхъ на экономіи съ цѣлью выжить помѣщика въ надеждѣ, что тогда земля достанется крестьянамъ. Иногда, впрочемъ, и стачки имѣли цѣлью сдѣлать невозможной экономическую запашку. Съ этой цѣлью назначалась такая высокая плата за сельскохозяйственныя работы, которую, по мнѣнію крестьянъ, хозяйство не можетъ выдержать. Но и такого рода стачки распространились впослѣдствіи, главнымъ образомъ, въ черноземномъ раіонѣ. Причиной стачечнаго движенія было повышеніе цѣнъ на жизненные продукты и относительное пониженіе, благодаря этому, заработной платы. Причиной аграрнаго движенія крестьянъ центральной Россіи и Закавказья былъ кризисъ продовольственнаго аренднаго хозяйства, вызванный повышеніемъ арендныхъ цѣнъ.

Такъ какъ главными арендаторами являлись болѣе зажиточные крестьяне, то въ безпорядкахъ, которые происходили въ раіонахъ аренднаго крестьянскаго хозяйства, близкое участіе принимали, а иногда играли и руководящую роль болѣе зажиточные крестьяне, лавочники и проч. Эта часть деревенскаго населенія стала враждебно относиться къ движенію уже впослѣдствіи, когда, потерявши надежду захватить помѣщичью землю, могла на основаніи закона 9 ноября расширить свое землевладѣніе на счетъ общинныхъ земель.

Напротивъ, въ раіонахъ стачечнаго батрацкаго движенія въ Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ со стороны самостоятельныхъ крестьянъ замѣчалось или индифферентное, или даже враждебное отношеніе къ стачечникамъ.

III.

Причины движенія.

Мы выше замѣтили, что при началѣ движенія, пока не было вліянія на крестьянъ политическихъ партій, оно имѣло характеръ чисто экономическаго движенія. Поэтому, въ началѣ движенія, въ требованіяхъ крестьянъ его экономическія причины яснѣе видны, чѣмъ впослѣдствіи, когда общее *политическое* движеніе всѣхъ слоевъ населенія захватило и крестьянъ.

На высоту арендной платы, какъ на основную причину крестьянскаго движенія центральной Россіи, указываютъ не только сообщенія корреспондентовъ о крестьянскихъ безпорядкахъ, но и сами крестьяне въ своихъ приговорахъ. Процессъ повышенія продовольственной ренты [1]) до такой высоты, при которой

---

[1]) О законахъ роста продовольственной ренты, см. „Аграрный вопросъ“, т. I. О цѣнахъ на землю см. т. II, стр. 8—11.

поглощались средства производства мелкаго хозяйства, процессъ, на который мы указали въ началѣ статьи, *сознавался крестьянами, какъ процессъ раззоренія, съ которымъ можно было бороться или пониженіемъ арендной платы, или раздѣломъ помѣщичьихъ земель.* Крестьяне преимущественно и добивались или того, или другого.

Для характеристики движенія и его причинъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ требованій крестьянъ въ первую половину 1905 года, изложенныхъ мною болѣе подробно во II т. «Аграрнаго вопроса».

Во многихъ случаяхъ констатируется, что капиталистическая аренда стала вытѣснять продовольственную. Это ставило крестьянъ въ безвыходное положеніе, и они требуютъ пониженія *для нихъ* арендной платы и прекращенія сдачи земли богатымъ арендаторамъ.

Въ с. Полотовѣ, Тамбовской губ. Кирсановскаго уѣзда, крестьяне постановляютъ приговоръ, чтобы земли на отработки не брать, а снимать только за деньги... Арендную плату за десятину земли ни въ какомъ случаѣ не поднимать выше 15 руб.[1]).

Однородный приговоръ составленъ былъ и въ Богословской волости и предъявленъ помѣщику. Послѣдній не согласился на предложенныя условія, земля была у него не разобрана и въ имѣніи была расквартирована рота солдатъ, которые и исполняли работы по имѣнію. У Петрово-Соловово также не было взято крестьянами ни одной десятины.

У землевладѣлицы Масловой, согласившейся на предложенныя условія, земля была разобрана и засѣяна.

Въ Хованщинѣ Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., крестьяне постановили приговоръ, по которому мужики не должны поденно работать дешевле 1 р. 50 коп. (вмѣсто 30 коп.), а женщины дешевле 75 коп. (вмѣсто 20 коп.) въ день. Постановляется арендовать землю обществами, а не въ одиночку. «Землю (арендовать) больше по той цѣнѣ не будемъ, а если желаютъ они продавать (сдавать) по 5 руб. за десятину, то будемъ покупать (арендовать)... желаемъ покупать всѣмъ обществомъ.... а *не только одни богатые*».

«*Крестьяне во многихъ мѣстахъ не хотятъ платить безбожно высокой платы за аренду земли, какую платили раньше*». Напр., въ *Воронежской* губ., въ имѣніи гр. Толстыхъ (Острог. у.) крестьяне отказались арендовать землю, пока экономія не понизила арендную плату. Въ экономіи Звянцево (Бобровск. у.) пришлось каждому арендатору дать безплатно по одной десятинѣ земли на одинъ посѣвъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Саратовской* губ. крестьяне добились пониженія аренды. Въ Острогожскомъ у. Воронежской губ., въ с. Сагунахъ, крестьяне заявили землевладѣльцу, что они скосятъ лугъ, но *не по той цѣнѣ, по которой онъ уже сданъ другимъ* лицамъ, а гораздо дешевле. Въ Корсунскомъ у. *Симбирской* губ., въ с. Берешкахъ, крестьяне подали землевладѣлицѣ петицію объ улучшеніи условій аренды, съ угрозой, что при неудовлетвореніи просьбы произойдутъ послѣдствія «весьма грустныя».

Въ *Кіевской* губ. около Бѣлой Церкви крестьяне многихъ деревень доби-

[1]) „Рев. Р." № 64.

вались, чтобы гр. Браницкая сдавала смежныя ихъ надѣламъ поля *имъ, а не богатымъ арендаторамъ*, а также не оставляла этихъ полей въ своемъ хозяйствѣ.

Въ *Орловской* и *Пензенской* губ. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне отказались снимать земли въ аренду. Въ *Балахнинскомъ* у. крестьяне требовали *возстановленія прежнихъ* арендныхъ цѣнъ. Въ Балтскомъ у. *Подольской* губ. въ имѣніи Абамелекъ-Лазарева крестьяне потребовали изъятія земли отъ богатыхъ арендаторовъ и отдачи крестьянамъ земли въ аренду на *прежнихъ* условіяхъ и т. д. и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ Юго-западномъ краѣ, ясно обнаруживается, что капиталистическая аренда уже вытѣснила продовольственную, и крестьяне должны были прибѣгнуть къ силѣ, чтобы заставить землевладѣльцевъ сдавать имъ землю по пониженнымъ цѣнамъ, а не богатымъ арендаторамъ. Борьба на почвѣ рыночной конкурренціи для экономически обезсилѣвшихъ крестьянъ стала уже невозможной и они стали бороться за свое существованіе «не рублемъ, а дубьемъ».

На этой же почвѣ происходятъ насильственныя запашки помѣщичьихъ земель, потравы и проч. При невозможности арендовать выгонъ, лугъ, пашню, крестьяне захватываютъ ихъ даромъ... Обыкновенно потравы, выкосы луговъ и пр. являлись первыми предвѣстниками начинающагося движенія.

Въ раіонахъ, гдѣ уже укрѣпилось капиталистическое хозяйство, гдѣ аренда помѣщичьихъ земель уже не являлась для крестьянъ необходимымъ подспорьемъ, движеніе выразилось, какъ мы видѣли, въ борьбѣ за повышеніе заработной платы и формы аграрнаго движенія были уже другія.

Указомъ 18 февраля 1905 года было предоставлено право подавать петиціи.

Петиціонная форма движенія, благодаря этому, послѣ 18 февраля приняла довольно широкіе размѣры.

Эта форма движенія въ теченіе лѣта и особенно осенью 1905 года и въ 1906 году сыграла крупную роль не только потому, что, составляя приговоры, крестьяне организовались на этой почвѣ, но и потому, что выработка требованій содѣйствовала развитію сознанія широкихъ народныхъ массъ.

Въ петиціяхъ крестьяне также жалуются на непомѣрное повышеніе арендныхъ цѣнъ и на малоземелье. Такъ, три волостныхъ схода Бобровскаго у. Воронежской губ. отправили непосредственно царю телеграмму, гдѣ просили обратить вниманіе на ихъ малоземелье и непомѣрно высокую арендную плату, поднявшуюся за послѣднее время съ 7—8 до 25—35 рублей въ годъ за десятину.

Крестьяне двухъ деревень Елисаветградскаго у. Херсонской губ. послали приговоръ, въ которомъ указываютъ на малоземелье и высокія арендныя цѣны, какъ на причины своего обѣдненія.

Крестьяне села Чирикова Балашевскаго у. Сарат. губ. пишутъ въ комитетъ министровъ, что главная причина ихъ бѣдствія малоземелье и высокая

арендная плата за земли, совершенно *недоступная* для крестьянъ. Изъ д. Петровки того же уѣзда жалуются, что арендная плата съ каждымъ годомъ растетъ и дошла до 20 рублей за десятину. «Такую высокую плату земля оправдать не можетъ. Какъ намъ жить дальше, чѣмъ платить подати и кормиться самимъ, мы не знаемъ»... и т. д. и т. д.

На ряду съ жалобами на свои мѣстныя нужды крестьяне дѣлали указанія и на общеполитическія условія, но эти указанія въ первый періодъ, въ началѣ и въ серединѣ 1905 года, занимали второстепенное мѣсто. Крестьянамъ еще не выяснилась связь общаго политическаго и соціальнаго строя съ ихъ положеніемъ. Лишь въ концѣ 1905 и въ 1906 году, особенно въ періодъ дѣятельности первой Государственной Думы, когда политическія партіи подошли ближе къ крестьянству, крестьяне въ своихъ приговорахъ выставляютъ широкія программныя требованія той или другой политической партіи, которыя наиболѣе, по мнѣнію крестьянъ, отвѣчаютъ ихъ потребностямъ. Въ такого рода приговорахъ уже не такъ выпукло выдвигаются мѣстныя потребности.

Корреспонденты, писавшіе о причинахъ крестьянскаго движенія, указываютъ, какъ на главную причину его развитія,—на малоземелье.

Но малоземелье было и раньше. Оно стало болѣе чувствительнымъ въ особенности тогда, когда малоземельные крестьяне, вслѣдствіе сокращенія своихъ средствъ и повышенія арендныхъ цѣнъ, уже не въ силахъ оказались арендовать помѣщичьи земли. Такимъ образомъ, мнѣнія корреспондентовъ не противорѣчатъ установленнымъ выше причинамъ крестьянскаго движенія. Веденіе хозяйства было возможно для малоземельныхъ крестьянъ, пока они могли пополнять свой бюджетъ сборомъ хлѣба съ арендуемыхъ земель, хотя, какъ мы указывали, этого было недостаточно и крестьяне всетаки раззорялись. Когда же арендныя цѣны еще болѣе повысились, и когда землевладѣльцы стали сокращать сдачу земель малоземельнымъ крестьянамъ, послѣдніе оказались въ безвыходномъ положеніи и тогда стало особенно чувствительно малоземелье.

Даже въ многоземельныхъ раіонахъ корреспонденты [1]) указываютъ, какъ на причину движенія, на малоземелье.

Такъ, въ Кубанской области корреспондентъ причиной движенія считаетъ малоземелье. Въ Бессарабской—малоземелье; въ области войска Донского—малоземелье. Отсутствіе луговъ и лѣсовъ. Въ Екатеринославской—только въ одномъ случаѣ указывается на неурожай, въ остальныхъ случаяхъ на малоземелье. Въ Самарской—малоземелье и безземелье, въ Таврической—малоземелье, въ Херсонской—малоземелье и высокая арендная плата и т. д. и т. д.

Анкета Вольно-Экономич. Общества лишь добавляетъ списокъ мѣстностей, въ которыхъ были предъявлены требованія пониженія арендной платы или требованія сдавать землю крестьянамъ, а не крупнымъ арендаторамъ.

Такимъ образомъ, повышеніе арендной платы и кризисъ продовольственнаго хозяйства, съ одной стороны, относительное пониженіе заработной платы—съ другой, происшедшіе наканунѣ революціи, толкнули крестьянъ на борьбу за пониженіе арендной платы и за повышеніе заработной платы. Дальнѣйшее раз-

---

[1]) По анкетѣ И. В. Э. общества. См. „Труды В. Э. О.“ №№ 3, 4, 5.

витіе аграрнаго движенія крестьянъ и политическаго движенія другихъ классовъ населенія неизбѣжно натолкнуло крестьянъ на путь политической борьбы и на идею отобранія земли у помѣщиковъ, идею, которая бродила у крестьянъ и раньше, имѣя корни въ далекомъ прошломъ: идею, что государство за налоги и повинности крестьянъ должно прирѣзать имъ землю, которой у нихъ стало мало.

IV.

Отношеніе правительства и политическихъ партій къ движенію.

Вспыхнувшее въ февралѣ и мартѣ крестьянское движеніе застало врасплохъ и правительство, и помѣщиковъ. Послѣдніе въ паникѣ бѣжали изъ своихъ имѣній въ губернскіе и уѣздные города, чтобы спастись отъ погромовъ и посовѣтоваться о прекращеніи крестьянскаго движенія. Впрочемъ, такого рода совѣщанія, хотя кое-гдѣ и происходили, но ни къ чему не привели. По словамъ «Приднѣпровскаго края», въ Харьковѣ небывалый съѣздъ сельскихъ хозяевъ и ихъ управляющихъ. «Въ оружейныхъ магазинахъ Харькова не имѣется въ продажѣ ни одного револьвера,—все раскупили». Многіе землевладѣльцы стали организовать вооруженные отряды изъ своихъ служащихъ.

По мѣрѣ прекращенія весеннихъ безпорядковъ землевладѣльцы стали оправляться, и уже лѣтомъ 1905 года реакція начинаетъ организоваться. Въ Саратовѣ организуется «русскій союзъ землевладѣльцевъ»,—сначала «тайное общество», съ цѣлью «борьбы съ революціей». Въ сентябрѣ этотъ союзъ легализовался и организовалъ отдѣленія въ Саратовѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Но пока народное движеніе развивалось, этотъ союзъ не рѣшался ничѣмъ проявить себя, а лишь тайкомъ подготовлялъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми представителями администраціи, нападеніе на освободительное движеніе...

Правительство, со своей стороны, также ничего не предпринимало кромѣ усмиренія военной силой волновавшихся крестьянъ и кромѣ нѣсколькихъ указовъ, которые не могли повести къ успокоенію крестьянъ. Мы упоминали выше объ указѣ 18 февраля, которымъ было предоставлено право «всѣмъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ» подавать петиціи на Высочайшее имя по вопросамъ «улучшенія государственнаго устройства и народнаго благосостоянія». Этимъ указомъ широко воспользовались крестьяне, чтобы сформировать свои требованія, чтобы собираться обсуждать не только свои мѣстныя дѣла, но и обще-государственныя. Агитаторы политическихъ партій использовали этотъ указъ для болѣе широкой агитаціи въ крестьянскихъ массахъ. Указомъ 30 марта было упразднено особое совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства, а вмѣсто него учреждено, подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина, «особое совѣщаніе о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія». Разумѣется, и этотъ указъ не могъ устранить причинъ крестьянскаго движенія.

Указомъ 10 апрѣля устанавливаются особыя временныя комиссіи въ мѣстностяхъ, гдѣ были безпорядки: 1) для слѣдственно-полицейскихъ цѣлей по выясненію участниковъ безпорядковъ среди крестьянъ и 2) для опредѣленія разм-

ровъ убытковъ. Эти комиссіи должны были составляться предводителями дворянства изъ предсѣдателей земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ, податныхъ инспекторовъ и одного или двухъ гласныхъ. Но въ этотъ періодъ въ земствахъ еще преобладали либеральныя теченія и земцы бойкотировали комиссіи.

Наконецъ, указомъ 5 апрѣля были сложены съ населенія недоимки по продовольственному долгу, а указомъ 6 мая учрежденъ «комитетъ по земельнымъ дѣламъ». Всѣ эти указы не могли повліять на крестьянское движеніе. Оно подавлялось исключительно военной силой, причемъ часто происходили столкновенія, кончавшіяся убійствомъ крестьянъ, массовыми арестами, а мѣстами и поркой. Нѣкоторыми губернаторами (ген.-губернаторомъ Юго-Западнаго края, губернаторами Петрокорской и Люблинской губ.) были изданы обязательныя постановленія о преданіи военному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, крестьянъ, «виновныхъ не только въ нападеніи на помѣщичьи усадьбы», но и «въ предъявленіи помѣщикамъ разныхъ, сопровождаемыхъ угрозами и насиліями, требованій».

Земства также дѣлали слабыя попытки повліять на крестьянъ, но эти попытки не имѣли никакого успѣха. Такъ, послѣ извѣстнаго пріема царемъ 6 іюня депутаціи земцевъ, нѣкоторыя, тогда еще либеральныя, земства пытались разослать по деревнямъ сообщеніе объ этомъ пріемѣ, но мѣстная администрація въ большинствѣ случаевъ не допустила ихъ распространенія.

Въ концѣ лѣта и въ началѣ осени многія земства стали приглашать въ экономическіе совѣты представителей крестьянъ, съ цѣлью смягчить обострившіяся отношенія между ними и землевладѣльцами. На совѣщаніяхъ, организованныхъ земцами, крестьяне очень рѣзко выставляли свои требованія; на нѣкоторыхъ совѣщаніяхъ рѣшено было организоваться въ «крестьянскій союзъ». Напр., въ Сумахъ крестьяне самовольно явились на засѣданіе сел.-хоз. общества въ количествѣ около 5 тыс. человѣкъ. Засѣданіе не состоялось, но крестьяне устроили собраніе около земскаго дома [1]).

Болѣе всего въ періодъ крестьянскаго движенія укрѣпилось и расширилось вліяніе революціонныхъ партій. Если реакціонеры, въ періодъ развитія движенія, были пугливы, слабы и нерѣшительны, то, съ другой стороны, революціонеры обнаружили колоссальную энергію.

Какъ только началось крестьянское движеніе, такъ начинается усиленная агитація революціонеровъ въ деревняхъ. Ораторы пользуются огромнымъ успѣхомъ и разъѣзжаютъ неутомимо по деревнямъ. Крестьяне начинаютъ даже искать «олаторовъ».

«Сфера вліянія» революціонныхъ партій въ значительной степени опредѣлялась также экономическими условіями. Дѣятельность соціалъ-демократовъ въ деревнѣ сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ районахъ съ болѣе развитыми капиталистическими отношеніями въ деревнѣ, въ Малороссіи, Юго-западномъ краѣ, Литвѣ, Прибалтійскомъ краѣ, въ горнозаводскомъ Уралѣ, на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Вліяніе соціалистовъ-революціонеровъ сосредотачивалось больше

[1]) „Вечъ. Почта" 28, VII, 1905 г.

въ районахъ господства продовольственной аренды, въ особенности въ Саратовской и смежныхъ губерніяхъ центральнаго черноземнаго района.

Подъ вліяніемъ агитаціи организація крестьянъ быстро росла, но она не была прочной. Вслѣдствіе общаго возбужденія агитаторы спѣшили захватить наиболѣе широкій районъ и, благодаря этому, ихъ связь съ деревней и вліяніе, въ большинствѣ случаевъ, были мимолетными. Поэтому только въ такихъ районахъ, какъ часть Малороссіи и Юго-западнаго края, Прибалтійскій край и Грузія, вліяніе соціалъ-демократіи упрочилось и сохранилось даже въ эпоху реакціи. Въ другихъ мѣстахъ, если появляется соціалъ-демократъ, крестьяне соглашаются съ нимъ, если появляется соціалистъ-революціонеръ, они и съ нимъ соглашаются. Представители и той, и другой партіи, не упрочивая своего вліянія въ центральныхъ губерніяхъ, лишь бросали въ народную массу новыя идеи, вызывая идейное броженіе, пытались одновременно организовать крестьянъ, но прочной организаціи не могло быть не только вслѣдствіе отсталости и распыленности крестьянъ и проявившагося впослѣдствіи противорѣчія интересовъ въ ихъ средѣ, но и вслѣдствіе мимолетности столкновеній крестьянъ съ представителями революціонныхъ партій.

Нѣкоторые агитаторы объѣзжали обширный районъ, созывали многолюдные и многочисленные митинги и тутъ же организовали комитеты, которые росли, какъ грибы. Но когда наступили отливъ движенія и реакціонная волна, эти организаціи такъ же быстро исчезли, какъ и появились.

Дѣятельность революціонеровъ въ нѣкоторой степени вліяла и на характеръ аграрнаго движенія, хотя основной причиной, опредѣлявшей формы движенія, были экономическія условія. Но такъ какъ при различныхъ экономическихъ условіяхъ имѣли вліяніе и различныя партіи, то связь между характеромъ движенія и политическими партіями вполнѣ естественна. Въ районѣ продовольственнаго хозяйства, съ преобладаніемъ погромнаго движенія, преобладало вліяніе соціалъ-революціонеровъ, а въ районахъ стачечнаго движенія вліяніе соціалъ-демократовъ. Вообще, повидимому, тамъ, гдѣ было вліяніе соц.-демократовъ и крестьянскаго союза, погромовъ и поджоговъ было меньше и движеніе было болѣе организованнымъ. Впослѣдствіи, когда организація крестьянскаго союза была разрушена, начались массовые поджоги тамъ, гдѣ раньше было болѣе организованное движеніе.

Наконецъ, лѣтомъ 1905 года усилилась и дѣятельность реакціонеровъ. Агитаціей занимались, главнымъ образомъ, духовенство и полиція. Начинаютъ издаваться брошюры (напр., еписк. Никона), въ которыхъ революціонеровъ обвиняютъ въ томъ, что они подкуплены японцами. Особенно энергично велась агитація въ Саратовѣ, гдѣ, подъ покровительствомъ еп. Гермогена, издавались «Братскіе листки», въ которыхъ велась энергичная агитація противъ учителей и врачей. Въ с. Елани, подъ вліяніемъ агитаціи священниковъ и полиціи, крестьяне разгромили школу. Эта агитація и подготовила рядъ погромовъ, которые начались послѣ 17 октября. Благодаря агитаціи же реакціонеровъ лѣтомъ 1905 года возникъ и крестьянскій союзъ.

V.

Крестьянскій союзъ.

Наиболѣе широкой политической организаціей, правда, существовавшей короткое время, среди крестьянъ центральной Россіи былъ «Крестьянскій союзъ».

Движеніе, охватившее крестьянскія массы, должно было рано или поздно натолкнуть на мысль объ образованіи крестьянской демократической партіи. Какъ мы замѣтили, въ центральномъ районѣ въ началѣ движеніе охватило всѣ слои крестьянства; противорѣчія ихъ экономическихъ интересовъ, особенно въ центральномъ районѣ, еще не выступали рѣзко,—они выступили лишь въ періодъ реакціи.

Броженіе среди крестьянъ привлекло агитаторовъ не только партійныхъ, соц.-революціонеровъ и соц.-демократовъ, но и безпартійныхъ интеллигентовъ, настроенныхъ демократически. Идея организаціи крестьянскаго союза привлекла какъ этихъ безпартійныхъ интеллигентовъ, такъ и нѣкоторыхъ соц.-демократовъ и особенно соц.-революціонеровъ, программа и міровоззрѣніе которыхъ болѣе подходили къ такой неопредѣленной организаціи. Благодаря этому, соціалисты-революціонеры имѣли и большее вліяніе въ крестьянскомъ союзѣ, отражавшемъ надежды и интересы среднихъ слоевъ крестьянства.

Первымъ толчкомъ, послужившимъ къ образованію союза, послужила попытка московскаго губернатора и г. Самарина склонить нѣкоторыя общества крестьянъ Московской губ. къ составленію «патріотическихъ» адресовъ съ выраженіемъ готовности продолжать войну и проч... Эта попытка была предпринята для того, чтобы противопоставить демократическимъ требованіямъ интеллигенціи реакціонныя требованія крестьянъ. Но у московскихъ крестьянъ, благодаря этому, возникла мысль составлять приговоры противуположнаго характера, такъ какъ сфабрикованные реакціонерами приговоры, разумѣется, не соотвѣтствовали интересамъ и стремленіямъ крестьянъ. Въ маѣ мѣсяцѣ прогрессивная часть крестьянъ устроила въ Москвѣ съѣздъ, который, подъ вліяніемъ интеллигенціи, организовавшейся тогда въ союзы различныхъ профессій, постановилъ организоваться въ крестьянскій союзъ. Резолюція объ этомъ была напечатана въ газетахъ и въ большомъ количествѣ была распространена по всей Россіи.

Организація союза заключалась въ томъ, что центръ его составлялся изъ пяти представителей отъ каждой губерніи. Губернскія отдѣленія составлялись изъ представителей уѣздовъ, по 5 отъ каждаго; уѣздныя—по 5 отъ каждой волости, а волостныя—изъ наличнаго числа членовъ, но не менѣе пяти. Въ резолюціи объ организаціи крестьянскаго союза указывается на недостатки политическаго строя, на тяжелое экономическое положеніе крестьянъ. «Для достиженія всѣхъ намѣченныхъ (въ резолюціи) благъ народа и впредь до уравненія крестьянъ съ остальными сословіями, учреждается всероссійскій крестьянскій союзъ».

Идея образованія союза была подхвачена крестьянами и въ цѣломъ рядѣ губерній образовались мѣстные крестьянскіе союзы. Напримѣръ, въ Тульской губ. «уже года три тому назадъ стали складываться среди крестьянъ кружки само-

образованія, особенно въ Богородицкомъ уѣздѣ. Въ іюнѣ (1905 г.) былъ съѣздъ, на которомъ было рѣшено организовать Тульскій отдѣлъ Всер. Крест. Союза и начать его организацію въ уѣздахъ» [1]).

Въ Курской губ., по словамъ делегата на всероссійскомъ съѣздѣ, на образованіе союза натолкнула крестьянъ прокламація московскихъ крестьянъ объ образованіи крестьянскаго союза. Она произвела большое впечатлѣніе. Были намѣчены надежныя лица и 3-го іюня состоялся съѣздъ 47 выборныхъ отъ разныхъ уѣздовъ. На съѣздѣ былъ организованъ союзъ и были выбраны делегаты на всероссійскій съѣздъ и т. д.

На учредительный съѣздъ крестьянскаго союза, происходившій въ Москвѣ 31-го іюля и 1-го августа, прибыли представители 22 губерній (Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Казанской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Ярославской и Донской Области). Всего делегатовъ было больше 100 человѣкъ. Нѣкоторые изъ делегатовъ представили приговоры сельскихъ обществъ. Съѣздъ, по вопросу о народномъ представительствѣ, высказался въ пользу самыхъ широкихъ демократическихъ началъ. Женщины должны пользоваться какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ и т. д. По аграрному вопросу было предложено всѣ частновладѣльческія земли обратить въ государственную собственность, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отчужденіе частновладѣльческихъ земель могло быть произведено на началахъ выкупа [2]).

Это рѣшеніе вопроса наиболѣе соотвѣтствовало міровоззрѣнію крестьянъ, которые, какъ мы указывали, и раньше, до аграрныхъ волненій, и во время ихъ, ожидали отъ центральной правительственной власти прирѣзки себѣ земли.

Первый съѣздъ крестьянскаго союза организовалъ главный комитетъ союза, но руководящую роль играло «бюро содѣйствія» союзу, которое организовалось на странныхъ началахъ. Чтобы противодѣйствовать вліянію организованныхъ политическихъ партій (особенно соціалъ-демократовъ), безпартійные интеллигенты постоянно говорили о «самостоятельности» крестьянъ и о необходимости организовать чисто *крестьянскій* союзъ. Но, чтобы сохранить *свое* вліяніе, небольшая группа интеллигентовъ организовала «бюро содѣйствія» *при* крестьянскомъ союзѣ и старалась взять въ свои руки руководящую роль, но проявила полную политическую несамостоятельность и неопытность, особенно впослѣдствіи, во время дѣятельности второй Государственной Думы.

Въ концѣ октября 1905 года было разослано по мѣстнымъ комитетамъ, а потомъ напечатано въ газетахъ приглашеніе отъ комитета всероссійскаго крестьянскаго союза, въ которомъ извѣщались всѣ организаціи союза о созывѣ въ Москвѣ на 6 ноября 1905 г. второго всероссійскаго съѣзда членовъ союза. Предлагалось каждому губернскому отдѣленію прислать по два делегата,—одного отъ губернскаго комитета, другого отъ бюро содѣйствія союзу. Уѣзднымъ организаціямъ также предлагалось посылать по два делегата отъ уѣзда.

---

[1]) „Агр. вопросъ“, т. II, стр. 220—221.

[2]) „Русь“, 7, VIII, 1905 г.

6 ноября начались засѣданія съѣзда и продолжались въ теченіе пяти дней, легально, въ присутствіи корреспондентовъ отъ газетъ. Въ засѣданіяхъ участвовало 187 делегатовъ отъ 75 уѣздовъ изъ 27 губерній: Владимірской, Воронежской, Вятской, Донской Области, Екатеринославской, Калужской, Казанской, Кіевской, Костромской, Курской, Минской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской и Ярославской. 105 делегатовъ изъ 187 представили приговоры о полномочіяхъ отъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, остальные отъ мѣстныхъ комитетовъ.

При обсужденіи экономическихъ вопросовъ, съѣздъ, вполнѣ естественно, обнаружилъ большую наивность, такъ какъ крестьяне недостаточно знакомы были съ народнымъ хозяйствомъ, а интеллигентная часть съѣзда, можетъ быть, приспособлялась къ крестьянскому міровоззрѣнію, можетъ быть, была также мало освѣдомлена въ экономическихъ вопросахъ, какъ и крестьяне.

Напримѣръ, рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ совершенно не затрагивался, такъ какъ крестьяне, вѣроятно, полагали, что послѣ превращенія земли «въ общенародную собственность» наемнаго труда не будетъ. Такъ какъ крестьянскій союзъ охватывалъ, главнымъ образомъ, районъ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, то существованіе мелкой частной собственности, земельной ренты и проч. игнорировалось.

По вопросу о тактикѣ, которому, главнымъ образомъ, былъ посвященъ ноябрьскій съѣздъ, намѣтились два направленія. Защитники «митинговаго» и «приговорнаго» направленія отстаивали «мирную» тактику, забастовки, организацію революціоннаго самоуправленія и даже «мирныя» запашки помѣщичьихъ земель, отказы платить подати, давать рекрутовъ и т. д. Другая часть делегатовъ, особенно изъ Саратовской губ., гдѣ въ это время началось сильное «разгромное» движеніе крестьянъ, призывало къ вооруженому возстанію, къ поддержкѣ начавшагося тамъ движенія.

Съѣздъ принялъ слѣдующія резолюціи:

1) Прекратить бѣдствія народа, проистекающія отъ недостатка земли, можетъ только переходъ всей земли въ общую собственность всего народа съ тѣмъ, чтобы пользовались ею только тѣ, кто трудится на землѣ самъ своей семьей, или въ товариществѣ. 2) Установить законодательнымъ путемъ прочное, справедливое и согласное съ волей народа земельное устройство должно учредительное собраніе, созванное для составленія основныхъ законовъ государства. Учредительное собраніе должно быть избрано всеобщимъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ, безъ различія пола, народности и вѣроисповѣданія... 3) Учредительное собраніе обязано разрѣшить земельный вопросъ на благо народа и согласно его требованію. 4) Крестьянство, объединенное въ одинъ великій всероссійскій союзъ, добьется удовлетворенія своего требованія о созывѣ учредительнаго собранія. 5) Крестьянскій союзъ беретъ на себя руководство дѣйствіями крестьянства и войдетъ въ соглашеніе съ союзами рабочихъ, а также съ организаціями, защищающими интересы трудящагося народа. 6) Чтобы ускорить передачу земли народу, постановлено: не покупать земли у владѣльцевъ; въ

случаѣ, если требованія народа не будутъ исполнены, крестьянскій союзъ прибѣгнетъ къ забастовкѣ: откажетъ владѣльцамъ хозяйствъ въ рабочей силѣ. 7) На преслѣдованіе крестьянскаго союза онъ отвѣтитъ отказомъ въ уплатѣ податей, поставкѣ рекрутъ и запасныхъ, потребуетъ изъ сберегательныхъ кассъ и банковъ всѣ свои вклады и крестьянскіе капиталы и закроетъ всѣ винныя лавки. 8) Постановляетъ прекратить употребленіе вина.

Этотъ съѣздъ состоялся уже послѣ 17 октября, когда народное движеніе достигло кульминаціоннаго пункта. Послѣ ноябрьскаго съѣзда крестьянскій союзъ начинаетъ падать. Вскорѣ послѣ съѣзда представители бюро союза были арестованы и начались преслѣдованія союза на мѣстахъ. Были разосланы исправникамъ циркуляры, въ которыхъ предписывалось подвергать обыску и аресту агитаторовъ, дѣйствующихъ отъ имени крестьянскаго союза.

Отсутствіе политическаго такта у руководителей союза ускорило паденіе вліянія организаціи. Не обладая прочно организованными силами, опираясь на «приговорныя» организаціи, союзъ, вслѣдъ за с.-революціонерами, объявилъ бойкотъ первой государственной думы и тѣмъ оторвался отъ крестьянской массы, вѣрившей въ силу приговоровъ и принимавшей участіе въ выборахъ въ Думу.

Хотя послѣ ноябрьскаго съѣзда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили районные съѣзды, но они имѣли уже второстепенное значеніе.

Въ мартѣ 1906 года въ Москвѣ собрался третій съѣздъ союза, на которомъ были представители отъ 18 губерній, но этотъ съѣздъ имѣлъ мало значенія. Въ 1907 году была попытка новаго съѣзда, но значительная часть его участниковъ была арестована.

Во время дѣятельности второй Госуд. Думы представители крестьянскаго союза пытались организовать въ трудовой группѣ автономную группу крестьянскаго союза, но эта попытка не имѣла ни смысла, ни значенія, такъ какъ группа трудовиковъ лучше отражала интересы и настроеніе крестьянскихъ массъ...

Крестьянскій союзъ въ свое время, въ 1905 и первой половинѣ 1906 года, сыгралъ большую роль въ крестьянскомъ движеніи, организуя тѣ элементы крестьянства, которые не могли идти за революціонными лозунгами революціонныхъ партій. Онъ объединялъ, правда, на короткое время, группы крестьянъ, отражая ихъ настроеніе неопредѣленностью и программы, и тактики. Изъ дальнѣйшей характеристики крестьянскаго движенія 1905—1906 годовъ будетъ видно, что крестьянское движеніе развивалось своимъ путемъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне организовались подъ знаменемъ крестьянскаго союза, импонировавшаго крестьянамъ какъ своимъ названіемъ, такъ и лозунгомъ...

VI.

Крестьянское движеніе послѣ 17 октября.

1.

Послѣ весенняго массоваго движенія лѣтомъ 1905 года наступаетъ нѣкоторое затишье въ томъ смыслѣ, что безпорядки не охватываютъ такихъ сплошныхъ районовъ, какъ было весной. Хотя въ теченіе лѣта во многихъ мѣстахъ

крестьяне захватывали луга, дѣлали порубки лѣсовъ, а послѣ уборки хлѣбовъ свозили ихъ къ себѣ на гумна, но это были отдѣльные случаи, которые не безпокоили особенно ни правительство, ни помѣщиковъ.

Крестьяне, узнавши объ указѣ 18 февраля, пытаются путемъ приговоровъ ознакомить правительство со своимъ положеніемъ и «приговорное» движеніе мѣстами охватываетъ сплошной районъ. Такъ, въ Донской области, братья Мазуренко, поднявшіе тамъ приговорное движеніе, объѣзжали цѣлый рядъ селеній, и осенью движеніе охватило весь Донецкій и часть Черкасскаго округа. Въ Саратовской губерніи были составлены петиціи и приговоры въ селеніяхъ Ивановкѣ, Чириковѣ, Трубчинѣ, Ключахъ, Двоенкахъ, Кочетовкѣ, Широкомъ, Дмитріевкѣ Балашовскаго и Аткарскаго уѣздовъ, въ Поповкѣ Саратовскаго у. и т. д.

Но власти и на это движеніе смотрѣли, какъ на опасное, аресты же «зачинщиковъ» ослабляли его, разрушая надежды крестьянъ на мирный выходъ изъ ихъ положенія.

Только въ одной Саратовской губ. за лѣто 1905 года было приговорено въ административномъ порядкѣ губернаторомъ до 600 крестьянъ на разные сроки до 3 мѣсяцевъ. Отряды казаковъ постоянно путешествовали по «безпокойнымъ» уѣздамъ, безчинствуя тамъ. Все это, разумѣется, лишь озлобляло крестьянъ и толкало ихъ на другой путь борьбы....

Между тѣмъ, благодаря неурожаю хлѣбовъ въ 1905 году, положеніе крестьянъ центральнаго черноземнаго района, особенно послѣ неурожая 1904 года, сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ: грозилъ голодъ.

Такимъ образомъ, къ осени положеніе на столько обострилось, что нуженъ былъ лишь поводъ, чтобы движеніе вспыхнуло съ небывалой силой. Поводомъ къ осеннему движенію во многихъ мѣстахъ послужилъ манифестъ 17 октября и поведеніе администраціи.

Съ появленіемъ манифеста 17 октября агитація реакціонеровъ при поддержкѣ правительства усиливается, а мѣстная администрація и духовенство всѣми силами стараются воспрепятствовать ознакомленію населенія съ манифестомъ. Разумѣется, слухи о манифестѣ, который даетъ «свободу», быстро распространились. Населеніе не могло не знать также и о всеобщей октябрьской забастовкѣ, когда всюду прекратилось желѣзнодорожное сообщеніе. Утаиваніе манифеста привело лишь къ тому, что «свобода», которую онъ обѣщалъ, толковалась реакціонерами, какъ свобода въ теченіе опредѣленнаго срока громить евреевъ и интеллигенцію, а крестьянами *понималась*, какъ свобода громить помѣщиковъ въ теченіе опредѣленнаго срока (обыкновенно въ теченіе 3-хъ дней).

Всѣ политическія событія 1905 года, агитація и проч. бросили въ крестьянство такую массу идей, фактовъ и впечатлѣній, что крестьяне не могли сразу во всемъ разобраться и реагировали на всѣ эти событія крайне разнообразно. Какъ понимались, напримѣръ, газеты, можно судить по слѣдующему разсказу крестьянина Яновской волости, Донецкаго округа.

— «Читаемъ газету на вокзали. А тамъ просютъ помощи. *Значитъ*, щобъ робить забастовку. Пійтти на сходъ. Все, якъ слідъ, «имѣли сужденіе» и при-

говоромъ приговорили: іти до пана *зъ забастовкою*. Прійшли. Заразъ собакъ зъ ружіевъ, прикащиківъ—у винбаръ (амбаръ) *забастували*. Пішли ділить хлібъ. *Все по правилу*: кажному добрітоі и плохітоі пшениці досталось. Колы черезъ часъ счинився крикъ: «идетъ *вторая забастовка*». Підойшло сусідське обчиство. Ми и ихъ приняли до присутствія. Ми добре распорядились. Честь честью. Усе дожидались васъ (агитаторовъ): хотіли послухати наставленія. А потомъ чуемо, *васъ забастували*. Отъ и ми за вами», добавляетъ разсказчикъ, приведенный въ тюрьму, гдѣ встрѣчается съ агитаторами.

Въ данномъ случаѣ крестьяне вычитали, что нужно бастовать, и они собакъ изъ ружей «забастовали», прикащиковъ въ амбарѣ забастовали, хлѣбъ забастовали, пока, наконецъ, ихъ самихъ въ тюрьму не «забастовали»!

Въ однихъ мѣстахъ на разборку экономій смотрѣли, какъ на легальное дѣло, въ другихъ мѣстахъ разгромъ являлся результатомъ озлобленія и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Московской, Харьковской, Екатеринославской, Черниговской и проч., движеніе началось реакціонерами съ еврейскихъ погромовъ. Въ Саратовской губ. одновременно начались и черносотенные погромы интеллигенціи, и погромы помѣщиковъ.

Наконецъ, во многихъ мѣстахъ движеніе было уже организованнымъ и выразилось въ болѣе мирныхъ формахъ: приговорахъ, митингахъ и забастовкахъ.

«Взбудораженная всѣми быстро слѣдовавшими одно за другими политическими событіями, пишетъ корреспондентъ В.-Э. Общества, мало подготовленная крестьянская масса глухо волновалась, съ трудомъ разбираясь среди новыхъ явленій. Настроеніе подымалось, росло и выливалось въ цѣлый рядъ неопредѣленныхъ ожиданій и желаній, поддерживаясь, главнымъ образомъ, газетной литературой и митингами. Всѣ адреса и постановленія сходовъ относительно видовъ и предположеній о лучшемъ благоустройствѣ страны, по преимуществу исходитъ отъ отдѣльныхъ лицъ и, несмотря на многочисленныя подписи, общаго настроенія деревни не выражали. Такъ было до манифеста 17 октября и второй желѣзнодорожной забастовки. Разразившійся вслѣдъ за этимъ въ гор. Александровскѣ еврейскій погромъ, въ деревняхъ сочувствія не встрѣтилъ.

... Летучая революціонная литература въ перемежку съ погромными листками александровской организаціи, агитаторы соціалистическихъ партій и разнаго рода добровольцы со стороны, деревенская интеллигенція, все это въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время, а иногда и совмѣстно дѣйствуя, дало начало деревенскимъ митингамъ и было первымъ толчкомъ къ попыткѣ политическаго выступленія деревни.

Такъ какъ въ этотъ періодъ всякое крестьянское начальство и деревенская полиція гдѣ-то притаились, то почти въ каждомъ селѣ безпрерывно шли митинги, образовывались мѣстныя отдѣленія крестьянскаго союза, въ которыя записывались въ громадномъ большинствѣ крестьяне».

Митинговое движеніе особенно сильно развилось въ Донской области, въ Югозападномъ и Бѣлорусскомъ районѣ, Херсонской, Нижегородской, Московской, Ярославской, Костромской, Петербургской губ. и въ Прибалтійскомъ краѣ.

Политическіе интересы такъ захватили населеніе, что, напримѣръ, крестьяне

разносчики, при ежедневныхъ поѣздкахъ изъ деревни въ Петербургъ и обратно, устраивали митинги въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ. Иногда митинги устраивались даже мѣстной администраціей. Напр., въ с. Чардышъ, Сарат. губ., земскій начальникъ устроилъ митингъ и предложилъ программу партіи правоваго порядка, но тутъ же были прочитаны и обсуждены программы революціонныхъ партій. Въ Псковской губ. начало митингамъ положилъ гр. Гейденъ, но крестьяне примыкали не къ мирнообновленцамъ, а къ лѣвымъ партіямъ. Въ Смоленской губ. митинги созывали либеральные помѣщики для разъясненія манифеста и т. д. и т. д.

2.

Митинговое движеніе не вездѣ происходило безпрепятственно. Такъ, въ Саратовской губ. даже составленіе общественныхъ приговоровъ и коллективныхъ заявленій, согласно указу 18 февраля, было признано незаконнымъ и въ концѣ іюля, особымъ циркуляромъ губернатора, было запрещено подъ угрозой рѣшительныхъ наказаній.

Глухое и глубокое броженіе крестьянъ, разумѣется, не прекращалось ни объѣздами губернатора, ни отрядами разъѣзжавшихъ по деревнямъ и чинившихъ насилія казаковъ, ни преслѣдованіемъ мирныхъ и легальныхъ формъ борьбы. Общая забастовка въ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ явилась послѣднимъ толчкомъ къ взрыву.

Въ Саратовской губ. волненія крестьянъ сразу начались въ нѣсколькихъ уѣздахъ и выразились, главнымъ образомъ, въ разгромѣ и поджогахъ усадебъ и экономій, увозѣ сѣна, сноповъ, захватѣ земель и раздѣлѣ ихъ. Разгромное движеніе происходило въ Балашовскомъ, Аткарскомъ, Петровскомъ, Сердобскомъ, Кузнецкомъ и Саратовскомъ уѣздахъ.

Во всѣхъ уѣздахъ оно совершалось всегда по одному и тому же типу. Задолго до движенія начинались разговоры «объ уравненіи земли», о «революціи», о «борьбѣ за право». Далѣе, какъ только ночью кругомъ начинали показываться «зарева», крестьяне данной деревни рѣшали, что настаетъ и ихъ «чередъ» дѣйствовать. Иногда въ это время пріѣзжали «неизвѣстные», которые брали на себя руководство движеніемъ. Прежде, чѣмъ начать разгромъ имѣнія, крестьяне иногда приходили къ помѣщику и требовали отъ него ключи, деньги, оружіе. Иногда, прежде, чѣмъ сжечь усадьбу, крестьяне разбирали изъ амбаровъ хлѣбъ. Покончивъ съ однимъ имѣніемъ, толпа переходила въ другое, и движеніе оканчивалось, мѣстами, только тогда, когда всѣ помѣщичьи усадьбы въ окрестностяхъ были разгромлены.

Въ разгромномъ движеніи, въ большинствѣ случаевъ, крестьяне не предъявляли помѣщику никакихъ требованій. Здѣсь преслѣдовалась единственная цѣль: «выкурить», «выжить» помѣщиковъ и завладѣть ихъ землей «даромъ» или «по дешевой цѣнѣ». «Громить надо частныхъ владѣльцевъ: они скорѣе землю отдадутъ» [1]). Въ разгромномъ движеніи принимали участіе, главнымъ образомъ, бѣдные и средніе слои крестьянства, хотя временами къ движенію

[1]) И. В. Чернышевъ. Аграрное движеніе 1905—6 гг. Средневолжскія губерніи. Труды В. Э. Общества № 3, 1908 г. стр. 146.

примыкали и зажиточные. Когда зажиточные шли рядомъ съ бѣдными, то при разгромѣ имѣнія, «каждый становился въ очередь и каждый былъ доволенъ привезеннымъ». Случалось, что у зажиточныхъ крестьянъ, поѣхавшихъ «за *чужбинкой*», въ ихъ отсутствіе сжигали постройки. Послѣднее имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, когда мотивомъ къ участію въ движеніи у богатыхъ была «легкая нажива».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ко времени движенія возвратились манчжурскіе солдаты и усиливали общее возбужденіе. Найдя свое хозяйство раззореннымъ; узнавши, что ихъ женамъ и семьямъ пособій не выдавали, или выдавали не регулярно, они приставали къ движенію и требовали себѣ земли: «за что мы кровь проливали, а у насъ земли нѣтъ»! [1])

Главные моменты дѣйствій крестьянъ были слѣдующіе: 1) Удаленіе помѣщика съ семьей изъ усадьбы. 2) Разборъ и дѣлежъ хлѣба и продуктовъ, а иногда и движимой собственности. 3) Выведеніе скота. 4) Разсчетъ батраковъ и домашней прислуги; и 5) часто поджоги экономическихъ построекъ. Помѣщики выѣзжаютъ по предупрежденію крестьянъ, и насилій надъ ними никакихъ не допускается. Одновременно съ разгромомъ экономій, крестьяне въ принципѣ рѣшаютъ о передачѣ съ весны помѣщичьей земли въ уравнительное пользованіе міра, о чемъ во многихъ мѣстахъ составляются приговоры. Урядники и стражники скрываются, а мѣстами и арестуются крестьянами. Во главѣ толпы, нападающей на помѣщичьи усадьбы, стоитъ обыкновенно вооруженная дружина; дѣлежемъ хлѣба и продуктовъ и деньгами завѣдуютъ комитеты или братства изъ мѣстныхъ крестьянъ. Захваченныя въ экономическихъ конторахъ, въ казенныхъ винныхъ лавкахъ, или у сборщиковъ питейныхъ доходовъ суммы обращаются въ общественную собственность.

Поджоги, какъ сказано, мотивируются особыми соображеніями крестьянъ: если постройки сожжены, то помѣщики не могутъ вернуться и, слѣдовательно, легче можетъ упрочиться новый порядокъ землевладѣнія.

Если постройки останутся цѣлы, то онѣ послужатъ удобнымъ помѣщеніемъ для казаковъ, къ которымъ у крестьянъ всеобщая ненависть. Когда вооруженной дружины въ толпѣ нѣтъ, то было достаточно двухъ, трехъ вооруженныхъ людей въ усадьбѣ, чтобы остановить разгромъ. Такъ, въ Балашовскомъ уѣздѣ крестьянинъ землевладѣлецъ съ вооруженными сыновьями вернулъ обратно съ дороги нѣсколько десятковъ подводъ крестьянъ, ѣхавшихъ громить его усадьбу.

Въ результатѣ въ Саратовскомъ, Петровскомъ, Балашовскомъ и Аткарскомъ уѣздахъ были истреблены пожарами сотни построекъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Сожжены до тла всѣ постройки въ огромныхъ имѣніяхъ герцога Лейхтенбергскаго, кн. Вяземскаго, дома—дворцы кн. Прозоровскаго, Демидова, раззорены до основанія старинныя дворянскія усадьбы съ цѣнными библіотеками, картинами и проч. Сжигались постройки безотносительно, дурны или хороши были отношенія у владѣльца съ крестьянами. Пострадали какъ либеральные земцы, такъ и реакціонеры. Уцѣлѣвшія усадьбы въ перечисленныхъ уѣздахъ считаются единицами.

[1]) Ibid. стр. 147.

Хотя движеніе не было организованнымъ, но, мѣстами, въ селахъ были выбраны комитеты, которые разсылали къ помѣщикамъ «дружины» съ требованіемъ хлѣба и денегъ.

Движеніе изъ Балашовскаго, Саратовскаго и Аткарскаго уѣздовъ распространилось и на другіе уѣзды губерніи: Петровскій, Вольскій, Хвалынскій, Камышинскій и Царицынскій. Слово «безпорядокъ», пишетъ корреспондентъ, не точно характеризуетъ то народное волненіе, которое охватило за послѣдніе дни большую часть губерніи и перебросилось въ восточные уѣзды Тамбовской и Пензенской губ. Это движеніе правильнѣе было бы назвать *возстаніемъ* противъ помѣщиковъ и сельской администраціи.... При распространеніи движенія къ нему привлекаются и тѣ селенія, которыя самостоятельно ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы на поджогъ и «разборъ» экономій.

Одинъ изъ участниковъ движенія, описывающій [1]) разгромъ экономій, констатируетъ, что въ нѣкоторыхъ селахъ крестьяне сначала только смотрѣли, какъ нѣсколько человѣкъ пришлыхъ со стороны начинали разгромъ экономіи, но потомъ толпа заражалась примѣромъ и уже основательно заканчивала разгромъ.

Картина движенія, по описаніямъ очевидцевъ, во всѣхъ уѣздахъ была одинакова. «Начинается освѣщеніе небосклона всю ночь заревами.... картина ужасная,—съ утра вы видите несущіяся вереницы экипажей, тройками и парами, наполненныхъ людьми, бѣгущими изъ усадебъ, а какъ только смеркнется, весь горизонтъ одѣваетъ какъ бы огненное ожерелье изъ заревъ. Были ночи, когда насчитывали по 16 заревъ заразъ».

Погромы были или «сознательные», когда ставилось цѣлью удаленіе помѣщика, или «стихійные», гдѣ, по удаленіи владѣльца, разгромлялось и уничтожалось все его имущество, а постройки предавались огню. Погромы перваго рода происходили тамъ, гдѣ крестьяне издавна пользовались репутаціей бунтовщиковъ и крамольниковъ. Какъ разъ въ этихъ мѣстностяхъ разгрома совершенно не было и крестьяне сами охраняли оставленныя помѣщиками имѣнія. Въ мѣстахъ наименѣе культурныхъ и разгромы носили соотвѣтствующій характеръ. Въ такихъ мѣстахъ, нетронутыхъ организаціей, погромы происходили иногда въ самой дикой формѣ. Въ имѣніи кн. Голицина толпа ворвалась во дворецъ и устроила полный погромъ: били мраморныя статуи, рвали рѣдкія картины, ковры. Много было взято оружія и всякихъ вещей. Когда участники погрома взяли столько, сколько могли унести, дворецъ зажгли и удалились.

Въ концѣ октября въ Саратовскую губ. былъ назначенъ съ чрезвычайными полномочіями ген.-адъютантъ Сахаровъ, для прекращенія безпорядковъ. Въ союзѣ съ черной сотней началось «усмиреніе» со всѣми его ужасами....

3.

Движеніе, какъ сказано, изъ Саратовской губ. перекинулось на сосѣднія губерніи, Тамбовскую, Пензенскую и Самарскую.

Изъ Борисоглѣбска Тамбовской губ. телеграфируютъ «Русскимъ Вѣдомо-

---

[1]) „Русск. Богъ". №№ 4 и 5 за 1909 г.

стямъ»: [1]) «Аграрное движеніе возрастаетъ. Имъ охвачена почти вся помѣщичья часть уѣзда. Движеніе перешло на сосѣдній — Новохоперскій уѣздъ. Вице-губернаторъ отдалъ приказъ меньше арестовать, а больше стрѣлять. Войсками убито до ста человѣкъ, раненыхъ очень много. Озлобленіе растетъ. Крестьяне хлѣбъ увозятъ, постройки сжигаютъ, а владѣльцамъ предлагаютъ добровольно отречься отъ земли и «уволиться» изъ усадебъ. Управляющихъ изгоняютъ. Телефонъ въ уѣздѣ прерываютъ. Землевладѣльцы въ паникѣ и съѣзжаются въ городъ. Почта и Государственный банкъ охраняются войсками.» Изъ Тамбовскаго у. въ «Московскую газету» сообщаютъ объ аграрныхъ безпорядкахъ и о поркѣ, которой власти подвергаютъ крестьянъ посреди селъ въ присутствіи дѣтей, о поркѣ не только мужчинъ, но и женщинъ. [2]) Аграрные безпорядки быстро распространились по всѣмъ уѣздамъ губерніи и не было ни одного уѣзда, неохваченнаго движеніемъ. [3]) Въ нѣсколько дней, пишутъ [4]) изъ Кирсановскаго у., крестьянами были уничтожены и сожжены 13 помѣщичьихъ усадебъ, при чемъ въ числѣ пострадавшихъ оказались крупныя экономіи и конные заводы.

Всего въ Тамбовской губ. пострадало отъ волненій 130 имѣній. Во многихъ случаяхъ имѣнія разорены до тла: хлѣбъ разобранъ, скотъ частью угнанъ, частію уничтоженъ, имущество разграблено, постройки сожжены. Насилій надъ людьми не было.

Среди крестьянъ существовало убѣжденіе, что царь уже давно велѣлъ помѣщикамъ отдать землю крестьянамъ, но они все медлятъ и вотъ царь далъ тайный приказъ крестьянамъ самимъ брать землю отъ помѣщиковъ. Отъѣздъ заблаговременно помѣщиковъ изъ имѣній укрѣплялъ это мнѣніе крестьянъ. Нѣкоторые помѣщики спасались отъ разгрома угрозами поджечь деревни крестьянъ.

Наканунѣ «разборки» къ помѣщику являлся кто нибудь изъ крестьянъ и отъ имени «стюдентовъ» предлагалъ уѣхать. Вечеромъ пріѣзжали съ подводами крестьяне и, сдѣлавши «для острастки» нѣсколько выстрѣловъ, забирали что попало... «Для свѣта» зажигали солому [5]).

Въ Самарской губерніи аграрное движеніе охватило четыре уѣзда и не имѣло такого остраго характера, какъ въ Саратовской и Тамбовской губерніяхъ. Крестьяне являлись на хутора, забирали только кормъ для скота и, какъ они выражались, дѣйствовали «по совѣсти»: подсчитывали, сколько имѣется на хуторѣ скота, оставляли для его прокормленія необходимое количество корма, а излишекъ увозили. Дѣлали все спокойно, «чтобы не было никакого скандала». Потомъ стали разбирать на хуторахъ хлѣбъ, тоже «по совѣсти», оставляя владѣльцу на прокормленіе до весны и даже на сѣмена. Но вскорѣ крестьяне наталкиваются на сопротивленіе, которыя сопровождаются полнымъ уничтоженіемъ усадьбъ.

Въ Орловской губ. движеніе не было такимъ интенсивнымъ, какъ въ

---

[1]) „Право“ № 45—46, 1905 г.

[2]) См. Вечерн. Почта 24; XI, № 289.

[3]) „Русск. Вѣд.“ 21, XI, № 307.

[4]) „Нов. Дня“ 5, XI, № 8043.

[5]) С. Н. Прокоповичъ. „Аграрное движеніе въ 1905—6 гг. Центральныя земл. губ.“ Труды В. Э. Общества № 3, 1908 г.

Саратовской, Тамбовской и Воронежской губ., тѣмъ не менѣе и тамъ, мѣстами разгромъ имѣній былъ полный. Такъ изъ Малоархангельскаго у. пишутъ: [1]) «Съ 19 по 23 ноября включительно произошло какое-то спѣшное, усиленное выжиганіе и разграбленіе помѣщичьихъ усадебъ, такъ что въ теченіе пяти дней уничтожено десять большихъ экономій... Породистый культурный скотъ подвергся безжалостному истребленію». Изъ Елецкаго у. [2]): «Аграрные безпорядки... усиливаются. Помѣщики бросаютъ свои имѣнія и хутора на произволъ судьбы и бѣгутъ въ города». Всюду, разумѣется, были разосланы отряды казаковъ.

Сильное движеніе и въ болѣе разнообразныхъ формахъ проявилось въ Курской губерніи. Здѣсь, напр., въ Суджанскомъ уѣздѣ въ однихъ мѣстахъ крестьяне не грабили имѣній, а отказывались лишь платить подати и хотя были отправлены войска всѣхъ родовъ оружія, но примѣнять его не было возможности, такъ какъ крестьяне вели себя спокойно. Между тѣмъ, въ другихъ пунктахъ того же Суджанскаго у. «было разграблено 13 большихъ усадебъ; общій убытокъ насчитывается въ полтора милліона рублей» [3]). Въ Тимскомъ у. «масса имѣній разграблена и сожжена. Помѣщики въ паническомъ страхѣ покидаютъ на произволъ судьбы свои имѣнія. Подъѣздные пути испорчены» [4]).

Изъ Новооскольскаго у.: «Аграрное движеніе усиливается. Въ особенности пострадалъ Новооскольскій у., гдѣ разграблены и сожжены многія частныя владѣнія» [5]) и т. д. и т. д.

4.

Въ *Малороссійскомъ* раіонѣ наиболѣе сильное разгромное движеніе было въ Черниговской и Полтавской губ., между тѣмъ какъ въ Харьковской губ. оно было болѣе организованнымъ и, поэтому, менѣе разрушительнымъ.

Аграрное движеніе началось непосредственно послѣ появленія манифеста 17 октября, причемъ въ Черниговской и Полтавской губ. мѣстами началось съ еврейскихъ погромовъ и потомъ перешло къ разгрому помѣщичьихъ усадебъ.

Мѣстами движеніе началось съ требованія удалить всѣхъ посторонніхъ служащихъ и рабочихъ, увеличенія заработной платы мѣстнымъ рабочимъ, уменьшенія арендной платы и увеличенія сдачи земли въ аренду. А затѣмъ начался разгромъ и расхищеніе экономическаго имущества, который сопровождался иногда сожженіемъ экономическихъ построекъ [6]).

Характерно, что на фонѣ общаго возбужденія, при широкомъ участіи населенія въ движеніи, основной формой его въ Полтавской губ. является, главнымъ образомъ, снятіе экономическихъ рабочихъ, а остальныя формы движенія прибавляются въ качествѣ сопутствующихъ его проявленій.

Въ *Черниговской* губ. послѣ 17 октября движеніе возникло одновременно въ Черниговскомъ и Городнянскомъ уѣздахъ. На 23 апрѣля въ Черниговѣ былъ

---

[1]) „Нов. Вр.“ отъ 11 XI, 1905 г. № 10683.

[2]) „Слово“ 1, XII, № 317.

[3]) „Бирж. Вѣд.“ 11, XI, 1905 г.

[4]) „Право“ № 47, 1905 г.

[5]) „Бирж. Вѣд.“ № 1907.

[6]) В. С. Голубевъ. Аграрн. движ. въ 1905—7 гг. Малороссійскія губ. Тр. В. Э. О. № 4—5, 1905 г. стр. 329.

назначенъ еврейскій погромъ. Тысячи крестьянъ, говорятъ, по приглашенію полиціи, потянулись въ городъ. Но погромъ былъ «отмѣненъ» и крестьяне двинулись громить евреевъ въ селеніяхъ, а потомъ и помѣщиковъ [1]). Толпа человѣкъ въ 500 на подводахъ, разгромивъ и разграбивъ нѣсколько экономій и усадебъ, двинулась на мѣстечки Сновскъ, Добрянку и гор. Городню. «Но крестьяне сначала были разбиты подъ Сновскомъ самообороной, затѣмъ окончательно разсѣяны самообороной города Городни, причемъ было убитыхъ человѣкъ 40, а затѣмъ уже разогнанныхъ избивали сами болѣе зажиточные и хозяйственные крестьяне, убивали жестоко, вилами, топорами, кольями. Самозащиты со стороны крупныхъ помѣщиковъ не было, но мелкіе землевладѣльцы защищались отчаянно и не безъ успѣха: многіе отстояли свои усадьбы, пуская въ ходъ ружья» [2]).

Какъ въ этомъ «походѣ», такъ и въ другихъ участвовали лица, принимавшія участіе въ еврейскихъ погромахъ, а мѣстные крестьяне только доканчивали разгромъ экономій. «Бывшіе въ Черниговѣ во время еврейскихъ погромовъ крестьяне видѣли, что власти бездѣйствовали, а потому принесли вѣсть, что бить пановъ и жидовъ разрѣшено; во время базара (въ Рѣпинской вол.) начался разгромъ еврейскихъ лавокъ и домовъ, экономій, арендуемыхъ евреями, и, наконецъ, помѣщиковъ, причемъ хлѣбъ и скотъ развозили по домамъ, а имущество уничтожали.

Въ Черниговскомъ уѣздѣ разгромное движеніе также натолкнулось на сопротивленіе богатыхъ крестьянъ, которые, напр., въ Выхвостовѣ ловили грабителей, отвозили на сборню и «предавали смертной казни».

Въ *Харьковской* губерніи хотя были отдѣльные случаи острыхъ крестьянскихъ безпорядковъ, но они не имѣли массоваго, «стихійнаго» характера. Наиболѣе сильное движеніе было въ Сумскомъ уѣздѣ, но оно имѣло мирный характеръ, благодаря весьма сплоченной организаціи отдѣленій крестьянскаго союза.

29 октября состоялся съѣздъ представителей крестьянъ Сумскаго уѣзда, Среди его постановленій можно отмѣтить слѣдующія: требованіе объ изданіи «въ теченіе ноября мѣсяца закона о созывѣ въ январѣ 1906 года учредительнаго собранія на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ», а также постановленіе о томъ, «что земля должна быть общественной и находиться въ рукахъ трудящагося населенія уравнительно, безъ права покупки, продажи и залога, словомъ раскрѣпощена. Всѣ земли, находящіяся на территоріи русскаго государства, выкупу не подлежатъ. Фабрики и заводы должны принадлежать той же общинѣ, въ районѣ которой они находятся... Присоединиться къ крестьянскому союзу, принимая въ мѣстный союзъ заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ»... Отдѣленіе союза уже прибѣгало къ забастовкѣ въ экономіяхъ графини Строгановой. Въ назначенный день всѣ работавшіе крестьяне и прислуга оставили занятія. «Впечатлѣніе получилось ошеломляющее: помѣщики поспѣшили уѣхать въ городъ» [3]).

Только въ Волчанскомъ уѣздѣ Харьковской губ. движеніе носило погром-

---

[1]) Ibid. стр. 357—8.

[2]) „Сѣв. Гол." 7, XII.

[3]) „Наша Жизнь" 8, XI, 1905, № 328.

ный характеръ: сразу горѣло нѣсколько экономій. Пожары сопровождались разгромами [1]).

Въ *Юго-западномъ* районѣ, гдѣ весной и лѣтомъ было особенно широкое забастовочное движеніе, осенью оно было слабѣе. Движеніемъ было охвачено только шесть уѣздовъ, между тѣмъ какъ весной забастовочное движеніе было въ 16 уѣздахъ. Осеннее забастовочное движеніе было вообще слабѣе и не охватывало сплошныхъ районовъ, какъ было весной. Забастовочное движеніе происходило одновременно съ развитіемъ митинговаго движенія, охватившаго всѣ слои населенія послѣ 17 октября. Такъ, въ концѣ ноября движеніе охватило цѣлый рядъ селъ, деревень и мѣстечекъ Новоградволынскаго у., тѣсно прилегающихъ другъ къ другу. Словно сговорившись, въ одинъ и тотъ же день, послѣ бесѣды мирового посредника о выборахъ въ Государственную Думу, крестьяне рѣшили предъявить экономіямъ и промышленнымъ заведеніямъ свои требованія. По замѣчаніямъ корреспондента, они дѣйствовали въ этомъ случаѣ совершенно самостоятельно, безъ всякаго воздѣйствія агитаціи со стороны. Въ то же время забастовали мельницы въ Новой Чарторіи, Педынкахъ, Острополѣ и Мирополѣ. Требованія рабочихъ были удовлетворены.

Въ экономіяхъ же вышли острыя столкновенія. Нѣкоторые помѣщики бѣжали. Движеніе охватило въ этомъ раіонѣ 44 селенія.

Въ Острожскомъ у. движеніе началось въ ноябрѣ и охватило пять волостей въ южной части уѣзда, выразившись въ прекращеніи работъ въ экономіяхъ и насильственномъ снятіи рабочихъ и прислуги.

Въ Кіевской губ. движеніе осенью и зимой проявлялось очень слабо. Въ Звенигородскомъ у. много разъ собирались на сходы и обсуждали вопросъ, присоединяться ли къ крестьянскому союзу, или нѣтъ. Характерно, что въ этотъ именно періодъ отмѣчено вліяніе здѣсь «постороннихъ лицъ», которое раньше во время движенія не проявлялось. Совершенно изолированно стоитъ случай разгрома винокуреннаго и сахарнаго завода въ Уманскомъ у. [2]).

Въ *Подольской* губ. также въ теченіе осени и зимы имѣются только отрывочныя свѣдѣнія о забастовкахъ то тамъ, то здѣсь, не имѣвшихъ массоваго характера и не захватывавшихъ сосѣднихъ селъ.

Наконецъ, въ *Волынской* губерніи въ ноябрѣ и декабрѣ отмѣчается порубочное движеніе, имѣвшее въ этомъ раіонѣ второстепенное значеніе.

5.

Совершенно въ другой формѣ проявилось осеннее движеніе въ Новороссіи. Здѣсь оно имѣло такой же характеръ, какъ въ Саратовской и Тамбовской губ. Такъ, изъ Днѣпровскаго у. *Таврич.* губ. пишутъ: [3]) «Трудно описать все то, чему мы были свидѣтелями, пробывши три дня на мѣстѣ аграрныхъ безпорядковъ. Точно ураганъ, пронеслось здѣсь это движеніе, уничтоживъ свыше двадцати экономій, хуторовъ и проч. Все происходило такъ же, какъ въ Саратов-

---

1) „Нов. Дня", 5, XII 1905 г.

2) А. Лосицкій. Цит. соч. стр. 244, 188, 189.

3) „Нар. Хоз." отъ 29 XII. 1905 г.

ской, Самарской и др. губерніяхъ: приходили огромныя толпы народа съ массою подводъ. Въ большинствѣ случаевъ къ помѣщикамъ являются депутаты отъ крестьянъ съ требованіемъ отдать землю въ аренду по установленной ими раньше цѣнѣ. Такъ, Фальцъ-Фейна заставили отдать землю по 4 руб., вмѣсто 15 руб., но нѣкоторыя экономіи пострадали весьма значительно: у Вассала разобрали 80 тыс. пудовъ пшеницы, угнали скотъ и овецъ. Замѣчательно, что крестьяне заявляютъ, что они дѣйствуютъ и будутъ впередъ дѣйствовать «по божески». Они великолѣпно знаютъ, какъ досталась каждому помѣщику земля. Фальцъ-Фейнъ купилъ ее за гроши,—они дали ему по 4 рубля за десятину: кн. Трубецкой получилъ землю даромъ,—ему дали только 2 руб. за десятину; у Безюкова монастыря отняли 15 тыс. десятинъ земли, говоря, что монахи должны молиться Богу, а не барышевать землей. Экономіи быстро опустѣли, и владѣльцы почти всѣ безъ исключенія бѣжали заграницу или въ Одессу и Симферополь».

Въ *Херсонской* губ. аграрное движеніе, начавшись въ Херсонскомъ у., перешло на восточную часть губерніи. Крестьяне громили огромными толпами, являясь на мѣсто съ массою подводъ для вывоза подѣленнаго имущества. Насилій и убійствъ не было, потому что не было сопротивленія. — растерявшіеся помѣщики и управляющіе бѣгутъ и открываютъ амбары по первому требованію крестьянъ...

Въ *Екатеринославской* губ., Верхнеднѣпровскомъ у., по словамъ помѣщика, корреспондента В. Э. О., «по выходѣ манифеста 17 октября пошли толки среди крестьянъ о землѣ, объ отобраніи ея отъ землевладѣльцевъ, независимо отъ сословности. 30 ноября началось одновременно во всѣхъ мѣстностяхъ, какъ бы по командѣ, аграрное движеніе, сопровождавшееся почти ежедневными сходами, митингами, приговорами, образованіемъ партій и союзовъ. Выразилось движеніе въ самовольномъ расхищеніи всего движимаго и уничтоженіемъ недвижимаго имущества землевладѣльцевъ, въ сниманіи зимнихъ рабочихъ въ экономіяхъ съ работъ» [1]). Въ Екатеринославскомъ у. движеніе имѣло такой же характеръ: «Незадолго до начала движенія образовался крестьянскій союзъ, устроены были особые комитеты и выборные рѣшали, какія мѣры долженъ принять народъ; причемъ на собраніи *было воспрещено грабить*. Съ октября 1905 г. село Покровское и Копиловка Покровской вол. Екатеринославскаго у., с. Кашенка, Знаменка и Ушкалка Таврич. губ. и с. Грушевка Херсонской губ. соединились всѣ вмѣстѣ и начали дѣлать страшнѣйшій безпорядокъ: рѣзали и угоняли на продажу скотъ, жгли постройки, уничтожали лѣсъ въ плавняхъ, строили бойкотъ, т. е. не нанимались служить и даже поотбирали рабочихъ, ходили каждый день въ экономію требовать земли и возврата штрафныхъ денегъ, т. е. денегъ, вычитаемыхъ за неработу въ ненастное время въ размѣрѣ 1 руб. въ день. Требовали вѣжливаго обращенія со стороны помѣщиковъ и управляющихъ» [2]).

Формы движенія—самыя разнообразныя: отказъ отъ податей и повинно-

---

[1]) В. Г. Громанъ. Аграрное движ. 1905—6 г.г. Новороссійскія губ. Тр. В. Э. О. № 4—5, стр. 443—4.

[2]) Тамъ-же стр. 444.

стей, непосредственная борьба съ агентами власти, захватъ власти выборнымъ народнымъ комитетомъ и т. д. Политическія формы борьбы встрѣчаются въ Екатеринославской губ. вблизи отъ заводовъ, рудниковъ, шахтъ и т. д. Въ этомъ же раіонѣ отмѣчается умѣряющее вліяніе толстовцевъ. Въ Александровскомъ у., хотя причиной движенія былъ аграрный вопросъ, но рѣшеніе его переносилось не на поля помѣщиковъ, а на сходы крестьянскихъ союзовъ. Захватнаго движенія почти не было, исключая отдѣльные случаи недоразумѣній, сопровождавшихся насиліемъ и вызываемыхъ мѣстными и личными обстоятельствами. Въ этомъ раіонѣ движеніе имѣло настолько сознательный характеръ, что всѣ сельскія общества уѣзда откликнулись на приглашеніе александровской земской управы прислать уполномоченныхъ и приговоры въ сельско-хозяйственный совѣтъ, созванный по постановленію земскаго собранія, для урегулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами. На этотъ совѣтъ явились уполномоченные отъ всѣхъ обществъ и привезли съ собою приговоры, составленные въ духѣ постановленій крестьянскаго союза. Это засѣданіе с.-х. совѣта было прервано нарядомъ полиціи, явившимся въ земскую управу и арестовавшимъ предсѣдателя и 7 участниковъ крестьянъ. Терроризированные и возмущенные делегаты разъѣхались по домамъ, а, вслѣдъ за ними, въ силу введеннаго военнаго положенія, по селамъ стали разъѣзжать экспедиціи, арестовывавшія народныхъ учителей и передовыхъ крестьянъ. Всѣ крупныя и мелкія власти, какъ бы въ отместку за временное бездѣйствіе, старались во всю, отыскивая «вредные» элементы и сажая ихъ въ Александровскую тюрьму.

6.

Въ промышленномъ нечерноземномъ раіонѣ движеніе носило гораздо болѣе характеръ политическаго движенія, выражавшагося въ отказѣ платить подати, въ бойкотѣ администраціи, и лишь мѣстами въ порубкахъ и поджогахъ. Въ Новинской волости Тверского у. еще въ послѣднихъ числахъ октября на волостномъ сходѣ было рѣшено отказаться отъ уплаты податей и исполненія всѣхъ повинностей, а также бойкотировать мѣстныя власти и организовать свои революціонные комитеты. Подъ руководствомъ тверского комитета р. с. д. р. п. организованъ былъ рядъ митинговъ по деревнямъ и производились выборы депутатовъ отъ сельскихъ обществъ для завѣдыванія волостными дѣлами и для объединенія крестьянъ. «Населеніе находится въ состояніи необычайнаго волненія и возбужденія, пишутъ въ «Русск. Вѣд.» [1]) изъ Тверского уѣзда, къ счастію насильственныхъ проявленій, характеризующихъ крестьянское движеніе въ другихъ мѣстностяхъ, какъ разгромъ усадебъ и проч., здѣсь нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ, *такъ какъ большинство населенія живетъ, главнымъ образомъ, не землей,* а работами на фабрикахъ, отхожими и кустарными заработками, и земля, а съ ней и аграрная реформа не имѣютъ въ глазахъ крестьянъ первенствующаго значенія... Проявляютъ большую дѣятельность и пользуются большимъ сочувствіемъ... соціалъ-демократы. Послѣдніе почти ежедневно устраиваютъ въ различныхъ мѣстностяхъ уѣзда митинги, на которыхъ произносятъ

[1]) „Русск. Вѣд. отъ 29, XI, 1905 г.

рѣчи... Въ Первинской волости... полное и открытое отрицаніе существованія властей. Власть земскаго начальника не существуетъ; на основаніи общественныхъ приговоровъ (тридцати обществъ) смѣщены власти волостныя и сельскія. Всѣми дѣлами управляютъ избранные населеніемъ депутаты, волостными дѣлами завѣдуетъ комитетъ. Изъ повинностей собираются только страховые платежи. Митинги сопровождаются шествіями съ флагами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ».

Такой же характеръ имѣло движеніе и въ другихъ губерніяхъ промышленнаго раіона. Такъ, «въ бюро крестьянскаго союза получены были свѣдѣнія о сильномъ крестьянскомъ движеніи, охватившемъ Юрьевскій и Переяславскій уѣзды Владимірской губ. Во всѣхъ волостяхъ названныхъ уѣздовъ организованы отдѣленія крестьянскихъ союзовъ съ волостными комитетами во главѣ. Часто устраиваются уѣздные съѣзды волостныхъ делегатовъ. Въ силу рѣшенія одного изъ такихъ съѣздовъ, крестьянскія общества предъявили требованія о передачѣ въ ихъ распоряженіе продовольственныхъ капиталовъ. Въ большинствѣ случаевъ требованія исполнены земскими начальниками. Движеніе носитъ совершенно мирный характеръ. На съѣздахъ и митингахъ выставляются требованія о землѣ и власти для народа. *Фактически уѣздное и сельское начальство упразднены*, никто ихъ власти и распоряженій не признаетъ» [1]). Отказы въ уплатѣ податей имѣли мѣсто и въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ярославской губ. Въ Московской губерніи имѣло мѣсто, главнымъ образомъ, митинговое и приговорное движеніе. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ черносотенцами было поднято погромное движеніе противъ интеллигенціи, но оно успѣха не имѣло.

Въ Пріозерномъ раіонѣ, какъ мы уже указывали, распространилось митинговое движеніе, хотя, мѣстами, происходили одновременно обширныя лѣсныя порубки и разгромы. Такъ въ *Новгородской* губ., «аграрное движеніе распространяется съ поразительной быстротой. Оно уже охватило уѣзды Кирилловскій, Бѣлозерскій, Череповецкій и Крестецкій, гдѣ крестьяне производятъ сплошныя вырубки помѣщичьихъ и казенныхъ лѣсовъ... Движеніе проявляется преимущественно въ видѣ захвата лѣсовъ, потому что губернія не земледѣльческая, а лѣсная, и теперь какъ разъ время производства лѣсныхъ заготовокъ» [2]).

Въ Новоржевскомъ у. *Псковской* губ. сожжено нѣсколько имѣній [3]).

Начало митингамъ положилъ гр. Гейденъ. «Народъ сталъ по немногу раскачиваться, сознавать свои интересы, силу. Начинала чувствоваться потребность перейти отъ словъ къ дѣлу. Вотъ для перваго начала и рѣшили «бастовать лѣсъ».

7.

Въ Сѣверо-западномъ раіонѣ также движеніе принимало различныя формы но, въ общемъ, имѣло сходный характеръ съ движеніемъ въ промышленномъ и пріозерномъ раіонахъ.

Въ Ноябрѣ въ Вильнѣ собрался первый съѣздъ делегатовъ литовскаго на-

[1]) „Нов. Дня“ 4, XII 1905 г.
[2]) „Нов. Дня“ I, XII, 1905 г.
[3]) „Право“ № 51, 1905 г.

рода. Собралось болѣе 2.000 человѣкъ, представившихъ болѣе 1.000 письменныхъ полномочій. Главную массу делегатовъ составляли крестьяне и фабричные рабочіе, затѣмъ довольно много было духовенства и интеллигенціи. Исполняя постановленіе виленскаго съѣзда, населеніе смѣнило волостныхъ писарей, старшинъ, учителей народныхъ училищъ, прогнало жандармовъ, земскихъ начальниковъ и ввело выборные суды и волостные исполнительные комитеты. Но вскорѣ въ деревняхъ появились карательные отряды, которые арестовали и истязали вновь выбранныхъ должностныхъ лицъ, обстрѣливали деревни ружейнымъ, а иногда и орудійнымъ огнемъ, сѣкли нагайками и проч.

Движеніе, какъ сказано, въ различныхъ пунктахъ имѣло различныя формы. «Крестьяне нѣкоторыхъ волостей Ново-Александровскаго, Поневѣжскаго, Вилькомірскаго и Шавельскаго уѣздовъ *Ковенской* губ. отказываютъ въ повиновеніи земскимъ начальникамъ и чинамъ полиціи, прогоняютъ русскихъ учителей и волостныхъ писарей, требуя замѣнить ихъ литовцами, и не даютъ подводъ для передвиженія войскъ» [1]). Въ Поневѣжскомъ у., къ концу декабря преимущественно безземельными крестьянами изъ 20 волостныхъ правленій было закрыто 12 [2]). Въ *Минской* губ. «въ окрестностяхъ Минска и въ Игуменскомъ у. развилось сильное аграрное движеніе: крестьяне рубятъ помѣщичьи лѣса и грабятъ сѣно» [3]). Въ гминѣ Вильно волостной сходъ уничтожилъ русскіе гербы надъ управленіемъ [4]). Въ Новогрудкѣ были попытки рубить лѣсъ, остановленныя казаками и т. д. и т. д.

Въ *Витебскую* губ., въ Рѣжицкій у., движеніе перекинулось изъ Прибалтійскаго края. Безпорядки приняли серьезный характеръ. Организованные и хорошо вооруженные повстанцы обходятъ имѣнія, конфискуя оружіе и деньги [5]).

Въ *Гродненской* губ. «крестьяне рубятъ лѣсъ во многихъ имѣніяхъ, вызванные драгуны разгоняютъ толпы крестьянъ. Арестовано много зачинщиковъ».

Въ *Смоленской* губ., по сообщенію «Новаго Времени», крестьянское движеніе вспыхнуло было въ Смоленскомъ, Краснинскомъ, Рославльскомъ и Гжатскомъ уѣздахъ... Кое-гдѣ начались было рубки лѣсовъ,... но, ко всеобщему удивленію, начавшееся, было, аграрное движеніе крестьянъ почти прекратилось. Что же повліяло на умиротвореніе крестьянъ?.. Войска съ казаками?.. *Крестьянъ успокоили, какъ это ни странно, агитаторы стачекъ, забастовокъ и бойкота;* они теперь стали убѣждать крестьянъ, что этимъ путемъ добьются всего, чего пожелаютъ, что путь насилія, которымъ, было, пошли многіе изъ крестьянъ, путь самый крайній и онъ прежде всего непроченъ, что разгромы и поджоги имѣній, какъ будущаго достоянія крестьянъ, созданнаго ихъ же трудами, разворительны для самихъ же крестьянъ» [6]). Характерно въ этомъ сообщеніи признаніе даже со стороны «Нов. Времени» за агитаторами такой роли...

---

[1]) „Право“ № 48—9, 1905 г., отъ 5 дек.
[2]) Тамъ же, № 52.
[3]) „Нов. Вр.“ 6, XII, 1905 г.
[4]) „Право“ № 45—6.
[5]) „Нар. Хоз.“ 17, XII, 1905 г.
[6]) „Нов. Время“ 4, XII, 1905 г.

8.

Въ *Прибалтійскомъ* краѣ, революціонное движеніе, начавшись съ весны, вплоть до осени не прекращалось. 6 августа въ Курляндской губерніи было введено военное положеніе. Послѣ октябрьскихъ событій въ Ригѣ и другихъ городахъ края начались митинги и вооруженныя демонстраціи по всему краю. Всѣ, самые глухіе уголки, самыя отдаленныя деревни примкнули къ октябрьско-ноябрьскому движенію.

Въ ожиданіи «свободъ» населеніе сначала воздерживалось отъ выбора новыхъ должностныхъ лицъ, прекратило «партизанскія» дѣйствія и церковныя демонстраціи.

Сначала, какъ мы замѣтили, движеніе было митинговымъ и петиціоннымъ. Повсемѣстно происходятъ огромные митинги съ тысячами участниковъ. Митинги произошли болѣе, чѣмъ въ 200 мѣстахъ. Повсюду принимались резолюціи о скорѣйшей реализаціи обѣщанныхъ свободъ и, одновременно, о прекращеніи партизанскихъ дѣйствій и церковныхъ демонстрацій. Народъ ожидалъ осуществленія свободъ сверху. Посылались изъ латышскихъ деревень многочисленныя телеграммы г. Витте съ требованіемъ амнистіи, отмѣны военнаго положенія и т. д. Одновременно прекратился взносъ платежей и отбываніе повинностей до урегулированія вопроса законодательнымъ путемъ.

Но вмѣсто «свободъ» явились въ латышскія деревни отряды казаковъ и драгунъ. Поведеніе бароновъ дѣлалось все болѣе и болѣе вызывающимъ. Войска стали разгонять митинги выстрѣлами, избивать собравшихся, а иногда и безъ предупрежденія въ нихъ стрѣлять.

Между тѣмъ, въ Ригѣ была перехвачена телеграмма рижскаго губернатора Звягинцева, ходатайствовавшаго о введеніи въ Лифляндіи военнаго положенія въ виду растущаго возбужденія. Слухъ объ этой телеграммѣ быстро дошелъ до деревни и вызвалъ страшное возбужденіе умовъ. Раздраженіе росло на митингахъ, стали открыто поговаривать о вооруженномъ возстаніи.

10 ноября собирается въ Ригѣ конгрессъ латышскихъ народныхъ учителей, на который съѣхались учителя изъ всѣхъ уголковъ края,—свыше 1.000 человѣкъ. Съ конгресса учителя разъѣхались по всему краю, чтобы проводить въ жизнь новую постановку народнаго образованія.

Между тѣмъ, попытки арестовъ драгунами и полиціей революціонеровъ приводили все къ болѣе и болѣе обостреннымъ столкновеніямъ съ войсками. На демонстраціи и митинги всѣ крестьяне стали приходить вооруженными. Начались партизанскія дѣйствія, попытки, иногда удачныя, отбить у драгунъ и казаковъ арестованныхъ революціонеровъ и т. д. [1]).

19 ноября въ Ригѣ состоялся съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ. На съѣздѣ было единогласно постановлено немедленно же приступить на мѣстахъ къ выборамъ новыхъ органовъ крестьянскаго самоуправленія; немедленно же созвать во всѣхъ волостяхъ всѣхъ членовъ волости (обоего пола) для выбора распорядительныхъ комитетовъ и переизбранія волостныхъ судовъ.

---

[1]) К. Ландеръ. Цит. соч. стр. 62—5.

Были выработаны инструкціи распорядительнымъ комитетамъ. Имъ запрещено было поддерживать какія либо связи съ правительственными органами. Комитеты должны были: 1) уволить и выселить всѣхъ пасторовъ; 2) принять отъ старыхъ волостныхъ правленій всѣ общественныя суммы и имущество; 3) ввести прогрессивный подоходный налогъ; 4) содержать волостного учителя, писаря и членовъ комитета; 5) заботиться о нищихъ; 6) наблюдать за преподаваніемъ въ школахъ и т. д., а также слѣдить, чтобы помѣщики не вырубали лѣсовъ; закрыть всѣ корчмы и винныя лавки; заботиться о положеніи батраковъ; наблюдать за исправнымъ веденіемъ хозяйства скрывшихся помѣщиковъ, а также за хозяйствами конфискованныхъ за нарушеніе права стачекъ, за дурное обращеніе съ батраками и проч. помѣщичьихъ имѣній. Такія имѣнія отдавались батракамъ на правахъ аренды. Отмѣнить всѣ дворянскія привилегіи, организовать самооборону противъ черной сотни и т. д.

Населеніе немедленно же стало проводить въ жизнь постановленія крестьянскаго съѣзда. Въ болѣе, чѣмъ 200 волостяхъ были смѣщены старыя власти и выбраны распорядительные комитеты, уволены и выселены пасторы, урядники, уѣздные начальники. Были, мѣстами, конфискованы помѣщичьи имѣнія, образованы отряды милиціи и введена новая программа въ школахъ.

Новый порядокъ мѣстами продержался около 2 мѣсяцевъ, мѣстами же только около 1 мѣсяца [1]).

Всѣ мѣстныя организаніи были организаціонно связаны съ центромъ, находившимся въ Ригѣ.

«Почти повсемѣстно крестьянскимъ населеніемъ рѣшено было отказаться къ веснѣ отъ дорожной повинности, *если помѣщики не примутъ участія въ ремонтѣ дорогъ*, и отказались платить взносы въ земскую кассу до тѣхъ поръ, пока крестьянскіе представители не будутъ допущены въ органы мѣстнаго самоуправленія. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ 3-го ноября состоялись постановленія о прекращеніи арендной платы и взносовъ въ дворянскія кредитныя общества... Сообщеніями о народныхъ митингахъ переполнены всѣ газеты... На всѣхъ митингахъ были формулированы и приняты резолюціи спеціально по корчемному и по церковному дѣлу, а также и по вопросамъ о самоуправленіи. Волостные суды и правленія перестали дѣйствовать и ими никто больше не интересуется. Мызные платежи и волостные сборы повсюду прекратились. Въ волостяхъ организовались большія вооруженныя толпы крестьянъ. Во многихъ уѣздахъ волостные старшины и писаря рѣшили отказаться отъ должностей» [2]).

Благодаря почтово-телеграфной забастовкѣ чрезвычайныя полномочія генералъ-губернатора лишились значенія и являлись формальностью.

Почти такое же положеніе оказалось въ латышскихъ уѣздахъ Лифляндской губ. На либавскомъ съѣздѣ волостныхъ старшинъ и писарей постановлено было упразднить старыя волостныя правленія и организовать на новыхъ началахъ самоуправленіе, реорганизовавшее налоги. Въ Фридрихштадтскомъ уѣздѣ, вмѣсто смѣщенныхъ учителей, были назначены новые, рекомендованные с.-демо-

---

[1]) Тамъ же. Стр. 65—6.

[2]) „Русскій Листокъ“ отъ 27 декабря 1905 г.

кратической партіей. Помѣщики, растерявшись, стали выѣзжать въ Германію, продавать имѣнія, а лѣса продавать на срубъ.

Въ то же время въ «Нов. Время» телеграфируютъ [1]), что «пока» движеніе не коснулось только Перновскаго уѣзда. Мызная администрація повсюду бѣжала; покинутыми имѣніями владѣютъ батраки; они ведутъ хозяйства, ходятъ за скотомъ и распоряжаются доходами. Почти повсемѣстно введено новое самоуправленіе, завѣдывавшее сборами общественныхъ налоговъ.

Между тѣмъ начинаются столкновенія съ посланными войсками.

Такъ, 28-го ноября у имѣнія Ленневарденъ произошло столкновеніе между драгунскимъ отрядомъ, сопровождавшимъ значительный караванъ покинувшихъ свои имѣнія бароновъ, и повстанцами. Послѣ продолжительной перестрѣлки, въ теченіе которой съ обѣихъ сторонъ оказались убитые и раненые, помѣщики, уступая численному превосходству, вынуждены были отступить. Они заперлись въ близьлежащемъ замкѣ, но видя, что толпа осаждающихъ усилилась, выкинули надъ замкомъ бѣлый флагъ. Взятые въ плѣнъ они были разоружены и арестованы, причемъ имъ была обѣщана свобода, если лифляндскимъ дворянствомъ будутъ исполнены требованія латышей. 2-го декабря конвентъ лифляндскаго дворянства получилъ отъ плѣнныхъ бароновъ петицію, въ которой они просятъ конвентъ: 1) содѣйствовать отмѣнѣ военнаго положенія въ Лифляндской и Курляндской губ. и удаленію изъ провинціи войскъ; 2) отказаться отъ всѣхъ дворянскихъ привилегій и преимуществъ въ краѣ; 3) распредѣлить справедливо повинности.

Впослѣдствіи выпущенные изъ плѣна жестоко отомстили крестьянамъ за свой вынужденный либерализмъ.

Въ Курляндскихъ городахъ и мѣстечкахъ власти были низложены, или принуждены были бездѣйствовать. Въ г. Гольдингенѣ, напримѣръ, была введена с.-демократическая полиція, съ красными повязками на рукавахъ, и новое городское самоуправленіе. Въ первый же день революціонный комитетъ посадилъ подъ арестъ 17 воровъ.

Постоянныя столкновенія съ войсками привели къ настоящей партизанской войнѣ. «На протяженіи ста верстъ отъ Нитаурена до Зегевольда запылали помѣщичьи замки и усадьбы. 35 замковъ было сожжено до тла и разрушено. Народъ повсюду вооружался. Небольшіе казачьи и драгунскіе отряды поспѣшно отступали, избѣгая стычекъ съ превосходящими ихъ силами революціонерами. Въ Ригѣ тѣмъ временемъ снаряжались сильные отряды войскъ...

О характерѣ и размѣрахъ движенія можно судить, напримѣръ, по слѣдующему случаю въ г. Газенпотѣ (уѣздный городъ Курляндской губ.). 17-го ноября полиціймейстеръ города извѣстилъ трехъ изъ проживающихъ въ городѣ учителей и одного ветеринара, что они, по приказанію генералъ-губернатора, высылаются изъ края, что кромѣ того къ высылкѣ предназначено еще 40 человѣкъ. Мѣстная с.-д. организація въ особыхъ листкахъ пригласила окрестное населеніе протестовать противъ административнаго произвола. На это приглашеніе откликнулось все окрестное населеніе на разстояніи до 10 миль. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться толпы вооруженныхъ крестьянъ. Изъ дальнихъ мѣстъ пріѣзжали на

[1]) „Нов. Вр." отъ 5 дек. 1905 г.

подводахъ. Всю ночь по дорогамъ, ведущимъ къ городу, тянулись вереницы подводъ съ вооруженными людьми и пѣшеходовъ, вооруженныхъ чѣмъ попало,— вилами, топорами, дубинами, охотничьими ружьями, пистолетами и т. п. На другое утро городъ оказался занятымъ 30.000 вооруженнымъ отрядомъ крестьянъ. Это событіе, извѣстное подъ именемъ «газенпотской мобилизаціи», произвело сильное впечатлѣніе на весь край. Собравшіеся провозгласили въ городѣ военное положеніе и захватили всю власть въ свои руки. Полиціймейстеру были предъявлены слѣдующія требованія: 1) отмѣна распоряженія о высылкѣ намѣченныхъ администраціей лицъ; 2) освобожденіе всѣхъ политическихъ; 3) прекращеніе арестовъ на политической почвѣ; 4) отозваніе изъ города войскъ и удаленіе полиціи, чтобы возможно было устраивать митинги и собранія. По исполненіи этихъ требованій народное ополченіе будетъ распущено [1]).

24-го ноября рижскимъ почтово-телеграфнымъ союзомъ была перехвачена телеграмма о введеніи въ Лифляндіи военнаго положенія, а 25-го въ Ригѣ началась всеобщая забастовка, о которой русскія газеты сообщили: «въ отвѣтъ на новую репрессивную мѣру правительства... командующій краемъ, — городъ Рига — провозгласилъ вооруженное возстаніе». Хотя вооруженнаго возстанія не было объявлено, но въ различныхъ мѣстахъ края начались вооруженныя столкновенія съ казачьими отрядами, сжигались замки и проч.

Часто насилія солдатъ, съ одной стороны, и возбужденіе и раздраженіе населенія, съ другой, приводили къ внезапнымъ схваткамъ, въ которыхъ побѣда иногда была на сторонѣ болѣе многочисленныхъ милиціонеровъ. Такъ въ Туккумѣ, извѣстное «Туккумское дѣло» было вызвано нападеніями драгунъ на дежурившіе въ городѣ патрули революціонеровъ. Это вызвало такое раздраженіе, что изъ окрестныхъ деревень явились толпы вооруженныхъ крестьянъ и милиціонеры осадили запершихся въ гостинницѣ драгунъ. Часть драгунъ была убита во время боя, остальные взяты въ плѣнъ и городъ всецѣло попалъ въ руки революціонеровъ. Въ концѣ концовъ, дѣло закончилось взятіемъ города войсками,—причемъ убито было свыше 200 человѣкъ крестьянъ,—и судебнымъ процессомъ, закончившимся разстрѣломъ 17 человѣкъ.

5-го декабря было учреждено Прибалтійское генералъ-губернаторство, а 14-го декабря на мѣсто г. Соллогуба прибылъ новый генералъ-губернаторъ и усмиритель, генералъ Орловъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ жестокими расправами съ повстанцами. До 300 озлобленныхъ крестьянскимъ движеніемъ бароновъ участвовало въ карательныхъ экспедиціяхъ въ качествѣ руководителей и вдохновителей. По всему краю были разосланы крупные карательные отряды, съ которыми иногда, конечно безуспѣшно, пытались бороться революціонеры. Такъ у Салисбурга 2000 милиціонеровъ сражались съ полуторатысячнымъ отрядомъ солдатъ, но были разбиты и бѣжали. Жертвы усмиренія насчитывались сотнями, а въ 1906 году уже тысячами. Общее количество убитыхъ и казненныхъ достигаетъ 10.000 человѣкъ...

Въ *Эстляндіи* аграрное движеніе такъ же, какъ и въ другихъ губерніяхъ Прибалтійскаго края, начавшись съ весны 1905 года, наиболѣе сильно развилось послѣ манифеста 17 октября. Такъ же, какъ въ Лифляндіи и Курляндіи, нача-

[1]) К. Ландеръ. Цит. соч., стр. 69.

лись митинги, забастовки, смѣщеніе старыхъ властей и выборы распорядительныхъ комитетовъ на основѣ четырехчленной формулы. Но движеніе здѣсь имѣло менѣе организованный характеръ.

Начавшись весной въ мирныхъ формахъ, въ видѣ требованія въ петиціяхъ пониженія арендной платы, надѣленія землей и проч., осенью движеніе приняло бурный характеръ. Волостныя власти смѣнялись, всѣ документы и дѣловыя бумаги старыхъ властей сжигались, корчмы и казенныя винныя лавки сжигались и разрушались, имѣнія, вызывавшія драгунъ, уничтожались.

Всего было сожжено въ Эстляндіи 113 имѣній, пасторатовъ и винныхъ лавокъ.

Въ концѣ ноября, въ Юрьевѣ собрался конгрессъ представителей эстонскаго народа, на которомъ, между прочимъ, были приняты слѣдующія постановленія: для уничтоженія правительственнаго произвола городское и сельское населеніе призывается къ борьбѣ слѣдующими средствами:

1) введеніе революціоннаго самоуправленія въ городахъ и деревняхъ съ центральнымъ областнымъ съѣздомъ;

2) бойкотъ правительственныхъ учрежденій;

3) закрытіе всѣхъ корчмъ, пивоваренъ и казенныхъ винныхъ лавокъ;

4) бойкотъ военной службы, отказъ въ постоѣ и фуражѣ солдатамъ, сопротивленіе передвиженіямъ войскъ и т. д.;

5) взятіе денегъ изъ банковъ и сберегательныхъ кассъ, обмѣнъ бумажныхъ денегъ на золото;

6) отказъ отъ уплаты налоговъ и несенія повинностей въ пользу церкви и помѣщиковъ;

7) передача школъ въ вѣдѣніе органовъ самоуправленія;

8) призывъ къ оружію всего населенія;

9) поддержка всеобщей стачки, если она будетъ объявлена и т. д.;

10) уничтоженіе дворянскихъ привилегій и уравненіе въ правахъ всѣхъ сословій; уничтоженіе ограниченій сословныхъ правъ и повинностей крестьянъ;

11) конфискація и раздѣлъ помѣщичьихъ земель и передача арендуемыхъ земель арендаторамъ по цѣнѣ, установленной коммиссіями;

12) немедленное введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога;

13) свобода стачекъ, собраній и проч.;

14) отмѣна военнаго положенія, смертной казни, освобожденіе политическихъ заключенныхъ, возвращеніе манчжурской арміи и т. д.

Одновременно со съѣздомъ началось въ деревняхъ сильнѣйшее волненіе, организовались отряды милиціи, нападенія ихъ на имѣнія помѣщиковъ, разгромы и поджоги усадебъ и проч. Въ одномъ Горрійскомъ округѣ въ началѣ декабря было сожжено 20 замковъ и 25 винокуренныхъ заводовъ, въ Викскомъ округѣ было разрушено 10 замковъ и винокуренъ, а къ концу декабря всего было разрушенныхъ замковъ и имѣній свыше 100. На островахъ Эзель, Даго и др. также было введено революціонное самоуправленіе, закрыты казенныя винныя лавки и проч.

Вскорѣ край былъ наводненъ карательными отрядами войскъ, во главѣ которыхъ стояли бароны и пасторы. До ста бароновъ участвовало въ каратель-

ныхъ экспедиціяхъ. Началось «усмиреніе»... Для его характеристики приведемъ только одну выдержку изъ консервативной нѣмецкой газеты.. «Въ Арггофѣ арестованы всѣ батраки и батрачки... Бѣдный (!) священникъ едва успѣваетъ причащать жертвы карательныхъ экспедицій»... [1]).

9.

Въ Полыпѣ, какъ мы замѣтили, крестьянское движеніе было слабѣе, чѣмъ въ другихъ раіонахъ. Начавшись весной, оно къ осени совсѣмъ утихло.

Послѣ 17-го октября, подъ вліяніемъ всеобщей политической забастовки, движеніе возобновилось. Болѣе крупные размѣры оно приняло въ губерніяхъ Радомской, Люблинской, Сувалкской и Петроковской. Крестьяне этихъ губерній громили винныя лавки, гминныя управленія, школы.

Въ Конскомъ у. Радомской губерніи начались массовыя порубки лѣсовъ, а въ Илжецкомъ у. появились боевыя дружины. Крестьяне, разгромляя гминныя управленія, сжигали дѣла и книги, иногда конфисковали кассы. Мѣстами начали выбирать новыхъ гминныхъ войтовъ и т. д.

Довольно распространеннымъ было приговорное движеніе, причемъ гминные сходы принимали демократическія резолюціи. Напримѣръ, гминный сходъ гмины Ренчко, Петроковскаго уѣзда принялъ такую резолюцію: ввиду особыхъ условій быта Царства Польскаго, являющагося составной частью Россійскаго государства, отъ котораго край этотъ не желаетъ отдѣляться, мы требуемъ самоуправленія для Царства Польскаго съ сеймомъ въ Варшавѣ, выбранномъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого голосованія [2]). Или, въ посадѣ Лятовичи 1500 крестьянъ приняли резолюцію, въ которой требуютъ: 1) снятія военнаго положенія и усиленной охраны, 2) освобожденія политическихъ заключенныхъ, 3) неприкосновенности личности, жилища, свободы слова, печати, союзовъ и собраній, 4) организаціи милиціи, 5) учредительнаго собранія и т. д. Кромѣ того рѣшено:

1) не платить налоговъ, 2) въ гминномъ управленіи, въ судахъ и школѣ употреблять польскій языкъ и т. д.

Почти аналогичныя рѣшенія принимались и на другихъ митингахъ.

Хотя среди польскаго крестьянства, также какъ и въ Россіи, организовался «крестьянскій союзъ», но онъ не имѣлъ такого значенія, какъ въ Россіи.

Союзъ ставилъ своей задачей «защиту политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ интересовъ земледѣльческаго населенія Царства Польскаго... Признавая, что дѣйствительная защита этихъ интересовъ можетъ быть достигнута только путемъ широкой соціальной самодѣятельности земледѣльческихъ классовъ, крестьянскій союзъ стремится къ объединенію всѣхъ сознательныхъ элементовъ польскаго крестьянства въ самостоятельную политическую партію».

Главнымъ ближайшимъ политическимъ требованіемъ союза является требованіе польской автономіи, «основанной на собственномъ основномъ законѣ, который долженъ быть выработанъ сеймомъ, избраннымъ путемъ всеобщей, равной,

---

[1]) Тамъ же стр. 86—7.

[2]) К. Залевскій. Цит. соч. стр. 119—20.

прямой и тайной подачи голосовъ, безъ различія вѣры, пола и національности, а утвержденъ всероссійскимъ собраніемъ народныхъ представителей» [1]).

Въ экономической части программы ставится на первомъ планѣ организація просвѣтительныхъ, хозяйственныхъ и проч. обществъ, союзовъ с.-хозяйственныхъ рабочихъ, крестьянскихъ обществъ для покупки орудій, сѣмянъ и проч., установленіе минимальной заработной платы, прогрессивнаго обложенія земель, націонализація лѣсовъ, казенныхъ и монастырскихъ земель, рудниковъ и путей сообщенія.

Вслѣдствіе рѣзкой дифференціаціи крестьянскаго населенія, союзъ, несмотря на свою демократическую программу, не могъ привлечь ни широкой крестьянской массы, ни батраковъ.

Революціонныя соціалистическія партіи не успѣли достаточно укрѣпить своего вліянія въ деревнѣ, а принятый ими бойкотъ выборовъ въ первую Государственную Думу совсѣмъ оторвалъ деревенскую массу отъ этихъ партій и толкнулъ ее въ руки націоналъ-демократовъ...

Въ Гуріи, какъ мы видѣли, еще до октябрьской забастовки было фактически введено революціонное самоуправленіе. Октябрьская забастовка отрѣзала Гурію отъ всего остального міра, такъ какъ желѣзнодорожное и телеграфное сообщеніе было прервано.

Гурійцы начали разоружать мѣстную полицію и удалять изъ Грузіи.

На отправленный въ Грузію отрядъ пластуновъ было даже сдѣлано нападеніе, послѣ чего и остальные пластуны, стоявшіе въ Озургетахъ, были отозваны.

Правительство въ это время чувствовало себя настолько слабымъ, что для успокоенія населенія назначило губернаторомъ въ Кутаисскую губернію либеральнаго агронома Старосельскаго. Новый губернаторъ, чтобы проникнуть въ Гурію и удержать населеніе отъ активныхъ выступленій, долженъ былъ обратиться къ с.-демократическому комитету и къ охранѣ дружинниковъ.

Въ концѣ ноября было рѣшено провести начала самоуправленія и въ мѣстномъ административномъ центрѣ, городѣ Озургетахъ. Небольшой гарнизонъ, оставленный тамъ властями послѣ отозванія пластуновъ, не имѣлъ для гурійцевъ никакого значенія, такъ же какъ и мѣстная полиція... Въ городъ прибыла изъ окружающихъ селеній масса крестьянъ и рабочихъ, устроившихъ на Майданѣ, въ центрѣ города, огромное собраніе, на которомъ было рѣшено смѣстить служащихъ городского управленія и избрать новыхъ лицъ. Правомъ голосованія пользовались всѣ присутствовавшіе взрослые граждане, безъ различія пола, религіи и національностей. Выбраннымъ лицамъ даны были надлежащія указанія или инструкціи по разнымъ отраслямъ городского хозяйства и собраніе съ пѣніемъ пѣсенъ мирно разошлось. Этимъ было закончено демократическое устройство мѣстнаго самоуправленія Гуріи [2]).

Въ другихъ раіонахъ Закавказья, въ Карталиніи и Кахетіи, происходило такое же движеніе крестьянъ, но въ менѣе организованныхъ формахъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 122.

[2]) „Аграрный вопросъ“ т. II стр. 439—40.

*

Съ начала 1906 года на Грузію надвигается реакція. Въ январѣ Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ ген. Алихановъ, и въ Западную Грузію были отправлены войска. Хотя часть желѣзнодорожнаго пути была разрушена, хотя дружины дѣлали попытки сопротивленія, но войска заняли всю Гурію, а повстанцы должны были бѣжать въ горы. Начались обычныя дѣйствія карательныхъ отрядовъ, насилія, поджоги, разстрѣлы, контрибуціи съ крестьянъ и пр. и пр.

Движеніе гурійцевъ захватило даже жителей «свободной», не знавшей никогда крѣпостного права, Верхней Сванетіи. Нѣсколько сотъ вооруженныхъ горцевъ въ революціонные дни спустились съ горъ, чтобы «воевать [1]) за республику». Такъ какъ вооруженнаго возстанія въ тотъ моментъ еще не было, то помощь прибывшаго отряда оказалась ненужной. Съ трудомъ удалось убѣдить ихъ вернуться назадъ въ горы, такъ какъ сванеты считали позорнымъ вернуться ни съ чѣмъ, «не омочивши кинжаловъ въ крови». Впослѣдствіи, во время движенія карательныхъ экспедицій, верхняя Сванетія явилась неприступнымъ убѣжищемъ для бѣжавшихъ съ низинъ революціонеровъ...

10.

«Въ итогѣ» осенняго крестьянскаго движенія въ Россіи оказались сожженными, разграбленными и, вообще, уничтоженными свыше 2.000 усадебъ, причемъ убытки только по 19 затронутымъ движеніемъ губерніямъ опредѣляются, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 29 милліоновъ рублей.

По размѣрамъ убытковъ эти губерніи (за исключеніемъ прибалтійскихъ, польскихъ и закавказскихъ губ.) слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ.

1) Саратовская	губ.	9.550.320 руб.
2) Самарская	»	3.915.012 »
3) Курская	»	3.052.148 »
4) Черниговская	»	3.000.500 »
5) Тамбовская	»	2.475.608 »
6) Херсонская	»	1.778.900 »
7) Воронежская	»	1.018.314 »
8) Екатериносл.	»	775.000 »
9) Орловская	»	744.663 »
10) Полтавская	»	529.000 »
11) Пензенская	»	542.150 »
12) Симбирская	»	420.550 »
13) Могилевская	»	411.000 »
14) Витебская	»	283.000 »
15) Тульская	»	99.470 »
16) Нижегородск.	»	99.425 »
17) Казанская	»	75.000 »
18) Смоленская	»	35.150 »

Количество разрушенныхъ помѣщичьихъ усадебъ, Б. Веселовскій, на основаніи имѣющихся минимальныхъ данныхъ, насчитываетъ:

---

[1]) „Крестьянскій вопросъ“, стр. 86—7.

Въ Саратовской губ.	272
» Тамбовской »	130
» Орловской »	84
» Пензенской »	30
» Курской »	127
» Верхнеднѣпр. у.	66
» Борисовскомъ »	50
» Волчанскомъ »	33
» Днѣпровскомъ »	30
» Черниговск. »	25
» Курмышскомъ »	20
» Прибалтійск. краѣ	260

Вслѣдствіе разнообразія условій въ различныхъ мѣстностяхъ, различнаго уровня сознательности крестьянъ въ одномъ и томъ же раіонѣ, вслѣдствіе вліянія различныхъ политическихъ партій и, наконецъ, вслѣдствіе различнаго отношенія правительственной власти къ крестьянскому движенію, оно имѣло самыя разнообразныя формы даже въ одной и той же мѣстности. Иногда оно вспыхивало сразу въ видѣ разгромнаго движенія, какъ было въ центральной Россіи, въ большинствѣ же случаевъ осеннее движеніе начиналось въ видѣ мирнаго митинговаго и петиціоннаго движенія и потомъ, вслѣдствіе репрессій, озлобленное населеніе переходило къ разгромамъ, а мѣстами и къ вооруженному возстанію. Вообще, въ этотъ періодъ крестьянское движеніе больше имѣло въ себѣ элементовъ политическаго движенія, связаннаго съ экономическими требованіями, хотя и сопровождалось одновременно, особенно въ сѣверномъ раіонѣ, порубками, вызванными просто нуждой и надеждой, что теперь это можно дѣлать безнаказанно.

Какъ мы упоминали, мѣстами, разгромы имѣній были вызваны черносотенной агитаціей и призывомъ къ разгрому евреевъ, мѣстами попыткой администраціи скрыть появленіе манифеста 17 октября и т. д.

Крестьянскимъ движеніемъ конца 1905 года было охвачено болѣе 160 уѣздовъ Европейской Россіи, не считая Кавказа и Польши. Оно закончилось страшными репрессіями со стороны властей. Приэтомъ, пока движеніе было наиболѣе интенсивнымъ, всякаго рода власти или скрывались, или не рѣшались остановить движенія. Только появленіе войскъ, обыкновенно, сразу вызывало административную энергію, которая проявлялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше пассивности администрація обнаруживала во время волненій, проявлялась тогда, когда, какъ часто бывало, крестьяне уже мирно сидѣли въ своихъ избахъ.

Въ каждой области, въ каждомъ раіонѣ были свои «герои», которые отличались особенной жестокостью. Въ Тамбовской губ. особенной жестокостью отличался совѣтникъ губернскаго правленія Луженовскій, въ Саратовской губ. ген.-ад. Сахаровъ,—оба впослѣдствіи убитые. Эти усмирители, обладавшіе почти неограниченной властью, въ свою очередь, передавали свою власть низшимъ чинамъ, которые использовали ее, какъ только хотѣли.

Въ Черниговской и части Могилевской губ. карателями было разрушено 30 строеній. Въ Смоленской губ. въ с. Коровникахъ пьяные стражники застрѣ-

лили нѣсколько крестьянъ, вышедшихъ для переговоровъ, а потомъ назначенъ былъ судъ надъ оставшимися въ живыхъ крестьянами, предварительно пересѣченными и т. д. и т. д. Казаки убивали, «походя», мужчинъ, насиловали женщинъ, грабили, захватывая все, что можно было унести. Такое отношеніе низшихъ чиновъ къ населенію будетъ понятно, если принять во вниманіе, что отъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Дурново былъ, напр., такого рода приказъ кіевскому генералъ-губернатору:... «аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно... предлагаю немедленно истреблять силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія—сжигать ихъ жилища... Необходимо, чтобы войска проникнлись выше изложенными указаніями». Мѣстная администрація, разумѣется, «проникласъ»: въ Тамбовской губ. исправникъ Латонскій приказывалъ становымъ приставамъ: «убѣжденія оставьте, дѣйствуйте огнемъ. Чѣмъ больше у васъ будетъ убитыхъ, тѣмъ больше у васъ заслугъ передъ начальствомъ». Въ свою очередь, вице-губернаторъ говорилъ этому исправнику: «меньше арестовывайте, больше истребляйте»... Въ наказаніе крестьянамъ мѣстами была прекращена выдача продовольственныхъ ссудъ.

Озлобленные землевладѣльцы не только одобряли такого рода мѣры, но иногда находили жестокія мѣры усмирителей недостаточно рѣшительными. Такъ, въ Тамбовской губ., на келейномъ совѣщаніи нѣсколькихъ землевладѣльцевъ было заявлено требованіе о примѣненіи военно-полевого суда къ участникамъ крестьянскихъ погромовъ.

Въ прибалтійскихъ губерніяхъ, какъ упомянуто, бароны участвовали въ огромномъ числѣ въ карательныхъ отрядахъ [1]).

Русскіе землевладѣльцы не участвовали сами въ карательныхъ отрядахъ, но за то осаждали правительство требованіями присылки воинскихъ отрядовъ, организовали собственную стражу изъ ингушей, чеченцевъ и казаковъ и видѣли одно средство противъ крестьянскаго движенія: «укрѣпленіе сильной власти на мѣстахъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, землевладѣльцы продолжаютъ организоваться для политической борьбы за свои интересы.

Хотя крестьянское движеніе въ началѣ 1906 года не затихло, но вниманіе и надежды крестьянъ сосредоточиваются на выборахъ въ Государственную Думу. Борьба классовъ переносится еще на новую арену.

---

[1]) О характерѣ „усмиренія“ можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ газеты: „Въ Феллинъ, Лифляндской губ., для усмиренія прибылъ штабъ-ротмистръ баронъ Гроссъ-Сиверсъ. Здѣсь разстрѣляно 9 января 40 человѣкъ и 11-го янв.—13 человѣкъ эстовъ. Разстрѣламъ и экзекуціямъ (двѣсти ударовъ) не насталъ еще конецъ, ежедневно аресты производятся. Въ ночь на 9 января *за три часа* до казни, схвачены были 26 челов. ... и вмѣстѣ съ 14 преступниками, содержащимися въ тюрьмѣ... разстрѣляны“... (Право, № 3, 1906 г.).. „Въ Долелѣ разстрѣляно 11 человѣкъ. Много крестьянъ избито нагайками. Сожжено 9 усадебъ. Въ Куртенгофѣ уланы сжигаютъ усадьбы. Разстрѣляно 4 крестьянина. Въ Бербенской вол. происходятъ разстрѣлы ежедневно“... и т. д. и т. д.

1906-й годъ.

I. Выборы въ Госуд. Думу и наказы.

Ни неудачи предыдущаго движенія, ни правительственныя репрессіи не уничтожили у крестьянъ стремленія и надежды получить землю. Крестьянское движеніе не прекратилось; но въ 1906 году оно въ большей части раіоновъ приняло новыя формы, такъ какъ измѣнились и внѣшнія условія.

Присутствіе въ мѣстахъ безпорядковъ казаковъ и стражниковъ, насилія ихъ повели къ столкновеніямъ съ ними крестьянъ, съ одной стороны, и къ измѣненію формы борьбы—съ другой. Крестьяне даже въ центральномъ земледѣльческомъ раіонѣ начинаютъ прибѣгать къ стачкѣ.

Предстоявшій созывъ Государственной Думы, въ свою очередь, направилъ вниманіе крестьянъ на новый путь борьбы за землю, черезъ своихъ представителей въ Государственной Думѣ, путемъ наказовъ своимъ депутатамъ, резолюцій и проч.

Обнародованіе избирательнаго закона въ Государственную Думу произошло уже въ періодѣ репрессій и реакціи. Революціонныя партіи отнеслись съ недовѣріемъ къ этому мѣропріятію правительства и рѣшили бойкотировать выборы. Такъ рѣшили соціалисты-революціонеры, а за ними и крестьянскій союзъ, такъ же были склонны рѣшить вопросъ и соціалъ-демократы, но спохватились и только на объединительномъ съѣздѣ въ Стокгольмѣ, когда уже въ большей части Россіи выборы прошли, побѣдило «меньшевистское» теченіе и рѣшено было принять участіе въ избирательной кампаніи тамъ, гдѣ выборы еще не состоялись.

На крестьянскую массу бойкотистское настроеніе интеллигенціи (бойкотировалъ выборы и «Союзъ союзовъ») не имѣло почти никакого вліянія. Крестьянство увидѣло въ Государственной Думѣ новый путь къ тому, чтобы добиться земли. Уже задолго до выборовъ крестьяне начинаютъ составлять приговоры и наказы для будущихъ депутатовъ.

Даже во время самыхъ острыхъ волненій въ Россіи (за исключеніемъ окраинъ), крестьянъ не покидала мысль, что надѣленію крестьянъ землею мѣшаютъ помѣщики и чиновники, вопреки желанію царя.

Указъ о выборахъ въ Государственную Думу оживилъ надежды крестьянъ, которые черезъ депутатовъ теперь надѣялись освѣдомить «высшія сферы» о своей нуждѣ. Во многихъ губерніяхъ, основываясь на какомъ-то манифестѣ, читаемомъ въ церквахъ, крестьяне ждутъ къ веснѣ отъ царя «радости». «Радость»—нарѣзка на каждаго мужчину по пяти десятинъ. Очень можетъ быть, пишутъ «Русск. Вѣд.», что пріуроченіе «радости» къ веснѣ объясняется тѣмъ, что весной предполагается созывъ Государственной Думы. Государственная же Дума, какъ это теперь все болѣе и болѣе выясняется, по мнѣнію крестьянъ, прежде всего должна будетъ заняться обезпеченіемъ землей трудящагося населенія. Въ Тульской и Калужской губерніяхъ, напримѣръ, крестьяне прямо го-

ворятъ, что въ Государственную Думу они идутъ для справедливаго рѣшенія вопроса о землѣ, а «разныя свободы» ихъ не касаются, что выбирать депутатовъ въ Думу они рѣшили непремѣнно изъ крестьянъ, притомъ изъ крестьянъ бѣдныхъ, ибо только такіе крестьяне понимаютъ ихъ нужду и будутъ стоять за нихъ въ Думѣ.

Тѣмъ не менѣе, во время періода октябрьскихъ свободъ и во время осенняго движенія вліяніе революціонныхъ идей черезъ агитаторовъ, газеты и проч. такъ проникло въ крестьянскую среду, что въ наказахъ депутатамъ и въ приговорахъ, написанныхъ въ Государственную Думу, политическія требованія встрѣчаются въ большемъ количествѣ и болѣе осмысленныя, чѣмъ въ приговорахъ, составленныхъ на основаніи февральскаго указа въ 1905 году.

Такъ, въ Покровской слободѣ Самарской губ. еще въ декабрѣ былъ собранъ волостной сходъ для разсмотрѣнія, обсужденія и утвержденія проекта комиссіи по составленію наказа будущему избраннику въ Государственную Думу. На сходъ явилось около 1000 слобожанъ, причемъ были одобрены слѣдующія требованія:

1) Немедленное осуществленіе свободъ, объявленныхъ манифестомъ 17 октября, — свобода совѣсти, слова, собраній, союзовъ и неприкосновенность личности.

Принято требованіе единогласно.

2) Выборы въ Государственную Думу должны быть всеобщими, равными, прямыми. Сословное раздѣленіе должно быть уничтожено.

3) Изъ казенныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, кабинетскихъ, а также изъ отчужденныхъ за выкупъ частновладѣльческихъ земель долженъ быть образованъ государственный фондъ для надѣленія землей малоземельныхъ, безземельныхъ и всѣхъ желающихъ обрабатывать землю личнымъ трудомъ.

4) Организація государственнаго дешеваго, доступнаго для крестьянъ, кредита.

5) Отмѣна налоговъ на предметы первой необходимости и замѣна ихъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

6) Безплатное обязательное первоначальное образованіе.

7) Упраздненіе института земскихъ начальниковъ.

8) Всесословное волостное управленіе, основанное на демократическихъ выборахъ.

9) Демократизація земствъ на тѣхъ же началахъ.

10) Защита с.-хозяйственныхъ рабочихъ особымъ закономъ.

Въ 1905 году, крестьяне въ своихъ петиціяхъ и требованіяхъ, предъявляемыхъ помѣщикамъ, обыкновенно говорили о пониженіи арендной платы и повышеніи заработной платы. Теперь въ своихъ наказахъ крестьяне ставятъ вопросъ болѣе радикально и говорятъ о землевладѣніи и землепользованіи.

Въ надеждѣ, что черезъ Государственную Думу можно добиться земли, крестьяне приняли горячее участіе въ избирательной кампаніи.

Избирательная кампанія началась инструкціей министерства внутреннихъ дѣлъ земскимъ начальникамъ, въ которой рекомендуется: 1) Воздерживаясь отъ «явнаго вмѣшательства» въ избирательную кампанію, земскіе начальники должны

наблюдать, чтобы не было насилій со стороны лѣвыхъ партій. 2) Вести съ крестьянами частныя собесѣдованія, *выясняя* населенію *программы* различныхъ партій, и вмѣняется въ обязанность разъяснять всю неосновательность программъ, клонящихся къ измѣненію основного государственнаго строя. 3) Во время выборовъ *слѣдить* черезъ довѣренныхъ лицъ за тѣми изъ ораторовъ, которые, чтобы попасть въ Государственную Думу, «обольщали бы крестьянъ несбыточными надеждами на даровое надѣленіе частновладѣльческими земельными участками. Такихъ ораторовъ предлагается *удалять, какъ безпокойный элементъ*, причемъ удаленіе должно производиться отнюдь не оффиціальными представителями власти, а черезъ «довѣренныхъ людей».

4) Удаленію должны подлежать не только нетрезвыя лица, но и «крикуны».

5) *Наканунѣ выборовъ* позаботиться о недопущеніи въ помѣщеніе для выборщиковъ «неблагонадежныхъ» лицъ. Въ помѣщеніи для выборщиковъ вывѣсить списокъ лицъ, «кои по неблагонадежности своей кандидатами быть не могутъ», и предупреждать, что выборы такихъ лицъ будутъ неправильными.

Согласно такому распоряженію, передъ выборами начались аресты лицъ, которыя, по мнѣнію мѣстнаго начальства, оказались «неблагонадежными» и «вредными». Арестовывались и ссылались учителя, фельдшера, болѣе сознательные крестьяне. Популярные въ деревнѣ лица должны были скрываться, чтобы не быть арестованными наканунѣ выборовъ. Въ Новозыбковскомъ у. за поимку одного уполномоченнаго была даже назначена награда въ 100 руб. Тюрьмы оказались переполненными и мѣстами спѣшно приспособлялись частные дома для кандидатовъ въ уполномоченные и въ выборщики. Даже крестьянскій союзъ партіи правового порядка жаловался гр. Витте, что предвыборные сходы крестьянъ, на которыхъ они могли бы избрать выборщиковъ, повсюду разгоняются мѣстнымъ начальствомъ.

Несмотря на то, что мѣстное начальство энергично исполняло инструкцію министерства внутреннихъ дѣлъ, крестьяне обнаружили большое «упорство» и выбирали депутатовъ, руководствуясь своими соображеніями, а не видами начальства. Часто преслѣдованія администраціей какого нибудь лица служило лучшей и единственной рекомендаціей для выбора его въ депутаты. «Нынче сажаютъ тѣхъ, кто не съ панами», говорили крестьяне и часто выбирали лицъ, сосланныхъ или заключенныхъ въ тюрьму администраціей.

Такъ какъ масса крестьянства еще не была сгруппирована въ политическія партіи, то много отъ крестьянъ было избрано «безпартійныхъ» депутатовъ, примкнувшихъ только во время думской дѣятельности къ той или другой партіи.

По партіямъ крестьянскіе депутаты дѣлились слѣдующимъ образомъ:

Конституціоныхъ демократовъ	24
Трудовиковъ (въ томъ числѣ соц.-револ. и соціалдемократовъ)	68
Автономистовъ	15
Партіи 17 октября	1
Безпартійныхъ	59
Всего . .	167

Правительственныя репрессіи и бойкотъ революціонными партіями выборовъ, а также малая политическая сознательность крестьянскихъ массъ повели къ выбору большого числа «безпартійныхъ» кандидатовъ.

Нѣкоторые депутаты даже съ вполнѣ опредѣлившимися взглядами называли себя безпартійными, чтобы не быть арестованными передъ выборами. Крестьяне довольствовались обѣщаніемъ кандидата добиваться «земли и воли», не спрашивая и не зная, *какимъ путемъ* будущій депутатъ будетъ этого добиваться. При подобныхъ условіяхъ политическая физіономія крестьянскихъ депутатовъ не была такой опредѣленной, какъ у кандидатовъ революціонныхъ партій, но, всетаки, болѣе демократической, чѣмъ у кандидатовъ партіи к.-д. Эти условія были наиболѣе благопріятны для образованія новой *парламентской* «трудовой» группы депутатовъ, съ демократическимъ настроеніемъ и съ радикальными требованіями въ области аграрнаго вопроса. По своей программѣ эта группа стояла ближе къ революціоннымъ партіямъ, а въ своей тактикѣ она слѣдовала за конституціонными демократами, проявляя большую рѣзкость въ рѣчахъ депутатовъ и стремленіе сохранить связь съ народомъ.

Въ проектѣ аграрной программы группа «находитъ необходимымъ немедленное изданіе закона, по которому земли казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя, помѣщичьи и всѣ прочія, служащія предметомъ эксплуатаціи и закабаленія трудящихся, отчуждаются принудительно въ народный земельный фондъ, для надѣленія безземельныхъ и малоземельныхъ, желающихъ личнымъ трудомъ обрабатывать землю. Подробную разработку земельнаго вопроса и всю подготовку къ его практическому проведенію въ жизнь согласно этому закону *передать на мѣста*. Народъ путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія изберетъ волостные, уѣздные и губернскіе комитеты», которые должны рѣшать вопросъ на мѣстахъ.

Представляя интересы массы крестьянства, трудовая группа была тѣсно связана съ этими массами, присылавшими въ Думу свои приговоры и наказы, и отражала интересы и настроенія крестьянства, выраженные въ наказахъ.

Изъ имѣвшихся у меня [1]) 536 наказовъ и приговоровъ, адресованныхъ въ Государственную Думу, большая часть содержитъ различныя программныя требованія, причемъ требованіе земли имѣется въ 358 приговорахъ, политическія требованія въ 343 и требованія амнистіи въ 178 случаяхъ. Кромѣ того, въ значительной части наказовъ и приговоровъ обѣщается поддержка требованій депутатовъ всѣми средствами, имѣющимися у крестьянъ.

Среди другихъ требованій большое мѣсто занимаютъ требованіе отмѣны смертной казни, всеобщаго безплатнаго обученія, отмѣны косвенныхъ налоговъ и введеніе прогрессивно подоходнаго налога, сословнаго равноправія, всеобщаго, равнаго и т. д. избирательнаго права и проч., и проч.

Изъ Западнаго Края, гдѣ большое вліяніе имѣли націоналистическія партіи и были выбраны правые депутаты, связи ихъ съ населеніемъ почти не было, не было и наказовъ.

Крестьянскіе наказы и мотивировка крестьянскихъ требованій лучше всего характеризуется слѣдующимъ призывомъ въ одномъ изъ наказовъ:

[1]) См. „Аграрный Вопросъ", т. II, стр. 280—285.

«*Ратуйте жъ, думці, бо голодуемъ*»!, потому что «люди ті вже взморылись, паны-же вже напанувались», «крестьянамъ требуется вся земля и такіе чиновники, которые служили бы имъ, а не господамъ».

Отправляя наказы, крестьяне съ напряженнымъ интересомъ слѣдили за дѣятельностью Думы даже въ раіонахъ, пославшихъ реакціонныхъ депутатовъ. Изъ Бессарабской губ. пишутъ: «Мочи нѣтъ жить такъ; дастъ Богъ Дума вывезетъ» [1]); въ Гродненской губ. «населеніе мысленно живетъ съ Думой и въ Думѣ» [2]); въ Рязанской губ. «все ушло на задній планъ и деревня напряженно ждетъ» и т. д. и т. д.

Поѣздки депутатовъ на мѣста, откуда они были посланы, еще болѣе оживляли интересы крестьянства и пробуждали его политическое сознаніе. Связь съ Думой все больше и больше укрѣплялась. Между тѣмъ, въ Государственной Думѣ былъ поставленъ на обсужденіе аграрный вопросъ, (о дѣятельности правительства и Думы въ области аграрнаго вопроса и о положеніи крестьянства будетъ написано въ IV томѣ «Общественнаго Движенія», вопросъ, наиболѣе волновавшій крестьянъ. Такъ какъ въ первой Государственной Думѣ было большинство, высказывавшееся за принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель, то правительство рѣшило сразу покончить съ этимъ вопросомъ и распустило Думу, назначивши новые выборы, а лѣвые депутаты (соц.-демократы, трудовики и конституціонные демократы) тотчасъ послѣ роспуска выпустили извѣстное выборгское воззваніе...

II. Крестьянское движеніе въ 1906 году.

1.

Крестьянское движеніе 1905 года закончилось, какъ мы видѣли, жестокими репрессіями со стороны правительства. Жестокость полиціи, казаковъ и проч. вызывала часто столкновенія, кончавшіяся убійствами крестьянъ, а иногда стражниковъ и казаковъ. Такъ, въ Прилукскомъ у. Полтавской губ. въ одно изъ имѣній, близъ мѣстечка Логатино, прибылъ эскадронъ казаковъ. «Ночью въ селѣ раздался вдругъ набатъ... Встревоженные казаки, ночевавшіе въ усадьбѣ помѣщика, помчались въ село. На площади передъ церковью эскадронъ въ потьмахъ налетѣлъ на желѣзныя бороны, положенныя въ нѣсколько рядовъ зубьями вверхъ. Образовалась груда искалѣченныхъ людей и животныхъ. Уцѣлѣли только задніе ряды казаковъ». Но обыкновенно жертвами столкновеній были крестьяне. Возмущенные безчинствами полиціи и казаковъ или арестами, они вооружались чѣмъ попало и нападали на стражниковъ, драгунъ или казаковъ.

Мы упоминали уже, что еще задолго до выборовъ въ Государственную Думу надежды крестьянъ обращаются къ ней. Тѣмъ не менѣе, крестьянское движеніе въ старыхъ формахъ не исчезаетъ. Зимой 1905—1906 г. было широкое порубочное движеніе, которое по подсчету Б. Веселовскаго было въ 53 уѣздахъ Европейской Россіи.

---

[1]) „Рѣчь“ 14, VI, 1906 г.

[2]) „Наша Жизнь“ 3, VI, 1906 г.

Разгромное движеніе послѣ опыта 1905 года происходило уже въ меньшихъ размѣрахъ, но за то широко разлилось забастовочное движеніе.

Разгромное движеніе началось въ началѣ декабря 1905 года въ Днѣпровскомъ у. Таврической губ. и перебросилась въ Мелитопольскій у. Движеніе имѣло такой же характеръ, какъ и осенью 1905 года: экономіи сжигались, имущество уничтожалось, а потомъ являлись войска, начинались экзекуціи и разстрѣлы. Всего было разгромлено въ этомъ раіонѣ 32 экономіи и 72 хутора.

«Движеніе возникло подъ вліяніемъ общаго аграрнаго движенія и, главнымъ образомъ, движенія въ сосѣднихъ уѣздахъ» (Екатериносл. и Херсонск у.).

Развилось оно постепенно, начавшись съ требованія пониженія арендной платы, возврата штрафныхъ денегъ и проч. [1]) Потомъ начались разгромы.

Разгромъ рогачинской экономіи вел. кн. Михаила Николаевича выразился «въ поврежденіи и расхищеніи соединенными силами имущества экономіи (увезено, по даннымъ обвинительнаго акта, болѣе 45.000 пуд. зерна), въ уничтоженіи огнемъ экономическихъ построекъ и расхищеніи имущества служащихъ». Вообще же движеніе выразилось въ разборкѣ и поджогахъ экономій, увозѣ живого и мертваго инвентаря, запасовъ зернового хлѣба, рубкѣ лѣса.

Въ другихъ губерніяхъ Новороссійскаго раіона волна разгромнаго движенія въ началѣ 1906 г. уже спадала, хотя были отдѣльные случаи разгромовъ. Такъ, въ февралѣ мѣсяцѣ въ «Русь [2]) сообщаютъ, что въ Херсонской губ., имѣніе богача г. Аркаса «Пески» разгромлено и сожжено, скотъ перерѣзанъ, частію уведенъ, земля свыше 4.000 дес. захвачена крестьянами.

Довольно сильное разгромное движеніе возникло въ Черниговской губ. и части Могилевской. Движеніе также проявилось въ разгромѣ экономій, въ разборкѣ хлѣба, сѣна и проч. и въ «непризнаніи» правительственной власти. Въ Тонеловкѣ и Погорѣльцахъ Сосницкаго уѣзда четырехтысячной толпой разгромлены экономіи и сожженъ заводъ [3]).

Изъ Стародуба сообщаютъ [4]), что сожжено, уничтожено и разграблено нѣсколько имѣній, причемъ уничтожались всѣ постройки. Но вообще въ 1906 году разгромное движеніе проявлялось слабѣе и преобладало стачечное и митинговое движеніе.

Наиболѣе сильное стачечное движеніе было въ Югозападномъ раіонѣ. Въ Подольской губ. раньше всего, въ февралѣ, началось стачечное движеніе въ Каменецкомъ у. Оно вспыхивало то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ, не захватывая сплошного раіона. Въ началѣ мая вспыхиваетъ движеніе въ Могилевскомъ у., охвативши рядъ селъ этого уѣзда. Крестьяне, собираясь толпой, снимали рабочихъ, а мѣстами и батраковъ. Нѣкоторыхъ владѣльцевъ оставили вовсе безъ батраковъ, но старались не трогать имущества. Предъявлялось лишь требованіе повышенія заработной платы.

Гораздо большее количество селъ забастовочное движеніе охватило въ

---

[1]) В. Г. Громанъ. Крестьянское движ. въ 1905—1906 г. Новороссійскій раіонъ. Тр. В. Э. О. 1908 г., № 45, стр. 500.

[2]) „Русь“ 23, II, 1906 г.

[3]) „Право“ № 1, отъ 9 янв. 1906 г.

[4]) „Новости“ 3, II, 1906 г.

уѣздахъ Винницкомъ, Брацлавскомъ и Гайсинскомъ, т. е. въ раіонахъ наибольшаго распространенія свекловичной культуры [1]).

Забастовки происходили во время весеннихъ работъ на свекловичныхъ плантаціяхъ.

Изъ Кіевской губ. имѣются свѣдѣнія и о зимнихъ забастовкахъ, но болѣе серьезное забастовочное движеніе также было связано съ весенними работами по культурѣ свеклы. Въ маѣ и въ началѣ іюня оно охватило, прежде всего, Липовецкій и Уманьскій у.у., а также отчасти Таращанскій, Черкасскій, Чигиринскій, Сквирскій, Васильковскій и Радомысльскій.

Въ Липовецкомъ у. въ первыхъ числахъ мая забастовки начались почти повсемѣстно. Крестьяне отказывались работать въ помѣщичьихъ плантаціяхъ и изгоняли пришлыхъ рабочихъ. На мѣста движенія были высланы конные стражники. Движеніе приняло форму борьбы за болѣе высокую плату. Потребность въ рабочихъ рукахъ вслѣдствіе обильныхъ дождей была велика и землевладѣльцы были принуждены повысить заработную плату съ 20—30 коп. до 80 к. въ день. Въ концѣ мая почти весь уѣздъ былъ охваченъ крестьянскими волненіями, которыя продолжались и въ началѣ іюня.

Въ Сквирскомъ и Радомысльскомъ у.у. у крестьянъ еще ранней весной происходили совѣщанія, на которыхъ разбирался вопросъ о заработной платѣ. Крестьяне-арендаторы передъ косовицей не безъ успѣха вступали въ переговоры о пониженіи арендной платы. Въ Васильковскомъ и Таращанскомъ у.у. образовывались забастовочные комитеты, которые должны были устанавливать цѣны на рабочія руки и слѣдить за тѣмъ, чтобы ниже установленной нормы никто не работалъ.

Приговоры свои крестьяне скрѣпляли честнымъ словомъ или прикладываніемъ къ чтимымъ мѣстнымъ иконамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они выносили рѣшенія на сельскихъ и волостныхъ сходахъ и составляли приговоры. Были даже попытки устроить совѣщаніе делегатовъ отъ крестьянъ отъ селъ и деревень цѣлыхъ уѣздовъ.

На организацію движенія большое вліяніе оказали соціалдемократы.

Передъ первымъ мая по селамъ въ большомъ количествѣ были распространены прокламаціи, призывавшія праздновать 1-е мая. Вмѣстѣ со всѣми городками Васильковскаго и Сквирскаго уѣздовъ въ празднованіи принялъ участіе цѣлый рядъ селъ. «Жизнь замерла на всѣхъ панскихъ фольваркахъ и бураковыхъ плантаціяхъ: экономическіе рабочіе праздновали всѣ». При празднованіи раздавались голоса, недовольные 30 копѣчной платой за рабочій день и его длиной. Одного возбужденія этого вопроса было достаточно, чтобы помѣщики 2-го мая объявили 40 коп. въ день и сократили рабочій день. Крупные помѣщики не уступили и съ ними завязалась упорная борьба. Тамъ демонстративно разгуливали служившіе въ имѣніяхъ казаки... «До кровавыхъ столкновеній дѣло не доходило; потасовки были, но обоюдныя» [2]).

Въ Подольской губ. такъ же, какъ въ Волынской и Кіевской, были орга-

---

1) А. Е. Лосицкій. Цит. соч. стр 191—3.

2) Тамъ же, стр. 200—202.

низованы забастовочные комитеты, а въ началѣ мая въ 26 селахъ Брацлавскаго и Гайсинскаго уѣздовъ организовались даже «совѣты крестьянскихъ депутатовъ», но забастовочное движеніе въ Подольской губерніи въ 1906 году вплоть до жатвы было слабымъ.

Ко времени жатвы въ губерніяхъ Югозападнаго края уже совершенно сформировались забастовочныя организаціи крестьянъ, сыгравшія большую роль въ крестьянскомъ движеніи этого раіона.

Весной мѣстные дѣятели крайнихъ лѣвыхъ партій устроили съѣздъ для обсужденія способовъ лучшей организаціи сельскаго населенія. Наиболѣе цѣлесообразными формами организаціи были признаны сельскіе стачечные комитеты. Постановлено было стремиться къ организаціи комитета въ каждой деревнѣ. Представители сельскихъ комитетовъ образуютъ волостной, а представители волостей уѣздный комитетъ. Безъ труда устраивались въ селахъ собранія. Сельская полиція сама по себѣ была безсильна разогнать собраніе, а до пріѣзда стражниковъ собраніе уже успѣвало выбрать стачечный комитетъ. Комитету крестьяне подчинялись безпрекословно. Стоило комитету объявить забастовку, и рабочіе охотно прекращали работу на поляхъ и съ пѣснями расходились по домамъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ въ стачечный комитетъ вошли и женщины.

Въ іюнѣ происходили забастовки, главнымъ образомъ, на свекловичныхъ плантаціяхъ, такъ какъ полевыя работы были еще впереди. Комитеты заняты были подготовительной работой и прежде всего стремились установить единообразную поденную плату. При наступленіи уборки хлѣбовъ они разсчитывали развернуть полностью свои силы [1]).

Помимо организаціи экономической борьбы сельскіе комитеты устраивали собранія, на которыхъ крестьяне много говорили о Государственной Думѣ, и вырабатывали наказы своимъ депутатамъ. Тутъ же крестьянамъ разъяснялось все значеніе организованной защиты не только экономическихъ интересовъ, но и политическихъ правъ. Организаціонная работа шла непрерывно.

Дѣятельность уѣздныхъ совѣтовъ заключалась въ организаціи всеобщей мѣстной забастовки, когда наступитъ жатва и сѣнокосъ.

Вліяніе революціонныхъ, главнымъ образомъ—соціалдемократической, партій на крестьянство укрѣпилось въ Югозападномъ районѣ въ періодъ стихійныхъ весеннихъ забастовокъ весной 1905 года. Послѣ нихъ всѣ уѣздныя тюрьмы были переполнены «соціалистами» изъ крестьянъ, которые часто отъ жандармовъ впервые узнавали, что такое соціализмъ. По выходѣ изъ тюрьмы аграрники встрѣчали въ деревняхъ участливое отношеніе и даже почетъ. Ихъ выслушивали съ особымъ вниманіемъ; разсказы ихъ о «политикахъ», «студентахъ» и проч. расчищали путь демократической, а за ней и соціалистической пропагандѣ въ деревнѣ. «Связи» съ крестьянами сильно разрослись и укрѣпились образованіемъ «сельскихъ соціалдемократическихъ комитетовъ», черезъ которые направлялась литература, которые организовывали собранія, устанавливали «членскіе взносы» и т. д. Большинство комитетовъ, основанныхъ на демократическихъ началахъ и избранныхъ на митингахъ, арестовывались, но на ихъ мѣста высту-

[1]) См. „Волжск. Вѣсти", № 166.

пали наиболѣе энергичные и сознательные крестьяне, а арестованные въ тюрьмахъ заканчивали свое политическое воспитаніе [1]).

Такое политическое воспитаніе давалось крестьянамъ въ теченіе всей зимы, поэтому движеніе лѣтомъ 1906 года уже было болѣе сознательнымъ и организованнымъ. Требованія были намѣчены слѣдующія:

8—9 часовой рабочій день.

Поденная плата на буракахъ 75 - 50 коп.

На косьбѣ сѣна 1 р. 50 к.—1 р. 20 к.

Жатва за снопъ: 4—5-й снопъ; за копу 1 р. 20 к.—1 р.

Вязанье 50 коп.

Еженедѣльный разсчетъ по субботамъ.

Подготовить движеніе должны были общія районныя конференціи. Постановленія конференцій сводились къ слѣдующему:

1) Необходимо проводить вездѣ «бурякові» забастовки «для практики».

2) Подготовлять почву для всеобщей забастовки «на жнива»:

a) популяризируя вездѣ однообразныя условія оплаты труда;

b) созданіемъ забастовочныхъ комитетовъ;

c) избраніемъ забастовочнаго бюро, объединяющаго комитеты;

d) доставлять литературу и устраивать массовки для просвѣщенія штрейкбрехеровъ;

e) организовать общую междурайонную конференцію [2])

Подготовленное, такимъ образомъ, забастовочное движеніе во время жатвы охватило Проскуровскій, Летичевскій, Каменецкій, Ушицкій, Могилевскій, Ямпольскій, Винницкій, Брацлавскій и Гайсинскій уѣзды Подольской губ., Чигиринскій и Черкасскій уѣзды Кіевской губ., Староконстантиновскій и Проскуровскій у.у. Волынской губ.

Движеніе приводило иногда къ столкновеніямъ съ войсками, присланными «для порядка». Такъ въ с. Череповкѣ Проскуровскаго у., когда драгуны, прибывшіе въ село, хотѣли арестовать «зачинщиковъ», крестьяне ударили въ набатъ. Сбѣжалось все село и крестьяне напали на драгунъ съ косами и камнями. 12 драгунъ было ранено, а изъ крестьянъ убито 5, а раненыхъ неизвѣстно сколько.

Движеніе происходило въ десяткахъ экономій, такъ что въ иныхъ экономіяхъ былъ полный застой полевыхъ работъ. Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ Проскуровскаго у. уже къ 9 іюля достигнуто было соглашеніе путемъ взаимныхъ уступокъ. Забастовки привели къ новому явленію: на сельскихъ сходахъ было рѣшено обязать всѣхъ зажиточныхъ односельчанъ выдать отъ 5 до 10 сноповъ съ каждаго морга земли въ пользу безземельныхъ, чтобы избавить ихъ изъ за нужды прибѣгать къ штрейкбрехерству. Повинность эта была принята зажиточными добровольно, чѣмъ и объясняется стойкость требованій рабочихъ...

---

[1]) См. А. Лосицкій, стр. 206—9.

[2]) Тамъ же, стр. 209—10.

Въ Ушицкомъ у. забастовочное движеніе распространилось чуть ли не по всѣмъ имѣніямъ; оно носило явные слѣды организаціи. Помѣщики, при солидарности крестьянъ, должны были повысить плату за уборку хлѣба. Въ г. Новую Ушицу ежедневно приводили партіи арестованныхъ крестьянъ для заключенія въ тюрьму. Драгуны въ селахъ избивали крестьянъ [1]).

Въ такихъ же размѣрахъ и съ такимъ же успѣхомъ, но и съ такими же избіеніями со стороны солдатъ, происходили забастовки въ Винницкомъ уѣздѣ и въ Брацлавскомъ. Большой районъ движеніе охватило въ Гайсинскомъ, Ольгопольскомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ, при чемъ, напр., въ имѣніи гр. Орлова, крестьяне отказались убирать хлѣбъ. Прибылъ губернаторъ съ войсками. Крестьяне держали себя мирно, но заявили, что ни за какія деньги не будутъ работать на помѣщика.

Въ *Кіевской* губ. движеніе во время жатвы распространилось въ Чигиринскомъ, Уманьскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ. Движеніе сурово подавлялось войсками. О характерѣ вмѣшательства властей даетъ понятіе слѣдующая телеграмма, посланная двумя депутатами Госуд. Думы на имя предсѣдателя совѣта министровъ: «въ Черкасскомъ, Уманьскомъ и Чигиринскомъ уѣздахъ полиція силой вынуждаетъ крестьянъ работать въ экономіяхъ, отказъ разсматривается, какъ сопротивленіе властямъ. Администрація переходитъ къ насиліямъ и ведетъ населеніе къ взрыву». Депутаты просили о пріостановкѣ насилій.

Въ другихъ уѣздахъ Кіевской губ. также были забастовки и проводились населеніемъ мирно и организованно.

Въ *Минской* губ. забастовочное движеніе во время жатвы проявилось преимущественно въ Староконстантиновскомъ и Заславльскомъ уѣздахъ.

Попытки нѣкоторыхъ помѣщиковъ задобрить батраковъ выпивкой не увѣнчались успѣхомъ и забастовки проходили дружно.

Послѣ жатвы забастовочное движеніе въ Югозападномъ карѣ не получило особеннаго развитія, хотя и случались забастовки при копкѣ свеклы и картофеля и бойкотъ помѣщиковъ... [2])

Наряду съ забастовочнымъ движеніемъ, въ этомъ районѣ происходили порубки лѣсовъ, потравы, поджоги и проч., но эти формы движенія не имѣли особеннаго значенія, хотя и вызывали репрессіи со стороны властей, сопровождались убійствами, насиліями и проч.

2.

Въ центральномъ черноземномъ районѣ въ 1906 году разгромное движеніе смѣнилось забастовочнымъ, хотя одновременно происходили въ большихъ размѣрахъ поджоги помѣщичьихъ усадебъ. Только въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи въ концѣ іюня вспыхнуло массовое разгромное движеніе.

Здѣсь столкновенія начались еще съ весны. Въ маѣ начались забастовки, составлялись приговоры, снимались рабочіе и т. д.

Съ 20 чиселъ іюня начались погромы и продолжались въ теченіе двухъ

---

[1]) Напр., въ сель Корыжемъ Могил. у. драгуны окружили забастовщиковъ, 4-хъ убили и многихъ ранили. „Русск. Сл.“, 20, VII, 901.

[2]) А. Лосицкій, стр., 221—233.

недѣль, шли они постепенно, день за днемъ, съ сѣвера на югъ по р. Битюгу и его окрестностямъ. Крестьяне собирались огромными толпами и переходили изъ имѣнія въ имѣніе, не щадя ничего. «Раздавался набатъ съ церковной колокольни, собиралась толпа и, вооружившись кольями, двигалась къ намѣченному имѣнію, за ней слѣдовали подводы съ бабами, подростками, и все это двигалось съ криками, гиканьемъ и шумомъ. При первыхъ случаяхъ разгромовъ владѣльцы были захвачены врасплохъ; другіе до послѣдней минуты оставались убѣжденными, что ихъ не тронутъ. Однако, толпа являлась и начинался разгромъ. Бывшій предводитель дворянства Спѣшневъ спрятался подъ телѣгу, кн. Орловъ просидѣлъ подъ откосомъ р. Битюга, Гаевъ ускакалъ на тройкѣ» и т. д.

Паника охватила весь уѣздъ... «Картина, дѣйствительно, ужасная: по селамъ гудитъ набатъ, кругомъ вьются и заволакиваютъ небо густые столбы дыма; ночью повсюду на горизонтѣ зарево. Мимо селеній, а иногда и черезъ селенія, проходятъ толпы; населеніе прячется. Толпа то уменьшается, то увеличивается. Часть отстаетъ, но черезъ нѣсколько времени къ ней пристаютъ новые люди, и имѣніе, попадающееся на дорогѣ, разгромляется и сжигается». Въ день уничтожалось по 5—10 имѣній; былъ день, когда очевидцы насчитывали до 13 пожаровъ...

По сообщеніямъ корреспондентовъ, въ погромахъ принимали участіе черносотенные элементы, городскіе хулиганы и проч. Войска отсутствовали. Они явились лишь «карать». Иногда происходили столкновенія погромщиковъ со стражниками и охраной экономій. Такъ, имѣніе кн. Мещерскаго защищалось три дня, имѣя 42 человѣка вооруженныхъ рабочихъ и служащихъ. Тѣмъ не менѣе, имѣніе было сожжено. Сахарный заводъ кн. Орловыхъ былъ отбитъ казаками отъ толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ при чемъ среди крестьянъ было много убитыхъ и раненыхъ.

Въ Бирючевскомъ у. крестьяне слоб. Алексѣевки произвели разгромъ экономіи гр. Шереметьева, а затѣмъ разгромили лавки и казенныя учрежденія, желѣзнодорожную станцію и т. д. Въ столкновеніи пострадало 57 стражниковъ и масса крестьянъ. Въ с. Перловкѣ также произошло столкновеніе съ стражниками и казаками, которые должны были отстрѣливаться до вечера отъ наступавшихъ крестьянъ [1]) и т. д. и т. д.

Всего было разграблено и сожжено до 60 имѣній. Убытки нѣкоторыхъ изъ нихъ были весьма значительны. На конскомъ заводѣ Орловыхъ-Давыдовыхъ было разобрано до 800 лошадей, а самый заводъ разрушенъ.

Крестьяне брали все, что можно было взять: хлѣбъ, рожь, муку, соль, сѣно, овощи. Слухъ о разгромѣ мигомъ распространился по окрестнымъ селеніямъ и крестьяне спѣшили брать, что осталось: лампы, столы, посуду, одежду и проч.

Движеніе распространилось по Воронежскому и Землянскому уѣздамъ и проявлялось здѣсь или въ разгромахъ, или болѣе мирныхъ формахъ: составлялись приговоры о цѣнахъ за косьбу травы, уборку хлѣба и проч.

Въ *Рязанской* губ. также были случаи разборки, забастовки, потравы и

---

[1]) Б. Веселовскій. Крест. вопр., стр. 112.

проч. Но разборка хлѣба не имѣла «стихійнаго» характера, а происходила въ единичныхъ случаяхъ на почвѣ крайней нужды и голода. Значительно шире были распространены забастовки и захваты луговъ, но и эти формы движенія не захватывали сплошныхъ раіоновъ.

Наиболѣе сильное забастовочное движеніе происходило въ Сапожковскомъ у., гдѣ крестьяне держались спокойно, но стойко [1]).

Гораздо значительнѣе крестьянское движеніе было въ *Тульской* губ. Въ Епифановскомъ у. забастовочное движеніе охватило весь его юго-восточный край. Крестьяне вездѣ устанавливаютъ таксу за работу [2]).

«Въ уѣздъ былъ отправленъ почти весь наличный составъ войска, но послѣдніе оказались безсильными въ борьбѣ (съ мирной забастовкой!) съ стихійнымъ движеніемъ крестьянъ» [3]).

Тоже происходитъ въ Одоевскомъ, Ефремовскомъ, Богородскомъ и Веневскомъ уѣздахъ. Были случаи отказа войскъ стрѣлять въ забастовщиковъ. Были случаи поджоговъ помѣщичьихъ усадебъ и проч.

Разнообразныя формы аграрное движеніе имѣло и въ *Орловской* губ. Такъ, въ Елецкомъ у. «аграрные безпорядки принимаютъ все большіе и большіе размѣры, сообщаетъ «Право». Крестьяне ночами выкашиваютъ луга, увозятъ скошенное сѣно... Въ Афанасьевской вол. разгромленъ домъ владѣльца, управляющій котораго успѣлъ уѣхать, отстрѣливаясь отъ нападавшихъ крестьянъ. Во многихъ имѣніяхъ «снимаютъ» рабочихъ; приговорами устанавливаютъ цѣну 1—3 руб. мужчинѣ въ день; сторонніхъ рабочихъ не допускаютъ. Митинги происходятъ въ лѣсахъ и оврагахъ. На митингахъ постановляютъ примѣнять забастовки, чтобы вынудить продать землю крестьянамъ. Все это движеніе идетъ полосой по тѣмъ раіонамъ, гдѣ были погромы и безпорядки осенью прошлаго года» [4]).

Въ Трубчевскомъ у. «возникли массовыя забастовки. Крестьяне силой снимаютъ рабочихъ, прогоняютъ служащихъ. Посланы казаки и драгуны, выѣхалъ губернаторъ» [5]) и т. д.

Въ *Курской* губ., Грайворонскомъ, Бѣлгородскомъ, Суджанскомъ и Льговскомъ уѣздахъ крестьяне сами устанавливаютъ таксы на рабочія руки и земельныя аренды... Помѣщики вынуждены уступать [6]).

Происходятъ столкновенія съ стражниками, съ администраціей и проч. Особенно неблагопріятное впечатлѣніе на крестьянъ произвела министерская декларація, послѣ которой во многихъ губерніяхъ столкновенія обострились.

Въ *Саратовской* губ. происходили также, главнымъ образомъ, забастовочное движеніе и тайные поджоги помѣщичьихъ усадьбъ, такъ какъ идти на разгромы населеніе уже не рѣшалось.

Наиболѣе крупная стачка произошла въ с. Аркадакѣ Балашовск. уѣзда. Это село является однимъ изъ крупныхъ пунктовъ сельско-хозяйственнаго найма.

---

[1]) „Русск. Вѣд.“ отъ 3, VI, 1906 г.
[2]) „Наша жизнь“, № 480.
[3]) „Соврем.“, № 78.
[4]) „Право“, № 24.
[5]) „Право“, № 26.
[6]) „Русск. Сл.“, № 146.

Стачка охватила 10 волостей. Къ ней присоединились и пришлые рабочіе. Стачка держалась 10 дней, при чемъ стачечники удерживали другъ друга отъ насилій, пьянства и т. п. Но пришлый элементъ пополнялся вновь пришедшими, средствъ существованія не было, и стачка прекратилась.

Въ это время начинаетъ уже замѣчаться рѣзкій расколъ между крестьянами отчасти на партійной почвѣ, но, главнымъ образомъ, на экономической почвѣ между богатыми и бѣдными. Бѣдные стали жечь богатыхъ, богатые—бѣдныхъ, и взаимное озлобленіе начало все болѣе и болѣе обостряться.

Въ *Тамбовской* губ. также развилось широкое забастовочное движеніе. По сообщенію корреспондента «Рѣчи», «словно по приказу, переданному телеграфомъ, крестьяне постановляютъ приговоры, въ которыхъ указываютъ цѣны на всякую работу у помѣщиковъ». Помѣщики обратились къ содѣйствію губернскихъ властей, но это мало помогало... Въ газетахъ сообщается цѣлый рядъ разстрѣловъ войсками забастовщиковъ.

Забастовочное движеніе центральнаго черноземнаго района имѣло другое значеніе, чѣмъ въ Западномъ и Юго-западномъ раіонахъ. Въ центральномъ раіонѣ забастовки большею частію устраивались крестьянами для того, чтобы совершенно лишить крупныхъ землевладѣльцевъ возможности вести свое хозяйство и принудить ихъ сдавать землю въ аренду по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Для этого забастовщики-крестьяне требовали плату въ 5—6 разъ выше противъ прежней цѣны. Между тѣмъ какъ въ Юго-западномъ раіонѣ, какъ мы видѣли, забастовки происходили съ цѣлью повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня. Въ послѣднемъ случаѣ результаты получались болѣе существенные...

Сильное забастовочное движеніе развилось въ Сѣверо-западномъ краѣ.

Такъ, изъ Слонимскаго у. Гродненской губ. сообщаютъ, что крестьяне совершенно отказываются отъ полевыхъ работъ [1]). О томъ же сообщаютъ изъ Пружанскаго уѣзда съ тѣмъ лишь различіемъ, что забастовки происходятъ менѣе спокойно [2]). Повсюду происходятъ столкновенія съ стражниками и казаками.

Въ *Виленской* губ. «членъ госуд. сов. Гавронскій разъѣзжаетъ съ драгунами по своимъ имѣніямъ и при помощи драгунъ заставляетъ бастующихъ крестьянъ становиться на работы» [3]).

Забастовки происходятъ и въ Дисненскомъ уѣздѣ.

Такого же рода извѣстія сообщаются изъ *Ковенской* губ.

Въ *Витебской* губ. «Двинскій у. богатъ цѣлымъ рядомъ волненій, залитыхъ потоками крови» [4]), во многихъ мѣстахъ забастовки.

Въ *Смоленской* губ. безпорядки возникли въ широкихъ размѣрахъ послѣ роспуска Госуд. Думы. Въ это же время возникли забастовки въ Новогрудскомъ у. *Минской* губ. Забастовки коснулись Бобруйскаго, Пинскаго, Игуменскаго и

---

[1]) „Право“, № 27.
[2]) „Страна“, 2, VII, 1906 г.
[3]) „Право“, № 28.
[4]) „Рѣчь“, 7, IV, 1906 г.

Слуцкаго уѣздов. Въ Новогрудскомъ у. бастуютъ рабочіе почти всѣхъ имѣній [1]). Послѣ репрессій начались поджоги строеній и сѣна у помѣщиковъ.

Въ *Могилевской* губ. въ Мстиславскомъ у., а также и въ другихъ мѣстахъ, развивается стачечное движеніе, иногда объединенное въ стачечные комитеты.

Въ промышленномъ нечерноземномъ, а также въ прiозерномъ раіонахъ движеніе проявилось больше на экономической почвѣ, въ неплатежѣ податей, въ столкновеніяхъ съ администраціей на почвѣ ихъ взысканія, хотя въ то же время происходили во многихъ мѣстахъ потравы, забастовки и разгромы.

Новгородскій губернаторъ, напримѣръ, пишетъ такого рода прокламацію: «Уже второй годъ крестьяне Новгородской губ. не платятъ ни казенныхъ, ни земскихъ сборовъ. По ихъ словамъ, это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока они не получатъ прирѣзки земли» [2]). Въ Бѣлозерскомъ у. происходятъ крупные безпорядки, поджоги усадебъ, лѣсовъ и т. д.

Въ Тверскомъ и Новоторжскомъ у.у. *Тверской* губ. аграрные безпорядки захватили значительный раіонъ. «Крестьяне хозяйничаютъ въ помѣщичьихъ владѣніяхъ». Оттуда же сообщается объ отказахъ крестьянъ платить налоги, о захватахъ помѣщичьяго скота, рубкѣ лѣса, запашкахъ земли.

Въ *Ярославской* губ. крестьяне не платятъ налоговъ и запрещаютъ помѣщикамъ рубить лѣсъ.

Въ Муромскомъ, Покровскомъ и Юрьевскомъ у.у. *Владимірской* губ. крестьяне разгромили нѣсколько имѣній. Въ тѣхъ же уѣздахъ крестьяне отказываются работать у помѣщиковъ и т. д. и т. д.

Довольно широкое забастовочное движеніе возникло въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Царства Польскаго. Сохачевскій уѣздъ въ началѣ апрѣля былъ почти весь охваченъ забастовками. Широкое забастовочное движеніе было также въ Лодзинскомъ у., въ окрестностяхъ г. Плоцка, въ Маковскомъ у. близъ Ломжи, въ Варшавскомъ и Блонскомъ у.у. Въ іюлѣ происходятъ забастовки въ Сѣдлецкой, Варшавской и Сувалкской губерніяхъ. Во многихъ случаяхъ забастовки окончились обоюдными соглашеніями.

Наконецъ, на Кавказѣ, въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ неистовствуютъ карательные отряды, въ другихъ мѣстахъ продолжается или снова вспыхиваетъ аграрное движеніе. Во многихъ пунктахъ помѣщичьи земли въ 1906 году остались необработанными. Въ Кутаисской губ. отмѣчаются отказы населенія въ платежѣ податей, но всѣ эти явленія уже были послѣдними отзвуками затихающаго подавленнаго движенія. Оно затихло и только выборами соціалъ-демократическихъ депутатовъ и во вторую, и даже въ третью Думу населеніе показало, что оно не примирилось...

Роспускъ первой Государственной Думы и послѣдовавшее за нимъ Выборгское воззваніе, повидимому, увеличили неплатежъ податей населеніемъ, но на аграрное движеніе особеннаго вліянія не имѣли. О неплатежѣ по-

[1]) „Страна“, № 118.
[2]) „Рѣчь“, № 82.

датей сообщалось изъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ: изъ Черниговской губ., гдѣ крестьяне на сходахъ постановляютъ не платить подати, изъ Курской губ., Новгородской, Петербургской, Казанской, Воронежской и т. д. Въ общемъ итогѣ получились слѣдующіе результаты: въ 1905 году за первое полугодіе поступило 15 милл. руб. земскихъ сборовъ (около 50% оклада), а въ 1906 году за тѣ же мѣсяцы внесено около 8 милл. руб., т. е. около 20% оклада. Наборъ новобранцевъ также не прошелъ гладко. Въ Вятскомъ краѣ и въ Закавказьѣ значительная часть новобранцевъ вели себя вызывающе.

Подводя итоги крестьянскаго (экономическаго) движенія весной и лѣтомъ 1906 года, И. Саваренскій насчитываетъ, что оно охватило 215 уѣздовъ, или половину уѣздовъ всей Россіи, тогда какъ осеннее движеніе 1905 года наблюдалось только въ 161, или 37% уѣздовъ. Разумѣется, только въ немногихъ пунктахъ движеніе захватывало *все* крестьянское населеніе; въ большей же части уѣздовъ движеніе охватывало или отдѣльныя села, или нѣсколько селъ и волостей. Даже въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ въ движеніи участвовали мѣстами всѣ села района, по подсчетамъ А. Лосицкаго, движеніе охватило изъ общаго числа уѣздовъ, волостей и селеній слѣдующій процентъ [1]):

	всего	затронуто движеніемъ	%
число уѣздовъ	12	9	75
» волостей	156	26	17
» селеній вообще	1.729	174	10

Такимъ образомъ, хотя въ этомъ районѣ было затронуто движеніемъ 75% уѣздовъ, но участвовало въ движеніи только 10% всѣхъ селеній этого района.

III. Конецъ и результаты крестьянскаго движенія.

Роспускъ первой Государственной Думы не уничтожилъ надеждъ крестьянства на ея помощь въ его тяжеломъ положеніи. Правда, какъ видно изъ наказовъ во вторую Гос. Думу, крестьяне чаще стали обращаться въ Государственную Думу со своими мѣстными нуждами и меньше пишутъ объ общеполитическихъ требованіяхъ и о такихъ рѣшительныхъ мѣрахъ, какъ націонализація земли. Тѣмъ не менѣе, крестьяне оцѣнивали значеніе ея дѣятельности и при выборахъ во вторую Думу, несмотря на всѣ препятствія, старались выбрать «своихъ» депутатовъ.

Правительство, со своей стороны, дѣлало всѣ усилія, чтобы создать «послушную» Думу и устранить неблагонадежныхъ депутатовъ. Многіе депутаты первой Думы, какъ извѣстно, были преданы суду или просто арестованы; роспущеннымъ депутатамъ препятствовали давать избирателямъ отчетъ о своей дѣятельности; сенатскія разъясненія устраняли отъ выборовъ въ деревнѣ интеллигентныхъ людей, были устранены «не домохозяева» и т. д.

Не менѣе энергично дѣйствовала мѣстная администрація «при подготовкѣ» выборовъ. Въ теченіе всего 1906 года происходили аресты и высылки огромнаго числа «неблагонадежныхъ» лицъ. Но особенно усилились аресты передъ

[1]) Цитир. соч., стр. 162.

выборами. Оппозиціонныя газеты конфискуются и не допускаются въ деревню.

Хотя доступъ сторонних агитаторовъ крайне затруднился, но среди крестьянъ еще сохранялись остатки революціонныхъ организацій. Крестьяне тайно устраивали собранія для обсужденія избирательной кампаніи. При оппозиціонномъ настроеніи, несмотря на всѣ препятствія, отъ крестьянъ прошло большинство выборщиковъ, принадлежащихъ къ оппозиціоннымъ партіямъ. По подсчетамъ А. Смирнова, къ 21 января составъ вновь избранныхъ крестьянскихъ уполномоченныхъ опредѣлился такой: изъ 1474 уполномоченныхъ—884 человѣка, или 60%, вполнѣ сознательно принадлежало къ оппозиціоннымъ партіямъ. Къ правымъ же партіямъ принадлежало только 152 человѣка или 10%. Изъ остальныхъ—400 называли себя безпартійными, 24—умѣренными и 4—октябристами. Администрація начала арестовывать уполномоченныхъ; тѣмъ не менѣе во вторую Думу отъ крестьянъ прошло значительно больше депутатовъ, принадлежащихъ къ революціоннымъ партіямъ, чѣмъ въ первую Думу. Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

	Соціалисты.	Радик. демокр.		Кадеты.	Правые.	Безпарт.
Въ первой Думѣ . . .	3.1 %	29.9 %	33 %	34.4 %	18 %	14.6 %
Въ второй Думѣ . . .	38.2 %	23.6 %	61.8 %	29.9 %	6.7 %	2.3 %

Избравши «своихъ» депутатовъ, крестьяне продолжаютъ обращаться къ нимъ съ приговорами и наказами, но эти приговоры уже не выражаютъ того приподнятаго настроенія, которое чувствуется въ приговорахъ, адресованныхъ въ первую Думу.

Этотъ упадокъ настроенія замѣчается и на мѣстахъ, въ аграрномъ движеніи. Къ концу 1906 года крестьянское движеніе ослабѣваетъ и въ 1907 году уже не проявляется съ прежней силой.

Характерной особенностью движенія 1907 года является его распыленность. Правда, порубка лѣсовъ, стачки дѣлаются «скопомъ», но и они не захватываютъ сплошныхъ раіоновъ, а поджоги, смѣнившіе массовые разгромы, производились тайно отдѣльными личностями. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются «разборки» помѣщичьяго хлѣба и инвентаря. Движеніе пошло на убыль....

Особенно сильно безпокоили помѣщиковъ поджоги ихъ усадебъ. Сильно распространились поджоги въ Курской губ., преимущественно въ волостяхъ, гдѣ было движеніе въ 1906 году. Курскіе дворяне, встревоженные этимъ, подаютъ на Высочайшее имя телеграмму, въ которой дворянство проситъ подтвердить неприкосновенность частной собственности.

Въ Саратовской губ., въ Сердобскомъ и Аткарскомъ у., на ряду съ поджогами и рубкой лѣса, встрѣчаются случаи и разборки помѣщичьяго хлѣба

и инвентаря. Въ другихъ уѣздахъ Саратовской губ., на ряду съ поджогами помѣщичьихъ усадебъ, обостряется взаимное озлобленіе богатыхъ и бѣдныхъ слоевъ крестьянства, сопровождающееся также взаимными поджогами и убійствами. Это взаимное озлобленіе явилось результатомъ того, что пониженіемъ арендной платы, вызваннымъ предыдущимъ аграрнымъ движеніемъ, воспользовались зажиточные слои населенія, которые теперь, при упадкѣ настроенія, стремились упрочить свое хозяйство на почвѣ *существующихъ* хозяйственныхъ отношеній.

О пожарахъ сообщается изъ всѣхъ раіоновъ Европейской Россіи, но учесть размѣры пожаровъ и степень ихъ распространенія почти невозможно. То изъ того, то изъ другого уѣзда сообщаютъ: «горимъ, горимъ, горимъ»!

Повидимому, въ большей части центральной Россіи эта форма борьбы съ землевладѣльцами сдѣлалась въ 1907 году самой распространенной и достигла небывалыхъ размѣровъ. Но свѣдѣнія о пожарахъ самыя неопредѣленныя. Изъ Радомской губ. телеграфируютъ: помѣщичьи усадьбы горятъ. Помѣщики бѣгутъ въ города, оставляя свои хозяйства на произволъ судьбы. Изъ Нѣжинскаго у. пишутъ: «каждую ночь видны зарева пылающихъ экономій». Изъ Рязани: «въ разныхъ пунктахъ губерніи, преимущественно въ южныхъ уѣздахъ, запылали помѣщичьи усадьбы и экономіи и съ нѣкоторыми перерывами продолжаютъ горѣть и теперь. Съ наступленіемъ вечера то та, то другая сторона неба озаряется свѣтомъ пожара; мужики, завидѣвъ зарево, сумрачно говорятъ: «Наши попаливаютъ». Изъ Кіевской губ. сообщаютъ, что въ Васильковскомъ у. чуть не каждую ночь было по 5—7 пожаровъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Тоже сообщаютъ изъ Звенигородскаго у.

Изъ Поволжскихъ губ. пишутъ: «что ни ночь, то пожары. Земскіе страховые агенты констатируютъ, что весной 1907 года было вдвое больше пожаровъ, чѣмъ въ предыдущемъ году». Тоже самое происходитъ въ Полтавской губ. и т. д. и т. д. [1]) «Землевладѣльцы испытываютъ настоящую панику, пишутъ изъ Курской губ. въ «Голосъ Москвы». Поджигаютъ, главнымъ образомъ, хлѣбъ—и въ скирдахъ, и въ клуняхъ, иногда на току, во время молотьбы. Дѣло въ томъ, что врагъ.... массами не выступаетъ, какъ въ прошломъ году, а между тѣмъ держитъ землевладѣльцевъ буквально въ осадномъ положеніи. Врагъ неуловимъ..... Охрана стала почти безполезною.... Существуютъ поджигательныя дружины»...

Были случаи поджога по жребію. Такъ, въ Минскомъ окружномъ судѣ судился крестьянинъ за поджогъ, который былъ сдѣланъ крестьяниномъ по постановленію мірскаго союза, и сдѣланъ по жребію. Въ Васильковскомъ у. только у одной граф. Браницкой было сожжено около 10 экономій, говорятъ, сообществомъ крестьянъ, рѣшившимъ пожарами «выжить пановъ».

Даже тамъ гдѣ раньше были забастовки, въ 1907 году движеніе стало выражаться въ поджогахъ, кражахъ и проч., потому что помѣщики приняли всѣ мѣры, чтобы не дать вспыхнуть забастовочному движенію, выписавши рабочихъ изъ другихъ раіоновъ, нанимая «охрану» и проч.

---

[1]) См. „Аграрный вопр“. стр. 378—9.

Тѣмъ не менѣе, во многихъ уѣздахъ,—по подсчету С. Прокоповича [1]) въ 28 уѣздахъ,—было болѣе или менѣе организовано забастовочное движеніе, главнымъ образомъ, въ Югозападномъ краѣ. Но и въ этомъ раіонѣ забастовки проявились слабѣе, отчасти вслѣдствіе многочисленныхъ арестовъ и тяжелыхъ репрессій, вызвавшихъ анархическія формы «распыленной» борьбы. Аресты были, главнымъ образомъ, въ раіонахъ наиболѣе сильнаго вліянія украинскаго областного союза (спилки), подъ руководствомъ котораго происходило стачечное движеніе въ 1906 году. Озлобленіе крестьянъ, вызванное репрессіями, выразилось въ увеличеніи числа «экспропріацій» и поджоговъ.

На ряду съ поджогами происходятъ столкновенія крестьянъ съ представителями мѣстной администраціи, выражающіяся въ мѣстномъ террорѣ: убиваютъ мелкихъ представителей власти: урядниковъ, стражниковъ, старшинъ, чаще же всего доносчиковъ и шпіоновъ.

Забастовки, какъ мы замѣтили, происходили, главнымъ образомъ, въ Югозападномъ краѣ. Здѣсь, несмотря на репрессіи, сохранились связи крестьянъ съ украинскимъ соц.-демократическимъ союзомъ (спілкой) и стачки были организованными.

Забастовки начались въ этомъ раіонѣ около половины мая на свекловичныхъ плантаціяхъ.

Однимъ изъ основнымъ мотивовъ забастовокъ являлся вопросъ о пришлыхъ рабочихъ. Хозяева, ожидая забастовокъ и стараясь обезпечить себя, нанимали сторонніхъ рабочихъ. На этой почвѣ и возникли наиболѣе крупныя столкновенія, которыя имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, въ Кіевской губ. въ Бердичевскомъ, Липовецкомъ, Звенигородскомъ, Уманскомъ, Сквирскомъ и др. уѣздахъ и частію въ Подольск. губ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, забастовка сельскохозяйственныхъ рабочихъ охватываетъ собой слѣдующіе уѣзды: Сѣвскій, Малоархангельскій—Орловской губ., Глуховской—Черниговской губ., Путивльскій, Льговскій, Фатежскій и Щигровскій—Курской губ., а также нѣсколько уѣздовъ Екатеринославской губ.

Широкое забастовочное движеніе было въ Опочецкомъ и Новоржевскомъ уѣздахъ Псковской губ., гдѣ «толпа крестьянъ въ 100 и болѣе человѣкъ двигалась отъ одного имѣнія къ другому, предъявляя всюду одни и тѣ же требованія: 1 рубль въ день мужчинѣ за косьбу и 75 коп. женщинѣ. Въ случаѣ отказа снимали рабочихъ. Значительная часть помѣщиковъ согласилась повысить плату на 20 коп. противъ прежней цѣны». Прибыла полиція и рота солдатъ.

Своеобразное движеніе въ 1907 году развивается на Волыни, гдѣ во главѣ столкновеній съ помѣщиками стоитъ «союзъ русскаго народа». «Въ имѣніи Грохольскаго произошло кровавое столкновеніе со стражниками». Въ имѣніи Подгоруцкаго уничтожены посѣвы и т. д. Такого рода сообщенія сопровождаются прибавленіемъ: «крестьяне, участвовавшіе въ безпорядкахъ, числятся союзниками». Эти явленія были результатомъ агитаціи Почаевскаго монастыря, съ монахомъ Иліодоромъ во главѣ, противъ польскихъ помѣщиковъ. Агитаторы союза приводили слѣдующій аргументъ: «кто запишется въ «союзъ русскаго народа», дастъ

---

[1]) „Аграр. движ. въ 1907 году". „Тов". № 392.

полтинникъ и получитъ значекъ, тотъ будетъ русскимъ и получитъ право на участіе въ раздѣлѣ польской земли; кто не запишется, тотъ не русскій и земли не получитъ».

На почвѣ такой антипольской агитаціи проходили выборы въ Государственную Думу и съ большимъ успѣхомъ....

Широкое аграрное движеніе въ концѣ 1906 и въ началѣ 1907 года развилось на поссессіонныхъ заводахъ Урала, гдѣ земельныя отношенія горнозаводскихъ крестьянъ съ управленіями заводовъ были крайне запутаны и ненормальны.

Въ декабрѣ 1906 года до населенія донеслись извѣстія, что заводчики готовы выкупить поссессіонныя земли, уплачивая по 2 копѣйки въ годъ за десятину, съ разсрочкой на 30 лѣтъ. Эта «справедливая» оцѣнка естественно вызвала недовольство мѣстнаго населенія, которое уже раньше организовало волостные комитеты для урегулированія земельныхъ отношеній съ землевладѣльцами. Весной и лѣтомъ 1907 года движеніе разрослось: происходили постоянно собранія то въ той, то въ другой части горнозаводскаго Урала. Отношенія съ администраціей обострились. Въ нѣкоторыя мѣста были посланы солдаты, производилась масса арестовъ, было нѣсколько столкновеній съ полиціей, но въ концѣ концовъ движеніе было подавлено.

На характеристикѣ экономическаго положенія крестьянства мы остановимся въ спеціальной статьѣ объ экономическомъ положеніи крестьянства во время и послѣ революціи. Здѣсь мы укажемъ лишь на непосредственные результаты аграрнаго движенія. Аграрное движеніе повело къ временному пониженію арендныхъ цѣнъ въ раіонахъ наиболѣе сильнаго аграрнаго движенія, къ повышенію заработной платы въ раіонахъ сильнаго забастовочнаго движенія и къ усиленной мобилизаціи дворянскихъ земель. Въ Саратовской губ., гдѣ было очень сильное крестьянское движеніе, было предложено крестьянскому банку, за періодъ съ 3-го ноября 1905 года по 1-е янв. 1907 года, купить 503 имѣнія съ площадью въ 707 тыс. дес., а по всему восточному раіону (Саратовской, Пензенской, Уфимской, Симбирской и Казанской губ.) было предложено 1.306 имѣній съ 1.559 тыс. десятинъ. Кромѣ того большое количество сдѣлокъ по продажѣ земли крестьянамъ было совершено помимо крестьянскаго банка.

Арендныя цѣны въ Саратовской губерніи въ 1905—6 г. значительно понизились. Напр. въ Аткарскомъ у., вмѣсто 16 р. 17 к.—10 р. 45 к., въ Балашовскомъ вмѣсто 17 р. 73 к.—14 р. 95 коп. въ Сердобскомъ—было 17 р. 84 к., стало—14 р. 20 коп. и т. д.

Заработная плата въ Югозападномъ раіонѣ, гдѣ были наиболѣе организованныя стачки, повысилась въ слѣдующихъ размѣрахъ:

		средняя за 1902—4 г.	за 1905 г.	за 1906 г.
Подольская губ.	сѣвъ	35 коп.	35 коп.	45 коп.
	сѣнокосъ	45 »	50 »	65 »
Кіевская »	сѣвъ	38 »	45 »	50 »
	сѣнокосъ	55 »	70 »	80 »
Волынская »	сѣвъ	36 »	35 »	45 »
	сѣнокосъ	46 »	60 »	60 »

Въ зависимости отъ хозяйственныхъ условій и формъ аграрнаго движенія получились не только различные результаты, но и этими результатами воспользовались различные слои населенія.

Въ районахъ забастовочнаго движенія произошло повышеніе заработной платы и этимъ воспользовались или болѣе бѣдные крестьяне, или батраки. Напротивъ, въ районахъ движенія погромнаго, въ районахъ продовольственной аренды, ея пониженіемъ воспользовались богатые крестьяне, которые имѣли больше средствъ для расширенія аренды по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Это обстоятельство и усилило разслоеніе крестьянства въ такихъ пунктахъ, какъ Саратовская губ., гдѣ богатые крестьяне, воспользовавшись плодами аграрнаго движенія, стали бороться противъ крестьянской бѣдноты. Разслоеніе крестьянства еще болѣе усилилось, благодаря законодательству правительства, которое закономъ 9 ноября дало толчекъ къ раздѣлу общинныхъ земель.

П. Масловъ.

Прилоѫеніе.

А. МАРТЫНОВЪ.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма.

I. Группа освобожденія труда.

Критика „Народной Воли". Борьба съ народничествомъ. Національныя особенности русской революціи.

Марксизмъ съ самаго начала выступалъ у насъ не какъ абстрактное ученіе о капиталистическомъ обществѣ, о борьбѣ труда съ капиталомъ, а какъ единственный конкретный и непротиворѣчивый отвѣтъ на вопросы, выдвинутые нашей «самобытной» дѣйствительностью и именно практикой движенія 1870—1880 гг.

Революціонное народничество въ концѣ 70-хъ гг. практически обанкротилось еще раньше, чѣмъ оно было теоретически опровергнуто. Безплодность соціально-революціонной работы въ деревнѣ, гдѣ пропагандисты, по выраженію № 1 «Народной Воли», «бились, какъ рыба объ ледъ», и жестокія преслѣдованія правительства положили конецъ «хожденію въ народъ» разночинной интеллигенціи и вовлекли ее стихійно въ террористическую борьбу, т. е. фактически въ борьбу съ абсолютизмомъ, вопреки господствовавшей въ ея средѣ теоріи, которая отрицала всякое государство и всякую «политику».

Практически дѣло революціоннаго народничества было проиграно. Но революціонеры, выступившіе инстинктивно на новый путь политической борьбы, первоначально даже не изъ общеполитическихъ мотивовъ, а изъ чувства мести и ради огражденія чести партіи, продолжали оставаться на старой теоретической почвѣ бакунизма. Создалось, такимъ образомъ, противорѣчіе между теоріей и практикой.

Вотъ это-то противорѣчіе побудило небольшую группу народниковъ-чернопередѣльцевъ, оставшихся вѣрными старому принципу, что «освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса», и «раздражавшихся непослѣдовательностью» террористовъ, приступить къ «внимательному изученію соціальнаго вопроса» заграницей.

Первоначальная цѣль этихъ теоретическихъ изысканій была—болѣе глубокое обоснованіе терявшаго кредитъ народничества, неожиданнымъ результатомъ—капитуляція передъ марксизмомъ, единственнымъ ученіемъ, которое безъ

противорѣчій примиряло политическую борьбу съ принципомъ самоосвобожденія рабочаго класса.

«Споры съ террористами», разсказываетъ Г. В. Плехановъ, «вращавшіеся главнымъ образомъ, вокругъ вопроса о томъ, имѣетъ ли *соціалистъ* право заниматься *политической борьбой*, заставляли насъ глубже вдуматься въ главнѣйшія теоретическія основы нашего ученія, и тутъ, противъ нашего ожиданія, въ глубинѣ нашей души начиналъ пошевеливаться червякъ разъѣдающаго сомнѣнія» [1]).

Ближайшее ознакомленіе съ литературой современнаго научнаго соціализма заграницей весьма скоро разрѣшило эти «сомнѣнія» нашихъ народниковъ-чернопередѣльцевъ въ положительномъ смыслѣ. «По крайней мѣрѣ, о себѣ я могу съ увѣренностью сказать», говоритъ Г. В. Плехановъ, «что уже ко времени выхода второго номера «Чернаго Передѣла», т. е. лѣтомъ... 1880 г., я былъ уже едва ли не на половину соціалдемократомъ» [2]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что *марксизмъ и народовольчество были у насъ почти историческими близнецами*. Та же самая причина—обнаружившіяся на опытѣ безсиліе бунтарства и неизбѣжность для соціалистовъ борьбы за политическую свободу—породила почти единовременно и *практику* народовольцевъ, завоевавшихъ себѣ быстро симпатіи революціонеровъ и относившихся весьма беззаботно ко всякимъ теоріямъ, и *теоретическую* эволюцію небольшой группы революціонеровъ въ сторону марксизма, закончившуюся въ періодъ упадка «Народной Воли», послѣ чего понадобилось еще 10 лѣтъ пропаганды чтобы новое ученіе претворилось въ широкое практическое движеніе.

Сознаніе необходимости политической борьбы, до котораго народовольцы дошли эмпирически, ощупью, а бывшіе чернопередѣльцы теоретически, до извѣстной степени примирило и сблизило ихъ между собой, но только до извѣстной степени. Пока народовольцы вели героическое единоборство съ абсолютизмомъ, пока они дѣлали исторію, піонеры марксизма не подвергали критикѣ ихъ противорѣчивую и устарѣлую теоретическую позицію, чтобы не бросать палки подъ колеса единственной въ то время активной партіи. Но теоретическая безпринципность народовольцевъ скоро дала себя почувствовать на практикѣ. Когда, послѣ 1-го марта 1881 г., террористическіе рессурсы «Народной Воли» были истощены, когда, параллельно и въ тѣсной связи съ упадкомъ революціонной энергіи, у вождей ея стали роиться фантастическіе планы «захвата власти» соціалистами, наши первые марксисты ясно поняли, что народническіе теоретическіе предразсудки составляютъ непреодолимое препятствіе для развитія революціоннаго движенія и что выходъ изъ тупика, въ которомъ очутилась «Народная Воля», возможенъ только въ томъ случаѣ, если она окончательно порветъ съ самобытной народнической теоріей и станетъ на точку зрѣнія современнаго научнаго соціализма.

Тогда марксисты и рѣшили открыто выступить у насъ съ критикой баку-

---

[1]) См. Г. В. Плехановъ. Почему и какъ мы разошлись съ редакціей „Вѣстника Народной Воли". „Искра", № 54. 1-го декабря 1903 г.

[2]) Ibid.

нистской теоріи и заговорщицкой тактики и съ пропагандой научнаго соціализма. Эта критика, данная въ брошюрѣ Г. В. Плеханова «Соціализмъ и политическая борьба», преслѣдовала цѣль не разрушенія партіи «Народной Воли», а, напротивъ, ея возрожденія, и она была еще настолько благожелательна, что должна была, по соглашенію съ Л. Тихомировымъ, появиться въ 1-ой книжкѣ «Вѣстника Народной Воли», въ редакцію котораго вслѣдъ за С. Кравчинскимъ и П. Лавровымъ вступилъ по приглашенію и Г. В. Плехановъ [1])...

Въ своей брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба», Г. В. Плехановъ опровергаетъ, во 1-хъ, теоретически тѣ бунтарскіе предразсудки противъ политической борьбы, отъ которыхъ народовольцы уже практически отказались; во 2-хъ, тѣ утопическіе взгляды на осуществленіе соціализма, которыхъ народовольцы еще придерживались и которые мѣшали имъ вести политическую борьбу въ цѣлесообразныхъ формахъ. «Типичнымъ образчикомъ этихъ взглядовъ было извѣстное пророчество народовольцевъ о томъ, что въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи 90% депутатовъ явятся сторонниками соціальной революціи, если только мы добьемся всеобщаго избирательнаго права»... Эта фикція, хотя и «укрѣпляла временно энергію бойцовъ, нуждавшихся въ теоретическомъ обоснованіи своей практической дѣятельности» [2]), имѣла крайне вредныя практическія послѣдствія.

«Не пора ли,—писалъ Плехановъ въ «Нашихъ разногласіяхъ»,—перестать пугать общество появленіемъ «краснаго призрака» съ той стороны, съ которой никогда не можетъ появиться красное знамя рабочаго класса? Толки объ этомъ логически невозможномъ появленіи вредны не по одному тому, что «лишаютъ насъ содѣйствія либераловъ при борьбѣ за конституцію». Они вселяютъ въ насъ ни на чемъ не основанную увѣренность въ томъ, что соціалистическая революція «ждетъ» насъ помимо всякихъ усилій съ нашей стороны, отвлекаютъ наше вниманіе отъ самаго важнаго пункта: *организаціи рабочаго класса для борьбы съ его настоящими будущими врагами*» [3]).

Говоря о пропагандировавшемся въ «Народной Волѣ *захватѣ власти*, Плехановъ замѣчаетъ: «Мы не принадлежимъ къ числу принципіальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей». По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собой послѣдній и притомъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую на извѣстной ступени общественнаго развитія долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, отличается отъ диктатуры группы революціонеровъ-разночинцевъ». [4]).

Эта задача, которую себѣ поставила теперь «Народная Воля», подсказывалась ей все той же народнической вѣрой, что отсталая крестьянская Россія находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для соціалистической революціи. Основываясь на этой «старой вѣрѣ», народовольцы ставили себѣ фан-

---

[1]) Ibid.

[2]) См. Г. В. Плехановъ. Соціализмъ и политическая борьба. Сочиненія, т. I-й, стр., 160.

[3]) См. Г. В. Плехановъ. Наши разногласія. Сочиненія, т. I, стр. 311.

[4]) Ibid., стр. 201.

тактическія задачи, которыя въ *послѣднемъ счетѣ* грозили дезорганизовать больше всего силы революціи.

Плехановъ далѣе показываетъ, что успѣхъ заговора въ условіяхъ даннаго момента возможенъ лишь цѣною вытравленія изъ него всякаго революціоннаго содержанія; въ случаѣ же сохраненія послѣдняго, заговоръ соціалистической интеллигенціи обреченъ на неуспѣхъ.

«Честь сообщенія новаго размаха нашему движенію безспорно принадлежитъ «Народной Волѣ», говоритъ Г. В. Плехановъ, но партія «Народной Воли» есть дѣтище переходнаго времени». Въ ея программѣ еще много фантастическихъ элементовъ, вытекающихъ изъ ея стремленія примирить свою практику съ народнической теоріей, утверждающей, что «старыя формы нашей народной жизни .... могутъ «развиться въ высшую коммунистическую форму» безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной *рабочей* соціалистической партіи [1]). Отъ этихъ народническихъ предразсудковъ, отъ этого устарѣлаго утопическаго балласта «Народная Воля» должна освободиться, если она не хочетъ идти на встрѣчу своему вырожденію.

«Связывать въ одно два такихъ существенно различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и соціалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разсчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества—*значитъ отдалять наступленіе и того, и другого.* Но отъ насъ зависитъ *сблизить* эти два момента. Мы должны послѣдовать прекрасному примѣру нѣмецкихъ коммунистовъ, которые, по словамъ манифеста, «шли рядомъ съ буржуазіей, поскольку она являлась революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, и въ то же время не переставали вырабатывать въ умахъ рабочихъ болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата [2]). «Единственной не фантастической цѣлью русскихъ соціалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій, съ одной стороны, и выработка элементовъ для образованія будущей *рабочей соціалистической партіи* Россіи — съ другой» [3])....

* * *

Надежда нашихъ первыхъ марксистовъ на то, что партія «Народной Воли» усвоитъ точку зрѣнія научнаго соціализма и, такимъ образомъ, выйдетъ изъ тупика, не оправдалась и, какъ теперь для насъ ясно, не могла оправдаться.

Народовольчество не было началомъ новой революціонной эры, а послѣднимъ героическимъ усиліемъ революціонеровъ «старой вѣры» осуществить царство соціализма на почвѣ разлагающагося натуральнаго быта крестьянъ. Народовольцы, по удачному выраженію Г. В. Плеханова, «упрашивали старуху-исторію потоптаться на одномъ мѣстѣ, пока они проложатъ для нея новые, болѣе прямые и торные пути». «Отпираясь» отъ хода историческаго развитія вмѣсто того, чтобы «опереться» на него, народовольчество, послѣ ряда пораженій, есте-

[1]) Ibid., стр. 155, 156, 196, 141.
[2]) Ibid., стр. 212, 213.
[3]) Ibid., стр. 288.

ственно, должно было извѣриться въ революціи и причалить къ пристани мелкобуржуазнаго реформизма народниковъ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ.

Крупнѣйшій народническій публицистъ, Н. К. Михайловскій былъ въ такой же мѣрѣ теоретикомъ революціонныхъ народовольцевъ, мечтавшихъ о захватѣ власти для соціалистическаго переворота, какъ и послѣдующаго поколѣнія культурниковъ и либеральныхъ народниковъ, которые противоставляли созидательную «творческую» силу крестьянства безплодной «разрушительной» силѣ пролетаріата и готовы были въ большей или меньшей степени поступиться политическими требованіями «общества» для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить «народу» осуществленіе экономическихъ реформъ сверху.

Духъ критики отлетаетъ отъ партіи вмѣстѣ съ духомъ жизни. Какъ разъ въ то самое время, когда стали явно обнаруживаться признаки разложенія партіи «Народной Воли», когда Л. Тихомировъ, какъ онъ впослѣдствіи признался, уже считалъ партію «трупомъ», когда она уже начала заражаться ядомъ дегаевщины, ея руководители особенно укрѣпились въ своихъ теоретическихъ предразсудкахъ и послѣ нѣкоторыхъ колебаній окончательно отказались принять «Группу Освобожденія Труда», какъ таковую, какъ организацію, въ партію [1]).

Марксистамъ очевидно стало, что русское освободительное движеніе нуждается не въ «реформѣ», а въ «революціи», и что насущнѣйшей очередной задачей является теоретическая переоцѣнка всѣхъ старыхъ идейныхъ цѣнностей. За эту работу и взялась «Группа Освобожденія Труда».

Народническое міровоззрѣніе, какъ извѣстно, держалось на двухъ китахъ, на «субъективномъ методѣ» въ соціологіи и на «самобытной» теоріи русскаго экономическаго развитія. Противъ этихъ китовъ концентрировала свою аттаку «Гр. Осв. Тр.» въ лицѣ Г. В. Плеханова. Рѣшающее значеніе въ этой войнѣ имѣли два его произведенія—«Наши разногласія» (1884 г.) и «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» Бельтова (1895 г.).

Главный теоретическій грѣхъ «субъективной школы русской соціологіи» заключался въ томъ, что она не сумѣла рѣшить и даже правильно поставить вопросъ—объ отношеніи свободы къ необходимости. Этого вопроса уже касаются первыя произведенія Плеханова, спеціально ему посвящается его книга «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію».

Бельтовъ показываетъ, какъ тщетно пытались рѣшить эту важнѣйшую философскую проблему предтечи марксизма—французскіе матеріалисты XVIII вѣка, французскіе историки временъ реставраціи, соціалисты-утописты и нѣмецкая идеалистическая философія, на какія противорѣчія всѣ они наталкивались, и какимъ образомъ эти противорѣчія нашли свое примиреніе и разрѣшеніе въ діалектическомъ матеріализмѣ Маркса и Энгельса. Попутно Бельтовъ показываетъ, какъ наши соціологи-субъективисты, претендующіе на самобытность и оригинальность, фактически тащатъ насъ назадъ отъ Маркса и Энгельса черезъ Бруно Бауэра и соціалистовъ-утопистовъ къ философіи XVIII вѣка, подтверждая на своемъ собственномъ примѣрѣ слова Н. Михайловскаго: «Мы... играемъ отно-

[1]) См. Г. В. Плехановъ. Почему и какъ мы разошлись съ редакціей „В. Н. В. „Искра“ № 54.

сительно Зап. Европы роль кухарки, получающей отъ барыни по наслѣдству старомодныя шляпки».

Н. К. Михайловскій «научно» обосновалъ свою «формулу прогресса» законами физіологіи и біологіи. Бельтовъ показываетъ, что это мнимо-научное обоснованіе «теоріи прогресса» есть повтореніе неудачной попытки Ог. Конта и еще болѣе ранней и столь же неудачной попытки одного сенъ-симониста. Онъ показываетъ, что Михайловскій игнорируетъ особые соціологическіе законы и прибѣгаетъ къ поверхностной аналогіи съ естественными науками, даетъ на самомъ дѣлѣ не законы проявлявшагося и въ прошлой исторіи общественнаго развитія, а лишь «гигіеническій рецептъ» для этого развитія [1]).

Столь же утопичны всѣ наши «реалистическіе» элементы народническаго міровоззрѣнія.

Николай—онъ и другіе народники-субъективисты считали себя неповинными въ утопизмѣ, потому что они свои «средства для устраненія» капитализма не выдумывали изъ головы, а находили въ «наличныхъ матеріальныхъ условіяхъ производства», въ натуральномъ общинномъ хозяйствѣ нашихъ крестьянъ. Но планы Фурье тоже не противорѣчили «матеріальнымъ условіямъ» современнаго ему производства. Однако, онъ былъ утопистъ. И такіе же утописты они, потому что они разсматриваютъ наши экономическія «условія» такими, *каковы они есть*, а не такими, *какими они становятся*, потому что они игнорируютъ связанное съ этимъ направленіе въ развитіи общественныхъ силъ и, подобно Фурье, возлагаютъ свои надежды на общественныя силы, которыя или не смогутъ или не захотятъ осуществить ихъ планы. И жалобы народниковъ на «наши» прошлыя историческія «ошибки», какъ двѣ капли воды напоминаютъ увѣренія Сенъ-Симона, что «во время революціи правительство *по недоразумѣнію* пошло противъ законныхъ требованій промышленниковъ» [2]).

Французскіе матеріалисты XVIII в. вращались въ заколдованномъ кругу: они разсматривали «всѣ психическія функціи человѣка, какъ видоизмѣненія ощущеній», и «считали всѣ понятія человѣка результатомъ воздѣйствія на него окружающей среды». Но, будучи чужды идеѣ общественной эволюціи, они, какъ только дѣло касалось исторіи, покидали свою матеріалистическую точку зрѣнія и заявляли, что «міръ (т. е. общественныя отношенія людей) управляется мнѣніемъ» [3]).

Марксъ въ свое время указалъ на источникъ этихъ противорѣчій: «Главный недостатокъ матеріализма, до Фейербаховскаго включительно», говорилъ онъ, «состоялъ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣйствительность, предметный... міръ лишь въ формѣ *объекта*..., а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности..., не субъективно. Поэтому *дѣятельную* сторону, въ противоположность матеріализму, развивалъ до сихъ поръ идеализмъ, но развивалъ отвлеченно» [4]). Этотъ недостатокъ въ полной мѣрѣ присущъ и народникамъ-субъективистамъ, разсмат-

---

[1]) См. Бельтовъ. Къ вопр. о развитіи монист. взгляда на исторію. Стр. 54, 55, 57, 58.

[2]) Ibid. стр. 49, 50, 51.

[3]) Ibid. стр. 56, 56.

[4]) Ibid. стр. 178, 179 и слѣд.

ривающимъ «народъ» лишь какъ «объектъ» для благодѣтельнаго воздѣйствія надклассовой «интеллигенціи». На этомъ заблужденіи П. Лавровъ построилъ въ своихъ «Историческихъ письмахъ» пресловутую теорію «критически-мыслящихъ личностей», теорію, которую онъ всецѣло заимствовалъ у Бруно Бауэра, раскритикованнаго Марксомъ въ «Die heilige Familie».

Раздѣлаться окончательно съ субъективнымъ идеализмомъ при изученіи исторіи, т. е. съ метафизикой, и опредѣлить условія освобожденія русскаго народа, условія, при которыхъ русская «толпа» сама станетъ героемъ историческаго дѣйствія, возможно только, рѣшивши проблему объ отношеніи свободы къ необходимости. Но народники не только не приблизились, но значительно удалились отъ ея рѣшенія по сравненію съ предыдущимъ поколѣніемъ русской передовой интеллигенціи.

Еще въ 1890 г. въ статьяхъ о Н. Г. Чернышевскомъ, а впослѣдствіи въ статьѣ о Бѣлинскомъ, Г. Плехановъ, возстановляя оборвавшуюся нить развитія русской передовой общественной мысли, показывалъ, что эта мысль сдѣлала и чего она не додѣлала въ этой главнѣйшей философской проблемѣ. Въ книгѣ «Къ вопросу о развитіи» онъ показываетъ, какъ этотъ вопросъ пыталась рѣшить и въ концѣ концовъ рѣшила зап.-европейская философская мысль.

Съ точки зрѣнія чисто *антропологической* вопросъ о взаимоотношеніи свободы и необходимости былъ рѣшенъ очень давно. Въ этомъ смыслѣ дали на него правильный отвѣтъ и Спиноза, и Лейбницъ, и матеріалисты XVIII в. «Вообразите», разсуждалъ Спиноза, «что камень мыслитъ, что онъ сознаетъ свое движеніе, доставляющее ему удовольствіе, но не знаетъ его причины... Какъ представится въ такомъ случаѣ камню его собственное движеніе? Непремѣнно, какъ результатъ его собственнаго желанія...; онъ скажетъ себѣ: я движусь, потому что я хочу двигаться. Такова и та человѣческая свобода, которой такъ гордятся всѣ люди...» [1]). Спиноза, впрочемъ, различалъ «свободную» дѣятельность человѣка отъ «несвободной». Но различіе съ точки зрѣнія Спинозы тутъ заключается лишь въ томъ, что «несвободный» человѣкъ дѣйствуетъ непосредственно подъ вліяніемъ аффектовъ, «свободный» же человѣкъ дѣйствуетъ на основаніи накопленнаго и переработаннаго имъ опыта, сознавая необходимость своихъ дѣйствій.

Этимъ рѣшался вопросъ съ точки зрѣнія антропологической, т. е. въ примѣненіи къ человѣку, къ извѣстной зоологической особи. Но этимъ онъ еще не рѣшался въ примѣненіи къ человѣческой *исторіи*. Въ исторіи мы имѣемъ дѣло не съ отдѣльной личностью, а съ массой людей. Чтобы доказать, что и здѣсь свобода *каждаго*, какъ сознаніе необходимости его дѣйствій, не нарушаетъ свободы остальныхъ, необходимо предварительно установить существованіе закономѣрности въ общественныхъ отношеніяхъ людей.

Французскій матеріализмъ XVIII в. не въ состояніи былъ открыть эту закономѣрность, потому что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія абстрактной и неизмѣнной человѣческой природы, потому что ему была чужда идея развитія. Проблему эту сознательно поставила себѣ идеалистическая нѣмецкая философія и въ лицѣ

[1]) Ibid. стр. 88, 89, 90.

Гегеля значительно приблизилась къ ея рѣшенію, благодаря тому, что она стала на точку зрѣнія *діалектическую*.

Съ этой діалектической точки зрѣнія «каждое явленіе, дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ силъ, которыя обусловливаютъ его существованіе, рано или поздно, но неизбѣжно превращается въ свою противоположность» [1]). Все въ мірѣ течетъ и измѣняется, причемъ *количественныя* измѣненія, постепенно накопляясь, раньше или позже, приводятъ къ *качественнымъ*, эволюція подготовляетъ революцію. Съ этой точки зрѣнія различныя общественныя формы, смѣняющія другъ друга въ исторіи, нужно разсматривать не какъ рядъ капризныхъ случайностей, не какъ рядъ ошибочныхъ отклоненій общества отъ разъ навсегда даннаго разумнаго идеала, а какъ послѣдовательныя общественныя фазы, связанныя имманентными, внутренними законами развитія.

Признаніемъ объективной закономѣрности общественнаго развитія нѣмецкая діалектическая философія разрушила кучу вреднѣйшихъ предразсудковъ субъективныхъ идеалистовъ.

Какъ же діалектическая философія Гегеля рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи свободы къ необходимости въ исторіи? Люди, говоритъ она, сознательно преслѣдуютъ свои частныя личныя цѣли, но изъ сознательныхъ поступковъ отдѣльныхъ людей необходимо вытекаютъ неожиданныя для нихъ, непредвидѣнныя ими послѣдствія, касающіяся всего общества, т. е., вліяющія на совокупность взаимныхъ отношеній тѣхъ же людей. Личная свобода этихъ людей безъ ихъ вѣдома претворяется въ историческую необходимость. Съ теченіемъ времени эта историческая необходимость воплощается въ свободу. Съ теченіемъ времени «люди начинаютъ вдумываться въ свой собственный общественный строй», но только тогда, когда этотъ строй уже отжилъ и готовится уступить мѣсто новому порядку. «Сова Минервы вылетаетъ только ночью». Такимъ образомъ, *въ конечномъ счетѣ* въ исторіи не «мнѣніе», не «философія» обусловливаетъ измѣненіе общественныхъ отношеній, а наоборотъ. Въ исторической, какъ и въ индивидуальной дѣятельности свобода опредѣляется, въ конечномъ счетѣ, необходимостью. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, однако, что періодическіе полеты «совы Минервы» безполезны. Напротивъ того, только полеты этой мудрой птицы, только «философія» даетъ твердую опору для цѣлесообразной общественной дѣятельности. Поэтому Гегель приходилъ къ выводу, что «всемірная исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы, который мы должны понять въ его необходимости» [2]).

Такъ Гегель при помощи діалектики рѣшилъ въ примѣненіи къ *исторіи* вопросъ объ отношеніи свободы къ необходимости. Однако, онъ рѣшилъ эту проблему лишь *формально*. Онъ лишь установилъ фактъ существованія исторической необходимости, т. е. закономѣрности общественнаго развитія и связь между этимъ развитіемъ и свободой въ исторической дѣятельности. Но онъ не объяснилъ по существу самой природы общественныхъ отношеній, природы исторической необходимости и не могъ этого объяснить, поскольку его философія была *идеалистической*. Вслѣдствіе этого онъ окольнымъ путемъ приходилъ, въ концѣ концовъ, къ тому же противорѣчію, изъ котораго не могла выпутаться

[1]) Ibid. стр 64.
[2]) Ibid. стр. 70, 87, 93, 94.

философія XVIII вѣка. Окольнымъ путемъ олицетворенія процесса нашего логическаго мышленія (т. е. одной изъ сторонъ человѣческой природы) идеалисты-діалектики вернулись къ той же точкѣ зрѣнія матеріалистовъ XVIII в.» [1]).

Чтобы прорвать заколдованный кругъ, въ которомъ вращалась философская мысль съ XVIII в., нужно было отказаться—окончательно—разъ навсегда отъ попытокъ антропологическаго объясненія исторіи одними свойствами неизмѣнной человѣческой природы, нужно было открыть матеріальную пружину общественнаго развитія, лежащую *внѣ* человѣка. Это сдѣлали Марксъ и Энгельсъ при помощи метода діалектическаго матеріализма и тѣмъ самымъ окончательно рѣшили проблему. Они показали, что сама природа общественнаго человѣка мѣняется подъ вліяніемъ причинъ, лежащихъ *внѣ* его. «Дѣйствуя на внѣшнюю природу, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу». «Въ этихъ немногихъ словахъ», говоритъ Бельтовъ, «содержится сущность всей исторической теоріи Маркса» [2]).

Два момента являются, съ точки зрѣнія Маркса, исходной точкой исторіи человѣчества, во 1-хъ, то, что человѣкъ есть *животное общественное*, во 2-хъ, то, что это общественное животное научилось пользоваться *орудіями*, какъ главнымъ средствомъ въ борьбѣ за свое существованіе. «Въ оруціяхъ труда человѣкъ пріобрѣтаетъ какъ бы новые органы, измѣняющіе его анатомическое строеніе. Съ того времени, какъ онъ возвысился до ихъ употребленія, онъ придаетъ совершенно новый видъ исторіи своего развитія: прежде она, какъ у всѣхъ остальныхъ животныхъ, сводилась къ видоизмѣненіямъ его естественныхъ органовъ; теперь *она становится прежде всего исторіей* усовершенствованія его искусственныхъ органовъ, *роста его производительныхъ силъ*» [3]).

Ростъ производительныхъ силъ есть конечная причина историческаго прогресса. Степень ихъ развитія въ каждую данную историческую эпоху обусловливаетъ опредѣленный способъ общественнаго производства, опредѣленное взаимоотношеніе людей въ процессѣ производства и соотвѣтствующую этому идеологическую надстройку—систему правовыхъ учрежденій, господствующія этическія понятія и пр. Вся эта идеологическая надстройка, какъ бы «идеально» къ ней ни относились члены даннаго общества, опредѣляется его нуждами и интересами, которые, въ свою очередь, обусловливаются экономической структурой общества. Но идеологическая надстройка общества не есть нѣчто постоянное, она мѣняется и раньше или позже «превращается въ свою противоположность». И Марксъ показываетъ, какъ въ исторіи осуществляется этотъ общій законъ діалектическаго развитія; какъ развитіе производительныхъ силъ подготовляетъ революцію въ общественныхъ отношеніяхъ, субъективнымъ агентомъ которой являются прогрессивные общественные классы. Классовая борьба заполняетъ всю исторію человѣчества.

Показавши, какъ она обусловливается развитіемъ производительныхъ силъ и какъ она, въ свою очередь, подготовляетъ и совершаетъ всѣ политическія революціи, Марксъ окончательно заполнилъ пропасть между субъектомъ и объектомъ

[1]) Ibid. стр. 95, 96, 98.
[2]) Ibid, стр. 106.
[3]) Ibid. стр. 110.

исторической жизни, черезъ которую философія XVIII вѣка не въ состояніи была перекинуть мостъ. Эту марксистскую философію исторіи наши народники отвергали, какъ фаталистическую, обрекающую историческую личность на квіетизмъ. Это обвиненіе, говоритъ Бельтовъ, направлено не по адресу. Въ фатализмѣ повинны наши субъективные соціологи: «У субъективнаго идеалиста тотчасъ же за стѣнами крошечнаго садика идеала начинается необъятное поле случайности, а, слѣдовательно, и слѣпой необходимости. Діалектическій матеріализмъ указываетъ тѣ пріемы, съ помощью которыхъ все это необъятное поле можно превратить въ цвѣтущій садъ идеала... средства этого превращенія скрыты въ нѣдрахъ самого того поля, надо только найти ихъ и умѣть воспользоваться ими» [1]).

Г. В. Плехановъ въ своемъ долголѣтнемъ спорѣ съ народниками каждый разъ снова и снова возвращался къ разъясненію и иллюстраціи метода діалектическаго матеріализма, и не даромъ. Закоренѣлые навыки субъективнаго метода мышленія, не выходящаго за предѣлы такъ называемаго здраваго смысла, были главной причиной превратнаго пониманія практической программы новаго революціоннаго теченія и стереотипныхъ обвиненій, которыя сыпались на него. Уже въ «Нашихъ разногласіяхъ» Г. Плехановъ извѣстными словами Энгельса охарактеризовалъ этотъ обычный метафизическій способъ разсужденія народниковъ, благодаря которому г. Тихомировъ, вслѣдъ за В. В., утверждалъ, что «людямъ, убѣжденнымъ въ исторической неизбѣжности русскаго капитализма, остается лишь поступать на службу къ рыцарямъ первоначальнаго накопленія» [2]). То, что г. Тихомировъ говорилъ въ 1883 г., то въ теченіе десяти лѣтъ на всѣ лады повторяли г.г. Кривенко и К°, и Бельтову еще и еще разъ приходилось разъяснять народникамъ, что «приспособлять свои идеалы къ дѣйствительности» еще не значитъ стать «прислужникомъ ликующихъ», ибо «всякая дѣйствительность антагонистична», что «ликующіе опираются на уже отживающую дѣйствительность, подъ которой зарождается новая, дѣйствительность будущаго» [3]).

Нужно было доказать несостоятельность субъективной школы соціологіи, чтобы подготовить почву для объективной оцѣнки экономическихъ судебъ Россіи. Но само собою разумѣется, что вопросъ объ этихъ судьбахъ и съ марксистской точки зрѣнія могъ быть рѣшенъ только на основаніи конкретнаго анализа дѣйствительности. Иначе смотрѣли на это дѣло народники. Н. К. Михайловскій усмотрѣлъ въ свое время въ 1-омъ т. Капитала и въ частности въ главѣ о «первоначальномъ накопленіи» цѣлую философско-историческую теорію. Когда Марксъ по этому поводу въ 1877 г. въ письмѣ къ редактору Отечеств. Записокъ заявилъ, что онъ въ «Капиталѣ» вовсе не намѣренъ былъ дать «теорію историческаго пути народовъ, роковымъ образомъ начертаннаго для каждаго изъ нихъ», и что, по его мнѣнію, частный законъ капиталистическаго развитія придется примѣнить къ Россіи лишь въ томъ случаѣ, «если Россія будетъ продолжать идти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 г.», народники рѣшили, что претензія русскихъ учениковъ Маркса выводить непосредственно изъ «Капитала» будущія судьбы Россіи отнынѣ должна пасть. Но у русскихъ «учениковъ» такой пре-

[1]) Ibid. стр. 202.
[2]) Ibid. стр. 428.
[3]) Бельтовъ, стр. 179.

тензіи не было никогда. Г. В. Плехановъ еще въ первой своей брошюрѣ—«Соціализмъ и политическая борьба» протестовалъ противъ того, что «ученію Маркса подсказывается тотъ смѣшной выводъ, что Россія должна пройти совершенно тѣ же фазы историко-экономическаго развитія, которыя были пройдены Западомъ» [1]). Вопросъ объ экономическихъ судьбахъ Россіи съ точки зрѣнія марксизма, говоритъ онъ, могъ быть рѣшенъ не путемъ дедукціи изъ отвлеченныхъ формулъ, а лишь конкретнымъ анализомъ русской дѣйствительности—и потому онъ уже въ 1884 г. въ «Нашихъ разногласіяхъ» сдѣлалъ первый опытъ такого анализа на основаніи статистическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ народнической экономической литературѣ.

Именно изслѣдованіе роста числа наемныхъ рабочихъ въ Россіи, эволюціи кустарнаго производства и разложенія общиннаго землевладѣнія привело Г. Плеханова къ заключенію, что Россія уже безповоротно вступила на путь капитализма. Въ этомъ его убѣждало, во-1-хъ, то, что нашъ капитализмъ значительно подвинулся впередъ по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда Марксъ высказался еще условно объ его судьбѣ; во-2-хъ, то, что у насъ нѣтъ на лицо внутреннихъ силъ, которыя могли бы совратить Россію съ капиталистическаго пути. Анализъ, сдѣланный Г. Плехановымъ въ 1884 г., болѣе обстоятельно и на основаніи гораздо болѣе обширныхъ матеріаловъ былъ продѣланъ впослѣдствіи въ марксистской литературѣ 90-хъ г.г., въ произведеніяхъ Струве, Ильина, Туганъ-Барановскаго и др. Они пришли къ тому же выводу, что и Плехановъ, съ той лишь разницей, что Г. В. Плехановъ въ 80-хъ г.г. болѣе осторожно оцѣнивалъ завоеванія, которыя уже успѣлъ сдѣлать русскій капитализмъ вообще и въ области земледѣлія въ особенности. Въ «Нашихъ разногласіяхъ» онъ утверждалъ, что въ сферѣ обрабатывающей промышленности «не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежитъ капитализму», въ сферѣ же земледѣлія можно только констатировать непредотвратимую тенденцію къ капиталистическому развитію. Соотвѣтственно съ этимъ онъ пришелъ къ общему выводу: «*Главный потокъ русскаго капитализма пока еще не великъ*..., но въ этотъ потокъ со всѣхъ сторонъ направляется такое множество мелкихъ и крупныхъ ручейковъ,... что быстрый сильный ростъ потока не подлежитъ сомнѣнію» [2]).

Противъ экономическаго прогноза марксистовъ народники, В. В., а впослѣдствіи Николай—онъ, выдвинули пресловутую «теорію рынковъ»: въ Россіи капитализмъ не можетъ имѣть будущаго, говорили они, во 1-хъ, потому, что онъ, разоряя народъ, самъ разрушаетъ свой внутренній рынокъ; во-2хъ, потому, что позднее выступленіе на міровую арену разъ навсегда отрѣзало отъ него внѣшніе рынки. Эта теорія, какъ мы увидимъ, подвергнута была обстоятельной, но односторонней критикѣ въ марксистской литературѣ 90-хъ г.г. Въ общихъ чертахъ несостоятельность ея была доказана Г. В. Плехановымъ въ «Нашихъ разногласіяхъ», а затѣмъ въ «Обоснованіи народничества» (Волгинъ). Плехановъ показалъ, во-1-хъ, что капитализмъ всюду до извѣстной степени самъ создавалъ себѣ внутренній рынокъ, во-2-хъ, что западныя страны тоже не сразу, а лишь

---

[1]) См. Г. Плехановъ. Соціализмъ и полит. борьба. Соч. т. I, стр. 164.

[2]) См. Г. В. Плехановъ. Наши разногласія. Сочин. т. I., стр. 429, 431.

послѣдовательно вступали на капиталистическій путь, наталкиваясь на конкурренцію болѣе передовыхъ странъ, причемъ тамъ, какъ и у насъ, государство тоже принимало на первыхъ порахъ «искусственныя» мѣры къ огражденію національнаго капиталистическаго производства; и эти «искусственныя» мѣры, наряду съ благопріятными географическими условіями для развитія тѣхъ или другихъ отраслей промышленности, помогали этихъ странамъ, какъ помогутъ и намъ, завоевать себѣ мѣсто на міровомъ рынкѣ. Подводя итогъ спору о рынкахъ, Г. Плехановъ, вскорѣ послѣ выхода «Нашихъ разногласій», писалъ: «г. В. В. думаетъ, что, разъ добившись господства на всемірномъ рынкѣ, болѣе развитыя въ промышленномъ отношеніи страны окончательно закрываютъ доступъ къ нему менѣе развитымъ странамъ и тѣмъ толкаютъ эти послѣднія на путь соціальной реформы, каковыя реформы и должны быть предприняты будто бы стоящимъ выше классовыхъ интересовъ правительствомъ... Факты же говорятъ намъ, что менѣе развитыя страны не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а постепенно расчищаютъ себѣ путь на всемірномъ рынкѣ и своей конкурренціей толкаютъ болѣе развитыя страны на путь соціальной революціи, которая будетъ совершена пролетаріатомъ» [1]).

* * *

Какъ разрѣшится конфликтъ между нашимъ «искусственнымъ» капитализмомъ и русскими «самобытными» устоями? Вотъ коренной вопросъ, который поставили революціонные народники, а рѣшили наши первые марксисты. Они рѣшили его въ томъ смыслѣ, что Россія можетъ прійти къ соціализму только черезъ буржуазную революцію и тернистый путь капиталистическаго развитія, и, соотвѣтственно этому, призывали революціонеровъ сосредоточивать свою дѣятельность въ средѣ пролетаріата. Однако пропаганда «Гр. Осв. Тр.» въ теченіе 80 г.г. не находила себѣ отклика; она долго не могла преодолѣть народническую рутину, которая подъ новымъ видомъ культурничества и апологіи «маленькихъ дѣлъ» продолжала властвовать надъ умами интеллигенціи.

Въ виду этого «Гр. Осв. Тр.» *въ то время*, въ 80 г.г., естественно сосредоточивала свое вниманіе не на тѣхъ особенныхъ національныхъ условіяхъ, въ которыхъ зарождалась русская соціалъ-демократія, а, напротивъ, на тѣхъ чертахъ русской жизни, которыя уподобляютъ ее зап.-европейской и тѣмъ самымъ оправдываютъ самое существованіе соц.-демократическаго движенія и въ нашей «самобытной» странѣ.

Еще въ срединѣ 80-хъ г. г., въ народовольческій періодъ, когда Л. Тихомировъ доказывалъ невозможность наступленія буржуазной революціи въ Россіи, ссылаясь на трусость русскихъ буржуазныхъ либераловъ, Г. В. Плехановъ на это отвѣтилъ: «Что значатъ увѣренія историковъ въ томъ, что въ такой-то историческій періодъ буржуазія или—что почти то же самое—общество боролось въ такой-то странѣ противъ абсолютизма? Ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что буржуазія толкала и вела рабочій классъ на борьбу.... обезпечьте нашему «обществу» поддержку однихъ только городскихъ предмѣстій,—и вы увидите, что оно знаетъ, чего хочетъ». [2]) Въ слѣдующій періодъ, въ концѣ 80-хъ г. г.,

[1]) Ibid стр. 385.

[2]) См. Г. Плехановъ. „Наши разногласія". Соч. т. I, стр. 519, 520.

«Гр. Осв. Тр.» продолжала ту же борьбу съ рутинностью нашей радикальной интеллигенціи, оправдывавшей въ то время свою собственную пассивность негодностью русскихъ либераловъ. Этому посвящена была статья Вѣры Засуличъ, написанная въ 90 г., въ которой авторъ доказываетъ, что либералы «отцы» и въ западныхъ революціяхъ 19-го вѣка вели себя не болѣе храбро, чѣмъ наши; что либералы выполняютъ свою миссію, поскольку они, не осмѣливаясь сами идти въ бой, косвенно заражаютъ своихъ «дѣтей» революціоннымъ духомъ, поскольку они въ критическій моментъ на Западѣ заражали и у насъ, вѣроятно, заразятъ нерѣшительностью господствующую власть; что это достаточно благопріятныя условія для того, чтобы наши буржуазныя «дѣти» шли къ рабочимъ, какъ они шли на Западѣ въ 30—40 хъ годахъ. [1]) И Г. Плехановъ въ тотъ періодъ, въ концѣ 80 хъ г. г., систематически бичевалъ ренегатствующую народническую интеллигенцію и указывалъ «новой интеллигенціи» новые пути, ссылаясь на аналогію съ Западомъ. «Уже теперь», писалъ онъ въ 1890 г., «при всемъ разнообразіи революціонныхъ взглядовъ ясно, что только два направленія могутъ у насъ разсчитывать на будущее: либеральное и соціалъ-демократическое». Но русскій либерализмъ еще не опредѣлился въ соціально-политическомъ смыслѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ—нуль. Можно ли, спрашиваетъ онъ, «разсчитывать на политическій смыслъ «общества», въ которомъ главную роль до сихъ поръ играетъ дворянство?...» «Помилуйте, да вѣдь они и сами никогда на себя не разсчитывали! Остается рабочій классъ, на который указываетъ нашимъ революціонерамъ соціалъ-демократія». Но рабочій классъ не будетъ одинокъ, ибо буржуазный либерализмъ еще не сказалъ послѣдняго слова. «Впрочемъ, точно ли оно (дворянство) играетъ до сихъ поръ главную роль?» спрашиваетъ себя авторъ. Оно является у насъ самымъ «культурнымъ» сословіемъ, «но намъ, право, кажется, что въ своихъ отношеніяхъ къ правительству торгово-промышленный классъ проявляетъ гораздо больше зрѣлости... Купечество говоритъ въ прошеніяхъ тономъ человѣка, состоящаго «при своемъ капиталѣ», знающаго, что имъ «за все заплочено» и, поэтому, увѣреннаго, что безъ него дѣло не обойдется. Въ дворянскихъ же адресахъ и ходатайствахъ слышится тонъ человѣка, который нѣсколько поиздержался». Каково же вѣроятное въ будущемъ соотношеніе силъ въ нашей освободительной эпохѣ? «Условія нашей соціальной жизни измѣняются, они уже значительно измѣнились... Поэтому слѣдующій за дворянствомъ классъ, буржуазія, сыграетъ роль уже во многихъ отношеніяхъ похожую на роль западной буржуазіи [2]). Рабочій же классъ прямо не въ состояніи будетъ найти иной роли, чѣмъ та, которую этотъ классъ имѣлъ на Западѣ» [3]). Повторяемъ, до 90-хъ г. г. основной мотивъ пропаганды «Гр. Осв. Тр.» заключался въ томъ, что Россія такъ же, какъ и западныя страны, должна пережить еще *буржуазную революцію*, что въ этой революціи

---

[1]) См. В. Засуличъ: „Революціонеры изъ буржуазной среды": „Соц-демократъ" т. I, 1890 г.

[2]) Тутъ Г. Плехановъ въ примѣчаніи отмѣчаетъ, что и на Западѣ, впрочемъ, буржуазія въ разныхъ государствахъ играла различную роль.

[3]) См. „Соц. демократъ", Кн. I, 1890 г. Внутр. Обозр. стр. 61, 64, 65, 66.

у насъ, какъ и на Западѣ, городскіе рабочіе сыграютъ роль той революціонной силы, которая приступомъ возьметъ твердыню стараго порядка.

Только послѣ голода 91 г., когда, съ одной стороны, политическая пассивность стараго поколѣнія народнической интеллигенціи въ виду народнаго бѣдствія доказала съ очевидностью, что отъ нея больше нечего ждать, когда, съ другой стороны, начавшійся новый подъемъ стачечнаго движенія (92 г.) и первые опыты соц.-демократической кружковой пропаганды въ Россіи создали, наконецъ, для «Гр. Осв. Тр.» свою собственную аудиторію, только тогда она, имѣя въ виду эту соціалдемократическую аудиторію, стала болѣе конкретно разрабатывать основы соц.-дем. тактики въ связи съ русскими національными особенностями, съ которыми эта тактика должна сообразоваться.

Главныя изъ этихъ особенностей—двѣ: во 1), исключительно важное значеніе аграрнаго вопроса въ Россіи, по сравненію не только съ современной Зап. Европой, но и съ прежними аналогичными революціонными эпохами на Западѣ, во 2), возможность организаціи рабочей партіи, какъ самостоятельнаго и *сознательнаго авангарда* въ борьбѣ за буржуазный переворотъ.

«Гр. Осв. Тр.», вышедшая изъ народническаго лагеря и отточившая свое оружіе на критикѣ народничества, всегда удѣляла много вниманія аграрному вопросу въ Россіи. Еще въ 1885 г. въ своемъ проектѣ программы она въ числѣ «ближайшихъ экономическихъ требованій» на первое мѣсто поставила: «радикальный пересмотръ нашихъ аграныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленія ею крестьянскихъ обществъ». Въ томъ же проектѣ она указывала на то, что торжество революціоннаго движенія «послужило бы прежде всего на пользу крестьянства», [1]) и Г. В. Плехановъ въ своей первой же марксистской брошюрѣ—«Соціализмъ и политическая борьба»—отмѣчаетъ условія, при которыхъ соціалисты, идя навстрѣчу крестьянскимъ стремленіямъ, должны были бы ввести «націонализацію земли» въ число своихъ программныхъ требованій. Призывая революціонную интеллигенцію сосредоточивать свою работу въ пролетаріатѣ, Г. Плехановъ въ срединѣ 80-хъ годовъ указываетъ, что это, между прочимъ, послужило бы лучшимъ способомъ для воздѣйствія на крестьянъ, что задача соц.-дем.—организація передовыхъ силъ города «для вовлеченія деревни въ русло всемірно-историческаго движенія». И П. Б. Аксельродъ также, какъ и Плехановъ, и въ 84 г., и въ 89 г. подчеркивалъ въ своихъ статьяхъ, что будущая русская рабочая партія должна «глубоко проникнуться сознаніемъ *тѣсной связи* между условіями благосостоянія крестьянъ и промышленныхъ рабочихъ и пониманіемъ задачъ рабочаго класса, какъ руководителя всѣхъ трудящихся массъ» [2]). Въ брошюрѣ «Задачи соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ» Плехановъ подробно разбираетъ значеніе аграрнаго вопроса въ Россіи и выражаетъ ту мысль, что, если кризисъ въ деревнѣ вызоветъ серьезное движеніе среди крестьянъ, соціалдемократы должны будутъ поддержать его и выставить требованіе экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ. Но какъ согласить эту перспективу съ тѣмъ, что говорится въ «Нашихъ разногласіяхъ». Очень легко, отвѣчаетъ Г. Плехановъ:

---

[1]) См. Программа и объявленіе о возобн. изд. „Гр. Осв. Тр.“ стр. 5 и 7.

[2]) Аксельродъ. Раб. движ. и соц. дем. п. XIII—XIV.

«Въ нашихъ разногласіяхъ» я старательно указывалъ читателю на тотъ фактъ, что община разлагается всего скорѣе именно тамъ, гдѣ землей дорожатъ, т. е. тамъ, гдѣ крестьянское хозяйство поставлено въ сколько нибудь благопріятныя условія» [1]). Къ той же темѣ возвращается по поводу новаго голода 98 г. П. Б. Аксельродъ въ статьѣ, въ которой авторъ доказываетъ, что элементарнѣйшіе интересы промышленныхъ рабочихъ неизбѣжно должны ихъ живо заинтересовать рѣшеніемъ аграрнаго вопроса, который имѣетъ въ Россіи исключительно революціонное значеніе. «Россійскій капитализмъ», говоритъ онъ тамъ, «развиваясь на основѣ самой усовершенствованной техники, въ то же время окруженъ атмосферой соціальнаго варварства, экономическій узелъ котораго завязанъ въ деревнѣ. Крестьянство, получившее въ наслѣдіе отъ «эпохи великихъ реформъ» закрѣпощеніе государству, крайнее малоземелье и непомѣрные платежи, наслѣдство, осложненное прелестями «первоначальнаго накопленія», является главнымъ героемъ «всероссійскаго раззоренія», создающаго колоссальное земледѣльческое перенаселеніе, стѣсняющаго развитіе внутренняго рынка и угрожающаго судьбамъ россійскаго капитализма. Такъ наз. аграрный вопросъ является такимъ образомъ центральнымъ пунктомъ русской жизни и почвой, на которой развивается антагонизмъ между сторонниками раціональнаго капиталистическаго прогресса—подъ флагомъ антикапиталистическимъ—и абсолютизмомъ» [2]).

Приведенныя разсужденія Г. Плеханова и П. Аксельрода легли въ основу постановки аграрнаго вопроса, которая нашла себѣ выраженіе впослѣдствіи въ 1900 г.г. отчасти въ соц.-демократической программѣ, утвержденной на Лондонскомъ съѣздѣ 1903 г., отчасти въ болѣе позднихъ резолюціяхъ по аграрному вопросу, которыя приняты были на съѣздахъ двухъ фракцій въ 1905 г.

Другой вопросъ, который впервые былъ выдвинутъ «Г. О. Т.» только въ серединѣ 90-хъ г. г., былъ вопросъ о руководящей роли пролетаріата въ процессѣ буржуазнаго переворота.

Въ моментъ своего возникновенія «Г. О. Т.» еще не потеряла надежды на то, что народовольческое движеніе возродится, ставши на точку зрѣнія научнаго соціализма, и что оно непосредственно приведетъ къ низверженію стараго порядка. Поскольку, такимъ образомъ, паденіе стараго порядка представлялось ей ближимъ, поскольку, съ другой стороны, рабочее движеніе еще отсутствовало, невозможно было въ то время расчитывать на особенно крупные успѣхи въ развитіи политической сознательности и организованности пролетаріата въ дореволюціонный періодъ. Поэтому Г. В. Плехановъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ еще весьма скромно оцѣнивалъ *степень* самостоятельности, которую сможетъ проявить нашъ пролетаріатъ *до революціи*. Онъ въ этихъ произведеніяхъ доказывалъ, что классовое движеніе рабочихъ самымъ фактомъ своего возникновенія разбудитъ всѣ дремлющія силы населенія, что одни рабочіе въ открытомъ бою способны будутъ нанести рѣшительный ударъ старому

---

[1]) См. Г. Плехановъ. „О задачахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи", 1892 г. стр. 33, 34, 35, 67, 87, 88, 89.

[2]) См. П. Аксельродъ „По поводу новаго народнаго бѣдствія" „Работникъ" № 5—6. 99 г. стр. 172, 177, 211.

режиму. Мало того, ссылаясь на то, что у насъ соціалистическое движеніе возникло за долго до того, какъ капитализмъ пустилъ глубокіе корни въ странѣ, онъ утверждалъ, что у насъ не только рабочіе нужны будутъ для революціи, но что соціалисты смогутъ теперь много сдѣлать для того, чтобы «революція была полезна для трудящагося населенія страны», что при разумной тактикѣ соціалисты смогутъ уже въ періодъ переворота «измѣнить соотношеніе силъ въ пользу рабочаго класса». Тѣмъ не менѣе, онъ въ то время считался, какъ съ наиболѣе вѣроятной перспективой, съ тѣмъ, что до революціи удастся лишь «выработать элементы для образованія будущей рабочей партіи», что только «въ первый періодъ конституціонной жизни Россіи» рабочій классъ сможетъ выступить «въ качествѣ особой партіи».

Только послѣ голоднаго 91 г., окончательно доказавшаго нежизнеспособность стараго поколѣнія интеллигенціи, когда выяснилось, то Россія стоитъ на порогѣ затяжной переходной эпохи, что приходится, нѣкоторымъ образомъ, начинать исторію сначала, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, проявились первые симптомы пробужденія рабочихъ (майскія рѣчи рабочихъ въ 91 г., адресъ, поднесенный рабочими Шелгунову, стачки 92 г. и проч.), только тогда, въ срединѣ 90-хъ г.г., «Гр. О. Тр.» стала все болѣе укрѣпляться въ мысли, что, благодаря особенностямъ историческаго положенія Росссіи, у насъ есть много основаній разсчитывать на то, что пролетаріатъ постепенно возвысится до роли сознательнаго авангарда и даже руководителя буржуазнаго переворота.

Эта мысль проглядываетъ уже во всѣхъ статьяхъ П. Б. Аксельрода, помѣщенныхъ въ «Работникѣ». Въ 97 г. онъ ее высказываетъ ясно, хотя и въ отрывочной формѣ, въ противоположность зарождающемуся тогда такъ наз. «экономизму», въ «Письмахъ о современныхъ задачахъ и тактикѣ». Въ 98 г. онъ ее развиваетъ въ законченномъ видѣ и въ конкретно-историческихъ терминахъ въ статьѣ, помѣщенной въ Neue Zeit, затѣмъ переведенной на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціальной демократіи въ Россіи».

Уже въ 90—92 г.г. П. Аксельродъ въ рядѣ статей, посвященныхъ германской соціалдемократіи, связывалъ ея тактику и ея успѣхи съ тѣмъ, что она играетъ роль авангарда въ борьбѣ за демократизацію страны. Анализируя политическую обстановку, въ которой ей приходится дѣйствовать, онъ показываетъ, что она въ этой роли наталкивается на сопротивленіе почти всѣхъ слоевъ буржуазнаго населенія, потому что на уровнѣ соціально-политическаго развитія Германіи рѣшительная побѣда соціалдемократіи была бы практически прологомъ къ соціалистической революціи. Принципіально отлично, говоритъ Аксельродъ, положеніе вещей въ современной Россіи, гдѣ абсолютизмъ опирается почти исключительно «на инерцію, дезорганизованность и забитость населенія» [1]). Ту-же мысль онъ развиваетъ въ 98 г. на страницахъ Neue Zeit: «Даже въ свободныхъ государствахъ отношеніе къ буржуазіи, какъ къ сплошной одинаковой «реакціонной массѣ», шло бы въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Но извѣстный

[1]) См. П. Аксельродъ „Политическая роль с-демократіи и послѣдніе выборы въ Германскій рейхстагъ“, „Соціалъ-демокр.“ 1902 г, IV стр. 26,45.

политическій лозунгъ германской соціалдемократіи имѣетъ въ основаніи своемъ все таки реальную историческую подкладку... Въ Россіи же, гдѣ историческая почва для такого враждебнаго отношенія всей буржуазіи къ пролетаріату еще не созрѣла, такая тактика стояла бы въ рѣзкомъ противорѣчіи съ реальнымъ положеніемъ этихъ классовъ,... она искусственно способствовала бы изолированію нашего рабочаго движенія въ то время, когда оно еще нуждается въ союзникахъ и во внѣшней помощи» [1]). Аксельродъ указываетъ на то, что наша профессіональная интеллигенція и наши землевладѣльцы-дворяне въ настоящее время особенно терпятъ отъ отсталыхъ методовъ первоначальнаго накопленія и отъ россійскаго раззоренія, связанныхъ со всей нашей политической и финансовой системой, а такъ какъ въ то-же время промышленники и коммерсанты пользуются исключительнымъ покровительствомъ правительства и поэтому живутъ съ нимъ въ ладу, то въ результатѣ у насъ получается сейчасъ своеобразное въ исторіи явленіе: «въ Россіи передовые элементы дворянства и интеллигенціи борются тоже за національные интересы и потребности капиталистическаго прогресса, но только *противъ*... соціальнаго представителя капитализма». Это положеніе, говоритъ авторъ, не прочно: «это было бы противно самымъ элементарнымъ представленіямъ о движеніи общества... Именно, дальнѣйшія, все болѣе и болѣе увеличивающіяся проявленія потребностей и стремленій оппозиціонныхъ, враждебныхъ капиталистической буржуазіи, классовъ и сословій должны вызвать въ недалекомъ будущемъ столкновеніе между ней и правительствомъ»... Но это дѣло будущаго; пока-же изъ *переходнаго* состоянія русскаго либерализма вытекаютъ очень важныя послѣдствія для пролетаріата: «русскій либерализмъ лишенъ пока возможности найти себѣ достаточную поддержку въ имущихъ *массахъ*, чтобы заставить правительство выступить на путь серьезныхъ политическихъ уступокъ». Отсюда вытекаетъ «*политическая* слабость русскаго либерализма», но поскольку либералы занимаютъ очень выгодныя общественныя позиціи, они имѣютъ возможность, побуждаемые своей политической слабостью, содѣйствовать пробужденію общественной инціативы за счетъ бюрократическаго произвола, содѣйствовать распространенію народнаго образованія и проч. Все это само по себѣ не имѣло-бы политическаго значенія. Но тутъ на сцену выступаетъ пролетаріатъ. «Постепенное проникновеніе культурныхъ и общественныхъ элементовъ въ русскую жизнь [2]) создаетъ почву и орудіе для *политическаго* пробужденія пролетаріата уже въ тискахъ абсолютизма. Въ томъ то и заключается революціонное значеніе и центръ тяжести съ формальной, внѣшней стороны политически совершенно невинныхъ усилій нашего либерализма преобразовать русскую дѣйствительность». Не нужно, однако, думать, говоритъ авторъ, что либералы, чувствуя свою слабость, сами готовы будутъ аппелировать къ пролетаріату. Эта задача у насъ выпадаетъ на

---

[1]) Аксельродъ. „Къ вопросу о соврем. задачахъ и тактикѣ русскихъ соц-демократовъ“, 1898 г. стр. 13, 15, 16.

[2]) Еще въ статьяхъ,помѣщенныхъ въ Neue Zeit въ 1892 и 95 гг, П. Аксельродъ показалъ, какъ специфическія условія развитія русскаго государства въ современной международной обстановкѣ создаютъ почву для такого культурнаго подъема народныхъ *низовъ*, котораго не зналъ Западъ въ эпохи буржуазныхъ революцій.

долю демократической интеллигенціи: ее на этотъ путь толкаетъ то же либеральное безсиліе; она не можетъ удовлетвориться «черепашьимъ прогрессомъ», ей претитъ «смиреніе» либераловъ, на знамени ея написанъ лозунгъ—«безпощадная война» съ силами стараго порядка [1]).

Въ чемъ же могутъ заключаться первые шаги интеллигенціи, идущей къ рабочимъ массамъ? Уже Г. Плехановъ въ «Соціалдемократѣ», въ статьяхъ подъ заглавіемъ «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи», и П. Аксельродъ въ «письмѣ», изданномъ на гектографѣ въ 87 г. (оно цитируется въ его печатномъ «письмѣ» въ ред. «Рабочаго дѣла»), на основаніи опыта и наблюденій 70-хъ годовъ указывали, что лучшая почва для первоначальной массовой политической агитаціи у насъ—стихійныя столкновенія между рабочими и предпринимателями, повседневная борьба труда съ капиталомъ. Въ 98 г., въ статьѣ «Историческое положеніе и т. д.» П. Аксельродъ повторяетъ то же самое уже на основаніи новыхъ крупныхъ проявленій стачечнаго движенія въ 95 и 96 гг. и на основаніи первыхъ шаговъ молодыхъ русскихъ соц.-демократовъ, эмпирически пришедшихъ къ сознанію необходимости перехода отъ кружковой пропаганды къ массовой агитаціи на почвѣ ближайшихъ экономическихъ нуждъ [2]). Но Г. Плехановъ и П. Аксельродъ въ 90-хъ г.г. неоднократно указывали, что даже въ первой фазѣ массового рабочаго движенія матеріалъ для политической агитаціи долженъ черпаться *не только* изъ сферы антагонизма рабочихъ съ предпринимателями. Въ дальнѣйшемъ же прямая «аттака на абсолютизмъ» не только явится необходимымъ условіемъ для выполненія пролетаріатомъ его исторической миссіи, какъ авангарда въ борьбѣ за демократію,—она явится также необходимымъ условіемъ для ближайшихъ успѣховъ рабочаго движенія, ибо, говоритъ П. Аксельродъ, «начавши недавно только выдѣляться изъ закрѣпощеннаго государству, малокультурнаго крестьянства, онъ (пролетаріатъ) и теперь еще въ массѣ слишкомъ глубоко тонетъ въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, чтобы быть въ состояніи—въ тискахъ абсолютизма—совершенно самостоятельно, безъ всякой посторонней поддержки, подняться на высоту сознательной революціонной силы»; этой же поддержки пролетаріатъ лишился бы, если бы онъ не выступилъ на борьбу съ абсолютизмомъ, «хотя и подъ классовымъ знаменемъ пролетаріата, но во имя и въ защиту всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ» [3]). Задача привлеченія себѣ союзниковъ изъ другихъ слоевъ населенія есть, такимъ образомъ, одна изъ насущнѣйшихъ для пролетаріата. «Но для воздѣйствія на эти слои», писалъ П. Аксельродъ въ 98 г., «отнюдь нѣтъ необходимости, чтобы соціалдемократы отправились дѣйствовать въ ихъ средѣ. Задача пріобрѣтенія русскими соц.-демократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди непролетарскихъ классовъ рѣшается, прежде всего и главнымъ образомъ, характеромъ агитаціонно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ *самого пролетаріата*... Указанная задача требуетъ расширенія объема агитаціи и пропаганды вопросами, представляющими собою узловые пункты, въ которыхъ схо-

---

[1]) См. П. Аксельродъ „Истор. положеніе и проч." стр 42, 46, 48, 49, 56, 58.

[2]) Ibid, стр. 59.

[3]) См. П. Аксельродъ. „Историческое положеніе и взаимоотношеніе либеральн. и соціальн. демокр. въ Россіи". Работникъ № 5,—6 стр. 63—64.

дятся и переплетаются интересы какъ пролетаріата, такъ и другихъ классовъ, угнетаемыхъ или тѣснимыхъ абсолютизмомъ и покровительствуемой имъ капиталистической буржуазіей» [1]).

Этимъ намѣчается путь, по которому пролетаріатъ постепенно можетъ возвыситься до роли передового борца за демократію: «Разъ наше рабочее движеніе сознательно пойдетъ по этому пути .. пролетаріатъ станетъ, вмѣсто крестьянства, средоточіемъ ея (демократической интеллигенціи) идеальныхъ интересовъ, стремленій и надеждъ... До сихъ поръ.. крестьянство имѣло какъ бы привилегію быть спеціальнымъ объектомъ ихъ (общественныхъ учрежденій) заботливости и народолюбія. Но оно играетъ при этомъ роль пассивнаго и безпомощнаго существа, вызывающаго лишь чувство состраданія. Съ пріобрѣтеніемъ же пролетаріатомъ вліянія въ этихъ сферахъ народолюбіе оппозиціонной буржуазіи получитъ... существенно иной характеръ. Импульсы будутъ исходить изъ среды революціоннаго борющагося народнаго класса и станутъ удобной почвой для постояннаго воздѣйствія и своего рода союза между организованнымъ авангардомъ этого класса и передовыми свободомыслящими кругами буржуазіи» [2]). Въ другомъ мѣстѣ П. Аксельродъ изображаетъ ту же перспективу другими словами: «Соціалдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), а частью же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи» [3]).

Что касается крестьянскихъ массъ, о которыхъ П. Аксельродъ здѣсь не упоминаетъ, то онѣ, по неоднократно высказанному имъ и Г. Плехановымъ мнѣнію въ періодъ существованія «Гр. Осв. Тр.», на самостоятельное политическое движеніе, вѣроятно, не будутъ способны и пойдутъ за рабочей партіей, поскольку таковая сложится въ дореволюціонную эпоху. Возможности же, что крестьяне пойдутъ за народниками, что революціонное народничество еще разъ воскреснетъ въ новой формѣ и еще разъ сыграетъ извѣстную роль въ исторіи, «Гр. Осв. Тр.» не предвидѣла въ 90 гг., когда марксизмъ отвоевалъ у народничества всѣ позиціи.

Изображая въ разсматриваемыхъ статьяхъ возможную будущую роль пролетаріата, П. Аксельродъ, какъ мы видѣли, представлялъ себѣ дѣло такъ, что отъ рабочей партіи будутъ исходить главные импульсы революціи, что она будетъ непосредственно руководить движеніемъ болѣе революціонныхъ и демократическихъ слоевъ населенія и будетъ извнѣ поддерживать и толкать впередъ болѣе умѣренныя фракціи имущей оппозиціи, вступая съ ними въ тѣ или иныя соглашенія въ цѣляхъ общаго натиска на абсолютизмъ. О внутреннихъ конфликтахъ внутри общенаціональнаго освободительнаго движенія онъ въ этихъ статьяхъ не говоритъ. Неизбѣжность такихъ конфликтовъ, особенно въ разгаръ рево-

---

[1]) Ibid стр. 16, 17.

[2]) Ibid. Стр. 16, 17.

[3]) См. П. Аксельродъ. „Истор. положеніе и т. д.“ „Работникъ“, № 5—6, стр. 65. 66.

[4]) См. П. Аксельродъ. „Къ вопросу о совр. зад. и т. д. стр. 20.

люціи, была, конечно, аксіомой какъ для П. Аксельрода, такъ и для Г. Плеханова. Объ этомъ П. Аксельродъ говорилъ въ 89 г. въ популярной брошюрѣ «Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи»; въ виду этихъ неизбѣжныхъ конфликтовъ онъ началъ борьбу съ такъ наз. «экономизмомъ» съ перваго же момента его зарожденія; въ виду этого же, наконецъ, «Гр. Осв. Тр.» съ самаго начала своего существованія настаивала на неизбѣжности образованія элементовъ *самостоятельной* рабочей партіи. И уже изъ статьи «Истор. полож. и пр.» можно было усмотрѣть, при какихъ условіяхъ эти конфликты возникнутъ. Какъ мы видѣли, П. Аксельродъ указывалъ, что сама борьба пролетаріата съ капиталистической буржуазіей толкнетъ послѣднюю въ будущемъ на путь оппозиціи подъ знамя либерализма. Но если пріобщеніе капиталистической буржуазіи къ освободительному движенію должно было значительно усилить шансы его побѣды, то, съ другой стороны, это же неизбѣжно должно было сопровождаться усиленіемъ борьбы и внутри общенаціональной оппозиціи, хотя бы по тому одному ужъ, что нашъ пролетаріатъ извлекалъ свои первые политическіе уроки именно изъ своей борьбы съ капиталомъ.

Таковы были рамки, въ которыхъ въ то время, въ 90 гг., «Группѣ Осв. Тр.» рисовалась перспектива гегемоніи или руководящей роли пролетаріата. И объ этой гегемоніи рѣчь шла, какъ объ исторической возможности, которая можетъ претвориться въ дѣйствительность лишь при двухъ условіяхъ: если пролетаріатъ будетъ вести борьбу подъ знаменемъ соціалъ-демократіи и если соц.-демократія будетъ на высотѣ своихъ задачъ. «Двѣ крайности,» писалъ П. Аксельродъ въ 98 г., могутъ угрожать нашему рабочему движенію. «Во первыхъ, если бы это движеніе не вышло изъ колеи частныхъ столкновеній рабочихъ съ отдѣльными предпринимателями,—это лишило бы его всякаго политическаго интереса... Но быть можетъ еще хуже была бы другая крайность. Я имѣю въ виду тотъ случай, еслибъ наше рабочее движеніе, увлеченное бакунистскими и бланкистскими теченіями, поставило бы своей *непосредственной* практической цѣлью анархическую или коммунистическую революцію. На практикѣ оно выразилось бы тогда въ безпорядкахъ, легкомысленно вызываемыхъ стачкахъ, сопровождающихся насиліями, и силы пролетаріата были бы, такимъ образомъ, растрачены понапрасну... Что касается первой крайности, то отъ нея мы застрахованы . . . режимомъ. А предохранить наше рабочее движеніе отъ вліянія бакунистовъ и бланкистовъ есть прямая обязанность господствующихъ въ немъ соц.-демократическихъ элементовъ» [1]).

II. 90-ые годы.

Схема и дѣйствительность. Недооцѣнка девятидесятниками тормазовъ экономическаго развитія Россіи и общенаціональнаго характера наростающаго движенія. Расцвѣтъ „экономизма“. Поворотъ союзниковъ соц.-демократіи къ идеализму.

«Гр. Ос. Т.», опираясь на уроки потерпѣвшаго пораженіе «самобытнаго» движенія 70 гг. и на опытъ передовыхъ европейскихъ странъ, намѣтила главныя вѣхи революціоннаго развитія Россіи и вытекающія отсюда основныя проблемы русской соц.-демократіи. Дѣйствительность, въ общемъ и цѣломъ, вполнѣ подтвердила вѣрность ея представленія о *направленіи* революціоннаго развитія.

[1]) См. П. Аксельродъ. „Истор. полож. и пр.“ стр. 67.

Но развитіе шло въ этомъ направленіи туго, ощупью, окольными путями. Русская соціалдемократія не совсѣмъ избѣгла участи своихъ собратьевъ—необходимости учиться, преимущественно, на собственномъ опытѣ и отчасти на собственныхъ ошибкахъ.

Уже тѣ самыя историческія условія, которыя дали основаніе П. Аксельроду въ 90-хъ г. г. говорить о возможности революціонной гегемоніи русскаго пролетаріата, заключали въ себѣ оборотную сторону медали. Наличность развитой индустріи и ея спутника—промышленныхъ рабочихъ, воспріимчивыхъ для современныхъ соціалистическихъ идей, съ одной стороны, крайне отсталая національная общественная обстановка, съ другой, дѣлали нашъ рабочій классъ главнымъ рычагомъ развитія революціи. Отсталость общественныхъ отношеній, неразвитость городовъ, политическая незрѣлость капиталистической буржуазіи, полунатуральный бытъ милліоновъ крестьянъ-общинниковъ—все это благопріятствовало привлеченію къ борющемуся пролетаріату симпатій все болѣе и болѣе широкихъ слоевъ населенія порабощенной страны. Но тѣ же условія лишали его въ борьбѣ *самостоятельно организованныхъ* союзниковъ изъ буржуазныхъ классовъ. А это обстоятельство не только значительно ослабило силу общенароднаго натиска на старый порядокъ, стихійно ускореннаго японской войной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно замедлило процессъ классового самоопредѣленія самого пролетаріата въ предреволюціонную эпоху.

Благодаря политической недифференцированности и аморфности населенія, на долю русской интеллигенціи въ истекшую эпоху выпала еще разъ самодовлѣющая и очень выдающаяся политическая роль. Принадлежа по своему соціальному положенію къ буржуазной демократіи, русская разночинная интеллигенція, благодаря политической недифференцированности населенія, выступала наканунѣ революціи, по-прежнему, какъ главная сознательная носительница революціонныхъ интересовъ націи, и, какъ таковая, она, при тогдашнихъ условіяхъ, въ массѣ своей неизбѣжно тяготѣла къ пролетарскому или «трудовому» соціализму. На Западѣ пролетаріатъ вовлекался въ политическую жизнь отчасти соціалистическими выходцами изъ буржуазной среды, отчасти явными буржуазными радикалами. У насъ эту задачу выполняла только первая категорія интеллигенціи, и потому, въ общемъ, она выполнялась въ Россіи болѣе безкорыстно.

Но это же имѣло и невыгодныя стороны. При всемъ своемъ безкорыстіи, при всей своей самоотверженности соціалистическая интеллигенція въ массѣ не могла вытравить свою соціальную природу. Поэтому оказалось, что въ 90-хъ годахъ подъ общимъ марксистскимъ флагомъ складывалась цѣлая новая формація будущихъ буржуазныхъ либераловъ, а въ 900-хъ г. г. подъ тѣмъ же марксистскимъ флагомъ скрывались тенденціи, подчасъ чисто радикально-демократическія. Исторія, такимъ образомъ, долго маскировала неизбѣжный процессъ политической дифференціаціи населенія, а это, съ одной стороны, замедляло высвобожденіе пролетаріата изъ-подъ непосредственнаго вліянія революціонной буржуазной демократіи, съ другой, осложняло необходимыя для успѣха революціи временныя и условныя коалиціи революціоннаго пролетаріата съ широкими и вліятельными слоями оппозиціонной буржуазіи. Россія не избѣгла иллюзіи, которая не мало

вреда принесла во Франціи и Германіи наканунѣ революцій 19 вѣка: у насъ, какъ и тамъ, почти все радикальное казалось соціалистическимъ, и наоборотъ, всѣ элементы, чуждающіеся соціализма, сваливались преждевременно въ одну сплошную реакціонную или контр-революціонную массу. Въ результатѣ получилось то, что хотя пролетаріатъ до 1905 года включительно и былъ центральной фигурой освободительнаго движенія, а марксизмъ наиболѣе вліятельнымъ революціоннымъ теченіемъ, однако, рабочая партія въ полномъ смыслѣ этого слова и до сихъ поръ не успѣла еще сложиться; рабочій же классъ, если и не былъ у насъ лишь боевой силой, какъ на Западѣ, *наканунѣ и во время* буржуазныхъ революцій, то и не проявилъ все же той степени сознательности и самостоятельности, которая давала бы право говорить о гегемоніи пролетаріата въ истекшій періодъ. Послѣ 1905 г. это положеніе начало быстро мѣняться. Сильно подвинувшаяся впередъ за время революціи и контръ-революціи политическая дифференціація страны создала, наконецъ, съ этой стороны благопріятныя условія для болѣе всесторонняго классоваго самоопредѣленія пролетаріата и для организаціи массовой рабочей партіи; но за то пережитыя уже разъ острыя столкновенія пролетаріата съ буржуазіей въ будущемъ ставятъ относительно болѣе тѣсныя границы для воздѣйствія пролетаріата на другіе классы, хотя, конечно, при господствующемъ у насъ режимѣ до изолированности зап. европейскаго пролетаріата намъ еще очень и очень далеко.

Этимъ не ограничиваются препятствія, которыя исторія ставила практическому осуществленію первоначальныхъ схемъ русскаго марксизма. Та же безформенность и соціально-политическая отсталость Россіи, о которой мы выше говорили, имѣла своимъ послѣдствіемъ бѣдность политической жизни страны въ предреволюціонную эпоху, несмотря на быстрое наростаніе революціоннаго настроенія. Эта бѣдность политической жизни не могла быть возмѣщена относительно благопріятными условіями для культурнаго подъема нашихъ «низовъ». Вслѣдствіе этого, въ соц.-демократическомъ движеніи минувшаго періода содержаніе агитаціи роковымъ образомъ отставало отъ содержанія пропаганды, и вся соц.-демократическая практика вообще отличалась въ значительной мѣрѣ элементарностью, упрощенностью и односторонностью, вопреки сложности задачъ, стоявшихъ передъ соц.-демократіей. На этой почвѣ въ 90-хъ г. г., въ періодъ промышленнаго подъема и слабыхъ зачатковъ политическаго оживленія, въ движеніи укрѣпился такъ наз. «экономизмъ», а въ слѣдующій періодъ промышленнаго кризиса, войны и кануна революціонныхъ бурь — такъ назыв. «большевизмъ»,—два направленія, съ внѣшней стороны противоположныя, но тѣмъ не менѣе, по существу весьма родственныя: и то, и другое направленіе культивировали больше боевое настроеніе рабочихъ массъ, нежели ихъ политическую сознательность и самостоятельность, и то, и другое имѣли много общаго съ традиціоннымъ русскимъ бунтарствомъ...

Эти бѣглыя общія замѣчанія необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки того направленія, которое принялъ русскій марксизмъ въ срединѣ 90 гг., когда онъ впервые изъ теоретическаго исповѣданія небольшой группы соц.-демократовъ превратился въ широкое общественное движеніе.

* * *

Двѣ очередныхъ задачи стояли въ то время передъ молодой русской соц.-демократіей: во 1-хъ, развить въ большомъ масштабѣ и съ открытой легальной трибуны ту идейную борьбу съ народничествомъ, которую до того велъ за рубежомъ Г. В. Плехановъ, и, такимъ образомъ, завоевать для марксизма тѣ важныя позиціи въ литературныхъ и вообще интеллигентныхъ кругахъ, которыми до того безраздѣльно владѣли народники; во 2-хъ, проложить для марксистовъ первые пути къ рабочимъ массамъ. Обѣ эти трудныя задачи съ успѣхомъ были выполнены соц.-демократическимъ поколѣніемъ 90-хъ гг., и въ этомъ его крупный активъ. Но подъ вліяніемъ указанныхъ выше условій, подъ вліяніемъ неоформленности политической жизни и замаскированности ея тенденцій, уже одно энергичное преслѣдованіе неотложныхъ задачъ сегодняшняго дня въ сознаніи девятидесятниковъ значительно суживало и упрощало и безъ того смутное, абстрактное представленіе о задачахъ ближайшаго будущаго и тѣмъ самымъ обрекало движеніе на скачки и зигзаги.

Русская марксистская мысль 90-хъ годовъ преимущественно работала въ плоскости «экономики» и недаромъ: въ «экономикѣ» лежалъ ключъ къ рѣшенію наиболѣе злободневныхъ вопросовъ русской политической жизни. Молодое поколѣніе марксистовъ девятидесятниковъ переживало еще разгаръ борьбы съ народнической самобытной теоріей экономическаго развитія Россіи. В. В., Ник—онъ и другіе народники доказывали, что капитализмъ, а стало быть, и рабочее движеніе, не можетъ въ Россіи развиваться, потому что онъ, разоривъ крестьянство, разрушаетъ свой собственный внутренній рынокъ, а новые внѣшніе рынки Россіи уже недоступны, притомъ они ссылались на якобы марксистскую теорію кризисовъ, а въ дѣйствительности на теорію мелкобуржуазныхъ утопистовъ, вродѣ Сисмонди. Молодые марксисты 90-хъ г. г., Ильинъ (Ленинъ), Булгаковъ, Туганъ-Барановскій, Струве и др., продолжая нить разсужденій Плеханова въ рядѣ статей и спеціальныхъ изслѣдованій, опровергали и опровергли эти народническіе предразсудки, но они въ пылу борьбы упростили вопросъ и, рѣшая его прямолинейно, доказывали больше, чѣмъ требовалось доказать.

Существуютъ «двѣ теоріи кризисовъ»... писалъ Ильинъ (Ленинъ) въ 1899 году. «Первая объясняетъ ихъ противорѣчіемъ между производствомъ и потребленіемъ рабочаго класса, а вторая...—противорѣчіемъ между общественнымъ характеромъ производства и частнымъ характеромъ присвоенія»..., т. е. «безпорядочнымъ производствомъ» [1]). Вмѣсто того, чтобы искать причину кризисовъ въ сочетаніи *обоихъ* указанныхъ противорѣчій, В. Ильинъ рѣшительно отвергаетъ связь между первымъ и кризисами [2]) и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что вопросъ о внѣшнемъ рынкѣ не имѣетъ абсолютно ничего общаго съ вопросомъ о реализаціи [3]) товаровъ въ капиталистическомъ обществѣ. В. Ильинъ,

---

[1]) См. В. Ильинъ: „Экономическіе этюды. Къ характеристикѣ эконом. романтизма“, стр. 30.

[2]) Ibid., стр. 12, 15, 29.

[3]) Ibid. стр. 26.

Булгаковъ, Т. Барановскій [1])—ссылались приэтомъ на теорію реализаціи, данную Марксомъ во 2-мъ томѣ Капитала. Однако, эти ссылки доказывали только, что всѣ они далеко еще не усвоили революціоннаго діалектическаго метода мышленія Маркса. Марксъ во 2-мъ томѣ Капитала въ извѣстныхъ «схемахъ» далъ лишь *статику* обмѣна, *условія его равновѣсія*. Но специфическая задача Маркса вообще, какъ «критика политической экономіи», заключалась въ установленіи законовъ *экономической динамики*. Этихъ законовъ динамики обращенія капиталовъ Марксъ не далъ во 2-мъ томѣ по той простой причинѣ, что онъ, какъ извѣстно, не успѣлъ закончить свою работу. И если бы наши девятидесятники ввели въ условія равновѣсія обмѣна элементъ динамическій — послѣдовательное измѣненіе органическаго состава капитала и послѣдовательное увеличеніе нормы накопленія, — то они въ *самыхъ условіяхъ равновѣсія* [2]) открыли бы причину, почему это логически *возможное* равновѣсіе въ капиталистическомъ обществѣ должно *фактически* осуществляться путемъ его нарушенія, путемъ кризисовъ, возникающихъ на почвѣ противорѣчій между *безграничнымъ* стремленіемъ къ накопленію, съ одной стороны, и *относительнымъ* сокращеніемъ потребленія рабочихъ массъ, съ другой. Анархія производства, которую признавали Ильинъ и его товарищи, есть только та *почва* товарнаго хозяйства, на которой, по мѣрѣ развитія капитализма, развивается противорѣчіе «между производствомъ и потребленіемъ». И именно послѣднее является *непосредственной* причиной обостренія классоваго антагонизма, оно же является *непосредственной* причиной кризисовъ, въ немъ ярче всего обнаруживается противорѣчіе между развитіемъ производительныхъ силъ и устарѣлыми имущественными отношеніями, ведущее къ крушенію капитализма [illegible], которые отрицаютъ противорѣчіе «между производствомъ и потребленіемъ», должны логически придти къ бернштейніанской теоріи притупленія классовой борьбы и органическаго развитія къ соціализму. И характерно, что даже Ильинъ, бывшій и оставшійся ортодоксальнымъ марксистомъ, до этого уже почти договаривался въ указанной статьѣ: «чѣмъ быстрѣе ростъ богатства... *тѣмъ лучше положеніе рабочихъ*» [3]), заявляетъ онъ, не оговариваясь, что оно часто лучше абсолютно, но всегда относительно хуже. «Чѣмъ дольше развивается это противорѣчіе (анархія производства А. М.), *тѣмъ легче выходъ изъ него*», говоритъ онъ тамъ же, не оговариваясь, что этотъ «легкій» выходъ заключается въ «тяжелыхъ катастрофахъ»... Девятидесятники очутились въ области теоріи на покатой плоскости. А между тѣмъ многіе изъ нихъ въ то время, и особенно В. Ильинъ, *сознательно* вовсе не стремились доказать смягченіе противорѣчій и классовой борьбы въ капиталистическомъ обществѣ. Напротивъ того, В. Ильинъ, напр., въ 95 году самъ критиковалъ Струве именно за эту оппортунистическую тенденцію [4]).

---

[1]) См. Булгаковъ, „Теорія рынковъ“. Туг.-Барановскій, „Промышленные кризисы“.

[2]) Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ здѣсь останавливаться на этомъ интереснемъ вопросѣ.

[3]) См. В. Ильинъ, „Эконом. этюды. Къ характеристикѣ экономич. романт.“, стр. 13, 33, 34.

[4]) См. В. Ильинъ, „За 12 лѣтъ“, „Эконом. содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве“.

Наши молодые марксисты 90-хъ годовъ сбились съ пути въ толкованіи марксистской теоріи кризисовъ исключительно потому, что имъ хотѣлось доказать *полную* независимость судебъ русскаго капиталистическаго производства отъ сокращенія крестьянскаго потребленія, отъ крестьянскаго раззоренія, о которомъ говорила народническая литература. Для защиты этого ложнаго, односторонняго взгляда Туг.-Барановскій, напр., въ своей «Фабрикѣ» привелъ діаграмму, якобы свидѣтельствующую о независимости русскихъ промышленныхъ кризисовъ отъ колебаній урожая. Но уже въ дебатахъ въ Вольно-Эконом. Обществѣ по поводу его доклада ему было указано Касперовымъ, что его же собственная діаграмма доказываетъ противоположное, а именно: въ 12 случаяхъ эта зависимость установлена, и лишь въ 8 случаяхъ ея не видно [1]).

Въ узкомъ, одностороннемъ пониманіи коренного соціальнаго вопроса русской переходной эпохи—аграрнаго вопроса, острота котораго маскировалась промышленнымъ подъемомъ 90-хъ годовъ, лежитъ источникъ экономическихъ заблужденій тогдашняго поколѣнія марксистовъ. Оспаривая ложное утвержденіе народниковъ, что капитализмъ въ Россіи мертворожденный, наши марксисты девятидесятники, перегибая лукъ, почти устраняли съ своего поля зрѣнія тѣ препятствія, которыя наша полукрѣпостническая обстановка ставитъ развитію капитализма, особенно въ деревнѣ. Тѣмъ самымъ въ ихъ представленіи суживался размахъ грядущаго русскаго переворота и затушевывался его радикальный соціальный характеръ. Г. Плехановъ и П. Аксельродъ, какъ мы уже говорили, въ 90-хъ гг. подчеркивали, что полукрѣпостническая соціально-политическая обстановка, въ которой развивается русскій капитализмъ, ведетъ къ тому, что крестьянство наше не только раскалывается, пролетаризируется, но въ значительной степени равномѣрно пауперизируется, нищаетъ. На почвѣ этого «всероссійскаго раззоренія» въ деревнѣ, рядомъ съ нарождающимся антагонизмомъ между батраками и сельской буржуазіей, долженъ былъ обостряться другой, старый антагонизмъ—между крестьянствомъ въ цѣломъ, между крестьянскимъ *сословіемъ*, и всѣмъ нашимъ крѣпостническимъ строемъ. Впослѣдствіи, въ 1903 г., П. Масловъ, въ своей книгѣ «Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи» обстоятельно развилъ экономическую сторону этого вопроса. Онъ разработалъ съ марксистской точки зрѣнія теорію борьбы продовольственной и капиталистической ренты *въ обстановкѣ развитого товарнаго обращенія* Россіи. На основаніи этой теоріи онъ объяснилъ, почему въ Россіи, *благодаря расхищенію производительныхъ силъ* страны, въ огромныхъ районахъ, въ связи съ отсутствіемъ городского и отдаленностью иностраннаго рынка и съ низкими цѣнами на хлѣбъ (весь черноземный центръ), продольственное крестьянское хозяйство *выживаетъ* въ борьбѣ съ капиталистическимъ цѣною общаго «уравнительнаго» упадка крестьянскаго хозяйства; онъ объяснилъ, почему въ этихъ районахъ рядомъ съ быстрой дифференціаціей *крестьянъ* происходитъ нищенская нивеллировка крестьянскаго земледѣльческаго *хозяйства*. Но въ 90-хъ гг. эти взгляды были чужды почти всѣмъ нашимъ молодымъ марксистамъ

---

1) См. Статистистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи. Докладъ члена Вол. Эк. Общ. Туг.-Барановскаго, и пренія. 1898 г., стр. 37 и др.

(за исключеніемъ отчасти П. Струве). Наши девятидесятники, вмѣсто того, чтобы дать марксистскую оцѣнку обнищанія крестьянъ (не смѣшивать съ пролетаризаціей) въ значительной части Россіи, просто отвергали этотъ фактъ. Лучше всего это можно прослѣдить на работахъ нашего главнаго теоретика аграрнаго вопроса 90-хъ гг., Ильина, книга котораго «Развитіе капитализма въ Россіи», при всѣхъ ея недостаткахъ, составила крупный вкладъ въ нашу экономическую литературу. Въ указанной выше статьѣ противъ Струве В. Ильинъ справедливо обвиняетъ Струве въ томъ, что тотъ въ своихъ «Критическихъ Замѣткахъ» затушевываетъ классовый антагонизмъ между зарождающимися въ деревнѣ пролетаріатомъ и буржуазіей. Но приэтомъ онъ, въ противоположность Струве, самъ затушевываетъ другое противорѣчіе—между интересами капиталистическаго развитія въ цѣломъ и господствующими у насъ въ деревнѣ имущественными отношеніями. «Но г. Струве», пишетъ онъ иронически, «и тутъ не могъ обойтись безъ своего мальтузіанства; въ указанномъ процессѣ (въ развитіи классового антагонизма въ деревнѣ, А. М.), по его мнѣнію, выражается лишь *одна сторона* дѣла («только прогрессивная сторона»), рядомъ съ которой есть и другая: техническая нераціональность всего крестьянскаго хозяйства; въ ней выражается, такъ сказать, регрессивная сторона всего процесса», она «нивеллируетъ» крестьянство, сглаживаетъ неравенство, дѣйствуя въ связи съ ростомъ населенія» [1]). На эту «другую сторону», отмѣченную П. Струве, Ильинъ, какъ и другіе марксисты—девятидесятники, систематически закрывали глаза. По поводу фразы Струве, что «во всякомъ случаѣ, недостаточное производство—основной, доминирующій фактъ нашего народнаго хозяйства», В. Ильинъ заявляетъ: «совершенно голословно»..: почему «основнымъ, доминирующимъ фактомъ» не является то, что крестьянство, какъ цѣлое, есть фикція, ибо (?!) внутри его складываются враждебные классы» [2]). Итакъ, Ильинъ объявляетъ «доминирующимъ фактомъ» для Россіи, задыхающейся еще въ полукрѣпостнической обстановкѣ, лишь ту борьбу съ капиталомъ, которая заполняетъ жизнь развитыхъ капиталистическихъ странъ, и, такимъ образомъ, однимъ росчеркомъ пера устраняетъ одну изъ главныхъ соціальныхъ пружинъ русской буржуазной революціи. Правда, въ своей книгѣ «Развитіе капитализма въ Россіи», вышедшей въ 1899 г., такъ же впрочемъ, какъ и въ указанной статьѣ противъ Струве, Ильинъ говоритъ объ экономически реакціонной роли «остатковъ крѣпостничества» въ деревнѣ. Но онъ подъ этими остатками крѣпостничества понимаетъ не все крѣпостное наслѣдіе прошлаго, не всю совокупную національную обстановку русской жизни, тормозящую развитіе нашего капиталистическаго сельскаго хозяйства. Онъ видитъ проявленіе этихъ особенностей лишь въ частностяхъ, вродѣ «отработочной формы» аренды, которую онъ самъ же характеризуетъ, какъ нѣчто быстро преходящее, какъ естественную переходную стадію отъ барщиннаго помѣщичьяго хозяйства къ капиталистическому. Приэтомъ онъ констатируетъ, что въ помѣщичьемъ хозяйствѣ капиталистическая аренда уже теперь преобла-

---

[1]) См. В. Ильинъ, „За 12 лѣтъ", стр. 107.
[2]) Ibid стр. 97, 98.

даетъ надъ отработочной [1]). Что же касается самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, т. е. хозяйства крестьянъ на надѣльной и купчей землѣ, то онъ доказываетъ, что въ Россіи уже теперь *повсемѣстно* 20% крестьянскихъ дворовъ должны быть зачислены въ буржуазію, а 40% дворовъ пролетаризированы, причемъ онъ въ разсчетахъ оперируетъ исключительно съ понятіемъ «крестьянскій дворъ», а между тѣмъ, какъ это было указано въ литературѣ, по общему правилу, богатые крестьянскіе дворы—многосемейны, а бѣдные—малосемейны, обстоятельство, которое можетъ внести болѣе или менѣе существенное измѣненіе въ экономическую картину, нарисованную Ильинымъ [2]).

Читатель видитъ, что Ильинъ, какъ и большинство девятидесятниковъ, плохо понималъ основное экономическое противорѣчіе современной Россіи. Отсюда, между прочимъ, должно было вытекать непониманіе специфическаго характера, которымъ должно было отличаться крестьянское движеніе, если бы оно разыгралось, и которымъ оно, какъ мы теперь знаемъ, дѣйствительно отличалось въ 1905 и 1906 годахъ.

Тутъ кстати будетъ указать на связь между этими взглядами и первой аграрной программой русской с.-демократіи, съ ея требованіемъ «возвращенія отрѣзковъ». Ленинъ былъ авторомъ проекта аграрнаго отдѣла программы 1902 г., этотъ проектъ въ значительно исправленномъ видѣ былъ принятъ всей старой коллегіей редакціи «Искры». Однако, члены «Гр. Осв. Труда», какъ мы увидимъ, при выработкѣ аграрной программы 1902 г., исходили изъ принципіально отличныхъ соображеній, чѣмъ Ленинъ. Какъ видно изъ комментарія Ленина къ аграрной программѣ, онъ въ 1902 г. уже до извѣстной степени усвоилъ взглядъ Плеханова и Аксельрода на особенность историческаго положенія современнаго русскаго крестьянства, но только до извѣстной степени. Мотивируя въ полемикѣ со мною и попутно съ Р. Люксембургъ требованіе возвращенія отрѣзковъ, Ленинъ писалъ въ 1902 г.: «наши крестьянскія требованія... должны быть сообразованы не съ тѣмъ, *достижимы* ли они при данномъ соотношеніи силъ, а съ тѣмъ, *совмѣстимы* ли они съ существующимъ общественнымъ строемъ и способно ли проведеніе ихъ облегчить классовую борьбу пролетаріата»; «такъ и въ крестьянскихъ требованіяхъ наше дѣло опредѣлить на основаніи научныхъ данныхъ—*максимумъ* (курсивъ Ленина) этихъ требованій» [3]). Итакъ, еще въ 1902 г. Ленинъ полагалъ, что возвращеніе крестьянамъ «отрѣзныхъ земель» есть максимумъ того, что можетъ быть завоевано революціей безъ нарушенія интересовъ общественнаго, т. е. при наличныхъ условіяхъ, капиталистическаго развитія и безъ нарушенія интересовъ классовой борьбы пролетаріата. Еще въ 1902 г. Ленинъ думалъ, стало быть, что полная экспропріація крупнаго земле-

---

[1]) См. В. Ильинъ, „Развитіе капитализма въ Россіи".

[2]) См. Н. Черненковъ, „Къ характеристикѣ крестьян. хозяйства".

Если бы Ильинъ ввелъ въ разсчетъ численный составъ крест. двора, то во 1) % буржуазіи получился бы меньшій, во 2) обнаружилось бы, что онъ подчасъ приписываетъ капит. характеръ такому хозяйству, которое носитъ еще всѣ слѣды старой семейной общины, находящейся въ процессѣ разложенія.

[3]) См. Заря № 4, „Агр. прогр. рус. соц.-дем." Н. Ленина, стр. 63.

владѣнія была бы мѣрой экономически реакціонной въ Россіи [1]). Принципіально иначе смотрѣла на значеніе требованія возвращенія отрѣзковъ «Группа Освоб. Труда». По мотивировкѣ Г. В. Плеханова, именно только «соотношеніе силъ» даннаго момента, т. е. тактическія соображенія—опасность контръ-революціонной коалиціи буржуазныхъ классовъ противъ радикальныхъ аграрныхъ требованій, при отсутствіи въ данное время дѣйствительно сильнаго крестьянскаго движенія для ихъ поддержки, обязывала соціалъ-демократію воздержаться отъ внесенія въ программу полной экспропріаціи. При благопріятномъ же измѣненіи соотношенія силъ и при развитіи революціоннаго движенія крестьянъ, онъ, Г. Плехановъ, считалъ возможнымъ и цѣлесообразнымъ расширить требованія вплоть до полной экспропріаціи, нисколько не опасаясь, что это повредитъ развитію капитализма. Притомъ онъ, сознательно не дѣлая въ то время изъ экспропріаціи боевого лозунга, въ то же время по-прежнему [2]) не скрывалъ своего взгляда на этотъ счетъ и, одновременно съ Ленинымъ, далъ въ «Зарѣ» *свой* комментарій къ аграрной программѣ, принципіально расходящійся съ Ленинскимъ.

Обостреніе противорѣчія между развивающимся капиталистическимъ производствомъ и отсталыми имущественными и правовыми отношеніями, противорѣчія, главный узелъ котораго завязанъ въ закабаленной деревнѣ— такова экономическая пружина нашей надвигающейся буржуазной революціи, говорили Г. Плехановъ и П. Аксельродъ въ 90-хъ гг. Но молодые соц.-демократы 90-хъ гг., какъ мы указывали выше, всей остроты этого противорѣчія не видѣли. Они не дооцѣнивали значенія аграрнаго вопроса въ Россіи, а съ этимъ логически связана была недооцѣнка размаха и общенаціональнаго характера грядущей революціи. Именно закабаленность и обнищаніе деревни должны были при данныхъ условіяхъ, раньше или позже, революціонизировать крестьянъ, это же, тормазя развитіе капитализма, должно было раньше или позже увлечь и буржуазію на путь оппозиціи. Естественно, что съ односторонней оцѣнкой экономической дѣйствительности у девятидесятниковъ тѣсно связанъ былъ неправильный взглядъ ихъ на возможную революціонную роль разныхъ общественныхъ классовъ въ Россіи.

На Лондонскій интернаціональный соціалистическій конгрессъ 1896 г. русскіе соціалъ-демократы, делегированные десятью городами, представили привезенный изъ Россіи докладъ о нашемъ рабочемъ движеніи съ приложеніемъ— «Аграрный вопросъ и соціальная демократія въ Россіи». Въ этомъ оффиціальномъ документѣ, въ «Приложеніи» къ докладу делегаціи, мы читаемъ: «Аграрный вопросъ и практическое отношеніе къ нему становится настоятельнымъ дѣломъ для соціалъ-демократіи, когда промышленное населеніе, этотъ историческій носитель рабочаго соціализма, является *уже насыщеннымъ соціалистическими*

---

[1]) Долженъ сказать pro domo sua, что у меня лично, подъ вліяніемъ той же марксистской литературы 90-хъ годовъ, въ то время „неосновательныя опасенія“ шли еще гораздо дальше. Впрочемъ, нашу самобытную теорію кризисовъ я и тогда уже рѣзко осудилъ въ статьѣ, которая по случайнымъ причинамъ не появилась въ печати.

[2]) См. Г. Плехановъ, „Соціализмъ и полит. борьба“ и его же „О задачахъ соц. въ борьбѣ съ голодомъ“.

идеями. Мы же переживаемъ еще самое начало движенія, когда идеѣ классовой борьбы предстоитъ еще завоевать большинство населенія, занятаго въ крупной промышленности» [1]).

Читатель видитъ изъ этихъ словъ, что молодые соціалъ-демократы 90-хъ гг., отождествляли аграрный вопросъ въ Россіи и на Западѣ, что они не видѣли его особенностей у насъ въ странѣ, находящейся еще наканунѣ буржуазной революціи, и, соотвѣтственно этому, отсрочивали «настоятельность» самой постановки его до кануна соціалистической революціи. Неудивительно потому, что приведенный «докладъ» приходитъ къ весьма тощимъ практическимъ выводамъ въ этой борьбѣ: «задача ея (русской соціалъ-демократіи) въ этой области (аграрныхъ отношеній) сводится, главнымъ образомъ, къ борьбѣ противъ реакціонныхъ попозновеній, имѣющихъ цѣлью задержать ростъ силы пролетаріата» [2]).

То же недостаточное пониманіе исторической особенности нашего положенія обнаруживаетъ другой, еще болѣе оффиціальный с.-дем. документъ того времени,— «Манифестъ Россійской Соц.-дем. Раб. Партіи», изданный въ 1898 г. «Манифестъ» говоритъ: «чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата. На своихъ крѣпкихъ плечахъ русскій рабочій классъ долженъ вынести и вынесетъ дѣло завоеванія политической свободы». Манифестъ устанавливаетъ поверхностный эмпирическій законъ. Онъ принимаетъ во вниманіе лишь то, что на буржуазію въ запоздалыхъ восточныхъ революціяхъ *реакціонно* дѣйствуетъ развитое соціалистическое движеніе пролетаріата на западѣ. Онъ не принимаетъ во вниманіе, что на нее *революціонно* дѣйствуетъ развитой деспотизмъ и крѣпостничество на Востокѣ. Поэтому онъ совершенно отождествляетъ судьбы либерализма въ современной Россіи наканунѣ революціи съ его судьбами въ современномъ Западѣ послѣ революціи, поэтому же онъ не только не задается вопросомъ объ отношеніи пролетаріата къ будущему оппозиціонному и революціонному движенію тѣхъ или другихъ буржуазныхъ элементовъ общества; онъ, вообще, объ этомъ движеніи ни словомъ не упоминаетъ и изображаетъ предстоящую революціонную борьбу пролетаріата, какъ совершенно *изолированную*.

Логически политическіе взгляды девятидесятниковъ вытекали изъ ихъ экономическаго анализа русской дѣйствительности. *Фактически*, конечно, на самомъ этомъ анализѣ отразилась лишь соціально-политическая обстановка нашего движенія въ 90-хъ годахъ,—во-первыхъ, самый промышленный подъемъ, связанный съ быстрыми успѣхами капитализма; во-вторыхъ, еще полное почти въ то время отсутствіе политически дифференцированныхъ непролетарскихъ теченій въ освободительномъ лагерѣ. Неизбѣжное возникновеніе наканунѣ революціи разныхъ самостоятельныхъ политическихъ движеній въ непролетарскихъ классахъ маскировалось тѣмъ, что въ Россіи, благодаря отсталости общественныхъ отношеній, эта дифференціація обнаружилась первоначально не въ движеніи самихъ этихъ классовъ, а въ движеніи ихъ идеологовъ, въ движеніи

---

[1]) См. Докладъ рус. соц.-дем. междунар. раб. соціал. конгр. въ Лондонѣ въ 1896 г. Изданіе „Союза Русск. соц.-дем." стр. 29.

[2]) См. тамъ же, стр. 32.

интеллигенціи; въ 90-хъ же годахъ даже и въ интеллигенціи еще мирно сосуществовали подъ общимъ флагомъ будущіе либералы и соц.-демократы. Чтобы при такихъ условіяхъ уже въ то время открыть зачатки этой дифференціаціи, необходимо было оцѣнить правильно роль интеллигенціи въ русской политической жизни и зорко слѣдить за совершающимися въ ней молекулярными процессами. Но тогдашнее поколѣніе марксистовъ изъ реакціи противъ народниковъ вмѣсто того, чтобы матеріалистически объяснить «роль личности» въ исторіи, склонно было ее просто игнорировать и, соотвѣтственно этому, разсматривать интеллигенцію, какъ ничтожную величину, какъ quantité negligeable [1]).

И въ то время были, конечно, исключенія. Такъ, напр., А. Потресовъ въ статьѣ, написанной въ дополненіе къ статьѣ В. Ильина—«Отъ какого наслѣдства мы отказываемся», описываетъ самостоятельныя судьбы русской «разночинной интеллигенціи», характеризующіяся тремя чертами—отщепенствомъ, свободолюбіемъ и потребностью найти точку опоры въ массахъ. Въ этой статьѣ онъ показываетъ, что старая вражда между «свистунами» 60-хъ годовъ (Добролюбовъ и Чернышевскій) и либералами послѣ голода 1891 г. возродилась, при измѣнившихся историческихъ условіяхъ, въ новой формѣ борьбы между марксистами и народниками, причемъ народники нашли себѣ теперь новую соціальную базу и превратились по существу въ либераловъ; марксисты же укрѣпились въ покинутой народниками соціальной средѣ разночинцевъ и связались съ новымъ «общественнымъ элементомъ» (т. е. съ пролетаріатомъ). Эта борьба, говоритъ авторъ, конечно, способна нарушить «добрыя сосѣдскія отношенія и ослабить силу совмѣстнаго и дружнаго... бездѣйствія», о которомъ мечтаетъ Южаковъ и К°, но она же создаетъ почву для цѣлесообразныхъ «совмѣстныхъ дѣйствій», при которыхъ можно будетъ, «не пряча въ карманъ своихъ идеаловъ, поставить дѣло, такъ сказать, на дѣловую почву, безъ сентиментальностей и безплодныхъ заигрываній...» [2]). Это писалъ А. Потресовъ въ 1899 г. Но, повторяемъ, въ 90-хъ годахъ такія разсужденія были исключеніемъ, подтверждающимъ лишь общее правило. Характернымъ для этого времени и особенно для средины 90-хъ годовъ были не эти взгляды, а тѣ, которые красной нитью проходили почти черезъ всѣ статьи тогдашняго марксистскаго органа «Новое Слово» и которые формулированы были въ приведенныхъ выше партійныхъ документахъ. По ироніи судьбы тотъ самый П. Струве, который впослѣдствіи положилъ начало либеральной партіи, какъ человѣкъ, особенно чувствительно отражающій вѣянія времени, въ 1897 г. былъ яркимъ выразителемъ теоріи изолированія борьбы пролетаріата. Именно онъ былъ авторомъ цитированнаго «Доклада», онъ же былъ авторомъ «Манифеста» 1898 года, наконецъ, онъ же въ 1897 году въ «Работникѣ» подъ псевдонимомъ «Петербуржецъ» писалъ: «Русское рабочее движеніе, проникнутое соц.-демократическими идеями, будетъ главнѣйшей силой, которая своимъ непрерывнымъ развитіемъ низвергнетъ существующій въ Россіи политическій строй... Рабочій классъ въ Россіи есть единственный революціонный

---

[1]) См., напр., П. Струве „Критическія замѣтки".

[2]) См. А. Потресовъ. О „наслѣдствѣ" и „наслѣдникахъ", „Этюды о рус. интел." стр. 74, 89, 100, 105, 108.

классъ...» [1]). Эти слова сами по себѣ могли бы быть разно истолкованы. Но дѣйствительно скрывающаяся въ нихъ тенденція станетъ очевидна, если ихъ сопоставить, съ одной стороны, съ «Манифестомъ» и «Докладомъ», съ другой, съ практикой соц.-демократовъ конца 90-хъ годовъ.

* * *

Изъ теоретическихъ посылокъ молодыхъ марксистовъ средины 90-хъ годовъ, изъ недостаточнаго пониманія основного экономическаго противорѣчія современной Россіи логически вытекала практика такъ называемаго «экономизма». Распространеніе экономизма находилось въ связи съ переходомъ соц.-демократіи отъ кружковой пропаганды къ массовой агитаціи, и задатки этого направленія имѣлись уже въ извѣстной брошюрѣ «Объ агитаціи», которая сыграла большую роль, какъ руководство въ новомъ дѣлѣ агитаціи среди широкихъ массъ. Условія, при которыхъ въ то время приходилось вести массовую агитацію, несомнѣнно весьма предрасполагали къ «экономизму». Однако, само по себѣ приспособленіе соц.-демократіи въ обстановкѣ 90-хъ годовъ къ условіямъ массовой агитаціи и въ то время не могло бы привести къ возведенію «экономизма» въ принципъ и къ суженію соц.-демократическихъ задачъ, если бы соц.-демократическіе агитаторы отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что при данныхъ русскихъ условіяхъ оживленіе рабочаго движенія неизбѣжно должно будетъ привести раньше или позже къ наростанію оппозиціоннаго или революціоннаго настроенія въ другихъ классахъ, что этотъ подъемъ общественнаго настроенія дастъ неизбѣжно толчекъ и политическому самоопредѣленію этихъ классовъ, съ которыми рабочей партіи очень скоро придется считаться, какъ съ соратниками или соперниками, и что совокупное дѣйствіе этихъ силъ вызоветъ общенаціональную революцію. Но именно эта перспектива плохо вязалась со всѣмъ тѣмъ, что говорилось въ произведеніяхъ молодыхъ марксистскихъ теоретиковъ средины 90-хъ гг., представлявшихъ себѣ борьбу русскаго пролетаріата почти совершенно изолированной.

Было бы, конечно, неосновательно возлагать отвѣтственность за крайности практики такъ назыв. «экономизма» непосредственно и всецѣло на молодыхъ теоретиковъ средины 90-хъ годовъ. Нѣкоторые изъ этихъ теоретиковъ, особенно тѣ, которые стояли во главѣ движенія въ слѣдующій «искровскій» періодъ, уже тогда, въ 90-хъ годахъ, яснѣе понимали политическое положеніе и шире ставили задачи соц.-демократіи, нежели большинство соц.-демократовъ того времени [2]). Мы сошлемся, напримѣръ, на два документа—на брошюру Л. Мартова «Современная Россія», написанную въ 1897 г. и изданную въ 1898 г., и на написанную въ то же время брошюру Н. Ленина «Задачи русскихъ соц.-демокра-

[1]) См. Петербурженъ. „По поводу петерб. стачки", „Работникъ" № 3 и 4, 1897 г.

[2]) И въ послѣдней редакціонной коллегіи заграничнаго органа „Рабочее Дѣло", въ общемъ точно отражавшаго уровень развитія движенія 90-хъ годовъ, не всѣ удовлетворялись этимъ уровнемъ. См. статью Мартынова „Очередные вопросы", направленную противъ „теоріи стадій" и противъ „теоріи завоеванія частичныхъ правъ", „Рабочее Дѣло" № 9.

товъ». Л. Мартовъ въ упомянутой брошюрѣ даетъ конкретный анализъ политическаго положенія Россіи въ царствованіе Александра III и Николая II. Анализъ въ той части, которая касается эпохи 90-хъ годовъ, почти совершенно совпадаетъ съ анализомъ, сдѣланнымъ П. Аксельродомъ въ 90-хъ гг. Но тѣмъ не менѣе авторъ изъ этого анализа не дѣлаетъ тѣхъ практическихъ выводовъ, къ которымъ пришелъ П. Аксельродъ, и, говоря о задачахъ агитаціи среди рабочихъ, не указываетъ еще на необходимость выдвигать именно тѣ вопросы, въ которыхъ скрещиваются интересы разныхъ классовъ [1]). Съ другой стороны, Н. Ленинъ въ упомянутой брошюрѣ выдвигаетъ въ большей или меньшей степени именно эти агитаціонныя задачи, говоритъ о пролетаріатѣ, какъ о «передовомъ борцѣ русской демократіи», говоритъ о работѣ надъ образованіемъ «единой соц.-демократической рабочей партіи» и т. д. Но авторъ этой брошюры, написавшій ее въ защиту русской соц.-демократіи отъ нападокъ народовольцевъ и народоправцевъ, излагаетъ задачи соц.-демократіи такъ абстрактно, схематично, безъ связи съ конкретной политической обстановкой, что впослѣдствіи, въ 1900 г., редакція «Рабочаго Дѣла», отрицавшая господство «экономизма», въ спорѣ съ П. Аксельродомъ нашла возможнымъ ссылаться на эту брошюру въ доказательство того, что, вопреки мнѣнію П. Аксельрода, изложенному въ предисловіи къ брошюрѣ, она описываетъ *фактическое* состояніе соц.-демократіи конца 90-хъ гг. и что программа «Рабочаго Дѣла» цѣликомъ совпадаетъ съ сутью брошюры «Задачи» [2]). Вообще же говоря, не эти взгляды отдѣльныхъ единицъ, въ которыхъ въ тому же не было еще стройной логической связи между политическимъ анализомъ и постановкой фактическихъ задачъ, были характерны для средины 90-хъ годовъ. Неизмѣримо больше вліянія оказали на тогдашнее марксистское поколѣніе тѣ экономическія статьи и изслѣдованія В. Ильина-Ленина и другихъ молодыхъ теоретиковъ того времени, о которыхъ мы раньше говорили. Въ этихъ же изслѣдованіяхъ заключались несомнѣнно уже многія существенныя предпосылки для практики такъ наз. «экономизма».

Въ самомъ дѣлѣ: если правъ былъ Ленинъ, когда онъ въ 1895 г. утверждалъ, что у насъ уже теперь «основнымъ, доминирующимъ фактомъ является то, что крестьянство, какъ цѣлое, есть фикція»; если онъ былъ правъ, когда на всѣ лады доказывалъ, что у насъ уже теперь «основнымъ, доминирующимъ фактомъ» является антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей; если вѣрны были соотвѣтствующіе этому взгляды составителей доклада на лондонскій интернаціональный съѣздъ и вдохновителей автора Манифеста 1898 г., то очевидно, что и полицейская защита и финансовое покровительство, оказываемыя правительствомъ капиталистамъ, должны были, по аналогіи съ Западомъ, казаться проявленіемъ непосредственнаго политическаго господства буржуазіи, какъ класса. Если вѣрны были эти взгляды, то у насъ такъ же, какъ и на Западѣ, движущія силы революціонной борьбы пролетаріата лежатъ цѣликомъ въ сферѣ его антагонизма съ капиталистической буржуазіей и совершенно не коренятся въ

[1]) См. „Соврем. Россія“ 1898 г. гл. II „Либерализмъ и демокр. оппозиція“ и гл. V „Полит. значеніе рус. раб. движенія“.

[2]) См. Н. Ленинъ „Задачи рус. соц.-демократовъ“, съ предисл. П. Аксельрода и „Отвѣтъ ред. „Раб. Дѣла“ на письма П. Аксельрода“.

общенаціональномъ антагонизмѣ со старымъ порядкомъ. Отсюда иллюзія, что борьба рабочихъ съ непосредственными эксплуататорами-предпринимателями и съ защищающей ихъ полиціей есть уже политическая борьба въ широкомъ смыслѣ слова. Отсюда пресловутая «теорія стадій», признававшая борьбу съ предпринимателями единственной школой политической борьбы. Отсюда и пресловутая теорія завоеванія «частичныхъ правъ», предполагавшая, что пролетаріатъ будетъ бороться всегда въ политически безвоздушномъ пространствѣ, что онъ самъ и для себя завоюетъ постепенно одно право за другимъ въ борьбѣ съ соединенными силами правительства и капиталистической буржуазіи.

* * *

Соціалдемократы 90-хъ гг., при всей односторонности своихъ взглядовъ, сдѣлали большое историческое дѣло. Ихъ дружный натискъ на народниковъ вынудилъ послѣднихъ къ отступленію по всей линіи, послѣдствіемъ чего было привлеченіе вниманія всей демократической интеллигенціи къ пролетаріату; дѣятельность же соц.-демократовъ практиковъ вовлекла впервые широкія рабочія массы въ движеніе. Тотъ фактъ, что классъ-освободитель выступилъ, наконецъ, на историческую сцену, окрылялъ своимъ выступленіемъ надежды всѣхъ передовыхъ людей Россіи, былъ въ немалой степени результатомъ побѣдоносной борьбы марксизма 90-хъ гг. съ народничествомъ. Предвидя этотъ результатъ,—выходъ изъ политическаго тупика,—многіе, по своей тенденціи, чисто либеральные элементы интеллигенціи стали на сторону марксизма и подъ его знамя съ того самаго момента, какъ указанная борьба загорѣлась на страницахъ нашей легальной прессы, т. е. съ средины 90-хъ гг. Будущіе «освобожденцы» и кадеты—Струве, Туганъ-Барановскій, Булгаковъ, Бердяевъ, Изгоевъ, Богучарскій, отчасти Милюковъ и другіе выступали въ то время открыто съ защитой марксизма или подъ его флагомъ, а въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ велись марксистскіе дебаты подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ не кого иного, какъ гр. Гейдена. Хотя въ этомъ общемъ хорѣ будущіе буржуазные либералы уже и въ то время всегда подчеркивали больше неизбѣжность капиталистическаго развитія Россіи и необходимость ея европеизаціи, а соц.-демократы—необходимость развитія классовой борьбы, тѣмъ не менѣе, это не вносило дисгармоніи въ хоръ, и участники его въ теченіе нѣкотораго времени не сознавали необходимости размежевываться. По крайней мѣрѣ, въ журналѣ «Новое Слово» хоръ постепенно вполнѣ спѣлся [1]).

Сосуществованіе скрытыхъ буржуазныхъ либераловъ и соц.-демократовъ подъ общимъ марксистскимъ флагомъ оказалось возможнымъ потому, что задачи, какъ онѣ ставились въ то время обѣими сторонами, хотя и не вполнѣ сходились, тѣмъ не менѣе ни въ одномъ пунктѣ еще враждебно не сталкивались. Молодые соц.-демократы девятидесятники, правда, выдвигали на первый планъ,

[1]) Первоначальныя апологетическія ноты въ оцѣнкѣ капитализма у П. Струве, Тугана-Барановскаго и другихъ, одно время почти исчезли подъ вліяніемъ критики Ульина (Ленинъ) и „самарцевъ“ (П. Масловъ, Гвоздевъ и Санинъ) и еще больше подъ вліяніемъ роста рабочаго движенія, и книга, напр., Туг.-Барановскаго „Фабрика“ давала практикамъ богатый агитаціонный матеріалъ.

наряду съ борьбой противъ политическаго безправія, борьбу съ капиталистами по цѣли буржуазіи, какъ класса, идутъ гораздо дальше цѣли непосредственной эксплоатаціи, преслѣдуемой предпринимателями; о предстоящемъ же *политическомъ* самоопредѣленіи буржуазіи подъ флагомъ либерализма и о необходимости *политической* борьбы съ буржуазіей, какъ съ классомъ, за вліяніе на ходъ и исходъ революціи соц.-демократы девятидесятники, какъ мы видѣли, и не задумывались еще. И политическія надежды ихъ тоже не шли дальше либеральныхъ: «Русская соц.-демократія вообще чужда вѣры въ политическія чудеса, и, въ частности, она не вѣритъ въ полную демократизацію русскихъ государственныхъ учрежденій въ ближайшемъ будущемъ», говорилъ, напр., ихъ докладъ на лондонскій интернаціональный конгрессъ въ 1896 г. Съ другой стороны, и либерализмъ не имѣлъ никакихъ основаній еще непосредственно опасаться тѣхъ элементарныхъ формъ, которыя тогда стихійно принимало рабочее движеніе, и тѣхъ методовъ воздѣйствія на рабочихъ, къ которымъ въ то время прибѣгали практики соц.-демократы. Напротивъ того, либерализмъ инстинктивно чувствовалъ, что на этой стадіи развитія рабочее движеніе является, между прочимъ, необходимой предпосылкой его собственнаго возрожденія.

Однако положеніе это было весьма не прочно. Марксизмъ привлекалъ Струве и его единомышленниковъ только извѣстными своими сторонами. Но теорія эта, служа имъ незамѣнимымъ оружіемъ въ борьбѣ съ народничествомъ, въ то же время связывала и обязывала ихъ. Поэтому, когда народничество оказалось побѣжденнымъ и когда, вскорѣ послѣ того, обнаружились первые признаки оживленія въ буржуазной интеллигенціи подъ косвеннымъ вліяніемъ рабочаго движенія, Струве и его единомышленники, нащупавши почву для возрожденія либерализма, торопливо начали высвобождаться изъ марксистскаго плѣна и сбрасывать съ себя оковы нетерпимой и «узкой» марксовой догмы. Наступила эра русской «критики» Маркса, которая по времени нѣсколько предупредила бернштейніанское теченіе на Западѣ, затѣмъ короткое время шла съ нимъ въ ногу, но скоро оставила его далеко позади себя, не вызывая уже ни въ комъ сомнѣнія въ ея буржуазной соціальной подкладкѣ. Впрочемъ, уже съ первыхъ своихъ шаговъ эта «критика» лишь слегка видоизмѣняла и комбинировала положенія, защищавшіяся новѣйшими представителями зап.-европейской буржуазной мысли, Брентано, Рилемъ, Виндельбандомъ, Зомбартомъ, Зиммелемъ, Штамлеромъ и др.

Уже въ 1894 г. въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ» П. Струве оговаривался, что онъ не ортодоксальный марксистъ; уже тогда онъ въ робкой формѣ пытался «дополнить» марксизмъ философскимъ критицизмомъ, вносилъ мальтузіанскія поправки въ марксову теорію народонаселенія и усиленно выдвигалъ на первый планъ національно-культурныя задачи, затушевывая въ то же время классовыя задачи пролетаріата. Но эти зачатки «критики» марксизма, встрѣтившіе съ самаго начала отпоръ въ статьѣ Тулина (Ленина), по-своему тоже, впрочемъ, весьма однобокой, получили дальнѣйшее развитіе лишь отчасти въ 1897 г., особенно же въ 1899 г. Въ 1897 г. Струве помѣщаетъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи» статью—«Свобода и историческая необходимость», направленную противъ матеріализма и въ защиту кантіанскаго крити-

цизма. Въ этомъ же году онъ въ статьѣ о цюрихскомъ конгрессѣ по вопросамъ охраны рабочихъ, помѣщенной въ «Новомъ Словѣ», констатируетъ фактическій, якобы, отказъ современнаго соціализма отъ теоріи революціонныхъ катастрофъ. Затѣмъ въ 1899 г. онъ въ статьѣ, помѣщенной въ Braun's Archiv, подвергаетъ рѣшительной критикѣ взглядъ Маркса на соціальную революцію. Черезъ годъ П. Струве вмѣстѣ съ Туганъ-Барановскимъ подвергаетъ критикѣ марксову теорію стоимости въ статьѣ «Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности». Одновременно онъ въ предисловіи къ книгѣ Бердяева выступаетъ впервые на защиту метафизики. Вслѣдъ за Струве эволюцію въ томъ же направленіи продѣлываютъ его единомышленники. Въ 1900 г. Бердяевъ выпускаетъ свою книгу «Субъективизмъ и индивидуализмъ», въ которой онъ развиваетъ свое новое profession de foi. Въ томъ же году Булгаковъ выпускаетъ свое сочиненіе «Капитализмъ и земледѣліе», въ которомъ онъ вслѣдъ за ревизіонистомъ Герцемъ, опровергаетъ марксову теорію аграрной эволюціи. Наконецъ, въ 1902 г. появляется боевой сборникъ «Проблемы идеализма», въ которомъ бывшіе марксисты окончательно отряхаютъ прахъ отъ ногъ своихъ.

Критика марксизма шла у насъ, какъ и на Западѣ, параллельно двумя путями: съ одной стороны, борьба велась въ плоскости философіи, противъ «догматическаго» матеріализма, во имя «критическаго» идеализма и закончилась капитуляціей передъ религіей и метафизикой. Съ другой, она велась противъ «ошибокъ» соціально-политическаго ученія Маркса, противъ теоріи обостренія классовыхъ противорѣчій, противъ теоріи соціальной революціи, расширяясь постепенно въ борьбу противъ «деспотизма» демократіи во имя свободы личности и правъ человѣка. Обѣ стороны «критики» находились, конечно, въ тѣснѣйшей связи и взаимно дополняли другъ друга.

Въ своей статьѣ «Свобода и историческая необходимость» П. Струве заявляетъ, что «послѣ Канта тщетны всѣ попытки объединить свободу и необходимость въ одномъ высшемъ началѣ». Стараясь затѣмъ опредѣлить сферу компетенціи свободы, онъ предварительно отождествляетъ бытіе съ мышленіемъ, «ибо мышленіе бытія равносильно бытію мышленія» и, такимъ образомъ, лишаетъ оцѣнку нашей свободной дѣятельности всякаго объективнаго критерія, взятаго изъ дѣйствительности, изъ объективнаго «бытія». Чѣмъ же отличается царство свободы и долженствованія отъ царства бытія и необходимости? Тѣмъ же, чѣмъ, якобы, отличается субъективное отъ объективнаго—не по содержанію, а количественно, по степени «связности и прочности элементовъ (опредѣленіе Зиммеля). Свобода и долженствованіе есть, такимъ образомъ, то же бытіе, но не связное, непрочное, призрачное бытіе, «состояніе между небытіемъ и бытіемъ» [1]). Этотъ выводъ имѣлъ для Струве ту высокую «идеалистическую» цѣнность, что онъ превращалъ будущій соціалистическій строй, къ осуществленію котораго онъ «свободно» стремился, изъ чего-то неизбѣжнаго въ неразрѣшенную «проблему», въ призракъ, въ «состояніе между бытіемъ и небытіемъ». Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Бердяева Струве дѣлаетъ еще шагъ впередъ въ этомъ напра-

[1]) См. П. Струве. „На разныя темы“ (1893—1901 гг.). Сборникъ статей, стр. 488, 493, 494.

вленіи. Чтобы окончательно скинуть съ себя стѣснительныя узы дѣйствительности, онъ заявляетъ уже тамъ, что «носителемъ свободы является духовная одухотворенная субстанція» и что «наша позитивная теорія познанія... съ полной ясностью обнаруживаетъ ограниченность позитивизма и необходимость метафизики» [1]).

Параллельно съ тѣмъ, какъ П. Струве въ области философіи подвигался назадъ отъ матеріализма черезъ «критическій позитивизмъ» къ «метафизическому идеализму», онъ, въ области политики, отъ точки зрѣнія классовой борьбы постепенно переходилъ къ точкѣ зрѣнія «соціальнаго мира». Уже въ 97 г. онъ, на основаніи своихъ наблюденій на Цюрихскомъ конгрессѣ, утверждаетъ: «Все болѣе и болѣе распространяется и крѣпнетъ убѣжденіе, что соціальныя реформы вовсе не представляютъ изъ себя жалкаго штопанія, а, наоборотъ, являются лишь звеньями въ той органической цѣпи формъ, которая ведетъ отъ одной общественно-политической формаціи къ другой» [2]). Въ 99 г. въ своей статьѣ въ Braun's Archiv'ѣ онъ не только констатируетъ фактъ притупленія классовыхъ противорѣчій, но доказываетъ невозможность ихъ обостренія, невозможность соціальной революціи, ибо это понятіе противорѣчитъ-де логическому «закону непрерывности». Въ 1900 же году въ статьѣ объ «Антиноміяхъ» онъ доказываетъ, что цѣнность создается не только трудомъ, но и капиталомъ, и тѣмъ самымъ опровергаетъ самую наличность принудительнаго антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазіей.

Въ томъ же направленіи, какъ П. Струве, хотя и другими тропинками, подвигается Н. Бердяевъ. Въ своей книгѣ—«Субъективизмъ и индивидуализмъ», направленной формально противъ Н. Михайловскаго, онъ ставитъ себѣ цѣлью соединить «марксовскій соціальный монизмъ» съ «кантовскимъ философскимъ критицизмомъ» [3]). Весь историческій процессъ съ его развитіемъ производительныхъ силъ, съ его классовой борьбой и классовыми идеалами, а заодно и всѣ законы «историческаго матеріализма» Бердяевъ относитъ всецѣло къ области *психологіи*, «черпающей все свое содержаніе изъ опыта» [4]). Все это, по его словамъ, имѣетъ лишь эмпирическую, относительную, «субъективную» цѣнность». Поэтому онъ считаетъ необходимымъ «соціальный монизмъ» Маркса, какъ мы видѣли, совершенно не матеріалистически имъ понятый, дополнить трансцедентальной философіей Канта, которая одна лишь даетъ намъ апріорную, общеобязательную и абсолютную истину и абсолютныя, общеобязательныя этическія нормы. Къ счастью для теоріи Маркса, Бердяевъ въ этой книгѣ не усматриваетъ противорѣчія между эмпирическимъ міромъ, который, по его мнѣнію, есть царство свободы, подлежащее вѣдѣнію Маркса, и трансцедентальнымъ міромъ, царствомъ необходимости, подлежащимъ вѣдѣнію Канта, ибо историческій прогрессъ, носителемъ котораго является прогрессивный классъ, стремится приблизиться къ абсолютной истинѣ и абсолютной справедливости, порукой чему служитъ «нравственный міропорядокъ, постулируемый нашимъ практическимъ разумомъ» [5]).

---

[1]) См. Н. Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ", стр. XXXII, LII.
[2]) См. И. Струве. „На разныя темы", стр. 414, 415.
[3]) См. Н. Бердяевъ. „Субъективизмъ и индивидуализмъ", стр. 19.
[4]) Ibid., стр. 85, 86, 21.
[5]) Ibid., стр 48, 75, 106.

Однако Бердяевъ, объявившій законы историческаго развитія законами чисто-психологическими и поднявшійся надъ эмпирической исторіей въ область трансцендентальную, очень много въ этой земной исторіи сталъ недоглядывать. Такъ, онъ уже въ этой книгѣ объявляетъ «теорію катастрофъ» нелѣпостью, отмѣчаетъ необходимость подвергнуть теорію цѣнности Маркса «глубокой переработкѣ», «окончательно» провозглашаетъ девизъ—«чѣмъ лучше, тѣмъ лучше», и заявляетъ съ чувствомъ самоудовлетворенія: «Поправки, создаваемыя самимъ капиталистическимъ развитіемъ, до тѣхъ поръ будутъ штопать дыры существующаго общества, пока вся общественная жизнь не сдѣлается сплошь новой» [1]). То же суверенное пренебреженіе къ «грубому» эмпирическому міру побуждаетъ Бердяева пѣть дифирамбы сверхчеловѣку Ницше и восхвалять новѣйшія «декадентскія» теченія въ искусствѣ, которыя «выражаютъ необыкновенную душевную утонченность» [2]).

На этомъ эволюція П. Бердяева не заканчивается. Черезъ два года въ статьѣ—«Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма» онъ подымается еще на большую трансцендентальную высоту и, соотвѣтственно съ этимъ, для него обезцѣниваются не только соціалистическія, но и многія общедемократическія цѣнности. Въ этой статьѣ онъ уже опредѣленно становится на точку зрѣнія метафизики и религіи («этическаго пантеизма»): «Метафизика», говоритъ онъ,— «къ которой этика неизбѣжно приводитъ, объединяетъ въ понятіи Верховнаго Блага индивидуальное духовное «я» съ универсальнымъ духовнымъ «я». Что же послѣ этого объединенія стало съ духовнымъ «я» Н. Бердяева? Оно прежде всего обрушивается на эвдемонизмъ, на «погоню за счастьемъ»: «Нравственность», говоритъ Н. Бердяевъ, «нельзя выводить изъ такихъ не этическихъ понятій, какъ удовольствіе или счастье; само счастье подлежитъ *нравственному* суду». Это одинаково относится, какъ къ эгоизму, такъ и къ «общественному, альтруистическому утилитаризму»: «если постыдно для человѣка посвятить жизнь собственному наибольшему удовольствію, то не менѣе постыдно обратить себя въ орудіе чужого наибольшаго удовольствія». Отсюда выводъ: «нравственная проблема есть прежде всего проблема индивидуалистическая»; «борьба за соціальность, т. е. за форму общественнаго сотрудничества, этически всегда подчинена борьбѣ за гуманность». Н. Бердяевъ знаетъ, конечно, какіе практическіе выводы изъ этой индивидуалистической морали дѣлаются въ «эмпирическомъ мірѣ» и заранѣе протестуетъ противъ нихъ: «я хотѣлъ бы, чтобы было наложено клеймо позора на тѣхъ, которые нагло и беззастѣнчиво совмѣщаютъ въ себѣ безобразное противорѣчіе — признаніе за человѣческимъ духомъ безусловной цѣнности, съ одной стороны, и оправданіе гнета и эксплоатаціи... съ другой». Тѣмъ не менѣе, вѣрный буржуазный инстинктъ подсказываетъ ему, что юридическія *гарантіи* нужны не для «соціальности», а лишь для «гуманности»: «Мы отрицаемъ», говоритъ онъ, «этико-правовой принципъ народнаго суверенитета и противополагаемъ ему принципъ неотчуждаемыхъ личныхъ правъ» [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 50, 257, 260, 261.

[2]) Ibid., стр. 170.

[3]) См. Н. Бердяевъ. „Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма". Сборникъ: „Проблемы идеализма", стр. 100, 102, 107, 113,.

Въ нѣсколько другой варіаціи ту же эволюцію вслѣдъ за П. Струве и Н. Бердяевымъ продѣлалъ С. Булгаковъ. Въ своей статьѣ—«Основныя проблемы теоріи прогресса» онъ начинаетъ съ того, что религія и метафизика призваны *дополнить* наше ограниченное точное знаніе, ибо у человѣка есть врожденное стремленіе «выйти за предѣлы своего я», «стремленіе къ недосягаемому совершенству»; но тутъ же, на глазахъ читателя, онъ расширяетъ компетенцію религіи и метафизики, пытаясь при ихъ помощи *вытѣснить* науку изъ области ею уже завоеванной, именно изъ области историческаго прогресса, законы котораго «претендовалъ» дать Марксъ. Это представляется необходимымъ, во-первыхъ, потому, что Риккертъ «совершенно неопровержимо» доказалъ невозможность историческихъ предсказаній, во 2-хъ, потому, что вѣдѣніе будущаго «обезвкусило бы жизнь и особенно будущее, которое теперь невозбранно можетъ заполнять фантазія». Избавившись такимъ способомъ отъ непріятной «исторической необходимости», С. Булгаковъ начинаетъ заполнять будущее тѣмъ содержаніемъ, которое ему представляется привлекательнымъ. Для этого онъ, подобно Бердяеву, обрушивается на соціальный эвдемонизмъ, считающій цѣлью прогресса «возможно большій ростъ счастья возможно большаго числа лицъ», какъ на теорію «вполнѣ буржуазную», «грозящую обратить человѣчество въ животное состояніе», и противоставляетъ ей философію, доказывающую «внутреннее безсиліе зла, его призрачность, его—страшно сказать—конечную разумность». Въ заключеніе онъ предсказываетъ, что религія займетъ въ жизни «подобающее ей центральное мѣсто» и что уже теперь наше участіе въ соціальной борьбѣ должно мотивироваться «не классовымъ эгоистическимъ интересомъ, а... велѣніемъ Бога» [1]).

Таковъ финалъ эволюціи П. Струве и его единомышленниковъ. Объективно весь этотъ эпизодъ въ исторіи русскаго марксизма означалъ первое выступленіе *новой формаціи буржуазнаго либерализма*, приспособлявшагося къ развитымъ капиталистическимъ отношеніямъ и къ постепенному политическому раскрѣпощенію страны безъ революціонныхъ потрясеній и безъ героическихъ усилій демократіи, приспособлявшагося, словомъ, къ тѣмъ перспективамъ, которыя строили большинство девятидесятниковъ. Необходимость полной экономической и политической европеизаціи Россіи—таковъ былъ исходный пунктъ этого новаго либеральнаго движенія. Благодаря этому, оно могло извѣстное время идти рука объ руку съ соц.-демократіей, благодаря этому же новая либеральная формація во многихъ отношеніяхъ оказалась радикальнѣе предыдущаго поколѣнія народническихъ либераловъ даже въ концѣ своей эволюціи. Но именно потому, что она твердо стала на точку зрѣнія европейскую и что она чувствовала себя какъ бы одной ногой уже на европейской почвѣ, она съ первыхъ же шаговъ запаслась тѣмъ духовнымъ оружіемъ, которымъ западно-европейская буржуазія давно пользовалась уже въ борьбѣ съ пролетаріатомъ—философскимъ идеализмомъ со всѣми его современными спутниками: индивидуализмомъ, мистикой, декадентствомъ. Она торопливо запаслась оружіемъ, въ которомъ прежнее либеральное поколѣніе, не вѣрившее въ русское рабочее движеніе и потому не за-

[1]) См. С. Булгаковъ. „Основныя проблемы теоріи прогресса". Сборникъ: „Проблемы идеализма", стр. 5, 11, 12, 14, 22, 23, 34, 46.

думывавшееся еще надъ классовымъ антагонизмомъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, не чувствовало еще никакой потребности. Не представляя себѣ ясно того широкаго демократическаго размаха, который должна принять русская революція для того, чтобы справиться съ старымъ порядкомъ, Струве и его единомышленники стали оттачивать это оружіе субъективно *заблаговременно*, а съ точки зрѣнія объективныхъ интересовъ буржуазіи *преждевременно* не только противъ пролетаріата, но и противъ демократіи вообще, мечтая, что вся русская демократія въ освободительную эпоху пойдетъ покорно на поводу у модернизированнаго либерализма. Скоро обнаружилось, что это была иллюзія. Такимъ образомъ, поворотъ отъ матеріализма къ идеализму, вытекавшій изъ неизбѣжнаго процесса самоопредѣленія буржуазіи, придалъ этому самоопредѣленію характеръ реакціонный даже съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ буржуазіи. *Въ этомъ отношеніи* новая либеральная формація сдѣлала значительный шагъ назадъ даже по сравненію съ невиннымъ либерализмомъ стараго поколѣнія. Слишкомъ уже эти люди торопились усвоить «цѣльное» міровоззрѣніе современнаго зап.-европейскаго буржуа, успѣвши основательно забыть муки родовъ европейской свободы.

Въ современную историческую эпоху буржуазная интеллигенція можетъ еще участвовать въ революціи или подъ чужимъ, соціалистическимъ, флагомъ, или, поскольку она чувствуетъ, что это отрываетъ отъ нея массу буржуазныхъ обывателей,—безъ теоретическаго знамени, эмпирически, подчиняясь властнымъ запросамъ момента. Поэтому, какъ только П. Струве и его единомышленники попытались найти высшее философское оправданіе для своего перехода въ буржуазный лагерь, они роковымъ образомъ стали ковать оружіе противъ революціи и противъ демократіи. Поэтому же, когда въ Россіи запахло революціей, П. Струве, обладавшій болѣе тонкимъ политическимъ обоняніемъ, чѣмъ его единомышленники, забросилъ на время свою идеалистическую метафизику. Характерно, что въ 1902 г. въ боевомъ сборникѣ «Проблемы идеализма» принимали участіе совращенные Петромъ Струве Булгаковъ, Бердяевъ и К°, онъ же самъ въ это время думалъ уже больше о земной жизни, объ основаніи «Союза освобожденія» и о совмѣстныхъ съ революціонной соціалъ-демократіей выступленіяхъ. Поэтому наконецъ, впослѣдствіи, когда революція потерпѣла пораженіе, идеализмъ и метафизика опять выступили на сцену. Такимъ образомъ, «Проблемы идеализма» оказались прелюдіей къ настоящей симфоніи, которая была разыграна значительно позже въ пресловутыхъ «Вѣхахъ».

III. Переходное время (1900—1903 г. г.).

Борьба ортодоксальной соціалъ-демократіи съ „критикой" Маркса и „экономизмомъ". Начало новаго поворота—къ бланкизму.

Легальный марксизмъ 90-хъ г. г., изъ котораго взяли начало, съ одной стороны, «экономизмъ», съ другой—либерализмъ новаго типа, былъ отраженіемъ общаго положенія Россіи въ эти годы—быстраго промышленнаго расцвѣта, сопровождавшагося подъемомъ стачечнаго движенія рабочихъ, съ одной стороны,

и очень медленнымъ пробужденіемъ интеллигенціи отъ состоянія апатіи и подавленности, съ другой. Къ началу девятисотыхъ годовъ положеніе круто мѣняется. Съ 1899 г. надвигается промышленный кризисъ, обостряющій чувство недовольства въ рабочихъ массахъ; это даетъ новое направленіе движенію пролетаріата, прошедшаго извѣстную школу въ предыдущій стачечный періодъ, что, въ свою очередь, косвенно отражается на настроеніи интеллигенціи. Среди болѣе чуткой части ея—среди студенчества въ 99 г. начинается массовое движеніе, которое въ 1901 г. принимаетъ острыя, революціонныя формы. Все это, въ связи съ начавшейся вновь идейной дифференціаціей въ интеллигенціи, создало, наконецъ, благопріятную почву для той болѣе широкой постановки соц.-демократической работы, къ которой въ 90-хъ г. г. тщетно призывала «Гр. Осв. Труда»—благопріятную почву для пропаганды идей революціоннаго марксизма, для организаціоннаго сплоченія с.-демократіи и для открытія общенаціональной политической кампаніи противъ стараго порядка по ея иниціативѣ. Учитывая измѣнившееся положеніе вещей, группа соц.-демократовъ, вернувшаяся изъ ссылки (Н. Ленинъ, Л. Мартовъ и Старовѣръ) беретъ на себя иниціативу реорганизаціи партіи на новыхъ началахъ. Объединившись для этой цѣли съ «Гр. Осв. Тр.», она приступаетъ въ концѣ 1900 г. къ изданію политической газеты «Искра» и теоретическаго журнала «Заря».

Партію приходилось почти заново строить. Если принять во вниманіе тѣ громадныя и сложныя задачи, которыя передъ ней стояли въ виду явно наступавшаго революціоннаго періода, если принять во вниманіе, что при сравнительной незрѣлости пролетаріата, отвѣтственную роль въ партіи тогда могъ играть только сравнительно тѣсный кругъ профессіональныхъ революціонеровъ изъ интеллигенціи, что стихія буржуазной революціи имѣла всегда тенденцію совлекать партію съ соціалистическаго пути, то понятно будетъ, какое исключительно важное значеніе для партіи въ то время долженъ былъ имѣть надежный теоретическій компасъ революціоннаго марксизма. Неудивительно поэтому, что во главу своихъ задачъ организація «Искры» и «Зари» поставила борьбу съ «критикой» Маркса за «ортодоксію», рука объ руку съ международной революціонной соц.-демократіей.

Въ русской соц.-демократіи застрѣльщикомъ въ этой борьбѣ въ доискровскій еще періодъ былъ Г. В. Плехановъ. Въ своей полемикѣ противъ Бернштейна Г. Плехановъ отмѣтилъ, что «историческій матеріализмъ» составляетъ лишь «часть матеріалистическаго міросозерцанія Маркса—Энгельса» и что именно методъ діалектическаго матеріализма и составляетъ «душу» марксизма. Поэтому, Г. Плехановъ обращалъ всегда особенное вниманіе на пропаганду этого философскаго метода и забилъ тревогу при первыхъ же попыткахъ вернуться назадъ отъ матеріализма къ идеализму. Еще въ 92 г., выпуская переводъ книжки Энгельса о Л. Фейербахѣ со своими примѣчаніями, онъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать тѣмъ реакціоннымъ идеямъ, которыя начали пропагандироваться на страницахъ русскаго журнала «Вопросы философіи и психологіи» въ противовѣсъ «отрицательному направленію шестидесятыхъ годовъ». Мы отмѣтимъ здѣсь лишь главнѣйшіе моменты въ борьбѣ Г. Плеханова противъ идеалистической реакціи.

Въ указанныхъ «примѣчаніяхъ» къ «Фейербаху» Г. Плехановъ впервые сжато формулируетъ различіе между матеріалистическимъ взглядомъ на объективный внѣшній міръ и идеалистическимъ взглядомъ Канта. «Ощущенія, а, слѣдовательно, и образы предметовъ», говоритъ онъ, «есть равнодѣйствующая двухъ силъ: свойствъ предметовъ, производящихъ на насъ извѣстное впечатлѣніе, и свойствъ того пріемника, который получаетъ эти впечатлѣнія». По этому одному уже ощущеніе не можетъ быть то же самое, что вызывающій его предметъ: ощущеніе звука не тождественно съ вызвавшимъ его движеніемъ воздушныхъ волнъ. Но «пусть наши впечатлѣнія... будутъ лишь условными знаками,—во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковъ соотвѣтствуетъ сходство и различіе дѣйствительное. Поэтому невѣрно, что «формы нашего мышленія», какъ причинность, пространство, время, суть *только* «апріорныя формы», несвойственныя самимъ предметамъ. Неправъ, поэтому, Кантъ, утверждая, что мы не можемъ познать «вещь въ себѣ»: «я знаю, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя ея свойства, именно тѣ, черезъ посредство которыхъ я заставляю ее дѣйствовать». Въ этихъ же «примѣчаніяхъ» Г. Плехановъ противоставляетъ матеріалистическій взглядъ на «идеалы» кантіанскому категорическому императиву. По поводу идеаловъ послѣдняго рода Энгельсъ писалъ: «Идеалъ, отвѣчаетъ филистеръ, это цѣль, къ которой мы нравственно обязаны стремиться, но которая стоитъ такъ высоко, что мы никогда ея не достигнемъ». Матеріализму совершенно чуждо это оправданіе двойной морали. Но какъ же, спросятъ, Энгельсъ со своей матеріалистической точки зрѣнія можетъ примирить свои объективные идеалы съ объективной необходимостью? Какъ онъ можетъ осуществлять свою свободу въ царствѣ необходимости? «Съ *объективной* стороны», отвѣчаетъ Г. Плехановъ, «положеніе Энгельса представляется такъ: въ процессѣ перехода изъ одной своей формы въ другую дѣйствительность захватила его, какъ одно изъ необходимыхъ орудій предстоящаго переворота. Съ *субъективной* стороны выходитъ, что Энгельсу пріятно это участіе въ историческомъ движеніи, что онъ считаетъ его своимъ долгомъ» [1]).

Въ 98 г., когда Бернштейнъ, подъ вліяніемъ Конрада Шмидта, сталъ призывать «назадъ къ Канту», Г. Плехановъ снова возвращается къ этимъ вопросамъ и вступаетъ на страницахъ «Neue Zeit» въ философскую полемику съ тѣмъ и другимъ. Въ статьѣ «Бернштейнъ и матеріализмъ» онъ, борясь противъ вульгарнаго пониманія матеріализма, которымъ многіе обязаны были сознательному извращенію взглядовъ матеріалистовъ XVIII в. современной буржуазной наукой, доказываетъ, что «матеріалистическая философія Фейербаха была, какъ и философія Дидро, лишь родомъ спинозизма», что такимъ же родомъ спинозизма является философія Маркса и Энгельса. Въ отличіе отъ дѣйствительно вульгарныхъ матеріалистовъ всѣ эти философы не сводили мышленіе къ движенію матеріи, не отождествляли его съ послѣднимъ, а согласно со Спинозой полагали, что мышленіе и протяженіе суть два аттрибута одной и той же субстанціи. Этому какъ бы противорѣчитъ положеніе Энгельса, что «мышленіе происходитъ изъ бытія». Но то «мышленіе», о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть

1) Ф. Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ. Переводъ Г. В. Плеханова съ примѣчаніями переводчика. 1892 г. стр. 96, 98, 99, 101, 103.

человѣческое сознаніе, т. е. высшая форма «мышленія» и предпосылка бытія этому мышленію ни въ коемъ случаѣ не исключаетъ «одушевленности матеріи» [1]). Въ полемическихъ статьяхъ противъ Конрада Шмидта, Г. Плехановъ реставрируетъ истинные взгляды Канта, искаженные его же современными учениками, и вскрываетъ то основное противорѣчіе, изъ котораго дуалистъ Кантъ не въ силахъ былъ выпутаться. Въ первомъ изданіи «Критики чистаго разума», говоритъ Г. Плехановъ, Кантъ смотрѣлъ на «вещь въ себѣ» лишь какъ на «предѣльное понятіе», которому ничего не соотвѣтствуетъ внѣ нашего сознанія, и стоялъ, такимъ образомъ, на точкѣ зрѣнія «скептическаго идеализма». Но, дѣлая уступки реалистической критикѣ его взглядовъ, онъ впослѣдствіи въ «Пролегоменахъ» и во 2-мъ изданіи «Критики чистаго разума» начинаетъ признавать реальное существованіе «вещи въ себѣ» и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ отгораживаться отъ идеалистовъ. Однако, сдѣлавши этотъ шагъ впередъ, онъ очутился въ безвыходномъ противорѣчіи съ самимъ собой, на что указывали въ свое время Якоби и другіе: съ одной стороны, его «вещь въ себѣ» дѣйствуетъ на наши чувства *во времени* и является *причиной* нашихъ ощущеній; съ другой стороны, по его мнѣнію, категоріи времени, пространства и причинности присущи *только* нашему сознанію и не свойственны безформенному внѣшнему міру нуменовъ, «вещей въ себѣ». Изъ этого противорѣчія возможны были лишь два выхода—либо къ матеріализму, либо къ субъективному идеализму. По второму пути пошелъ Фихте. Но этотъ путь ведетъ къ абсурду: если «истинное и дѣйствительное бытіе духовно», то всѣ люди представляютъ собой «только видоизмѣненіе моего сознанія» и тогда «моя мать... какъ явленіе ...существуетъ только во мнѣ». Правда, Фихте протестовалъ противъ этого логическаго вывода изъ его взглядовъ, какъ противъ эгоистическаго, и поэтому объяснялъ, что его «я» не индивидуальное, а міровое, абсолютное «я». Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы «вывести» существованіе людей, Фихте дѣлаетъ ихъ бытіе *моральнымъ постулатомъ*. Но это значитъ не преодолѣть препятствіе, а обойти его». Кантъ не хотѣлъ, чтобы его взгляды толковались въ смыслѣ фихтіанскомъ. Что же мѣшало ему рѣшительно порвать съ идеализмомъ? На это онъ самъ ясно отвѣтилъ въ предисловіи ко второму изданію «Критики чистаго разума»: «Я не могу даже предположить Бога, свободу и безсмертіе, которые необходимы для практическихъ цѣлей моего разума, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ этимъ не *лишить* спекулятивный разумъ его чрезмѣрнаго притязанія на проницательность... Я долженъ былъ, стало быть, уничтожить знаніе для того, чтобы очистить мѣсто вѣрѣ» [2]). Вотъ въ чемъ истинная подкладка современнаго идеализма.

Параллельно съ защитой матеріализма Г. Плехановъ отстаивалъ другой элементъ философіи Маркса—гегелевскую діалектику, которую «критики» тоже сознательно или безсознательно искажали, чтобы тѣмъ легче ее опровергнуть. Я укажу здѣсь лишь на два обвиненія, выдвинутыя противъ діалектики Эд.

---

[1]) См. Бельтовъ. Бернштейнъ и матеріализмъ. „Критика нашихъ критиковъ". стр. 159, 160, 165.

[2]) См. Н. Бельтовъ—ibid. Конрадъ Шмидтъ противъ К. Маркса и Фр. Энгельса стр. 173.; Матеріализмъ или кантіанизмъ? стр. 193, 194, 201.

Бернштейномъ и П. Струве, которыя, хотя взаимно исключали другъ друга, но преслѣдовали одну и ту же цѣль. Несостоятельность обоихъ этихъ обвиненій Г. Плехановъ доказалъ въ своихъ статьяхъ въ «Зарѣ».

Эд. Бернштейнъ, не понимая, что съ точки зрѣнія діалектической *быстрота* реальнаго отрицанія одной общественной формы другой зависитъ отъ *конкретныхъ* условій, что, напротивъ того, «*логическій* процессъ отрицанія совершается *внѣ времени*», полагалъ, что Марксъ и Энгельсъ, именно благодаря соблазнамъ діалектической логики, представляли себѣ слишкомъ быстрымъ темпъ общественнаго развитія. Поэтому онъ обвинялъ Гегеля и его учениковъ въ томъ, что они видѣли только процессъ непрерывнаго измѣненія вещей, въ которомъ они растворяли безъ остатка самыя вещи, что они «пренебрежительно относились къ точно опредѣленнымъ понятіямъ, считая ихъ *метафизикой*». Возражая Бернштейну, Г. Плехановъ показываетъ, что «Гегель не только не игнорируетъ правъ *разсудка* (*а, слѣдовательно, и точно опредѣленныхъ понятій*), но энергично отстаиваетъ его права даже въ такихъ областяхъ, казалось бы, далекихъ отъ «разсудочности», какъ... искусство». «Удачное художественное произведеніе предполагаетъ», напр., по Гегелю, «рядъ точно опредѣленныхъ характеровъ». По Гегелю, такимъ образомъ, необходимо отдавать должное и (діалектическому) *разуму*, и *разсудку*. П. Струве, въ противоположность Бернштейну, но изъ той же боязни «скачковъ» въ общественномъ развитіи, которыхъ «не терпитъ нашъ интеллектъ», обвиняетъ діалектику въ томъ, что она противорѣчитъ логическому «закону непрерывности», закону непрерывности измѣненій. На это Г. Плехановъ возражаетъ: не говоря о томъ, что исторія природы и общества сплошь и рядомъ дѣлала и дѣлаетъ скачки, хотя «интеллектъ Струве скачковъ не терпитъ», все это обвиненіе возникло изъ непониманія смысла закона непрерывности, установленнаго еще до Канта Лейбницемъ. Этотъ законъ имѣетъ въ виду исключительно количественныя измѣненія однородной субстанціи. Онъ не касается *сложныхъ* явленій измѣненія *отношенія* между частями субстанціи. Поэтому, онъ самъ по себѣ не въ состояніи объяснить ни возникновенія явленія, ни его исчезновенія, ни перехода количества въ качество, ни столкновенія между содержаніемъ и формой, а между тѣмъ всякое общество есть именно сложный комплексъ, а не «однородная субстанція». Оба обвиненія противъ діалектики, такимъ образомъ, вытекаютъ изъ ея непониманія. Для діалектика всякій, забывающій о правахъ «разума», есть *метафизикъ*, всякій, упускающій изъ виду права «разсудка», есть *скептикъ* [1].)

Той же защитѣ философіи марксизма отъ идеалистической «критики» посвященъ былъ рядъ статей Вѣры Засуличъ и Ортодоксъ (Л. Аксельродъ), помѣщенныхъ въ «Зарѣ» и направленныхъ противъ философскихъ упражненій П. Струве и Н. Бердяева и противъ сборника «Проблемы идеализма».

Ортодоксъ отмѣчаетъ, что наши идеалисты, отвергнувъ единственный критерій объективной истины—ея соотвѣтствіе внѣшней дѣйствительности, пытались замѣнить его другими негодными суррогатами, вродѣ «прочности, повто-

---

1) „Заря“ № 2–3, стр. 209, 210, 211, 217, а также „Критика нашихъ критиковъ“ „Заря“ № 4, стр. 1—12.

ряемости представленій», общепризнанности ихъ и т. п. Что говорятъ эти критеріи сами по себѣ? У всѣхъ «нормально организованныхъ» людей существуетъ представленіе о деревѣ. Но вопросъ въ томъ, «въ какомъ мѣстѣ и въ какое время должно совпадать это представленіе у всѣхъ людей». А что доказываетъ «прочность» и «постоянство» представленій? Ничто, какъ извѣстно, не бываетъ такъ прочно, какъ заблужденія. Очевидно, все это лишь *«условія критерія научнаго опыта, но не базисъ его»*. Наши идеалисты, отвергая этотъ базисъ—«реальный міръ внѣшнихъ вещей»—и отрывая свободу отъ необходимости, тѣмъ самымъ фаталистически преклоняются передъ «естественнымъ ходомъ вещей», отражая «болѣзнь воли», которой страдаетъ современная разслабленная и развинченная буржуазная интеллигенція. Впрочемъ, они отвергаютъ законы исторической необходимости и возможность историческихъ предсказаній только тогда, когда эти предсказанія неблагопріятны для буржуазіи. Тотъ же Струве, напр., не отказывается «предсказывать» неизбѣжность притупленія классовыхъ противорѣчій въ будущемъ и доказывать невозможность въ будущемъ соціальной революціи. Той же неискренностью и непослѣдовательностью отличаются ихъ этическія теоріи: нападая на эвдемонизмъ во имя высшаго нравственнаго блага, они одновременно защищаютъ «діонисово начало жизни», т. е. тотъ же эвдемонизмъ, но въ самой грубой эгоистической его формѣ [1]).

Свое отступленіе отъ соціалистической идеологіи къ буржуазной наши идеалисты прикрывали контръ-обвиненіемъ современнаго пролетаріата и его коммунистическаго идеала въ «буржуазности» и «мѣщанствѣ». Противъ этого обвиненія выступила въ «Зарѣ» Вѣра Засуличъ, объясняя попутно его психологическую подкладку. «Въ сознаніи вѣрующихъ», говоритъ она, «старый Богъ существовалъ не потому, что былъ нуженъ. Наоборотъ, онъ потому только и могъ удовлетворять—посредствомъ загробнаго рая—потребность въ надеждѣ на лучшее будущее..., что его существованіе было внѣ всякаго сомнѣнія».... Для чего же Струве и Бердяевъ «придумали» Бога, не будучи убѣжденными въ его существованіи? «Для спасенія отъ пессимизма ему (Струве) нужно чтобы въ капиталистической лавкѣ невидимо присутствовалъ Богъ и направлялъ торговлю въ сторону идеала». Когда Бердяевъ старался согласить Канта съ Марксомъ, онъ, правда, уже отбросилъ революціонный соціализмъ и проповѣдывалъ теорію «штопанія», но все же въ то время Кантъ нуженъ былъ ему еще, «чтобы знать объективно, навѣрняка, почему именно демократическій идеалъ выше буржуазнаго, почему лучше, чтобы сердце пріятно билось (оно и такъ бьется, но г. Бердяеву нужно знать, почему это лучше) при словахъ—справедливость и благо народа, чѣмъ при словахъ—кнутъ и обузданіе». Но г. Струве указалъ ему на послѣдствія «привлеченія Канта». «Расхваливъ г. Бердяева... за «душевный подъемъ, рождающій вѣру и энтузіазмъ», онъ взялъ да и прихлопнулъ съ одного удара всю его «вѣру». «Подчеркнувъ, что съ ихъ общей внѣклассовой.... точки зрѣнія въ психологіи оппозиціоннаго класса *лишь эмпирически случайно*... могутъ встрѣтиться пред-

[1]) См. Ортодоксъ. „О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ критиковъ". „Заря" № 4, стр. 48, 50, 52, 61, 63. См. ея же. "Почему мы не хотимъ итти назадъ". „Заря" № 2—3 и ея же, О „проблемахъ идеализма".

посылки нахожденія истины», «г. Струве сообщилъ г. Бердяеву непріятную вѣсть», что именно въ настоящую эпоху «этой счастливой случайности не случилось», ибо пролетаріатъ оказался «глубоко проникнутымъ моральной буржуазностью». Почему же это такъ случилось? Потому, говорятъ Струве и иже съ нимъ, что въ капиталистическомъ мірѣ царитъ мѣщанство, «культъ довольства», которому поклоняется пролетаріатъ одинаково съ буржуазіей. Это невѣрно, возражаетъ В. Засуличъ: въ капиталистическомъ мірѣ у буржуазіи царитъ не столько «культъ довольства», сколько «*культъ наживы*»; въ пролетаріатѣ же капиталистическій строй вырабатываетъ совершенно иную психологію—«*солидарности*». Когда марксисты спорили съ народниками, послѣдніе указывали, что психологія нашего крестьянина отражаетъ *непосредственныя* условія его разнообразнаго труда въ натуральномъ хозяйствѣ, что психологія пролетаріата тоже соотвѣтственно должна отражать лишь то, что онъ есть «придатокъ къ машинѣ». Но это перенесеніе *непосредственной* связи между психологіей и характеромъ производительнаго труда съ натуральнаго быта на сложное капиталистическое общество, раздѣленное на классы, совершенно неосновательно. Еслибъ это было вѣрно, то «пролетарій оказался бы тупѣе не то, что крестьянина», а всякаго животнаго, самостоятельно добывающаго себѣ пищу. Но въ томъ-то и дѣло, что, въ отличіе отъ крестьянина, пролетарій «связанъ съ работой только тѣломъ». Это же относится и къ будущему соціалистическому строю. Утописты, прельщая высшіе классы соціализмомъ, обѣщали превращеніе труда въ наслажденіе. Основатели научнаго соціализма въ противоположность имъ утверждали, что всестороннее развитіе личности возможно лишь «за предѣлами труда для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей». Вотъ почему неосновательны предсказанія идеалистовъ. Они съ своей глубоко «аристократической», ницшеанской точки зрѣнія опасаются, что «люди превратятся въ свиней, если начнутъ ѣсть досыта». «Это такъ же вѣроятно, какъ то, чтобы выпущенная изъ клѣтки птица вдругъ... превратилась въ лягушку» [1]).

Возвратъ къ идеализму нуженъ былъ «критикамъ» Маркса для того, чтобы облегчить себѣ борьбу съ его теоріей соціальнаго развитія. Противъ этой Марксовой теоріи выступилъ Струве въ статьѣ, помѣщенной въ Braun's Archiv'ѣ. Въ защиту ея отъ нападокъ П. Струве, Г. Плехановъ помѣстилъ рядъ статей въ «Зарѣ» подъ заглавіемъ «Критика нашихъ критиковъ». Чтобы облегчить себѣ задачу «критики», П. Струве предварительно искажаетъ Маркса. Подмѣнивши противорѣчіе между производительными силами и имущественными отношеніями, о которомъ говорилъ Марксъ, противорѣчіемъ между «хозяйствомъ и правомъ», онъ вслѣдъ за Штамлеромъ доказываетъ, что это противорѣчіе легко разрѣшается постепеннымъ приспособленіемъ «права» къ «хозяйству». Г. Плехановъ, разоблачивши эту подтасовку понятій, попутно разъясняетъ точный смыслъ указаннаго выше основного положенія Марксовой соціальной теоріи. Марксъ, говоритъ Г. Плехановъ, употребляетъ часто въ одномъ смыслѣ два понятія—

---

[1]) См. В. Засуличъ. „Элементы идеализма въ соціализмѣ". „Заря" № 2—3, стр. 307, 308, 311, 312. „Заря" № 4, стр. 76, 77, 79, 80, 84.

«имущественныя отношенія» и «производственныя отношенія», но на языкѣ Маркса «производственныя отношенія» есть понятіе болѣе широкое, чѣмъ «имущественныя отношенія». Первое понятіе включаетъ въ себѣ и такія категоріи, какъ «капиталъ», «прибавочная стоимость» и т. п., и такія, какъ «организація труда» въ фабричной мастерской или мануфактурѣ, которая вовсе не является «имущественнымъ отношеніемъ». Только послѣдняго рода производственныя отношенія (организація труда въ мастерской) могутъ развиваться параллельно съ производительными силами; имущественныя же отношенія неизбѣжно раньше или позже вступаютъ въ конфликтъ съ производительными силами, въ результатѣ котораго имущественныя отношенія падаютъ вмѣстѣ со своей идеологической надстройкой—съ господствующей правовой системой. Что касается этой «надстройки»—правовой системы—то она, конечно, постоянно приспособляется къ своему «базису», къ «хозяйству», въ извѣстномъ смыслѣ этого слова. Но, чтобы опровергнуть Маркса, нужно было бы доказать другое—что именно современныя капиталистическія имущественныя отношенія постепенно и исподволь приспособляются къ росту производительныхъ силъ, что они «соціализируются», что соціальная пропасть между пролетаріатомъ и буржуазіей постепенно заполняется. П. Струве и Эд. Бернштейнъ и это пытались доказать. Но и тутъ они для облегченія своей задачи предварительно приписали Марксу то, чего онъ не утверждалъ—теорію *абсолютнаго* обнищанія пролетаріата. Отмѣтивши это новое искаженіе Маркса, Г. Плехановъ, на основаніи анализа цифровыхъ данныхъ, смыслъ которыхъ обычно искусно маскируется извѣстными статистическими пріемами, показываетъ, что во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, согласно утвержденію Маркса, наблюдается *относительное* обнищаніе пролетаріата, постепенное уменьшеніе его *доли* въ національномъ доходѣ, что неизбѣжно должно привести къ росту его возмущенія [1]). Той же защитѣ соціально-экономической теоріи Маркса отъ ревизіонистской «критики» посвящены—статья Ленина въ № 2—3 «Зари» (по вопросу аграрному) и статья Карелина (В. Засуличъ) въ № 10 и № 11 «Научнаго Обозрѣнія» 1900 г. (противъ «исправленій» марксовой теоріи стоимости). Подводя итогъ «ревизіи» ученія Маркса, которую предпринялъ П. Струве и К°, Г. Плехановъ говоритъ: «Въ результатѣ ихъ «пересмотра» получилась такая доктрина, которая, давая «положительное объясненіе» капитализму, отказывается объяснить его «неизбѣжное паденіе»... Такимъ образомъ, нашъ «нео-марксизмъ является самымъ надежнымъ оружіемъ русской буржуазіи въ борьбѣ ея за духовное господство въ нашей странѣ» [2]).

Идейная борьба русскихъ «ортодоксальныхъ» марксистовъ противъ Струве и его единомышленниковъ и по времени, и по содержанію совпадала съ борьбой международной революціонной соц.-демократіи съ бернштеніанствомъ. Но редакціи «Зари» и «Искры», для огражденія политической самостоятельности пролетаріата, приходилось вести борьбу, не только обусловленную общеевропей-

[1]) См. Г. Плехановъ. „Крит. нашихъ крит.“ „Г. П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи соціальнаго развитія“. „Заря“ № 1, стр. 87, 88, 96, 104. „Заря“ № 2—3, продолженіе.

[2]) См. Г. Плехановъ. „Крит. нашихъ крит.“ „Заря“ № 4.

скимъ такъ наз. «кризисомъ марксизма», но и спеціально русскими условіями. Ей приходилось бороться, съ одной стороны, съ «экономизмомъ», который, впрочемъ, быстро терялъ почву подъ ногами, по мѣрѣ роста политическаго возбужденія въ странѣ, съ другой,—съ революціоннымъ народничествомъ, которое столь же быстро возрождалось въ связи съ политическимъ оживленіемъ среди интеллигенціи, подкрѣпляя свои устарѣлые теоретическіе аргументы новыми, взятыми изъ арсенала «критиковъ» Маркса.

Характеристику взглядовъ этого «подновленнаго» народничества далъ Старовѣръ въ «Зарѣ» [1]). Критикѣ этихъ же взглядовъ посвящено было нѣсколько фельетоновъ Г. Плеханова подъ заглавіемъ «Пролетаріатъ и крестьянство» и много др. статей въ «Искрѣ». Дѣло, однако, было въ то время не въ эклектической народнической *теоріи*, отъ отдѣльныхъ частей которой не оставила камня на камнѣ критика марксистовъ, раньше въ борьбѣ съ Михайловскимъ, В. В. и К°, а потомъ—съ бернштейніанцами. Дѣло было въ террористической практикѣ, которая, послѣ выстрѣловъ Карповича, Балмашова и Леккерта, привлекала къ себѣ симпатіи, отвлекая соціалистическіе элементы отъ трудной и сложной работы надъ сплачиваніемъ рабочей партіи. Противъ этихъ-то террористическихъ увлеченій открыла систематическій походъ «Искра».

Что касается «экономизма», то, хотя онъ въ то время естественно вымиралъ, его критика имѣла еще тогда гораздо большее принципіальное значеніе для соц.-демократіи. Это выяснилъ П. Аксельродъ, который далъ исчерпывающую критику «экономизма» уже въ самый моментъ его зарожденія, въ 96 г., въ «Послѣсловіи» къ брошюрѣ «Объ агитаціи», и затѣмъ въ 97 г., въ письмахъ о тактикѣ. Въ своемъ «Послѣсловіи» П. Аксельродъ отмѣтилъ родственность тактики «экономизма» съ *бунтарской* тактикой бакунистовъ и общій ихъ источникъ—элементарность политическаго мышленія и «игнорированіе историческаго *движенія* буржуазнаго общества и взаимныхъ отношеній составныхъ элементовъ господствующихъ классовъ». Въ своихъ письмахъ о тактикѣ П. Аксельродъ говорилъ по поводу распространявшагося уже тогда быстро «экономизма», что ему представляются двѣ возможныя перспективы: «Либо рабочія массы не играютъ въ освободительномъ движеніи самостоятельной революціонной роли, идутъ за буржуазной интеллигенціей и сражаются за свободу не подъ собственнымъ знаменемъ, а чужимъ. Либо же соц.-демократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), а частью привлекая въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи» [2]). Отмѣченное давно П. Аксельродомъ сродство между «экономизмомъ» и бунтарствомъ въ разсматриваемый періодъ очень скоро обнаружилось, когда Б. Кричевскій, защищавшій въ «Рабочемъ Дѣлѣ» «тактику—прогрессъ» и «теорію стадій», предложилъ вскорѣ послѣ этого «въ 24 часа перемѣнить тактику» и

---

[1]) См. ст. Современная весталка. „Заря“ № 2—3.

[2]) См. „Объ агитаціи“. Послѣсловіе П. Аксельрода 1896 г., стр. 35, 36, 43 и П. Аксельродъ. „Къ вопросу о соврем. задачахъ и тактикѣ рус. соц.-демократовъ“, стр. 19, 20.

«строиться въ штурмовыя колонны». Поэтому «Искра», начавъ борьбу съ постепеновщиной «экономистовъ», скоро должна была признать ихъ основнымъ грѣхомъ—«преклоненіе передъ стихійностью». Что касается извѣстныхъ «двухъ перспективъ» П. Аксельрода, то ихъ правильность ярко подтвердилась въ мартовскіе дни 1901 г., когда рабочіе боролись подъ руководствомъ не соц.-демократіи, а студенчества, не взирая на долгую работу соц.-дем. въ рабочей средѣ. Въ разсматриваемый періодъ значеніе этихъ «двухъ перспективъ» настолько хорошо было оцѣнено передовыми соц.-демократами, что именно онѣ то и послужили исходнымъ пунктомъ всей идейной кампаніи, предпринятой «Зарей» и «Искрой», политическій смыслъ которой разъяснили на страницахъ «Зари» Г. Плехановъ въ статьѣ—«Еще разъ соціализмъ и политическая борьба» и Л. Мартовъ въ статьѣ—«Всегда въ меньшинствѣ».

Въ переходное время начала движенія девятисотыхъ годовъ русская с.-демократія въ борьбѣ съ разными идейными теченіями воздвигла прочный теоретическій фундаментъ для всей своей будущей дѣятельности. Итоги этой борьбы были закрѣплены программой, выработанной редакціей «Искры» и «Зари» и принятой на съѣздѣ Партіи въ 1903 г. Соц.-демократія «выпрямилась», вернувшись къ традиціямъ «Гр. Осв. Тр.» Однако, вскорѣ намѣтился уже новый, крутой поворотъ съ прямой дороги въ сторону, противоположную повороту 90-хъ годовъ.

Въ апрѣлѣ 1901 г. Старовѣръ, заканчивая свою статью «Что случилось?» говоритъ: «И пора бы, кажется, современному разночинцу взять опять бразды гегемоніи изъ дряблыхъ рукъ нашей маскированной демократіи... Я сказалъ бы моимъ единомышленникамъ: *выходите и выводите рабочее движеніе на широкій путь политической борьбы, никогда и ни при какихъ условіяхъ не поступайтесь своей общественной личностью, не отрекайтесь отъ славнаго прошлаго разночинной интеллигенціи*» [1]). Эти слова, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ борьбы съ «экономистами» и русскими ревизіонистами, показываютъ, что въ то время русскіе революціонные соц.-демократы еще не предвидѣли никакой опасности отъ неизбѣжнаго, впрочемъ, еще при тогдашнихъ условіяхъ господства революціонной интеллигенціи въ соціалистическомъ движеніи. Однако, скоро обнаружилось, что именно стремленіе этой интеллигенціи къ сохраненію своей «общественной личности» представляетъ опасность для руководимаго ею соц.-дем. движенія даже въ томъ случаѣ, когда она исповѣдуетъ искренне принципы революціоннаго марксизма, ибо эта «общественная личность» состоитъ въ слишкомъ близкомъ соціальномъ родствѣ съ буржуазной демократіей. Обнаружилось это въ вопросѣ о роли соц.-демократіи въ освободительномъ движеніи.

Мы говорили уже въ первой главѣ, что П. Аксельродъ, формулируя въ 90-хъ гг. тактическія задачи русской соц.-демократіи, исходилъ изъ исторической возможности гегемоніи нашего пролетаріата въ грядущей буржуазной революціи. Эта идея, въ то время не нашедшая себѣ отклика, въ началѣ искровскаго періода, въ началѣ 900-хъ гг., стала центральной идеей русской соц.-демократіи. Этому благопріятствовали условія, при которыхъ начала свою дѣя-

[1]) См. Старовѣръ. „Что случилось?“ „Заря“ № 1. стр. 73. 74.

тельность группа «Искры» и «Зари». Во 1), незадолго до этого, въ 90-хъ гг., марксизмъ, *какъ теорія*, уже фактически пріобрѣлъ гегемонію въ идейной жизни передовой интеллигенціи, и начавшаяся въ концѣ 90-хъ гг. «критика марксизма» не успѣла еще уничтожить его обаянія въ этой средѣ. Во 2), въ началѣ 900-хъ гг. соц.-демократія была единственнымъ теченіемъ, которое имѣло прочныя связи въ народныхъ пролетарскихъ массахъ, единственнымъ теченіемъ, создавшимъ уже хотя бы первоначальные элементы большой народной политической партіи. Наконецъ, группа «Искры» уже тѣмъ самымъ, что она первая взяла на себя *инициативу* систематической обличительной кампаніи противъ абсолютизма, подготовляла почву для революціонной гегемоніи пролетаріата.

Идея, возникшая въ срединѣ 90-хъ гг., начала осуществляться. Но она начала осуществляться при измѣнившихся условіяхъ, которыя неизбѣжно должны были внести нѣкоторыя важныя измѣненія въ первоначальную перспективу. Когда П. Аксельродъ писалъ въ 90-хъ гг. свои статьи о тактикѣ, марксизмъ только что завершилъ свою побѣдоносную борьбу съ народничествомъ. Когда начала издаваться «Искра», по всей линіи шла «критика Маркса», изъ которой вскорѣ вылупились два новыхъ политическихъ теченія — новая формація буржуазнаго либерализма и новая формація революціоннаго народничества. Будущіе политическіе союзники соц.-демократіи формировались, такимъ образомъ, не независимо отъ нея и рядомъ съ ней, а въ ея нѣдрахъ и въ борьбѣ съ ней, угрожая самому ея существованію. Это обстоятельство вынуждало революціонную соц.-демократію уже съ первыхъ шаговъ вести такую ожесточенную войну за вліяніе, которая угрожала оттѣсненіемъ главной очередной задачи — *совмѣстныхъ* выступленій противъ абсолютизма. Этимъ не исчерпывалась перемѣна обстановки. Когда П. Аксельродъ въ 90-хъ гг. говорилъ о возможной гегемоніи пролетаріата, онъ разсчитывалъ на затяжную предреволюціонную эпоху, на долгій процессъ политическаго воспитанія рабочихъ, на то, что *сами рабочіе*, хотя бы въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, возвысятся постепенно до руководящей роли въ революціи. Когда начала выходить «Искра», политическая атмосфера уже была насыщена революціонными бациллами, революціонныя событія быстро слѣдовали другъ за другомъ. Соотвѣтственно съ этимъ, группа «Искры», приступая спѣшно къ строенію партіи, въ основу ея клала пока по необходимости тѣ элементы, которые скорѣе и легче поддавались теоретическому воспитанію — именно профессіональныхъ революціонеровъ, преимущественно изъ интеллигенціи. *Непосредственно*, такимъ образомъ, тогда подготовлялась еще не гегемонія пролетаріата въ строгомъ смыслѣ слова, а гегемонія соц.-демократіи вообще. Партія строилась на спѣхъ подъ перекрестнымъ огнемъ, какъ бы въ обстановкѣ осаднаго положенія. Тѣмъ не менѣе «искровцы», благодаря своему идейному багажу, *въ теченіе нѣкотораго времени* сумѣли устоять противъ вліянія капризныхъ стихій и вести партію по тому курсу, который въ общихъ чертахъ намѣченъ былъ еще «Группой Осв. Тр.»

«Искра» играла роль «колокола»: она будила пролетаріатъ и демократію и революціонизировала умы. Но она дѣлала это въ ясномъ сознаніи тѣхъ препятствій, черезъ которыя невозможно перескочить, которыя должно было на дѣлѣ преодолѣть революціонное развитіе. Несмотря на быстрое наростаніе боевого на-

строенія среди рабочихъ и интеллигенціи, редакція «Искры» и «Зари» сама устояла и партію удержала отъ террористическихъ и всякаго рода революціонно-авантюристическихъ увлеченій и, насколько это возможно было путемъ одного литературнаго воздѣйствія сверху, содѣйствовала систематическому и планомѣрному воспитанію *политическаго сознанія* рабочихъ. Во имя этой задачи «Искра» обрушилась на Б. Кричевскаго, который въ статьѣ «Историческій поворотъ» призывалъ немедленно «строиться въ штурмовыя колонны». Во имя нея она подвергала критикѣ Надеждина—редактора «Свободы» и автора «Кануна революціи». Во имя нея же она вела систематическую борьбу съ соціалистами-революціонерами, проявлявшими по мѣткому выраженію постояннаго сотрудника «Искры», Троцкаго, «нервность вмѣсто тактики и благородство вмѣсто программы». Въ то же время «Искра» стремилась къ тому, чтобы борьба пролетаріата не осталась изолированной. Ни быстрое революціонизированіе рабочихъ, ни зачаточное состояніе и крайняя робость первыхъ выступленій буржуазной оппозиціи, не помѣшали искровцамъ до партійнаго раскола и даже послѣ него до 1904 г. работать надъ привлеченіемъ союзниковъ пролетаріату изъ буржуазныхъ классовъ.

«Рабочая демократія своими политическими требованіями», писалъ Н. Ленинъ въ февралѣ 1902 г., «не принципіально, а только по степени отличается отъ буржуазной демократіи... Забываютъ, что интересы самодержавія совпадаютъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и только съ извѣстными интересами имущихъ классовъ и притомъ частью не съ интересами всѣхъ этихъ классовъ вообще, а съ интересами отдѣльныхъ слоевъ ихъ. Интересы другихъ слоевъ буржуазіи, а также болѣе широко понятые интересы *всей* буржуазіи... необходимо порождаютъ либеральную оппозицію самодержавію... Именно въ силу классовой точки зрѣнія *непозволительно* соц.-демократу оставаться безучастнымъ къ недовольству и протестамъ «Стаховичей» [1]).

Исходя изъ этихъ тактическихъ принциповъ, редакція «Искры» и «Зари» первоначально оказывала техническую поддержку разрозненнымъ элементамъ буржуазной оппозиціи и даже готова была предоставлять столбцы своихъ органовъ для обличительныхъ статей буржуазныхъ публицистовъ, и П. Струве дѣйствительно помѣстилъ пару статей въ первыхъ номерахъ «Искры». Изъ этого однако не слѣдуетъ, что редакція «Искры» считала вѣроятнымъ или желательнымъ съ точки зрѣнія интересовъ революціи, чтобы соц.-демократія оставалась и впередъ *единственнымъ* центромъ освободительнаго движенія, чтобы оппозиціонная буржуазія не сложилась до революціи въ самостоятельную политическую партію.

«Наша партія»... говорилъ Г. Плехановъ въ № 1 «Зари», «возьметъ на себя *инициативу* борьбы съ абсолютизмомъ, а слѣдовательно и *гегемонію* въ этой борьбѣ... Наша партія сдѣлается центромъ, къ которому будутъ тяготѣть всѣ демократическія симпатіи и изъ котораго будутъ исходить всѣ наиболѣе крупные революціонные протесты» [2]). Но эта перспектива не исключала существованія рядомъ и другого центра тяготѣнія для болѣе умѣренныхъ элементовъ

---

[1]) См. „Искра“ № 16. „Политич. агитація и классовая точка зрѣнія“.

[2]) См. Г. Плехановъ. „Еще разъ соціализмъ и полит. борьба„. „Заря“ № 1, стр. 92.

освободительнаго движенія. Поэтому тотъ же Г. Плехановъ, заканчивая въ 1901 г. свою критику П. Струве, говоритъ по его адресу: «Теоретики нашей мелкой буржуазіи видятъ дальше и судятъ лучше, чѣмъ дѣльцы—вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикамъ нашей мелкой буржуазіи будетъ принадлежать руководящая роль въ освободительномъ движеніи нашего «средняго» класса» [1]).

Такъ же представлялось тогда взаимоотношеніе соціальной и либеральной демократіи Л. Мартову. «Для буржуазной интеллигенціи», писалъ онъ, «ея возстаніе противъ «ортодоксіи» представляется шагомъ впередъ по пути прогресса: его ближайшей цѣлью является освобожденіе радикализма отъ тѣхъ революціонныхъ элементовъ соціально-политическаго міровоззрѣнія, которые мѣшаютъ усвоенію этого міровоззрѣнія всей массой буржуазнаго общества, стоя такимъ образомъ на пути сплоченія всего этого общества въ политическую силу». «Но для тѣхъ, кто свои надежды на политическій прогрессъ Россіи пріурочиваетъ не къ обществу, а главнымъ образомъ къ пролетаріату, значеніе этой борьбы представляется въ другомъ свѣтѣ... Съ этой точки зрѣнія аттака «критической» интеллигенціи на марксистскую ортодоксію представляется дѣломъ, враждебнымъ революціи», между прочимъ потому, что она можетъ привести къ утратѣ пролетаріатомъ своей революціонной гегемоніи. Изъ этихъ словъ можно было бы вычитать отрицательное отношеніе автора къ самостоятельному политическому сплоченію буржуазіи въ современную эпоху въ какой бы то ни было формѣ. Однако авторъ это рѣшительно отвергаетъ: «Эта идейная борьба», говоритъ онъ, «должна привести къ выживанію въ каждомъ лагерѣ элементовъ наиболѣе приспособленныхъ къ данной исторической обстановкѣ, властно требующей комбинированія силъ революціонныхъ и просто оппозиціонныхъ элементовъ... Взоръ тѣхъ, кто удрученъ картиной повальнаго безлюдья въ либеральномъ лагерѣ, можетъ съ надеждой обратиться къ образу *будущихъ* русскихъ Лафайетовъ и Якоби» [2]).

Когда гипотеза редакторовъ «Искры и «Зари» стала осуществляться, осенью 1902 г., когда основанъ былъ самостоятельный либеральный «Союзъ освобожденія», когда вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что его литературный органъ, редактируемый П. Б. Струве, не столько заботился о томъ, чтобы поднять имущую буржуазную оппозицію до уровня демократическихъ задачъ русской революціи, сколько о томъ, чтобы приспособить эти задачи къ политической отсталости и трусости нашего либеральнаго общества, редакція «Искры», подвергая рѣзкой критикѣ эти оппортунистическія тенденціи, въ то же время упорно толкала либераловъ влѣво, выискивая для этой цѣли болѣе жизнеспособные элементы либерализма и ободряя ихъ своей поддержкой. Укажемъ, напр., на статьи Л. Мартова.—«Программа русскихъ либераловъ», Старовѣра.—«Еще нѣсколько словъ о дебютирующихъ либералахъ» и Ленина — «Политическая борьба и политиканство». Авторъ послѣдней статьи, между прочимъ, говоритъ: «Отъ политиканства передовой статьи («Освобожденія». А. М.) съ удовольствіемъ отдыхаешь на дальнѣйшихъ статьяхъ сотрудниковъ: г. Антона Старицкаго и еще

[1]) См. Г. Плехановъ. „Критика нашихъ критиковъ". „Заря" № 4 стр. 30

[2]) См. Л. Мартовъ. „Всегда въ меньшинствѣ". „Заря" № 2—3, стр. 183, 191, 192.

болѣе земскаго гласнаго г. Т... Г. земскій гласный *весьма* подтверждаетъ данную нами въ «Искрѣ» оцѣнку программы «Освобожденія». Больше того: его статья доказываетъ не только правильность нашей точки зрѣнія, но цѣлесообразность нашего рѣзкаго изобличенія половинчатости либерализма. Оказывается, что и въ самой земской средѣ есть люди, которымъ претитъ всякое вилянiе и которыхъ мы особенно должны стараться поддержать безпощадной критикой этого вилянія съ нашей точки зрѣнія» [1]).

Въ общемъ, тактика «Искры» разсматриваемаго періода нашла себѣ правильную оцѣнку въ письмѣ «Рабочаго юга», адресованнаго въ редакцію: «Искра» первая указала намъ, рабочимъ, что мы должны интересоваться не только однимъ рабочимъ движеніемъ, но и жизнью, и движеніемъ всего народа и общества. «Искра» первая высказала вслухъ, что въ революціи въ Россіи примутъ участіе, кромѣ рабочихъ, и крестьяне, и общество. Мы, рабочіе, не можемъ не высказать редакціи сердечную благодарность за то, что она вывела изъ узкаго круга мыслей и понятій насъ... и обратила наше вниманіе на всѣ слои общества, которые, частью, также заинтересованы въ радикальномъ измѣненіи существующаго строя. Этимъ указаніемъ «Искра» разрѣшила сомнѣнія въ возможности революціи и ободрила рабочихъ, которые почувствовали себя и сильнѣе, и не одинокими» [2]).

«Ортодоксально марксистская «Искра» шла *по* теченію, поскольку оно увлекало страну на путь революціи, *противъ* него, поскольку оно отвлекало соціалъ-демократію отъ самостоятельной пролетарской политики въ этой революціи. Однако, вліяніе самобытной исторической стихіи отсталой Россіи оказалось сильнѣе вліянія марксистскихъ идейныхъ традицій, учитывавшихъ опытъ передовыхъ странъ Запада. «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно», и по ироніи исторіи какъ разъ та борьба за самостоятельность рабочаго движенія и за гегемонію пролетаріата въ революціи, которую вела такъ упорно «Искра», послужила почвой для возникновенія новыхъ тенденцій къ растворенію классовыхъ задачъ соц.-демократіи въ демократическихъ задачахъ революціи, къ ущербу тѣхъ и другихъ. Эти новыя тенденціи возникли, благодаря отмѣченнымъ выше особеннымъ условіямъ, при которыхъ складывалась организація «Искры» и, прежде всего, благодаря «общественной личности» профессіональныхъ революціонеровъ изъ интеллигенціи, господствовавшихъ въ созидаемой «Искрой» партіи, благодаря той самой «общественной личности», о которой писалъ Старовѣръ въ своей статьѣ «Что случилось?». Наиболѣе типичнымъ выразителемъ этой «общественной личности» русскаго революціоннаго разночинца былъ Ленинъ, и потому въ его произведеніяхъ искровскаго періода сравнительно очень скоро въ идею гегемоніи пролетаріата стало вкладываться принципіально новое содержаніе.

Послѣ партійнаго раскола 1903 г. Н. Ленинъ писалъ: «Якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы, это и есть революціонный соц.-демократъ» [3]). Это якобинское толкованіе марксизма проходило уже красной нитью черезъ всю брошюру Ленина

---

[1]) См. „Искра“ №№: 23, 1 авг. 1901 г.; 24, 1 сент. 1902 г. и 26-ой, 15 окт.

[2]) См. „ Бесѣда по поводу писемъ читателей“. „Искра“ № 14.

[3]) См. Ленинъ. „Шагъ впередъ, два шага назадъ“, ст. 140.

«Что дѣлать?», написанную имъ еще въ началѣ 1902 г. и вскорѣ пріобрѣвшую огромное вліяніе на всѣхъ рядовыхъ работниковъ русской соц.-демократіи. Если тѣмъ не менѣе брошюра «Что дѣлать?», при самомъ своемъ появленіи, не вызвала сомнѣній и опасеній среди товарищей Ленина по редакціи, оставшихся вѣрными русскимъ марксистскимъ традиціямъ, то это можно объяснить только тѣмъ, что звучавшія въ ней «самобытныя» ткачевскія ноты объяснялись ими въ то время полемическимъ увлеченіемъ въ борьбѣ съ такъ наз. «экономизмомъ». И самъ Ленинъ, впрочемъ, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ «переворотѣ», который онъ совершалъ, ибо онъ на Лондонскомъ съѣздѣ партіи 1903 г., защищаясь противъ нападокъ на «Что дѣлать»?», заявилъ, что онъ вынужденъ былъ въ борьбѣ съ «экономистами» въ брошюрѣ «перегибать лукъ въ другую сторону».

Дальнѣйшее развитіе соц.-демократіи показало, однако, что дѣло тутъ было не въ полемическихъ увлеченіяхъ. Н. Ленинъ противъ практики «экономистовъ», принижавшихъ роль сознанія въ движеніи и приспособлявшихся къ отсталымъ слоямъ пролетаріата, выдвинулъ въ «Что дѣлать?» цѣлую новую теорію, которая, до извѣстной степени, реставрировала народническій взглядъ на роль личности въ исторіи: «О самостоятельно самими рабочими массами въ самомъ ходѣ ихъ движенія вырабатываемой идеологіи не можетъ быть и рѣчи», писалъ онъ; у рабочихъ «и быть *не могло* сознанія *непримиримой противоположности* ихъ интересовъ всему современному... строю», «теоретическое ученіе соц.-демократіи возникло *совершенно независимо* отъ стихійнаго роста рабочаго движенія»; «соц.-демократическое сознаніе могло быть внесено *только» изъ-внѣ* у насъ, какъ и на Западѣ, въ рабочую среду; рабочій классъ стихійно стремится лишь «къ тредъ-юніонизму»; задача соц.-демократіи заключается въ томъ, чтобы «**совлечь**» пролетаріатъ съ этого пути, по которому онъ стихійно идетъ и т. д. [1]). Эта теорія, какъ это часто бываетъ, возводила фактъ въ принципъ, возводила временное фактическое господство революц. интеллигенціи въ соц.-демократическомъ движеніи въ общій непререкаемый законъ. Такимъ образомъ, старая тенденція къ закрѣпленію отсталости рус. соц. движенія возродилась въ новой формѣ. Это сказалось также въ отношеніи автора «Что дѣлать?» къ другимъ принципіальнымъ вопросамъ. По первоначальной схемѣ русскаго марксизма важная задача привлеченія союзниковъ пролетаріату могла и должна была быть достигнута соотвѣтственной агитаціонной дѣятельностью въ самой рабочей средѣ, постепеннымъ вовлеченіемъ рабочихъ массъ въ политическую жизнь страны, постепеннымъ развитіемъ ихъ политической самодѣятельности, которое тѣмъ самымъ привлекло бы къ нимъ симпатіи союзниковъ». Этотъ путь казался слишкомъ длиннымъ и сложнымъ Ленину и его сторонникамъ. Въ виду этого, онъ въ своей брошюрѣ намѣчаетъ болѣе прямой путь къ цѣли: «Чтобы принести рабочимъ политическое знаніе», пишетъ онъ, «соц.-демократы должны итти во всѣ классы населенія—и въ качествѣ теоретиковъ, и въ качествѣ пропагандистовъ, и въ качествѣ организаторовъ». Мы «должны одновременно руководить активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ», «диктовать для нихъ положительную

[1]) См. Ленинъ „Что дѣлать"? стр. 71 и друг.

программу дѣйствій» [1]). Утопическая идея «диктованія программы», хотя бы оппозиціоннымъ, но все же антагонистическимъ элементамъ общества единымъ центромъ могла возникнуть только въ отсталой обстановкѣ крайне недифференцированной политической жизни и только въ головахъ революціонной интеллигенціи, существующей какъ бы внѣ классовъ и надъ классами. По мѣрѣ же развитія неизбѣжной политической дифференціаціи это стремленіе должно было привести и дѣйствительно привело къ двойному результату: съ одной стороны, стиралась грань между различными революціонными элементами, которые временно выдвигали болѣе или менѣе общую программу дѣйствій и выставляли болѣе или менѣе однородныя политическія требованія; съ другой, совершенно скидывались со счета революціи и зачислялись въ сплошную реакціонную массу тѣ буржуазные элементы, которые подъ этой единой программой не могли или не хотѣли подписаться. Задача привлеченія союзниковъ такимъ способомъ неизбѣжно должна была превратиться въ свою противоположность—въ ихъ отталкиваніе.

Весь этотъ продуктъ подпольнаго кружковаго мышленія вѣнчался задачей «подготовки, назначенія и проведенія всенароднаго вооруженнаго возстанія» [2]), причемъ, соотвѣтственно крайнему упрощенію всей политической перспективы, и эту задачу предполагалось осуществить весьма простымъ методомъ. Въ другой брошюрѣ Ленина, появившейся въ то же приблизительно время, авторъ говоритъ: «Наладить, организовать дѣло быстрой и правильной передачи литературы, листковъ, прокламацій и пр., пріурочить къ этому цѣлую сѣть агентовъ, это значитъ сдѣлать *большую* половину дѣла по подготовкѣ въ будущемъ демонстраціи или возстанія» [3]).

Всѣ эти взгляды формулированы были впервые Ленинымъ; но они не остались его индивидуальными взглядами. Отражая чрезвычайно неразвитыя общественныя отношенія, въ обстановкѣ которыхъ въ 900-хъ г.г. быстро надвигались революціонныя событія, они нашли себѣ живой откликъ и съ каждымъ днемъ пріобрѣтали все большую популярность въ соц.-демократической аудиторіи. Такимъ образомъ, новый крупный шагъ впередъ въ развитіи русской соц.-демократіи былъ купленъ цѣной новаго поворота—къ *бланкизму*.

Сова Минервы вылетаетъ ночью, и указанная бланкистская тенденція привела къ расколу партіи на двѣ части—«большинство» и «меньшинство», какъ разъ на съѣздѣ 1903 г., какъ разъ въ тотъ моментъ, когда искровцамъ, строившимъ партію, казалось, что ихъ трехлѣтней борьбой съ оппортунизмомъ достигнуто было, наконецъ, полнѣйшее идейное единомысліе въ соц.-демократіи. Расколъ произошелъ исключительно по организаціонному вопросу и только впослѣдствіи для обѣихъ сторонъ выяснилось, что подъ организаціоннымъ разногласіемъ скрывалось глубокое расхожденіе по принципіальнымъ политическимъ вопросамъ. Въ задачу настоящей статьи не входитъ описаніе борьбы между

---

[1]) Ibid стр. 59, 61, 64.

[2]) Ibid. стр. 136.

[3]) См. Ленинъ. „Письмо къ товарищу о нашихъ организаціонныхъ задачахъ", стр. 11, курсивъ автора.

«большевиками» и «меньшевиками», заполнявшую идейную жизнь соц.-демократической партіи отъ 1903 г. по настоящій день. Отмѣтимъ лишь, что «меньшевики», при своихъ тактическихъ построеніяхъ, держались тѣхъ вѣхъ, которыя въ общихъ чертахъ намѣчены были еще «Гр. О. Т.» въ 90-хъ г.г. и которыя правильно опредѣляли общее направленіе и конечныя тенденціи русскаго револ. развитія; «большевики» же, болѣе чувствительно отражавшіе «вѣяніе времени», больше приспособлялись къ тому зигзагу, который стихійно продѣлало это развитіе въ истекшемъ періодѣ. Благодаря этому, «большевики», подчиняясь логикѣ революціоннаго интеллигентскаго подполья, начавши съ гегемоніи «профессіональныхъ революціонеровъ» и съ технической подготовки возстанія изъ единаго центра, пришли къ истребительной войнѣ съ буржуазнымъ либерализмомъ, какъ съ контръ-революціонной силой, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ началъ, наконецъ, складываться въ оппозиціонную политическую партію.

Подчиняясь той же логикѣ, они пришли къ сближенію съ соц.-революціонерами, которыхъ старые искровцы честили «революціонными авантюристами», и къ идеѣ «диктатуры пролетаріата и крестьянства». Союзъ между соц.-демократами и либералами для борьбы съ народничествомъ, который *фактически* заключенъ былъ въ серединѣ 90-хъ годовъ, въ слѣдующее десятилѣтіе смѣнился, такимъ образомъ, фактически союзомъ между соц.-демократами большевистскаго толка и революціонными народниками для борьбы съ либералами. Это былъ съ внѣшней стороны поворотъ въ 180°. Въ дѣйствительности, какъ мы говорили вначалѣ 2-ой главы, оба эти теченія—«экономизмъ» 90-хъ г.г. и «большевизмъ» 900-хъ, имѣютъ много родственнаго и одинаково свидѣтельствуютъ объ отсталости русскихъ общественныхъ отношеній, дѣлающихъ особенно затяжными и мучительными роды русскаго буржуазнаго строя.

А. Мартыновъ.

БИБЛІОТЕКА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Т-ВА ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА
СПБ., Большая Подъяческая, 39.

Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ.
Подъ ред. А. И. Кастелянскаго.

Содержаніе: Кастелянскій. Предисловіе. Ч. 1-я **Австро-Венгрія.** Шпрингеръ. Политическая эволюція національностей въ Австро-Венгріи. Нѣмецко-чешская борьба. Фишель. **Нѣмцы.** Горачекъ. **Чехи.** Польско-украинская борьба. Василевскій. **Поляки.** Проф. М. Грушевскій. **Украинцы.** Ахеръ. **Евреи.** Питтони. **Итальянцы.** Кристанъ. **Южные славяне.** I. Крокъ. Южные славяне. II. Троймундъ. **Нѣмцы въ Венгріи.** Куна. **Словаки.** Ч. 2-я. Россія Финляндія. Славинскій. Національная структура Россіи и великоросы. Недержавныя національности и первые этапы національнаго строительства. Проф. Грушевскій. **Украинцы.** Крижанецкій. **Поляки.** I. Рёмеръ. Поляки. II. Новина. **Бѣлоруссы.** Дубновъ. **Евреи.** Бухаттъ. **Литовцы.** Петерсонъ. **Латыши.** Аваловъ. **Грузины. Армяне.** На зарѣ національной эволюціи. Штернбергъ. **Инородцы.** Букейхановъ. **Киргизы.** Штернбергъ. **Буряты.** Цюльстромъ. **Финляндія.** Ч. 3-я. Германія. Мархлевскій. **Поляки въ Пруссіи.** Гановеръ. **Датчане.** Пасманикъ. **Сіонизмъ.** Водовозовъ. Національность и пролетаріатъ. Вл. Меденъ. Національное движеніе и національныя соціалистическія партіи въ Россіи. Пернерсторферъ. Національный вопросъ и соціалъ демократія въ Австріи. Ц. 7 р. 50 к.

АКСЕЛЬРОДЪ, И. Рабочій классъ и революціонное движеніе въ Россіи. Ц. 40 к.
АРИСТОТЕЛЬ. ЭТИКА. Переводъ Радлова. Ц. 1 р. 50 к.
БЕЛЬТОВЪ, Н. (Г. Плехановъ). Къ вопросу о развитіи монист. взгляда на исторію. Ц. 1 р. 25 к.
— Критика нашихъ критиковъ. Ц. 2 р.
БЕЛЬТОВЪ. За двадцать лѣтъ. Изд. 3-е. Ц. 3 р.
Бауэръ. Національный вопросъ и соціалъ-демократія. Ц. 3 р.
ВЕББЪ и КОКСЪ. 8-ми-часовой рабочій день. 2-е изд. 1 р. 25 к.
ВЕББЪ, С. Соціализмъ въ Англіи Ц. 1 р.
ГЕФФДИНГЪ, Г. Проф. Философія религіи. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к.
ДАВИДЪ, Э. Соціализмъ и сельское хозяйство. **2-е испр. изд. Ц. 2 р. 50 к.**
ЗЕЛИГМАНЪ. Основы политической экономіи. Ц. 3 р.
КАУТСКІЙ, К. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Т. I. Изд. II. Ц. 2 р.
— Изъ исторіи общественныхъ теченій. Т. II. Изд. II-е. Ц. 1 р. 50 к.
КОНШТЕДТЪ. Аграрный вопросъ въ германск. соціалъ-демократіи съ прилож. статьи К. Каутскаго. Ц. 75 к.
ЛАФАРГЪ. Собственность и ея происхожденіе Ц. 50 к.
ЛЕРУА. Эволюція государственной власти. (Синдикаты чиновниковъ). Ц. 70 к.
ЛЕСКЮРЪ. Общіе и періодическіе промышленные кризисы. Ц. 2 р. 50 к.
ЛОУ, С. Государственный строй Англіи. Пер. съ англ. Ц. 1 р. 50 к.
ЛУИ, ПОЛЬ, Рабочій и государство. Ц. 1 р. 50 к.
МАЧИНСКІЙ, (Мечъ). О человѣческой культурѣ. Ц. 1 р.
Писарева, А. Краткій курсъ русской исторіи для самообр. Ч. I Ц. 40 к.
ПИСЬМА МАРКСА Энгельса и др. къ Зорге и др. Пер. подъ редакц. и съ предисловіемъ Аксельрода. 2 р.
ПОЛЯНСКІЙ, Н. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. Ц. 1 р. 50 к.
ПАЖИТНОВЪ, К. А. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. 2-е изд. Ц. 1 р.
ПАЖИТНОВЪ, К. Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго вопроса въ Россіи. Ц. 75 к.
СУВИРОВЪ, И. Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ З. Евр. Ц. 75 к.
Тотоміанцъ. Сельскохозяйственная кооперація, очерки съ прилож. образцовыхъ уставовъ. Ц. 2 р.
ШПРИНГЕРЪ, Р. Національная проблема (Національн. борьба въ Австріи). Ц. 2 р.
ФИЛОСОФІЯ въ систематическомъ изложеніи В. Дильтея, А. Риля, В. Оствальда, В. Вундта, Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Тюнка, Т. Липпса. Перев. со 2-го нѣмец. изд. Ц. 3 р.
Форъ. Міровая скорбь. Ц. 1 р.
ФУЛЬЕ. Ницше и имморализмъ. Ц. 1 р. 50 к.
ЭНГЕЛЬСЪ, Ф. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Ц. 1 р.

Складъ выполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ. Заказы высылаются нал. плат. Каталоги по требованію безплатно.